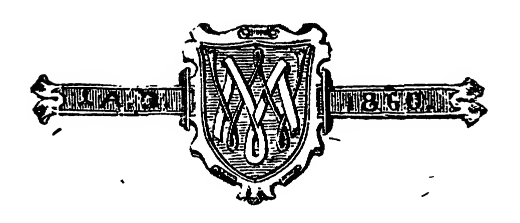
ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

ТОМЪ IV.

ВТОРОЕ, ОБЩЕДОСТУПНОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.*

МОСКВА, *Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.*

1870.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, № 59).

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

III. Время Крестовыхъ походовъ.

V. Англія и Франція въ первой половинѣ XV столѣтія.

VI. Исторія Бургундіи, Швейцаріи, Германіи и Франціи во второй половинѣ XV столѣтія.

VII. Исторія Англіи отъ битвы при Нортемитонѣ до окончанія войны алой и бѣлой розы.

VIII. Культура и литература нѣмцевъ, итальянцевъ и французовъ во второй половинѣ XV и въ первыхъ годахъ XVI ст.

ИСТОРІЯ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

Исторія XVI столѣтія.

V. АНГЛІЯ И ФРАНЦІЯ

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XV СТОЛѢТІЯ.

---

1. Франція въ концѣ XIV столѣтія.

Въ исходѣ XIV столѣтія Англія и Франція страдали отъ внутреннихъ смутъ и безпрерывныхъ войнъ между собой. Въ этихъ войнахъ англичане пріобрѣли большую военную славу, но принуждены были возвратить французамъ большую часть своихъ французскихъ владѣній. Наконецъ воюющія стороны заключили перемиріе и потомъ нѣсколько разъ отсрочивали его окончаніе вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ, возбужденныхъ во Франціи малолѣтствомъ Карла VI, а въ Англіи неспособностью Ричарда II (т. III, стр. 401—423). Въ концѣ XIV столѣтія оба короля лично вступили въ управленіе; но положеніе дѣлъ въ обоихъ государствахъ нисколько не измѣнилось; ни Карлъ VI, ни Ричардъ II не могли обуздать анархіи.

Въ 1388 г. Карлъ VI вышелъ изъ-подъ опеки герцоговъ беррійскаго, бургундскаго и бурбонскаго и сталъ самъ управлять государствомъ, при содѣйствіи учрежденнаго имъ государственнаго совѣта. Пріученный съ юности къ роскоши, пиршествамъ, забавамъ и разврату, онъ велъ такой же образъ жизни и на престолѣ. Фруассаръ и другіе лѣтописцы того времени, говоря о началѣ его царствованія, только и упоминаютъ о страшно дорогихъ, но большею частью лишенныхъ всякаго изящества празднествахъ и увеселеніяхъ, длившихся иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Въ Парижѣ, Тулузѣ, Монпеллье, словомъ вездѣ, гдѣ были свѣтскія дамы, Карла называли возлюбленнымъ. Онъ былъ неутомимъ на многочисленныхъ празднествахъ, устраивавшихся по случаю его коронованія. Его бракъ съ Изабеллою Баварскою праздновался съ необыкновенною пышностью. Женитьба его брата Людовика Орлеанскаго на Валентинѣ Висконти, принесшей въ приданое графство Асти и капиталъ, казавшійся огромнымъ при тогдашнемъ безденежьи Франціи сравнительно съ Италіей (стр. 440), тоже сопровождалась великолѣпными пирами во французскомъ и итальянскомъ вкусахъ. Поѣздка Карла въ южную Францію, пожалованіе Прованса въ ленное владѣніе его двоюроднымъ братьямъ—Людовику и Карлу Анжуйскимъ, торжественныя похороны Бертрана дю Геклена и множество другихъ случаевъ были точно также поводомъ къ нескончаемымъ увеселеніямъ, длившимся цѣлые дни и ночи. Такая жизнь гибельно дѣйствовала на слабый организмъ молодаго Карла, разстроенный еще съ малолѣтства, и расположила его къ обнаружившемуся вскорѣ сумасшествію. Болѣзнь была вызвана чисто случайнымъ обстоятельствомъ, бывшимъ въ связи съ отношеніями короля къ Бретани. Долгая распря его за Бретань кончилась договоромъ (т. III. стр. 422), по которому герцогъ бретанскій Жанъ де Монфоръ, поддерживаемый англійскимъ королемъ, обязался уплатить любимцу и полководцу Карла, коннетаблю Оливье дю Клиссону, около 100 тысячъ экю и вознаградить его зятя, герцога пантьеврскаго, за Бретань, на которую онъ изъявлялъ притязаніе. Но Монфоръ не выполнилъ своихъ обязательствъ и кромѣ того присвоилъ себѣ противъ воли

Карла нѣкоторыя королевскія права. Герцогамъ бургундскому и беррійскому, возвратившимся въ 1391 г. ко двору по случаю перваго, непродолжительнаго припадка помѣшательства Карла, удалось было примирить въ Турѣ Монфора съ коннетаблемъ, котораго они впрочемъ не любили за его вліяніе на короля; но въ слѣдующемъ же году вражда ихъ возобновилась по поводу покушенія на жизнь дю Клиссона, въ которомъ обвиняли герцога бретанскаго. Одинъ изъ приближенныхъ герцога, богатый и грубый бретанскій дворянинъ Пьеръ де Краонъ, смертельно ненавидѣлъ коннетабля и, надѣясь на покровительство герцога, рѣшился убить врага. Онъ спряталъ въ своемъ парижскомъ отелѣ шайку преданныхъ ему людей, испытанныхъ имъ на войнѣ и въ грабежѣ, и велѣлъ имъ ночью напасть на дю Клиссона, который долженъ былъ возвращаться съ шумнаго королевскаго праздника. Свита коннетабля была разсѣяна, а онъ самъ упалъ замертво, покрытый ранами. Его перенесли въ ближайшую булочную и о происшествіи увѣдомили уже спавшаго короля, который немедленно поспѣшилъ къ другу. Фруассаръ, по своему обыкновенію, разсказываетъ ихъ свиданіе въ формѣ разговора, драматически передающаго гнѣвъ короля на де Краона и дружбу его къ коннетаблю. «Какъ вы себя чувствуете, коннетабль?» говоритъ король у Фруассара. «Плохо, государь (petitement et faiblement, Sire)», отвѣчаетъ коннетабль. «Кто же довелъ васъ до такого состоянія?» — «Пьеръ де Краонъ съ сообщниками, измѣннически и не давъ мнѣ возможности защищаться (traitreusement et sans nulle défense)».—Послѣ нѣсколькихъ другихъ вопросовъ и отвѣтовъ, разговоръ кончается словами короля: «заботьтесь теперь только о себѣ и не думайте ни о чемъ другомъ. Еще никто не наказывался такъ жестоко, какъ поплатятся теперь виновные; это ужь мое дѣло! (Car oncque délit ne fut si cher amendé sur les traitres comme celui-ci sera, car la chose est mienne)». Пьеру де Краонъ удалось скрыться въ Бретань, но его богатыя помѣстья, парижскій отель и всѣ найденныя въ немъ деньги и драгоцѣнности были конфискованы; улицу въ Парижѣ, носившую его имя, переименовали въ улицу негодяевъ (des mauvais garçons), а герцогу бретанскому, укрывшему его, король грозилъ войною. Герцогъ отрекался отъ всякаго участія въ дѣлѣ и увѣрялъ, что не знаетъ убѣжища де Краона; но Фруассаръ выставляетъ его главнымъ виновникомъ преступленія. Держась своей обычной разговорной формы, лѣтописецъ заставляетъ его воскликнуть въ разговорѣ съ Пьеромъ де Краономъ при извѣстіи, что коннетабль живъ: «что вы за дрянь (un chétif); не съумѣли убить (occire) человѣка, надъ которымъ уже одержали верхъ (auquel vous étiez dessus)». «Это дѣло дьявола», отвѣчаетъ Краонъ, «должно быть, его защищали и спасли отъ меня и моихъ людей всѣ дьяволы ада, которому онъ принадлежитъ; мы нанесли ему болѣе шестидесяти ударовъ шпагами и ножами (que tous les diables de l'enfer, à qui il est, l'ont gardé et delivré des mains de moi et de mes gens, car il eut lancés et jettés sur lui plus de soixante coups d'épée et de couteaux)». Ходилъ слухъ, что оба дяди короля, герцоги бургундскій и беррійскій, находившіеся въ то время въ Парижѣ и завидовавшіе вліянію коннетабля, знали заранѣе о покушеніи на его жизнь; по крайней мѣрѣ оба они, а въ особенности Филиппъ Бургундскій, грозили местью всѣмъ, кто сталъ бы помогать королю противъ герцога бретанскаго. Вопреки общему нежеланію, Карлъ назначилъ походъ противъ герцога, приказалъ вассаламъ и рыцарямъ собраться въ Мансъ къ 5 августа 1392 г. и рѣшился лично предводительствовать войскомъ, не смотря на сильные жары и очевидные признаки готовившейся въ немъ болѣзни. Одѣтый, не смотря на палящій зной, въ теплое бархатное платье и въ полномъ боевомъ вооруженіи, онъ выступилъ въ назначенный день. Когда войско вошло въ небольшой лѣсокъ, лежавшій близъ Манса, на короля внезапно бросился сумасшедшій и, схвативъ лошадь за поводья, закричалъ: «Король, не ѣзди дальше, воротись, тебѣ измѣнили! (Rois, ne chevauche plus avant, mais retourne, car tu es trahi)». Его тотчасъ же отогнали, но появленіе его было до того неожиданно и страшно, что вызвало у короля припадокъ сумасшествія. Онъ сначала впалъ въ забытье; когда же, по выходѣ изъ перелѣска на открытое мѣсто, одинъ изъ солдатъ его свиты нечаянно стукнулъ копьемъ о шлемъ товарища, королемъ овладѣлъ такой порывъ бѣшенства, что свитѣ и даже его брату герцогу Орлеанскому грозила серьезная опасность. Не смотря на предостереженіе герцога бургундскаго, долго не рѣшались схватить короля. (Fuyez, beau neveu

d'Orléans, monseigneur vous veut occire: haro le grand méchef! monseigneur est tout devoyé; dieu, qu'on le prenne). Наконецъ Карла схватили и отвезли въ Мансъ въ каретѣ, запряженной быками. Походъ въ Бретань не состоялся.

Управленіе опять перешло въ руки герцоговъ бургундскаго и беррійскаго; и для Франціи начался длинный рядъ бѣдствій, вслѣдствіе распри герцоговъ съ братомъ короля Людовикомъ Орлеанскимъ, достигшимъ 20-ти лѣтняго возраста и изъявлявшимъ притязанія на регентство. Вначалѣ эти притязанія не имѣли большаго значенія, потому что Карлъ вскорѣ пришелъ въ себя; но припадки помѣшательства случались съ нимъ еще до происшествія въ Мансѣ, и каждую минуту можно было опасаться возобновленія болѣзни, тѣмъ болѣе, что для охраненія короля отъ внезапнаго испуга не принималось никакихъ мѣръ предосторожности. И дѣйствительно, едва онъ оправился и вступилъ въ управленіе, какъ одна изъ нелѣпыхъ забавъ рыцарскаго и до невѣроятности легкомысленнаго двора вызвала новый припадокъ сумасшествія, почти не оставившій надежды на выздоровленіе. На маскарадъ, бывшій по поводу какой-то свадьбы, король и пять придворныхъ нарядились медвѣдями, прикованными другъ къ другу. Шкуры были сдѣланы очень неискусно изъ осмоленнаго полотна, покрытаго пучками шерсти или пакли, и потому къ нимъ было запрещено приближаться съ огнемъ; но герцогъ Орлеанскій не остерегся и подошелъ къ группѣ медвѣдей съ факеломъ; отъ упавшей искры огонь охватилъ ихъ всѣхъ. Четверо изъ придворныхъ, представлявшихъ медвѣдей, погибли въ страшныхъ мученіяхъ; пятый, оторвавшись отъ цѣпи, бросился въ чанъ съ водою, стоявшій въ буфетѣ; а король спасся только благодаря присутствію духа герцогини беррійской, которая набросила на него свой плащъ и этимъ погасила огонь. Карлъ скоро совсѣмъ оправился отъ испуга, такъ что его дяди, желая доказать англичанамъ, что его припадокъ сумасшествія прошелъ, пригласили его въ Аббевилль, гдѣ велись ими лично переговоры съ дядями англійскаго короля о продолженіи перемирія. Но вскорѣ новый припадокъ лишилъ его разсудка на семь мѣсяцевъ (до января 1394 г.). Регентствомъ опять завладѣлъ Филиппъ Бургундскій; вслѣдствіе того между нимъ и братомъ короля, герцогомъ Орлеанскимъ, возникла распря, раздѣлившая все французское дворянство на двѣ враждебныя партіи, какъ въ то же время Германія была раздѣлена на два лагеря споромъ объ избраніи императора. Положеніе Франціи было тѣмъ печальнѣе, что Карлъ въ теченіе 30 слѣдующихъ лѣтъ своего царствованія не былъ постоянно неспособенъ къ управленію, но отъ времени до времени приходилъ въ себя. Хорошо еще было для Франціи, что въ первое время не возобновлялась война съ герцогомъ бретанскимъ и что англійскій король Ричардъ II не имѣлъ ни силы, ни охоты снова начать военныя дѣйствія противъ французовъ. Герцогъ бретанскій совершенно примирился съ дю Клиссономъ и удалилъ отъ себя ненавистнаго всѣмъ Пьера де Краона, приговореннаго парламентомъ къ легкому наказанію и потомъ снова вернувшагося въ Парижъ. Около того же времени Ричардъ II Англійскій взялся самъ за управленіе (т. III, стр. 419) и сдѣлался почти независимъ отъ олигарховъ. Народъ боялся аристократическаго управленія надменныхъ бароновъ гораздо болѣе, чѣмъ тираніи молодаго короля, бывшаго до тѣхъ поръ рабомъ олигарховъ; онъ совершенно подчинился Ричарду, но вскорѣ пострадалъ отъ его непонятнаго юношескаго легкомыслія. Ричардъ два раза отсрочивалъ окончаніе перемирія съ Франціей и, чтобы совсѣмъ сблизиться съ нею, посватался по смерти своей жены за дочь Карла VI Изабеллу, бывшую тогда еще ребенкомъ. Ее повезли воспитывать въ Англію, но предположенный бракъ не состоялся, какъ увидимъ впослѣдствіи.

2. Англія въ послѣдніе годы царствованія Ричарда II и при Генрихѣ IV.

Волненія, вызванныя въ Англіи уиклефитами и лоллардами (т. III, стр. 418), и жестокія преслѣдованія этихъ сектъ продолжались и при Ричардѣ II. Парламентъ, не вмѣшиваясь прямо во внутреннія дѣла церкви и не касаясь ея догматовъ, положилъ однако предѣлъ злоупотребленіямъ, прекратить которыя не могли и не хотѣли соборы. Въ этихъ мѣрахъ парламента принималъ большое участіе

покровитель Уиклефа и его послѣдователей — герцогъ глостерскій, сначала отстраненный королемъ отъ дѣлъ, но потомъ снова призванный въ королевскій совѣтъ. Подъ его вліяніемъ и при содѣйствіи короля, англичанамъ удалось избавиться отъ притѣсненій римскаго духовенства, тяготѣвшаго надъ Германіей вплоть до XVI столѣтія, вслѣдствіе ея нелѣпой системы противодѣйствовать римскимъ притязаніямъ одними соборами, на которыхъ предсѣдательствовалъ самъ папа. Французы тоже только послѣ базельскаго собора послѣдовали примѣру англичанъ и своими собственными національными законами оградили себя отъ папскаго вмѣшательства въ ихъ свѣтскія дѣла. — Еще въ 1360 г. англійскій парламентъ принялъ нѣсколько биллей противъ папскихъ провизій (т. III, стр. 586), а въ 1390 и 91 г. запретилъ англичанамъ, подъ страхомъ лишенія имущества и жизни, принимать отъ иностранцевъ церковныя имѣнія, управлять ими за иностранцевъ и высылать деньги изъ государства. Бонифацій IX не только не обратилъ вниманія на это постановленіе, но черезъ два года пожаловалъ одному итальянскому кардиналу богатый приходъ, уже отданный королемъ англичанину, и грозилъ послѣднему отлученіемъ отъ церкви. Нижняя палата объявила это распоряженіе нарушающимъ права короны и обѣщала королю самую энергическую поддержку; то же рѣшеніе приняла и верхняя палата. Тогда былъ изданъ такъ называемый статутъ Praemunire или постановленіе относительно провизій и о мѣрахъ къ устраненію римскаго вмѣшательства, — статутъ, до сихъ поръ считаемый въ Англіи однимъ изъ основныхъ государственныхъ и церковныхъ законовъ. Имъ постановлялось, что всякій, кто получитъ или станетъ просить отъ римскаго двора или отъ кого бы ни было отлученія, грамоты, буллы, перемѣщенія и т. п., которыми нарушались бы права короны (regality) или оскорблялось бы королевское достоинство, или кто явится съ ними въ королевство, приметъ ихъ, передастъ въ Англіи или предъявитъ ихъ внѣ ея другому лицу, лишается вмѣстѣ съ своими нотаріусами, уполномоченными, пособниками, сообщниками и совѣтниками, королевской защиты, имущества и владѣній (chattels), помѣстій и леновъ, и долженъ быть немедленно арестованъ. Утвержденіе этого важнаго статута верхнею палатою послѣдовало, разумѣется, не въ обычной формѣ, и папы продолжали раздавать имѣнія и приходы, но имъ приходилось быть крайне осторожными, потому что распоряженія ихъ только тогда достигали своей цѣли, когда противъ нихъ ничего не имѣлъ король; въ противномъ случаѣ примѣнялся статутъ.

Ричардъ искренно желалъ мира съ Франціей; ему нравились французскіе нравы, и образъ жизни обоихъ королей такъ мало отличался одинъ отъ другаго, что, читая описанія пышныхъ празднествъ, турнировъ, игръ, танцевъ англійскаго двора, можно подумать, что дѣло идетъ о дворѣ Карла VI. Послѣ нѣсколькихъ отсрочекъ перемирія, каждый разъ на короткое время, Ричардъ рѣшился наконецъ заключить миръ или по крайней мѣрѣ продолжительное перемиріе, а сдѣлавшись вдовцомъ (1394 г.), хотѣлъ даже породниться съ французскимъ королемъ женитьбою на его дочери. Два старшихъ дяди короля, герцоги ланкастерскій и іоркскій, были тоже расположены къ миру, но третій — герцогъ глостерскій не хотѣлъ и слышать о немъ. Во Франціи, Карлъ и его любимцы также были противъ мира, но въ пользу его дѣйствовалъ герцогъ бургундскій и успѣлъ склонить на свою сторону и герцога беррійскаго. Они вступили, какъ мы уже говорили (стр. 3), въ личные переговоры съ герцогами ланкастерскимъ и іоркскимъ (1393 г.) и по этому поводу пригласили въ Аббевилль и Карла; но имъ удалось только продолжить перемиріе на годъ, потому что король снова впалъ въ сумасшествіе. Переговоры, завязанные въ слѣдующемъ году (1394 г.), опять остались безуспѣшными. Наконецъ дѣло сладилось съ помощью одного отшельника. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія какъ характеристическая черта нравовъ и религіи того времени. Отшельникъ помогъ только настроить народъ; герцоги ланкастерскій, іоркскій и глостерскій отлично понимали, что это за святой. Онъ былъ дворянинъ изъ Ко (Caux), ходилъ на поклоненіе въ Палестину и по возвращеніи жилъ отшельникомъ, называясь Робертомъ Пустынникомъ. Его приняли при французскомъ дворѣ какъ оракула. Онъ утверждалъ, что во время его странствія ему представилось свѣтлое какъ кристалъ видѣніе и дало ему слѣдующее политическое порученіе: «Скажи французскому королю, чтобы онъ согласился на миръ

съ своимъ противникомъ, англійскимъ королемъ Ричардомъ, и онъ послушаетъ тебя. Тѣ же, которые будутъ противиться миру и станутъ требовать войны (намекъ на герцога глостерскаго), дорого поплатятся еще при жизни. (Tous ceux qui contradiront à la paix et aux traités et soutiendront la guerre, le comparéront chèrement en leur vivant). Исполнивъ порученіе у Карла, Робертъ отправился съ французскимъ посольствомъ въ Англію. Ричардъ и герцоги ланкастерскій и іоркскій признали святость его миссіи, но герцогъ глостерскій долго не хотѣлъ ничего и слышать о немъ; наконецъ и онъ согласился на миръ. Тогда всѣ три дяди короля Ричарда отправились во Францію и, сойдясь въ Лелингенскомъ монастырѣ съ герцогами бургундскимъ и беррійскимъ, продолжили перемиріе до Михайлова дня 1398 г. Вслѣдъ за заключеніемъ перемирія, а именно въ 1395 году, чрезъ годъ послѣ смерти жены, Ричардъ сдѣлалъ шагъ къ болѣе тѣсному сближенію съ французскимъ дворомъ. Къ союзу съ Франціей его побуждали непріязненныя отношенія къ аристократіи и ея предводителямъ — своимъ дядямъ, и неудовольствіе противъ него прочихъ сословій, вызванное его постоянною нуждою въ деньгахъ, для удовлетворенія которой онъ прибѣгалъ къ насильственнымъ займамъ у нихъ и даже отнялъ однажды у жителей Лондона на нѣсколько времени ихъ привилегіи (charter) за отказъ ссудить ему 1000 фунтовъ. Онъ отправилъ во Францію посольство просить руки семилѣтней дочери Карла, Изабеллы, не смотря на то, что вся Англія противилась этому браку. Однимъ изъ главныхъ поводовъ къ этому браку была съ его стороны надежда получить богатое приданое, и потому посольству было поручено добиваться сначала 2 милліоновъ кронъ, потомъ спустить до $1^1/_2$ милл., и наконецъ остановиться на 1 милл. Французы согласились на бракъ, не смотря на возрастъ невѣсты, и рѣшились отпустить ее немедленно въ Англію, но ограничили приданое 800 тыс. кронъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они выговорили себѣ продолженіе перемирія на 25 лѣтъ. Отвѣтъ, которымъ ребенку велѣли изъявить согласіе на бракъ, могъ показать англичанамъ, что ихъ будущая королева не уступитъ Ричарду въ роскоши и мотовствѣ (S'il plait à dieu et à monseigneur mon père, que je sois reine d'Angleterre, je le verrai volontiers, car je serois une grande dame). Весною 1396 г. перемиріе и брачный договоръ были утверждены, и по этому случаю произошло свиданіе обоихъ королей, на которомъ присутствовали герцоги ланкастерскій, глостерскій, беррійскій и бургундскій. Это свиданіе — съ пирами и разнаго рода увеселеніями — стоило расточительному Ричарду 300 тыс. серебряныхъ марокъ, то есть гораздо больше приданаго невѣсты, служившаго между тѣмъ предметомъ долгихъ переговоровъ. Изъ этого можно видѣть, какъ дорого обходилась королямъ и народамъ тяжелая необходимость содержать, угощать и одаривать дворянство и рыцарство, замѣнявшія въ то время постоянныя войска. Такъ, напримѣръ, двухъ англійскихъ посланниковъ, ѣздившихъ въ Парижъ сватать короля, сопровождали 1,200 рыцарей, которыхъ французскій король долженъ былъ содержать и увеселять на свой счетъ во все время ихъ пребыванія во Франціи. При свиданіи обоихъ королей присутствовалъ и герцогъ бретанскій, незадолго предъ тѣмъ женившійся на другой дочери Карла. Нуждаясь въ деньгахъ, Ричардъ уступилъ ему тогда городъ Брестъ за 120 т. золотыхъ франковъ. Это возбудило такое неудовольствіе въ Англіи, что онъ выполнилъ обязательство только тогда, когда французскій король вступился за герцога. Тогда же былъ уступленъ англійскимъ королемъ и Шербургъ.

Раздраживъ народъ продажею Бреста и Шербурга, Ричардъ въ то же время озлобилъ и дворянство произвольными поборами подъ видомъ займовъ. Во всемъ государствѣ не было пера, прелата, дворянина или богатаго горожанина, у котораго онъ не занялъ бы сколько-нибудь денегъ. Добытыя такимъ образомъ суммы шли на угощеніе высшей знати и на поддержаніе придворнаго блеска. Наконецъ расточительность короля дошла до того, что нижняя палата обратилась къ палатѣ лордовъ съ просьбою убѣдить короля въ необходимости ограничить свои расходы. Народные представители не только не достигли цѣли, но еще были принуждены послать въ верхнюю палату депутатовъ съ извиненіями въ своей дерзости. Имъ объявили, что они не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ королевскіе расходы, пока съ нихъ не требуютъ новыхъ податей. Духовнаго Ѳому Гексея, предложившаго этотъ билль, подвергли суду по обвиненію въ го-

сударственной измѣнѣ; однако потомъ его простили. Эта попытка доказала, что не было никакой надежды устранить зло мирнымъ путемъ, и негодованіе противъ короля возрасло, хотя и принуждено было таиться. Ричардъ усиливалъ опасность своего положенія еще тѣмъ, что, надѣясь на хорошія отношенія съ герцогами ланкастерскимъ и іоркскимъ и на дружбу съ французскимъ королемъ, старался отмстить герцогу глостерскому за всѣ оскорбленія, въ которыхъ обвинялъ его; по его мнѣнію, герцогъ былъ виноватъ предъ нимъ за время его несовершеннолѣтія. Ненависть его стала еще сильнѣе, когда герцогъ въ засѣданіи королевскаго совѣта позволилъ себѣ укорять племянника за поступокъ его съ парламентомъ и въ рѣзкихъ чертахъ представилъ различие между его правленіемъ и предшествовавшими. Чтобы отвратить бурю, герцога два раза пытались удалить отъ двора; сначала ему предложили отправиться въ Пруссію на помощь нѣмецкимъ рыцарямъ противъ язычниковъ: онъ согласился было, но потомъ отказался; второе предложеніе — вступить въ управленіе Ирландіей, куда Ричардъ за три года передъ тѣмъ сдѣлалъ походъ, онъ прямо отвергъ. Черезъ нѣсколько времени его обвинили (безъ всякихъ доказательствъ — какъ почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ) въ составленіи заговора, съ цѣлью овладѣть насильственно королемъ и подчинить его такому же совѣту регентства, какой существовалъ до его совершеннолѣтія. Въ участіи въ заговорѣ обвинялись: архіепископъ кентерберійскій, графы Эрондель и Уарвикъ и многіе другіе аристократы. Обоихъ графовъ арестовали безъ соблюденія законныхъ формальностей. Затѣмъ Ричардъ, подъ видомъ посѣщенія, отправился въ замокъ герцога глостерскаго и велѣлъ схватить его въ ту минуту, когда онъ вышелъ на встрѣчу королю во главѣ торжественнаго шествія. Считая опаснымъ держать такого плѣнника въ Англіи, Ричардъ тотчасъ отправилъ его съ графомъ Ноттингемомъ въ Кале. Черезъ пять дней послѣ этихъ арестовъ, возбудившихъ всеобщій страхъ, король издалъ манифестъ (15 іюля 1397 г.), въ которомъ старался оправдать свой поступокъ тѣмъ, что онъ совершенъ былъ съ согласія графовъ Рутленда, Кента, Гёнтингтона, Ноттингема и Салисбёри, лордовъ Деспенсера и Уилльяма Скрупа, и былъ одобренъ его дядями, герцогами ланкастерскимъ и іоркскимъ, и двоюроднымъ братомъ его — графомъ Дерби. Этимъ же графамъ и лордамъ было поручено на торжественной аудіенціи потребовать у палаты общинъ, чтобы арестованные были обвинены въ государственной измѣнѣ. Обвиненіе дѣйствительно было представлено палатѣ лордовъ (20 сентября), но въ немъ и рѣчи не было о заговорѣ, въ которомъ король обвинялъ арестованныхъ; оно составлено было по событіямъ, совершившимся еще до 1389 года и слѣдовательно давно забытымъ. Архіепископа кентерберійскаго тоже впутали въ дѣло по тому поводу, что онъ былъ въ то время канцлеромъ; его присудили къ изгнанію и конфискаціи имѣній. Графа Эронделя казнили. Онъ не признавалъ компетентности суда палаты лордовъ, и потому его судилъ герцогъ ланкастерскій. Уарвикъ, признавшій себя виновнымъ, былъ сосланъ на островъ Мэнъ, а лордъ Кобгэмъ — на Джерсей; Мортимеръ спасся бѣгствомъ въ ирландскія горы, къ дикимъ кельтамъ. Глостера потребовали было изъ Кале на судъ парламента, но Ноттингемъ, которому былъ ввѣренъ надзоръ за нимъ, отвѣтилъ, что онъ внезапно умеръ. Въ разсказѣ о его смерти старинные англійскіе историки, въ томъ числѣ и Юмъ, не сходятся съ болѣе достовѣрными источниками и съ новѣйшимъ англійскимъ писателемъ Лингардомъ, которому мы слѣдуемъ. Лингардъ также держится того мнѣнія, что Глостеръ былъ убитъ, но не утверждаетъ положительно, что убійство было совершено по приказанію Ричарда. Легко можетъ быть, что король далъ подобный приказъ, но во всякомъ случаѣ нельзя, по многимъ причинамъ, считать достовѣрнымъ историческимъ или судебнымъ свидѣтельствомъ показаніе Голля, одного изъ предполагаемыхъ участниковъ преступленія, предъявленное парламенту при Генрихѣ VI.

Королю во всемъ этомъ помогалъ парламентъ, въ которомъ не было никакой оппозиціи, потому что выборы въ графствахъ совершались подъ вліяніемъ шерифовъ. Это былъ первый парламентъ, составившійся подъ вліяніемъ правительственныхъ агентовъ; впослѣдствіи вліяніе правительства на выборы, какъ извѣстно, вошло почти въ обыкновеніе. Слѣдующій парламентъ (1398 г.), засѣдавшій не въ Уэстминстерѣ, какъ предшествовавшій, а въ Шрьюсбёри, былъ

такимъ же раболѣпнымъ орудіемъ въ рукахъ короля для мстительнаго преслѣдованія всѣхъ принимавшихъ нѣкогда участіе въ ограниченіи его власти. На другой же годъ жертвою мести короля сдѣлался графъ Генрихъ Дерби, сынъ герцога ланкастерскаго. Въ послѣднее время Генрихъ страшно унижался и подслуживался королю, за что и былъ сдѣланъ герцогомъ герфордскимъ. Получивъ эту награду, онъ донесъ на своего друга и товарища герцога Норфолька (Norfolk) за то, что онъ позволилъ себѣ въ пріятельскомъ разговорѣ дурно отзываться о королѣ. Фруассаръ представляетъ дѣло въ весьма выгодномъ свѣтѣ для Генриха, потому что черезъ годъ Генрихъ сталъ королемъ; оттого то и нельзя вполнѣ довѣрять новѣйшимъ историкамъ, слѣдовавшимъ разсказу французскаго лѣтописца. По Лингарду, представившему это событіе въ новомъ свѣтѣ на основаніи подлинныхъ документовъ, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: Герфордъ и Норфолькъ были единственные изъ такъ называемыхъ лордовъ аппеллянтовъ, которымъ Ричардъ еще не отмстилъ; Норфолькъ, встрѣтясь однажды съ своимъ другомъ между Лондономъ и Брентфордомъ, заговорилъ объ этомъ и, высказывая свои опасенія, рѣзко отозвался о королѣ и его приближенныхъ. Генрихъ передалъ разговоръ Ричарду, выставляя Норфолька заговорщикомъ. Король приказалъ разобрать дѣло коммиссіи изъ 18 членовъ обѣихъ палатъ, которой парламентъ, расходясь, далъ полномочіе покончить нерѣшенныя дѣла (to hear, examine and determine all matters and subjects, which had been moved in presence of the king, with all dependencies thereof). Коммиссіи былъ сообщенъ помянутый разговоръ, помѣщенный въ короткомъ офиціальномъ протоколѣ (Rotulus) и у Лингарда (т. II. стр. 340). Норфолькъ, сознаваясь въ томъ, что порицалъ дѣйствія окружающихъ короля, отвергалъ все относившееся къ самому королю, назвалъ Генриха лжецомъ (that Henry of Lancaster is e liar, and in what he has said or would say of me, lies like a traitor as he is) и вызвался доказать свои слова судебнымъ поединкомъ, имѣвшимъ еще въ Англіи силу законнаго доказательства, хотя и вышедшимъ изъ употребленія. Въ Уиндзорѣ, гдѣ собрались бароны, владѣльцы и рыцари, Генрихъ упорствовалъ въ своемъобвиненіи, а Норфолькъ съ своей стороны оставался при прежнемъ показаніи. Свидѣтелей при разговорѣ обоихъ герцоговъ не было, и потому рѣшили кончить дѣло поединкомъ. Въ назначенный день (16 сентяб. 1398 г.) парламентская коммиссія, король и толпа народа собрались въ Ковентри, гдѣ долженъ былъ происходить поединокъ. Противники уже стояли другъ противъ друга, готовые къ бою, какъ вдругъ король объявилъ, что не допуститъ поединка, потому что оба герцога ему родственники и всякій исходъ борьбы будетъ ему одинаково прискорбенъ, и что онъ самъ произнесетъ надъ ними приговоръ, помимо суда. Затѣмъ онъ приказалъ Герфорду выѣхать изъ Англіи въ четырехмѣсячный срокъ и не возвращаться въ теченіе десяти лѣтъ, а Норфольку велѣлъ отправиться на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ и никогда не пріѣзжать во Францію, Англію, Испанію и Италію. Сущность этого приговора, особенно тяжелаго для Норфолька, и множество мелкихъ опускаемыхъ нами частностей, очевидно, доказывали, что герцоги подверглись наказанію не за разговоръ, а за то, что были единственными еще не пострадавшими лордами аппелянтами. Норфолькъ отправился въ Палестину и, глубоко опечаленный своею участью, умеръ на пути изъ Іерусалима въ Венецію. Герфордъ поѣхалъ въ Парижъ и думалъ тогда же воспользоваться общимъ неудовольствіемъ англичанъ на нелѣпую тиранію Ричарда. Французскій король и герцоги орлеанскій и беррійскій приняли его чрезвычайно радушно; ему отвели для жительства отель дю Клиссона, называвшійся потомъ отелемъ Субизъ (hôtel Soubise), и отпускали еженедѣльно изъ королевской кассы 500 золотыхъ кронъ. Герцогъ беррійскій хотѣлъ даже женить его на своей дочери, вдовѣ графа Филиппа д'Артуа, но потомъ измѣнилъ намѣреніе, когда Ричардъ заявилъ французскому правительству объ опасеніяхъ, внушаемыхъ ему планами и тайными сношеніями Герфорда.

До сихъ поръ англійскому королю все удавалось. Раболѣпный парламентъ губилъ всѣхъ, кто былъ не по душѣ Ричарду, и обращалъ въ законъ каждое его желаніе, каждую прихоть. Законныя права англичанъ, — предметъ гордости каждаго англичанина, — и сословныя преимущества нагло попирались Ричардомъ; онъ обиралъ подданныхъ посредствомъ займовъ, заставлялъ судей толковать законы сообразно его волѣ или капризамъ, по нѣскольку разъ принуждалъ

бывшихъ приверженцевъ Глостера покупать себѣ прощеніе и, чтобы имѣть обильную жатву денежныхъ штрафовъ, объявилъ однажды внѣ закона 17 графствъ, нѣкогда помогавшихъ его врагамъ. Наконецъ самовластіе побудило его къ неслыханному поступку, заставившему Герфорда, а съ нимъ и весь народъ, силою положить предѣлъ возмутительнымъ дѣйствіямъ короля и его сообщниковъ. При изгнаніи обоихъ герцоговъ, имъ было позволено особымъ королевскимъ патентомъ, въ случаѣ наслѣдованія ими во время изгнанія леновъ, имѣній или титуловъ, присягать на нихъ черезъ повѣренныхъ. Черезъ три мѣсяца по изгнаніи Герфорда умеръ его отецъ (1399 г.); тогда Герфордъ принялъ титулъ герцога ланкастерскаго и хотѣлъ вступить во владѣніе огромнымъ наслѣдствомъ. Но Ричардъ отмѣнилъ патентъ и объявилъ, что изгнаніе равняется лишенію по суду всѣхъ правъ (outlawry), а слѣдовательно уничтожаетъ права Герфорда на наслѣдованіе недвижимаго имѣнія. Придворные и парламентскіе клевреты, служившіе королевскому произволу въ Уэстминстерѣ и Шрьюсбери, съумѣли и теперь придать его вѣроломству характеръ законности. По требованію короля, большой тайный совѣтъ (council), въ составъ котораго входила упомянутая выше парламентская коммиссія, призналъ патенты, данные обоимъ герцогамъ, незаконными и недѣйствительными. Всѣ члены совѣта присягнули этому постановленію, а присутствовавшій народъ, къ которому король обратился съ рѣчью, изъявилъ на него согласіе поднятіемъ рукъ (quelle chose feust faite — сказано въ протоколѣ [Rotulus] — et assentuz par tout le peuple estantz en presence du roi). Капланъ Ричарда Генрихъ Боуетъ, пытавшійся отстаивать патентъ, былъ приговоренъ къ смерти какъ государственный измѣнникъ, но потомъ прощенъ. Поступокъ короля вызвалъ новаго герцога ланкастерскаго къ открытой борьбѣ; а такъ какъ король, отправившійся вслѣдъ за тѣмъ въ Ирландію, поручилъ управленіе герцогу іоркскому, то мы и принимаемъ 1398 г. за начало продолжительной междуусобицы ланканстерскаго и іоркскаго домовъ, извѣстной подъ именемъ войны **алой** и **бѣлой розы**. Ричардъ отправился въ Ирландію мстить за смерть своего намѣстника графа де ла Марча, убитаго туземцами. Онъ предпринялъ этотъ походъ въ то время, когда вся Англія была ожесточена противъ него и когда нѣкоторыми изъ недовольныхъ уже начаты были переговоры съ Генрихомъ Ланкастерскимъ. Едва Ричардъ уѣхалъ, какъ архіепископъ кентерберійскій, — жившій въ Кельнѣ въ изгнаніи, промѣнявъ свое архіепископство на бѣдную сентъ-андрьюскую епархію, — отправился переодѣтый въ Парижъ къ герцогу ланкастерскому и составилъ съ нимъ планъ низложенія Ричарда. Генрихъ, жившій уже не гостемъ Карла, а въ своемъ собственномъ уинчестерскомъ дворцѣ, рѣшился ѣхать въ Англію и силою вступить во владѣнія отцовскимъ наслѣдствомъ. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, онъ присталъ 4 іюля 1399 г. къ Равенспорну, въ Іоркшайрѣ. Здѣсь къ нему немедленно присоединились владѣльцы Нортомберленда и Уестморленда съ сильными отрядами. Намѣстникъ Ричарда, герцогъ іоркскій, собралъ войско, но не принималъ мѣръ къ серьезному сопротивленію, и хотя нельзя доказать, что онъ дѣйствовалъ заодно съ Генрихомъ, но распоряженія его заставляютъ это предполагать. Онъ даже не пробовалъ заградить племяннику пути къ Лондону, а напротивъ уклонился отъ встрѣчи. На пути въ Лондонъ войско Генриха росло подобно лавинѣ и было радостно встрѣчено жителями столицы, откуда оно двинулось къ Ивсгему. Іоркъ, находившійся въ это время въ Беркли, принялъ предложенія Генриха и въ церкви городскаго замка вступилъ съ нимъ въ переговоры. Результатомъ этой конференціи былъ союзъ дяди съ племянникомъ. Они оба двинулись къ Бристолю во главѣ своихъ ополченій, въ которыхъ по показанію современниковъ, безъ сомнѣнія преувеличенному, считалось до 100 тыс. человѣкъ. Комендантъ бристольской крѣпости Петръ Куртнэ не хотѣлъ было и слышать о Генрихѣ, но сдалъ городъ герцогу. Іоркъ остался въ Бристолѣ, а Генрихъ пошелъ на Честеръ, умертвивъ предварительно, безъ всякаго суда, двухъ враждебныхъ ему перовъ. Ричардъ получилъ извѣстіе о возстаніи только черезъ три недѣли послѣ высадки Генриха и тотчасъ послалъ графа Салисбери собрать поголовное ополченіе въ Уэльсѣ, къ берегамъ котораго хотѣлъ пристать съ своими войсками, но медлилъ цѣлыхъ двѣ недѣли, такъ что собравшееся ополченіе разошлось еще до его прибытія; тогда и его войско отказалось драться.

Совершенно упавъ духомъ, онъ хотѣлъ было бѣжать въ Бордо, такъ какъ часть Гіэни принадлежала еще англичанамъ; но, перемѣнивъ намѣреніе, отправился въ Конуэй и послалъ къ Генриху двухъ своихъ братьевъ для переговоровъ. Генрихъ задержалъ ихъ плѣнниками и, спѣша завладѣть самимъ королемъ, отправилъ герцога нортомберлендскаго съ рекомендательнымъ письмомъ отъ одного изъ плѣнныхъ принцевъ, пригласить короля на свиданіе. Ричардъ вдался въ обманъ и попалъ въ руки Генриха. Сначала его отправили въ замокъ Флинтъ, а потомъ Генрихъ повелъ его за собою въ Честеръ, откуда хотѣлъ ѣхать въ Лондонъ, чтобы завладѣть престоломъ. Судя по нѣкоторымъ фактамъ, переданнымъ весьма обстоятельно, трусость и малодушіе Ричарда въ несчастіи равнялись его надменности и тиранству въ счастіи. Попытка его (24 августа) бѣжать изъ Личфильда не удалась, и съ тѣхъ поръ стали обходиться съ нимъ весьма жестоко; въ его комнатѣ постоянно находилось 12 вооруженныхъ солдатъ. Потомъ Генрихъ повезъ его съ собою въ Лондонъ. На встрѣчу новому властителю вышли изъ города меръ и синдикъ (Recorder) и настоятельно требовали немедленной казни Ричарда. При такомъ настроеніи народа, не трудно было составить парламентъ, безусловно враждебный плѣнному королю. Говорятъ, что Ричардъ, узнавъ, уже находясь въ плѣну, что аристократія и все остальное населеніе отпали отъ него, тогда же предложилъ отказаться отъ престола; но это сомнительно; если же это извѣстіе вѣрно, то, стало быть, онъ взялъ свое предложеніе назадъ, вслѣдствіе чего съ нимъ стали обращаться жестоко. Только въ Тоуэрѣ, куда его заперъ Генрихъ по прибытіи въ Лондонъ, онъ окончательно рѣшился отречься отъ престола, отчасти подъ вліяніемъ угрозъ Генриха, отчасти же вслѣдствіе дружескихъ его увѣщаній. Но Генрихъ по совѣту своего зятя, герцога Іоркскаго, неудовольствовался этимъ; онъ счелъ нужнымъ закрѣпить свои права на престолъ не отреченіемъ Ричарда, а низложеніемъ его по рѣшенію парламента. Онъ заставилъ короля подписать актъ отреченія, написанный въ самыхъ унизительныхъ выраженіяхъ. Какъ онъ достигъ этого и что вообще происходило по этому поводу между нимъ и Ричардомъ—извѣстно только изъ парламентскихъ протоколовъ, составлявшихся подъ его же вліяніемъ; а въ подобныхъ случаяхъ офиціальнымъ источникамъ слѣдуетъ довѣрять менѣе всего. Потому мы и не останавливаемся на нихъ. Самое низложеніе Ричарда ясно доказывало, что новый король такъ же мало, какъ и прежній, будетъ уважать конституціонныя права англичанъ, и найдетъ въ парламентѣ такого же безусловно покорнаго исполнителя своей воли, какимъ былъ парламентъ при Ричардѣ. Когда въ парламентѣ былъ прочтенъ актъ отреченія короля, всѣ члены его и публика поднялись съ мѣстъ и громкими криками выразили одобреніе. Затѣмъ былъ прочитанъ обвинительный актъ противъ короля (impeachment), содержавшій въ себѣ 33 или 35 пунктовъ (ихъ можно найти у Рапена Туара (Raspin Thoyras). О самой сущности обвиненій Генрихъ мало заботился, онъ разсчитывалъ на многочисленность ихъ и надѣялся, что этимъ побудитъ парламентъ постановить единогласно и безъ преній рѣшеніе о низложеніи Ричарда и о выборѣ его на престолъ. Но это не вполнѣ удалось ему. Епископъ Карляйльскій, Томасъ Мерксъ, смѣло выступилъ защитникомъ Ричарда и не только старался опровергнуть отдѣльные пункты обвиненія, но даже осмѣялъ доводъ, который былъ приведенъ Генрихомъ въ доказательство своихъ правъ на престолъ: именно, что его дѣдъ съ материнской стороны былъ старшимъ братомъ Эдуарда I, и стало быть, настоящимъ наслѣдникомъ престола. Однако участь Меркса показала, какъ опасно было противодѣйствовать партіи Генриха, преобладавшей въ парламентѣ. Только что онъ кончилъ говорить, его схватили и отправили въ заключеніе въ Сентъ-Ольбенсъ (St-Albans). Тотчасъ затѣмъ низложеніе короля было утверждено парламентомъ, торжественно обнародовано и объявлено верховнымъ судьею Ричарду, уже совсѣмъ упавшему духомъ. Избраніе Генриха прямо противорѣчило законамъ Англіи о престолонаслѣдіи, такъ какъ старшимъ братомъ отца Ричарда былъ не отецъ Генриха, Джонъ, а герцогъ Лайонель Кларенсъ, послѣ котораго остались два малолѣтнихъ внука, графы де ла Марчъ, сыновья его дочери; имъ-то и принадлежало ближайшее право на вакантный престолъ, и въ царствованіе Ричарда оно было признано парламентомъ за ними. Но Генрихъ ни мало не заботился объ этомъ и завладѣлъ престоломъ, даже не спросивъ согласія парламента. Съ наглостью

и лицемѣріемъ онъ объявилъ, что вступаетъ на законно принадлежащій ему престолъ по волѣ Бога, чтобы возстановить государство, разрушающееся отъ дурнаго управленія *). Счастливому узурпатору со всѣхъ сторонъ отвѣчали громкимъ, радостнымъ одобреніемъ. — Черезъ 14 дней послѣ того онъ уже былъ коронованъ архіепископами кентербѣрійскимъ и іоркскимъ.

Новый король Генрихъ IV нашелъ въ первомъ, собравшемся послѣ коронаціи парламентѣ такое же слѣпо-послушное орудіе, какъ и его предшественникъ: оба парламента состояли изъ тѣхъ же лицъ. Архіепископъ кентерберійскій, скоро возвратившій себѣ прежнее значеніе въ новомъ управленіи, всѣми силами содѣйствовалъ упроченію власти Генриха. Для этой цѣли необходимо было, во 1-хъ, утвердить за старшимъ сыномъ Генриха титулъ принца уэльсскаго, т. е. наслѣдника престола; во 2-хъ, заставить народъ забыть о правахъ графовъ ла Марчъ на престолъ, и, въ 3-хъ, удалить бывшаго короля, чтобъ совершенно уничтожить память объ немъ. Первое было достигнуто манифестомъ; во второмъ помогли Генриху сначала родные и друзья малолѣтнихъ графовъ, именно тѣмъ, что вовсе не заботились объ нихъ и объ ихъ правахъ, — а потомъ Генрихъ перевелъ ихъ въ Уиндзоръ и крѣпко стерегъ ихъ тамъ. Въ третьемъ пособили Генриху перы; они совѣтовали ему заточить Ричарда въ какой нибудь отдаленный замокъ и отнять у него возможность сношенія съ остальнымъ міромъ. Тогда Генрихъ, явившись въ парламентъ, объявилъ ему, что приговорилъ Ричарда къ пожизненному заключенію; онъ отправилъ бывшаго короля въ замокъ Понтеррэктъ. Вскорѣ затѣмъ пятью или шестью членами знатнѣйшихъ фамилій Англіи, къ которымъ присоединились и братья Ричарда, была сдѣлана попытка овладѣть Генрихомъ въ Уиндзорѣ и возстановить Ричарда на престолѣ. Эта попытка не удалась, и не только заговорщики, но и самъ Ричардъ поплатился за нее смертью. Созванный народъ схватилъ заговорщиковъ и бросилъ ихъ въ тюрьму вмѣстѣ съ ихъ приверженцами и вассалами; потомъ они были почти всѣ преданы, безъ суда, жестокой казни, употреблявшейся тогда въ Англіи въ отношеніи государственныхъ измѣнниковъ. Раздѣлавшись такимъ образомъ съ врагами, Генрихъ счелъ однако нужнымъ запретить на будущее время подобную народную расправу. Вслѣдъ за казнью заговорщиковъ былъ убитъ и Ричардъ. Какому роду смерти его подвергли — въ точности неизвѣстно. По однимъ свѣдѣніямъ, его заморили голодомъ въ 15 дней; по другимъ, убійцы въ борьбѣ съ нимъ, нанесли ему смертельную рану въ затылокъ: когда выставили его трупъ напоказъ, на лицѣ не было замѣтно никакихъ знаковъ насилія. Такъ или иначе, но всѣ историки единогласно говорятъ, что Ричардъ умеръ насильственною смертью въ Понтеррэктѣ, вслѣдъ за казнью его братьевъ и приверженцевъ ихъ. Генрихъ хотя и утверждалъ, что онъ невиненъ въ его смерти, — но трудно допустить, чтобы Ричарда оставили въ живыхъ, если бы и не было попытки освободить его.

Все царствованіе Генриха IV (1399 — 1413) прошло въ заговорахъ, возстаніяхъ, междоусобныхъ войнахъ и тѣхъ жестокихъ казняхъ, какія совершались въ Англіи вплоть до половины XVIII столѣтія, по ея канибальскимъ уголовнымъ законамъ того времени. Въ этой борьбѣ съ возстаніями успѣхъ былъ на сторонѣ Генриха. Онъ умѣлъ чрезвычайно ловко пользоваться народными представителями (knights of the shire) для противодѣйствія баронамъ, и предоставилъ палатѣ общинъ кое-какія новыя, въ сущности ничтожныя права, которыя однако увеличили на первыхъ порахъ значеніе палаты. Конечно, эти новыя права не представляли обезпеченій народу отъ произвола и насилія правителей; народъ

---

*) In the name of the Father, Son, and Holy host, j Henry of Lancaster challenge this realm of England and the crown all the members and appartenances, as j am descended by right line of blood coming from the good lord king Henry III, and that right God in his grace hath sent me with my kin and (of) my friends to recover it; the which realm was in point to be undone for default of governance and undoing of good laws. (Во имя Отца и Сына и Св. Духа, я, Генрихъ Ланкастерскій, принимаю это англійское королевство и корону со всѣми частями и принадлежностями, такъ какъ я происхожу по прямой линіи крови отъ добраго господина короля Генриха III, и такъ какъ Богъ, по своей милости, послалъ мнѣ, съ моими родными и друзьями, воспользоваться моимъ правомъ на государство, которое почти погибало отъ дурнаго управленія и отсутствія хорошихъ законовъ).

былъ для нихъ менѣе страшенъ, нежели бароны съ ихъ военною силою, и вплоть до Іакова I короли, сознававшіе свою силу, продолжали относиться къ народу произвольно и не обращая вниманія на его законныя права. Но какъ часто эти права ни нарушались, какъ ни долго иногда объ нихъ не было и помину, народъ не забывалъ ихъ и, при каждомъ удобномъ случаѣ, снова предъявлялъ ихъ и заставлялъ уважать. Генрихъ формально предоставилъ палатѣ общинъ установленіе налоговъ почти безъ всякаго вмѣшательства со стороны прочихъ органовъ правительственной власти; но вмѣстѣ съ тѣмъ, подражая предшественнику, принималъ мѣры, чтобы въ парламентъ выбирались подъ вліяніемъ шерифовъ только люди, готовые исполнять его волю. Кромѣ того онъ согласится, чтобы, въ силу древняго обычая, депутаты, подобно перамъ, не подвергались аресту и суду, если только не будутъ пойманы на мѣстѣ преступленія; — однако потомъ онъ нарушилъ привилегію, предавъ суду депутата Джона Сэвэджа, ранившаго одного изъ своихъ сочленовъ. Онъ предоставилъ парламенту свободу преній и право подачи жалобъ, но объявилъ спикеру парламента—Томасу Чаусеру, что свобода преній въ парламентѣ должна быть прежняя, что онъ не допуститъ въ парламентѣ никакихъ нововведеній, желая сохранить за собой всѣ льготы и права, какими пользовались прежніе короли.

Больше всего досаждали ему члены могущественнаго дома Перси и уэльсцы. Вначалѣ Перси были его надежнѣйшею поддержкою; потому онъ осыпалъ ихъ имѣніями, почестями, титулами, и между прочимъ отдалъ одному изъ нихъ, герцогу Нортомберлэндскому, весь островъ Мэнъ. Особенно сынъ герцога Нортомберлэндскаго Генрихъ Горячая Шпора (т. III, стр. 422) дѣятельно помогалъ королю въ усмиреніи внутреннихъ волненій послѣ смерти Ричарда, въ частыхъ войнахъ съ шотландцами и въ подавленіи возстанія уэльсцевъ. Уэльсцы, изъ ненависти къ англичанамъ, избрали себѣ начальникомъ Оуэна апъ-Гриффита Вогана, владѣльца Глендоудри, обыкновенно называемаго Оуэномъ Глендоуромъ и производившаго свой родъ отъ Ллевелина (т. III, стр. 200), и вели ожесточенную борьбу съ англичанами за независимость. Перси охраняли сѣверныя границы Англіи отъ шотландскихъ горцевъ, и съ этой цѣлью заняли городъ Бервикъ. Но они были грубы и надменны, а Генрихъ деспотиченъ и подозрителенъ, и вскорѣ случайное обстоятельство разсорило на смерть короля сначала съ приверженцами фамиліи Перси, а вслѣдъ за тѣмъ и съ ними самими. Генрихъ отнялъ у вассаловъ древнее право располагать участью взятыхъ на войнѣ плѣнниковъ, желая располагать ими по произволу. Это возбудило сильное неудовольствіе и было причиною окончательнаго разрыва между королемъ и Перси. Нужно было выкупить лорда Грея Рётина и графа Эдмунда Мортимера, взятыхъ въ плѣнъ уэльсцами. Король дозволилъ освободить Грея, котораго любилъ, но не согласился на выкупъ Мортимера, дяди законныхъ наслѣдниковъ престола, графовъ де ла-Марчъ. Тогда Генрихъ Горячая Шпора открыто возсталъ противъ короля, такъ какъ Мортимеръ былъ женатъ на сестрѣ Генриха. Вмѣстѣ съ нимъ все рыцарство Нортомберлэнда, считая свои права нарушенными, объявило войну Генриху IV, подобно тому какъ въ XI ст. саксы и тюрингенцы отложились отъ императора Генриха IV (т. II, стр. 590), съ тою только разницею, что здѣсь не упоминалось о папѣ и о духовныхъ. Шотландскій графъ Дугласъ также присталъ къ Перси. Іоркшайрскіе и шотландскіе рыцари встрѣтились съ королевскимъ войскомъ при Шрьюсбёри (21 іюня 1403), гдѣ произошло такое же упорное сраженіе, какъ нѣкогда между швабами и саксами и императоромъ Генрихомъ IV при Унштрутѣ (т. II, стр. 539). Храбрый Генрихъ Перси, игравшій при этомъ роль Оттона Нордгеймскаго, былъ однако не такъ счастливъ, какъ онъ. На каждой сторонѣ было, говорятъ, по 14 т. отборнаго рыцарства и превосходныхъ стрѣлковъ изъ лука, составлявшихъ въ средніе вѣка лучшую часть англійскаго войска. Потому это сраженіе было однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и упорнѣйшихъ въ исторіи среднихъ вѣковъ. — Счастье благопріятствовало королю: Генрихъ Перси былъ убитъ; а графъ Дугласъ, одинъ изъ братьевъ герцога Нортомберлэндскаго и два могущественные владѣтели, Киндертонъ и Вернонъ, попались съ плѣнъ. Дугласа пощадили, но братъ герцога Нортомберлэнда, Киндертонъ и Вернонъ были казнены. Вдову Генриха Перси, Елисавету, король держалъ въ заключеніи до ея смерти, такъ какъ она принадлежала къ дому Мортимеровъ.

После сраженія при Шрьюсбёри, Генрихъ былъ постоянно въ ссорѣ или въ открытой войнѣ съ знатью, родными, Франціей, Шотландіей, съ подданными своими въ Уэльсѣ и наконецъ съ старшимъ своимъ сыномъ, обнаружившимъ свои великія дарованія только по смерти отца. Вопреки своей обычной строгости, Генрихъ не особенно преслѣдовалъ герцога Нортомберлэндскаго послѣ пораженія его сына; онъ только подвергъ его судебному слѣдствію и отнялъ островъ Мэнъ и нѣсколько другихъ владѣній. Но герцогъ не могъ забыть прошлаго и, оставшись владѣтелемъ сѣверной границы королевства, скоро возобновилъ враждебныя дѣйствія. Генрихъ между тѣмъ безсовѣстно отдѣлался отъ сына и наслѣдника своего дяди, герцога Іоркскаго, умершаго въ 1402 г. Поводъ къ этому дала дочь Іорка, Констанція, бывшая замужемъ за лордомъ Спенсеромъ и жившая по смерти мужа при дворѣ. Она вздумала освободить графовъ де ла-Марчъ, заключенныхъ въ Уиндзорѣ, и, добывъ ключи отъ ихъ комнатъ, бѣжала съ обоими графами къ уэльсской границѣ. Но Генрихъ бросился въ погоню, настигъ и привезъ плѣнниковъ въ Лондонъ. Констанція обвиняла во всемъ своего брата Эдуарда и заявила сверхъ того, что онъ принималъ участіе во многихъ переговорахъ и сношеніяхъ противъ короля. Неизвѣстно, вѣрно ли было это обвиненіе или нѣтъ: однако Генрихъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто считалъ его справедливымъ; онъ конфисковалъ имѣнія двоюроднаго брата и заключилъ его въ тюрьму. Это происходило въ февралѣ и мартѣ 1405 г. Въ іюнѣ Генрихъ выступилъ противъ герцога Нортомберлэндскаго, архіепископа іоркскаго Скрупа и храбраго шотландскаго графа Дугласа. Вся сѣверная Англія возстала; въ городъ Бервикъ былъ впущенъ герцогомъ Нортомберлэндскимъ тогдашній правитель шотландскій герцогъ Ольбэни. Но Генрихъ дѣйствовалъ такъ быстро, что въ нѣсколько недѣль потушилъ мятежъ. Еще до его прибытія графъ Уестморлэндъ коварною хитростью убѣдилъ архіепископа и его союзниковъ распустить войска, и затѣмъ схватилъ ихъ. Генрихъ приказалъ произвести надъ архіепископомъ немедленный судъ и предалъ его жестокой казни. Жители города Іорка подверглись тяжкимъ наказаніямъ. Затѣмъ Генрихъ двинулся на границу противъ Нортомберлэнда. Но узнавъ, что уэльсцы получили съ моря помощь изъ Франціи, онъ обратился сперва противъ нихъ, быстро одолѣлъ ихъ и снова обратился къ сѣвернымъ границамъ, гдѣ въ то время правитель шотландскій уже отказался отъ борьбы, сжегъ Бервикъ и отступилъ въ горы. Нортомберлэндъ и его товарищъ лордъ Бардольфъ бѣжали въ Шотландію. Генрихъ склонилъ продажную шотландскую знать выдать ихъ, но они, во-время узнавъ объ этомъ, успѣли бѣжать въ Уэльсъ, къ Оуэну Глендоуру. Они тѣмъ менѣе должны были довѣрять шотландцамъ, что шотландскій регентъ имѣлъ основательныя причины не раздражать Генриха, захватившаго въ мартѣ 1405 г. наслѣдника шотландскаго престола. Шотландскій король Робертъ III, давно уже удалившійся на островъ Бьютъ, имѣлъ неосторожность передать правленіе своему брату, герцогу Ольбэни, и согласился даже, чтобы его старшаго сына, Давида, подвергли преслѣдованію, какъ государственнаго преступника. Герцогъ Ольбэни, желавшій отнять престолъ у племянниковъ, заключилъ Давида въ замокъ Фоклэндъ и содержалъ его такъ дурно, что, когда Давидъ умеръ, говорили, что его уморили голодомъ, какъ Ричарда II. Смерть старшаго сына возбудила подозрѣнія короля Роберта, и онъ послалъ своего втораго сына, 14-лѣтняго Іакова I, во Францію, въ сопровожденіи двухъ его воспитателей (въ мартѣ 1405). Въ это время между Англіей и Шотландіей было перемиріе, и Робертъ далъ провожатымъ сына письмо къ Генриху IV, на случай если бы имъ пришлось пристать къ Англіи, что и случилось. По Юму и слѣдовавшимъ ему писателямъ, морская болѣзнь заставила шотландцевъ высадиться въ Норфолькѣ; напротивъ, Лингардъ утверждаетъ, на основаніи болѣе достовѣрныхъ данныхъ, что корабль принца былъ взятъ англійскимъ пиратомъ. Такъ или иначе, но принцъ попалъ въ руки Генриха и былъ имъ задержанъ. Говорятъ, что на требованіе отпустить его, Генрихъ отвѣчалъ насмѣшливо, что знаетъ также хорошо пофранцузски, какъ и братъ его Карлъ Французскій, и съумѣетъ не хуже его воспитать шотландскаго короля. Французы нѣсколько лѣтъ поддерживали уэльсское возстаніе, посылая туда отъ времени до времени вспомогательныя войска, пока наконецъ не умеръ герцогъ Орлеанскій, бывшій непримиримымъ врагомъ Генриха и даже вызвавшій его однажды на поединокъ. Около того же времени старшій сынъ англійскаго короля

постоянно кутившій и ссорившійся съ отцомъ, впервые обнаружилъ въ войнѣ съ Глендоуромъ свои замѣчательныя военныя способности. Не разсчитывая болѣе на помощь со стороны Франціи, Глендоуръ убѣдилъ бѣжавшихъ къ нему предводителей возстанія герцога Нортомберлэнда и лорда Бардольфа возбудить снова междоусобицу въ Англіи. Они отправились въ окрестности Іорка, и уже собрали значительное число приверженцевъ, когда Генрихъ съ обычною быстротою устремился противъ нихъ во главѣ большаго войска, а іоркшайрскій шерифъ сэръ Томасъ Рокби преградилъ имъ путь на сѣверъ (1408 г.). Пользуясь тѣмъ, что войско короля было еще далеко, они напали на Рокби, но были разбиты на голову. Нортомбэрлендъ былъ убитъ, а Бардольфъ—смертельно раненъ. Изъ союзниковъ ихъ были взяты въ плѣнъ аббатъ гэльскій и епископъ бэнгорскій. Перваго тотчасъ повѣсили, а втораго пощадили, такъ какъ онъ былъ взятъ въ полномъ облаченіи. Вскорѣ прибылъ король и ознаменовалъ побѣду рядомъ конфискацій и жестокихъ казней. Тогда и уэльсцамъ пришлось укрыться въ своихъ горахъ и ущельяхъ.

3. Внутреннія волненія во Франціи при Карлѣ VI до возобновленія войны съ Англіей.

Съ тѣхъ поръ какъ сумасшествіе Карла VI приняло періодическій характеръ, и регентство на время этихъ припадковъ было предоставлено парламентомъ не герцогу Орлеанскому, имѣвшему на него право, а Филиппу Бургундскому, Франція была въ самомъ плачевномъ анархическомъ состояніи. Герцогъ Орлеанскій распоряжался наравнѣ съ герцогомъ Бургундскимъ, а король, приходя въ себя, утверждалъ, смотря по расположенію духа, совершенно противорѣчащія распоряженія. Въ 1396 и 97 годахъ онъ былъ довольно долго здоровъ, и въ это время былъ предпринятъ неудачный походъ первыхъ вельможъ государства противъ Баязеда I (т. III стр. 464); вскорѣ за тѣмъ маршалъ Бусико былъ посланъ съ флотомъ въ Константинополь (т. III стр. 501), возвратился оттуда въ Парижъ съ греческимъ императоромъ Мануиломъ Палеологомъ (т. III стр. 503) и потомъ отправился съ войскомъ въ Геную. Съ 1397 до 1402 г. болѣзнь короля опять усилилась, а съ нею возобновилась и распря герцоговъ Орлеанскаго и Бургундскаго. Вдобавокъ, при дворѣ происходили самые постыдные скандалы. Королева Изабелла, боясь припадковъ сумасшествія мужа, давно прекратила съ нимъ сношенія и ввела ко двору дѣвушку простаго происхожденія, которую называли маленькой королевой. Сама Изабелла жила въ подозрительной интимности съ герцогомъ Орлеанскимъ. Король съ своей стороны любилъ жену брата, Валентину Висконти, которая одна имѣла на него вліяніе во время припадковъ; поэтому мужъ уже удалилъ ее однажды на нѣсколько времени отъ двора. Герцогъ Орлеанскій, которому было тогда 28 лѣтъ, при содѣйствіи короля, своего дяди герцога Беррійскаго и даже герцога Бурбонскаго, настойчиво отстаивалъ свое право противъ герцога Бургундскаго и всячески досаждалъ ему. Такъ, онъ велѣлъ сжечь на площади его фаворита Жана де-Бара за то, что этотъ искусный, по мнѣнію Филиппа, колдунъ не показалъ ему чорта, какъ обѣщалъ *). Но не будучи въ состояніи бороться оружіемъ противъ герцога Бургундскаго, онъ ссылался въ 1399 г. на королевское рѣшеніе, требуя себѣ главнаго участія въ управленіи. Вовсе устранить дядю было сначала невозможно, и до конца 1400 г. власть оставалась въ рукахъ обоихъ противниковъ. Однако герцогу Орлеанскому удалось овладѣть управленіемъ финансами и тутъ онъ позволилъ себѣ крайній произволъ и величайшія злоупотребленія. Отрѣшивъ большую часть прежнихъ генеральныхъ сборщиковъ податей (aides), онъ замѣнилъ ихъ своими клевретами, которымъ доставилъ неограниченную власть и право суда; онъ запретилъ жаловаться на нихъ и аппелировать противъ ихъ рѣшеній даже къ королевскому совѣту. Большую часть доходовъ онъ употреблялъ въ свою пользу, простирая злоупотребленія до того, что ко-

*) Bien bon clerc, nigromancien et invocateur des diables, et en faisoit son devoir.

роль часто терпѣлъ нужду въ необходимѣйшемъ, тогда какъ роскошь герцогскаго двора увеличивалась съ каждымъ днемъ. Въ 1401 г. поѣздка герцога Бургундскаго въ Нидерланды, по случаю женитьбы сына, дала ему возможность захватить, съ помощью королевы, все управленіе въ свои руки. Парижскій парламентъ тотчасъ обратился къ Филиппу съ настоятельною просьбою поспѣшить возвращеніемъ; но уже было поздно, въ Парижъ его не пустили, и онъ былъ принужденъ уѣхать изъ Санли. Междоусобная война казалась неизбѣжною. Союзникъ Людовика Орлеанскаго, герцогъ Гельдернскій, уже выступилъ къ нему на помощь; а Филиппъ Бургундскій также собралъ войско, усиленное отрядами воинственнаго епископа люттихскаго, баварскаго принца Іоанна Немилосерднаго. Однако соединенныя усилія королевы и герцоговъ Беррійскаго и Бурбонскаго примирили враговъ. Вслѣдъ за тѣмъ, герцогъ Орлеанскій едва не былъ совершенно устраненъ отъ правленія: его распутство, безстыдство и мотовство зашли такъ далеко, что самъ король, въ одну изъ свѣтлыхъ минутъ, назначилъ герцога Бургундскаго предсѣдателемъ совѣта регентства на случай своей болѣзни. Но королева съумѣла парализировать это распоряженіе. Она заставила больнаго мужа ввѣрить ей опеку надъ обоими сыновьями, и пріобрѣла этимъ первенствующее значеніе, которое и раздѣлила съ герцогомъ Орлеанскимъ.

Въ 1404 г. умеръ Филиппъ Бургундскій. Онъ былъ такимъ же мотомъ, какъ и его соперникъ, и не смотря на то, что владѣнія его были самою богатою европейской страною, послѣ Испаніи, онъ довелъ своею безграничною щедростью, гостепріимствомъ и царскою пышностью свои финансы до такого состоянія, что его вдова, затрудняясь заплатить всѣ его долги, отказалась отъ наслѣдства. Его французскія владѣнія перешли къ старшему сыну его, Іоанну Безстрашному; только Неверъ и Ретель достались младшему, Филиппу. Въ слѣдующемъ году умерла и его вдова, Маргарита, дочь и наслѣдница графа фландрскаго Людовика III. Она оставила Іоанну Безстрашному Франшъ-Конте, Фландрію, Артуа, Антверпенъ и Мехельнъ. Брабантъ и Антверпенъ достались сперва второму брату Іоанна Антону, но по смерти Антона Антверпенъ перешелъ тоже къ Бургундіи. Сынъ и наслѣдникъ Іоанна получилъ, кромѣ того, отъ вдовы Антона Люксембургъ, а отъ сына его, Филиппа, Брабантъ и Лимбургъ, и такимъ образомъ сдѣлался однимъ изъ могущественнѣйшихъ европейскихъ владѣтелей. Іоаннъ Безстрашный дѣйствовалъ противъ герцога Орлеанскаго гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ его отецъ Филиппъ. Не обладая хорошими свойствами своего отца, онъ былъ предпріимчивъ, но мстителенъ и золъ; управляя ханжами-нидерландцами, онъ, подобно итальянскимъ тиранамъ, открыто смѣялся надъ религіею и нравственностью. Въ самый годъ смерти отца, онъ началъ войну противъ герцога Орлеанскаго, который между тѣмъ, забывъ всякій стыдъ, жилъ въ открытой связи съ королевой и давалъ ежедневные пиры и увеселенія, заставляя короля и принцевъ терпѣть нужду. Когда Іоаннъ двинулся на Парижъ, онъ бѣжалъ въ Мелень, куда за нимъ отправилась и королева, бросивъ мужа. Дофина долженъ былъ увезти ея братъ, герцогъ Лудвигъ Баварскій. Но Іоаннъ, узнавъ о бѣгствѣ королевы, двинулся быстро впередъ, отнялъ принца у Лудвига и привезъ его въ Парижъ, гдѣ король наварскій, герцоги Беррійскій, Бурбонскій, графъ де ла Маршъ и другіе вельможи встрѣтили дофина съ восторгомъ, какъ спасеннаго. Распря двухъ первыхъ перовъ королевства была тѣмъ предосудительнѣе, что родственныя ихъ связи сдѣлались еще тѣснѣе, такъ какъ дофинъ обручился съ дочерью Іоанна, Маргаритою, а старшій сынъ герцога Бургундскаго, Филиппъ Добрый, былъ помолвленъ на дочери короля. Положеніе дѣлъ во Франціи было тогда самое безотрадное; множество анекдотовъ, приводимыхъ Фруссаромъ, доказываютъ, что въ то время исчезъ всякій порядокъ. Такъ, однажды нѣкто де Серизи нагло оскорбилъ торжественную университетскую процессію, а когда студенты взялись за каменья, жестоко избилъ ихъ при помощи шайки пажей; герцогъ Орлеанскій, не хотѣвшій ссориться съ университетомъ, произвелъ суровую расправу, выгналъ де Серизи изъ города и приказалъ срыть его отель до основанія. Въ другой разъ люди герцога Беррійскаго ворвались ночью, какъ разбойники, въ домъ епископа пюискаго и забрали все, что нашли (une bible, un bréviaire, une ceinture et autres chosettes *). Когда,

*) Библію, молитвенникъ, поясъ и другія вещицы.

парламентъ приказалъ арестовать виновныхъ, герцогъ Беррійскій грозилъ местью парламентскимъ совѣтникамъ, такъ что весь парламентъ долженъ былъ отправиться къ нему съ просьбою, чтобы онъ не мѣшалъ отправленію правосудія, то есть просить, какъ милости, позволенія исполнить свою обязанность (la cour arreta, qu'elle irait trouver les seigneurs, pour les aviser sur ce, afin qu'ils n'empêchassent point justice). Далѣе Фруассаръ разсказываетъ, что однажды правительство собрало какія-то подати съ условіемъ, что деньги будутъ храниться въ башнѣ и расходоваться только по указанію совѣта казначейства; но герцогъ Орлеанскій, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ, послалъ вооруженныхъ людей и силою завладѣлъ деньгами. Объ обращеніи его дворни съ несчастнымъ народомъ можетъ дать понятіе слѣдующій случай: герцогъ былъ столь же суевѣренъ, сколько развратенъ и пороченъ, и велѣлъ какъ-то разъ въ припадкѣ страха смерти и мученій ада созвать своихъ кредиторовъ, чтобъ расплатиться съ ними. Когда они въ числѣ 800 человѣкъ явились къ нему, придворные имѣли наглость сказать собравшимся: «вы должны считать за величайшую честь, что герцогъ беретъ у васъ деньги и удостоиваетъ иногда вспоминать о васъ».— При такомъ состояніи нравовъ и общественнаго порядка неудивительно, что парламентъ, получивъ жалобу герцога Орлеанскаго на то, что дофинъ былъ возвращенъ насильно Іоанномъ въ Парижъ, хотя и внесъ ее въ протоколъ, но прибавилъ въ концѣ неутѣшительное замѣчаніе, что Франціи нечего ждать отъ людей и остается надѣяться только на помощь Божію (qu'il en adviendra, dieu y pourvoie; car en lui doit aspérance et fiance, non dans les princes et les enfants des hommes dont on ne doit attendre de salut). Вскорѣ Парижъ принялъ видъ военнаго лагеря. Приверженцы обоихъ герцоговъ съ войсками заняли улицы и дома. Іоаннъ Безстрашный укрѣпилъ свой дворецъ Артуа и призвалъ въ городъ наемныя толпы епископа люттихскаго. Этотъ замѣчательный епископъ управлялъ епархіею по-свѣтски, не посвящался въ духовное знаніе и, гордясь прозвищемъ Немилосерднаго, постоянно былъ во главѣ своихъ отрядовъ. Герцогъ Орлеанскій также собралъ войско въ Меленъ изъ рыцарей южныхъ и западныхъ провинцій. Каждую минуту ждали рѣшительнаго сраженія подъ столицею, тѣмъ болѣе, что попытка короля примирить противниковъ не имѣла успѣха. Наконецъ однако удалось согласить ихъ, хотя спокойствіе возстановилось не ранѣе какъ чрезъ два мѣсяца. Оба герцога распустили войска, Іоаннъ получилъ участіе въ управленіи, и въ октябрѣ 1405 г. герцогъ Орлеанскій и королева вернулись въ столицу. Въ то самое время, когда король, одержимый бѣшенствомъ и всѣми покинутый, былъ въ такомъ ужасномъ положеніи, что мы не рѣшаемся подробно говорить объ этомъ, королева въѣхала въ городъ съ необычайною торжественностью и роскошью. Она сидѣла въ открытыхъ носилкахъ, великолѣпно одѣтая; по обѣимъ сторонамъ находились герцоги Орлеанскій и Бургундскій; свита, состоявшая изъ множества придворныхъ дамъ, фрейлинъ, принцевъ и придворныхъ, блистала нарядами съ золотомъ и драгоцѣнными камнями; даже подковы лошадей были изъ серебра.

Между тѣмъ враждебныя дѣйствія противъ англичанъ давно уже возобновились, такъ какъ Генрихъ IV отослалъ обратно во Францію невѣсту Ричарда II, принцессу Изабеллу, но не возвратилъ ея приданаго. Три главныя предпріятія французовъ въ эту войну, походы герцога Орлеанскаго въ Гіэнь и Уэльсъ и осада Кале герцогомъ Бургундскимъ совершенно не удались; по крайней мѣрѣ, благодаря имъ, отношенія между обоими герцогами, стоявшими во главѣ правленія, были въ теченіе 1406 года повидимому лучше прежняго. Но уже въ слѣдующемъ году вражда ихъ сдѣлалась ожесточеннѣе, чѣмъ когда либо. Вліяніе герцога Орлеанскаго видимо усиливалось. Принцессу, пріѣхавшую изъ Англіи, выдали за его старшаго сына Карла, а другому сыну отдали Гіэнь, не смотря на то, что дофинъ давно уже носилъ титулъ герцога гіэнскаго. Это и многое другое возбуждало герцога Бургундскаго противъ брата короля; но главною причиною его ожесточенія противъ него была наглость, съ которою герцогъ Орлеанскій хвасталъ, что въ числѣ многихъ красавицъ, надъ добродѣтелью которыхъ онъ восторжествовалъ, была и цѣломудренная герцогиня Бургундская. Іоаннъ Безстрашный рѣшился убить противника. Пользуясь обыкновеніемъ Лудовика посѣщать по вечерамъ разрѣшившуюся отъ бремени королеву, онъ спряталъ въ нанятомъ имъ домѣ (ночью съ 23 на 24 ноября 1407 г.) 13 убійцъ и послалъ

участвовавшаго въ заговорѣ каммердинера короля вызвать герцога отъ королевы. (Monseigneur, сказалъ каммердинеръ, le roi vous mande, que sans délai vous veniez devers lui et qu'il a à parler à vous hastivement et pour chose qui grandement touche à lui et à vous *). Герцогъ тотчасъ отправился съ немногими проводниками по темнымъ улицамъ, освѣщаемымъ только четырьмя его факельщиками, и былъ зарѣзанъ ожидавшими его убійцами. Іоаннъ сперва отрицалъ всякое участіе въ преступленіи и даже присутствовалъ при погребеніи герцога; но въ его дворцѣ укрывались нѣсколько убійцъ, и когда парижскій уголовный судья (prevôt de Paris), узнавъ объ этомъ, просилъ дозволенія королевскаго совѣта обыскать дворцы всѣхъ принцевъ, то Іоаннъ, думая отстранить обыскъ, признался въ преступленіи герцогу Беррійскому, говоря, что его попуталъ дьяволъ (que le diable l'avait tenté et surpris). Герцогъ воскликнулъ на это, что въ одну ночь онъ лишился двухъ племянниковъ. Не смотря на признаніе, Іоаннъ хотѣлъ присутствовать на другой день въ совѣтѣ, гдѣ должна была разсматриваться просьба уголовнаго судьи; но герцогъ Беррійскій не впустилъ его, а герцогъ Бурбонскій требовалъ даже его арестованія. Однако онъ успѣлъ во-время скрыться и благополучно достигъ своихъ владѣній. Парижане были въ восторгѣ отъ убійства тирана и громко выражали свою радость, не предчувствуя безконечнаго ряда страданій, навлеченныхъ на Францію этимъ преступленіемъ. Вдова герцога Орлеанскаго, Валентина, потребовала у короля наказанія убійцы, и Карлъ, обладавшій въ то время разсудкомъ, обѣщалъ исполнить ея просьбу, не думая о томъ, будетъ ли въ состояніи выполнить обѣщаніе. Іоанна потребовали къ суду, позволивъ ему публично защищаться. Разсчитывая на поддержку парижанъ, онъ явился съ тысячью вооруженныхъ людей, но не съ повинною, а для оправданія своего поступка передъ судомъ, въ которомъ дофинъ заступалъ мѣсто короля. Францисканецъ Жанъ Пти съ безсовѣстностью защищалъ убійство въ королевскомъ совѣтѣ (8 марта 1408), а потомъ вторично предъ народомъ, доказывая, что герцогъ Орлеанскій былъ тиранъ, а убіеніе тирановъ не только не преступленіе, но великая заслуга. Впослѣдствіи нищенствующіе монашескіе ордена начали проповѣдовать этотъ безбожный и опасный принципъ, поддерживая его всевозможными схоластико-философскими и богословскими доводами; епископъ аррасскій и вообще все бургундское духовенство возвели даже это ученіе въ догматъ. Напротивъ, университетъ въ лицѣ своего знаменитаго канцлера, Жана Жерсона, осудилъ ученіе Пти, какъ еретическое и пагубное для души. Это вызвало одновременно съ междоусобною войною приверженцевъ Орлеанскаго и Бургундскаго герцоговъ, горячій ученый споръ между бургундскимъ и французскимъ духовенствомъ. Въ рядахъ послѣдняго, многіе даже принадлежавшіе къ университету, выступили противниками Жерсона, и когда король велѣлъ предать суду ученіе Пти, приняли сторону францисканца, утверждая, что онъ не провозглашалъ никогда приписываемыхъ ему девяти положеній. Ученіе объ убіеніи тирановъ или, другими словами, казуистика, возобновленная въ XVI ст. іезуитами и, къ сожалѣнію, не вполнѣ отвергнутая другомъ Кальвина Ѳеодоромъ Безою, произвела впослѣдствіи расколъ даже между отцами констанцскаго собора. Хотя французскій король и убѣжденный имъ императоръ Сигизмундъ настоятельно требовали осужденія бургундскаго ученія, тѣмъ не менѣе соборъ одобрилъ его и порицалъ парижскій университетъ и его канцлера за то, что они осудили его.

Кардиналамъ возражали на это, что они были пристрастны къ ученію Пти изъ желанія угодить герцогу Бургундскому, котораго считали сильнѣе французскаго короля и императора, и соборъ отмѣнилъ свое первое постановленіе. Однако вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ окончательно, и Жерсонъ рѣзко упрекалъ въ несправедливости папу и отцовъ церкви, явно противорѣчившихъ себѣ въ гусситскомъ и бургундскомъ дѣлахъ. Незадолго до избранія папы Мартина V, ученіе нищенствующихъ орденовъ еще разъ поставило констанцскій соборъ въ большое затрудненіе. Собору была принесена жалоба на одного доминиканца, который, въ угоду нѣмецкому ордену, проповѣдывалъ въ Польшѣ ученіе Пти

---

*) Монсеньеръ, король требуетъ васъ немедленно къ себѣ, имѣя переговорить съ вами о важномъ дѣлѣ, касающемся его и васъ.

противъ польскаго короля Владислава Ягайло. Этотъ монахъ, Іоаннъ фонъ Фалькенбергъ, въ посланіи къ государямъ и ко всему христіанству, описывалъ самими черными красками польскаго короля и всю польскую націю и призывалъ христіанъ къ истребленію ихъ, утверждая, что убивать поляковъ — такая же христіанская заслуга, какъ и война противъ невѣрныхъ, и что всякій заступающійся за польскаго короля и его народъ будетъ на вѣки проклятъ. Архіепископъ гнезненскій, найдя это посланіе въ Парижѣ, такъ же озлобился на Фалькенберга, какъ Жерсонъ на Жана Пти. Онъ велѣлъ схватить его, когда онъ пріѣхалъ въ Констанцъ, и подалъ на него жалобу въ конгрегацію собора, завѣдывавшую вопросами вѣры. Конгрегація признала положеніе мятежнымъ, безбожнымъ, еретическимъ и вреднымъ для нравственности и религіи; затѣмъ въ іюнѣ 1417 г. кардиналы и представители государствъ приговорили Фалькенберга къ пожизненному заключенію, а сочиненіе его приказали предать сожженію. Но такъ какъ соборъ и папа желали по возможности избѣгнуть ссоры съ нѣмецкимъ орденомъ, то приговоръ этотъ не былъ утвержденъ ни въ одномъ изъ офиціальныхъ засѣданій собора, и папа Мартинъ даже обѣщалъ пересмотрѣть дѣло. Поэтому поляки аппелировали 19 февраля 1418 г. къ слѣдующему собору.

Когда, послѣ безстыдной ругательной рѣчи, произнесенной Жаномъ Пти 8 марта 1408 года, королева и принцы уѣхали изъ Парижа, герцогъ Бургундскій заставилъ короля выдать декретъ, освобождавшій его отъ всякой отвѣтственности предъ судомъ. Вслѣдъ затѣмъ, *лишь только герцогъ отправился на нѣкоторое* время въ Нидерланды, этотъ декретъ былъ уничтоженъ, но парижане приняли сторону герцога. Онъ завладѣлъ столицею и сталъ во главѣ управленія, а король и королева бѣжали въ Туръ. Въ концѣ этого года умерла герцогиня Орлеанская, и тогда не только послѣдовало примиреніе между Іоанномъ и шестнадцатилѣтнимъ сыномъ герцога Орлеанскаго, но герцогу Бургундскому дана была новая грамота, освобождавшая его отъ судебнаго преслѣдованія. Въ мартѣ 1409 г. дворъ вернулся въ Парижъ. Но уже въ началѣ слѣдующаго года Іоаннъ присвоилъ себѣ родъ опеки надъ дофиномъ, захватилъ въ свои руки управленіе и, сильный обладаніемъ Фландріи и тѣснымъ союзомъ съ Брабантомъ и Люттихомъ, сталъ до того злоупотреблять властью, что всѣ принцы крови соединились противъ него. До этого времени ихъ партіи недоставало вождя; теперь во главѣ ихъ сталъ энергическій графъ Бернаръ д'Арманьякъ, на дочери котораго, Боннѣ, женился молодой герцогъ Орлеанскій. Графъ д'Арманьякъ считался по генеалогіи древнѣе Каролинговъ и владѣлъ обширными землями и множествомъ замковъ; вокругъ него собирались всѣ авантюристы южной Франціи. Орлеанисты стали съ этого времени называться Арманьяками. Обѣ партіи приняли различные внѣшніе знаки отличія, именно шарфы и кресты, имѣвшіе то же значеніе, какъ въ наше время цвѣты и кокарды. Арманьяки носили бѣлые шарфы съ крестомъ съ прямыми углами, бургиньоны — красные шарфы съ андреевскимъ крестомъ. Казалось, вся Франція раздѣлилась на два враждебные лагеря. Герцоги Беррійскій и Бретанскій и всѣ прочіе принцы и герцоги собрали каждый по отряду войскъ и неистовствовали по большимъ дорогамъ. Государство пришло въ такое положеніе, что управленіе стало невозможнымъ, и ни король, когда приходилъ въ себя, ни дофинъ, въ рукахъ котораго было временно регентство, не могли положить предѣлъ этой полной анархіи. Изъ парламентскихъ протоколовъ можно видѣть, какъ шли дѣла; въ одномъ изъ нихъ, напримѣръ сказано: des grands pèrils sont de présent par toutes les marches de ce royaume dont l'on n'ose venir à Paris tant pour gens d'armes proérement appelps pillards et larrons que pour brigands et compagnies, qui se sont mis sus pour rencontrer et piller les dits larrons.

Въ разбойничьихъ шайкахъ Арманьяка особенно отличался архіепископъ санскій Монтагю своею дикою необузданностью (au lieu de mitre il portait un bacinet, pour dalmatique un haubargeon, pour chasuble une pièce d'acier et au lieu de crosse il portait une hache). Въ 1411 г. Парижъ нѣсколько разъ былъ въ осадномъ положеніи, и входъ во всѣ улицы его, въ то время чрезвычайно узкія, запирался цѣпями. Наконецъ парижане, не спрашиваясь короля, передали главное начальство надъ городомъ графу де Сенъ-Полю, ревностному приверженцу герцога Бургундскаго. Онъ немедленно образовалъ революціонную армію изъ 500 мясниковъ и другихъ работниковъ, изъ числа занимавшихся ремеслами, требую-

щими большой физической силы, и назвалъ ее не республиканскою или революціонною, а королевскою милиціей (milice royale). Предводителями этой милиціи были цеховые хозяева мясники — въ то время самый страшный народъ. Они жестоко раздѣлывались со всякимъ, кого считали арманьякомъ, точно также какъ въ концѣ XVIII столѣтія поступали съ аристократами. Между тѣмъ въ провинціяхъ началась крестьянская война со всѣми ея ужасами. Пользуясь позволеніемъ короля вооружаться для защиты отъ грабившаго рыцарства, крестьяне съ яростью принялись вымѣщать всю свою злобу на рыцаряхъ и дворянствѣ. — Обезпечивъ за собою власть надъ Парижемъ съ помощью мясниковъ, Іоаннъ Бургундскій убѣдилъ дофина издать отъ имени короля воззваніе къ странѣ о томъ, чтобы она повиновалась герцогу, какъ самому королю. Чтобы нанести орлеанистамъ окончательный ударъ, Іоаннъ созвалъ поголовное ополченіе (ban et arrière ban) Фландріи и другихъ владѣній, и съ огромнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ горожанъ и работниковъ большихъ городовъ, двинулся къ Парижу, черезъ Артуа и Пикардію. Но во время похода кончился срокъ службы ополченцевъ, и болѣе 50 т. горожанъ, шедшихъ съ нимъ только изъ-за грабежа, вернулись домой. Оставшись съ одними рыцарями, Іоаннъ былъ значительно слабѣе противниковъ, имѣвшихъ до 12 т. хорошо обученнаго войска, и потому вернулся въ свои владѣнія. Это поставило столицу и королеву Изабеллу, содержавшуюся плѣнницею въ Луврѣ, въ ужасное положеніе: въ самомъ городѣ страшно неистовствовали работники, составлявшіе королевскую милицію, а извнѣ грозила дикая солдатчина Арманьяка, уже занявшаго Сенъ-Клу и Сенъ-Дени. Однако герцогу Бургундскому удалось получить изъ Англіи вспомогательное войско изъ 6 тысячъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ графа Арунделя; присоединивъ ихъ къ своимъ рыцарямъ, онъ вступилъ въ октябрѣ 1411 г. въ Парижъ, гдѣ больной король и революціонеры приняли его съ неописаннымъ восторгомъ. Въ ноябрѣ онъ отнялъ у арманьяковъ Сенъ-Клу и Сенъ-Дени. Тогда арманьяки упали духомъ и вступили въ переговоры съ англійскимъ королемъ, Генрихомъ IV, съ цѣлью переманить его страшныхъ англійскихъ и уэльсскихъ стрѣлковъ отъ герцога Бургундскаго на свою сторону. Герцоги Беррійскій, Орлеанскій и Бургундскій и графъ Арманьякъ, имѣвшій притязаніе на независимость и называвшій себя графомъ «Божіею милостію», заключили съ Англіею 18 мая 1412 года въ Буржѣ самый позорный изъ договоровъ, когда-либо заключенныхъ французскими принцами или перами. Они обязались содѣйствовать всѣми силами возвращенію англичанамъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ Гіэни, которыя отошли отъ Англіи со времени мира въ Бретиньи, и предоставить Генриху IV, какъ своему верховному сюзерену, свободный входъ въ каждый изъ 1500 замковъ, принадлежавшихъ имъ въ Гіэни. Сверхъ того, герцогъ Орлеанскій призналъ себя его вассаломъ по Ангулему и Перигору, а герцогъ Беррійскій по графству Пуату, на которое онъ притомъ далъ Генриху и его наслѣдникамъ право наслѣдства послѣ себя. Оба принца крови были прямо названы въ договорѣ вассалами Англіи. Графа Арманьяка избавили отъ этого униженія, хотя онъ присягнулъ Генриху по четыремъ своимъ владѣніямъ. Тотчасъ по заключеніи договора, Генрихъ отозвалъ своихъ стрѣлковъ отъ войска герцога Бургундскаго, но прежде чѣмъ они успѣли присоединиться къ Арманьяку, Іоаннъ Безстрашный узналъ о договорѣ и разгласилъ его. Король, дофинъ и вся нація до того ожесточились противъ государственныхъ измѣнниковъ (qui avaient juré la déstruction du roi, du dauphin, du royaume de France et de la bonne ville de Paris), что даже братъ королевы, герцогъ Лудвигъ Баварскій, сохранявшій дружескія отношенія съ принцами партіи Арманьяка, былъ выгнанъ изъ Парижа. Самъ Карлъ сталъ съ государственнымъ знаменемъ во главѣ ополченія и повелъ его въ Берри противъ войска принцевъ. Въ іюнѣ 1412 года онъ началъ осаду Буржа; но артиллерія его была крайне плоха, и онъ не успѣлъ еще почти ничего сдѣлать, какъ въ половинѣ іюня пришло извѣстіе о высадкѣ новаго войска англичанъ. Это привело къ концу уже начатые мирные переговоры. При этомъ случаѣ дофинъ въ первый разъ дѣйствовалъ самостоятельно. Онъ убѣдилъ своего тестя, Іоанна Безстрашнаго, прекратить бомбардированіе города и войти лично въ переговоры съ герцогомъ Беррійскимъ. Свиданіе обоихъ герцоговъ, происходившее на открытомъ полѣ при особенныхъ мѣрахъ предосторожности, имѣло послѣдствіемъ возстановленіе мира, который и былъ

формально заключенъ въ Окзеррѣ, куда съѣхались всѣ принцы и вельможи. Англійскимъ вспомогательнымъ войскамъ, опустошавшимъ Нормандію, Анжу, Менъ, округи Орлеана и Блуа, заплатили 240 т. турнейскихъ ливровъ; половину суммы внесъ король, другую герцогъ Орлеанскій. Лѣтописцы того времени почти единогласно утверждаютъ, что герцогъ Бургундскій хотѣлъ воспользоваться съѣздомъ въ Окзеррѣ, чтобы убить герцоговъ Беррійскаго, Бурбонскаго и Орлеанскаго, и не выполнилъ намѣренія только потому, что его друзья Дезессаръ (des Essart) и Жаквилль ужаснулись этой мысли и отговорили его. Но согласіе между партіями принцевъ не могло быть продолжительнымъ, тѣмъ болѣе, что герцогъ Бургундскій оставилъ въ своей службѣ по найму часть горячихъ парижскихъ демагоговъ. Орлеанисты съ своей стороны составили заговоръ увезти изъ Парижа дофина, стоявшаго тогда во главѣ управленія и бывшаго совершенно подъ вліяніемъ герцога Бургундскаго. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ тотчасъ пустилъ въ дѣло своихъ грозныхъ парижскихъ демагоговъ, хирурга Жана де Труа (Iean de Troyes), скорняка (écorcheur) Кабоша и старшинъ цеха мясниковъ: Сентъ-Ю (St. Jou), Гуа (Goix) и Тибера (Thibert). Они вызвали чернь къ мятежу. Она жестоко избила придворныхъ короля и дофина, разграбила ихъ дома и, послѣ неудачнаго приступа къ Бастиліи, ворвалась 29 апрѣля 1413 года, подъ предводительствомъ Жана де Труа, въ комнату дофина, и заставила его принять отличительный знакъ парижскихъ приверженцевъ бургундской партіи, особеннаго вида шапку, въ родѣ той, какую якобинцы 20 іюня 1792 года надѣли на Людовика XVI; только шапка якобинцевъ была красная, а партіи Кабоша (cabochiens) — бѣлая. Когда надѣли на дофина эту шапку, изъ толпы вышелъ кармелитскій монахъ, Есташъ Павильи, давно уже работавшій въ пользу революціи, и сказалъ принцу отъ имени предводителей, что болѣзнь короля есть наказаніе его за грѣхи и слѣдствіе разврата, и что если самъ дофинъ не будетъ обращать вниманія на голосъ народа, то его ожидаетъ участь герцога Орлеанскаго. Этимъ не кончилось господство черни; всякаго рода насилія противъ придворныхъ мужчинъ и женщинъ продолжались даже послѣ того, какъ король, согласившись на нѣкоторыя преобразованія, обнародовалъ 25 мая новое постановленіе, состоявшее изъ 235 статей. Разумѣется, это постановленіе никогда не было приведено въ исполненіе. Наконецъ дѣло приняло такой опасный оборотъ и стало въ такой степени кровавымъ, что герцогъ Бургундскій (какъ обыкновенно бываетъ съ предводителями партій, обращающихся къ анархіи, какъ къ политическому средству) испугался собственнаго дѣла, сталъ стыдиться сообщничества съ предводителями мяжежа и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы удалить подъ благовиднымъ предлогомъ изъ Парижа своего сына, герцога Шароле. Съ другой стороны, и парижскіе горожане стали искать средства избавиться отъ гнета и насилія демагоговъ и вошли въ сношенія съ орлеанистами и дворянствомъ, уже собравшимъ войско для освобожденія короля и дофина. На совѣщаніи въ Понтуазѣ, герцоги Беррійскій и Бургундскій, дворяне, державшіе сторону орлеанской партіи, и 8 уполномоченныхъ отъ Парижа положили дѣйствовать сообща для прекращенія смутъ и для возстановленія прежняго порядка, подъ регентствомъ дофина. Договоръ, заключенный въ этомъ смыслѣ, былъ прочтенъ 2 августа въ парижской ратушѣ; вслѣдъ затѣмъ дофинъ принялъ мѣры къ возстановленію законнаго порядка при содѣйствіи войска, составленнаго изъ лучшихъ парижскихъ горожанъ и изъ солдатъ герцога Бургундскаго. Но, какъ справедливо замѣчаетъ наивный Пьеръ де Фененъ въ своемъ дневникѣ, миръ и спокойствіе нельзя было поддержать надолго, потому что Арманьякъ вернулся въ Парижъ, а герцогъ Бургундскій сохранилъ постоянныя сношенія съ демагогами (Après que la paix eut esté confirmée à Auxerre comme il vient d'estre dit, il se passa environ deux ans que la chose s'entretint de la sorte pacifiquement; lors ne parlait on d'aucune guerre; mais par envie que chacun avoit de gouverner le royaume, la chose se remit dedans le trouble plus fort qu'auparavant). Арманьяки, дѣйствовавшіе во всемъ за одно съ королевою, настаивали на совершенномъ подавленіи партіи герцога Бургундскаго; а Іоаннъ не только не явился на судъ по возобновленному обвиненію его въ убійствѣ герцога Орлеанскаго, но, удалившись во Фландрію и Брабантъ, снова сталъ собирать войско. Тогда раздоръ снова вспыхнулъ. По приказанію королевы, арестовали четырехъ значительнѣйшихъ друзей герцога Бургундскаго.

Іоаннъ отвѣтилъ на это попыткою овладѣть королемъ въ Парижѣ. Попытка эта не удалась, и за нее герцога объявили, 17 февраля 1414 г., государственнымъ преступникомъ и убійцей. (Въ Journal de Paris сказано: le 17 fèvrier fut criè le duc de Bourgogne à trompettes parmi tes carrefours de Paris et banni comme faux, traitre, meurtrièr, lui et tous les siens et abandonnés corps et biens sans pitié et sans mèrcy.) Тогда вспомнили и о рѣчи францисканца Жана Пти объ убіеніи тирановъ; ее отдали на просмотръ 16-ти докторамъ богословія и предали за содержавшееся въ ней безбожное ученіе церковному суду. Враги Іоанна хотѣли впутать его и въ этотъ процессъ; съ этой цѣлью, прежде чѣмъ архіепископъ произнесъ приговоръ, былъ сдѣланъ запросъ герцогу о томъ, одобряетъ ли онъ принципы своего защитника; но онъ отвѣтилъ уклончиво, что одобряетъ рѣчь лишь на столько, на сколько ея основныя начала вѣрны. Между тѣмъ, пока Іоаннъ укрѣплялъ свои города и собиралъ войско, въ Парижѣ созваны были въ общее собраніе дворяне и высшее духовенство подъ предсѣдательствомъ дофина, въ присутствіи королевы, принцевъ крови и членовъ королевскаго совѣта; это собраніе положило предпринять противъ герцога походъ подъ предводительствомъ короля (jusqu'à ce que lui et ses partisans fussent du tout dètruits et deshèritès ou au moins humiliès). Тогда же собраніе позволило себѣ, не спрашивая согласія парламента, назначить тяжелый налогъ для покрытія издержекъ предстоящаго похода и грозило плательщикамъ и сборщикамъ податей жестокими наказаніями, если деньги не будутъ скоро доставлены. Лѣтомъ королевское войско выступило въ походъ подъ знаменемъ дофина. Для характеристики тогдашнихъ придворныхъ нравовъ не мѣшаетъ замѣтить, что на этомъ знамени былъ вензель не жены дофина, дочери герцога Бургундскаго, а одной изъ фрейлинъ королевы, любимой дофиномъ (une demoiselle moult belle de l'hotel de la reine, fille de messire Guillaume Cassinel, la quelle vulgairement on nommait la Cassinel). Королевское войско быстро овладѣло Суассономъ и Компьенемъ и осадило Аррасъ. Положеніе Іоанна было затруднительно, потому что фламандцы не хотѣли воевать противъ короля. Но грозившая война съ Англіей побудила графиню Геннегаускую и герцога Антона Брабантскаго, брата Іоанна Безстрашнаго, предложить свое посредничество. Дофинъ, не довольный властолюбіемъ и надменностью графа Арманьяка и герцога Орлеанскаго, принялъ это посредничество, но потребовалъ, чтобы фландрскіе депутаты вмѣстѣ съ графиней Геннегауской и герцогомъ Брабантскимъ явились къ нему съ униженными просьбами о мирѣ, и отъ имени герцога Бургундскаго обѣщали, что онъ очиститъ занятые города и положитъ къ ногамъ короля ключи Арраса. Сверхъ того онъ требовалъ, чтобы отличительные знаки бургундской партіи были сняты и чтобы герцогъ Іоаннъ обязался не только удалить отъ себя нѣкоторыхъ приближенныхъ, но безъ разрѣшенія регента не вступать въ союзъ съ Англіей и не пріѣзжать въ Парижъ. На этомъ условіи былъ заключенъ миръ въ Аррасѣ, въ октябрѣ 1414 г. Герцогъ Орлеанскій согласился на него и присягнулъ только въ февралѣ 1415 г., послѣ долгихъ затрудненій; бургундскіе же чины, графиня Геннегауская, герцогъ Брабантскій и даже сынъ герцога Бургундскаго, графъ Шароле, охотно присягнули ему. Іоаннъ Безстрашный уклонился отъ присяги подъ предлогомъ, что ему необходимо предварительно лично переговорить съ королемъ и дофиномъ.

4. Война французовъ съ англичанами при Карлѣ VI и Генрихѣ V.

Генрихъ V наслѣдовалъ своему отцу, Генриху IV, въ мартѣ 1413 года. Будучи принцемъ Уэльсскимъ, онъ прославился тѣсною дружбой съ разными развратниками и негодяями, распутствомъ и насиліями, которыя совершалъ вмѣстѣ съ ними; поэтому всѣ были удивлены, когда, тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ удалилъ этихъ людей и началъ добросовѣстно исполнять свои обязанности. Шекспиръ въ нѣсколькихъ драмахъ превосходно представилъ нравы и остроты грубыхъ товарищей молодаго Генриха и жизнь самого принца Уэльсскаго; однако нужно помнить, что поэтическая и историческая истины совершенно различны,

хотя нельзя отрицать, что Шекспиръ пользовался хрониками и что многія частности въ его драмахъ вѣрны исторически.

Еще при Генрихѣ IV обѣ политическія партіи Франціи, арманьяки и бургиньоны, искали помощи у Англіи; но Генрикъ IV не могъ ни покинуть государство, ни поручить сыну предводительствовать войскомъ за границей. Избѣгая внѣшней войны по политическимъ разсчетамъ, онъ изъ тѣхъ же видовъ помогалъ дворянству и духовенству противъ еретиковъ, хотя былъ мало религіозенъ. Но онъ понималъ, что еретики склонны къ демократіи и требуютъ существенныхъ государственныхъ реформъ. Поэтому онъ принялъ самыя строгія мѣры противъ уиклеффитовъ, которыхъ называли лоллардами, такъ какъ ихъ ученіе грозило сдѣлаться гибельнымъ для всего государственнаго устройства Англіи. Онъ даже велѣлъ сжечь одного изъ ихъ проповѣдниковъ, и далъ весьма суровый отвѣтъ палатѣ общинъ, протестовавшей противъ подобныхъ мѣръ. Напротивъ, Генрихъ V былъ сначала весьма снисходителенъ къ еретикамъ; одинъ изъ знатнѣйшихъ лоллардовъ, сэръ Джонъ Ольдкэстль (Oldcastle) или лордъ Кобгэмъ, былъ его неразлучнымъ товарищемъ. Этотъ другъ и оригинальный совѣтникъ новаго короля, человѣкъ очень умный, часто выводился подъ своимъ настоящимъ именемъ на сцену старинными англійскими драматургами — что можно видѣть у Фуллера — въ видѣ какого-то придворнаго шута, а Шекспиръ сдѣлалъ изъ него своего Фальстаффа. Онъ принималъ въ свое комбгэмское имѣніе, наслѣдованное отъ жены, и защищалъ отъ судей и епископовъ миссіонеровъ и проповѣдниковъ, разосланныхъ лоллардами по всѣмъ частямъ Англіи и сильно вліявшихъ на народъ своими проповѣдями. Едва Генрихъ V вступилъ на престолъ, какъ рыцарство и духовенство аттаковали его просьбами положить конецъ библейской демагогіи; но на Джона Ольдкэстля они долго не смѣли нападать, потому что онъ пользовался большимъ расположеніемъ короля. Когда наконецъ духовенство принесло на него формальную жалобу, Генрихъ обѣщалъ постараться дружескими совѣтами измѣнить образъ мыслей своего друга; но не успѣвъ въ этомъ, онъ позволилъ арестовать его. Арестантъ, любимый королемъ, охранялся плохо и успѣлъ бѣжать. Его бѣгство дало электрическій толчекъ всему народу, а духовенство, имѣвшее тогда, какъ и теперь, общіе интересы съ дворянствомъ, воспользовалось движеніемъ, чтобы выставить Ольдкэстля и лоллардовъ опасными въ политическомъ отношеніи. Ихъ обвинили въ заговорѣ противъ государства, что, конечно, было невѣроятно, хотя нельзя не согласиться, что ихъ демократія была весьма опасна при общемъ ожесточеніи противъ злоупотребленій церкви. Самъ Генрихъ повѣрилъ наконецъ, что духовные радикалы опасны государственному порядку, и приказалъ мировымъ судьямъ схватить всѣхъ ихъ проповѣдниковъ. Это было исполнено, а вмѣстѣ съ тѣмъ арестовали и Ольдкэстля и предали духовному суду. Хитрый и лицемѣрный предсѣдатель суда говорилъ до нельзя кроткимъ тономъ, тогда какъ храбрый рыцарь, возбуждаемый негодованіемъ, выражался рѣзко. Обращаясь не къ духовнымъ судьямъ, а къ публикѣ, онъ напалъ на англійскую церковь съ той стороны ея, которая наиболѣе слаба и теперь, хотя она и называетъ себя протестантскою. Церковь, говорилъ онъ, должна быть не домомъ призрѣнія для аристократіи, но убѣжищемъ для бѣдныхъ; она потеряла евангельскій характеръ, съ тѣхъ поръ какъ ее развратили мірскія сокровища; духовенство — это антихристъ или апокалипсическій звѣрь, голова котораго — папа, члены — епископы и прелаты, а хвостъ — монашескіе ордена; наслѣдникомъ св. Петра можетъ быть лишь тотъ, кто наиболѣе слѣдуетъ его добродѣтелямъ. Вскорѣ Ольдэстль вторично бѣжалъ изъ заключенія. Послѣ этого у Генриха прошла охота преслѣдовать поборниковъ практическаго христіанства. Поэтому ему старались внушить, что лолларды — политическая секта, проповѣдующая, подъ предлогомъ религіи, республику и коммунизмъ. Для этой цѣли воспользовались неосторожнымъ поступкомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые въ 1414 г. собрались для совѣщанія въ Сенъ-Джайльсъ, — мѣстность въ то время поросшую кустарниками и находившуюся за городскими воротами, гдѣ теперь одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ и жалкихъ лондонскихъ приходовъ. Это дало ихъ врагамъ возможность увѣрить короля, что 20 т. еретиковъ составили заговоръ и намѣрены напасть на столицу. Не подумавъ о неправдоподобности обвиненія, Генрихъ немедленно двинулся съ кавалеріей въ Сенъ-Джайльсъ, заперъ городскія ворота

и устроилъ настоящую охоту на нѣсколько сотенъ людей, находившихся въ кустарникахъ. Послѣ подобной расправы безъ суда, ему уже нельзя было остановиться. Конечно, ересь не могла быть истреблена силою, но еретики были предоставлены на жертву ярости и мести тѣхъ, которые тогда, какъ и теперь, мотали достояніе англійской церкви. Они позаботились о преслѣдованіи и судебномъ убійствѣ сектаторовъ. Имъ удалось наконецъ отыскать Джона Ольдкэстля, четыре года укрывавшагося отъ преслѣдователей; онъ былъ приговоренъ къ смерти и казненъ тѣмъ каннибальскимъ способомъ, которымъ тогда убивали государственныхъ преступниковъ.

Преслѣдованіемъ своихъ евангелическо-демократическихъ подданныхъ Генрихъ пріобрѣлъ расположеніе аристократическаго духовенства и рыцарства. Хищное войнолюбивое дворянство тѣмъ охотнѣе поддерживало его въ войнѣ противъ Франціи, что надѣялось воротить помѣстья, потерянныя по миру въ Бретиньи. Война была задумана еще Генрихомъ IV; его сынъ ждалъ только болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ; и теперь внутренніе раздоры Франціи обѣщали предпріятію несомнѣнный успѣхъ. Аррасскій миръ пріостановилъ, правда, войну арманьяковъ и бургиньоновъ; но парижскіе демагоги могли ежеминутно возбудить новыя волненія, а аристократія была раздѣлена на три партіи, вожди которыхъ вмѣстѣ угнетали народъ ужаснымъ образомъ и на его глазахъ безстыдно мотали выжатыя изъ него деньги. Во главѣ одной партіи стоялъ Іоаннъ Безстрашный, не присягавшій еще (въ началѣ 1415 г.) аррасскому договору и выжидавшій случая воротить потерянное вліяніе на управленіе. Другая партія имѣла предводителями Арманьяка, Карла Орлеанскаго и другихъ принцевъ, желавшихъ отнять у дофина управленіе дѣлами не только на время припадковъ сумасшествія короля, но и на болѣе долгій срокъ. Наконецъ дофинъ располагалъ третьею партіею и имѣлъ законное право на регентство, но столь же мало щадилъ народъ, какъ и его мать и принцы. По удаленіи герцога Бургундскаго онъ овладѣлъ Парижемъ, хотя первое нападеніе его было отбито принцами. Всѣхъ этихъ господъ, за исключеніемъ герцога Беррійскаго, онъ выгналъ изъ города, захватилъ государственную казну и вскорѣ довелъ страну до отчаянія мотовствомъ, роскошью, развратомъ и непотребною жизнью. Чтобъ угождать любимцамъ и обогащать любовницъ, онъ не пощадилъ даже матери, и силою завладѣлъ ея деньгами, розданными на сохраненіе духовенству и въ частныя руки. Герцога Бургундскаго онъ оскорбилъ дурнымъ обращеніемъ съ его добродѣтельною дочерью, своею женою, которую наконецъ вовсе удалилъ отъ себя. Это дало Іоанну поводъ не утверждать аррасскаго договора, и даже объявить черезъ пословъ на торжественной аудіенціи, что онъ до тѣхъ поръ не обяжется выполнить условій, пока дофинъ не сойдется съ женою и не удалитъ любовницу (que le dauphin demeurât avec sa femme, qu'il avait reléguée à Saint Germain en Laye, et qu'il déboutât de sa compagnie une amie, qu'il tenait au lieu de femme). Хотя впослѣдствіи онъ утвердилъ договоръ, не смотря на то что требованіе его не было исполнено, но открыто заявилъ, что не выставитъ войскъ для предстоявшей войны съ Англіей. Дофинъ, съ своей стороны, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ избѣжать этой войны, и согласился бы купить миръ пожертвованіемъ городовъ и провинцій. Но Генрихъ V постоянно возвышалъ требованія и наконецъ возобновилъ притязанія Эдуарда III на французскую корону (т. III, стр. 329). Это требованіе было заявлено въ іюнѣ 1414 г., слѣдовательно во время сильнѣйшаго разгара смутъ во Франціи; этимъ только можно объяснить, что переговоры о столь странномъ притязаніи тянулись до начала 1415 г. По заключеніи аррасскаго мира, Генрихъ сдѣлался уступчивѣе и требовалъ Нормандіи, Анжу и Мена; повидимому позднѣе онъ былъ готовъ отказаться и отъ этихъ требованій и удовольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ и рукою французской принцессы, но вдругъ прервалъ переговоры и объявилъ войну. Оказалось, что онъ велъ переговоры только съ цѣлью выиграть время для окончанія своихъ военныхъ приготовленій и сбора денегъ. Когда все было готово, онъ неожиданно объявилъ въ собраніи, состоявшемъ изъ 15 духовныхъ и 28 свѣтскихъ перовъ, что рѣшился вернуть оружіемъ наслѣдіе отцовъ (апрѣль 1415 г.). Все, касающеѣся сбора, организаціи и содержанія его войска, обстоятельно изложено у Реймера (Rymer) въ собраніи документовъ, относящихся къ англійской исторіи. 14 августа 1415 г. Генрихъ съ

войскомъ, состоявшимъ изъ 6 т. тяжело вооруженныхъ и 24 т. стрѣлковъ, высадился въ Нормандіи и осадилъ сильно укрѣпленный по тогдашему времени Арфлеръ. Французы, не дѣлавшіе еще никакихъ приготовленій къ войнѣ, поспѣшно собрали войска, но выступили въ походъ уже по взятіи Арфлера. Въ ихъ арміи,— какъ въ нѣмецкихъ имперскихъ войскахъ, — было множество принцевъ и высокихъ особъ, но не было полководцевъ. Кромѣ коннетабля д'Альбре, въ походѣ участвовали король, дофинъ, герцоги Беррійскій, Бурбонскій, Анжуйскій, Алансонскій, Барскій, и много графовъ и бароновъ. Герцогъ Орлеанскій также явился, хотя ему было запрещено идти въ походъ. Напротивъ того, герцогъ Бургундскій не пріѣхалъ и даже не пустилъ сына, графа Шароле; но братья его, герцоги Брабантскій и Неверскій исполнили вассальную обязанность.

По взятіи Арфлера, англійскому войску, очень ослабленному болѣзнями и потерями при осадѣ, слѣдовало сѣсть на корабли, чтобы отправиться въ Гіэнь; но король Генрихъ рѣшился, презирая непріятеля, двинуться въ Нормандію, Пикардію и Артуа. На этомъ походѣ онъ очутился въ такомъ же затруднительномъ положеніи, какъ Эдуардъ III передъ сраженіемъ при Кресси (т. III, стр. 332). Онъ разсчитывалъ перейти Сомму въ томъ же мѣстѣ, гдѣ Эдуардъ, но, найдя бродъ загороженнымъ палисадами и охраняемымъ впятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ, принужденъ былъ подняться выше и переправился у Бетанкура, между Пероною и Сенъ-Кантеномъ. Очутясь вблизи непріятельскаго войска, ежедневно усиливавшагося, онъ долженъ былъ стараться достигнуть Кале, потому что не могъ бы долго держаться въ непріятельской странѣ, еслибъ французы стали избѣгать сраженія. По совѣту коннетабля, послѣдніе сначала дѣйствительно держались этой системы. Но принцы и бароны, собравшіеся на военной совѣтъ, сочли стратегическій планъ трусостью и настаивали на томъ, чтобы дать рѣшительное сраженіе. Это было исполнено 25 октября 1415 г. недалеко отъ поля битвы при Кресси, при замкѣ А з е н к у р ѣ, по имени котораго и называется это сраженіе. По приготовительнымъ распоряженіямъ, можно было подумать, что обѣ стороны готовятся къ турниру или рыцарскому поединку; онѣ взаимно послали, черезъ герольдовъ, вызовъ на бой и условились въ часѣ. Когда войска сошлись, коннетабль не позволилъ французамъ кинуться на англичанъ, какъ это было при Кресси и Пуатье, но велѣлъ выжидать нападенія. Онъ не принялъ въ разсчетъ того, что главная сила англійскаго ополченія состояла изъ стрѣлковъ, не имѣвшихъ себѣ равныхъ въ цѣломъ мірѣ. Вслѣдствіе этого французы были не только совершенно разбиты, но англичане купили побѣду относительно очень дешево. Закованные въ желѣзо французы безразсудно подошли слишкомъ близко и считали благоразумное отступленіе позоромъ, а англичане издали поражали ихъ стрѣлами. По показанію побѣдителей, французы оставили на полѣ сраженія болѣе 8 т. рыцарей. Быть можетъ, это преувеличено; но тѣмъ не менѣе со стороны французовъ пало болѣе 100 бароновъ, 7 графовъ, герцоги Брабантскій, Барскій, Алансонскій и коннетабль д'Альбре. Сверхъ того сохранившійся списокъ принцевъ и рыцарей, павшихъ при Азенкурѣ, подтверждаетъ извѣстіе, что во всей Франціи не было ни одного знатнаго рода, которому бы не пришлось оплакивать кого-нибудь изъ своихъ членовъ. Въ числѣ плѣнныхъ, большую часть которыхъ Генрихъ велѣлъ разстрѣлять, были герцоги Орлеанскій и Бурбонскій, графы д'Е, Вандомъ, Ришмонъ и маршалъ Бусико. Если вѣрить одной хроникѣ, Генрихъ обошелся съ герцогомъ Орлеанскимъ далеко не великодушно и не вѣжливо; онъ обратился къ нему со словами, болѣе приличными какому-нибудь методисту или піетисту, чѣмъ побѣдоносному королю. (Говорятъ, онъ сказалъ герцогу: On dit que oncques plus grand desroy et desordonnance de voluptés, de péchés et de mauvais vices ne fut veu, que regnent aujourd'hui en France, et est pitié de l'ouir recorder et horreur aux écoutants, et se dieu courroucé, ce n'est merveilles et nul ne doit s'én ébahir). Герцоги Орлеанскій и Бурбонскій были отправлены въ Англію и оставались въ плѣну до смерти Генриха. Всѣхъ остальныхъ плѣнниковъ онъ отпустилъ за выкупъ, а многихъ даже на честное слово, взявъ съ нихъ обязательство внести за себя деньги впослѣдствіи. Затѣмъ онъ вернулся въ Англію.

Послѣ азенкурскаго сраженія, герцогъ Бургундскій, давно уже сносившійся съ Генрихомъ, двинулся къ Парижу, но, промедливъ въ Ланьи, долженъ былъ отсту-

нить. Это нанесло сильный ударъ его партіи въ Парижѣ. Кобошъ и его друзья смирились, а глава орлеанской партіи, владѣтельный графъ Арманьякъ, призванный съ юга въ Парижъ, былъ сдѣланъ коннетаблемъ на мѣсто д'Альбре. Вслѣдъ за тѣмъ (декабрь 1415 г.) умеръ дофинъ Лудовикъ, назначенный въ началѣ войны королевскимъ намѣстникомъ (lieutenant du roi), и тогда, казалось, власть окончательно перешла къ Арманьяку. Распоряжаясь, какъ коннетабль, всѣми военными силами, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ захватилъ и финансы, сталъ раздавать должности, словомъ, сдѣлался тѣмъ, что впослѣдствіи называлось первымъ министромъ. Утвердившись на своемъ мѣстѣ, онъ позаботился о возобновленіи процесса объ убійствѣ герцога Орлеанскаго. Тогда герцогъ Бургундскій рѣшился запугать новаго дофина Іоанна, втораго сына Карла VI, тѣснымъ сближеніемъ съ Англіей, о которомъ, безъ сомнѣнія, вовсе тогда не помышлялъ серьезно. Послѣ долгихъ переговоровъ, онъ видѣлся съ Генрихомъ въ Кале (сентябрь 1416 г.). Результатомъ этого свиданія, при которомъ никто не присутствовалъ, считаютъ договоръ, находящійся въ Реймеровскомъ собраніи источниковъ англійской исторіи. Въ немъ сказано, что герцогъ Бургундскій, убѣдясь, что Генрихъ—законный государь Франціи, наслѣдствомъ котораго неправильно завладѣли другіе, обязуется исполнять всѣ обязанности вассала, какъ скоро король овладѣетъ значительною частью Франціи. Сверхъ того, герцогъ обѣщаетъ во все время войны за обладаніе Франціей дѣйствовать съ своей стороны всѣми силами противъ лицъ, обозначенныхъ въ договорѣ буквами A, B, C, D, если они не захотятъ повиноваться англійскому королю. Вилларе и другіе французскіе ученые увѣряютъ, что этотъ трактатъ былъ дѣйствительно заключенъ, но въ сущности онъ не былъ подписанъ, ни даже окончательно изготовленъ. Ученые бенидиктинцы, написавшіе l'art de vérifier les dates, и новѣйшій англійскій историкъ Лингардъ признаютъ этотъ документъ только проектомъ договора. Два обстоятельства подтверждаютъ это. Во-первыхъ, Генрихъ V ни до того, ни потомъ, до смерти Іоанна Бургундскаго, не заявлялъ никакихъ другихъ притязаній, кромѣ требованія уступки въ непосредственное владѣніе Нормандіи и Гіэни, которыя ему соглашались отдать лишь какъ лены. Во-вторыхъ, во время свиданія герцога Бургундскаго съ англійскимъ королемъ дофинъ былъ у зятя Іоанна, графа Геннегаускаго, и Іоаннъ отправился изъ Кале прямо въ Компьень къ дофину; онъ оставался въ дружескихъ сношеніяхъ съ Парижемъ и принялъ сторону Англіи только по смерти дофина, въ апрѣлѣ 1417 г: Рапенъ-Туара и Юмъ ошибочно отнесли смерть дофина къ 1416 г. и оттого сдѣлали ошибочныя заключенія.

По смерти дофина Іоанна, арманьяки и бургиньоны гласно обвиняли другъ друга въ его отравленіи; герцогъ Бургундскій въ одномъ манифестѣ, изданномъ въ 1418 году, излагаетъ всѣ обстоятельства, заставлявшія предполагать отравленіе (Il trépassa tout enflé des joues, par la langue et les lèvres, ayant les yeux élévés et saillants, tellement que c'était grand pitié à voir, vu que cette forme de mourir est une manière, dont gens empoisonnés ont coutume de mourir). Было произведено слѣдствіе. Мѣсто умершаго занялъ младшій сынъ Карла VI, будущій король Карлъ VII. Неурядица съ этихъ поръ сдѣлалась сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Новому дофину было всего 14 лѣтъ, а съ королевою Арманьякъ обращался какъ съ плѣнницей, обвиняя ее въ сношеніяхъ съ бургундской партіей. Она удалилась въ Венсеннь и своимъ мотовствомъ раздражала народъ. Наивный Жювеналь дез'Юрсенъ, писавшій при Карлѣ VII и Людовикѣ XI исторію царствованія Карла VI, нападаетъ даже на причудливые и тяжелые наряды королевы и ея придворныхъ дамъ (les dames et demoiselles menoient grands et excessifs états et cornes merveilleuses, hautes et longues, et avaient de chaque côté au lieu de bourlées deux grandes oreilles si larges, que, quand elles voulaient passer l'huis d'une chambre, il falloit qu'elles se tournassent de coté et baissassent, ou elles n'eussent pu passer). Чтобъ окончательно отдѣлаться отъ королевы, Арманьякъ воспользовался самимъ несчастнымъ королемъ. Онъ увѣрилъ его, что оберъ-гофмейстеръ королевы, Людовикъ Бурдонъ — ея любовникъ; Карлъ немедленно поскакалъ въ Венсеннь, велѣлъ арестовать обвиненнаго и, не повидавшись съ женою, вернулся въ Парижъ. Бурдона жестоко пытали и конечно заставили показать все, чего хотѣли. Наказаніе было также произвольно, какъ и судебный

розыскъ: его зашили въ кожаный мѣшокъ съ надписью: «почтеніе къ королевскому правосудію» (laissez passer la justice du roi), пронесли ночью по городу и бросили въ Сену. Королеву сослали въ Туръ, распустили весь ея дворъ и приставили къ ней трехъ стражей. Коннетабль и дофинъ завладѣли безъ большихъ церемоній всѣми ея деньгами, розданными на сохраненіе монастырямъ и частнымъ лицамъ. Арманьякъ, прикрываясь именемъ дофина, позволялъ себѣ жесточайшія насилія и вымогательства. Это дало герцогу Бургундскому поводъ выступить защитникомъ угнетеннаго народа и заключенной, оскорбленной королевы. Господствующая партія еженедѣльно издавала новыя прокламаціи, въ которыхъ называла герцога Бургундскаго и его приверженцевъ мятежниками и врагами общественнаго спокойствія, и приглашала всѣхъ подданныхъ короля преслѣдовать и истреблять ихъ, какъ государственныхъ преступниковъ. Іоаннъ въ своихъ манифестахъ не оставался въ долгу предъ арманьяками и дофиномъ. Онъ выставлялъ во всѣхъ большихъ городахъ плакарды, грозя огнемъ и мечомъ всѣмъ, кто будетъ помогать арманьякамъ, которыхъ называлъ тиранами, убійцами и отравителями. Но не ограничиваясь строченіемъ и бранью, онъ употреблялъ, для возбужденія парижанъ и народныхъ массъ, тѣ же средства, какія употребляютъ наши республиканцы. Онъ обѣщалъ городамъ и мѣстечкамъ, которые примутъ его сторону, освободить ихъ отъ тяжкихъ налоговъ десятины, барщины, солянаго налога и другихъ поборовъ, удручавшихъ народъ (des aides, teilles, dixmes, gabelles et autres vexations dont le pauvre peuple était grevé). Сверхъ того, онъ набралъ войско авантюристовъ, и отдавъ имъ сперва въ жертву своихъ собственныхъ подданныхъ, повелъ на Парижъ. Войско это усиливалось съ каждымъ днемъ, а въ то же время Генрихъ V высадился въ Нормандіи и завоевалъ большую часть этой провинціи. Города провинцій Понтье, Пикардіи, Вермандуа, Бовуази, а также Реймсъ, Труа, Окзерръ и другія мѣстности объявили себя за Іоанна, и почти не проходило дня, чтобъ какой-нибудь городъ не принималъ андреевскаго креста бургиньоновъ. Наконецъ герцогъ подступилъ къ стѣнамъ Парижа съ сильнымъ войскомъ, хотя вѣроятно не доходившимъ до 60 тысячъ, какъ говоритъ Монтреле. Всѣ окрестные замки были въ его рукахъ. Онъ былъ такъ силенъ, что императоръ Сигизмундъ, констанцскій соборъ и только-что избранный имъ папа Мартинъ V съ своими кардиналами, отправили къ нему посольства и признали законнымъ правителемъ Франціи.

По французскимъ законамъ, въ случаѣ малолѣтства или неспособности короля, королева имѣла участіе въ управленіи. Поэтому Іоаннъ рѣшился освободить Изабеллу и сдѣлать ее своей союзницей. Это ему удалось. Зная, что королева часто ѣздитъ подъ предлогомъ слушанія мессы въ аббатство Мармутье, онъ внезапно увезъ ее отрядомъ въ 800 человѣкъ и отправилъ черезъ Шартръ въ Труа (ноябрь 1417 г.). Здѣсь она тотчасъ образовала свое регентство. Кромѣ того, объявивъ, что парижскій парламентъ состоитъ изъ орлеанистовъ, она созвала другой въ Амьенъ, сдѣлала себѣ государственную печать и во всѣхъ манифестахъ, декретахъ, эдиктахъ, употребляла формулу, выражавшую, что регентскія права предоставлены ей самимъ королемъ (Isabelle par la grace de Dieu royne de France, ayant pour l'occupation de Monseigneur le roi le gouvernement et administration du royaume par l'octroi irrévocoble à nous sur ce fait par mondit seigneur et son conseil). Коннетаблемъ она назначила герцога Лотарингскаго. Іоаннъ Безстрашный, по освобожденіи королевы, возобновилъ сношенія съ парижскими демагогами, чтобы съ ихъ помощью овладѣть столицей, гдѣ не только графъ Арманьякъ, но и молодой дофинъ становились все болѣе ненавистны. По словамъ Петра Фенена, всю интригу велъ Лиль Адамъ (Lisle Adam), бургундскій комендантъ Портуаза, имѣвшій въ Парижѣ много знакомыхъ (avoit grandes accointances en la ville de Paris). Всю зиму $14^{17}/_{18}$ г. демагоги настраивали простонародье въ пользу герцога Бургундскаго. Въ маѣ 1418 г. купецъ Перринъ ле Клеръ, считавшій себя обиженнымъ, похитилъ ночью ключи Сенъ-Жерменскихъ воротъ изъ-подъ подушки своего отца, хранившаго ихъ въ качествѣ начальника одного квартала, и отперъ ворота бургундцамъ. 800 всадниковъ, наскоро собранныхъ по данному сигналу Лиль Адамомъ, вступили въ городъ, занятый нѣсколькими тысячами солдатъ коннетабля. Парижане соединились съ бургундцами, привѣтствуя ихъ, провозглашая миръ и требуя смерти арманьяковъ. Графъ Ар-

маньякъ хотѣлъ спрятаться, но былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму вмѣстѣ съ двумя папскими легатами, реймсскимъ архіепископомъ и нѣсколькими епископами. Легатовъ и архіепископа вскорѣ выпустили, но остальные остались въ тюрьмѣ, гдѣ ихъ ожидала ужасная смерть. Событія, послѣдовавшія за вступленіемъ въ Парижъ бургундцевъ, по описанію наивныхъ хроникъ того времени, буквально схожи съ тѣмъ, что претерпѣлъ этотъ городъ въ 1789—1794 г.; только въ XVIII ст. неистовствовала чернь, а въ XV дворянство. Въ столицу отовсюду устремилась всевозможная сволочь, дававшая волю своимъ дикимъ страстямъ. Ярость перешла всѣ границы, когда Танги дю Шатель, спасшійся съ дофиномъ въ Бастилію, сдѣлалъ вылазку. Онъ былъ отбитъ, но успѣлъ бѣжать вмѣстѣ съ дофиномъ изъ города. Будгундская партія отмстила за нападеніе всеобщимъ избіеніемъ орлеанистовъ и разграбленіемъ домовъ всѣхъ считаемыхъ приверженцами Арманьяка. 12 іюня 1418 г. убійцы ворвались въ тюрьмы, и во всѣхъ улицахъ Парижа были совершены жестокія убійства. Сперва были убиты тюремщики и стража, а потомъ заключенные и всѣ казавшіеся подозрительными. Ярость была такъ велика, что не щадили даже ребенка во чревѣ матери, и по улицамъ ходили въ крови, покрывавшей всю ступню. Убійства совершались не одною чернью или нанятыми убійцами; въ нихъ участвовали первые аристократы Франціи: Лиль Адамъ, Аркуръ, Люксамбуръ, Фоссезъ, Шеврезъ и другіе возбуждали толпу и помогали ей своей кавалеріей. По словамъ Journal de Paris въ теченіе первыхъ 24 часовъ было убито 1518 человѣкъ, и въ томъ числѣ, кромѣ многихъ другихъ знатныхъ лицъ обоего пола, коннетабль, канцлеръ, его сынъ и епископъ кутанскій. Хронологическая исторія Карла VI утверждаетъ, что въ эти кровавые дни всего погибло болѣе 3 т. человѣкъ. По окончаніи убійствъ, герцогъ Бургундскій и королева вступили въ городъ и приняли правленіе. Король былъ для нихъ такимъ же орудіемъ, какъ для Арманьяка (car le roi estoit du tout content des Bourguignons et des Armagnacs et peu lui chaloit et lui estoit comme indifférent comme tout allast. Chacun qui avait de lui connaissance pouvait bien savoir l'estat lamentable où il se trouvait).

Государство, повидимому, было близко къ распаденію. Англійскій король завладѣлъ всею Нормандіей, за исключеніемъ Шербура и Руана, которые также сдались черезъ семь мѣсяцевъ. Герцогъ Бретанскій и герцогиня Анжуйская, носившая титулъ королевы Сициліи и управлявшая за малолѣтняго сына своего Анжу и Меномъ, измѣнили своему сюзерену и заключили перемиріе съ Генрихомъ, не помышляя о своихъ обязанностяхъ относительно Карла VI. На югѣ владѣтельные графы Фуа, Коменжъ и Арманьякъ, принадлежавшіе къ партіи дофина, вели войну противъ принца Оранскаго, сторонника бургиньоновъ, причемъ обѣ стороны прикрывали знаменемъ партій личные виды. Въ то время какъ въ Парижѣ происходила страшная рѣзня, и два коннетабля, два парламента, два регентства воевали другъ противъ друга, принцъ Оранскій занялъ лангедокскіе города и заставилъ ихъ принять регентство королевы и герцога Бургундскаго. Попытка герцога Бретанскаго и папскихъ легатовъ примирить партіи не имѣла успѣха. Только по взятіи англичанами Руана, дофинъ, или, правильнѣе, его приближенные согласились вступить въ переговоры съ Іоанномъ и королевою; но на этотъ разъ дѣло не сладилось. Тогда Іоаннъ рѣшился привлечь на свою сторону короля Генриха, уже называвшаго себя на вычеканенныхъ въ Руанѣ монетахъ королемъ Франціи. Онъ отправился съ Изабеллой въ Понтуазъ, а Генрихъ пріѣхалъ въ сосѣдній Мантъ. Свиданіе произошло между этими городами на открытомъ, отгороженномъ мѣстѣ, въ присутствіи обѣихъ армій. Герцогъ и королева взяли съ собой дочь короля Карла, Екатерину; ее уже давно предлагали англійскому королю въ невѣсты, надѣясь черезъ нее получить болѣе выгодныя условія. Дѣйствительно, красота принцессы поразила Генриха, но тѣмъ не менѣе онъ не отступилъ въ главномъ пунктѣ, т. е. въ притязаніяхъ на Францію. Пока шли эти переговоры, Танги дю Шатель, пріѣхавшій въ Понтуазъ, сдѣлалъ попытку примирить Іоанна Безстрашнаго съ дофиномъ; онъ склонилъ на свою сторону нѣкоторыхъ приближенныхъ Іоанна и одну изъ его любовницъ, г-жу де Жіакъ, и въ іюлѣ 1419 г. убѣдилъ герцога повидаться съ дофиномъ. Свиданіе произошло 11 іюля между Менёномъ и Корбейлемъ, въ Пуальи ле Форъ. Результатомъ его было примиреніе, скрѣпленное священнѣйшею клятвою, данною на крестѣ

и евангеліи въ присутствіи папскаго легата, епископа ланскаго. Словесный договоръ былъ потомъ написанъ, подписанъ обѣими сторонами и предъявленъ парижскому парламенту. Дофинъ и герцогъ Бургундскій согласились, въ силу этого договора, управлять государствомъ сообща, именемъ короля.

Всѣ французскіе города праздновали всевозможными торжествами окончаніе несчастной распри; но радость ихъ была не продолжительна. Послѣ смерти Арманьяка молодой дофинъ находился во власти вполнѣ безсовѣстнаго Таннги дю Шателя. Онъ и его рыцарственные друзья, де Нарбоннъ, де Барбазанъ, де Житри и другіе, ожесточенные на Іоанна за убійство герцога Орлеанскаго и не разбиравшіе средствъ для отмщенія, рѣшились отдѣлаться предательскимъ убійствомъ отъ ненавистнаго герцога Бургундскаго. Пятнадцатилѣтній дофинъ былъ уговоренъ на этотъ поступокъ, не отличавшійся ничѣмъ отъ того, который былъ совершенъ Іоанномъ относительно герцога Орлеанскаго. Для выполненія этого умысла, положили воспользоваться новымъ свиданіемъ принцевъ, назначеннымъ на 18 августа. Оба принца опасались злыхъ умысловъ другъ друга; вслѣдствіе этого свиданіе откладывалось съ недѣли на недѣлю. Наконецъ назначили рѣшительный срокъ, 10 сентября; но по мѣрѣ его приближенія, герцогъ Бургундскій опять сталъ колебаться. Дю Шатель снова обратился къ дамѣ, устроившей примиреніе, и Іоаннъ, убѣжденный ею, наконецъ рѣшился. Свиданіе происходило на этотъ разъ въ Монтро на Іонискомъ мосту. По срединѣ моста было отгорожено перилами пространство, гдѣ сошлись оба принца, имѣя каждый по десяти спутниковъ. Сверхъ того каждый привелъ въ Монтро по 400 человѣкъ, расположившихся въ отдаленіи. Съ дофиномъ были дю Шатель, Барбазанъ, виконтъ де Нарбоннъ и другія креатуры Арманьяка, озлобленные за его смерть. Большая часть изъ нихъ была вооружена сѣкирами и имѣла подъ верхнимъ платьемъ кольчуги (armès à couvert), тогда какъ герцогъ Бургундскій и его спутники были въ обыкновенномъ платьѣ и имѣли при себѣ только мечи. Въ ближайшихъ къ мосту домахъ скрывалось значительное число людей, и хотя Іоаннъ предварительно обыскалъ эти дома, но вѣроятно его успѣли обмануть. Разговоръ начался дружелюбно; однако герцогъ держался въ отдаленіи, какъ вдругъ дю Шатель толкнулъ его впередъ и заперъ дверцы перилъ. Въ то же время другой спутникъ дофина, президентъ Прованса, Луве, подалъ условленный сигналъ; тогда дю Шатель бросился на Іоанна съ сѣкирой, а виконтъ де Нарбоннъ напалъ на де Ноайля, хотѣвшаго защищать герцога; убійцы, выскочившіе изъ сосѣднихъ домовъ, довершили страшное преступленіе. Іоаннъ Безстрашный и де Ноайль были убиты, прочіе спутники герцога взяты въ плѣнъ, исключая Монтегю, который перескочилъ черезъ перила и убѣжалъ. Судя по выпискѣ изъ хроники, гдѣ говорится объ этомъ убійствѣ и которая занимаетъ 13 страницъ, каннибальское звѣрство этихъ убійцъ XV вѣка равнялось ярости радикальныхъ убійцъ XVIII (L'animositè des assassins fut telle, que chacun prit un morceau de la robe du duc et le porta comme une marque honorifique de cet affreux exploit. Du Chastel d'un des èperons noirs du duc fif faire un ètuy pour enchasser la hache au bec de faucon dont il s'ètait servi). Относительно подробностей убійства описанія противорѣчатъ другъ другу, но что касается сущности дѣла, то въ этомъ всѣ показанія согласны. Не стоитъ разбирать, въ какой степени участвовалъ въ этомъ постыдномъ преступленіи дофинъ. Это убійство возбудило сильное негодованіе въ сѣверной и западной Франціи и въ Бургундіи, отчасти потому, что виновники его, приближенные дофина, были уроженцами юга и бретонцы, и поэтому не считались французами (le dauphin èstoit gouvernè en ce tems par les seignieurs de Barbazan, Tannegny du Chastel, le vicomte de Norbonne, le seigneur de Gitery et plusieurs autres qui point n'estaient du royaume de France). Съ обѣихъ сторонъ и въ Бургундіи поднялась сильная буря противъ дофина и его приверженцевъ. Недовольные нашли опору въ королевѣ, совершенно владѣвшей королемъ, въ сынѣ и наслѣдникѣ убитаго герцога, Филиппѣ Добромъ, и его племянникѣ, графѣ де Сенъ-Полѣ. Послѣднему было всего тринадцать лѣтъ, но не смотря на это дядя назначилъ его вмѣсто себя намѣстникомъ короля и парижскимъ губернаторомъ; его окружали канцлеръ де Бетръ и другіе опытные люди. Королева разослала по всѣмъ городамъ циркуляры противъ своего сына и его сообщниковъ, какъ она выражалась, убійцъ герцога Бургундскаго. Всѣмъ вѣрноподданнымъ

даннымъ предписывалось именемъ короля оставить службу его сына Карла; королева писала, что подобные циркуляры будутъ издаваться каждую недѣлю, чтобы всѣ могли узнать о подлости дофина. Въ Парижѣ негодованіе перешло въ ярость; красные шарфы и андреевскіе кресты опять появились какъ отличительный знакъ партіи; дворянство, духовенство и магистратура поклялись графу Сенъ-Полю мстить за смерть герцога. Вмѣстѣ съ тѣмъ городъ уполномочилъ графа или, правильнѣе, канцлера и нѣсколькихъ гражданъ, вступить въ переговоры съ англійскимъ королемъ, а всѣ города, принадлежавшіе къ бургундской партіи, заключили тѣсный оборонительный союзъ между собой и съ Парижемъ. Двадцатитрехлѣтній сынъ Іоанна, Филиппъ Добрый, получилъ въ Гентѣ извѣстіе о смерти отца, по молодости увлекся своимъ чувствомъ и тотчасъ послалъ въ Парижъ бургундскаго маршала, чтобы склонить короля и королеву къ противоестественному союзу съ англійскимъ королемъ. Генрихъ между тѣмъ завоевывалъ одинъ городъ за другимъ къ сѣверу и западу отъ Парижа и желалъ скрѣпить свои притязанія на французскую корону бракомъ съ дочерью Изабеллы, Екатериною. Уже въ сентябрѣ 1419 г. англійскіе уполномоченные вступили въ переговоры съ врагами дофина, въ ноябрѣ было заключено перемиріе съ Парижемъ, а въ декабрѣ общее перемиріе. Тѣмъ временемъ дофинъ склонилъ на свою сторону герцога Бретанскаго и старался утвердиться на югѣ. Онъ занялъ Турень, Пуату и Лангедокъ, назначилъ графа Клермона правителемъ Лангедока, возстановилъ тулузскій парламентъ, отнялъ у принца Оранскаго города Нимъ и Понъ-Сент-Еспри, отданные принцу Іоанномъ Безстрашнымъ; затѣмъ онъ вытѣснилъ отовсюду оранскія войска и обратился за помощью къ королямъ кастильскому и арагонскому и регенту Шотландіи.

Въ послѣдніе мѣсяцы 1419 г. дофинъ совершенно очистилъ южныя провинціи отъ приверженцевъ герцога Бургундскаго; между тѣмъ Филиппъ Добрый и королева устроили большой конгрессъ въ Аррасѣ для переговоровъ съ Генрихомъ V. Кромѣ уполномоченныхъ отъ обѣихъ сторонъ, сюда пріѣхали представители значительнѣйшихъ городовъ и графъ де Сенъ-Поль, въ качествѣ королевскаго намѣстника Парижа. Переговоры окончились принятіемъ слѣдующихъ прелиминарныхъ условій: Генрихъ женится на принцессѣ Екатеринѣ, а Карлъ VI остается французскимъ королемъ, но послѣ его смерти Франція перейдетъ къ Генриху и его потомству. По неспособности Карла, правителемъ будетъ Генрихъ; государственные чины должны присягнуть ему и обѣщать признать его по смерти Карла законнымъ государемъ. По принятіи этихъ прелиминарій было заключено перемиріе срокомъ до марта 1420 г. Дофинъ и его приверженцы (nommès Armagnacs) были исключены изъ него. 20 мая 1420 г. Генрихъ подошелъ съ 12 т. войска къ Труа, гдѣ жили король и королева, и 21 мая здѣсь былъ заключенъ миръ. Совершенно сумасшедшій Карлъ подписалъ нелѣпый, противоестественный договоръ, лишавшій наслѣдства его собственнаго сына и навѣки неразрывно присоединявшій Францію къ Англіи (perpetuellement et indivisèment). Въ іюнѣ Генрихъ женился на Екатеринѣ. Затѣмъ онъ взялъ Монтро, Меленъ, мужественно сопротивлявшійся ему, и другіе укрѣпленные города, и 1 декабря вступилъ въ Парижъ. Въѣздъ былъ великолѣпенъ: Генриха сопровождали король, двѣ королевы, его жена и теща, и множество англійскихъ и бургундскихъ вельможъ. Въ Парижѣ былъ собранъ такъ называемый общій сеймъ, въ которомъ участвовали и англичане. Къ большой досадѣ герцога Бургундскаго, ему даже пришлось уступить первенство нѣсколькимъ англійскимъ вельможамъ. Сеймъ рѣшилъ произвести принудительный заемъ и значительно понизить дѣйствительную цѣнность серебряной монеты, что доставило Генриху $^1/_8$ часть всего обращавшагося въ государствѣ серебра. Конечно, эти двѣ мѣры не могли особенно расположить народъ въ новому правителю. Тѣмъ не менѣе чины утвердили договоръ, заключенный въ Труа. Затѣмъ собрался парламентъ, чтобы вмѣстѣ съ королевскимъ совѣтомъ обсудить жалобу Филиппа Добраго на убійцъ его отца. Судъ дѣйствительно началъ процессъ, и канцлеръ именемъ Генриха обѣщалъ оказать правосудіе. Дофина потребовали къ отвѣту, но онъ не явился. Процессъ кончился тѣмъ, что Генрихъ именемъ короля утвердилъ заочный приговоръ надъ убійцами Іоанна. Трудно рѣшить, распространялся ли приговоръ на дофина или нѣтъ. Историкъ Мезре говоритъ положительно, что распространялся; это подтверждаетъ и примѣчаніе въ исторіи

Жювениля дез Юрсена, повидимому заимствованное изъ достовѣрнаго источника; но имя дофина находится только въ парламентскомъ проектѣ приговора *), въ подлинникѣ же его нѣтъ, поэтому большинство французовъ отвергаетъ прямое осужденіе дофина.

Съ этого времени во Франціи дѣйствуютъ два правительства и два парламента; всѣ высшія должности заняты вдвойнѣ. Англійскій король и дофинъ всѣми силами оспариваютъ другъ у друга права на регентство и оба имѣютъ приверженцевъ. Послѣ того какъ Генрихъ провозгласилъ себя въ Парижѣ намѣстникомъ и наслѣдникомъ Карла, дофинъ отступилъ за Луару, предоставивъ своимъ сторонникамъ отстаивать укрѣпленныя мѣста на сѣверномъ берегу ея. Это имъ удалось, благодаря отношеніемъ Генриха къ шотландцамъ. Шотландіей, вмѣшавшейся теперь въ дѣла Франціи, все еще управлялъ герцогъ Ольбэни (стр. 13), потому что король Робертъ III умеръ, а сынъ и наслѣдникъ его, Іаковъ I, оставался въ плѣну у англичанъ. Генрихъ успѣлъ склонить Іакова на свою сторону, но регентъ объявилъ себя въ пользу дофина и послалъ къ нему на помощь 5 или 7 т. шотландцевъ подъ начальствомъ своего сына, графа Бокана. Въ 1421 г. Генрихъ возвратился въ Англію, назначивъ своего брата, герцога Кларенса, намѣстникомъ Нормандіи и главнокомандующимъ войсками. Герцогъ вздумалъ занять провинцію Анжу, но наткнулся на шотландцевъ и былъ на голову разбитъ при Боже. 1200 англичанъ остались на полѣ сраженія, и въ томъ числѣ самъ Клеренсъ, сперва раненый Уильямомъ Свайтономъ и окончательно добитый сѣкирой самого графа Бокана. Главными виновниками этой блистательной побѣды, ободрившей партію дофина, были самъ шотландскій главнокомандующій и лорды Уигтонъ (Wigton) и Стюартъ Дарнлэ. Генрихъ поспѣшно вернулся и съ удвоеннымъ ожесточеніемъ возобновилъ войну, но не могъ добиться рѣшительнаго результата, такъ какъ дофинъ избѣгалъ генеральнаго сраженія, а осада городовъ иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ задерживала англичанъ. Замѣчательнѣе всего была защита Мо. Генрихъ осадилъ городъ въ октябрѣ 1421 г.; но гарнизонъ, состоявшій изъ 1000 французовъ, шотландцевъ и ирландцевъ, держался семь мѣсяцевъ противъ цѣлой англійской арміи. Городъ былъ взятъ приступомъ только въ февралѣ 1422 г., но замокъ продержался еще до мая. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Генрихъ опасно заболѣлъ и умеръ 31 августа 1422 г. Спустя нѣсколько недѣль умеръ и Карлъ VI (въ октябрѣ): имъ до того пренебрегали въ послѣднее время, что парламентъ приказалъ покрыть издержки погребенія продажею его движимаго имущества (que par prèprovision on vendrait le plus profitadlement que faire se pourroit des biens meubles du feu roi jusqu'à la somme qui seroit necessaire pour faire accomplir ses funerailles).

5. Война французовъ съ англичанами при Карлѣ VII и Генрихѣ VI до арраскаго мира.

Послѣ смерти Карла VI, дофинъ немедленно принялъ королевскій титулъ, подъ именемъ Карла VII; но, не владѣя ни Парижемъ, ни Реймсомъ, онъ долженъ былъ короноваться и помазаться въ Пуатье. Въ Англіи, между тѣмъ, перы отказались подчиниться предсмертнымъ распоряженіямъ Генриха V. Они уже прежде готовились къ такому поступку и объявили, что недовольны условіями труаскаго договора, т. е. соединеніемъ Англіи съ Франціей, потому что считаютъ это опаснымъ для своихъ правъ; по смерти короля они доказали, что умѣютъ отстаивать свои права. Генрихъ V оставилъ наслѣдникомъ десятилѣтняго сына,

*) Въ немъ сказано: le dauphn et ses complices, meurtriers du duc de Bourgogne, sont déclarés criminels de lèze majesté au premier dégré et comme tels indignes et privés de toutes honneurs, dignités et successions, leurs sujets et vassaux déliés de tous sermens de féautê. (Дофинъ и его сообщники, убійцы герцога Бургундскаго, объявляются виновными въ оскорбленіи величества въ первой степени и какъ таковые недостойными и лишенными всякихъ почестей, званій и правъ на наслѣдство; ихъ подданные и вассалы освобождаются отъ всякой присяги въ вѣрности).

Генриха VI, и умирая поручилъ своему старшему брату, герцогу Бедфорду, управлять Франціей, а второму брату, герцогу Глостеру, Англіей. Согласно этому, Глостеръ принялъ послѣ смерти брата управленіе, и когда въ ноябрѣ собрался парламентъ, потребовалъ, чтобы его признали правителемъ. Но перы, справившись въ архивахъ и выслушавъ мнѣніе 12 судей, отвергли его требованіе и, не обращая вниманія на волю покойнаго короля, сдѣлали новыя распоряженія. Они объявили, что требованіе Глостера не согласно съ обычаями и съ конституціей; что Генрихъ V не имѣлъ права распоряжаться правленіемъ государства; что титулъ регента, намѣстника короля (lieutenant du roi), правителя или опекуна, не можетъ быть допущенъ, такъ какъ заключаетъ въ себѣ принципъ самодержавія. Поэтому перы должны учредить совѣтъ регентства, предсѣдателемъ котораго, по обычаю, будетъ Бедфордъ съ титуломъ протектора королевства и церкви; но Глостеръ можетъ занимать его мѣсто, пока онъ находится во Франціи. Затѣмъ они назначили канцлера, государственнаго казначея, хранителя печати и 16 совѣтниковъ, которые образовали совѣтъ регентства, подъ предсѣдательствомъ Бедфорда или его брата.

Положеніе Карла VII было во всѣхъ отношеніяхъ крайне затруднительно. Его противникъ Бедфордъ не уступалъ талантами Генриху V, не будучи, подобно ему, грубъ, высокомѣренъ и жестокъ. Карлъ, напротивъ, не имѣлъ ни одного порядочнаго качества. Онъ былъ добродушенъ, но слабъ и, какъ всѣ добрые люди, приводилъ въ отчаяніе истинныхъ патріотовъ. Имъ безусловно управляли приближенные, и притомъ не только мужчины, но женщины и дѣвушки, которыхъ онъ любилъ. Его вялость была такъ велика, что однажды Танңги-дю Шатель осмѣлился въ его присутствіи заколоть графа дофина Овернскаго. Французскіе историки прославляютъ одну изъ его любовницъ, Агнесу Сорель, за то, что она умѣла поддерживать въ немъ твердость въ минуты опасности. Въ немъ самомъ вовсе не было этого качества и вообще никакихъ достоинствъ, свойственныхъ мужчинѣ. Даже въ то время, когда люди, обезсмертившіе свое имя въ войнѣ 1423—28 гг. съ англичанами, Дюнуа, ла Гиръ, Ришмонъ воспламенили патріотизмъ французовъ и, пользуясь одушевленіемъ, совершали невѣроятные подвиги, даже тогда онъ не могъ самъ пробудить націю, ободрить ее и повести на бой. Для этой цѣли употребили плоскій фарсъ, разыгранный дѣвушкой, будто бы посланною свыше для спасенія отечества. Вдобавокъ у него было слишкомъ мало силъ. Когда онъ короновался въ Пуатье, ему принадлежала только провинція Берри, такъ что его въ насмѣшку называли королемъ Буржа (главнаго города провинціи). А между тѣмъ во власти Бедфорда были Парижъ, Иль-де-Франсъ, Нормандія, Бри, Шампань, Пикардія, Понтье, Булоне, Калези до фландрскихъ границъ и Югъ (Аквитанія) до Пиренеевъ и океана. Карлъ едва могъ возвратить Лангедокъ, занятый сперва принцемъ Оранскимъ, а потомъ графомъ Фуа. Впрочемъ его признавали въ Дофине, Оверни, Бурбонне, Берри, Пуату, Сентонжѣ, Туррени, Орлеанѣ и части Анжу. Герцогъ Бретанскій, котораго Бедфордъ старался склонить на свою сторону, колебался между Англіей и Франціей. Но его братъ, графъ Ришмонъ, былъ одною изъ главныхъ опоръ Карла.

Разумѣется, финансы, войско и все управленіе Карла были въ самомъ жалкомъ положеніи, такъ что Франція несомнѣнно погибла бы въ теченіе 1424 и 1425 гг., еслибы Глостеръ не разсорился съ Филиппомъ Бургундскимъ. Бедфордъ былъ принужденъ обратить все свое вниманіе на эту ссору, такъ какъ англичане могли держаться во Франціи только при содѣйствіи Бургундіи. Благодаря этому, военачальники, отстаивавшіе изъ патріотизма дѣло Карла VII, получили отдыхъ въ то самое время, когда онъ имъ былъ необходимъ. Вражда Филиппа съ Глостеромъ возникла изъ-за женитьбы послѣдняго или, правильнѣе, за обладаніе Голландіей, Фрисландіей, Зеландіей и Геннегау. Эти земли достались въ 1417 г. Іаковеѣ или Жаклинѣ Геннегауской отъ ея отца Вильгельма VI. Она была замужемъ за Іоанномъ Брабантскимъ, двоюроднымъ братомъ герцога Бургундскаго; ни у нихъ, ни у брата Іоанна, графа Сенъ-Поля, не было наслѣдниковъ, поэтому всѣ земли должны были перейти къ Бургундіи. Но Жаклина разрушила надежды Филиппа, покинувъ мужа и предложивъ свою руку Глостеру. Онъ соблазнился богатѣйшимъ наслѣдствомъ въ Европѣ и женился на Жаклинѣ, хотя сама она была далеко не привлекательна и къ тому же очень безстыдна, какъ доказалъ ея про-

цессъ съ первымъ мужемъ. Разрѣшеніе на бракъ далъ имъ низложенный аррагонскій папа Бенедиктъ XIII. Предлогомъ къ расторженію перваго брака Жаклина выставляла близкое родство съ Іоанномъ, не смотря на то, что Констанцскій соборъ дозволилъ имъ вступить въ бракъ. Филиппъ Добрый дѣятельно вступился за дѣло двоюроднаго брата, которое считалъ своимъ, и разсорился съ Глостеромъ. Бедфордъ тщетно убѣждалъ брата предоставить папѣ Мартину V рѣшить, который изъ двухъ браковъ его жены законнѣе; въ 1424 г. Глостеръ отправился въ Кале, чтобы силою отнять у герцога Брабантскаго владѣнія жены. Ему удалось завоевать большую часть Геннегау, но Филиппъ Бургундскій двинулся противъ него со всѣми своими силами и даже отозвалъ свои войска изъ арміи Бедфорда. Къ его счастью, ни геннегаускіе чины, ни англійскій совѣтъ регентства, въ которомъ, за отсутствіемъ Бедфорда, предсѣдательствовалъ Глостеръ, не вмѣшались въ это дѣло. Геннегаусцы не хотѣли изъ-за Жаклины навлекать на себя вражду брабантцевъ и бургундцевъ, а англичанъ удержалъ Бедфордъ, считавшій дѣло брата неправымъ. Вскорѣ Глостеръ вернулся въ Англію, предоставивъ Жаклинѣ продолжать войну, такъ какъ она была полуамазонкой. Изъ Англіи онъ послалъ Филиппу вызовъ на поединокъ, который долженъ былъ произойти въ присутствіи Бедфорда. Филиппъ принялъ вызовъ, однако поединокъ не состоялся. Впрочемъ оба противника горячились совсѣмъ не изъ любви къ двоюродному брату и женѣ, а чисто изъ личныхъ выгодъ. Глостеръ все время былъ неразлученъ съ своею любовницей, Елеонорой Кобгэмъ, сопровождавшей его даже въ Кале. Вскорѣ Жаклина попала въ плѣнъ къ бургундцамъ, содержалась нѣсколько времени въ Монсѣ, но ушла въ мужскомъ платьѣ и бѣжала въ Голландію. Голландцы и вестфризы вступились за нее и начали въ 1426 г. съ бургундцами войну, длившуюся два года. Между тѣмъ папа Мартинъ V призналъ первый бракъ Жаклины законнымъ и грозилъ отлученіемъ Глостеру, открыто жившему съ распутною Елеонорою, на которой онъ потомъ женился. Тѣмъ не менѣе онъ послалъ на помощь Жаклинѣ нѣсколько сотъ рыцарей. Въ 1428 г. вмѣшательство Бедфорда и совѣта регентства покончило наконецъ распрю, мѣшавшую войнѣ съ Франціей и грозившую лишить англичанъ помощи Бургундіи. Совѣтъ сдѣлалъ Глостеру выговоръ за посылку въ Голландію войска, а когда онъ вздумалъ отправить новую помощь, Бедфордъ рѣшительно воспротивился этому. Глостеру пришлось оставить Жаклину на произволъ судьбы. Тогда она вышла замужъ за мелкаго зеландскаго дворянина, но принуждена была покончить войну (1428 г.) и признать Филиппа Бургундскаго своимъ наслѣдникомъ, не смотря на то, что ея первый мужъ, Іоаннъ, уже умеръ. Вскорѣ ея владѣнія были присоединены къ Бургундіи, получившей по смерти ея деверя (1430 г.), сверхъ того, Брабантъ и Лимбургъ.

Распря герцога Бургундскаго съ Глостеромъ, который въ то же время поссорился со своимъ дядей, епископомъ уинчестерскимъ, не только отвлекла вниманіе Филиппа отъ Франціи, но цѣлыхъ пять лѣтъ (1423—1428) мѣшала Англіи дѣятельно вести войну. Карлъ, между тѣмъ, имѣлъ постоянными союзниками шотландцевъ и получилъ помощь отъ двухъ итальянскихъ князей. Сынъ регента Шотландіи, графъ Боканъ, сдѣланный за побѣду при Боже коннетаблемъ Франціи, такъ ревностно служилъ Карлу, что по смерти отца даже не вернулся въ Шотландію, передавъ регентство своему слабому и неспособному брату Мэндоку; онъ потребовалъ новыхъ войскъ, приведенныхъ ему лордомъ Стюартомъ. Изъ Италіи пришла помощь отъ графа Савойскаго и герцога миланскаго, Филиппа-Маріи Висконти, приславшаго 600 копейщиковъ и 1000 тяжеловооруженныхъ. Висконти былъ по сестрѣ дядя герцога Орлеанскаго, все еще находившагося въ плѣну у англичанъ. Сверхъ того, въ войскѣ Карла служили старые, закаленные бандиты Арманьяка. Но отъ всего этого было мало пользы. Недоставало главнаго — вождя. Карлъ не съумѣлъ даже воспользоваться цѣлымъ годомъ отсутствія Бедфорда, ѣздившаго въ Англію (1423—1424 г.). Въ это время шотландскій графъ Боканъ былъ разбитъ около Окзерра, при Креванѣ, и взятъ въ плѣнъ (19 іюля 1423 г.). Впрочемъ онъ вскорѣ выкупился и получилъ отъ Карла графства Еврё и Дрё и господство Обиньи. Вслѣдъ за тѣмъ шотландцы, утомленные правленіемъ неспособнаго Мэндока, покончили давно уже безплодно тянувшіеся переговоры объ освобожденіи короля Іакова. Въ силу заключеннаго договора, Іаковъ получилъ

свободу, съ обязательствомъ заплатить за долгое пребываніе въ Англіи 40 т. марокъ. Эта сумма была не по средствамъ бѣдной Шотландіи, но дѣлу помогли тѣмъ, что женили Іакова на англійской принцессѣ и за это сбавили 10 т. марокъ съ требуемой суммы. Сверхъ того условились, чтобы въ теченіе семи лѣтъ между обѣими націями не было враждебныхъ дѣйствій, и чтобы шотландскія войска были вызваны изъ Франціи къ маю 1424 г. Выполненіе послѣдняго условія представляло много затрудненій, и шотландскій король тогда же заявилъ, что не ручается за исполненіе своихъ приказаній. Дѣйствительно, графъ Дугласъ не обратилъ вниманія на договоръ и остался предводительствовать отборнымъ войскомъ, собраннымъ Карломъ для осады Иври. Эта осада дорого обошлась французамъ. Бедфордъ поспѣшилъ во Францію на выручку Иври (августъ 1424 г.), но, опоздавъ, сдѣлалъ непріятелямъ романическій и рыцарскій, но для насъ смѣшной, вызовъ на битву, скорѣе достойный боксера, чѣмъ полководца. Онъ послалъ сказать Дугласу черезъ герольда, что пришелъ выпить съ нимъ; Дугласъ отвѣтилъ, что столъ накрытъ, и что онъ самъ именно для этого пріѣхалъ изъ Шотландіи. Затѣмъ произошло сраженіе при Вернейлѣ, въ которомъ французы были на голову разбиты. Они винили Дугласа, будто бы увлекшаго ихъ необдуманною горячностью; но, кажется, напротивъ, Дугласъ и лордъ Стюартъ совѣтовали выжидать, а д'Омаль и Нарбоннъ потребовали немедленной аттаки. Англичане по обыкновенію укрѣпили свою позицію рогатками, а французы неистово бросились штурмовать ее, и какъ при Азенкурѣ, лишились цвѣта своего рыцарства и дворянства. Впрочемъ англичане не дешево купили побѣду, хотя и нельзя вѣрить книгамъ, увѣряющимъ, ради краснаго словца, будто ихъ потеря была такъ велика, что Бедфордъ запретилъ праздновать побѣду. Парламентскіе протоколы доказываютъ противное. Французы лишились въ этотъ день коннетабля, графа Дугласа, его сына, лорда Стюарта, Омаля, Нарбонна, Аркура, Вантадура и многихъ другихъ. Итальянцы герцога миланскаго, по обычаю кондотьери, заранѣе убрались съ поля сраженія. Вернейльское сраженіе повидимому должно было кончить войну, но въ это самое время начался раздоръ между Глостеромъ и герцогомъ Бургундскимъ, заставившій Бедфорда обратить все вниманіе на Нидерланды и на предпріятія своего брата. Карлъ, желая отвлечь герцога Бретанскаго отъ англичанъ, сдѣлалъ коннетаблемъ его брата, графа Ришмона. Онъ надѣялся, что герцогъ успѣетъ склонить на его сторону Филиппа Добраго, сестра котораго, вдова дофина Лудовика, вышла замужъ за Ришмона. Новый коннетабль дѣйствительно убѣдилъ брата вступить въ союзъ съ Карломъ, но Бедфордъ разстроилъ планъ, принудивъ герцога и бретанскіе чины разорвать союзъ съ Франціей.

Послѣ вернейльскаго сраженія война велась совершенно по обычаю рыцарей. Не смотря на страшныя бѣдствія страны и постепенное пробужденіе въ французахъ патріотизма, большихъ сраженій не было. Ришмонъ, отличный полководецъ и дипломатъ, больше занимался придворными интригами любимцевъ и любовницъ короля, чѣмъ войною. Онъ еще прежде схватилъ во дворцѣ и приказалъ предать жестокой казни президента Прованса, Луве и де Жіака съ женою. Теперь онъ вознамѣрился удалить новаго любимца, ла Треймуля, котораго самъ же рекомендовалъ королю. Но ла Треймуль оказался сильнѣе его, и коннетаблю пришлось оставить дворъ и армію (1427 г.). За этими интригами, онъ пропустилъ благопріятныя обстоятельства и преспокойно жилъ въ Ваннѣ, пока Бедфордъ былъ занятъ англійскими и нидерландскими дѣлами, тогда какъ войска, присланныя графомъ Фуа и другими союзниками, давали возможность напасть на слабаго непріятеля. Ла Гиръ и графъ Дюнуа, побочный сынъ убитаго герцога Орлеанскаго, обыкновенно называемый орлеанскимъ Батардомъ, защитили и спасли въ это время Карла. Безъ нихъ англійскій герой Тальботъ несомнѣнно овладѣлъ бы Орлеаномъ и Буржемъ. Въ 1428 г. у Бедфорда развязались руки, и онъ рѣшился покончить войну. Онъ успѣлъ помирить брата съ Филиппомъ Добрымъ, заставилъ герцога Бретанскаго принять предписанныя условія, созвалъ въ Парижѣ парламентъ и потребовалъ помощи у англійскихъ бароновъ. Въ 1428 г. графъ Салисбери привелъ 6 т., къ которымъ Бедфордъ присоединилъ еще 4 т. Лучшій англійскій полководецъ, графъ Варвикъ, долженъ былъ ѣхать въ Англію, чтобы руководить воспитаніемъ Генриха VI, но у англичанъ оставались еще Тальботъ, Соффолькъ, Арондель, примкнувшіе со своими отрядами къ Салисбери. Карлъ также искалъ

подкрѣпленій и обратился къ Іакову I Шотландскому. По заключенному между ними условію, старшій сынъ Карла, Людовикъ, былъ обрученъ съ шотландскою принцессою Маргаритою, въ приданое которой назначался 6-ти тысячный корпусъ. За это Карлъ уступалъ Іакову провинцію Сентонжъ, а по изгнаніи англичанъ сверхъ того графство Еврё. Но договоръ состоялся только 19 іюля, когда Салисбери уже шелъ съ 15 т. на Орлеанъ, такъ что шотландцы во всякомъ случаѣ пришли бы слишкомъ поздно, еслибъ даже обѣщанная помощь была послана. Графъ Салисбери, овладѣвъ на пути многими укрѣпленными городами, осадилъ въ октябрѣ Орлеанъ. Но городъ былъ хорошо укрѣпленъ, а огнестрѣльное оружіе было еще недавно введено у англичанъ; поэтому Бедфордъ сильно порицалъ, что осада началась въ такую позднюю пору. Въ письмѣ къ королю онъ отклонялъ отъ себя всякое участіе въ этомъ дѣлѣ. (All things prospered for you, till the tyme of the seage of Orleans taken in hand, Got knoweth by what advice *). Воодушевленные патріоты со всѣхъ концовъ Франціи устремились на защиту Орлеана. Волонтеры шли въ самый городъ или къ королю, чтобъ защищать или освобождать Орлеанъ. Всѣ лучшіе полководцы Франціи явились на выручку его. Знаменитѣйшими изъ нихъ были: Батардъ Орлеанскій, ла-Гиръ, Гокуръ, Ксентрайль, Киттри, Вилльаръ, Жиремъ, Дорваль, Туаръ, Шабаннь, Буссакъ, ла-Файеттъ и Гравилль. Но въ то время какъ мужчины и женщины употребляли геройскія усилія для спасенія Орлеана, какъ патріотическій энтузіазмъ французовъ совершалъ чудеса, Карлъ безпечно и весело пировалъ съ любимцами и любовницами въ Буржѣ. Говорятъ, однажды ла-Гиръ пришелъ сказать ему, что Орлеанъ гибнетъ; но король, думавшій объ устройствѣ новаго праздника, принялъ извѣстіе до того равнодушно, что ла-Гиръ не могъ удержаться, чтобъ не воскликнуть: «право, никто не умѣетъ терять королевство веселѣе короля Карла!» Только въ началѣ 1429 г. онъ отправился въ Орлеанъ съ подкрѣпленіями и провіантомъ, въ которомъ осажденные и осаждавшіе почти одинаково нуждались. Онъ имѣлъ не болѣе 6 т. войска; непріятель же былъ вчетверо сильнѣе. Подойдя къ Орлеану, Карлъ узналъ, что почти въ то же время туда идетъ изъ Парижа англійскій генералъ сэръ Джонъ Фольстаффъ съ отрядомъ въ 1800 человѣкъ, снарядами и провіантомъ, состоявшимъ, по случаю поста и по обычаю среднихъ вѣковъ, изъ соленыхъ и копченыхъ селедокъ. Карлъ послалъ свои лучшія войска, преимущественно шотландцевъ, чтобъ напасть на этотъ транспортъ. 12-го февраля 1429 г. они встрѣтились съ Фольстаффомъ при деревнѣ Рувре въ Босѣ и, не смотря на то, что были значительно сильнѣе его, потерпѣли рѣшительное пораженіе. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ сраженіяхъ съ хладнокровными англичанами, французовъ погубила горячность; они опять необдуманно ринулись на англійскія рогатки; притомъ они разсорились между собой за то, что одни хотѣли драться спѣшившись, а другіе—верхомъ. Это дѣло получило странное названіе битвы селедокъ. Теперь паденіе Орлеана казалось несомнѣннымъ. Карлъ совершенно упалъ духомъ и хотѣлъ непремѣнно покинуть Луару и отступить въ Провансъ. Напротивъ, королева и Агнеса Сорель обнаружили несравненно больше мужества и патріотизма. Королева отдала все, что имѣла: бриліанты, золото, серебро, даже утварь и убранство своей капеллы, чтобъ заплатить жалованье войску.

Въ то время, когда уже не было надежды спасти Орлеанъ, и когда даже герцогъ Бургундскій, завидуя англичанамъ, сталъ понемногу отзывать свои войска, нашлось орудіе, которымъ при помощи суевѣрія и фанатизма успѣли довести до крайняго напряженія уже проснувшееся чувство патріотизма. 18-ти лѣтней крестьянкѣ изъ лотарингской деревни Домъ-Реми близъ Вокулера, Іоаннѣ д'Аркъ, называемой обыкновенно Орлеанской дѣвой, показалось, что она призвана Богомъ спасти Орлеанъ и вести короля короноваться въ Реймсъ. Въ то время подобныя явленія были не рѣдки. Говорятъ, Іоанна съ тринадцатилѣтняго возраста имѣла различныя видѣнія и зналась съ пустынниками; ей покровительствовали святая Екатерина Фіеброа и святая Маргарита, и самъ вождь небесныхъ силъ, архангелъ Михаилъ, былъ ея патрономъ. Въ числѣ другихъ откро-

---

*) Всѣ ваши дѣла шли хорошо до осады Орлеана, начатой Богъ знаетъ по чьему совѣту.

веній ей было указано, что въ одной могилѣ, за главнымъ алтаремъ св. Екатерины Фіербуа, зарытъ рыцарскій мечъ, которымъ она спасетъ Францію. Во всякомъ случаѣ, эта дѣвушка была необыкновеннымъ явленіемъ, и она дѣйствительно совершила чудеса, хотя и можно усомниться въ томъ, что была призвана Богомъ спасти Францію. Впрочемъ въ то время не хуже нынѣшняго умѣли возбуждать народъ искусственными средствами и поддерживать его въ возбужденномъ состояніи. Этому не мало содѣйствовали король и его многочисленныя любовницы. Богословы испытали Іоанну въ религіозномъ отношеніи, а придворныя дамы самымъ тщательнымъ образомъ въ нравственномъ: оба испытанія доказали ея благонадежность. Парламентъ также игралъ роль въ мистификаціи, которую поддержалъ самъ король, сказавъ, что Іоаннѣ извѣстна его тайна, которую она могла узнать только при помощи откровенія свыше. Признанная парламентомъ и королемъ за божественную посланницу, Іоанна сдѣлалась государственнымъ лицомъ и получила главное начальство надъ войскомъ. Но она была на столько умна, что до освобожденія Орлеана слѣдовала указаніямъ двухъ лучшихъ генераловъ, а потомъ слушалась ла-Гира и графа Дюнуа. Важнѣе всего было то, что она сама вѣровала въ свое призваніе, съ дѣтства воспитала въ себѣ ненависть къ англичанамъ и пламенную любовь къ отечеству, и что ея мужество, присутствіе духа, благочестіе и цѣломудріе съ перваго раза привлекали къ ней всѣхъ, имѣвшихъ случай видѣть ее. Сверхъ того вѣра въ ея божественное призваніе положила предѣлъ рыцарскому безначалію, губившему французское войско. Оно стало повиноваться приказаніямъ своихъ лучшихъ вождей, такъ какъ ихъ распоряженія получили характеръ вдохновеній свыше. Этимъ объясняется неожиданный успѣхъ фанатической причуды.

Рѣшившись выполнить свое призваніе, Іоанна прежде всего обратилась къ начальнику Вокулера, Бодрикуру, съ просьбою послать ее къ королю. Онъ дважды отказалъ ей, но когда она пришла въ третій разъ, исполнилъ требованіе, такъ какъ тогда вѣра въ чудеса была сильнѣе, чѣмъ теперь. Въ февралѣ 1429 Іоанну представили въ Шинонѣ королю, и она объяснила ему при всемъ дворѣ цѣль своего посланія. Ея простыя слова побудили Карла попробовать, не посылаетъ ли ему судьба дѣйствительную помощь, которая выведетъ Францію изъ безнадежнаго положенія *). Онъ велѣлъ дать ей полное вооруженіе и достать мечъ, находившійся, по ея словамъ, за главнымъ алтаромъ св. Екатерины Фіербуа. Затѣмъ, какъ уже сказано, она подверглась двойному испытанію, богослововъ и придворныхъ дамъ, была признана парламентомъ божественной посланницей и приступила съ необычайнымъ успѣхомъ къ исполненію своего дѣла. Легко понять, чтобы молва о героинѣ и вѣра въ ея чудесную силу взволновали всю Францію. Іоанна начала съ того, что рѣшилась доставить продовольствіе и помощь графу Дюнуа, командовавшему орлеанскимъ гарнизономъ. Выступивъ въ апрѣлѣ 1429 г., она благополучно ввела 4 мая свой отрядъ въ Орлеанъ, а 8 мая заставила непріятелей снять осаду, длившуюся семь мѣсяцевъ. Этимъ была выполнена первая часть ея призванія. Оставалось ввести короля въ Реймсъ, лежавшій въ мѣстности, со всѣхъ сторонъ занятой непріятелемъ. Она выполнила и это. Неожиданное освобожденіе Орлеана, смѣлая рѣшимость предводимаго дѣвушкою войска пробиться сквозь враговъ въ Реймсъ, а главное, вѣра въ участіе сверхъестественныхъ силъ, навели паническій страхъ на англійское войско, состоявшее на половину изъ французовъ. Генералы Фольстаффъ и Тальботъ, аттакованные ободрившимися французскими предводителями при Пате, были на голову разбиты. Фольстаффъ бѣжалъ, а Тальботъ попалъ въ плѣнъ (18 іюня 1429 г.). Бедфордъ, узнавъ, что народъ и рыцари толпами стремятся къ Іоаннѣ, счелъ неблагоразумнымъ идти на встрѣчу этому фанатизированному войску, и потому стянулъ всѣ англійскія силы въ Парижъ и въ Иль-де-Франсъ, а защиту Реймса предоставилъ занимавшимъ его бургундцамъ. Карлъ и Іоанна собрали войско въ

*) По словамъ лѣтописей, сказала она: «Gentil dauphin, j'ai nom Jeanne la Pucelle; le roi du ciel m'a envoyé pour vous secourir s'il vous plait me donner gens de guerre, par grace divine et par force d'armes je ferai lever le siège d'Orléans et vous menerai sacrer à Rheims malgré vos ennemis, c'est ce que le roi du ciel m'a commandé de vous dire, et que sa volonté est que les Anglois se retirent en leur pays.

Жіанѣ, и оттуда двинулись на Реймсъ. Имъ предстояло сдѣлать 80 часовъ пути, на которомъ каждое укрѣпленное мѣстечко было занято непріятелемъ. Однако, они благополучно пробились. Въ бургундскихъ владѣніяхъ городъ Окзерръ рѣшился сопротивляться, но они не тронули его; вѣроятно, любимецъ Карла, ла Тремуйль, былъ подкупленъ или, быть можетъ, французы, хотѣли расположить къ себѣ герцога Бургундскаго, все болѣе и болѣе охладѣвавшаго къ англичанамъ. Труа напротивъ былъ взятъ приступомъ. Бургундскій гарнизонъ очистилъ Реймсъ еще до прибытія французовъ, такъ что Карлъ безпрепятственно вступилъ въ городъ (27 іюля 1429 г.). Вновь назначенный архіепископъ короновалъ и помазалъ Карла по древнему обычаю, хотя королевскія регаліи, корона и скипетръ (main de justice), хранившіяся въ Сенъ-Дени, были въ рукахъ англичанъ, и ни одинъ изъ свѣтскихъ перовъ не присутствовалъ при коронаціи. Такимъ образомъ, къ общему изумленію, Іоанна выполнила и вторую часть своего призванія. Считая его конченнымъ, она хотѣла оставить общественную дѣятельность и на колѣняхъ молила короля отпустить ее. Но онъ не согласился, находя ея содѣйствіе слишкомъ выгоднымъ для себя. Она осталась и принимала участіе во всѣхъ сраженіяхъ, ища опасности и сражаясь въ первыхъ рядахъ.

Еще въ томъ же году французы взяли Суассонъ, Провенъ, Шато Тьерри, Крепи, Санли, Бове, Компьень, Мелень и Сансъ; коннетабль Ришмонъ сталъ серьезно угрожать Нормандіи, такъ что Бедфордъ счелъ нужнымъ обратить главное вниманіе на эту провинцію и отправился туда съ большею частью расположенныхъ въ Парижѣ войскъ. Карлъ и Іоанна хотѣли воспользоваться этимъ и завладѣть столицей. Они расположились на Монмартрѣ, и сдѣлали приступъ, но были отбиты и принуждены отступить. Карлъ вернулся въ Буржъ и провелъ всю зиму въ увеселеніяхъ. Весною (1430 г.) герцогъ Бургундскій, не помогавшій послѣднее время англичанамъ, снова склонился на ихъ сторону и осадилъ Компьень. Іоанна поспѣшила въ городъ и однажды, участвуя въ вылазкѣ, была взята въ плѣнъ, вѣроятно измѣннически (25 мая). Повидимому королевская партія и аристократы желали отдѣлаться отъ крестьянки, пробудившей въ народѣ національное чувство и спасшей отечество; они считали, что могутъ довершить дѣло дипломатическими уловками и оружіемъ. При вылазкѣ не только не приняли никакихъ мѣръ, чтобъ благополучно доставить въ городъ Іоанну, прикрывавшую отступленіе, но даже заперли ворота и подняли мостъ раньше, чѣмъ слѣдовало. Впослѣдствіи французскій дворъ не сдѣлалъ ни одного шага, чтобъ освободить Іоанну изъ плѣна, хотя имѣлъ довольно плѣнныхъ для ея выкупа. Наконецъ, когда англичане предали несчастную дѣвушку суду за колдовство и чародѣйство, Карлъ и дворъ держали себя во все время процесса такъ постыдно, что охотно вѣришь многимъ писателямъ, утверждающимъ, будто Агнеса Сорель не хотѣла долѣе уступать ей первой роли во Франціи. Англичане предали Іоанну духовному суду, считая необходимымъ юридически доказать, что удача французовъ была дѣломъ дьявола и посланной имъ обманщицы, которые однако не могли устоять противъ столь вѣрующихъ враговъ, какъ англичане. Свою ревность къ вѣрѣ они незадолго до того доказали всему христіанскому міру. Два принца королевскаго дома, герцогъ Глостеръ и епископъ уинчестерскій, затѣяли крестовый походъ противъ гусситовъ, и послѣдній дѣйствительно отправился въ Германію съ папскимъ полномочіемъ, хотя и не увѣнчалъ себя при этомъ большою славою (т. III, стр. 571). Іоанна находилась сперва во власти бургундскаго генерала графа де-Линьи, а не англичанъ, такъ какъ ее взялъ въ плѣнъ вассалъ этого генерала, Вандомъ. Но черезъ три дня генеральный викарій инквизиціи потребовалъ ее у герцога Бургундскаго (comme vehémentement soupçonnée de plusieurs crimes sentant l'hérésie, crimes qui ne pourraient se dissimuler ni passer sans bonne et convenable réparation). Парижскій университетъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ ученыхъ богослововъ Сорбонны, поддержалъ требованія инквизитора. Епископъ бовейскій Петръ Кошонъ, выгнанный передъ тѣмъ за низость собственными подданными, также вмѣшался въ дѣло, желая отличиться въ преслѣдованіи патріотической дѣвушки. Графиня Линьи на колѣняхъ умоляла мужа не выдавать несчастной варварскому суду безсердечнаго духовенства; но Линьи, движимый только личными выгодами, уступилъ плѣнницу Бедфорду, выговоривъ Вандому ежегодный пенсіонъ въ 300 ливровъ, а себѣ 10 т. ливровъ. Бедфордъ могъ бы по каннибальскому обычаю того времени тотчасъ убить Іоанну, но ему

хотѣлось духовнаго суда, чтобъ разрушить вѣру въ ея божественное посланіе. Онъ нашелъ духовныхъ, готовыхъ служить ему орудіемъ, и бѣдной плѣнницѣ пришлось претерпѣть страшныя страданія. Варварство, грубость, подлость ея судей и ихъ постыдныя дѣйствія могли бы показаться невѣроятными, если бы не сохранились всѣ акты этого гнуснаго процесса. Главными дѣйствующими лицами были: бовейскій епископъ Петръ Кошонъ, вся жизнь котораго была непрерывнымъ рядомъ мерзости, инквизиторъ Жанъ Граверанъ и два промотора или церковныхъ стряпчихъ. Одинъ изъ нихъ, первый промоторъ (Эпинель), то есть лицо замѣнявшее въ духовныхъ судахъ генералъ-прокурора, отвратительно обращался съ Іоанной, но почувствовалъ передъ концомъ процесса раскаяніе и долженъ былъ передать свою обязанность другому, вполнѣ безсовѣстному человѣку. Въ іюлѣ 1430 г. епископъ потребовалъ Іоанну къ себѣ на судъ; въ октябрѣ ее перевезли въ Руанъ, бросили въ ужасную тюрьму, заковавъ не только по рукамъ и по ногамъ, но даже и по животу, и только въ январѣ 1431 г. передали духовнымъ судьямъ. Процессъ начался въ февралѣ и длился до мая. Первый промоторъ предъявилъ противъ Іоанны четыре обвинительные пункта: 1) Она заключила союзъ съ дьяволомъ, чтобы получить значеніе въ свѣтѣ, вывѣдывала отъ него тайны и будущее, и съ его помощью заставила вѣрить себѣ. 2) Обманула народъ и возбуждала его противъ англичанъ. 3) Позволяла чтить себя святой, и потому повинна въ ереси. 4) Пренебрегая чувствомъ стыда и обязанностями женскаго пола, носила мужское платье, сражалась и обагряла руки кровью. Этими обвиненіями начался поцессъ, то есть принялись мучить бѣдную дѣвушку допросами, грубыми ругательствами и оскорбительными поученіями. Обвиненную допрашивали сначала въ судѣ въ присутствіи 40 или 60 докторовъ богословія, потомъ въ тюрьмѣ, гдѣ были только епископъ и инквизиторъ. Разумѣется, они писали все, что хотѣли, выключая все, служившее къ оправданію. Такимъ путемъ число обвиненій довели до 12-ти. Ихъ предложили 58 членамъ суда и руанскому капитулу, которые приговорили Іоанну къ тяжкому пожизненному заключенію на скудной пищѣ (12 апрѣля). Парижскій университетъ единогласно утвердилъ приговоръ, который былъ объявленъ Іоаннѣ. Но графъ Варвикъ и епископъ уинчестерскій, пріѣхавшіе въ прошедшемъ году во Францію съ 8-ми лѣтнимъ Генрихомъ VI, нашли наказаніе недостаточнымъ и потребовали смертной казни. Петръ Кошонъ беспрекословно согласился. Найти благовидный предлогъ было не трудно. Іоанну, вѣровавшую въ свое вдохновеніе, заставили высказать прежнія убѣжденія, потомъ во время ея болѣзни положили къ ней ея мужское платье, а когда она надѣла его, Кошонъ и вице-инквизиторъ руанской епархіи, ле-Метръ, объявили, что, какъ нераскаянная еретичка, она должна быть сожжена и для этой цѣли передана свѣтскимъ судьямъ (comme relapse excommuniée, rejettée du sein de l'église et jugée digne par ses forfaits d'être abandonnée à la justice séculaire). 30 мая 1431 г. ее сожгли въ Руанѣ. Карлъ VII, его знатные генералы, придворные и женщины, его окружавшія, не сдѣлали въ теченіе цѣлаго года ничего, чтобы спасти жизнь и честь народной героини. Оно и понятно: попавъ въ плѣнъ, она опять сдѣлалась въ глазахъ аристократіи простой мужичкой. Все, что дѣлалось впослѣдствіи для возстановленіи ея чести — дѣлалось для народа. Карлъ VII соглашался тогда на все, потому что онъ и окружавшіе его разсуждали, подобно Каракаллѣ, который, умертвивъ своего брата Гету, провозгласилъ его богомъ, чтобъ изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное братоубійствомъ (sit divus, dum non sit vivut *). Впрочемъ процессъ Іоанны былъ пересмотрѣнъ уже при преемникѣ Карла, Людовикѣ XI, въ 1465 г. Но французскій народъ почиталъ и увѣковѣчилъ память мужественной крестьянки и до сихъ поръ видитъ въ Іоаннѣ идеалъ французскаго патріотизма.

Герцогъ Бургундскій, владѣнія котораго значительно увеличились въ 1430 г. наслѣдствомъ умершаго герцога Брабантскаго, не принималъ участія въ безчеловѣчномъ преслѣдованіи Іоанны. Вообще онъ былъ для англичанъ весьма ненадежнымъ союзникомъ и постоянно велъ переговоры съ французами, успѣшно воевавшими въ Шампаніи, Пикардіи, Иль-де-Франсѣ и даже Нормандіи. Только

---

*) Пусть будетъ богомъ, лишь бы не былъ живъ,

при нападенiи на Руанъ, они потерпѣли неудачу. Король и въ этомъ году, послѣ непродолжительной дѣятельности, впалъ въ обычную праздную, сладострастную жизнь. Въ продолженiе всей войны, Карлъ велъ себя самымъ презрѣннымъ образомъ; похвалами, которыми его осыпали впослѣдствiи, онъ обязанъ единственно лести французскихъ придворныхъ писателей и лѣтописцевъ, приписавшихъ освобожденiе отечества этому королю съ ограниченными способностями и умомъ, годнымъ только для придворной жизни, забавъ и наслажденiй. Каждый графъ, баронъ, рыцарь и весь народъ обнаруживали такую же энергiю, какъ испанцы съ 1809 по 1812, — одинъ только король жилъ среди забавъ и удовольствiй, не заботясь о королевствѣ. Когда въ Нормандiи вспыхнуло возстанiе, и крестьяне, ожесточенные поборами англичанъ, взялись за оружiе, онъ даже не явился въ армiю и не поддержалъ возстанiя. Поэтому въ войнѣ не было ни общаго плана, ни главнаго начальства; каждый предводитель воевалъ самъ по себѣ. Не смотря на это, французы завоевывали одинъ городъ за другимъ. Герцогъ Бедфордъ, приказавъ епископу уинчестерскому короновать въ Парижѣ Генриха VI (декабрь 1431 г.), едва могъ держаться въ столицѣ, а вскорѣ счелъ свое положенiе столь непрочнымъ, что отправилъ короля сперва въ Руанъ, а оттуда въ Англiю. Впрочемъ подданнымъ Карла VII приходилось такъ же плохо, какъ и жителямъ провинцiй, завоеванныхъ англичанами, которые разоряли народъ поборами. Народъ страдалъ несказанно; одинъ современный писатель прямо говоритъ, что не существовало ни разума, ни справедливости, и народу осталось вопiять (Il n'y avait ni raison, ni justice et les peuples n'avaient d'autre recours, si non de crier miserablement),

Впрочемъ бездѣйствiе Карла VII было полезнѣе и для него и для французовъ, чѣмъ самая кипучая дѣятельность, такъ какъ герцогъ Бургундскiй нашелъ, что можетъ ждать больше выгодъ отъ безпечнаго короля, чѣмъ отъ гордаго Бедфорда. Бедфордъ, потерявъ первую жену, сестру Филиппа, женился черезъ 6 мѣсяцевъ на дочери его вассала, Жаклинѣ Люксанбургской, не спросивъ его согласiя. Это нарушенiе ленныхъ отношенiй разсорило герцога Бургундскаго съ Бедфордомъ и сильно помогло французамъ, старавшимся отвлечь герцога отъ англичанъ. Однако вслѣдствiе различныхъ препятствiй примиренiе Карла съ Филиппомъ состоялось только черезъ два года. Англичане употребляли всѣ усилiя, чтобы устранить возникшее несогласiе, а съ другой стороны, самъ Филиппъ былъ занятъ волненiями въ своихъ владѣнiяхъ и войною съ своимъ зятемъ, герцогомъ Бурбонскимъ. Города и чины провинцiй, присоединенныхъ къ владѣнiямъ Филиппа, не приняли никакого участiя въ его войнахъ, а Гентъ и Ипернъ, бывшiе въ то время такъ же могущественны, какъ Амстердамъ и Роттердамъ въ XVII ст., открыто возстали въ 1433 г. Герцогъ Бурбонскiй, начавшiй войну за приданое жены, вторгся въ бургундскiя владѣнiя и взялъ около 30 замковъ. Филиппъ отплатилъ ему въ 1434 г. взятiемъ Боже. Тѣмъ не менѣе въ слѣдующемъ году Филиппъ совершенно помирился съ Карломъ. Этому наиболѣе способствовало возвращенiе ко двору коннетабля Ришмона. Коннетабль, удаленный по проискамъ ла-Тремуйля (стр. 33), нѣсколько разъ предлагалъ королю свои услуги, но влiянiе его противника было такъ сильно, что Карлъ отвергалъ ихъ даже въ самое критическое время. Наконецъ ла-Тремуйль палъ, и коннетаблю было возвращено его влiянiе, котораго онъ былъ вполнѣ достоинъ. Паденiе ла-Тремуйля какъ нельзя лучше обрисовываетъ апатичность Карла, непробудную даже среди общаго одушевленiя цѣлаго народа. Въ концѣ 1433 г. влiянiе любимца надоѣло брату королевы, графу Карлу Менскому, герцогу Алансонскому и другимъ придворнымъ. Чтобы свергнуть его, они соединились съ графомъ Ришмономъ, дю-Бюейлемъ, Шомономъ, Куативи, ла-Варренемъ и Роньеваномъ и составили планъ схватить ла-Тремуйля и, удаливъ отъ двора, запереть въ тюрьму. Вторгшись ночью въ его спальню, они бросились на него и нанесли ему рану въ животъ кинжаломъ, когда онъ, вскочивъ съ постели, хотѣлъ защищаться, заковали и увезли въ замокъ Монтрезоръ. По окончанiи этой операцiи, дю Бюейль и Куативи отправились къ королю и разсказали о случившемся, увѣряя, что дѣйствовали единственно для блага государства. Король въ теченiе нѣсколькихъ дней не зналъ на что рѣшиться, но въ самомъ непродолжительномъ времени Карлъ Менскiй успѣлъ вполнѣ замѣнить ему ла-Тремуйля, такъ что онъ объявилъ

черезъ канцлера собраннымъ въ Турѣ чинамъ, что одобряетъ дѣйствіе враговъ прежняго любимца и оставляетъ ихъ при себѣ (*que l'attentat commis par les sires de Bueil et de Coitivy etoit avoué par lui et qu'il les retenait dans ses bonnes graces*). Ближайшимъ слѣдствіемъ паденія ла-Тремуйля было возвращеніе ко двору способнаго и необыкновенно дѣятельнаго коннетабля. Онъ поспѣшилъ въ Компьенъ и отнялъ у англичанъ нѣсколько городовъ Пикардіи; при этомъ онъ остерегался нападать на герцога Бургундскаго, воевавшаго съ герцогомъ Бурбонскимъ, и даже старался примирить ихъ; онъ успѣлъ въ этомъ при личномъ свиданіи съ обоими герцогами въ Неверѣ (въ январѣ 1435 г.). Тутъ же условились покончить вражду между Филиппомъ и Карломъ, возстановить общій миръ и для этого созвать европейскій конгрессъ въ Аррасѣ. Разсчитывая, что Англія можетъ отвергнуть предложенныя Франціей условія, пригласили папу и констанцскій соборъ прислать на конгрессъ уполномоченныхъ; такимъ образомъ, въ случаѣ нужды, Филиппъ могъ тотчасъ быть освобожденъ церковью отъ присяги англичанамъ.

Конгрессъ происходилъ въ іюлѣ и августѣ съ такимъ блескомъ, что, по словамъ хроникъ, въ Аррасъ съѣхалось болѣе 10 т. человѣкъ. Кромѣ англійскихъ и французскихъ уполномоченныхъ и герцога Бургундскаго, на конгрессѣ присутствовали послы императора, королей арагонскаго, кастильскаго, наваррскаго, португальскаго, сицилійскаго, шотландскаго, польскаго, датскаго, кипрскаго, герцоговъ бретанскаго и миланскаго и многихъ другихъ князей. Англичане, предъявляя права своего короля на Англію и Францію, прислали не менѣе 37 уполномоченныхъ, во главѣ которыхъ стояли кардиналъ Генрихъ Уинчестерскій, архіепископъ іоркскій и два другихъ епископа. Французскаго короля представляли 17 уполномоченныхъ, въ томъ числѣ коннетабль графъ Ришмонъ и два принца крови, герцогъ Бурбонскій и графъ Вандомъ. Герцогъ Бургундскій, во владѣніяхъ котораго находился Аррасъ, присутствовалъ лично, въ сопровожденіи жены, герцога Гельдернскаго, епископовъ люттихскаго и камбрейскаго и графовъ Неверскаго, Водмона и Линьи. Епископъ люттихскій своею нелѣпою роскошью ослѣпилъ всѣхъ, привязанныхъ къ мірскимъ благамъ, и возбудилъ негодованіе благочестивыхъ людей. Французы соглашались уступить англичанамъ Нормандію и Гіэнь съ тѣмъ, чтобы обѣ провинціи остались французскими ленами. Но въ числѣ англійскихъ уполномоченныхъ, кромѣ названныхъ духовныхъ лицъ, были люди, игравшіе со смерти Генриха V вмѣстѣ съ Бедфордомъ и Глостеромъ первую роль въ Англіи, графы Варвикъ, Гонтингтонъ и Соффолькъ. Отъ нихъ нельзя было ждать никакой уступки. Они потребовали половины Франціи и титула французскаго короля для Генриха VI. Французы не согласились, и англійскіе послы надменно оставили конгрессъ. Это можно было предвидѣть, и англичанъ приглашали лишь за тѣмъ, чтобъ дать герцогу Бургундскому благовидный предлогъ помириться съ французскимъ королемъ. По удаленіи англичанъ примиреніе между ними не могло замедлиться, такъ какъ Карлъ уполномочилъ своихъ пословъ соглашаться на всѣ требованія Филиппа. 21 сентября 1435 г. былъ заключенъ договоръ, по которому Филиппъ призналъ Карла французскимъ королемъ и своимъ сюзереномъ. За это Карлъ обязался объявить публично, что только по молодости одобрилъ убійство Іоанна Безстрашнаго и укрылъ его убійцъ; выдать этихъ убійцъ, или, въ случаѣ невозможности, навсегда изгнать ихъ; построить часовню, въ которой будетъ постоянно читаться обѣдня за упокой души Іоанна; содержать на свой счетъ капеллана, назначеннаго въ эту часовню Филиппомъ; построить въ Монтро картезіанскую церковь; воздвигнуть на мѣстѣ убійства большой крестъ; заплатить 50 т. червонцевъ (ècus d'or) за разграбленныя вещи убитаго; уступить Филиппу или его сыну города Маконъ и Сенъ-Жангонъ, какъ перства, графство Шароле и всѣ королевскія права въ этомъ графствѣ, а также въ Бургундіи и Артуа, уступить графство Булоньское и города Сенъ-Кантенъ, Корби, Амьенъ, Аббвилль, Сенъ-Рикье, Кревкеръ и другія мѣста на Соммѣ, съ условіемъ, что они могутъ быть выкуплены за 400 т. л. Сверхъ того Карлъ освободилъ Филиппа отъ обязанности давать ленную присягу и обѣщалъ ему полную амнистію. Важнѣйшею статьею этого мира были территоріальныя уступки; онѣ имѣли вліяніе на всю послѣдующую исторію Франціи, особенно въ царствованіе Людовика XI. Послѣ этого договора Филиппъ сдѣлался самымъ могущественнымъ и богатымъ государемъ

въ Европѣ. Незадолго до того онъ благоразумно отклонилъ отъ себя корону германской имперіи.

За день до подписанія аррасскаго мира умерла мать Карла VII, королева Изабелла, находившаяся въ самомъ печальномъ положеніи; а за 8 дней до ея смерти умеръ герцогъ Бедфордъ. Уже съ весны англичане постоянно терпѣли неудачи и теряли одинъ городъ за другимъ; но смерть Бедфорда была для нихъ самою тяжкою потерею. Все англійское могущество держалось этимъ великимъ человѣкомъ. Его братъ, герцогъ Глостеръ, не могъ тягаться даже съ своими врагами, кардиналомъ Уинчестерскимъ и герцогомъ Соммерсетомъ. Поэтому, тотчасъ послѣ смерти Бедфорда, начали подготовляться смуты, раздиравшія Англію въ теченіе слѣдующихъ двадцати лѣтъ и подобныя тѣмъ, отъ которыхъ страдала Франція съ конца XIV столѣтія до аррасскаго мира.

6. Смуты въ Англіи при Генрихѣ VI.

Воспитаніе Генриха VI было поручено его внучатному дядѣ, герцогу Екзетеру, а по смерти его (1424 г.) графу Варвику, получившему патентъ и инструкціи лишь въ 1428 г. Варвикъ дѣйствовалъ въ духѣ аристократической партіи, преобладавшей въ совѣтѣ регентства. Противники этой партіи уговорили 11-тилѣтняго Генриха потребовать большей независимости и предварительнаго просмотра постановленій, дѣлаемыхъ его именемъ. Совѣтъ отвергъ требованія и уполномочилъ Варвика строже наблюдать за королемъ. Достигнувъ 14-лѣтъ, Генрихъ просилъ разрѣшенія присутствовать при засѣданіяхъ совѣта, чтобы научиться обсужденію государственныхъ дѣлъ. Но и это умѣренное требованіе, существенно полезное при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ для практическаго воспитанія будущаго правителя, было отвергнуто. Строго аристократическіе члены совѣта дали длинный, богословско-педантическій отвѣтъ, сущность котораго заключалась въ томъ, что Генриху отказывали въ какомъ бы то ни было участіи въ управленіи (They, therefore think, it would be perilous and harmfull to change the rule and government, that afore this in his tender age has been appointed for the good and surety of his noble person and of his land *). Они охотно отказали бы ему и потомъ (1437 г.), когда онъ, будучи уже 17-ти лѣтъ, хотѣлъ знать по крайней мѣрѣ, что происходитъ въ кабинетѣ. Но, не отваживаясь на это, они предоставили ему участіе въ управленіи съ такимъ ограниченіемъ, что люди, руководившіе Генрихомъ, не могли имѣть большаго значенія. Ему дали право отмѣнять и смягчать наказанія, жаловать пребенды и другія награды, получать свѣдѣнія о дѣлахъ, имѣвшихъ особенное значеніе для короны, и утверждать постановленія совѣта регентства, по которымъ не состоялось узаконеннаго большинства двухъ третей голосовъ.

Съ этого времени для Англіи становится особенно гибельною вражда между роднымъ и внучатнымъ дядями короля, герцогомъ Глостеромъ и кардиналомъ Генрихомъ Уинчестерскимъ. Вражда эта началась съ самой смерти Генриха V. Кардиналъ былъ алчный, скупой, высокомѣрный, властолюбивый человѣкъ. Какъ духовный, онъ имѣлъ большое вліяніе на слабаго, неспособнаго, суевѣрнаго Генриха и сверхъ того умѣлъ усилить это вліяніе, льстя молодому королю и ссужая его деньгами, въ которыхъ король нуждался, не имѣя права располагать государственными доходами. Онъ былъ непопуляренъ за свой чрезмѣрный папизмъ, за походъ противъ гусситовъ (стр. 35), а особенно за желаніе возстановить миръ съ Франціей. Онъ самъ зналъ за собою такъ много грѣховъ, что выпросилъ у короля грамату, сохранившуюся до сихъ поръ, которою ему прощалось все, что онъ когда бы то ни было сдѣлалъ. Его противникъ, Глостеръ, сильно повредилъ себѣ своими нидерландскими дѣлами и женитьбою на двухъ замужнихъ женщинахъ — Жаклинѣ Геннегауской и Елеонорѣ Кобгэмъ; однако впослѣдствіи

---

*) Поэтому они считаютъ вреднымъ и гибельнымъ измѣнять правила и управленіе, установленныя еще въ его нѣжномъ возрастѣ, для блага и безопасности его благородной особы и государства.

онъ успѣлъ возстановить себя въ общественномъ мнѣніи тѣмъ, что настаивалъ на продолженіи войны съ Франціей. Оба соперника имѣли приверженцевъ въ совѣтѣ и внѣ его и старались доставить имъ возможно большее вліяніе. Послѣ смерти Бедфорда, они горячо враждовали за назначеніе новаго правителя во Францію. Кардиналу хотѣлось назначить своего племянника, графа Бьюфорта Соммерсета, Глостеру и большинству совѣта — герцога Ричарда Іорка. Ричардъ, внукъ четвертаго сына Эдуарда III, герцога Эдмонда Іоркскаго, наслѣдовалъ права клеренскаго дома, такъ какъ его мать, Анна Мортимеръ, была правнучкою втораго сына Эдмонда III, герцога Клеренса. Онъ получилъ перевѣсъ, но противная партія задерживала семь мѣсяцевъ его вѣрительныя граматы, что было причиною потери Парижа. Черезъ нѣсколько лѣтъ Ричардъ былъ вторично назначенъ намѣстникомъ Франціи, вопреки проискамъ и интригамъ кардинала. Такимъ образомъ, въ Англіи образовались двѣ враждебныя политическія партіи, почти при такихъ же условіяхъ, какъ во Франціи при Карлѣ VI бургундская и орлеанская.

Несогласіе партій перешло въ открытую вражду по поводу вопроса объ освобожденіи герцога Орлеанскаго. Герцогъ, взятый въ плѣнъ при Азенкурѣ въ 1415 г., все еще былъ плѣнникомъ, не имѣя средствъ заплатить огромнаго выкупа, который съ него требовали. Въ 1439 г. кардиналъ сталъ особенно сильно настаивать на его освобожденіи, отчасти потому, что надѣялся добиться черезъ него мира, отчасти же потому, что королю нужны были деньги, а герцогъ предлагалъ весьма значительный выкупъ. Глостеръ, напротивъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ помѣшать освобожденію герцога, и даже подалъ королю письменную жалобу на кардинала, обвиняя его во множествѣ преступленій, въ алчности и измѣнѣ. Но его старанія не имѣли успѣха; жалоба была отвергнута, и въ 1440 г. герцога Орлеанскаго освободили. Съ тѣхъ поръ противники пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы вредить другъ другу. Въ 1441 г. Уинчестеру удалось отмстить Глостеру за его неудавшуюся попытку. Герцога выставили передъ суевѣрнымъ народомъ защитникомъ и покровителемъ людей, знающихся съ дьяволомъ. Сперва обвинили въ чародѣйствѣ одного изъ капелановъ герцога, Роджера Болинброка, и выставили его на показъ передъ церковью въ чародѣйскомъ облаченіи. Потомъ взялись за жену Глостера, Елеонору Кобгэмъ. Во вторую ночь послѣ ареста Болинброка, Елеонора, опасаясь кардинала и духовенства, скрылась въ алтарь уестминстерской церкви, какъ въ неприкосновенное убѣжище. Ее впутали въ дѣло капелана; это была женщина порочная, распутная, надменная и корыстолюбивая, ушедшая отъ перваго мужа и при его жизни вышедшая за Глостера; легко можетъ быть, что она надѣялась съ помощью капелана повелѣвать силами ада. По крайней мѣрѣ по слѣдствію оказалось, что она обращалась къ одной извѣстной колдуньѣ за питьемъ, которое приворожило бы къ ней непостояннаго Глостера, и спрашивала черезъ Болинброка у дьявола, долго ли проживетъ Генрихъ VI. Преданная вмѣстѣ съ колдуньей духовному суду, она безъ всякой защиты подчинилась приговору и была строго наказана за свое нелѣпое и глупое, но злобное суевѣріе. Она должна была въ теченіе трехъ дней ходить босая и съ непокрытою головой по лондонскимъ улицамъ, держа въ рукахъ зажженую свѣчу, а потомъ подвергнуться пожизненному заключенію. На ея содержаніе было назначено 100 фунтовъ.

Противъ самого Глостера враги его отважились дѣйствовать только тогда, когда партіи мира удалось заключить перемиріе и устроить бракъ короля, что должно было привести къ окончательному миру. Вѣроятно, герцогъ Орлеанскій тотчасъ послѣ освобожденіи началъ хлопотать о мирѣ, но встрѣтилъ различныя препятствія. Англія сперва заключила перемиріе съ Бургундіей, и только въ 1444 г. успѣли устроить переговоры. Кардиналъ Уинчестерскій и его партія такъ ревностно желали мира, что согласились назначить конференціи во французскомъ городѣ Турѣ, хотя регентство постоянно требовало, чтобы переговоры велись въ англійскихъ владѣніяхъ или по крайней мѣрѣ на нейтральной почвѣ. Съ французской стороны въ Туръ явились побочный братъ герцога Орлеанскаго, графъ Дюнуа, и принцъ королевскаго дома, графъ Вандомъ, съ англійской Уильямъ де-ла-Поль, графъ, а впослѣдствіи герцогъ Соффолькъ, безусловно управлявшій вмѣстѣ съ кардиналомъ и герцогомъ Іоркскимъ полоум-

нымъ королемъ. Отправляясь въ Туръ, онъ обезпечилъ себя граматою, снимавшею съ него всякую отвѣтственность за исходъ переговоровъ. Онъ понималъ. что переговоры о перемиріи и соединенной съ нимъ женитьбѣ короля могутъ навлечь на него сильную опасность впослѣдствіи. Переговоры кончились заключеніемъ 18-тимѣсячнаго перемирія съ условіемъ, что война на сушѣ начнется въ половинѣ іюня, а на морѣ съ 1-го іюля. Вмѣстѣ съ тѣмъ порѣшили и дѣло о бракосочетаніи Генриха. Враги Глостера руководились при этомъ желаніемъ дать слабому королю жену, которая, будучи всѣмъ обязана имъ, находилась бы въ ихъ зависимости. Это соображеніе заставило ихъ выбрать Маргариту, дочь Рене Анжуйскаго, носившаго титулъ короля неаполитанскаго и сицилійскаго и только что возвратившагося изъ безуспѣшнаго похода противъ Неаполя, во время котораго онъ лишился всѣхъ своихъ владѣній во Франціи (т. III. стр. 637 и 646—648). Слѣдовательно о приданномъ не только не могло быть рѣчи, но нужно было позаботиться объ обезпеченіи будущаго тестя англійскаго короля. Это обстоятельство служило важною помѣхою, но Соффолькъ уладилъ дѣло. Онъ былъ тогда всемогущъ, такъ какъ кардиналъ удалился отъ двора и только изрѣдка ссужалъ короля деньгами. По настоянію Соффолька, Генрихъ согласился уступить тестю его родовыя герцогства Менъ и Анжу, бывшія въ рукахъ англичанъ. Большинство совѣта регентства приняло предложеніе, и самъ Глостеръ согласился на этотъ странный бракъ. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что онъ до конца противился ему, но Лингардъ доказалъ ошибочность этого мнѣнія. Впрочемъ согласіе Глостера не спасло его, какъ увидимъ ниже. Въ маѣ 1445 г. Маргарита была обвѣнчана съ королемъ и коронована въ Лондонѣ.

Новая королева, отличавшаяся рѣшительнымъ характеромъ, скоро завладѣла слабымъ мужемъ, а покровительствуемый ею Соффолькъ сдѣлался всемогущъ. Его вліяніемъ перемиріе съ Франціей было продолжено сперва до пасхи 1446 г., а потомъ до іюня 1449 г. Королева и ея любимецъ не замедлили начать интриги противъ Глостера. Они желали его гибели главнымъ образомъ потому, что пока король не имѣлъ дѣтей, онъ былъ наслѣдникомъ престола, и пользовался большою популярностью въ народѣ, называвшемъ его добрымъ герцогомъ. Паденію его содѣйствовалъ также герцогъ Ричардъ Іоркъ, вернувшійся въ 1446 г. изъ Франціи и принятый при дворѣ весьма милостиво. Въ то время его еще не считали опаснымъ. Глостера обвинили въ намѣреніи насильственно вырвать короля, дошедшаго отъ ханжества до идіотизма, изъ рукъ Маргариты и ея любимца и подчинить своей опекѣ. Обвиненіе было обращено въ формальную жалобу, и король созвалъ парламентъ, чтобы осудить Глостера. Парламентъ былъ собранъ не въ Уестминстерѣ, гдѣ обыкновенно засѣдалъ, а въ мѣстечкѣ Сент-Едмондсѣ, и депутаты графствъ (knights of the schire) получили приказъ явиться вооруженными. Все это показывало, что нечего разсчитывать на безпристрастный разборъ дѣла. Глостеръ, находившійся въ своемъ замкѣ Дивайзесѣ, легко могъ бы спастись, но не принялъ никакихъ мѣръ и даже присутствовалъ при открытіи парламента (10-го февраля 1447 г.), не смотря на то, что мѣсто засѣданій было со всѣхъ сторонъ окружено солдатами. На другой же день лордъ констэбль Англіи, Бьюмонтъ, обвинилъ его въ государственной измѣнѣ и арестовалъ. 17 дней спустя, его нашли утромъ мертвымъ въ постели. Трудно рѣшить, была ли его смерть насильственною. По обычаю того времени, его безчеловѣчно содержали въ тюрьмѣ, такъ что онъ легко могъ умереть естественною смертью. По свидѣтельству аббата Уетэмстида, онъ былъ нездоровъ вечеромъ наканунѣ смерти, хотя Юмъ, Рэпинъ и другіе утверждаютъ противное. Опираясь на это свидѣтельство, Лингардъ положительно говоритъ, что Глостеръ не былъ убитъ. Однако, не смотря на то, что его тѣло было выставлено, и что всячески старались доказать, что онъ умеръ естественною смертью, народъ единогласно говорилъ объ убійствѣ, обвиняя королеву и Соффолька. Ихъ поступки противъ друзей и прислуги Глостера еще болѣе озлобили народъ. Въ день ареста герцога, многіе изъ его друзей, сэръ Роджеръ Чэмберлейнъ, Ричардъ и Артуръ Нидгемы, Ричардъ Миддльтонъ, Томасъ Гербертъ и нѣсколько другихъ рыцарей его двора, а также значительное число служителей собрались въ Гринвичѣ. Приверженцы короля схватили ихъ, обвиняя въ намѣреніи освободить Елеонору Кобгэмъ, свергнуть короля и возвести на престолъ Глостера; главнѣйшихъ изъ нихъ посадили въ тюрьму. Для наказанія ихъ на-

рядили чрезвычайную коммиссію (Oyer and Terminer) подъ предсѣдательствомъ Соффолька, креатуры котораго занимали въ ней мѣсто членовъ; она приговорила арестованныхъ къ смерти. Приговоръ не былъ выполненъ, но все дѣло велось до того возмутительно, что молва объ убійствѣ Глостера должна была получить большую вѣроятность.

Уничтоживъ Глостера, королева и Соффолькъ лишили ланкастерскій домъ единственнаго человѣка, способнаго удержать за нимъ престолъ, и возстановили противъ себя всѣхъ друзей этого дома. Черезъ нѣсколько недѣль по смерти герцога умеръ старый кардиналъ Уинчестерскій (въ апрѣлѣ 1447 г.); тогда Соффолькъ окончательно захватилъ управленіе въ свои руки. Вскорѣ онъ разсорился со своимъ союзникомъ Ричардомъ Іоркскимъ и со всѣми его приверженцами, хотя іоркскій домъ могъ предъявить противъ Генриха VI совершенно такія же права, съ какими ланкастерскій домъ выступилъ при Генрихѣ IV противъ Ричарда II. Герцогъ Іоркскій былъ принужденъ снова уступить французское намѣстничество другу Соффолька и Маргариты, Соммерсету, сдѣланному герцогомъ, а самъ былъ посланъ намѣстникомъ въ Ирландію, гдѣ только что началось возстаніе. Вскорѣ Менъ и Анжу были отданы отцу королевы, слѣдовательно Франціи, исключая Кале. Это въ высшей степени озлобило народъ противъ королевы, неограниченно управлявшей слабоумнымъ королемъ, и противъ Соффолька, заправлявшаго всѣми дѣлами. На Соффолька негодованіе было тѣмъ сильнѣе, что его короткость съ королевой возбуждала невыгодные толки. Его обвиняли въ женитьбѣ короля, въ потерѣ Анжу и Мена, въ освобожденіи герцога Орлеанскаго, вопреки протесту Глостера; ему же приписывали потерю Нормандіи, защитою которой онъ будто бы пренебрегъ въ угоду своей возлюбленной королевѣ. Нормандія была совершенно занята французами, а въ 1449 г. сдался и Руанъ, такъ какъ подкрѣпленія, посланныя Соммерсету, не пришли во-время, въ чемъ также обвиняли Соффолька. Сверхъ того говорили, что онъ употребляетъ деньги, назначаемыя парламентомъ для войны, на совершенно иныя надобности, и что онъ послалъ герцога Іоркскаго въ Ирландію на вѣрную смерть.

Страхъ потерять Нормандію вызвалъ взрывъ негодованія въ народѣ и парламентѣ. Въ ноябрѣ 1449 г. былъ созванъ парламентъ для принятія рѣшительныхъ мѣръ къ спасенію Нормандіи; но правительство встрѣтило въ немъ такую оппозицію, что немедленно перевело его изъ Уестминстера въ Лондонъ. Въ декабрѣ противъ Соффолька была сдѣлана неслыханная демонстрація. Одного изъ его клевретовъ, Уильяма Тайльбуа, встрѣтили однажды вечеромъ съ толпою вооруженныхъ людей близъ зданія, гдѣ происходили засѣданія парламента. Его обвинили въ покушеніи на жизнь предводителя оппозиціи, лорда Кромвелля, посадили въ Тоуэръ и приговорили къ уплатѣ огромной для того времени суммы 3 т. фунтовъ. Спустя двѣ недѣли, народная ярость дошла до кроваваго взрыва. Въ январѣ 1450 г., чернь убила друга Соффолька, хранителя печати, епископа чичестерскаго Адама Молинса, котораго считали главнымъ орудіемъ въ интригахъ, лишившихъ Англію Анжу и Мена. Впослѣдствіи утверждали, будто Молинсъ передъ смертію сдѣлалъ весьма важныя показанія противъ Соффолька. Это побудило любимца короля, со всѣхъ сторонъ тѣснимаго врагами, оправдывать въ длинной рѣчи передъ парламентомъ всю свою политическую дѣятельность. Но этимъ онъ не достигъ цѣли, такъ какъ черезъ четыре дня послѣ того лордъ Кромвелль обвинилъ его въ нижней палатѣ въ государственной измѣнѣ. Не смотря на неопредѣленность обвиненія, палата тотчасъ отправила депутацію къ лордамъ, прося позволенія арестовать Соффолька. Лорды, спросивъ мнѣнія верховнаго судьи, отвѣтили, что пера нельзя посадить въ Тоуэръ на основаніи столь неопредѣленнаго обвиненія. Черезъ два дня раздосадованные члены нижней палаты отправили къ лордамъ своего спикера съ жалобой, на основаніи которой можно было обвинить Соффолька въ государственной измѣнѣ. Тогда послѣдовало разрѣшеніе арестовать обвиняемаго. Его посадили въ Тоуэръ, и 7-го февраля составили восемь обвинительныхъ пунктовъ, а къ 7-му марту прибавили еще 16. Эти 24 пункта, въ которыхъ впрочемъ не упоминалось объ убійствѣ Глостера, заключали пустыя обвиненія, но не указывали на поступки, которые бы могли быть признаны судомъ преступленіями. Но общественное мнѣніе было такъ настроено, что король или, правильнѣе, его приближенные могли

спасти Соффолька только самовластною мѣрою, нарушившею права перовъ и вызвавшею сильный протестъ. Вмѣсто того чтобы, согласно закону и обычаю, поручить судъ верхней палатѣ, король потребовалъ къ себѣ лордовъ и канцлера и, призвавъ Соффолька, велѣлъ ему оправдываться. Соффолькъ отвѣчалъ, что не хочетъ пользоваться своимъ правомъ пера и предоставляетъ свою участь на волю короля; тогда Генрихъ, безъ всякаго дальнѣйшаго разбирательства, объявилъ черезъ канцлера, что не признаетъ Соффолька ни виновнымъ, ни невиннымъ въ государственной измѣнѣ, но, принимая во вниманіе другія обвиненія, приказываетъ ему выѣхать изъ Англіи къ 1-му мая и не возвращаться въ теченіе пяти лѣтъ. Приговоръ этотъ былъ уловкой, имѣвшей цѣлью удалить любимца на нѣкоторое время отъ всеобщей ненависти. Исходъ процесса вызвалъ сильное движеніе во всемъ государствѣ. На всѣхъ церковныхъ дверяхъ были прибиты прокламаціи, приглашавшія къ убійству герцога. Около Тоуэра собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ, рѣшившихся убить Соффолька при выходѣ изъ тюрьмы. Ему удалось избѣжать опасности и благополучно добраться до своихъ помѣстій, но это не спасло его. Безчисленные враги наблюдали за каждымъ его шагомъ. Когда онъ сѣлъ на корабль въ Ипсвичѣ, думая ѣхать во Францію, герцогъ Екзетеръ, приготовившій большое судно «Николай де-ла-Туръ», настигъ его, взялъ въ плѣнъ и на кораблѣ отрубилъ голову. Трупъ выбросили на берегъ около Дувра.

Вскорѣ послѣ этихъ событій герцогъ Ричардъ Іоркъ безъ позволенія короля оставилъ свое намѣстничество, отправился съ войскомъ въ Англію и, высадившись, двинулся къ Лондону. На пути онъ пригласилъ къ себѣ спикера нижней палаты, Джона Тришэма, одного изъ главныхъ враговъ Соффолька. Тришэмъ пріѣхалъ, но на возвратномъ пути былъ убитъ близъ жилища герцога людьми лорда Грея Рётина. Іоркъ явился ко двору, обошелся весьма надменно съ Генрихомъ и настоялъ на созваніи парламента. При дворѣ всѣ страшились его замысловъ. Возвращеніе изъ Франціи Соммерсета успокоило королеву и ея приверженцевъ, но вскорѣ оказалось, что онъ столь же непопуляренъ, какъ и всѣ, замѣшанные во французскія дѣла.

Общее неудовольствіе и неспособность короля были таковы, что дали возможность Ричарду Іорку открыто заявить свои притязанія на престолъ, а одинъ изъ его приверженцевъ прямо предложилъ въ парламентѣ объявить его наслѣдникомъ короля. Ричардъ настаивалъ на своихъ притязаніяхъ даже послѣ того, какъ у короля родился сынъ (1453 г.), котораго впрочемъ іоркская партія не считала законнымъ. Какъ уже сказано, Ричардъ былъ внукъ четвертаго сына Эдуарда III, герцога Эдмонда Іорка; но въ силу этого не могъ оспаривать правъ Генриха VI, происходившаго отъ третьяго сына Эдуарда, Джона Ланкастера. Поэтому Ричардъ рѣшился опереться на материнскія права. Его мать, Анна Мортимеръ, была внучка графини де-ла-Марчъ, единственной дочери герцога Кларенса, втораго сына Эдуарда III. Права на престолъ этой линіи были подтверждены парламентскимъ актомъ при Ричардѣ II (стр. 10). Въ ланкастерскомъ домѣ ближайшимъ наслѣдникомъ Генриха VI былъ герцогъ Эдмондъ Соммерсетъ, единственный, оставшійся въ живыхъ сынъ брата Генриха IV. Ему покровительствовали король или, вѣрнѣе, королева. Но онъ принадлежалъ къ партіи Соффолька и былъ виновенъ въ потерѣ французскихъ провинцій. Поэтому приверженцы Ричарда могли прибѣгнуть противъ него къ ненависти народа. Когда имъ не удалось провести билль о назначеніи Ричарда наслѣдникомъ престола, они потребовали удаленія отъ двора Соммерсета, герцогини Соффолькъ и другихъ старинныхъ друзей ланкастерскаго дома. Палата приняла предложеніе, но король не подчинился ему. Тогда Ричардъ рѣшился взяться за оружіе и собралъ въ Уэльсѣ войско изъ приверженцевъ и вассаловъ графа Мортимера де-ла-Марчъ. Въ Англіи къ нему присоединились друзья Іоркскаго дома. Маргарита и Соммерсетъ, управлявшіе королемъ, выступили съ войскомъ, но Ричардъ обманулъ ихъ и внезапно подступилъ къ Лондону. Однако его не впустили въ столицу. Тогда онъ отступилъ къ Кенту, но, пройдя часъ пути, былъ настигнутъ королевскимъ войскомъ. Совѣтникамъ короля удалось обмануть его переговорами. Къ нему послали двухъ епископовъ, обѣщавшихъ ему исполнить всѣ его требованія, если онъ подчинится. Онъ жаловался на Соммерсета и его приверженцевъ, хотѣвшихъ схватить его передъ отъѣздомъ въ Ирландію и по возвращеніи оттуда

съ намѣреніемъ обвинить въ измѣнѣ; поэтому онъ требовалъ, чтобы всѣ его враги (all persons noised or indicted of treason), были арестованы и преданы на судъ преобразованному совѣту. Король обѣщалъ исполнить это требованіе и принять герцога въ своей палаткѣ, если онъ явится безъ оружія и съ непокрытой головой, и даже отдалъ приказъ арестовать Соммерсета. Этимъ онъ хотѣлъ побудить Іорка распустить войска; самъ же удержалъ свою армію въ полномъ сборѣ. До сихъ поръ, онъ въ точности слѣдовалъ наставленіемъ Маргариты и Соммерсета; но когда Іоркъ явился по условію безоружнымъ, у Генриха не хватило духа послушаться приближенныхъ, совѣтовавшихся избавиться какимъ бы то ни было способомъ отъ претендента. Во время ауедіенціи, Соммерсетъ былъ спрятанъ въ королевской палаткѣ. Когда Ричардъ гласно обвинилъ его въ измѣнѣ, онъ вышелъ, и между ними начался горячій споръ. Ричардъ слишкомъ поздно увидѣлъ, что попалъ въ ловушку, и хотѣлъ уйти, но былъ взятъ. Соммерсетъ совѣтовалъ предать его суду перовъ, какъ государственнаго измѣнника, но этого не сдѣлали и даже вскорѣ освободили Ричарда. Изъ сохранившихся документовъ не видно, что было причиною такого образа дѣйствій. Быть можетъ, слабый король не рѣшился на политическое убійство; быть можетъ также, что Маргарита и Соммерсетъ были испуганы извѣстіемъ о приближеніи сына Ричарда, Эдуарда, съ войскомъ, состоявшимъ изъ уэльсцевъ; наконецъ, можетъ быть, они боялись, что не справятся съ возстаніемъ безъ Тальбота, отправленнаго въ Гіэнь, по просьбѣ жителей этой провинціи. Такъ или иначе, Ричардъ Іоркъ получилъ свободу, торжественно присягнувъ въ церкви св. Павла въ вѣрности королю, въ присутствіи перовъ и при огромномъ стеченіи народа (1452 г.).

Судя по всему случившемуся, трудно было надѣяться, чтобъ какая нибудь присяга могла связать герцога. Три событія значительно увеличили число его приверженцевъ: неудачный исходъ похода, предпринятаго въ Гіэнь, смерть Тальбота, убитаго въ этомъ походѣ, и окончательное умопомѣшательство короля. Ненависть вельможъ къ королевѣ и Соммерсету дошла до того, что они оспаривали законность сына, рожденнаго Маргаритою въ октябрѣ 1453 г., не смотря на то, что король призналъ сына, а народъ принялъ королевскую сторону. Ричардъ счелъ положеніе столь благопріятнымъ для себя, что вернулся ко двору со своими приверженцами, во главѣ которыхъ стояли графы Салисбери и Варвикъ, дѣйствовавшіе въ его пользу энергичнѣе, чѣмъ онъ самъ. Приведя съ собою множество вооруженныхъ людей, Ричардъ заставилъ дать себѣ и своимъ друзьямъ мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ. Тогда іоркская партія настояла на арестѣ Соммерсета. Герцога схатили въ комнатахъ королевы и посадили въ Тоуэръ (ноябрь 1453 г.). Король окончательно лишился разсудка, поэтому Іоркъ всю зиму управлялъ государствомъ, а въ февралѣ 1454 г. открылъ вмѣсто короля парламентъ. Перы стояли за него, хотя, какъ можно судить по протоколамъ, онъ имѣлъ между ними много противниковъ. Но нижняя палата, раздраженная интригами его партіи, была ему враждебна. Ричардъ счелъ даже нужнымъ арестовать спикера, предъявилъ на него жалобу и потребовалъ его удаленія. Всѣ протесты народныхъ представителей были отвергнуты перами, и нижней палатѣ пришлось избрать новаго предсѣдателя. Впрочемъ враги Ричарда не дремали въ верхней палатѣ и однажды даже грозили ему формальнымъ обвиненіемъ. Тѣмъ не менѣе въ мартѣ онъ былъ назначенъ протекторомъ, такъ какъ король былъ неспособенъ заниматься дѣлами. Но и въ это время ланкастерская партія была на столько сильна, что лишила его всякой надежды на престолъ. Ему назначили годовое содержаніе правителя, но не дали никакихъ правъ въ ущербъ королю и пятимѣсячному принцу Уэльсскому. Было даже постановлено, что король по выздоровленіи можетъ немедленно отмѣнить протекторство, что оно отнюдь не должно нарушать правъ принца Уэльсскаго, и перейдетъ къ нему, какъ скоро болѣзнь короля будетъ признана неизлѣчимою. Самого принца поручили на семь лѣтъ пяти перамъ обѣихъ партій; однако, во главѣ воспитателей стоялъ графъ Салисбери, сторонникъ Іорка. Сверхъ того, Ричардъ получилъ весьма важное въ то время мѣсто губернатора Кале, принадлежавшее прежде Соммерсету.

Управленіе оставалось въ рукахъ Ричарда и его партіи до конца 1454 г.; но около Рождества король пришелъ въ сознаніе, и это совершенно измѣнило положеніе дѣлъ. Генрихъ, въ первый разъ узнавшій тогда сына и спросившій,

какъ его зовутъ *), вступилъ въ управленіе въ началѣ слѣдующаго года. Онъ былъ весьма милостивъ къ Ричарду, но отмѣнилъ регентство и освободилъ Соммерсета. Вначалѣ герцогъ долженъ былъ представить поручителей, но потомъ королевскій совѣтъ избавилъ его отъ всякой отвѣтственности. Король употреблялъ всѣ усилія, чтобъ примирить обоихъ противниковъ; онъ приказалъ имъ окончить вражду третейскимъ судомъ, который долженъ былъ произнести приговоръ къ іюню, а споръ о губернаторствѣ Кале кончилъ тѣмъ, что взялъ должность себѣ. Но Іоркъ рѣшился сбросить маску, пока противники не успѣли еще усилиться. Собравъ въ Уэльсѣ приверженцевъ мортимерова дома и соединясь съ герцогами Салисбери, Норфолькомъ и Варвикомъ, онъ двинулся къ столицѣ. У Сенъ-Ольбенса его встрѣтило войско, собранное Соммерсетомъ и другими приверженцами ланкастерскаго дома. Король, находившійся при этомъ войскѣ, послалъ спросить у Іорка о его намѣреніяхъ. Вмѣсто отвѣта, онъ потребовалъ выдачи Соммерсета и другихъ предводителей противной партіи. Требованіе было конечно отвергнуто, и 23 мая 1455 г. произошло при Сенъ-Ольбенсѣ сраженіе. Мятежники штурмовали городъ, но были отбиты Клиффордомъ, защищавшимъ ворота. Однако Варвикъ успѣлъ ворваться въ городъ черезъ садъ. На улицахъ началась упорная борьба, въ которой заставили принять участіе и короля. Его приверженцы были разбиты, такъ какъ храбрость рыцарей не могла устоять противъ уэльсскихъ стрѣлковъ, составлявшихъ въ то время главную силу британскихъ войскъ. Изъ партіи короля герцогъ Боккингемъ, лордъ Содлей и графъ Страффордъ были ранены стрѣлами, герцогъ Соммерсетъ, графъ Нортомберлендъ, лордъ Клиффордъ и другіе убиты; самъ Генрихъ попалъ въ плѣнъ. Большая часть историковъ до смѣшнаго преувеличиваютъ число убитыхъ, но Лингардъ, на основаніи достовѣрныхъ историковъ, полагаетъ его въ 120 человѣкъ (six score). Ричардъ обошелся съ королемъ очень ласково и умѣлъ обратить его въ свое орудіе. Вскорѣ послѣ сраженія Генрихъ объявилъ въ парламентѣ Соммерсета и его приверженцевъ своими врагами, іоркскую партію—друзьями, а мятежъ законнымъ возстаніемъ для освобожденія короля.

Съ этого времени Іоркъ сталъ явно домогаться престола. Но общественное мнѣніе было слишкомъ сильно, и состраданіе къ больному королю слишкомъ велико, чтобы можно было помышлять о совершенномъ устраненіи Генриха. За то Ричардъ захватилъ въ свои руки все управленіе. Въ октябрѣ болѣзнь короля возобновилась; парламентъ былъ въ то время распущенъ; при его открытіи (въ ноябрѣ), Ричардъ занималъ мѣсто короля. Для полноты власти ему не доставало только титула протектора или регента. Чтобы дать ему этотъ титулъ, разыграли одну изъ тѣхъ комедій, которыми обманываютъ народъ въ конституціонныхъ государствахъ. Нижняя палата должна была отправить къ перамъ депутацію, просить ихъ назначить протектора. Тогда перы выбрали герцога Іоркскаго. Онъ долго и упорно отказывался отъ предлагаемой чести, но наконецъ, уступая усиленнымъ просьбамъ, согласился принять протекторство (въ ноябрѣ же). Права, предоставленныя ему теперь, были шире, чѣмъ при его первомъ протекторствѣ. Тогда король могъ по выздоровленіи отмѣнить протекторство, не спрашиваясь парламента, теперь же постановили, что регентство можетъ быть отмѣнено, какъ скоро король постановитъ это въ парламентѣ, по совѣту и примѣру духовныхъ и свѣтскихъ перовъ. Правда, Іоркъ не былъ сдѣланъ полновластнымъ повелителемъ и былъ подчиненъ совѣту регентства; но этого почти нельзя было считать ограниченіемъ, такъ какъ онъ заранѣе обезпечилъ себѣ боль-

---

*) Вотъ наивный разсказъ объ этомъ одного современника: «And on the monday afternoon the queen came to him and braught mylord prince with her, and there he asked, what the princes name was, and the queen told him Edward, and then he held up his hands and thanked god thereof. And he said, he never knew till that time, nor wist not what was said to him, nor wist not where he had been, whilst he hat been sick till now.» (Въ понедѣльникъ послѣ полудня, королева пришла къ нему и принесла милорда принца; тогда онъ спросилъ, какъ зовутъ принца; королева сказала, Едуардомъ, а онъ подержалъ его на рукахъ и благодарилъ за то Бога. И онъ сказалъ, что до этого времени не понималъ и не зналъ, что ему говорили, ни гдѣ онъ былъ, потому что до сихъ поръ онъ былъ боленъ).

шинство голосовъ. Къ тому же графъ Салисбери былъ сдѣланъ канцлеромъ, а графъ Варвикъ губернаторомъ Кале. Королева, стоявшая во главѣ ланкастерскаго дома, не могла бороться съ противниками, а болѣзнь короля не позволяла ему показываться и говорить публично. Когда ему сдѣлалось лучше, Іорку еще разъ пришлось уступить. Въ концѣ 1455 г. Генрихъ пришелъ въ себя, а въ февралѣ 1456 г. явился въ парламентъ и былъ принятъ съ такимъ восторгомъ, что смѣлая Маргарита рѣшилась именемъ мужа овладѣть правленіемъ. Верхняя палата согласилась отмѣнить регентство; Салисбери долженъ былъ сложить канцлерское достоинство, и король возвратилъ своимъ приверженцамъ прежнія мѣста. Іоркъ, лишившись власти, ничего не предпринималъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Но на это спокойствіе далеко нельзя было полагаться. Обѣ партіи были готовы къ бою, постоянно являлись въ парламентъ въ сопровожденіи вооруженныхъ людей, въ засѣданіяхъ осыпали другъ друга упреками и грозили наказаніями и местью за прошедшее. Однако королева или кто другой, побуждавшій короля къ благоразумнымъ поступкамъ, которые ему приписываютъ хроники, умѣли сдерживать вражду въ границахъ. Въ началѣ 1458 г. король, или, правильнѣе, совѣтники королевы рѣшились покончить открытый раздоръ между приверженцами мортимеръ-іоркскаго и ланкастерскаго домовъ торжественнымъ примиреніемъ. Знатные члены обѣихъ партій были приглашены въ Лондонъ и явились въ сопровожденіи вооруженныхъ отрядовъ: Іоркъ привелъ 140 всадниковъ, его другъ Салисбери 480 вооруженныхъ и 80 рыцарей и оруженосцевъ; сынъ герцога Соммерсета 200 человѣкъ. Ланкастерскихъ приверженцевъ расположили внѣ города, ихъ противниковъ въ самой столицѣ. Лордъ-меръ съ пятью тысячами вооруженныхъ гражданъ наблюдалъ за обѣими партіями, чтобъ не допускать ихъ до ссоры; король, выслушавъ жалобы обѣихъ сторонъ, рѣшилъ, что сыновьямъ Клиффорда и Соммерсета должно быть заплачено за убіеніе ихъ отцовъ при Санъ-Ольбэнсѣ, и затѣмъ они должны обѣщать забыть все прошлое (мартъ 1458 г.).

Предводители іоркской партіи, герцогъ Ричардъ, графы Салисбери и Варвикъ, подчинились приговору, но уже въ концѣ года стали помышлять о возвращеніи себѣ власти и о новомъ нападеніи на враговъ. Въ маѣ 1459 г. они были готовы къ войнѣ; король также снарядилъ войско, но открытая борьба началась только въ сентябрѣ. Между тѣмъ вражда партій проникла въ цѣлую націю, такъ что каждый англичанинъ принялъ сторону или іоркскаго или ланкастерскаго дома и носилъ въ знакъ этого алую или бѣлую розу. 26 сентября графъ Салисбери разбилъ королевскаго полководца, лорда Аудлея. Затѣмъ онъ соединился у Ледлоу съ Іоркомъ и Варвикомъ, пріѣхавшимъ изъ Кале; вскорѣ онъ былъ подкрѣпленъ отрядомъ старыхъ солдатъ, предводимыхъ Джономъ Блоунтомъ и Андреемъ Троллопомъ. Король, имѣвшій, говорятъ, до шестидесяти тысячъ войска, сошелся съ непріятелями у Ледифорда. Обѣ арміи находились въ полумили одна отъ другой. Мятежники, имѣя грозную артиллерію, заняли укрѣпленную позицію; король ждалъ нападенія въ открытомъ полѣ. Битва казалась неизбѣжною, но обстоятельства неожиданно измѣнились. Генрихъ сдѣлалъ противникамъ мирныя предложенія, но Іоркъ, Салисбери и Варвикъ надменно отвергли ихъ; это возбудило сомнѣнія въ ихъ приверженцахъ, полагавшихъ до этой минуты, что война направлена не противъ короля, котораго народъ любилъ, не смотря на его слабость и неспособность. Іоркъ и его друзья, замѣтивъ опасное колебаніе въ своихъ солдатахъ, распустили слухъ о смерти короля; но когда вслѣдъ затѣмъ Генрихъ издалъ прокламацію, лучшая часть іоркскаго войска, предводимая Блоунтомъ и Троллопомъ, перешла 1 ноября къ королю. Ихъ примѣру послѣдовали многіе другіе, такъ что Іорку и его друзьямъ ничего не оставалось, какъ спасаться бѣгствомъ. Ричардъ бѣжалъ съ сыновьями въ Ирландію, Салисбери и Варвикъ въ Девонширъ, а оттуда въ Кале. Король простилъ всѣхъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, кромѣ зачинщиковъ, которыхъ предалъ суду парламента, собраннаго въ Ковентри. Но королева, управлявшая дѣлами, испортила все своею мстительностью. Вначалѣ отъ нея можно было ждать умѣренности, но потомъ она заставила парламентъ произнести законное осужденіе безъ судебнаго разбирательства и не выслушавъ обвиняемыхъ (bill of attainder). Герцогъ Іоркскій съ женою и сыновьями, графами Ретлендомъ и де ла Марчъ, графъ и графиня Салисбери, графъ Варвикъ, лордъ Клинтонъ и многіе другіе рыцари были объявлены госу-

дарственными преступниками. Добродушный король желалъ, чтобы ему дозволили измѣнить приговоръ, и отказался утвердить конфискацію имѣній трехъ лордовъ, явившихся къ нему 2 ноября съ повинною и получившихъ прощеніе. Къ несчастію, королева не удовольствовалась даже этимъ строгимъ приговоромъ. Когда іоркская партія вновь стала готовиться къ борьбѣ, она возбудила большое неудовольствіе, приказавъ произвести строжайшее слѣдствіе по поводу послѣдняго возстанія, и подвергла участниковъ его жестокимъ наказаніямъ. Эти строгости постигли въ особенности жителей графства кентскаго и Лондона, какъ наиболѣе участвовавшихъ въ возстаніи.

Вскорѣ война возобновилась и при томъ при обстоятельствахъ весьма не выгодныхъ для ланкастерскаго дома. Варвикъ, командовавшій флотомъ и начальствовавшій къ Кале, былъ лишенъ этихъ должностей. Генералъ-адмираломъ назначили герцога Екзетера, а губернаторомъ Кале молодаго Соммерсета. Но матросы и гарнизонъ были преданы Варвику. Моряки отказались признать новаго адмирала, а попытка Соммерсета овладѣть Кале кончилась тѣмъ, что его люди передались съ кораблями противнику. Такимъ образомъ Варвикъ владычествовалъ на морѣ. Онъ отправился изъ Кале къ Іорку въ Дублинъ, гдѣ въ концѣ 1459 г. происходило собраніе приверженцевъ іоркскаго дома. Они рѣшились воспользоваться неудовольствіемъ, господствовавшимъ въ графствѣ кентскомъ и въ Лондонѣ, для новаго нападенія на короля и его приверженцевъ. Іоркъ издалъ рѣзкій и возбудительный манифестъ къ народу, въ которомъ однако увѣрялъ въ своей преданности королю. Затѣмъ Варвикъ высадился съ войскомъ въ графствѣ кентскомъ (въ концѣ іюля 1460 г.), жители котораго звали его, опасаясь королевской партіи. Лондонъ отворилъ ему ворота, принудивъ выступившаго противъ него королевскаго генерала запереться въ Тоуэрѣ. Пробывъ нѣсколько дней въ Лондонѣ, герцогъ Іоркскій двинулся противъ королевскаго войска, расположеннаго въ Ковентри. Оно выступило ему на встрѣчу подъ предводительствомъ герцоговъ Соммерсета и Боккингэма. 19 іюля 1460 г. произошло сраженіе при Нортэмптонѣ. Король проигралъ его вслѣдствіе измѣны уэльсскаго лорда Грея Ретина, оставившаго свой постъ и открывшаго непріятелю путь въ лагерь. Со стороны побѣжденныхъ погибло чрезвычайно много знати, потому что едва бой былъ рѣшенъ, какъ Варвикъ приказалъ щадить солдатъ и убивать только дворянъ. Этой системы онъ держался во всѣхъ сраженіяхъ, такъ что война алой и бѣлой розы была гибельна для старинной аристократіи. Королева, присутствовавшая при сраженіи, бѣжала съ сыномъ и Соммерсетомъ, и благополучно добралась до Уэльса, а оттуда уѣхала въ Шотландію, хотя на дорогѣ была ограблена собственной прислугой. Король былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ Ричардомъ въ Лондонъ. Здѣсь былъ тотчасъ собранъ парламентъ, и герцогъ Іоркскій открыто заявилъ свои притязанія на престолъ.

7. Война французовъ съ англичанами и внутреннее состояніе Франціи послѣ аррасскаго мира.

Вражда партій въ Англіи помогла французамъ отнять у англичанъ всѣ ихъ завоеванія. Тотчасъ послѣ смерти Бедфорда, англичане были выгнаны изъ Парижа, и виною этого былъ споръ кардинала Уинчестерскаго съ Глостеромъ за назначеніе намѣстника во Францію (стр. 40). Парижане уже давно тяготились владычествомъ англичанъ; лишь только герцогъ Бургундскій помирился съ королемъ, они вступили въ переговоры съ тѣмъ же самымъ Лиль-Адамомъ, который за 18 лѣтъ передъ тѣмъ помогъ имъ изгнать дофина Карла VII и передать городъ герцогу Бургундскому (стр. 26). Теперь Лиль-Адамъ былъ маршаломъ Франціи, и парижане обѣщали ему впустить Карла VII. Англичане имѣли въ Парижѣ незначительный гарнизонъ; новый намѣстникъ, герцогъ Ричардъ Іоркъ, вслѣдствіе интригъ кардинала, не получилъ своевременно подкрѣпленія и былъ принужденъ очистить городъ, когда жители возстали одновременно съ появленіемъ французскаго войска подъ начальствомъ Лиль-Адама и графа Дюнуа (13 апрѣля 1436 г.). Послѣ взятія Парижа война съ обѣихъ сторонъ велась вяло. Тальботъ,

Орлеанскій Батардъ, ла-Гиръ и нѣсколько другихъ личностей пріобрѣли себѣ большую славу въ рыцарскихъ стычкахъ, осадахъ и защитѣ городовъ, но все это не привело къ рѣшительнымъ результатамъ. За то несчастнымъ жителямъ Гіэни и другихъ провинцій по Сенѣ, Соммѣ и Луарѣ приходилось невыразимо страдать отъ войны. Главнымъ предводителемъ англичанъ былъ сперва герцогъ Іоркъ, потомъ съ 1437 г. Бьючемпъ графъ Варвикъ, а по смерти его въ 1439 г. снова Іоркъ. Ни тотъ, ни другой не предпринимали ничего значительнаго, ограничиваясь набѣгами, защитою и осадою отдѣльныхъ пунктовъ. Важнѣйшимъ дѣйствіемъ французовъ было взятіе Понтуаза (1441 г.). Послѣ этого обѣ стороны стали помышлять о мирѣ. Но начатые переговоры ни чѣмъ не кончились. Причиною этой неудачи было отчасти то, что съ 1440 г. въ обѣихъ странахъ господствовала неурядица. Бароны и рыцарство дѣлали что хотѣли; правительства, не имѣя постоянныхъ войскъ, не могли охранять порядокъ и были принуждены терпѣть своеволія знати. Францію наводняли вооруженные люди всевозможныхъ націй, такъ какъ въ то время военное ремесло было самымъ прибыльнымъ. Солдатамъ хорошо платили, и сверхъ того они могли обогащаться грабежемъ и добычей. Особенно страшны были двѣ шайки, не стыдившіяся заявлять о соей жестокости принятыми прозвищами. Онѣ назывались écorcheurs (живодеры) и rotondeurs (обдиралы) и неистовствовали по всему государству, особенно въ Нидерландахъ, Шампани, Пуату и Гіэни, гдѣ шла самая упорная война, Люди, заслужившіе себѣ геройскую славу, считаемые спасителями отечества, Буссакъ, Шабаннъ, ла-Гиръ, считали за честь предводительствовать этими дикими ордами и оправдывались тѣмъ, что опустошали провинціи, находившіяся въ рукахъ англичанъ.

Но война и разбойничьи шайки были не единственными бѣдствіями государства; его губили кромѣ того образъ жизни короля, совершенно отдавшагося фаворитамъ и любовницамъ, и происки принцевъ и вельможъ, стремившихся, подобно германскимъ, къ независимости. Въ 1440 г. вельможи составили противъ короля заговоръ, имя котораго, Praguerie, напоминало демократическую Jacquerie XIV столѣтія (т. III, стр. 341 и 342). Это прозваніе объясняется тѣмъ, что междоусобіе это хотѣли сравнить съ жестокостями гусситовъ. Непосредственнымъ поводомъ къ заговору была наглость Карла Менскаго, зятя короля, способствовавшаго паденію ла-Тремуйля (стр 37). Онъ совершенно завладѣлъ слабымъ королемъ и своимъ поведеніемъ до того оскорблялъ принцевъ и вельможъ, особенно герцога Бурбонскаго, что они рѣшились составить заговоръ противъ короля. По отзыву лѣтописцевъ, ихъ сильно возбуждалъ ла-Тремуйль, озлобленый за свое удаленіе и искусно настраивавшій герцоговъ Бурбонскаго и Алансонскаго противъ Карла Менскаго. Кромѣ трехъ названныхъ лицъ, къ заговору приступили графы Вандомъ и Дюнуа, сенешалъ Пуату, ла-Рошъ, де-При, Шомонъ, Шабаннъ, Бусико и даже дофинъ, впослѣдствіи король Л у д о в и к ъ XI, недовольный вліяніемъ Агнесы Сорель и постоянно ссорившійся съ отцомъ. Онъ сдѣлался главою заговора. Заговорщики собрались къ нему въ Ніоръ, условились схватить короля и отдать его подъ опеку дофина, и обнародовали минифестъ. Карлъ VII поспѣшилъ призвать Ришмона и, къ его великому удовольствію, коннетабль явился немедленно. Мятежъ кончился, едва только они выступили противъ заговорщиковъ. Впрочемъ Карлъ дѣйствовалъ не только оружіемъ, но и дипломаціей. Душею Praguerie былъ герцогъ Бурбонскій, разсчитывавшій на содѣйствіе Филиппа Бургундскаго; но Филиппъ предложилъ только свое посредничество, которое герцогъ Бурбонскій поспѣшилъ принять. Дофинъ также покорился, а графъ Дюнуа явился къ королю еще прежде ихъ. Карлъ простилъ всѣхъ трехъ, но не хотѣлъ и слышать и ла-Тремуйлѣ, де-При и Шомонѣ. Изъ-за двухъ послѣднихъ онъ даже поссорился съ сыномъ. Лудовикъ объявилъ, что въ случаѣ, если они не получатъ прощенія, онъ принужденъ будетъ вернуться къ нимъ, согласно своему обѣщанію (il faut, que je m'en revoise). Король отвѣчалъ, что онъ велъ себя такъ дурно относительно отца, что можетъ отправляться на всѣ четыре стороны (Louis, les portes sont overtes; et si elles ne vous sont assez grandes, je vous ferai abattre seize ou vingt toises de mur pour passer ou mieux vous semblera). Впослѣдствіи онъ возвратилъ ему Дофине со всѣми доходами и простилъ всѣхъ заговорщиковъ. Все дѣло продолжалось шесть мѣсяцевъ.

Еще до этого заговора Карлъ задумалъ мѣру (1439 г.), которая должна была способствовать возстановленію въ государствѣ порядка, сильно увеличить королевскую власть и дать возможность будущимъ королямъ совершенно сломить могущество знати и устранить собранія государственныхъ чиновъ. Желая прекратить разбои и военныя насилія, Карлъ рѣшился сформировать постоянное стройное войско. Для этого, по окончаніи занятій сейма, созваннаго въ Орлеанѣ по случаю заключенія мира (1439 г.), онъ пригласилъ свѣтскихъ депутатовъ въ Анжеръ и предложилъ имъ утвердить свой проектъ. Безъ согласія депутатовъ предполагаемое нововведеніе не могло состояться, такъ какъ оно совершенно измѣняло систему налоговъ. Пока не было постояннаго войска, не было и постоянныхъ налоговъ; главнымъ источникомъ содержанія наемныхъ войскъ были грабежи и добыча; поэтому налоги установлялись на опредѣленное время и для опредѣленной цѣли. Постоянное войско должно было содержаться на жалованьи, слѣдовательно было необходимо получить согласіе депутатовъ на введеніе постояннаго налога. Новое учрежденіе совершенно уничтожало могущество знати и рыцарства, составлявшаго до тѣхъ поръ военную силу, потому что постоянное войско давало королю возможность прекратить произволъ аристократіи даже въ ея собственныхъ владѣніяхъ. Конечно, оно грозило Франціи угнетеніемъ и увеличеніемъ налоговъ. Но въ то время этого не подозрѣвали, и народъ съ удовольствіемъ согласился платить постоянную подать, такъ какъ до этого его собственность не была обезпечена, и при каждой войнѣ земледѣліе и промышленная дѣятельность совершенно пріостанавливались. Сверхъ того, съ уплатою постоянной опредѣленной подати королю прекращались всякія феодальныя повинности, платимыя народомъ дворянству за защиту государства (taille personelle ou réelle, taille arbitraire ou à volonté, taille pour l'ost). Къ послѣднему дворянству долго не могло привыкнуть и даже строгія постановленія третьяго преемника Карла VII, Лудовика XII, не могли искоренить злоупотребленій. Если бы депутаты, собранные въ Анжерѣ, предвидѣли всѣ послѣдствія этого нововведенія, они, конечно, ни за что не согласились бы на его учрежденіе. Къ сожалѣнію, результаты оказались только впослѣдствіи. Поэтому врядъ ли справедливо мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ анжерское постановленіе настоящей причиной Praguerie, полагая, будто дворянство поняло, что имъ уничтожается его значеніе. Постоянное войско было введено не ранѣе 1445 г., но мы опишемъ здѣсь его устройство. Оно состояло изъ кавалеріи и пѣхоты, но только первая или ж а н д а р м ы (Gens d'armes), состоявшая изъ пятнадцати отрядовъ, была собственно постояннымъ войскомъ и находилось на королевскомъ жалованьи. Пѣхота или в о л ь н ы е с т р ѣ л к и (Franc-archers) походила на національную гвардію; она принадлежала общинамъ и не была подъ командою королевскихъ офицеровъ, поэтому ею скоро стали пренебрегать. Пѣхотные солдаты имѣли мундиръ и были вооружены луками. Они получали жалованье только во время войны, но должны были являться по первому призыву и были освобождены отъ всякихъ податей, — вслѣдствіе чего ихъ и называли вольными стрѣлками. Нѣкоторыя преимущества передъ прочими членами общины давали имъ поводъ къ притязаніямъ на дворянство. Впрочемъ эта первая французская пѣхота была до того неудовлетворительна, что уже преемникъ Карла VII предпочиталъ ей швейцарцевъ. Постоянная кавалерія была сформирована изъ богатыхъ служилыхъ людей прежняго войска. Вмѣсто прежнихъ отрядовъ, каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть опредѣленное число конныхъ людей, состоявшихъ изъ оруженосца (coutillier), двухъ стрѣлковъ (archers), пажа и конюха (gros valet). Жандармы (tous riches, mais ils portoient tous leurs harniers, et sans paniers) были подъ начальствомъ извѣстнаго числа предводителей; каждый предводитель велъ списокъ своихъ людей и получалъ на нихъ жалованье, которое обязанъ былъ выдавать имъ. Строго запрещалось сбирать деньги съ жителей, какъ дѣлалось до тѣхъ поръ. Вербовать солдатъ могъ только король. На содержаніе отъ 7 до 9 т. кавалеріи опредѣлена была депутатами постоянная ежегодная повинность (taille perpetuelle). Новое учрежденіе постепенно уничтожило вопіющія злоупотребленія прежнихъ рыцарскихъ войскъ; но оно было стѣснительно для народной вольности. Во-первыхъ, теперь король уже не нуждался въ сеймахъ, такъ какъ всегда могъ, въ случаѣ нужды, немного возвысить годовую повинность; во-вторыхъ, на полученныя такимъ путемъ суммы могъ начи-

мать швейцарцевъ, готовыхъ за деньги на всякія услуги. Уже Лудовикъ XII началъ держаться этой системы. Жандармы и вольные стрѣлки, составлявшіе только кадры дѣйствительной арміи, скоро сдѣлались страшнымъ бременемъ для народа. Нѣкоторыя общины, обложенныя при Карлѣ VII 30—40 ливрами постоянной подати, которую король могъ увеличивать, не спрашиваясь чиновъ, платили уже при Лудовикѣ XI до 1000 ливровъ. Коминъ горько жалуется на Лудовика XI, тратившаго на войско (sans l'artillerie et autres choses semblables) 4,700,000 ливровъ, тогда какъ при Карлѣ VII эти издержки никогда не превышали 1,800,000 ливровъ.

Между тѣмъ мирные переговоры тянулись уже нѣсколько лѣтъ (съ 1439 до 1443 г.). Больше всѣхъ хлопоталъ о мирѣ плѣнный герцогъ Орлеанскій. Онъ еще въ 1437 году просилъ позволенія отправиться для переговоровъ къ герцогу Бретанскому, надѣясь черезъ него подѣйствовать на герцога Бургундскаго. Наконецъ въ 1439 г. назначили конгрессъ близъ Кале и Гравелина. Герцогу Орлеанскому позволили отправиться въ Кале для содѣйствія мирнымъ переговорамъ. Посредничество приняла на себя герцогиня Бургундская, дочь потугальскаго короля Іоанна I и сестры англійскаго короля Генриха IV. Уполномоченными со стороны Англіи были кардиналъ Уинчестерскій, архіепископъ іоркскій, герцогъ Норфолькъ, графы Боккингэмъ, Страффордъ и Нортэмптонъ, епископы нортвикскій, лизьескій и сентъ-давидскій. Французы прислали архіепископовъ реймсскаго и нарбоннскаго, епископа шалонскаго, графовъ Вандома и Дюнуа, господъ Дампьера, Кревкера и бургундскаго канцлера. Переговоры не дали положительнаго результата, такъ какъ англичане предъявляли неумѣренныя требованія, а французы не были чистосердечны въ отношеніи ихъ. Въ слѣдующемъ, 1440 году, опять собрался конгрессъ, но опять безплодно. Впрочемъ, если герцогинѣ Бургундской не удалось примирить Англію съ Франціей, за то она вполнѣ успѣла покончить гибельную ссору бургундскаго дома съ орлеанскимъ. Она убѣдила мужа примириться съ плѣннымъ герцогомъ и даже содѣйствовать его освобожденію; за это герцогъ Орлеанскій обязался жениться на племянницѣ Филиппа, дочери герцога Клевскаго, и заключилъ съ Филиппомъ оборонительный союзъ противъ всѣхъ, исключая короля и дофина. Примиреніе состоялось, и, по увѣренію Монтреле, Филиппъ Бургундскій обязался уплатить 120 т. червонцевъ, требуемыхъ съ герцога Орлеанскаго за освобожденіе. Изъ англійскихъ источниковъ не видно однако, чтобы онъ дѣйствительно выполнилъ это условіе. Деньги были внесены дофиномъ, герцогами Бретанскимъ и Алансонскимъ, графами Вандомомъ, ла Маршемъ и Аркуромъ, архіепископами реймсскимъ и нарбоннскимъ и господами Мальи и Лоакомъ. Впрочемъ легко можетъ быть, что родные, вассалы и друзья герцога внесли только половину нужной суммы, тогда какъ другую половину заплатилъ Филиппъ, извѣстный своимъ великодушіемъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Филиппъ былъ въ числѣ лицъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе короля за выкупъ герцога Орлеанскаго. Карлъ былъ, повидимому, смущенъ пожертвованіемъ сына и другихъ вельможъ въ пользу плѣннаго герцога и опасался новаго аристократическаго союза противъ королевской власти Когда герцогъ Орлеанскій, повидавшись съ Филиппомъ и другими вельможами, отправился ко двору съ многочисленною свитою, въ которой было много бургундцевъ, Карлъ хотѣлъ отстранить это посѣщеніе и принялъ герцога лишь съ тѣмъ, чтобы въ свитѣ его не было бургундцевъ.

Въ сближеніи своихъ родныхъ и вельможъ Карлъ видѣлъ враждебныя намѣренія противъ монархической власти, попытку воспротивиться учрежденію постоянныхъ войскъ и желаніе доставить французской знати такое же вредное для государства значеніе, какимъ пользовались въ Германіи имперскіе князья. Онъ имѣлъ тѣмъ большее основаніе думать это и считать подобный союзъ опаснымъ, что къ нему приступили герцоги Орлеанскій и Бургундскій, не уступавшій богатствомъ и могуществомъ ни одному государю. Самъ дофинъ, ревностно помогавшій тогда союзникамъ, сталъ раздѣлять взглядъ отца и, сдѣлавшись королемъ, направилъ всѣ силы и всю свою дѣятельность на подавленіе могущества знати. Безъ всякаго сомнѣнія, вельможи, участвовавшіе въ выкупѣ герцога Орлеанскаго, къ числу которыхъ принадлежалъ и герцогъ Бретанскій, имѣли въ виду составить новую Praguerie. Въ 1442 г. они просили короля позволить имъ

собраться въ Неверѣ для переговоровъ о государственныхъ дѣлахъ. Карлъ замѣтилъ имъ, что они могли бы сдѣлать это на предстоявшемъ сеймѣ, однако не счелъ благоразумнымъ отказать въ просьбѣ. Союзники, собравшись, предъявили королю слѣдующія требованія: заключить миръ съ Англіей; уничтожить всѣ правительственныя злоупотребленія, исправить судопроизводство для скорѣйшаго разбора тяжбъ, перемѣнить судей, увеличить число государственныхъ совѣтниковъ; принять мѣры противъ разбоевъ, предводителей шаекъ и солдатъ; сдѣлать точное опредѣленіе налоговъ, взимаемыхъ на содержаніе войскъ; сбавить налоги и повинности, удручающіе народъ, и наконецъ назначать членами королевскаго совѣта однихъ принцевъ крови, замѣстивъ всѣ мѣста и должности исключительно людьми знатнаго происхожденія. Изъ этого видно, что союзники хотѣли привлечь на свою сторону народъ, показывая видъ, что хотятъ защищать его противъ короля; на самомъ же дѣлѣ они ни мало не заботились о немъ; ихъ настоящія стремленія ясно выражаются послѣднимъ пунктомъ ихъ прошенія. Король разстроилъ союзъ, переманивъ на свою сторону герцога Орлеанскаго, которому далъ понять, что можетъ доставить ему несравненно болѣе выгодъ, чѣмъ принцы и народъ. Онъ отправилъ въ Неверъ одного изъ принцевъ крови, графа Вандома, съ порученіемъ тайно вступить въ переговоры съ герцогомъ Орлеанскимъ, и обѣщалъ ему, именемъ короля, милостивый пріемъ при дворѣ, званіе перваго принца крови, ежегодную пенсію въ 10 т. ливровъ и, сверхъ того, 160 т. ливровъ на уплату долговъ, сдѣланныхъ имъ по случаю выкупа изъ плѣна. Герцогъ охотно принялъ предложенія, разошелся съ союзниками, и въ троицынъ день явился въ Лиможъ къ королю. Карлъ выполнилъ все обѣщанное и склонилъ Филиппа Бургундскаго также отступиться отъ союза. Лишенные помощи двухъ герцоговъ, союзники подчинились волѣ короля, и о народѣ не было больше рѣчи.

Почти въ то же время какъ Карлъ усиливалъ свою власть между Сеною, Соммою и Гаронною, графы Арманьяки были принуждены отказаться отъ своихъ владѣтельныхъ правъ. Поводомъ къ этому былъ споръ за графство Коменжъ. Графство это, какъ независимое владѣніе, могло переходить и въ женскую линію. Въ царствованіе Карла VI умерла графиня Маргарита, послѣдняя представительница рода. Эта женщина, въ высшей степени вздорная и чувственная, имѣла трехъ мужей. Первый, графъ Іоаннъ III Арманьякъ, былъ родной братъ коннетабля, убитаго въ Парижѣ (стр. 26). Послѣ его смерти, она вышла за Іоанна Арманьяка, сына графа Фезанзака; но бросила его и при его жизни обвѣнчалась съ графомъ Фуа. Это вызвало между владѣтельными графами д'Арманьякъ и де Фуа споръ за графство Коменжъ; между тѣмъ Маргарита разошлась и съ третьимъ мужемъ и, не желая оставлять своего наслѣдства ни тѣмъ, ни другимъ, завѣщала сперва его своей единственной дочери, а по смерти ея французскому королю. За это графъ Фуа, не походившій на втораго мужа ея, который умеръ съ горя по женѣ, продержалъ Маргариту 25 лѣтъ въ заключеніи и всячески истязалъ ее. Однако она не измѣнила своихъ распоряженій и, въ бытность короля въ Лангедокѣ (1443 г.), успѣла доставить ему завѣщаніе. Карлъ отдалъ дѣло на рѣшеніе тулузскому парламенту, который утвердилъ завѣщаніе и сверхъ того запретилъ графу Арманьяку писаться «Божьею милостью» (par grace de dieu comte d'Armagnac). Арманьякъ, не имѣя возможности противиться, уступилъ Карлу Коменжъ, но едва король удалился, какъ онъ задумалъ силою возвратить потерянное, надѣясь на помощь родныхъ и союзниковъ. Ему помогали тесть его, наваррскій король Карлъ III, побочный сынъ, Жанъ Данди, сеньеръ де Лекенъ, считавшійся чудомъ храбрости, графы де ла Маршъ, д'Альбре и де Фуа; сверхъ того онъ отправилъ посольства къ англійскому и арагонскому королямъ, прося ихъ содѣйствія. Онъ собралъ столько войска, что уже осенью 1443 г. могъ занять все графство Коменжъ; однако слѣдующею весною, дофинъ Лудовикъ явился съ войскомъ изъ Нормандіи, гдѣ воевалъ противъ англичанъ, разбилъ Арманьяка, отнялъ у него не только Коменжъ, но и родовыя владѣнія его Руэргъ и Арманьякъ и взялъ самого въ плѣнъ. Черезъ два года, по просьбѣ королей кастильскаго и арагонскаго и графовъ де ла Маршъ, д'Альбре и Фуа, Карлъ возвратилъ ему свободу и родовыя владѣнія, но принудилъ отказаться отъ независимыхъ правъ.

Итакъ, въ то самое время какъ Англія, по молодости и безхарактерности

Генриха VI, подвергалась всевозможнымъ безпорядкамъ, во Франціи королевская власть опять усилилась и могла сдерживать неурядицу. Конечно, и при французскомъ дворѣ не было недостатка въ интригахъ; но Карлъ VII, хотя и преданный удовольствіямъ, подвластный фаворитамъ и женщинамъ, не былъ по крайней мѣрѣ полоумнымъ, какъ Генрихъ VI. Къ тому же при всемъ своемъ добродушіи онъ отличался хитростью и счастіемъ, особенно въ послѣдніе годы. Французы до нельзя превознесли его, приписывая всѣ его успѣхи его личнымъ свойствамъ. Это легко объясняется тѣмъ, что Карлъ по жизни и по характеру былъ типомъ француза, и что люди, предводительствовавшіе его войскомъ, Ришмонъ, Дюнуа и др., спасли національность и свободу Франціи. Однимъ изъ счастливѣйшихъ событій его царствованія было то, что по заключеніи въ 1444 г. перемирія съ англичанами, ему удалось перенести въ чужія владѣнія язву, отъ которой Франція могла сильно пострадать. 50 или 60 т. авантюристовъ и разбойниковъ, все еще называвшихся арманьяками, опустошали ее во время войны, не щадя ни друга, ни недруга. По заключеніи пятилѣтняго перемирія, эти шайки стали вдвойнѣ опасными; но счастливый случай помогъ Карлу избавиться отъ нихъ. Германскій императоръ, Фридрихъ III, воевавшій съ швейцарцами, просилъ въ это самое время помощи у французскаго короля (т. III, стр. 600), и Карлъ съ удовольствіемъ послалъ свои наемныя орды грабителей въ Эльзасъ, Швабію и Швейцарію. Оттуда ихъ препроводили въ Лотарингію, гдѣ онѣ и оставались до возобновленія войны съ англичанами. Грабежи солдатъ помогли Карлу учредить постоянныя войска, заставивъ жителей согласиться на уплату постоянныхъ повинностей. Дисциплинированное же войско, въ свою очередь, помогло возстановить порядокъ во всемъ государствѣ. Такимъ образомъ Карлъ мало-по-малу упрочивалъ и распространялъ свое владычество: даже въ Лангедокѣ, гдѣ еще недавно неограниченно господствовали владѣтельные графы д'Арманьякъ, де Фуа и д'Альбре, жители стали просить королевскихъ судовъ; горожане же желали находиться въ непосредственной зависимости отъ короля. (Они говорили:» qu'ils étaient suéjets au roi sans moyen; que comme les sujets ne pouvoient rien faire contre le gré de leur seigneur, aussi ne devoit le seigneur faire chose a leur préjudice, ni les mettre hors les mains sans leur consentement et celui du roi). Наконецъ, смерть герцога Бретанскаго, Іоанна VI (1442 г.) доставила Карлу новаго союзника противъ Англіи. Іоаннъ, считая свое герцогство частью Нормандіи, былъ вассаломъ англійскаго короля; напротивъ, его сынъ, Францискъ I, примкнулъ къ Франціи, присягнулъ Карлу и разорвалъ союзъ съ англичанами.

Въ іюнѣ 1449 г. истекалъ срокъ 5-ти лѣтняго перемирія съ Англіей, но враждебныя дѣйствія начались еще въ предъидущемъ году. Поводомъ къ нимъ былъ отказъ правителя Нормандіи, герцога Іорка, очистить Менъ и Анжу и городъ ле Мансъ, уступленные Соффолькомъ. Вслѣдствіе этого французы осадили ле Мансъ, а англійское правительство, вмѣсто энергическаго сопротивленія, предписало сдать городъ черезъ коммисаровъ. Ободренные такою уступчивостью, французы начали войну до истеченія перемирія въ качествѣ союзниковъ герцога Бретанскаго. Обстоятельства благопріятствовали имъ. Шотландцы возобновили съ ними прежній союзъ (въ декабрѣ 1448 г.), а королева Маргарита и ея любимецъ, Соффолькъ, не приняли никакихъ мѣръ для охраненія англійскихъ владѣній. Герцогъ Соммерсетъ, начальствовавшій въ Нормандіи вмѣстѣ съ храбрымъ Тальботомъ, представлялъ Соффольку, что всѣ укрѣпленія плохи, а войско слишкомъ малочисленно, но не получилъ ни подкрѣпленій, ни денегъ. Между тѣмъ французы вторглись съ двухъ сторонъ: съ запада герцогъ Бретанскій и коннетабль графъ Дюнуа, сдѣланный генералисимусомъ, съ условіемъ подчиняться коннетаблю. Въ ноябрѣ 1449 году Соммерсетъ былъ принужденъ очистить столицу Нормандіи. Жители Руана возстали подъ предводительствомъ архіепископа и потребовали сдачи города французамъ; англійскій гарнизонъ, состоявшій всего изъ 1200 человѣкъ, не имѣя возможности противиться въ одно и то же время и внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ, сдался на капитуляцію. Въ январѣ 1450 г., англичане потеряли Арфлеръ и Гонфлеръ, и затѣмъ у нихъ оставалась едва одна треть провинціи. Но въ теченіе слѣдующихъ семи мѣсяцевъ они лишились и ея. Карлъ, обнаруживавшій совершенно несвойственную ему бодрость, соединилъ по взятіи Арфлера и Гонфлера обѣ части французскаго войска, вступившія съ

разныхъ сторонъ въ Нормандію. Тогда англичане, получившіе наконецъ небольшое подкрѣпленіе подъ начальствомъ сэра Томаса Кириеля, дали сраженіе при Фурминьи (между Байе и Шарантономъ), но были разбиты (въ апрѣлѣ). Сомерсетъ заперся съ остаткомъ войска и своею семьею въ Канѣ, но послѣ четырехнѣдельной осады сдался на капитуляцію 1 іюля. Черезъ мѣсяцъ французы взяли Шербуръ и этимъ довершили покореніе Нормандіи.

Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ король лично оказалъ большія заслуги; жизнь его шла попрежнему, хотя во многихъ случаяхъ онъ обнаруживалъ мужество. Онъ занимался преимущественно игрою и всякимъ вздоромъ, веселился до самой старости и окружалъ себя вѣтренными дѣвушками и легкомысленными придворными. Агнеса Сорель и Карлъ Менскій были причиною жестокаго раздора между нимъ и его старшимъ сыномъ, дофиномъ Лудовикомъ. Дофинъ, обладавшій громадными государственными способностями, но презрѣнный и готовый на всякое преступленіе, нѣсколько разъ покушался свергнуть отца. Озлобленный на Агнесу Сорель, онъ сталъ во главѣ Praguerie и послѣ подавленія этого возстанія былъ сосланъ въ Дофине. Возвратясь ко двору, онъ сталъ подговаривать Шабання и шотландскую гвардію захватить, а по нѣкоторымъ, даже убить отца. Шабаннь не согласился и донесъ объ этомъ королю, который призвалъ сына къ суду; онъ былъ уличенъ въ преступномъ намѣреніи и снова сосланъ въ Дофине. Но и тамъ онъ не переставалъ злоумышлять, вошелъ въ сношенія съ министромъ финансовъ Жакомъ Керомъ, чрезвычайно богатымъ и алчнымъ ростовщикомъ, и, говорятъ, при его содѣйствіи отравилъ Агнесу Сорель. Мы не рѣшаемъ, участвовалъ ли въ этомъ преступленіи Лудовикъ, превзошедшій впослѣдствіи въ жестокости и въ дьявольскомъ искусствѣ изобрѣтать мученія всѣхъ итальянскихъ и греческихъ тирановъ; положительно извѣстно только то, что Агнеса Сорель умерла внезапно 28 февраля 1450 г. О ея смерти жалѣли по той же самой причинѣ, по которой въ XVIII ст. скорбѣли о смерти Помпадуръ: — послѣ нея при дворѣ дѣла пошли еще хуже. Мѣсто Агнесы Сорель офиціально заступила другая дама (племянница ея Антуанета де Межиле).

Во время дѣйствій французовъ въ Нормандіи, внезапно умеръ герцогъ Бретанскій Францискъ I. Причина его смерти такъ необыкновенна, что необходимо подробнѣе разсказать объ этомъ обстоятельствѣ. Францискъ былъ человѣкъ слабый, недовѣрчивый, суевѣрный, безусловно управляемый своими тремя пріятелями, Артуромъ Монтобаномъ, Жаномъ Гинганомъ и епископомъ Сенъ-Мало. Они возстановили герцога противъ одного изъ братьевъ, Жиля, на женѣ котораго Монтобану хотѣлось жениться. Поводомъ къ этому послужила жалоба Жиля бретанскому дворянству на скупость брата, назначившаго ему ничтожное содержаніе. Послѣ того Жиль вошелъ въ сношенія съ англичанами, а Францискъ сталъ его преслѣдовать именемъ французскаго короля, арестовалъ и предалъ суду въ Динанѣ за государственную измѣну. Второй братъ герцога, Петръ, и дядя ихъ, коннетабль графъ Ришмонъ, вступились за Жиля, представляя Франциску, что противъ Жиля интригуютъ злые клеветники; но ихъ заступничество не помогло. Генеральный прокуроръ отказался вести процессъ, а когда герцогъ, вслѣдствіе этого, обратился къ чинамъ, то и они отклонили отъ себя это дѣло. Тѣмъ не менѣе онъ таскалъ брата изъ тюрьмы въ тюрьму, страшно тиранилъ и наконецъ, послѣ неудавшейся попытки отравить, уморилъ голодомъ. Передъ смертью Жилю позволили исповѣдаться у францисканскаго монаха. Этому францисканцу онъ поручилъ пригласить брата предстать по прошествіи сорока дней на судъ передъ Богомъ, такъ какъ онъ не позволилъ ему ни защищаться, ни оправдываться. Монахъ, случайно встрѣтивъ герцога, исполнилъ порученіе съ такой торжественностью, что Францискъ былъ какъ громомъ пораженъ. При этомъ присутствовалъ коннетабль, постоянно противившійся братоубійству и рѣзко порицавшій это преступленіе; слабый и суевѣрный Францискъ, терзаемый угрызеніями совѣсти, былъ такъ потрясенъ этимъ, что тотчасъ заболѣлъ, не могъ отогнать отъ себя призрака убитаго брата и, постепенно ослабѣвая, умеръ. Таковъ историческій ходъ этого событія; разумѣется, бретанская хроника исказила его всѣ возможными анекдотами и назиданіями. Но мы, конечно, объясняемъ его себѣ помимо всякихъ сверхъестественныхъ вліяній, зная тѣсную связь между физическими и моральными явленіями человѣческаго организма. Франциску наслѣдо-

валъ второй братъ, Петръ, короновавшійся съ царскимъ великолѣпіемъ, но безпрекословно присягнувшій французскому королю.

Затѣмъ во всемъ королевствѣ одна Гіэнь не была еще подвластна Карлу. Онъ рѣшился покорить и ее, и внутреннія смуты, подрывавшія могущество Англіи, облегчили ему это предпріятіе. Уже осенью 1450 г. французскій отрядъ, посланный по взятіи Кана на Гаронну, взялъ Бержракъ, Жансакъ, Сентъ-Фуа, Шале и Монсеранъ. Въ мартѣ слѣдующаго года въ Гіэнь двинулась вся королевская армія подъ начальствомъ графа Дюнуа, покорившаго Нормандію. Войско было раздѣлено на четыре корпуса, которыми командовали самъ Дюнуа и графы Пантьевръ, Фуа и Арманьякъ. Каждый отрядъ дѣйствовалъ отдѣльно, но Дюнуа взялъ себѣ самое важное предпріятіе. Онъ двинулся противъ Фронсака, считавшагося ключомъ провинціи. Здѣсь помѣщался верховный судъ, и англичане придавали такую важность этому городу, что въ силу особаго постановленія гарнизонъ долженъ былъ состоять только изъ природныхъ англичанъ. Тѣмъ не менѣе городъ былъ взятъ приступомъ на третій день осады, и затѣмъ Дюнуа осадилъ замокъ. Французы дѣйствовали такъ быстро и успѣшно, что Гіэнь не могла разсчитывать на помощь Англіи. По предложенію французскаго канцлера, дез'Юрсена, собственно съ тою цѣлью сопровождавшаго коннетабля, депутаты дворянства, духовенства и горожанъ собрались въ Бордо (въ началѣ іюня), чтобъ условиться насчетъ своего дальнѣйшаго образа дѣйствій въ виду такихъ обстоятельствъ. Дюнуа предложилъ имъ черезъ двухъ пословъ подчиниться французскому королю и заключить договоръ. Условія были такъ выгодны, что уже 12 іюня они приняли предложеніе и обязались передать французамъ Бордо и всѣ незанятыя послѣдними мѣста, если до 24 іюня не получатъ помощи отъ англичанъ. За это всѣмъ гіэнскимъ городамъ было обѣщано именемъ Карла VII сохраненіе прежнихъ вольностей и льготъ, учрежденіе въ Бордо парламента и монетнаго двора, сохраненіе въ теченіе двухъ лѣтъ прежней монеты, и дозволеніе всякому выѣхать со всѣмъ имуществомъ въ Англію. Независимо отъ этихъ общихъ условій, особенно выгодныхъ городамъ, знатнѣйшія дворянскія фамиліи по обыкновенію выговорили себѣ втайнѣ различныя частныя выгоды. Почти всѣ онѣ получили за содѣйствіе при заключеніи договора разныя награды и деньги; такъ напримѣръ, де Монсеррану возвратили всѣ его имѣнія и назначили пенсію въ 4 тысячи ливровъ. Англичане не прислали подкрѣпленій, и потому фронсакскій замокъ передали французамъ. Затѣмъ Дюнуа вступилъ 29 іюня въ Бордо, а въ началѣ слѣдующаго мѣсяца вся провинція, за исключеніемъ Байоны, была въ рукахъ французовъ. Впрочемъ, въ августѣ сдалась и Байона. Въ слѣдующемъ году Гіэнь возстала противъ Карла VII, однако онъ успѣлъ удержать ее за собой. Тѣ самые сеньеры, которые подписали Бордосскій договоръ, стали недовольны французскимъ господствомъ, хотя трудно сказать, на что они могли жаловаться. Желая избавиться отъ французовъ, господа де Монсерраннъ, де л'Еспарръ, Розанъ, Дюра, л'Англадъ, Лаландъ и большинство бордосскихъ гражданъ отправили депутацію въ Англію съ просьбой прислать войско. Англичане отправили въ Гіэнь небольшой отрядъ подъ начальствомъ осьмидесятилѣтняго Тальбота. 18 октября 1452 г. онъ неожиданно явился передъ Бордо и былъ впущенъ жителями въ городъ, прежде тѣмъ французскій комендантъ узналъ о появленіи непріятеля. Вся провинція послѣдовала примѣру Бордо, и Тальботъ съ одной стороны проникъ въ Перигоръ, а съ другой завладѣлъ важнымъ Фронсакомъ почти передъ глазами французскаго короля, находившагося тогда въ Гіэни. Карлъ немедленно собралъ войско и въ іюлѣ 1453 г. осадилъ Кастильонъ, имѣя столько артиллеріи, что прислуга при ней состояла изъ 700 человѣкъ. Тальботъ съ сыномъ поспѣшили на выручку города, но оба были убиты въ кровопролитномъ сраженіи. Ихъ смерть рѣшила судьбу битвы и провинціи. Гіэнь была снова покорена, и даже Бордо, упорно и долго сопротивлявшійся, сдался въ октябрѣ 1453 г. Городъ былъ наказанъ денежною контрибуціею и лишеніемъ всѣхъ льготъ. Однако Карлъ впослѣдствіи простилъ его и даровалъ общую амнистію, исключивъ изъ нея 42 лица, изгнанныхъ на всю жизнь. Жившимъ въ Бордо англичанамъ позволили отправиться со всѣмъ имуществомъ въ Англію или въ Кале, единственный французскій городъ, оставшійся во власти англичанъ. Въ 1461 г. умеръ король Карлъ VII. Ему наслѣдовалъ его сынъ, Лудовикъ XI (1461—1483),

при которомъ монархическая власть достигла во Франціи до неслыханнаго дотолѣ могущества. Въ Англіи напротивъ она въ то время почти утратила всякое значеніе вслѣдствіе смутъ и своеволія аристократіи. Французы весьма почитаютъ Лудовика XI, и не безъ основанія. Какъ правитель и основатель новой монархической системы, онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду ихъ королей, кромѣ того онъ развилъ въ нихъ гордое національное чувство. Но за то, какъ человѣкъ, онъ вполнѣ достоинъ презрѣнія. Будучи дофиномъ, онъ нѣсколько разъ покушался лишить отца престола, а можетъ быть, и жизни, и постоянно держалъ руку принцевъ и вельможъ, хотѣвшихъ, подобно нѣмецкимъ князьямъ, уменьшить значеніе королевской власти. Но сдѣлавшись королемъ, онъ всѣми силами старался упрочить и усилить королевскую власть, не отступая ни предъ какими преступленіями, никого не щадя и преслѣдуя съ возмутительною жестокостью даже собственныхъ друзей и клевретовъ. Карлъ въ послѣдніе годы жизни до того опасался его, что почти ничего не ѣлъ, боясь отравы; ходилъ даже слухъ, что вслѣдствіе этой боязни онъ умеръ отъ голода. Съ Лудовика XI начинается новая исторія. При немъ, а особенно послѣ похода его сына, Карла VIII, въ Италію, Франція при помощи наемныхъ швейцарскихъ войскъ начинаетъ играть въ Европѣ роль, принадлежавшую прежде Германіи. Соперницей ея является уже не Германія, а Испанія. Съ того времени какъ Франція вступаетъ въ споръ съ Испаніей за Италію, съ Германіей за пришедшую въ упадокъ Бургундію и обезсиленную Лотарингію, а императоръ, угрожаемый мадьярами и турками, не можетъ противиться французамъ въ Италіи и въ Бургундіи, — съ этихъ поръ возникаетъ система политическаго равновѣсія великихъ державъ, на которой основана новая исторія. Такъ какъ все правленіе Лудовика XI и исторія Италіи, Испаніи, Австріи и Швейцаріи (Германія, къ сожалѣнію, играетъ пассивную роль) находятся въ тѣсной связи съ исторіей Бургундіи, сложившейся при Карлѣ VII въ большое государство, но сохранившей скромный титулъ герцогства, то необходимо начать разсказъ о послѣдующихъ событіяхъ въ югозападной Европѣ и Германіи съ исторіи двухъ послѣднихъ бургундскихъ герцоговъ.

VI. ИСТОРІЯ

БУРГУНДІИ, ШВЕЙЦАРІИ, ГЕРМАНІИ и ФРАНЦІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XV СТОЛѢТІЯ.

---

1. Исторія герцогства Бургундскаго до смерти французскаго короля Карла VII.

Въ 1361 г., со смертію герцога Филиппа, въ Бургундіи пресѣклась старшая владѣтельная линія, происходившая отъ капетинговъ, и герцогство перешло къ Франціи, какъ выморочный ленъ. Но король Іоаннъ не воспользовался этимъ случаемъ, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ хотя бы французскую часть Бургундіи, то есть земли къ западу отъ Женевскаго, Невшательскаго и Біельскаго озеръ; онъ отдалъ все герцогство въ наслѣдственный ленъ своему младшему сыну, Филиппу Смѣлому (1361—1041 г.). Филиппъ, первый герцогъ изъ дома Валуа, увеличилъ Бургундію нѣсколькими аллодіальными владѣніями, то есть такими, которыя, составляя полную собственность, могли переходить въ женскую линію. Онъ женился на вдовѣ своего предшественника, наслѣдницѣ Фландріи, Артуа, Антверпена, Мехельна, Невера, Ретиля и Франшъ-Конте, или, какъ его тогда называли, графства Бургундскаго. По смерти Филиппа и его жены, бургундскія земли раздѣлились по обычаю того времени между сыновьями его, Іоанномъ Безстрашнымъ (1404—1419 г.), Антономъ и Филиппомъ; но уже при Іоаннѣ и его сынѣ онѣ снова слились въ одно цѣлое, за исключеніемъ Невера и Ретеля (стр. 14). Каждый изъ трехъ герцоговъ младшей линіи, наслѣдовавшихъ Филиппу Смѣлому, увеличивалъ свои владѣнія женитьбою или наслѣдствомъ, такъ что Бургундія сдѣлалась однимъ изъ сильнѣйшихъ государствъ. Іоаннъ присоединилъ къ ней богатые и цвѣтущіе французскіе Нидерланды и воинственное населеніе Юрскихъ горъ и былъ, какъ уже извѣстно, почти полновластнымъ властелиномъ Франціи. Его сынъ и преемникъ, Филиппъ Добрый (1419—1467 г.), сдѣлалъ еще большія пріобрѣтенія. При немъ прекратился родъ его дяди Антона, вслѣдствіе чего онъ наслѣдовалъ не только его родовыя бургундскія земли и всѣ его пріобрѣтенія, но и обширныя владѣнія Жаклины Геннегауской (стр. 31). Такимъ образомъ въ 1430 г. ему достались Брабантъ, Лимбургъ, Люксембургъ, Геннеау, Голландія, Зеландія, Фрисландія, Намюръ, Нижняя Лотарингія (le Lothier) и Антверпенъ. Потомъ, какъ уже было сказано, онъ отсталъ отъ союза съ Англіей, примирился съ Карломъ VII (въ 1435 г.), и упрочилъ за собой аррасскимъ миромъ (стр. 38) не только всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя во время смутъ, но и получилъ сверхъ того отъ Франціи такія уступки, что впослѣдствіи главною заботою Лудовика XI было возвратить ихъ. Аррасскій миръ, освободивъ Филиппа отъ всякихъ вассальныхъ обязанностей, доставилъ ему: графства Маконъ, Окзерръ и Понтье, господства Пероннъ, Руа, Мондидье, Сенъ-Кантенъ, Корби, Амьенъ, Аббвилль, Дурданъ и города Дурланъ, Сенъ-Рикье, Кревкеръ, Арле, и Мортанъ. Такимъ образомъ бургундскія владѣнія простирались почти до Парижа.

Филиппъ Добрый игралъ также важную роль въ спорѣ за Верхнюю Лотарингію, которая тогда называлась собственно Лотарингіей. Объ этомъ спорѣ слѣдуетъ сказать подробнѣе, такъ какъ отношенія къ Лотарингіи имѣли весьма гибельныя послѣдствія для сына Филиппа, Карла Смѣлаго. Въ первой четверти XV столѣтія Лотарингіей владѣлъ герцогъ Карлъ I. У него былъ братъ, кардиналъ Лудовикъ, которому принадлежали на полномъ наслѣдственномъ правѣ герцогство Баръ и графство Понтъ-а-Муссонъ. Оба брата умерли почти одновременно, но Карлъ нѣсколько раньше. Лудовикъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ знакомаго намъ изъ итальянской исторіи Рене (т. III стр. 646 и 656), женатаго на дочери герцога Карла I, Изабеллѣ; а по смерти своего брата, въ 1430 г. завѣщалъ Рене и Лотарингію. По смерти кардинала, Рене спокойно вступилъ во владѣніе Баромъ и Понтъ-а-Муссономъ, но права его на Лотарингію оспаривалъ графъ Антонъ Водмонъ, утверждая, что кардиналъ не имѣлъ права располагать ею. Графъ Водмонъ, получившій свое графство отъ матери, былъ сынъ третьяго брата Карла I, Лудовика, убитаго при Азенкурѣ. Какъ потомокъ лотарингскаго дома, онъ во всякомъ случаѣ имѣлъ больше правъ на Лотарингію, чѣмъ Рене, основывавшій свои притязанія на завѣщаніи кардинала и на бракѣ съ дочерью Карла I. Оба претендента взялись за оружіе, но потомъ согласились предоставить рѣшеніе спора базельскому собору и германскому императору, такъ какъ Лотарингія принадлежала къ германской имперіи. Однако, когда приговоръ состоялся въ пользу Рене, Водмонъ не призналъ его и рѣшился прибѣгнуть къ силѣ, хотя всѣ укрѣпленныя мѣста были уже въ рукахъ его противника. Онъ не побоялся даже его близкаго родства съ французскимъ королемъ, женатымъ на сестрѣ Рене, разсчитывая, что это обстоятельство можетъ доставить ему самому помощь Филиппа Бургундскаго, воевавшаго въ то время (1431 г.) съ Карломъ VII. Дѣйствительно, французскій король вступился за шурина, а герцогъ Бургундскій за графа Водмона. И тотъ и другой послали къ нимъ на помощь наемныя войска. Карлъ отправилъ своихъ наемниковъ подъ начальствомъ намѣстника Шампани и Бри, Барбазана, который въ короткое время занялъ всю Лотарингію и даже графство Водмонъ. Филиппъ послалъ своего маршала и шайки такъ называемыхъ батардовъ. Оба войска до нельзя неистовствовали, такъ что этотъ походъ лучше всего показываетъ, какъ дуренъ былъ составъ знаменитыхъ своею храбростью войскъ того времени, содержавшихся грабежемъ и добычей. Названные выше предводители шаекъ, батарды, составляли совершенно особенный многочисленный классъ людей. Это были побочные сыновья аристократовъ отъ простыхъ дѣвушекъ. Они считали за честь называться батардами знатныхъ отцовъ, большею частью дѣлались предводителями шаекъ и съ ихъ помощью пріобрѣтали рыцарскія почести и имѣнія. Самымъ блестящимъ прототипомъ ихъ можетъ служить Батардъ Орлеанскій, графъ Дюнуа, доставившій себѣ знаменитое имя и славу спасителя Франціи. Къ этимъ-то батардамъ обратился Филиппъ, когда войско Карла VII осадило Водмона въ его столицѣ, и они быстро собрали цѣлую армію подобныхъ себѣ удальцовъ. (Вотъ отзывъ о нихъ Монтреле: c'etaient de pauvres de compagnons, mais roides, vigoureux et qui ne cherchaient que leur avantage tant sur leur propre pays qu'ailleurs). Предводители, поступившіе на службу къ Филиппу, были батарды д'Юмьеръ, де Фоссезъ, де Бримонъ, де Невилль и одинъ головорѣзъ по имени Робине Собачій-Свистунъ (Robinet Huche-Chien). Ихъ приманила надежда добычи и позволеніе бургундскаго маршала грабить земли, лежавшія по пути. Вслѣдствіе этого вся Шампань и герцогство Баръ были опустошены ужаснымъ образомъ. Подобная сволочь не могла быть опасна противникамъ Водмона, и безъ сомнѣнія, разсѣялась бы сама собою, еслибъ Рене не имѣлъ безразсудства аттаковать ее, вмѣсто того чтобы выждать результатовъ ея грабежа, гибельныхъ для нея самой. Онъ три мѣсяца осаждалъ городъ Водмонъ и довелъ его до крайности, но, узнавъ о приближеніи бургундскихъ полчищъ, двинулся имъ на встрѣчу вопреки совѣту опытнаго Барбазана. Сраженіе произошло 2 іюля 1431 г. въ барской области, недалеко отъ Мааса. Мѣсто битвы съ точностью неизвѣстно; вѣроятно, это былъ Невшатель. Передъ началомъ сраженія Водмонъ обратился къ батардамъ съ рѣчью, вполнѣ достойною ихъ, увѣряя въ правотѣ своего дѣла (assurant les uns et les autres sur la damnation de son âme, que sa querelle était

bonne et juste). Рене еще разъ пренебрегъ разумнымъ совѣтомъ Барбазана и устремился на непріятеля съ рыцарскою, но въ высшей степени необдуманною горячностью. Бургундскій маршалъ сдѣлалъ, сначала видъ, что хочетъ выдержать напоръ непріятеля, но, внезапно отступивъ обоими флагами, встрѣтилъ аттакующихъ страшнымъ огнемъ своихъ орудій, скрытыхъ за войскомъ. Дѣло было покончено въ четверть часа. Рене и епископъ мецскій были взяты въ плѣнъ, а Барбазанъ убитъ. Графъ Водмонъ овладѣлъ такимъ образомъ Лотарингіею, такъ какъ Рене оставался въ плѣну до 1437 г.; вздумавъ заявить свои права на королевство Неаполитанское, какъ потомокъ анжуйскаго дома (т. III стр. 646), онъ долженъ былъ заплатить за свое освобожденіе 200 тысячъ червонцевъ и выдать свою дочь за сына Водмона, Фридриха. Онъ считался плѣнникомъ герцога Бургундскаго, поэтому Филиппъ велъ переговоры между нимъ и Антономъ и предписалъ условія мира. Такимъ образомъ, онъ подчинилъ Лотарингію Бургундіи, отнявъ у германскаго императора право, которое тотъ, при своемъ безсиліи, не могъ поддержать. Въ то же время Филиппъ покончилъ вражду своего дома съ анжуйскимъ, устроивъ бракъ сына Рене, герцога Калабрійскаго, съ дочерью Агнесы Бургундской и герцога Бурбонскаго.

Внутреннія дѣла обширнаго Бургундскаго государства доставляли много заботъ предшественникамъ Филиппа, ему самому и его преемнику. Во всѣхъ провинціяхъ, особенно въ Нидерландахъ, города и сословія имѣли большія привилегіи, сдѣлались почти независимыми и учредили самостоятельныя городскія и представительныя управленія, благодаря которымъ граждане и сословія имѣли такое же значеніе, какъ государь. Поэтому почти ежегодно возникали столкновенія между правительствомъ и жителями какого нибудь города. Въ провинціяхъ, населенныхъ валлонами, фламандцами и фризами, привилегированные классы умѣли какъ въ Англіи привлечь къ себѣ различными средствами массу населенія. Это дало имъ возможность отстаивать свою вольность среди упорной борьбы и тяжкихъ страданій до французской революціи. Могущество свободнаго населенія было такъ велико, что Филиппъ, имѣвшій довольно силъ, чтобъ принудить французскаго короля къ выгодному для себя миру и вести побѣдоносную войну противъ Англіи, не могъ водворить въ своихъ провинціяхъ военно-монархическаго порядка и неуклонно слѣдовать его принципамъ. Впрочемъ онъ сказалъ однажды канцлеру Лудовика XI, относившагося къ нему съ высокомѣріемъ: «напомните вашему господину, что и я могъ бы быть королемъ, но не желаю этого.» Больше всего хлопотъ ему было съ Гентомъ и Брюгге. Эти города, многолюднѣйшіе въ Европѣ, не разъ вели кровопролитныя войны со своими прежними графами и съ французскими королями; они сдѣлались независимы и постоянно ссорились съ Филиппомъ. Въ 1437 г. онъ едва не былъ убитъ брюггскими гражданами и работниками. Поводомъ къ этому были слѣдующія обстоятельства. Заключивъ въ прошломъ году аррасскій миръ и избавившись отъ вассальныхъ обязанностей къ Франціи, Филиппъ отправился во Фландрію, гдѣ Гентъ и Брюгге тѣснили жителей Слюиса и другихъ небольшихъ городовъ, а гентскіе граждане сверхъ того выгнали навязанныхъ имъ дворянскихъ начальниковъ и даже оцѣнили ихъ головы. Онъ успѣлъ тогда дать почувствовать свою власть, посадилъ во Фландріи военныхъ начальниковъ, назначилъ Жана Комина губернаторомъ Гента и подчинилъ рыцарямъ города Уденардъ и Куртре. Буюгге долго не соглашался впустить Филиппа и его людей въ герцогскій замокъ, но наконецъ принужденъ былъ подчиниться, и 17 октября 1436 г. отправилъ къ герцогу депутацію, состоявшую изъ бургомистровъ и членовъ магистрата. Однако уже въ слѣдующемъ мѣсяцѣ брюггцы поссорились съ жителями Слюиса и другихъ городовъ, надъ которыми присвоили себѣ право суда. Филиппъ выступилъ противъ Брюгге съ 700 валлонскихъ стрѣлковъ, установилъ въ Слюисѣ, Уденардѣ и Ніевпорѣ свое управленіе, а къ рождеству заставилъ покориться и гражданъ Брюгге. Но и на этотъ разъ покорность ихъ была непродолжительна. Непріязненныя дѣйствія открылись съ обѣихъ сторонъ уже въ январѣ 1437 г. и длились нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Брюгге и Гентѣ грозили преслѣдованіемъ и изгнаніемъ всякому, расположенному къ примиренію съ герцогомъ. При такомъ настроеніи умовъ, демократія сильно встревожилась, когда Филиппъ, придя съ 1400 рыцарей и множествомъ валлонскихъ стрѣлковъ въ Русселеръ, хотѣлъ на другой день, 22 мая, вступить въ Брюгге.

Послѣ нѣкотораго сопротивленія, граждане открыли ворота, но когда герцогъ съ нѣсколькими стами человѣкъ вошелъ въ городъ, они снова заперли ихъ и такимъ образомъ отдѣлили его отъ остальнаго конвоя. Филиппъ, не замѣтивъ этого, дошелъ до Пятницкой площади. Здѣсь поднялся шумъ. Народъ убилъ двухъ знатныхъ гражданъ, явившихся къ Филиппу съ изъявленіемъ покорности. Тогда герцогскіе стрѣлки начали стрѣлять, вслѣдствіе чего весь городъ взялся за оружіе. Положеніе Филиппа было крайне опасно: онъ не могъ ни оставаться въ городѣ, ни выйти изъ него къ своему войску, ни призвать войско къ себѣ. Наконецъ ему удалось добраться до воротъ, но нашелъ ихъ запертыми и загороженными, и былъ бы убитъ, еслибъ гражданинъ Яковъ Градуа, отправленный къ нему во главѣ депутаціи и отступившій вмѣстѣ съ нимъ къ воротамъ, не послалъ за кузнецомъ и не приказалъ отбить запоры. За это кузнецъ былъ четвертованъ жителями. Изъ числа 170 плѣнниковъ было казнено горожанами 22 человѣка, принадлежавшихъ къ свитѣ Филиппа.

Послѣ этого между могущественнымъ городомъ и герцогомъ началась открытая война. Филиппъ отрѣзалъ городъ отъ всякаго сообщенія съ моремъ, занялъ всѣ ближайшія мѣстечки, грабилъ и опустошалъ окрестности и немилосердно преслѣдовалъ всякаго, вступавшагося за Брюгге. Гентъ и Ипернъ, а также многіе иностранные купцы убѣдительно просили его за городъ, съ которымъ была связана ихъ собственная судьба, и который въ то время имѣлъ почти такое же значеніе, какъ впослѣдствіи Амстердамъ и Лондонъ. Но никакіе доводы и просьбы не помогали. Даже война съ Англіей, безпрестанно отвлекавшая Филиппа, не могла измѣнить его плановъ относительно Брюгге. На время отлучекъ онъ поручалъ дѣло войску, остававшемуся во Фландріи, и женѣ, и, какъ только позволяли обстоятельства, спѣшилъ возвратиться. Однако онъ долго не могъ ничего сдѣлать. Граждане не смирились даже тогда, когда цехи и военныя братства Гента, разоряемые застоемъ промышленности и прекращеніемъ шерстяной торговли съ Англіей, присоединились къ Филиппу. Они попрежнему продолжали воевать съ Слюисомъ, бывшимъ во враждѣ съ жителями Гента, препятствуя ихъ сообщенію съ моремъ. Наконецъ въ январѣ 1438 г. брюггскіе граждане почувствовали, что дальнѣйшее сопротивленіе будетъ для нихъ гибельно, и отправили къ Филиппу въ Аррасъ уполномоченныхъ, соглашаясь на безусловную сдачу. Въ февралѣ герцогъ объявилъ имъ свои условія, а въ апрѣлѣ они передали ихъ согражданамъ. Важнѣйшее условіе касалось франконатовъ, весьма многочисленнаго во Фландріи класса людей, не принадлежавшихъ ни къ дворянству, ни въ бюргерству, но жившихъ на такъ называемыхъ вольныхъ земляхъ. Къ нимъ причислялись также изгнанники изъ Брюгге. Франконаты купили себѣ при Іоаннѣ Безстрашномъ большія привилегіи, но граждане городовъ постоянно препятствовали имъ пользоваться пріобрѣтенными правами. Филиппъ потребовалъ, чтобы ихъ признали четвертымъ сословіемъ (veerde Led), и такимъ образомъ обезпечилъ имъ всѣ права гражданства. Сверхъ того онъ заставилъ Брюгге отказаться отъ господства надъ Слюисомъ, уплатить 200 т. червонцевъ и согласиться на исключеніе изъ амнистіи 42 лицъ, которыхъ онъ хотѣлъ наказать еще прежде. Все это было исполнено: гражданъ, выключенныхъ изъ амнистіи, объявили внѣ законовъ и лишили всего имущества.

Однако Брюгге и Гентъ продолжали враждовать съ герцогомъ, который различными путями старался выжимать изъ богатыхъ сословій деньги для поддержанія королевской пышности своего двора. Но описаніе этихъ распрей, интересныхъ для частной исторіи Нидерландовъ, не можетъ входить въ общую исторію большихъ европейскихъ государствъ, которыя мы имѣемъ преимущественно въ виду. Впрочемъ положеніе бельгійскихъ провинцій при Филиппѣ было чрезвычайно цвѣтуще. Это свидѣтельствуетъ современникъ, природный бельгіецъ, Филиппъ де Коминъ; по его отзыву, герцогъ не обременялъ жителей налогами (le quel peu tailloit), и богатства всѣхъ странъ стекались во Фландрію, Брабантъ и Артуа (ils étoient comblez de richesses et en grand repos, ce qu'ils ne furent oncques puis). Уже было замѣчено, что бельгійскіе города соперничали въ торговлѣ и промышленности даже съ Флоренціей (т. III стр. 220).

Для всеобщей исторіи въ дѣятельности Филиппа важнѣе всего его отношенія къ Франціи и дофину Людовику XI, бывшему на престолѣ злѣйшимъ врагомъ

Бургундіи. Филиппъ тѣсно сблизился съ Лудовикомъ, надѣясь привязать его благодарностью къ своему дому. Съ другой стороны, онъ старался породнить съ французскимъ домомъ своего сына, графа Шароле, будущаго Карла Смѣлаго. Съ этою цѣлью, при заключеніи аррасскаго мира онъ обручилъ его съ дочерью Карла VII, Екатериною, хотя они были еще дѣтьми. Десятилѣтнюю принцессу привезли на воспитаніе въ Бургундію, но ея ранняя смерть разстроила этотъ бракъ. Тогда Карлъ Смѣлый, гонявшійся уже тогда за химерическими мечтами о будущемъ величіи своего государства, хотѣлъ жениться на дочери герцога Іоркскаго, чтобъ пріобрѣсти право на англійскій престолъ, хотя герцогъ имѣлъ тогда двухъ сыновей. Но Филиппъ, желая сблизить сына съ Франціей, не согласился на этотъ бракъ и женилъ Карла на Изабеллѣ Бурбонской. Съ дофиномъ Филиппъ былъ постоянно въ короткихъ отношеніяхъ, такъ что Лудовикъ, разсорясь съ отцомъ, совершенно отдался герцогу. Послѣ неудавшагося покушенія на жизнь отца (стр. 53), Людовикъ былъ удаленъ отъ двора и сосланъ въ Дофине. Управляя этою провинціею, какъ независимымъ княжествомъ, онъ слѣдовалъ той же системѣ, которая впослѣдствіи сдѣлала его жестокое правленіе столь благодѣтельнымъ для французскаго народа. Неумолимый къ аристократіи, онъ старался расположить къ себѣ народъ, положилъ предѣлъ рыцарскимъ войнамъ и кулачному праву, свирѣпствовавшему въ Дофине еще сильнѣе, чѣмъ въ Германіи, оживилъ торговлю и промышленность и улучшилъ монетную систему. Вскорѣ вражда его съ отцомъ приняла непримиримый характеръ вслѣдствіе его сватовства за малолѣтнюю савойскую принцессу. Къ этому браку его, вѣроятно, побуждали денежные разсчеты. Его первая жена, чрезвычайно умная, но, кажется, нѣсколько вѣтренная, шотландская принцесса, принесла въ приданое всего 12 т. червонцевъ, тогда какъ герцогъ Савойскій давалъ за дочерью 320 т. червонцевъ. Карлъ VII не желалъ этого брака, такъ какъ черезъ него Лудовикъ, и безъ того распоряжавшійся совершенно независимо въ Дофине, получалъ сильнаго союзника въ герцогѣ Савойскомъ. Онъ даже послалъ въ Савойю посольство, чрезъ которое заявилъ о своемъ несогласіи на бракъ; но герцогъ отвѣчалъ, что получилъ отъ папскаго легата увѣреніе въ согласіи короля, и бракъ состоялся.

Вражда короля съ дофиномъ усиливалась съ каждымъ годомъ. Лудовикъ распоряжался въ Дофине какъ независимый государь; онъ преобразовалъ верховный судъ въ парламентъ, отмѣнилъ старыя учрежденія, чеканилъ монету съ своимъ изображеніемъ и велъ переговоры съ швейцарцами, итальянскими князьями, Наваррой, Арагоніей и Англіей. Все это страшно бѣсило короля, узнавшаго къ тому же, что Лудовикъ тѣсно сближается съ Бургундіей и намѣренъ въ скоромъ времени явиться ко двору, чтобъ силою прогнать смертельно ненавидимыхъ ему министровъ, придворныхъ и любовницъ, вмѣстѣ съ ихъ покровителемъ. Хотя король осудилъ, какъ клеветника, человѣка, сообщившаго ему это извѣстіе, однако съ 1452 по 1456 вражда его съ сыномъ дошла до того, что онъ отвергъ предлагаемую Лудовикомъ помощь, когда англичане прислали войска въ вновь возставшую Гіэнь (стр. 55). Наконецъ въ 1456 г. вражда перешла въ открытую борьбу. Лудовикъ приготовилъ войско и старался возстановить противъ отца принца Оранскаго, бернцевъ и даже папу. Карла извѣстилъ объ этомъ Шабаннь, графъ Даммартенъ, принадлежавшій къ числу тѣхъ лицъ, которыя не ждали себѣ ничего хорошаго отъ дофина и потому всячески старались возстановить противъ него отца. Онъ писалъ Карлу, что Лудовикъ призвалъ жителей Дофине къ поголовному возстанію и назначилъ предводителемъ войска батарда Арманьяка, что поэтому королю необходимо принять мѣры къ подавленію движенія, тѣмъ болѣе что къ нему примкнетъ все рыцарство провинціи, озлобленное на Лудовика за покровительство низшимъ классамъ. Послѣднее обстоятельство ободрило Карла; онъ рѣшился начать войну противъ сына, не смотря на представленія папы, кастильскаго короля и герцога Бургундскаго, и приказалъ графу Даммартену вступить съ войскомъ въ Дофине и схватить дофина. Войско Даммартена только что совершило подобную же экспедицію противъ графа Іоанна д'Арманьяка. Іоаннъ привелъ въ ужасъ все христіанство, женившись на родной сестрѣ. Общіе вопли были тѣмъ громче, что Іоаннъ добылъ себѣ изъ папской канцеляріи разрѣшеніе на этотъ бракъ. Но когда поднялся шумъ, папа отрекся отъ этого разрѣшенія. Сверхъ того Іоаннъ позволилъ себѣ насилія противъ сосѣднихъ епископовъ. Но

оба эти обстоятельства не заставили бы короля ополчиться противъ него, если бы побочный братъ Іоаннъ, Лекенъ батардъ д'Арманьякъ не былъ предводителемъ войскъ дофина. За это Іоаннъ былъ изгнанъ изъ своихъ владѣній, лишился Руера и Арманьяка и долженъ былъ бѣжать съ женою въ Арагонію, гдѣ оставался до воцаренія Лудовика. Съ дофиномъ королевскому войску не пришлось сражаться, такъ какъ Лудовикъ предпочелъ бѣжать. Онъ хотѣлъ сперва отправиться въ Савоію, но, узнавъ, что дороги заняты непріятелемъ поѣхалъ въ Брюссель, хотя по своей подозрительной натурѣ не совсѣмъ довѣрялъ герцогу Бургундскому. Филиппъ не могъ отказать ему въ гостепріимствѣ и защитѣ, однако тотчасъ написалъ королю, прося у него прощенія за укрывательство его мятежнаго сына. (Je ne m'en donnoit point de garde, j'en ai été bien emerveillé et vous en avertis comme raison est. Vous savez, mon trés redouté seigneur, que pour honneur de vous, de lui et de votre noble maison raison veut, que je lui fasse tout honneur, révérence et plaisir, que je pourrai bonnement). Лудовикъ не засталъ въ Бельгіи самого Филиппа, бывшаго тогда въ Голландіи, гдѣ онъ насильно навязалъ Утрехту въ епископы своего побочнаго сына, Давида. Но въ Брюсселѣ находилась третья жена герцога, португальская принцесса. Она приняла дофина съ восточною пышностью, такъ какъ бургундскій дворъ превосходилъ блескомъ всѣ прочіе и славился великолѣпіемъ задолго до знакомства Бельгіи съ испанскимъ этикетомъ. Этотъ пріемъ вдвойнѣ смутилъ Лудовика. Во-первыхъ, онъ всегда обращалъ вниманіе исключительно на метеріяльную сторону вещей и, чуждый тщеславія, таготился роскошью и парадными формами. Во-вторыхъ, его злобный, коварный, подозрительный характеръ заставлялъ его предполагать, что подъ этимъ пріемомъ скрываются какіе-нибудь тайные замыслы. Нѣсколько подробностей объ этомъ пріемѣ будутъ здѣсь нелишними. Онѣ нагляднѣе покажутъ зародыши испанскаго церемоніяла, занимавшаго уже императоровъ Карла IV и Сигизмунда несравненно болѣе, чѣмъ насущныя потребности германскаго народа; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ дадутъ понять значеніе, пріобрѣтенное Франціей послѣ побѣдъ надъ англичанами. Сенъ-Пале, съ необычайнымъ стараніемъ описывавшій всѣ подобныя вещи и вообще все, касавшееся рыцарей и ихъ быта, разсказываетъ, что герцогиня и ея невѣстка, графиня Шароле, вышли на встрѣчу дофину со всѣмъ своимъ штатомъ, встрѣтили его на дворцовомъ дворѣ у воротъ и стали на колѣни, когда онъ соскочилъ съ лошади. Дофинъ поцѣловалъ ихъ обѣихъ и обнялъ другихъ дамъ. Затѣмъ, когда всѣ отправились во дворецъ, герцогиня никакъ не соглашалась, чтобы дофинъ шелъ по лѣвую руку. (Monsieur, il me semble, que vous avez désir, qu'on se moque de moi, car vous voulez me faire ce qui ne m'appartient pas). Дофинъ отвѣчалъ, что онъ долженъ оказывать ей почетъ, такъ какъ онъ теперь бѣднѣйшій человѣкъ во всей Франціи, и ему нигдѣ нѣтъ пристанища, кромѣ какъ у дяди и у нея. Наконецъ онъ довелъ герцогиню и графиню до того, что, обѣдая съ нимъ, онѣ отмѣняли обычный церемоніялъ (on ne les servoit pas à couvert), а при прогулкахъ сами носили свой шлейфъ. Герцогъ, вернувшись изъ Голландіи, оказалъ Лудовику такой же почетъ. Его никакъ не могли отговорить сдѣлать при встрѣчѣ съ нимъ на дворцовомъ дворѣ три колѣнопреклоненія.

Дофинъ поселился недалеко отъ Брюсселя въ мѣстечкѣ Генеппъ и получалъ отъ герцога на содержаніе своего двора ежемѣсячно 6 тысячъ ливровъ. Филиппъ поручилъ его особенному попеченію своего сына Карла, бывшаго почти десятью годами моложе дофина. Оба принца были совершенно различныхъ характеровъ, и поэтому вскорѣ сдѣлались смертельными врагами. Карлъ, названный впослѣдствіи Смѣлымъ, тогда какъ, собственно говоря, его слѣдовало бы назвать безразсуднымъ, имѣлъ рыцарскій, гордый, вспыльчивый характеръ, и помышлялъ только о войнѣ и завоеваніяхъ. Лудовикъ былъ свирѣпъ, грязенъ, подлъ и золъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣренъ, уменъ, обходителенъ съ народомъ, способенъ на всякое лукавство; хитрый дипломатъ и политикъ, онъ былъ труслив, хотя высказывалъ иногда мужество. Не смотря на вражду, Карлъ просилъ Лудовика быть крестнымъ отцомъ его дочери Маріи, будущей жены императора Максимиліана I. Напротивъ того, дофинъ, всюду сѣявшій раздоры, поселилъ изъ-за пустяковъ важную ссору между Филиппомъ и его сыномъ. Два придворныхъ, Антонъ Робенъ и Филиппъ де-Кроа, сынъ герцога де-Шиме, поспорили о томъ, кому изъ

нихъ слѣдуетъ занять мѣсто перваго каммергера, когда лицо, занимавшее эту должность, почему то не могло отправлять своей обязанности. Герцогъ и дофинъ приняли сторону втораго, графъ Шароле — перваго. Изъ-за этого, кажется, по винѣ дофина, между герцогомъ и сыномъ возникъ такой горячій споръ, что Карлъ, смертельно возненавидѣвшій съ того времени фамилію де-Кроа, уѣхалъ въ свое намѣстничество, Голландію, и долго прожилъ тамъ.

Между тѣмъ Карлъ VII занялъ Дофине и назначилъ туда двухъ губернаторовъ. Дофинъ не признавалъ ихъ и сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ батарда Арманьяка, благодаря его въ грамотѣ за оказанныя услуги (qui a quitté biens, parents et amis, et m'a toujours fedélement servi). Тѣмъ не менѣе Карлъ подчинилъ себѣ Дофине, и жители вскорѣ раскаялись, что не стояли тверже за дофина. Карлъ VII сильно гнѣвался на герцога Бургундскаго за покровительство Лудовику, а въ 1458 г. между ними едва не возгорѣлась война по поводу процесса герцога Алансонскаго. Карлъ желалъ показать надъ однимъ изъ принцевъ крови, герцогомъ Алансонскимъ, примѣръ всѣмъ вельможамъ, которые могли бы еще помышлять о возобновленіи Praguerie. Онъ всячески подготовлялъ своему сыну путь къ самодержавной власти, которой французскіе короли достигли при Лудовикѣ. Обвинивъ герцога въ тайныхъ сношеніяхъ съ англичанами, онъ приказалъ въ 1456 г. Дюнуа арестовать его, продержалъ два года въ тюрьмѣ, пріискивая благовидный предлогъ къ осужденію, и наконецъ предалъ уголовному суду, не обращая вниманія на усиленныя просьбы двухъ первыхъ перовъ, герцоговъ Бургундскаго и Бретанскаго. Въ августѣ 1458 г. онъ созвалъ парламентъ въ Монтаржи, гдѣ имѣлъ возможность совершенно подчинить его своему вліянію, пригласилъ туда духовныхъ и свѣтскихъ перовъ и заставилъ этотъ судъ приговорить герцога къ смерти. Приговоръ не былъ выполненъ, но герцогъ просидѣлъ въ заключеніи до воцаренія Лудовика, возвратившаго ему его конфискованныя имѣнія, полагая, что герцогъ пострадалъ за него. Карлъ довольно надменно пригласилъ къ этому суду Филиппа Добраго, но когда герцогъ приготовился ѣхать въ сопровожденіи своихъ рыцарей, ему прислали приказъ не ѣздить лично, а прислать уполномоченныхъ. Тогда онъ принялъ весьма грозный видъ. Карлъ съ своей стороны сосредоточилъ войска въ Пикардіи, такъ что всѣ опасались войны. Король пробовалъ соединиться съ графомъ Шароле противъ его отца и своего сына, но не могъ поладить съ нимъ, такъ какъ графъ непремѣнно хотѣлъ погубить де-Кроа, которымъ Карлъ VII не соглашался пожертвовать. (Pour deux royaumes comme le mien, je ne consentirois un vilain fait).

2. Франція и Бургундія отъ воцаренія Лудовика XI до смерти Филиппа Добраго.

По смерти Карла VII въ іюлѣ 1461 г. Лудовикъ XI вступилъ на престолъ. Всѣ ждали, что онъ блистательно отблагодаритъ герцога Бургундскаго, столько лѣтъ защищавшаго и содержавшаго его и даже разсорившагося изъ-за него съ Карломъ VII. Но Лудовикъ былъ слишкомъ хорошій политикъ и дипломатъ, чтобъ подлежать такимъ слабостямъ, какъ чувство благодарности. Онъ на первыхъ же порахъ показалъ своему бывшему защитнику, что будетъ руководствоваться относительно его болѣе чувствомъ недовѣрія, чѣмъ благодарности. Филиппъ хотѣлъ проводить его во Францію съ большимъ числомъ рыцарей, но онъ отклонилъ предложеніе и пріѣхалъ изъ Бельгіи съ небольшою свитою. 18 августа онъ помазался и короновался въ Реймсѣ. Добрый, почтенный старикъ Филиппъ, пріѣхавшій на торжество вмѣстѣ съ другими перами, произвелъ глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ, ставъ на колѣни передъ королемъ и умоляя простить всѣхъ, оскорблявшихъ его въ прошлое царствованіе. Лудовикъ не могъ не дать амнистіи, изъ которой однако исключилъ канцлера дез'Юрсена, графа Даммартена (Шабанна) и еще пять человѣкъ; но его жестокій, мстительный характеръ не позволилъ ему сдержать свои обѣщанія. Онъ сталъ гнать и отрѣшилъ отъ должностей всѣхъ слугъ отца, и напротивъ возвышалъ всѣхъ, помогавшихъ ему противъ Карла. Герцогъ Бургундскій, видя, что Лудовикъ не рас-

положенъ слѣдовать его благоразумному совѣту, предсказалъ, что обиженное дворянство и чиновники будутъ противиться королю. Впрочемъ Лудовикъ вначалѣ выказывалъ большое расположеніе къ Филиппу и его сыну, и далъ послѣднему герцогство Нормандское съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 36 тысячъ ливровъ. Разумѣется, онъ сдѣлалъ это изъ политическихъ видовъ, чтобъ обмануть обоихъ, и тотчасъ же началъ интриговать противъ могущественнаго вассала. Филиппъ терпѣлъ это, но Карлъ Смѣлый вошелъ въ сношенія съ герцогомъ Бретанскимъ, также имѣвшимъ причины противодѣйствовать политикѣ Лудовика.

Уже при Карлѣ VII между Бретанью и Франціей начали устанавливаться прежнія вассальныя отношенія. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Франциска I (стр. 53), умеръ его племянникъ Генрихъ II (1457 г.); ему наслѣдовалъ извѣстный коннетабль, графъ Ришмонъ, подъ именемъ Артура III. Онъ не только остался коннетаблемъ, но и не разъяснилъ вполнѣ, обязательна ли для него приносимая королю присяга (hommage lige). Бретанскіе чины утверждали, что Бретань самостоятельное герцогство, и что поэтому присяга герцоговъ должна считаться простою формальностью, а не признаніемъ верховной власти короля. Артуръ умеръ въ 1458 г., оставивъ герцогство племяннику, Франциску II. Лудовикъ, вступивъ на престолъ, потребовалъ отъ него дѣйствительной вассальной присяги (hommage lige); но Францискъ уклонился отъ нея и заключилъ тайный союзъ съ графомъ Шароле. Лудовика сильно озабочивало сближеніе двухъ сильныхъ вассаловъ, но онъ не смѣлъ открыто противодѣйствовать Филиппу или графу Шароле. Напротивъ, въ два первые года своего царствованія, онъ всячески старался угождать старому герцогу. Но по своему коварному способу досаждалъ его сыну интригами, заговорами, покровительствомъ его врагамъ, и до того озлобилъ его, что уже тогда всѣ предугадывали непримиримую вражду между новымъ королемъ и будущимъ герцогомъ Бургундскимъ. Между прочимъ онъ сдѣлалъ своимъ гофмаршаломъ де-Кроа, котораго Карлъ ненавидѣлъ, подарилъ ему городъ Гинь съ округомъ и, чтобъ окончательно взбѣсить графа Шароле, возвѣстилъ въ Парижѣ при трубныхъ звукахъ объ этой милости. Старый герцогъ всѣми силами старался успокоить разгнѣваннаго сына, но вскорѣ самъ поссорился съ королемъ. Лудовикъ объявилъ ему и герцогу Бретанскому, что считаетъ принесенную ими присягу обязательною. Филиппъ не согласился на это, и хитрый Лудовикъ по обыкновенію замолчалъ, встрѣтивъ рѣшительное сопротивленіе, и выжидалъ благопріятнаго случая выместить неудачу. Вскорѣ онъ послалъ къ герцогу посольство какъ будто бы съ цѣлью потребовать отъ него помощи противъ англичанъ, но въ сущности затѣмъ, чтобъ заставить его распространить на Бургундію французскій налогъ на соль. Филиппъ понялъ, что это требованіе есть попытка дѣйствовать съ нимъ какъ съ настоящимъ вассаломъ, и послалъ одного изъ своихъ вельможъ, де Шиме, протестовать противъ неправильнаго толкованія присяги. Лудовикъ не принялъ посланника, но де Шиме подошелъ такъ близко къ его комнатамъ, что ему нельзя было уклониться отъ разговора. Думая запугать бургундскаго вельможу, онъ закричалъ: «Да что же за человѣкъ герцогъ Бургундскій! развѣ онъ изъ другаго металла сдѣланъ, чѣмъ прочіе принцы и господа моего королевства?» «Должно быть, отвѣчалъ Шиме: герцогъ Бургундскій дѣйствительно другой человѣкъ и изъ другаго металла (voirement autre et d'autre metal), чѣмъ прочіе принцы вашего королевства и сосѣднихъ земель, потому что онъ охранялъ, защищалъ и поддерживалъ васъ (il vous a gardé, porté et soutenu) противъ вашего отца,—да проститъ Богъ его прегрѣшенія,—и этимъ навлекъ на себя его неудовольствіе. Другіе принцы и не захотѣли бы и не посмѣли бы сдѣлать этого». Послѣ этихъ словъ разгнѣванный король ушелъ и счелъ благоразумнымъ оставить дѣло въ покоѣ. За то онъ предъявилъ новое требованіе, отъ котораго нельзя было уклониться, такъ какъ оно основывалось на аррасскомъ договорѣ. Онъ потребовалъ возвращенія городовъ по Соммѣ, уступленныхъ герцогу съ правомъ выкупа за опредѣленную сумму (стр. 38). Уже Карлъ VII домогался возврата ихъ, но не имѣлъ успѣха; Лудовикъ, понимая, что ничего не добьется прямымъ путемъ, прибѣгъ къ своему итальянскому коварству, такъ часто помогавшему ему и французскому народу во время его царствованія достигать великихъ цѣлей измѣной, ложью и преступленіями. Онъ обманулъ графа Шароле увѣреніемъ, что деньги достанутся ему, и подкупилъ совѣтниковъ Филиппа, убѣ-

дившихъ герцога, что онъ не имѣетъ права и не долженъ удерживать за собою города, какъ скоро будетъ уплачена назначенная договоромъ сумма. Кончилось тѣмъ, что Филиппъ исполнилъ требованіе Лудовика, который уплатилъ ему деньги въ два срока. Возвращеніе сѣверо-восточныхъ пограничныхъ городовъ было мастерскимъ маневромъ политики Лудовика и совершенно справедливо считалось національнымъ торжествомъ, такъ какъ не стоило ни капли крови (1463 г.). Графъ Шароле, бывшій въ разладѣ и съ отцомъ и съ королемъ, понялъ наконецъ, что будетъ обманутъ, и отправилъ къ Лудовику Имбрекура и Конте протестовать отъ своего имени и отъ имени графства Артуа противъ возвращенія городовъ. Но было уже поздно. Лудовикъ, неслишкомъ разборчивый на средства, досталъ безъ большаго затрудненія деньги, нужныя для уплаты герцогу. Онъ задержалъ жалованье войску и придворнымъ, захватилъ всѣ частные капиталы, отданные правительству на сохраненіе, и обѣщалъ удовлетворить ихъ владѣльцевъ изъ суммъ чрезвычайнаго налога, обѣщаннаго ему представителями нѣкоторыхъ провинцій.

Выкупивъ города по Соммѣ, онъ сталъ убѣждать Филиппа возвратить Орши, Дуе и Билль, заложенные еще первому герцогу Бургундскому, предлагая выкупить ихъ. Разумѣется, это предложеніе было отклонено, но возвращеніе городовъ на Соммѣ обезпечило французскія границы со стороны Бургундіи, и дало Лудовику возможность приступить къ осуществленію своихъ дальнѣйшихъ плановъ. Прежде всего ему нужно было занять графа Шароле и лишить его союзника, помощь котораго могла сдѣлать наслѣдника Филиппа опаснымъ для Франціи. Этотъ союзникъ былъ герцогъ Францискъ II Бретанскій, давно уже понявшій намѣреніе Лудовика ослабить знать и возвысить народъ. Лудовикъ съ своей стороны нисколько не сомнѣвался, что по смерти Филиппа вспыхнетъ возстаніе вельможъ, во главѣ котораго станутъ два первыхъ пера, герцоги Бургундскій и Бретанскій. Чтобъ помѣшать этому, онъ рѣшился предупредить герцога Бретанскаго, поддерживая раздоръ между Филиппомъ и его сыномъ; это удалось ему при помощи подкупленныхъ придворныхъ Филиппа, графа д'Этампа и де-Круа, смертельныхъ враговъ Карла. Тайно стянувъ войска къ границамъ Бретани, онъ послалъ своего канцлера Петра Морвиллье объявить герцогу, что запрещаетъ ему писаться «Божьею милостью» и пользоваться правами самостоятельныхъ государей, т. е. чеканить золотую монету, налагать на жителей новыя подати, обязывать вассаловъ при присягѣ помогать сюзерену противъ всѣхъ и наконецъ принимать присягу отъ прелатовъ, считавшихся непосредственными вассалами короны (de recevoir les sermens de fidèlité des prélats, ainsi que leurs aveux et dènombrements, attendu qu'ils rélevoient nuement de la couronne de France). Канцлеръ долженъ быть настоять на немедленномъ исполненіи требованій и, въ случаѣ отказа, объявить войну. Но на этотъ разъ обманутымъ оказался Лудовикъ, онъ принужденъ былъ согласиться на трехмѣсячную отсрочку, такъ какъ герцогъ объявилъ, что долженъ предварительно собрать сеймъ, ибо иначе всякое обязательство съ его стороны будетъ недѣйствительно. Но, вѣроятно, Лудовика тревожили замыслы герцога Бургундскаго или скорѣе его сына, потому что онъ немедленно передвинулъ войска въ Пикардію. Дѣйствительно, большіе вассалы, особенно герцогъ Бургундскій, были непосредственно заинтересованы въ дѣлѣ герцога Бретанскаго и не могли равнодушно смотрѣть на дѣйствія короля. Лудовикъ понялъ, что придется отложить дѣло въ долгій ящикъ; онъ имѣлъ свиданіе съ Филиппомъ и условился покончить споръ третейскимъ судомъ, назначивъ его въ Шинонѣ (въ сентябрѣ 1464 г.). Но уполномоченные герцога Бретанскаго уѣхали изъ Шинона въ октябрѣ, не подчинившись приговору королевскихъ комиссаровъ.

Лудовикъ приписывалъ упорство слабаго Франциска II графу Шароле, все еще жившему въ Голландіи, и ѣздилъ въ Геденъ къ Филиппу жаловаться на Карла. Дѣйствительно, Карлъ Смѣлый и Францискъ II соединились и приняли общія дѣятельныя мѣры противъ короля. Движеніемъ руководили Танньи дю Шатель, Жанли и вице-канцлеръ Ромилье со стороны герцога Бретанскаго, графъ де Сенъ-Поль и его братъ Іаковъ Люксанбурскій со стороны графа Шароле. По порученію своихъ государей, они возобновили ихъ давнишній договоръ; Ромилье поѣхалъ въ Англію и завязалъ тамъ переговоры; графъ де Сенъ-Поль, губер-

наторъ Ренна, постоянно находился съ Карломъ въ Голландіи, помощникъ его Антонъ де Ламе безпрерывно скакалъ изъ Голландіи въ Бретань, а послы Франциска, переодѣтые францисканцами, разъѣзжали по вельможамъ, возстановляя ихъ противъ короля; Лудовикъ зналъ почти обо всемъ этомъ. Не стѣсняясь въ средствахъ для достиженія цѣли, онъ послалъ одного изъ самыхъ отчаянныхъ рубакъ, батарда Рюбанпре въ Горкумъ, захватить бретанскаго вице-канцлера со всѣми его бумагами. Рюбанпре отправился съ небольшимъ числомъ рѣшительныхъ людей, присталъ къ голландскому берегу и, оставивъ свой отрядъ въ Вальхеренѣ, поѣхалъ съ двумя провожатыми въ Горкумъ. Но въ то время тамъ находился самъ графъ Шароле, такъ что появленіе Рюбанпре возбудило подозрѣніе, и онъ былъ схваченъ. Къ Филиппу немедленно послали одного изъ придворныхъ, Оливье де ла-Марша, мемуары котораго служатъ однимъ изъ главныхъ источниковъ этого событія. Герцога увѣрили, что король, узнавъ отъ астрологовъ о его скорой смерти, поручилъ Рюбанпре овладѣть графомъ Шароле. Филиппъ, зная характеръ Лудовика и его глупыя занятія астрологіей, повѣрилъ этому. Впрочемъ это всѣмъ показалось вѣроятнымъ, и на короля со всѣхъ сторонъ посыпались рѣзкія сочиненія; его даже громили съ кафедръ въ церквахъ. Лудовикъ дѣлалъ всевозможное, чтобъ успокоить стараго герцога, но тотъ не поддавался и поспѣшно уѣхалъ изъ Гедена, когда король захотѣлъ пріѣхать къ нему на обѣдъ. Тогда Лудовикъ отправилъ къ нему посольство, во главѣ котораго стоялъ канцлеръ Морвилье; Филиппъ въ присутствіи сына выбранилъ пословъ. Впрочемъ онъ былъ умѣреннѣе гордаго Карла, въ высшей степени оскорбившагося словами канцлера, сказавшаго ему, что король прислалъ его не къ нему, а къ его отцу. (Monseigneur de Charolais, je ne suis pas venu pour parler à vous, mais Monseigneur votre père.) Услышавъ эти слова, Карлъ съ яростью подошелъ ко второму послу, архіепископу нарбоннскому, и сказалъ: «поблагодарите отъ меня короля за то, что онъ велѣлъ своему канцлеру намылить мнѣ голову, но скажите ему, что, онъ раскается въ этомъ до истеченія года. (Recommandez mois humblement à la bonne grace du roi et dites lui qu'il m'a bien fait laver par le chancelier, mais avant qu''il soit un an, il s'en repentira).

Окончательный разрывъ между герцогомъ Бургундскимъ и королемъ вызвалъ рѣшительныя мѣры со стороны вельможъ, бывшихъ уже въ теченіе года въ заговорѣ противъ демократическихъ стремленій короля и покровительствуемыхъ Бретанью и Бургундіею. Они назначили уполномоченныхъ, отличавшихся зеленымъ шелковымъ бантомъ на поясѣ (et portayent, iceux qui avaient les scelez, secrétement chascun une aiguillette de soye à sa ceinture, à quoy ils congnoissoyent les uns les autres); они заключили въ Парижѣ въ концѣ 1464 г. союзъ, принявшій названіе союза общественнаго блага (ligue du bien publique). Филиппъ Добрый не рѣшался приступить къ нему, боясь запальчивости сына: но наконецъ племяннику его, герцогу Бурбонскому, удалось вовлечь и его въ лигу. Герцогъ Бурбонскій былъ недоволенъ королемъ за то, что не получилъ достоинства коннетабля по смерти герцога Артура Бретанскаго; поэтому онъ не только самъ вступилъ въ лигу, но убѣдилъ и дядю въ законности заговора знати противъ демократическаго деспота (въ началѣ 1465 г.). Филиппъ согласился выставить войско и призвалъ своихъ вассаловъ къ оружію, но ему пришлось предоставить сыну главное начальство въ войскѣ и участіе въ веденіи дѣла. Получивъ возможность дѣйствовать самостоятельно, Карлъ Шароле не замедлилъ обнаружить свойственную ему запальчивость, погубившую его впослѣдствіи. Съ самаго же начала онъ привелъ въ величайшую ярость своего стараго, дряхлаго отца тѣмъ, что своевольно удалилъ отъ двора господъ де Кроа, лучшихъ друзей Филиппа и поэтому самому злѣйшихъ враговъ его наслѣдника. Онъ приказалъ имъ немедленно выѣхать изъ государства и до того запугалъ ихъ, что они уѣхали, не успѣвъ даже проститься съ Филиппомъ. Между тѣмъ Лудовикъ, видя приближеніе опасности, старался выпутаться изъ бѣды безчестными хитростями и снова принялъ мѣры къ образованію постояннаго войска. Съ этой цѣлью онъ возстановилъ отмѣненные имъ вначалѣ суды по налогамъ, поправилъ финансы грязною скаредностью и строгимъ надзоромъ за сборомъ податей и, подобно средневѣковымъ итальянскимъ тиранамъ, возвысилъ военную службу на степень самаго выгоднаго ремесла для среднихъ классовъ и мелкаго дворянства. Онъ давалъ кавалеристамъ (жандармамъ) по 15, а вольнымъ стрѣлкамъ по $7^1/_2$ ливровъ въ мѣсяцъ, такъ

что они получали гораздо больше самыхъ искусныхъ и трудолюбивыхъ работниковъ.

Въ мартѣ 1465 г., братъ короля, герцогъ Карлъ Беррійскій, котораго Лудовикъ уже давно подозрѣвалъ, открыто принялъ сторону союзниковъ и бѣжалъ въ Бретань. Это было сигналомъ къ войнѣ, получившей названіе войны за общественное благо (guerre du bien public). Герцоги Беррійскій, Бурбонскій, Бретанскій и Алансонскій, графъ Арманьякъ и Іоаннъ Калабрійскій, герцогъ Лотарингскій и Барскій, приступившій къ союзу противъ желанія своего отца, Рене, номинальнаго короля неаполитанскаго, издали противъ короля грозные манифесты, утверждая, что единственная цѣль ихъ возстанія—покровительствовать народному благосостоянію. Наглость этихъ господъ была тѣмъ поразительнѣе, что король незадолго до того собиралъ ихъ въ Турѣ, гдѣ они высказали неудовольствіе на союзъ Бургундіи и Бретани. Герцогъ Бургундскій письменно отказался послать королю войско, жалуясь, подобно прочимъ принцамъ, на произвольное управленіе короля, который не уважаетъ обычаевъ, замѣщаетъ въ своемъ совѣтѣ принцевъ и вельможъ людьми простаго происхожденія и пренебрегаетъ представленіями дворянства. Далѣе онъ говоритъ, что принцы и вельможи, желая прекратить это зло и сострадая къ бѣдному народу, тѣсно соединились между собой, чтобы принудить короля къ иному образу дѣйствій; причемъ они имѣютъ въ виду единственно его собственную пользу и благо его короны. Въ числѣ другихъ, къ лигѣ принадлежали Дюнуа, Лоакъ и Шабаннь, графъ Даммартенъ. Король имѣлъ надежнаго союзника въ герцогѣ Миланскомъ, Францѣ Сфорца, приславшемъ ему своего сына, Галеаццо-Марію. Сфорца, помогая королю противъ союзникоаъ, руководствовался собственнымъ интересомъ, такъ какъ ни покойный герцогъ Карлъ Орлеанскій, бывшій однимъ изъ величайшихъ враговъ короля и умершій незадолго до начала войны (1465 г.), ни его сынъ и племянникъ, не признавали его законнымъ владѣтелемъ герцогства Миланскаго; они имѣли притязаніе на это владѣніе, какъ наслѣдники матери Карла, Валентины Висконти (т. III, стр. 437).

Въ маѣ поднялось противъ короля почти все государство, исключая Ліоннуа, Дофине и Нормандіи. Въ іюлѣ Лудовикъ повелъ свои войска противъ герцога Бурбонскаго и уже угрожалъ Буржу, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что герцогъ Бретанскій появился у него въ тылу, и что въ то же время старый герцогъ Бургундскій поручилъ своему сыну двинуться на Парижъ съ 26 тысячнымъ войскомъ. Король немедленно выступилъ противъ графа Шароле, занявъ Овернь и Берри отрядомъ войска и поручивъ Галеаццо-Маріи покорить владѣнія Ла Форе и Божоле. Между тѣмъ Карлъ Шароле шелъ къ Соммѣ, а герцогъ Бретанскій двигался по Луарѣ, чтобъ соединиться между собою и вмѣстѣ занять Парижъ. Шароле безпрепятственно перешелъ Сомму и Сену, но не могъ овладѣть Парижемъ, такъ какъ встрѣтилъ мужественное сопротивленіе со стороны гражданъ города и не былъ поддержанъ герцогами Бретанскимъ и Беррійскимъ. По словамъ Комина, войско его, въ которомъ батарды играли важную роль—особенно побочные сыновья Филиппа Добраго—было въ плохомъ состояніи, дурно вооружено и еще хуже организовано. Самъ онъ былъ полководецъ неосторожный; притомъ передъ его отправленіемъ въ походъ старый герцогъ подстрекнулъ его безразсудную смѣлость, совѣтуя ему дѣйствовать какъ можно рѣшительнѣе и обѣщавъ въ случаѣ надобности, придти на помощь во главѣ стотысянной арміи. Послѣ неудачи подъ Парижемъ, Карлъ хотѣлъ вернуться, такъ какъ герцоги Бретанскій и Бургундскій не являлись, а Лудовикъ приближался съ сильнымъ войскомъ; но канцлеръ Бретани удержалъ его, показывая письма, извѣщавшія о скоромъ приближеніи союзниковъ. Они дѣйствительно были уже такъ близко, что Лудовикъ нѣкоторое время не зналъ кого изъ нихъ прежде аттаковать. На военномъ совѣтѣ, собранномъ имъ, большинствомъ голосовъ было рѣшено напасть на бургундцевъ, армія которыхъ, не смотря на сильную и хорошую артиллерію, была далеко не страшна; притомъ французы ненавидѣли ихъ болѣе чѣмъ бретонцевъ (mais ils dirent tous qu'il valoit mieux tomber sur les Bourgongnons parceque l'ancienne haine d'entre les François et les Bourgongnons estoit plus grande que contre les Bretons). Вслѣдствіе этого 16 іюля 1465 г. между Лудовикомъ и графомъ Шароле произошло сраженіе при Монлёри (въ департаментѣ

Сены). Сличая описанія очевидцевъ, Оливье де ла-Марша и Комина, нельзя сказать ничего опредѣленнаго объ этой битвѣ, не смотря на ученыя примѣчанія французовъ къ обоимъ названнымъ авторамъ. Съ этимъ согласенъ Дюкло въ своей знаменитой исторіи Лудовика XI. Поэтому мы не будемъ входить въ подробности, тѣмъ болѣе что описанія сраженій не входятъ въ планъ этого сочиненія. Какъ король, такъ и бургундскій принцъ выказали большую храбрость; Карлъ даже едва не попалъ въ плѣнъ и былъ спасенъ только мужествомъ одного кавалериста, котораго немедленно возвелъ въ рыцари. Побѣда осталась нерѣшенною, и оба главнокомандующіе приписывали ее себѣ: Лудовикъ хвалился тѣмъ, что потеря непріятелей была больше, и что ему удалось выручить Парижъ и вступить въ него побѣдителемъ. Карлъ же тѣмъ, что переночевалъ на полѣ битвы и безпрепятственно отошелъ къ Этампу, гдѣ съ нимъ соединились герцоги Беррійскій и Бретанскій.

После сраженія при Монлери, армія лиги двинулась къ Парижу; къ ней присоединились бургундскіе кавалерійскіе отряды и войска герцоговъ Бурбонскаго, Немурскаго, Лотарингскаго, и графовъ Арманьяка и д'Альбре. Въ ней особенно отличался дисциплиной и военнымъ навыкомъ пятисотенный отрядъ швейцарцевъ, служившихъ у герцога Лотарингскаго, Іоанна Калабрійскаго. Здѣсь швейцарская пѣхота въ первый разъ пріобрѣла во Франціи значеніе. Кромѣ ея Іоаннъ имѣлъ еще отрядъ воинственныхъ всадниковъ, съ головы до ногъ закованныхъ въ желѣзо и сидѣвшихъ на лошадяхъ, покрытыхъ бронею; конница эта уже давно служила анжуйскому дому въ Италіи. По Комину, сила союзной арміи, собранной подъ Парижемъ, простиралась до 100 тысячъ чел.; но вѣроятно это вдвое преувеличено. Окрестности Парижа сильно потерпѣли, такъ какъ обѣ арміи стояли тутъ съ іюля по сентябрь и между ними происходили безпрестанныя стычки. Впрочемъ съ обѣихъ сторонъ соблюдались порядокъ и дисциплина, за исключеніемъ войскъ графа Арманьяка и герцога Немурскаго, жившихъ грабежомъ. Королевская армія, къ которой присоединилось норманнское ополченіе (arrière ban), храбро отстаивала Парижъ. Лудовикъ вздумалъ вооружить студентовъ, но ректоръ университета, Фише, рѣшительно воспротивился этому, и желаніе короля не осуществилось. Злобный Лудовикъ, такъ часто выдаваемый въ наше время за идеалъ монарха, не забылъ этого, и черезъ нѣсколько лѣтъ ректоръ былъ изгнанъ изъ государства. Однако Лудовикъ во всѣхъ своихъ войнахъ полагался не столько на силу оружія, сколько на свою хитрую политику; поэтому онъ рѣшился сдѣлать уступки, чтобъ впослѣдствіи погубить враговъ порознь. Союзники сами помогли ему въ этомъ; дружба ихъ не могла быть прочна, по несогласію ихъ характеровъ, что обнаружилось уже въ столицѣ, въ разговорѣ герцога Беррійскаго съ графомъ Шароле. Герцогъ кротко и гуманно выразилъ свое сожалѣніе о несчастныхъ жертвахъ междоусобной войны, и возбудилъ этимъ сильное неудовольствіе въ грубомъ и надменномъ Карлѣ, выказавшемъ при этомъ жестокость и эгоизмъ, свойственные подобнымъ людямъ, когда затропутъ ихъ личный интересъ. (Avez vous oui parler cet homme? сказалъ онъ о герцогѣ Беррійскомъ; il se trouve ébahi pour sept à huit cents hommes, qu'il voit par la ville allants blessés, qui ne lui sont rien, ni qu'il ne conoit point, il s'ébahiroit bientot, si le cas lui touchoit, de quelque chose et seroit homme pour appointer bien légèrement et nous laisser en la fange; et pour les anciennes guerres, qui ont été entre le roi Charles son père, et le duc de Bourgogne mon père, aisément toutes ces deux parties se convertiroient contre nous, par quoi est nécessaire de se pourvoir d'amis.)

Рѣшившись прибѣгнуть къ дипломатическимъ хитростямъ, Лудовикъ встрѣтилъ въ графѣ Шароле готовность къ примиренью. Карлъ съ нетерпѣніемъ ждалъ возможности отмстить городамъ Люттиху и Динану за нанесенныя ему оскорбленія. Граждане Люттиха, обнадеженные коварными обѣщаніями Лудовика, объявили Карлу черезъ герольдовъ войну на жизнь и смерть (à feu et sang) и даже сдѣлали попытку напасть на Люксембургъ; жители же Динана, бывшаго въ то время весьма населеннымъ, опустошили графство Намюръ, сдѣлали изъ дерева или соломы чучело, которое назвали графомъ Шароле, и повѣсили съ ругательною надписью передъ воротами Бушеня. (Они написали на чучелѣ, обращаясь къ бургундцамъ: Vées là le fils de votre duc, le faux traitre comte de Charolais, que le roi de France a fait ou fera pendre.) Переговоры короля съ,

союзниками открылись въ Шарантонѣ. Лудовикъ сначала послалъ уполномоченныхъ, но потомъ прибылъ самъ, считая полезнымъ льстить при переговорахъ союзникамъ и унижаться особенно передъ графомъ Шароле. Рѣшившись ѣхать, онъ не взялъ заложниковъ, положившись на слово Карла, который былъ слишкомъ рыцарственъ, чтобъ нарушить, подобно королю, данное обѣщаніе изъ-за матерьяльныхъ выгодъ. Въ Шарантонѣ онъ вызвалъ Карла на откровенный разговоръ, безъ зазрѣнія совѣсти отрекся отъ всего, что прежде говорилъ черезъ канцлера Морвилье (стр. 65), и сказалъ, что теперь ясно видитъ, что въ жилахъ графа течетъ кровь французскихъ королей. На вопросъ Карла, что значатъ послѣднія слова, онъ отвѣчалъ: «Выслушавъ слова Морвилье, вы велѣли сказать мнѣ черезъ епископа нарбоннскаго, что заставите меня до истеченія года раскаяться въ нихъ, и теперь сдержали обѣщаніе, хотя годъ далеко еще не прошелъ. Съ такими людьми я люблю имѣть дѣло». (Vous m'avez tenu promesse, et encore beaucoup plutôt que le bout de l'an; avec telles gens veux je avois à besogner, qui tiennent ce qu'ils promettent tout de suite.) Условія союзниковъ были такъ неумѣренны и такъ вредны для государства, что Лудовикъ долго не соглашался принять ихъ. Не только каждый изъ принцевъ и герцоговъ, но и Таннги дю-Шатель, Дюнуа, Альбре, Арманьякъ, Даммартенъ, Лоакъ, Бюейль и Сенъ-Поль требовали себѣ денегъ, имѣній и льготъ въ ущербъ королю и государству. Объ общественномъ благѣ, выдаваемомъ прежде за цѣль союза, не было и рѣчи; потребовали, правда, созванія представителей для преобразованія управленія; но собраніе это дало такіе же результаты, какъ имперскіе сеймы въ Германіи. Среди переговоровъ, Лудовикъ внезапно принялъ рѣшеніе, внушенное ему герцогомъ Миланскимъ и его сыномъ. Эти глубокіе знатоки итальянскихъ вѣроломствъ послали ему сказать, что для уничтоженія союза надо обѣщать теперь все, чего требуютъ; а впослѣдствіи выполнить или отвергнуть договоръ, смотря по тому, что будетъ выгоднѣе. Другими словами, они совѣтовали ему тоже, что у Данте Гвидо Монтефельтро совѣтуетъ папѣ (Lunga promessa, con l'attender corto, ti fera triomfar nell'alto Seggio). Лудовикъ не только послѣдовалъ этому совѣту, но даже превзошелъ его, обѣщавъ союзникамъ больше, чѣмъ они просили. Онъ понималъ, что чѣмъ больше получатъ теперь принцы, тѣмъ охотнѣе народъ подчинится впослѣдствіи его демократической диктатурѣ, чтобъ избавиться отъ ига олигарховъ. Сверхъ того онъ желалъ отдѣлить отъ союзниковъ графа Шароле, стоявшаго во главѣ обширнаго государства и имѣвшаго достаточно силъ, чтобъ бороться съ королемъ безъ посторонней помощи. Поэтому 5-го октября, онъ заключилъ съ Карломъ особый договоръ въ Конфланѣ; съ прочими же союзниками онъ примирился не ранѣе 29-го октября въ Сенъ-Морѣ. Готовность, съ которою король соглашался на самыя неумѣренныя требованія, и неудовольствіе, выраженное парламентомъ при внесеніи договора въ протоколы, могли бы показать аристократіи, что ни король, ни народъ, ни парламентъ не допустятъ водворенія такой позорной олигархіи. Но графъ Шароле увлекъ ихъ, и сверхъ того король привлекъ на свою сторону мелкихъ владѣтелей, Дюнуа, Даммартена, Лоака и др., предоставивъ имъ разныя преимущества. Мы укажемъ лишь на нѣкоторыя условія трактата, такъ какъ онъ никогда не былъ выполненъ. Графъ Шароле, названный въ договорѣ братомъ и кузеномъ короля, выговорилъ себѣ города по Соммѣ, округи (prévotés) Вимё, Бовуази и Фульлуа, города Перонну, Мондидье и Руа и графства Булонь и Гинъ. Братъ короля долженъ былъ не только получить обратно герцогство Беррійское, но и Нормандію съ верховными правами на Бретань и Алансонъ. Герцогъ Калабрійскій пріобрѣлъ прилегавшіе къ его владѣніямъ города Музонъ, Сенъ-Мену, Вокулёръ и Епиналь; сверхъ того, ему былъ обѣщанъ 3-хъ-тысячный отрядъ войска, содержимый на счетъ короля, и 100 т. червонцевъ наличными деньгами для завоеванія Неаполитанскаго королевства. Герцогъ Бретанскій получалъ графства Етампъ и Монфоръ и намѣстничество Нижней Нормандіи; притомъ король отказывался отъ всякихъ верховныхъ правъ въ Бретани. Герцогу Бурбонскому были обѣщаны владѣніе Уссонъ и часть Оверни; графу Арманьяку возвращены четыре господства, отнятыя у него при Карлѣ VII, по изгнаніи его въ Арагонію (стр. 60). Кромѣ того онъ долженъ былъ получить начальство надъ ротою королевскихъ ординарцевъ и пенсію; герцогу Немурскому было уступлено требуемое имъ губернаторство въ Парижѣ и Иль-де-Франсѣ и дана

пенсія; графамъ Дюнуа и Даммартену были возвращены ихъ конфискованныя имѣнія; д'Альбре получилъ помѣстья по сосѣдству съ своими владѣніями; графъ до Сенъ-Поль былъ возведенъ въ достоинство коннетабля, вакантное со смерти герцога Артура Бретанскаго; Лоакъ былъ сдѣланъ маршаломъ, дю-Бюейль—адмираломъ, а Танніи дю-Шатель—обершталмейстеромъ. Лудовикъ не могъ и не намѣренъ былъ выполнить эти договоры; заключая ихъ, онъ даже не хитрилъ и не скрывалъ своихъ мыслей, а прямо протестовалъ противъ нихъ въ парламентѣ, объявивъ, что они вынуждены силою и потому недѣйствительны (qu'il n'acceptoit une paix si désavantageuse, que contre son courage et volonté par force et contrainte et que pour éviter les inconveniens tant de sa personne que du royaume, qu'il voyait en disposition d'advenir).

Братъ короля, герцогъ Карлъ Беррійскій, первый лишился всѣхъ выгодъ, полученныхъ по этому договору. Лудовикъ воспользовался споромъ, возникшимъ между нимъ и герцогомъ Бретанскимъ, чтобъ возвратить себѣ Нормандію. Вступивъ въ эту провинцію, онъ увѣрилъ герцога Бретанскаго, что хочетъ отмстить только брату; графъ Шароле былъ въ то время занятъ походомъ противъ Люттиха и Динана; прочіе союзники также не помогли Карлу Беррійскому, такъ что королевскія войска скоро покорили всю Нормандію. Жители были строго наказаны за сопротивленіе; самъ Карлъ бѣжалъ къ герцогу Бретанскому. Съ этой минуты Лудовикъ только и помышлялъ объ отнятіи у вассаловъ всего, уступленнаго имъ по договору. Между тѣмъ могущество Бургундіи возрастало. Динанъ и Люттихъ дорого поплатились за то, что, довѣрясь Лудовику, оскорбили графа Шароле, напавъ на его владѣнія. Помирившись съ королемъ, графъ выступилъ противъ люттихцевъ и смирилъ ихъ. Они обязались платить ежегодно 2 т. гульденовъ, выплатить сверхъ того въ теченіе 6-ти лѣтъ 600 т. гульденовъ, признать навсегда герцоговъ Бургундскихъ своими верховными покровителями и вознаградить своего епископа за всѣ нанесенные ему убытки. Несмотря на эту строгость, они вскорѣ опять возмутились по наущенію Лудовика. Динанцы вторглись въ Намюръ и Геннегау и произвели здѣсь грабежи. Это заставило Карла, въ іюлѣ 1466 г., предпринять новый, грозный походъ. Въ августѣ онъ подступилъ къ Динану и, встрѣтивъ отчаянное сопротивленіе со стороны гражданъ, боявшихся его мести, сталъ обстрѣливать городъ изъ колоссальныхъ орудій. Послѣ осьмидневнаго жестокаго бомбардированія, жители должны были сдаться безусловно. Тогда побѣдитель обошелся съ городомъ такъ, какъ поступалъ въ такихъ случаяхъ татаринъ Тимуръ. Онъ приказалъ срыть городъ и перерѣзать жителей; изъ нихъ 700 были связаны попарно и утоплены въ Маасѣ. Устрашенные люттихцы покорились добровольно. Карлъ простилъ ихъ, но принадлежавшіе имъ города Гюи и Сенъ-Троянъ отдалъ на разграбленіе той части своего войска, которой ничего не досталось при грабежѣ Динана. Такимъ образомъ Карлъ, еще до вступленія на престолъ, сдѣлался грозою своихъ подданныхъ и слабыхъ сосѣдей; но опустошая свое государство и позволяя своему многочисленному войску, которое не могъ содержать иначе, поступать съ своей страной, какъ съ непріятельской, онъ способствовалъ видамъ Лудовика. 15 іюня 1467 г. умеръ Филиппъ Добрый, котораго еще задолго до смерти разбилъ параличъ; его единственный законный сынъ, Карлъ Смѣлый, наслѣдовалъ все бургундское государство.

3. Карлъ Смѣлый и Лудовикъ XI до вмѣшательства перваго въ германскія дѣла.

Воинственный, заносчивый и неосторожный государь, какъ Карлъ Смѣлый, могъ легко погубить по смерти Филиппа бургундское государство, составленное изъ разнородныхъ провинцій и племенъ. Лудовикъ XI понималъ это лучше чѣмъ кто либо, и потому держалъ во всѣхъ городахъ агентовъ, которые должны были постоянно возбуждать смуты, пользуясь общимъ неудовольствіемъ на налоги, изобрѣтенные Филиппомъ. Бургундіи недоставало централизаціи, необходимой для успѣшнаго веденія войнъ; къ тому же она не имѣла правильной финансовой

системы и, слѣдовательно, не могла содержать постояннаго войска, такъ что каждая война была сопряжена съ новыми произвольными налогами и сопровождалась разореніемъ жителей, отдаваемыхъ на разграбленіе наемнымъ войскамъ, не получавшимъ жалованья и жившимъ грабежомъ. Въ послѣдніе годы царствованія Филиппа Бургундія испытала и то и другое. Дружины Карла опустошали бургундскія земли наравнѣ съ сосѣдними, а устройство значительной артиллеріи, составлявшей главную силу бургундскаго войска, потребовало большихъ налоговъ, падавшихъ преимущественно на богатыя фландрскія провинціи и возбуждавшихъ такое неудовольствіе, что тотчасъ послѣ смерти Филиппа въ Гентѣ произошли безпорядки. Могущество Бургундіи обусловливалось миромъ, порядкомъ, бережливостью и соблюденіемъ конституціи, такъ какъ отъ этихъ условій зависѣло богатство ея главной провинціи—Нидерландовъ. Филиппъ Добрый старался поддержиать все это, но Карлъ считалъ это недостаточнымъ. Іоаннъ фонъ Мюллеръ въ исторіи Швейцаріи посвоему описалъ блескъ бургундскаго государства, характеръ Карла Смѣлаго, его богатство, роскошь и королевское великолѣпіе, а изъ Лудовика XI сдѣлалъ втораго Карла Великаго. Намъ не нравится его манера, какъ все напыщенное; потому мы скажемъ обо всемъ этомъ нѣсколько словъ, чтобъ показать, что въ Бургундіи, еще при Филиппѣ, роскошь двора и рыцарей равнялась богатству и умѣренности горожанъ. Войсками большею частью командовали батарды вельможъ (стр. 57), и самъ Филиппъ значительно содѣйствовалъ расположенію этихъ офицеровъ, оставивъ около тридцати незаконныхъ сыновей. Всѣхъ этихъ побочныхъ дѣтей съ ихъ матерями нужно было обезпечить, и потому нельзя не удивляться, что Филиппъ, тратившій въ 2 послѣдніе года множество денегъ на военныя предпріятія Карла, все-таки оставилъ огромныя суммы. Послѣ него осталось 400 т. червонцевъ, 22 т. марокъ серебра и на 2 мил. драгоцѣнностей, кромѣ золотыхъ вещей, жемчуга, драгоцѣнныхъ камней и различныхъ предметовъ роскоши, выставлявшихся на показъ въ торжественныхъ случаяхъ.

Въ послѣднее время Филиппъ Добрый возбудилъ сильное негодованіе въ жителяхъ Гента, установивъ новый налогъ (Caillot или Cueillette), особенно тягостный для небогатыхъ горожанъ. Послѣ его смерти, гентцы надѣялись освободиться отъ налога, такъ какъ постоянно помогали Карлу противъ его отца, имѣвшаго резиденцію въ Брюггѣ. Но Карлъ, вступивъ послѣ торжественныхъ похоронъ своего отца въ Гентъ для принятія присяги (blyde inkomst, joyeuse entrée), не сдѣлалъ никакихъ распоряженій объ отмѣнѣ налога; тогда въ городѣ вспыхнуло возстаніе. Граждане взялись за оружіе, и новый герцогъ, очутившись плѣнникомъ, былъ принужденъ послѣдовать совѣту рыцарей своей свиты и уступить требованіямъ бунтующей черни. Со злобой въ сердцѣ онъ отмѣнилъ налогъ и освободилъ гентцевъ отъ всѣхъ стѣсненій и униженій, которымъ Филиппъ подвергнулъ городъ послѣ его послѣдняго возстанія. Удача Гента побудила къ возстаніямъ и другіе города. Лудовикъ искусно пользовался затруднительнымъ положеніемъ своего противника. Карлъ Смѣлый былъ героемъ и идеаломъ рыцарства; онъ жилъ еще пышнѣе отца, хотя не берегъ, подобно ему, денегъ и тратилъ огромныя суммы на войска. Тамъ, гдѣ Лудовикъ выигрывалъ хитростью, Карлъ шелъ на проломъ и потому нуждался въ большой вооруженной силѣ. Все это возбуждало безпрестанныя возстанія, начавшіяся съ первыхъ же годовъ его правленія. Совсѣмъ иначе поступалъ Лудовикъ. Онъ жилъ просто, какъ частный человѣкъ, легче переносилъ личныя непріятности ради государственныхъ выгодъ, охотнѣе дѣйствовалъ переговорами, чѣмъ оружіемъ, и полагался на безгранично преданныхъ ему парижанъ и вообще на народъ, которому покровительствовалъ въ ущербъ дворянству. Постоянно занятый мыслью о дѣлахъ, онъ искалъ и находилъ нужныхъ ему людей, всюду имѣлъ шпіоновъ и подкупленныхъ агентовъ, всегда умѣлъ перехитрить противниковъ и не сердился, когда его обманывали изъ-за выгоды; онъ постоянно разсчитывалъ на продажность и себялюбіе вельможъ, и, разумѣется, обманывался меньше, чѣмъ если бы полагался на ихъ честность. Въ 1466 г., по смерти Франца Сфорцы, онъ возобновилъ союзъ съ его сыномъ, ужаснымъ Галеаццо-Маріей, съ которымъ имѣлъ много общаго по характеру. Вскорѣ послѣ гентскаго возстанія онъ возбудилъ противъ Карла Смѣлаго люттихцевъ, постоянно оставался съ ними въ сношеніяхъ, обѣщалъ помощь, но въ

минуту опасности оставлялъ на произволъ судьбы. Люттихцы, недовольные Карломъ за отнятіе у нихъ городовъ Сенъ-Трояна и Гюи, напали на эти города, но къ счастію отпустили своего епископа и Имбрекура, взятыхъ при этомъ случаѣ въ плѣнъ. Имбрекуръ убѣдилъ Карла пощадить 300 люттихскихъ заложниковъ, которыхъ герцогъ хотѣлъ казнить. Карлъ собралъ войско около Левена, и хотѣлъ идти на Люттихъ. Горожане, увѣренные, что Лудовикъ поможетъ имъ, начали борьбу. Но политическія соображенія не позволили королю поддержать ихъ: онъ успѣлъ уже отнять у герцога Беррійскаго все, уступленное ему по Сенъ-Морскому трактату, и переманить на свою сторону нѣкоторыхъ членовъ лиги; но опасаясь герцога Бретанскаго, онъ не рѣшался открыто выступить противъ Бургундіи. При этомъ случаѣ онъ доказалъ, что усвоилъ себѣ политику своего союзника, герцога Галеаццо-Маріи Миланскаго. Въ то время какъ его агенты раздували пламя возстанія въ Люттихѣ, онъ послалъ къ Карлу грозное посольство, но въ то же время тайно далъ ему знать, что не будетъ серьезно вступаться за Люттихъ, если ему не помѣшаютъ дѣйствовать противъ Бретани. Коннетабль графъ де Сенъ-Поль, бывшій членъ лиги, но теперь совершенно преданный королю, стоялъ во главѣ посольства, явившагося съ угрозами въ лагерѣ Карла; но вмѣстѣ съ нимъ были отправлены кардиналъ ля Балю, посвященный во всѣ интриги короля, и нѣсколько другихъ лицъ, которымъ велѣно было открыть герцогу настоящія намѣренія Лудовика (Toutefois ils offrirent, s'il voulait consentir que le roy peust faire la guerre en Bretagne, que le dit seigneur le laisseroit faire avec les Liégeois). 11 ноября 1467 г. герцогъ Бургундскій двинулся противъ покинутаго королемъ Люттиха и въ третій разъ смирилъ упорныхъ валлонцевъ. Но вскорѣ Лудовикъ опять взволновалъ ихъ.

Города и сословія Брабанта, Геннегау и Фландріи доставляли также не мало хлопотъ Карлу, отстаивая свои права и возставая противъ обременительныхъ налоговъ. Напротивъ того, Лудовикъ съумѣлъ воспользоваться коммисіею, которую долженъ былъ созвать для совѣщанія о государственныхъ реформахъ; онъ обратилъ ее въ покорное себѣ орудіе, при помощи котораго началъ судебнымъ порядкомъ преслѣдовать аристократію, съ которой иначе нельзя было справиться. Онъ потребовалъ отъ коммисіи, чтобъ она высказалась противъ занятія Карломъ Смѣлымъ городовъ въ Пикардіи, особенно Сенъ-Кантена; но Карлъ, конечно, не обратилъ никакого вниманія на ея рѣшеніе. Съ своимъ братомъ, Карломъ Беррійскимъ, король старался войти въ дружелюбныя отношенія, опасаясь союза герцоговъ Бургундскаго и Бретанскаго съ первымъ англійскимъ королемъ Іоркскаго дома, Эдуардомъ IV, о чемъ уже нѣсколько лѣтъ шли переговоры. Этотъ союзъ дѣйствительно состоялся въ концѣ 1467 г., но къ тому времени Лудовикъ успѣлъ обезпечить себя дипломатическимъ путемъ. Карлъ Смѣлый, овдовѣвъ, женился на сестрѣ Эдуарда IV, Маргаритѣ Іоркской. Свадьба была отпразднована съ большимъ торжествомъ въ февралѣ 1468 г. Эдуардъ обѣщалъ прислать союзнику Карла, герцогу Бретанскому, 3 т. стрѣлковъ для вторженія въ Нормандію, съ тѣмъ однако, что всѣ крѣпости, которыя будутъ заняты, останутся за англичанами. Но между тѣмъ Лудовикъ уже успѣлъ отвлечь отъ союзниковъ герцога Бургундскаго и убѣдилъ своего брата, Карла Беррійскаго, отказаться отъ Нормандіи за ежегодную пенсію. Съ этой цѣлью онъ созвалъ, въ апрѣлѣ 1468 г., государственный сеймъ въ Турѣ, имѣвшій довольно демократическій характеръ. Въ немъ участвовали многіе господа, бароны, епископы и депутаты отъ 60 городовъ, по одному духовному и по два свѣтскихъ отъ каждаго, но не было первыхъ перовъ государства. Это собраніе объявило себя противъ герцога Беррійскаго и его защитника, Франциска II Бретанскаго, на томъ основаніи, что Нормандія должна быть нераздѣльна съ короною, и присудило Карлу Беррійскому ренту въ 12 т. ливровъ и 60 т. единовременно. Послѣ того Лудовикъ двинулся съ войскомъ въ Бретань, прежде чѣмъ англійскія подкрѣпленія успѣли прибыть; онъ завладѣлъ всѣми имѣніями Франциска, лежавшими въ коронныхъ владѣніяхъ, и, чтобъ лично оскорбить его, конфисковалъ имѣнія его главной любовницы, Антуанеты де-Меньеле, или, какъ ее называли, дамы де-Вилльевье. Пока королевскія войска дѣйствовали въ Бретани и Нормандіи, Лудовикъ уговаривалъ Карла Смѣлаго продолжать перемиріе. Карлъ, которому было не подъ силу бороться съ дипломатическими интригами короля и

его совѣтниковъ, сорилъ деньги, назначенныя для войны, на разныя празднества, и явился на Соммѣ только въ сентябрѣ, когда уже было поздно. Лудовикъ успѣлъ заключить съ герцогомъ Бретанскимъ перемиріе, а потомъ, при содѣйствіи герцога Калабрійскаго, былъ заключенъ въ Ансенни миръ, ратификованный герцогомъ Францискомъ. Герцогъ Беррійскій также согласился на него по совѣту своего любимца, Оде д'Эди де-Лекена. Миръ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ маневровъ политики Лудовика; онъ сталъ полнымъ господиномъ въ государствѣ и сыгралъ плохую штуку съ герцогомъ Бургундскимъ. Карлъ Беррійскій совершенно примирился съ братомъ, принялъ назначенныя ему деньги и согласился въ теченіе года выполнить всѣ дальнѣйшія требованія при посредничествѣ герцога Калабрійскаго и коннетабля графа де Сенъ-Поля. Однако онъ не вполнѣ вѣрилъ брату и остался въ Бретани.

По просьбѣ короля герцогъ Бретанскій послалъ копію съ мирнаго договора Карлу Смѣлому, уже приближавшемуся съ войскомъ къ Соммѣ. Онъ сначала принялъ это за военную хитрость Лудовика, такъ какъ одною изъ главныхъ статей было отступленіе герцоговъ и Беррійскаго Бретанскаго отъ союза съ Бургундіей; поэтому онъ велѣлъ арестовать бретанскаго герольда, который привезъ ему это извѣстіе; но когда оно подтвердилось *), Карлъ согласился вступить въ переговоры, которые ни къ чему не привели, такъ какъ королевскіе коммиссары ссылались на помянутый приговоръ государственной преобразовательной коммиссіи, а герцогъ не хотѣлъ о немъ и слышать. Онъ былъ до того упрямъ, что во время переговоровъ велѣлъ собрать войска; тогда и королевскій генералъ, графъ Даммартенъ, потерявъ терпѣніе, приказалъ своимъ войскамъ также выступать. Но король Лудовикъ, гораздо болѣе терпѣливый и менѣе щепетильный въ дѣлахъ чести, предложилъ Карлу 120 т. червонцевъ и даже, что совершенно непонятно, отдался въ руки своему злѣйшему врагу. Онъ предложилъ герцогу свиданіе въ Переннѣ, между тѣмъ какъ агенты его подговаривали люттихцевъ произвести диверсію въ тылу у Карла. Карлъ былъ крайне удивленъ намѣреніемъ короля; однако онъ написалъ ему собственноручно пригласительное письмо, обѣщая дружелюбный пріемъ и полную безопасность. Тогда Лудовикъ отправился въ Перонну, взявъ съ собою всего сто человѣкъ свиты, и былъ принятъ Карломъ съ большими почестями. Говорятъ, будто этотъ рискованный поступокъ былъ внушенъ ему коварнымъ кардиналомъ ля-Балю, заранѣе условившимся во всемъ съ Карломъ, и слѣдовательно измѣннически завлекавшимъ короля въ западню.

Перонскій замокъ былъ тѣсенъ и неудобенъ, потому Лудовику отвели весьма приличное помѣщеніе въ городѣ. Но онъ не считалъ себя здѣсь въ безопасности, такъ какъ въ свитѣ Карла примѣтилъ многихъ враждебныхъ себѣ нѣмецкихъ и французскихъ дворянъ и между прочимъ своихъ смертельныхъ враговъ, трехъ братьевъ: Филиппа Савойскаго, Франциска Савойскаго, епископа Женевскаго и Іакова Савойскаго, графа Ромона. Это побудило его переѣхать въ замокъ. Вслѣдъ затѣмъ въ Переннѣ было получено извѣстіе о возстаніи въ Люттихѣ. Двѣ тысячи горожанъ сдѣлали нападеніе на Тонгернъ, взяли въ плѣнъ епископа, канониковъ и Имбрекура, увели ихъ въ Люттихъ, убили въ глазахъ епископа архидіакона Роберта Мормеза и каннибальски растерзали его трупъ. Карлъ Смѣлый и его совѣтники слишкомъ хорошо знали характеръ и политику Лудовика, чтобъ не угадать, что это было его дѣло. Къ тому же бѣжавшіе тонгерицы увѣряли, что видѣли между люттихцами французскихъ агентовъ. Герцогъ пришелъ въ неописанную ярость. Обвиняя во всемъ короля, онъ немедленно велѣлъ заперетъ ворота въ городѣ и въ замкѣ. Лудовику пришлось бы очень плохо, если бы каммергеръ Карла, историкъ Филиппъ де-Коминъ, не удержалъ герцога. По его словамъ, по счастью при герцогѣ въ первую минуту его гнѣва не было никого, кромѣ его самого и двухъ каммердинеровъ, которымъ удалось успокоить Карла. (Avec moy n'y avoit à ces paroles que deux valets de chambre, l'un appelé Charles

*) Bien fort ésbahi fut le duc de Bourgogne de ces nouvelles veu qu'il ne s'estoit mis aux champs que pour secourir les dits ducs, et fut en très grand danger le dit heraut, et cuida le duc, pourcequ'il (герольдъ) éstoit passé par le roy, qu'il eut contrefait les lettres; toute fois il eût de semblables lettres par ailleurs.

de Visen, natif de Dijon, homme honneste et qui avoit grand crédit avec son maistre. Nous n'aigrimes rien, nous adoucismes à notre pouvoir). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Коминъ присовѣтовалъ Лудовику немедленно принять всѣ условія, какихъ требовалъ Карлъ, потому что ярость герцога доходитъ до бѣшенства. Плѣнному королю былъ предложенъ договоръ, который онъ принялъ не колеблясь тѣмъ болѣе, что выполненіе зависѣло отъ него. 14-го октября онъ подписалъ всѣ условія, какихъ грозно требовалъ надменный герцогъ; онъ не только подтвердилъ договоры Аррасскій и Конфланскій (стр. 38 и 68), но согласился сверхъ того на то, чтобы зависимость Бургундіи отъ Франціи ограничивалась пустой формальностью ленныхъ отношеній по нѣкоторымъ провинціямъ; такимъ образомъ французскіе парламенты потеряли вліяніе на судопроизводство во Фландріи. Мы не осуждаемъ Лудовика, подобно его біографу Дюклю, за то, что онъ не считалъ себя связаннымъ этимъ договоромъ; по нашему мнѣнію, заключенный подобнымъ образомъ договоръ столь же мало обязателенъ, какъ обѣщаніе, данное на большой дорогѣ разбойникамъ. Но два обстоятельства бросаютъ невыгодную тѣнь на характеръ и дѣйствія короля. Впрочемъ онъ не только пожертвовалъ люттихцами, возбужденными его же агентами, но даже согласился сопровождать Карла въ походѣ противъ нихъ, хотя они выставили французскія знамена. Сверхъ того самъ Коминъ, хлопотавшій въ Перроннѣ о томъ, чтобъ выручить изъ бѣды Лудовика, не возбудивъ противъ себя гнѣва Карла, и вообще одобрявшій его политику, долженъ сознаться, что, предлагая герцогу оставить у него заложниковъ, король, по всей вѣроятности, думалъ пожертвовать ими (ceux qu'il nomma s'offrirent hautement, je ne sçais s'ils disoient ainsi à part, je me doute que non et à la verité je crois qu'il les y eust laissez). Черезъ недѣлю по заключеніи договора (22-го октября) Карлъ, въ сопровожденіи Лудовика, стоялъ подъ Люттихомъ, и 30-го числа король былъ принужденъ присутствовать при штурмѣ и разграбленіи города и видѣть всѣ возмутительныя звѣрства, совершенныя бургундскими полчищами. Только 2-го ноября онъ получилъ позволеніе вернуться во Францію и могъ вздохнуть свободнѣе.

По возвращеніи, онъ счелъ выгоднымъ на первое время выполнить договоръ и удовлетворить герцога Беррійскаго и другихъ союзниковъ Карла. Поэтому онъ велѣлъ парламенту занести договоръ въ свои протоколы, щедро одарилъ присланное Карломъ посольство, отмѣнилъ приговоры французскихъ государственныхъ судовъ противъ герцога Бретанскаго и его подданныхъ, возвратилъ конфискованныя имѣнія и пожаловалъ герцогу Бургундскому, коннетаблю графу Сенъ-Полю и де-Круа земли и пенсіи. Искусно пользуясь обстоятельствами, онъ давалъ имъ выгодный для себя оборотъ, между тѣмъ какъ его безпокойный, горячій противникъ, помышлявшій только о войнѣ и завоеваніяхъ, завелъ переговоры съ пріѣхавшимъ въ Нидерланды эрцгерцогомъ Сигизмундомъ Тирольскимъ. Переговоры эти не только не сдѣлали его, какъ онъ надѣялся, могущественнымъ государемъ, но впослѣдствіи послужили къ его погибели. Лудовикъ помирился съ братомъ только осенью 1469 г. Примиренію ихъ препятствовалъ довѣреннѣйшій министръ короля, кардиналъ де-ля-Балю, вмѣстѣ съ епископомъ верденскимъ передававшій Карлу всѣ королевскія тайны. Осенью 1469 г. измѣна ихъ обнаружилась и была строго наказана: король велѣлъ посадить обоихъ прелатовъ въ желѣзныя клѣтки, гдѣ ихъ продержали десять лѣтъ. Вообще Лудовикъ приближалъ къ себѣ только людей испытанной хитрости и ловкости и готовыхъ на всякое дѣло безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти. Онъ никогда не подчинялся своимъ приближеннымъ, которыхъ считалъ лишь своими орудіями, и не задумываясь, уничтожалъ ихъ, какъ скоро они переставали служить его видамъ. Къ такимъ людямъ принадлежали казначей его отца, Жакъ Керъ, жестоко поплатившійся при Карлѣ VII за сношенія съ Лудовикомъ или, скорѣе, за свое огромное богатство (стр. 52), кардиналъ де-ля-Балю и многіе другіе, которыхъ онъ впослѣдствіи подвергъ безчеловѣчнымъ мукамъ. Примиренію короля съ братомъ содѣйствовалъ Оде д'Эди де Лекенъ, бывшій сперва врагомъ Лудовика. Онъ убѣдилъ герцога Беррійскаго принять вмѣсто Нормандіи Гіэнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ новый герцогъ Гіэньскій долженъ былъ дать клятвенное и письменное обязательство, что никогда не женится на наслѣдницѣ Карла Смѣлаго и даже не будетъ говорить королю объ этомъ бракѣ: изъ этого можно видѣть, до какой степени Лу-

довикъ опасался герцога Бургундскаго. Однако братъ его и по заключеніи этого договора оставался въ сношеніяхъ съ Карломъ и вскорѣ переслалъ ему тайкомъ записку, уговаривая не упускать изъ виду Франціи изъ за Нидерландъ (mettez peine de contentez vos sujets et ne vous souciez; car vous ne manquerez d'amis). Около того же времени Лудовикъ наказалъ за неповиновеніе установленному имъ порядку одного изъ тѣхъ негодяевъ, съ которыми былъ закадычнымъ другомъ, пока имѣлъ въ нихъ нужду. Это былъ графъ Арманьякъ, выгнанный изъ Франціи при Карлѣ VII (стр. 60). Лудовикъ простилъ ему бракъ съ родной сестрою, позволилъ вернуться во Францію и возвратилъ конфискованныя владѣнія. Но по возвращеніи своемъ графъ сдѣлался разбойничьимъ атаманомъ, собралъ 1500 жандармовъ, хозяйничалъ съ ними по своему на всемъ югѣ и даже, говорятъ, предлагалъ помощь Англіи для вторженія въ Гіэнь. Лудовикъ, прибѣгавшій къ оружію только тамъ, гдѣ ничего нельзя было сдѣлать хитростью и деньгами, предложилъ графу 10 тысячъ за распущеніе жандармовъ, но, видя, что онъ продолжаетъ разбойничать, принесъ по своему обыкновенію жалобу тулузскому парламенту. Когда Арманьякъ не подчинился приговору этого парламента, противъ него было послано сильное войско подъ начальствомъ графа Даммартена; онъ бѣжалъ, былъ объявленъ парламентомъ государственнымъ измѣнникомъ и приговоренъ къ казни и лишенію владѣній. Лудовикъ роздалъ конфискованныя земли его Даммартену и его подчиненнымъ. Затѣмъ Даммартенъ двинулся противъ герцога Немурскаго, помогавшаго Арманьяку и обвиненному королемъ въ оскорбленіи величества. По просьбѣ Даммартена, онъ былъ прощенъ, но подъ унизительными условіями.

Въ началѣ 1470 г. Лудовикъ повидимому хотѣлъ напасть сперва на герцога Бретанскаго, а потомъ на Карла Смѣлаго. Но когда оба герцога выступили съ войсками, онъ струсилъ и заключилъ договоръ въ Анжерѣ, подтверждавшій ансеннійскій трактатъ. Для дѣйствій противъ Бургундіи 1470 годъ обѣщалъ быть весьма благопріятнымъ. Въ Англіи ланкастерская партія, поддерживаемая Лудовикомъ деньгами и интригами, грозила свергнуть съ престола шурина Карла Смѣлаго, короля Эдуарда IV, такъ что все вниманіе герцога Бургундскаго было обращено на Англію. Когда, осенью, Эдуардъ лишился престола и бѣжалъ въ Нидерланды, Карлъ собралъ значительное войско, чтобъ въ началѣ слѣдующаго года возстановить его власть. Въ 1470 году Лудовикъ лишилъ Карла помощи швейцарцевъ. Онъ весьма милостиво принялъ посольство союза, и самъ отправилъ къ нему двухъ пословъ; съ Швейцаріей былъ заключенъ договоръ, по которому обѣ стороны обязывались не помогать герцогу Бургундскому. Этотъ вначалѣ неважный договоръ далъ поводъ къ сношеніямъ Франціи съ Швейцаріей, имѣвшимъ большое значеніе для обоихъ государствъ. Въ томъ же еще году Лудовикъ сосредоточилъ войска въ Пикардіи и началъ интриговать противъ перонскаго трактата, о которомъ до тѣхъ поръ молчалъ. Сначала онъ дѣйствовалъ противъ него письменно, утверждая, что онъ состоялся по козням кардинала де-ля-Балю и герцога Бургундскаго. Затѣмъ онъ обратилъ противъ него парламентъ, который уже въ самомъ началѣ отказывался утвердить его, какъ несогласный съ основными государственными законами и потому недѣйствительный. Теперь парламентъ сталъ прямо отправлять судопроизводство, отнятое у него договоромъ, принималъ аппелляціи на рѣшеніе фландрскихъ судовъ и послалъ своего пристава потребовать къ суду нѣсколькихъ фламандцевъ. Это привело Карла въ такую ярость, что онъ посадилъ пристава въ тюрьму. Парламентъ отправилъ президентовъ, чтобъ составить судебный актъ объ этомъ насиліи, но Карлъ арестовалъ и ихъ, и до тѣхъ поръ держалъ въ заключеніи, пока они не отказались отъ своего порученія. Съ фламандцами, аппеллировавшими парламенту или хотѣвшими явиться по его вызову, онъ поступилъ еще хуже. Они были заключены въ тюрьму, приговорены къ смерти и казнены публично. Король отвѣчалъ на эти произвольные поступки законными мѣрами, разрѣшивъ парламенту конфисковать лены Виме, Фульлуа и Бовуази, по которымъ Карлъ присягалъ Франціи. Раздраженный этимъ, Карлъ протестовалъ въ письмахъ королю и парламенту, но, получивъ неудовлетворительные отвѣты, обратился къ герцогамъ Бретанскому и Лотарингскому, гарантировавшимъ перонскій трактатъ. Но такъ какъ и король съ своей стороны искалъ помощи принцевъ, то между аристократіей снова завелись интриги, прекращенныя коннетаблемъ, который убѣдилъ короля рѣшить споръ

оружіемъ. Однако Лудовикъ и тутъ хотѣлъ показать, что держится законнаго порядка. Онъ собралъ въ Туръ значительное число лицъ разныхъ сословій и, назвавъ это собраніе государственнымъ сеймомъ, предложилъ ему обсудить перонскій договоръ (въ ноябрѣ 1470 г.). Этотъ, такъ называемый, сеймъ не только постановилъ все, чего желалъ король, но на основаніи цѣлаго ряда обвиненій объявилъ Карла виновнымъ въ оскорбленіи величества. Затѣмъ парижскій парламентъ былъ уполномоченъ начать противъ герцога процессъ и послалъ въ Гентъ пристава потребовать его къ суду. Карлъ былъ до того взбѣшенъ, что ничего не отвѣтилъ посланному, а только свирѣпо взглянулъ на него, велѣлъ его заковать и чрезъ нѣсколько дней отправилъ назадъ, не удостоивъ ни однимъ словомъ.

Онъ подвергся бы тогда внезапному нападенію, еслибъ герцогъ Бурбонскій не предупредилъ его о походѣ противъ него королевскихъ войскъ. Въ то же время онъ узналъ, что король намѣренъ отравить его. Лудовикъ, видя неудачу обоихъ покушеній, остался вѣренъ себѣ, не начавъ тотчасъ же войны, а поручивъ своему полководцу, Даммартену, личному врагу Карла, вредить ему всѣми способами. Даммартенъ, опираясь на парламентскія рѣшенія, старался организовать въ городахъ французскую партію и привлечь на свою сторону бургундскихъ вассаловъ, обязанныхъ защищать города; затѣмъ войска его, собранныя въ Пикардіи, дѣлали на города нападенія и взяли Сен-Кантенъ, Мондидье и Руа. При Аббвиллѣ онъ потерпѣлъ неудачу, потому что бургундскій отрядъ ворвался въ городъ въ ту самую минуту, какъ французская партія хотѣла передать его королевскимъ войскамъ; но это вторженіе возбудило неудовольствіе въ другихъ городахъ и заставило ихъ принять мѣры къ огражденію своей муниципальной свободы. Вслѣдъ за тѣмъ, Амьенъ завелъ переговоры съ королевскимъ полководцемъ, и въ то же время, по коварному совѣту его, отправилъ къ Карлу уполномоченныхъ съ заявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Они завели переговоры съ герцогомъ, а тѣмъ временемъ Даммартенъ, успѣвъ собрать 2 т. человѣкъ, занялъ городъ. Взбѣшенный герцогъ написалъ ему неслыханно грубое письмо, но онъ отвѣтилъ такимъ же тономъ и даже въ самомъ адресѣ постарался оскорбить надменнѣйшаго государя того времени (Antoine de Chabannes, comte de Dammartin, grand maitre de l'hotel de France et lieutenant pour le roi en sa ville de Beauvais à Monsieur de Bourgogne). Карлъ отвелъ свое войско къ Аррасу, не желая начинать войны, прежде чѣмъ поможетъ зятю овладѣть англійскимъ престоломъ. Успѣвъ въ этомъ, онъ собралъ громадное для того времени войско, простиравшееся, по словамъ современниковъ, до восьмидесяти тысячъ человѣкъ. Осторожный и боязливый король Лудовикъ былъ сперва очень недоволенъ своимъ генераломъ, который, перейдя Сомму, двинулся противъ бургундцевъ. Король трепеталъ, не получая въ теченіе трехъ дней никакихъ извѣстій изъ арміи, и выразилъ это весьма характеристично въ письмѣ къ адміралу Бурбонскому, стоявшему съ войскомъ невдалекѣ *). Впрочемъ онъ снова ободрился, получивъ отъ Даммартена увѣдомленіе, что хотя бургундское войско многочисленно, но не все то золото, что блеститъ.

Принявъ лично начальство надъ войскомъ, Лудовикъ прежде всего старался побудить бургундскіе города отпасть отъ герцога. Съ этою цѣлью онъ обѣщалъ имъ такія льготы, что парламенты, полагавшіе, что король намѣренъ сдержать обѣщанія, дѣлали ему противъ нихъ серьезныя представленія. Но вассалы, сопровождавшіе короля, особенно братъ его Карлъ Гіэньскій, отлично понимали его настоящія намѣренія и совѣтовали смѣлому герцогу Бургундскому быстро двинуться впередъ. Тогда Карлъ напалъ на городъ Пекиньи, перешелъ по тамошнему мосту черезъ Сомму и, предоставивъ всю мѣстность позади себя въ жертву

---

*) Mon fils, писалъ онъ, je ne vis onc si haute follie que celle qu'a faite Dammartin en faisant passer la rivière aux gens qu'il a, ou mieux courir au grand déshonneur ou grand dommage. Je vous prie envoyez y quelques gens pour sçavoir, comment il s'y gouverne, et m' en faites sçavoir des nouvelles deux ou trois fois le jour; car je suis en grand malaise, doutant que le grand maitre n'ait fait du hardi Merdoux, et si dieu ne le sauve et Notre Dame et sa compagnie, qu'il ne se perdent par leur défaut.

непріятелю, осадилъ Амьенъ. Это было въ высшей степени безразсудно, потому что коннетабль опустошалъ его владѣнія съ одной стороны, Даммартенъ съ другой, передъ нимъ былъ хорошо укрѣпленный городъ съ сильнымъ гарнизономъ, а позади королевское войско, сильно тѣснившее его, но избѣгавшее рѣшительнаго сраженія. Въ то время французы разоряли бургундскія графства Шароле и Маконъ. Къ счастію герцога, его зять, Эдуардъ IV, успѣлъ въ это время завоевать свое королевство. Карлъ воспользовался этимъ и завелъ переговоры о перемиріи. Лудовикъ охотно желалъ заключить миръ, опасаясь, чтобы герцогъ не получилъ помощи изъ Англіи; къ тому же Карлъ Смѣлый неопровержимо доказалъ ему, что онъ не можетъ разсчитывать на вѣрность герцоговъ Бретанскаго и Гіэньскаго. 4 апрѣля 1471 было заключено въ Амьенѣ трехмѣсячное перемиріе, продолженное потомъ до 1 мая 1472 г.; между тѣмъ шли переговоры о мирѣ. Перемиріе было распространено на вассаловъ и союзниковъ обѣихъ сторонъ, которые будутъ поименованы до истеченія 8 дней. Охранителями (conservateurs) мира были назначены не иностранцы, какъ обыкновенно водилось, а вассалы короля и герцога: съ королевской стороны Даммартенъ, Муи, дю Шатель и Шательякъ, со стороны герцога—Равештейнъ, де-Кердъ, д'Имбрекуръ и Ротленъ. Вассалы и подданные короля смѣялись надъ нимъ за это перемиріе, не зная причины, побудившей его къ нему. Герцогъ Бретанскій даже ругалъ его трусомъ (le roi couard), а въ Парижѣ его встрѣтили также, какъ по возвращеніи изъ-подъ Люттиха послѣ пероннскаго свиданія, когда на его счетъ сочиняли и пѣли забавныя пѣсни и учили попугаевъ и сорокъ кричать: «Перонна!» Но Лудовикъ былъ слишкомъ хорошій дипломатъ, чтобъ обращать вниманіе на подобныя вещи. Для него важнѣе всего было пріобрѣсть дружбу народа, особенно парижанъ; потому онъ не мѣшалъ имъ пѣть, отправился по возвращеніи въ Парижъ въ ратушу, посѣтилъ многихъ почетныхъ обывателей, собственноручно зажегъ въ Ивановъ день потѣшные огни и, такимъ образомъ, снова привлекъ къ себѣ жителей, не смотря на всѣ усилія дворянства возбудить противъ него ихъ ненависть.

Герцогъ Бургундскій не нарушилъ амьенскій договоръ, не смотря на то, что въ теченіе трехмѣсячнаго срока обстоятельства совершенно измѣнились. Его зять Эдуардъ IV низвергнулъ съ престола союзника Лудовика XI, Генриха VI, такъ что французскій король, разсчитывавшій прежде на 10 т. англійскихъ стрѣлковъ, могъ теперь опасаться, что Англія будетъ всѣми силами поддерживать его противника. При этомъ Лудовикъ показалъ себя глубокимъ политикомъ и сдѣлалъ больше нынѣшнихъ дипломатовъ, которые способны только на софизмы. Преслѣдуя свои цѣли, онъ не задумываясь жертвовалъ мелочами. Когда герцогъ Бургундскій началъ настаивать на очищеніи нѣсколькихъ крѣпостей, онъ немедленно исполнилъ требованіе, считая невыгоднымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ возобновлять войну. Впрочемъ обѣ стороны не переставали наблюдать другъ за другомъ и вели кабинетную войну со всѣми изворотами и кознями итальянскихъ интригъ. Менѣе всего король довѣрялъ своему брату, Карлу Гіэньскому, который продолжалъ тайно интриговать съ Карломъ Смѣлымъ и не разрывалъ открытаго союза съ Бретанью. Чтобъ разрушить постоянно возобновляемый имъ планъ женитьбы на Маріи Бургундской, Лудовикъ придумалъ женить его на кастильской принцессѣ; но переговоры, начатые съ Кастиліей, рушились вслѣдствіе различныхъ препятствій. Герцогъ Гіэньскій между тѣмъ втайнѣ преслѣдовалъ свой планъ. Окруженный королевскими шпіонами, опутавшими его цѣлою сѣтью интригъ, онъ по совѣту де-Лекена, рѣшился обмануть брата проектомъ новаго брака, о которомъ въ сущности и не думалъ, но который былъ бы не менѣе непріятенъ королю. Продолжая вести переговоры съ Бургундіей, онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ искать руки младшей дочери графа Фуа. Это поставило короля въ большое затрудненіе. Кромѣ Фуа, Бигорра и Беарни, дѣти графа де Фуа должны были наслѣдовать Наварру, а одна изъ его дочерей была замужемъ за герцогомъ Бретанскимъ, такъ что въ случаѣ женитьбы Карла Гіэньскаго на другой, весь югозападъ Франціи былъ бы соединенъ тройственнымъ союзомъ противъ короля. Лудовикъ не могъ допустить этого, потому что постоянно стремился утвердить единство правительства и государства. Но ему неловко было открыто противиться этому браку, и было необходимо развернуть всѣ тонкости итальянской политики и пустить въ ходъ всѣхъ своихъ безчестныхъ и коварныхъ клевретовъ. Между

ними занималъ почетное мѣсто нѣкто дю-Бушажъ, которому были поручены переговоры съ герцогомъ Гіэньскимъ. Король писалъ ему, чтобъ онъ всячески старался разстроить бракъ, дѣлая однако видъ, что самъ король ничего не имѣетъ противъ этого. (Mettez y, писалъ онъ, tous vous cinq sens de nature, si vous venez à bout de ce point, vous me mettrez en paradis). Но на этотъ разъ Лудовикъ, думая обмануть другихъ, самъ попался въ обманъ; братъ его не прерывалъ переговоровъ о Маріи Бургундской, не смотря на то, что король предлагалъ ему свою дочь, Анну, уже помолвленную за Николая Лотарингскаго. Вскорѣ герцогъ Гіэньскій опасно захворалъ. Лудовикъ не посовѣстился подослать къ нему отравителя или, по крайней мѣрѣ, войти въ сношенія съ однимъ гнуснымъ монахомъ, злоупотреблявшимъ довѣріемъ герцога. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предложилъ самыя выгодныя условія Карлу Смѣлому, если онъ пожертвуетъ герцогами Гіэньскимъ и Бретанскимъ. Болѣзнь брата весьма радовала его, что онъ ясно выразилъ въ письмѣ къ Даммартену (J'ai eu nouvelles que Mr de Guyenne se meurt, et qu'il n'y a point de remède en son fait, et me le fait sçavoir un de ses plus privés qu'il ait avez lui par homme exprès, et ne croit pas ainsi qu'il dit, qu'il soit vife à qui ze jours d'ici celui qui me mande cela est le moine, qn dit ses heures avec Mr de Guyenne). Настоятельныя требованія герцога Бургундскаго побудили его обратить перемиріе въ миръ, который былъ заключенъ 3 октября 1471 г. въ Кротуа; Лудовикъ возвратилъ Карлу Амьенъ, Сенъ-Кантенъ, Руа и Мондидье и обязался не вступаться за коннетабля Сенъ-Поля и герцога де Невера. Однако король до тѣхъ поръ медлилъ утвердить договоръ, пока не умеръ (24 мая 1472 года) герцогъ Гіэньскій, что весьма обрадовало его, потому что теперь о подобномъ мирѣ не могло быть и рѣчи.

Но Карлъ слишкомъ хорошо зналъ своего противника, чтобъ довѣрять ему, и еще до смерти герцога Гіэньскаго сталъ готовиться къ войнѣ, хотя перемиріе было продолжено до 14 іюня 1472 г. Страхъ, произведенный вторженіемъ французовъ въ 1472 г. въ богатые Нидерланды, помогъ ему склонить нидерландцевъ платить постоянный налогъ вмѣсто прежнихъ податей, налагавшихся на срокъ и лишь при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Карлъ воспользовался этими деньгами, предназначенными для защиты границъ, чтобъ увеличить свою армію, при помощи которой онъ надѣялся выполнить свои завоевательные замыслы. Увеличивая постепенно налогъ, онъ получилъ возможность тратить ежегодно на войско полмилліона червонцевъ. Конечно это порождало сильное неудовольствіе и волненіе въ Зеландіи, Голландіи и Фландріи. Въ 1475 г. бургундское войско, постоянно увеличиваемое съ 1472 г., состояло изъ 2,200 чел. конницы, изъ которыхъ каждый имѣлъ оруженосца, конюха и 8 тяжеловооруженныхъ пѣхотинцевъ, изъ 4000 стрѣлковъ, 600 мушкетеровъ, 600 артиллеристовъ, всего слѣдовательно 20,000 чел. Къ этому надо прибавить городскія милиціи и англійскихъ и итальянскихъ наемниковъ. Артиллерія состояла изъ 300 пушекъ и 2000 пороховыхъ ящиковъ.

Едва умеръ герцогъ Гіэньскій, какъ король Лудовикъ занялъ Гіэнь войсками, которыя давно держалъ наготовѣ; онъ присоединилъ герцогство къ коронннымъ землямъ и назначилъ туда своего губернатора; онъ уже хотѣлъ двинуться съ 50 т. арміей въ Бретань, когда Карлъ Смѣлый вступилъ, до истеченія перемирія, въ Пикардію и Нормандію. Походъ былъ неудаченъ съ самаго начала, хотя королевскія силы были заняты въ Бретани; поэтому Карлу не слѣдовало бы полагаться на многочисленность своего войска. При нападеніи на Бове, бургундцы потерпѣли неудачу; Руанъ также не испугался ихъ, хотя они подступили къ нему въ числѣ 80,000 человѣкъ. За то они совершали страшныя опустошенія на походѣ, жгли, грабили и разоряли неукрѣпленныя мѣста и навели такой ужасъ, что Карла прозвали Ужаснымъ. Впрочемъ сами бургундцы страдали отъ него и ненавидѣли его столько же, сколько французы. Пока онъ опустошалъ Нормандію, французскіе гарнизоны Амьена и Сенъ-Кантена разоряли Нидерланды; старшій сынъ коннетабля, графъ Русси, жегъ бургундскіе города и деревни до Тоннера, Жуаньи, Труа и Лангра, а дофинъ Овернскій, по приказанію короля, опустошалъ Франшъ-Конте. Въ сентябрѣ громкія жалобы подданныхъ, недостатокъ продовольствія, быстро уничтожавшій армію, и желаніе отмстить коннетаблю, заставили Карла отступить.

Однако его походъ былъ полезенъ герцогу Бретанскому. Осторожный Лу-

довикъ, услышавъ о наступленіи бургундцевъ и узнавъ о заключеніи между герцогомъ Бретанскимъ и англійскимъ королемъ оборонительнаго и наступательнаго союза, поспѣшилъ заключить съ Бретанью перемиріе на годъ. Карлъ также заключилъ 3-го ноября 1472 г. пятимѣсячное перемиріе, по которому все осталось по старому. Тогда всякій могъ видѣть, что хитрый, вкрадчивый, коварный Лудовикъ низвергнетъ своего гордаго, запальчиваго противника, не имѣвшаго понятія объ осторожности и политикѣ. Лучше всѣхъ понималъ это превосходный историкъ того времени Филиппъ де Коминъ. Хитрый политикъ и дипломатъ, не считавшій нужнымъ быть особенно честнымъ, онъ состоялъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Лудовикомъ, еще со времени пероннскаго трактата. Король всѣми средствами старался привлекать къ себѣ такихъ людей; Карлъ же, напротивъ, оскорблялъ и отталкивалъ ихъ: поэтому Филиппъ, предвидя гибель герцога, совершенно перешелъ въ королевскую службу. Однако виды Карла были весьма обширны. По заключеніи послѣдняго перемирія, онъ занялъ Гельдернъ, овладѣлъ всею страною до Ахена и Меца и началъ хлопотать о созданіи Бургундскаго королевства. При этомъ онъ разсчитывалъ на ученаго, но совершенно неспособнаго къ дѣламъ императора Фридриха III. Потому намъ необходимо обратиться къ тогдашнему состоянію Германіи, причемъ мы будемъ касаться частной исторіи безчисленныхъ владѣній, на которыя съ половины XIV столѣтія раздѣлилась Германія, лишь на столько, на сколько будетъ нужно для уразумѣнія общаго хода дѣлъ.

4. Внутреннее состояніе Германской имперіи при Фридрихѣ III.

Внутреннее положеніе Германской имперіи было въ сущности не такъ дурно, какъ могло показаться съ перваго взгляда. Правда, Фридрихъ III жертвовалъ для папы интересами отечества и религіи, за что получилъ освященную розу и императорскую корону (т. III, стр. 606 и 607.). Но съ другой стороны, города, промышленность, искусства, торговля, ремесла достигли въ это же время высшей степени процвѣтанія, и Германія снабжала своими произведеніями и издѣліями сѣверную и восточную Европу и даже внутреннюю Россію. Конечно, князья, рыцари, господа, словомъ та часть націи, которая была вооружена и сражалась на коняхъ, обращалась съ безоружными, какъ арабы, туркмены, курды или африканскія племена. Они считали своей добычею всѣхъ, которые были слабѣе или попадались имъ на большихъ дорогахъ; они грабили ихъ или заставляли откупаться. Но горожане были защищены крѣпкими стѣнами и при хорошихъ предводителяхъ могли тягаться съ рыцарями въ полѣ. Они имѣли артиллерію и легкія войска, тогда какъ у рыцарей, не знавшихъ тактики и стратегіи, не было пушекъ или, по крайней мѣрѣ, людей, умѣвшихъ дѣйствовать ими. Сверхъ того города находились между собою въ союзахъ, къ которымъ принадлежали также нѣкоторые принцы и рыцари. Не смотря на это, непріязненныя дѣйствія не прекращались, такъ что попытки водворить въ государствѣ судъ и полицію, т. е. приводить въ исполненіе судебные приговоры, удавались весьма рѣдко. Объ имперскомъ судопроизводствѣ того времени точно также нельзя судить по эдиктамъ Фридриха III, какъ о современномъ положеніи Германіи по франкфуртскимъ постановленіямъ 1849 г. Въ одномъ изъ такихъ эдиктовъ говорится, что императоръ рѣшился учредить императорскую судебную палату, 16-ть провинціальныхъ судовъ и 64 окружныхъ. Сверхъ того, предполагалось изгнать изъ употребленія римское право. Это показываетъ, что добрые нѣмецкіе обычаи были вытѣснены этимъ иностраннымъ правомъ, возбуждавшимъ ненависть во всѣхъ нѣмецкихъ сердцахъ; не смотря на это, оно и въ наше время сбиваетъ съ толку нашихъ ученыхъ правовѣдовъ. По отсутствію государственнаго единства и по ничтожеству императора, бывшаго законнымъ блюстителемъ порядка и спокойствія, невозможно подробно разсказать германскую исторію того времени, не попавъ въ лабиринтъ частностей. Поэтому, чтобъ дать понятіе о состояніи имперіи, мы разскажемъ исторію четырехъ сильнѣйшихъ имперскихъ князей; при чемъ коснемся кулачнаго права и покажемъ необузданность безчисленнаго множества мелкихъ

князей, графовъ, господъ и рыцарей, изъ которыхъ каждый былъ самодержавенъ въ своей деревнѣ или замкѣ. Затѣмъ мы покажемъ положеніе и безсиліе самого императора. Четыре князя, о которыхъ мы будемъ говорить, были: Фридрихъ I Побѣдоносный, курфирстъ Пфальцскій, Альбрехтъ Ахиллъ или Улиссъ, маркграфъ Бранденбургскій, Лудвигъ Бородатый Баварскій, герцогъ Ингольштадтскій, и Лудвигъ Богатый Баварскій, герцогъ Ландсгутскій, о которомъ впрочемъ мы скажемъ ниже.

По смерти императора Рупрехта, Пфальцъ былъ раздѣленъ между нѣсколькими князьями, основавшими различныя линіи (т. III стр. 541); но курфиршескія земли перешли нераздѣльно къ Лудвигу III, а по смерти его къ сыну его, Лудвигу IV. Изъ боковыхъ линій, Цвейбрюккенъ, Зиммернъ и Вельденцъ отличались при самыхъ ограниченныхъ средствахъ большою гордостью и притязаніями. Лудвигъ IV умеръ (1449 г.), оставивъ одинадцатимѣсячнаго сына Филиппа и назначивъ, согласно золотой буллѣ, правителемъ Палатината и опекуномъ ребенка своего старшаго брата, Фридриха I. Сильные вассалы и сосѣдніе владѣтели старались воспользоваться малолѣтствомъ пфальцскаго курфирста. Безпокойнѣе другихъ были графы Лютцельштейны, побѣжденные въ 1447 г. Лудвигомъ IV, который взялъ ихъ замокъ Лютцельштейнъ, возвратилъ владѣнія изгнаннымъ ими графамъ Бичъ и заставилъ ихъ самихъ признать себя вассалами Пфальца.

Чтобъ возвратить потерянное, они еще при жизни Лудвига вступили въ союзъ съ другими мелкими графами, баронами и рыцарями; по смерти же его надѣялись легко справиться съ опекуномъ его сына. Такимъ образомъ Фридрихъ съ самаго начала своего регентства впутался въ такъ называемую Лютцельштейнскую распрю; кромѣ того онъ вмѣшался въ споръ Лютцельштейновъ и Лихтенберговъ съ графами Лейнингенъ. Въ качествѣ пфальцграфа или императорскаго судьи онъ дважды пытался порѣшить споръ въ Гейдельбергѣ и Вейсенбургѣ судебнымъ порядкомъ; но, не успѣвъ въ этомъ, осенью 1450 г. взялся за оружіе; съ этой минуты онъ безпрерывно воевалъ съ сосѣдями. Подданные его весьма гордились имъ и прозвали Побѣдоноснымъ, но за то тѣ, которыхъ онъ грабилъ и смирялъ огнемъ и мечомъ, называли его злымъ Фрицомъ. Въ іюнѣ 1451 г. Лихтенберги разбили при Рейхсгофенѣ графовъ Лейнингенъ; тогда Лютцельштейны, ободренные этимъ, выжгли нѣсколько пфальцскихъ деревень и объявили Фридриху войну. При этомъ они разсчитывали не только на помощь мелкихъ владѣльцевъ, жаждавшихъ повода прокормить добычею свои голодныя шайки, но и на содѣйствіе нѣкоторыхъ сосѣднихъ государей, родственниковъ Фридриха. Дѣйствительно, сторону ихъ приняли двоюродный братъ Фридриха, Лудвигъ Черный Вельденцскій, курфирстъ Дитрихъ Майнцскій и маркграфъ Іаковъ Баденскій. Фридрихъ, чувствуя опасность своего положенія, рѣшился вступить въ борьбу не иначе, какъ заранѣе обезпечивъ себѣ плоды успѣха, что вполнѣ соотвѣтствовало выгодамъ Пфальца, такъ такъ въ теченіе долгаго несовершеннолѣтія своего государя, страна нуждалась въ сильномъ правителѣ. Фридрихъ поступилъ такимъ же образомъ, какъ потомъ, въ подобныхъ же обстоятельствахъ, поступалъ французскій король Лудовикъ XI (стр. 75). Послѣдній имѣлъ обыкновеніе собирать нотаблей и называть ихъ государственными чинами, такъ какъ настоящіе чины не соотвѣтствовали бы его цѣлямъ. Въ Пфальцѣ же не было чиновъ, какъ доказалъ его новѣйшій историкъ Гейссеръ; поэтому Фридрихъ, послѣ двухъ неудавшихся попытокъ устроить дѣло иначе, созвалъ родныхъ, рыцарей и духовныхъ, объявивъ ихъ наслѣдственными представителями народа, и назвалъ это собраніе сеймомъ. Въ сентябрѣ 1451 г. онъ собралъ въ Гейдельбергѣ епископовъ вормсскаго и шпейерскаго, гросмейстера, соборнаго пробста, своего воспитателя Эрнста Ландшаде фонъ Штейнаха, графовъ Вертгейма, Катценелленбогена, Ганау, Изенбурга, Нассау, Рейнскаго графа, представителей знатнѣйшихъ пфальцскихъ фамилій: Геммингенъ, Зиккингенъ, Дальбергъ и др. и важнѣйшихъ чиновниковъ. Эти, такъ называемые, чины согласились признать его курфирстомъ и правителемъ, съ условіемъ усыновить племянника, не вступать въ равный бракъ, отъ котораго могъ бы имѣть законныхъ наслѣдниковъ, и предоставить вассаламъ различныя права. Племянникъ Фридриха одобрилъ это распоряженіе, но такъ какъ ему было всего четыре года, то согласіе его не могло имѣть никакого значенія, и только императоръ могъ сдѣлать Фридриха курфир-

стомъ. Но такъ какъ онъ медлилъ, то Фридрихъ, не обращая на него вниманія, въ январѣ 1452 г. принялъ въ Гейдельбергѣ присягу; затѣмъ онъ купилъ за хорошія деньги совершенно ненужное согласіе папы и добился признанія отъ другихъ курфирстовъ. Не смотря на это, императоръ продолжалъ упорствовать, такъ что враги Фридриха разсчитывали на него.

Города Шпейеръ, Вимпфенъ, Ульмъ, Рейтлингенъ, Вейль, Кемптенъ, Ингенъ, Аленъ, Нюрнбергъ, Нердлингенъ, Ротенбургъ, Динкельсбюль, Виндгеймъ и Вейсенбургъ приняли сторону Фридриха, такъ какъ имъ самимъ приходилось терпѣть отъ соединившихся противъ него разбойниковъ. Сверхъ того, съ нимъ соединились епископы вюрцбургскій и шпейерскій и герцоги Лудвигъ и Альбрехтъ Баварскіе. Осенью 1452 г. онъ поспѣшилъ покончить лютцельштейнскую распрю; вступивъ съ 6 т. войскомъ во владѣнія Лютцельштейновъ, онъ прогналъ графовъ и, не взирая на императора и имперскіе законы и права, присоединилъ ихъ графство къ Пфальцу. Въ то время право принадлежало сильнѣйшему, что курфирстъ доказалъ Лютцельштейнамъ точно такъ, какъ прежде они доказывали графамъ Лейнингенъ. Въ слѣдующемъ году Фридрихъ, съ помощью одного изъ Лейнингеновъ, заставилъ Верхній Пфальцъ, особенно городъ Амбергъ, подчиниться рѣшенію Нижняго Пфальца. Въ 1454 г. дѣло было рѣшено оружіемъ: Амбергъ заплатилъ контрибуцію, нѣсколько гражданъ были казнены, а замокъ города занятъ гарнизономъ. Энергія, обнаруженная 23-хъ лѣтнимъ Фридрихомъ, или, лучше сказать, удача его предпріятія побудила въ концѣ 1454 г. курфирстовъ Бранденбургскаго и Саксонскаго признать его своимъ сотоварищемъ. Но еще въ предыдущемъ году онъ былъ признанъ Триромъ и Кельномъ. Своего двоюроднаго брата, Лудвига Чернаго Вельденцскаго, Фридрихъ силою принудилъ признать его верховную власть. Для нашего времени кажется ужаснымъ, что изъ-за пустой формальности онъ обратилъ въ пустыню рай Германіи. Такъ напр. на пути къ Бергцаберну, главной крѣпости этой страны, онъ выжегъ болѣе тридцати деревень. Лудвигъ просилъ помощи у герцога Бургундскаго, Филиппа Добраго, который прислалъ ему 4 т. пикардійцевъ, умѣвшихъ грабить еще лучше, чѣмъ нѣмцы Фридриха. Шайки послѣдняго еще разъ вторглись въ цвейбрюккенскія и вельденцскія владѣнія и свирѣпствовали, какъ турки; Лудвигъ отмстилъ за это, обративъ въ пепелъ болѣе двадцати курпфальцкихъ деревень. Эта возмутительная борьба кончилась тѣмъ, что Филиппъ Добрый и маркграфъ Баденскій покинули своего союзника, который долженъ былъ подчиниться Фридриху. Въ это же время съ Фридрихомъ примирился и курфирстъ Дитрихъ Майнцскій, такъ какъ германскіе князья начали тогда стремиться къ тому, чтобы обратить монархію во множество мелкихъ частныхъ владѣній; та же мысль руководила французскими принцами при заключеніи Praguerie и лиги общественнаго блага (стр. 48—66). Князья соединились противъ императора и установленныхъ имъ судовъ, а Дитрихъ желалъ пріобрѣсти въ Фридрихѣ храбраго союзника. Поэтому онъ помирился съ нимъ, призналъ его курфирстомъ и привлекъ къ союзу. Сверхъ того, они вмѣстѣ завоевали грозный замокъ Монфоръ у Крейцнаха, бывшій гнѣздомъ разбойниковъ, разорявшихъ подданныхъ Майнца и Пфальца (октябрь 1456 г.).

Союзъ противъ императора былъ разстроенъ вторымъ изъ названныхъ выше князей, жизнь и дѣятельность котораго могутъ намъ дать понятіе о тогдашнемъ положеніи несчастной Германіи. Альбрехтъ Ахиллъ или Улиссъ Бранденбургскій былъ братъ курфирста Фридриха II и, вслѣдствіе обычая дѣлить государства какъ частную собственность, наслѣдовалъ послѣ смерти отца (1440 г.) подгорныя франконско-бранденбургскія владѣнія. Въ 1469 г. по смерти брата, не оставившаго сыновей, онъ сдѣлался курфирстомъ Бранденбургскимъ. Подобно брату, прозванному Желѣзнымъ или курфирстомъ съ желѣзными зубами, онъ отличался красотой и исполинскимъ сложеніемъ и еще при жизни отца отличался въ походахъ, такъ что могъ быть прозванъ, подобно герцогу Гизу, Рубцоватымъ (le balafré). Онъ служилъ императору Альбрехту II противъ поляковъ, и чеховъ былъ избранъ бреславцами полководцемъ въ войнѣ противъ поляковъ потомъ, былъ намѣстникомъ Силезіи и въ это время устроилъ примиреніе между императоромъ, базельскимъ соборомъ, чехами и поляками. По смерти отца, ему поручили привести въ исполненіе императорскій приговоръ надъ вюрцбургцами, поссорившимися съ своимъ епископомъ. Онъ выполнилъ это, и съ той поры сталъ

единственною опорою императорской власти, которую Фридрихъ III былъ не способенъ поддерживать. Маркграфа даже упрекали въ томъ, что онъ больше заботится объ императорѣ и имперіи, чѣмъ объ интересахъ собственнаго дома, что было неслыхано въ Германіи. Онъ служилъ имперіи мечомъ, а совѣтникъ его, знаменитый умомъ и способностями Петръ Кнорренсъ, былъ столь же полезенъ въ кабинетѣ. Послѣ вюрцбургскаго похода, Альбрехтъ вмѣшался въ дѣла Лудвига Бородатаго Ингольштадтскаго, всю жизнь ссорившагося съ родней, императоромъ, церковью, соборомъ и почти съ цѣлымъ свѣтомъ.

Лудвигъ Бородатый Баварскій, герцогъ Ингольштадтскій, о которомъ упоминалось уже прежде (т. III стр. 573), наслѣдовалъ въ 1413 г. владѣнія старшей баварской линіи; владѣнія эти были разбросаны и пересѣкались землями Мюнхенской и Ландсгутской линій баварскаго дома. Въ молодости онъ долго жилъ во Франціи, пріобрѣлъ тамъ несовсѣмъ честнымъ путемъ почти неслыханное въ то время состояніе, простиравшееся до 5 мил., и, по отзыву лѣтописца Эбрама Вильтенберга, научился безбожію. Онъ не замедлилъ обнаружить свой безпокойный характеръ, часто доставлявшій немалыя суммы императору Сигизмунду, считавшему пени, налагаемыя на князей, однимъ изъ источниковъ для пополненія своего кошелька. Въ 1419 г. императоръ наложилъ на него пеню въ 200 т. марокъ за неправое нападеніе на курфирста Фридриха I Бранденбургскаго; при этомъ Сигизмундъ имѣлъ благоразуміе предоставить самому курфирсту взыскать эту сумму. Лудвигъ не заплатилъ, такъ какъ курфирстъ былъ занятъ въ Помераніи; герцогъ, зная это, писалъ ему грубыя письма и послалъ своего сына, Лудвига Горбатаго, во Франконію, гдѣ тотъ съ помощью хищнаго рыцарства произвелъ страшныя опустошенія и сжегъ нюренбергскій замокъ. Фридрихъ добился перемирія лишь при посредничествѣ императора (1421 г.). Покончивъ франконскую распрю, Лудвигъ началъ опустошительную войну съ своимъ двоюроднымъ братомъ, Генрихомъ Богатымъ Ландсгутскимъ, при чемъ рыцарь Каспаръ Торрингеръ поднялъ за Лудвига все мѣстное дворянство, преданное грабежу. Однако, эта война кончилась для него невыгодно: городъ Донаувертъ отложился отъ него и просилъ у императора имперскихъ правъ; Лудвигу пришлось бы еще хуже, еслибъ императоръ не устроилъ примиренія (1422 г.). Вслѣдъ за тѣмъ у Лудвига снова начался раздоръ съ двоюроднымъ братомъ по поводу дѣлежа наслѣдства вымершей Штраубингской линіи; двоюродный братъ его и духовенство подали на него формальную жалобу собору, когда въ 1431 г., императоръ вернулся изъ Италіи. Онъ дѣйствительно зашелъ черезчуръ далеко *). Между прочимъ онъ помѣстилъ въ монастырь своихъ собакъ, охотниковъ и сокольничьихъ и присвоилъ себѣ церковныя имѣнія. За это шесть монастырей подвергли его отлученію, такъ что всякій разъ какъ онъ пріѣзжалъ въ Эйхштедтъ или Штраубингъ, богослуженіе прекращалось. Онъ не обращалъ на это ни малѣйшасо вниманія; монастыри, соединясь съ ограбленными и обиженными имъ князьями, подали жалобу императору и собору. Обвинителями его явились: курфирстъ Бранденбургкій, герцогъ Генрихъ Ландсгутскій, графъ Эттингенъ, епископы пассаускій, регенсбургскій и эйхштедтскій, многіе города и монастыри. Соборъ поручилъ аббату крейльсгеймскому пригласить его; но онъ не поѣхалъ самъ, а послалъ своего горбатаго сына, не уступавшаго ему въ злости. Лудвигъ Горбатый старался опровергнуть обвиненіе, утверждая, что свѣтскіе истцы — враги его отца, и духовные — ниже его саномъ. Соборъ не принялъ этихъ доводовъ и произнесъ отлученіе. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовала государственная опала. Лудвигъ и не думалъ противиться, будучи совершенно равнодушенъ къ отлученію и зная, что у Сигизмунда за деньги можно сдѣлать все что угодно. Поэтому онъ вступилъ черезъ сына въ переговоры съ императоромъ и избавился отъ опалы. Сколько именно онъ истратилъ на это — неизвѣстно; Эбергардъ Виндекъ говоритъ только, что Сигизмунду достался жирный кусъ. Извѣстно однако, что Сигизмундъ не воз-

*) Въ одной хроникѣ сказано: «Князь, по французскому обычаю, обременяетъ монастыри и всѣ духовныя имѣнія охотниками и сокольничими, чего прелаты не могутъ терпѣть; они предали князя церковному суду и подвергли отлученію, подъ которымъ онъ останется до конца жизни».

вратилъ герцогу должныхъ ему съ давняго времени 23 т. гульденовъ; кромѣ того, императоръ получилъ 13,000 гульденовъ за признаніе Лудвигомъ Донауверта имперскимъ городомъ, и сверхъ того еще 13,000 гульд. Сигизмундъ сначала требовалъ возвращенія церковныхъ имѣній, но, получивъ деньги, пересталъ заботиться о монастыряхъ. Лудвигъ удержалъ имѣнія, за что всю жизнь пробылъ подъ отлученіемъ; послѣ его смерти эти имѣнія перешли къ наслѣднику его, Генриху Ландсгутскому.

Неудача угомонила на нѣсколько времени буйнаго герцога, главу и образца хищнаго баварскаго рыцарства; но вскорѣ онъ опять началъ задирать Генриха Лаундсгутскаго, заступивъ мѣсто Каспара Торрингера, который всегда предводительствовалъ набѣгами на владѣнія Генриха. Рыцарь этотъ даже обвинилъ Генриха передъ вестфальскимъ тайнымъ судомъ (т. III, стр. 573) въ разрушеніи своего родоваго замка. Но этимъ онъ только погубилъ самого себя. Зная, что членъ тайнаго суда, курфирстъ Фридрихъ I Бранденбургскій, будетъ защищать своего друга, Генриха, онъ, подавъ жалобу, не явился на судъ въ день, назначенный для рѣшенія дѣла. Тогда тайное судилище обвинило его въ ложномъ извѣтѣ, и онъ палъ жертвой этого убійственнаго суда, который вскорѣ потерялъ значеніе и пересталъ дѣйствовать въ Баваріи. Лудвигъ Бородатый, заступивъ мѣсто Каспара Торрингера и соединясь съ мелкими владѣльцами, непризнававшими ничьихъ правъ, грабилъ по дорогамъ и рѣкамъ, постоянно ссорился съ Мюнхенскимъ и Ландсгутскимъ герцогами и наконецъ началъ войну съ собственнымъ сыномъ, Лудвигомъ Горбатымъ. Послѣдній жаловался на дорогія постройки и расточительность отца, на предпочтеніе, оказываемое имъ любовницѣ и ея дѣтямъ, на разорительные подарки монастырямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—и на то, что онъ не заботится снять съ себя церковное отлученіе. Въ 1438 г. Лудвигъ Горбатый соединился съ главнымъ врагомъ своего отца, женившись противъ его воли на дочери курфирста Фридриха Бранденбургскаго. Тогда между ними возгорѣлась жестокая война.

Эта война, въ которой маркграфъ Альбрехтъ Ахиллъ игралъ роль, принадлежавшую собственно императору, началась тѣмъ, что Лудвигъ Горбатый объявилъ своего отца впавшимъ въ дѣтство и съ помощью своего зятя Альбрехта Ахилла овладѣлъ замкомъ Фридбергомъ (1439 г.). Жители Ингольштадта отпали отъ стараго герцога и передались его сыну, завладѣвшему при этомъ всею казною, архивами и печатью своего отца. Старый герцогъ заперся въ Нейбургѣ на Дунаѣ и упорно держался тамъ съ горстью наемниковъ съ 1440 по 1443 г. Наконецъ, послѣ правильной осады, продолжавшейся съ пасхи до сентября, городъ сдался, и Лудвигъ Бородатый попалъ въ плѣнъ; горожане за вѣрность своему старому герцогу должны были заплатить 15 т. гульденовъ. О судѣ плѣннаго герцога лѣтописи того времени повѣствуютъ различно. Повидимому, онъ оставался заключеннымъ въ Нейбургѣ до смерти сына, послѣдовавшей въ 1445 г. Тогда маркграфъ Альбрехтъ перевезъ его въ Анспахъ. Судя по отвѣту, приписываемому лѣтописями упрямому, желѣзному старику, надо полагать, что Альбрехтъ имѣлъ низость грозить ему кинжаломъ или мечомъ. «Коли,—сказалъ будто бы онъ,—но все-таки ничего не получишь, потому что завладѣлъ мною не въ честномъ бою.» Альбрехтъ, желая воротить потраченныя на войну деньги и нажить что нибудь сверхъ того, вступилъ въ переговоры съ своимъ плѣнникомъ; въ тоже время онъ договаривался съ ландсгутскими чинами и съ главою второй линіи баварскаго дома, герцогомъ Генрихомъ Богатымъ, сдѣлавшимся, по смерти Лудвига Горбатаго, наслѣдникомъ ингольштатскихъ владѣній. Переговоры съ чинами были безуспѣшны, и потому обѣ стороны обратились къ императору. Фридрихъ III по своему обыкновенію ничего не дѣлалъ, не давалъ никакого рѣшенія и, вмѣсто того чтобъ дѣйствовать съ энергіей, послалъ совѣтниковъ, которые совѣщались до тѣхъ поръ, пока наконецъ въ іюлѣ 1446 г. герцогъ Генрихъ и маркграфъ Альбрехтъ покончили дѣло между собой, помимо императора. Генрихъ купилъ Лудвига Бородатаго за 32 т. гульденовъ и перевезъ его въ Бурггаузенъ, гдѣ онъ пробылъ въ заключеніи до своей смерти, случившейся въ слѣдующемъ 1447 году. Его владѣнія перешли къ ландсгутской линіи, соединившей потомъ всю Баварію, за исключеніемъ мюнхенской области, которая впрочемъ позднѣе также досталась наслѣдникамъ Генриха Богатаго. Богатства Лудвига перешли

къ нему же. Изъ нихъ Генрихъ выплатилъ часть Альбрехту Ахиллу за выкупъ Лудвига; сестра Альбрехта, не слишкомъ цѣломудренная вдова Лудвига Горбатаго, Маргарита, также получила часть сокровищъ и драгоцѣнностей, оставшихся послѣ ея тестя. Сокровища эти, подробно исчисляемыя Лангомъ въ исторіи Лудвига Бородатаго, были такъ громадны, что доставили не только Генриху, но и сыну и внуку его прозванія Богатыхъ. Самъ Генрихъ чрезвычайно берегъ ихъ и вообще зналъ цѣну деньгамъ. Онъ даже осмѣлился доказать это папѣ, запретивъ своимъ подданнымъ ѣхать по случаю юбилея въ Римъ, чтобы не выпускать денегъ изъ страны.

5. Отношенія Фридриха III къ Австріи, Богеміи и Венгріи.

Смуты въ Германіи при Фридрихѣ III дошли до такихъ размѣровъ, что необходимъ былъ императоръ, который бы заботился объ имперіи и о поддержаніи въ ней порядка болѣе, чѣмъ объ интересахъ своей семьи. Это побуждаетъ насъ обратить вниманіе на отношенія Фридриха къ его собственнымъ владѣніямъ, такъ какъ въ имперіи власть перешла къ курфирстамъ и герцогамъ. Мы видѣли (т. III, стр. 590 и 596), что онъ сдѣлался опекуномъ малолѣтняго сына императора Альбрехта II, Владислава. Но во всѣхъ владѣніяхъ его питомца правленіемъ овладѣли вельможи, обладавшіе или значеніемъ между чинами, или богатствами и могуществомъ. Въ Богеміи, гдѣ утраквистовъ или умѣренныхъ гусситовъ было гораздо больше, чѣмъ правовѣрныхъ, правленіе находилось въ рукахъ любимаго народомъ Георгія Подѣбрада. Однако чехи не переставали требовать возвращенія своего молодаго короля Владислава, котораго императоръ держалъ подъ опекой и которому внушалъ предразсудки противъ гусситовъ. Подѣбрадъ возстановилъ порядокъ и распространилъ до самой Саксоніи страхъ передъ чехами. Соотечественники такъ любили его, уже въ 1451 г. хотѣли избрать въ короли, и только краснорѣчіе Энея Сильвія убѣдило ихъ остаться вѣрными Владиславу, который въ то время сопровождалъ Фридриха въ Италію. Въ Венгріи такимъ же значеніемъ пользовался Іоаннъ Гуніадъ. Подобно Подѣбраду, онъ обладалъ королевскою властью, хотя венгры также требовали отъ германскаго императора возвращенія потомка своихъ королей. Когда же Владиславъ выросъ, то и австрійскіе подданные его перестали повиноваться правительству Фридриха III. Извѣстный злодѣй Ульрихъ Циллей, дядя матери молодаго государя, и рыцарь Эйцингеръ, хотя не природный австріецъ, но постоянный зачинщикъ смутъ, спорили въ Австріи о первенствѣ въ управленіи.

Еслибъ была возможность передать всѣ переговоры, распри, волненія, возникавшія въ періодъ 1440—56 годовъ изъ этихъ отношеній, то стало бы ясно, почему Фридрихъ не могъ заниматься германскими дѣлами и только изрѣдка посылалъ въ имперію своихъ совѣтниковъ и коммиссаровъ. Ставя выше всего титулы, почетъ и пышность, онъ предпринялъ въ 1451 г. вторую коронаціонную поѣздку въ Римъ, взявъ съ собой молодаго Владислава, не смотря на протестъ Венгріи, Богеміи и Австріи. Чехи и австрійцы пытались угрозами помѣшать поѣздкѣ Владислава; однако они не успѣли въ этомъ, хотя отправили къ Фридриху самыхъ упорныхъ и фанатическихъ членовъ сеймовой оппозиціи. Богемскими депутатами были: глава тамошнихъ католиковъ, Генрихъ фонъ-Розенбергъ, желавшій противопоставить молодаго короля Георгу Подѣбраду и гусситамъ, Гесекъ Свогановскій и Венцель Гичинскій, австрійскими — Ульрихъ Циллей и Ульрихъ Эйцингеръ. Въ 1452 г. по возвращеніи Фридриха въ Нейштадтъ, депутаты, поддерживаемые венграми, настойчиво возобновили свое требованіе. Фридрихъ противился, разсчитывая на Подѣбрада, который, будучи признанъ императоромъ намѣстникомъ въ Богеміи, долженъ былъ съ своей стороны поддерживать его правительство. Тогда Эйцингеръ и Розенбергъ собрали многочисленную армію, разбили высланныя противъ нихъ императоромъ войска и заперли Фридриха съ Владиславомъ въ Нейштадтѣ, гдѣ онъ былъ сильно стѣсненъ и едва не попалъ въ плѣнъ. Непріятель почти ворвался въ го-

родъ, и императора спасло только мужество австрійца Андрея Баумкирхера. Этотъ исполинъ съ нѣсколькими подобными силачами до тѣхъ поръ удерживалъ непріятеля въ воротахъ, пока ихъ не заперли. Императоръ могъ по крайней мѣрѣ заключить капитуляцію. Подѣбрадъ уже шелъ къ нему на помощь, но вернулся, узнавъ на пути, что императоръ покорился инсургентамъ. Условія капитуляціи были позорны для императора и имперіи: Владиславъ былъ переданъ чехамъ и венграмъ, и даже опека надъ нимъ отнята у Фридриха и предоставлена въ Богеміи Подѣбраду, а въ Венгріи Гуніаду. Въ Австріи Циллей и Эйцингеръ вскорѣ разсорились, такъ какъ каждый изъ нихъ хотѣлъ наживаться, управляя именемъ Владислава. Положеніе императора лучше всего видно изъ исторіи графа Ульриха Циллея и молодаго короля Владислава. Циллей отвезъ короля въ свой замокъ Бертольдсдорфъ, а оттуда въ Вѣну. Изъ Вѣны онъ повезъ его не въ Богемію, гдѣ самъ не имѣлъ никакого значенія, а въ Венгрію, гдѣ онъ и его отецъ Фридрихъ имѣли много приверженцевъ. Іоаннъ Гуніадъ, сынъ котораго, Владиславъ, былъ обрученъ съ только что умершею дочерью Ульриха, Елизаветою, имѣлъ основаніе опасаться графа, извѣстнаго всѣмъ за злодѣя. Онъ не принялъ отъ него никакихъ предложеній подъ предлогомъ большихъ приготовленій къ турецкой войнѣ. Циллей пробылъ въ Венгріи болѣе полугода (до сентября 1453 г.), управляя именемъ короля, и потомъ вернулся съ нимъ въ Австрію. На требованіе чеховъ, чтобы Владиславъ пріѣхалъ къ нимъ короноваться, Циллей отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на недостатокъ средствъ на путешествіе. Однако чехи стояли на своемъ, и тогда онъ, чтобъ получить деньги, назначилъ австрійскій ландтагъ въ Кремсѣ, а самъ уѣхалъ въ Вѣну. Здѣсь его ожидала большая опасность. Его соперникъ, Эйцингеръ, пріѣхалъ въ Вѣну на сеймъ съ многочисленною свитою и успѣлъ возстановить всѣхъ противъ Циллея, который явно старался разстроить здоровье молодаго короля попойками, пирами и утомительными увеселеніями. Эйцингеръ условился съ бургомистромъ и почетнѣйшими гражданами напасть на Циллея, что было не трудно, такъ какъ графъ остановился не въ замкѣ, а въ самомъ городѣ. Однако заговоръ былъ разрушенъ однимъ изъ друзей Циллея, графомъ Михаиломъ Вайбургомъ, который предувѣдомилъ его объ опасности. Циллей спасся при помощи герцога Альбрехта Австрійскаго и, вырвавшись изъ рукъ ожесточеннаго народа, бѣжалъ въ свой замокъ Бертольдсдорфъ. Тогда Эйцингеръ, согласившись съ собравшимися въ Вѣнѣ чинами, утвердилъ Іоанна Гуніада въ званіи оберъ-капитана Венгріи и отвезъ Владислава въ Прагу, гдѣ въ октябрѣ короновалъ его богемскимъ королемъ; въ ноябрѣ въ Кремсѣ былъ открытъ ландтагъ, утвердившій все, о чемъ было условлено въ Вѣнѣ. Владиславъ долженъ былъ считаться малолѣтнимъ до двадцатилѣтняго возраста, а до тѣхъ поръ страною должны были управлять 12 вельможъ, избранныхъ чинами. Ульрихъ Циллей, находившійся въ Круммау, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ обвинить противника, но, не смотря на его старанія, всѣ распоряженія эти были утверждены и приведены въ исполненіе. Эйцингеръ, ставъ во главѣ управленія, собралъ въ январѣ 1455 г. чрезвычайный сеймъ въ Венгріи, на которомъ оберъ-капитану Гуніаду было поручено предпринять рѣшительный походъ противъ турокъ. Потомъ онъ отправился съ королемъ въ Прагу, гдѣ сблизился съ Подѣбрадомъ, чтобы, именемъ короля, играть роль и въ Богеміи. Конечно, все это дѣлалось не даромъ: доказательствомъ тому служатъ подарки, присланные ему въ апрѣлѣ 1454 года Рагузскою республикою, по случаю утвержденія дарованныхъ ей Венгріею правъ. Трое рагузскихъ депутатовъ привезли Эйцингеру въ Прагу 5 тысячъ червонцевъ и массивный серебряный, позолоченный сервизъ, состоявшій изъ 4 чашъ и 22 кубковъ и блюдъ. Изъ Богеміи онъ поѣхалъ въ Польшу, гдѣ также желалъ разыграть роль опекуна и регента молодаго короля, сестра котораго выходила въ то время замужъ за польскаго короля Казиміра IV. Передъ отъѣздомъ въ Польшу, Эйцингеръ поручилъ Австрію Вольфгангу фонъ Вальдзе, предоставивъ ему такую же власть, какой пользовались Подѣбрадъ и Гуніадъ въ Богеміи и Венгріи. Послѣ свадьбы, отпразднованной по польскому или, правильнѣе, литовскому обычаю, онъ присутствовалъ на коронаціи Казиміра въ Бреславлѣ и на празднествахъ въ Лузаціи. Въ Австрію онъ вернулся не ранѣе февраля 1455 г. Здѣсь произошли невыгодныя для него перемѣны. Австрійцы были крайне недовольны его

разъѣздами съ королемъ, а особенно самовластіемъ Вольфгана фонъ Вальдзе, за которое осуждали Эйцингера. Противъ него образовалась сильная партія, глава которой, Панкратій фонъ-Бланкенбургъ, вошелъ въ сношеніе съ графомъ Циллей. Старый Циллей между тѣмъ умеръ, а Ульрихъ разыгралъ подлую роль относительно друга Эйцингера, Іоанна Гуніада. Во время блистательнаго похода послѣдняго противъ турокъ, онъ не только отказался содѣйствовать ему, но даже произвелъ нападеніе на Кроацію. Циллей съ радостью принялъ предложеніе жителей Вѣны, которые встрѣтили съ торжествомъ того самаго человѣка, котораго прежде хотѣли убить; они потребовали, чтобъ Эйцингеръ раздѣлилъ съ нимъ власть. Однако Эйцингеръ съ презрѣніемъ отвергнулъ это и уѣхалъ въ свои помѣстья. Тогда Циллей занялъ его мѣсто (апрѣль 1455 г.).

Съ этой минуты онъ сдѣлался могущественнѣе, чѣмъ былъ прежде, и повелѣвалъ именемъ Владислава Богеміей, Моравіей, Силезіей, Лузаціей, венгерскими землями и частью Австріи, принадлежавшей императору Альбрехту II. Мы могли бы привести слова Энея Сильвія, чтобъ показать, какъ жилъ молодой Владиславъ подъ его руководствомъ, и какія привычки онъ ему прививалъ; но для насъ это не имѣетъ значенія. Циллей до самой смерти преслѣдовалъ двѣ цѣли: ему хотѣлось держать въ страхѣ императора и погубить своего врага Іоанна Гуніада и обоихъ его сыновей. Противъ Фридриха III, который прежде, подобно венеціанцамъ, отвергъ его услуги, Циллей заключилъ союзъ съ его ближайшими родными, съ которыми онъ былъ во враждѣ. Союзниками его были братъ Фридриха, Альбрехтъ Мотъ, сильно хлопотавшій въ Германіи о низложеніи императора, чтобъ самому занять его мѣсто, и его двоюродный братъ, Сигизмундъ Безумный Тирольскій. Гуніада онъ хотѣлъ погубить обманомъ и съ этой цѣлью пригласилъ его самымъ дружескимъ образомъ отъ имени Владислава въ Вѣну. Когда Гуніадъ пріѣхалъ, онъ сталъ стараться выманить у него охранное письмо, чтобы заманить въ ловушку. Чтобы отвлечь Іоанна отъ свиты, онъ самъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу съ 40 всадниками. Но Гуніадъ понялъ его умыселъ и не поддавался ему. Венгерцы приписываютъ своему герою слѣдующія благородныя слова: «Ты хотѣлъ погубить меня, но попалъ въ собственныя сѣти. Я могъ бы убить тебя, но меня удерживаетъ уваженіе къ королю; ему, а не тебѣ дарю я твою жизнь». Гуніадъ совершенно помирился съ королемъ и оставилъ ему заложникомъ своего сына Матфія. Затѣмъ Владиславъ поѣхалъ въ Венгрію (1456 г.), но Циллей не рѣшился надолго оставить его тамъ и вскорѣ увезъ въ Вѣну. Въ это время Гуніадъ обезсмертилъ послѣдній годъ своей жизни подвигомъ, которому дивился весь христіанскій міръ. По взятіи Константинополя, султанъ Магометъ II двинулся со всѣмъ своимъ войскомъ противъ Бѣлграда и довелъ городъ до такой крайности, что всѣ отчаялись въ его спасеніи. Но Гуніадъ явился съ венгерскимъ войскомъ, выручилъ Бѣлградъ и, сдѣлавъ отчаянную вылазку, разбилъ турокъ, предводимыхъ самимъ Магометомъ. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ въ Бѣлградѣ (11 августа 1456 г.).

Получивъ извѣстіе о его смерти, Ульрихъ Циллей отправился съ королемъ по Дунаю въ Бѣлградъ. Но сыновья Гуніада, Владиславъ и Матфій Корвинъ, узнавъ изъ перехваченнаго письма Ульриха къ его тестю, сербскому деспоту, что онъ покушается на ихъ жизнь, не впустили его въ городъ. Пригласивъ его на свиданіе, они показали ему письмо, вслѣдствіе чего возникъ страшный споръ; Ульрихъ выхватилъ у оруженосца мечъ, но по знаку, данному Владиславомъ Гуніадомъ, явились драбанты и убили Циллея, несмотря на храброе сопротивленіе и скрытый подъ одеждою панцырь (декабрь 1456 г.). Со смертью Циллея пресѣкся его родъ. Король Владиславъ такъ научился притворству, что лицемѣрно одобрилъ убійство и, чтобъ совершенно успокоить Гуніадовъ, пожелалъ причаститься вмѣстѣ съ ними. Они явились къ нему въ Офенъ; но по наущенію враговъ Гуніада король, увѣренный въ могуществѣ своей партіи, приказалъ схватить обоихъ сыновей его; Владиславъ былъ публично казненъ въ Офенѣ, а Матфій отправленъ плѣнникомъ въ Вѣну (1457 г.). Вслѣдъ за тѣмъ между Владиславомъ и Фридрихомъ III началась война за наслѣдство Циллея, но дѣло было вскорѣ улажено при посредничествѣ Георгія Подѣбрада и рыцаря Ульриха Эйцингера, снова ставшаго во главѣ австрійскаго превительства. Король хотѣлъ примирить приверженцевъ Гуніадовъ съ ихъ противниками и съ этой цѣлью

освободилъ всѣхъ вельможъ, арестованныхъ послѣ казни Владислава Гуніада. Матфій Корвинъ, содержавшійся въ Гуттенштейнѣ, также долженъ былъ получить свободу, но вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, которыхъ нѣтъ нужды приводить здѣсь, освобожденіе его замедлилось. Отправляясь въ Прагу, Владиславъ велѣлъ привезти туда Матфія. Но въ самый день прибытія послѣдняго въ Прагу, восемнадцатилѣтній Владиславъ умеръ (23 ноября 1457 г.). Смерть его измѣнила все: венгры и чехи избрали себѣ природныхъ королей, обязанныхъ престоломъ своимъ личнымъ достоинствамъ, храбрости и заслугамъ.

Когда извѣстіе о смерти Владислава пришло въ Венгрію, противники Гуніадовъ, архіепископъ гранскій Діонисій, епископы раабскій и аграмскій, палатинъ Владиславъ Гара и трансильванскій воевода Николай Ужлакъ, собрались для совѣщанія и назначили избирательный сеймъ въ Офенѣ на 1 января 1458 г. Приверженцы Гуніадовъ послали одного изъ своихъ, Іоанна Витеца, въ Прагу съ значительной денежной суммой, чтобы выкупить Матфія Корвина у Георгія Подѣбрада, считавшаго его по смерти короля своимъ плѣнникомъ. Но Подѣбрадъ потребовалъ огромнаго выкупа, такъ что Матфій Корвинъ былъ еще въ плѣну, когда въ Офенѣ 24 января произошло избраніе новаго короля. Избиратели были запуганы толпами народа, стоявшими даже на льду Дуная, и мѣрами, принятыми дядей Матфія, Цилагіемъ. Подъ предлогомъ охраненія свободы выборовъ, онъ окружилъ собраніе грознымъ войскомъ и даже поставилъ на берегу висѣлицу. Это рѣшило выборъ въ пользу Матфія Корвина. Подѣбрадъ первый увѣдомилъ своего плѣнника о его избраніи и съ этой минуты обходился съ нимъ весьма дружески. Онъ даже женилъ его 9 февраля на своей дочери, Кунигундѣ, и лично сопровождалъ до венгерской границы. Но предварительно онъ взялъ съ него выкупъ въ 60 тысячъ червонцевъ и обѣщаніе содѣйствовать ему въ достиженіи богемскаго престола. Продолжительное царствованіе Матфія (1458—1490) было славно не только успѣшными дѣйствіями противъ страшныхъ турокъ и слабой германской имперіи, но и процвѣтаніемъ искусствъ и возрожденіемъ классической литературы, въ покровительствѣ которымъ Матфій не уступалъ самымъ блестящимъ изъ итальянскихъ государей.

Вскорѣ послѣ избранія Матфія Корвина, чехи также возвели на престолъ одного изъ своихъ соотечественниковъ. По смерти Владислава, Подѣбрадъ объявилъ, что выборъ новаго короля можетъ произойти только послѣ Троицына дня, такъ какъ это срокъ намѣстнической власти, врученной ему покойнымъ королемъ. Чины согласились на это, и друзья Подѣбрада воспользовались этой отсрочкой, чтобъ расположить умы въ его пользу. Кромѣ него, соискателями престола явились многіе иностранные князья, въ томъ числѣ французскій король Карлъ VII. Онъ давалъ самыя хвастливыя обѣщанія, и въ его пользу дѣйствовалъ предводитель католической партіи, Зденко Штернбергъ. Но глава гусситовъ, архіепископъ Рокичана, съумѣлъ возбудить въ чехахъ патріотизмъ, напомнивъ имъ о подвигахъ гусситовъ и сравнивая Подѣбрада съ Жижкой и Прокопомъ. Георгій былъ выбранъ королемъ. Моравія, Силезія и Лузація, не хотѣвшія признать его, были принуждены къ тому силою. Подѣбрадъ не обманулъ надеждъ своихъ соотечественниковъ. Онъ царствовалъ со славою (1458—1471) и, какъ увидимъ ниже, вскорѣ началъ играть важную роль въ Германіи.

По отдѣленіи Венгріи и Богеміи отъ Австріи, положеніе императора Фридриха сдѣлалось весьма затруднительнымъ; казалось, что онъ не получитъ даже австрійскихъ владѣній Владислава, которыя у него оспаривали родной и двоюродный братья его, Альбрехтъ Мотъ и Сигизмундъ Безумный Тирольскій. Къ тому же австрійскіе чины, управлявшіе страною олигархически при Циллеѣ и Эйцингерѣ, желали удержать власть въ своихъ рукахъ. Они объявили, что до окончанія спора не будутъ повиноваться ни одному изъ претендентовъ, назначили регентство и даже заняли вѣнскій королевскій замокъ; однако впослѣдствіи они позволили всѣмъ тремъ князьямъ занять въ замкѣ отдѣльныя помѣщенія. Фридрихъ былъ не лучше своихъ соперниковъ, но по крайней мѣрѣ смирнѣе и умнѣе. Поэтому онъ успѣлъ покончить дѣло миролюбиво, тогда какъ прочіе уже готовились начать войну. Сигизмундъ получилъ деньги, Альбрехтъ—верхне-эмскія, Фридрихъ—нижне-эмскія области. Впослѣдствіи онъ убѣдилъ брата продать ему Вѣну. Эйцингеръ былъ заключенъ въ тюрьму. Его братья и друзья взялись за

оружіе и просили помощи у Подѣбрада; но богемскій король былъ очень уступчивъ и почтителенъ въ отношеніи императора; онъ объявилъ себя противъ Альбрехта и обѣщалъ Фридриху помощь для покоренія Венгріи, за что получилъ Богемію въ ленное владѣніе и сверхъ того денежную сумму. Впрочемъ онъ и не помышлялъ объ исполненіи своихъ обѣщаній. Фридрихъ, разсчитывая на многочисленную партію Владислава Гары, Николая Ужлака и другихъ враговъ Гуніадовъ, отказалъ выдать Матфію Корвину священную корону Венгріи, и началъ войну, но не имѣлъ успѣха. Побѣдивъ въ первомъ сраженіи, онъ былъ разбитъ во второмъ и заключилъ миръ, по которому обязался возвратить корону за 60 т. гульденовъ и усыновить Матфія Корвина, выговоривъ для своего сына право на венгерскій престолъ, въ случаѣ бездѣтной смерти Матфія.

Вскорѣ императоръ, занимавшійся науками и искусствами, но постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, поссорился со своими австрійскими подданными. Австрія жаловалась на бѣдствія, которыя терпѣла по милости Фридриха и его брата: кулачное право господствовало во всей странѣ, дороги были не безопасны, невинные люди лишались имущества, налоги увеличивались до невозможности; Фридрихъ съ своимъ братомъ до того испортили монету, что денежное обращеніе почти остановилось. Они чеканили напримѣръ фенннинги (мѣдныя копѣйки), стоившіе не болѣе $1/_{12}$ нарицательной цѣны; народъ называлъ ихъ шиндерлингами *). Ко всему этому оба брата постоянно ссорились и воевали между собою. Терпѣніе австрійцевъ наконецъ истощилось, и въ Вѣнѣ образовалась демократическая партія, тѣмъ болѣе опасная для апатичнаго императора, что Альбрехтъ старался воспользоваться ею для своихъ цѣлей. Въ іюлѣ 1462 г. въ Вѣнѣ вспыхнула революція. Въ то время тамъ долженъ былъ происходить ландтагъ, которому братья согласились предоставить рѣшеніе своего спора; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ собраться, партія Альбрехта возстала подъ предводительствомъ совѣтника, врача Кирхгеймера, и силою выгнала изъ магистрата приверженцевъ императора. Кирхгеймеръ ворвался въ ратушу съ вооруженными людьми, выломалъ двери, арестовалъ бургомистра и преданныхъ Фридриху совѣтниковъ и, именемъ народа, предоставилъ диктатуру главѣ возстанія, городскому казначею Вольфгангу Гольцеру. Гольцеръ былъ сынъ богатаго торговца скотомъ и пользовался покровительствомъ Эйцингера; онъ жестоко пострадалъ отъ Циллея, но, благодаря Эйцингеру, снова пріобрѣлъ значеніе. Въ минуту возстанія въ Вѣнѣ находилась императрица съ сыномъ; императоръ же былъ въ отсутствіи. По первому извѣстію о случившемся, онъ поспѣшилъ возвратиться, но простоялъ три дня передъ воротами и долженъ былъ заключить унизительную капитуляцію съ Гольцеромъ и его товарищами. Флегма и нѣмецкое хладнокровіе Фридриха такъ раздосадовали его супругу, пылкую португальскую принцессу, что она громко упрашивала сына, будущаго императора Максимиліана I, дѣйствовать, когда сдѣлается императоромъ, мужественнѣе и не навлекать на нее позора. Фридрихъ расположился въ замкѣ, гдѣ находился въ полной зависимости отъ жителей. Онъ до такой степени исполнялъ всѣ ихъ требованія, что, когда одинъ изъ его приверженцевъ былъ выбранъ въ бургомистры, толпа криками и угрозами принудила его назначить новые выборы и утвердить бургомистромъ Гольцера. Подобный миръ съ революціонерами, конечно, не могъ быть проченъ тѣмъ болѣе, что солдаты Фридриха, не получая жалованья, безчинствовали въ городѣ и вызывали жителей на драку. Дѣло дошло до того, что народъ осадилъ замокъ и началъ обстрѣливать его. Фридрихъ имѣлъ при себѣ только двѣсти рыцарей и преданныхъ ему гражданъ, которые притомъ терпѣли недостатокъ въ продовольствіи. Его положеніе сдѣлалось тѣмъ опаснѣе, что граждане предложили главное начальство его злому брату, который, принявъ предложеніе, открылъ страшную канонаду и дѣятельно повелъ осаду. Императоръ Священной Римской Имперіи, простиравшейся, какъ говорили, отъ нѣмецкаго моря до Тибра, едва не сдѣлался плѣнникомъ вѣнскаго скотопромышленника Вольфганга Гольцера. Къ счастью его, Георгій Подѣбрадъ внялъ его мольбамъ и подоспѣлъ во время на помощь. Отправивъ впередъ отрядъ своего сына, Викторина, онъ не замедлилъ явиться

*) Отъ слова Schinder—живодеръ.

самъ и заставилъ вѣнцевъ немедленно снять осаду. Однако онъ и тутъ не измѣнилъ своей политикѣ: спасши императора, онъ не разсорился съ его братомъ и австрійцами, и устроилъ дѣло такъ, что отъ его помощи выигралъ не Фридрихъ, а Альбрехтъ. Вмѣсто того чтобы рѣшительно вступиться за императора, онъ устроилъ договоръ, по которому Альбрехтъ получилъ на 8 лѣтъ Вѣну и всѣ земли ниже Энса, обязавшись платить брату по 4 т. золотыхъ гульденовъ въ годъ и возвратить всѣ завоеванные замки. Альбрехтъ самъ прочелъ народу этотъ договоръ съ каѳедры церкви Св. Стефана.

Жители Вѣны и вообще всѣ австрійцы вскорѣ почувствовали, что поступили неразсчетливо, промѣнявъ безхарактернаго, апатичнаго труса на злаго мота. Альбрехтъ до того тиранилъ ихъ, что Гольцеръ сговорился съ пробстомъ Георгомъ Пресбургскимъ схватить его и выдать императору, обѣщавшему за это 6 т. гульденовъ. Капитанъ Августинъ Тристамъ, стоявшій неподалеку съ 400 всадниковъ, долженъ былъ вступить въ городъ и неожиданно напасть на Альбрехта. Все это было исполненно, но счастливый случай спасъ Альбрехта и помогъ ему укрыться въ замкѣ. По недостатку съѣстныхъ припасовъ онъ скоро очутился въ такомъ же положеніи, въ какомъ нѣкогда находился его братъ, и неминуемо погибъ бы, если бы не успѣлъ возстановить вѣнцевъ противъ ихъ бургомистра. Гольцеръ внушилъ къ себѣ недовѣріе, набравъ слишкомъ много солдатъ. Тѣмъ не менѣе непонятно, какимъ образомъ Альбрехтъ успѣлъ изъ замка убѣдить народъ, что бургомистръ хочетъ предать городъ Фридриху. Народъ внезапно принялъ сторону Альбрехта и возмутился противъ бургомистра. Гольцеръ, побѣжденный въ борьбѣ съ гражданами, бѣжалъ, но былъ пойманъ, поруганъ народомъ, недавно покланявшимся ему, и, по приказанію Альбрехта, подвергнутъ пыткѣ. Онъ не сознался ни въ чемъ, но, не смотря на то, былъ возмутительнымъ образомъ четвертованъ. Альбрехтъ, находившій особенное удовольствіе терзать людей, подвергъ жесточайшимъ наказаніямъ всѣхъ, казавшихся по чему-либо подозрительными. Вскорѣ у него началась война съ братомъ. Многіе могущественные австрійскіе вельможи, негодуя на его безпутства, отложились отъ него, а императорскіе отряды окружили Вѣну. Жена и сестра императора старались помирить братьевъ, но когда все было уже улажено, Фридрихъ не согласился на миръ. Такой же исходъ имѣло предложеніе Альбрехта разобрать споръ на ландтагѣ. Наконецъ, внезапная смерть Альбрехта (2 декабря 1463), приписываемая отравѣ, доставила австрійцамъ давно желанный миръ.

6. Отношенія Фридриха III къ Германской имперіи.

Всего сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы понять, почему Фридрихъ, не умѣвшій поддержать свое значеніе даже въ родовыхъ владѣніяхъ своихъ, предоставлялъ имперію ея собственной судьбѣ, и почему крупные владѣтели пришли къ убѣжденію, что и они, и государство могутъ обойтись безъ императора. Въ этихъ видахъ Дитрихъ Майнцскій помирился съ Фридрихомъ Побѣдоноснымъ Пфальцскимъ, а послѣдній еще въ 1454 г. заключилъ договоръ съ Альбрехтомъ Австрійскимъ на случай низложенія императора. Нѣкоторые курфирсты открыто выступили противъ Фридриха III и старались прекратить господствовавшую въ имперіи неурядицу помимо императора и противъ его воли. Они предписали собрать въ Нюрнбергѣ сеймъ и почти съ угрозами потребовали отъ Фридриха, очень недовольнаго всѣмъ этимъ, чтобы онъ лично явился на сеймъ, который долженъ былъ открыться въ ноябрѣ 1456 г. Положеніе Германіи, представленное въ настоящемъ свѣтѣ въ изданномъ въ Нюрнбергѣ манифестѣ, давало имъ право рѣшиться на крайнія мѣры. Мы приведемъ здѣсь это мѣсто, замѣченное впрочемъ не нами, а однимъ изъ нашихъ сотоварищей; пусть послужитъ оно въ назиданіе всѣмъ, сочувствующимъ нашей новѣйшей цивилизаціи, сопровождаемой такими неисправимыми бѣдствіями; пусть также утѣшитъ оно тѣхъ, которые скорбятъ о жалкой участи Священной Римской Имперіи. «Намъ прискорбно видѣть», говорятъ князья, «тяжкое положеніе всѣхъ сословій Священной Римской Имперіи; германскія земли издавна терпятъ бѣдствія и всякій ущербъ; въ нихъ совершаются и, къ сожалѣнію, совершаются почти каждый день доселѣ, всевоз-

можныя насилія, грабежи, убійства и поджоги; вслѣдтсвіе всего этого Священная Имперія сильно пострадала и уменьшилась, и многіе подданные ежедневно терпятъ убійства и ущербъ; Германія пришла въ такое положеніе, что нѣмцы не имѣютъ возможности употребить въ дѣло свою великую силу и могущество, такъ что всѣ націи оскорбляютъ, презираютъ и ни во что не ставятъ Священную Имперію и нѣмецкій народъ.» *). Впрочемъ и на этотъ разъ въ Германіи, по обыкновенію, было много шуму, но мало толку. Курфирсты Майнцскій, Бранденбургскій и Пфальцскій, считавшійся главною опорою союзниковъ, пріѣхали на сеймъ лично, другіе же прислали уполномоченныхъ; собралось множество духовныхъ и свѣтскихъ князей, написали помянутый протестъ, но этимъ дѣло и кончилось. Курфирсты приняли, правда, угрожающій видъ и назначили къ маю будущаго года новое собраніе во Франкфуртѣ, требуя, чтобы императоръ непремѣнно явился туда; но на самомъ дѣлѣ они помышляли только о личныхъ выгодахъ. Курфирстъ Бранденбургскій отсталъ отъ нихъ, Кёльнъ и Триръ вовсе не принимали участія въ дѣлѣ, а Дитрихъ Майнцскій и злой Фрицъ заключили между собою (въ 1457 г.) договоръ о монетной регаліи, пошлинахъ и различныхъ привилегіяхъ, которыя желали получить отъ императора во вредъ имперіи. Маркграфъ Альбрехтъ Ахиллъ, помогшій Фридриху III въ австро-баварскихъ распряхъ, дѣйствовалъ и тутъ изъ патріотизма въ пользу императора, и успѣлъ отвратить отъ него бѣду. Такимъ образомъ и франкфуртскій реформаціонный сеймъ (въ маѣ 1457 г.) кончился тѣмъ же, чѣмъ всѣ другіе.

Согласіе князей, обогатившихся на счетъ государства и императора, было не продолжительно. Уже въ слѣдующемъ году злой Фрицъ поссорился съ Дитрихомъ Майнцскимъ и маркграфомъ Альбрехтомъ Ахилломъ, а маркграфъ съ Лудвигомъ Богатымъ Баварскимъ, и дѣло дошло до войны. Хотя курфирстъ Пфальцскій воевалъ главнымъ образомъ на Рейнѣ, но военныя дѣйствія находились въ связи съ войною Альбрехта съ Лудвигомъ Баварскимъ, такъ какъ онъ владѣлъ Верхнимъ Пфальцемъ и былъ въ союзѣ съ Лудвигомъ. Фридрихъ Побѣдоносный и Альбретъ Ахиллъ были равно храбрыми рубаками и распространяли свои владѣнія на счетъ слабѣйшихъ сосѣдей; но Альбрехтъ постоянно стоялъ за императора, который въ свою очередь помогалъ ему и сдѣлалъ его своимъ обергофмейстеромъ (1455 г.), тогда какъ курфирстъ Пфальцскій оскорблялъ императора на всякомъ шагу. Вскорѣ послѣ (стр. 82) войны противъ Лудвига Бородатаго, Альбрехтъ, купившій множество владѣній во Франконіи, поссорился съ могущественнымъ Нюрнбергомъ, ибо хотѣлъ пользоваться своею бургграфскою властью въ ущербъ горожанамъ. Императоръ и суды въ то время ничего не значили, и рѣшеній ихъ никто не слушалъ; поэтому между Нюрнбергомъ и Альбрехтомъ началась война (1449 г.). За нюрнбергцевъ вступились нѣсколько городовъ и швейцарскій союзъ; Альбрехтъ же соединился съ 17 свѣтскими князьями, 15 епископами, множествомъ графовъ и всѣмъ франконскимъ рыцарствомъ. Хотя онъ былъ храбрымъ рыцаремъ и лучшимъ полководцемъ своего времени и стоялъ во главѣ сильнаго союза, но нюрнбергскіе патриціи заслуживаютъ гораздо большаго удивленія. Выигравъ 8 сраженій, онъ проигралъ девятое (при Пиллерсдорфѣ), впрочемъ безъ большой потери. Несчастной Франконіи пришлось также дорого поплатиться за славу бранденбургскаго Ахилла, какъ нѣкогда троянскому царству за славу греческаго: въ эту войну, длившуюся цѣлый годъ, было выжжено болѣе 200 деревень. Наконецъ обѣ стороны, желая выйти съ честью изъ борьбы, при-

---

*). «Wir auch zu Herzen nehmen, wie gar schwerlichen, hertlichen und manichfeldigen beide geistlich und weltlich Staat und Wesen in dem heiligen romischen Reiche, vorab in deutschen Landen, lange Zeit bisher angefochten und beschädigt, auch mancherley Unrad gewaldigliche und andere unziemliech und verlich Zugriff beschen sind und leider noch täglich beschen mit Raub, Mord und Brand, davon dann das h. R. gar schedlich gemindert wird und viel des Reichs Undertanen Verderbnis, gross Mord und Beschedigung teglich leyden und deshalb Deutschland von ihm selbst so gar verirret ist dasz die Deutschen ihr grosze Kraft und Macht die sie haben manch zit bisher nicht in Redlichkeit gebrauchen mögen dodurch denn das heilige Reich und die deutsche Zunge von allen andern Nationen gräszlich angefochten, verachtet und klein gehalten wird, deshalb werden wir inbrüstiglich bewegt u. s. w.»

бѣгли къ посредничеству императорскихъ коммиссаровъ. Фридрихъ отпраздновалъ примиреніе блестящимъ турниромъ въ Нюрнбергѣ.

Въ слѣдующемъ году Альбрехтъ дѣйствовалъ въ пользу императора, а затѣмъ началъ упомянутую войну противъ герцога Баварскаго Лудвига Богатаго, сына Генриха Богатаго Ландсгутскаго, извѣстнаго изъ исторіи Лудвига Бородатаго (стр. 82). Эта война была такъ гибельна для Баваріи, Франконіи и верхнерейнскихъ странъ, гдѣ было сборное мѣсто тогдашняго рыцарства, что аббатъ Тритгеймъ счелъ ее достойной служить предметомъ цѣлаго сочиненія. Поводомъ къ войнѣ было нападеніе Лудвига на городъ Донаувертъ, съ цѣлью присоединить его къ Баваріи, не смотря на то, что вольныя права города были признаны его прежнимъ владѣльцемъ, Лудвигомъ Бородатымъ (стр. 82). Сперва Лудвигу Богатому помогали Фридрихъ Пфальцскій и Альбрехтъ Ахиллъ, такъ что Донаувертъ не смотря на помощь, присланную аугсбургцами, долженъ былъ выставить бѣлый флагъ и впустить баварцевъ (октябрь 1458 г.). Вслѣдъ затѣмъ Альбрехтъ поссорился съ Фридрихомъ Пфальцскимъ и Лудвигомъ Богатымъ, что позволило Донауверту возвратить себѣ свободу. Съ Фридрихомъ Альбрехтъ разошелся за грабителя рыцаря Горнека, котораго взялъ подъ свою защиту противъ Пфальцскаго курфирста. Императоръ уничтожилъ всѣ привилегіи, противныя императорскому земскому суду въ Кадольцбургѣ; Альбрехтъ, предсѣдательствовавшій въ качествѣ бургграфа Нюрнбергскаго въ этомъ судѣ, хотѣлъ на основаніи этого подчинить ему сѣверо-баварскіе округи, что было причиной его ссоры съ Лудвигомъ Богатымъ. По возраженію Лудвига противъ привилегіи, данной суду въ пользу бургграфа, можно судить, до какой степени жертвовали тогда интересами народа и государства для подкупа князей. Лудвигъ совершенно основательно утверждалъ, что императорское полномочіе противорѣчитъ основному праву нѣмцевъ, быть судимыми природными судьями, и потому недѣйствительно. Въ февралѣ 1459 г. донаувертское дѣло было разсмотрѣно на эсслингенскомъ сеймѣ и рѣшено противъ Лудвига, отчасти вслѣдствіе его ссоры съ Альбрехтомъ, отчасти также потому, что императоръ успѣлъ привлечь на свою сторону брата послѣдняго, курфирста Бранденбургскаго. Фридрихъ III предоставилъ этому курфирсту неслыханное право возвышать, по своему усмотрѣнію, существующіе налоги и учреждать новые. Эсслингенскій сеймъ произнесъ противъ Лудвига опалу: исполненіе приговора и освобожденіе Донауверта было поручено тому же Альбрехту, который недавно участвовалъ въ походѣ Лудвига противъ города. Впрочемъ дѣло уладилось полюбовно на княжескомъ съѣздѣ въ Нюрнбергѣ, но за то возникла новая гибельная распря. На съѣздѣ долженъ былъ быть рѣшенъ споръ Фридриха Пфальцскаго съ сосѣдями, въ то же время Альбрехтъ предъявилъ князьямъ грамоту, по которой онъ, какъ бургграфъ Нюрнбергскій, назначался имперскимъ градоначальникомъ (Reichsschultheiszen). Людвигъ Богатый, увидя грамоту, пришелъ въ такую ярость, что тутъ же изорвалъ ее. Императоръ былъ въ высшей степени оскорбленъ этимъ, но герцога поддерживалъ Фридрихъ Пфальцскій, и при своемъ богатствѣ онъ могъ набрать довольно войска для войны съ императоромъ и его друзьями.

Въ войнѣ, начавшейся по этому поводу и длившейся три года, Лудвигъ опустошалъ Франконію, а Альбрехтъ, въ качествѣ имперскаго главнокомандующаго, Баварію. Альбрехту помогали герцогъ Георгъ Саксонскій, епископъ эйхштедтскій и много другихъ князей, господъ и епископовъ, такъ что онъ имѣлъ въ первый годъ войны до 24 т. войска. Тѣмъ не менѣе перевѣсъ былъ на сторонѣ Лудвига, войска котораго состояли изъ нанятыхъ, а не силою завербованныхъ солдатъ. У него кромѣ швейцарцевъ было много нѣмцевъ, преимущественно австрійцевъ и чеховъ, такъ какъ обычай наниматься въ солдаты, существовавшій во Франціи и въ Италіи, распространился въ то время и въ Германіи; такимъ образомъ всякій князь, начинавшій войну, и всякій рыцарь, желавшій обратить свой замокъ въ разбойничій притонъ, легко находили себѣ наемниковъ. Мы не станемъ описывать рыцарскихъ подвиговъ, каннибальскихъ жестокостей, побѣдъ и пораженій войны, свирѣпствовавшей съ 1460 по 1463 г. въ Баваріи, Франконіи, по Рейну и въ части Швабіи. Для нашей цѣли достаточно указать на два любопытныхъ обстоятельства и дать понятіе объ общемъ характерѣ этой войны. Георгій Подѣбрадъ, бывшій уже богемскимъ королемъ, старался угодить обѣимъ

сторонамъ, никого не оскорбляя и никому въ особенности не помогая, чтобъ такимъ образомъ расположить къ себѣ нѣмецкихъ князей. Ему было бы очень пріятно лишить габсбургскій домъ императорскаго достоинства. Что же касается до общихъ дѣлъ имперіи, то они явились въ обычномъ свѣтѣ. Имперскіе чины, не исключая самаго ничтожнаго владѣльца, самаго мелкаго города, заботились только о себѣ или о воинской славѣ какого-нибудь князя, а люди и страна гибли. Не смотря на многочисленное войско, маркграфъ Альбрехтъ въ первый же годъ войны былъ разбитъ при Ротѣ во Франконіи; тогда герцогъ Георгъ и другіе немедленно отправились восвояси, не заботясь объ общемъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого Эйхштетъ сдался, все бургграфство было наводнено войсками, и города открыли ворота герцогу Баварскому. Слѣдующею зимою все снова измѣнилось: баварцевъ изгнали изъ бургграфства, отняли у нихъ всѣ города, кромѣ Рота, и начали переговоры, которые, по обыкновенію, ничѣмъ не кончились. Хотѣли принять посредничество Георгія Подѣбрада, но императоръ побоялся измѣны, и война возобновилась. Фридрихъ III вновь подвергнулъ Лудвига опалѣ и поднялъ противъ него своихъ друзей и многочисленныхъ враговъ его и его союзника, злаго Фрица. Альбрехтъ Ахиллъ, назначенный имперскимъ главнокомандующимъ, вторгнулся въ Баварію съ многочисленною арміею и опустошилъ ее точно также, какъ въ прошломъ году Лудвигъ Франконію. Но Лудвигу помогъ злой Фрицъ, и войско его значительно усилилось новыми наемниками изъ Богеміи и Австріи; имперская же армія Альбрехта постоянно слабѣла, потому что контингенты снова спѣшили домой. Альбрехтъ былъ оттѣсненъ въ Швабію, гдѣ расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ у Йингена; но Лудвигъ разбилъ его здѣсь 19 іюля 1462 г. и даже взялъ имперское знамя, подаренное императоромъ Альбрехту при назначеніи его главнокомандующимъ. Послѣ этого заключили перемиріе на годъ и въ теченіе этого времени вели переговоры о мирѣ. Курфирстъ Пфальцскій приступилъ къ перемирію; но какъ самъ онъ, такъ и разбойники рыцари, дѣйствовавшіе съ нимъ заодно, полагались больше на оружіе, чѣмъ на право, вслѣдствіе чего война не прекращалась на Рейнѣ. Въ Баваріи, напротивъ того, грабежи надоѣли всѣмъ. По свидѣтельству хроникъ, быть можетъ нѣсколько преувеличенному, но въ общихъ чертахъ безъ сомнѣнія вѣрному, было разрушено болѣе 600 замковъ, городовъ, мѣстечекъ и деревень. Поэтому можно судить, какъ дорого обходились несчастному народу прославляемые въ пѣсняхъ и лѣтописяхъ подвиги рыцарей и войны, въ которыхъ князья наживались на счетъ слабыхъ и пріобрѣтали прозвища Ахилловъ и Побѣдоносныхъ. Ни та, ни другая партія ничего не выиграли отъ этого разоренія. По миру, заключенному въ Прагѣ (августъ 1463 г.) при посредничествѣ Подѣбрада, плѣнные получили свободу, и каждая сторона осталась при своемъ. Относительно императорскаго земскаго суда уже прежде было рѣшено, что истецъ долженъ обращаться къ суду, которому подлежитъ отвѣтчикъ. Объ опалѣ Лудвига не было и рѣчи, а Донаувертъ снова сдѣлался имперскимъ городомъ, однако съ нѣкоторыми ограниченіями.

На Рейнѣ и въ Пфальцѣ въ теченіе 1458 и 1459 г. грабили, жгли и рѣзали 18 герцоговъ, маркграфовъ и графовъ, соединившихся противъ курфирста Фридриха, который въ свою очередь отплачивалъ имъ тѣмъ же. Въ мартѣ 1460 г. ему объявилъ войну Дитрихъ Майнцскій, послѣ чего рѣзня и пожары свирѣпствовали отъ Эльзаса до Бахараха. Епископы и князья вступались то за императора, то за злаго Фрица, оскорбившаго главу имперіи, назвавъ одну башню близъ Гейдельберга въ насмѣшку Trutzcaiser. Валлоны и Швейцарцы продавали на Рейнѣ свои услуги обѣимъ сторонамъ, подобно чехамъ и австрійцамъ въ Баваріи и Франконіи. Мы войдемъ въ подробности этой войны, чтобъ показать, до чего доходило кулачное право. Важнѣйшимъ событіемъ было сраженіе при Феддерсгеймѣ (4 іюля 1460 г.), покончившее войну и доставившее курфирсту Фридриху славу и выгоды. Соединясь съ ландграфомъ Лудвигомъ Гессенскимъ, онъ одержалъ при Феддерсгеймѣ блистательную побѣду надъ курфирстомъ Майнцскимъ, ландграфомъ Пфальцъ-Цвейбрюкенскимъ и ихъ союзниками, имѣвшими вдвое больше войска, чѣмъ онъ. Графы Іоаннъ Нассаускій, Оттонъ Геннебергъ Филиппъ Лейнингенъ и Дитрихъ Рункель и 150 рыцарей были взяты въ плѣнъ Непосредственнымъ результатомъ побѣды было заключеніе мира (18 іюля) при посредничествѣ Карла Баденскаго. Курфирстъ Майнцскій согласился на всѣ тре-

бованія Фридриха, а вскорѣ и Ульрихъ Вюртембергскій отказался отъ своихъ притязаній. Но Лудвигъ Вельденцскій и графъ Лейнингенъ, предоставленные собственнымъ силамъ, продолжали противиться, и грабежъ, рѣзня и пожары длились въ Пфальцѣ еще цѣлый годъ. Наконецъ маркграфъ Баденскій убѣдилъ и этихъ князей подчиниться курфирсту, уступить ему города, заплатить деньги и признать его верховную власть. Миръ былъ заключенъ въ Баденѣ 30 іюня 1461 г. Но Фридрихъ не могъ оставаться покойнымъ, имѣя случай поживиться на счетъ сосѣдей; поэтому онъ не замедлилъ вмѣшаться въ дѣла Дитриха Майнцскаго и тѣмъ вызвалъ новую, страшную войну на Рейнѣ, въ которой онъ, самъ того не вѣдая, защищалъ права германской церкви и государства, а его противники неслыханныя притязанія папы.

Курфирстъ Дитрихъ, изъ дома Изенбурговъ, былъ избранъ въ майнцскіе архіепископы не совсѣмъ правильно и потому нуждался болѣе другихъ въ согласіи папы. Согласіе это онъ получилъ, обѣщавъ все, чего папа требовалъ. Папскій престолъ въ то время занималъ Эней Сильвій подъ именемъ Пія II; онъ служилъ прежде императору, причемъ лишилъ нѣмцевъ выгодъ конкордата (т. III стр. 598—603 и слѣд.). Зная нѣмецкихъ князей и положеніе дѣлъ въ Германіи, онъ воспользовался въ 1459 г. затрудненіями Дитриха, чтобъ вынудить у него обязательства, отъ которыхъ удержался бы всякій другой на мѣстѣ Дитриха, такъ какъ они явно клонились во вредъ нѣмецкой церкви и національной чести. Дитрихъ обѣщалъ присутствовать на мантуанскомъ соборѣ, созванномъ Піемъ II съ цѣлью устроить крестовый походъ противъ турокъ; затѣмъ обязался пріѣхать не позже года въ Римъ, чтобы научиться у папы обязанностямъ своего сана, и согласился платить папѣ установленную имъ подать подъ названіемъ аннатовъ (т. III, стр. 586); прежде она взималась произвольно, но впослѣдствіи для нея была установлена такса, по которой съ Майнца приходилось 10 т. гульденовъ. Дитрихъ поручилъ одному римскому банкиру уплатить эту сумму, но папа, по соглашенію съ его повѣреннымъ, взялъ вдвое. Однако Дитрихъ отказался заплатить банкиру за излишекъ, вслѣдствіе чего тотъ пожаловался на него римскому духовному суду, который, по обыкновенію, подвергъ архіепископа отлученію. Это побудило Дитриха на крайнія мѣры противъ папы. Онъ выразился о папѣ очень рѣзко, аппеллировалъ собору и обратился къ имперскому сейму. Кардиналъ Ренальдъ полагаетъ, что Дитрихъ совершенно напрасно подалъ этимъ дурной примѣръ, такъ какъ приговоръ князей не принесъ ему никакой пользы; по мнѣнію кардинала, ему слѣдовало бы, не поднимая изъ пустяковъ шума, обратиться прямо къ папѣ, который заставилъ бы духовный судъ отмѣнить свое рѣшеніе. По словамъ Ренальда, Дитрихъ въ присутствіи легата весьма рѣзко отозвался о папѣ, за то что ему не хотѣли уступить часть десятины, собранной въ майнцской области подъ предлогомъ войны съ турками; онъ сказалъ, что папа ни мало не заботится о спасеніи душъ нѣмецкаго народа, а помышляетъ только о грабежѣ и добычѣ. Разсказъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ его приводитъ продолжатель Баронія, имѣвшій цѣлью оправдать Пія II во всѣхъ обвиненіяхъ. Впрочемъ Дитрихъ представилъ нюрнбергскому сейму это дѣло пристрастно. Нюрнбергскій сеймъ, происходившій въ февралѣ и мартѣ 1461 г., былъ продолженіемъ егерскаго сейма, на которомъ князья совѣщались о томъ, чтобы низложить Фридриха III и возвести на престолъ Георгія Подѣбрада. Въ Нюрнбергъ пріѣхали курфирсты Майнцскій, Пфальцскій и Бранденбургскій и уполномоченные отъ курфирстовъ Трирскаго, Саксонскаго и Богемскаго и отъ многихъ другихъ князей и городовъ; но никто не показывалъ вида о соглашеніи съ Подѣбрадомъ противъ императора. Однако сеймъ написалъ Фридриху весьма грозное посланіе, прямо упрекая его въ неисполненіи обязанностей и грозя участью Венцеслава. Къ его счастью, Дитрихъ Майнцскій выступилъ съ жалобой на притѣсненія папы и аппелляціей на свое отлученіе. Это соединило папу съ императоромъ, и они общими силами разстроили новое собраніе князей въ Франкфуртѣ, направленное противъ Фридриха. Въ маѣ 1461 г. собрался въ Майнцѣ конгрессъ, на которомъ Дитрихъ повторилъ свой протестъ противъ папы и доказалъ князьямъ, что аннаты уничтожены базельскимъ соборомъ. Свою нѣмецкую рѣчь (Ренальдъ насмѣшливо замѣчаетъ, что онъ не зналъ по-латыни) онъ заключилъ слѣдующими словами: «Десятины, требуемыя находящимися здѣсь легатами, индульгенціи,

принесенныя ими подъ предлогомъ турецкой войны, — все это, повѣрьте, чистое надувательство. Но если вы послушаете меня, обманъ ихъ не принесетъ имъ ни малѣйшей пользы. Я аппеллировалъ собору не потому только, что невинно отлученъ въ Римѣ отъ церкви, а потому, что хочу избавить моихъ бѣдныхъ подданныхъ отъ бремени турецкихъ десятинъ. Мы не имѣемъ другаго средства избавиться отъ папской тираніи; поэтому послѣдуйте моему примѣру и помогите себѣ и своимъ подданнымъ». Но доводы Дитриха были тщетны. Папа прислалъ въ Майнцъ двухъ легатовъ, вормскаго декана и испанца Толедо, которые такъ напугали добрыхъ благочестивыхъ нѣмцевъ, что князья отступились отъ дѣла. Пій II сохранилъ ихъ рѣчи въ своемъ сочиненіи, изданномъ подъ именемъ Гобелина (т. III стр. 599). Дитрихъ, видя, что всѣ покинули его, поспѣшилъ объявить легатамъ, что беретъ назадъ всѣ свои слова. Узнавъ это, Пій II поручилъ базельскому декану пріискать въ Майнцѣ каноника, который, по своимъ связямъ, могъ бы быть ему полезенъ противъ Дитриха. Папскій уполномоченный указалъ на графа Адольфа Нассаускаго, соглашавшагося принять на себя требуемую роль. Пій низложилъ Дитриха и назначилъ Адольфа архіепископомъ; императоръ немедленно призналъ его курфирстомъ, и большинство нѣмецкихъ князей послѣдовало его примѣру и помогло Адольфу силою завладѣть архіепископствомъ. Низложенный курфирстъ долженъ былъ просить помощи у своего прежняго врага, Фридриха Пфальцскаго, который въ то время помогалъ въ Верхнемъ Пфальцѣ Лудвигу Баварскому противъ Альбрехта Ахилла. Получивъ посольство Дитриха, Фридрихъ немедленно отправился въ Нижній Пфальцъ и 19-го ноября заключилъ союзъ съ бывшимъ архіепископомъ, выговоривъ себѣ страну отъ Гейдельберга до Дибурга, доставшуюся Майнцу въ 1232 г. Дитрихъ заложилъ ее Фридриху за 100 т. гульденовъ, которые курфирстъ Пфальцскій безъ большаго труда добылъ посредствомъ грабежа и контрибуцій.

Между тѣмъ сторону Адольфа приняли многіе князья, въ томъ числѣ Ульрихъ Вюртембергскій и Альбрехтъ Бранденбургскій. Въ началѣ слѣдующаго 1462 года, Фридрихъ Пфальцскій былъ отлученъ отъ церкви и лишился единственнаго союзника, ландграфа Гессенскаго, перешедшаго на сторону его противниковъ. Такимъ образомъ онъ могъ располагать только силами своего курфиршества. Къ его счастью, противники рѣшились аттаковать его всѣми силами при Гейдельбергѣ, куда онъ отступилъ, какъ бы опасаясь ихъ многочисленности. Войско его состояло всего изъ 3,000 чел., къ которымъ въ послѣднюю минуту присоединился Дитрихъ съ 300 отборныхъ рыцарей; но недостатокъ въ войскѣ замѣнялся у него военными талантами, которые сдѣлали бы ему честь и въ наше время. 30-го іюня 1462 г. онъ неожиданно напалъ на союзниковъ при Зеккенгеймѣ; скрывъ часть своего войска въ лѣсу, онъ оттѣснилъ непріятеля въ уголъ между Рейномъ и Неккеромъ; здѣсь произошла отчаянная битва, въ которой Фридрихъ одержалъ полную побѣду и взялъ въ плѣнъ графа Ульриха Вюртембергскаго, маркграфа Карла Баденскаго, епископа Георга Мецскаго, одного баденскаго принца и многихъ другихъ. Чтобъ заставить ихъ заплатить огромный выкупъ, онъ заковалъ всѣхъ ихъ въ цѣпи и заключилъ въ отвратительную тюрьму, какъ простыхъ преступниковъ. Они долго противились, но наконецъ въ апрѣлѣ 1463 г. подчинились тяжкимъ условіямъ злаго Фрица. Труднѣе было примирить съ Дитрихомъ Адольфа Нассаускаго, не сидѣвшаго въ оковахъ. Послѣ зеккенгеймскаго сраженія Адольфъ предложилъ свиданіе своему противнику, овладѣвшему Майнцомъ. По всей вѣроятности, онъ хотѣлъ захватить Дитриха, потому что вступилъ въ сношенія съ майнцскими бургомистрами, повидимому обѣщавшими предать въ его руки Дитриха и Фридриха Пфальцскаго, который также долженъ былъ присутствовать при свиданіи. По счастью, Фридрихъ не могъ пріѣхать въ Майнцъ, но Дитрихъ и графъ Филиппъ Катценелленбогенъ находились въ городѣ, когда бургомистры отперли ворота Адольфу съ войскомъ. Они съ трудомъ успѣли спастись, спустившись со стѣны по канату, и бѣжали въ Оппенгеймъ (октябрь 1462 г.). Послѣ этого Фридрихъ не соглашался вступать въ переговоры, пока не принудилъ тюрьмой и кандалами своихъ плѣнниковъ согласиться на тяжкій миръ, и пока братъ его, Рупрехтъ, не получилъ вакантнаго архіепископства кельнскаго, съ условіемъ покончить споръ за майнцскую епархію. Въ апрѣлѣ 1463 г. кончились военныя дѣйствія, и плѣнники подчинились тре-

бованіямъ Фридриха. Георгъ, епископъ мецскій, обязался заплатить 45 т. гульденовъ и уступить три лотарингскихъ замка, отданные ему обратно въ ленное владѣніе. Маркграфъ Карлъ Баденскій долженъ былъ внести 100 т. гульденовъ, но вмѣсто того отказался отъ правъ на графство Спонгеймъ, уступилъ Безиггеймъ и Бонгеймъ и принялъ въ ленъ Форцгеймъ. Ульрихъ Вюртембергскій призналъ Марбахъ пфальцскимъ леномъ, внесъ 40 т. гульд. наличными деньгами и уступилъ Фридриху долговое обязательство Адольфа на 20 т. гульд. Шпейерскій епископъ также былъ наказанъ. Въ октябрѣ состоялся договоръ между Дитрихомъ и Адольфомъ, помирившимися на счетъ майнцской епархіи. Дитрихъ отказался отъ курфирстскаго званія и получилъ за это въ пожизненное владѣніе Гехстъ, Штейнгеймъ и Дибургъ, съ правомъ духовнаго и свѣтскаго суда въ этихъ округахъ; сверхъ того, Адольфъ принялъ на себя всѣ его долги и обязался на свой счетъ выхлопотать разрѣшеніе церкви. Фридрихъ Пфальцскій и тутъ не остался съ пустыми руками. Чтобъ избавиться отъ его набѣговъ, Адольфъ долженъ былъ предоставить ему почти такія же выгоды, какъ Дитриху. Онъ обязался выхлопотать для него у папы прощеніе и выдалъ отъ имени майнцскаго соборнаго капитула грамату, по которой страна, уступленная Фридриху Дитрихомъ, оставалась за нимъ до уплаты ему 100 т. гульденовъ, данныхъ имъ бывшему архіепископу. По окончаніи войны за майнцское епископство начались распри въ кельнскомъ, въ которыя вмѣшался Карлъ Смѣлый Бургундскій. Тогда же возникло предположеніе соединить Бургундію съ имперіей посредствомъ брака сына Фридриха III, Максимиліана I, съ дочерью и наслѣдницей Карла, Маріей. Вообще, Максимиліану открывались тогда весьма блестящіе виды: онъ былъ признанъ наслѣдникомъ Венгріи и имѣлъ тамъ много приверженцевъ; вся Австрія принадлежала его отцу, а Тироль, владѣтель котораго, Сигизмундъ Безумный, не имѣлъ ни дѣтей, ни братьевъ, долженъ былъ рано или поздно достаться ихъ дому.

7. Германія и императоръ Фридрихъ III во время кельнской распри.

Изъ исторіи борьбы за майнцское архіепископство можно было видѣть, какъ обращались въ то хваленое, благочестивое время два архіепископа съ нравственностью, жизнью и имуществомъ ввѣренной имъ паствы и съ достояніемъ своей церкви. Вслѣдъ за майнцскою распрею возникла распря въ кельнскомъ архіепископствѣ. О ней мы скажемъ довольно подробно, потому что факты служатъ намъ для лучшаго пониманія хиракторовъ. При послѣднихъ Гогенштауфенахъ, имѣвшихъ въ кельнскихъ архіепископахъ самыхъ надежныхъ и вѣрныхъ друзей, кельнская область весьма расширилась и обогатилась. Въ царствованіе Сигизмунда, архіепископъ Фридрихъ фонъ Заарверденъ только и помышлялъ, что объ увеличеніи своихъ владѣній. Онъ скопилъ столько денегъ, что могъ купить множество имѣній и, умирая, оставилъ огромную для того времени сумму, полтора милліона. Къ сожалѣнію, онъ не позаботился дать приличное воспитаніе своему племяннику Дитриху фонъ Мерсу, наслѣдовавшему ему, согласно его волѣ. Дитрихъ былъ бы гораздо лучшимъ княземъ или рыцаремъ, чѣмъ архіепископомъ, и, сдѣлавшись кельнскимъ курфирстомъ, прославился безпрерывными войнами, баснословною роскошью и расточительностью. Сначала онъ велъ войну за престолъ съ своимъ соперникомъ, Вильгельмомъ Равенсбергомъ, и его дядей, герцогомъ Адольфомъ Бергскимъ; потомъ воевалъ съ городомъ Кельномъ и игралъ роль въ богемскихъ войнахъ, отличаясь передъ всѣми князьями царскою пышностью. Въ войнѣ Адольфа Клевскаго съ городомъ Зестомъ, онъ выставилъ, говорятъ, до 100 т. войска. Ни одинъ нѣмецкій князь не имѣлъ такого великолѣпнаго двора, не награждалъ такъ щедро своихъ приближенныхъ и служителей, какъ онъ. При избраніи и коронаціи Фридриха III онъ рѣшительно затмилъ блескомъ бѣднаго габсбургскаго четверовластника, котораго онъ возвелъ на престолъ; такимъ образомъ Германія была обязана ему царствованіемъ подобнаго императора, чтобы не сказать хуже. На празднествахъ, сопровождавшихъ избраніе императора, Дитриха окружали 25 докторовъ и множество графовъ, бароновъ, рыцарей, пышныя одежды которыхъ были сшиты на его счетъ;

за обѣдомъ имъ подавали серебряную посуду, что чрезвычайно изумило нищихъ верхнегерманскихъ дворянъ и императора. Такая безмѣрная расточительность въ теченіе многихъ лѣтъ неминуемо должна была разстроить финансы кельнской епархіи и вовлечь архіепископа въ долги. Противъ нея не могли устоять ни сокровища, собранныя скупымъ предмѣстникомъ Дитриха, ни архіепископскіе доходы, простиравшіеся въ то время въ Кельнѣ до 1000 гульд. въ день. По смерти Дитриха (1462 г.) не только не осталось слѣдовъ богатства его дяди, но всѣ архіепископскія владѣнія, за исключеніемъ только одного имѣнія, оказались заложенными, а налоги — въ рукахъ ростовщиковъ.

Кельнское духовенство выбрало въ преемники Дитриха брата Фридриха Пфальцскаго, Рупрехта, развратнаго пьяницу и охотника, вступившаго въ духовное званіе въ надеждѣ добыть себѣ епархію и такимъ образомъ сдѣлать выгодную спекуляцію. Но Рупрехтъ и духовенство сильно ошиблись въ разсчетахъ. Рупрехтъ вмѣсто золотыхъ горъ нашелъ разоренную область, въ которой ему приходилось довольствоваться ежегоднымъ доходомъ въ 2 т. гульд.; каноники, надѣявшіеся на прежнюю веселую жизнь, встрѣтили въ пфальцскомъ принцѣ безпощаднаго повелителя. Въ числѣ каноников, домогавшихся архіепископства вмѣстѣ съ Рупрехтомъ, находились принцы Нассаускій, Вюртембергскій, Гессенскій и братъ Лудвига Чернаго Вельденцскаго и Цвейбрюккенскаго, постоянно враждовавшаго съ Фридрихомъ Пфальцскимъ. Онъ былъ деканомъ капитула и слѣдовательно главою кельнскаго духовенства. Эти обстоятельства не замедлили возбудить сильный раздоръ между новымъ архіепископомъ и соборнымъ капитуломъ. Церковныя имѣнія были заложены Дитрихомъ разнымъ городамъ и лицамъ за такіе жидовскіе проценты, что Рупрехтъ не могъ ихъ выкупить; желая однако воротить ихъ, онъ обратился къ чинамъ архіепископства, чтобъ, при содѣйствіи ихъ, отобрать у ростовщиковъ заклады. Но чины воспротивились этому такъ энергически, что Рупрехту пришлось отказаться отъ своего намѣренія. Тогда онъ просилъ помощи брата, который послалъ ему войско подъ начальствомъ своихъ лучшихъ полководцевъ, Раушенбаха и Букка, и своего племянника Филиппа; послѣдній, хотя достигъ совершеннолѣтія, но призналъ дядю пожизненнымъ курфирстомъ и правителемъ Пфальца. Съ помощью этого войска Рупрехтъ возвратилъ тѣ владѣнія, которыя были промотаны капитуломъ до его избранія. Въ началѣ слѣдующаго года (1469 г.) явился самъ Фридрихъ и помогъ брату вернуть остальныя имѣнія, за безцѣнокъ заложенныя его предшественниками. По своему обыкновенію, онъ началъ процессъ противъ несправедливости процентовъ и заклада тѣмъ, что силою овладѣлъ спорнымъ предметомъ; занявъ для брата Боннъ, Нуйсъ, Брюль, Кейзерсвертъ, Кемпенъ, Андернахъ и другія заложенныя мѣста, онъ принудилъ кредиторовъ принять назначенное имъ вознагражденіе. Себѣ онъ потребовалъ за издержки 35 т. гульд., за которые удержалъ въ закладѣ Кейзерсвертъ и нѣкоторыя подати. Впрочемъ онъ видѣлъ негодность своего брата. Когда капитулъ явился къ нему съ жалобами на Рупрехта, онъ отвѣчалъ, что самъ никогда бы не посовѣтовалъ имъ выбирать его въ архіепископы, такъ какъ онъ не обладаетъ качествами, нужными для духовнаго лица; но, избравъ, они должны повиноваться ему. Уѣзжая, Фридрихъ оставилъ брату нѣсколько опытныхъ совѣтниковъ; но Рупрехтъ не слушалъ ихъ, вслѣдствіе чего всѣ они удалились, кромѣ Раушенбаха и Букка.

Вслѣдъ за тѣмъ отсутствіе императора, отправившагося на поклоненіе въ Римъ, дало Фридриху Пфальцскому поводъ распространить свою власть на Эльзасъ. Императоръ все еще не признавалъ его курфирстомъ и произнесъ надъ нимъ опалу. Но Фридрихъ не обращалъ на это никакого вниманія; по золотой буллѣ, во время отсутствія императора курфирстъ Саксонскій долженъ былъ быть его викаріемъ на востокѣ, а Пфальцскій — на западѣ. Основываясь на этомъ, Фридрихъ рѣшился во что бы то ни стало воспользоваться своимъ правомъ, надѣясь извлечь изъ него выгоду. Ему удалось дѣйствительно пріобрѣсти выгоды посредствомъ эльзасскаго аббатства Вейссенбурга. Въ этомъ аббатствѣ мѣста канониковъ получали молодые люди знатнѣйшихъ фамилій Эльзаса, Лотарингіи и зарейнскаго Пфальца; они проживали свои значительные доходы вовсе не по правиламъ святаго Бенедикта. Развратная жизнь этихъ господъ возбуждала общее негодованіе, которое раздѣлялъ даже самъ вейссенбургскій аббатъ. Пользуясь

этимъ, Фридрихъ вздумалъ явиться ревнителемъ благочестія и подъ благовиднымъ предлогомъ подчинить себѣ городъ Вейссенбургъ и его аббатство. По правамъ императорскаго ландфогта, онъ послалъ въ Вейссенбургъ коммиссію (въ февралѣ 1460 г.), которая должна была выгнать развратныхъ рыцарскихъ сыновей и замѣнить ихъ благочестивыми монахами. Аббатъ, пробстъ и весь городъ, сильно стѣсненные Фридрихомъ, обратились къ папѣ, который принялъ сторону прежнихъ каноииковъ. Императоръ, возвратясь изъ Рима, также приказалъ возстановить ихъ. Найдя поддержку въ папѣ и императорѣ, дворянскія фамиліи, обиженныя курфирстомъ, рѣшились не уступать мнимому защитнику религіи; городъ Вейссенбургъ также хотѣлъ вырваться изъ его желѣзныхъ рукъ. Фридрихъ по своему обычаю двинулся въ походъ и, соединясь съ жестокимъ графомъ Эбергардомъ Виртембергскимъ и городами Вимпфеномъ и Гейльбронномъ, звѣрски опустошилъ окрестности Вейсенбурга и началъ обстрѣливать городъ. Опустошенія и осада длились три мѣсяца; наконецъ въ февралѣ 1470 г. миръ былъ возстановленъ при посредничествѣ другихъ эльзасскихъ городовъ; условія его показывали, что война утомила обѣ стороны. Монастырское дѣло было отдано на разсмотрѣніе третейскаго суда, а курфирсту предоставили права ландфогта въ Эльзасѣ.

Императоръ не соглашался на послѣднее и рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ наказать своего стараго противника. Еще въ январѣ онъ назначилъ имперскимъ полководцемъ смертельнаго врага Фридриха, Лудвига Чернаго Вельденцскаго, снова предалъ курфирста опалѣ и призвалъ къ оружію всѣхъ его недруговъ. Слѣдствіемъ этого была война, опустошившая чудныя прирейнскія страны Пфальца и Эльзаса, окончательно уничтожившая значеніе императора и доставившая преслѣдуемому имъ курфирсту великую славу между рыцарями и князьями. Война эта не относится къ всемірной исторіи; мы упоминаемъ о ней только потому, что ею объясняется, почему Фридрихъ Пфальцскій не могъ принять дѣятельнаго участія въ кельнской распрѣ, получившей важное значеніе, когда въ ней принялъ участіе Карлъ Смѣлый. Императоръ больше всего повредилъ своему полководцу, Лудвигу Вельденцскому, которому хотѣлъ услужить своими декретами и патентами. Онъ объявилъ на сеймѣ, что лишилъ власти въ Эльзасѣ не Пфальцъ, а только лично Фридриха, и передалъ ее Лудвигу Вельденцскому; за эту милость Лудвигу и его подданнымъ пришлось дорого поплатиться. По миру, заключенному въ Гейдельбергѣ, онъ былъ вынужденъ не только отказаться отъ ландфогтства, но и уступить противнику 12 замковъ и городовъ въ Бергштрассе и по лѣвому берегу Рейна. Императоръ продолжалъ громить Фридриха словами и пергаментами, не замѣчая, что унижаетъ этимъ и себя и свою власть. Курфирстъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. Не смотря на это, императоръ въ третій разъ предалъ его опалѣ за то, что онъ—какъ гласилъ приговоръ—произвольнымъ и противозаконнымъ образомъ присвоилъ себѣ курфиршеское достоинство, отстранилъ, не взирая на неоднократныя увѣщанія императора, законнаго наслѣдника и казнилъ 12 совѣтниковъ Амберга, не хотѣвшихъ признавать его. Опала была произнесена въ маѣ 1474 г. на нюрнбергскомъ сеймѣ, гдѣ былъ наконецъ утвержденъ земскій миръ, обѣщанный три года назадъ, но до сихъ поръ не исполненный. Не смотря на опалу, Фридрихъ оставался курфирстомъ до самой смерти (въ декабрѣ 1476 г.); ему наслѣдовалъ его племянникъ, Филиппъ.

Изъ исторіи Фридриха Пфальцскаго можно видѣть, что въ ту пору въ Германіи національное единство почти исчезло, а монархическая власть существовала только по имени. Въ это время Карлъ Смѣлый стремился создать военнымъ путемъ новую европейскую державу; во Франціи же свирѣпый тиранъ, Лудовикъ XI, оказалъ своему народу незабвенную услугу, соединивъ націю и сокрушивъ высшую аристократію или княжескую свободу и власть, какъ говорили нѣмцы. Съ тѣхъ поръ какъ обстоятельства, о которыхъ мы теперь разскажемъ, привели Карла Смѣлаго на Рейнъ, исторія Германіи вступаетъ снова въ тѣсную связь съ исторіей остальной Европы. Но намъ еще нужно упомянуть о нѣкоторыхъ другихъ событіяхъ, повидимому маловажныхъ, но имѣющихъ значеніе для характеристики нравовъ; они доказываютъ, что въ то время церковь считала главною стороною христіанства не нравственность, а обряды, и потому дѣла не могли долѣе идти подобнымъ образомъ. Событія эти и обзоръ литературы этого періода покажутъ

намъ, что въ XV столѣтіи уже созрѣло все, совершенное Лютеромъ въ началѣ XVI. Такимъ образомъ для насъ станетъ ясно, что Реформація не была дѣломъ одного безпокойнаго человѣка и его сообщниковъ, какъ говорятъ обскуранты о всякой коренной реформѣ, но была вызвана потребностью времени, которая только потому повела къ революціи, что упорные приверженцы старины не хотѣли допустить ни малѣйшаго исправленія въ томъ, что очевидно устарѣло.

Итакъ Фридрихъ Пфальцскій распространялъ мечомъ свою власть до нидерландскихъ границъ и господствовалъ надъ всею южною и западною Германіей; между тѣмъ императоръ тратилъ свои послѣднія крохи на поѣздку въ Римъ, чтобъ выполнить обѣтъ и унизиться передъ папою. Даже опасность, грозившая его родовымъ землямъ, не могла удержать его отъ этого богомолья. Онъ былъ замѣшанъ въ опасную войну съ Георгіемъ Подѣбрадомъ, и кромѣ того турки уже дважды вторгались въ Истрію и Крайну, страшно опустошили ихъ и увели множество плѣнныхъ, которые были обращены въ рабство. Фридрихъ, отправляясь на богомолье, разсчитывалъ на ссору короля богемскаго съ венгерскимъ; съ помощью папы ему удалось возстановить Матфія Корвина противъ Георгія, такъ что эти государи, бывшіе съ Лудовикомъ XI единственными хорошими правителями въ цѣлой Европѣ, принялись разорять свои владѣнія, вмѣсто того чтобы дѣйствовать общими силами противъ турокъ. Въ ноябрѣ 1468 г. Фридрихъ поѣхалъ въ Римъ, взявъ съ собой всего 500 человѣкъ свиты; онъ пріѣхалъ туда въ ночь подъ Рождество и отправился прямо въ церковь. Еще издали онъ дважды преклонилъ колѣна передъ папою Павломъ II; а подойдя къ нему, упалъ въ третій разъ на колѣни, цѣловалъ ему руки и ноги и сѣлъ на приготовленный тронъ; этотъ тронъ былъ на столько ниже папскаго, что голова императора приходилась къ ногамъ папы. Въ силу извѣстнаго императорскаго права (т. III, стр. 626), онъ читалъ за діакона евангеліе, присутствовалъ при канонизаціи маркграфа Леопольда Бабенбергскаго и выпросилъ у папы позволеніе учредить въ Австріи два новыхъ епископства (въ Вѣнѣ и Нейштадтѣ) и раздать 300 учрежденныхъ ихъ пребендъ. Папа, съ своей стороны, надарилъ ему на Рождество индульгенцій, реликвій, бусъ и драгоцѣнностей. Все это, даже по отзыву людей, старавшихся придать ему огромное значеніе, стоило не болѣе 2 тысячъ червонцевъ. Хотя Фридрихъ пробылъ въ Римѣ только 17 дней, но въ Германію вернулся не ранѣе іюля 1469 г. Мы уже видѣли, что его въ отсутствіе Фридрихъ Пфальцскій, уступавшій ему въ учености, но далеко превосходившій практическимъ смысломъ, предалъ поруганію власть императора. Сверхъ того вспыхнуло опасное возстаніе въ Штиріи. Императоръ подавилъ его, заманивъ въ Грецъ и казнивъ безъ суда и слѣдствія двухъ могущественныхъ вассаловъ, Баумкирхера и Грейффенеггера. Убійство это было тѣмъ гнуснѣе, что Баумкирхеръ нѣкогда спасъ императору жизнь или, по крайней мѣрѣ, свободу (стр. 84) и постоянно помогалъ ему противъ Альбрехта Мота и въ другихъ войнахъ. Притомъ другіе часто безнаказанно дѣлали тоже самое. Вся вина его состояла въ томъ, что онъ защищалъ мечомъ свое право, между тѣмъ какъ императоръ отправился пилигримствовать, бросивъ свои владѣнія, которымъ грозили чехи и турки. Казнивъ его, императоръ пріобрѣлъ репутацію неблагодарнаго труса.

Отношенія Фридриха III къ Богеміи и Венгріи выказываютъ его въ самомъ жалкомъ видѣ. Въ мартѣ 1471 г. умеръ Георгій Подѣбрадъ. Императоръ пустилъ въ ходъ всевозможныя хитрости, чтобъ не допустить Матфія Корвина сдѣлаться богемскимъ королемъ; но въ то же время дѣлалъ видъ, будто искренно желаетъ, чтобы правовѣрный Матфій замѣнилъ еретика Подѣбрада. Чехи избрали королемъ сына польскаго короля Казиміра IV, Владислава, который немедленно вступилъ на престолъ. Но Матфій Корвинъ сталъ оспаривать у него Богемію, а императоръ явно помогалъ одному, а тайно другому. Вслѣдъ затѣмъ онъ окончательно погубилъ себя не только въ мнѣніи цѣлаго свѣта, но даже въ мнѣніи папы и кардиналовъ. Онъ допустилъ турокъ (1473 г.) разорить Штирію и Каринтію, не принявъ никакихъ мѣръ, чтобы отразить ихъ. Далѣе, онъ позволилъ герцогу Тирольскому, Сигизмунду Безумному, усыновившему его сына Максимиліана, заложить герцогу Бургундскому за ничтожную сумму 80 тысячъ червонцевъ принадлежавшія Габсбургскому дому права имперскаго ландфогства въ Эльзасѣ, Брейсгау, Зундгау и лѣсныхъ городахъ, а также всѣ тамошнія имѣнія и даже графство

Фиртъ (Ferrette). Это было тѣмъ непростительнѣе, что надменный герцогъ Бургундскій былъ очень опасенъ для Германіи. Замѣчательно, что Сигизмундъ сдѣлалъ это не потому, чтобы нуждался въ деньгахъ, а потому что не могъ поддерживать своихъ правъ противъ тамошнихъ жителей, стремившихся къ свободѣ. Онъ предпочелъ предать ихъ тираніи француза, чѣмъ видѣть ихъ свободными. Папу и кардиналовъ Фридрихъ раздосадовалъ безпечностью, обнаруженною имъ относительно турокъ. Они были такъ раздражены, что не перестали осыпать его рѣзкими упреками даже тогда, когда повидимому онъ рѣшился дѣйствовать. Весною 1473 онъ назначилъ сеймъ въ Аугсбургѣ, чтобъ организовать походъ противъ турокъ. Папа Сикстъ IV, преемникъ Павла II, хотѣлъ по его просьбѣ отправить на сеймъ блестящее посольство, но кардиналъ Францъ Сіенскій воспротивился этому и, по словамъ одной латинской хроники, сказалъ: «было уже десять сеймовъ, на которые созывали весь міръ и изъ которыхъ ровно ничего не вышло. По случаю этихъ сеймовъ князья и господа обременяютъ подданныхъ невыносимыми налогами, а о дѣлѣ и не думаютъ; между тѣмъ ненависть народа обращается на церковь, которую обвиняютъ въ томъ, что она предписываетъ турецкій налогъ и обращаетъ въ свою пользу». Дѣйствительно, этотъ сеймъ былъ также безполезенъ, какъ всѣ прочіе. На немъ много говорили, спорили, а особенно много писали того, чѣмъ обыкновенно наполняютъ наши историческія сочиненія; но дѣла все таки не дѣлали. Самъ Фридрихъ обыкновенно не являлся на эти собранія. Кампанусъ въ своихъ письмахъ горько жалуется на него, говоря что иногда онъ обѣщалъ явиться черезъ три дня и не пріѣзжалъ даже черезъ три мѣсяца (Cum Caesar, eheu quam non Caesar! ad triduum se venturum promiserit, et jam centiduum est).

8. Карлъ Смѣлый и Германская имперія.

Возстановивъ противъ себя чеховъ, венгровъ и папу, Фридрихъ не замедлилъ возбудить подозрѣніе въ германскихъ князьяхъ тѣмъ, что устроилъ въ 1473 г. въ Трирѣ свиданіе съ Карломъ Смѣлымъ. Карла ненавидѣли въ Эльзасѣ и Швабіи; князья же неоднократно были оскорбляемы его надменностью, особенно на Регенсбургскомъ сеймѣ въ 1470 г. Сеймъ этотъ былъ собранъ также, будто бы, для похода противъ турокъ. Поэтому въ Регенсбургъ съѣхались не только курфирсты, но и послы отъ многихъ иностранныхъ государей, въ томъ числѣ отъ герцога Бургундскаго. Бургундцевъ посадили ниже курфирстовъ, но они захотѣли сидѣть выше, протестовали и даже отказались участвовать въ совѣщаніяхъ; тогда пришлось дать имъ мѣсто рядомъ съ королевскими посланниками. Побудительной причиной свиданія лѣниваго педанта и труса Фридриха съ горячимъ и безразсуднымъ Карломъ были ихъ честолюбивые замыслы. Надутые высокомѣріемъ и пустымъ тщеславіемъ, они, подобно собакамъ въ баснѣ, гонялись за тѣнью, упуская изъ виду то, что было у нихъ подъ руками, и что съумѣли пріобрѣсти Фридрихъ Пфальцскій и Лудовикъ XI, не бывшіе впрочемъ образцовыми монархами. Императору хотѣлось женить своего сына Максимиліана на наслѣдницѣ Карла, Маріи, или, скорѣе, на богатомъ и могущественномъ бургундскомъ герцогствѣ. Карлу нужна была помощь императора, чтобъ сдѣлаться королемъ; пріобрѣтая дружбу Фридриха, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣталъ расположеніе папы, который тогда дѣлалъ королей. Фридрихъ же былъ креатурой папы. Но свиданіе герцога съ императоромъ не сблизило ихъ; они были слишкомъ не схожи характерами, и сверхъ того нѣмцы, окружавшіе Фридриха, ненавидѣли французовъ, бывшихъ въ свитѣ Карла. Хотя бракъ Маріи съ Максимиліаномъ впослѣдствіи состоялся, но онъ былъ дѣломъ женской страсти, а вовсе не политическихъ и дипломатическихъ фокусовъ. Максимиліанъ былъ прекрасный собою, стройный юноша, но къ сожалѣнію слишкомъ романтиченъ для тѣхъ временъ. Его геройскій видъ и безпокойный, рыцарственный, романтическій характеръ очаровали Марію; она была до того увлечена имъ, что готова была пожертвовать ему всѣмъ. Но именно то, чѣмъ восхищалась въ Максимиліанѣ дочь Карла Смѣлаго, сдѣлалось впослѣдствіи пагубнымъ для Германіи и Австріи, потому что для страны не рѣдко бываетъ несчастіемъ имѣть блестящаго, славолюбиваго и геніальнаго государя.

Трирское свиданіе началось въ концѣ сентября 1473 г. и продолжалось два мѣсяца, проведенныхъ въ пирахъ и переговорахъ. Присутствовавшіе восхищались 14-тилѣтнимъ Максимиліаномъ, прекраснымъ мальчикомъ съ румянымъ лицомъ и длинными кудрями. Онъ въѣхалъ въ Триръ рядомъ съ отцомъ, на гордомъ гнѣдомъ жеребцѣ, одѣтый въ черное бархатное платье. Но сильнѣе всѣхъ привязалось къ нему сердце Маріи Бургундской; съ этихъ поръ она никогда не соглашалась выйдти замужъ за другаго. Карлъ Смѣлый жилъ въ Трирѣ необыкновенно пышно. Чтобъ выказать въ полномъ блескѣ свое дѣйствительно изумительное богатство, онъ привезъ съ собой множество золотой и серебряной посуды, мебели и различныхъ драгоцѣнностей. Перечень всѣхъ этихъ вещей доказываетъ, что искусство выдѣлывать золотыя и серебряныя вещи и вообще дорогіе и прочные предметы роскоши было очень развито въ средніе вѣка. Сочиненія современниковъ наполнены описаніями блеска и роскоши Карла; люди того времени обращали гораздо больше вниманія на театральную обстановку дѣла, чѣмъ на его сущность. Мы, съ своей стороны, можемъ посовѣтовать любителямъ пировъ и торжествъ обратиться къ этимъ сочиненіямъ, такъ какъ наша цѣль не позволяетъ намъ описывать подобные предметы. Замѣтимъ только, что люди, пишущіе для салоновъ, всегда одинаковы. Такъ танцы, шутки и пиры въ Вѣнѣ въ 1814 и 1815 гг. нашли себѣ двухъ остроумныхъ панегиристовъ; послѣдніе описали эти праздники, балы и пиры въ двухъ книгахъ, на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; Карлъ Смѣлый имѣлъ то же счастіе: одинъ изъ бургундскихъ придворныхъ, Оливье де-ла Маршъ, подробно описалъ его праздники и блескъ въ особой книгѣ, переведенной и на латинскій языкъ. Упоенный безумными мечтами о будущемъ Бургундо-Лотарингскомъ королевствѣ и имперскомъ викаріатѣ на лѣвомъ берегу Рейна, Карлъ моталъ отцовскія сокровища. Огромныхъ суммъ стоили ему миланскіе и венеціянскіе наемники, которыхъ онъ привлекалъ къ себѣ на службу подъ вліяніемъ этихъ мечтаній и которые измѣнили ему въ минуту опасности, подобно французамъ, служившимъ въ его войскѣ. Онъ помышлялъ о томъ, чтобы съ помощью жалкаго императора Западной Римской Имперіи составить абсолютную монархію изъ своихъ разнородныхъ провинцій. Онъ желалъ лишить ихъ свободы и правъ, чтобъ подчинить кодексу и новелламъ Юстиніана (т. II, стр. 270). Это новое нѣмецкое королевство (французскія владѣнія Карла, будучи ленами французской короны, не могли входить въ разсчетъ) должно было состоять изъ всѣхъ нидерландскихъ провинцій и городовъ, герцогствъ лотарингскаго и гельдернскаго, епископствъ утрехтскаго, дольскаго и люттихскаго, изъ австрійскихъ земель въ Эльзасѣ и Швабіи, уступленныхъ Карлу Сигизмундомъ Безумнымъ, и изъ бургундскихъ владѣній въ нѣмецкой Швейцаріи. Послѣднее мы прибавили отъ себя, но первое взято изъ письма тогдашняго курфирста бранденбургскаго Альбрехта Ахилла къ Вильгельму Саксонскому, въ которомъ говорится о предполагаемомъ самодержавномъ королевствѣ Карла. Въ числѣ гербовъ принадлежавшихъ ему провинцій Карлъ выставилъ габсбургскіе гербы Брейзгау, Зундгау и Эльзасскаго ландфогтства, хотя Сигизмундъ передалъ ему свои владѣнія и права не въ собственность, а только въ залогъ, удержавъ за собой право выкупа. Трирскіе переговоры тянулись очень долго. Фридрихъ соглашался на все, но со дня на день откладывалъ исполненіе. Онъ былъ оскорбленъ надменнымъ и повелительнымъ обращеніемъ Карла и его роскошью, затмѣвавшею императора (fastu plus quam Persico). Кромѣ того онъ былъ недоволенъ требованіемъ герцога включить въ союзъ врага Фридриха, Матфія Корвина. По свидѣтельству Филиппа Комина, Карлъ смѣялся надъ нищетою нѣмцевъ и безсиліемъ ихъ императора, который, представляя изъ себя повелителя вселенной, въ сущности не могъ ничего предпринять, ни приказать, не спросясь другихъ. Карлъ сдѣлался военнымъ деспотомъ и, повидимому, задалъ себѣ цѣль затмить императора и оскорблять сопровождавшихъ его нѣмцевъ. Онъ хитрилъ съ императоромъ, полагая, что Фридрихъ съ своей стороны обманываетъ его. Онъ обѣщалъ словесно и даже письменно выдать дочь за Максимиліана, говорилъ съ нимъ объ этомъ, позволилъ ему часто видѣться съ Маріей и даже переписываться, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалъ намѣреніе отсрочить бракъ на нѣсколько лѣтъ. Мы не рѣшаемъ, разсчитывалъ ли онъ въ будущемъ на императорское достоинство. Извѣстно впрочемъ, что Лудовикъ XI писалъ объ этомъ Фридриху и совѣтовалъ не довѣрять

герцогу. Лудовикъ очень радовался безразсудному поведенію Карла и его ослѣпленію, которое готовило ему неодолимыя препятствія и не обѣщало хорошаго исхода. Онъ воспользовался 1473 годомъ, чтобы погубить слабыхъ враговъ, заключивъ перемиріе съ сильными, въ томъ числѣ съ Карломъ. При этомъ онъ не отступалъ ни передъ какими средствами для достиженія цѣли. Посредствомъ измѣны и убійства онъ въ томъ же году отдѣлался отъ герцога Алансонскаго и графа Іоанна Арманьяка. Послѣдній, встрѣтивъ въ немъ еще большаго преступника, чѣмъ былъ самъ, трагически кончилъ жизнь, наполненную пороками и преступленіями (стр. 60 и 74). Онъ былъ умерщвленъ жестокимъ образомъ, а его семейство, особенно женщины, подверглись возмутительнымъ оскорбленіямъ. Лудовикъ одобрилъ убійство, принявъ убійцу въ гвардейскіе стрѣлки (archer de la garde), то есть въ свои тѣлохранители. Въ томъ же году онъ завладѣлъ графствомъ Руссильономъ. Всѣ лица, которыхъ онъ погубилъ въ то время, принадлежали нѣкогда къ союзу общественнаго блага (стр. 66). Лудовикъ съ непримиримою ненавистью преслѣдовалъ всѣхъ членовъ этого союза, хотя выказывалъ имъ расположеніе, пока считалъ опасными. Онъ старался возстановить противъ Карла Смѣлаго всѣхъ, и не щадилъ ни денегъ, ни трудовъ, чтобъ всюду создавать ему враговъ. Съ этой цѣлью онъ вошелъ въ сношенія съ трусливымъ и мелочнымъ Фридрихомъ III, стараясь возбудить и его. Однако намъ кажется, что напрасно приписываютъ неудачный исходъ трирскихъ переговоровъ письмамъ и интригамъ Лудовика. Фридрихъ помимо всякихъ постороннихъ происковъ могъ встревожиться, когда Карлъ потребовалъ, кромѣ королевскаго титула, званія императорскаго намѣстника (легата) и императорскаго викарія. Императоръ неожиданно прервалъ переговоры. Онъ тянулъ дѣло, постоянно ссылаясь на князей, которыхъ Филиппъ Коминъ описываетъ людьми способными дать отпоръ надменному чужеземцу, тогда какъ о самомъ императорѣ онъ отзывается съ презрѣніемъ (car les princes de l'empire encore que l'empereur fut homme de peu de vertu y donneront ordre). Фридрихъ долго давалъ всевозможныя обѣщанія, но кончилось тѣмъ, что онъ обманулъ гордаго герцога. Карлъ уже сдѣлалъ всѣ приготовленія къ предстоящему коронованію: онъ выписалъ въ Триръ свою величественную супругу и дочь, приготовилъ корону, скипетръ и все прочее, необходимое для королевскаго убора; сшилъ себѣ великолѣпную мантію, цѣнимую современниками въ 200 т. червонцевъ, и соорудилъ тронъ; въ церкви, гдѣ должна была совершиться коронація, были устроены мѣста для публики. До торжества оставалось всего два дня, какъ вдругъ императоръ уѣхалъ, не простясь съ герцогомъ и даже не давъ ему знать о своемъ отъѣздѣ. Тогда Карлъ рѣшился увеличить свое будущее королевство на счетъ кельнскаго архіепископства.

Еще до этихъ событій Карлъ успѣлъ утвердиться на нижнемъ Рейнѣ, вслѣдствіе чего сталъ помышлять о томъ, чтобы сдѣлаться тамъ имперскимъ викаріемъ. Поводомъ къ тому была ссора герцога Арнольда Гельдернскаго съ своимъ сыномъ, въ которую Карлъ Смѣлый вмѣшался по требованію императора и папы. Арнольдъ Гельдернскій вступилъ на старости лѣтъ во второй бракъ съ молодою дѣвушкою. Старый мужъ скоро надоѣлъ ей и, чтобъ избавиться отъ него, она соединилась съ своимъ пасынкомъ, Адольфомъ. Въ 1470 г. Адольфъ совершилъ надъ своимъ роднымъ отцомъ ужасное злодѣяніе. Ночью онъ схватилъ больнаго старика въ постели, протащилъ его пять миль пѣшкомъ, босаго и въ одной рубашкѣ по льду и, уведя въ Граве за нѣмецкую границу, заперъ въ подземелье. (Adolf avoit pris son père prisonnier à un soir, comme il se vouloit aller coucher et mené à cinq lieues d'Allemagne à pied sans chausses par un tems très froid, et le mis au fond d'une tour où il n'y avoit nulle clarté que par une petite lucarne et là le tint près de six mois). Это варварство возбудило общее негодованіе. Герцогъ Клеве, зять плѣнника, немедленно объявилъ Адольфу войну. Папа Павелъ II тщетно написалъ ему трогательное письмо (сентябрь 1470 г.); тщетно также вступался за стараго герцога императоръ. Адольфъ ничѣмъ не трогался и не выпускалъ отца изъ тюрьмы. Тогда императоръ и папа потребовали, чтобы Карлъ Смѣлый освободилъ герцога Арнольда. Карлъ, будучи ему сродни, притворился, что хочетъ примирить отца съ сыномъ, и пригласилъ молодаго герцога къ себѣ; онъ далъ ему охранную грамату и всевозможныя увѣренія въ его личной безопасности, но требовалъ, чтобъ онъ привезъ съ собою своего отца. Уг-

розы папы и императора и война съ герцогомъ Клеве заставили Адольфа подчиниться волѣ сильнаго сосѣда. По свидѣтельству Комина, Карлъ серьезно старался примирить отца съ сыномъ, но старикъ былъ до того ожесточенъ *), что всѣ попытки герцога остались безуспѣшны. Тогда Карлъ предложилъ Адольфу черезъ Комина довольствоваться до смерти отца небольшимъ владѣніемъ, приличнымъ доходомъ и герцогскимъ титуломъ. Грубый отвѣтъ Адольфа доказываетъ, до какой степени дикая жизнь рыцарства развратила его, и въ какомъ печальномъ состояніи находилась религія высшихъ классовъ. Онъ сказалъ, что скорѣе утопитъ отца и себя, чѣмъ приметъ подобное предложеніе, что его отецъ царствуетъ уже 44 года, и что ему самому уже давно пора сдѣлаться герцогомъ (qu'il aimeroit mieux avoir jeté son père tête devant dans un puits et des'estre jetté aprés, que d'avoir fait cet appointement, et qu'il y avait guarant et quatre ans que son père estoit duc et qu'il étoit bien temps qu'il le fut, et autres paroles assez mal sages). Нападеніе французовъ на Амьенъ (стр. 75) принудило Карла внезапно выступить въ походъ. Адольфъ долженъ былъ отправиться вслѣдъ съ нимъ, но успѣлъ бѣжать съ дороги съ двумя товарищами. Однако когда онъ переодѣтый вернулся домой, его снова поймали. Его узнали, какъ нѣкогда Конрадина и его друга Фридриха Баденскаго (т. III, стр. 141) потому, что онъ заплатилъ червонецъ за перевозъ черезъ рѣку. Карлъ заключилъ его въ темницу, и продержалъ плѣнникомъ до своей смерти. Ненависть стараго Арнольда къ сыну была такъ сильна, что онъ за безцѣнокъ продалъ Карлу герцогство Гельдернъ и графство Цютфенъ; онъ получилъ за нихъ 90 т. червонцевъ и ежегодную пенсію. Карлъ силою занялъ пріобрѣтенныя владѣнія; однако впослѣдствіи онъ воспользовался равнодушіемъ нѣмцевъ къ своему государственному величію, чтобъ получить законныя права на владѣніе, доставшееся ему такъ дешево. Сначала онъ убѣдилъ герцога Гергарда Юлихъ-Бергскаго отказаться за себя и за своихъ потомковъ отъ правъ на Гельдернъ и Цютфенъ, а потомъ, въ Трирѣ, получилъ ихъ отъ императора въ ленъ и добылъ на нихъ грамату за большою печатью, заплативъ за нее имперскому канцлеру 1,100 червонцевъ.

Чтобъ достичь званія имперскаго викарія на Рейнѣ или, по крайней мѣрѣ, чтобъ утвердиться въ этой странѣ, онъ вмѣшался въ дѣла кельнскаго архіепископства. Курфирстъ Рупрехтъ Кельнскій былъ совершенно негоднымъ правителемъ, такъ что не годился даже для рыцарскихъ временъ, когда государь могъ быть жестокимъ тираномъ, но не ничтожнымъ мотомъ. Въ то время какъ братъ его, Фридрихъ Пфальцскій, былъ занятъ эльзасскими дѣлами (стр. 95), онъ поссорился со своими городами, сословіями и капитуломъ. На этотъ разъ ссора была сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Города Боннъ, Нуйсъ и Кельнъ, особенно два послѣдніе, понесли большой убытокъ въ дѣлѣ о заложенныхъ имѣніяхъ, рѣшенномъ Фридрихомъ Побѣдоноснымъ по военному. Они были сильно озлоблены за это, особенно противъ пфальцскихъ предводителей Букка и Раушенбаха, дѣятельно способствовавшихъ произвольному отнятію у нихъ заложенныхъ имѣній. Оба они остались въ Кельнѣ, тогда какъ прочіе пфальцскіе совѣтники, данные Фридрихомъ своему брату, вернулись на родину, негодуя на архіепископа за его образъ жизни. Нуйсъ скоро нашелъ случай оскорбить архіепископа: онъ отказался пропустить его войско, посланное на помощь герцогу Клеве противъ Адольфа Гельдернскаго. Послѣ этого вражда между архіепископомъ и городомъ Нуйсомъ не прекращалась и скоро обратилась въ возстаніе и войну. Рупрехтъ отправилъ въ Нуйсъ храбраго Букка съ другимъ довѣреннымъ лицомъ; горожане, полагая, что ему поручено поссорить ихъ съ магистратомъ, казнили его, не смотря на настойчивое заступничество архіепископа. Это было сигналомъ къ войнѣ. Нуйсъ, Кельнъ и Боннъ отказались повиноваться Рупрехту, а кельнскій капитулъ приступилъ къ избранію администратора (1472 г.). Выборъ палъ на

---

*) Je les vis tous deux en la chambre du dit duc par plusieurs fois et en grande assemblée du conseil, où ils plaidoient leurs causes, et vis le bon homme vieil présenter le gage de bataille à son fils. (Я видѣлъ обоихъ — говоритъ Коминъ — нѣсколько разъ въ комнатѣ герцога и въ большомъ собраніи совѣта, передъ которымъ они защищали свое дѣло, и видѣлъ, какъ старикъ вызывалъ своего сына на бой.)

ландграфа Германа Гессенскаго пробста фрицларскаго и ахенскаго и каноника кельнскаго. Онъ уступилъ Гессенъ брату и племяннику, а самъ предался богословскимъ занятіямъ и уже былъ однажды избранъ епископомъ гильдесгеймскимъ. Боннъ и другія мѣста немедленно присягнули ему, вслѣдствіе чего у него началась война съ Рупрехтомъ. Ему помогалъ братъ его, Генрихъ Гессенскій, а Рупрехтъ просилъ помощи у Карла Смѣлаго. Карлъ вмѣшался въ распрю, но предварительно вступилъ въ переговоры съ обѣими сторонами. Онъ отправилъ въ Кельнъ одного изъ своихъ приближенныхъ, Арберга; между тѣмъ Раушенбахъ сдѣлалъ на этотъ городъ отчаянное, но неудачное нападеніе, стоившее ему жизни. Кельнъ отвергъ дружелюбныя предложенія Карла; современникъ кухонною латынью разсказываетъ намъ о причинахъ, заставившихъ гражданъ поступить такимъ образомъ: «боятся, говоритъ онъ, выстрѣловъ изъ французской пушки, называемой обманъ, стрѣляющей золотыми ядрами, уже погубившими много неприступныхъ городовъ».

Между тѣмъ произошло трирское свиданіе. Императоръ отправился изъ Трира въ Кельнъ и принялъ сторону капитула, чиновъ и новаго администратора, потому что также ненавидѣлъ брата Рупрехта, Фридриха Пфальцскаго, какъ Лудовикъ XI Карла Смѣлаго. Но пока императоръ созывалъ сеймы и объѣзжалъ свои родовыя владѣнія, Карлъ собралъ огромное войско и подступилъ въ 1474 г. къ Нуйсу. Администраторъ, успѣвшій набрать въ Гессенѣ 1000 пѣхотинцевъ и 500 кавалеристовъ, защищалъ городъ. Обѣ стороны напрягали всѣ силы, готовясь къ борьбѣ, результатъ которой, какъ часто случается и въ наше время, далеко не соотвѣтствовалъ громаднымъ приготовленіямъ, грознымъ союзамъ, а особенно жертвамъ, принесеннымъ народомъ и страной. Карлъ Смѣлый имѣлъ въ Трирѣ 8 т. пѣхоты и 4 т. кавалеріи, не считая великолѣпно одѣтыхъ тѣлохранителей; двинувшись противъ Нуйса, онъ взялъ сверхъ того всю свою колоссальную артиллерію и нанялъ еще нѣсколько тысячъ солдатъ, преимущественно итальянскихъ кондоттьери. Чтобъ расплатиться съ ними, богатѣйшій изъ европейскихъ государей долженъ былъ сдѣлать заемъ въ венеціанскомъ банкѣ. Кельнцы съ своей стороны собрали суммы, нужныя для найма солдатъ, которыхъ можно было за деньги найдти вездѣ. Такимъ образомъ администраторъ собралъ значительное войско, а городъ Кельнъ заключилъ союзъ съ его братомъ, ландграфомъ Гессенскимъ, который обязался прислать 12 т. пѣхоты и 800 всадниковъ на выручку Нуйса. Къ общему изумленію императоръ обѣщалъ лично принять начальство надъ имперскимъ войскомъ, но въ теченіе 8 мѣсяцевъ не тронулся съ мѣста. Между тѣмъ Генрихъ Гессенскій, выступившій еще въ августѣ 1474 г. на выручку брата съ 15 тысячнымъ войскомъ, долженъ былъ платить каждому кавалеристу по 8, а пѣхотинцу по 6 гульденовъ въ мѣсяцъ, такъ что вся эта исторія дорого обошлась Кельну. Имперская армія, выставленная противъ Карла Смѣлаго, простиралась отъ 50 до 80 т. человѣкъ. Но она явилась лишь черезъ годъ. Къ счастію, императоръ передалъ начальство курфирсту бранденбургскому Альбрехту Ахиллу. Иначе администратору Герману пришлось бы очень плохо, потому что трудно было разсчитывать на апатичнаго, скупаго императора и разъединенную имперію. Императоръ заключилъ договоръ съ Лудовикомъ XI, обязавшимся аттаковать герцога Бургундскаго 30 т. войскомъ; швейцарцы также обѣщали выставить войско. Но Лудовикъ не выполнилъ условія, а швейцарцы вторглись только въ сосѣднія имъ бургундскія земли, опустошили ихъ и присоединили къ Союзу нѣсколько городовъ и деревень. Въ сущности Кельну помогли не императоръ и имперія, войско которыхъ еще не существовало, когда Карлъ уже стоялъ подъ Нуйсомъ, равно какъ и не французы и швейцарцы, а ландграфы Гессенскіе Германъ и Генрихъ.

Осада Нуйса была одной изъ замыхъ замѣчательнѣйшихъ въ XV столѣтіи, такъ какъ городъ былъ превосходно укрѣпленъ. Гессенскіе ландграфы пріобрѣли безсмертную славу въ борьбѣ противъ громадныхъ полчищъ сумасброднаго герцога; для Карла же она была пагубна. Филиппъ де Коминъ и Оливье де-ла Маршъ вполнѣ согласны въ этомъ съ нѣмецкими и нидерландскими писателями. Вслѣдствіе медленнаго сбора имперскаго войска, осада длилась съ 29 іюля 1474 по 28 іюня 1475 г. Карлъ стоялъ на лѣвомъ берегу Рейна, Генрихъ Гессенскій нѣсколько выше, на правомъ. Карлъ обнаруживалъ все время необычайную дѣ-

ятельность. По увѣренію хроникъ, которое мы оставляемъ на ихъ отвѣтственности, онъ не раздѣвался ни днемъ, ни ночью. Но не смотря на всѣ его усилія, подробно описанныя Оливье де-ла Маршемъ, его блистательное войско не могло ничего сдѣлать противъ полуторы тысячи гессенцевъ, защищавшихъ Нуйсъ. Это объясняется отчасти составомъ этого войска. Тутъ были французскіе вассалы, въ высшей степени недовольные Карломъ и подговариваемые Лудовикомъ XI, не менѣе недовольные нидерландцы, насильно завербованные люттихцы и гельдернцы, наконецъ наемные англичане и итальянцы. Однако осажденные были подконецъ доведены до послѣдней крайности. У нихъ истощились всѣ запасы (весьма значительные, по свидѣтельству новѣйшаго историка Гессена Роммеля), такъ что пришлось убивать лошадей, принадлежавшихъ гарнизону и жителямъ. Напротивъ, бургундцы жили въ полномъ изобиліи; Карлъ ежедневно имѣлъ открытый роскошный столъ и угощалъ иностранныхъ пословъ. Онъ разрушилъ ядрами 17 городскихъ башень и 300 домовъ, запрудилъ одинъ рукавъ Рейна и отвелъ нѣсколько небольшихъ рѣчекъ. Наконецъ онъ уже завладѣлъ островомъ, обладаніе которымъ, повидимому, рѣшало судьбу города, когда пришло извѣстіе о приближеніи имперскаго войска. Тогда онъ рѣшился штурмовать городъ, но былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Имперское войско было наконецъ поставлено на ноги. Императоръ только въ іюлѣ 1474 г. на сеймѣ въ Аугсбургѣ утвердилъ походъ, которымъ хотѣлъ предводительствовать лично. Кельнъ и другіе города, желая задобрить императора, заплатили Аугсбургу за его содержаніе. Но это не помогло, и походъ подвигался такъ медленно, что послѣ аугсбургскаго сейма было до 30 другихъ совѣщаній, на которыхъ много строчили и пили. Фридрихъ III игралъ весьма жалкую роль въ сравненіи съ герцогомъ Бургундскимъ. На вюрцбургскомъ съѣздѣ, происходившемъ вскорѣ послѣ аугсбургскаго, рабочіе, не получивъ платы, задержали его экипажъ. Въ 1473 году, когда онъ ѣхалъ въ Триръ, въ Швебишъ-Галле ему запрягли быковъ, а въ Вейтлингенѣ подарили двухъ быковъ и 16 гульденовъ за то, что лошади его увязли въ грязи на дурной мостовой. Впрочемъ, должно быть, тутъ былъ какой-нибудь особенный случай, хотя вообще Фридрихъ, за неимѣніемъ большаго, не пренебрегалъ малымъ. Наконецъ въ маѣ 1475 г. имперское войско было готово къ походу. Имъ командовали Альбрехтъ Ахиллъ Бранденбургскій и герцогъ Альбрехтъ Саксонскій, заступавшій мѣсто своего брата, курфирста Эрнста. Между тѣмъ Карлъ потерялъ лучшую часть своего войска въ пятидесяти шести приступахъ, которые предпринималъ по своей безумной храбрости. Не смотря на это, его не могли убѣдить снять осаду, пока авангардъ имперской арміи, предводимый епископомъ мюнстерскимъ и графомъ Шварцбургомъ, не соединился съ гарнизономъ; это дало ландграфу Генриху Гессенскому возможность начать наступательныя дѣйствія. Альбрехтъ Ахиллъ требовалъ битвы, и, еслибы его послушались, то честь пораженія бургундскаго могущества, доставшаяся швейцарцамъ, принадлежала бы, безъ сомнѣнія, нѣмцамъ. Но австрійская б р а ч н а я политика (**Felix Austria, nube!**), которой держался Фридрихъ, не могла допустить этого. Политика эта всегда оставалась вѣрна своему принципу, который состоитъ въ томъ, чтобъ мутить воду и потомъ ловить въ ней рыбу. Вмѣсто того чтобъ рѣшительно дѣйствовать оружіемъ, императоръ завелъ мирные переговоры при посредничествѣ папскаго кардинала-легата, епископа фріульскаго. Со стороны герцога Бургундскаго переговоры вели епископъ утрехтскій и двое другихъ вельможъ. По просьбамъ дочери, Карлъ Смѣлый возобновилъ предложеніе о ея бракѣ съ сыномъ Фридриха Максиміліаномъ, и къ общему изумленію уже 17 іюля между ними былъ подписанъ миръ. За него пришлось поплатиться тѣмъ, которыхъ они защищали. Карлъ пожертвовалъ курфирстомъ Рупрехтомъ и согласился признать ландграфа Германа архіепископомъ и курфирстомъ Кельнскимъ. За это Фридрихъ обѣщалъ ему нейтралитетъ въ войнѣ, которую онъ намѣревался начать противъ герцога Лотарингскаго и Швейцарскаго Союза. Вѣроятно, герцогъ переговорилъ тайно съ императоромъ о бракосочетаніи Максимиліана и Маріи; однако офиціально объ этомъ не было рѣчи. Заключеніе мира позволило герцогу Бургундскому съ честью выйдти изъ войны. Онъ увелъ свои войска домой, но по безразсудству своему не замедлилъ подвергнуться еще худшей опасности, въ которой погибъ.

9. Послѣдніе годы Карла Смѣлаго.

Заключивъ миръ съ императоромъ Фридрихомъ, Карлъ Смѣлый вторгнулся въ Лотарингію. Какъ мы уже видѣли (стр. 57 и 58), Водмоны (родоначальники Гизовъ) завоевали эту страну у стараго Рене; хотя послѣ того Рене съ помощью французскаго короля Карла VII снова овладѣлъ Лотарингіею, но по особенному стеченію обстоятельствъ Водмонамъ удалось наконецъ удержать ее за собой. Рене предоставилъ герцогство Лотарингское своему сыну Іоанну, о которомъ мы упоминали подъ именемъ герцога Калабрійскаго; по смерти его, оно перешло къ его сыну, Николаю. Карлъ Смѣлый обѣщалъ этому молодому и прекрасному собой герцогу Николаю руку своей дочери и наслѣдницы Маріи. Онъ позволилъ ему даже переписываться съ ней, хотя она была еще ребенокъ. Но вступивъ въ переговоры съ императоромъ, Карлъ взялъ обратно свое обѣщаніе. Николай умеръ въ 1473 г. и притомъ столь скоропостижно, что, какъ всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ, его считали отравленнымъ и въ смерти его обвиняли Лудовика XI, которому приписывали все зло, совершавшееся тогда. Старый Рене былъ еще живъ, но по старости не могъ управлять герцогствомъ; поэтому онъ передалъ управленіе своей дочери Іолантѣ, вдовѣ Фридриха Водмона, за котораго онъ тридцать шесть лѣтъ тому назадъ отдалъ ее замужъ, чтобы освободится изъ плѣна (стр. 58). Іоланта въ свою очередь передала герцогство своему сыну, Рене II, и такимъ образомъ Лотарингія снова перешла въ родъ Водмоновъ. Это случилось во время свиданія Карла Смѣлаго съ императоромъ Фридрихомъ. Опасаясь Водмоновъ, бывшихъ по всему французами, тогда какъ онъ поддерживалъ повсюду нѣмцевъ, Карлъ приказалъ схватить и увезти молодаго герцога. Однако въ скоромъ времени онъ счелъ нужнымъ возвратить ему свободу, потому что король Лудовикъ XI въ возмездіе за это арестовалъ одного нѣмецкаго вельможу, проѣзжавшаго черезъ Францію. Но Рене за свое освобожденіе обязался заключить съ Бургундіей вѣчный миръ и союзъ на условіяхъ, ставившихъ Лотарингію въ полную зависимость отъ бургундскихъ герцоговъ. Когда въ 1474 г. императоръ началъ войну съ Карломъ Смѣлымъ, Рене отрекся отъ этого союза, сблизился съ швейцарцами, союзниками Лудовика XI и врагами Карла, и послалъ герцогу Бургундскому въ лагерь подъ Нуйсъ дерзкій вызовъ. Затѣмъ онъ вторгнулся въ Люксембургъ, между тѣмъ какъ швейцарцы заняли графство Бургундское.

Заключивъ съ императоромъ миръ, Карлъ Смѣлый выступилъ противъ герцога Лотарингскаго. Чтобъ устранить всякія препятствія, могущія помѣшать этому предпріятію, онъ заключилъ съ Лудовикомъ XI девятилѣтнее перемиріе въ Золотурнѣ. Обѣ стороны пожертвовали другъ другу своими сторонниками. Лудовикъ обязался не вступаться за герцога Лотарингкаго; за это Карлъ обѣщалъ ему не покровительствовать коннетаблю Іакову Люксанбургу графу де Сенъ-Полю, котораго король преслѣдовалъ безъ всякаго основанія, и даже выдать его, если онъ попадется въ его руки. Оба сдержали слово. Коннетабль Іаковъ Люксанбургскій (изъ того самаго дома Люксанбурговъ, который далъ нѣмецкой имперіи нѣсколькихъ императоровъ) былъ преданъ французскому королю, который умертвилъ его, о чемъ мы разскажемъ ниже. Рене также вскорѣ почувствовалъ послѣдствія договора, заключеннаго между Карломъ и Лудовикомъ. На границѣ его государства явилось сильное бургундское войско, и онъ былъ принужденъ искать посторонней помощи. Онъ лично отправился къ королю Лудовику просить его о защитѣ, но король поступилъ съ нимъ такъ низко, что этого поступка было бы достаточно для опозоренія его памяти. Впрочемъ, не смотря на свѣтлую сторону его царствованія, являющуюся въ заботливости о благѣ государства и націи, вся его дѣятельность доказываетъ, что онъ былъ жестокъ, коваренъ, безчеловѣченъ и подлъ. Онъ держалъ себя съ герцогомъ Рене такъ, какъ будто ничего не случилось, ободрялъ его и клялся, что если слова Рене справедливы, то онъ самъ пойдетъ спасать его (par la Pâque Dieu, si je croyois ce que vous me dites, j'irois en personne défendre la Lorraine). Тѣмъ не менѣе уже къ концу сентября вся Лотарингія была занята; столица ея Нанси, ея единственный укрѣпленный городъ, была осаж-

дена. Лудовикъ вдвойнѣ обманулъ своего вассала; чтобъ избавиться отъ его настояній, онъ приказалъ адмиралу, командовавшему французскими войсками, выступить въ походъ, но не переступать границъ Лотарингіи. Такъ какъ ни Лудовикъ, ни швейцарцы не дали помощи, то по упорномъ сопротивленіи Нанси долженъ былъ 30 ноября отворить ворота бургундцамъ. Карлъ немедленно созвалъ государственные чины Лотарингіи и увѣрилъ ихъ, что вовсе не думаетъ считать эту страну завоеванной и что намѣренъ даже поселиться въ Нанси; въ обезпеченіе своего обѣщанія онъ назначилъ намѣстникомъ своего двоюроднаго брата, де Біевра, мудрость, справедливость и умѣренность котораго были всѣмъ извѣстны. Такимъ образомъ Лотарингія была, повидимому, окончательно присоединена къ бургундскому государству.

Къ несчастію, Карлъ Смѣлый думалъ, что ему будетъ также легко справиться съ швейцарцами, какъ съ герцогомъ Лотарингскимъ; этимъ онъ погубилъ себя и доставилъ швейцарцамъ военную славу, которою они умѣли потомъ пользоваться. Впрочемъ Карлъ, выступая противъ швейцарцевъ, имѣлъ дѣло не только съ ними, но и съ нѣмецкими городами въ Эльзасѣ и въ Верхне-Швабскихъ провинціяхъ, заложенныхъ ему Сигизмундомъ Тирольскимъ. Поэтому мы обяснимъ отношеніе швейцарцевъ и этихъ городовъ къ Бургундіи и разскажемъ нѣкоторыя событія, о которыхъ доселѣ упоминали лишь вкратцѣ. Затѣмъ мы приступимъ къ описанію паденія бургундской монархіи.

Главною причиною неудовольствія швейцарцевъ были своевольство и грабежъ рыцарей и эльзасскаго ландфогта Петра Гагенбаха, которымъ Карлъ покровительствовалъ. Хотя съ того времени какъ Сигизмундъ заложилъ герцогу Бургундскому графство Фиртъ, Эльзасъ и Верхнюю Швабію, рыцари не смѣли грабить и притѣснять гражданъ въ свою пользу, потому что Гагенбахъ наказывалъ за это съ неумолимою строгостью; но они дѣлали тоже самое въ большихъ размѣрахъ на службѣ самого фогта. Въ то время чрезъ Швейцарію шла торговля сукномъ и шелковыми тканями, которую Франкфуртъ велъ съ Италіей; но разбои мѣшали ей, и Гагенбахъ разыгрывалъ именемъ своего государя роль намѣстника и блестящаго князя, будучи разбойникомъ и грубымъ рыцаремъ. Такъ какъ въ новѣйшее время оправдали даже знаменитыхъ фогтовъ императора Альбрехта (т. III стр. 528), то мы не будемъ утверждать, что Гагенбахъ былъ дѣйствительно такъ дуренъ, какъ говорятъ лѣтописи; вѣрно только то, что его представляютъ вторымъ Гесслеромъ. Говорятъ, что впослѣдствіи онъ сталъ притѣснять даже дворянство и лишилъ свободы городъ Мильгаузенъ, до нѣкоторой степени принадлежавшій къ Союзу (какъ и потомъ до 1798 года). Вслѣдствіе притѣсненій Карла и его фогта, Базель заключилъ тѣсный союзъ съ конфедераціею, нанялъ у нея восемсотъ человѣкъ и получилъ обѣщаніе, что, въ случаѣ надобности, швейцарцы помогутъ ему всѣми силами. Еще до нападенія Карла на Нуйсъ онъ предпринялъ походъ въ Эльзасъ; при этомъ онъ грубо и дерзко оскорблялъ не только гражданъ городовъ, заложенныхъ ему, но и депутатовъ отъ Берна, дѣлавшихъ ему представленія отъ имени Союза, и даже многочисленное нѣмецкое дворянство страны. Все это способствовало цѣлямъ хитраго Лудовика XI. Сохраняя, повидимому, съ Карломъ дружественныя отношенія, онъ опуталъ его всюду своими сѣтями, лишилъ его всѣхъ друзей во Франціи, обманулъ герцога Бретанскаго и распространилъ свои владѣнія до Руссильона; своихъ внутреннихъ враговъ онъ истребилъ посредствомъ яда и кинжала. Теперь онъ старался переманить на свою сторону швейцарцевъ и примириться съ Габсбургскимъ домомъ. Обстоятельства помогли ему: съ одной стороны, Карлъ на нѣкоторое время разошелся съ императоромъ, а съ другой, деспотизмъ Гагенбаха и гордость Карла сильно раздражили многочисленное и воинственное дворянство горной страны и городскихъ патриціевъ; поселяне и жители низменной страны, которыхъ фогтъ не тѣснилъ, были менѣе враждебны бургундскому владычеству. Народъ этотъ, подобно англичанамъ, много толковалъ о свободѣ и демократіи, но на дѣлѣ поступалъ иначе и управлялся въ самыхъ демократическихъ кантонахъ аристократически. Лудовику удалось склонить его къ союзу съ Франціей и Габсбургскимъ домомъ.

Вражда между Габсбургскимъ домомъ и Швейцаріею казалась до тѣхъ поръ непримиримою. Послѣ сраженій при Моргартенѣ, Земпахѣ и Нефельсѣ габсбурги должны были отказаться въ пользу швейцарцевъ отъ многихъ владѣній и древ-

нихъ правъ. Воспользовавшись постыднымъ образомъ корыстолюбіемъ императора Сигизмунда и негодованіемъ констанцскаго собора на тирольскаго герцога Фридриха Пустаго Кармана, они овладѣли лучшими владѣніями его дома (т. III, стр. 553). Послѣ того они сдѣлали другія пріобрѣтенія въ такъ называемыхъ цюрихской, тургауской и вальденской войнахъ. Наконецъ папа Пій-II, подъ именемъ Энея Сильвія лишившій при помощи Фридриха III нѣмецкую церковь ея правъ, помогъ имъ отнять у несчастнаго Сигизмунда Безумнаго все, что оставалось у его отца въ Швейцаріи или было пріобрѣтено на доходы съ рудниковъ, открытыхъ въ Тиролѣ. Поводъ къ тому далъ извѣстный кардиналъ Николай Кузанъ, заслуги котораго для тогдашней литературы мы оцѣнили въ другомъ мѣстѣ (т. III, стр. 672). Благодаря покровительству папы Николая V, онъ неправильнымъ образомъ сдѣлался епископомъ бриксенскимъ, и въ этомъ санѣ злоупотреблялъ своею ученостью, оспаривая у бѣднаго Сигизмунда его свѣтскія права, признаваемыя всѣми его предшественниками. Онъ возбудилъ тирольцевъ, отличавшихся фанатизмомъ, къ волненіямъ противъ своего государя, который такъ озлобился за это, что заключилъ упрямаго кардинала-епископа въ бургундскую цитадель. Тогда Пій II отлучилъ эрцгерцога Сигизмунда отъ церкви (августъ 1460 года). Сперва отлученіе оставалось безъ дѣйствія; но когда Пій послѣдовалъ примѣру констанцскаго собора и заранѣе подарилъ швейцарцамъ все, что они могли отнять у герцога Тирольскаго, они взялись за оружіе. Чтобъ узаконить незаконное пріобрѣтеніе, они воспользовались папскою буллою, какъ прежде дипломомъ императора. Они овладѣли Рапперсвилемъ; Унтервальденъ, Цугъ, Люцернъ и Шафгаузенъ окончательно отложились отъ Габсбургскаго дома; Тургау не получилъ даже правъ свободнаго кантона, но былъ обращенъ въ провинцію Союза. Пятнадцатилѣтнее перемиріе, заключенное въ іюнѣ 1416 г., утвердило за швейцарцами все, захваченное ими.

Все это было забыто, когда Карлъ Смѣлый началъ угрожать въ одно и то же время императору и швейцарцамъ, и обѣ стороны искали дружбы Лудовика XI. Королю удалось заключить между Сигизмундомъ и конфедераціею, такъ называемое, вѣчное соглашеніе; въ апрѣлѣ 1474 г. договоръ этотъ былъ обсужденъ въ Констанцѣ и въ іюнѣ подписанъ въ Санли, причемъ Лудовикъ сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія. Договоръ долженъ былъ возобновляться каждыя десять лѣтъ; за Союзомъ утверждалось все, пріобрѣтенное имъ, и сверхъ того постановлялось слѣдующее: «Во всѣхъ другихъ земляхъ и въ неприсоединенныхъ къ Союзу заложенныхъ областяхъ государь удерживаетъ всѣ свои верховныя и ленныя права. Епископства и нѣмецкіе города Констанцъ и Базель независимы и пользуются правами войны и мира, суда и рѣшенія государственныхъ вопросовъ. Ни одинъ изъ членовъ Союза не долженъ давать непріятелямъ другаго ни содѣйствія, ни свободнаго пропуска. Торговля и обмѣнъ свободны, и пошлины не должны быть возвышаемы». Въ трактатѣ прямо сказано, что послѣднее касается Шварцвальда и лѣсныхъ городовъ: Лауфенбурга, Вальдсгута, Зеккингена и Гейнфельдена. Нѣмецкіе города, отъ Базеля до Страсбурга, вошедшіе за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ составъ швейцарскаго союза, заключили между собою, по совѣту французскаго короля, такое же соглашеніе, и съ этихъ поръ назывались городами нижняго союза. Они обязались выплатить Карлу деньги, за которыя Сигизмундъ заложилъ ему графство Фиртъ и города, страдавшіе отъ тираніи Гагенбаха. Деньги эти были собраны въ скоромъ времени, такъ какъ одинъ Страсбургъ внесъ половину всей суммы, которая была отослана въ Базель. Сигизмундъ прибылъ изъ Тироля въ Цюрихъ и отправилъ посольство къ Карлу Смѣлому въ лагерь подъ Нуйсъ, предлагая ему получить обратно деньги и очистить заложенныя мѣста. Карлъ отвѣчалъ на это, что онъ не домогался залога городовъ и земель, но что Сигизмундъ самъ довѣрилъ ихъ ему на время, не имѣя возможности защищать ихъ противъ швейцарцевъ; что залогъ сдѣланъ незаконнымъ образомъ и не былъ объявленъ въ Безансонѣ; и что въ случаѣ насильственныхъ мѣръ со стороны Сигизмунда ему придется имѣть дѣло съ нимъ, а не съ швейцарцами, что гораздо опаснѣе. На основаніи этого, онъ оставляетъ заложенные города за собою, пока война не рѣшитъ споръ.

Прежде чѣмъ составились противъ Карла Смѣлаго всѣ эти союзы и договоры, Людовикъ въ январѣ 1474 года заключилъ особенный трактатъ съ швейцарцами. Поэтому онъ уже съ января могъ запутать Карла въ сѣти своей ко-

варной политики и обманывать нѣмецкаго императора, не подвергая себя ни малѣйшей опасности. Договоръ его съ конфедерацiей или, такъ называемый, вѣчный союзъ былъ заключенъ отъ имени всѣхъ восьми кантоновъ, входившихъ тогда въ составъ союза, посланникомъ Берна, Никласомъ фонъ Дисбахомъ. Этотъ замѣчательный договоръ, служившiй до самой французской революцiи основанiемъ всѣхъ трактатовъ, заключавшихся между Францiею и Швейцарiею, обезпечивалъ королю Лудовику и его наслѣдникамъ, не имѣвшимъ постояннаго войска, готовую вооруженную армiю; съ другой же стороны онъ представлялъ швейцарцамъ, называвшимъ себя бѣднымъ людомъ, субсидiи, ихъ пролетарiямъ выгодную военную службу, а патрицiямъ — офицерскiя мѣста и пенсiи. Король Лудовикъ обязался ежегодно платить швейцарцамъ по 20,000 франковъ (каждый тогдашнiй франкъ по нынѣшнему курсу стоилъ три франка и сорокъ сантимовъ); уплата денегъ должна была производиться черезъ каждые три мѣсяца. Въ договорѣ сказано, что платежъ этотъ дѣлается изъ милости (par charité), за что швейцарцы должны выставлять, по востребованiю, столько вооруженныхъ солдатъ, сколько сочтутъ пристойнымъ (qu' il leur semblera honnête). Всякiй солдатъ долженъ получать мѣсячное жалованье по $5^1/_2$ рейнскихъ гульденовъ. Требуя солдатъ, король долженъ уплатить за мѣсяцъ впередъ и внести эти деньги Берну, Цюриху или Луцерну; впослѣдствiи же платежъ долженъ совершаться въ Женевѣ. Если же Союзъ потребуетъ королевской помощи противъ герцога Бургундскаго, то король, кромѣ ежегодной платы 20,000 франковъ, обязанъ выдавать имъ въ Лiонѣ черезъ каждые три мѣсяца по 20,000 субсидiй, если только ему не помѣшаетъ война. Наконецъ швейцарцы обязались не заключать безъ согласiя Лудовика ни перемирiя, ни мира, равно какъ и король долженъ включать ихъ во всякiй договоръ. Съ этихъ поръ Францiя платила Союзу подъ благовиднымъ названiемъ ежегодную дань; европейскiя государства наперерывъ заманивали къ себѣ на службу храбрыхъ, но алчныхъ швейцарцевъ. Такимъ образомъ война была выгоднѣйшимъ ремесломъ для патрицiевъ и плебеевъ Швейцарiи, пока пѣхота рѣшала участь сраженiй и пока швейцарская инфантерiя считалась лучшею.

По заключенiи договора кантоны и города стали отважнѣе. Бернъ особенно гласно и смѣло возставалъ противъ намѣстника Гагенбаха, тогда какъ прочiе принимали еще бургундскихъ пословъ покорно и униженно. Гагенбахъ открыто выражалъ презрѣнiе къ гражданамъ и называлъ свободныхъ бернцевъ крѣпостными (Ha! ha! сказалъ онъ, êtes-vous ici par l'encontre de Monsieur de Bourgogne? Par la char Dieu, vilains, vous passerez par là). Ненависть къ нему возрастала вслѣдствiе такой дерзкой тиранiи. Онъ старался обезпечить себя противъ союза швейцарцевъ съ нѣмецкими городами жестокимъ преслѣдованiемъ политическихъ движенiй въ Эльзасѣ и занятiемъ всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Онъ свирѣпствовалъ сперва въ Таннѣ, гдѣ произвелъ много казней, приказалъ укрѣпить этотъ городъ и занялъ Брейзахъ отрядомъ въ 800 ломбардцевъ. Такимъ же образомъ хотѣлъ онъ поступить съ Энзисгеймомъ; но тутъ долго сдерживаемая гроза наконецъ разразилась. Агенты, подосланные эрцгерцогомъ Сигизмундомъ, возбудили всеобщее возстанiе въ окрестностяхъ этого заложеннаго австрiйскаго города и въ Брейзахѣ; ломбардцы, расположенные въ Брейзахѣ по домамъ, были окружены, и самъ Гагенбахъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ городскую тюрьму. Преданный своими наемниками, которымъ былъ данъ за это свободный пропускъ, ландфогтъ попалъ въ руки озлобленныхъ противъ него нѣмцевъ и швейцарцевъ. Сигизмундъ прибылъ въ Базель и приказалъ Гагенбаху отдать отчетъ въ своихъ поступкахъ передъ земскимъ судомъ. Но то была пустая формальность: ландфогтъ долженъ былъ пасть жертвою революцiоннаго настроенiя народа. Несчастнаго продержали четыре недѣли въ тяжкомъ заключенiи въ Брейзахѣ. Затѣмъ совѣтники Сигизмунда созвали въ этотъ городъ всѣхъ его враговъ, особенно жестокихъ и непримиримыхъ швейцарцевъ, и составили изъ нихъ судилище, названное ими земскимъ судомъ. Iоганнъ фонъ Мюллеръ, панегиристъ швейцарскихъ патрицiевъ, утверждаетъ, что въ теченiе нѣсколькихъ дней, по приглашенiю, сдѣланному отъ имени Сигизмунда, въ Брейзахъ стеклись депутаты отъ всѣхъ значительныхъ общинъ, отъ Зундгау и Брейзгау, отъ городовъ Верхняго-Эльзаса, отъ Золотурна, Базеля, Берна и Луцерна. Ихъ сопровождало множество народа, привлекаемаго ненавистью и любопытствомъ. Судъ

производился на публичной площади, подъ предсѣдательствомъ ландфогта эптингенскаго и головы города Энзисгейма, съ которымъ Гагенбахъ поступилъ такъ жестоко. Двадцать четыре судьи, въ томъ числѣ шестнадцать рыцарей, выслушали обвиненіе и защиту, соблюли всѣ формальности и обычаи суда, позволили тремъ адвокатамъ защищать обвиненнаго, хотя уже давно рѣшились осудить своего врага. Приговоръ былъ произнесенъ въ тотъ же вечеръ, и намѣстникъ могущественнѣйшаго и богатѣйшаго государя тогдашнихъ странъ, отъ границы Савойи до Сѣвернаго моря, былъ публично обезглавленъ въ Брейзахѣ.

Герцогъ Бургундскій пришелъ въ страшную ярость, которая побудила его предпринять немедленно безумный походъ противъ Швейцаріи, не могшей принести ему никакой выгоды даже при самомъ счастливомъ исходѣ. Армія его была велика, но негодна, потому что не была пріучена къ правильнымъ стратегическимъ и тактическимъ маневрамъ и не имѣла предводителя, способнаго руководить большими массами. Поэтому Лудовикъ XI пришелъ въ неописанную радость, когда Карлъ началъ войну съ Швейцаріей. Въ прошедшемъ году онъ овладѣлъ землями умерщвленнаго герцога Алансонскаго, графствомъ Арманьякъ, Руссильономъ и владѣніями казненнаго коннетабля Сенъ-Поля. Теперь онъ надѣялся, что Карлъ и швейцарцы истребятъ другъ друга, а добыча достанется ему. Швейцарцы, разумѣется, потребовали отъ него выполненія обязательствъ, недавно принятыхъ при заключеніи вѣчнаго союза. Но Лудовикъ никогда не затруднялся находить уловки и не постыдился прибѣгнуть къ самымъ жалкимъ изворотамъ. Онъ отвѣчалъ швейцарцамъ, что охотно поможетъ имъ, но предварительно долженъ справиться у духовенства, не будетъ ли грѣхомъ передъ Богомъ помогать врагамъ герцога при существованіи перемирія между Франціей и Бургундіей. Отвѣтъ казуистовъ походилъ на изреченія оракуловъ: онъ былъ придуманъ заранѣе и давалъ королю предлогъ не выполнять обязательствъ. Духовенство отвѣчало, что по причинѣ недавняго перемирія королю не слѣдовало бы воевать съ герцогомъ; но что онъ имѣетъ полное право объявить врагамъ Карла, что не будетъ препятствовать ихъ нападенію на него, такъ какъ герцогъ во многомъ виноватъ передъ нимъ.

Теперь мы перейдемъ къ описанію погибели могущественнѣйшаго и богатѣйшаго европейскаго государства, паденіе котораго измѣнило всѣ отношенія юго-западной Европы. Но предварительно считаемъ нужнымъ бросить взглядъ на армію Карла Смѣлаго. Мы увидимъ, что Лудовику XI не было надобности подвергать себя опасности, чтобъ препятствовать завоевательнымъ стремленіямъ сумасброднаго герцога. Человѣкъ, даже менѣе хитрый и опытный, чѣмъ Лудовикъ, могъ бы видѣть, что Карла ожидаетъ гибель, прежде чѣмъ онъ успѣетъ достигнуть цѣли. Бургундская армія была феодальнымъ войскомъ и совершенно отличалась отъ закаленныхъ въ безпрерывныхъ войнахъ ополченій кантоновъ и нѣмецкихъ городовъ и союзнаго съ ними рыцарства. Противники Карла имѣли милицію, которая служила во всѣхъ войнахъ и привыкла къ бою и дисциплинѣ; между тѣмъ Карлъ каждый разъ набиралъ новыя войска, которыя нужно было еще обучать строю. По феодальнымъ законамъ онъ долженъ былъ распустить армію послѣ похода подъ Нуйсъ; вслѣдъ за этимъ онъ собралъ новую армію для военныхъ дѣйствій въ Лотарингіи, но и она была распущена, такъ что, рѣшившись напасть на швейцарцевъ, онъ долженъ былъ навербовать третью армію. Войска его состояли изъ всѣхъ народовъ, всѣхъ родовъ оружія. Не смотря на ихъ хвастливость и роскошь, они уступали въ кельнской войнѣ гессенцамъ, гражданамъ Нуйса, кельнцамъ и боннцамъ. При самомъ началѣ войны всѣ благоразумные люди того времени, какъ Лудовикъ XI, Эдуардъ IV Англійскій и Филлипъ Коминъ, предсказывали неудачу Карла, если онъ осмѣлится напасть на ополченія цѣлаго народа со своею разнокалиберною и неопытною арміею; ясно было, что онъ обогатитъ своихъ бѣдныхъ непріятелей, если по глупой пышности возьметъ съ собой въ походъ свои сокровища. Въ его арміи служили, кромѣ его нидерландскихъ, фламандскихъ, валлонскихъ и французскихъ подданныхъ, ломбардцы, англичане и пикардійцы. Первые по крайней мѣрѣ не враждовали между собою, хотя за то не понимали другъ друга; но прочіе, служившіе за жалованье и изъ-за добычи, были ненавистны всему свѣту, особенно ломбардцы. Одна бельгійская хроника приписываетъ имъ такія преступленія, во время пребыванія ихъ

подъ Нуйсомъ, что мы не можемъ даже повторить этого. Плѣнные пикардійцы настоятельно просили, чтобы ихъ не запирали вмѣстѣ съ этими злодѣями. Ненавистные ломбардцы были брошены въ такую глубокую тюрьму, что нужно было спускать ихъ по веревкѣ. Предводители ломбардцевъ, по словамъ бельгійской лѣтописи, были ненавидимы и друзьями и врагами (amicis et inimicis detestandi), и каждый предостерегалъ герцога противъ нихъ. Однако, не смотря на это, они пользовались его полною довѣренностью. Сперва онъ принялъ на свою службу отряды, приведенные во Францію Рене, а потомъ при посредничествѣ двухъ неаполитанцевъ, Якова Галіота и графа Кампобассо, навербовалъ въ Италіи новыхъ бандитовъ. Изъ нихъ первый, кажется, оставался постоянно вѣрнымъ Карлу, но Кампобассо былъ предатель. Передъ походомъ изъ Лотарингіи въ Верхнюю Бургундію, Карлъ поручилъ ему навербовать нѣсколько новыхъ отрядовъ кондотьери и для этой цѣли далъ 40,000 дукатовъ. Но на пути въ Италію Кампобассо, по словамъ Комина, предложилъ Лудовику XI, чрезъ его намѣстника въ Ліонѣ и чрезъ французскаго посланника въ Піемонтѣ, предать герцога Бургундскаго въ руки короля. По возвращеніи онъ, говорятъ, снова указывалъ королю средства схватить или убить герцога, который часто ѣздилъ безъ конвоя. Коминъ разсказываетъ даже, что Кампобассо предлагалъ королю покинуть герцога на полѣ битвы, если французы нападутъ на него. По словамъ лѣтописца, Лудовикъ поступилъ въ этомъ случаѣ великодушно; Коминъ утверждаетъ, что король предостерегалъ герцога, но Карлъ не обратилъ вниманія на это, полагая, на основаніи извѣстнаго коварства короля, что онъ хочетъ возбудить въ немъ недовѣріе къ своимъ военачальникамъ. Впрочемъ все это не ясно, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что Лудовикъ нѣсколько разъ предлагалъ графу Кампобассо покинуть герцога. Но Коминъ говоритъ, что король и не думалъ объ убійствѣ или предательствѣ, а желалъ только, чтобы графъ открыто перешелъ къ нему на службу. Впрочемъ солдаты или, вѣрнѣе, наемники, которыхъ Кампобассо и ему подобные вербовали для герцога Бургундскаго, представляли странную смѣсь людей. Это видно уже изъ того, что бельгійская хроника въ числѣ бургундскихъ плѣнныхъ, взятыхъ подъ Нуйсомъ, упоминаетъ объ одномъ рословъ маврѣ, съ которымъ гессенцы обращались съ особеннымъ уваженіемъ.

Армія, которую въ январѣ 1476 г. Карлъ двинулъ противъ швейцарцевъ, состояла, по словамъ Іоанна фонъ-Мюллера, изъ 30,000 чел., но она значительно возрасла на походѣ чрезъ верхнія провинціи и Юрскія тѣснины, въ особенности въ фрейграфствѣ Бургундскомъ. 22-го января, когда армія расположилась подъ Безансономъ, къ ней присоединился съ 15,000 отрядомъ сынъ неаполитанскаго короля Фердинанда, Фридрихъ Тарентскій, котораго Карлъ привлекъ на свою сторону надеждой женитьбы на наслѣдницѣ Бургундіи. Однако мы не можемъ довѣрять вполнѣ никакимъ цифрамъ. Историки называютъ войско Карла отборнымъ; но это только могло казаться по наружному его виду и рыцарской пышности. Въ сраженіи отряды перепутывались, а офицеры даже не понимали другъ друга. Къ тому же пресловутая бургундская артиллерія была несообразно тяжела, безпомощна и неудобна для передвиженія въ гористой мѣстности. Армію обременялъ громадный обозъ съ пажами, слугами и другими ненужными людьми; о громадности его можно судить по двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, армію сопровождали 2,000 публичныхъ женщинъ, бывшихъ при ней, по бельгійской хроникѣ, подъ Нуйсомъ, и во-вторыхъ, въ Швейцаріи герцога окружала такая же роскошь, какъ и подъ Нуйсомъ. Чтобы пощеголять передъ иностранными посланниками, Карлъ взялъ въ походъ всѣ драгоцѣнности своего двора, всю серебряную посуду и всѣ рѣдкости своихъ сокровищъ; онъ и не воображалъ, что это послужитъ только къ тому, чтобы сокровищами его обогатить швейцарцевъ *).

По умерщвленіи Гагенбаха нѣмецкіе города Эльзаса и верхняго Рейна от-

*) Son artillerie, говоритъ Коминъ, estoit très-grande et bonne, et estoit (герцогъ) en grande pompe en cet ost, pour se montrer à ces ambassadeurs, qui venoient d'Italie et d'Allemagne, et avoit toutes ses meilleures bagues et de sa vaisselle et larvement autres paremens; et avoit de grosses fantasies en sa teste.

ложились отъ Карла, а бернцы послали въ лагерь подъ Нуйсъ герольда, объявить герцогу войну. Затѣмъ швейцарцы разграбили владѣнія бургундскихъ вассаловъ и графство Фиртъ. Изъ этихъ вассаловъ самыми могущественными были графъ Ромонъ, которому принадлежала большая часть Ваадта и городъ Иверденъ на Невшательскомъ озерѣ, и сынъ принца Оранскаго, Людовикъ Шалонскій или, какъ его обыкновенно называли, сеньоръ де Шато-Гюйонъ. Пока Карлъ стоялъ передъ Нуйсомъ и воевалъ въ Лотарингіи, швейцарцы и союзные съ ними нѣмцы успѣли занять большую часть Ваадта и завоевать города, лежавшіе на востокъ отъ Юры. Однако бернцы оставили гарнизоны только въ Грансонѣ и Иверденѣ. Когда Карлъ двинулся наконецъ въ Швейцарію, союзники вооружили противъ него всѣ свои силы. Они имѣли передъ непріятелемъ троякое преимущество: въ томъ, что дрались за свободу, родину и семейства; что были опытны въ военномъ дѣлѣ, потому что служили прежде по найму, и что могли быстро соединять свои силы, такъ какъ находились вблизи отъ театра войны. Однако, они не успѣли занять горные проходы, и графъ Ромонъ, котораго Карлъ между тѣмъ назначилъ маршаломъ Бургундіи, выгналъ съ помощью своихъ подданныхъ бернскія войска изъ занятыхъ ими пунктовъ.

Весь Ваадтъ былъ уже занятъ итальянцами и бургундцами Карла, когда въ началѣ марта 1476 г. онъ расположился съ своею арміею на высотахъ Грансона; городъ, защищаемый 800 бернцевъ, былъ взятъ приступомъ, а цитадель — хитростью. Швейцарская армія собралась неподалеку отъ Грансона. Всѣ, съ кѣмъ Карлъ совѣтовался, отговаривали его нападать на нее. Ему говорили, что швейцарцы слишкомъ бѣдны, чтобы имѣть возможность долго оставаться въ полѣ; вслѣдствіе чего они должны будутъ аттаковать его, причемъ всѣ невыгоды будутъ на ихъ сторонѣ, такъ какъ войска его съ одной стороны прикрыты Невшательскимъ озеромъ, а съ другой — своею артиллеріею (— — — clos de son artillerie et partie d'un lac, et n'y avait nulle apparence, qu'ils lui eussent sçeu porter dommage). Гордость не позволила ему послѣдовать этому совѣту; онъ рѣшился дѣйствовать наступательно. 3 марта 1476 г. при Грансонѣ произошло первое сраженіе съ швейцарцами. Исходъ битвы былъ несчастливъ для Карла, хотя скорѣе комиченъ, чѣмъ трагиченъ, потому что Карлъ потерялъ лишь нѣсколько человѣкъ; но армія его такъ осрамила и его и себя, что впослѣдствіи всѣ сочли безуміемъ съ его стороны выводить ее противъ швейцарцевъ. Швейцарцы, которыхъ Коминъ справедливо называетъ нѣмцами (les Allemans, дѣйствительно аллеманы), были втрое малочисленнѣе бургундцевъ, но за то далеко превосходили ихъ по качеству.

Мы разскажемъ словами Комина о началѣ и концѣ сраженія. Карлъ послалъ сто стрѣлковъ подъ командою Георга Розенбо сеньора Филоме, кандидата въ рыцари, приказавъ ему занять одинъ изъ горныхъ проходовъ. Они встрѣтились съ швейцарцами, двинувшимися противъ нихъ, между тѣмъ какъ главная масса бургундской арміи еще находилась въ долинѣ. Карлъ поспѣшилъ съ отрядомъ войска на помощь къ Розенбо; но первые ряды этого отряда пытались возвратиться къ остальной арміи. Это произвело въ бургундскомъ войскѣ всеобщее замѣшательство. Войска, слѣдовавшія сзади съ обозомъ (les menues gens), подумали, что авангардъ обратился въ бѣгство, и побѣжали; за ними и вся армія показала тылъ (faisans aucuns, прибавляетъ Коминъ, très bien leur devoir). Наконецъ (fin de compte) достигнувъ своего лагеря, бургундскія войска даже и не подумали о сопротивленіи, но прямо обратились въ бѣгство. Нѣмцы овладѣли не только лагеремъ герцога, но и его артиллеріею; они взяли огромную палатку герцога, многочисленныя палатки его свиты и безконечное множество другой добычи. Бургундцы спасли только свои собственныя особы. Всѣ главныя драгоцѣнности (bagues) герцога попали въ руки швейцарцевъ, не знавшихъ цѣны ни жемчугу, ни брилліантамъ; однако на этотъ разъ Карлъ потерялъ всего семь человѣкъ убитыми. Что касается до драгоцѣнностей, забранныхъ швейцарцами, то объ этомъ такъ подробно и обстоятельно разсказалъ І. фонъ Мюллеръ, что намъ оставалось бы только сослаться на него, еслибъ мы считали нужнымъ говорить объ этомъ во Всемірной Исторіи. Но мы предпочитаемъ слѣдовать за герцогомъ въ его дальнѣйшихъ сумасбродствахъ.

Послѣ сраженія при Грансонѣ, старый Рене и герцогъ Галеаццо-Марія Ми-

ланскій, съ которыми Карлъ Смѣлый только что вступилъ въ союзъ, и герцогиня Савойская покинули Карла и перешли на сторону Лудовика XI. Король между тѣмъ постоянно отсрочивалъ срокъ окончанія перемирія съ Карломъ; по словамъ Комина, онъ очень обрадовался пораженію герцога (en eut trés grande joye, et ne lui déplaisoit que du petit nombre de gens qui avoient esté perdus). Но швейцарцы, говоритъ Коминъ, послѣ грансонскаго сраженія получили значеніе, тогда какъ прежде на нихъ не обращали вниманія *). Они были такъ благоразумны, что не пустились преслѣдовать бургундцевъ. Они заняли проходы, ведущіе въ Бургундію, за исключеніемъ ваадтскихъ. Поэтому Карлъ отступилъ въ Ваадтъ, чтобы оттуда черезъ Лозанну снова обратиться противъ Берна; онъ довольно долго простоялъ лагеремъ у Лозанны. Между тѣмъ старый Рене обратился къ Лудовику и завелъ съ нимъ переговоры, поведшіе впослѣдствіи къ присоединенію Прованса къ Франціи. Рене, сохранявшій еще тѣнь власти въ Провансѣ, увлекся чудесными планами завоеванія Италіи, изобрѣтенными Карломъ, и обѣщалъ уступить ему Провансъ. Поэтому послѣ сраженія при Грансонѣ Лудовикъ началъ черезъ парламентъ процессъ противъ Рене, который былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ и приговоренъ къ страшнымъ наказаніямъ. Французскій король, разумѣется, не смотрѣлъ на это дѣло серьезно и хотѣлъ только застращать старика, чтобы завладѣлъ Провансомъ. Дѣйствительно, онъ успѣлъ склонить Рене согласиться на то, чтобы дочь его, Маргарита, содержавшаяся въ Англіи плѣнницей, уступила свои права на Провансъ племяннику своего отца, Карлу Менскому, не имѣвшему дѣтей. По смерти его въ 1481 г. Провансъ перешелъ по завѣщанію къ французскому королю. За это Лудовикъ долженъ былъ заплатить довольно значительную сумму за освобожденіе Маргариты и возвратить ея отцу конфискованныя у него герцогство Баръ и владѣнія въ Шампани. Внукъ Рене, Рене II Лотарингскій, былъ также призванъ къ Лудовику, который прибылъ въ Ліонъ, чтобъ быть ближе къ театру войны. Лудовикъ велъ себя съ герцогомъ Лотарингскимъ не только осторожно, но коварно и робко. Хитрый король, любившій дѣйствовать навѣрняка и ничѣмъ не рисковать, считалъ Карла, несмотря на грансонское пораженіе, опаснымъ для себя и не желалъ навлекать на себя его вражду. Онъ опасался открыто помогать покинутому герцогу Лотарингскому и потому не хотѣлъ не только заключать съ нимъ союза, но даже платить субсидій или ссудить войска. Когда герцогъ проѣзжалъ изъ Ліона черезъ Страсбургъ къ союзной арміи, Лудовикъ далъ ему денегъ, но тайно и подъ проценты. Онъ велѣлъ проводить его до Страсбурга отряду французской конницы, приказавъ этому конвою не останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ могъ встрѣтить бургундцевъ. Въ этомъ отрядѣ находилось нѣсколько весьма значительныхъ господъ съ ихъ вассалами. Въ числѣ другихъ нѣмецкихъ владѣтелей, находившихся при Рене въ Страсбургѣ, упоминаютъ о графахъ Нассаускомъ, фонъ Бичѣ, фонъ Фенестреллесѣ и фонъ Рихебургѣ. Швейцарцы приняли герцога Лотарингскаго съ такими почестями, какъ будто онъ былъ ихъ предводителемъ.

Армія Карла въ скоромъ времени такъ возрасла, что онъ счелъ возможнымъ снова аттаковать швейцарцевъ. Онъ выступилъ изъ Лозанны и двинулся черезъ Петерлингенъ къ Муртену; Гадріанъ фонъ Бубенбергъ рѣшился защищать этотъ городъ до тѣхъ поръ, пока не подоспѣетъ союзная армія, бывшая уже на походѣ. Съ двумя тысячами человѣкъ Бубенбергъ защищалъ Муртенъ сорокъ дней противъ всего бургундскаго войска съ такимъ же мужествомъ, съ какимъ Германъ Гессенскій оборонялъ Нуйсъ. Карлъ же, стоя подъ Муртеномъ, важничалъ, точно какой нибудь Ксерксъ, и велѣлъ воздвигнуть великолѣпно убранный походный дворецъ, который сооружался подъ Нуйсомъ, при Грансонѣ и вездѣ, гдѣ онъ останавливался. Нѣкоторые кантоны замѣшкались и долго не присылали своихъ контингентовъ. Наконецъ 21 іюня явились тридцать тысячъ пѣхоты и

*) Pour lors les Suisses n'estoient point estimés comme ils sont pour cette heure; et n'estoit rien plus pauvre et ay oui dire à un chevalier de leurs, qui avait esté des premiers ambassadeurs qu'ils avoient envoyé devers le dit duc, qu'il avoit dit en faisant leurs remonstrances pour le démouvoir de cette guerre, que contre eux ne pouvait rien gagner; car leur pays estoit trés stérile et pauvre, et qu'ils n'avoient nuls bons prisonniers.

четыре тысячи кавалеріи, и уже на слѣдующій день произошло рѣшительное сраженіе при Муртенѣ. Говорятъ, что войско Карла было втрое многочисленнѣе швейцарскаго. Но армія, которую онъ собиралъ съ марта по іюнь при Лозаннѣ, была еще разнокалибернѣе, чѣмъ та, которая бѣжала при Грансонѣ; въ ней было еще болѣе итальянцевъ и всякаго сброда, вслѣдствіе чего она никакимъ образомъ не могла побѣдить швейцарцевъ, изъ которыхъ каждый зналъ своего товарища и сражался за свое добро и честь и за славу своего кантона. На этотъ разъ наступленіе велось швейцарцами; но надменность и безразсудная смѣлость увлекли Карла, который пренебрегъ выгодами своей позиціи; онъ выступилъ противъ непріятеля, вмѣсто того чтобы выждать его нападенія. Онъ былъ разбитъ, и это пораженіе было пагубнѣе для его арміи, чѣмъ сраженіе при Грансонѣ. Потерю бургундцевъ считаютъ въ 16—18 т. человѣкъ, что вѣроятно преувеличено, и другіе болѣе правдоподобно полагаютъ ее въ 8 тысячъ. Рыцарство Карла лишилось представителей своихъ знатнѣйшихъ родовъ. Самъ герцогъ бѣжалъ съ поля битвы съ 3 тысячами человѣкъ. Впрочемъ войска его вначалѣ сражались мужественно; въ особенности отличались англичане и ихъ начальникъ Соммерсетъ, а также отборный отрядъ бургундцевъ, великолѣпно одѣтый и называвшійся гвардіею герцога. Со стороны непріятелей храбро дрался Рене II герцогъ Лотарингскій; послѣ сраженія онъ провелъ ночь въ походномъ дворцѣ Карла. По окончаніи битвы, двѣнадцать тысячъ швейцарцевъ направились въ Ваадтъ; они имѣли въ виду покорить жителей Ваадта патриціямъ Берна; объ освобожденіи же ихъ изъ-подъ власти Ромона и о принятіи ихъ въ Союзъ они и не помышляли. Затѣмъ нѣсколько тысячъ побѣдоносныхъ швейцарцевъ и нѣмцевъ изъ городовъ отъ Страсбурга до Базеля и Шафгаузена выступили для изгнанія бургундцевъ изъ владѣній герцога Лотарингскаго, который самъ стоялъ во главѣ этого войска.

Король Лудовикъ XI съумѣлъ извлечь выгоду изъ пораженія Карла Смѣлаго. Со времени перемирія, заключеннаго съ Франціею, Карлъ занимался тѣмъ, что строилъ воздушные замки и гонялся за вздорными планами, вслѣдствіе чего возбуждалъ противъ себя ненависть, мучилъ своихъ подданныхъ военною службою и притѣснялъ слабыхъ сосѣдей. Тѣмъ временемъ Лудовикъ подражалъ образу жизни, манерамъ и понятіямъ буржуазіи, жилъ бережливо, поплебейски съ мѣщанами и крестьянами, поступая съ высшею аристократіей коварно и вѣроломно. Мы уже говорили (ст. 99) о томъ, что мало-по-малу онъ подчинилъ всѣхъ независимыхъ владѣтелей своего государства, кромѣ герцога Бретанскаго, и распространилъ свою власть до Перпиньяна и Тулона; при этомъ онъ часто поступалъ жестоко и безсовѣстно, но его образъ дѣйствій былъ выгоденъ для государства и для французской націи. Что касается до его отношеній къ Карлу, то онъ осторожно устранялъ все, могущее подать поводъ къ разрыву съ Бургундіею. Но въ то же время онъ возстановлялъ противъ герцога Люттихъ, Кёльнъ, императора и имперію, Сигизмунда Тирольскаго и его зундгаусцевъ, брейзгаусцевъ и эльзасцевъ. Всѣ эти интриги стоили ему очень дорого. Подарками и договорами онъ ободрялъ швейцарскій Союзъ, но не сдѣлалъ для него ничего, что могло бы оскорбить бургундцевъ, пока счастье не покинуло послѣднихъ. Онъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе лишь послѣ побѣды швейцарцевъ при Муртенѣ, но былъ остороженъ изъ боязни, чтобы Карлъ Смѣлый не покинулъ пути, по которому шелъ къ погибели. Въ теченіе всей своей жизни онъ поддерживалъ народъ, угнетаемый духовенствомъ и дворянствомъ, противъ своеволія аристократіи, захватившей въ средніе вѣка королевскія права въ свои руки. Передъ отъѣздомъ изъ Ліона, гдѣ онъ жилъ во время войны между Карломъ и швейцарцами, онъ защитилъ народъ отъ притязаній римскаго престола. Кардиналъ делла-Ровере (Cardinalis S. Petri a Vinculis), посланный дядею своимъ, папою Сикстомъ IV, въ качествѣ легата въ Авиньонъ, вздумалъ заявить папскія права въ архіепископствѣ ліонскомъ и вмѣшаться, именемъ папы, въ дѣла французской церкви. Лудовикъ не хотѣлъ допустить этого. Сперва по обыкновенію онъ дѣйствовалъ кротко и мягко, но потомъ энергически и доказалъ изумленному міру, что, несмотря на повсемѣстно распространенное суевѣріе, свѣтскій правитель можетъ справиться съ самимъ папою, ежели будетъ дѣйствовать послѣдовательно. Сперва Лудовикъ назначилъ коммисію, которая должна была разсматривать всѣ буллы и посланія, издаваемыя

отъ имени папы и выключать изъ нихъ все, противное правамъ галликанской церкви. Когда же кардиналъ, поддерживаемый папою, не прекратилъ своихъ притязаній, король потребовалъ, чтобы папа повиновался постановленію констанцскаго собора, по которому въ извѣстные сроки должны были созываться соборы (т. III, стр. 560). Къ этому онъ присоединилъ угрозу, что созоветъ національный соборъ, если папа не захочетъ исполнить это постановленіе. Однако римскій дворъ не уступалъ, и король велѣлъ обнародовать пригласительныя на соборъ посланія (lettres patentes). Сверхъ того онъ запретилъ своимъ подданнымъ, въ особенности нищенствующимъ монахамъ, т. е. солдатамъ папской арміи, оставлять государство безъ его позволенія. Впрочемъ все это не скоро бы привело къ окончанію дѣла. Поэтому король прибѣгнулъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ: онъ приказалъ адмиралу Лудовику Бурбонскому, командовавшему его южною арміею, вступить въ папское графство Венессенъ. Это помогло; кардиналъ немѣдленно смирился и даже предложилъ королю свои услуги, чтобъ склонить папу помочь стремленію Лудовика къ абсолютизму. Онъ такъ понравился королю своимъ совѣтомъ, что Лудовикъ назначилъ его своимъ уполномоченнымъ въ Римѣ и велѣлъ принимать во Франціи только тѣ буллы, которыя пройдутъ черезъ руки кардинала.

Изъ Ліона Лудовикъ возвратился въ свой замокъ Плесси-дю-Туръ. Онъ принялся преслѣдовать всѣхъ, бывшихъ въ тѣсномъ союзѣ съ Карломъ Смѣлымъ. Прежде всего онъ принудилъ герцога Бретанскаго, стариннѣйшаго и вѣрнѣйшаго союзника Карла, присоединить къ заключенному съ нимъ перемирію новое условіе: оно было не важно для настоящаго времени, но, смотря по обстоятельствамъ, могло получить большое значеніе въ будущемъ (que le duc jurât de garder au roi les droits et jouissances, qui lui appartiennent en Bretagne, et de les maintenir en toute leur étendue *). Далѣе ему удалось воспользоваться несчастіемъ своей сестры Іоланты, вдовы герцога Амедея IX Савойскаго и Пьемонтскаго; онъ пріобрѣлъ право назначать по своему выбору намѣстниковъ въ ея владѣнія. Іоланта, по смерти своего мужа, управляла Савойей и Пьемонтомъ за своихъ малолѣтнихъ дѣтей, Карла и Филиберта. Когда герцогъ Бургундскій изобрѣлъ планъ завоеванія Италіи, Іоланта, увлеченная этимъ замысломъ, согласилась заключить съ нимъ союзъ. Герцогъ прибѣгнулъ при этомъ къ тому же средству, которое онъ употреблялъ уже три раза для достиженія другихъ цѣлей. Онъ не постыдился въ четвертый разъ выставить приманкою руку своей дочери, причемъ какъ теперь, такъ и прежде обманывалъ, не имѣя серьезнаго намѣренія выдавать Марію замужъ. Въ первый разъ онъ обѣщалъ свою дочь герцогу Лотарингскому (стр. 104); онъ даже далъ ему письменное обѣщаніе, которое потомъ выманилъ обратно посредствомъ недостойной хитрости. Потомъ онъ обманулъ императора Фридриха и его сына Максимиліана, причемъ увѣрялъ ихъ лично и письмами Маріи. Затѣмъ онъ подобнымъ же образомъ заманилъ въ союзъ съ собою неаполитанскаго принца Фридриха (стр. 238). Наконецъ, обративъ вниманіе на Италію, онъ привлекъ на свою сторону герцогиню Іоланту Савойскую видами на бракъ одного изъ ея сыновей съ его дочерью. Такъ какъ старый Рене уже обѣщалъ герцогу Бургундскому помощь для итальянскаго похода, то Іоланта сочла благоразумнымъ также соединиться съ Карломъ и принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Она обѣщала герцогу не только впустить его въ проходы своего государства, но и помогать ему во время похода. Ближайшимъ слѣдствіемъ ея союза съ Карломъ было опустошительное нападеніе на ея владѣнія, произведенное швейцарцами. Однако на этотъ разъ она получила помощь отъ Карла: посѣтивъ со всѣмъ своимъ семействомъ герцога, жившаго въ Лозаннѣ, и увидѣвъ его сомнительное положеніе, она снова вступила въ сношенія съ своимъ братомъ, Лудовикомъ XI, и послала къ нему для переговоровъ довѣренное лицо, Монтиньи. Герцогъ Бургундскій узналъ объ этомъ во время своего бѣгства отъ Муртена въ Гексъ; онъ приказалъ Оливье де ля Маршу арестовать герцогиню. Оливье схватилъ Іоланту, ея младшаго сына и двухъ дочерей близъ воротъ Женевы;

*) Что герцогъ клянется сохранить за королемъ въ полномъ объемѣ всѣ права и привилегіи, которыми онъ пользуется въ Бретани.

онъ посадилъ герцогиню на лошадь позади себя и привезъ съ тремя дѣтьми къ Карлу. Вѣрные савояры спасли старшаго принца и увезли его въ Женеву *). Карлъ принялъ своего слугу очень немилостиво, потому что въ числѣ похищенныхъ особъ недоставало самой нужной. Оливье, выражающійся о своемъ положеніи прямо, не скрываетъ этого въ своихъ мемуарахъ **). Лудовикъ немедленно приказалъ адмиралу Бурбонскому и намѣстнику Дофине позаботиться о томъ, чтобъ герцогство и молодой герцогъ не попали подъ власть Бургундіи. Они созвали государственный сеймъ, который отправилъ за приказаніями къ Лудовику епископа женевскаго и графа де Бресса. Король, не забывая главнѣйшаго правила себялюбивой политики (divide et impera!), назначилъ епископа женевскаго намѣстникомъ Савойи, а графа де Бресса намѣстникомъ Пьемонта; но особу герцога онъ не ввѣрилъ ни тому, ни другому и поручилъ ее родосскому рыцарю Филиберту де Гролé. Для освобожденія герцогини Іоланты и ея дѣтей, съ которыми Карлъ Смѣлый обходился очень невѣжливо, Лудовикъ прибѣгнулъ къ хитрости. По знаку, данному имъ Шомону д'Анбуазу, стоявшему съ отрядомъ королевскаго войска на границѣ, послѣдній неожиданно явился передъ замкомъ Руврь близъ Дижона, гдѣ содержалась Іоланта, освободилъ ее и привезъ въ Плесси-дю-Туръ. Лудовикъ встрѣтилъ свою сестру насмѣшливымъ привѣтомъ (Madame la Bourguignonne, vous soyez la très bien venue!), но вскорѣ убѣдился, что она вовсе не предана бургундцамъ, и отослалъ ее въ ея владѣнія. Относительно Карла Смѣлаго Лудовикъ держалъ себя совершенно спокойно, тогда какъ другіе враги герцога дѣйствовали противъ него открыто. Но втайнѣ онъ старался низвергнуть его, платилъ деньги и старался извлечь выгоду изъ своихъ собственныхъ союзниковъ; такъ напримѣръ, онъ пріобрѣлъ клочекъ земли отъ своего племянника, молодаго герцога Савойскаго, которому, повидимому, покровительствовалъ.

Между тѣмъ самая особа Карла Смѣлаго находилась въ плачевномъ положеніи. Уже послѣ грансонскаго сраженія онъ впалъ въ состояніе, близкое къ умопомѣшательству. Но послѣ пораженія при Муртенѣ онъ впадалъ въ столь глубокую меланхолію, продолжавшуюся часто по цѣлымъ недѣлямъ, что лицо его принимало выраженіе безумія. Онъ отростилъ бороду и ногти и не мѣнялъ платья; его придворные и служители приближались къ нему со страхомъ и трепетомъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ Оливье, и никто не осмѣливался дѣлать ему возраженій противъ его проступковъ, явно клонившихся къ его погибели. Доктора обращались съ нимъ какъ съ больнымъ; но употребляемыя ими средства, какъ намъ кажется, служили скорѣе къ его возбужденію, чѣмъ къ успокоенію. Въ то время какъ Карлъ былъ не въ состояніи предпринять что либо благоразумное, враги его созвали большой конгрессъ въ Фрейбургѣ. Швейцарцы и вожди нижняго союза совѣщались въ теченіе трехъ недѣль со множествомъ другихъ непріятелей Карла. Значительнѣйшими изъ нихъ были: Рене II Лотарингскій, приготовлявшійся къ походу въ свое герцогство, его друзья, графы Лейнингенъ и Бичъ, совѣтники Сигизмунда Тирольскаго, послы курфирстовъ майнцскаго, трирскаго и пфальцскаго; епископы страсбургскій, базельскій, женевскій, гренобльскій и валлисскій; уполномоченные отъ государственныхъ чиновъ Савойи и Пьемонта и графъ фонъ Грейерцъ. Король Лудовикъ, начавшій дѣйствовать прямѣе и смѣлѣе, послалъ въ Фрейбургъ своего зятя, адмирала Лудовика, батарда герцога Лудовика Бурбонскаго. Конгрессъ, повидимому, кончился тѣмъ же, чѣмъ кончались германскіе имперскіе сеймы, съ тою только разницею, что здѣсь меньше строчили; болтали много, но ничего не рѣшили. Герцогъ Рене II Лотарингскій болѣе другихъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ; швейцарцы, помышлявшіе о выгодѣ, деньгахъ и добычѣ, были столь же практичны, какъ Лудовикъ XI. Они

---

*) Par le moyen d'aucuns de nostre compagnie, говоритъ Оливье въ своихъ запискахъ, qui estoient sujets du duc de Savoye, et certes ils ne firent que leur devoir; et ce que j'en fi, je le fi pour sauver ma vie, car le duc mon maître estoit tel, qu'il vouloit que l'on fit ce qu'il commandoit sur peine de perdre la vie.

**) Et devez sçavoir, говоритъ онъ, que le duc fit très mauvaise chére à toute la compagnie et principalement à moy, et fus en danger de ma vie, pour que je n'avoye point le duc de Savoye.

сулили герцогу золотыя горы, но ничего не сдѣлали. Тогда онъ рѣшился помочь себѣ самъ; онъ вошелъ въ сношенія съ графомъ Кампобассо и деньгами склонилъ его предать герцога Бургундскаго; кромѣ того, онъ привлекъ къ себѣ на службу ломбардцевъ и французовъ Карла. Но Карлъ продолжалъ довѣрять Кампобассо и не слушалъ никакихъ предостереженій даже тогда, когда Кампобассо передался Рене.

Рене навербовалъ много швейцарцевъ и нѣмцевъ и съ этимъ не совсѣмъ надежнымъ войскомъ вступилъ въ свое герцогство, занятое бургундцами. Онъ разсчитывалъ на привязанность своихъ подданныхъ и не ошибся; лотарингцы немедленно напали на всѣ непріятельскіе гарнизоны и принудили бургундцевъ запереться въ укрѣпленномъ Нанси. Рене осадилъ этотъ городъ, гарнизономъ котораго командовалъ Жанъ де Рюбанпре сеньёръ де Бьеврь. Войско Рене было малочисленно; но Рюбанпре имѣлъ мало продовольствія, потому что Карлъ Смѣлый не заботился о своихъ войскахъ. Вслѣдствіе этого бургундскій комендантъ долженъ былъ сдать городъ (октябрь 1476 г.), когда англійскіе стрѣлки, составлявшіе главную силу гарнизона, не захотѣли долѣе терпѣть недостатокъ. Узнавъ объ этомъ, Карлъ пришелъ въ величайшую ярость и рѣшился въ ту же зиму завоевать Лотарингію вновь, хотя фламандцы отказались давать ему войска и денегъ для дальнѣйшихъ завоеваній *). При приближеніи его, Рене выступилъ ему на встрѣчу, но уклонялся отъ сраженія. Онъ ограничился наблюденіемъ за бургундскою арміею и окружилъ ее, желая задерживать ея наступленіе до тѣхъ поръ, пока Нанси и другіе укрѣпленные города будутъ снабжены продовольствіемъ. Обезпечивъ города продовольствіемъ, онъ расположилъ въ нихъ свои наемныя войска (другихъ у него не было), и взялъ съ нихъ торжественное обѣщаніе защищаться въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ; затѣмъ, несмотря на необыкновенный холодъ, онъ отправился съ 12 всадниками черезъ горы, покрытыя снѣгомъ, въ Швейцарію, чтобъ нанять вспомогательныя войска. Для этой цѣли онъ досталъ денегъ, частью отъ короля Лудовика, частью отъ своей бабки, которая сверхъ того отдала ему для обращенія въ монету все свое серебро. Страсбургцы, также ссудили ему десять тысячъ гульденовъ, и, если вѣрить, какъ I. Мюллеръ, словамъ Комина, то и швейцарцы пожертвовали для него деньгами; однако мы сомнѣваемся въ этомъ. Весь Союзъ сталъ помогать герцогу оружіемъ; говорятъ, что подъ его знамена собралось восемь тысячъ швейцарцевъ; нижній союзъ также прислалъ помощь; но Швейцарія помогла ему недаромъ. Каждый солдатъ изъ этихъ восьми тысячъ получилъ по червонцу въ задатокъ; на походѣ Рене принужденъ былъ заплатить имъ 1200 гульденовъ, для полученія которыхъ долженъ былъ оставить кредиторамъ заложниками двухъ графовъ; сверхъ того, онъ долженъ былъ дать по червонцу каждому офицеру.

Въ декабрѣ Рене получилъ въ Цюрихѣ извѣстіе, что гарнизоны его доведены до крайности и не только продовольствіе, но и всѣ лошади съѣдены. Поэтому онъ быстро соединилъ свое войско, выступилъ въ Базель, а оттуда двинулся на святкахъ черезъ Кольмаръ и Шлеттштадтъ въ Лотарингію. Между тѣмъ Карлъ Смѣлый съ вновь набраннымъ ополченіемъ поспѣшилъ къ своимъ войскамъ, осаждавшимъ Нанси подъ начальствомъ измѣнника Кампобассо. Въ недисциплинированной толпѣ, приведенной Карломъ, не было и трехъ тысячъ, годныхъ къ бою; Рене же шелъ къ Нанси съ единственными въ Европѣ правильными и дисциплинированными войсками. Поэтому всѣ совѣтывали герцогу Бургундскому уклоняться отъ боя, пока противникъ его истратитъ всѣ свои деньги, вслѣдствіе чего швейцарцы возвратятся домой; но Карлъ рѣшился, вопреки здравому смыслу, продолжать осаду Нанси и повелъ противъ города яростную аттаку въ то время, когда Рене находился уже вблизи. Приступъ былъ отбитъ, и Рене предложилъ ему сраженіе. Сумасбродный герцогъ Бургундскій принялъ

---

*) Si le duc, писали они, se sent aucunement pressé par les Allemands ou les Suisses et qu'il n'ait pas assez de gens avec lui pour s'en retourner franchement en ses pays, qu'il le nous fasse savoir, et nous exposerons nos corps et nos biens pour l'aller guéri et le ramener sûrement en ses dits pays; mais pour faire plus de guerre pour lui, nous ne sommes délibérés de le plus aide de gens et d'argent.

сраженіе при Нанси 5 января 1477 г. По свидѣтельству всѣхъ историковъ, Карлъ не могъ бы одержать побѣду, даже если бы Кампобассо не измѣнилъ ему. Кампобассо долженъ былъ прикрывать правое крыло бургундской арміи съ отрядомъ въ 200 копейщиковъ, въ которомъ, судя по тогдашней организаціи войскъ, было отъ 700 до 800 чел. Но графъ передался Рене въ самомъ началѣ сраженія. Такъ какъ швейцарцы и нѣмцы не подпустили къ себѣ Кампобассо и его вѣроломныхъ ломбардцевъ, то онъ занялъ Буксіерскій мостъ и такимъ образомъ лишилъ герцога Бургундскаго единственнаго пути, которымъ онъ могъ бы въ случаѣ потери сраженія отступить къ Люксембургу. Всѣ хвалятъ присутствіе духа и храбрость Карла, а также мужество и вѣрность Рюбанпре, Галіо, Бонте, графа Нассаускаго, маркиза Невшательскаго и нѣкоторыхъ другихъ бургундскихъ военачальниковъ; но они не могли выиграть сраженіе. Когда палъ Рюбанпре, Карлъ приказалъ отступить къ Люксембургу. Но Кампобассо отрѣзалъ бургундцамъ отступленіе, и такъ какъ храбрѣйшіе вассалы Карла были убиты, то войско его разсѣялось въ разныя стороны. Тогда всюду поднялся народъ, и въ теченіе многихъ дней въ Лотарингіи совершались звѣрскія убійства и грабежи. Самъ Карлъ хотѣлъ переправиться черезъ ручей въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Нанси; но ледъ подломился, и онъ попалъ подъ лошадь. Въ этомъ положеніи онъ былъ настигнутъ и убитъ, неузнанный непріятелемъ. Мы не рѣшаемся сказать, сколько потеряли бургундцы убитыми, потому что не вѣримъ положительнымъ числовымъ даннымъ, особенно когда они, какъ въ этомъ случаѣ, разногласятъ между собою. Говорятъ, что число убитыхъ подъ Нанси простиралось отъ 8—6 тыс. чел. Швейцарскіе писатели считаютъ отъ 4—8 т.

Сраженіе при Нанси возвратило Рене II Лотарингію. При извѣстіи о смерти своего врага Лудовикъ выразилъ громкую радость, тѣмъ болѣе неприличную, что при жизни Карла не смѣлъ явно нападать на него. Королевскіе придворные, особенно аристократы и рыцари, опечалились и встревожились, потому что Карлъ былъ единственный человѣкъ, котораго Лудовикъ боялся. Придворный Лудовика Коминъ разсказываетъ, что получивъ извѣстіе о сраженіи при Нанси, король далъ своему двору торжественный пиръ, но что у всѣхъ пропалъ апетитъ; придворные боялись, что Лудовикъ, которому больше некого было страшиться, сдѣлается страшнымъ, жестокимъ деспотомъ, такъ какъ характеръ его, не смотря на его популярность, былъ злобенъ. Того, кто первый принесъ ему извѣстіе о сраженіи, Лудовикъ щедро одарилъ; подобнымъ же образомъ прежде онъ далъ двѣсти марокъ Комину и дю-Бушажу, которые первые увѣдомили его о пораженіи Карла при Муртенѣ.

10. Лудовикъ XI и эрцгерцогъ Максимиліанъ.

По смерти Карла Смѣлаго Лудовикъ XI не замедлилъ обнаружить свои намѣренія. Онъ послалъ гонцовъ увѣдомить о смерти герцога всѣ города своего государства, а также герцога Бретанскаго, сообщивъ имъ, что намѣренъ овладѣть герцогствомъ Бургундскимъ и тѣми владѣніями Карла, которыя были ленами французской короны. Повидимому онъ имѣлъ также виды на фрейграфство Бургундское (Франшъ-Конте), потому что объявилъ чинамъ, что беретъ подъ свою опеку дочь Карла, Марію, свою близкую родственницу и крестницу, и думаетъ выдать ее замужъ за дофина. Лудовикъ хотѣлъ воспользоваться швейцарцами и ихъ германскими союзниками точно также, какъ пользовались ими императоръ Сигизмундъ, папы и констанцскій соборъ; но швейцарцы сами воспользовались какъ папою, такъ и имъ, чтобы, подъ видомъ честности и справедливости, завладѣть чужимъ добромъ въ пользу своихъ патриціевъ. Лудовикъ ясно увидѣлъ, что безъ хорошаго войска и опытныхъ вождей нельзя достичь своихъ цѣлей. Съ лѣтами онъ совершенно отвыкъ отъ воинственности, хотя въ молодости не имѣлъ недостатка въ храбрости. Поэтому онъ сдѣлалъ измѣненіе въ содержаніи учрежденныхъ имъ кадровъ постоянной арміи. Онъ клятвою обязалъ казначеевъ правильно уплачивать жалованье этимъ кадрамъ (les gens d'armes et les archers d'ordonnance); казначеи ни подъ какимъ предлогомъ не могли расходовать на-

значенныя войску деньги на другія надобности; они должны были разузнать въ городахъ, гдѣ стояли войска, не долженъ ли кто изъ солдатъ за содержаніе себя или своей лошади. Еслибы оказалось, что такіе долги существуютъ, то казначеи обязаны немедленно уплатить ихъ; жалованье же тѣхъ, которые оставили службу или отлучились безъ позволенія, должно было усчитываться. Войска должны были получать жалованье наличными деньгами безъ обмана; впередъ имъ давать не слѣдовало. Казначеи не могли производить уплату жалованья лошадьми или товаромъ и должны были не допускать кавалеристовъ обижать пѣхотинцевъ; въ случаѣ же невозможности воспрепятствовать этому, они обязаны были немедленно доносить о такомъ происшествіи военному коммиссару или самому королю.

Обстоятельства благопріятствовали Лудовику. Маріи было всего двадцать лѣтъ; она была окружена врагами и лишилась всѣхъ друзей своего отца, которые сопровождали его въ его послѣднемъ походѣ и не покинули даже тогда, когда онъ добровольно шелъ къ погибели. Они или пали при Нанси, или же были взяты въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ находился Антонъ Бургундскій или, какъ его обыкновенно называютъ, великій Бургундскій батардъ, человѣкъ блестящихъ достоинствъ; онъ былъ признанъ потомкомъ бургундскаго дома, блескъ котораго онъ могъ бы поддержать, еслибъ служилъ принцессѣ Маріи. Лудовикъ зналъ это и потому убѣдительно просилъ Рене II и его вассала, Іоанна Бидо, который взялъ батарда въ плѣнъ, выдать его ему. Антонъ же умолялъ герцога Лотарингскаго не выдавать его королю и предлагалъ ему за себя 200 т. ливровъ. Но Рене не могъ отказать королю и самъ отправился съ Антономъ къ Лудовику въ Плесси-дю-Туръ; король заплатилъ его вассалу за уступку плѣнника 10 т. ливровъ. Антонъ, знавшій характеръ короля лучше, чѣмъ Рене, предсказалъ послѣднему все, что затѣмъ случилось: Лудовикъ, понимавшій, что можетъ выгодно воспользоваться Антономъ, осыпалъ его милостями, но за то обошелся такъ сухо съ Рене, который былъ ему не нуженъ и не страшенъ, что герцогъ тайно бѣжалъ, боясь быть задержаннымъ. Овладѣвъ потомкомъ бургундской династіи, Лудовикъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы привлечь къ себѣ могущественнѣйшаго изъ бургундскихъ вассаловъ въ Франшъ-Конте. То былъ Іоаннъ II Оранскій. Отецъ его, Вильгельмъ, былъ вѣрнымъ другомъ Карла Смѣлаго, и однажды на пути къ нему чрезъ Дофине былъ схваченъ по порученію Лудовика однимъ рыцаремъ, которому король заплатилъ за это громадную для того времени сумму 40 т. талеровъ. Чтобы выплатить эту сумму, Вильгельмъ долженъ былъ отказаться отъ своей независимости и принялъ отъ короля въ ленъ свое оранское княжество. Сынъ его, Іоаннъ II, разошелся съ Карломъ, такъ какъ послѣдній отнялъ у него всѣ владѣнія въ Франшъ-Конте и отдалъ ихъ брату Вильгельма. Лудовикъ обѣщалъ принцу Оранскому не только возвратить его родовыя владѣнія, но и назначить его своимъ намѣстникомъ въ Бургундіи и фрейграфствѣ. Іоаннъ перешелъ на сторону короля и отправился въ Бургундію въ сопровожденіи двухъ генераловъ Лудовика, Георга-де-ла-Тремуйль сеньёра де Крана и Карла д'Амбуаза сеньёра де Шомона, предводительствовавшихъ отрядомъ въ 700 копейщиковъ (3500—4000 человѣкъ). Съ ними отправились епископъ лангрскій Лудовикъ д'Амбуазъ и нѣсколько парламентскихъ совѣтниковъ, уполномоченныхъ вступить во владѣніе Бургундіею именемъ короля. Эти коммисары объявили государственнымъ чинамъ герцогства, которые въ то время были собраны въ Дижонѣ, что они должны немедленно присягнуть королю. Но чины противились на томъ основаніи, что не вѣрятъ смерти Карла Смѣлаго, хотя трупъ его былъ выставленъ въ Нанси въ теченіе 6 дней. Они обратились къ дочери Карла, Маріи, и къ вѣрнымъ совѣтникамъ, окружавшимъ ее; но Марія находилась еще въ бо̀льшемъ затрудненіи, чѣмъ сами бургундцы.

Въ Нидерландахъ дѣла Маріи шли плохо. Провинціи, пользовавшіяся правами и привилегіями, считали себя оскорбленными военнодеспотическимъ правленіемъ Карла, вслѣдствіе чего ненавидѣли его министровъ, Равенштейна, Гюгоне, д'Имбрекура и др. Съ другой стороны, богатое и трудолюбивое среднее сословіе нѣкоторыхъ провинцій было раздражено противъ покровительствуемаго Карломъ рыцарства, которое составляло ядро арміи Карла и вѣрно служило ему. Граждане Гента выразили свою ненависть къ Карлу, произведя шумную демонстрацію по случаю похоронъ его тѣла, выданнаго Рене и отосланнаго во Фландрію. Брюгге,

Брюссель и Антверпенъ оказали явное сопротивленіе герцогскимъ сборщикамъ податей. Молодая герцогиня, руководимая своею мачихою, ввѣрила дѣла д'Имбрекуру, канцлеру Гюгоне и Адольфу Клеве барону Равенштейну, назначенному генералъ-штатгальтеромъ (Stedehouder-general) нидерландо-бургундскихъ владѣній, Уже въ февралѣ въ Гентѣ былъ созванъ государственный сеймъ нидерландскихъ сословій. Прежде чѣмъ помочь новому правительству деньгами, чины потребовали отъ Маріи обѣщанія подтвердить ихъ привилегіи и отмѣнить злоупотребленія прошлаго царствованія; герцогиня должна была согласиться и 14 марта дала голландцамъ и зеландцамъ такъ называемую великую привилегію, по которой всѣ верховныя права переходили къ сословіямъ. Марія обязалась безъ согласія чиновъ не возвышать налоговъ, не вступать въ бракъ и не вести войны, даже оборонительной; сверхъ того, постановлялось, что сеймы могутъ происходить вездѣ и всегда, помимо ея приглашенія, что право чеканить монету принадлежитъ сословіямъ, и что должностныя лица должны избираться ими, а герцогинѣ предоставляется лишь выборъ изъ предложенныхъ ей кандидатовъ. Марія обѣщала назначить чиновниками въ провинціи лишь мѣстныхъ уроженцевъ, и поэтому должна была утвердить штатгальтеромъ Голландіи Вольферта Борселлена вмѣсто Лодевика Груйтуйзена, котораго только что назначила на эту должность. Марія и ея совѣтники отвѣчали посланнымъ къ ней депутатамъ отъ сословій Бургундіи, что притязанія Лудовика на Бургундію неосновательны, потому что эта провинція вовсе не то, что лены (apanages), розданные французскимъ принцамъ. Еслибы даже король непремѣнно желалъ возвратить коронѣ герцогство бургундское, то въ Бургундіи много владѣній, на которыя онъ не имѣетъ никакого права, какъ напримѣръ графства Шароле, Макоръ и Окзерръ. Но государственные чины боялись возбуждать гнѣвъ Лудовика и уже 19 января присягнули ему. При этомъ они точно также воспользовались обстоятельствами, какъ нидерландцы, и выговорили себѣ много привилегій, преимуществъ и исключительныхъ постановленій. Лудовикъ утвердилъ все, не колеблясь, полагая, что современемъ обстоятельства могутъ измѣниться. Онъ предоставилъ большія выгоды не только бургундской провинціи и ея городамъ и сословіямъ, но и привлекъ къ себѣ щедрыми подарками многихъ значительныхъ владѣтелей. Такъ напримѣръ Филиппъ Бутонъ, Гюгъ Туази и Жакъ Дама̀ получили доходныя мѣста или большія помѣстья. Королевскіе генералы, ла Тремуйль и Шомонъ, были очень недовольны столь мирнымъ исходомъ дѣла; они ожидали встрѣтить сопротивленіе, слѣдовательно войну и добычу. Они даже отважились написать королю, чтобы онъ по крайней мѣрѣ подѣлился съ ними найденными суммами, продовольствіемъ и военными снарядами. Хитрый король согласился и на это. Отвѣтъ, данный имъ этимъ господамъ, былъ написанъ такъ тонко и хитро, что мы можемъ судить по немъ, какимъ образомъ Лудовикъ умѣлъ удовлетворять людей, въ которыхъ нуждался *).

За два дня до присяги бургундцевъ Лудовикъ послалъ адмирала Бурбонскаго и Филиппа Комина, склонить городъ Аббвиль отпасть отъ Бургундіи. Но французскій генералъ Торси, командовавшій въ Амьенѣ и любимый жителями Аббвиля, предупредилъ ихъ. Вслѣдъ затѣмъ король лично поспѣшилъ въ Пикардію и разослалъ самыхъ искусныхъ своихъ агентовъ во всѣ округи и города этой провинціи; они должны были угрозами, обѣщаніями и взятками склонять къ присягѣ королю смущенныхъ военачальниковъ и чиновниковъ Карла Смѣлаго. Гамъ, Сенъ-Кантенъ, Тронке, Руа, Мондидье Морейль, Вервенъ, Сенъ-Гобенъ, Марль, Рю и Ландреси сдались почти безъ сопротивленія. Провинція Артуа не выказала такой готовности отложиться отъ Маріи, какъ Пикардія; но она оставалась вѣрною, пока въ Аррасѣ начальствовалъ Адольфъ Клеве баронъ фонъ Равенштейнъ.

---

*) Messieurs les comtes, je vous remercie de l'honneur que vous me voulez faire de me mettre à butin avec vous. Je veux bien, que vous ayez la moitié de l'argent des restes de que vous avez trouvez; mais je vous supplie, que le superflus vous me fassiez mettre ensemble et vous en aidez à faire rèparer les places, qui sont sur les frontières des Allemands, et à les pourvoir de ce qui sera nécessaire, en façon que je ne perds rien, et s'il ne vous sert de rien, je vous prie, envoyez le moi. Touchant les vins du duc de Bourgogne, qui sont en ses celliers, je suis content, que vous le ayez. Ecrite à Peronne le 9 Fèfrier. Louis.

По назначеніи же его генералъ-штатгальтеромъ сѣверныхъ провинцій, какъ сказано выше, на его мѣсто въ Аррасъ прибылъ Вакле, который, имѣя владѣнія по ту сторону Соммы, считалъ для себя выгоднымъ сдать Франціи Аррасъ и все Артуа.

Лудовикъ понималъ свои личныя выгоды лучше всѣхъ прочихъ государей своего времени; вѣроятно, онъ самъ самъ считалъ нелѣпымъ и смѣшнымъ планъ овладѣть всѣми владѣніями Карла Смѣлаго, посредствомъ женитьбы дофина Карла на Маріи Бургундской; очевидно, онъ помышлялъ только о томъ, чтобы дѣйствовать не столько силою, сколько хитростью. Три обстоятельства, кромѣ всего прочаго, не позволяли и думать о бракѣ дофина съ Маріей. Во-первыхъ, дофину было только семь лѣтъ, а Маріи уже двадцать, и ея обергофмейстерина поддерживала Максимиліана австрійскаго. Во-вторыхъ, дофинъ былъ кривобокъ, а рыцарственный Максимиліанъ былъ писаный красавецъ. Въ третьихъ, Марія была влюблена въ Максимиліана еще со времени трирскаго свиданія и письменно обѣщала ему свою руку. Король старался обмануть Марію, окруженную въ Гентѣ, Брюге и другихъ городахъ демагогами и демократами. Въ то же время онъ надѣялся силою овладѣть Нидерландами, какъ разсказываетъ Коминъ, со словъ одного королевскаго агента, котораго называетъ Иваномъ на всѣ руки (Maître Jean des habilités). Для этой цѣли онъ выбралъ одну изъ тѣхъ низкихъ и подлыхъ душъ, которымъ покровительствовалъ за то, что имъ все было нипочемъ, и что они ни передъ чѣмъ не останавливались и отличались коварствомъ и алчностью. Человѣкъ этотъ былъ Оливье, по прозванію Діаволъ (le Diable), передѣланному королемъ въ Оленя (le Daim); онъ родился въ деревнѣ Тильтъ близъ Гента и былъ самаго низкаго происхожденія. Его называютъ обыкновенно брадобрѣемъ короля, а Коминъ называетъ его просто maître Оливье; онъ былъ камердинеромъ короля и, подобно самому Комину и многимъ другимъ, понравился ему по сходству убѣжденій и смышленостью; Лудовикъ давно возвелъ его въ дворянское достоинство и далъ ему капитанство Мёланъ близъ Парижа. Этотъ Оливье былъ посланъ съ пышною свитою въ Гентъ, гдѣ явился съ забавнымъ блескомъ въ качествѣ полномочнаго министра короля подъ именемъ графа де Мёлана. Онъ объявилъ, что желаетъ переговорить съ герцогинею, но вмѣсто того, чтобъ явиться къ ней, собиралъ въ своей квартирѣ всѣхъ безпокойныхъ головъ и возбуждалъ всю демократію города обѣщаніями, дѣлаемыми отъ имени короля. Поэтому герцогинѣ совѣтовали поскорѣе принять его и затѣмъ немедленно отослать. Вскорѣ его пригласили прибыть въ ратушу, гдѣ Марія желала дать ему аудіенцію среди своихъ совѣтниковъ и магистрата. Онъ явился и представилъ свои вѣрительныя граматы; но когда ему предложили изложить вкратцѣ цѣль его посольства, онъ отвѣчалъ, что можетъ сообщить это только самой Маріи. На это ему объявили, что человѣку его происхожденія неприлично вести тайные переговоры съ молодой принцессою; если цѣль его посольства прилична, то онъ можетъ объяснить ее при всѣхъ. Однако онъ упорно молчалъ, чѣмъ возбудилъ противъ себя насмѣшки, свистки и брань; поднялся шумъ, который сообщился народу, стоявшему передъ ратушей; послышались возгласы, изъявлявшіе намѣреніе бросить его въ рѣку. Это перепугало его и заставило поскорѣе убраться.

Послѣ оскорбленія, нанесеннаго Лудовику въ лицѣ его посла, къ нему явились четыре совѣтника герцогини: канцлеръ Гюгоне, баронъ д'Имбрекуръ, Вольфертъ Борселленъ и баронъ Груйтуйзенъ, во главѣ блестящаго бургундскаго посольства. Они объявили королю, что Марія приняла бразды правленія, что баронъ фонъ Равенштейнъ (Адольфъ Клеве), Гюгоне и д'Имбрекуръ составляютъ ея (какъ мы теперь говоримъ) министерство, и что поэтому на будущее время король долженъ обращаться къ нимъ. Посланники отклонили всѣ лицемѣрно дружественныя предложенія короля. Наконецъ король объявилъ имъ, что хотя онъ питаетъ большое расположеніе къ герцогинѣ Маріи, которую воспринималъ отъ купели, и желаетъ сдѣлать для нея все, что можетъ, но что если ему не возвратятъ добровольно часть его владѣній, перешедшую къ Бургундіи, то онъ овладѣетъ ею силою и для этой цѣли собралъ значительное войско. Такъ какъ Марія не имѣла ни войскъ, ни денегъ, то это объявленіе не осталось безъ результатовъ. Быть можетъ, посланники Маріи были обольщены надеждою на то, что ихъ герцогиня сдѣлается современемъ французскою королевою. Въ отечествѣ ихъ ненавидѣли,

какъ орудія деспотизма Карла Смѣлаго; притомъ же въ это время Марія была принуждена признать верховныя права сословій, поэтому легко можетъ быть, что они надѣялись найти въ Лудовикѣ поддержку. Какъ бы то ни было, но они заключили съ Лудовикомъ довольно подозрительный договоръ, по которому Артуа отдавалось королю и снова возвращалось герцогинѣ, но какъ ленъ. Однако они не имѣли полномочія на заключеніе подобнаго договора ни отъ государственныхъ чиновъ, ни отъ тогдашняго регентства; поэтому они сослались на письмо Маріи, которое передали королю. Въ письмѣ было сказано, что Марія поручаетъ управленіе этимъ четыремъ господамъ. Не смотря на это, герцогиня созвала сословія въ Гентѣ и предалась имъ безусловно. Сословія замышляли учредить родъ республики и, не зная о распоряженіи герцогини, въ силу котораго четыре совѣтника должны были составлять кабинетъ, назначили совѣтъ регентства, совершенно независимый отъ Маріи. Совѣтъ этотъ отправилъ посольство къ Лудовику XI. Но король, показавъ имъ вышеупомянуте письмо Маріи, объявилъ, что не можетъ вести съ ними серьезныхъ переговоровъ, и отдалъ имъ подлинникъ письма, съ которымъ они возвратились въ Гентъ. Здѣсь произошли важныя непріятности. Совѣтъ регентства немедленно собрался; Марія явилась къ сословіямъ въ ратушу, посланники кричали, что ихъ обманули, такъ какъ герцогиня написала письмо, въ которомъ не упоминалось ни о сословіяхъ, ни о совѣтѣ регентства, ни о нихъ самихъ; когда же герцогиня отперлась отъ письма, одинъ изъ пословъ вынулъ его и громогласно прочелъ. Мнимая измѣна раздражила государственные чины и горожанъ. Какъ всегда бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, волненіе было произведено нѣсколькими честолюбцами. Адольфъ Клеве, Лудовикъ Бурбонскій епископъ лютихскій и графъ Петръ де-Сенъ-Поль, завидовавшіе вліянію Гюгоне и д'Имбрекура, поклялись погубить ихъ. Поэтому гроза обратилась противъ этихъ двухъ человѣкъ. Народъ вытащилъ ихъ изъ монастырей, въ которые они спрятались, и привелъ въ ратушу, гдѣ противъ нихъ начали уголовный процессъ. Марія поспѣшила въ ратушу и со слезами просила предоставить дѣло ей. Но просьбы ея были тщетны, совѣтники, поступавшіе при Карлѣ, безъ сомнѣнія, жестоко и произвольно, были осуждены; ихъ подвергли столь жестокой пыткѣ, что послѣ нея они не могли ни стоять, ни держаться прямо. Въ такомъ положеніи ихъ вывели на мѣсто казни; герцогиня въ сопровожденіи одного почтеннаго священника бросилась на площадь, рыдая и ломая руки, и умоляла народъ освободить людей, служившихъ отцу ея и ей самой. Народъ былъ тронутъ ея словами, но знатные враги прежняго правительства велѣли солдатамъ удерживать его и выполнить приговоръ (3 апрѣля 1477 г.) Историкъ Коминъ желаетъ увѣрить читателей, что Гюгоне и д'Имбрекуръ пали невинными жертвами народной расправы, потому что никогда не помышляли о томъ, чтобы, выдавъ свою герцогиню за дофина, передать ее въ руки тирана и этимъ способомъ удержать за собой неограниченную власть, которую пользовались при Карлѣ. Онъ говоритъ, что самъ король не помышлялъ серьезно объ этомъ бракѣ. Но словамъ его нельзя вѣрить, зная его отношенія къ Лудовику. Дѣло является совершенно въ другомъ свѣтѣ въ разсказѣ Оливье де-ла-Марша. Онъ попалъ въ плѣнъ въ сраженіи при Нанси, но выкупился и прибылъ къ бургундскому двору вскорѣ послѣ катастрофы Гюгоне и д'Имбрекура. Онъ постоянно оставался вѣренъ Бургундіи, между тѣмъ какъ Коминъ искалъ счастья въ службѣ Лудовика и выдалъ довѣренныя ему тайны *).

Послѣ катастрофы Лудовикъ перемѣнилъ тонъ. Онъ принялъ роль покровителя герцогини, задержанной въ Гентѣ почти плѣнницей, сильно порицалъ все случившееся, взялъ подъ свое покровительство память казненныхъ бургундскихъ совѣтниковъ и дѣтей Гюгоне и объявилъ демократовъ Гента и Брюгге государственными преступниками. Въ Гентѣ послѣ казни д'Имбрекура и Гюгоне царст-

*) Оливье подробно объясняетъ въ примѣчаніяхъ то, о чемъ упоминаетъ въ текстѣ. Ce que fera facilement juger le dit Comines avoir controuvé tel tard plus à son excuse qu'autrement, comme celui veritablement estoit en grande partie coupable du désaster des dits personnages, pour leur avoir esté le principal auteur d'entrer ès practiques du roi, auquel estoit ministre de tels actes, autant et plus que nul autre jamais.

вовала полная анархія, и за Маріею присматривали, какъ за плѣнницею. На пасхѣ ей позволили выѣхать; но въ Брюгге, гдѣ сперва ей сдѣлали блистательный пріемъ, демагоги стали поступать съ ней не лучше гентцевъ. Съ этихъ поръ въ Бургундіи началась совершенная разладица, потому что торгаши, въ рукахъ которыхъ находилась герцогиня, не смыслили ничего въ администраціи и политикѣ. Лудовикъ безпрепятственно проникъ въ арміею изъ Артуа во Фландрію. Онъ уже давно изъявилъ намѣреніе занять и фрейграфство, впрочемъ будто бы съ цѣлью удержать его за Маріею. Сначала фламандцы были довольны, но скоро имѣли причины перемѣнить мнѣніе. Лудовикъ послалъ свое войско прежде всего на Аррасъ, такъ какъ бургундскіе посланники тайно приказали сдать ему часть города и такъ какъ начальникъ аррасскаго гарнизона перешелъ на его сторону. Однако граждане не захотѣли покориться; но когда Геденъ сдался королю, а вспомогательныя войска, посланныя въ Артуа городами Дуэ, Лиллемъ и Валансіеномъ, были разбиты, Аррасъ просилъ позволенія послать до сдачи посольство къ герцогинѣ. При этомъ случаѣ, какъ впослѣдствіи при всякомъ другомъ, Лудовикъ, не имѣвшій ничего святаго, и по смерти Карла Смѣлаго никого небоявшійся, доказалъ ужаснымъ образомъ свою жестокость. Онъ не далъ гражданамъ Арраса никакого положительнаго отвѣта, сказавъ, что они сами знаютъ что дѣлать. Когда же городъ принялъ это за позволеніе и послалъ значительнѣйшихъ гражданъ къ Маріи, Лудовикъ позволилъ имъ уѣхать, но послалъ за ними въ погоню; они были схвачены и привезены въ Геденъ. Здѣсь онъ отлично угостилъ ихъ, но послѣ обѣда палачъ, сопровождавшій всюду короля, и полицейскіе чиновники отвели двѣнадцать изъ нихъ и казнили. Этимъ король достигъ цѣли: Аррасъ пришелъ въ трепетъ и отворилъ ему ворота. Король обѣщалъ городу амнистію, но, не смотря на это, казнилъ многихъ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ Бургундіи. Говорятъ, что многіе изъ этихъ несчастныхъ выказали замѣчательное мужество изъ привязанности къ Бургундіи и любви къ свободѣ. Имъ предлагали пощаду, если они будутъ кричать «да здравствуетъ король!» но они предпочитали умереть. Въ Авенѣ офицеры были выманены хитростью, и затѣмъ городъ взятъ приступомъ. Перонна также была покорена французами. Но за то сынъ великаго батарда Бургундскаго, сражавшагося за Лудовика противъ своей племянницы, отбилъ ихъ съ большимъ урономъ отъ Сентъ-Омера.

Такимъ образомъ французы заняли Артуа и Геннегау, угрожали Люксембургу и даже проникли во Фландрію; тогда фламандцы наконецъ пробудились, но поздно. Оливье Діаволъ послѣ побѣга своего изъ Гента склонилъ черезъ подкупленныхъ измѣнниковъ Турне къ сдачѣ, и французскій гарнизонъ этого города проникъ во Фландрію. Это пробудило наконецъ гражданъ Гента, Брюгге и Имперна. Однако мѣры, принятыя ими, были плохи, потому что они выставили войско, которое хотя и считалось въ 20 т. человѣкъ, но въ сущности не могло называться войскомъ, къ тому же они и поручили его человѣку, который не только не годился въ полководцы, но не заслуживалъ даже имени человѣка. То былъ герцогъ Адольфъ Гельдернскій, совершившій преступленіе противъ роднаго отца. Этого грубаго и безчувственнаго человѣка освободили изъ тюрьмы, въ которую заключилъ его Карлъ Смѣлый, и допустили свататься за герцогиню Марію. Фламандцы выступили подъ его начальствомъ подъ Турне, гдѣ граждане Брюгге поссорились съ гентцами. Французы воспользовались этимъ и напали на фламандцевъ, которые послѣ храбраго сопротивленія были разбиты, а Адольфъ Гельдернскій убитъ. Пораженіе при Турне было полезно для Маріи и даже отчасти для Брюгге и Гента, потому что опасность, грозившая со стороны французовъ, заставила наконецъ гентское превительство серьезно подумать о бракѣ герцогини.

Въ Гентѣ герцогиню стерегли такъ строго, что она не могла обнаружить своей рѣшительной склонности къ эрцгерцогу Максимиліану и должна была прекратить всѣ сношенія съ нимъ, веденныя съ разрѣшенія отца. Поэтому бракъ ея сопровождался интригами, въ которыхъ гравную роль играли оберъ-гофмейстерина герцогини, госпожа д'Алльвенъ, двоюродная сестра Филиппа Комина, и Оливье-де-ла Маршъ, записки котораго весьма поучительны. Новое правительство впрочемъ не посмѣло насильно навязывать герцогинѣ въ мужья дофина,

бывшаго еще ребенкомъ; но оно поощряло другихъ соискателей, въ которыхъ не было недостатка. Имена ихъ можно найти у Оливье-де-ла-Марша. Герцогъ Клеве, онинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ правительства, утвердившагося въ Гентѣ и Брюгге, старался выдать Марію за своего сына, и потому всячески противодѣйствовалъ возобновленію сношеній съ эрцгерцогомъ Максимиліаномъ.

Сватовству Максимиліана помогала любовь къ нему герцогини, такъ какъ молодой эрцгерцогъ отличался прекрасною и рыцарскою наружностью и былъ хорошо образованъ. Ловкій рыцарь, поэтъ и романтикъ, онъ ослѣплялъ и побѣждалъ сердца женщинъ, очаровывалъ народъ. Но Лудовикъ XI, швейцарцы и венгерская война мѣшали Максимиліану и его отцу, Фридриху III, помочь Маріи, притѣсняемой своими подданными и французскимъ королемъ; поэтому бракъ этотъ встрѣчалъ большія препятствія. Мы уже говорили (стр. 86), что второй сынъ великаго Гуніада, Матфій Корвинъ, вступивъ на венгерскій престолъ, заслужилъ безсмертную славу своими предпріятіями противъ турокъ, превосходнымъ управленіемъ государствомъ и заботами о возстановленіи наукъ и искусствъ древности. Далѣе мы разсказывали (стр. 97), что по смерти Георгія Подѣбрада онъ старался соединить богемскую корону съ венгерскою, причемъ польскій принцъ Владиславъ былъ его соперникомъ. Въ войнѣ съ Подѣбрадомъ императоръ несправедливо покинулъ его. Онъ счелъ это измѣною со стороны Фридриха и заключилъ тѣсный союзъ съ его германскими врагами. Въ февралѣ и мартѣ 1470 года онъ имѣлъ свиданіе съ императоромъ и съ германскими князьями, съѣхавшимися въ Вѣнѣ; но свиданіе это только усилило раздоръ. Чехи также были очень враждебно расположены къ венгерскому королю; когда въ 1471 году Подѣбрадъ согласился назначить своимъ преемникомъ Матфія, они упорно настаивали на избраніи славянина, поляка Владислава. По смерти Подѣбрада (мартъ 1471 г.), Владиславъ былъ избранъ; его отецъ, польскій король Казиміръ IV, согласился 16 іюня въ Краковѣ на избраніе своего сына и далъ ему 7 т. пѣхоты и 2 т. конницы для сопровожденія его чрезъ Тропаву и Нейссе въ Богемію (25 іюля).

Въ концѣ 1471 г. Казиміръ самъ вступилъ въ Венгрію, гдѣ въ теченіе 1472 г. шла кровопролитная война. Ни папа, ни Матфій, ни императоръ, примирившійся съ венгерскимъ королемъ, не могли убѣдить германскій сеймъ, собравшійся въ іюлѣ 1471 г., отказать Владиславу въ признаніи. Въ спорѣ за богемскую корону, какъ и въ другихъ обстоятельствахъ, императоръ дѣйствовалъ дурно и фальшиво. Въ началѣ 1473 года онъ отправился на нижній Рейнъ, чтобъ пріискать жену своему сыну. При этомъ папскій легатъ Робортелло вынудилъ у него обѣщаніе созвать въ апрѣлѣ сеймъ въ Аугсбургѣ, чтобъ отдать Богемію въ вѣчное владѣніе венгерскому королю. Не смотря на это, онъ обѣщалъ старому Казиміру не дѣлать на сеймѣ ничего въ пользу Матфія. Въ надеждѣ на это обѣщаніе, Казиміръ послалъ къ императору декана Адама Позена, чтобы условиться съ нимъ о нападеніи на венгерскаго короля разомъ съ четырехъ сторонъ. Фридрихъ не поддержалъ Матфія ни на аугсбургскомъ сеймѣ, ни по возвращеніи своемъ изъ Трира (октябрь 1473 г.). Рѣшеніе вопроса о богемскомъ престолѣ онъ отложилъ до имперскаго сейма, назначеннаго въ мартѣ 1474 г., а Матфія задобрилъ пустыми обѣщаніями. Впослѣдствіи онъ пошелъ еще дальше, заключивъ 14 марта 1474 г. союзъ съ Казиміромъ противъ Матфія за то, будто бы, что венгерскій король пропустилъ черезъ свои владѣнія турокъ для вторженія въ Австрію и защищаетъ польскихъ и австрійскихъ мятежниковъ. Въ августѣ и сентябрѣ Фридрихъ и Казиміръ напали на венгерскаго короля; но оба никогда не имѣли денегъ и съ большимъ трудомъ доставали отъ своихъ подданныхъ ничтожныя суммы. Въ мартѣ 1475 г. въ Прагѣ происходилъ конгрессъ, причемъ венгерскіе коммиссары держали себя очень гордо, и императоръ для своего спокойствія былъ принужденъ придумать новые извороты. Однако ему не помогли бы никакія уловки, еслибъ Матфію не мѣшали турки. Въ 1476 г. Матфій приготовился къ вторженію въ Австрію; но въ это время архіепископъ гранскій, Іоаннъ Флансъ, бѣжалъ къ Фридриху, сообщилъ ему секретныя бумаги короля и за венгерское золото купилъ у него господство Штейеръ. Матфій потребовалъ выдачи архіепископа и хотѣлъ начать войну; но турки и хлопоты о своемъ бракосочетаніи отвлекли его отъ Австріи. Матфій сватался за до-

черей Фридриха и Казиміра, которые сперва согласились, но потомъ не сдержали слова на томъ основаніи, что онъ не происходилъ изъ княжескаго рода. Онъ женился на Беатриче неаполитанской, которая была очень дурна, но за то принцесса. Радуясь, что можетъ посмѣяться надъ своими сосѣдями, онъ пригласилъ ихъ на свою свадьбу; но они нашли предлоги отказаться. Между тѣмъ споръ за выдачу архіепископа гранскаго продолжался, и въ началѣ 1477 г. началась война, такъ какъ венгерскій король поддерживалъ австрійскихъ вассаловъ, враждебныхъ Фридриху. Императоръ послалъ агентовъ въ Богемію и Польшу, чтобы нанять войскъ у Владислава и его отца, Казиміра.

Въ первой половинѣ 1477 г. Фридриху слѣдовало бы возобновить сватовство своего сына за Марію Бургундскую, сославшись на обѣщанія ея отца и ея самой, или по крайней мѣрѣ послать Максимиліана въ Нидерланды, окруживъ его пышностью, богатствомъ и роскошью, потому что въ этой странѣ людей цѣнили по богатству. Но онъ не могъ предпринять ни того, ни другаго, вслѣдствіе своихъ отношеній къ Венгріи и Богеміи и по бѣдности. Ни въ Австріи у Фридриха, ни въ Тиролѣ у Максимиліана, не было ни одного изъ тѣхъ городовъ, которые разбогатѣли торговлею и промышленностью свободныхъ гражданъ. Однако императоръ послалъ въ Нидерланды посольство, чтобы офиціально просить руки герцогини. Это посольство состояло изъ курфирста Іоанна Трирскаго, герцога Лудвига Пфальцъ-Цвейбрюккенскаго, Георга Баденскаго епископа мецкаго и императорскаго канцлера Гаслера, сдѣлавшагося впослѣдствіи кардиналомъ *). Въ Брюсселѣ интриги герцога Клеве, желавшаго выдать Марію за своего сына, задерживали пословъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ оберъ-гофмейстерина д'Алльвенъ, Оливье де-ла-Маршъ и въ особенности вдова Карла Смѣлаго, его третья супруга, Маргарита Іоркская, настояли на томъ, чтобы посольство отправилось въ Гентъ и объявило свое предложеніе въ присутствіи блестящаго собранія. Сцена, разыгравшаяся при этомъ, имѣла весьма странный, романическій характеръ. Но если вѣрить Мельхіору Финцингу, написавшему стихами Theuerdank по запискамъ самого Максимиліана, Марія уже прежде возобновила тайныя сношенія съ эрцгерцогомъ. Въ Theuerdank сказано, что она призвала къ себѣ вѣрнаго слугу, дала ему рекомендательное письмо и просила его исполнить ея порученіе:

Unnd suchen einen tewren Heldt,
Den hat unnser Vater erwelt,
Unns dem lannt für ein herrn.
Wir wissen nicht, ob er fern
Oder nah von hie zu fynden sey;
Aber wir sagen dir dabey:
Bringst du den Helden mit dir her,
So sollst du hinfür nit mer
Von armut wissen zu sagen,
Da du alle dein lebtahen
Reich und auch mechtig sollest sein **).

Это совершенно согласно съ разсказомъ о сценѣ, происходившей при пріемѣ пословъ. Георгъ Мецкій сказалъ блестящую рѣчь, въ которой просилъ, отъ имени Максимиліама, руки герцогини. Вельможи, между которыми главную роль игралъ Равенштейнъ (Георгъ Клеве), отвѣчали, что не могутъ сказать ничего рѣшительнаго, пока не обсудятъ дѣла. Тогда одинъ изъ посланниковъ вынулъ письма, писанныя Маріей въ 1473 и 1475 гг., въ которыхъ она обѣщала Максимиліану свою руку, и перстень съ большимъ бриліантомъ, подаренный ею эрцергцогу, и просилъ герцогиню торжественно признать письма и перстень своими. Марія была, безъ сомнѣнія, заранѣе предувѣдомлена объ этомъ и, не колеблясь, исполнила просьбу посланника, а пристыженные вельможи не смѣли возражать ей.

---

*) Въ прибавленіяхъ къ сочиненію Комина упоминается еще un docteur Guillaume Mortingle.

**) *Пойди, отыщи славнаго героя, котораго избралъ мой отецъ въ повелители мнѣ и моей странѣ.* Я не знаю, гдѣ его найдти, далеко ли, близко ли онъ отъ меня. Но скажу тебѣ, что если ты приведешь мнѣ героя, то никогда не будешь слышать о бѣдности, станешь богатъ и могущественъ на весь твой вѣкъ.

Поэтъ и рыцарь Максимиліанъ полетѣлъ защищать свою возлюбленную, а герцогъ Клеве уѣхалъ изъ Гента. Когда эрцгерцогъ прибылъ въ Кёльнъ (въ іюлѣ), Марія должна была дать ему сто тысячъ гульденовъ, чтобы онъ могъ прилично явиться въ Гентъ. Нидерландскіе чины дали свое согласіе на бракъ герцогини на сеймѣ въ Левенѣ; но нидерландцы смотрѣли на это съ неудовольствіемъ, видя, что дворяне не хотятъ тратиться, какъ прежде, на угощенія и подарки, и что, слѣдовательно, городамъ придется взять на себя расходы на содержаніе двора. Вѣроятно, ихъ очень удивляла бѣдность австрійскаго герцога, который, подобно своему отцу, едва могъ существовать, и не смотря на это былъ выбранъ императоромъ. Коминъ говоритъ о германскомъ императорѣ точно такимъ тономъ, какимъ въ наше время сталъ бы говорить богатый крестьянинъ, банкиръ или мясникъ о какомъ-нибудь бѣдномъ графѣ или ученомъ. Онъ разсказываетъ, что посланники, высланные герцогинею на встрѣчу жениху (бароны дю Фе, д'Ирланъ и Оливье де ла Маршъ), застали эрцгерцога почти совсѣмъ безъ денегъ *). Оливье выражается объ этомъ совершенно иначе: онъ не бранитъ, а торжествуетъ, потому что съумѣлъ при этомъ случаѣ возвыситься и получить значительное мѣсто при дворѣ (et furent mes approches tellement faites, que je fus retenu grand et premier ministre d'hostel du fils de l'empereur). Впрочемъ деньги, отвезенныя эрцгерцогу посланниками, отправленными въ Кёльнъ, были даны гентцами. Въ августѣ 1477 г. бракосочетаніе совершилось.

Нидерландскія сословія и города воспользовались временемъ, протекшимъ отъ смерти Карла Смѣлаго до бракосочетанія герцогини, чтобы добиться отъ нея утвержденія своихъ прежнихъ, весьма обширныхъ правъ и дарованія новыхъ. Такъ какъ Максимиліанъ долженъ былъ признать и утвердить все это, то вскорѣ онъ совершенно разсорился съ своими новыми подданными, отличавшимися республиканскимъ духомъ. Они и безъ того смотрѣли на него косо, какъ на нѣмца. Сверхъ того, онъ принесъ съ собою въ Нидерланды крайнія воззрѣнія своего отца на сущность монархической власти. Максимиліанъ обладалъ всѣми тѣми качествами и преимуществами, которыя во всякомъ практическомъ, дѣловомъ человѣкѣ, а тѣмъ болѣе въ государѣ, могутъ скорѣе считаться блестящими недостатками, чѣмъ похвальными достоинствами. Онъ былъ блестящій и любезный придворный, романтическій рыцарь и модный писатель своего вѣка, какъ доказываетъ его Weiszkunig; но, что всего хуже, онъ былъ многоученый педантъ, лишенный всякаго дарованія. Максимиліану слѣдовало бы немедленно двинуться противъ французовъ, которые сожгли города Орши, Тюркуень, Френъ-ле-Бюссо, Сенъ-Соверъ, Маршіенъ и Арбекъ, пока онъ вторично праздновалъ 28 августа свою свадьбу въ Брюгге, а потомъ веселился и пировалъ въ Антверпенѣ. Но онъ пропустилъ удобный случай и доказалъ, какъ тогда, такъ и во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ своей жизни, что совершенно лишенъ практическаго смысла. Такимъ образомъ онъ бездѣйствовалъ и моталъ во Фландріи и Брабантѣ бургундскую казну, пока небольшіе отряды французовъ разоряли Голландію. Французскій король могъ бы воспользоваться этимъ и завоевать Бельгію. Но слишкомъ разсчетливая политика его и чрезмѣрная недовѣрчивость доставили ему большія затрудненія въ Франшъ-Конте и въ Бургундіи, начавшіяся еще въ маѣ и іюнѣ.

Лудовикъ послалъ въ Бургундію двухъ генераловъ, Шомона и Крана, изъ коихъ второй былъ назначенъ главнокомандующимъ; какъ уже было сказано (стр. 117), онъ воспользовался Іоанномъ II принцемъ Оранскимъ для пріобрѣтенія приверженцевъ въ герцогствѣ и графствѣ. Онъ обѣщалъ возвратить ему его значительныя родовыя владѣнія и назначилъ намѣстникомъ обѣихъ провинцій. Но черезъ нѣсколько времени король ограничилъ ввѣренную ему власть, побоявшись, чтобы принцъ, пользовавшійся нѣкогда независимостью и обладавшій обширными владѣніями и связями, не воспользовался даннымъ ему полномочіемъ для возвращенія своей независимости. Поэтому онъ отнялъ у него намѣстничество въ герцогствѣ, предоставивъ ему лишь графство. Но и здѣсь онъ имѣлъ сопер-

---

*) Ils le trouvèrent mal fourni d'argent et lui en portèrent; car son père a esté le plus parfaitement chiche homme, que Prince ni autre ait jamais esté de nostre temps.

нивовъ въ лицѣ де-Крана и баденскаго принца Филиппа фонъ Гохберга. Филиппу, назначенному маршаломъ Бургундіи, была ввѣрена крѣпость Жу, охранявшая границы Франшъ-Конте со стороны Невшателя. Кранъ получилъ неограниченную королевскую власть въ обѣихъ провинціяхъ: онъ могъ созывать государственные чины, отдавать приказанія рыцарству, судить дворянство и даже собрать милицію и поголовное ополченіе (ban et arrière ban) провинцій Дофине, Ліоне, Форе, Божоле и Шампани. Принцъ Іоаннъ согласился на все это, но возсталъ, когда не получилъ обѣщанныхъ владѣній. Король увѣрялъ принца, что всѣ имѣнія, принадлежавшія прежде его дядѣ, должны быть возвращены ему; не смотря на это, онъ подстрекалъ генерала Крана противиться возвращенію этихъ имѣній. Поэтому принцъ Оранскій снова обратился въ Маріи Бургундской, получилъ отъ нея новыя полномочія, и написалъ въ Дижонъ, совѣтуя противиться видамъ Лудовика на Франшъ-Конте, такъ какъ король замышляетъ враждебныя дѣйствія. Затѣмъ, по его приказанію, два брата, Клодъ и Гильомъ Водре, поспѣшно собрали армію и заняли для Маріи Везуль, Рошфоръ и Окзерръ. Кранъ хотѣлъ отнять Окзерръ, но потерпѣлъ столь позорное пораженіе, что бѣжалъ въ Бургундію, не останавливаясь въ Гре, куда сперва отступилъ. Судя по письмамъ и поступкамъ короля, пораженіе это привело его въ комическую злобу. Онъ написалъ Крану, что если ему удастся захватить принца, то онъ долженъ сжечь его или сперва повѣсить, а потомъ сжечь. Затѣмъ онъ приказалъ отдать принца заочно подъ судъ. Парламентъ произнесъ надъ Іоанномъ приговоръ, столь же яростный, какъ и письма короля. (Jean d'Arlon, condamné comme faux et traitre chevalier à confisque corps et biens, sera pris pour être exécuté et faute de ce sera pendu par les pieds). Изображеніе его было повѣшено на висѣлицахъ во всѣхъ городахъ Бургундіи, а его домъ въ Дижонѣ срытъ. Но это также не огорчило Іоанна. Съ помощью бургундцевъ и пожертвованіемъ собственнаго имущества, онъ собралъ значительныя суммы, на которыя навербовалъ въ Швейцаріи войско; тысячи швейцарцевъ стеклись къ нему, не смотря на протесты французскаго короля и на его запрещеніе служить въ войскѣ принца.

Между тѣмъ Максимиліанъ для спасенія Франшъ-Конте старался устроить миръ между Союзомъ и своею женою. Ему дѣятельно помогали отецъ его Фридрихъ, пріемный отецъ Сигизмундъ Тирольскій, герцогъ Лотарингскій Рене и всѣ мелкія государства, съ трепетомъ взиравшія на возврастающее могущество коварнаго французскаго короля. Но прежде чѣмъ Максимиліанъ успѣлъ примирить Марію съ швейцарцами, Лудовикъ перехитрилъ его въ Нидерландахъ, склонивъ его заключить перемиріе, которое позволило французскому королю обратить всѣ свои силы на герцогство и графство Бургундскія. Максимиліанъ тотчасъ послѣ своей женитьбы послалъ противъ французовъ въ Артуа графа Ромона и ландграфа Гессенскаго, не успѣвъ еще принять присягу областей и городовъ и подтвердить ихъ права, чего требовалъ обычай. Ромонъ и ландграфъ, предводительствуя нѣмецкимъ войскомъ, выгнали изъ Арраса Филиппа де Кревкёра и отразили самого короля. Тогда Максимиліанъ самъ поспѣшилъ изъ Антверпена, и Лудовикъ, считавшій, по своему обыкновенію, неблагоразумнымъ дѣйствовать смѣло, началъ переговоры; въ лагерѣ при Лансѣ ему удалось заключить не миръ, а лишь перемиріе. Онъ хотѣлъ воспрепятствовать Максимиліану спасти герцогство и графство Бургундскія и достигъ своей цѣли, такъ какъ, по условію, эти провинціи были исключены изъ перемирія; касательно Нидерландовъ, Лудовикъ удержалъ за собой право возобновить войну, обязавшись предупредить объ этомъ за четыре дня.

Между тѣмъ Кранъ, получившій намѣстничество, деньги, имѣнія и разныя должности, по выраженію Комина, растолстѣлъ и предался грабежу *), поэтому было бы неблагоразумно оставить за нимъ намѣстничество и командованіе войсками въ обѣихъ провинціяхъ. Лудовикъ отозвалъ его и назначилъ на его мѣсто помощника его, Карла д'Амбуаза сеньера де Шомона; чтобы Кранъ не обидѣлся, король вознаградилъ его намѣстничествомъ въ другихъ провинціяхъ. Новый на-

*) Имъ были недовольны, говоритъ Коминъ, pour les grandes pilleries, qu'il avoit faite au pays.

мѣстникъ былъ подкрѣпленъ всѣми войсками, находившимися въ Артуа. Такъ какъ принцъ Оранскій защитилъ городъ Доль и выгналъ французовъ изъ Гре при помощи бернцевъ, то для успѣха дѣла было необходимо лишить его помощи швейцарцевъ. Лудовикъ старался подкупить ихъ подарками, пенсіями и взятками. Коминъ упоминаетъ о суммахъ выплаченныхъ имъ Лудовикомъ. По его словамъ, король достигъ своего могущества тѣмъ, что грабилъ однихъ и награбленныя деньги и имѣнія отдавалъ другимъ, пользовавшимся вліяніемъ (un pauvre roi n'eut sçeu faire ce tour, et le tout lui tourna à son grand profit). Коминъ справедливо прибавляетъ, что подарки Лудовика были вредны швейцарцамъ, потому что впервые познакомили ихъ съ золотою монетою. Швейцарцы всегда готовы были продать себя тому, кто больше дастъ; изъ нихъ Луцернъ наиболѣе содѣйствовалъ интересамъ французовъ; прочимъ же нравились выгоды, предлагаемыя противной стороной. Они съ угрозами отозвали всѣхъ своихъ людей, служившихъ за деньги бургундцамъ, и жестоко наказали тѣхъ, которые возвратились въ отечество послѣ неудачи принца Оранскаго; но вслѣдъ за тѣмъ они заключили въ Цюрихѣ, такъ называемый, вѣчный миръ съ Маріею и Максиміліаномъ (январь 1478 г.). Имъ было обѣщано гораздо больше, чѣмъ сколько они получали отъ Лудовика, а именно 150 тысячъ гульденовъ; за это они обязывались лишь отказаться отъ притязаній на верхнюю Бургундію, которыя бы могли имѣть въ силу права войны. Представленія французскаго посланника противъ заключенія мира были отвергнуты. Швейцарцы отвѣтили послу оченъ высокомѣрно, и Лудовикъ XI долженъ былъ быть чрезвычайно тонкимъ дипломатомъ, чтобъ простить имъ эту дерзость. Когда впослѣдствіи Шомонъ сталъ готовиться къ завоеванію Франшъ-Конте, эльзасскіе города и швейцарцы согласились за деньги дать ему въ наймы 6000 чел. войска. Сверхъ того графъ Мюмпельгардъ впустилъ французовъ въ свои владѣнія за жалкую сумму 1000 гульденовъ (ливровъ), а герцогъ Виртембергскій грамотою за своею печатью согласился на это. Даже пріемный отецъ Максиміліана, эрцгерцогъ Сигизмундъ Тирольскій, вмѣсто того чтобы помогать своему сыну, протягивалъ руку за подачками Лудовика. Однако Лудовикъ, не разсчитывавшій на дѣйствительную помощь Сигизмунда противъ Максиміліана, весьма справедливо отвѣтилъ ему, что не можетъ бросать деньги по пустякамъ (mais avant que de mettre le mien, je veux bien sçavoir s'il sera mon ami).

Крѣпости провинціи Франшъ-Конте были завоеваны, а братья Водре потерпѣли пораженіе: принцъ Оранскій бѣжалъ въ Арбле, и защитники Безансона оробѣли. Это одобрило Лудовика, который между тѣмъ занялъ графство Булонь; онъ возобновилъ военныя дѣйствія въ Артуа и взялъ Канбре, хотя этотъ городъ въ то время считался имперскимъ. Но едва только показалась тѣнь опасности, какъ онъ струсилъ. Взятіе Канбре и занятіе епископства верденскаго съ крѣпостью Верденомъ (1478 г.), остававшихся за германской имперіей до половины слѣдующаго столѣтія, пробудили наконецъ нѣмецкихъ государей; не далѣе какъ въ іюнѣ они не послушались императорскаго эдикта, изданнаго въ январѣ *). Лудовикъ, зная, что его всѣ ненавидятъ и собираются аттаковать, снова спрятался въ свою лисью нору. Онъ предложилъ эрцгерцогу возобновить перемиріе. Максиміліанъ, имѣвшій много хлопотъ и заботъ съ партіями въ Голландіи и Утрехтѣ, согласился на его предложеніе; 11 іюля 1478 года было заключено новое перемиріе на годъ.

Лудовикъ обѣщалъ возвратить все, завоеванное имъ въ Бургундіи и Геннегау, и согласился уладить свой споръ съ Максиміліаномъ въ Турнѣ, пригласивъ туда по шести посредниковъ съ каждой стороны. Дѣйствительно онъ возвратилъ Верденъ, Канбре и завоеванія въ Геннегау и вывелъ свои гарнизоны изъ Франшъ-Конте, такъ какъ швейцарцы, безъ помощи которыхъ онъ не могъ обойтись, выразили явное нежеланіе терпѣть его въ своемъ сосѣдствѣ и въ своихъ горныхъ проходахъ. Однако онъ такъ мало заботился о мирѣ, что даже не на-

*) Das ir auch von Stunds angesicht dis Unsers Kaiserlichen Brieffs mit der Ewrn zu Ross und zu Fuss, auf das höchst und das meist, so ir mögt mit harnisch, wegen, Puchsen, were und aller nothurfft, als ins Volk gehört, rüstet und geschickt seyd.

значилъ отъ себя посредниковъ. Уже въ началѣ мая 1479 года перемиріе было неожиданно прервано; въ концѣ апрѣля французы аттаковали Канбре и отняли у нидерландскихъ полководцевъ Максимиліана нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ въ Геннегау. На этотъ разъ король обратилъ вниманіе преимущественно на Бургундское графство. Онъ переплатилъ много денегъ патриціямъ кантоновъ, считавшимъ, подобно итальянскимъ кондотьери, вербованіе солдатъ своимъ ремесломъ: они обязались навербовать для него значительное число швейцарцевъ. Король полагался болѣе на эти войска, чѣмъ на свои; чтобы имѣть возможность нанять швейцарцевъ, онъ распустилъ одиннадцать ротъ жандармовъ (compagnies d'ordonnance). Военную подать, которая взималась произвольно на содержаніе ординарцевъ и была постоянно возвышаема, онъ употребилъ для найма швейцарцевъ. Войско, составленное такимъ образомъ, было гораздо страшнѣе того, которое въ прошедшемъ году завоевало Франшъ-Конте. Шомонъ, предводительствуя имъ, двинулся прямо на Доль и взялъ этотъ укрѣпленный городъ при первомъ приступѣ. Устрашенные паденіемъ Доля, другіе города, въ томъ числѣ Окзерръ, отворили ворота французскому главнокомандующему. Даже Безансонъ, считавшійся въ то время вольнымъ имперскимъ городомъ, сдался французамъ, предложивъ королю черезъ двухъ посланниковъ признать его, въ качествѣ графа Бургундскаго, своимъ покровителемъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ герцоговъ Бургундскихъ. Однако швейцарцы, составлявшіе лучшую часть арміи Шомона, не обращали ни малѣйшаго вниманія на то, что провинція покорилась добровольно. Они служили не столько изъ жалованья, сколько изъ-за добычи, и потому грабили самымъ жестокимъ образомъ.

Такимъ образомъ французы завоевали обѣ Бургундіи; но въ Нидерландахъ они терпѣли неудачи. Здѣсь противъ нихъ сражались страшные вожди валлоновъ, о свойствахъ которыхъ можно судить по тому, что одного изъ нихъ называли арденискимъ кабаномъ, а другаго бюзантонскимъ буйволомъ. Принцъ Шиме, бургундскій маршалъ Вильгельмъ де ля Маркъ (этотъ-то и былъ арденнскій кабанъ) и ихъ товарищи, тиранъ Бюзантонскій и Авреліанъ-дю-Фей вступили въ люксембургскую область съ 10 т. войскомъ. За ними самъ Максимиліанъ двинулся въ Артуа и Геннегау. Здѣсь французами командовалъ Девердъ, перешедшій по смерти Карла Смѣлаго изъ бургундской службы во французскую и завоевавшій для Лудовика укрѣпленные города Пикардіи и Артуа. Товарищемъ его по командѣ былъ маршалъ де Жіе. Максимиліанъ съ 20 тысячнымъ войскомъ началъ осаду Теруаннія; но, услышавъ о приближеніи французовъ, снялъ осаду и двинулся противъ нихъ. Лудовикъ съ досадой узналъ, что войска его дали тягу, какъ только сошлись съ непріятелемъ въ открытомъ полѣ. Сраженіе, въ которомъ французы были совершенно разбиты, произошло 7 августа 1479 г. при Гингатѣ. Войско Максимиліана стояло на высотахъ Гингата, въ одной милѣ отъ Теруаннія, а французскіе генералы расположились на противолежащихъ холмахъ. Они превосходили бургундцевъ своею рыцарскою конницею, которая доставила бы имъ побѣду, если бы они не сдѣлали грубой ошибки; впрочемъ большая часть ихъ пѣхоты состояла изъ дрянной милиціи королевскихъ стрѣлковъ (franc-archers), которые немедленно разбѣжались, когда кавалерія оставила ихъ, чтобъ преслѣдовать непріятеля. Вначалѣ французы опрокинули непріятельскую кавалерію; ихъ предводители покинули поле сраженія, чтобы преслѣдовать бѣгущихъ и ловить плѣнныхъ, выкупъ которыхъ могъ обогатить ихъ; тогда и жалкіе стрѣлки, считая сраженіе выиграннымъ, бросились грабить обозъ. Но вдругъ дѣло приняло другой оборотъ. Превосходная нидерландская пѣхота, искусно предводимая Ингельбертомъ Нассаускимъ и графомъ Ромономъ (Филиппомъ Савойскимъ), была такъ расположена, что побѣда заранѣе принадлежала ей; впереди стоялъ пятисотенный отрядъ отборныхъ англійскихъ стрѣлковъ, а за ними три тысячи нѣмецкихъ мушкатеровъ, прикрытые отличной артиллеріею. Поэтому, когда нидерландская кавалерія, стоявшая на флангахъ, своимъ бѣгствомъ увлекла съ поля сраженія французскую конницу и ея вождей, остальное французское войско, занятое грабежомъ, было мгновенно обращено въ бѣгство. Максимиліанъ одержалъ блистательную побѣду, но извлекъ изъ нея очень мало пользы. Онъ даже не возобновилъ осады Теруаннія, хотя Коминъ утверждаетъ, что городъ непремѣнно сдался бы, еслибъ осада была начата. Вскорѣ послѣ сраженія при Гингатѣ Лудовикъ снова высказалъ

жестокость и безчувственность своего деспотическаго нрава, которыя онъ обнаруживалъ вездѣ и всегда, точно также, какъ мудрость въ политикѣ, судопроизводствѣ и управленіи. Вскорѣ послѣ сраженія, Максимиліанъ повѣсилъ французскаго коменданта маленькаго замка Малонуа, который упорно и безъ всякой цѣли три дня задерживалъ всю нидерландскую армію. Тогда Лудовикъ приказалъ повѣсить пятьдесятъ знатнѣйшихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного польскаго принца. Изъ нихъ семеро были повѣшены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ казненъ комендантъ, а остальные передъ воротами Дуэ, Сентъ-Омера, Лилля и Арраса.

Въ 1480 и 1481 г. Лудовикъ продолжалъ войну, но такъ осторожно, что въ военномъ отношеніи въ эти два года не случилось ничего, достойнаго занять мѣсто во всеобщей исторіи. За то онъ сдѣлалъ важныя пріобрѣтенія, тогда какъ Максимиліанъ со всѣми своими прекрасными качествами не могъ достичь ни власти, ни вліянія во владѣніяхъ своей супруги, отъ которой у него уже давно родились сынъ и дочь. Въ теченіе этого времени Лудовикъ лишилъ высшее дворянство всѣхъ правъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ ущербъ коронѣ; съ этой цѣлью онъ покровительствовалъ среднему и нисшему сословіямъ и утвердилъ законный порядокъ. До сихъ поръ во Франціи, какъ и вездѣ, на землевладѣльцахъ лежала обязанность оберегать укрѣпленныя мѣста, что давало имъ предлогъ вербовать войска и взимать подати. Лудовикъ уничтожилъ это; чтобы сломить могущество древнихъ аристократическихъ фамилій, основанное на старинномъ владѣніи землями, онъ лишилъ землевладѣльцевъ, владѣтелей городовъ, замковъ и крѣпостей возможности содержать войска, строить укрѣпленія и вести частныя войны; съ этою цѣлью онъ очень ловко поставилъ ихъ въ необходимость дѣлать все то на свой счетъ, на что у большей части дворянства не было средствъ. Онъ приказалъ уничтожить всѣ крѣпости, лежавшія внутри государства, сохранивъ лишь пограничныя и постановивъ, что забота о ихъ защитѣ и укрѣпленіи принадлежитъ только правительству. Такимъ образомъ онъ овладѣлъ попеченіемъ о безопасности своихъ подданныхъ и всѣми податями, платимыми ими для своей защиты. Кромѣ того, онъ освободилъ ихъ отъ феодальной расправы, учредивъ много новыхъ судовъ. Въ то же время Лудовикъ взялъ подъ свою опеку Савойю. По смерти его сестры Іоланты (стр. 113), оставившей несовершеннолѣтняго сына Филиберта, братья ея мужа овладѣли управленіемъ и регентствомъ. Но Лудовикъ приказалъ перевести своего племянника въ Дофине и такимъ образомъ распространилъ свое вліяніе за альпійскіе проходы, тѣмъ болѣе, что въ это же время овладѣлъ и Провансомъ. Старый Рене умеръ въ 1480 г., а черезъ годъ и племянникъ его, Карлъ Менскій (стр. 111); Лудовикъ, назначенный имъ своимъ наслѣдникомъ, овладѣлъ не только Провансомъ, но и Анжу и Меномъ. Еще при жизни Рене король склонилъ его уступить ему герцогство Барское, доставшееся ему въ собственность отъ дяди его, кардинала. Старикъ отдалъ Лудовику Баръ, хотя герцогъ Лотарингскій могъ бы заявить на него притязанія, какъ на наслѣдство своей бабки, старшей дочери Рене. Лудовикъ съумѣлъ занять выгодное положеніе относительно своего могущественнѣйшаго вассала, герцога Бретанскаго, который, несмотря на вынужденныя у него обѣщанія и тягостные договоры, никогда не былъ его другомъ и по смерти Карла Смѣлаго вступилъ въ сношенія съ Максимиліаномъ и Англіею. За недостаткомъ собственныхъ притязаній на Бретань, король запасся чужими, которыя купилъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія (т. III, стр. 330, 344, 345 и 392) за обладаніе герцогствомъ спорили Карлъ Блуа и Іоаннъ Монфоръ, а когда первый погибъ, то войну продолжала жена его, Іоанна Хромая, прославившая себя мужествомъ и храбростью. Домъ Монфоровъ удержалъ за собою герцогство; но потомки храброй Іоанны унаслѣдовали права дома Блуа, которыя перешли къ фамиліи Пантьевръ. Николь Пантьеврская. оставила права своего прадѣда мужу своему, Жану де Броссу. Лудовикъ купилъ у нихъ неоспоримыя права на Бретань. Оставалось только пустить ихъ въ ходъ, такъ что при благопріятныхъ обстоятельствахъ Лудовикъ имѣлъ возможность во всякое время овладѣть герцогствомъ.

Въ нидерландскомъ герцогствѣ Гельдернѣ Лудовикъ давно завелъ интриги, съ цѣлью поживиться на счетъ своего противника Максимиліана: но онъ не достигъ желаемой цѣли, и Максимиліанъ сохранилъ за собою эту провинцію,

пріобрѣтенную его тестемъ. Молодой герцогъ Адольфъ Гельдернскій, лишенный отцомъ своимъ наслѣдства за жестокій поступокъ съ нимъ и заключенный Карломъ Смѣлымъ въ тюрьму, былъ впослѣдствіи освобожденъ фламандцами и убитъ въ войнѣ съ французами (стр. 100 и 119); онъ оставилъ послѣ себя сына и дочь. Лудовикъ старался воспользоваться этими сиротами, ихъ нѣмецкими родственниками и жителями герцогства, чтобъ отдѣлить Гельдернъ отъ Нидерландовъ. Ему удалось склонить вдовствующую герцогиню Екатерину, епископа мюнстерскаго и сословія Гельдерна и графства Цютфенскаго, отправить къ нему въ Мецъ пословъ для переговоровъ. Однако, повидимому, намѣренія уполномоченныхъ не совпадали съ цѣлями Лудовика; Екатерина и сословія требовали, чтобы онъ всѣми средствами старался освободить молодаго герцога Карла, находившагося во власти Максимиліана; но Лудовикъ не намѣренъ былъ тратить деньги для другихъ. Поэтому сословія отправили депутатовъ къ Максимиліану съ требованіемъ отпустить принца. Максимиліанъ отказалъ въ этомъ, и тогда всѣ города герцогства, незанятые бургундскими войсками, объявили мать Карла правительницей и опекуншей; въ августѣ 1478 г. гельдернскіе чины заложили графство Цютфенское епископу мюнстерскому, Генриху Шварцбергу, съ тѣмъ чтобы онъ былъ покровителемъ герцогства и вождемъ ихъ въ войнѣ за независимость. Кажется, что съ этихъ поръ (съ 1479 г.) Лудовикъ предоставилъ жителей Гельдерна на произволъ судьбы. Максимиліанъ противился отдѣленію герцогства отъ прочихъ нидерландскихъ провинцій сперва при помощи голландцевъ и брабантцевъ и только въ 1480 г. могъ послать въ Гельдернъ значительное войско. Успѣхи этого войска принудили рыцарство и города Гардевикъ и Эльбургъ, оказавшіе самое упорное сопротивленіе, вступить въ переговоры; въ январѣ 1481 года было заключено перемиріе, по которому всѣ мѣста, нехотѣвшія доселѣ присягать, покорились.

Въ это время (1480—1482) война между Франціей и Нидерландами шла вяло, такъ какъ вскорѣ по нарушеніи перваго перемирія было заключено второе; но до мира не доходило, потому что Максимиліанъ противился ему, считая по обычаю рыцарей войну дѣломъ чести; онъ увѣрялъ, что въ его памятной книжкѣ отмѣчены всѣ случаи, когда французы надули и провели его. Но онъ имѣлъ вліяніе лишь при жизни жены; по смерти же ея нидерландцы и бельгійцы установили родъ республики и перестали слушать Максимиліана. Марія умерла внезапно 27 марта 1482 г. Въ сентябрѣ 1481 она родила втораго принца, умершаго тотчасъ послѣ своего крещенія; въ ноябрѣ она посѣтила Геннегау и принимала присягу, среди блестящихъ празднествъ, въ Монсѣ и Валансіеннѣ. Зиму она провела въ Брюгге, гдѣ по неосторожности (потому что была снова беременна) приняла приглашеніе на соколиную охоту одного изъ друзей своего отца, Лодевика фанъ Груйтуйзена; желая перескочить черезъ ровъ, она упала подъ лошадь, расшиблась при паденіи объ дерево и умерла отъ послѣдствій этого несчастнаго случая. На смертномъ одрѣ она упрашивала нидерландцевъ передать Максимиліану управленіе и опеку надъ четырехлѣтнимъ сыномъ ея, Филиппомъ; но Максимиліанъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Въ Геннегау, Намюрѣ, Брабантѣ и въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ власть и всѣ должности находились въ рукахъ демократической партіи (kabeljaauw—рыбы), онъ былъ, правда, признанъ правителемъ; но аристократическая партія (Hoeks—удочки) и фламандцы не хотѣли и слышать о его регентствѣ. Гентцы овладѣли маленькимъ герцогомъ Филиппомъ, и нотабли (Leden) Фландріи учредили вслѣдствіе интригъ Лудовика регентство, совершенно независимое отъ Максимиліана; оно немедленно вступило въ мирные переговоры съ французскимъ королемъ, не спрашивая согласія Максимиліана. Это регентство, состоявшее изъ Лудовика епископа люттихскаго, замѣчательнаго по безобразію, и изъ господъ Вольферта фонъ Борзеллена, Филиппа Бургундскаго, ванъ Беверена и Филиппа Клеве, сына Адольфа Равенштейна, имѣло резиденцію въ Гентѣ и противодѣйствовало Максимиліану во всемъ, даже въ замужствѣ его дочери Маргариты. Маргариту, бывшую еще маленькимъ дитятей, хотѣли не только выдать за дофина, но даже передать французамъ на воспитаніе. Даже Коминъ сознается, что съ Максимиліаномъ, который велъ тяжелую войну съ Утрехтомъ и не имѣлъ денегъ, съиграли плохую штуку.

Король Лудовикъ находился въ то время въ весьма плачевномъ состояніи. Онъ былъ разбитъ параличемъ, не могъ ни ходить, ни стоять, потерялъ сознаніе

и, по выраженію Матье, который его видѣлъ, походилъ на бродящаго скелета (une anatomie ambulante); не смотря на это, онъ хотѣлъ руководить всѣмъ лично. Въ это время онъ былъ подозрительнѣе и свирѣпѣе, чѣмъ прежде, хотя часто, воображая, что читаетъ письма или донесенія, держалъ листъ навыворотъ. Его внутренняя жизнь была адомъ, а жилище страшной тюрьмой, какъ видно изъ описанія Комина замка Ля-Туръ-дю-Плесси. Описаніе это не преувеличено, потому что Коминъ такой же дипломатъ, какъ и Лудовикъ; онъ хвалитъ его, какъ великаго короля, который преобразовалъ Францію и соединилъ своихъ подданныхъ въ плотную націю, а въ глазахъ дипломатовъ цѣль оправдываетъ средства. Разсказы о душевныхъ мукахъ какого нибудь Фаларида, Діонисія I, Домиціана, Тиберія, Каракаллы и другихъ тирановъ древности блѣднѣютъ передъ разсказомъ Комина о жизни Лудовика въ Ля-Туръ-дю-Плесси, о его терзаніяхъ и страхѣ. Замокъ короля былъ окруженъ тройнымъ рядомъ рвовъ, валовъ и палисадовъ. Валъ былъ окруженъ страшною желѣзною рѣшеткою, рогатками и острыми желѣзными палисадами, а во рвахъ сидѣли стрѣлки. Къ королю не пускали никого, кромѣ разной сволочи, которой онъ довѣрялъ, потому что кромѣ него никто не сталъ бы кормить и держать ее. Вокругъ замка и въ комнатахъ находилась грозная стража, а ночью стрѣлки стрѣляли изъ рвовъ во всякаго, подходившаго слишкомъ близко къ воротамъ. Окружающихъ Лудовикъ держалъ въ постоянномъ страхѣ и дѣлалъ зло и несправедливости лишь за тѣмъ, чтобы Франція знала, что онъ еще живъ (Il faisait d'aprés punitions, pour estre craint et de peur de perdre obéissance; car ainsi me le dit lui même. Il renvoyait officiers et cassoit gens d'armes, rognoit pansions et en ostoit de tous points, et me dit peu de jours avant sa mort, qu'il passoit temps à faire et à défaire gens, et faisoit plus parler de luy parmy le royaume, que n'avoit jamais fait, et le faissoit de peur, qu'on ne le tint pour mort). Какъ только ему стало лучше, онъ снова занялся подкупами, интригами, шпіонствомъ и подстрекательствомъ не только частныхъ лицъ, но и цѣлыхъ сословій своего и чужихъ государствъ, и велъ эти дѣла еще лучше, чѣмъ прежде. Онъ посылалъ даже въ Данію и Норвегію, откуда съ большими издержками выписывалъ лосей и сѣверныхъ оленей; при этомъ онъ имѣлъ въ виду заставить говорить о себѣ, и не только не интересовался этими звѣрями, но даже не взглянулъ на нихъ.

Лудовикъ уже давно пріобрѣлъ большое вліяніе на фландрскую аристократію и учрежденное ею регентство, точно также какъ и на дикихъ демократовъ, неограниченно господствовавшихъ въ Гентѣ: первыми онъ располагалъ при помощи многихъ бургундскихъ вельможъ, перешедшихъ на его сторону; вторыми же онъ управлялъ черезъ своего Оливье Дьявола и двухъ страшныхъ гентскихъ демагоговъ, которые позднѣе были публично казнены (одинъ въ 1485, другой въ 1491 г.) *). Опекуны сына Максимиліана желали во что бы то ни стало купить миръ съ Франціею, и эрцгерцогъ, устраненный отъ регентства, тщетно хлопоталъ на бельгійскомъ сеймѣ въ Аальстѣ о томъ, чтобъ не уступать по крайней мѣрѣ Франшъ-Конте, если нельзя спасти Артуа. Когда дѣло дошло до рѣшенія, гентская демократія увлекла за собою сословія Голландіи и Брабанта, и Максиміліанъ потерпѣлъ горькія оскорбленія **). Такимъ образомъ, опекуны молодаго Филиппа предложили умирающему французскому королю столь выгодныя условія, какихъ онъ самъ не ожидалъ, по его собственному сознанію. Вслѣдъ затѣмъ общій нидерландскій сеймъ согласился на предложенія регентства, и 23 декабря 1482 г. въ Аррасѣ былъ подписанъ миръ. Главнымъ условіемъ его было то, что 2-лѣтняя дочь Максимиліана, Маргарита, будетъ выдана впослѣдствіи за дофина Карла, а пока должна быть отправлена на воспитаніе во Францію. Лудовикъ

---

*) Et s'addressoit-on du tout à un pensionnaire de la dite ville (de Gand) appellé Guillaume Rym, sage homme et malicieux, et à un autre appellé Coppenole, clerc des eschevins, qui estoit chauffetier et avoit grand crédit parmi le peuple, car gens de telle taille l'y ont, quand sont ainsi désordonnés.

**) Là (на бельгійскомъ сеймѣ въ Аальстѣ) firent les Gandois plusieurs choses contre le vouloir du duc d'Autriche, comme de bannir gens, d'en oster aucuns d'auprès de son fils, et puis lui dirent le vouloir qu'ils avoient, que ce mariage dont j'ai parlé se fit pour avoir paix, et le luy firent accorder, vousist-il ou non.

удерживалъ графства Артуа и Бургундское и господства Маконъ, Окзерръ, Баръ-сюръ-Сенъ и Нойе, какъ приданное Маргариты. Но въ случаѣ, если бракъ не состоится или если Маргарита умретъ безъ наслѣдниковъ, земли эти должны будутъ перейдти къ ея брату. За то если бракъ будетъ заключенъ, то дофинъ получитъ сверхъ того Сентъ-Омеръ. Увидя, какъ легко достались ему Артуа и Франшъ-Конте, Лудовикъ потребовалъ было уступки Лилля, Дуэ и Орши на томъ основаніи, что его прадѣдъ, Карлъ V, отдалъ ихъ Филиппу Бургундскому съ условіемъ, что по прекращеніи мужескаго колѣна герцогской линіи они возвратятся къ коронѣ; но, замѣтивъ, что нидерландцы ни за что не согласятся отдать ему эти города и допустить его утвердиться среди ихъ владѣній, онъ отступился отъ своихъ требованій. О городахъ по Соммѣ, которыми онъ завладѣлъ, въ трактатѣ не упоминалось.

Въ послѣдніе годы королю всего полезнѣе были швейцарцы. Графъ Ромонъ, долго и вѣрно служившій Бургундіи, былъ вознагражденъ за это очень дурно. Ему обѣщали возвратить Ваадтъ; но потомъ объ этомъ не было и рѣчи, и область эта осталась за бернцами. Швейцарцы были недовольны тѣмъ, что Лудовикъ утвердился въ горныхъ проходахъ и замкахъ Франшъ-Конте; но такъ какъ онъ былъ очень щедръ къ нимъ, то они молчали. Въ послѣдніе годы своей жизни Лудовикъ снова далъ имъ 100 тысячъ талеровъ. Впрочемъ вся пѣхота его въ послѣднее время состояла изъ швейцарцевъ, такъ какъ онъ уничтожилъ городскую милицію (franc-archers) и увеличилъ подать на войско, платимую подданными. Кромѣ швейцарской пѣхоты, шеститысячный отрядъ которой оказалъ ему важныя услуги въ Нидерландахъ, армія его имѣла сперва 1,700, а потомъ 5,000 конныхъ латниковъ. Лудовикъ умеръ 30 августа 1483 г.

Мы прерываемъ здѣсь исторію Франціи, такъ какъ по смерти Лудовика XI она вступаетъ въ тѣсную связь съ исторіею Италіи; сынъ и наслѣдникъ его Карлъ VIII не заботился о водвореніи порядка во Франціи и объ округленіи коронныхъ владѣній; онъ помышлялъ о завоеваніяхъ въ Италіи. Максимиліанъ, по смерти своего отца, также вмѣшался въ дѣла Италіи и принялъ участіе въ итальянскихъ войнахъ. Поэтому прежде чѣмъ продолжать исторію Германіи, мы должны взглянуть на событія въ Италіи и Испаніи. Здѣсь мы ограничимся пока краткимъ изложеніемъ дѣятельности Максимиліана въ Бельгіи до смерти его отца.

Фламандцы, особенно демократы Гента и Брюгге, и аристократическая партія Голландіи, Зеландіи и Утрехта были главными виновниками того, что Максимиліану пришлось уступить французамъ часть владѣній своего тестя. Аррасскій миръ не измѣнилъ отношеній Максимиліана къ этимъ партіямъ, хотя конецъ его правленія въ Нидерландахъ былъ счастливѣе, чѣмъ начало и середина. Во Фландріи среднее сословіе въ союзѣ съ пролетаріями одержало рѣшительный верхъ; но въ Голландіи высшее дворянство во главѣ своихъ кліентовъ и вассаловъ еще оспаривало у него побѣду. Аристократическая партія носила странное имя удочки (Hoek), а народная называлась рыбами (Kabeljaauw). Онѣ постоянно враждовали за назначеніе чиновниковъ, такъ какъ выборнымъ изъ народа были ввѣрены какъ судебная, такъ и административная часть. Карлъ Смѣлый силою сдерживалъ обѣ партіи. По смерти его, они на нѣкоторое время примирились, чтобы общими силами вынудить у Маріи почти республиканскую конституцію и, какъ выше было сказано (стр. 117), получили большія привилегіи. Затѣмъ они вновь разсорились, и Максимиліанъ встрѣчалъ повсюду не только раздоры, но и междоусобія. Послѣ безплодныхъ попытокъ примирить обѣ партіи, Максимиліанъ принялъ сторону демократовъ, которые предоставили ему значительную субсидію на военныя издержки. Фамиліи Бредероде, Вассенеръ, Наадвикъ и другіе аристократы, державшіе сторону голландскихъ графовъ, были принуждены уступить рыбамъ; нѣкоторые изъ нихъ претерпѣли жестокое преслѣдованіе и должны были удалиться въ свои заграничныя помѣстья. Изъ числа плѣнныхъ, взятыхъ Максимиліаномъ въ этой междоусобной войнѣ, окончившейся для него такъ счастливо, шестеро были казнены въ Лейденѣ, а двое въ Дортрехтѣ; другіе лишились своихъ имуществъ. Но когда Максимиліанъ выступилъ противъ французовъ и сражался при Гингатѣ, удочки начали новую войну въ Утрехтѣ, откуда распространились снова по Голландіи, гдѣ еще имѣли много приверженцевъ. Это относится къ исторіи епископства утрехтскаго. Съ того времени, какъ

герцогъ Филиппъ Добрый сдѣлалъ утрехтскимъ епископомъ своего побочнаго сына Давида (стр. 61), удочки начали враждовать съ герцогскимъ домомъ; Карлъ Смѣлый съ большимъ трудомъ поддерживалъ въ епископствѣ своего своднаго брата. Въ 1455 г. соборный капитулъ, не желая находиться подъ властью князей, отвергнулъ предложенныхъ ему герцога Стефана Баварскаго и бургундскаго батарда Давида и избралъ соборнаго пробста Гисберта Бредероде. Чтобъ помѣшать избранію Бредероде, Филиппъ послалъ въ Римъ епископа аррасскаго, черезъ котораго добился у папы назначенія Давида епископомъ. Онъ силою принудилъ Бредероде и его покровителя герцога Клеве удовольствоваться предложеннымъ нмъ вознагражденіемъ. Впослѣдствіи Бредероде былъ принужденъ не только отказаться отъ вознагражденія, но и отъ своего прежняго мѣста въ капитулѣ и удалиться изъ города со многими другими удочками. Но у нихъ осталось много приверженцевъ въ Утрехтѣ, а особенно въ сосѣднемъ Амерсфортѣ, и епископъ не пользовался полнымъ расположеніемъ своей паствы. Уже въ 1478 году граждане Амерсфорта возстали противъ Давида и выгнали его приверженцевъ изъ города; въ самомъ Утрехтѣ Давидъ такъ мало могъ довѣрять жителямъ, что большею частью жилъ въ Викъ-би-Доорстеденѣ. Когда Максиміліанъ началъ преслѣдовать и гнать удочки въ Голландіи, они собрались въ Утрехтѣ. Въ 1481 г. Іанъ Монфоръ во главѣ голландскихъ и другихъ удочекъ вступилъ въ Утрехтъ; приверженцы Бредероде вытѣснили оттуда епископа Давида и бургундцевъ. Эгмонтъ, глава рыбъ, тщетно старался вновь покорить городъ; Іанъ Монфоръ оказался сильнѣе его. Тогда Максиміліанъ приказалъ заключить въ тюрьму всѣхъ утрехтцевъ, захваченныхъ въ другихъ провинціяхъ, и удерживать ихъ заложниками за арестованныхъ Монфоромъ приверженцевъ епископа и эрцгерцога. Іанъ Монфоръ съ своей стороны изгналъ изъ Утрехта всѣхъ, осмѣлившихся толковать о примиреніи. Онъ даже овладѣлъ городомъ Нерденомъ, но былъ снова вытѣсненъ изъ него амстердамскими рыбами (26 декабря 1481 г.).

Съ этой минуты въ Голландіи и Утрехтѣ до Фрисландіи и Гренингена началась ожесточенная и яростная борьба партій. Безпокойные люттихцы поссорились со своимъ епископомъ, вслѣдствіе чего возникла продолжительная война, опустошившая всю страну отъ Брабанта до Эйфеля. Войны съ Лудовикомъ и безпокойства въ Гентѣ и Брюгге препятствовали Максиміліану вмѣшаться въ дѣла Люттиха и Утрехта; онъ былъ принужденъ предоставить ихъ людямъ, варварство и ярость которыхъ не имѣли предѣловъ, какъ доказываетъ участь безобразнаго епископа люттихскаго (стр. 129) и его противника Вильгельма де-ля-Марка. Вильгельмъ де-ля-Маркъ, справедливо прозванный арденнскимъ кабаномъ, долго служилъ интригану епископу, бывшему главнымъ врагомъ Максиміліана; пользуясь расположеніемъ епископа, онъ пріобрѣлъ неограниченную власть надъ его дворомъ и чиновниками, но наконецъ сталъ злоупотреблять ею. Онъ распространилъ свой деспотизмъ на самого епископа и въ его присутствіи оскорблялъ и умерщвлялъ его главныхъ сановниковъ. Наконецъ, въ 1482 г. епископъ прогналъ его. Вильгельмъ сталъ думать о мщеніи. Онъ собралъ войско и усилилъ его солдатами, распущенными по случаю мира Лудовикомъ XI, а также тѣми, которыхъ выгналъ изъ Люттиха епископъ, управлявшій своимъ епископствомъ совершенно независимо отъ Бургундіи. Съ этими дикими полчищами арденнскій кабанъ пошелъ на Люттихъ, чтобы изгнать епископа и возвести на его мѣсто своего сына, Іоанна. Епископъ, войсками котораго командовалъ Іанъ фанъ Гоорнъ, выступилъ противъ него, но, подойдя къ городу, узналъ, что бургомистры Русларъ и Павильонъ измѣнили ему и заключили съ Вильгельмомъ договоръ. Это принудило его отступить, причемъ онъ наконецъ претерпѣлъ участь, заслуженную поведеніемъ его во Фландріи. Онъ приказалъ начать отступленіе, но многочисленная городская милиція, которую онъ по неосторожности велъ съ собою, пришла въ замѣшательство и задержала его. Вильгельмъ настигъ его и раздробилъ ему черепъ. (Louis de Bourbon, грубо сказалъ онъ ему, j'ai cherché votre amitié et vous me l'avez refusée). Въ концѣ сентября арденнскому кабану удалось сдѣлать своего сына епископомъ, потому что тѣ каноники, которые были противъ него, бѣжали въ Брабантъ. Однако они противупоставили Іоанну де-ля-Марку Іана фанъ Гоорна, избраннаго епископомъ въ Кувенѣ. Вслѣдствіе этого оба епископа или скорѣе Вильгельмъ де-ля-Маркъ и его враги вели въ теченіе 1483 и 1484 годовъ ужасную

войну; они совершали неслыханныя звѣрства, жгли и рѣзали, одни за Намюръ, а другіе до Мастрихта и въ самой Германіи. Вильгельмъ уже въ 1484 г. отказался отъ надежды удержать епископство за своимъ сыномъ, котораго и папа не хотѣлъ признавать. Поэтому онъ наконецъ согласился признать епископомъ Іана фанъ Гоорна, надѣясь подчинить его своей власти; но родственники Гоорна заманили свирѣпаго разбойника и убійцу въ ловушку, гдѣ конный отрядъ мастрихтцевъ схватилъ его и отправилъ въ Мастрихтъ. Здѣсь онъ былъ немедленно обезглавленъ, а его товарищъ, Гисбертъ Рикеель—четвертованъ. Гоорны и ихъ приверженцы долго еще воевали съ друзьями дома де-ля-Маркъ, но дальнѣйшій ходъ этой войны не относится къ всеобщей исторіи.

Война въ Утрехтѣ кончилась почти такимъ же образомъ, какъ и люттихская, съ тою лишь разницею, что грабежи, убійства и опустошенія продолжались не такъ долго и что Максимиліанъ самъ прекратилъ ихъ. Когда удочки или аристократы изгнали изъ Утрехта епископа Давида и подчинили городъ Іану Монфору и его людямъ, враги ихъ стѣснили городъ; это повлекло за собою голодъ и прекращеніе торговли и промышленности, вызвавшіе контр-революцію. Въ апрѣлѣ 1483 года чернь овладѣла домомъ капитула, взяла въ плѣнъ Іана Монфора и его приближенныхъ, возстановила прежнія городскія власти и призвала епископа Давида. Епископъ и другіе изгнанники поклялись отказаться отъ мести и освободить плѣнныхъ, за что должны были получить замокъ Монфоръ. Но такъ какъ это условіе не было выполнено, то они удерживали плѣнныхъ до тѣхъ поръ, пока они не были освобождены силою. 8 мая 1483 г. Энгельбертъ Клеве и Гендрикъ фанъ-Ньефельдъ, племянникъ Іана Монфора, напали на Утрехтъ, освободили своихъ друзей и родныхъ и увезли епископа Давида на навозной телегѣ въ Амерсфортъ. Чтобы отомстить за этотъ набѣгъ, рыбы собрали армію въ 12 т. пѣхоты и 2 т. кавалеріи и просили Максимиліана принять надъ нею начальство; голландскіе чины дали деньги на военные расходы. Армія эта два мѣсяца осаждала городъ, защищавшійся весьма упорно. Попытки заключить примиреніе не удавались; 26 іюля осаждающіе начали штурмъ, при чемъ былъ убитъ пушечнымъ ядромъ штатгальеръ Голландіи сиръ де-Ляленъ; не смотря на это осаждающіе овладѣли Амстердамскимъ предмѣстьемъ, и тогда граждане принудили Іана Монфора и его приверженцевъ заключить капитуляцію. Четыре дня спустя (7 сентября 1483 г.) городъ сдался; Фредерикъ Эгмонтъ былъ назначенъ Максимиліаномъ штатгальтеромъ, такъ какъ Давидъ утрехтскій, подобно Іану фанъ Гоорну люттихскому, признавалъ Максимиліана протекторомъ (mambours). Амерсфортъ былъ покоренъ 21 января 1484 года.

Съ 1485 г. начинается совершенно новый періодъ царствованія Максимиліана и исторіи бургундскихъ владѣній. Чтобъ понять его, надо сперва обратиться къ исторіи Италіи и Испаніи. Но предварительно мы будемъ продолжать разсказъ (стр. 39—47) о событіяхъ въ Англіи до окончанія войны алой и бѣлой розы.

VII. ИСТОРІЯ АНГЛІИ

ОТЪ БИТВЫ ПРИ НОРТЕМПТОНѢ ДО ОКОНЧАНІЯ ВОЙНЫ АЛОЙ И БѢЛОЙ РОЗЫ.

---

1. Генрихъ VI и Эдуардъ IV.

Побѣдивъ своихъ враговъ и овладѣвъ королемъ Генрихомъ VI, герцогъ Ричардъ Іоркскій открыто заявилъ въ парламентѣ свои притязанія на англійскій престолъ, которымъ ланкастерскій домъ владѣлъ шестьдесятъ лѣтъ. Свои права на престолъ онъ выводилъ не отъ отца, а отъ матери (стр. 43). Онъ явно стремился къ престолу и даже занялъ въ парламентѣ мѣсто около трона, на который охотно бы сѣлъ, еслибъ кто-нибудь предложилъ ему сдѣлать это. Но не получивъ подобнаго приглашенія, онъ съ досадою покинулъ собраніе. Однако парламентъ не только сдѣлалъ его правителемъ (протекторомъ) государства и наслѣдникомъ короля въ ущербъ сыну Генриха VI, но постановилъ даже, что если рѣшеніе это будетъ нарушено, то престолъ немедленно переходитъ къ Ричарду или его сыну. Генрихъ VI согласился на это постановленіе и принужденъ былъ послать приказаніе своей женѣ, Маргаритѣ, прибыть къ нему въ Лондонъ. Маргарита собрала между тѣмъ на сѣверѣ войско изъ шотландцевъ и уэльсцевъ. Ричардъ неосторожно выступилъ противъ нея съ пятью тысячами человѣкъ и рѣшился вступить въ сраженіе при Уэкфильдѣ, куда непріятели выманили его изъ замка, въ которомъ онъ сперва заперся. Онъ былъ разбитъ и убитъ (конецъ декабря 1460 г.). Голову Ричарда посадили на копье и принесли Маргаритѣ; королева велѣла надѣть на нее въ насмѣшку бумажную корону и выставить на стѣнѣ города Іорка. Второй сынъ его, 12-лѣтній графъ Ретлендъ, погибъ ужасною смертью тотчасъ послѣ битвы; при этомъ лордъ Клиффодъ сыгралъ со стороны ланкастерскаго дома ту же роль, которую для іоркскаго дома игралъ графъ Варвикъ, злой духъ древнихъ англійскихъ фамилій. Клиффордъ догналъ мальчика, обнажилъ кинжалъ и грозно спросилъ его, какъ его зовутъ. Ретлендъ упалъ на колѣни и отъ страха не могъ выговорить ни слова; но его гувернеръ, сказалъ, чтобъ спасти его, что мальчикъ—сынъ Ричарда. Тогда Клиффордъ пронзилъ несчастнаго ребенка кинжаломъ въ грудь, воскликнувъ: «Твой отецъ убилъ моего, поэтому я убиваю тебя и буду убивать всѣхъ твоихъ родныхъ.» Королева съ радостью увидѣла голову мальчика и приказала выставить ее рядомъ съ головою Ричарда. Столь же жестокимъ образомъ былъ умерщвленъ графъ Салисбери, трупъ котораго былъ также преданъ поруганію. Сыновья его, графъ Варвикъ и лордъ Монтегю, были главною опорою іоркскаго дома. Салисбери былъ взятъ въ плѣнъ, и Маргарита приказала казнить его безъ суда и выставить его голову рядомъ съ головами Ричарда и его сына.. Этими жестокостями началась почти безпримѣрная въ исторіи рѣзня древней англійской аристократіи, распавшейся въ борьбѣ ланкастерскаго и іоркскаго домовъ на два враждебные лагеря. Королева Маргарита и старшій сынъ Ричарда, будущій король Эдуардъ IV, занявшій мѣсто своего отца, соперничали другъ съ другомъ въ звѣрствѣ. Обѣ стороны отдали своимъ войскамъ приказаніе убивать знатнѣйшихъ враговъ, которыхъ

прежде обыкновенно щадили изъ-за выкупа: поэтому къ концу столѣтія древнія могущественныя фамиліи были почти совсѣмъ истреблены; титулы ихъ и часть владѣній перешли въ новые роды, а княжескія и графскія права, которыми они пользовались въ силу обычая, прекратились.

Эдуардъ, старшій сынъ Ричарда, находившійся во время уэкфильдскаго сраженія въ Глостерѣ, принялъ по смерти отца титулъ герцога Іоркскаго и заявилъ притязанія на престолъ, такъ какъ договоръ, заключенный его отцомъ, былъ нарушенъ. Маргарита послала противъ него отрядъ войска подъ начальствомъ Каспара Тюдора графа Пемброка; сама же двинулась для освобожденія своего мужа къ Лондону, охраняемому графомъ Варвикомъ съ небольшимъ отрядомъ. Эдуардъ одержалъ побѣду 1 февраля 1461 г., а королева 17 числа того же мѣсяца. Новый герцогъ Іоркскій встрѣтился съ Пемброкомъ близъ Уигмора при такъ называемомъ Мортимеровомъ Крестѣ, и одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду. Онъ немедленно началъ безконечный рядъ своихъ злодѣяній; въ отмщеніе за смерть отца и брата онъ велѣлъ казнить семерыхъ вождей ланкастерской партіи, взятыхъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ Оуэна Тюдора, отца лорда Пемброка. Мы упоминаемъ объ этой казни, такъ какъ второй сынъ Оуэна Тюдора, Эдмондъ графъ Ричмондъ, былъ женатъ на Маргаритѣ Бьюфортъ, дочери Іоанна Соммерсета; по истребленіи ланкастерскаго дома всѣ права его перешли къ сыну Маргариты и Эдмонда, графу Генриху Ричмонду, будущему королю Генриху VII. Черезъ двѣ недѣли послѣ побѣды Эдуарда армія королевы встрѣтила на пути къ Лондону графа Варвика, стоявшаго лагеремъ при Сентъ-Ольбенсѣ; Маргарита аттаковала его и на голову разбила въ упорномъ боѣ, гдѣ пало болѣе двухъ тысячъ рыцарей. Варвикъ взялъ съ собой въ походъ короля, котораго побѣдители нашли въ палаткѣ со своимъ камергеромъ. Въ отмщеніе за Оуэна Тюдора и другихъ плѣнниковъ, казненныхъ Эдуардомъ, Маргарита приказала казнить въ день битвы двухъ важнѣйшихъ военачальниковъ іоркской арміи, лорда Бонвилля и сэра Томаса Киріэля. Касательно этихъ лицъ современники и историки несогласны между собою: по однимъ, они были взяты въ плѣнъ во время бѣгства; по другимъ же, оставались при королѣ, который обѣщалъ имъ безопасность. Какъ бы то ни было, но они пали жертвою мстительности королевы. По освобожденіи короля, Маргарита вела войну отъ его имени противъ новаго герцога Іоркскаго, объявленнаго мятежникомъ. Но войско ея состояло изъ уэльсцевъ и шотландцевъ, служившихъ большею частью изъ-за добычи. Войска эти тотчасъ послѣ побѣды разсѣялись для грабежей, такъ что нельзя было двинуть ихъ на Лондонъ, жители котораго были преданы іоркскому дому. Грабежи солдатъ королевской арміи такъ раздражили ихъ, что лордъ-меръ не могъ посылать королевѣ транспорты съ продовольствіемъ.

26 февраля Эдуардъ вступилъ въ Лондонъ въ сопровожденіи лорда Фалькенберга и во главѣ четырехъ-тысячнаго отряда кирасиръ. Горожане, раздраженные насиліями королевскихъ войскъ, приняли съ восторгомъ прекраснаго собою 19-лѣтняго герцога Эдуарда. Друзья его настаивали, чтобы онъ, обнаживъ противъ короля мечъ, бросилъ ножны и дѣйствовалъ рѣшительно. Вслѣдствіе этого былъ собранъ тайный совѣтъ и противъ Генриха VI постановленъ приговоръ, обнародованный 5 марта. Въ немъ было сказано, что такъ какъ Генрихъ VI соединился съ королевой и вмѣстѣ съ нею удалился изъ столицы, то этимъ онъ лишилъ себя всѣхъ преимуществъ договора, заключеннаго съ Ричардомъ Іоркомъ; поэтому корона переходитъ къ сыну Ричарда, Эдуарду. По обнародованіи приговора Эдуардъ отправился въ большую уэстминстерскую залу, взошелъ на тронъ и объяснилъ присутствующимъ права своего дома на престолъ. Потомъ онъ отправился въ церковь, гдѣ повторилъ свою рѣчь, которую слушатели очень часто прерывали восклицаніемъ: «да здравствуетъ король Эдуардъ!» Въ наше время это никому не покажется удивительнымъ. Затѣмъ, по древнему обычаю, герольды провозгласили его во всѣхъ кварталахъ Лондона королемъ Эдуардомъ IV. Историкъ Генри Голламъ распространился очень подробно о правахъ іоркскаго дома. Но онъ можетъ служить авторитетомъ не столько по исторіи, сколько по англійскому государственному праву, и сочиненіе его можетъ быть полезно и пріятно не для изслѣдователя и не для мыслящихъ читателей, а развѣ для юристовъ и прочей публики. Тѣмъ не менѣе мы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ этого сочи-

нія. Голламъ справедливо замѣчаетъ, что притязанія Ричарда Іоркскаго, отца Эдуарда, основывались лишь на томъ, что его отецъ, графъ Ричардъ Кембриджскій, былъ женатъ на Аннѣ, дочери Роджера Мортимера графа де-ла-Марча, такъ какъ по англійскому государственному праву престолъ можетъ переходить къ дочери. Роджеръ Мортимеръ былъ сынъ Филиппы, дочери Ляйонеля Клеренса, втораго сына Эдуарда III; старшій сынъ Роджера, Эдмондъ, былъ признанъ Ричардомъ II наслѣдникомъ престола (стр. 10 и 44). Когда Генрихъ IV овладѣлъ государствомъ, на это обстоятельство не обратили вниманія, потому что въ то время Эдмондъ былъ еще ребенкомъ; однако самъ Генрихъ IV думалъ, что притязанія фамиліи де-ла-Марчъ могутъ сдѣлаться опасными для него, и содержалъ молодаго графа въ заключеніи. Генрихъ V возвратилъ ему свободу и былъ такъ великодушенъ, что простилъ ему заговоръ, составленный имъ съ своимъ зятемъ, графомъ Кембриджскимъ. Впослѣдствіи, повидимому, совершенно забыли о притязаніяхъ герцога Іоркскаго на престолъ: его не считали опаснымъ, и при Генрихѣ VI ему давали важныя порученія во Франціи и Ирландіи. Отношенія къ нему измѣнились лишь со времени юридическаго убійства герцога Глостера королевою Маргаритою (стр. 42). Голламъ и Голль считаютъ эту казнь настоящею причиною гибели ланкастерскаго дома. Уже съ 1440 между Маргаритою и Ричардомъ Іоркомъ существовала непримиримая вражда. Однако Голламъ полагаетъ, что Ричардъ не нарушилъ бы спокойствія, если бъ надежды его на престолъ не были разрушены въ 1453 г. рожденіемъ принца Эдуарда, котораго Генрихъ VI призналъ законнымъ, въ чемъ сомнѣвались только сторонники Іорка (стр. 45). Ричардъ могъ основывать свои сомнѣнія лишь на томъ, что принцъ родился черезъ девять лѣтъ послѣ брака Генриха.

Королева, управлявшая государствомъ съ смертельнымъ врагомъ Ричарда, герцогомъ Соммерсетомъ, была не любима народомъ; она была жестока и мстительна и по всему болѣе склонна къ Франціи, чѣмъ къ Англіи; напротивъ того, Ричардъ обнаруживалъ гуманность и умѣренность даже тогда, когда открыто возсталъ противъ короля. Англичане впрочемъ не разсуждали, а просто покорились силѣ. Однако они неохотно соглашались на переворотъ, который долженъ былъ неминуемо вызвать цѣлый рядъ революцій; это видно уже изъ того, что послѣ побѣды, одержанной Ричардомъ въ 1455 (стр. 45), дворянство долго противилось второму протекторству его; кромѣ того въ 1459 въ парламентѣ, объявившемъ герцога Іорка и графовъ Варвика и Салисбери государственными измѣнниками, 32 свѣтскихъ пера присягнули въ вѣрности королю Генриху и его потомкамъ. По смерти Ричарда число приверженцевъ іоркскаго дома увеличилось вслѣдствіе жестокости мстительной Маргариты и ужасныхъ опустошеній, произведенныхъ на югѣ и востокѣ Англіи ея войсками, набранными въ сѣверныхъ и западныхъ графствахъ. Это доказываетъ примѣръ историка Уэтемстида, который переходилъ отъ одной партіи къ другой съ такой же развязностью, какъ нѣкоторые либеральные болтуны нашего времени. Уэтемстидъ былъ аббатомъ богатаго монастыря Сентъ-Ольбенса; онъ обнаруживалъ ревностную приверженность къ ланкастерскому дому, пока королева съ своими дикими ордами не разграбила его монастырь точно также, какъ всѣ прочія мѣста, какъ покорныя, такъ и мятежныя; съ этой минуты онъ до смѣшнаго быстро перешелъ на сторону іоркскаго дома.

Новый король Эдуардъ IV былъ обязанъ престоломъ опытности и храбрости графа Варвика, который возвелъ и удержалъ девятнадцатилѣтняго принца на тронѣ; они ясно видѣли, что принятіе королевскаго титула будетъ для нихъ болѣе опасно и гибельно, чѣмъ полезно, если не удастся взять Генриха VI въ плѣнъ или сжить его со свѣта. Поэтому они поспѣшили преслѣдовать королеву. Для нея герцогъ Соммерсетъ собралъ вокругъ Іорка войско, состоящее изъ значительныхъ отрядовъ конницы и пѣхоты, хотя и не простиравшееся до шестидесяти тысячъ человѣкъ, какъ увѣряютъ хроники, весьма скудныя за это время. Варвикъ и Эдуардъ, соединившіеся 12 марта 1461 года у Понтефректа, чтобы идти противъ непріятеля, имѣли едва сорокъ тысячъ человѣкъ. Побѣда казалась для нихъ весьма сомнительною. За то Эдуардъ, Варвикъ и другіе предводители мятежниковъ значительно превосходили военными способностями всѣхъ генераловъ королевскаго войска, которое притомъ состояло изъ милиціонеровъ. Однако когда дѣло дошло

до битвы, обѣ стороны дрались чрезвычайно долго и кровопролитно. Соммерсетъ оставилъ королевское семейство въ Іоркѣ и подвинулся на восемь миль къ югу отъ этого города; между деревнями Таунтономъ и Секстономъ онъ встрѣтился съ Эдуардомъ и Варвикомъ; здѣсь произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ люди дрались грудь съ грудью до самой ночи и пало больше народу, чѣмъ въ наше время при Бородинѣ. Соммерсетъ былъ разбитъ на голову. Число убитыхъ простиралось до тридцати восьми тысячъ, въ чемъ мы не можемъ сомнѣваться, такъ какъ Лингардъ приводилъ письмо Эдуарда къ своей матери, въ которомъ онъ, умалчивая о своей собственной потерѣ, говоритъ, что приказалъ герольдамъ сосчитать тѣла павшихъ ланкастерцовъ, при чемъ оказалось, что число ихъ простиралось до двадцати восьми тысячъ.

Соммерсетъ и герцогъ Экзетеръ счастливо спаслись съ поля битвы и соединились съ королевскимъ семействомъ въ Іоркѣ, откуда Соммерсетъ бѣжалъ въ Шотландію. Въ то время въ этой странѣ происходилъ почти такой же безпорядокъ, какъ и въ Англіи; шотландскій король Іаковъ II незадолго до этого былъ убитъ разрывомъ орудія при осадѣ Роксборо и установилъ для своего еще малолѣтняго сына Іакова III регентство подъ номинальнымъ предсѣдательствомъ его матери; на самомъ же дѣлѣ господствовалъ графъ Россъ, начальникъ острововъ. Маргарита склонила на свою сторону регентшу Шотландіи уступкою Бервика, и Эдуардъ, успѣвшій проникнуть до самой границы, съ трудомъ спасъ городъ Карляйль. Уже въ іюнѣ Эдуардъ поспѣшилъ обратно въ Лондонъ, гдѣ торжественно короновался; братья его, бѣжавшіе сперва во Фландрію, возвратились оттуда; одинъ изъ нихъ (Георгъ) былъ сдѣланъ герцогомъ Кларенсомъ, а другой (впослѣдствіи король Ричардъ III) герцогомъ Глостеромъ.

Царствованіе Эдуарда началось страшными жестокостями, убійствами и своеволіемъ, которое было тѣмъ ненавистнѣе, что прикрывалось личиною законныхъ конституціонныхъ формъ. Мы пройдемъ молчаніемъ неслыханныя осужденія невинныхъ, потому что Голламъ, историкъ конституціонныхъ формъ Англіи, оспариваетъ ихъ; не будемъ также ссылаться на анекдотъ про двухъ несчастныхъ, приводимый во всѣхъ историческихъ книжкахъ, изъ которыхъ одинъ былъ казненъ, какъ государственный измѣнникъ, за то, что, говоря о коронѣ, бывшей въ гербѣ его дома, сказалъ, что сынъ его—наслѣдникъ престола, а другой Томасъ Бердетъ, за то, что пожелалъ тому, кто посовѣтовалъ королю убить одного изъ его оленей, подавиться его рогами. И безъ того остается много гнусностей, которыхъ Голламъ, не смотря на всѣ его увертки, не можетъ отрицать. Эдуардъ могъ найти негодяевъ и трусовъ и совершать свои жестокости во имя народа потому самому, что въ Англіи была конституція. Съ этого времени вошло въ обыкновеніе обвинять лучшихъ людей въ государственной измѣнѣ, не стѣсняясь при этомъ никакими законными формами; посредствомъ парламентскаго постановленія (такъ называемаго, bill of attainder) можно было осуждать и предавать жестокой казни кого угодно. Тотчасъ послѣ коронаціи обѣ палаты соперничали между собою въ усердіи узаконить всякій произволъ и всѣ страсти юноши. Съ самаго начала три послѣднія царствованія были объявлены узурпаціями и все, происшедшее во время ихъ, — недѣйствительнымъ и лишеннымъ всякой обязательной силы; всѣ награды, розданныя во время этихъ царствованій, уничтожены и признаны и только судебные приговоры и пожалованные дворянскіе титулы. Затѣмъ было издано парламентское опредѣленіе (bill of attainder), обвинявшее въ государственной измѣнѣ почти всѣ семейства, оказавшія заслуги ланкастерскому дому со времени Генриха IV. Король Генрихъ VI, его супруга, сынъ ея Эдуардъ, герцоги Соммерсетъ и Экзетеръ, графы Нортомберлендъ, Девоншайръ, Уильтъ и Пемброкъ, виконтъ Бьюмонтъ, лорды Россъ, Невиль, Руджемонтъ, Дакръ, Гёнгерфордъ и сто тридцать восемь рыцарей, священниковъ и дворянъ (esquires) были объявлены измѣнниками, заслуживающими жестокой смертной казни государственныхъ измѣнниковъ; они должны были быть лишены имущества и дворянскаго достоинства и подвергнуться позорной казни. Для этихъ ужасныхъ мѣръ приводились не только политическія, но и финансовыя причины.

Король Эдуардъ въ весьма наивной рѣчи, сохранившейся въ парламентскихъ протоколахъ, благодарилъ нижнюю палату за ея готовность способствовать этимъ

насиліямъ. «Джемсъ Стронгуэйсъ», сказалъ онъ, обращаясь къ предсѣдателю нижней палаты, «и вы, всѣ прочіе представители страны, благодарю васъ сердечно за вѣрность и нѣжную заботливость, выказанную вами относительно моихъ правъ и притязаній на престолъ (title). Благодарю васъ за нѣжное и истинно вѣрноподданическое рвеніе, которое вы доказали, позаботившись наказать жестокое убійство моего отца, моего брата Ретленда, моего кузена Салисбери и другихъ. Благодарю васъ отъ всей души, и съ помощью всемогущаго Бога буду для васъ столь же добрымъ и милостивымъ неограниченнымъ властелиномъ (sovereign lord), какъ едва ли кто изъ моихъ предшественниковъ былъ для своихъ подданныхъ и вассаловъ. Благодарю васъ также отъ глубины сердца за вѣрность и любовь ко мнѣ, доказанныя вами тѣ усиліями (labours), которыя вы употребили, чтобъ возвратить мнѣ мои права и престолъ (title), которыми я нынѣ обладаю. Если бы я имѣлъ что либо иное, болѣе дорогое, чѣмъ мое собственное тѣло, оно было бы вашимъ, чтобъ наградить васъ; и отнынѣ оно всегда готово защищать васъ. Я никогда не буду щадить себя и не оставлю васъ во время угрожающей опасности (jeopardy), но за то прошу и вашей сердечной поддержки и добраго расположенія (countenance) и т. д.»

Чтобы не возвращаться болѣе къ этому предмету, мы присоединимъ къ этому отрывку, заимствованному изъ Лингарда, нѣсколько общихъ замѣчаній, признаваемыхъ справедливыми даже Голламомъ; но помня цѣль этой исторіи, мы постараемся быть по возможности краткими. Царствованіе Эдуарда, говоритъ авторъ исторіи конституціонныхъ формъ Англіи, единственное, въ теченіе котораго не сдѣлано ни одного постановленія для отмѣны злоупотребленій или для обезпеченія свободы подданныхъ; въ парламентскихъ книгахъ не встрѣчается ни одной петиціи по этому предмету. Напротивъ того, въ хроникахъ того времени мы находимъ множество такихъ поступковъ, которые считались бы варварскими даже въ Турціи. Историки хвалятъ Эдуарда за то, что онъ рѣдко требовалъ отъ парламента добавочныхъ налоговъ на государственные расходы; но разсмотрѣвъ дѣло ближе, мы видимъ ошибочность этого мнѣнія. Онъ вымогалъ деньги другими способами. Уже однѣми конфискаціями онъ собралъ громадныя суммы, и Фортескью, весьма достовѣрный историкъ, доказалъ фактами, что имѣнія, конфискованныя королемъ Эдуардомъ въ различные періоды его царствованія за измѣну владѣльцевъ, составляли болѣе пятой части всего государства. Конечно Эдуардъ раздарилъ и промоталъ изъ этого много; однако остальное давало ему возможность дѣлать большія издержки, чѣмъ его предшественники. Кромѣ того онъ изобрѣлъ новый способъ собирать подати, не обращаясь къ парламенту. Многіе изъ его предшественниковъ, нуждаясь въ деньгахъ, налагали иногда насильственные налоги на богатыхъ купцовъ, число которыхъ при возрастающемъ благосостояніи Англіи постоянно умножалось. Эдуардъ IV требовалъ отъ нихъ добровольныхъ добавочныхъ податей (benevolences); изъ парламентскихъ протоколовъ видно, что на эти налоги сильно нападали при Ричардѣ III. Парламентъ объявилъ тогда, что вымогательства, употреблявшіяся подъ именемъ добровольныхъ пожертвованій, уничтожены навсегда. Вообще пока Эдуардъ слѣдовалъ прозаическимъ совѣтамъ графа Варвика, ему везло во всемъ; впослѣдствіи же поэзія его любовныхъ похожденій и романическія обстоятельства его женитьбы навлекли на него немалыя затрудненія, вслѣдствіе которыхъ онъ долженъ былъ покинуть на нѣкоторое время свой престолъ и государство.

Эдуардъ съумѣлъ лишить Маргариту помощи Шотландіи; съ этой цѣлью онъ посватался за опекуншу шотландскаго короля Іакова III, вовсе не думая объ этомъ бракѣ; сверхъ того онъ подкупилъ грубаго и дикаго графа Росса, начальника островов. Однако Маргарита была неистощима въ своихъ вспомогательныхъ средствахъ и не боялась никакой опасности. Въ 1461 она рѣшилась искать помощи во Франціи. Сначала она поѣхала къ герцогу Бретанскому, Францису II, который, хотя и долженъ былъ по своимъ тѣснымъ связямъ съ Филиппомъ Бургундскимъ щадить ея противника, Эдуарда IV, но былъ такъ великодушенъ, что подарилъ ей восемь тысячъ кронъ на поѣздку въ Шинонъ къ Лудовику XI. Послѣдній былъ ея естественнымъ защитникомъ и другомъ ея стараго отца, Рене I, однако не выказалъ къ ней никакого состраданія и дѣйствовалъ сообразно своимъ политическимъ видамъ и цѣлямъ. Онъ былъ очень вѣжливъ, ока-

зывалъ королевѣ всевозможныя любезности, какъ своей близкой родственницѣ, и вмѣстѣ въ ней крестилъ сына герцога Орлеанскаго и Маріи Клевской. Но онъ не намѣревался помогать ей, что видно уже изъ того, что во время ея пребыванія въ Шинонѣ онъ принималъ самымъ вѣжливымъ образомъ посланниковъ Эдуарда и давалъ имъ тайныя аудіенціи въ глазахъ королевы. Когда наконецъ Маргарита обѣщала позаботиться объ уступкѣ Франціи Кале, Лудовикъ велѣлъ выплатить ей двадцать тысячъ ливровъ и приказалъ сенешалю Нормандіи, Брезе, проводить ее съ двумя тысячами человѣкъ въ Англію. Но такъ какъ его считали способнымъ на всякую подлость и какъ Брезе съ такимъ незначительнымъ отрядомъ не могъ ничего сдѣлать, то французскаго короля обвиняли въ намѣреніи погубить сенешаля. Однако Брезе съ своимъ войскомъ дрался за Маргариту очень храбро.

Маргарита пробыла во Франціи пять мѣсяцевъ (съ мая до октября 1462 г.). Возвращаясь въ Англію, при высадкѣ на негостепріимные сѣверные берега, она потерпѣла значительныя потери, такъ что ни она, ни Брезе не могли даже соединиться съ Соммерсетомъ и Перси, храбро защищавшими крѣпости Бамборо, Донстанборгъ и Эльнвикъ, и королева была принуждена спасаться на рыбачьей лодкѣ въ Бервикъ. Эдуардъ предоставилъ веденіе войны графу Варвику, который съ половины декабря 1462 г. осаждалъ вышеупомянутыя три крѣпости; Перси и Соммерсетъ, не имѣвшіе возможности долѣе противиться королевскимъ силамъ, сдались на выгодную и почетную капитуляцію, условія которой были честно выполнены Варвикомъ и Эдуардомъ. Однако предводители ланкастерской партіи сами нарушили эту капитуляцію, когда для Генриха VI блеснулъ новый лучъ надежды. По условію капитуляціи, Соммерсетъ и Перси сдали въ началѣ января 1463 крѣпости Бамборо и Донстанборгъ и дали присягу въ вѣрности королю Эдуарду, за что имъ было обѣщано возвращеніе имѣній и возстановленіе ихъ въ званіяхъ и титулахъ. Затѣмъ Эдуардъ отмѣнилъ съ согласія парламента приговоръ послѣдняго противъ Соммерсета и Перси (bill of attainder) и возвратилъ конфискованныя имущества. Кромѣ того онъ назначилъ первому ежегодную пенсію, а второму отдалъ Бамборо и Донстанборгъ. Нѣсколько другихъ лицъ изъ гарнизона крѣпостей, какъ лордъ Россъ и графъ Пемброкъ, не желали принять присяги и, согласно той же капитуляціи, были отосланы въ Шотландію.

Такъ какъ вся эта исторія, доставляющая богатые матеріалы драмѣ, похожа на романъ, и характеръ королевы Маргариты является героическимъ, то мы можемъ упомянуть здѣсь о происшествіи, которое, говорятъ, случилось съ ней зимою 1462—63 или весною 1464 г. (послѣ битвы при Гексгэмѣ). Можно, правда, сомнѣваться въ истинѣ этого разсказа, хотя здѣсь вовсе не мѣсто входить въ разборъ этого вопроса. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе это основано на весьма сльбомъ свидѣтельствѣ хроники Монтреле. По его словамъ, Маргарита съ своими спутниками провела цѣлую зиму на шотландской границѣ, которая, какъ всякому извѣстно изъ романовъ Вальтеръ Скота, была населена геніальными разбойниками. Здѣсь во время прогулки съ своимъ сыномъ, она заблудилась въ лѣсной чащѣ и попала въ руки разбойниковъ, которые совершенно ограбили ее и увезли съ собой. Благодаря своей находчивости и присутствію духа, Маргарита съ сыномъ скоро успѣла спастись отъ нихъ, однако вслѣдъ затѣмъ наткнулась на другаго разбойника. Она спасла себя удивительной выходкой: завидѣвъ его, она прямо подошла къ нему и сказала: «мой другъ, я довѣряю сына вашего короля вашей добросовѣстности». Разбойникъ тронулся этими словами, принялъ королеву и принца подъ свое покровительство и благополучно доставилъ ее къ ея спутникамъ.

Такъ какъ крѣпости были потеряны, а Соммерсетъ и Перси передались королю Эдуарду, то Маргарита, все еще сопровождаемая и охраняемая Брезе, рѣшилась вторично оставить Англію съ своимъ сыномъ и возвратиться только тогда, когда удастся вновь собрать значительное число приверженцевъ ланкастерскаго дома. Мужа своего она перевезла въ замокъ Мерконетшайръ, а сама сѣла на корабль и благополучно достигла Слюиса во Фландріи. Здѣсь Филиппъ Добрый принялъ ее весьма дружески, не смотря на то, что находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ Эдуардомъ, который еще недавно далъ ему удовлетвореніе за какіе-то разбои, совершенные англичанами на нидерландскомъ берегу. Тѣмъ не

менѣе Филиппъ не могъ отказать королевѣ въ гостепріимствѣ: онъ послалъ ее въ Баръ къ ея старому отцу, Рене I, подаривъ ей двѣ тысячи, а спутнику ея Брезе, удержавшему еще нѣсколько сотъ человѣкъ, тысячу кронъ и одаривъ деньгами пріѣхавшихъ съ нею дамъ. Пока Маргарита гостила у своего отца, приверженцы ея супруга снова собрались на сѣверѣ Англіи, привлекли къ себѣ толпы пограничныхъ шотландцевъ, жившихъ войною и грабежомъ, вызвали Генриха изъ замка и передали начальство этому полупомѣшанному человѣку. Услыхавъ объ этомъ, предводители послѣдняго предпріятія Маргариты, Соммерсетъ, Перси и лордъ Грей, рѣшились вторично стать во главѣ войска алой розы, не смотря на то, что Эдуардъ простилъ ихъ и старался даже разными милостями привлечь двухъ первыхъ на свою сторону. Грей овладѣлъ укрѣпленнымъ городомъ Эльнвикомъ, который такъ долго защищалъ прежде, а Соммерсетъ и Перси оставили свои имѣнія и различными путями отправились къ арміи Генриха. Однако одинъ изъ братьевъ графа Варвика, котораго Эдуардъ не задолго до этого сдѣлалъ лордомъ Монтэгю, разрушилъ предпріятіе прежде, чѣмъ они успѣли соединиться съ Генрихомъ. Монтэгю, охранявшій границу восточной Англіи, двинулся противъ Перси, разбилъ 25-го апрѣля 1464 его войско и убилъ его самого; затѣмъ онъ немедленно выступилъ, чтобъ захватить герцога Соммерсета, имѣвшаго при себѣ только пятьсотъ человѣкъ. Онъ настигъ герцога близъ Гексгема. Самъ Соммерсетъ, вначалѣ спасшійся бѣгствомъ, былъ вскорѣ схваченъ и обезглавленъ. Вскорѣ послѣ этого Грей долженъ былъ сдать безусловно Бамборо Варвику, который занялъ и другія пограничныя крѣпости. Попавшіеся при этомъ въ плѣнъ лорды Русъ и Гёнгерфордъ, Тальботъ, графъ Кинъ и Джонъ Киндернъ, представители лучшихъ и благороднѣйшихъ фамилій Англіи, были безъ дальнѣйшихъ околичностей казнены въ Ньюкестлѣ, а сэръ Гемфри Невиль съ двѣнадцатью другими знатными господами — въ Іоркѣ. Грей, приговоренный къ смерти, былъ отвезенъ въ Донкестръ къ королю и тамъ казненъ по позорному приговору. Приговоръ этотъ, прочитанный ему графомъ Уорчестеромъ (constable of England), въ особенности замѣчателенъ тѣмъ, что показываетъ, какимъ образомъ рѣшалась въ Англіи судьба жизни и имущества сотенъ людей, съ соблюденіемъ всѣхъ конституціонныхъ формальностей даже въ самыхъ ничтожныхъ дѣлахъ. Подстрочный переводъ этого приговора можно найти у Лингарда. Король Генрихъ VI счастливо ушелъ отъ своихъ враговъ при Гексгемѣ; но въ хроникахъ того времени повѣствуется весьма различно, какимъ образомъ укрывался онъ отъ нихъ впослѣдствіи. Самыя достовѣрныя извѣстія, съ которыми соглашается и Лингардъ, говорятъ, что онъ скрывался впродолженіи цѣлаго года у друзей своего дома въ Ланкашайрѣ и Уэстморлендѣ, пока наконецъ какой-то монахъ выдалъ этого несчастнаго, добраго, но слабоумнаго человѣка. Въ іюлѣ 1465 года Генрихъ, садясь обѣдать, былъ арестованъ въ Уаингтонѣ въ Іоркшайрѣ. Его тотчасъ же выдали графу Варвику, который обращался съ нимъ самымъ недостойнымъ образомъ и велѣлъ запереть въ Тоуэръ, гдѣ Генриха держали въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ взаперти, обращаясь впрочемъ довольно сносно.

Трое братьевъ Невилей были награждены блестящимъ образомъ. Старшій, графъ Варвикъ, занимался всѣми дѣлами, тогда какъ король предавался удовольствіямъ; второй, лордъ Монтэгю, получилъ титулъ графа Нортомберленда, принадлежавшій Перси; третій, Георгъ, былъ сдѣланъ архіепископомъ іоркскимъ. Вскорѣ однако они поссорились съ Эдуардомъ, такъ какъ послѣдній, заключивъ тайный бракъ, былъ поставленъ въ обстоятельства, которыя никакъ не могли согласоваться съ дружбою и въ особенности съ неограниченнымъ вліяніемъ Варвика. Этотъ тайный бракъ Эдуарда состоялъ въ слѣдующемъ. Жаклина Люксембургская, вдова герцога Бедфорда, о которомъ мы говорили выше (стр. 33—44 и который былъ опекуномъ Генриха VI и протекторомъ государства, вышла вторично замужъ за Уайдвиля лорда Риверса и имѣла отъ него дочь, Елисавету, жену Джона Грея Гроби, убитаго во второй битвѣ при Сентъ-Ольбенсѣ. Риверсы жили съ дочерью въ Гревтонѣ, гдѣ король Эдуардъ однажды посѣтилъ ихъ. Елисавета воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы упасть на колѣни предъ королемъ и умолять его о возвращеніи конфискованныхъ имѣній ея супруга. Молодой король былъ до того очарованъ красотою Елисаветы, что не

могъ болѣе разстаться съ нею, и въ отвѣтъ на ея слова, что хотя она ничтожна, но слишкомъ благородна, чтобы быть его любовницей, предложилъ ей свою руку. Онъ поставилъ необходимымъ условіемъ, чтобы бракъ содержался въ строжайшей тайнѣ. Поэтому историки спорятъ между собою, случилось ли это событіе въ 1463 или 1464 году; но повидимому, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Эдуардъ обручился съ Елисаветой въ мартѣ 1464 года, а 1 мая послѣдовала свадьба. Лингардъ придерживается того же мнѣнія. Король воспользовался безпорядками, произведенными въ концѣ 1463 и въ началѣ слѣдующаго года приверженцами ланкастерскаго дома, чтобы собрать войско и отправиться подъ этимъ предлогомъ въ Стони-Стратфордъ, гдѣ онъ вторично тайкомъ пробрался на нѣсколько часовъ въ Грефтонъ. Здѣсь онъ заставилъ какого-то священника обвѣнчать его, причемъ кромѣ герцогини Бедфордъ присутствовали лишь нѣкоторыя дамы герцогини и одинъ причетникъ. Черезъ два часа Эдуардъ возвратился въ Стони-Стратфордъ. Вскорѣ послѣ этого онъ вторично отправился въ Грефтонъ и провелъ тамъ нѣсколько дней (отъ 7 до 10 мая) подъ предлогомъ большой охоты, причемъ его никогда не видали съ его молодой женой, съ которой онъ сходился только поздно вечеромъ. Свадьба до тѣхъ поръ сохранялась втайнѣ, пока (въ сентябрѣ 1464 года) партія ланкастерскаго дома была совершенно уничтожена и можно было пренебречь людьми, возведшими іоркскій домъ на престолъ; друзья и приверженцы королевы, слѣдовательно союзники и родственники ланкастерскаго дома, стали получать мѣста и имѣнія и пользоваться вліяніемъ при дворѣ. Въ сентябрѣ Елисавета была представлена какъ королева собранію перовъ, созванныхъ нарочно для этого; въ церемоніи участвовали лица, наиболѣе враждебныя браку, именно графъ Варвикъ и братъ короля, герцогъ Клеренсъ; въ декабрѣ ей былъ назначенъ ежегодный доходъ въ четыре тысячи марокъ, а въ маѣ слѣдующаго года Эдуардъ торжественно короновалъ ее. Вся древняя аристократія Англіи оскорбилась тѣмъ, что Елисавета была не королевской крови. Быть можетъ, это было главною причиной милостей, которыми Эдуардъ спѣшилъ осыпать всѣхъ родственниковъ своей жены, такъ какъ они нуждались преимущественно въ почестяхъ и богатствѣ, которыя имъ слѣдовало доставить женитьбами и богатыми подарками. Пять сестеръ королевы были выданы за знатнѣйшихъ графовъ государства и богатѣйшаго герцога (Боккингема), такъ такъ это вполнѣ зависѣло отъ короля; изъ двухъ ея братьевъ, старшій получилъ въ замужество, по старанію короля, дочь умершаго лорда Скольса съ его баронскимъ титуломъ и имѣніями, а младшій, имѣвшій всего двадцать лѣтъ, женился на восьмидесятилѣтней, но очень богатой вдовѣ герцога Норфока. Сынъ Елизаветы отъ перваго брака былъ обвѣнчанъ съ племянницею короля, дочерью и наслѣдницею герцога Екзетера; отецъ королевы былъ возведенъ въ званіе графа и сдѣланъ государственнымъ казначеемъ, а потомъ лордомъ констэблемъ Англіи на мѣсто графа Уорчестера. Король осыпалъ Уайдевилей милостями также и потому, что началъ чувствовать себя стѣсненнымъ величіемъ, блескомъ и могуществомъ Невилей, которымъ былъ обязанъ престоломъ. Младшій изъ трехъ братьевъ Невилей былъ, какъ уже сказано, архіепископомъ іоркскимъ, второй, лордъ Монтегю, графомъ Нортомберлендомъ, а старшій, графъ Варвикъ, соединялъ въ своемъ лицѣ всѣ высшія должности и жилъ съ королевскою пышностью. Кромѣ того Варвикъ былъ любимъ народомъ, которому до того подслуживался своими подарками и гостепріимствомъ, что даже заботился объ его ростбифѣ *).

Вліяніе, пріобрѣтенное ланкастерской партіею при дворѣ Іорка, возбудило въ графѣ Варвикѣ непримиримую ненависть къ королю. Всѣ французскіе историки приписываютъ причину этой ненависти другому обстоятельству. Говорятъ, будто графъ Варвикъ, желавшій, чтобъ король женился на Боннѣ Савойской, золовкѣ короля Лудовика XI, былъ посланъ съ этою цѣлью къ французскому двору и смертельно оскорбленъ извѣстіемъ о бракѣ Эдуарда съ лэди Грей. Разсказъ

---

*) Когда онъ пріѣзжалъ въ Лондонъ, говоритъ Стоу, то жилъ такъ роскошно, что за завтракомъ съѣдалось до шести быковъ, и каждая таверна была полна его ростбифомъ. Каждый, имѣвшій въ его домѣ знакомыхъ, могъ получать столько вареннаго (sodden) или жаренаго мяса, сколько могъ унести на длинномъ ножѣ (dagger).

этотъ въ высшей степени неправдоподобенъ уже потому, что Бонна Савойская пріѣхала во Францію спустя нѣсколько лѣтъ послѣ женитьбы Эдуарда; уже Генри показалъ въ своей англійской исторіи, а Лингардъ положительно доказалъ, что это не болѣе какъ выдумка. Явный разрывъ между Эдуардомъ и Невилями произошелъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ женитьбы короля. Въ эту распрю былъ замѣшанъ бѣшеный Карлъ Бургундскій, тогда еще графъ де Шароле. Графъ Варвикъ и Карлъ Смѣлый были оба горды, высокомѣрны, грубы и смертельно ненавидѣли другъ друга. Поэтому когда послѣднему пришло въ голову искать союза съ Эдуардомъ, чтобы имѣть опору противъ Лудовика, какъ для себя, такъ и для герцога Бретанскаго, Варвикъ посовѣтовалъ Эдуарду соединиться съ Лудовикомъ XI противъ Карла. Уже въ 1465 году будущій кардиналъ Вильгельмъ Клюньи былъ отправленъ посланникомъ отъ Бургундіи, чтобы условиться о бракосочетаніи герцога съ сестрою Эдуарда, Маргаритою; ему однако было дано приказаніе тянуть дѣло до тѣхъ поръ, пока король не рѣшится удалить Невилей, въ особенности же ненавистнаго графа Варвика. Дѣло протянулось полтора года, потому что лишь въ 1467 г. король явно выказалъ Невилямъ, что они надоѣли ему. Помолвка его сестры произвела совершенный разрывъ между ними. Варвикъ, бывшій еще губернаторомъ Кале, получилъ приказаніе ѣхать къ Лудовику XI въ Руанъ для переговоровъ о замужествѣ принцессы Маргариты; въ Руанѣ Лудовикъ принялъ его съ царскими почестями. Но пока онъ велъ тайные переговоры съ королемъ, которому приписывали всевозможное зло, бургундскіе послы пріѣхали въ маѣ 1467 въ Лондонъ, а въ іюнѣ Эдуардъ отнялъ собственноручно у брата Варвика, Георга, канцлерскую печать и принудилъ возвратить два большія имѣнія, подаренныя ему. По возвращеніи Варвика онъ принялъ очень холодно пріѣхавшихъ съ нимъ французскихъ посланниковъ. Съ этого времени графъ Варвикъ становился тѣмъ опаснѣе для короля, чѣмъ тѣснѣе послѣдній сближался съ врагомъ Варвика, графомъ Шароле, который въ іюнѣ 1467 сдѣлался герцогомъ Бургундскимъ. Уже въ октябрѣ сестра Эдуарда, Маргарита, была помолвлена за Карла Смѣлаго, а свадьба отложена до слѣдующаго года. При этомъ Эдуардъ заключилъ съ Карломъ Смѣлымъ тридцатилѣтній союзъ, доставившій герцогамъ Бургундскому и Бретанскому сильную опору противъ Лудовика XI.

Варвикъ продолжалъ грозить королю и сносился съ приверженцами ланкастерскаго дома; онъ совершалъ подозрительныя поѣздки на сѣверъ Англіи и говорилъ такъ громко противъ королевы и ея семейства, что Эдуардъ принялъ его весьма холодно; осенью 1467 Варвикъ удалился въ замокъ Миддльгемъ. Вскорѣ послѣ этого графъ отказался явиться къ двору, когда одинъ схваченный агентъ супруги Генриха VI прямо обвинилъ его въ содѣйствіи ея планамъ. Слѣдствіе, начатое по этому дѣлу, было однако скоро прекращено, потому что братъ Варвика, архіепископъ іоркскій, и отецъ королевы вмѣшались въ дѣло и примирили оба семейства. Король былъ до того доволенъ этимъ примиреніемъ ближайшихъ родственниковъ своей супруги съ графомъ Варвикомъ, что возвратилъ архіепископу іоркскому оба имѣнія, недавно отнятыя у него. Мы видимъ также, что въ 1468 графу Варвику поручались весьма важныя дѣла и что въ іюлѣ того же года онъ былъ выбранъ, чтобы торжественно провезти по улицамъ Лондона сестру Эдуарда, Маргариту, причемъ Маргарита сидѣла на лошади позади Варвика, что должно было имѣть весьма странный видъ. Онъ же отвозилъ ее потомъ къ Карлу Смѣлому. Связи его съ герцогомъ Кларенсомъ, высказывавшимъ постоянно сильное неудовольствіе противъ брака своего брата, навлекли на нихъ подозрѣніе въ самыхъ опасныхъ замыслахъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ распространился слухъ о женитьбѣ герцога Кларенса на дочери Варвика. Король всячески старался воспрепятствовать этому браку, однако онъ былъ заключенъ въ іюлѣ 1469 въ Кале, гдѣ Варвикъ былъ совершенно независимъ.

Братъ Варвика графъ Нортомберлендъ держалъ себя совершенно спокойно до тѣхъ поръ, пока возстаніе въ Іоркшайрѣ, вспыхнувшее тотчасъ послѣ свадьбы его племянницы, дало ему поводъ собрать значительное войско. Оно было собрано будто бы для короля, потому что все крестьянское населеніе Іоркшайра отказалось вносить установленную въ пользу какой-то больницы подать зерномъ. Графъ Нортомберлендъ усмирилъ крестьянъ въ короткое время. Вдругъ вмѣсто

крестьянъ на сценѣ являются два большіе отряда подъ предводительствомъ лорда Латимера и Фицъ-Гока, племянника и двоюроднаго брата Варвика, подчиненныхъ старому опытному генералу Джопу Коньерсу; рѣчь идетъ ужь не о больницѣ, а о Уайдвиляхъ, хотя изъ лѣтописей не видно, какимъ образомъ совершилась эта перемѣна. Съ этого времени источники дѣлаются до того темными и разсказы современниковъ находятся въ такомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что мы находимъ въ офиціальныхъ актахъ (rolls), и содержатъ столько очевидно ложныхъ романическихъ приключеній, что мы, чтобы не смѣшивать истиннаго съ ложнымъ, должны удовольствоваться немногимъ, что намъ кажется несомнѣннымъ. Войска мятежниковъ, грозно требовавшихъ удаленія Уайдвилей, были уже въ іюлѣ такъ сильны, что король, не надѣясь усмирить возстаніе силою, уступилъ, отославъ Уайдвилей въ ихъ замки, и пригласилъ письменно своего брата Клеренса, графа Варвика и архіепископа іоркскаго, находившихся въ Кале, поспѣшить пріѣздомъ къ нему. Уже въ то время общій голосъ обвинялъ Варвика въ томъ, что онъ и его братья были причиною всѣхъ безпорядковъ; однако король въ своемъ письмѣ старался успокоить его. «Мы не хотимъ вѣрить, писалъ Эдуардъ, тому, что говорятъ о вашемъ неудовольствіи на насъ; мы думаемъ о нашемъ къ вамъ довѣріи и расположеніи, и знайте, кузенъ, что вы намъ всегда любезны».

Король не выступилъ лично противъ мятежниковъ, но отдалъ приказаніе графу Пемброку и Девону, изъ которыхъ первый былъ сдѣланъ лордомъ Гербертомъ, а второй лордомъ Стаффордомъ, соединить свои войска и аттаковать инсургентовъ. Планъ этотъ однако совершенно не удался, потому что Стаффордъ, заспоривъ о квартирахъ, удалился со своими стрѣлками, а Пемброкъ, лишенный ихъ и имѣя однихъ неопытныхъ милиціонеровъ, потерпѣлъ 26 іюля 1469 при Эджекотѣ, страшное пораженіе. Тогда много лицъ сдѣлались жертвами народной ненависти. Въ числѣ умерщвленныхъ такимъ образомъ находились Пемброкъ, его братъ сэръ Ричардъ Гербертъ и десять другихъ дворянъ. Стаффордъ также, по всей вѣроятности, былъ убитъ народомъ, какъ говоритъ Генри, а не по приказанію короля (потому что относительно фактовъ на Юма нельзя полагаться). Кромѣ того отецъ и одинъ изъ братьевъ королевы, найденные въ лѣсу, были казнены въ Нортемптонѣ; сомнительно однако, чтобы Варвикъ или Клеренсъ были виновниками этой казни, какъ увѣряютъ нѣкоторые. Варвикъ, Клеренсъ и архіепископъ іоркскій исполнили просьбу короля и пріѣхали въ Англію лишь послѣ битвы при Эджекотѣ, т. е. когда смуты въ государствѣ дошли до крайности и у короля не было войска; оказалось, что Невили были причиною всѣхъ безпорядковъ, потому что войско мятежниковъ разошлось по приказанію Варвика, а предводители его обращались съ королемъ какъ съ плѣнникомъ. Онъ долженъ былъ слѣдовать за ними сначала въ Варвикъ, а оттуда въ Миддльгемъ. Положеніе, въ которомъ находился король Эдуардъ, дало нѣкоторымъ писателямъ поводъ романически описать его плѣнъ и освобожденіе, вслѣдствіе чего Юмъ и Генри отрицаютъ все это событіе. Несомнѣнно однако, что когда графъ Варвикъ во главѣ всѣхъ своихъ силъ вознамѣрился выступить къ границѣ Шотландіи для подавленія новаго возстанія, вспыхнувшаго въ пользу Генриха VI, никто не хотѣлъ слѣдовать за нимъ, такъ что въ половинѣ августа онъ былъ принужденъ привезти короля въ Іоркъ и предоставить ему нѣкоторую свободу, пользуясь его именемъ, какъ государственною хоругвью. Это дало Варвику возможность выступить во главѣ приверженцевъ іоркскаго дома противъ ланкастерцевъ; приверженцы Генриха были побѣждены, а предводители ихъ казнены по приказанію короля, какъ сами недавно казнили его друзей. Но прежде чѣмъ Варвикъ выпустилъ короля изъ своихъ рукъ, онъ заставилъ его передать себѣ должность верховнаго судьи (office of Grand Justiciary) южнаго Уэльса и всѣ другія важныя должности, которыя занималъ Пемброкъ. Въ ноябрѣ Варвикъ оправдывался въ собраніи перовъ въ Лондонѣ въ участіи въ возстаніи; однако два обстоятельства доказываютъ намъ, что онъ дѣйствительно былъ виновникомъ возстанія и заключилъ съ королемъ, прежде чѣмъ освободилъ его, особый договоръ, предоставлявшій ему извѣстныя преимущества. Была объявлена общая амнистія, въ которой вовсе не упоминалось о больничной подати, служившей предлогомъ къ возстанію; сверхъ того сынъ графа Нортомберленда, къ которому впослѣдствіи должны были перейти имѣнія всѣхъ трехъ Невилей, былъ сдѣланъ страннымъ

образомъ наслѣдникомъ престола: Эдуардъ съ согласія перовъ помолвилъ за него свое единственное дитя, 4-лѣтнюю дочь.

Однако примиреніе не могло быть прочнымъ, пока королева имѣла прежнее вліяніе на своего супруга и пока Варвикъ, какъ главноначальствующій въ Кале и пяти портахъ (warden of the cinque ports) и по многимъ другимъ должностямъ, удерживалъ въ своей власти флотъ и внутреннія дѣла государства. И дѣйствительно уже въ февралѣ 1470 потребовалось новое примиреніе. Король былъ приглашенъ своимъ братомъ Кларенсомъ и обоими Невилями на обѣдъ въ одинъ герфордшайрскій замокъ и, вообразивъ, что его желаютъ похитить, убѣжалъ въ Виндзоръ. Едва кончился этотъ споръ, какъ въ Линкольншайрѣ вспыхнуло возстаніе, явно подготовленное Варвикомъ и Клеренсомъ. На этотъ разъ однако они дѣйствовали плохо, потому что возстаніе было усмирено и предводители его казнены, прежде чѣмъ они успѣли выступить въ поле съ своими приверженцами. Послѣ того (въ мартѣ 1470 г.) Варвикъ и друзья его тщетно призывали своихъ вассаловъ къ оружію; король предупредилъ ихъ и, поспѣшивъ въ Іоркъ, издалъ прокламацію, въ которой положительно обѣщалъ примириться съ ними, если они оправдаются. Однако онъ отнялъ у нихъ многое, пожалованное въ прежнее время. Брата своего Клеренса онъ лишилъ ирландскаго намѣстничества, предоставленнаго ему, когда онъ былъ еще очень молодъ, съ правомъ передавать управленіе другому; король примирился съ сыномъ прежняго графа Нортомберленда, Перси, сидѣвшимъ еще въ Тоуэрѣ и бывшимъ ревностнымъ преверженцемъ ланкастерскаго дома; по этому поводу онъ отнялъ у брата Варвика данный ему титулъ, за что вознаградилъ его, но весьма недостаточно. Затѣмъ Эдуардъ отправился изъ Іорка въ Ноттингемъ, чтобы выступить противъ своего брата и союзника его Варвика, которые, не видя никакой возможности удержаться въ Англіи, сѣли на корабль въ Дартмутѣ (въ половинѣ апрѣля 1470 г.). Они искали убѣжища въ Кале, но не были впущены въ городъ, что весьма смутило Варвика. Гасконецъ Воклеръ, котораго Варвикъ оставилъ въ Кале вице-губернаторомъ, не только не впустилъ ихъ въ городъ, но даже отказалъ въ пищѣ, въ которой они нуждались тѣмъ болѣе, что герцогиня Клеренсъ, дочь Варвика, разрѣшилась на кораблѣ отъ бремени. Двѣ бутылки вина,—вотъ все, что предложилъ имъ Воклеръ. Коминъ говоритъ, что Воклеръ чисто по-гасконски хвалился своимъ поведеніемъ передъ Эдуардомъ и передъ Варвикомъ. Послѣднему онъ сообщилъ, что народъ въ городѣ до того ожесточенъ, что онъ не будетъ въ состояніи защитить его и поэтому, желая сохранить для него губернаторство, не можетъ рѣшиться рисковать всѣмъ, чтобъ принять его. Варвикъ, конечно, долженъ былъ смолчать, но Эдуардъ щедро наградилъ хитраго гасконца.

Король французскій былъ очень доволенъ этими безпокойствами въ Англіи; не задолго до того онъ думалъ, что Варвикъ, король Эдуардъ и герцоги Бургундскій и Бретанскій соединятся, чтобы напасть на него; адмиралъ Бурбонскій, котораго онъ нарочно отправилъ посланникомъ въ Англію, чтобы шпіонствовать и сѣять раздоры, утвердилъ его въ этомъ мнѣніи. Онъ пришелъ въ смущеніе, принявъ дружески бѣглецовъ и дозволивъ имъ ввести ихъ призы во французскія гавани; въ тоже время онъ вредилъ своимъ флотомъ нидерландцамъ, хотя дѣлалъ видъ, что негодуетъ на морскіе разбои. Карлъ Смѣлый былъ до того озлобленъ на это, что написалъ грубое и рѣзкое письмо адмиралу Бурбонскому и архіепископу нарбоннскому, управлявшимъ королевскими морскими силами *). Лудовикъ присталъ наконецъ къ противникамъ Эдуарда, причемъ однако заключилъ условіе, чтобы они приняли подъ защиту племянницу его, Маргариту, супругу Генриха VI, все еще находившуюся въ Барѣ. Самъ онъ отправился въ Анжеръ, куда вскорѣ пріѣхали Варвикъ и Маргарита, съ сыномъ Эдуардомъ; въ іюнѣ 1470 былъ заключенъ въ Амбуазѣ договоръ, который былъ однако слишкомъ неестественъ, чтобы можно было надѣяться когда-нибудь выполнить его. Содер-

---

*) Archevêque et vous, admiral, les navires que vous dites avoir été mis de par le roi par encontre les Anglois, ont déjà exploité sur la flotte de mes sujets rétournant en mes pays. Mais par saint Georges si l'on n'y pourvoit à l'aide de dieu, j'y pourvoirai sans vos congiés, ni vos raisons ni justices, car elles sont trop volontaires et longues.

жаніе этого договора доказываетъ намъ, что въ то время изъ Испаніи и Италіи стало распространяться по всей Европѣ дипломатическое искусство, уничтожающее всякую нравственность, которое въ наше время иногда доводится до крайнихъ размѣровъ. Младшая дочь Варвика должна была выйти замужъ за сына Генриха VI, котораго предполагали вновь посадить на тронъ, а Варвикъ, при жизни его и во время малолѣтства его сына, долженъ былъ неограниченно управлять Англіею, именемъ Генриха и Маргариты. Въ случаѣ бездѣтной кончины принца, англійскій престолъ долженъ былъ перейти къ герцогу Кларенсу или его дѣтямъ. Лудовикъ, у котораго въ этомъ году родился наконецъ сынъ (Карлъ VIII), не упустилъ при этомъ изъ виду свою личную пользу тѣмъ болѣе, что нападеніе на Англію обошлось бы ему очень дорого.

Но въ это время герцогъ Кларенсъ догадался, что дѣйствуетъ во вредъ себѣ, помогая свергнуть своего брата и возстановить на престолѣ ланкастерскій домъ. Поэтому еще въ августѣ онъ увѣрилъ брата, что поможетъ ему, хотя пока не можетъ отступить отъ союза. Король Эдуардъ старался поддержать въ немъ ненависть къ ланкастерскому дому; съ этой цѣлью онъ отослалъ во Францію одну фрейлину герцогини Кларенсъ, остававшуюся въ Англіи, и черезъ нее вступилъ въ переговоры съ герцогомъ. Но будучи преданъ удовольствіямъ, онъ повидимому не принялъ никакихъ мѣръ, чтобъ воспрепятствовать переправѣ своихъ противниковъ или напасть на немногочисленное войско ихъ тотчасъ послѣ высадки; онъ даже оказывалъ благосклонность обоимъ братьямъ Варвика, архіепископу и графу Монтэгю. Напротивъ того, герцогъ Бургундскій съ нидерландскимъ флотомъ препятствовалъ отъѣзду Варвика изъ Франціи до сентября; но графъ воспользовался осенними бурями и густымъ туманомъ и подъ прикрытіемъ французскаго флота счастливо переплылъ проливъ. Лудовикъ XI сильно опасался за успѣхъ экспедиціи и, подъ предлогомъ поклоненія Архангелу, отправился въ Монъ-Сенъ-Мишель, чтобы оттуда посмотрѣть, хорошо ли идетъ дѣло. При этомъ онъ завернулъ въ Авраншъ и потѣшался надъ дворянствомъ, которое, какъ привилегированная королевская стража (pensionnaires du roi), пользовалось особыми преимуществами. Онъ сдѣлалъ ему смотръ, остался очень недоволенъ выправкой и вооруженіемъ и, купивъ множество чернильницъ, роздалъ ихъ дворянамъ съ оскорбительною насмѣшкою *).

Беззаботный Эдуардъ, занятый любовными похожденіями, былъ озабоченъ мнимымъ возстаніемъ, виновникъ котораго, зять Варвика, вскорѣ бѣжалъ въ Шотландію. Такимъ образомъ короля не было въ Лондонѣ, когда 13 сентября Варвикъ высадился на англійскій берегъ; жители Кента возстали поголовно, и братъ Варвика внезапно перемѣнилъ бѣлую розу на алую и съ нѣсколькими тысячами человѣкъ направился къ Ноттингему, гдѣ находился Эдуардъ. Варвикъ же отправился черезъ Дартмутъ и Плимутъ въ Лондонъ. Королева Елисавета, остававшаяся въ столицѣ, бѣжала съ своими дочерьми въ алтарь уэстминстерской церкви, гдѣ 4-го ноября родила сына, Эдуарда. Супругъ ея напрасно пытался собрать войско въ Донкастерѣ; лордъ Гестингсъ доказалъ ему, что онъ не можетъ довѣрять никому изъ окружающихъ; вслѣдствіе этого ему оставалось только поскорѣе добраться до моря. Онъ отправился съ своимъ братомъ, герцогомъ Глостеромъ, графомъ Риверсомъ и семью или восьмью другими вельможами въ Бишопсъ-Лайнъ, на берегу Норфока. Здѣсь онъ сѣлъ съ 800 всадниковъ на англійскій и два голландскіе корабля и отправился въ Нидерланды. Во время переѣзда онъ подвергся преслѣдованію ганзейскихъ разбойниковъ и около Алькмара долженъ былъ посадить свои корабли на мель недалеко отъ берега. Его прибытіе въ Нидерланды поставило въ немалое затрудненіе его зятя Карла, о тогдашнихъ отношеніяхъ котораго къ Франціи мы уже упоминали (стр. 74); тѣмъ не менѣе онъ принялъ его весьма дружески и даже самъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу въ Гагу. Эдуардъ испыталъ въ Кале отъ гасконскаго дипломата то же, что Варвикъ. Карлъ Смѣлый послалъ въ Кале Комина, чтобы удержать гасконца Воклера въ вѣрности Эдуарду. Но Воклеръ, заслышавъ о бѣгствѣ Эду-

---

*) Puisqu'ils étoient si peu en état de le servir par leurs armes, ils eussent du moins a le servir de leurs plumes.

арда, объявилъ себя въ пользу Варвика, и Коминъ по самой сущности своего порученія очутился въ немалой опасности, но, будучи самъ хорошимъ дипломатомъ, тотчасъ же заговорилъ иначе. Его герцогъ также сдѣлалъ видъ, будто не имѣетъ намѣренія предпринимать что либо противъ короля Генриха VI.

Варвикъ и Клеренсъ съ торжествомъ вступили 6-го октября въ Лондонъ. 13-го числа того же мѣсяца король Генрихъ VI былъ снова провозглашенъ царствующимъ государемъ и проѣхалъ съ короною на головѣ по улицамъ города. Парламентъ, созванный Генрихомъ VI, объявилъ Эдуарда IV незаконнымъ правителемъ, передѣлалъ все попрежнему и установилъ правленіе и престолонаслѣдіе по Амбуазскому договору. Клеренсъ былъ вновь сдѣланъ правителемъ Ирландіи и сверхъ того получилъ значительныя имѣнія. Варвикъ былъ сдѣланъ оберкамергеромъ Англіи, начальникомъ (captain) Кале и лордомъ адмираломъ; брату его, архіепископу, былъ возвращенъ санъ канцлера, а другому, носившему со времени возстановленія Перси въ Нортомберлендѣ титулъ маркиза Монтэгю, званіе охранителя границъ (the wardenship of the marches). На этотъ разъ однако не было совершено никакихъ жестокостей. Революція эта произошла осенью, а весною 1471 все это зданіе, построенное хитростью и коварствомъ Лудовика XI, рушилось: Клеренсъ находился съ давнихъ поръ въ сношеніяхъ съ Эдуардомъ, Варвикъ не могъ поладить съ своими братьями.

Между тѣмъ Маргарита и ея сынъ, которому Лудовикъ оказывалъ необыкновенныя почести, въ продолженіе цѣлой зимы задерживались противными вѣтрами во Франціи. Карлъ Смѣлый, которому теперь угрожала война со стороны Франціи и Англіи, не переставалъ поддерживать короля Эдуарда значительными денежными суммами и побуждалъ англійское дворянство пристать къ королю, когда онъ сдѣлаетъ попытку возвратить себѣ престолъ. Въ мартѣ 1471 Эдуардъ собралъ нѣсколько тысячъ англичанъ. Карлъ подарилъ ему пятьдесятъ тысячъ червонцевъ, нанялъ для него четырнадцать ганзейскихъ транспортовъ и приказалъ вооружить въ Теръ-Верѣ четыре большихъ голландскихъ корабля. Съ этимъ флотомъ Эдуардъ вошелъ въ Гомберъ, высадилъ 14 марта свои войска при Ревенспорѣ въ томъ самомъ мѣстѣ, куда прежде присталъ Генрихъ VI, и отправился въ Іоркъ, гдѣ остановился на короткое время. Ходъ дѣла не предвѣщалъ ничего хорошаго, потому что онъ объявилъ, что хочетъ лишь возвратить себѣ отцовское наслѣдство, а въ Іоркѣ клялся передъ алтаремъ, что желаетъ быть только герцогомъ Іоркскимъ.

Варвикъ, который уже въ декабрѣ 1470 года узналъ о тайныхъ замыслахъ герцога Бургундскаго, принялъ еще въ январѣ такія удачныя предосторожности противъ высадки, что еслибы его братъ Монтэгю, герцогъ Клеренсъ и другіе, которымъ онъ довѣрялъ, остались ему вѣрны, то Эдуардъ былъ бы окруженъ и взятъ въ плѣнъ при самомъ выступленіи изъ Іорка. Однако Монтэгю, расположившись съ своимъ войскомъ у Понтефректа, не двинулся съ мѣста, когда Эдуардъ выступилъ изъ Іорка; быть можетъ, онъ ожидалъ соединенія съ своимъ братомъ, хотя нѣкоторые писатели полагаютъ, что онъ имѣлъ довольно войска, чтобы окружить и уничтожить Эдуарда. Когда затѣмъ Эдуардъ отправился къ Ноттингему, то народъ стекался къ нему со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, что при Ноттингемѣ у него было 60 т. (конечно не солдатъ), вслѣдствіе чего онъ отказался отъ своего отреченія и принялъ королевскій титулъ. Тогда и Клеренсъ сбросилъ маску и, вмѣсто того чтобы, слѣдуя предначертанному плану, окружить короля, присоединился къ нему съ 12 т. человѣкъ своего войска. Варвикъ и Оксфордъ, стоявшіе близъ Ковентри, сочли неблагоразумнымъ вступать въ сраженіе и удерживать Эдуарда отъ похода на Лондонъ. По всей вѣроятности, Варвикъ разсчитывалъ, что братъ его, архіепископъ-канцлеръ, постарается о томъ, чтобы Лондонъ заперъ свои ворота королю. Разсчетъ этотъ однако не оправдался; напротивъ того, ночью архіепископъ впустилъ войска Эдуарда черезъ боковыя ворота въ городъ (11 апрѣля). Монтэгю же непонятнымъ образомъ очутился при Варвикѣ, который хотѣлъ напасть на Эдуарда въ самомъ Лондонѣ; но король вышелъ изъ Лондона на другой день послѣ вступленія въ него. Тогда обѣ партіи вознамѣрились рѣшить сраженіемъ судьбу алой и бѣлой розы. Вѣроломный Клеренсъ попробовалъ быть посредникомъ между Эдуардомъ и его противникомъ, но Варвикъ послалъ ему рѣзкій отвѣтъ (go and tell your master thet Warwick

true to his word is a better man then the false and perjured Clarence). Рѣшительное сраженіе произошло 14 апрѣля 1471 при Бернетѣ между Сентъ-Ольбенсомъ и Лондономъ. Побѣда осталась за Эдуардомъ, и Варвикъ съ своимъ братомъ Монтэгю пали въ битвѣ. Вся эта исторія похожа на историческій романъ или драму, поэтому нельзя не упомянуть здѣсь, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, Варвикъ потерпѣлъ пораженіе вслѣдствіе того, что войска его приняли звѣзду на знаменахъ Оксфорда за солнце хоругви Эдуарда, и что самъ Варвикъ противъ обыкновенія сражался пѣшкомъ, такъ что солдаты не видѣли его.

На другой день послѣ битвы королева Маргарита высадилась въ Англію съ своимъ несчастнытъ сыномъ, принцемъ Уэльсскимъ. Она до того испугалась вѣсти о пораженіи, что скрылась въ церковь; однако по представленію Соммерсета, лорда Бьюфорта, графа Девоншайра и другихъ знатныхъ лицъ ея партіи, она еще разъ стала во главѣ своихъ приверженцевъ и собрала довольно значительное число друзей ланкастерскаго дома. Но прежде чѣмъ графъ Пемброкъ, бѣжавшій въ Уэльсъ, успѣлъ соединиться съ нею, Эдуардъ вывелъ противъ нея правильное и побѣдоносное войско, которому не могли противиться наскоро собранные полки Маргариты. 4 мая Эдуардъ одержалъ при Тьюксбери вторую побѣду, и Маргарита съ сыномъ попались въ плѣнъ. Эдуардъ повезъ ее съ тріумфомъ въ Лондонъ и заключилъ въ Тоуэръ, откуда она была освобождена лишь черезъ пять лѣтъ. Съ сыномъ ея, принцемъ Уэльсскимъ, поступили съ варварствомъ, достойнымъ норманскихъ разбойниковъ, которое впрочемъ вообще свойственно англійской аристократіи со времени трехъ первыхъ королей норманскаго племени и слѣды котораго, замѣтные доселѣ, весьма удобно уживаются рядомъ съ чопорностью и свѣтскимъ приличіемъ. Несчастнаго принца привели въ королевскую палатку, и Эдуардъ спросилъ его, что заставило его пріѣхать въ Англію. Когда онъ смѣло отвѣтилъ, что пришелъ затѣмъ, чтобы возвратить себѣ престолъ своего отца и свое наслѣдіе, король имѣлъ варварство ударить невиннаго мальчика въ лицо своей тяжелой рыцарской перчаткой; его братья, Клеренсъ и Глостеръ, или, надѣемся, ихъ слуги убили за это принца въ глазахъ короля. Совершивъ эту жестокость, Эдуардъ какъ тигръ бросился съ окровавленнымъ мечомъ въ церковь, гдѣ скрывались герцогъ Соммерсетъ, лордъ Сентъ-Джонсъ, шесть рыцарей и семь дворянъ. Эдуардъ непремѣнно желалъ собственноручно умертвить ихъ, но священникъ удержалъ его съ св. причастіемъ въ рукахъ и не допустилъ войти въ дверь. Черезъ два дня король послалъ въ церковь вооруженныхъ людей, которые вытащили несчастныхъ бѣглецовъ изъ ризницы и отвели ихъ на эшафотъ. Несчастный король Генрихъ VI тотчасъ послѣ битвы при Бернетѣ былъ посаженъ въ Тоуэръ и лишенъ жизни въ самый день въѣзда Эдуарда въ Лондонъ (22 мая). Лингардъ замѣчаетъ справедливо, что Генри ошибочно заключилъ изъ одного примѣчанія Малона къ Шекспиру, что король былъ лишенъ жизни нѣсколькими недѣлями позже. Что же касается самого акта убійства, то, хотя позднѣйшіе писатели и говорятъ, будто братъ Эдуарда, Ричардъ Глостеръ, собственноручно закололь кинжаломъ несчастнаго короля или, по крайней мѣрѣ, приказалъ убить его; но мы не желаемъ повторять этого разсказа, потому что не думаемъ чернить Эдуарда и его братьевъ болѣе, чѣмъ они уже очернены къ несчастью самыми событіямъ.

Длинный рядъ именъ вельможъ и дворянъ, казненныхъ вслѣдъ за этимъ, не относится къ этому сочиненію. Мы упомянемъ лишь о судьбѣ архіепископа іоркскаго, измѣнившаго своимъ братьямъ. Въ продолженіе всего 1471 года король обращался съ нимъ весьма дружески, но въ началѣ слѣдующаго велѣлъ внезапно арестовать. Пригласивъ архіепископа на охоту и роскошно угостивъ его, король обѣщалъ пріѣхать къ нему въ Муръ въ Герфордшайрѣ. Архіепископъ сдѣлалъ большія приготовленія къ пріему короля, пригласилъ все окрестное дворянство на пиръ и добылъ всю свою серебряную посуду, которую скрывалъ со времени высадки Эдуарда; но вдругъ совершенно неожиданно онъ былъ потребованъ къ королю въ Виндзоръ и арестованъ здѣсь подъ тѣмъ пустымъ предлогомъ, что давалъ взаймы деньги графу Оксфорду, командовавшему вмѣстѣ съ Варвикомъ при Бернетѣ. Эдуардъ держалъ его въ заключеніи то въ Англіи, то въ Гіэни и освободилъ только въ 1476, не задолго до его смерти. Тотчасъ послѣ его ареста

король захватилъ всѣ его доходы и посуду, а изъ его митры, украшенной драгоцѣнными каменьями, сдѣлалъ себѣ корону, раздѣливъ остальной жемчугъ и каменья съ своимъ сыномъ, родившимся въ церкви.

Царствованіе Эдуарда было сурово и кроваво; онъ собралъ громадныя богатства, источникъ которыхъ мы видѣли выше, и во всемъ государствѣ не было ни малѣйшаго слѣда сопротивленія или безпорядковъ. Послѣднее впрочемъ не должно удивлять насъ, потому что, какъ намъ извѣстно, Эдуардъ имѣлъ наемныя войска, а значительная часть безпокойнаго населенія Англіи погибла. Филиппъ Коминъ разсказываетъ, что сраженіе при Тьюксбери было двѣнадцатою кровопролитною битвою въ войнѣ алой и бѣлой розъ, въ теченіе которой погибло въ битвахъ и на эшафотѣ шестьдесятъ принцевъ королевскаго дома, больше половины дворянства и до шестидесяти тысячъ человѣкъ другихъ сословій. Мы обойдемъ молчаніемъ жестокости и насилія Эдуарда противъ разныхъ вліятельныхъ лицъ и бросимъ лишь взглядъ на двухъ его братьевъ, Георга Клеренса и Ричарда Глостера, которые были еще хуже его. Они захватывали все, что только могли, и своею алчностью досаждали королю болѣе, чѣмъ явные враги его. Старшій братъ, Георгъ Клеренсъ, требовалъ себѣ все громадное наслѣдство Варвика на томъ основаніи, что былъ женатъ на его старшей дочери; младшій, Ричардъ Глостеръ, хотѣлъ жениться на ея сестрѣ, чтобъ имѣть право на часть добычи. Оба не обращали ни малѣйшаго вниманія на то, что вдовѣ Варвика, Аннѣ, по закону, слѣдуетъ не только часть наслѣдства ея отца и братьевъ, но и доля изъ имущества ея супруга; они оставили ее впослѣдствіи въ такой бѣдности, что она была принуждена снискивать пропитаніе иголкою. Клеренсъ кромѣ того похитилъ у матери младшую дочь и держалъ ее у себя какъ кухарку, чтобъ братъ его не могъ жениться на ней. Однако Ричардъ отыскалъ ее и женился. Но Клеренсъ поклялся, что не подѣлится съ братомъ имѣніями (he should not part the livelyhood with him), и между ними возгорѣлся непримиримый споръ, покончённый наконецъ особымъ закономъ (act of parliament). Съ такою же готовностью парламентъ допустилъ разорить сына Монтэгю. Было постановлено, что имѣнія, находившіяся прежде во владѣніи маркиза Монтэгю, должны до тѣхъ поръ оставаться у герцоговъ Клеренса и Глостера, пока живъ хотя одинъ мужескій потомокъ маркиза. Однако братья продолжали враждовать другъ съ другомъ, и Ричардъ, дьявольскій характеръ котораго могъ описать только великій поэтъ, какъ Шекспиръ, или историкъ, подобный Шиллеру, который при описаніи характера можетъ обращаться къ помощи поэзіи, по всей вѣроятности, замышлялъ уже тогда убійство своего брата Клеренса, мѣшавшаго ему.

Что касается внѣшнихъ сношеній, то Эдуардъ боялся преимущественно короля Лудовика XI французскаго, которому постоянно грозилъ войной; но Лудовикъ поступалъ съ нимъ по своему обыкновенію. Будучи совершенно нечувствителенъ со стороны самолюбія, что весьма рѣдко въ французѣ, онъ заботился только о выгодахъ; подкупивъ огромными суммами алчныхъ друзей Эдуарда, онъ разсчитывалъ на ихъ измѣну, и остался въ выигрышѣ, потому что умѣлъ пользоваться обстоятельствами и не стыдился нарушать данное слово. Въ теченіе трехъ лѣтъ (съ октября 1472 г. до марта 1475 г.) король находился въ смертельномъ страхѣ, опасаясь заключенія несбыточнаго союза между Эдуардомъ и герцогами Бургундскимъ и Бретанскимъ. Осенью 1472 г. Эдуардъ условился съ зятемъ своимъ, Карломъ Смѣлымъ, и съ герцогомъ Бретанскимъ общими силами напасть на Францію. Онъ возобновилъ древнія притязанія англійскихъ королей на французскій престолъ; предполагалось, что онъ вторгнется съ сильнымъ войскомъ во Францію съ сѣвера и что въ то же время Карлъ вступитъ въ нее съ востока, а герцогъ Бретанскій съ запада; по завоеваніи государства, оно должно было быть раздѣлено между тремя союзниками. Мы не думаемъ, что Эдуардъ серьезно помышлялъ объ этомъ планѣ; но изъ протоколовъ (Rotulus) парламента и изъ офиціальныхъ актовъ видно, что онъ умѣлъ воспользоваться имъ, чтобъ собрать неслыханныя доселѣ суммы съ разныхъ корпорацій, сословій, цеховъ и частныхъ лицъ. Французскій народъ, котораго Лудовикъ XI избавилъ отъ злоупотребленій аристократіи, считалъ его демократическимъ диктаторомъ и охотно платилъ деньги. Англичане же, узнавъ о предстоящемъ нападеніи на Францію, согласились дать своему королю деньги, частью изъ страха, частью изъ ненависти

къ французамъ. Духовенство, перы и народъ (the commons) предоставили для завоевательныхъ плановъ короля Эдуарда по десятой части своихъ доходовъ; парламентъ, не расходившійся, за исключеніемъ кратковременныхъ отпусковъ, въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ, давалъ ему одну субсидію за другой, такъ что король уже съ 1472 могъ содержать постоянную армію въ 13 т. стрѣлковъ. Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ налоги, изобрѣтенные Эдуардомъ (стр. 138), были особенно тягостны; онъ не стыдился выпрашивать деньги у всѣхъ состоятельныхъ людей и называлъ вынужденную такимъ образомъ подать добровольнымъ пожертвованіемъ (benevolence).

Выполненіе сумасброднаго плана раздѣла Франціи постоянно откладывалось. Герцогамъ Бургундскому и Бретанскому не удалось во-время выступить въ походъ, потому что агенты Лудовика, разсѣянные повсюду, возбуждали противъ нихъ непріятелей, безпокойства и предательство. Проискамъ ихъ въ особенности подвергался герцогъ Бургундскій въ 1473 и 1474 годахъ; при томъ въ это время онъ былъ занятъ другими нелѣпыми предпріятіями въ Гельдернѣ, Трирѣ и Кельнской войнѣ. Такимъ образомъ герцоги въ теченіе почти двухъ лѣтъ принуждены были заключать повременамъ перемирія съ французскимъ королемъ; за то Эдуардъ былъ постоянно на готовѣ и выжималъ изъ своего народа огромныя суммы. Наконецъ въ іюлѣ 1474 проектъ или вѣрнѣе химера стала повидимому принимать серьезный оборотъ. 21 іюля былъ заключенъ формальный наступательный и оборонительный союзъ между Англіею и Бунгундіею, не смотря на то, что Карлъ былъ занятъ осадою Нуиса. Англійское войско подъ личнымъ начальствомъ короля должно было высадиться въ Гіэни или Нормандіи, послѣ чего Эдуардъ заявилъ бы свои притязанія на французскій престолъ, а Карлъ поддержалъ бы его своею арміею. Англійскій король обѣщалъ отдать герцогу Бургундскому Шампань, Баръ, Неверъ и города на Соммѣ, удержавъ за собою лишь право короноваться въ Реймсѣ королемъ Франціи. Герцогу Бретанскому было обѣщано Пуату. Король Іаковъ шотландскій былъ также приглашенъ приступить къ союзу противъ Франціи; но онъ отказался и даже первый далъ королю Лудовику подробное свѣдѣніе о грозившей ему опасности. Однако Эдуардъ съумѣлъ отклонить деньгами шотландскаго короля отъ союза съ Франціей; при этомъ онъ издержалъ гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно тратилъ плебейскій король Франціи. Онъ выдалъ за Іакова III свою дочь Цецилію и обѣщалъ дать за ней въ приданое значительную сумму наличными деньгами, но вмѣсто того разсрочилъ уплату на нѣсколько лѣтъ; такимъ образомъ, когда между Англіей и Франціей началась война, шотландскій король находился на жалованьи у Эдуарда.

Намѣреваясь переправиться во Францію, Эдуардъ отправилъ къ французскому королю герольда съ манифестомъ о войнѣ, написанномъ, по словамъ Комина, прекраснымъ слогомъ (conçu en beau langage et en beau style). Онъ надменно требовалъ, чтобы Лудовикъ уступилъ ему престолъ. Лудовикъ былъ слишкомъ хорошимъ дипломатомъ, чтобъ отвѣчать на это дерзостями. Обыкновенно разсказываютъ, со словъ одного лѣтописца, что онъ послалъ въ Англію кабана, волка и осла, давъ такимъ образомъ насмѣшливый аллегорическій отвѣтъ; но разсказъ этотъ ложенъ. Уже въ теченіе двухъ лѣтъ англійская нація желала войны болѣе, чѣмъ самъ Эдуардъ, и принесла для этого предпріятія большія жертвы; зная это, Лудовикъ поступилъ самымъ вѣжливымъ образомъ. Онъ вообще терпѣть не могъ аристократическихъ и благородныхъ манеръ и, позвавъ герольда въ свою комнату, сказалъ ему: «передайте вашему государю, что я очень хорошо знаю, что мой добрый другъ Эдуардъ не зачинщикъ объявленной войны, а что коннетабль Сенъ-Поль и герцоги Бретанскій и Бургундскій своими тайными происками возбудили англійскій народъ, вслѣдствіе чего нижняя палата принудила короля къ подобному поступку. Но Эдуардъ увидитъ, что изъ этого ничего путнаго не выйдетъ, потому что для короля Англіи было бы гораздо приличнѣе и славнѣе жить въ согласіи съ равнымъ ему государемъ, чѣмъ знаться съ мятежными подданными. Какіе бы раздоры ни возникали между королями, послѣдніе никогда не должны поддерживать другъ у друга бунтъ». Затѣмъ Лудовикъ далъ герольду 300 червонцевъ и подарилъ кусокъ кармазиннаго бархату; онъ хотѣлъ, чтобы посланный разсказывалъ всѣмъ о щедрости короля въ отношеніи тѣхъ, которые оказываютъ ему услугу. Разсчетъ его былъ вѣренъ: впослѣдствіи оказа-

лось, что всѣ, имѣвшіе какое нибудь вліяніе на Эдуарда, были на жалованьи у Лудовика.

Эдуардъ высадился во Франціи съ 1500 кирасиръ (gens d'armes) и 15 т. стрѣлковъ. Расположившись лагеремъ при Кале, онъ поджидалъ армію герцога Бургундскаго и надѣялся, что коннетабль Сенъ-Поль впуститъ его въ Сенъ-Кантенъ. Но и тотъ и другой обманули его. Англичане показались подъ Сенъ-Кантеномъ, но когда по совѣту герцога Бургундскаго они подошли къ городу, коннетабль велѣлъ даже стрѣлять въ нихъ. Карлъ потерпѣлъ подъ Нуйсомъ такія потери, что долженъ былъ возстановить свое войско; при томъ онъ болѣе помышлялъ объ отмщеніи герцогу Лотарингскому, чѣмъ о поданіи помощи англійскому королю. Онъ прибылъ въ Кале, но свиданіе двухъ гордыхъ и надменныхъ государей кончилось сильной ссорой, вслѣдствіе которой Карлъ уѣхалъ и болѣе не возвращался.

Король Лудовикъ воспользовался гнѣвомъ Эдуарда на своихъ союзниковъ, призвавшихъ его во Францію, чтобъ избавиться отъ незванныхъ гостей; при этомъ онъ питалъ полное равнодушіе къ мнѣнію своихъ рыцарственныхъ современниковъ касательно его поступковъ. Къ нему явился одинъ французскій простолюдинъ, взятый англичанами въ плѣнъ и выпущенный на свободу, по тогдашнему обычаю освобождать перваго плѣнника, взятаго на войнѣ. Лорды Стэнли и Говардъ поручили этому человѣку передать французскому королю дружеское привѣтствіе; Лудовикъ съ свойственной ему проницательностью угадалъ, что Эдуардъ желаетъ вступить съ нимъ въ переговоры черезъ этихъ лордовъ. Въ то же время его вѣрный взглядъ открылъ, что гасконецъ Мерендо, котораго онъ видѣлъ всего разъ, можетъ служить ему съ пользою въ этихъ переговорахъ. Мерендо былъ ла-рошельскимъ меромъ и по своему общественному положенію не годился ни въ посланники, ни въ герольды; когда Коминъ предложилъ ему отъ имени короля это порученье, онъ положительно воспротивился принять его, и Коминъ просилъ короля выбрать кого нибудь другаго. Но король стоялъ на своемъ и, отправившись лично къ Мерендо, успѣлъ уговорить его. Тогда Мерендо былъ наряженъ герольдомъ и посланъ въ англійскій лагерь, гдѣ доказалъ, что выборъ короля былъ вполнѣ удаченъ; его искусная рѣчь убѣдила короля Эдуарда и вельможъ, составлявшихъ его военный совѣтъ, согласиться на предложеніе Лудовика созвать конгресъ для заключенія перемирія и назначить немедленно уполномоченныхъ.

Представителями Франціи на конгрессѣ были назначены адмиралъ Бурбонскій, сеньеръ де Сенъ-Піерръ и епископъ эвресскій; со стороны Англіи лорды Говардъ и Ченэ, архіепископъ кентерберійскій и докторъ богословія Мортонъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи архіепископомъ и канцлеромъ Англіи. Эти господа съѣхались въ одной деревнѣ близъ Амьена и съ 13 августа 1475 г. совѣщались объ условіяхъ перемирія; тѣмъ временемъ Лудовикъ постарался найти средство для того, чтобъ дать благопріятный оборотъ дипломатическимъ переговорамъ. Онъ послалъ въ Парижъ вѣрныхъ людей, поручивъ имъ занять денегъ на свое имя, потому что, во-первыхъ, зналъ, что ему самому никто не повѣритъ въ долгъ, а во-вторыхъ не хотѣлъ, чтобы знали о назначеніи этихъ денегъ. Королевскіе агенты заняли со всѣхъ сторонъ большія суммы, овладѣли судебными и сберегательными кассами и достали денегъ у совѣтниковъ и президентовъ судовъ. Король велѣлъ канцлеру Доріолю приложить большую государственную печать къ шести пергаментнымъ бланкамъ (blancs-seings); на нихъ господа, которыхъ онъ хотѣлъ подкупить, должны были написать собственноручно сколько имъ слѣдуетъ за ихъ услуги. Вслѣдствіе подобныхъ мѣръ переговоры кончились такъ быстро, что уже 29 августа 1475 между Англіей и Франціей былъ заключенъ договоръ. Алчный и расточительный англійскій король и на этотъ разъ предпочелъ деньги всему прочему; Лудовикъ же дѣйствовалъ умно, хотя, правда, не совсѣмъ благородно и великодушно, основываясь на томъ убѣжденіи, что исходъ войны сомнителенъ, и что война во всякомъ случаѣ будетъ стоить гораздо дороже взятокъ и подкуповъ. Писатели утверждаютъ впрочемъ, что при переговорахъ англичане требовали сперва всю Францію, потомъ лишь нѣсколько провинцій и наконецъ только дани подъ благовиднымъ названіемъ пенсіи; но официальные источники, представляемые англійскими историческими документами, опровер-

гаютъ это показаніе. Лудовикъ обязался уплатить Эдуарду въ теченіе 14 дней 150 тысячъ талеровъ (75 т. crowns) и сверхъ того ежегодно, пока онъ и Эдуардъ живы, по 100 тысячъ талеровъ (50 тысячъ crowns). Кромѣ того торговыя сношенія между Англіей и Франціей освобождались на семь лѣтъ отъ пошлинъ. Въ заключеніе постановлялось, что старшая дочь Эдуарда, Елисавета, выйдетъ замужъ за дофина, а такъ какъ послѣдній еще дитя, то будетъ перевезена на счетъ Лудовика во Францію на воспитаніе, и съ той минуты, какъ бракъ будетъ объявленъ, она будетъ получать по 60 т. ливровъ ежегодно. При заключеніи этого мира Лудовикъ похлопоталъ о своей племянницѣ, Маргаритѣ Анжуйской, вдовѣ короля Генриха VI, которую онъ впрочемъ самъ же лишилъ наслѣдства ея отца. Онъ заплатилъ 50 тысячъ кронъ за освобожденіе Маргариты изъ Тоуэра. Несчастная королева была привезена 20 января 1476 Томасомъ Монгоммери во Францію; передъ отъѣздомъ ее заставили отказаться въ пользу Эдуарда отъ англійскаго престола, приданнаго и вдовьяго содержанія, за это Эдуардъ въ насмѣшку отказался отъ притязаній на ея владѣнія. За свой выкупъ изъ плѣна Маргарита предоставила французскому королю и его наслѣдникамъ права на Лотарингію, которыхъ не имѣла. По заключеніи договора Лудовикъ и Эдуардъ имѣли свиданіе на мосту Пекиньи, при чемъ ихъ раздѣляла рѣшетка, черезъ которую они облобызались. Такъ какъ при свиданьи этомъ были постановлены еще нѣкоторыя условія, то договоръ, заключенный между Франціей и Англіей, носящій обыкновенно имя амьенскаго, называется иногда пекиньинскимъ. Французскій король пригласилъ было англійскаго въ Парижъ, но вскорѣ спохватился и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ побудить Эдуарда, чрезъ его подкупленныхъ друзей, вернуться въ сентябрѣ въ Англію, въ чемъ и успѣлъ.

Договоромъ въ Пекиньи Лудовикъ предоставилъ англійскому королю всѣ выгоды, какихъ онъ могъ ожидать; за это онъ вознаградилъ себя поступками съ герцогомъ Бретанскимъ и съ коннетаблемъ Люксанбургскимъ графомъ де Сенъ-Полемъ. Черезъ своего посланника онъ рѣзко упрекалъ герцога за союзъ съ Англіей и Карломъ Смѣлымъ, и герцогъ долженъ былъ считать милостью, что Лудовикъ ограничился неразрывнымъ соединеніемъ Бретани съ Франціей посредствомъ договора, заключеннаго въ Санли. Обязательства, принятыя въ этомъ договорѣ обѣими сторонами, были, повидимому, совершенно равны; но извѣстно, что подобный союзъ при неравенствѣ силъ договаривающихся бываетъ тягостенъ для слабѣйшаго. Графу де-Сенъ-Полю пришлось еще хуже; Лудовикъ не преслѣдовалъ его, пока онъ могъ ему повредить. Но вскорѣ жена Сенъ-Поля умерла, его братъ покинулъ его и бѣжалъ къ Лудовику, когда король сталъ готовиться схватить коннетабля; Лудовикъ заковалъ въ цѣпи его сына и требовалъ за его освобожденіе 40 т. талеровъ, которыхъ графъ не могъ уплатить; наконецъ онъ былъ покинутъ своими вѣрнѣйшими друзьями, Жанли и Муи, не хотѣвшими попасть въ его бѣду. Вслѣдствіе всего этого Сенъ-Поль обратился къ Карлу Смѣлому, хотя недавно обманулъ его. Онъ просилъ герцога Бургундскаго защитить его отъ непримиримой и жестокой мести французскаго короля и предлагалъ ему за это всѣ свои крѣпости. Карлъ послалъ ему охранную грамату и приготовился занять Сенъ-Кантенъ; однако Лудовикъ предупредилъ бургундцевъ и, выступивъ съ 20 т. войска противъ городовъ коннетабля, занялъ Сенъ-Кантенъ, Гамъ, Богенъ и Борвуаръ. Коннетабль былъ принужденъ бѣжать къ герцогу Бургундскому, который охотно бы спасъ его, но Лудовикъ потребовалъ выдачи Сенъ-Поля и грозилъ въ случаѣ отказа вступить въ Лотарингію и аттаковать Карла съ тыла. Сверхъ того онъ подкупилъ жестокихъ министровъ Карла, Гюгоне и д'Имбрекура. Они совѣтовали герцогу выдать Сенъ-Поля и торопили выдачу, вмѣсто того чтобы отсрочивать ее, какъ желалъ Карлъ. Коннетабль былъ выданъ на границѣ адмиралу Бурбонскому и де-Сенъ-Піерру. Черезъ три часа послѣ этого пришелъ приказъ Карла, отмѣнявшій это распоряженіе. Сенъ-Поль былъ представленъ въ судъ, въ которомъ засѣдали канцлеръ Доріоль, призидентъ Буланжъ, парижскій губернаторъ президентъ Готье и нѣсколько президентовъ, совѣтниковъ, прокуроровъ, членовъ коммисіи прошеній (maitres des requêtes) и генералъ-адвокатовъ. Онъ былъ посаженъ въ Бастилію подъ присмотръ Сенъ-Піерра; парламентъ безъ труда призналъ его виновнымъ въ государственной измѣнѣ, потому что Эдуардъ и герцогъ Бургундскій сообщили королю его измѣнническую переписку и доку-

менты за его печатью. Какъ государственный измѣнникъ, онъ былъ лишенъ всѣхъ почестей и отличій и казненъ передъ парижской ратушей (декабрь 1475 г.).

Въ Англіи Эдуардъ послѣ своего возвращенія продолжалъ всѣми средствами вымогать деньги и расточать ихъ на удовлетвореніе самыхъ грубыхъ и пошлыхъ страстей; въ молодости онъ былъ первымъ красавцемъ Англіи, но эти страсти обезобразили и изуродовали его и наконецъ свели въ могилу на 41 году жизни. Онъ дѣйствовалъ съ необычайною строгостью противъ разбойниковъ, которыхъ въ то время было множество во всѣхъ странахъ и которые состояли изъ распущенныхъ солдатъ и рыцарей, жившихъ грабежомъ. Онъ разъѣзжалъ съ судьями по государству, преслѣдуя разбои съ неумолимою строгостью и побуждая судей къ такимъ же мѣрамъ. Однако Эдуардъ, подобно Лудовику, былъ очень любимъ нисшими классами; конфискаціи и подарки, вынужденные у дворянства, доставили ему столько денегъ, что онъ могъ содержать дворъ на свой счетъ и не имѣлъ надобности прибѣгать къ поборамъ съ народа. Если вѣрить хроникамъ, то онъ самъ выпрашивалъ милостыню и довольствовался весьма незначительной подачкой. Объ этомъ можно судить по одному анекдоту, за который мы однако не ручаемся, не смотря на то, что онъ помѣщенъ и у Юма. Говорятъ, что онъ принялъ въ подарокъ отъ одной старой дѣвы 20 фунтовъ и даже поцѣловалъ ее, когда она вручила ему деньги; это до того понравилось ей, что она дала ему вмѣсто обѣщанныхъ двадцати—сорокъ фунтовъ. У богатыхъ онъ вымогалъ деньги всевозможными средствами, возвышалъ пошлины и жестоко наказывалъ таможенныхъ приставовъ за недоимки. Съ духовенства онъ бралъ десятину за то, что изъ милости не лишилъ его имущества. Коронные вассалы принуждены были безпрестанно платить ему пени, такъ какъ безчисленныя формальности и мелочныя постановленія леннаго права лишали ихъ возможности избѣгать придирокъ его кровопійцъ-чиновниковъ. Парламентъ помогалъ ему во всѣхъ насиліяхъ. Такъ, онъ издалъ несправедливый законъ, имѣвшій обратное дѣйствіе, въ силу котораго король могъ отнимать свои прежніе дары, если находилъ ихъ слишкомъ щедрыми (act of resumption).

Эдуардъ воспользовался этимъ закономъ противъ всѣхъ и даже противъ роднаго брата, герцога Клеренса. Герцогъ былъ очень обиженъ этимъ, потому что былъ также алченъ, какъ и его братъ, и награбилъ громадныя богатства. Онъ удалился съ ропотомъ отъ двора, громко бранился, а въ совѣтѣ хранилъ упорное молчаніе. Вражду братьевъ усиливало то обстоятельство, что жена герцога Клеренса заболѣла послѣ родовъ и умерла, и онъ сталъ искать руки дочери Карла Смѣлаго, Маріи. Его обвиняли въ отравленіи жены, но вѣроятно это была клевета. Тѣмъ не менѣе вскорѣ послѣ ея смерти, Клеренсъ посватался за Марію, причемъ ему помогала ея сестра, вдовствующая герцогиня Бургундская. Соперникомъ его былъ графъ Риверсъ, зять Эдуарда, и король хлопоталъ за него во вредъ своему брату; поэтому съ этого времени ненависть Клеренса достигла крайней степени; на него стали смотрѣть, какъ на человѣка, домогающагося престола, и старались всячески погубить. Писатели единогласно утверждаютъ, что погибели его способствовалъ его второй братъ, адскій Ричардъ Глостеръ. Однако мы не знаемъ ничего положительнаго въ этомъ отношеніи. Чтобы взвести на Клеренса подозрѣніе въ отравленіи своей супруги, враги его арестовали одну изъ ея служанокъ, подвергли ее пыткѣ, вынудили такимъ образомъ признаніе и казнили. Затѣмъ начали пошлый процессъ противъ его друзей и служителей, надѣясь впутать и его. Люди эти были: секретарь герцога, священникъ Стеси, называемый въ хроникахъ его слугою, и свободный землевладѣлецъ (gentleman), Томасъ Бердетъ; въ его имѣніи король убилъ бѣлаго оленя, за что онъ очень разсердился и произнесъ необдуманныя слова, о которыхъ мы упомянули выше (стр. 105). Однако онъ былъ казненъ вовсе не за это: его и Стеси обвиняли въ гаданьѣ о судьбѣ короля и Клеренса, который имъ покровительствовалъ, и въ распространеніи возмутительныхъ балладъ и пѣсенъ. Такъ какъ въ то время въ Англіи, какъ и въ другихъ государствахъ, была въ ходу пытка, то ихъ принудили сознаться во всемъ. Судъ осудилъ ихъ за это астрономическое или, если угодно, астрологическое гаданіе и приговорилъ къ смерти; онъ состоялъ изъ земскихъ судей и большей части свѣтскихъ перовъ, необратившихъ никакого вни-

манія на то, что подсудимые взяли назадъ свои показанія, вынужденныя пыткою, и клялись на эшафотѣ въ невинности.

Во время этого процесса Клеренсъ находился въ Ирландіи; по возвращеніи оттуда, онъ рѣзко порицалъ это убійство, и въ сопровожденіи почтеннаго и уважаемаго священника Годарда, сопровождавшаго казненныхъ на эшафотъ, отправился въ Устминстеръ, гдѣ находились судьи. Онъ всенародно ругалъ ихъ, утверждая, что осужденные клялись въ невинности даже на послѣдней исповѣди. Объ этомъ донесли королю, находившемуся тогда въ Виндзорѣ; онъ тотчасъ отправился въ Лондонъ, призвалъ своего брата и порицалъ его за презрѣніе, высказанное судьямъ, суду и правительству. Между братьями произошла сильная ссора, и Клеренсъ въ присутствіи шерифовъ и лорда-мера былъ отправленъ въ Тоуэръ; затѣмъ король лично обвинилъ его въ парламентѣ, причемъ въ одно и то же время былъ и обвинителемъ и свидѣтелемъ; судьи не нуждались ни въ доказательствахъ, ни въ уликахъ, и Клеренсъ тщетно требовалъ судебнаго поединка, который, какъ извѣстно, имѣлъ въ Англіи юридическую силу до XIX вѣка, хотя и не употреблялся. Обвиненія, представленныя Эдуардомъ, были нелѣпы; мы упомянемъ здѣсь только объ одномъ, такъ какъ впослѣдствіи Ричардъ Глостеръ, этотъ дьяволъ въ человѣческомъ образѣ, воспользовался имъ противъ несчастныхъ сыновей Эдуарда. Эдуардъ говорилъ между прочимъ, будто Клеренсъ утверждалъ, что король сынъ любовника, а не мужа своей матери. Перы безмолвствовали, ни одинъ изъ нихъ не рѣшился защищать обвиненнаго, и несчастный Клеренсъ былъ приговоренъ къ смерти. Однако его не рѣшились казнить, пока представители народа, съ своей стороны, не покривили душой. Одно лицо, несправедливо пострадавшее по винѣ герцога въ судѣ, подало въ нижнюю палату прошеніе, требуя, чтобы Клеренсъ не избѣжалъ наказанія; тогда нижняя палата просила короля исполнить приговоръ перовъ. Тѣмъ не менѣе его не посмѣли казнить публично; онъ былъ умерщвленъ въ Тоуэрѣ. Разсказъ о томъ, будто его утопили въ бочкѣ малвазіи, не болѣе какъ пустая сказка, заимствованная историками у Фабіана, весьма хорошаго авторитета для времени Генриха VII, но при Эдуардѣ бывшаго еще ребенкомъ и писавшаго по слухамъ; отъ него она попала въ исторію Рапенъ Туара и въ сочиненія другихъ новѣйшихъ историковъ. Уже Генри доказалъ нелѣпость этой сказки, а Лингардъ даже не упоминаетъ о ней. Убійство герцога Клеренса произошло, какъ полагаютъ, 11-го марта 1478 года. Эдуардъ подарилъ большую часть имущества убитаго ненавистному графу Риверсу, брату своей супруги. Еслибъ онъ сколько нибудь стыдился людей и боялся Бога, который наказываетъ грѣхи отцовъ на дѣтяхъ до третьяго и четвертаго колѣна, то онъ, по всей вѣроятности, не сдѣлалъ бы этого, побоявшись того, что случилось впослѣдствіи. Графъ Риверсъ былъ до того ненавидимъ, какъ и прочіе родственники королевы, что, когда послѣ сраженія при Бернетѣ, король назначилъ его губернаторомъ Кале на мѣсто Варвика, гарнизонъ этого города отказался принять его, и Эдуардъ долженъ былъ послать туда Гестингса и Говарда. Подарокъ этотъ былъ тѣмъ отвратительнѣе, что происки графа и его сестры были первою причиною несчастія Клеренса. Недостойна была также уловка, къ которой король прибѣгалъ для оправданія чрезмѣрнаго обогащенія своего зятя: онъ говорилъ, что, даря ему имѣнія Клеренса, онъ хочетъ вознаградить графа отъ имени своего брата за все зло, которое послѣдній нанесъ ему, что будетъ способствовать прощенію грѣховъ герцога и спасенію его души.

Въ послѣдніе годы царствованія Эдуарда злой духъ его дома, Ричардъ Глостеръ, уже началъ играть главную роль въ событіяхъ, потому что развратная жизнь сдѣлала короля неспособнымъ къ дѣятельности. Однако въ теченіе этого времени Эдуардъ принималъ большое участіе въ европейскихъ дѣлахъ, велъ переговоры съ Даніею, Нидерландами, Испаніею, воевалъ съ Лудовикомъ XI и королемъ шотландскимъ и старался связать себя неразрывными узами съ законными государями, посредствомъ брачныхъ союзовъ. Но все, сдѣланное имъ въ этомъ отношеніи, послужило его дому во вредъ и на позоръ. Одна изъ его дочерей, Елисавета, была обѣщана по амьенскому трактату въ супруги дофину Франціи; вторая, Цецилія, была сговорена за Іакова III, и приданное ея выплачивалось Шотландіи ежегодными взносами до 1478 г.; наконецъ третья дочь ко-

роля, Анна, была предназначена въ супружество герцогу Филиппу, сыну Максимиліана; но ни одна изъ нихъ не сдѣлалась женою своего жениха. Лудовикъ XI не чувствовалъ охоты выполнить амьенскій договоръ, хотя аккуратно платилъ англійскому королю по 50 т. кронъ. Эдуардъ наконецъ потерялъ терпѣніе, не смотря на то, что перемиріе было продолжено на сто лѣтъ со дня смерти королей. Эдуардъ требовалъ, чтобы Лудовикъ, согласно трактату, платилъ его дочери деньги ежегодно, пока она живетъ въ Англіи; требованіе это было главною причиною возникшихъ несогласій. Лудовикъ дѣйствовалъ своимъ обычнымъ способомъ, т. е. не отказывался наотрѣзъ, но тянулъ дѣло, не давая никакихъ объясненій; онъ утверждалъ, что требуемая сумма слишкомъ велика, и завелъ нескончаемые переговоры. Онъ съумѣлъ найти лазейку даже и тогда, когда Эдуардъ отправилъ въ Парижъ двухъ посланниковъ и серьезно потребовалъ рѣшительнаго отвѣта. Французскій король послалъ къ Эдуарду двухъ проходимцевъ, Гюйо дю Шене (son maître d'hôtel) и Луи Гарнье (maître des requêtes et maire le Poitiers), воздвигнувшихъ новыя затрудненія. За подобные поступки Эдуардъ разсердился на Лудовика и уже въ 1480 г. вооружилъ армію и заключилъ нѣсколько договоровъ съ Максимиліаномъ. Въ одномъ изъ нихъ дочь Эдуарда, Анна, была обѣщана въ жены сыну Максимиліана, Филиппу, которому было всего годъ; другимъ постановлялось, что если Лудовикъ, придравшись къ союзу Эдуарда съ Максимиліаномъ, прекратитъ уплату 50 т. кронъ, то платежъ этотъ примутъ на себя Нидерланды.

Съ 1478 г. Эдуардъ пересталъ платить шотландскому королю обѣщанную ему ежегодную уплату приданаго своей дочери Цециліи (стр. 149); поэтому онъ перессорился и съ Іаковомъ III. Мы не можемъ опредѣлить, насколько раздоръ, возникшій между Англіею и Шотландіею, былъ дѣломъ взятокъ и дипломатическихъ козней Лудовика и происковъ его агентовъ; однако французскіе писатели утверждаютъ, что вражда была произведена имъ. Вѣроятно, они основываются на томъ, что король погубилъ Карла Смѣлаго тѣми самыми маневрами, которыми вредилъ Эдуарду. Притомъ Іаковъ III поднялся противъ Англіи въ то самое время, когда Эдуардъ вооружилъ противъ Лудовика армію и приказалъ своему адмиралу помогать эрцгерцогу Максимиліану въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ.

Люди разныхъ сословій судили различно о королѣ Іаковѣ III шотландскомъ, вступившемъ на престолъ 7 лѣтъ отъ роду. Онъ не получилъ суроваго воспитанія шотландцевъ, отличался иностраннымъ образованіемъ и нравами и обнаруживалъ юношеское легкомысліе; имъ руководили иностранцы, художники темнаго происхожденія, изъ коихъ особеннымъ вліяніемъ пользовались трое, навлекшіе на себя этимъ ненависть шотландской аристократіи. Говорятъ, что Іаковъ былъ хорошо воспитанъ и образованъ, и потому шотландцы казались ему грубыми и дикими; друзья же, покровительствуемые имъ, были люди талантливые и ловкіе. Съ этимъ можно согласиться; но поступки Іакова съ братьями доказываютъ, что если умъ его и былъ образованъ, то за то чувства были также тупы какъ у любаго дикаго шотландскаго лерда. Старшій братъ его, Александръ герцогъ Ольбэни и младшій, Іоаннъ графъ Маръ, какъ и Эдуардъ англійскій, въ своихъ манифестахъ, упрекали его, что изъ пристрастія къ итальянской наукѣ и искусствамъ онъ пренебрегаетъ шотландскимъ дворянствомъ и живетъ за панибрата съ людьми, хотя образованными, но недовольно знатными, чтобъ быть товарищами короля. Графъ Маръ особенно сильно возставалъ противъ брата. Іаковъ велѣлъ арестовать обоихъ братьевъ, Александра—въ эдинбургскомъ дворцѣ, а Іоанна—въ замкѣ Крегильаръ. Послѣдняго хотѣли спровадить на тотъ свѣтъ, обвинивъ въ покушеніи на жизнь короля. Поэтому его обвинили въ намѣреніи извести Іакова посредствомъ колдовства, въ которое вѣрили еще древніе римляне и которое состояло въ истребленіи изображенія лица, смерти котораго желали. Онъ былъ приговоренъ къ казни и умерщвленъ кровопусканіемъ. Другой братъ, Александръ, бѣжалъ изъ тюрьмы и отправился на французскомъ кораблѣ въ Парижъ, откуда въ 1418 г. переѣхалъ въ Англію.

Въ іюнѣ того же года король Іаковъ вторгнулся въ Англію, но не могъ ничего сдѣлать, кромѣ грабежей; дикія толпы пограничныхъ жителей (the boarderers) произвели опустошенія и разбои въ Нортомберлендѣ. На слѣдующій годъ

обѣ стороны сдѣлали большія приготовленія. Ричардъ Глостеръ былъ посланъ въ качествѣ намѣстника своего брата въ сѣверныя графства, чтобъ поднять бароновъ, рыцарей и весь народъ на походъ въ Шотландію, который въ сущности ему слѣдовало бы предпринять еще въ 1481 г. Іаковъ III также вооружался. Въ апрѣлѣ шотландскій парламентъ принялъ самыя рѣзкія рѣшенія противъ англійскаго короля, названнаго въ актахъ просто разбойникомъ (Rieffar); шотландскому королю удалось собрать на границѣ столь значительную армію, что англійскія войска принуждены были ограничиться оборонительными дѣйствіями. Но тѣмъ временемъ герцогъ Александръ Ольбэни заключилъ съ Эдуардомъ формальный договоръ противъ своего брата, Іакова, и потому въ 1482 г., англичане дѣйствовали успѣшнѣе: Александръ имѣлъ много приверженцевъ между шотландцами. Въ договорѣ, заключенномъ между Эдуардомъ и герцогомъ Ольбэни, король обязался помочь Александру, принявшему титулъ короля Шотландіи, овладѣть престоломъ; за это Александръ обѣщалъ ему принять Шотландію отъ него въ ленъ и уступить Бервикъ съ цитаделью. Слѣдуетъ упомянуть еще о другомъ пунктѣ договора, потому что онъ служитъ новымъ доказательствомъ того, что романтическое и поэтическое воззрѣніе на религію, нравственность и нравы среднихъ вѣковъ, проповѣдуемое напыщенными софистами мечтателями, незнакомыми съ историческими подробностями,—ложно и вредно. Въ договорѣ включено условіе, что Александръ Ольбэни, женатый на двухъ женахъ, женится на одной изъ дочерей Эдуарда, если получитъ разрѣшеніе церкви. Такимъ образомъ двое благочестивыхъ, повидимому, королей допускали возможность позволенія церкви имѣть сразу трехъ законныхъ женъ. Войско, съ которымъ въ 1482 г. Ричардъ двинулся въ Шотландію, не встрѣтило сопротивленія на границѣ; оно безпрепятственно проникло до Эдинбурга и заняло этотъ городъ, взявъ на пути крѣпость Бервикъ, обладаніе которой было гораздо прочнѣе, чѣмъ завоеваніе столицы. Счастіе англичанъ зависѣло отъ соглашенія между Александромъ и шотландскими лердами, распустившими свое войско въ то самое время, когда Ричардъ явился подъ Эдинбургомъ. Лерды были недовольны расположеніемъ Іакова къ иностраннымъ художникамъ; король сдѣлалъ архитектора Кочрэна графомъ Маромъ; тогда лерды собрались въ Лаудерской церкви, чтобъ сдѣлать королю грозныя представленія. Въ это собраніе явился самъ Кочрэнъ, но былъ немедленно схваченъ и повѣшенъ на мосту съ шестью другими фаворитами Іакова. Затѣмъ они распустили войско, задержали короля плѣнникомъ въ эдинбургской цитадели и угрожали ему пожизненною тюрьмою, если онъ не дастъ безусловной амнистіи.

Кройлендскій монахъ, хроникѣ котораго мы обязаны многими извѣстіями о событіяхъ того времени, считалъ зачинщика всѣхъ этихъ смутъ, Эдуарда, повѣсившаго и казнившаго тысячи своихъ подданныхъ и умертвившаго роднаго брата, королемъ, угоднымъ Богу. Не смотря на удачу шотландскаго похода, Эдуардъ былъ недоволенъ имъ, потому что имѣлъ отъ него больше убытковъ, чѣмъ выгодъ. По его разсчету война стоила ему 100 т. фунтовъ, а Бервикъ былъ плохимъ вознагражденіемъ за это, потому что для удержанія этого города за собой ему приходилось тратить ежегодно 10 т. марокъ. Поэтому вскорѣ по взятіи Эдинбурга былъ заключенъ миръ. Извѣстія о томъ, какимъ образомъ кончилась шотландская война, неясны. Мы бы, пожалуй, могли разъяснить нѣсколько этотъ вопросъ; но въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы коснуться такихъ подробностей шотландской исторіи, которыя несогласны съ планомъ этого сочиненія. Поэтому мы скажемъ лишь о главномъ и разскажемъ о смерти герцога Ольбэни. Вступивъ съ англійскимъ войскомъ въ Эдинбургъ, Александръ, повидимому, не возобновлялъ своихъ притязаній на престолъ. Напротивъ того, подъ договоромъ, заключеннымъ между нимъ и Іаковомъ двумя шотландскими перами и двумя прелатами, онъ подписался герцогомъ Ольбэни. Договоромъ этимъ ему были обѣщаны прощеніе и возвращеніе всѣхъ его имѣній; съ своей стороны онъ обязался вести себя вѣрноподданнически. Въ томъ же трактатѣ было положено, что Іаковъ III долженъ или жениться на дочери Эдуарда или возвратить деньги, данныя ему въ приданное за ней; но выборъ между тѣмъ и другимъ предоставлялся не ему, а Эдуарду, который предпочелъ второе и получилъ впослѣдствіи свои деньги. Александръ былъ такъ великодушенъ, что силою освободилъ брата изъ

подъ власти недовольныхъ лердовъ, все еще содержавшихъ его въ эдинбургской цитадели, и снова возвелъ на престолъ. Чтобъ доказать народу свое примиреніе, братья проѣхали на одной лошади въ Голирудгаузъ и переночевали въ одной постели. Не смотря на это, герцогъ Ольбэни былъ вслѣдъ затѣмъ обвиненъ въ шотландскомъ парламентѣ въ сношеніяхъ съ англичанами, которымъ онъ передалъ Домбаръ, и осужденъ, какъ государственный измѣнникъ. Повидимому, онъ разсчитывалъ на помощь Эдуарда IV, потому что, узнавъ о его смерти, бѣжалъ во Францію. Здѣсь онъ былъ убитъ на турнирѣ осколкомъ копья герцогомъ Орлеанскимъ, впослѣдствіи королемъ Лудовикомъ XII.

Король Эдуардъ умеръ 9 апрѣля 1483 г. Братъ его, Ричардъ Глостеръ, которому въ послѣдніе годы онъ передалъ всѣ военныя дѣла и особенно веденіе шотландской войны, находился въ то время на сѣверной границѣ государства и имѣлъ за себя всю армію. Утверждаютъ, что во время этой войны съ Шотландіею, въ Англіи была учреждена первая почта. Учрежденіе это обыкновенно приписываютъ необходимости извѣщать недовѣрчиваго короля о всѣхъ событіяхъ въ арміи. Но намъ кажется, что курьерская почта, заведенная въ то время между Лондономъ и Шотландіею, была похожа на ангари или почту древнихъ персовъ, которая была просто административнымъ учрежденіемъ, перевозившимъ депеши между дворомъ и нѣсколькими другими пунктами. Точно такимъ же образомъ и въ Англіи, на дорогѣ между Лондономъ и Эдинбургомъ черезъ каждыя 20 англійскихъ миль были выставлены лошади, развозившія депеши, которыя такимъ образомъ могли проходить по 100 миль въ день.

2. Ричардъ III.

Смерть Эдуарда IV повлекла за собою немедленную гибель его семейства. Изъ семерыхъ дочерей его въ живыхъ находились еще пять, а изъ трехъ сыновей—двое. Дочери были еще въ дѣтствѣ помолвлены за иностранныхъ принцевъ, которые немедленно отказались отъ обязательства жениться на нихъ; только одна изъ нихъ, Елисавета, жена будущаго англійскаго короля Генриха VII, вышла замужъ за государя; но и она была несчастна всю свою жизнь. Старшаго сына своего Эдуардъ сдѣлалъ принцемъ Уэльсскимъ, а младшаго — герцогомъ Іоркскимъ; оба они погибли отъ своего дяди, Ричарда. Вдова Эдуарда Елисавета и ея родственники еще при жизни короля разсорились съ лучшими друзьями его, лордами Гестингсомъ, Говардомъ и Стэнли, смертельно ненавидѣвшими брата Елисаветы, графа Риверса, и ея сына отъ перваго мужа, маркиза Дорсета. Король, предвидя послѣдствія этихъ раздоровъ, передъ смертью призвалъ ихъ къ себѣ и увѣщевалъ примириться.

По смерти его, старшій сынъ его, Эдуардъ V, находившійся въ Лудлоу у своего своднаго брата, лорда Грея, и у графа Риверса, былъ въ тотъ же день провозглашенъ королемъ. Эдуарду V было 12 лѣтъ. Его тотчасъ же повезли короноваться въ Лондонъ, но съ немногочисленною вооруженною свитою, потому что лордъ Гестингсъ съумѣлъ воспрепятствовать сбору войскъ. Когда на пути въ Лондонъ Эдуардъ прибылъ въ Стони-Стратфордъ, спутники его получили извѣстіе, что его дядя, Ричардъ Глостеръ, вступилъ въ Нортемптонъ съ 600 чел. отборнаго войска, и что туда же прибылъ богатѣйшій и могущественнѣйшій перъ, герцогъ Боккингемъ. Боккингемъ происходилъ по прямой линіи отъ Томаса Удстока, младшаго сына Эдуарда III, и потому могъ имѣть притязанія на участіе въ регентствѣ, хотя право на опеку принадлежало Ричарду Глостеру. Послѣдній, узнавъ о смерти Эдуарда IV, поспѣшилъ съ сѣверной границы, гдѣ собиралъ войско для новой войны съ Шотландіею, къ Лондону. Поэтому Риверсъ и Грей немедленно повернули назадъ и отправились въ Нортемптонъ, куда прибыли въ одно время съ Боккингемомъ. Боккингемъ и Ричардъ, сговорившись съ Гестингсомъ, удалили отъ короля его спутниковъ и приказали арестовать Риверса и Грея въ ту минуту, когда они, возвращаясь въ Стони-Стратфордъ, хотѣли въѣхать въ городъ (30 апрѣля). Затѣмъ они отправились къ молодому королю, арестовали его друзей, Томаса Ваугэна и сэра Ричарда Гэюса, и прогнали остальныхъ

спутниковъ и служителей, запретивъ имъ попадаться на глаза. Узнавъ объ этомъ, король догадался о своей судьбѣ и заплакалъ. Ричардъ дружески утѣшалъ его, но повезъ его не на коронацію въ Лондонъ, а въ Нортемптонъ, а арестованныхъ отослалъ въ замокъ Понтефректъ.

Извѣстіе объ этихъ событіяхъ пришло въ Лондонъ въ тотъ же вечеръ (30 апрѣля), и вдовствующая королева съ своимъ вторымъ сыномъ, Ричардомъ, съ дочерьми и маркизомъ Дорсетомъ, искала спасенія въ Уэстминстерскомъ святилищѣ. Граждане Лондона взялись за оружіе; часть ихъ пристала къ королевѣ въ Уэстминстерѣ, а другая къ лорду Гестингсу въ Сити. 4 мая, въ день назначенный друзьями Эдуарда для его коронаціи, Ричардъ привезъ его въ Лондонъ плѣнникомъ. Его допустили принять въ епископскомъ дворцѣ присягу случайно присутствовавшихъ тамъ прелатовъ, перовъ и членовъ парламента; затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ дней происходилъ государственный совѣтъ, и по предложенію Боккингема было рѣшено перевезти короля въ Тоуэръ, бывшій и дворцомъ и тюрьмою. Управленіе государствомъ было законнымъ путемъ предоставлено Ричарду, какъ протектору.

Съ самаго же начала все предвѣщало близость государственнаго переворота; между прочимъ также и то обстоятельство, что Ричардъ удалилъ архіепископа іоркскаго и другихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ его партіи, отъ занимаемыхъ ими высокихъ должностей. Длинный титулъ, принятый Ричардомъ (brother and uncle of kings, protectour and defensour, great chamberlayne, constable and lord high admiral of England *), возбуждалъ грустныя предчувствія. Лингардъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ оправдать герцога Глостера, а по Генри, онъ былъ увлеченъ обстоятельствами къ тому положенію, которое занялъ въ началѣ іюня; но уже въ козняхъ, внушившихъ королю Эдуарду IV подозрѣнія къ герцогу Клеренсу и проложившихъ Ричарду путь, и во всемъ, совершившемся въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ, видны хитрость и ловкость злодѣя. Оказывается, что Боккингемъ и Глостеръ въ одно и то же время стремятся къ одной цѣли по одному и тому же пути; но Гестингсъ, Говардъ и Стэнли, хотя увлеченные сначала ненавистью къ Уайдвилямъ и ихъ приверженцамъ, по арестованіи своихъ враговъ, пошли другой дорогою и къ другимъ цѣлямъ. 30 апрѣля Гестингсъ громко и искренно увѣрялъ своихъ друзей, что герцоги имѣютъ самыя честныя намѣренія относительно короля; но потомъ въ совѣщаніяхъ великаго совѣта о коронаціи, назначенной на 22 іюня, онъ показалъ, что замѣтилъ опасность, грозящую сыновьямъ его друга и покровителя, Эдуарда IV. Онъ и его друзья и приверженцы съ такимъ успѣхомъ противились предложеніямъ герцоговъ, что Ричардъ перенесъ совѣщанія въ другое мѣсто. Онъ приказалъ, чтобы Гестингсъ, Стэнли, Говардъ и ихъ приверженцы совѣщались въ Тоуэрѣ, а друзья Ричарда и Боккингема на квартирѣ протектора, на Кросби-Плэсѣ. Лорду Стэнли это показалось подозрительнымъ; но Гестингсъ успокоилъ его, и они присутствовали 13 іюня въ собраніи въ Тоуэрѣ, причемъ предсѣдательствовалъ самъ протекторъ. Во время совѣщаній Ричардъ безъ всякаго повода завелъ ссору съ Гестингсомъ и внезапно ударилъ кулакомъ по столу; въ то же время въ дверяхъ чей-то голосъ закричалъ «измѣна!» Тогда толпа вооруженныхъ людей, которые были спрятаны въ сосѣдней комнатѣ, выскочила и бросилась на Гестингса и Стэнли, противъ которыхъ все это было подготовлено. Гестингсъ избѣжалъ смерти, укрывшись подъ столомъ отъ удара одного солдата; но оба лорда и епископы іоркскій и элійскій были арестованы. Ричардъ приказалъ такъ поспѣшно обезглавить лорда Гестингса, что вмѣсто плахи взяли полѣно, валявшееся на дворѣ. Прочіе были заперты въ Тоуэрѣ.

15 іюня въ Понтефректъ явился съ солдатами Ратклиффъ, одинъ изъ грубыхъ слугъ Ричарда, храбрый, пронырливый и, подобно своему господину, способный на все; онъ овладѣлъ родственниками и вѣрными служителями молодаго короля, заключенными въ этомъ замкѣ, и казнилъ ихъ безъ суда и расправы. Правда, что впослѣдствіи этихъ людей, какъ и королеву Елисавету, обвиняли

---

*) Братъ и дядя королей. протекторъ и защитникъ, великій каммергеръ коннетабль и лордъ-великій-адмиралъ Англіи.

въ разныхъ преступленіяхъ; но приводить эти обвиненія не стоитъ. Черезъ четыре дня послѣ убійствъ въ Понтефректѣ, Ричардъ издалъ прокламацію къ сѣвернымъ графствамъ, изъ которой видно, что онъ довѣрялъ болѣе англичанамъ, жившимъ на сѣверной границѣ, чѣмъ остальнымъ. Въ манифестѣ этомъ сказано, что жители каждаго графства должны взяться за оружіе подъ начальствомъ графа Нортомберленда и лорда Невиля, чтобъ поддерживать протектора противъ безпомощнаго семейства его брата. Выраженія, къ которыхъ написанъ этотъ манифестъ, таковы, что можно подумать, что къ грубому насилію присоединена горькая насмѣшка *). У Ричарда было значительное, отборное и вполнѣ ему преданное войско, приведенное имъ съ сѣвера; сверхъ того къ нему присоединился Боккингемъ съ своимъ отрядомъ; наконецъ послѣ понтефректскихъ убійствъ къ нему явился Ратклиффъ съ 5 т. человѣкъ ужаснаго вида, походившихъ на разбойниковъ съ большихъ дорогъ; ими протекторъ держалъ въ страхѣ гражданъ Лондона.

Поступки Ричарда въ самомъ сухомъ разсказѣ являются потрясающей драмой или романомъ, заставляющимъ читателя содрогаться. Но авторы сочиненій, служащихъ намъ источниками, привыкнувшіе къ школьной риторикѣ, до того изукрасили эти событія рѣчами и подробностями, что мы не вполнѣ довѣряемъ имъ. Разсказы эти наполнены такими подробностями, заимствованными у нихъ всѣми позднѣйшими писателями, что невольно возбуждаютъ подозрѣніе, тѣмъ болѣе основательное, что офиціальные документы противорѣчатъ имъ; поэтому мы предоставляемъ читателямъ, интересующимся драматическою стороною дѣла, обратиться къ Юму и другимъ; мы же упомянемъ лишь о томъ, что, по нашему мнѣнію, наиболѣе важно и несомнѣнно. Съ 12 іюня Ричардъ и герцогъ Боккингемъ, привлекшіе на свою сторону архіепископа кентерберійскаго и лондонскаго лорда-мера, старались подготовить народъ къ устраненію семейства Эдуарда IV. Безсовѣстные злодѣи прибѣгли съ этой цѣлью къ шутовской комедіи, которой поддались перы, духовенство и всѣ, искавшіе почестей и барыша; но граждане Лондона и англійскій народъ не допустили надуть себя подобными пошлостями. Ричардъ не могъ помѣшать провозглашенію Эдуарда V королемъ; но онъ откладывалъ коронацію, чтобъ успѣть распространить въ публикѣ нелѣпую выдумку о незаконности рожденія короля и его брата. Сверхъ того ему прежде всего было необходимо удалить изъ церковнаго убѣжища брата Эдуарда, герцога Іорка, чтобъ вырвать его изъ рукъ матери. Для этой цѣли онъ воспользовался архіепископомъ кентерберійскимъ. Архіепископъ отправился въ Уэстминстеръ; писатели, вдающіеся въ мельчайшія подробности, разсказываютъ, что онъ засталъ королеву Елисавету сидящею на полу и окруженною своими пятью дочерьми; ему удалось убѣдить ее разлучиться съ своимъ младшимъ девятилѣтнимъ сыномъ. Рѣшимость несчастной женщины понятна, потому что архіепископъ сказалъ ей, что государственный совѣтъ, пославшій его къ ней, не намѣренъ уважать неприкосновенность церковнаго убѣжища, что герцогъ Боккингемъ кричалъ въ совѣтѣ противъ злоупотребленій этого обычая и что духовенству съ трудомъ удалось воспрепятствовать насилію. Понятно, что Елисавета предпочла выдать младшаго сына, чѣмъ дать поводъ къ новымъ несчастіямъ.

Въ то же время распространялись глупѣйшія исторіи, чтобъ внушить народу, что бракъ Эдуарда съ Елисаветой былъ недѣйствителенъ съ самаго начала. Ричардъ воспользовался при этомъ школьными софистами. При вступленіи на престолъ онъ высказалъ въ своемъ манифестѣ все, изобрѣтенное ими по этому поводу. Странно однако, что то, что у писателей находится на первомъ планѣ и что наиболѣе соотвѣтствовало характеру Эдуарда IV, въ манифестѣ высказано лишь вскользь и въ концѣ. Говорили, что Эдуардъ, обманувшій множество дѣвушекъ обѣщаніемъ жениться, до свадьбы съ Елисаветой обвѣнчался съ вдовой лорда Боттлера, что разумѣется дѣлало бракъ Елисаветы недѣйствительнымъ. Фактъ этотъ основывался впрочемъ на показаніи нѣкоего Стиллингтона, который

*) Они должны идти, to assist, in subduing, correcting and punishing the queene, her blode and other her adherents, who entended to murder and destroy the protector and his cousyn, the duke of Buckingham, and the old royal blode of England.

въ прошлое царствованіе высидѣлъ долго въ тюрьмѣ и ревностно примкнулъ къ Ричарду. Кромѣ того, выдумали другую исторію, при чемъ не пощадили чести матери самого Ричарда, чтобъ устранить отъ престолонаслѣдія сына и дочь герцога Клеренса, имѣвшихъ больше правъ на престолъ, чѣмъ Ричардъ, какъ дѣти втораго брата Эдуарда IV. Разгласили, будто Эдуардъ IV и Клеренсъ были плодами незаконныхъ связей ихъ матери. Ральфъ Шау, братъ лорда-мера, достойнаго друга Ричарда и герцога Боккингема, состряпалъ изъ этой скандальной исторіи проповѣдь, сказанную имъ 22-го іюня въ церкви Креста Св. Павла. Этотъ Шау былъ докторомъ богословія; утверждаютъ, что послѣ проповѣди, въ которой онъ восхвалялъ добродѣтели герцога Глостера и доказывалъ незаконность его родственниковъ, лицо его дышало такимъ незмутимымъ благородствомъ, какому позавидовалъ бы любой дипломатъ. Однако простодушные слушатели, не искусившіеся въ софизмахъ, нашли, что онъ зашелъ черезчуръ далеко и, противъ ожиданія, не увлеклись трескучимъ эффектомъ послѣднихъ словъ его. Онъ сказалъ въ заключеніе: «Но вотъ въ герцогѣ Глостерѣ видимъ мы образъ того героя (герцога Ричарда Іорка, отца Эдуарда IV); каждая черта его лица напоминаетъ намъ отца его». Въ ту же минуту на балконѣ около кафедры показался Ричардъ, котораго во время проповѣди не было видно въ церкви; ожидали, что народъ при видѣ его воскликнетъ: «многая лѣта королю Ричарду!» Но такого возгласа не воспослѣдовало; молчаніе народа сконфузило и разсердило протектора и осрамило оратора, который съ тѣхъ поръ никогда болѣе не показывался въ публикѣ.

Черезъ два дня послѣ неудачи доктора Шау, герцогъ Боккингемъ попытался достигнуть той же цѣли мірскими средствами. Онъ созвалъ гражданъ въ большую общинную залу (Guildhall) и сказалъ имъ рѣчь. Онъ началъ рѣзкимъ порицаніемъ Эдуарда IV и его царствованія. Затѣмъ онъ напомнилъ собранію то, что они слышали два дня тому назадъ въ церкви о незаконномъ рожденіи Эдуарда IV и герцога Клеренса и о недѣйствительности брака покойнаго короля. Далѣе онъ прославлялъ и хвалилъ Ричарда, увѣрялъ, что онъ единственный законный потомокъ храбраго Ричарда Іорка и въ заключеніе сказалъ, что жители сѣверныхъ графствъ ни за что не потерпятъ другаго короля, кромѣ Ричарда. Однако граждане молчали такъ же упорно, какъ и при проповѣди доктора Шау; но это было предусмотрѣно, и потому заготовили то, что мы теперь называемъ клакёрами. Когда, при всеобщемъ молчаніи, Боккингемъ потребовалъ опредѣленнаго отвѣта, хотятъ ли граждане или нѣтъ, чтобы Ричардъ вступилъ на престолъ, клакёры, стоявшіе въ концѣ залы, бросили вверхъ свои шапки и крикнули: король Ричардъ! Боккингемъ поблагодарилъ собраніе и просилъ его сопутствовать ему на другой день въ Байнардсъ-Боргъ, гдѣ жилъ Ричардъ, чтобъ просить его принять корону. На слѣдующее утро комедія продолжала разыгрываться далѣе. Боккингемъ подалъ протектору просьбу отъ имени народа, въ которой его просили принять корону. Протекторъ нѣкоторое время упорствовалъ; Боккингемъ грозилъ, что народъ съумѣетъ поставить на своемъ, и наконецъ Ричардъ покорился. Въ наше время всякій знаетъ, что подобныя сцены не въ состоянія никого обмануть: онѣ только прикрываютъ личиною права постыдные поступки.

На слѣдующій день протекторъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Ричарда III. Коронація его и его жены, Анны, дочери убитаго при Бернетѣ графа Варвика, совершилась 6 іюля. Послѣ этого онъ выпустилъ на свободу епископа іоркскаго и элійскаго, которые не могли больше повредить ему, и вознаградилъ любимцевъ Эдуарда IV, предавшихъ дѣтей своего благодѣтеля. Но всякій честный человѣкъ, молча, чтилъ того изъ друзей Эдуарда, который предпочелъ умереть, чѣмъ служить злодѣю. То былъ лордъ Гестингсъ. Ричардъ потому такъ жестоко и внезапно казнилъ его, что видѣлъ, что его не такъ легко купить, какъ его друзей, Стэнли и Говарда. Говардъ согласился занять мѣсто по правую сторону Ричарда, когда онъ принималъ въ Уэстминстерѣ корону, при чемъ герцогъ Соффолькъ стоялъ по лѣвую руку его; за это Говардъ былъ сдѣланъ графомъ-маршаломъ и герцогомъ Норфокомъ; Стэнли, хотя женатый на графинѣ Ричмондъ, (а можетъ быть именно поэтому), былъ сдѣланъ обергофмейстеромъ (steward of he house-hold).

Тотчасъ послѣ коронованія Ричардъ предпринялъ путешествіе по Англіи, вѣнчался во второй разъ въ Іоркѣ и во время своего пребыванія въ Глостерѣ совершилъ новыя преступленія. Въ разныхъ частяхъ государства обнаружились заговоры, и Ричардъ разсудилъ справедливо, что для его сверженія воспользуются или вдовою его брата и ея дочерьми, все еще находившимися въ Уэстминстерѣ, или сыновьями его, заключенными въ Тоуэрѣ и оберегаемыми со времени коронаціи Ричарда съ необыкновенною строгостью. Поэтому онъ послалъ Джона Норфильда съ вооруженною толпою окружить Уэстминстеръ и никого не впускать и не выпускать безъ особаго позволенія; въ то же время онъ приказалъ извести сыновей Эдуарда IV. До сихъ поръ остается тайной, въ какой день и какимъ образомъ произошло убіеніе несчастныхъ принцевъ. Генри и другіе опровергаютъ подробный разсказъ Мора, который жилъ нѣсколькими десятилѣтіями позже, но утверждаетъ, что слышалъ объ этомъ отъ самихъ убійцъ. Однако мы сообщимъ его нашимъ читателямъ, такъ какъ многіе авторы принимаютъ его, а Лингардъ защищаетъ въ приложеніи къ пятому тому своей исторіи. По приказанію Ричарда коменданту Тоуэра, Бракенбери, предложили умертвить принцевъ въ угоду государю; но благородный и рѣшительный отвѣтъ его доказалъ двору, что такой рыцарственный человѣкъ не годится для его цѣлей. Поэтому Ричардъ послалъ изъ Варвика въ Лондонъ своего оберъ-шталмейстера (master of the horse), сэра Джемса Тайрреля, погубившаго при Эдуардѣ IV въ званіи вице-констэбля множество людей; онъ поручилъ ему совершить убійство. Тайррель привезъ съ собой указъ, по которому Бракенбери долженъ былъ передать ему на сутки начальство надъ Тоуэромъ. Ночью Тайррель отправился въ комнату принцевъ съ своимъ слугой Дайтономъ и съ извѣстнымъ разбойникомъ Форрестомъ. Они вошли въ комнату, а самъ онъ оставался на стражѣ у дверей. Форрестъ и Дайтонъ задушили принцевъ одѣялами и, призвавъ Тайрреля, показали ему, что убитые—дѣйствительно король Эдуардъ V и герцогъ Іоркскій. Трупы ихъ были похоронены подъ лѣстницею. На другой день Тайррель возвратилъ ключи Тоуэра Бракенбери, а самъ поспѣшилъ къ королю, къ которому прибылъ еще до вторичной его коронаціи въ Іоркѣ. Смерть принцевъ осталась бы тайною, еслибъ серьезныя безпокойства, возбужденныя герцогомъ Боккингемомъ, бывшимъ еще большимъ преступникомъ, чѣмъ самъ Ричардъ, не принудили короля обнародовать смерть своихъ племянниковъ. Боккингемъ намѣревался воспользоваться противъ Ричарда принцами, которые по матери были племянниками его жены. Умерщвленіе Эдуарда V и его брата разрушило этотъ планъ. Тогда въ первый разъ были заявлены притязанія графа Генриха Тюдора Ричмонда (впослѣдствіи короля Генриха VII), получившія опасное значеніе для царствующаго дома.

Дѣдъ Генриха Тюдора, Оуэнъ Тюдоръ (стр. 135), былъ могущественнымъ уэльсскимъ аристократомъ. Онъ доставилъ значеніе своему семейству, женившись на вдовѣ короля Генриха V, дочери Карла VI Французскаго. Отецъ его, Эдмондъ графъ Ричмондъ, былъ женатъ на дочери герцога Іоанна Соммерсета, Маргаритѣ Тьюфордъ. Говорили, но бездоказательно, что по пресѣченіи мужеской линіи ланкастерскаго дома права его переходили къ сыну Маргариты. Довольно странно, что притязанія графа Генриха Ричмонда основывались также на происхожденіи его черезъ женщинъ отъ Мортимера, который былъ нѣкогда объявленъ наслѣдникомъ Эдуарда III, но устраненъ отъ наслѣдства. Мы думаемъ, что права уэльсца и его предковъ были нѣсколько натянуты, но англичане разсуждали иначе. Впрочемъ, можетъ быть, въ соперники Ричарду III вмѣсто Генриха Тюдора выбрали бы сына герцога Клеренса, графа Варвика, еслибъ онъ не былъ еще ребенкомъ.

Генрихъ Тюдоръ графъ Ричмондъ, которымъ, за недостаткомъ другаго претендента, воспользовались противъ Ричарда, счастливо избѣгнулъ опасностей въ 1471 г. въ сраженіи при Тьюксбери (стр. 147). Онъ бѣжалъ и, спасаясь моремъ, былъ занесенъ бурею въ Бретань. Его задержали, и Эдуардъ IV, узнавъ объ этомъ, старался склонить герцога Франциска II Бретанскаго къ выдачѣ бѣглеца. Францискъ, подобно Карлу Смѣлому Бургундскому, состоялъ въ тѣсномъ союзѣ съ Эдуардомъ, который защищалъ его отъ Лудовика XI, замышлявшаго погубить его. Поэтому можно было ожидать, что онъ согласится на требованіе англій-

скаго короля. Но онъ былъ честный человѣкъ и не хотѣлъ нарушить обязанностей гостепріимства. Онъ ограничился обѣщаніемъ наблюдать за Ричмондомъ и его друзьями, чтобъ они не могли возбуждать изъ Бретани безпокойства въ Англіи. Эдуардъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ довольствовался этимъ, но потомъ, чтобъ овладѣть графомъ, прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ написалъ герцогу Франциску, что намѣренъ кончить вражду ланкастерскаго и іоркскаго домовъ и для этого желаетъ выдать свою старшую дочь за графа Ричмонда, наслѣдовавшаго отъ матери права ланкастерскаго дома. Посланники Эдуарда такъ ловко и настойчиво поддерживали эту пошлую выдумку, что наконецъ Францискъ позволилъ имъ взять графа, но не какъ плѣнника, а какъ нареченнаго зятя короля. Генрихъ погибъ бы, еслибъ въ минуту его отъѣзда въ немъ не принялъ участія бретанскій адмиралъ, Жанъ де Кельнэкъ. Быть можетъ, подробности разсказа о его спасеніи, въ томъ числѣ и разговоръ, приводимый въ этомъ разсказѣ, выдуманы самимъ разсказщикомъ; но въ главныхъ чертахъ онъ вѣренъ, и потому мы передаемъ его вполнѣ. Адмиралъ стоялъ блѣдный и печальный. Герцогъ Францискъ спросилъ его: «Что съ вами, отчего вы такъ блѣдны?»—«Блѣдность—предвѣстница смерти, отвѣчалъ адмиралъ; но я сожалѣю, что не умеръ раньше, потому что не былъ бы свидѣтелемъ поступка, который нанесетъ вамъ безчестье. Государь, вы пріобрѣли славу честнаго человѣка, отчего же не заботитесь вы сохранить ее за собой? Какъ могли вы, давъ слово человѣку, искавшему у васъ защиты, защитить его, какъ могли вы согласиться предать его палачамъ и смерти?»—«Господинъ адмиралъ, сказалъ герцогъ, не говорите этого. Графу Ричмонду нечего бояться; Эдуардъ требуетъ его лишь за тѣмъ, чтобъ сдѣлать своимъ зятемъ.»—«Будьте увѣрены, возразилъ де Кельнэкъ, что графъ Ричмондъ погибъ, если сдѣлаетъ хоть шагъ изъ вашей земли.» У герцога открылись глаза, и онъ приказалъ своему министру, Пьеру Ландуа, поспѣшить въ Сенъ-Мало, гдѣ графъ готовился къ отъѣзду съ англійскими уполномоченными, но былъ задержанъ болѣзнью. Ландуа, человѣкъ коварный и пользовавшійся, не смотря на свое простое происхожденіе и низкій характеръ, полнымъ довѣріемъ герцога, началъ давать пиры англичанамъ, которые уже явно стерегли графа, и ежедневно угощалъ ихъ. Въ то же время онъ далъ тайно знать Ричмонду, чтобы онъ постарался спастись. Тогда графъ бѣжалъ въ церковь, а Ландуа сталъ увѣрять, что его государь не можетъ нарушить неприкосновенность святилища и вывести Ричмонда изъ церкви; онъ можетъ только позаботиться о томъ, чтобы Ричмондъ не вредилъ королю. Бретанскія хроники повѣствуютъ далѣе, что по смерти Эдуарда Ландуа вознамѣрился воспользоваться безпокойствами въ Англіи, чтобъ возвести на престолъ спасеннаго имъ принца. Онъ помышлялъ о томъ, чтобъ выдать за него замужъ дочь и наслѣдницу своего герцога, Анну, и такимъ образомъ обезпечить себѣ неограниченную власть въ Бретани. Гордое бретанское дворянство въ высшей степени ненавидѣло Ландуа, располагавшаго по произволу герцогомъ и страной; эта аристократія была могущественнѣе дворянства остальной Франціи и ревнивѣе охраняла свои привилегіи; поэтому она не могла равнодушно сносить власть Ландуа, сына портнаго изъ предмѣстья Витре. Ландуа позволялъ бѣглецу сноситься съ недовольными въ Англіи черезъ бретанскихъ пословъ, отправленныхъ имъ къ Ричарду, подъ предлогомъ переговоровъ о продленіи перемирія; онъ помогалъ ему также дѣлать военныя приготовленія. Но, какъ увидимъ ниже, приверженцы Генриха въ Англіи имѣли для него въ виду другую партію.

Англичане были втайнѣ недовольны вступленіемъ на престолъ Ричарда и низкимъ поведеніемъ парламента; однако спокойствіе не нарушалось во время путешествія короля по странѣ. Но едва прибылъ онъ на сѣверъ, гдѣ имѣлъ больше приверженцевъ, чѣмъ на югѣ, какъ въ нѣсколькихъ графствахъ вспыхнули безпокойства. Митинги подозрительнаго свойства происходили въ Кентѣ, Эссексѣ, Соссексѣ, Беркшайрѣ, Гемпшайрѣ, Уильтсѣ и Дорсетшайрѣ; на нихъ было рѣшено вооружаться, и Мортонъ епископъ элійскій, хитрѣйшій человѣкъ Англіи, вовлекъ въ заговоръ герцога Боккингема. Ричардъ, освободивъ послѣ коронаціи архіепископа кентерберійскаго и епископа элійскаго, поручилъ герцогу надзоръ за послѣднимъ; но Мортонъ, вѣроятно, убѣдилъ Боккингема, уже не ладившаго съ королемъ, что два такіе преступника, какъ онъ и Ричардъ, не долго уживутся

другъ съ другомъ. Причину ссоры Боккингема съ Ричардомъ объясняютъ различно; но при ближайшемъ изслѣдованіи ни одно изъ этихъ объясненій не выдерживаетъ критики. Возстаніе должно было совершиться въ пользу плѣннаго короля Эдуарда V; но когда въ августѣ распространился слухъ, распущенный вѣроятно съ намѣреніемъ, о его умерщвленіи, заговорщики рѣшились выставить противъ Ричарда графа Ричмонда; на это были согласны королева Елисавета, маркизъ Дорсетъ и другіе. Было рѣшено женить графа, который считался отраслью ланкастерскаго дома, на старшей дочери Эдуарда IV и такимъ образомъ покончить вражду Іорковъ съ Ланкастерами. Къ Генриху были отправлены послы, которые условились съ нимъ обо всемъ.

Возстаніе должно было воспослѣдовать 18 октября 1483 г. повсемѣстно; Ландуа далъ Генриху 5,000 войска и корабли для переѣзда въ Англію. Но счастіе не благопріятствовало предпріятію заговорщиковъ. Ричардъ дѣйствовалъ такъ благоразумно и такъ дорого платилъ шпіонамъ, что ему было давно все извѣстно. Онъ отправился съ войскомъ въ Лейстеръ и прибылъ туда въ то самое время, когда маркизъ Дорсетъ провозгласилъ Генриха королемъ въ Екзетерѣ; три графства уже признали Генриха; а въ уэльсской крѣпости Брекнокѣ въ его пользу возсталъ герцогъ Боккингемъ. Герцогъ выступилъ къ Северну, но, подойдя къ этой рѣкѣ, нашелъ всѣ мосты разрушенными наводненіемъ, затопившимъ на большое пространство берега; онъ повернулъ и хотѣлъ идти въ другую сторону, но уэльсцы, а за ними и прочія войска покинули его. Онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ, но былъ преданъ своими окружающими и казненъ по приказанію Ричарда. Войска епископа элійскаго также разсѣялись, но самому Мортону удалось убѣжать во Фландрію. Прочіе инсургенты разбѣжались, а маркизъ Дорсетъ и епископъ экзетерскій уѣхали въ Бретань, прежде чѣмъ Ричардъ успѣлъ прибыть въ Девоншайръ. Графъ Ричмондъ даже не вступилъ на берегъ Англіи. Онъ сѣлъ было на корабли, но противный вѣтеръ задерживалъ его у французскаго берега; наконецъ онъ прибылъ всего съ однимъ кораблемъ къ девоншайрскому берегу, но не счелъ благоразумнымъ высаживаться.

Ричардъ ужаснымъ образомъ отмстилъ вельможамъ, попавшимъ въ его руки; онъ даже не хотѣлъ видѣть Боккингема, а въ Екзетерѣ велѣлъ казнить своего родного зятя, Сентъ-Леджера. Парламентъ, созванный имъ по возвращеніи изъ кроваваго похода, предупреждалъ всѣ его желанія. Онъ объявилъ его единственнымъ законнымъ королемъ Англіи, права котораго незыблемо основаны на наслѣдіи и преемствѣ, а также на законномъ избраніи, помазаніи и короновапіи. Кромѣ того парламентъ, въ силу простаго опредѣленія (bill of attainder), приговорилъ къ смерти множество людей, обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ; никогда еще не злоупотребляли до такой степени несчастнымъ обычаемъ обвинять людей въ государственной измѣнѣ и затѣмъ наказывать безъ дальнѣйшихъ разбирательствъ. Въ это время были лишены жизни, имущества и чести 1 герцогъ, 1 маркизъ, 3 графа, 3 епископа, множество бароновъ, рыцарей и дворянъ. Жена лорда Стэнли, вдовствующая графиня Ричмондъ, была также обвинена въ государственной измѣнѣ; но конфискованныя имѣнія ея были оставлены ея мужу въ пожизненное владѣніе. Странно, что такой человѣкъ, какъ Ричардъ, который не зналъ ничего святаго, не боялся ни Бога, ни людей, презиралъ нравственность и общественное мнѣніе, не посмѣлъ однако исторгнуть вдовствующую королеву изъ ея священнаго убѣжища подобно тому, какъ овладѣлъ герцогомъ Іоркомъ; это тѣмъ удивительнѣе, что онъ зналъ, что сомнительныя и ничтожныя права графа Ричмонда на престолъ могутъ получить дѣйствительное значеніе лишь черезъ бракъ съ старшей дочерью королевы. Чтобъ склонить королеву прибыть съ дочерьми ко двору, онъ долженъ былъ заключить съ ней формальный договоръ въ мартѣ 1484 г.

Чтобъ обезпечить себя со стороны графа Ричмонда, Ричардъ вступилъ въ сношенія съ сыномъ портнаго, управлявшимъ Бретанью. За нѣсколько дней до Рождества 1483 г. многочисленные англійскіе эмигранты, въ числѣ которыхъ было много знатныхъ вельможъ, собрались въ реннской церкви и присягнули въ вѣрности графу Генриху съ условіемъ, чтобы онъ женился на старшей дочери Эдуарда IV. Тогда Ричардъ предлагалъ все, что угодно, тому, кто избавитъ его отъ Ричмонда. Обстоятельства, казалось, благопріятствовали ему; герцогъ Бре-

танскій и его любимецъ, Пьеръ Ландуа, надѣялись получить отъ него такія выгоды, какихъ Генрихъ не могъ бы предоставить имъ, даже еслибъ овладѣлъ государствомъ. Герцогъ надѣялся получить англійское графство ричмондское, принадлежавшее нѣкогда его предкамъ; сверхъ того Ричардъ обѣщалъ Ландуа послать въ Бретань 1000 стрѣлковъ, чтобъ защищать министра и стараго герцога отъ необузданнаго дворянства. Но вскорѣ Ландуа пересталъ нуждаться въ помощи, потому что бретанское дворянство предупредило его, силою овладѣло герцогскимъ дворцомъ и низвергнуло ненависнаго министра. Поэтому Ричардъ заключилъ новыя условія, чтобы склонить герцога предать Генриха на произволъ судьбы. Онъ обѣщалъ отдать ему графство Ричмондъ, а Ландуа — всѣ конфискованныя имѣнія многочисленныхъ англійскихъ эмигрантовъ, находившихся въ Бретани, и сверхъ того послать имъ вѣрныхъ людей, съ помощью которыхъ имъ можно будетъ справиться съ безпокойнымъ дворянствомъ; за это герцогъ долженъ былъ внезапно перехватать эмигрантовъ и Ричмонда. Ричардъ достигъ бы цѣли, еслибъ о проискахъ его не узналъ Мортонъ епископъ элійскій, который относительно хитрости и шпіонства могъ потягаться съ кѣмъ угодно; онъ поспѣшилъ увѣдомить обо всемъ Генриха. Генрихъ былъ въ большомъ затрудненіи, потому что до ареста его и прочихъ эмигрантовъ оставалось всего четыре дня и за нимъ уже строго присматривали. Поэтому, чтобъ бѣжать, ему надо было обмануть своихъ сторожей. Онъ послалъ Пемброка и другихъ подъ предлогомъ посѣтить герцога въ Нантѣ, но тайно далъ имъ знать, чтобы они не ѣздили въ этотъ городъ, а поспѣшили бы перебраться за французскую границу; затѣмъ онъ отправился самъ съ небольшой свитой, ѣхалъ день и ночь, черезъ лѣса и болота, направляясь къ Анжу. Ему удалось спастись, хотя люди, посланные за нимъ въ погоню, опоздали только часомъ. Герцогъ, не знавшій о низкихъ продѣлкахъ своего министра, не тронулъ остававшихся англичанъ, числомъ до 300. Однако они послѣдовали за Генрихомъ. Дочь Лудовика XI, герцогиня Бурбонская или, какъ ее обыкновенно называютъ, дама де Божё, управлявшая Франціею за малолѣтствомъ своего брата, Карла VIII, приняла ихъ ласково.

Ричардъ хотѣлъ женить своего сына на старшей дочери вдовствующей королевы Елисаветы, но неожиданная смерть принца разстроила этотъ планъ. Тогда ему пришлось выдумать другое, такъ какъ многочисленные эмигранты имѣли въ Англіи много связей, и Ричардъ не могъ довѣрять даже лорду Стэнли; онъ принужденъ былъ удерживать заложникомъ его сына, когда лордъ уѣзжалъ. Наконецъ ему пришло въ голову жениться самому на этой принцессѣ, хотя жена его была еще жива; этимъ способомъ онъ не только обезпечивалъ себѣ престолъ, но лишалъ Ричмонда возможности пріобрѣсти права на него черезъ бракъ съ Елисаветой. По смерти братьевъ принцессы право на престолъ безспорно принадлежало ей; притязанія же Генриха были несостоятельны по многимъ другимъ причинамъ, кромѣ указанныхъ выше. Послѣ всего случившагося, сватовство его было бы страшно даже въ томъ случаѣ, еслибъ ему не предшествовала смерть его жены, случившаяся въ то самое время, когда ему понадобилось жениться на племянницѣ. Но еще чудовищнѣе то, что дочь и мать были не прочь отъ этого брака; эти ужасы напоминаютъ собою исторію Пелопидовъ. Принцесса была внѣ себя отъ радости и послала королю черезъ герцога Норфока (Говарда), бывшаго министромъ ея отца, письмо, въ которомъ называла Ричарда своимъ кумиромъ (the king was, писала она, her joy and maker in this world, and that the was his in heart und thought). Она даже изъявляетъ въ этомъ письмѣ сожалѣніе о томъ, что жена Ричарда не умираетъ, и выражаетъ опасеніе, что она никогда не умретъ (that she would never die). Далѣе, изъ того же письма видно, что Ричардъ, давшій ей при дворѣ мѣсто на ряду съ королевой, обѣщалъ ей, что послѣдняя умретъ въ февралѣ; Елисавета безъ зазрѣнія совѣсти писала ему, что ее очень удивляетъ, что февраль уже на исходѣ, а королева жива. Мать ея была не менѣе обрадована сватовствомъ короля. Сынъ ея отъ перваго мужа, маркизъ Дорсетъ, находившійся при Ричмондѣ въ Парижѣ, узнавъ о щедрыхъ обѣщаніяхъ Ричарда въ его пользу, выказалъ готовность вернуться въ Англію; но эмигранты догнали его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сѣсть на корабль, и привезли обратно въ Парижъ. Въ мартѣ 1485 г. умерла жена Ричарда, но вдругъ въ апрѣлѣ онъ перемѣнилъ намѣреніе, и женщины жестоко разочаровались въ сво-

11*

изъ ожиданіяхъ. Говорятъ, что короля отговорили двое приближенныхъ его; но изъ прокламаціи къ гражданамъ Лондона, изданной Ричардомъ, и изъ манифеста его къ своимъ іоркскимъ вѣрнымъ подданнымъ, мы заключаемъ, что слухъ о новомъ неслыханномъ скандалѣ возмутилъ лучшихъ друзей его; вслѣдствіе этого хитрый король увидѣлъ, что бракъ этотъ принесетъ ему больше вреда, чѣмъ пользы. Быть можетъ, также онъ не безъ основанія заключилъ, что дѣвушка, способная писать подобныя письма такому безобразному и свирѣпому убійцѣ и жаловаться, что его больная жена живетъ слишкомъ долго, будетъ способна въ одну прекрасную ночь перерѣзать мужу горло. Въ половинѣ апрѣля о возмутительномъ бракѣ не было больше рѣчи.

Ричардъ находился въ то время въ затруднительномъ положеніи, хотя нельзя вѣрить преувеличеніямъ и риторическому описанію Мора, писавшаго при Генрихѣ VII, однако весьма вѣроятно, что король не зналъ покоя, ни днемъ, ни ночью. Правительница Франціи явно покровительствовала отъ имени своего брата, Карла VIII, графу Ричмонду и его друзьямъ. Число англійскихъ эмигрантовъ простиралось до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Даже комендантъ маленькой крѣпости Гама, принадлежавшей англичанамъ, перешелъ на ихъ сторону и привезъ въ Парижъ стараго графа Оксфорда, сражавшагося при Бернетѣ за Варвика и содержавшагося въ Гамѣ въ заключеніи. Въ самой Англіи недовольные въ разныхъ графствахъ ждали лишь сигнала къ возстанію. Вдобавокъ истощились всѣ средства, которыми Ричардъ покупалъ себѣ друзей и приверженцевъ. Это кажется непонятнымъ, но надо вспомнить, какія суммы приходилось уплачивать баронамъ и рыцарямъ для того, чтобы они содержали свои войска на военномъ положеніи, и чего стоило кормить наемниковъ. Всѣ писатели единогласно подтверждаютъ, что въ 1485 Ричардъ растратилъ всѣ сокровища Эдуарда IV, истощилъ всѣ громадныя суммы, доставленныя конфискаціями, и уже три раза вымогалъ у духовенства десятину, которая также оказалась недостаточной для поправленія его финансовъ. Парламентъ присудилъ ему добровольное пожертвованіе (benevolence); но самое названіе этого налога до того опротивѣло всѣмъ, что Ричардъ не хотѣлъ принять его подъ этимъ именемъ; народъ въ насмѣшку прозвалъ его насильственнымъ (malevolence). Въ маѣ Ричардъ, знавшій подробно о всемъ, происходившемъ во Франціи, былъ встревоженъ приготовленіями Генриха къ высадкѣ въ Англію. Правительница Франціи помогала Ричмонду деньгами и войскомъ, такъ какъ онъ обѣщалъ ей заключить наконецъ съ Франціей вмѣсто перемирія миръ и отказаться отъ всѣхъ притязаній на Нормандію и другія французскія владѣнія; сверхъ того, предпріятіе это давало ей возможность избавиться отъ разбойниковъ, искателей приключеній, странствующихъ рыцарей и наемниковъ, наполнявшихъ все королевство, особенно Нормандію. Поэтому была объявлена амнистія всѣмъ, которые присоединятся къ Ричмонду; такимъ образомъ, онъ собралъ 1,500 храбрыхъ и отчаянныхъ, но необузданныхъ и непривычныхъ къ дисциплинѣ солдатъ, къ которымъ присоединилось пятьсотъ англичанъ. Еще до отплытія Генриха Ричардъ издалъ въ іюнѣ яростный и ругательный манифестъ противъ эмигрантовъ. (Между прочимъ въ манифестѣ этомъ было сказано слѣдующее: That they had betaken themselves to the kings ancient enemy, Charles, calling himself king of France, and chosen for their captain one Henry Tudor, descended of bastard blood both by the father's and the mother's side, and who therefore could never have any claim to the crown of England but by conquest,—that the said Henry Tudor, in order that he might atchieve his false intent by the aid of the kings ancient enemy of France, had convenanted with him to give up in perpetuity all the right, which the king of England had to the crown of France, to Normandy, Anjou, Maine, Guienne, Calais and the marchesets etc. *).

---

*) Что они отправились къ старинному врагу Карлу, называющему себя королемъ Франціи, и избрали своимъ предводителемъ нѣкоего Генриха Тюдора, происходящаго какъ съ материнской, такъ и съ отцовской стороны отъ незаконныхъ связей и, слѣдовательно, немогущаго имѣть другихъ правъ на англійскій престолъ, кромѣ завоеванія,—что упомянутый Генрихъ Тюдоръ, желая выполнить свое гнусное намѣреніе съ помощью стариннаго французскаго врага короля, заключилъ съ нимъ договоръ, уступая ему на вѣчныя времена всѣ права, которыя король имѣетъ на французскій престолъ, на Нормандію, Анжу, Менъ, Гіэнь, Кале, Маршъ и т. д.

Сосредоточивъ свои двѣ тысячи человѣкъ въ Руанѣ, Генрихъ долженъ былъ спѣшить выполненіемъ плана, потому что могъ содержать свое войско только въ Англіи. Ему приходилось имѣть дѣло съ храбрымъ, способнымъ и дѣятельнымъ противникомъ, которымъ въ послѣдніе годы пользовался самъ Эдуардъ IV. Ричардъ обнаруживалъ сильную дѣятельность. Узнавъ объ измѣнѣ гамскаго коменданта и о бѣгствѣ графа Оксфорда, онъ приказалъ намѣстнику Кале вновь покорить крѣпость, а самъ выступилъ съ арміею къ Ноттингему, чтобы быстро аттаковать Генриха, когда онъ сдѣлаетъ высадку. Генрихъ на этотъ разъ былъ счастливѣе, чѣмъ прежде; 1 августа онъ отплылъ изъ Арфлера, а 7 уже высадился въ уэльсской гавани Мильфордѣ, не встрѣтивъ ни сопротивленія, ни многочисленныхъ приверженцевъ; у него было не болѣе 4 т. человѣкъ даже при вступленіи въ Шрьюсбери. Не смотря на всѣ мѣры, принятыя Ричардомъ, и на учрежденную недавно курьерскую почту, король въ теченіе семи дней не зналъ о высадкѣ своего врага; получивъ извѣстіе объ этомъ, онъ приказалъ подъ строжайшими угрозами всѣмъ своимъ вассаламъ и милиціямъ всѣхъ графствъ собраться въ Лейстерѣ. Здѣсь онъ собралъ весьма значительное войско; не смотря на это, Генрихъ смѣло шелъ на него. Войско его было подкрѣплено вассалами Тальботовъ; но во всякомъ случаѣ онъ едва ли бы рѣшился на сраженіе, еслибъ не зналъ, что большинство англичанъ не желаетъ драться за Ричарда. Къ Генриху присоединился даже сынъ Стэнли, лордъ Стрэнджъ, оставленный отцомъ заложникомъ у короля, дядя его, Уилліамъ Стэнли и сэръ Джонъ Сэвэджъ и наконецъ даже самъ лордъ Стэнли! Они впрочемъ условились съ Генрихомъ, что до послѣдней минуты будутъ держать нейтралитетъ, чтобы Ричардъ не казнилъ лорда Стрэнджа. Въ ночь на 22-е августа Ричардъ стоялъ лагеремъ на разстояніи четверти часа пути отъ Босворта, а Генрихъ шелъ отъ Тамворта къ Атерстону; на дорогѣ къ нему присоединились всѣ Стэнли съ значительными силами. Эта измѣна была главною причиною неудачи Ричарда въ сраженіи при Б о с в о р т ѣ, данномъ на слѣдующее утро. Съ короною на головѣ онъ самъ водилъ въ бой свои войска; но это не помогло ему, и корона эта досталась его противнику. Увидѣвъ Стэнли въ рядахъ непріятеля, онъ смутился. Въ то же время графъ Нортомберлендъ съ сѣверянами, на которыхъ король особенно надѣялся, не трогался съ мѣста. Тогда ряды королевскаго войска поколебались. Ричардъ, видя, что не можетъ жить королемъ, рѣшился умереть имъ. Завидѣвъ Генриха, онъ пришпорилъ коня и съ опущеннымъ копьемъ ринулся на него, три раза повторивъ громко: «измѣна!» Онъ убилъ главнаго знаменосца, повергъ на землю сэра Джона Клинтона и нанесъ жестокій ударъ самому Ричмонду; но многочисленные враги одолѣли его, сбросили съ лошади и убили. Генрихъ немедленно надѣлъ на голову поднесенную ему корону убитаго и на полѣ битвы былъ провозглашенъ королемъ. Лордъ Стрэнджъ, котораго въ началѣ сраженія Ричардъ приказалъ казнить, былъ возвращенъ отцу живымъ и невредимымъ. На этотъ разъ побѣда не была запятнана казнями.

Мы описали характеръ и дѣятельность Ричарда такими, какими они являются изъ достовѣрныхъ источниковъ. Не было впрочемъ недостатка въ геніальныхъ и остроумныхъ писателяхъ, совершенно оправдавшихъ его; но нѣтъ ни одного тирана, ни одного деспота, который бы не нашелъ себѣ историка, считающаго за честь сказать о немъ что нибудь новое и похвальное.

3. Царствованіе Генриха VII до 1489 г.

Еще во время пребыванія Генриха VII въ Бретани, приверженцы его старались внушить англичанамъ, что онъ—мессія націи, соединяющій въ себѣ права бѣлой и алой розъ. Онъ дѣйствительно принадлежалъ къ ланкастерскому дому, но его родословная была запятнана двумя незаконными рожденіями, изъ коихъ одно хотя и было впослѣдствіи признано законнымъ, но этого было не достаточно, чтобъ совершенно снять съ него позоръ. За то старшая дочь Эдуарда IV, Елисавета, на которой Генрихъ женился, была безспорно по англійскимъ законамъ наслѣдницею правъ своего отца; поэтому Генрихъ не только торжественно

обѣщалъ вступить съ ней въ бракъ, но и сдержалъ слово. Однако онъ основывалъ свои притязанія на престолъ на своихъ собственныхъ, а не на ея правахъ и обращался съ ней холодно и даже сурово. Это не покажется удивительнымъ, вспомнивъ то, что мы сказали о ней выше. Вступленіе Генриха въ столицу (конецъ августа) показывало, что онъ принимаетъ престолъ по праву побѣды надъ Ричардомъ, а не по наслѣдственному или пріобрѣтенному черезъ бракъ съ Елисаветой: онъ приказалъ нести передъ собою три завоеванныя государственныя хоругви и положить ихъ на алтарь. Онъ не спѣшилъ коронацiей и свадьбой: первая совершилась черезъ два, а вторая черезъ пять мѣсяцевъ по вступленіи его въ Лондонъ.

И такъ Генрихъ царствовалъ на томъ основаніи, что былъ избранъ вельможами, изгнанными Ричардомъ, и оружіемъ завоевалъ государство. Онъ самъ смотрѣлъ не иначе на это, и потому всю жизнь заботился о томъ, чтобы силою удержать за собою то, чего силою достигъ. Ту же мысль онъ выразилъ въ рѣчи сказанной имъ спикеру парламента, открытаго въ ноябрѣ. Правда, онъ упомянулъ въ ней и о наслѣдственномъ правѣ, потому что до нѣкоторой степени принадлежалъ къ потомству третьяго сына Эдуарда III, Іоанна Гаунта Ланкастера; но въ сущности онъ ссылался на свой мечъ *). Въ постановленіи о престолонаслѣдіи (settlement of the crown), изданномъ имъ вслѣдъ за тѣмъ, видно намѣреніе устранить всѣ законныя препятствія, могущія представиться ему, какъ законному наслѣднику ланкастерскаго дома; но въ немъ незамѣтно желанія придать какое нибудь значеніе происхожденію своему отъ Іоанна Гаунта и рожденію своей будущей жены. Такимъ образомъ онъ не позаботился подтвердить статутъ, изданный Генрихомъ IV, въ силу котораго право на престолъ предоставлялось исключительно потомкамъ Іоанна Гаунта; онъ не думалъ также заявлять свои собственныя, весьма сомнительныя, права на престолъ; наконецъ въ постановленіи вовсе не упоминалось о его женѣ. Вслѣдствіе этого опасались, что новый король не расположенъ жениться на принцессѣ Елисаветѣ и что онъ намѣренъ царствовать не въ силу правъ ланкастерскаго или іоркскаго дома, а просто какъ побѣдитель. 10 декабря нижняя палата убѣдительно просила его вступить въ обѣщанный бракъ, прибавляя именно, что черезъ это Англія снова получитъ рядъ законныхъ королей (they hope, God will bless him with a progeny of the race of kings). Генрихъ согласился на просьбу депутатовъ и въ январѣ 1468 г. женился на Елисаветѣ, но коронація его жены воспослѣдовала лишь черезъ два года. Принцесса эта по приказанію Ричарда была заключена послѣ высадки Генриха въ одинъ замокъ въ Іоркшайрѣ, и Генрихъ, одержавъ побѣду, велѣлъ возвратить ее въ Лондонъ. Онъ отмѣнилъ также законъ, изданный Ричардомъ III, по которому бракъ Эдуарда IV съ Елисаветой Риверсъ былъ объявленъ недѣйствительнымъ, и возвратилъ вдовствующей королевѣ ея санъ и титулъ, но онъ поскупился возвратить ей богатое вдовье содержаніе, назначенное ей покойнымъ мужемъ. Впрочемъ онъ наградилъ ее и своихъ друзей и помощниковъ при помощи многочисленныхъ конфискацій, совершенныхъ имъ съ цѣлью раздачи наградъ. Тотчасъ послѣ побѣды Генрихъ приказалъ заключить въ Тоуэръ пятнадцатилѣтняго сына герцога Клеренса, графа Варвика, который содержался при Ричардѣ въ томъ самомъ замкѣ, куда была посажена принцесса Елисавета; онъ опасался этого принца, бывшаго единственнымъ мужескимъ потомкомъ іоркскаго дома. За то онъ не удостоилъ сначала обратить вниманіе на Іоанна де ля Поля графа Линкольна, сына сестры Ричарда III, который объявилъ его своимъ наслѣдникомъ.

Въ сентябрѣ 1486 г. у Генриха родился сынъ, названный имъ Артуромъ, и тогда, казалось, новая династія, основанная бракомъ его съ Елисаветой, упрочилась навсегда. Но въ Ирландіи было много недовольныхъ, и самъ Генрихъ опасался привязанности націи къ іоркскому дому. Притомъ безчисленныя волне-

---

*) He had come to the throne by just title of inheritance and by the sure judgement of God, who had given him the victory over his enemy in the field. (Онъ вступилъ на престолъ по праву наслѣдства и по непреложному правосудію Бога, даровавшаго ему побѣду надъ врагомъ въ полѣ.)

нія и перевороты, произведенные убійственной войною бѣлой и алой розы, не позволяли скоро водворить спокойствіе. Это было тѣмъ болѣе невозможно, что въ Англіи, какъ и вездѣ, за недостаткомъ постояннаго войска послѣ всякой войны рыскали безчисленныя толпы рыцарей и наемниковъ, готовыхъ вступить на службу ко всякому, кто подастъ имъ надежду на поживу. Генрихъ поддерживалъ дружбу съ Іаковомъ III шотландскимъ, пославшимъ пословъ на его коронацію; онъ продлилъ перемиріе съ Шотландіей по меньшей мѣрѣ на три года, такъ какъ война съ Шотландіею не могла доставить ему никакихъ выгодъ, хотя Англія постоянно страдала отъ разбоевъ дикихъ шотландцевъ, и хотя лердовъ, жившихъ грабежомъ, войной и добычей, нельзя было надолго удержать отъ набѣговъ. Возстанія, поднятыя въ разныхъ частяхъ государства нѣкоторыми безпокойными людьми, были подавлены Генрихомъ въ самомъ началѣ при помощи значительнаго числа хорошихъ солдатъ, взятыхъ имъ съ собою, когда по древнему обычаю онъ предпринялъ въ первый разъ путешествіе по странѣ. Не смотря на это, друзья іоркскаго дома произвели возстаніе; ихъ побудило къ этой попыткѣ нерасположеніе, выказываемое Генрихомъ ко всѣмъ приверженцамъ и членамъ іоркскаго дома, не исключая своей жены и ея матери; не мало также способствовалъ этому скрытный, отталкивающій характеръ короля. Возстаніемъ руководилъ одинъ священникъ, но вѣроятно за кулисами скрывались другія лица; полагали, что сама вдовствующая королева была небезгрѣшна въ этомъ дѣлѣ.

Возстаніе вспыхнуло въ концѣ 1486 г. въ Дублинѣ, гдѣ священникъ Ричардъ Симонсъ выдалъ одиннадцатилѣтняго сына одного булочника, Ламберта Симнеля, за графа Варвика, отецъ котораго, герцогъ Клеренсъ, былъ долго вицекоролемъ Ирландіи. Распустивъ слухъ о побѣгѣ Варвика изъ Тоуэра, Симонсъ, быть можетъ, съ помощью королевы, такъ хорошо научилъ мальчика всему, касающемуся тайнъ ланкастерскаго дома, что Симнель могъ выдержать какой угодно допросъ. Тѣмъ не менѣе молодой графъ, находившійся въ Тоуэрѣ, могъ всякую минуту быть показанъ народу, поэтому трудно рѣшить, съ какою цѣлью заставляли сына булочника разыгрывать его роль, и мы не знаемъ другаго объясненія этого, кромѣ того, которое предлагаетъ Лингардъ: онъ полагаетъ, что этимъ способомъ думали принести пользу настоящему Варвику, отклонивъ отъ него опасность. Вице-король Ирландіи, графъ Кильдаръ, которому Генрихъ не довѣрялъ и даже хотѣлъ отозвать, но оставилъ, братъ его, канцлеръ Ирландіи и другіе приняли обманщиковъ въ Дублинъ, дѣлая видъ, что не сомнѣваются въ подлинности Варвика; они представили мнимаго потомка Плантагенетовъ дворянству и дублинскимъ гражданамъ, какъ бѣглеца, преслѣдуемаго уэльсцемъ Тюдоромъ, и обѣщали ему защиту отъ враговъ его и его дома. Многочисленные приверженцы іоркскаго дома зашли даже дальше; не производя слѣдствія и не представивъ доказательствъ, они провозгласили неизвѣстнаго мальчика Эдуардомъ VI королемъ Англіи и Франціи и повелителемъ Ирландіи. Въ февралѣ 1487 г. Генрихъ принялъ противъ этого возстанія мѣры, доказывавшія, что онъ былъ уменъ и способенъ царствовать. Во-первыхъ, онъ отмѣнилъ всѣ ограниченія и исключенія, сдѣланныя въ амнистіи, изданной при его вступленіи на престолъ; это избавило друзей и приверженцевъ іоркскаго дома отъ всякихъ придирокъ, подвергавшихъ ихъ гоненіямъ, не смотря на амнистію. Во вторыхъ, онъ вывелъ изъ Тоуэра настоящаго Варвика, провелъ его въ торжественной процессіи въ церковь св. Павла и, показавъ такимъ образомъ гражданамъ, помѣстилъ въ своемъ шонскомъ дворцѣ, гдѣ принцъ ежедневно разговаривалъ съ придворными и всѣми, пріѣзжавшими ко двору. Мы не можемъ съ точностью сказать, насколько и какимъ образомъ была замѣшана въ исторію лже-Варвика теща Генриха; однако, безъ сомнѣнія, существовала причина, побудившая Генриха къ той строгости, съ которой онъ поступилъ съ вдовствующей королевой; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что рѣшеніе его было принято не подъ вліяніемъ минутнаго гнѣва, а по зрѣломъ размышленіи и продолжительномъ совѣщаніи въ государственномъ совѣтѣ. Разумѣется, о судѣ и правосудіи не заботились: королева была внезапно схвачена и сослана въ монастырь Бермондси, гдѣ прожила подъ стражей монаховъ до самой смерти, воспослѣдовавшей нѣсколькими годами позже. Имѣнія ея были конфискованы. Генрихъ утаилъ истинную причину этого преслѣдованія, которое старался объяснить очень неловко: онъ говорилъ, что наказываетъ коро-

леву за то, что она съ своими дочерьми переходила къ Ричарду. Сынъ ея отъ перваго брака, маркизъ Дорсетъ, былъ также впутанъ въ дѣло. Чтобъ предотвратить опасность, маркизъ поспѣшилъ къ королю; но Генрихъ не принялъ его и послалъ графа Оксфорда арестовать его; однако онъ обѣщалъ выслушать его, когда мятежъ будетъ усмиренъ.

Графъ Линкольнъ, на котораго Генрихъ не обращалъ сперва никакого вниманія, принялъ сторону мнимаго графа Варвика. За отдаленностью времени мы не можемъ объяснить себѣ этого поступка, потому что Линкольнъ видѣлъ въ Шонѣ настоящаго Варвика и зналъ, что хотя ирландцы признали Симнеля и дали ему немного денегъ, но не имѣли ни войскъ, ни оружія. Линкольнъ отправился въ Нидерланды къ вдовѣ Карла Смѣлаго, Маргаритѣ, сестрѣ Эдуарда IV, управлявшей за сына Максимиліана, Филиппа. Она считала Генриха VII заклятымъ врагомъ іоркскаго дома и дала Линкольну денегъ и 2 т. отличнаго нѣмецкаго войска подъ начальствомъ Мартина Шварца. Съ этимъ отрядомъ Линкольнъ отправился въ Дублинъ. Онъ высадился въ мартѣ 1487 г., а въ маѣ короновалъ мнимаго Варвика королемъ Англіи, причемъ вмѣсто короны взяли вѣнецъ съ образа Богородицы, находившагося въ одной дублинской церкви. Въ началѣ іюня Линкольнъ переправился въ Англію съ своими нѣмецкими войсками и отрядомъ ирландцевъ. 4-го іюня онъ высадился въ ланкастерскомъ графствѣ, на южной оконечности Форнесса, называемой Фоудрей. Но въ Англіи къ нему присоединился только сэръ Томасъ Броутонъ, хотя впрочемъ онъ не встрѣчалъ нигдѣ сопротивленія. У Линкольна было всего 8 т. человѣкъ, когда онъ встрѣтился съ Генрихомъ, бывшимъ въ превосходныхъ силахъ. Обѣ стороны желали рѣшить споръ сраженіемъ. Но сраженіе произошло не ранѣе 16 іюня, потому что Линкольнъ настигъ королевское войско только въ этотъ день. Рѣшительное сраженіе произошло близъ Стока. Оно было непродолжительно, но кровопролитно. Нѣмцы дрались до послѣдней капли крови; но ирландцы или, лучше сказать, англичане, поселенные въ Ирландіи—потому что настоящіе ирландцы не принимали участія въ возстаніи,—вооруженные какъ полудикіе, гаельскіе ирландцы, не могли противиться стрѣлкамъ и кирасирамъ короля Генриха. Линкольну нельзя было надѣяться на побѣду. Онъ самъ, вице-намѣстникъ Ирландіи съ братомъ, храбрый Мартинъ Шварцъ и сэръ-Томасъ Броутонъ пали въ битвѣ. Лордъ Ловель, оставившій Англію вмѣстѣ съ Линкольномъ, пропалъ безъ вѣсти. Священникъ, бывшій виновникомъ выдумки, попалъ въ плѣнъ съ своимъ питомцемъ. Онъ сознался въ обманѣ и былъ посаженъ въ тюрьму. Чтобъ обличить обманъ, Симнеля продержали нѣкоторое время на королевской кухнѣ и употребляли на черную работу; но потомъ сдѣлали сокольникомъ. Чтобъ успокоить приверженцевъ Іорковъ, Генрихъ короновалъ свою жену съ обычнымъ великолѣпіемъ, которое въ Англіи употребляется въ такихъ случаяхъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ гдѣ-либо, съ церемоніями и въ пышномъ облаченіи, которое историки описываютъ до малѣйшихъ подробностей; тогда же былъ выпущенъ на свободу маркизъ Дорсетъ.

Подобно своимъ предшественникамъ, Генрихъ пользовался парламентомъ, какъ лучшимъ и послушнѣйшимъ орудіемъ королевской власти. Сперва онъ получилъ отъ него согласіе на установленіе значительнаго налога; затѣмъ парламентъ издалъ осужденіе противъ государственныхъ преступниковъ (bill of attainder), которое, какъ извѣстно, дѣлало лишнимъ всякій судъ и защиту. Законъ этотъ далъ королю возможность обогащаться пенями и конфискаціями болѣе самыхъ строгихъ его предшественниковъ. Число лицъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ возстаніи (вина ихъ не могла быть доказана), но осужденныхъ собственно за богатство, простиралось сперва до восьми тысячъ, но потомъ на половину уменьшилось. Къ спискамъ ихъ продолжали прибавлять новыя, сперва забытыя имена, даже восемь лѣтъ спустя. При помощи парламента Генрихъ уничтожилъ зло, устраненное Лудовикомъ XI посредствомъ постояннаго войска и относящихся къ нему постановленій. Зло это, распространенное въ Англіи больше чѣмъ гдѣ-либо и имѣвшее особенное названіе (maintenance), состояло въ томъ, что богатые и знатные господа содержали наемниковъ, убійцъ и разбойниковъ, носившихъ ихъ ливрею; съ ихъ помощью они могли вооруженной силой противиться судебнымъ приговорамъ и всякаго рода полиціи. При существованіи такого самоуправства грубая сила господствовала надъ судомъ и закономъ. Это доказываетъ присяга,

которую Генрихъ потребовалъ отъ лордовъ и среднихъ классовъ всѣхъ графствъ, прежде чѣмъ издалъ законъ противъ этого зла *). Одинъ изъ верховныхъ судей сказалъ тогда же королю, что до уничтоженія этого обычая нечего и помышлять объ исполненіи приговоровъ, и что пока всякій судъ безполезенъ. Онъ прибавилъ, что при Эдуардѣ IV бароны клялись соблюдать статуты, но черезъ часъ послѣ присяги, въ его присутствіи обязали нѣкоторыхъ лицъ клятвою, помогать имъ оружіемъ во всѣхъ спорахъ и несогласіяхъ. Поэтому, при Генрихѣ VII былъ наконецъ изданъ законъ противъ содержанія частной милиціи; противъ нарушителей этого закона была учреждена чрезвычайная комиссія, имѣвшая право отражать силу силою безъ участія присяжныхъ и безъ соблюденія другихъ обычныхъ формальностей. Было постановлено, что канцлеръ, государственный казначей и тайный хранитель печати, или даже лишь двое изъ нихъ, съ участіемъ одного епископа, одного свѣтскаго пера, президента суда королевской скамьи (kingsbench) и гражданскаго суда (commonpleas), имѣютъ право требовать къ себѣ нарушителей какого нибудь изъ пунктовъ этого закона и, если нужно, наказывать немедленно точно такъ, какъ еслибъ они были осуждены правильнымъ судомъ. Это учрежденіе, основанное Генрихомъ VII, сдѣлалось впослѣдствіи извѣстнымъ подъ именемъ звѣздной палаты; англійскіе короли, отъ Генриха VII до Карла I, такъ злоупотребляли этимъ произвольнымъ судопроизводствомъ, что въ семнадцатомъ вѣкѣ оно сдѣлалось одной изъ главныхъ причинъ англійской революціи.

Мы находимъ нужнымъ прервать здѣсь исторію перваго государя изъ дома Тюдоровъ, потому что Генрихъ, покончивъ въ 1488 г. съ Шотландіей, вмѣшался въ распри континентальныхъ королей. Распри эти касались Италіи и Бретани, такъ какъ съ одной стороны дочь Максимиліана, Маргарита, невѣста Карла VIII французскаго, была отослана домой, послѣ чего Карлъ женился на наслѣдницѣ Бретани, а съ другой—Карлъ VIII возъимѣлъ виды на Неаполь, а преемникъ его, Лудовикъ XII, на Миланъ. Испанія вмѣшалась въ эти дѣла, во-первыхъ, вслѣдствіе своихъ притязаній на Неаполь, а во-вторыхъ, вслѣдствіе брака наслѣдницы Кастиліи и Арагоніи съ сыномъ императора Максимиліана. Обѣ стороны и папа вовлекали въ несогласія испанскаго, бургундскаго, германскаго и французскаго государей, англійскихъ королей Генриха VII и Генриха VIII. Поэтому съ послѣдняго десятилѣтія XV вѣка исторія главныхъ государствъ средней, западной и южной Европы должна излагаться вмѣстѣ. Но сперва мы разскажемъ исторію Пиренейскаго полуострова, бросивъ предварительно взглядъ на исторію культуры и литературы второй половины XV и первыхъ годовъ XVI ст. Извѣстно, что этотъ періодъ имѣетъ для новѣйшей цивилизаціи такое же значеніе, какое для древнегреческой имѣло время персидскихъ войнъ.

---

*) Они должны были поклясться: not to keep in their service men openly cursed, or murderers, or felons, or outlaws, that they would not retain persons by indentures, or give liveries contrary to law, and that they would not make riots or maintenances, nor oppose the due execution of the king's writs.

VIII. КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА

НѢМЦЕВЪ, ИТАЛЬЯНЦЕВЪ И ФРАНЦУЗОВЪ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XV И ВЪ ПЕРВЫХЪ ГОДАХЪ XVI СТ.

Введеніе.

Изобрѣтеніе и крайне быстрое распространеніе въ XV ст. книгопечатанія оказало такое важное вліяніе на всю цивилизацію новаго времени, въ сравненіи съ цивилизаціею народовъ древности, Востока и среднихъ вѣковъ, что мы должны бы были предпослать обзору сочиненій и писателей исторію типографскаго дѣла, но такое изложеніе потребовало бы слишкомъ много мѣста, и потому мы должны ограничиться лишь немногими указаніями. Если бы въ отдѣлахъ нашей исторіи, касающихся литературы, мы имѣли въ виду внѣшнюю исторію писателей и ихъ произведеній, то намъ слѣдовало бы вдаться въ большія подробности о способѣ размноженія и распространенія книгъ, потому что движеніе, начавшееся въ Германіи вслѣдствіе реформаціи, находится въ тѣсной связи съ распространеніемъ типографскаго искусства. Въ нашихъ немногихъ замѣчаніяхъ о быстромъ распространеніи новаго нѣмецкаго изобрѣтенія и о полученной чрезъ это возможности размноженія произведеній классической древности и распространенія мыслей умныхъ головъ,—мы ограничимся Германіею, Франціею и Италіею. Это кажется намъ тѣмъ болѣе основательнымъ, что Италія въ промежутокъ отъ XIV до XVII ст. прошла уже весь путь человѣческаго образованія, и такимъ образомъ совершила это прежде, чѣмъ всѣ другія націи. При этомъ мы должны обратить вниманіе читателей на то, что въ то самое время, когда нѣмцы вынесли изъ-за Альпъ познаніе классической древности, искусства, ремесла и науки образованнаго міра,—итальянцы заимствовали у нихъ средства и орудія, съ помощью которыхъ получили возможность быстро распространить по всѣмъ странамъ свѣтъ просвѣщенія, сіявшій у нихъ.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, гдѣ и какимъ образомъ Гуттенбергу пришла мысль изобрѣсти способъ скорѣйшаго и легчайшаго распространенія въ публикѣ книгъ, изготовленіе которыхъ было до тѣхъ поръ дѣломъ монаховъ. Здѣсь достаточно будетъ замѣтить, что 1450 годъ, когда въ Майнцѣ появилась напечатанная библія, долженъ быть признанъ началомъ вытѣсненія писанныхъ книгъ печатными. Гуттенбергъ и Іоганнъ Фаустъ начали свое дѣло въ Майнцѣ, и на первой напечатанной библіи не означенъ годъ ея появленія; вотъ почему ученые много спорили о годѣ изобрѣтенія книгопечатанія. Мы принимаемъ вышеприведенный, чтобы имѣть точку опоры. Книгопечатаніе, какъ и всѣ изобрѣтенія, сначала держалось въ тайнѣ, главнымъ образомъ потому, что Гуттенбергъ и Фаустъ продавали даже въ Парижѣ свои напечатанныя библіи, имѣвшія сходство съ драгоцѣннѣйшими манускриптами, за рукописи. Но прежде чѣмъ зять Фауста, Шефферъ, придумалъ замѣнить вырѣзанныя изъ дерева таблицы вылитыми буквами,—тайна была открыта во многихъ городахъ Германіи, Голландіи и Швейцаріи, и ремесло трехъ изобрѣтателей пошло въ ходъ; поэтому впослѣд-

ствіи многіе города приписывали себѣ честь изобрѣтенія книгопечатанія. Тайное печатаніе скоро прекратилось, и уже на псалтари, изданной Шефферомъ и сдѣлавшейся теперь большою рѣдкостью, выставлены 1457 годъ и имя Шеффера, какъ типографщика. Два парижскіе профессора богословія, Вильгельмъ Фише и Жанъ-де-ла-Пьеръ тотчасъ же убѣдили свой факультетъ выписать изъ Майнца Ульриха Йеринга, Мартина Кранца и Михаила Фрейбургера и съ помощью ихъ основать у себя типографію. Университетъ отвелъ этимъ людямъ удобное помѣщеніе въ Сорбоннѣ. Тутъ мастерскія ихъ находились до 1483 г., когда Йерингъ устроилъ типографію въ своемъ собственномъ домѣ. Этотъ нѣмецкій основатель французскаго типографскаго дѣла пріобрѣлъ значительное состояніе. Половину этого состоянія, составлявшую весьма немаловажную по тому времени сумму 8,500 ливровъ, онъ завѣщалъ впослѣдствіи Сорбоннѣ въ знакъ благодарности людямъ, призвавшимъ его. На эти деньги въ парижскомъ университетѣ были основаны двѣ новыя каѳедры, а такъ какъ ихъ учрежденіе было одновременно съ напечатаніемъ сочиненій Рейхлина, Гуттена и Лютера, то это лучше всего доказываетъ, что изобрѣтеніе Гуттенбера болѣе чѣмъ всякое другое дѣло способствовало къ разсѣянію средневѣковаго мрака. До конца XV ст. въ этомъ университетѣ, занимавшемъ между высшими учебными заведеніями Европы по крайней мѣрѣ второе мѣсто, были цѣлыя толпы профессоровъ для изложенія догматики и декреталіевъ и для объясненія Аристотеля; каѳедры же для объясненія священнаго писанія не существовало. Только послѣ смерти Йеринга на сумму, завѣщанную имъ, наняли двухъ профессоровъ для ветхаго и новаго завѣта. Въ XVIII ст. обѣ эти кѳедры были соединены въ одну.

Говоря о началѣ и распространеніи книгопечатанія, мы не должны умолчать, что при этомъ случаѣ, точно также, какъ при изобрѣтеніи всякихъ машинъ, фабрикъ и мануфактуръ, тысячи людей, до тѣхъ поръ занимавшіеся независимымъ, доходнымъ ремесломъ, сдѣлались пролетаріями, между тѣмъ какъ нѣсколько сотенъ пріобрѣли на ихъ счетъ большія богатства. Таковъ впрочемъ порядокъ вещей, и его нельзя отрицать точно также, какъ нельзя опровергать того, что китъ пожираетъ тысячи сельдей, а человѣкъ уже теперь уничтожилъ китовъ во многихъ частяхъ океана. Искусство золоченія и разрисовки буквъ, которымъ жили въ Парижѣ сотни людей, погибло, какъ относительно блеска и прочности позолоты, такъ и яркости и нестираемости красокъ; о прилежаніи и калиграфской ловкости переписчиковъ мы уже и не говоримъ. Болѣе подробное изложеніе всѣхъ этихъ перемѣнъ повело бы насъ слишкомъ далеко. Несомнѣнно то, что съ 1450 г. образованіе и литература стали проникать въ массу народа, тогда какъ до тѣхъ поръ они, подобно поземельной собственности, составляли исключительную принадлежность свѣтской и духовной аристократіи. Это лучше всего доказывается сравненіемъ цѣнъ тѣхъ писанныхъ книгъ, которыя не были особенно щедро украшены миніатюрами или не изготовлялись знаменитыми калиграфами, съ цѣнами печатныхъ книгъ, выходившихъ изъ несравненныхъ альдинскихъ типографій или изъ типографій Юнты. Мы укажемъ здѣсь на первое вліяніе, которое нѣмецкое изобрѣтеніе имѣло на распространеніе новой умственной жизни, пробудившейся въ Италіи. Въ этомъ отношеніи Швейнгеймъ и Паннарцъ, два нѣмца, основавшіе типографіи въ Римѣ, уже въ 1475 г. хвалились, что сдѣлали 12,475 оттисковъ разныхъ сочиненій. Но въ прошеніи, поданномъ папѣ Сиксту IV, они жаловались, что обѣднѣли, потому что напечатали такое множество книгъ, не нашедшихъ сбыта. Однимъ изъ отрадныхъ явленій того времени было то, что восторженное сочувствіе къ успѣхамъ образованія и науки, подвигавшее на всевозможныя пожертвованія всѣхъ благороднѣйшихъ людей во всѣхъ странахъ и особенно въ Италіи,—одушевляло также многихъ типографщиковъ, которые сами были глубокіе, но скромные ученые, и побуждало ихъ посвящать труды и состояніе на распространеніе классической литературы. Въ числѣ книгъ, напечатанныхъ въ Римѣ Паннарцомъ и Швейнгеймомъ, находилось, правда, около пятисотъ богословскихъ сочиненій, дурной выборъ которыхъ вѣроятно причинилъ издателямъ большіе убытки, такъ какъ, — судя по знаменитымъ лѣтописямъ римской куріи, составленнымъ Лютеромъ и Буркардомъ, въ Римѣ, въ продолженіе этихъ двухъ столѣтій, богословское направленіе играло самую незначительную роль. Но въ то же время эти типографщики напечатали

болѣе пятисотъ экземпляровъ философскихъ сочиненій Цицерона и 275 экземпляровъ сочиненій Виргилія. Въ одно время съ Швейнгеймомъ и Паннарцомъ другой нѣмецъ Ганъ тоже завелъ въ Римѣ типографію, а вслѣдъ за тѣмъ и другіе нѣмцы и итальянцы сдѣлали тоже самое въ Римѣ, Миланѣ, Венеціи и почти во всѣхъ остальныхъ итальянскихъ городахъ. Мы уже упоминали (т. III, стр. 683) объ Альдѣ Мануціи, который, больше всѣхъ прочихъ типографщиковъ того времени, прославился ученостью, неутомимымъ стремленіемъ къ возстановленію въ первобытной чистотѣ текста древнихъ произведеній и большими жертвами для блага литературы. Желающій получить вполнѣ ясное понятіе о живомъ и свободномъ движеніи итальянской науки въ XV столѣтіи, можетъ обратиться къ большому и ученому сочиненію Меттера (Annales typographici), которое познакомитъ его съ именами типографщиковъ и мѣстами, гдѣ они учреждали свои заведенія.

I. Италія.

1. Введеніе.

Въ предыдущемъ томѣ мы очень подробно говорили о ходѣ итальянскаго образованія и о томъ, какимъ образомъ итальянцы, возродивъ древнюю римскую литературу, создали новую умственную жизнь и новую цивилизацію, приспособленную къ свободному развитію всякаго искусства, всякаго ремесла, и этимъ способствовали благосостоянію своей родины. Поэтому теперь мы ограничимся только нѣкоторыми дополненіями относительно XV столѣтія и первыхъ годовъ XVI. Мы тѣмъ болѣе можемъ позволить себѣ не вдаваться въ подробности, что впослѣдствіи еще разъ вернемся къ Италіи, которая только въ XVII столѣтіи перестала идти впередъ, что въ отношеніи къ цивилизаціи значитъ идти назадъ. Уже въ XV ст. латинисты, занимавшіеся итальянскою исторіографіею, начали повидимому отдавать формѣ полное предпочтеніе предъ содержаніемъ; но эта исторіографія, точно также какъ и поэзія на отечественномъ языкѣ, снова пріобрѣла значеніе, отнятое у нея аффектированною латынью, хотя ей, какъ и поэзіи, вредила слишкомъ усердная заботливость объ изяществѣ формы. Впрочемъ, уже при изложеніи древней исторіи мы обращали вниманіе читателей на то, что въ лучшее время греческой и римской исторіи и у лучшихъ писателей этихъ народовъ, напр. Эврипида и Виргилія, можно замѣтить переходъ отъ чистаго вдохновенія и глубокаго содержанія къ искусственности и риторикѣ, хотя и нельзя рѣшиться порицать его. Критикъ едва отваживается дѣлать замѣчанія, потому что истинныхъ знатоковъ немного, а уклоненіе отъ мнѣнія, освященнаго риторикою и декламаціею, сдѣлаетъ его смѣшнымъ въ глазахъ массы и заставитъ ее смотрѣть на него какъ на чудака или какъ на ученаго, преисполненнаго надменности. Вслѣдствіе этого съ одной стороны Аристофанъ не могъ ничего сдѣлать своими основательными мнѣніями, а съ другой, не смотря на превосходные уроки александрійскихъ ученыхъ, не только греческая поэзія перешла въ риторику и ученость, но и исторія совершенно исчезла. То же повторилось въ Римѣ во время императоровъ, и мы увидимъ, какъ въ XVI столѣтіи въ Италіи даже Тассо долженъ былъ вести своихъ соотечественниковъ туда, куда Эврипидъ велъ грековъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ практическая жизнь подъ вліяніемъ успѣховъ литературы развивалась въ то самое время, какъ все идеальное и дѣйствительно-божественное становилось пустою формою, а занятіе литературою — простымъ препровожденіемъ времени. Вслѣдствіе этого въ этомъ отдѣлѣ исторіи итальянскаго развитія мы обратимъ вниманіе на начало распространенія реальныхъ наукъ итальянцами, бывшими творцами идеальнаго образованія Европы.

2. Поэзія на народномъ языкѣ.

До сихъ поръ мы не касались подробностей исторіи лирической поэзіи итальянцевъ и говорили о ней только то, что было необходимо для показанія, что и въ этой отрасли вся нація, какъ нѣкогда греки, обнаруживала чувство высокаго вдохновенія, и что среди жестокаго варварства, отвратительной тираніи и дикаго разрушенія, форма и матерія поэзіи достигли высшей степени совершенства. Классическая образованность XV ст. распространялась потому, что такіе люди какъ Анджело Поліціанъ и Лоренцо Медичи (т. III, стр. 684—686) отличались классическимъ образованіемъ и прославляли свое имя стихотвореніями, бывшими во всѣхъ устахъ. Намъ не зачѣмъ останавливаться здѣсь на содержаніи стихотвореній Лоренцо Медичи; достаточно будетъ замѣтить, что еще въ нашемъ столѣтіи Нардини и Буоанаджути *) собрали всѣ эти стихотворенія, доказывающія, что въ то время на высшую поэзію и на изящныя искусства въ Италіи смотрѣли какъ на потребность всякаго образованнаго ума и какъ на благороднѣйшее занятіе знатныхъ людей. Комическія стихотворенія Лоренцо и его современниковъ были собраны еще въ 1550 году. Приводимъ здѣсь заглавіе этого собранія, потому что въ немъ перечисляются роды стихотвореній, помѣщенныхъ въ книгѣ. (Raccolta di Trionfi, Carri, Mascherate e Canti carnevaleschi del tempo di Lorenzo di Medici).

Даже женщины старались отличаться и дѣйствительно отличались въ поэзіи. Уже мать Лоренцо, Лукреція Торнабуони, была извѣстна своимъ талантомъ, и въ XVI ст. стихи ея издавались нѣсколько разъ вмѣстѣ съ стихотвореніями ея сына. Еслибы образованіе женщинъ того времени ограничивалось поверхностнымъ рифмоплетствомъ, читаніемъ и писаніемъ романовъ, пустыми упражненіями въ слогѣ и подробнымъ описаніемъ сценъ изъ жизни или природы,— то на это не слѣдовало бы смотрѣть какъ на характеристическую черту того столѣтія, такъ какъ почти то же самое повторяется и въ наше время;—но тогда это имѣло совершенно другой видъ. Знатныя дамы, о которыхъ мы упоминаемъ, были не только поэтами, но большею частью основательными знатоками древнихъ языковъ и литературы, и понимали незамѣнимое значеніе послѣднихъ для развитія въ людяхъ истинно-человѣческаго духа, который одинъ составляетъ въ человѣкѣ нѣчто божественное и свободное, потому что все прочее повинуется законамъ природы. Мы упоминаемъ здѣсь объ этихъ женщинахъ не по поводу ихъ стихотвореній, безъ которыхъ, какъ бы ни были они изящны, міръ могъ бы легко обойтись, но потому что онѣ, пользуясь своимъ саномъ и вліяніемъ, принимали живое участіе въ стремленіяхъ своихъ современниковъ, проснувшихся для новой жизни, и являлись могущественными покровительницами всякой науки и всякаго искусства. Для примѣра мы назовемъ кромѣ матери Лоренцо Медичи нѣкоторыхъ изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ того времени. Первое мѣсто между ними занимаютъ: Изабелла Арагонская, Ипполита Сфорца (т. III, стр. 680), Серафина Колонна, Анна Спина и Алессандра Скала; онѣ брали уроки у знаменитѣйшихъ ученыхъ своего времени и прославились трудами по разработкѣ національнаго языка и основательнымъ знаніемъ древнихъ языковъ. Кромѣ того извѣстны еще имена двухъ Изотта, изъ которыхъ одна была изъ рода, господствовавшаго нѣкогда въ Римини, а другая принадлежала къ знатнѣйшей фамиліи Вероны; стихотворенія ихъ знаетъ вся Италія. На ряду съ ними славились принцесса Біанка Эсте и Домитилла Тривульціа, принадлежавшая къ миланской фамиліи, находившейся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ герцогскому дому. Но никто не пользовался такимъ уваженіемъ современниковъ, какъ Кассандра Феделе. Сколько намъ извѣстно, изъ ея стихотвореній до насъ не дошло ни одного. Зато уцѣлѣли ея письма и рѣчи, и какъ тѣ, такъ и другія совершенно соотвѣтствуютъ похваламъ,

---

*) Poësie del Magnifico Lorenzo ed di altri suoi amici e contemperanei. Londra. 1801, 4.

расточавшимся этой женщинѣ Полиціаномъ, который искусство предпочиталъ природѣ, а форму—содержанію. Похвалы Полиціана сдѣлали эти произведенія извѣстными во всей Европѣ, и Кассандра была обязана имъ тѣмъ, что въ слѣдующемъ столѣтіи королева испанская, Лудовикъ XII французскій и папа Левъ X почти въ одно время пригласили ее къ своему двору. Кассандра намѣревалась отправиться въ Испанію, но ея соотечественники, венеціанцы, убѣдили ее не разставаться съ ними.

Замѣчательнѣйшимъ явленіемъ XV ст. была попытка соединить языческую поэзію съ христіанской, слить эпосъ германцевъ и скандинавовъ съ эпосомъ грековъ и римлянъ, прославить средневѣковыхъ и древнихъ героевъ въ оригинальной народной пѣсни; другими словами, это было возникновеніе такъ называемой романтической поэзіи изъ пѣсенъ итальянскихъ странствующихъ пѣвцовъ. Возникшая такимъ образомъ въ XV ст. эпико-комическая поэзія была въ слѣдующемъ столѣтіи подготовлена трудами Берни для Аріосто; послѣдній откинулъ комическій элементъ и въ начальныхъ строфахъ своего «Орландо» волшебно соединилъ высокую серьезность древней поэзіи съ романическимъ характеромъ поэзіи рыцарской; въ то же время Тассо создалъ, по образцу Виргилія, христіанскій эпосъ. Мы считаемъ возможнымъ утверждать, что Тассо уже потому долженъ былъ впасть въ риторическій и сентиментальный тонъ, что совершенно отказался отъ тона романтической поэзіи, тогда какъ Аріосто удержалъ національный характеръ ея, т. е. комическій элементъ. Дальнѣйшія явленія принадлежатъ уже исторіи литературы XVI ст. Предшествующія замѣчанія должны обратить вниманіе нашихъ читателей только на то, что комическое смѣшеніе высшаго съ низшимъ въ стихотвореніи этой категоріи имѣло частью положительное, частью отрицательное вліяніе на оба рода рыцарскаго эпоса, возникшіе въ XVI т. Вообще, та комическая, или вѣрнѣе сказать, ироническая форма романтической поэзіи, лучшимъ представителемъ которой служитъ «Морганте Маджіоре» Луиджи Пульчи, называется burlesque (отъ слова burla — фарсъ); но это названіе не слѣдуетъ смѣшивать съ именемъ самаго низшаго рода комической поэзіи, возникшимъ, какъ разсказываютъ, вслѣдствіе того, что одинъ веселый цирюльникъ, умершій въ Римѣ въ 1448 г., назвалъ себя Буркіелло отъ своей манеры сочинять стихи на удалую, alla burchia. Послѣдній родъ поэзіи слѣдуетъ собственно называть burchiellesque.

Касательно возникновенія новой романтико-эпической поэзіи мы полагаемъ возможнымъ согласиться съ тѣмъ, что говоритъ объ Италіи Генгеннэ въ четвертой главѣ четвертаго тома своей исторіи литературы; но мнѣніе, высказанное имъ въ третьей главѣ о романской поэзіи вообще, кажется намъ несостоятельнымъ. Генгеннэ доказываетъ сначала, что изъ остатковъ прежней повѣствовательной поэзіи трубадуровъ, труверовъ и провансаловъ, которая почти вся принадлежитъ Италіи, въ этой странѣ образовался въ послѣднее время среднихъ вѣковъ родъ народной пѣсни, подобно тому какъ у насъ возникли Мелузины, книжечка объ императорѣ Октавіанѣ и др. Эта итальянская поэзія бродячихъ рапсодовъ черпала свои сюжеты преимущественно изъ исторіи Карла Великаго и создала громадный матеріалъ, собранный въ «J. Reali di Franzia di Christoforo Altissimo»—книгѣ, напечатанной въ 1537 г. въ Венеціи. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ, обработанныя въ прозаической или поэтической формѣ, уже въ XV ст. пріобрѣли много читателей и были нѣсколько разъ перепечатаны въ слѣдующемъ столѣтіи. Къ нимъ принадлежатъ: напечатанная въ 1498 г. въ Венеціи и издававшаяся нѣсколько разъ книга, авторъ которой (Белло) называетъ себя слѣпымъ (заглавіе ея: Il Membriano di Francesco Cieco di Ferrara); потомъ — Buova d'Antona Canti XVII in ottave rime, Венеція 1489 г., и напечатанныя въ первый разъ въ 1517 г. Spagna historiata (разсказы о Роландѣ). Авторъ этихъ народныхъ произведеній писалъ для итальянцевъ, которые смотрѣли на смѣшеніе серьезнаго съ комическимъ благосклоннѣе, чѣмъ мы; вслѣдствіе этого они смѣшивали безъ всякаго затрудненія и злаго умысла серьезную мысль съ фарсомъ, религіозное съ крайне-свѣтскимъ.

То же самое дѣлалъ впослѣдствіи Луиджи Пульчи, авторъ «Морганте Маджіоре», желавшій создать новый родъ поэзіи. У него было два брата, также писатели. Одинъ изъ нихъ, Бернардо Пульчи, съ нѣсколькими другими поэтами,

изъ которыхъ болѣе другихъ извѣстенъ Джироламо Беневьени, издалъ собраніе идиллій, появившееся въ 1484 г., а въ 1494 г. напечаталъ переводъ «Буколикъ» Виргилія и нѣсколько другихъ стихотвореній. Второй братъ, Лука Пульчи, написалъ по случаю блестящаго турнира, даннаго Лоренцо Медичи, стансы, прославившіе его во всей Италіи, и въ 1491 г. издалъ во Флоренціи поэтическія посланія, написанныя terze rime. Третій братъ, Луиджи Пульчи, другъ и собесѣдникъ Лоренцо Медичи и Полиціана, извѣстенъ какъ изобрѣтатель новаго рода повѣствовательной поэзіи, представлявшаго умышленную пародію на романтизмъ. Будучи, подобно своимъ друзьямъ, человѣкомъ веселымъ и образованнымъ, онъ любилъ слушать исторіи объ удивительныхъ подвигахъ паладиновъ Карла Великаго, перемѣшанныя съ комическими выходками и разсказывавшіяся народу на улицахъ и площадяхъ. Вслѣдствіе этого ему естественно пришла мысль написать траги-комическую героическую поэму «Морганте Маджіоре»; но сначала это было, повидимому, ничто иное, какъ шутка, въ пріятельскомъ кругу. Пульчи прочелъ Лоренцо и его друзьямъ, любившимъ развлекаться литературой и искуствами, сначала одну пѣснь, потомъ другую, и наконецъ полный эпосъ, и неожиданно увидѣлъ, что, помимо своего вѣдома, создалъ своеобразное тосканское произведеніе; это напоминаетъ намъ знаменитые парижскіе салоны. Пульчи, подобно бродячимъ пѣвцамъ, надъ торжественностью которыхъ смѣется въ своей поэмѣ, воспѣваетъ подвиги Роланда; собственно же онъ осмѣиваетъ какъ божественное, такъ и человѣческое, потому что иронія и насмѣшка въ его произведеніи также образцовы, какъ смѣшанныя съ ними величіе, возвышенность и серьезность. Такъ какъ мы не произносимъ здѣсь эстетическаго приговора надъ сочиненіями, о которыхъ говоримъ, а имѣемъ въ виду только отношеніе литературы къ жизни и нравственности, то должны замѣтить, что великая и вполнѣ заслуженная слава, пріобрѣтенная оригинальнымъ произведеніемъ Пульчи, характеризуетъ сущность и духъ цивилизаціи того времени. Прославленіе поэмы Пульчи совершенно согласно съ характеромъ высокообразованнаго, аристократическаго вѣка папы Льва X; такимъ же образомъ по успѣху «Pucelle» Вольтера и «Nonne» Дидро можно составить себѣ ясное понятіе о парижскихъ аристократическихъ кружкахъ XVIII ст. Надо, однако, замѣтить, что Пульчи не позволяетъ себѣ тѣхъ неприличныхъ, грязныхъ выходокъ, которыя встрѣчаются у фернейскаго патріарха. Такое сочиненіе, какъ «Морганте Маджіоре» Пульчи, могло сдѣлаться классическимъ только въ Италіи, гдѣ народные пѣвцы и даже проповѣдники пріучили публику къ тону, возмутительному для нашей серьезной натуры,—и лишь въ то время, когда высокомѣрное высшее сословіе, подобно Вольтеру, не подозрѣвало, что народъ обратитъ потѣшавшее ихъ кружки остроуміе противъ него и его привилегій. То была пора, когда даже за столомъ умнаго папы Льва X сыпались насмѣшки надъ самыми священными предметами!

Время, въ которое жилъ Пульчи, было по наружности вполнѣ религіозно; догматическая и обрядовая стороны были предметомъ самаго ревностнаго охраненія; ересь и колдовство наказывались строже, чѣмъ грабежъ и убійство. Для такого времени прелесть «Маджіоре» заключалась въ контрастѣ, придающемъ весьма веселый характеръ стансамъ этой поэмы. Пульчи поступаетъ какъ пѣвцы, примѣру которыхъ онъ слѣдовалъ: онъ смѣшиваетъ священнѣйшія пѣсни церкви, воззванія алтаря, прекраснѣйшія мѣста изъ св. писанія съ самыми мірскими стихами и заканчиваетъ каждую пѣснь чѣмъ-то въ родѣ молитвы или словами «Missa est», которыя употреблялись и уличными пѣвцами, когда они распускали собиравшійся вокругъ нихъ кружокъ. Мы пояснимъ это нѣкоторыми примѣрами, но предоставляемъ нашимъ читателямъ самимъ прочесть стансы, изъ которыхъ мы заимствуемъ эти стихи.

Первая пѣснь начинается словами:

In principio era il Verbo appresso a Dio
Ed era Iddio il Verbo e il Verbo lui,—и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ такое воззваніе къ Богу:

Mandami solo un degli angeli tuoi,
Che m'accompagni e rechimi a memorria
Una famosa antica e degna storia.

Во второмъ стансѣ поэтъ взываетъ также къ Vergine Santa, figlia e madre e sposa diquel signor и т. д., а восемьдесятъ первый стансъ заканчиваетъ первую пѣснь словами: Di mal vi guardi il re dell'alta gloria. Вторая пѣснь начинается такъ:

O giusto, o santo, o eterno monarca,
O sommo Giove per noi crucifisso,—и пр.

Заканчивается она словами:

Or tu signor, a cui servir sol godo,
Per cui la terra e l'aria rabuffo.
Quardaci e salva, e asino al fine insegna
Tanto ch'io canti questa storia degna.

Четвертая пѣснь начинается такъ:

Gloria in excelsis deo e in terra pace,
Padre, figlolo e spirito santo,—и т. д.

Седьмая пѣснь, подобно четвертой и другимъ начинается торжественною церковною пѣснью «Hosanna»; десятая—Te deum laudamus, пятнадцатая — Magnificat, девятнадцатая — Laudate, двадцать третья — Deus in adjutorium nostrum intende. Заключительные стихи также молитвы или слова отпущенія съ миромъ, въ формѣ, употреблявшейся уличными пѣвцами. До какой степени манера Пульчи можетъ непріятно дѣйствовать на насъ, непривыкшихъ къ этому роду комизма, можно видѣть изъ двѣнадцатой пѣсни, оканчивающейся стихомъ: «L'angel di dio vi tenga pel ciuffetto». Вообще вся эта книга, какъ по духу, такъ и по языку, вполнѣ флорентинская (toscanissimo); прелестей ея нельзя понимать, какъ слѣдуетъ, по сю сторону Апеннинъ, не говоря уже по сю сторону Альпъ. Тосканскіе обороты рѣчи и тосканскія поговорки щедро вознаграждаютъ туземцевъ за то, что, судя по мнѣнію критиковъ, стихъ часто жестокъ, и грубость выраженій заходитъ иногда слишкомъ далеко. Вслѣдствіе этого «Morgante Maggiore» читался въ продолженіе всѣхъ послѣдующихъ столѣтій и причисляется къ классическимъ народнымъ стихотвореніямъ.

Это повѣствовательное произведеніе отличалось полною геніальностью и принадлежало новой Италіи и среднимъ вѣкамъ; но время требовало эпической поэмы въ древней формѣ. Итальянскіе ученые впали въ ту же ошибку, которая была свойственна всѣмъ европейскимъ народамъ, желавшимъ основать новую литературу на фундаментѣ классической древности, и состояла въ мнѣніи, что при этомъ нельзя обойтись безъ помощи какого-нибудь Гомера, Софокла, Пиндара и т. п. Поэтому Италія требовала эпоса, написаннаго по всѣмъ правиламъ древняго классицизма. Попытка созданія итальянскаго эпоса принадлежитъ очень ученому человѣку, Маттіа Маріи Боэрдо, графу Скандіано, соединившему для этой цѣли всѣ саги о Роландѣ въ одну поэму; но онъ рѣшилъ свою задачу также неудачно, какъ впослѣдствіи Шапленъ, написавшій во Франціи исторію Орлеанской дѣвы. Боэрдо хорошо зналъ греческій языкъ, отлично писалъ по-латыни и перевелъ на свой родной языкъ Геродота, «Золотого Осла» Апулея и хронику Рикобальда; но, какъ героическій поэтъ, онъ имѣетъ для насъ значеніе только потому, что собралъ матеріалы для Аріосто. Онъ черпалъ изъ тѣхъ самыхъ источниковъ, которыми воспользовался Луиджи Пульчи,—но черпалъ совершенно серьезно, а не для того, чтобы издѣваться надъ серьезностью. Своею личностью Боэрдо придалъ значеніе и сюжету, выбранному имъ, потому что былъ другомъ ученыхъ герцоговъ Борзо и Геркулеса I д'Эсте, и намѣстникомъ Реджіо. Но онъ утомлялъ своихъ читателей излишнимъ обиліемъ разсказовъ. Изъ богатыхъ источниковъ—народныхъ стиховъ и повѣствованій о паладинахъ Карла Великаго—онъ набралъ для героической поэмы «Orlando inamorato» такое множество матеріаловъ, что на разработку ихъ не хватило бы цѣлой человѣческой жизни. Боэрдо довелъ своего «Орландо» только до девятой пѣсни третьей книги, — и только въ началѣ XVI столѣтія Николо дельи-Агостини прибавилъ къ ней еще три книги или тридцать три пѣсни. Эта первая попытка героическаго эпоса по древнему образцу мало или совсѣмъ неизвѣстна въ своей первобытной, утомляющей формѣ; кто хочетъ познакомиться съ нею, долженъ обратиться къ вышедшимъ тотчасъ послѣ ея появленія испанскимъ и французскимъ переводамъ, по

тому что итальянскій оригиналъ былъ принужденъ уступить мѣсто переработкамъ. Даже Гёнгеннэ въ своей исторіи итальянской литературы обнаруживаетъ незнакомство съ первоначальнымъ текстомъ Боярдо; хотя онъ и утверждаетъ, что видѣлъ изданіе его, появившееся въ 1539 г. еще до передѣлки Доминики, но цитируетъ только венеціанское изданіе 1745 г. Поэтому Orlando inamorato, насколько эта поэма составляетъ переходъ къ «Неистовому Роланду» Аріосто, принадлежитъ къ шестнадцатому столѣтію, въ исторіи котораго мы еще разъ вернемся къ нему. Въ половинѣ этого столѣтія Лудовико Доминики, а потомъ Франческо Берни занимались полною передѣлкою сочиненія Боярдо. Трудъ перваго не понравился; Франческо Берни былъ счастливѣе. Его «Orlando inamorato» читается до сихъ поръ, какъ введеніе къ «Неистовому Роланду». Какова была масса матеріаловъ, собранныхъ Боярдо и Николо дельи-Агостини, можно видѣть изъ объема менѣе обширнаго сочиненія Берни. Въ первой книгѣ двадцать девять пѣсней, каждая въ пятьдесять строфъ, состоящихъ изъ осьми стиховъ каждая; во второй — тридцать одна пѣснь; третью Боярдо довелъ до девятой пѣсни; а такъ какъ впослѣдствіи число книгъ значительно увеличилось, то изъ всего этого можно заключить объ объемѣ всего сочиненія.

3. Изученіе естественныхъ наукъ, основанное на объясненіи древнихъ писателей; расширеніе и преобразованіе опытныхъ наукъ среднихъ вѣковъ.

Эмпирическихъ наукъ, которыми въ древнее время занимались меньше, чѣмъ въ новое, мы коснемся только мимоходомъ и лишь для того, чтобы показать, какъ въ XV столѣтіи въ Италіи возникли жизнь и наука новаго времени; подробная же исторія естественныхъ наукъ требуетъ спеціальныхъ познаній, которыми мы не можемъ похвастаться. Вслѣдствіе этого, а также и потому, что впослѣдствіи болѣе не возвратимся къ этому предмету, мы не ограничимся однимъ XV столѣтіемъ, но бросимъ взглядъ и на два слѣдующія.

Въ числѣ древнихъ писателей, за разработку которыхъ итальянцы принялись въ XV столѣтіи и которыми они пользовались для возрожденія древней науки, находились Плиній и Діоскоридъ. Маттіоли, переводчикъ Діоскорида, своими трудами положилъ основаніе новой ботаникѣ. Въ Италіи, которая въ XV столѣтіи соединяла еще въ себѣ всю торговлю, всю промышленость и всѣ богатства Европы, пробудилось всеобщее сочувствіе къ ботаникѣ. Города считали честью заводить у себя большія ботаническія учрежденія, а богатые частные люди и правители устроивали при своихъ домахъ ботаническіе сады. Падуанскій садъ сдѣлался первымъ въ Европѣ, чѣмъ былъ обязанъ управленію Проспера Альпина и Гвильяндино. Просперъ Альпинъ, бывшій представителемъ обширнаго падуанскаго садоводства съ 1599 до 1616 г., объѣхалъ въ 1580—1586 г. весь Востокъ исключительно для пользы этого сада, и его сочиненія доказываютъ, что главнымъ предметомъ его изученія было садоводство Палестины и Египта. Въ то же время Андреа Чезальпини читалъ въ Пизѣ лекціи ботаники и написалъ свою систему растеній (De plantis, 1583. 4).

Современникъ этихъ ученыхъ, Альдрованди, читавшій лекціи на Болоньѣ, занимался естественною исторіею вообще и посвящалъ ей свои умные труды въ то самое время, когда по сю сторону Альпъ шли жаркіе споры о догматикѣ. Въ концѣ столѣтія въ Неаполѣ славился профессоръ Порта, родившійся въ 1550 г.; онъ читалъ геніальныя лекціи по естественной исторіи и анатоміи и писалъ сочиненія по всѣмъ предметамъ, родственнымъ съ естественными науками; изъ числа этихъ книгъ сочиненіе о магіи (De secretis), имѣвшее обширный кругъ читателей, навлекло на него даже подозрѣніе въ ереси и колдовствѣ. Кромѣ того онъ писалъ о физіогномикѣ (Physiognomica), о преломленіи лучей, о теоріи кривыхъ линій, о перспективѣ и о сущности воздуха (Pneumatica). Что касается анатоміи, то въ XV ст. Мондини проложилъ путь къ изученію ея, по которому потомъ пошелъ Джакопо Беренгаръ изъ Карпи. Послѣдній издалъ въ 1521 г. подробное сочиненіе по анатоміи, изученіе которой

было до тѣхъ поръ почти невозможно, и потомъ продолжалъ въ Феррарѣ открытія и изслѣдованія, начатыя имъ въ родномъ городѣ. Всѣ величайшіе анатомы послѣдующихъ столѣтій были итальянцы. Андреа Везалій родился, правда, въ Брюсселѣ и читалъ лекціи сначала въ Левенѣ, Парижѣ и Монпелье; но послѣднія шестнадцать лѣтъ своей жизни онъ училъ въ Падуѣ, гдѣ и умеръ въ 1564 г. Второй знаменитый анатомъ, Габріель Фаллоппіа, родился въ Моденѣ. Онъ много путешествовалъ, былъ также въ Греціи, читалъ лекціи въ Феррарѣ, Пизѣ, Падуѣ и уже на двадцать четвертомъ году написалъ важнѣйшее изъ всѣхъ своихъ сочиненій (Observationes anatomicae, Venetiae, 1561. 8). Мы не знаемъ куда отнести знаменитыхъ современниковъ его, сицилійца Инграссіаса и Конани феррарскаго, потому что не имѣемъ никакихъ познаній въ анатоміи; но превосходныя анатомическія таблицы Бартоломео Эвстакіо принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ художественнымъ произведеніямъ новаго времени, не говоря уже объ употребленіи, которое сдѣлали изъ нихъ въ XVIII столѣтіи Бергавъ и его медицинская школа. Эвстакіо окончилъ свои безсмертные рисунки въ 1574 г. въ Римѣ, но недостатокъ денегъ не дозволилъ ему гравировать ихъ; только въ 1714 г. папа Климентъ XI поручилъ эту работу Ланчиши и издалъ таблицы. Бергавъ, снова издавшій ихъ въ 1744 г. въ Лейденѣ, прибавилъ къ нимъ объясненія и новыя открытія.

4. Общія замѣчанія о математическихъ наукахъ.

Такъ какъ математика и соединенныя съ изученіемъ ея науки еще болѣе чужды предмету этого сочиненія, чѣмъ только что упомянутыя реальныя, творцовъ которыхъ каждый образованный человѣкъ долженъ знать по крайней мѣрѣ по имени, то мы не будемъ здѣсь приводить ни именъ математиковъ, ни заглавій ихъ сочиненій. Мы ограничимся лишь указаніемъ въ общихъ чертахъ на то, какимъ образомъ эти науки, достигшія въ наше время такой высокой степени, какая даже не снилась древнимъ, возникли въ XV и XVI столѣтіяхъ изъ занятій классическою древностью; въ Италіи была начата подготовка этихъ наукъ къ ихъ дальнѣйшей разработкѣ и было положено основаніе совершенно новымъ наукамъ вѣса и мѣры, счета и близкаго знакомства съ небомъ и землею. Совсѣмъ забытый или похороненный въ арабскомъ сорѣ Эвклидъ былъ вытащенъ на свѣтъ, переводимъ и объясняемъ уже въ XIV столѣтіи; въ XV же столѣтіи къ нему было сдѣлано столько коментаріевъ и дополненій, что разработка одного этого ученаго дала остальнымъ народамъ Европы геометрію въ совершенно новомъ видѣ. Что касается алгебры, то даже французскіе ученые новаго времени, бывшіе большими знатоками этой науки, сознавались, что итальянцы сдѣлали въ ней такія важныя открытія, послѣ которыхъ не трудно было придумать все, прибавленное къ нимъ въ позднѣйшее время. Вслѣдъ затѣмъ насущная потребность итальянскихъ мореплавателей, занимавшихся въ то время торговлею и судоходствомъ на пространствѣ отъ Гибралтарскаго пролива до крайнихъ предѣловъ Чернаго моря, создала изъ средневѣковой астрологіи — астрономію. Наконецъ относительно перспективы, оптики и акустики, строительное искусство и живопись достигли высшей степени совершенства, а музыка и драматическое искусство пользовались такимъ покровительствомъ даже при дворѣ папы, особенно же во Флоренціи и Венеціи, что ими занимались теоретически и практически на ряду съ архитектурой. Чтобы доказать справедливость этого извѣстія, намъ стоитъ только указать на то, что въ 1500 г. Рускони издалъ 160 знаменитыхъ рисунковъ на мѣди къ сочиненію Витрувія. Сарло, сочиненіе котораго о строительномъ искусствѣ (sette libri d'architectura) составило эпоху въ наукѣ, жилъ во Франціи, гдѣ и умеръ въ бѣдности.

II. Первыя начала новой литературы во Франціи.

1. Введеніе.

Мы могли бы принять только XVI столѣтіе, а именно царствованіе Франциска I, за начало процвѣтанія во Франціи возродившихся въ Италіи занятій древнею классическою литературою и возникновенія галло-римской цивилизаціи, основанной на изученіи этой литературы; но необходимость сохранить историческую связь не позволяетъ намъ пройти полнымъ молчаніемъ темные слѣды прогресса въ XV и первой четверти XVI столѣтія. Точно также мы вкратцѣ упомянемъ и о ходѣ нѣмецкаго развитія до 1515 г., хотя въ Германіи настоящее развитіе началось только съ Лютера. Труды нѣмецкихъ ученыхъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, кажутся намъ тѣмъ болѣе достойными упоминовенія, что образованіе нашей націи незадолго до Лютера и нѣсколько времени спустя послѣ него не зависѣло ни отъ какой протекціи и не пользовалось, какъ во Франціи, защитою двора.

Во Франціи перемѣна произошла уже въ XII столѣтіи, и въ литературѣ ясно обнаруживались слѣды того, что французскіе принцы долго были властителями Константинополя, и что въ главныхъ мѣстахъ Греціи, Аѳинахъ и Пелопоннесѣ, существовали французскія княжества, находившіяся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ отечествомъ. Такое же вліяніе оказалъ впослѣдствіи крестовый походъ, предпринятый Лудовикомъ IX Святымъ; по крайней мѣрѣ мы имѣемъ положительныя извѣстія, что маленькая библіотека, основанная Лудовикомъ, и все то, что онъ дѣлалъ для ученыхъ заведеній, было подражаніемъ видѣнному имъ на Востокѣ. Съ другой стороны, такъ какъ Лудовикъ хотѣлъ во что бы то ни стало навязать почитаемыхъ имъ доминиканцевъ и францисканцевъ и ихъ схоластику французамъ, имѣвшимъ цѣлую литературу на романскомъ языкѣ, — то вслѣдствіе этого образовалась оппозиціонная литература, относившаяся сначала съ презрѣніемъ какъ къ классицизму, такъ и къ монашеству. Вліяніе этой оригинальной романской литературы не прекращалось до Раблэ и отразилось въ этомъ писателѣ. Впослѣдствіи, среди риторическаго парада позднѣйшей академической, схоластической, придворной литературы, она придавала нѣкоторымъ отдѣльнымъ произведеніямъ наивную прелесть, и въ наше время ею удачно пользовались для возвращенія французскому языку его прежней силы, а французской литературѣ—ея прежней естественности.

2. Оппозиція народныхъ поэтовъ и писателей схоластическому ученію монаховъ; учебники въ стихахъ.

Такъ какъ мы должны ограничиться только указаніемъ на ходъ французской литературы до Франциска I, то считаемъ лишнимъ говорить о сдѣланныхъ въ это время новыхъ передѣлкахъ уже упомянутой выше (т. III, стр. 670) книги о лисицѣ (Le Renard), направленной противъ суевѣрія и религіозной нетерпимости монаховъ ниществующаго ордена и самого короля Лудовика IX; мы остановимся только на другихъ сатирическихъ произведеніяхъ того времени. Между ними особенно замѣчательно Rutebeuf, принадлежащее къ тому же разряду какъ и Le Renard; въ немъ также явственно видна насмѣшка и горькое народное остроуміе надъ всѣми отношеніями нищенствующаго ордена и его богословской и философской системъ къ Лудовику IX и его администраціи. Если въ этой сатирѣ, на подробностяхъ которой мы не хотимъ и не можемъ останавливаться, замѣтна нѣкоторая злоба автора, то все-таки нельзя отрицать, что въ ней блещетъ практическій и здравый смыслъ народа. Всѣ мы, а особенно историки софисты и риторы, выставляемъ большею частью на видъ только хорошую сторону правленія Лудовика IX и его безспорно превосходныя намѣренія; за то въ Rute-

beuf народное остроуміе выводитъ наружу темныя стороны этого царствованія и пагубныя послѣдствія тогдашней системы правленія. Эту же изнанку медали показываютъ намъ множество сатирическихъ пѣсней, сказокъ и разсказовъ, представляющихъ въ сатирическомъ свѣтѣ неблагопріятные результаты умственнаго гнета, лицемѣрія и враждебнаго отношенія къ природѣ, вызванныхъ преобладавшимъ въ то время духовнымъ характеромъ свѣтской власти. Большая часть этихъ произведеній еще не напечатана; но многія изъ нихъ отысканы въ собраніяхъ манускриптовъ и обнародованы въ нашемъ столѣтіи. Изъ нихъ знатоками особенно цѣнятся «Битва пороковъ съ добродѣтелями» (La bataille des vices contre les vertus) и сатира на монашескіе ордена (sur les ordres religieux). Эта послѣдняя, повидимому, нѣчто въ родѣ водевиля или народной пѣсни, только написанная въ лучшемъ тонѣ, чѣмъ уличныя пѣсни.

Мы проходимъ полнымъ молчаніемъ произведенія, направленныя противъ правительства, потому что мѣсто едва позволяетъ намъ указать на слѣды прогресса; поэтому намъ невозможно вдаваться во второстепенныя подробности. Къ предшественникамъ свѣта новаго времени мы причисляемъ труды и попытки къ улучшенію способа обученія. Даже доминиканцы старались сдѣлать обученіе болѣе методическимъ и плодотворнымъ, что доказываетъ примѣръ Венсана Бове, принадлежавшаго къ этому ордену (см. т. III, стр. 153 и 362). Вслѣдствіе этого, такъ какъ общее вниманіе было обращено на древнихъ писателей и на вспомогательныя средства къ объясненію ихъ, появилось множество новыхъ учебниковъ, вытѣснившихъ старые. Доминиканецъ Александръ Вильдьё, котораго обыкновенно называютъ Александръ Долензисъ, потому что онъ родился въ бретанскомъ городѣ Долѣ, написалъ грамматику, вытѣснившую въ началѣ XIV ст. изъ французскихъ школъ грамматику Присціана, такъ какъ Александръ читалъ лекціи въ Парижѣ. Въ началѣ XVI ст. эта грамматика оказалась уже неудовлетворительною; тогда во фландрскихъ, а потомъ и во всѣхъ французскихъ школахъ, ввели въ исключительное употребленіе учебникъ Депотера. Въ учебникѣ Александра Долензисъ вся грамматика изложена александрійскими стихами. Такъ какъ эта книга долго служила руководствомъ во французскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то мы вкратцѣ изложимъ ея содержаніе. Сначала идутъ склоненія, потомъ гетероклитисъ и неправильныя слова; въ третьемъ отдѣлѣ говорится о степеняхъ сравненія (gradus comparationis), въ четвертомъ—о родѣ, въ пятомъ—о правильныхъ спряженіяхъ, въ шестомъ — о неправильныхъ и аномальныхъ глаголахъ, въ седьмомъ—о спряженіи опредѣленныхъ глаголовъ, въ осьмомъ—объ управленіи словъ, въ девятомъ—о конструкціи, въ десятомъ—о правилахъ, касающихся количества слоговъ, въ одиннадцатомъ—объ удареніи и, наконецъ въ двѣнадцатомъ—о грамматическихъ фигурахъ. Эта книга имѣла такой успѣхъ, что по примѣру ея было написано множество такихъ же учебниковъ стихами. Между ними пользовался самою большою извѣстностью учебникъ Соважа, изложившаго рифмованными стихами не только грамматическія правила, но и нравственныя.

Съ той минуты, какъ начали вводить улучшенія въ способѣ обученія, борьба вызвавшая въ Германіи «письма темныхъ людей», проявилась и въ сатирической народной поэзіи французовъ между остроумными приверженцами общаго образованія и монашескими школами съ ихъ діалектикою. Эту цѣль имѣютъ рѣзкіе стихи Тентюрье въ его поэмѣ, озаглавленной: «Свадьба семи свободныхъ искусствъ»; въ ней авторъ старается доказать вредную сторону исключительнаго предоставленія обученія духовенству. Но прологъ къ страшной борьбѣ между гуманистами и діалектиками стараго закала,—борьбѣ, которая погубила послѣднихъ во Франціи гораздо раньше, чѣмъ въ Германіи,—самымъ явственнымъ образомъ обнаруживается въ спорѣ орлеанской школы, обращавшей вниманіе на разработку гуманныхъ наукъ, съ парижскимъ университетомъ, занимавшимся исключительно схоластикой. Спорящія партіи осыпали другъ друга бранью, что случается и въ наше время. Парижане называли орлеанскую партію компиляторами (glomériaux) и упрекали въ поклоненіи авторитетамъ (autoritiens), потому что они отвергали замысловатые и искусственные выводы парижскаго схоластицизма и въ своемъ ученіи ссылались на авторитетъ древнихъ писателей, изъ которыхъ

приводили цитаты; орлеанцы называли парижскія замысловатости — quiquelique. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ стиховъ въ разсказѣ Le Renard:

Sais-tu rien de dialectique?
Oui, je sais toute quiquelique.

Эта борьба школъ подала Анри д'Андли мысль написать поэму о битвѣ семи свободныхъ искусствъ (bataille des sept arts). Въ ней авторъ (это характеризуетъ цѣль, изъ-за которой мы упоминаемъ о его сочиненіи) заставляетъ грамматиковъ, поэтовъ, ораторовъ и историковъ древности сражаться за Орлеанъ; напротивъ того, философы и особенно логическіе бойцы и искусные диспутанты подымаютъ оружіе за Парижъ. Задача этого сочиненія выполнена недурно, и мы подробнѣе изложимъ его содержаніе, потому что, можетъ быть, и въ наше время вражда между профессорами, горячо спорящими о политикѣ и философіи, ведется такимъ же образомъ. Когда парижскіе діалектики вступили въ битву, храбрѣйшаго защитника Quiquelique, Рауля Бальи, уже не было на свѣтѣ; поэтому имъ пришлось обратиться съ просьбою о помощи въ Турнэ. Посланные оттуда комическія лица нагружаютъ на свои походныя телеги высшія и низшія монашескія школы, trivium и quadrivium (см. т. II, стр. 261) и вмѣсто лошадей впрягаютъ педелей; возжи и бичи держатъ Роберъ-Карликъ и Клеронъ Старый (незнакомыя намъ, но хорошо знакомыя современникамъ личности, подпадавшія сатирѣ, придавали такимъ поэмамъ пикантный характеръ какого нибудь «Шаривари» или «Понча» нашего времени). Эта часть сражающихся вступаетъ въ битву при звукахъ военной музыки; но горла схоластиковъ требуютъ полосканія, и весь Парижъ долженъ доставлять вино для этой потребности. При первой стычкѣ Донатъ устремляется на Платона, Аристотель — на Присціана; послѣдній уже выбитъ изъ сѣдла могущественнымъ копьемъ своего противника, когда доктринала и грецизмъ (тоже для греческаго языка, что доктринала для латинскаго) поспѣваютъ на помощь къ бѣдному Присціану и такъ сильно ранятъ лошадь Аристотеля, что онъ принужденъ продолжать битву пѣшкомъ. Вслѣдъ за этимъ на помощь грамматикѣ являются всѣ латинскіе писатели; только донъ Барбаризмъ остается на сторонѣ философіи, потому что хотя онъ собственно вассалъ грамматики, но — говоритъ поэма съ злобною насмѣшкою надъ старыми и новыми схоластиками, — имѣетъ ленныя помѣстья и въ области философіи, — и сверхъ того родомъ изъ Пуату, — слѣдовательно плутъ. Но помощь его приноситъ мало пользы философіи, потому что онъ дерется скверно. Наконецъ діалектика принуждена отступить, и ее запираютъ въ Монлери. Она пытается заключить капитуляцію, но ея парламентеръ дѣлаетъ такія ошибки противъ правилъ языка, что его прогоняютъ. Наконецъ является англичанинъ Готье съ вспомогательными войсками астрономіи; они даютъ залпъ, и грамматика должна отступить. Здѣсь поэтъ бѣгло знакомитъ насъ съ отраслями образованія, господствовавшими въ различныхъ странахъ Европы. Онъ говоритъ, что со времени воспѣтой имъ битвы Poësie la courtoise утвердила свою резиденцію между Блуа и Орлеаномъ, во Франціи заняла первое мѣсто haute science, въ Англіи и Германіи поэзія остается еще въ чести, но въ Ломбардіи на нее смотрятъ весьма неблагосклонно.

3. Оригинальная исторіографія и наивная проза.

Мы сказали (т. III, стр. 149), что французы уже въ XIII и XIV ст., вслѣдствіе появленія исторіи завоеванія Константинополя, приписывавшейся Готфриду Виллардуэну, и Жуанвилевой исторіи Лудовика Святаго, пріобрѣли на родномъ языкѣ историческія сочиненія, которыя еще и теперь можно читать съ пользою и удовольствіемъ. Далѣе (т. III, стр. 308) мы замѣтили, что хроника Фруассара, хотя рѣзко отличающаяся отъ этихъ двухъ сочиненій, на которыя должно смотрѣть какъ на образцы и начало характеристической литературы французскихъ мемуаровъ,—примѣнила къ исторіи XIV ст. ту же самую методу, которую употребляли только Виллардуэнъ и Жаунвиль, и которая, будучи приспособлена къ національному характеру и потребностямъ французовъ, состояла въ томъ, чтобы

авторъ исторіи самъ являлся въ ней говорящимъ и дѣйствующимъ лицомъ. Со времени Фруассара во Франціи не было недостатка въ мужчинахъ и женщинахъ, записывавшихъ на отечественномъ языкѣ и съ своей личной точки зрѣнія современныя событія. Это обстоятельство съ одной стороны вредило философскому взгляду на вещи, но съ другой—сильно содѣйствовало развитію національности и сочувствія къ тому, что имѣло традиціонный характеръ и считалось справедливымъ, хотя бы и было выдумано. Конечно, этотъ рядъ мемуаровъ надѣлилъ французовъ слишкомъ большимъ количествомъ анекдотовъ, остроумныхъ выходокъ, рѣчей и отвѣтовъ, таинственныхъ исторій, характеристикъ, сплетень и явныхъ выдумокъ; но тѣ же самые мемуары дали имъ средство внести въ свою исторію жизнь, движеніе и національность, чего рѣшительно недостаетъ намъ, нѣмцамъ, потому что у насъ есть только латинскія хроники и исторіи съ безконечными Regesten. Впрочемъ, послѣ Фруассара мы открываемъ въ наивной и романтической исторіографіи, отличавшейся индивидуальнымъ и анекдотическимъ характеромъ, слѣды той же перемѣны, которая происходила въ то время въ жизни высшихъ круговъ и въ политикѣ. Простой и естественный способъ изложенія исчезаетъ, писатели принадлежатъ къ итальянской школѣ и повсюду откапываютъ итальянскія интриги, на которыя съ этихъ поръ начинаютъ смотрѣть какъ на науку политики, какъ на главный источникъ образованія государственныхъ людей и дипломатовъ, потому что всякая правда и искренность жизни осмѣиваются какъ глупость. Пружины всѣхъ дѣйствій и причины всѣхъ событій писатели находятъ исключительно въ интригахъ и частныхъ цѣляхъ отдѣльныхъ личностей. Эгоизмъ признается источникомъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, и потому чтеніе мемуаровъ порождало эгоизмъ и въ тѣхъ, кто управлялъ государствомъ. Эти мемуары, по своему занимательному характеру, повидимому, открывали причины и связь всѣхъ вещей, передавали читателямъ всѣ слова и даже мысли дѣйствующихъ лицъ,—часто превращали французскую исторіографію то въ собраніе анекдотовъ, то въ скандальную хронику. Началомъ такихъ мемуаровъ мы принимаемъ сочиненіе Христины Пизанской подъ заглавіемъ: Mémoires sur le règne de Charles V. Отецъ автора, Томасъ Пизанскій, былъ ученый итальянецъ, выписанный королемъ Карломъ V изъ Болоньи по причинѣ его астрономическихъ или скорѣе астрологическихъ познаній; въ то время, до самаго XVII ст. ни одинъ европейскій дворъ, какъ теперь персидскій, не могъ обходиться безъ астролога, и всѣ эти мѣста давались итальянцамъ. Вмѣстѣ съ отцомъ ко двору Карла V пріѣхала и дочь; во Франціи она вышла замужъ, но овдовѣла двадцати пяти лѣтъ и вслѣдствіе этого очутилась въ стѣснительномъ положеніи. Она сочиняла стихи, и съ 1399 г. ея мелкія стихотворенія (dictiées, rondeaux, ballades, laix и др.) до того прославили ея имя во Франціи, Англіи, Миланѣ, и слѣдовательно вездѣ, гдѣ былъ въ употребленіи древнефранцузскій придворный языкъ, что герцогъ миланскій пригласилъ ее къ своему двору. Но она не поѣхала. Впослѣдствіи она отправилась ко двору Филиппа Добраго Бургундскаго. Тутъ, по желанію герцога, она написала въ 1405 г. первую книгу біографіи Карла Мудраго, къ которой послѣ прибавила и остальныя части. Обстоятельства ея были постоянно плачевны, но она написала на французскомъ языкѣ пятнадцать книгъ; нѣкоторыя изъ нихъ особенно важны тѣмъ, что ими было положено начало литературы или журналистики для дамъ въ то время, когда такой литературы еще не существовало. Любимою книгою всѣхъ знатныхъ и образованныхъ женщинъ XV ст. было сочиненіе Cité des dames. Мы бы охотно поговорили подробнѣе о другомъ сочиненіи Христины—De la police française, которое Мабильонъ нашелъ въ Безансонѣ во время своего ученаго путешествія, — но оно неизвѣстно намъ. Біографія Карла V или мемуары Христины, помѣщенные въ обширномъ собраніи мемуаровъ для французской исторіи, не имѣютъ никакого значенія. Они состоятъ изъ собранія анекдотовъ, имѣющихъ цѣлью жизнеописаніе и восхваленіе Карла V, покровителя отца Христины, а также прославленіе послѣдняго. Историкъ почерпнетъ немного поучительнаго изъ сочиненій этой доброй женщины, которая смотрѣла на вещи съ женской и отдаленной точки зрѣнія и не умѣла глубоко вникать въ сущность человѣческой натуры, въ ходъ событій и въ ихъ внутреннюю связь. Историку она можетъ сообщить многія хронологическія свѣдѣнія о времени,

для изученія котораго мало вѣрныхъ источниковъ; но къ показаніямъ ея надо относиться крайне осторожно, когда они не подкрѣплены другими свидѣтельствами.

Три другихъ автора мемуаровъ XV ст., Петръ Фененъ, Оливье де-ла Маршъ и Филиппъ Коминъ, принадлежатъ къ лучшимъ хроникерамъ послѣднихъ годовъ среднихъ вѣковъ и первыхъ новаго времени. При внимательномъ чтеніи сочиненій этихъ людей, особенно Комина, можно ясно видѣть преимущество французовъ передъ нѣмцами въ томъ отношеніи, что первые имѣли въ этихъ мемуарахъ исторію замѣчательнѣйшихъ людей и событій, написанную на національномъ языкѣ, тогда какъ у нѣмцевъ еще въ половинѣ XVIII ст. не было никакой исторіи на удобочитаемомъ нѣмецкомъ языкѣ. Французы обязаны названнымъ нами писателямъ близкимъ знакомствомъ съ исторіею своей страны въ XV ст.. Первый изъ нихъ Петръ Фененъ былъ арраскимъ городскимъ старшиною (prévost) и умеръ въ 1433 г. Его записки, собранныя впослѣдствіи Жераромъ де-Тьеленъ и Гренкуромъ ле Дюизанъ, въ историческомъ отношеніи гораздо важнѣе записокъ Христины Пизанской. Фененъ постоянно находился при дворѣ, гдѣ пользовался большимъ значеніемъ. Его мемуары содержатъ простое, не особенно пристрастное описаніе несчастной вражды Орлеанскаго и Арманьякскаго домовъ съ Бургундскимъ. Правда, авторъ держитъ больше сторону бургундцевъ, но относится довольно справедливо и къ арманьякамъ.

Второй изъ упомянутыхъ хроникеровъ, Оливье де-ла Маршъ, уже немного больше заботился о внѣшности разсказа, чѣмъ Петръ Фененъ. Ла-Маршъ, умершій въ 1505 г., былъ grand maitre d'hôtel бургундскаго двора и служилъ сначала Филиппу Доброму и Карлу Смѣлому, а потомъ Максимиліану и его сыну Филиппу. Въ научномъ отношеніи онъ былъ совершенно необразованъ, но, какъ придворный человѣкъ, чтобы получить какое нибудь значеніе, долженъ былъ какъ во Франціи, такъ и въ Бургундіи принимать участіе въ стремленіяхъ тѣхъ людей, которые писали, сочиняли и говорили на отечественномъ языкѣ; въ Германіи до Лютера уважали только тѣхъ ученыхъ, которые писали на кухонной латыни монастырей или на варварскомъ схоластическомъ нарѣчіи, вслѣдствіе чего итальянцы и французы всегда превосходили нѣмцевъ общественною образованностью. Заслуги, которыя Оливье принесъ отечественной литературѣ, казались до того важными, что о нихъ было упомянуто въ эпитафіи (qui fit maints beaux dits en belle rhétorique). О его мелкихъ сочиненіяхъ, «мнѣніи о дуэляхъ» (avis sur les duels), краткой астрологіи и наставленіи рыцарямъ, мы не станемъ говорить здѣсь; считаемъ нужнымъ остановиться только на его мемуарахъ, потому что только они одни могутъ называться книгою, тогда какъ всѣ прочія его произведенія не что иное какъ брошюры.

Съ перваго взгляда на мемуары Оливье, видно, что они, въ противоположность запискамъ Комина и большей части историческихъ сочиненій нашего времени, не имѣютъ доктринерной цѣли и не имѣютъ въ виду научить политической или дипломатической мудрости; авторъ хотѣлъ только написать занимательный разсказъ. Его сочиненіе составляетъ переходъ отъ романтическихъ пріемовъ Фруассара, цѣлью котораго было описаніе разныхъ приключеній, къ искусственному, политико-дипломатическому изложенію историческихъ событій. Поэтому отъ автора нельзя много требовать; французскіе издатели старыхъ мемуаровъ поступили несправедливо, выбросивъ первыя сто двѣнадцать страницъ, на которыхъ Оливье въ видѣ введенія излагалъ древнюю исторію Франціи. Правда, въ этой части Оливье представляетъ факты въ искаженномъ видѣ и оказывается очень легковѣрнымъ, такъ что имъ нельзя руководствоваться; но по тому, какимъ образомъ онъ разсказываетъ о событіяхъ, хорошо знакомыхъ намъ изъ другимъ источниковъ, можно заключить о достоинствѣ тѣхъ отдѣловъ его исторіи, гдѣ онъ является въ одно и то же время разскащикомъ и источникомъ. Оливье имѣетъ большое преимущество предъ романтическими, дипломатическими и политическими разсказами своихъ современниковъ. Послѣдніе повѣствуютъ о битвахъ, войнахъ и переговорахъ и описываютъ великолѣпныя процессіи, празднества и блескъ государей, но умалчиваютъ о состояніи государственныхъ доходовъ и о способѣ употребленія ихъ; Оливье же обратилъ особенное вниманіе на этотъ предметъ. Изъ его записокъ мы узнаемъ, что доходы бургундскаго государства простирались до 2 мильоновъ гульд. тогдашней стоимости. Эта сумма въ то время значила

то же, что теперь—десять мильоновъ и, по сравненію съ современными потребностями, массою находившихся въ обращеніи денегъ и другими обстоятельствами, давала государю возможность дѣлать вдесятеро больше того, что можно сдѣлать на тѣ же деньги въ наше время; число чиновниковъ и размѣръ ихъ жалованья были незначительны, постоянной арміи не существовало, государственный долгъ былъ неслыханною вещью, и поэтому не было ни платежа процентовъ, ни погашенія капитала. Какъ бѣденъ кажется въ сравненіи съ бургундскими герцогами потомокъ Карла V, Карлъ VI, отецъ Маріи-Терезіи, царствовавшій въ XVIII ст. надъ Бельгіею, Богеміею, Австріею, Неаполемъ, Сициліею, Ломбардіею и нѣмецкою имперіею и при всемъ этомъ имѣвшій всего сорокъ мильоновъ доходу! Въ приложеніи къ сочиненію Оливье мы находимъ также нѣчто въ родѣ бюджета бургундскаго двора, гдѣ выставлены конечно большею частію одни придворные расходы (état de la maison du duc Charles). Понятно, что мы напрасно стали бы искать у Оливье философіи жизни и исторіи; нѣтъ у него также проницательности Филиппа Комина, который искрененъ, наивенъ и простъ, какъ швейцарецъ, желающій надуть, но ускользаетъ изъ рукъ прежде, чѣмъ успѣешь оглянуться. Въ Оливье вездѣ виденъ придворный, онъ не пропускаетъ ни одного празднества, ни одного турнира и всегда очень точенъ и подробенъ, когда дѣло идетъ о церемоніалѣ. Такъ напр. онъ пускается въ совершенно серьезное разсужденіе о томъ, почему Филиппъ Добрый Бургундскій, бывшій вассаломъ нѣмецкой имперіи, не слѣзъ съ лошади при первомъ свиданіи своемъ въ Безансонѣ въ 1442 г. съ императоромъ Фридрихомъ III. Оливье приписываетъ чрезвычайную важность тому, что этотъ императоръ настоятельно просилъ герцога ѣхать вмѣстѣ съ нимъ подъ балдахиномъ, а тотъ упорно отказывался. Оливье опредѣляетъ самымъ точнымъ образомъ разстояніе между герцогомъ и императоромъ, когда они ѣхали вмѣстѣ. Напротивъ того, о важныхъ послѣдствіяхъ смерти Карла и о дѣлахъ Максимиліана онъ говоритъ такъ же коротко, какъ Коминъ подробно.

Мемуары Жака дю-Клерка, отысканные и напечатанные только въ XVIII ст. и обнимающіе періодъ 1448 до 1467 г., ничѣмъ не отличаются отъ другихъ хронологическихъ указаній относительно содержанія, языка и формы изложенія, поэтому мы не останавливаемся на нихъ и прямо переходимъ къ мемуарамъ Филиппа Комина. Эти мемуары—первое, дѣйствительно историческое сочиненіе, которое въ XVI и XVII ст. много читалось и часто перепечатывалось по сю сторону Альповъ на отечественномъ языкѣ. Еще въ началѣ XVIII ст. оно было издано въ пяти томахъ in octavo сначала въ Брюсселѣ, 1735 г., а потомъ въ 1747 г. Лангле дю-Френуа, который присоединилъ къ нему комментаріи и 424 документа; этимъ послѣднимъ изданіемъ воспользовались для полнаго собранія мемуаровъ. Добрый Лангле—прилежный собиратель и хорошій знатокъ хронологіи и фактовъ, но сужденія его, на нашъ взглядъ, плохи. Онъ говоритъ, что Коминъ ни Діодоръ, ни Ливій, но то Ѳукидитъ или Полибій, то Тацитъ или Саллюстій, такъ что выходитъ, что Коминъ ни то, ни се или совсѣмъ ничто. Но Коминъ—совершенно оригинальный писатель (историкъ sui generis), который подъ прикрытіемъ древняго языка и наивнаго тона проповѣдуетъ хитрость и житейскую мудрость. Поэтому Карлъ V, этотъ мастеръ въ искусствѣ притворяться и пускать въ ходъ политическую и дипломатическую ложь, поступилъ совершенно основательно, сдѣлавъ своею настольною книгою и руководствомъ сочиненіе Комина, начинающееся вступленіемъ автора въ службу его прадѣда. Мемуары Комина, содѣйствовавшіе къ распространенію эгоистической и пагубной итальянской политики, прикрытой привлекательною внѣшностью, надѣлали тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ много шуму во всѣхъ уголкахъ Европы. Это доказываютъ многочисленные переводы ихъ на всѣ новые языки и на латинскій. Простой перечень этихъ переводовъ еще яснѣе доказалъ бы это, но мы не станемъ его дѣлать, потому что пишемъ не для ученыхъ. Впослѣдствіи (въ исторіи литературнаго развитія въ XVI ст.) мы покажемъ, что Монтань разработывалъ философію точно такъ же, какъ Коминъ — исторію. Оба эти писателя до сихъ поръ считаются во Франціи образцами и мастерами, каждый по своему отдѣлу. Они удовлетворяли національному вкусу, изобиловали анекдотами, были весьма практичны и ловки, никого не оскорбляли дерзостью, говорили задушевнымъ и естествен-

нымъ языкомъ, и сквозь все это просвѣчивала плутовская ловкость. Поэтому неудивительно, что Монтань такъ высоко цѣнитъ Комина.

Коминъ былъ обязанъ полнымъ усовершенствованіемъ своего огромнаго таланта обстоятельствамъ своего времени и тѣмъ, въ которыя его поставили судьба и его собственная хитрость, а также духу, господствовавшему въ его время между итальянцами. Во время своего пребыванія въ Бургундіи и при дворѣ Лудовика XI, онъ жилъ именно въ томъ кругу, гдѣ каждый хитрый политикъ или полезный для правительства человѣкъ, къ какому бы сословію ни принадлежалъ, находилъ себѣ почетное мѣсто и гдѣ шли совѣщанія обо всѣхъ европейскихъ дѣлахъ. Личность Комина придаетъ его разсказамъ совершенно своеобразный характеръ: въ его вѣдѣніи находились важнѣйшія секретныя дѣла, но о своей дѣятельности онъ говоритъ лишь на столько, на сколько можно было уважительно отзываться о ввѣренныхъ ему дѣлахъ. Впрочемъ — и это дѣлаетъ ему величайшую честь, какъ дѣловому человѣку — онъ совершенно откровенно сознается, что хотя ему была извѣстна существовавшая уже со времени бѣгства Лудовика XI въ Бургундію смертельная вражда между королемъ и Карломъ Смѣлымъ, онъ оставался тайнымъ приверженцемъ Лудовика въ то самое время, когда находился на службѣ Карла; впослѣдствіи онъ перешелъ на службу Лудовика потому, что своимъ опытнымъ и строго-политическимъ взглядомъ давно уже предусмотрѣлъ, что Карлъ погубитъ себя своею политикой. Коминъ былъ въ милости въ теченіе царствованія Лудовика XI, но по смерти его подвергался сильнымъ гоненіямъ, пока Карлъ VIII, обращавшій вниманіе только на Италію, принялъ его на службу; вслѣдствіе своего итальянскаго образованія и совершенно итальянскаго взгляда на людей и государственный бытъ, Коминъ принесъ большую пользу и до 1509 г. оказывалъ важныя услуги.

Способъ изложенія событій, употреблявшійся Коминомъ, всегда будетъ удовлетворять вкусу кабинетныхъ людей и массы, не любящей ничего рѣшительнаго и предпочитающей разумное и практическое благородному и идеальному. Справедливость этого мнѣнія мы могли бы легко доказать или по крайней мѣрѣ объяснить примѣрами, заимствованными изъ нашего времени. Коминъ держится того принципа, которому слѣдуютъ шарлатаны для излеченія мнимо-больныхъ. (Mundus vult decipi.) По его мнѣнію, свѣтъ устроенъ такъ, что человѣку живется по пословицѣ: какъ аукнется, такъ и откликнется; — поэтому онъ порицаетъ чрезмѣрную жестокость только какъ дѣло неполитическое, не имѣющее возможности долго держаться, а безумную отвагу, излишнюю поспѣшность и вспыльчивость только потому, что эти свойства не могутъ привести къ желанной цѣли. Объ ужаснѣйшихъ дѣлахъ, которыя Лудовикъ XI считалъ необходимымъ совершать для достиженія своей цѣли, онъ говоритъ съ полнѣйшимъ спокойствіемъ, и его не приводятъ въ негодованіе ни желѣзная клѣтка, въ которой Лудовикъ XI по цѣлымъ годамъ мучилъ кардинала де-ля Балю и другихъ (см. стр. 73), ни страшнѣйшія преслѣдованія его, ни безчеловѣчные поступки. Коминъ совершенно подробно описываетъ дѣйствія Лудовика, коварство, клятвопреступничество, подкупы, измѣну и другія преступленія, которыя служили королю политическими средствами,—и при этомъ не обнаруживаетъ особеннаго неудовольствія, хотя и не старается софизмами оправдать образъ дѣйствій короля. Онъ холоденъ, какъ и долженъ быть дипломатъ; вся цѣль его состоитъ, повидимому, только въ томъ, чтобы оправдать себя въ участіи въ дурныхъ дѣлахъ, на которыя его употребляли. Онъ хочетъ намъ показать, какіе совершались политическіе промахи и въ какихъ случаяхъ принимались умныя политическія мѣры. Наивность, которую мы находимъ въ немъ, принадлежитъ не ему, а его времени; самъ онъ обнаруживаетъ холодную и практичную образованность геніальныхъ итальянцевъ, стоявшихъ выше своего времени и смотрѣвшихъ на всѣхъ менѣе образованныхъ людей какъ на свои орудія. Онъ вращается въ сферѣ современныхъ ему дворовъ и дѣловыхъ людей, не отступавшихъ ни предъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей и принимавшихъ мелочную хитрость за умъ; къ этой сферѣ замѣчанія и правила его подходятъ какъ нельзя лучше. Безспорно, что Коминъ историкъ совершенно оригинальный. Онъ понималъ свое время лучше всѣхъ своихъ современниковъ, и описалъ всѣ событія лучше и полнѣе, чѣмъ кто-либо; но подобно Гвиччіардини и Маккіавелли, онъ писалъ не для народа, а для двора и

дипломатовъ. Онъ даетъ историческое объясненіе многочисленнымъ теоріямъ, писавшимся въ то время итальянцами для придворныхъ, правителей и министровъ и распространявшимся на итальянскомъ или латинскомъ языкѣ по сю сторону Альпъ.

Слейданусъ, которому мы обязаны превосходными историческими трудами, перевелъ въ XVI ст. (1548 г.) на латинскій языкъ мемуары Комина, какъ всеобщую исторію его времени, и по этому случаю комментировалъ сочиненіе историка времени Лудовика XI и Карла VIII, писавшаго, какъ Гвиччіардини, преимущественно для дипломатовъ; ради важности мемуаровъ мы приведемъ нѣкоторыя замѣчанія ихъ комментатора. Мы дѣлаемъ это не столько для того, чтобы произнести свое мнѣніе, сколько для того, чтобы показать, какъ смотрѣли на Комина въ XVI ст. и ставили его мемуары на ряду съ комментаріями Цезаря и историческими картинами Саллюстія. Вслѣдствіе этого, да и потому, что это не идетъ здѣсь къ дѣлу, мы пропускаемъ все, что Слейданусъ, по обыкновенію своего времени любящій толковать о постороннихъ предметахъ, говоритъ объ обязанностяхъ историка вообще и въ особенности тѣхъ, которые описывали то, что сами видѣли и въ чемъ принимали участіе; точно также мы пропускаемъ его замѣчанія о Цезарѣ и Саллюстіѣ. Слейданюсъ сознается, что Коминъ былъ весьма мало знакомъ съ латинскимъ языкомъ и съ книгами, написанными на немъ, но говоритъ, что онъ былъ очень уменъ и часто употреблялся какъ посланникъ и какъ совѣтникъ при самыхъ тайныхъ совѣщаніяхъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ того бурнаго времени. Вслѣдствіе этого — говоритъ Слейданусъ — у Комина можно найти извѣстія только о тѣхъ предпріятіяхъ, которыя имѣли значеніе. О нихъ онъ говоритъ по собственному опыту, очень подробно и безъ всякихъ софистическихъ выводовъ въ пользу или противъ какого-нибудь дѣла. Въ этомъ мы совершенно согласны съ Слейданусомъ, на основаніи нашего собственнаго знакомства съ Коминомъ. Коминъ—продолжаетъ Слейданусъ—никогда не хвалитъ своихъ соотечественниковъ или людей своего званія въ ущербъ прочимъ; королей, осыпавшихъ его высокими милостями, онъ хвалитъ только тогда, когда они дѣйствительно заслуживаютъ этого. Напротивъ того, онъ гораздо чаще указываетъ на тѣ случаи, когда короли грѣшили и не искупали своихъ ошибокъ. Къ своему повѣствованію онъ присоединяетъ также множество мудрыхъ изреченій (сентенціи). По мнѣнію Слейдануса, Коминъ достаточно доказалъ, что прежніе свои совѣты, крайне несогласные съ нравственностью, онъ давалъ лишь по обязанности и по политической необходимости. Онъ доказалъ это рѣчью, сказанною въ парламентѣ, когда по смерти Лудовика XI онъ былъ заключенъ, какъ государственный преступникъ, въ тюрьму и преданъ уголовному процессу, а также когда находился въ немилости по смерти своихъ покровителей, Лудовика XI и Карла VIII.

Не только императоръ Карлъ V, но и все XVI ст. смотрѣло на Комина какъ на полнѣйшаго представителя практической политики Италіи, распространившейся въ XVI и XVII ст. по всей Европѣ; этотъ взглядъ былъ развитъ въ такой сильной степени, что къ изданіямъ его сочиненій обыкновенно присоединяли теорію политики, вытекающую изъ его мемуаровъ и на которой основано повѣствованіе. Чтобы разъяснить это примѣромъ, мы укажемъ только на одно изъ теоретическихъ сочиненій, которыя мы часто находили въ прибавленіи къ запискамъ Комина,—именно на 362 правила для придворныхъ и политиковъ, извлеченныя изъ старыхъ и новыхъ политическихъ писателей, вкратцѣ изложенныя на латинскомъ языкѣ Дури де-Пасколо (Aulicus Politicus, diversis regulis etc). Правила эти, по словамъ автора, могутъ быть подтверждены примѣрами, заимствованными у Гвиччіардини, Латтини, Сансовини и Комина. Но мы не будемъ дѣлать извлеченій изъ нихъ, хотя они представляютъ собою полную тогдашнюю теорію придворной жизни. Мы приведемъ изъ нея только нѣсколько положеній, чтобы выказать въ болѣе ясномъ свѣтѣ различіе между философскою и политическою исторіографіею. Такъ, напр., тринадцатое изъ этихъ 362 правилъ придворной мудрости даетъ явное указаніе причины, побудившей Комина искать себѣ пристани при дворѣ Лудовика XI въ то время, когда онъ находился еще въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Карломъ Смѣлымъ. «Это потому—говоритъ теорія, что положеніе придворныхъ особенно печально тѣмъ, что послѣ всевозможныхъ

лишеній и трудовъ, переносимыхъ ими для ихъ государей, какъ при самомъ дворѣ, такъ и въ отдаленіи отъ него (domi et foris), они все-таки должны пасть вслѣдствіе интригъ и клеветы самыхъ злыхъ людей (impudico rabulae et canis curiarum ore); поэтому каждый придворный, въ самомъ началѣ своей карьеры, долженъ позаботиться о томъ, чтобы войти въ сношенія съ другими государями и, оказавъ услуги вліятельнымъ людямъ другихъ государствъ, поставить ихъ въ необходимость помогать имъ въ случаѣ нужды». Двадцатое правило гласитъ: «Умный совѣтникъ государя въ очевидно опасныхъ и важныхъ дѣлахъ всегда выскажетъ совершенно откровенно свое мнѣніе (что дѣлалъ и Коминъ, какъ ни опасно это было въ отношеніи къ Лудовику XI) и не станетъ искать достаточныхъ основаній для обѣихъ сторонъ вопроса (huc vel illuc, interpretationem trahere) или бояться употребить опредѣленное выраженіе, но назоветъ каждую вещь по имени». Въ тридцать четвертомъ правилѣ, которому Коминъ также неуклонно слѣдовалъ, читаемъ: «Умный политическій дѣятель долженъ заботиться о томъ, чтобы никогда не оставаться безъ какого нибудь дѣловаго порученія; потому что молва о томъ, что въ рукахъ его было много разнородныхъ дѣлъ, придастъ ему большое значеніе».

III. Нѣмецкая образованность и литература до Лютера.

(Дополненіе къ статьѣ о нѣмецкой литературѣ XV ст., помѣщенной въ III томѣ.)

1. Императоръ Максимиліанъ I и историческія сочиненія его друзей и слугъ.

Императоръ Фридрихъ III и его сынъ Максимиліанъ I были оба образованны, отъ всей души желали покровительствовать наукѣ и были нерѣдко счастливы въ выборѣ людей, которымъ оказывали покровительство; такъ оба они были искренно преданы Рейхлину, а Максимиліанъ еще въ 1517 г. возложилъ на Ульриха фонъ-Гуттена вѣнецъ поэта; но ни тотъ, ни другой не имѣлъ изящнаго вкуса. Это доказываетъ между прочимъ Вейскунигъ, романическое сочиненіе, написанное или, скорѣе, продиктованное ученымъ и знакомымъ съ древними языками императоромъ Максимиліаномъ; онъ изложилъ въ немъ исторію своего воспитанія, своихъ приключеній и подвиговъ. Будь этотъ толстый фольянтъ написанъ просто, онъ былъ бы единственнымъ и неоцѣненнымъ пріобрѣтеніемъ для нѣмецкой исторіи; но напичканный императорскими причудами, онъ ничто иное, какъ фонарь безъ свѣта (monstrum herrendum, ingens, cui lumen ademtum). Это было тѣмъ болѣе вредно для нашей исторіи, что, какъ извѣстно, подобныя причуды въ Германіи очень заразительны. Вслѣдствіе этого сочиненіе Максимиліана, въ которомъ онъ описалъ свою жизнь и дѣянія своихъ предковъ, и матеріалы, собранные имъ для этого труда, не имѣли для нѣмецкой литературы никакого результата; нація получила неудобочитаемое, громадное сочиненіе въ стихахъ и толстый фольянтъ въ прозѣ, украшенный множествомъ превосходныхъ рисунковъ на деревѣ и наполненный педантическими и безвкусными или, скорѣе, аллегорическими загадками. По этой причинѣ мы ограничимся немногими литературными замѣчаніями о «Вейскунигѣ»; было бы излишне останавливаться на содержаніи сочиненія, не имѣвшаго ни малѣйшаго вліянія на націю. Максимиліанъ, возымѣвъ намѣреніе написать «Вейскунига», сталъ собирать матеріалы для исторіи своего отца и въ то же время диктовалъ своему секретарю, Маркусу Трейцзауервейну-фонъ-Эрентрейцъ, разныя подробности изъ своей собственной исторіи. Эти подробности касались его воспитанія, занятій, празднествъ, охотъ, походовъ и т. п. Но въ нихъ никто не назывался по имени, и то, что должно было имѣть историческій характеръ, сдѣлалось по множеству нелѣпыхъ аллегорій и символовъ педантическою, лишенною всякаго изящества загадкой. Тутъ рѣчь идетъ о старомъ и молодомъ Вейскунигѣ, о синемъ, зеленомъ и молодомъ короляхъ, съ которыми Вейскунигамъ приходилось имѣть дѣло, о коричневомъ обществѣ и т. п., такъ что читатель рѣшительно сбивается съ толку. Диктовка и писаніе продолжались съ большими антрактами нѣсколько лѣтъ, и дѣло все-таки не подвига-

лось къ концу; въ этомъ отношеніи книга Максимиліана по крайней мѣрѣ сходна со всѣми нѣмецкими трактатами. Наконецъ въ 1514 г. большая часть частныхъ подробностей была собрана, и Трейцзауервейну было поручено соединить ихъ въ одно цѣлое, а Гансъ Бургмейеръ, величайшій художникъ того времени, дѣлалъ къ сочиненію удивительные рисунки на деревѣ; авторъ хотѣлъ, чтобы оно было издано съ царственною роскошью. Но скоро оказалось, что безъ подробныхъ объясненій никто не пойметъ эту странную книгу. Даже сотрудничавшій въ ней секретарь не могъ разгадать писавшіяся имъ самимъ загадки и долженъ былъ спрашивать императора, который часто и самъ не зналъ, что собственно хотѣлъ сказать. Вслѣдствіе этого Трейцзауервейнъ завелъ себѣ вопросную книгу для того, чтобы императоръ при случаѣ вносилъ въ нее отвѣты. Но въ этомъ снова прошло довольно много времени. Самъ императоръ умеръ прежде, чѣмъ книга могла появиться въ свѣтъ, а внуку его, императору Карлу V, было совсѣмъ не до изданія Вейскунига; поэтому дѣло такъ и осталось въ прежнемъ положеніи. Лучшій манускриптъ фоліанта перешелъ въ Амбрасъ въ Тиролѣ, а потомъ въ императорскую вѣнскую библіотеку; но драгоцѣнные рисунки Бургмейера были долгое время затеряны, пока наконецъ ихъ снова нашли въ Грецѣ въ Штиріи. Въ 1775 г. Курцбёкъ въ Вѣнѣ напечаталъ ихъ вмѣстѣ съ полнымъ текстомъ, объясненнымъ учеными примѣчаніями.

Еще при жизни Максимиліана и тотчасъ послѣ его смерти появилась въ роскошномъ изданіи, подъ заглавіемъ **Theuerdank**, поэтическая обработка Вейскунига, равно невыносимаго какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Мельхіоръ Финцингъ, нюрнбергскій патрицій, былъ однимъ изъ секретарей Максимиліана и сдѣлалъ изъ его рукописи извлеченіе, написанное страшными стихами, которое появилось въ 1517 г. въ Нюрнбергѣ роскошнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: «Опасности и часть приключеній достославнаго и воинственнаго героя и рыцаря Тейерданка». Это изданіе (маленькій фольянтъ) весьма рѣдко. Вмѣстѣ съ нимъ въ гейдельбергской библіотекѣ хранится изданіе in-quarto 1519 г., появившееся въ Аугсбургѣ и напечатанное такъ, что долго думали, да и мы не могли бы подумать иначе, что оно все вырѣзано на деревѣ; работа такъ тонка, какъ будто шрифтъ и гравюры были гравированы на мѣди. Эти изданія Тейерданка доказываютъ, что искусство рисованія и рѣзьбы на деревѣ достигло въ Нюрнбергѣ и Аугсбургѣ высшей степени совершенства, между тѣмъ какъ поэзія сдѣлалась обыкновеннымъ нюрнбергскимъ товаромъ. Поэтому и стихоплетство Тейерданка въ изданіи 1519 имѣетъ высокую цѣну по заключающимся въ немъ драгоцѣннымъ рисункамъ Ганса Шейфелина. Въ наше время Тейерданкъ сдѣлался до такой степени доступенъ большинству публики, что мы можемъ ограничиться самымъ короткимъ упоминовеніемъ о немъ; этотъ увѣсистый трудъ Мельхіора Финцинга былъ снова изданъ въ 1836 г. во второй части библіотеки нѣмецкой національной литературы; къ этому изданію было присоединено историко-критическое введеніе Карла Галтауса, заключающее въ себѣ все, что можно сказать объ этой книгѣ и что было сказано и написано о ней. Мы приведемъ здѣсь только начальные стихи сочиненія и вкратцѣ разскажемъ содержаніе его; дѣлаемъ это для того, чтобы доказать, что эта книга, подобно многимъ людямъ, цѣнилась выше своей дѣйствительной стоимости. Она начинается рожденіемъ Маріи Бургундской, отецъ которой называется Румрейхъ. Вотъ это начало:

Als Hymel und Erd beschaffen warn
Vor sechstausend vierhundert jarn.
Darzu auch noch virzig und vier,
Was ein Künig umb die refier
Gen den niedergang der Sunnen,
Der het manches landt gewunnen
Mit seiner ritterlichen Handt,
Rumreich was derserb Künig genanndt.
An Landen, Leuten und Gelt reich,
Derselben Zeit lebt nit sein gleich.
Dem gab got bey dem gemahel Sein
Ein einige Tochter hübsch und fein,
Die Sy Erereich nennten, darumb
Dann Sy was gar erlich und frumb.

За этимъ слѣдуетъ предисловіе, въ которомъ такими же ужасными стихами разсказывается, какъ король Румрейхъ умираетъ, и королева Эренрейхъ послѣ многихъ совѣщаній и затрудненій дѣлается невѣстою благороднаго Тейерданка. Эти разсказы представлены въ одинадцами фигурахъ, которыя составляютъ столько же отдѣловъ. Въ первой книгѣ разсказывается, какъ герой сходится съ старшиною Фюрвицомъ, который знакомитъ его съ опасными послѣдствіями юношескаго легкомыслія,—наглядно представленными въ трипадцати слѣдующихъ фигурахъ. Затѣмъ во второй книгѣ описывается, какъ старшина Унфаль (Неудача) запуталъ благороднаго рыцаря Тейерданка въ большія и важныя дѣла, и какъ рыцарь перенесъ все это умно и весело. Это представлено въ 15 фигурахъ. Въ третьей книгѣ старшина Нейдгардъ (Зависть) навлекаетъ на рыцаря всевозможныя бѣдствія подстрекательствомъ завистниковъ и недоброжелателей, вѣроломствомъ, измѣною и т. п. Это раздѣлено на 23 фигуры. Въ заключеніе, послѣднія 20 фигуръ показываютъ, говоря словами Мельхіора Финцинга, старость дорогаго рыцаря (Максимиліана), его побѣды, добродѣтельныя дѣла, жизнь и смерть.

2. Борьба Рейхлина, Ульриха фонъ-Гуттена и ихъ друзей съ варварствомъ, невѣжествомъ и фанатизмомъ.

Въ III т. этого сочиненія (стр. 187) мы замѣтили, что уже въ половинѣ XV ст. многіе нѣмцы старались распространять между своими соотечественниками свѣтъ, занявшійся въ Италіи, но что въ концѣ столѣтія всѣ эти люди заключили между собою тѣсный дружескій союзъ и по образцу вольной итальянской академіи составили рейнское общество для разработки гуманныхъ наукъ. Лоренцо Медичи этой нѣмецкой академіи былъ Іоганнъ Дальбергъ, хотя жившій въ Ладенбургѣ, но какъ епископъ вормсскій и пфальцскій канцлеръ—сдѣлавшій гейдельбергскій университетъ сборнымъ мѣстомъ людей, получившихъ въ Италіи сочувствіе къ новой цивилизаціи и литературѣ. Здѣсь мы только дополнимъ то, чего не коснулись въ предъидущемъ томѣ не только для того, чтобы дать полныя свѣдѣнія, сколько чтобы показать, какъ долго Германія была покрыта сумракомъ, прежде чѣмъ свѣтъ озарилъ ее съ появленіемъ Лютера. Къ несчастію, вслѣдъ за этимъ событіемъ новая догматика и новая богословская полемика снова затемнили истинную цивилизацію. Впрочемъ это время борьбы душъ свободныхъ съ рабскими, развитія ума и сердца съ механически пріобрѣтенною діалектическою ловкостью и зубреніемъ описывалось такъ часто, что мы не можемъ включить въ общую исторію полныя свѣдѣнія объ этихъ людяхъ и ихъ литературныхъ произведеніяхъ. При томъ же, Мейнерсъ въ концѣ прошлаго столѣтія, а Эргардъ въ настоящемъ *) представили въ такой полнотѣ матеріалъ, необходимый для изученія этого времени, что мы считаемъ достаточнымъ ограничиться тѣмъ, что встрѣтилось намъ самимъ при историческомъ изученіи этого періода. Чтобы доказать важность услуги, оказанной тогдашними учеными народу, мы бы сдѣлали извлеченіе изъ сочиненія Рудольфа Агриколы и его друзей, еслибы Эргардъ (т. I, стр. 187—192) уже не выполнилъ этого. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ результатъ стремленія этихъ ученыхъ, бывшихъ для народа несравненно полезнѣе нынѣшнихъ, утвердить на новыхъ началахъ всю современную имъ цивилизацію **). Агрикола, какъ впослѣдствіи Петръ Рамусъ, считалъ господствовавшую во то время аристотелевскую философію, къ которой, какъ извѣстно, и Лютеръ питалъ глубочайшую ненависть, главнымъ препятствіемъ къ радикальному образованію народа. Онъ не былъ такъ счастливъ, какъ Петръ Рамусъ, потому что ему былъ противенъ духъ партій, какъ благородному человѣку, лю-

---

*) Geschichte des Wiederaufblühens der wissenschaftlichen Bildung in Deutschland 3 тома 1827—1832,

**) Libellus de formando studio vere aureus, dignus; qui studiosorum omnium manibus teratur, cujus auctores sunt doctissimi viri Rodolphus Agricola, Erasmus Roterodamus Philippus Melanchthon. Coloniae. 1532,

бившему образованіе ради его самого, а не для собственной славы. Рамусъ основалъ многочисленныя школы рамистовъ, Агрикола же довольствовался тѣмъ, что написалъ книгу (De inventione dialectica, Лёвенъ, 1515 г.), имѣвшую цѣлью преобразованіе господствовавшей въ то время системы логики.

Въ кружкѣ людей, которые, не нападая на церковную вѣру, старались улучшить жизнь и занятія наукой по итальянскому образцу, главную роль игралъ Іоганнъ Рейхлинъ, братъ котораго, Діонисій, былъ профессоромъ греческаго языка въ Гейдельбергѣ и принадлежалъ къ рейнскому обществу. Жизнь Рейхлина, его дѣйствія и сочиненія ясно доказываютъ, что развитіе отдѣльныхъ отраслей науки было въ большей части случаевъ (ибо исключенія бываютъ во всемъ) скорѣе вредно, чѣмъ полезно: ученое развитіе часто мѣшало умственному и спеціальность развивалась во вредъ стремленію къ общесторонней образованности (вопреки правилу—homo sum et nihil humanum a me alienum puto). Такимъ образомъ спеціальность поглощаетъ науку, особенно у юристовъ и естествоиспытателей. Поэтому мы обращаемъ особенное вниманіе на то, что Рейхлинъ сначала былъ юристомъ и даже въ теченіе одиннадцати лѣтъ занималъ должность судьи въ Швабскомъ союзѣ, но тѣмъ не менѣе положилъ въ Германіи начало изученію греческаго языка, въ чемъ ему помогали его друзья, и изученію еврейскаго почти безъ посторонней помощи, созданію нѣмецкой сцены и отнятію у монаховъ образованія юношества. Въ распространеніи еврейскаго языка послѣдователями его были Конрадъ Пелликанъ, Іоганнъ Бёшенстайнъ и Себастіанъ Мюнстеръ, но первые два далеко отстали отъ него. Въ нѣмецкій языкъ, на которомъ Рейхлинъ очень хорошо писалъ, онъ также старался внести образованный тонъ и ту тонкость выраженій и оборотовъ, которой нѣтъ и слѣда ни въ стихахъ Тейерданка, ни въ прозѣ Вейскунига. Своими трудами Рейхлинъ побуждалъ знатныхъ людей, каковы Дитрихъ фонъ Плеунингенъ, Бернгардъ Шёфферъ и другихъ, переводить иностранныхъ писателей и тѣмъ содѣйствовать усовершенствованію отечественнаго языка.

Іоганнъ Рейхлинъ родился въ Форцгеймѣ и сперва приготовлялся къ юридической карьерѣ; воспитаніе его способствовало къ развитію въ немъ желанія ознакомиться со всѣми науками своего времени. Въ 1473 и 1474 годахъ онъ учился въ Парижѣ у одного нѣмца, который былъ равно силенъ въ грамматикѣ, философіи и богословіи и прославился сочиненіемъ о литургіи. (Resolutiones dubiorum circa missae celebrationem). Этотъ человѣкъ, о которомъ мы уже прежде упоминали (стр. 171), назывался въ Германіи Іоганнъ Гейнлинъ фонъ-Штейнъ, у французовъ—де-ла-Пьерръ; ученое имя его было а-Лапидэ, и въ 1469 г. онъ былъ ректоромъ въ Парижѣ. Онъ-то главнымъ образомъ побудилъ въ 1470 г. Йеринга перенести свою типографію въ Сорбонну. Впослѣдствіи (1477 г.) Гейнлинъ фонъ-Штейнъ принималъ участіе въ учрежденіи Тюбингенскаго университета, и былъ потомъ профессоромъ не только въ этомъ университетѣ, но и въ Базелѣ, гдѣ поступилъ въ картезіанскіе монахи; но и въ это время покаянія и отреченія отъ міра онъ приносилъ знаменитымъ типографщикамъ братьямъ Амербахъ такую же пользу своими совѣтами, какую прежде Рейхлину своими уроками. Въ одно время съ Гейнлиномъ читалъ въ Парижѣ лекціи греческаго языка Гермонимъ изъ Спарты, и Рейхлинъ, учившійся сперва у него, по пріѣздѣ въ 1475 г. въ Базель, продолжалъ свои занятія подъ руководствомъ другаго грека, Андроника Контоблакаса. Въ Базелѣ онъ встрѣтилъ благороднаго и набожнаго Іоганна Весселя изъ Гренингена, о которомъ мы уже упоминали въ III томѣ (стр. 187). Послѣдній долженъ былъ оставить Парижъ по подозрѣнію въ отступничествѣ отъ католицизма. Рейхлинъ былъ обязанъ ему многимъ и между прочимъ первыми свѣдѣніями въ еврейскомъ языкѣ. Тѣ самые братья Амербахъ, которымъ впослѣдствіи Гейнлинъ фонъ-Штейнъ принесъ пользу своими совѣтами, поручили въ то время двадцатилѣтнему Рейхлину составить одинъ изъ первыхъ словарей для школьнаго употребленія (Breviloquus) и напечатали его. Въ Базелѣ Рейхлинъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимался изученіемъ новой науки, которую онъ и его друзья черпали изъ древнихъ писателей. Получивъ полное классическое образованіе, онъ отправился въ Орлеанъ и Пуатье, гдѣ господствовало изученіе древняго римскаго права, какъ классической науки въ тѣсной связи съ тѣмъ, что мы называемъ теперь филологіей. И тамъ онъ продолжалъ заниматься до

тѣхъ поръ, пока не отправился въ Тюбингенъ, какъ практическій дѣлецъ и юристъ. Графъ Эбергардъ Старшій или Набожный Виртембергскій взялъ его къ себѣ въ секретари. Въ 1428 г. Эбергардъ отправился на богомолье въ Италію и взялъ съ собою Рейхлина. Тамъ Рейхлинъ пользовался уваженіемъ какъ государственный человѣкъ, и ученый Лоренцо Медичи и Марсилій Фицинъ подружились съ нимъ и посвятили его во всѣ тайны мистическаго платонизма. Когда впослѣдствіи (1489) графъ еще разъ послалъ его въ Италію, онъ познакомился съ Пико де Мирандола и почерпнулъ у него познанія въ восточно-платонической философіи; но его корреспонденція доказываетъ, что онъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ болѣе свѣтлыми умами, пламенно стремившимися къ возстановленію древней, здоровой научной жизни. Его мистицизмъ и увлеченіе относятся какъ разъ къ тому времени, когда онъ занимался юридическими и дипломатическими дѣлами Эбергарда и ѣздилъ къ императору Фридриху III и Максимиліану I, сдѣлавшимъ его членомъ своего тайнаго совѣта и давшимъ ему мѣсто и голосъ въ коллегіяхъ.

Со смертію Эбергарда обстоятельства такъ измѣнились въ Виртембергѣ, что Рейхлинъ былъ принужденъ совершенно отказаться отъ дѣлъ и для поддержанія существованія заниматься литературой. Будучи другомъ набожнаго Эбергарда, онъ продолжалъ заниматься науками и языками не ради выгоды и употребленія, но изъ удовольствія; не смотря на это, Фридрихъ III и Максиміламъ I не считали его за его идеализмъ человѣкомъ непрактичнымъ и негоднымъ, какъ сочли бы теперь. Послѣ смерти Эбергарда онъ самъ нашелъ въ наукѣ больше утѣшенія и славы, чѣмъ могли ему доставить титулы и почетныя должности. Впрочемъ онъ приносилъ нѣмецкой наукѣ пользу и другимъ путемъ: его корреспонденція доказываетъ, что онъ умѣлъ воспользоваться знакомствами, составленными имъ во время путешествій и въ качествѣ министра Эбергарда,—благодаря имъ онъ обогатилъ Германію рѣдкими манускриптами классическихъ сочиненій. Въ III томѣ мы уже говорили (стр. 683), что его другъ Рудольфъ Агрикола былъ счастливѣе его въ собраніи матеріаловъ и что собранныя послѣднимъ рукописи положили основаніе знаменитой гейдельбергской библіотекѣ. Въ то время когда Рейхлинъ жилъ въ Вѣнѣ въ качествѣ юриста и государственнаго человѣка, ученый талмудистъ Іаковъ Іегіель Лоансъ, котораго императоръ сдѣлалъ рыцаремъ и своимъ лейбъ-медикомъ, посвятилъ его во всѣ тонкости еврейской грамматики; еврейскій языкъ онъ самъ уже давно изучилъ. Онъ до такой степени убѣдился въ необходимости пользоваться евреями для точнаго знакомства съ еврейскимъ языкомъ и объясненія ветхаго завѣта, что, не смотря на свой спокойный и осторожный характеръ, непоколебавшійся даже при появленіи Лютера, совершенно измѣнилъ ему, когда одинъ фанатическій инквизиторъ захотѣлъ истребить еврейскія книги. Мы должны остановиться нѣсколько подробнѣе на этой исторіи, потому что она надѣлала много шуму, и исходъ ея былъ гибеленъ для нѣмецкаго обскурантизма, такъ какъ всѣ здоровые умы соединились противъ схоластическаго направленія школъ и осмѣяли стремленія своихъ невѣжественныхъ враговъ.

По смерти Эбергарда Старшаго въ 1495 г., управленіе Виртембергскимъ государствомъ перешло въ руки распутнаго Эбергарда II, которому долженъ былъ впослѣдствіи наслѣдовать его старшій племянникъ Ульрихъ, бывшій при смерти Эбергарда I десятилѣтнимъ мальчикомъ. Новый государь удалилъ всѣхъ совѣтниковъ и министровъ своего набожнаго предшественника и отдалъ всѣ дѣла въ руки наглаго и безстыднаго августинскаго монаха Гольцингера, котораго Эбергардъ I держалъ въ тюрьмѣ. Эта перемѣна заставила Рейхлина оставить Виртембергъ, потому что Эбергардъ II и его руководитель Гольцингеръ были лично раздражены противъ него. Первый потому, что Рейхлинъ, по приказанію своего государя Эбергарда I, положилъ предѣлъ постыдной и распутной жизни наслѣдника престола; второй потому, что въ 1488 г. Рейхлинъ арестовалъ его въ Майнцѣ и посадилъ въ тюрьму въ Тюбингенѣ за то, что Гольцингеръ вовлекалъ молодаго Эбергарда во всѣ скверныя дѣла. Рейхлинъ отправился въ Гейдельбергъ и нашелъ пріютъ въ домѣ Дальберга, гдѣ и другіе ученые имѣли комнаты, но вели не особенно роскошную жизнь. Въ Гейдельбергѣ Рейхлинъ написалъ драматическую пьесу и хотѣлъ представить ее на тамошней сценѣ, чтобы отмстить обскурантамъ, стоявшимъ въ Виртембергѣ во главѣ правленія. Сюжетъ этой пьесы

составляютъ лицемѣрныя плутни негодяевъ-ханжей, особенно одного монаха Сергія, извѣстнаго изъ исторіи Магомета (т. II, стр. 276). Рейхлинъ рисуетъ монаха Сергія въ такихъ выраженіяхъ, что никто не могъ не узнать виртембергскаго монаха Гольцингера со всѣми его недостойными продѣлками. Но Дальбергъ нашелъ неудобнымъ представить эту пьесу на сценѣ; когда впослѣдствіи начался споръ съ вышеупомянутымъ инквизиторомъ, желавшимъ сжечь еврейскія книги, и когда появились письма темныхъ людей, Дальбергъ незамѣтно отдалился отъ смѣлаго ученаго. Онъ побоялся, что францисканецъ Капеллусъ, бывшій всесильнымъ въ Пфальцѣ, при дворѣ курфиста Филиппа, разсердится за сатиру Рейхлина на нищенствующіе ордена и приметъ портретъ монаха Сергія на свой счетъ. Такимъ образомъ пьеса не была представлена; но Рейхлинъ написалъ другую, комическую, которую назвалъ progymnasmata scenica. Она явилась на сценѣ, и Дальбергъ одарилъ исполнителей ея, потому что пьеса и актеры были совсѣмъ иного рода, чѣмъ драмы учениковъ въ монашескихъ школахъ и представленія бродячихъ пѣвцовъ.

Въ Гейдельбергѣ Рейхлинъ дѣятельно занимался наукою, хотя въ тоже время съ 1497 г. находился въ пфальцской службѣ; по его настоянію была основана юридическая коллегія и учреждена каѳедра греческаго языка. Любовь къ еврейскому языку онъ сохранилъ и тогда, когда въ 1498 г былъ въ третій разъ отправленъ въ Римъ съ юридическими и дипломатическими порученіями. Онъ платилъ еврею Абдіасу, дававшему ему въ Римѣ уроки, по червонцу за часъ, что показалось бы очень дорого и теперь даже въ Лондонѣ или Петербургѣ; не смотря на это, онъ не зналъ Талмуда и ни разу не видѣлъ его. Впрочемъ для него, платоника въ родѣ Марсилія Фицина, была важна не столько еврейская грамматика (хотя онъ первый сдѣлалъ ее доступною нѣмцамъ своими грамматическими фольянтами — Rudimenta hebraica, 1506 г.), сколько еврейская философія, родственная съ неоплатоническою. Мы не станемъ ни прославлять, ни рекомендовать послѣднюю, но къ чести Пико ди Мирандола, Фицина и Рейхлина сознаемся, что единственною наградою за долговременныя лишенія, перенесенныя этими людьми, которымъ мы обязаны возобновленіемъ древнихъ знаній, было то, что мы называемъ мечтательною пытливостью. Большая часть изъ нихъ жертвовала практическою выгодою для того, чтобы, углубляясь въ умозрѣніе, забывать весь внѣшній міръ. Въ этомъ обстоятельствѣ, кажется, заключается причина того, что платоническую мистику Фицина и еврейскую каббалу Рейхлинъ старался сдѣлать доступною не для массы публики, но для небольшаго числа посвященныхъ и просвѣщенныхъ. Платонизмъ его выразился въ одномъ изъ его сочиненій (de verbo mirifico, 1499 и 1514 г.), изъ котораго Эргардъ (гл. 2-я, стр. 253) сдѣлалъ пространное извлеченіе; съ іудейскою каббалою онъ познакомилъ читателей въ трехъ книгахъ о еврейской философіи талмудистовъ (De arte cabbalistica, 1517 г.). Въ 1499 г. Рейхлинъ могъ снова возвратиться въ отечество, и въ теченіе пяти или шести слѣдующихъ лѣтъ онъ и его близкій родственникъ Шварцердъ или, какъ онъ назывался въ наукѣ, Меланхтонъ, оказали въ Германіи такія же услуги въ области еврейскаго и греческаго языковъ, какія Италіи оказали итальянцы греки, по слѣдамъ которыхъ они шли. Въ теченіе слѣдующихъ одиннадцати лѣтъ Рейхлину была поручена должность союзнаго судьи, и въ этомъ званіи онъ былъ заваленъ юридическими, дипломатическими и административными дѣлами; но по выходѣ въ отставку, онъ съ удвоеннымъ рвеніемъ посвятилъ силы на распространеніе въ Германіи новаго свѣта. Мы совершенно пропускаемъ это время и тогдашнія сочиненія Рейхлина, потому что пишемъ не біографію его и не каталогъ или характеристику его сочиненій; прежде чѣмъ перейти къ его спору съ грубымъ невѣжественнымъ и фанатическимъ кёльнскимъ гонителемъ евреевъ, скажемъ нѣсколько словъ о его судейской должности. Въ началѣ XVI ст. швабскій союзъ еще существовалъ для охраненія земскаго мира. Императоръ, курфирстъ и князья назначали трехъ судей, рѣшавшихъ споры членовъ союза; Рейхлинъ былъ близкимъ другомъ Максимиліана, другіе князья тоже уважали его, поэтому его сдѣлали однимъ изъ союзныхъ судей.

Споръ его изъ-за евреевъ находится въ связи съ исторіею еврея Іоганна Фефферкорна, перешедшаго въ христіанство и желавшаго зарекомендовать себя католическому духовенству преслѣдованіемъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ. Впро-

чемъ, Рейхлинъ совершенно невинно навлекъ на себя непріятности изъ-за евреевъ; кто читалъ появившееся въ 1505 г. сочиненіе его: «Посланіе къ одному дворянину о томъ, почему евреи такъ долго пребываютъ въ бѣдственномъ положеніи» (Eine tütsch Missive an einen Iunkherrn, warumb die Iudeu solange im Ellend), никогда не подумаетъ, что онъ былъ особенно расположенъ къ этому народу. По его мнѣнію, они вполнѣ заслужили всѣ бѣдствія, преслѣдовавшія ихъ полторы тысячи лѣтъ, тѣмъ, что отвергли Мессію и что книги ихъ заключаютъ въ себѣ богохульства. Относительно послѣдняго мы приведемъ собственныя слова Рейхлина: «Надо замѣтить, что этотъ грѣхъ богохульства есть величайшій грѣхъ противъ Бога, и за него они терпятъ такое долгое наказаніе; а то, что евреи нашего времени, до тѣхъ поръ, пока они евреи, принимаютъ участіе въ такомъ богохульствѣ и чувствуютъ особенную радость, когда могутъ выдумать и сочинить что нибудь на позоръ и посрамленіе намъ, — это очевидно изъ всѣхъ ихъ дѣйствій и доказывается ихъ обыкновенными молитвами, а также книгами, которыя они пишутъ и читаютъ противъ насъ, именно книгою Ницагонъ и Брудерзоль, и молитвою Нишумадимъ». Неудивительно, что послѣ заявленія Рейхлиномъ такого мнѣнія, выкрестъ Фефферкорнъ, предпринимая родъ крестоваго похода противъ евреевъ, особенно разсчитывалъ на содѣйствіе Рейхлина, пользовавшагося покровительствомъ императора Максимиліана и имѣвшаго въ государствѣ большой вѣсъ; понятно также, что Фефферкорнъ пришелъ въ бѣшенство, когда тотъ самый Рейхлинъ выступилъ противъ него. Фефферкорнъ, обратившійся въ христіанство въ 1506 г., занимался въ 1508 и 1509 г. тѣмъ, что старался своими проповѣдями побудить евреевъ послѣдовать его примѣру; но евреи не хотѣли и слышать о немъ. Фефферкорнъ приписалъ неудачу своихъ проповѣдей еврейскимъ ученымъ и ихъ книгамъ, что, какъ мы видѣли изъ вышеприведеннаго мѣста, дѣлалъ и Рейхлинъ, съ тою лишь разницею, что не хотѣлъ, какъ Фефферкорнъ, уничтожать эти книги полицейскими мѣрами. Для осуществленія своего плана, Фефферкорнъ отправился въ Италію, гдѣ въ то время находился императоръ, и убѣдилъ ученаго Максимиліана, поручить ему сжечь всѣ еврейскія книги, содержавшія въ себѣ оскорбленія противъ христіанской религіи; 19 августа 1509 въ лагерѣ подъ Падуей императоръ далъ ему этотъ указъ, но положительно исключилъ книги религіознаго содержанія. Фефферкорнъ, не знавшій даже полатыни, самъ не добился бы этого, еслп бы его не поддержали доминиканцы и особенно реквизиторъ ихъ ордена въ Кельнѣ. Впрочемъ, вначалѣ это дѣло считали продѣлкою начальниковъ доминиканской братіи и полагали, что они желаютъ воспользоваться указомъ для взятокъ, потому что въ то время во всѣхъ странахъ на евреевъ смотрѣли какъ на губки, которыя можно по временамъ выжимать; не было никакого сомнѣнія, что евреи выкупили бы свои книги за какую бы то ни было цѣну. Мы предполагаемъ, хотя объ этомъ нигдѣ не сказано, что императоръ не хотѣлъ предоставить полицейскую часть сожженія книгъ исключительно Фефферкорну и доминиканцамъ; вѣроятно, онъ на словахъ приказалъ Фефферкорну обратиться къ Рейхлину; по крайней мѣрѣ, Фефферкорнъ тотчасъ же отправился къ послѣднему, чтобы попросить у него содѣйствія. Въ то время Рейхлинъ былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ людей Германіи, потому что въ теченіе одиннадцати лѣтъ исполнялъ должность судьи швабскаго союза и болѣе тридцати лѣтъ былъ совѣтникомъ и посланникомъ императора Фридриха и его сына, равно какъ и многихъ другихъ нѣмецкихъ государей и городовъ, и адвокатомъ безчисленнаго множества частныхъ семействъ и лицъ. Сверхъ того, онъ гораздо лучше Фефферкорна зналъ еврейскій языкъ и еврейскую литературу. Поддерживаемый двумя доминиканцами, Арнольдомъ Тонгернскимъ и Гоохстратеномъ, Фефферкорнъ просилъ Рейхлина отправиться съ нимъ на Рейнъ, чтобы совершить публичное сожженіе книгъ. Рейхлинъ, конечно, отказался, и дѣло было сдѣлано безъ него. Черезъ нѣсколько времени, по приказанію императора, къ Рейхлину обратились за совѣтомъ по поводу того, что евреи воспротивились намѣренію кельнскихъ богослововъ и Фефферкорна, и что курфирстъ майнцскій остановилъ сожженіе книгъ Дѣло состояло въ томъ, что евреи обратились съ просьбою о помощи къ этому курфирсту, занимавшему должность канцлера имперіи, и къ императору, и курфирстъ, котораго Максимиліанъ назначилъ въ этомъ дѣлѣ императорскимъ коммиссаромъ, потребовалъ въ 1510 г. мнѣнія у Рейхлина, пяти университетовъ, Гоохстратена и еще

одного ученаго, чтобы, выслушавъ ихъ, увѣдомить императора, до рѣшенія котораго дѣло остановилось.

Это привело доминиканцевъ въ бѣшенство, тѣмъ болѣе что они уже давно превысили власть, предоставленную имъ императорскимъ полномочіемъ; мы заключаемъ это изъ того, что въ запросѣ курфирста дѣло шло уже не о сожженіи книгъ, поименованныхъ въ указѣ императора, но о томъ, хорошо ли и полезно ли уничтожать книги, въ которыхъ заключались десять заповѣдей, законъ Моисея и пророчества. Рейхлинъ, человѣкъ крайне боязливый и осторожный, подалъ мнѣніе, какого слѣдовало ожидать отъ разсудительнаго человѣка. При этомъ онъ положительно говоритъ, что не могъ достать экземпляръ Талмуда и не знаетъ никого, кому бы книга эта была знакома. Его мнѣніе было отправлено въ запечатанномъ конвертѣ въ октябрѣ 1510 г. къ курфирсту майнцскому; Фефферкорнъ распечаталъ пакетъ, на что имѣлъ право по званію императорскаго прокурора (sollicitator) въ этомъ дѣлѣ, хотя Рейхлинъ оспариваетъ это. Содержаніе бумаги привело Фефферкорна въ такое негодованіе, что онъ съ своими фанатическими и грубыми кельнскими друзьями издалъ пасквиль подъ заглавіемъ: «Ручное зеркало» (Handspiegel), въ которомъ упрекалъ Рейхлина въ доброжелательствѣ евреямъ и еврейскому богохульству и въ участіи въ самыхъ опасныхъ заблужденіяхъ. Этимъ онъ началъ войну противъ приверженцевъ свѣта и истины,—войну, сдѣлавшую Рейхлина, помимо его воли, предшественникомъ Лютера, съ которымъ онъ впослѣдствіи, съ 1518 г., не хотѣлъ имѣть ничего общаго. Вскорѣ послѣ появленія пасквиля Максимиліанъ пріѣхалъ въ Рейтлингенъ; Рейхлинъ пожаловался ему на оскорбленіе, и разгнѣванный императоръ обѣщалъ поручить епископу аугсбургскому произвести слѣдствіе; но такъ какъ свой своему по неволѣ другъ, то епископъ не далъ дѣлу никакого хода. Тогда осторожный Рейхлинъ измѣнилъ своему характеру и выказалъ несвойственную ему смѣлость. Онъ взялся за перо для того, чтобы, по обычаю того времени, отвѣчать на рѣзкость, и осенью 1511 г. издалъ нѣмецкое сочиненіе in-quarto подъ заглавіемъ: «Глазное зеркало» (Augenspiegel); оно было возраженіемъ на «Ручное Зеркало» и впослѣдствіи, переведенное на латинскій языкъ, разошлось въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Въ этомъ сочиненіи авторъ упрекалъ Фефферкорна въ тридцати четырехъ лживыхъ показаніяхъ, между прочимъ въ томъ, что будто бы Рейхлинъ дѣлалъ враждебныя нападки на знаменитѣйшихъ ученыхъ доминиканскаго и францисканскаго орденовъ. Кельнскій богословскій факультетъ поручилъ одному изъ своихъ членовъ, Арнольду Тонгернскому, разобрать сочиненіе Рейхлина съ тѣмъ, чтобы открыть въ немъ еретическія мысли.

Съ этой минуты Рейхлинъ велъ себя очень слабо. Онъ писалъ Арнольду Тонгернскому и его товарищамъ льстивыя, извинительныя письма, показавшія, что онъ струсилъ, и потому имѣвшія совершенно другой результатъ, чѣмъ онъ думалъ. Съ этихъ поръ кельнскій факультетъ началъ обращаться съ нимъ весьма гордо и съ оскорбительнымъ снисхожденіемъ, какъ будто былъ его судьею. Онъ вступилъ въ длинную корреспонденцію съ Рейхлиномъ, не довольствовался никакими уступками и требовалъ, чтобы онъ гласно объявилъ, что раскаевается въ изданіи «Глазнаго Зеркала» и беретъ назадъ все, сказанное въ немъ. Осенью 1512 г. кельнскіе богословы напечатали и распространили противъ Рейхлина сорокъ три обвинительныхъ пункта, и собрали все, что, говоря ихъ собственными словами, было «злаго, пакостнаго и противнаго для благочестивыхъ ушей» въ поданномъ имъ мнѣніи и въ сообщенныхъ имъ объясненіяхъ его. Но тогда Рейхлинъ снова собрался съ силами, и его благородные друзья вооружились на войну съ мрачными богословами,—искусившимися въ фабрикаціи еретиковъ. Рейхлинъ отвѣчалъ кельнцамъ въ такомъ тонѣ, какого можно было ожидать отъ Гуттена или Лютера, но никакъ не отъ робкаго, дипломатическаго и осторожнаго Рейхлина. На пасхѣ 1513 г. онъ издалъ апологію, обращенную къ императору Максимиліану, подъ заглавіемъ: «Защита противъ кельнскихъ клеветниковъ» (Defensio contra calumniatores Colonienses); какъ въ началѣ, такъ и въ заключеніи были помѣщены самыя рѣзкія ругательства противъ кельнскихъ фанатиковъ. На заглавномъ листкѣ этой апологіи, написанной на латинскомъ языкѣ, сдѣлано на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующее краткое указаніе на сущность содержанія книги Summarium libri: Тотъ, кто пишетъ и говоритъ, что я, нижеподписавшійся

докторъ, въ мнѣніи о еврейскихъ книгахъ, поданномъ по приказанію его императорскаго величества, поступилъ не какъ благочестивый и честный христіанинъ, тотъ лжетъ, какъ не стоющій довѣрія, легкомысленный и безчестный негодяй, котораго я намѣренъ хорошенько отдѣлать». Кельнцы затѣяли формальный инквизиціонный процессъ противъ Рейхлина, и когда Гоохстратенъ потребовалъ его къ суду, онъ явился въ Майнцъ; но покровительство майнцскаго курфирста поставило его въ полную безопасность, и хотя нищенствующій орденъ сжегъ его книгу въ Кельнѣ въ 1514 г., но это безсильное мщеніе имѣло лишь тотъ результатъ, что преслѣдователи подверглись всеобщему осмѣянію. Когда спустя нѣсколько времени жалкій Фефферкорнъ издалъ грубый пасквиль на человѣка, пользовавшагося въ Германіи общимъ уваженіемъ и бывшаго другомъ императора и знаменитымъ ученымъ,—то самъ папа Левъ X прекратилъ процессъ кельнскихъ богослововъ. Пасквиль Фефферкорна былъ озаглавленъ такъ: «Возстаніе Іогансена Фефферкорна противъ нечестивыхъ евреевъ, враговъ тѣла Христова; возстаніе на стараго грѣшника, Іоганна Рейхлина, приверженца лживыхъ евреевъ».

Лютеръ написалъ по поводу пасквиля Фефферкорна письмо къ Рейхлину и поздравилъ его съ такою рѣшимостію; а друзья новой науки, болѣе остроумные, чѣмъ Рейхлинъ, соединились и сочинили сатиру, выставившую въ самомъ смѣшномъ свѣтѣ его противниковъ, ихъ ученіе и жизнь. Заглавіе этой образцовой сатиры — «Письма Темныхъ Людей» *). Она появилась сначала въ 1516 г. съ ложнымъ указаніемъ на мѣсто печатанія и типографіи, и уже въ томъ же году оказалась надобность въ трехъ новыхъ изданіяхъ. Это сочиненіе было плодомъ союза, заключеннаго множествомъ замѣчательныхъ людей Германіи противъ монаховъ и монашескаго быта. Для примѣра мы назовемъ нѣсколькихъ изъ этихъ людей. Тутъ были: графъ Германъ Нуэнааръ изъ Кельна, Конрадъ Пеутингеръ изъ Аугсбурга, Билибальдъ Пиркгеймеръ изъ Нюрнберга, Германъ Бушъ, Эобанусъ Гессусъ, Петрейусъ Апербахъ изъ Эрфурта, Крокусъ изъ Лейпцига, Фабіанусъ изъ Вѣны, Каспаръ Урсинусъ, секретарь епископа гуркскаго, Филиппъ Меланхтонъ, Іаковъ Вимпфелингъ, Беатусъ Ренанусъ, Николай Гербеліусъ, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, Павелъ Рицціусъ, Іоганъ Куспиніанусъ и Конрадъ Муціанусъ изъ Готы. Эти друзья и ихъ единомышленники въ Италіи своимъ одобреніемъ и значеніемъ не мало способствовали громадному успѣху превосходныхъ, написанныхъ на монашеской латыни, сатирическихъ писемъ о врагахъ Рейхлина, ихъ школахъ и обычаяхъ. Правда, въ мартѣ 1517 г. папская булла предала эти письма проклятію, но это не помѣшало появиться въ томъ же году второй части ихъ, въ сочиненіи которой самое дѣятельное участіе принималъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Авторы изъ осторожности скрыли свои имена, и поэтому многіе изъ вышепоименованныхъ членовъ союза друзей свѣта были заподозрѣны совершенно неосновательно; несомнѣнно однако, что Эобанусъ Гессусъ и графъ Нуэнааръ принимали участіе въ сочиненіи первой части, и что большую часть ея написалъ Кротусъ изъ Эрфурта. Этотъ ученый, настоящее имя котораго Іоганнъ Іейеръ, но который сначала далъ себѣ латинское имя Венаторъ, а потомъ имъ самимъ придуманное греческое — Кротусъ (Лютеръ называлъ его ж а б о й Kröte), былъ изъ числа тѣхъ людей, многочисленныхъ и въ наше время, которые торгуютъ не только своими талантами, но и убѣжденіями. Такъ сначала онъ писалъ въ пользу религіознаго просвѣщенія, держалъ сторону Лютера и послѣдовалъ за нимъ въ Вормсъ; но девять лѣтъ спустя, по настоянію курфирста майнцскаго, возсталъ противъ Лютера. Для того чтобы дать понятіе о томъ родѣ сатиры, который господствуетъ въ «письмахъ темныхъ людей», мы привели бы изъ нихъ нѣсколько мѣстъ, еслибы въ легко доступной книгѣ Эргарда (ч. 2-я, стр. 388 и слѣд.) не было сдѣлано полнаго извлеченія изъ этого сочиненія.

Главными и остроумнѣйшими сотрудниками въ этой враждебной для современнаго ему монашества и его ученія книгѣ были Кротусъ и Ульрихъ фонъ Гуттенъ. Соединенные дружбой съ самаго дѣтства, оба они были люди большаго ума, но

*) Epistolae obscurorum virorum ad venerabilem virum Ortuinum Gratium Davenstriensem Coloniae Agrippinae bonas literas docentem, variis et locis et temporibus missae ac demum in unum volumen redactae. In Venetiis impressum in impressoria Aldi Manutii. 4.

крайне безпутные. Изъ нихъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ замѣчателенъ уже какъ другъ Франца Зиккингена и энергическій соратникъ Лютера, но такъ какъ кромѣ того онъ превосходилъ многихъ какъ писатель на нѣмецкомъ и классическомъ языкахъ, то мы должны остановиться на немъ немного долѣе. Вся жизнь Гуттена была рядомъ всевозможныхъ приключеній. Что касается его характера и поступковъ, то мы не рѣшимся защищать ихъ, такъ же какъ нравственность лорда Байрона; но умомъ и поэтическимъ дарованіемъ онъ не уступалъ послѣднему, а ученостью и познаніями далеко превосходилъ его. Германія пріобрѣла бы въ немъ величайшаго писателя, еслибы онъ имѣлъ на столько свободнаго времени, спокойствія и усидчивости, чтобы произвести что нибудь значительное; но, какъ ученый, онъ никогда не имѣлъ бы такого вліянія, какое произвели его брошюры, написанныя имъ въ громадномъ количествѣ. Каждое изъ его сочиненій и сатиръ оказывало непосредственное вліяніе на жизнь его неспокойнаго времени. Гуттенъ не производилъ, какъ другіе писатели, продолжительнаго и непосредственнаго вліянія, но дѣйствовалъ какъ молнія, мгновенно и разрушительно. Поэтому труднѣе опредѣлить его значеніе, чѣмъ значеніе многихъ другихъ писателей, если при этомъ не ссылаться, какъ обыкновенно дѣлаютъ, на свидѣтельства ученыхъ,—свидѣтельства, которыми, какъ извѣстно, больше всего изобилуютъ самые многорѣчивые и безцвѣтные писатели, т. е. тѣ, на которыхъ Гуттенъ менѣе всего походитъ. По этой причинѣ о литературной дѣятельности Гуттена нельзя говорить, не бросивъ по крайней мѣрѣ бѣглаго взгляда на его приключенія и жизнь. Но мы все-таки коснемся только немногихъ главныхъ пунктовъ, такъ какъ, начиная съ Лютера до Гердера, всѣ классическіе писатели Германіи прославляли Гуттена.

Отецъ Гуттена отдалъ его въ монастырь и хотѣлъ сдѣлать изъ него монаха, но уже въ дѣтствѣ онъ нашелъ защитника и адвоката въ благородномъ и дѣйствительно просвѣщенномъ и ученомъ канцлерѣ майнцскомъ, Этельвольфѣ фонъ-Штейнѣ. Еще юношей онъ велъ жизнь полную приключеній и навлекалъ на себя обвиненія въ распутствѣ; но въ то же время онъ прославился повсюду своими стихотвореніями и особенно одною рѣзкою сатирой (In Wedegum Loetz et filium ejus Henningum Querelarum libri duo). Такъ какъ онъ ушелъ изъ монастыря, то отецъ отвергнулъ его, и въ 1504 г. онъ пріѣхалъ въ Эрфуртъ, гдѣ въ то время находились Эобанусъ Гессусъ и Бушъ. Тутъ онъ близко сошелся съ Кротусомъ и отправился съ нимъ на нѣкоторое время въ Кельнъ. Въ Кельнѣ они имѣли случай познакомиться съ Гоохстратеномъ и Арнольдомъ Тонгернскимъ и съ ихъ варварскимъ ученіемъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи для нихъ предметомъ такой горькой сатиры. Послѣ этого два друга разстались, но продолжали вести между собой постоянную переписку и общими силами вели войну новаго свѣта съ старымъ мракомъ. Позже Кротусъ и Гуттенъ писали въ пользу Лютера, но Гуттенъ былъ такъ счастливъ, что не дожилъ до того времени, когда его другъ продалъ за деньги свои убѣжденія. Гуттенъ былъ также развращенъ какъ Кротусъ, но скорѣе бы пожертвовалъ счастьемъ и жизнью, чѣмъ отрекся отъ истины, тогда какъ Кротусъ, изъ-за денегъ, предложенныхъ ему архіепископомъ майнцскимъ, началъ писать противъ Лютера. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, но не переставая сочинять и писать, Гуттенъ странствовалъ отъ Франкфурта на Одерѣ до Грейфсвальдэ и Ростока. Правда, его другъ Кротусъ помирилъ его съ отцомъ, но жизнь и судьба Гуттена отъ этого не измѣнились. Уже въ 1510 году онъ снова появился въ Виттенбергѣ странствующимъ студентомъ. Въ 1511 г., оборванный и нищій, онъ ушелъ оттуда въ Вѣну, но на дорогѣ, въ Ольмюцѣ, тамошній епископъ далъ ему возможность принять приличный видъ. Похвальное слово въ стихахъ, написанное имъ въ честь императора Максимиліана I, принесло ему мало матеріальной пользы, не смотря на то, что Максимиліанъ увѣнчалъ его впослѣдствіи (1517 г.) императорскимъ поэтомъ. Въ 1512 г. Гуттенъ, ведя все ту же скитальческую жизнь, былъ въ Павіи и Болоньѣ; но, вопреки желанію своего отца, онъ отказался заняться въ этихъ городахъ юриспруденціею и вслѣдствіе этого былъ принужденъ вернуться въ 1514 г. въ Виртембергъ.

Въ слѣдующіе года появились рѣзкія брошюры Гуттена противъ молодаго герцога Ульриха Виртембергскаго. Онѣ написаны такимъ же изящнымъ латинскимъ языкомъ и въ политическомъ отношеніи нанесли такой же сильный ударъ

тираніи мелкихъ владѣтелей, какъ въ XVIII ст. нѣмецкія брошюры Лессинга, направленныя противъ гамбургскаго пастора и его богословскаго деспотизма. Герцогъ Ульрихъ обольстилъ жену рыцаря Ганса Гуттена, отецъ котораго, дядя Ульриха Гуттена, сдѣлалъ послѣднему много добра; сверхъ того герцогъ хотѣлъ удержать при своемъ дворѣ изъ-за жены самого Ганса, съ которымъ всегда обращался какъ съ лучшимъ другомъ; но Гансъ догадался въ чемъ дѣло и не захотѣлъ оставаться. За это герцогъ собственноручно умертвилъ его 5 мая 1515 г., обвинилъ убитаго въ измѣнѣ и связи съ его женой и съ наглостью деспота, которую Ульрихъ Гуттенъ называетъ фаларизмомъ, объяснилъ, что произнесъ приговоръ и собственною рукою выполнилъ его. Онъ не захотѣлъ даже отдать трупъ Ганса его отцу и началъ преслѣдовать убитаго. Вслѣдствіе этого Ульрихъ фонъ Гуттенъ сначала въ 1515 и 1516 г. напечаталъ жалобы противъ этого убійства и безцвѣтное утѣшеніе отцу Ганса. Въ то время онъ еще не зналъ, что жена Ганса, которая продолжала быть любовницею герцога много лѣтъ послѣ убійства, была соучастницей въ преступленіи. Совсѣмъ инаго рода были пять рѣчей, изданныхъ Гуттеномъ противъ убійцы въ 1515 — 1517 г., и четыре статьи о кровавой тираніи, написанныя въ мартѣ 1517 г. (De phalarismo dialogus Huttenicus). Эти пять рѣчей можно смѣло поставить на ряду съ рѣчью Демосфена противъ Филиппа Македонскаго и Цицерона — противъ Катилины, и онѣ тѣмъ болѣе достойны удивленія, что Демосфенъ и Цицеронъ метали свои огненныя стрѣлы на отечественномъ языкѣ, а Ульрихъ Гуттенъ писалъ на языкѣ чужомъ. Эти рѣчи, изданныя вмѣстѣ лишь въ 1517 (In Ulricum Wirtembergensem orationes V), сначала появлялись одна за другою, такъ что дѣйствовали какъ ударъ за ударомъ. Третья изъ нихъ появилась въ августѣ 1516 г., когда многочисленная семья Гуттеновъ, съ своими пріятелями—рыцарями, приготовилась къ войнѣ, потому что герцогъ Ульрихъ не только отказался появиться къ суду, но даже не хотѣлъ признавать императора своимъ судьею.

Почти въ то же время, когда Гуттенъ возсталъ за своего дядю противъ Ульриха Виртембергскаго, онъ писалъ и въ защиту Рейхлина; осенью 1516 г. ему удалось еще разъ съѣздить въ Италію и принять участіе въ продолженіи писемъ темныхъ людей. Уже въ 1517 г. онъ объявилъ себя сторонникомъ Лютера, чего не смѣли сдѣлать ни Эразмъ Роттердамскій, ни Рейхлинъ, между тѣмъ какъ Кротусъ стоялъ сначала за Лютера, а потомъ противъ него. О превосходныхъ діалогахъ, написанныхъ Гуттеномъ по поводу дѣла Лютера въ пользу правъ нѣмецкой націи противъ притязаній римской куріи, мы должны упомянуть здѣсь тѣмъ болѣе, что Гуттенъ не былъ или не хотѣлъ быть богословомъ, а смотрѣлъ на реформацію съ политической стороны. Эти діалоги заключаютъ въ себѣ самую вѣрную картину того времени и могутъ быть смѣло названы важнѣйшими сатирическими сочиненіями XVI ст.; написанные сперва по латыни, они оказали своимъ классическимъ стилемъ вліяніе на ученыхъ, а потомъ, когда самъ Гуттенъ перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ, подѣйствовали еще сильнѣе на всю нѣмецкую націю. Только Гуттенъ и Лютеръ умѣли возбуждать въ нѣмецкомъ народѣ стремленія къ великимъ и высокимъ цѣлямъ. Эти діалоги печатались сначала отдѣльно какъ брошюры и неимовѣрно быстро распространялись въ народѣ,—а потомъ стали появляться по три, по четыре и по пяти вмѣстѣ, въ видѣ книги. Одно изъ такихъ собраній, въ которомъ заключались разговоръ о двухъ лихорадкахъ, Вадискусъ, Созерцающіе (Inspicientes) и разговоръ о фортунѣ, — уже при появленіи своемъ въ 1521 г. было принято какъ сильнѣйшій протестъ, какой когда либо появлялся противъ злоупотребленій средневѣковой церкви. Оно было перепечатано и у Шеффера въ Майнцѣ, сначала на латинскомъ, а потомъ подъ заглавіемъ: «Натуральное изображеніе папства» на нѣмецкомъ языкѣ, и въ 1632 г., когда Густавъ Адольфъ воскресилъ въ Германіи протестантизмъ, напечатано еще разъ подъ заглавіемъ: «Пробудитель нѣмецкой націи». Самъ Гуттенъ озаглавилъ переводъ этого собранія: «Книжечка разговоровъ г. Ульриха фонъ-Гуттена. Лихорадка первая. Лихорадка вторая. Вадискусъ. Созерцающіе». Къ этому было прибавлено нѣмецкое рифмованное стихотвореніе, заключающееся словами: «Я дерзнулъ, Ульрихъ фонъ Гуттенъ». Передъ «Созерцающими» помѣщенъ портретъ Гуттена, и подъ нимъ — слѣдующія слова, вполнѣ достойныя рыцаря:

Umb Wahrheit ich ficht,
niemand mich abricht;
es brech oder gang,
gots geist mich bezwang.

Діалогъ «Созерцающіе», какъ и остальные, представляетъ собою, правда, рѣзкую сатиру на римскія притѣсненія и миссіи въ Германію, особенно на посольство кардинала Каэтана по поводу дѣла Лютера; но въ то же время Гуттенъ сильно бичуетъ нѣмецкую націю, которую прославлялъ при каждомъ удобномъ случаѣ и любилъ выше всего на свѣтѣ,—бичуетъ за ея вѣчныя совѣщанія безъ результата, за пьянство и за наивное добродушіе, которымъ злоупотребляли итальянцы. Въ діалогѣ этомъ разговариваютъ Фебъ, Фаэтонъ и кардиналъ Каэтанъ; богъ солнца раздвигаетъ облака, и Фаэтонъ видитъ въ Аугсбургѣ суматоху и большую процессію и спрашиваетъ, что тамъ происходитъ. «Это нѣмецкій имперскій сеймъ,—отвѣчаетъ Фебъ,—папскій легатъ, кардиналъ Каэтанъ, хочетъ снова надуть нѣмцевъ и подъ предлогомъ войны съ турками утащить въ Римъ денегъ». Затѣмъ Гуттенъ заставляетъ бога солнца восхвалять нѣмецкую націю, особенно саксонцевъ, но при этомъ упрекаетъ нѣмцевъ за ихъ скотское пьянство. Нѣмцы восхваляются за то, что не хотятъ знать никакихъ докторовъ, и за то, что освистываютъ адвокатовъ. Фебъ оправдываетъ нѣмецкое дворянство въ томъ, что оно занимается грабежомъ, говоря: «Нѣтъ ничего дурнаго въ томъ, что рыцари грабятъ купцовъ, потому что послѣдніе испортили нѣмецкую кровь и контрабандой ввезли въ Германію чужеземную изнѣженность нравовъ». Замѣтимъ при этомъ, что самъ Гуттенъ былъ очень строгъ къ иностраннымъ товарамъ и появлялся въ платьѣ изъ туземнаго сукна даже при дворѣ, гдѣ по правиламъ этикета дворянство должно было ходить не иначе какъ въ шелку.

Другое собраніе діалоговъ, направленное противъ церковныхъ злоупотребленій, содержитъ въ себѣ горячую защиту предпріятія Лютера. Это сочиненіе, замѣчательное по содержанію и языку, печаталось не только при жизни Гуттена, но очень часто и по смерти его и привлекло на сторону реформаціи множество простолюдиновъ, непонимавшихъ ученыхъ полемическихъ сочиненій. Заглавіе его такое: «Жалоба и предостереженіе противъ чрезмѣрной, нехристіанской власти римскаго папы и бездушныхъ духовныхъ лицъ (ungeistliche geistliche), написанное г. Ульрихомъ фонъ-Гуттеномъ, поэтомъ и ораторомъ, на пользу и добро всему христіанству, а прежде всего отечеству и нѣмецкой націи; рифмами написанное, по поводу общаго бѣдствія и моей собственной нужды. Я дерзнулъ (Alea jacta est)». Въ то время Гуттенъ жилъ у своего друга Франца Зиккингена въ Эбернбургѣ, гдѣ печаталась не только большая часть вышеупомянутыхъ мелкихъ сочиненій, но и всѣ удивительнѣйшіе историческіе діалоги великаго сатирика. Послѣдніе посвящены пфальцграфу Іоганну Рейнскому, герцогу Баварскому и графу Шпонгейму и появились въ 1521 году подъ заглавіемъ: «Dialogi Huttenici novi, perquam festivi. Bulla vel Bullicida. Monitor primus. Monitor secundus». Praedones (разбойники). Буллицида была главною причиною того, что булла Льва X противъ Лютера не имѣла никакого значенія и что все это дѣло подвергнулось осмѣянію. Такъ какъ даже большая часть нѣмецкихъ епископовъ не одобряла мѣры папы, потому что она была посягательствомъ на ихъ права, и такъ какъ они отказывались обнародовать буллу, то Ульрихъ Гуттенъ явился дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ изобразилъ себя на заглавномъ листѣ перваго изданія своихъ діалоговъ. Онъ представленъ рыцаремъ въ полномъ вооруженіи, а внизу латинская подпись: «Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, боецъ за нѣмецкую свободу. Я дерзнулъ (Ulricus ab Hutten, Germanicae libertatis propugnator. Jacta est alea)». Въ вышеупомянутомъ стихотвореніи: «Жалоба и предостереженіе противъ чрезмѣрной, нехристіанской власти римскаго папы» Гуттенъ положительно говоритъ, что не хочетъ болѣе обращаться къ ученымъ, а намѣренъ обратиться прямо къ народу на понятномъ на него языкѣ:

Latein ich vor geschriben hab,
Das war ein reden nit bekanndt.
Jetz schrey ich an das vaterlandt.
Den Teutschen musz man diesen rauch
Vond Augen blasen, der sie blendt,

Das trügerei blieb unerkendt.
Denn wo die Nation wär clug.
So hätt das Evangelium
Vor diesen Fabelm seinen rum.

Все это стихотвореніе, драгоцѣнное по внутренней правдѣ, по патріотизму и глубокому убѣжденію, блистающему въ каждомъ словѣ, напечатано въ третьемъ томѣ біографій Мейнерса.

Что касается вышеупомянутыхъ Dialogi Huttenici novi, напечатанныхъ въ 1521 г., то въ одномъ изъ нихъ, именно Bullicida или убійца буллы, разговариваютъ нѣмецкая свобода, олицетворенная папская булла, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, въ качествѣ убійцы буллы, и Францъ фонъ-Зиккингенъ. Нѣмецкая свобода даетъ буллѣ благой совѣтъ не появляться въ Германіи съ своею прежнею смѣлостью, потому что ее примутъ не съ обычнымъ почтеніемъ, а съ презрѣніемъ. Но булла не слушаетъ этихъ увѣщаній, и тогда нѣмецкая свобода призываетъ на помощь Ульриха фонъ-Гуттена; онъ приходитъ, въ сопровожденіи Франца фонъ-Зиккингена, и упрекаетъ буллу въ безчинствѣ, которое она произвела въ Германіи. Когда же она не обращаетъ вниманія ни на эти упреки, ни на совѣты, то Гуттенъ начинаетъ обращаться съ нею точно также, какъ она поступала прежде съ нѣмецкой свободой, т. е. страшно бичуетъ ее. Булла, по итальянскому обыкновенію, зоветъ на помощь добродушныхъ нѣмцевъ, но они уже не слушаютъ ея голоса. Вслѣдствіе этого булла начинаетъ раздуваться отъ безсильнаго бѣшенства и наконецъ лопается, при чемъ изъ нея выползаютъ превосходно описанные пороки и интриги, которые породили ее или которыхъ она вскормила и воспитала. Тутъ Гуттенъ произноситъ ей надгробную рѣчь въ слѣдующихъ двухъ стихахъ: «Hic jacet Hetrusci temeraria bulla Leonis, Quae cum alios vellet se dedit ipsa neci». (Здѣсь лежитъ дерзкая булла тосканскаго Льва; она думала умертвить другихъ и умертвила сама себя).

Въ двухъ слѣдующихъ діалогахъ, подъ заглавіемъ первый и второй Мониторъ, т. е. предостерегатель, два эгоиста разговариваютъ съ священникомъ, жертвующимъ имуществомъ и жизнью за истину и религію, и съ рыцаремъ, исполненнымъ горячаго патріотизма; тутъ наглядно показывается, кто стоялъ за дѣло Лютера и кто былъ противъ него. Въ первомъ Мониторѣ Лютеръ и другой священникъ бесѣдуютъ объ опасности, грозящей первому по случаю его нововведеній; Лютеръ опровергаетъ все, что говоритъ его предостерегатель (оттуда и заглавіе діалога Мониторъ), и объясняетъ причины своихъ поступковъ. Предостерегатель не можетъ ничего возразить на эти доводы, но наконецъ говоритъ, что, не смотря на все это, не хочетъ имѣть никакого дѣла съ Лютеромъ, потому что въ старой церкви можно составить себѣ лучшую карьеру, чѣмъ въ новой, и что онъ самъ надѣется скоро сдѣлаться кардиналомъ. Во второмъ Мониторѣ Францъ Зиккингенъ разговариваетъ съ другомъ, который предостерегаетъ его, рисуя передъ нимъ опасности, грозящія ему вслѣдствіе его приверженности къ лютеранству, дружбы съ Гуттеномъ и вражды съ государями. Изъ словъ, которыя Гуттенъ влагаетъ въ уста своему другу Зиккингену, мы узнаемъ тогдашній образъ мыслей обоихъ рыцарей, и это во многомъ выясняетъ исторію этихъ людей, на которыхъ въ то время были обращены взоры всей Германіи, отношенія воинственной части рыцарства къ другимъ сословіямъ и вообще обстоятельства того времени. Зиккингенъ подробно говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ Лютеру и Гуттену и перечисляетъ причины, побудившія его пристать къ этимъ людямъ. Слѣдующій за двумя Мониторами діалогъ Praedones (Разбойники), безъ сомнѣнія, важнѣе всѣхъ другихъ сочиненій для изученія нравовъ и положенія дѣлъ того времени. Въ немъ находятся превосходныя картины нравовъ высшихъ сословій, нарисованныя съ натуры великимъ поэтомъ и ораторомъ, и остроумныя разсужденія объ отсутствіи въ Германіи государственнаго быта и о средствахъ пополнить этотъ пробѣлъ. Въ немъ разговариваютъ: Ульрихъ Гуттенъ, одинъ купецъ или прикащикъ большаго торговаго дома Фуггеръ и Францъ фонъ Зиккингенъ. Они сходятся въ одномъ имперскомъ городѣ. Ульрихъ Гуттенъ сердится на купца за то, что тотъ назвалъ нѣмецкихъ рыцарей разбойниками, но Францъ Зиккингенъ успокоиваетъ своего друга и старается дать купцу лучшее понятіе о нѣмецкихъ рыцаряхъ, доказывая ему, что къ дворянству принадлежитъ самая меньшая часть разбойниковъ

(всѣхъ дворянъ онъ не можетъ исключить изъ этого), и что, напротивъ того, каждый истинный рыцарь отъ души ненавидитъ разбой безъ войны. Такъ какъ мы не можемъ слѣдить за всѣми подробностями этого діалога, то замѣтимъ только, что въ немъ заключаются описанія нравовъ, написанныя искуснымъ перомъ такого великаго поэта и оратора, какимъ былъ Ульрихъ фонъ Гуттенъ; въ немъ рыцарь развивалъ соціалистическіе принципы и доказывалъ, что разбойничество, въ которомъ обвиняли исключительно рыцарей, было не чуждо и другимъ сословіямъ. О разбойничествѣ Гуттенъ высказался въ слѣдующихъ четырехъ положеніяхъ: 1) Разбойниками называются всѣ тѣ, которые нападаютъ на большой дорогѣ на путешественника или на купца съ цѣлью ограбить ихъ. Дворянство не дѣлаетъ этого. Оно или честно объявляетъ войну, такъ что противникъ можетъ принять мѣры предосторожности, или требуетъ платы за проѣздъ чрезъ свои владѣнія. 2) Гораздо худшіе разбойники — купцы, высасывающіе изъ Германіи деньги ввозомъ иностранныхъ товаровъ, пряностей, шелковыхъ матерій и платьевъ. Самые скверные изъ нихъ тѣ, которые принадлежатъ къ большому торговому дому Фуггеръ, потому что они притѣсняютъ своими деньгами всѣхъ другихъ купцовъ, какъ будто дорога въ Индію существуетъ для нихъ однихъ. 3) Затѣмъ, къ разбойникамъ должны быть причислены писцы и адвокаты. 4) Наконецъ, разбойники — дурные священники, потому что высокихъ духовныхъ должностей достигаетъ только тотъ, кто имѣетъ или умѣетъ добыть деньги для покупки мѣста у папы или у другихъ высшихъ духовныхъ властей; понятно, что священники, купившіе себѣ должности, дѣйствуютъ потомъ за деньги и изъ-за денегъ.

IX. ИСТОРІЯ ИСПАНІИ И ИТАЛІИ

ОТЪ 1430 Г. ДО ФЕРДИНАНДА КАТОЛИКА.

---

1. Арагонія, Каталонія и Наварра.

Съ того времени, до котораго мы довели въ III т. (стр. 151) исторію Испаніи, испанская нація въ теченіе 60 лѣтъ была жертвою внутреннихъ войнъ. Отъ этихъ раздоровъ одно изъ двухъ главныхъ государствъ, Кастилія, пострадало гораздо больше другаго — Арагоніи, потому что государь первой не могъ управлять своимъ собственнымъ дворомъ, а тѣмъ менѣе обуздывать воинственныхъ рыцарей и знать. Но въ этихъ междоусобныхъ войнахъ, запутавшихъ дѣла обоихъ государствъ, нація блестящимъ образомъ доказала свое мужество, любовь къ свободѣ и энергію. Каждый гражданинъ былъ солдатъ, испанскіе флоты господствовали на морѣ, невѣрныхъ прогоняли изъ одной провинціи въ другую и преслѣдовали до Африки. Поэтому нужно было возстановить порядокъ и направить за границу государства безпокойную дѣятельность аристократіи и громадныя силы, скопившіяся внутри, чтобы поставить Кастилію и Арагонію на высокую степень могущества. Это было совершено въ концѣ XV и началѣ XVI ст. Фердинандомъ Католикомъ, сначала въ Арагоніи, а потомъ въ Кастиліи, наслѣдственной монархіи его жены, Изабеллы. Чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ величіе, котораго Испанія достигла по возстановленіи Фердинандомъ ея единства, мы должны бросить взглядъ на два слабыя правленія, предшествовавшія въ Арагоніи и Кастиліи энергическому царствованію Фердинанда и Изабеллы.

Въ III т. мы довели исторію Арагоніи, Каталоніи и Наварры до того времени, когда Альфонсъ V снова вмѣшался въ итальянскія дѣла и успѣлъ завладѣть неаполитанскимъ королевствомъ. Во время его отсутствія, арагонскимъ государствомъ управляла его жена, Марія; но отношенія къ Кастиліи и Наваррѣ Іоанна II, брата и наслѣдника короля Альфонса, произвели смуты въ Арагоніи. Іоаннъ снова вмѣшался въ споръ кастильскихъ вельможъ съ ихъ королемъ, Іоанномъ II, предоставившимъ управленіе Альваро де-Луна, человѣку блестящихъ достоинствъ. Подробности этого дѣла принадлежатъ уже исторіи Кастиліи; поэтому здѣсь мы замѣтимъ только, что съ 1447 г. арагонцы весьма неохотно принимали участіе въ войнѣ, касавшейся частныхъ интересовъ ихъ короля и его ближайшихъ родственниковъ, брата Іоанна и сына другаго брата, въ то время уже умершаго, Энрико. Вслѣдствіе брака съ Бланкою (см. т. III, стр. 633), Іоаннъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ королевство Наварру, и по смерти его жены въ 1441 г., утвердился на наваррскомъ престолѣ. Правда, государственные чины Наварры потребовали, чтобы онъ сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ своего сына отъ Бланки, принца Карла Віанскаго; но Бланка поставила въ обязанность этому принцу, извѣстному своими учеными трудами и научными стремленіями, принять престолъ не иначе, какъ съ отцовскаго разрѣшенія. Въ 1447 г. между Іоанномъ и его сыномъ началась почти непримиримая вражда, потому что король вступилъ во второй бракъ съ Іоанной, дочерью дона Федериго, генералъ-адмирала Кастиліи. Карлъ не хотѣлъ, чтобы его мачиха носила титулъ ко-

ролевы наваррской, и тогда взбѣшенный отецъ заточилъ его въ тюрьму. Правда, онъ освободилъ его по просьбѣ кастильскаго короля Іоанна II, но продолжалъ вести съ нимъ войну, въ которой принимала участіе и Кастилія, и отмстилъ Карлу тѣмъ, что старался отстранить его отъ арагонскаго престола, сдѣлавъ своимъ наслѣдникомъ сына отъ втораго брака, впослѣдствіи короля Фердинанда Католика.

Въ 1453 г. правительница Марія вступила съ Кастиліею въ переговоры о мирѣ, что поставило принца Віанскаго въ затруднительное положеніе. Когда же въ слѣдующемъ году, по смерти Іоанна II, на престолъ Кастиліи вступилъ слабый тѣломъ и умомъ сынъ его, Генрихъ IV, и Марія продолжала и окончила переговоры о королевствѣ Наваррѣ, — Карлъ долженъ обратиться за совѣтомъ и рѣшеніемъ къ своему дядѣ, Альфонсу V. Самый затруднительный пунктъ въ этихъ переговорахъ касался не владѣнія Наваррой, потому что отецъ Карла, Іоаннъ, владѣлъ ею уже 13 лѣтъ, но большихъ помѣстій, которыми Іоаннъ, Альфонсъ V и сынъ ихъ брата Энрико, какъ инфанта кастильскаго, обладали въ Кастиліи и которыя они потеряли во время долгой войны съ Іоанномъ II. Эти земли давно уже перешли въ другія руки, и ни Альфонсъ арагонскій, ни Іоаннъ наваррскій, ни Генрихъ кастильскій не могли возвратить ихъ. При томъ же опытъ показалъ, какъ было опасно, когда при вѣчныхъ внутреннихъ раздорахъ, могуществѣ и своеволіи вельможъ чужеземные государи владѣли землями въ Кастиліи. Поэтому 8 октября 1454 г. договаривались на счетъ денегъ, которыя должны были выплачиваться въ видѣ вознагражденія королю Іоанну наваррскому ежегодно, а Альфонсу Арагонскому и его племяннику—единовременно. Ратификація этого договора была отложена до предстоявшаго въ 1455 г. конгресса въ Агредѣ, на которомъ долженъ былъ рѣшиться споръ за Наварру, занятую частью королемъ Іоанномъ, частью его сыномъ Карломъ. Но на конгрессѣ было покончено только дѣло о земляхъ инфантовъ. Дѣла же наваррскія остались нерѣшенными, и для нихъ пріискали дипломатическій исходъ, придуманный маркизомъ Вильена, стоявшимъ во главѣ многочисленнаго и блестящаго кастильскаго посольства. Было положено сохранять перемиріе до апрѣля 1455 г. и занимать арагонскими войсками Маріи наваррскія крѣпости, принадлежавшія принцу Віанскому.

Но и по истеченіи перемирія дѣло о владѣніи Наваррой не могло придти къ окончанію, потому что Іоаннъ находился въ полномъ подчиненіи у своей второй жены и по возобновленіи войны пошелъ еще гораздо дальше, чѣмъ прежде. Граматой, тайно изготовленной въ Барселонѣ, онъ совершенно отстранилъ отъ престола своего сына Карла и старшую дочь отъ перваго брака, Б л а н к у, жену Генриха IV кастильскаго, жившую въ разводѣ съ мужемъ; она горячо приняла сторону своего брата; такимъ образомъ король лишилъ своихъ дѣтей достоянія ихъ матери и назначилъ наслѣдницею наваррскаго престола младшую свою дочь отъ перваго брака, Э л е о н о р у, жену графа Г а с т о н а д е Ф у а. Этотъ поступокъ вовлекъ въ испанскія дѣла Карла VII короля французскаго, а впослѣдствіи его сына Лудовика XI. Уже въ 1456 г. Карлъ VII поддерживалъ своего вассала деньгами и войсками въ войнѣ, которую Іоаннъ и преданная ему фамилія Граммонъ вели съ Карломъ и приверженцами его, Бомонами. Карлъ предоставилъ одному изъ Бомоновъ защиту крѣпостей, еще принадлежавшихъ ему, а самъ отправился искать рѣшенія и справедливости сначала во Франціи у Карла VII, а потомъ въ Италіи, у своего дяди Альфонса V. Первый, какъ намъ кажется, не только не утѣшилъ его, даже не захотѣлъ и слушать. Напротивъ того, въ Неаполѣ его дядя Альфонсъ и побочный сынъ послѣдняго, Фердинандъ, приняли его дружески и дали значительныя суммы. Но, къ его несчастію, Альфонсъ умеръ въ 1458 г., прежде чѣмъ отецъ и сынъ успѣли помириться. Тогда Карлъ нашелъ себѣ друзей и приверженцевъ въ Сициліи, но склонился на приманки уполномоченныхъ, отправленныхъ къ нему его отцомъ, и поѣхалъ въ Маіорку. Отсюда онъ вступилъ въ сношенія со всѣми врагами своего отца и французскаго короля, съ тогдашнимъ дофиномъ Лудовикомъ XI, герцогами Бургундскимъ и Бретанскимъ, Генрихомъ IV кастильскимъ и другими. Іоаннъ не рѣшался удалить его изъ Маіорки силою, потому что государственные чины Арагоніи, Каталоніи и Валенсіи, имѣвшіе больше власти, чѣмъ король, были преданы принцу, котораго преслѣдовала мачиха и на котораго клеветалъ отецъ послѣдней, адмиралъ кастильскій. Поэтому

въ началѣ 1460 г. король заключилъ съ сыномъ договоръ, по которому Карлъ получилъ прощеніе и въ замѣнъ того обязался уступить тѣ крѣпости въ Наваррѣ, которыя еще были заняты его войсками. Карлъ исполнилъ это обязательство въ точности, и его друзья и приверженцы, хотя возставали противъ этого, но были принуждены очистить крѣпости. Такимъ образомъ отецъ и сынъ повидимому совершенно помирились, и когда Карлъ пріѣхалъ въ Барселону, то даже мачиха его обошлась съ нимъ весьма дружески; но вскорѣ вражда возобновилась.

Два обстоятельства были причиною ея возобновленія. Во первыхъ, какъ государственные чины Арагоніи, собравшіеся въ Фрагѣ, такъ и чины Каталоніи, созванные въ Лериду, давъ согласіе на заключеніе вѣчнаго союза между Сардиніею, Сициліею и Арагоніею, потребовали, чтобы Іоаннъ объявилъ наслѣдникомъ арагонскаго престола своего сына, Карла; но король хитро уклонился отъ исполненія ихъ требованія. Во вторыхъ, кастильцы старались устроить бракъ Карла съ Изабеллой, сестрой ихъ короля Генриха IV, въ то время бездѣтнаго; по смерти его и его брата, Альфонса, она сдѣлалась наслѣдницею кастильскаго престола. Карлъ былъ готовъ исполнить это желаніе, но отецъ его мачихи убѣдилъ короля Іоанна, что этотъ бракъ будетъ для него вреденъ, потому что Карлъ выгонитъ своего отца изъ Кастиліи. Вслѣдствіе этого Іоаннъ пригласилъ принца къ себѣ въ Лериду, и Карлъ поѣхалъ, думая, что его отецъ рѣшился, согласно желанію государственныхъ чиновъ, объявить его своимъ наслѣдникомъ. Но едва онъ прибылъ въ Лериду, какъ былъ посаженъ въ тюрьму съ своими друзьями Жаномъ Бомономъ и Гомецомъ де Фріасъ (декабрь 1460 г.). Іоаннъ началъ противъ него процессъ, не обращая вниманія на энергическій протесъ государственныхъ чиновъ Арагоніи и Каталоніи и всѣхъ судовъ обоихъ королевствъ. Король не слушалъ никакихъ просьбъ, не смотря на то, что кастильцы вторгнулись въ Наварру. Онъ не отрекся отъ ненависти къ сыну даже и тогда, когда въ февралѣ 1461 г. жители Барселоны призвали каталонцевъ къ возстанію за принца и отправили къ королю грозную депутацію изъ шестидесяти человѣкъ. Но всѣ эти мѣры остались безплодными. Тогда въ большей части Каталоніи обнаружилось открытое возмущеніе, а въ Барселонѣ былъ даже учрежденъ революціонный комитетъ. Это привело въ такой ужасъ королеву, управлявшую своимъ мужемъ и назначенную намѣстницею государства, что въ мартѣ 1461 г. она убѣдила короля освободить принца. Послѣ этого Карлъ отправился въ Барселону, и королева была принуждена заключить съ каталонцами договоръ, довольно унизительный для Іоанна. По этому договору король долженъ былъ не только провозгласить Карла наслѣдникомъ престола, но сдѣлать его постояннымъ и непремѣннымъ намѣстникомъ Каталоніи, предоставивъ ему право созывать государственные чины этой провинціи; самъ король могъ присутствовать въ собраніи чиновъ только тогда, когда они желали этого; кромѣ того, мѣста военачальниковъ въ Каталоніи должны были раздаваться только туземцамъ, всѣ приверженцы принца — остаться нетронутыми, графиня Фуа и всѣ гасконцы — оставить королевство Наварру, а управленіе послѣднимъ и всѣми укрѣпленными мѣстами — перейти въ руки арагонцевъ. Король принялъ эти условія, но скоро показалъ, что смотрѣлъ на нихъ не серьезно. Въ непродолжительномъ времени (въ сентябрѣ 1461) Карлъ скоропостижно умеръ. Подозрѣніе, что его отравили, правдоподобнѣе, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не смотря на то, что и здѣсь оно не подкрѣплено положительнымъ доказательствомъ, потому что увѣреніе Маріаны не можетъ считаться достаточнымъ.

Каталонцы грозно объявили смерть Карла убійствомъ. Барселона, бывшая въ то время однимъ изъ самыхъ большихъ и богатыхъ городовъ Европы, даже ввела у себя республиканское правленіе, привлекла на свою сторону значительную часть королевства и затворила свои ворота предъ королевой, которой Іоаннъ поручилъ усмирить Каталонію. Королева была принуждена бѣжать съ бывшимъ при ней десятилѣтнимъ сыномъ, Фердинандомъ Католикомъ. Она бѣжала въ Жирону, но этотъ городъ былъ взятъ каталонцами, такъ что она едва успѣла спастись въ крѣпость Жиронелу, гдѣ ее заперли и держали въ самомъ стѣснительномъ положеніи. Республиканцы получили поддержку отъ кастильскаго короля Генриха IV и французскаго — Лудовика XI; но эта помощь была не значительна. Правда, Генрихъ вторгнулся въ Наварру, но скоро отказался отъ сво-

его предпріятія. Лудовикъ и при этомъ случаѣ слѣдовалъ той же безстыдной и вѣроломной политикѣ, которая всюду руководила имъ; онъ до тѣхъ поръ ободрялъ и поддерживалъ заговорщиковъ деньгами и обѣщаніями, пока король арагонскій не пришелъ въ отчаяніе; тогда Лудовикъ продалъ послѣднему свою помощь за участокъ земли, округлявшій французскія владѣнія въ Пиринеяхъ. Въ маѣ 1462 г. онъ заключилъ въ Сальватеррѣ союзъ съ Іоанномъ, обѣщалъ дать ему въ займы 450 т. дукатовъ и послать противъ Барселоны вспомогательный отрядъ въ 200 копій (700 человѣкъ); за это онъ получилъ въ видѣ обезпеченія графства Руссильонъ и Сердань, которыя должны были оставаться въ рукахъ Франціи до уплаты 700 т. дукатовъ, при чемъ однако было условлено, чтобы доходы съ графствъ не вычитались изъ этой суммы. Весь договоръ былъ обманомъ со стороны Лудовика, который съ первой минуты заключенія его рѣшился никогда не возвращать этихъ владѣній. Это видно уже изъ того, что онъ немедленно присоединилъ ихъ къ коронным имѣніямъ, въ видѣ уплаты долга, котораго требовалъ какъ наслѣдственной доли своей матери, Маріи Анжуйской, дочери Іоланты арагонской. Въ сальватерскій договоръ была включена графиня Элеонора де Фуа, которую Іоаннъ формально объявилъ правительницею Наварры помимо своего сына Карла и дочери Бланки. Кромѣ того было постановлено, что Іоаннъ выдастъ свою дочь, Бланку, графу Гастону де Фуа. Поэтому Гастону необходимо было освободить королеву изъ Жиронелы. Онъ и д'Альбре, съ шестью тысячами рыцарей и многочисленною пѣхотою, вторгнулись въ графство Руссильонъ и чрезъ пиринейскіе проходы въ Испанію и заставили мятежниковъ снять осаду Жиронелы и даже сдать Жирону. Послѣ этого Іоаннъ выдалъ Бланку графу Гастону. Гастонъ перевезъ ее въ крѣпость Ортесъ въ Беарнѣ, гдѣ два года спустя она умерла въ тюрьмѣ. Какъ при всѣхъ смертныхъ случаяхъ, совершающихся при подобной обстановкѣ, многіе утверждали, что Бланка была отравлена своею сестрою, Элеонорою. Впрочемъ когда несчастную принцессу взяли въ Беарнъ, она составила завѣщаніе, которымъ уступала всѣ свои права на Наварру кастильскому королю Генриху IV за то, что онъ былъ всегда другомъ ея брата, Карла. До насъ дошло одно трогательное письмо, которое она писала Генриху о судьбѣ своего брата и своей. Что касается до престолонаслѣдія въ Наваррѣ, то сынъ графа Гастона де Фуа, жена котораго получила королевство Наварру, былъ женатъ на сестрѣ Лудовика XI, Мадленѣ. Такимъ образомъ на сторонѣ французскаго короля была та выгода, что одинъ изъ его вассаловъ и ближайшихъ родственниковъ долженъ былъ современемъ сдѣлаться королемъ Наварры. Правда, его зять умеръ за два года до смерти своего отца (въ 1470 г.); но онъ оставилъ сына, Гастона Фуа, и дочь Екатерину, и когда первый умеръ бездѣтнымъ, Екатерина вышла замужъ за французскаго дворянина Жана д'Альбре, который такимъ образомъ основалъ новую королевскую династію въ Наваррѣ.

Король Іоаннъ не имѣлъ возможности вновь подчинить себѣ Каталонію и особенно Барселону, потому что Генрихъ кастильскій походомъ противъ Наварры и вторженіемъ въ Арагонію заставилъ его выслать свои войска изъ Каталоніи. Это обстоятельство дало французскому королю случай завлечь и Генриха кастильскаго въ сѣти своей коварной политики. Война продолжалась весь 1462 г., и слабый кастильскій король согласился съѣхаться съ Лудовикомъ на святой недѣлѣ 1463 г., и предоставить ему рѣшеніе своего дѣла. Такимъ образомъ самый дурной, вѣроломный, безнравственный государь сдѣлался судьею самыхъ гордыхъ монарховъ Европы.

Лудовикъ прибѣгнулъ къ той же системѣ лжи, которая повсюду приводила его къ цѣли и главными средствами которой были подкупъ и лицемѣрное добродушіе. Архіепископъ толедскій и маркизъ Вильена со стороны Кастиліи, а гросмейстеръ Монтеза съ конетаблемъ наварскимъ — со стороны Арагоніи, отправились въ Байонну и отдали спорные пункты на разсмотрѣніе Лудовика. Первые два были уже прежде подкуплены, а другіе продались въ Байоннѣ. Поэтому они подчинились приговору французскихъ юристовъ. Приводить здѣсь этотъ приговоръ мы считаемъ излишнимъ. Генрихъ имѣлъ съ Лудовикомъ XI знаменитое свиданіе на берегу Бидассои, — при чемъ Генрихъ и его свита явились съ необыкновенною пышностью, а французскій король пришелъ въ грязномъ и оборванномъ платьѣ и въ беретѣ, на которомъ спереди былъ прикрѣпленъ оловянный образокъ

Дѣвы Маріи; свита его имѣла такой же нищенскій видъ. Посредничество, предложенное французскимъ королемъ, было также чистымъ обманомъ, потому приговоръ его не удовлетворилъ ни королей, ни графа де Фуа, хотя Генрихъ IV призналъ его справедливымъ; самъ Лудовикъ съ радостью видѣлъ, что достигъ своей цѣли, которая состояла въ томъ, чтобы Генрихъ кастильскій предоставилъ каталонцевъ на произволъ судьбы, и призналъ графа Фуа законнымъ королемъ Наварры. При этомъ Лудовикъ былъ совершенно увѣренъ, что короли кастильскій и арагонскій будутъ черезъ годъ еще въ большей ссорѣ, чѣмъ прежде.

Каталонцы не подчинялись приговору Лудовика, не смотря на то, что Генрихъ IV настоятельно побуждалъ ихъ покориться королю Іоанну. Затѣмъ Наварра отказалась отдать кастильцамъ, на основаніи этого приговора, городъ Эстреллу съ областью (merindado). Кастильскіе и арагонскіе вельможи, продавшіе себя Лудовику, впали въ немилость. Республика Барселона чувствовала, что для поддержанія своего существованія должна принять монархическую форму и перейти, хотя для виду, на законную почву. Поэтому она обратилась къ португальскому принцу Донъ-Педро, отличавшемуся воинственностью и имѣвшему притязанія на Арагонію, перешедшія къ нему по наслѣдству отъ его дѣда, графа Уржеля. Этотъ принцъ жилъ въ Суетѣ, откуда португальцы, превосходившіе въ то время всѣ другіе европейскіе народы дѣятельностью, храбростью и предпріимчивостью, дѣлали частые набѣги на владѣнія мавровъ, между тѣмъ какъ ихъ мореплаватели открытіями на Атлантическомъ океанѣ расширяли ограниченный кругъ географическихъ свѣдѣній древности и открывали безпредѣльное поле для торговли новыхъ народовъ. Донъ Педро долженъ былъ двоюродный братъ тогдашняго португальскаго короля Альфонса V, и какъ португальскій принцъ, находился въ странномъ положеніи, потому что его отецъ былъ опекуномъ этого короля и палъ жертвою убійства, не безъ вѣдома Альфонса, хотя послѣдній увидѣлъ потомъ, что подозрѣвалъ дядю неосновательно. Поэтому Педро, не спрашивая разрѣшенія у своего короля, принялъ предложеніе каталонцевъ. Въ январѣ 1464 году онъ прибылъ въ Барселону со всѣми служившими ему въ его походахъ противъ невѣрныхъ, и тотчасъ же былъ провозглашенъ королемъ Арагоніи и Сициліи. Впрочемъ онъ ограничивался только тѣмъ, что завоевывалъ и защищалъ ея города и крѣпости и вступалъ въ незначительныя стычки; черезъ два года послѣ вступленія на престолъ онъ умеръ (въ іюнѣ 1466 г.). Послѣ этого война продолжалась еще нѣсколько лѣтъ и дала арагонскому принцу Фердинанду, который впослѣдствіи, сдѣлавшись королемъ Фердинандомъ Католикомъ, возвелъ Испанію на степень первой всемірной державы, случай выказать свои дарованія, такъ какъ отецъ его предоставилъ ему управленіе всѣми дѣлами. Фердинандъ окончилъ бы войну раньше, еслибъ безпорядки, возникшіе въ Кастиліи, о которыхъ мы скажемъ ниже, не отозвали его съ театра военныхъ дѣйствій, и еслибы Барселона, вслѣдствіе своей торговли и съ помощью своего военнаго флота, не стала на ряду съ Венеціей и Генуей, между тѣмъ какъ у короля Іоанна до смерти Педро была только одна гавань — въ Маіоркѣ Сверхъ того арагонскіе государственные чины смотрѣли на войну съ каталонцами какъ на личное дѣло своего короля; они считали, что оказали ему особенное благодѣяніе, когда однажды, увидѣвъ его въ крайне затруднительномъ положеніи, постановили дать ему въ помощь пятьсотъ вооруженныхъ рыцарей и содержать ихъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ.

По смерти Педро, Іоаннъ и Фердинандъ старались примириться съ каталонцами; но послѣдніе, т. е. не только городъ Барселона, но и другіе города, и особенно три рыцарскіе ордена отвергли дружескія предложенія своего короля и его наслѣдника и стали искать себѣ другаго короля, который продолжалъ бы вести ихъ войну, вмѣсто Педро. Выборъ ихъ палъ на Рене, номинальнаго короля Сициліи, и на его сына Іоанна, который назывался герцогомъ Лотарингскимъ, а какъ наслѣдникъ неаполитанскаго престола, герцогомъ Калабрійскимъ. Хотя въ выборѣ этихъ двухъ государей каталонцы опирались на генеалогическую связь, въ которой они находились съ каталонскою королевскою фамиліею, но, по нашему мнѣнію, выборъ былъ неудаченъ. Сверхъ того каталонцы надѣялись, что Рене и его сынъ получатъ поддержку отъ своего родственника, французскаго короля. Дѣйствительно, Лудовикъ XI не отказалъ имъ въ помощи. Въ 1467 г. герцогъ Калабрійскій пріѣхалъ въ Каталонію и скоро собралъ значительное войско, быстро

усиливавшееся, потому что съ одной стороны Рене имѣлъ много друзей и родственниковъ между дворянами и рыцарями Франціи, а съ другой—Барселона имѣла средства платить цѣлымъ толпамъ искателей приключеній. Напротивъ того, Фердинандъ арагонскій, который, не смотря на то, что въ то время ему было четырнадцать лѣтъ, получилъ отъ своего отца званіе вице-короля, — не могъ выставить значительныхъ силъ, потому что онъ самъ и его отецъ были постоянно заняты въ Кастиліи и должны были очень щадить своихъ поселянъ и горожанъ. Тѣмъ не менѣе Фердинандъ, руководимый и сопровождаемый своею энергическою матерью, одерживалъ съ маленькимъ войскомъ побѣды то въ Каталоніи, то въ Кастиліи. Такимъ образомъ, съ помощью оружія и переговоровъ онъ мало-помалу отдѣлилъ города и графства отъ республиканско-монархическаго союза съ Барселоной, такъ что она сама перешла на сторону Фердинанда; это случилось въ 1471 г. по смерти герцога Калабрійскаго въ декабрѣ 1470 г. Надо сказать однако, что Барселона долго защищалась съ удивительною твердостью. Гарнизономъ командовалъ вмѣсто Рене II, сына и наслѣдника герцога Калабрійскаго, де-Лу; онъ отвергалъ всѣ предложенія короля даже тогда, когда исчезла всякая надежда на спасеніе. Карлъ Смѣлый, герцогъ Бургундскій, черезъ уполномоченныхъ, которыхъ посылалъ въ Испанію, условливался съ Фердинандомъ о мѣрахъ противъ лотарингцевъ; королевскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Бернардо де-Виламарина, такъ тѣсно заперъ барселонскую гавань, что войска, посланныя старикомъ Рене изъ Прованса, не могли пробраться въ городъ; французы также тщетно пытались пройти туда изъ Руссильона; не смотря на все это, Барселона не соглашалась ни на какія предложенія о сдачѣ. Напрасно король въ письмѣ, которое сохранилъ Сурита, обѣщалъ жителямъ города полное прощеніе, сохраненіе ихъ привилегій и возвращеніе всѣхъ принадлежавшихъ имъ городовъ и мѣстечекъ, и именемъ Бога умолялъ ихъ не доводить его до необходимости штурмовать одинъ изъ первыхъ городовъ Европы *) и этимъ лишить его благосостоянія; его увѣщанія и просьбы не произвели на барселонцевъ никакого впечатлѣнія. Наконецъ одному почтенному барселонскому священнику удалось уговорить своихъ согражданъ, и 10 октября они сообщили королю условія, на которыхъ были готовы снова сдѣлаться покорными подданными.

Король не только согласился на всѣ эти условія и впослѣдствіи сдержалъ свое слово, но удовлетворилъ и другія, весьма неумѣренныя желанія возмутившагося города. Стоитъ подумать объ этомъ обстоятельствѣ и при этомъ принять въ соображеніе содержаніе условій, предложенныхъ барселонцами, чтобъ убѣдиться, что съ одной стороны король придавалъ Барселонѣ огромную цѣну, а съ другой, что та благородная философія, та чистая религіозность, та нравственная образованность и та правильность отношеній между правительствомъ и народомъ, которыя видны въ лѣтописяхъ Суриты, проникли въ жизнь арагонцевъ и каталонцевъ. Требованія Барселоны состояли въ слѣдующемъ: 1) чтобы жителямъ было дано полное прощеніе и забвеніе прошедшаго; 2) чтобы сынъ герцога Лотарингскаго получилъ надежную свиту и право ѣхать, куда ему угодно, водою или сухимъ путемъ, со всѣми своими солдатами и иностранными офицерами, со всѣмъ оружіемъ и огнестрѣльными снарядами; 3) чтобы король снова подтвердилъ привилегіи, вольности, обычаи и учрежденія города, точно также какъ постановленія городскаго совѣта и законы о податяхъ и пошлинахъ; 4) чтобы городъ Барселона снова получилъ всѣ города и замки, которыми владѣлъ до смерти принца Карла Наваррскаго, и чтобы всѣмъ частнымъ лицамъ были возвращены ихъ имущества. Король, его сынъ Фердинандъ и всѣ остальные арагонскіе инфанты, а равно и государственные чины Арагоніи, Валенсіи и Маіорки и большое

---

*) Recibimos gran dolor, en ver essa ciudad, que era la mas principal de nuestros reynos y tierras, y tan famosa e gloriosa entre las otras ciudades del mundo, y que aya llegado al punto y angustia en que esta; y assi deveys don suma prudencia y cuydado entender en poner ed obra vuestra reducion. (Мы съ великою горестью видимъ, что главный городъ нашихъ королевствъ и земель, знаменитый и славный между всѣми прочими городами міра, пришелъ въ такое бѣдственное положеніе; потому вамъ слѣдуетъ быть осторожными и осмотрительными и позаботиться о сдачѣ).

число прелатовъ и вельможъ, нарочно для этого созванныхъ, присягнули соблюдать эти условія. Всѣмъ, кто не захотѣлъ бы снова сдѣлаться подданными короля, было позволено отправиться куда угодно со всѣмъ имуществомъ — на что былъ данъ годичный срокъ.

2. Кастилія.

Въ то время, до котораго мы довели (т. III, стр. 635) исторію Кастиліи, въ ней царствовалъ Іоаннъ II. Вся исторія этого слабаго короля заключается въ томъ, что онъ нашелъ въ коннетаблѣ Альваро де Луна человѣка, съумѣвшаго держать въ страхѣ кастильскихъ вельможъ. Вслѣдствіе этого Іоаннъ до такой степени надѣлялъ этого сановника должностями, богатствами и помѣстьями, что онъ жилъ по царски и обращался со всѣми съ невыносимою гордостью. Къ числу кастильскихъ вельможъ принадлежали также инфанты арагонскіе и даже арагонскій король (Альфонсъ V), — ближайшіе родственники Іоанна, владѣвшіе въ Кастиліи значительными помѣстьями. Эти инфанты, особенно два брата—Хуанъ и Энрико, изъ которыхъ первый былъ королемъ Наварры, а впослѣдствіи и Арагоніи, а другой былъ женатъ на сестрѣ кастильскаго короля, — питали къ Альваро непримиримую ненависть и стояли во главѣ вельможъ, составившихъ союзъ противъ коннетабля. Правда, ихъ соотечественники—арагонцы не особенно желали сражаться за частное дѣло короля и его властолюбивыхъ братьевъ; но Марія, управлявшая арагонскимъ королевствомъ въ отсутствіе короля Альфонса V, не могла не подавать, время отъ времени, помощь братьямъ своего мужа.

Во время перемирія, заключеннаго въ 1439 г. Кастиліею съ Альфонсомъ и его братьями, могущество и богатство Альваро возрасли до невѣроятной степени. Послѣ конфискованія имѣній инфантовъ, онъ получилъ лучшую часть ихъ, выказалъ по этому случаю царскую пышность и какъ въ кабинетѣ, такъ и на полѣ битвы пользовался королевскою властью. Этимъ онъ совершенно возстановилъ противъ себя какъ вельможъ, такъ и наслѣдника престола (Генриха IV) и любимца его Хуана Пачеко; королева, не пользовавшаяся особенно хорошею репутаціею относительно нравственности, также пристала къ врагамъ Альваро. Но въ 1431 г. послѣдній стяжалъ себѣ и своему королю славу побѣдителя мавровъ, которые все еще тревожили Кастилію изъ Гранады; его распоряженіямъ приписывали то, что кастильцы прошли въ то время до мавританской столицы, Гранады, и сдѣлали ея правителемъ одного магометанскаго принца, бѣжавшаго изъ отечества и нашедшаго пріютъ у Іоанна II. Впрочемъ, враги Альваро доказывали, что, не будь онъ подкупленъ этимъ принцемъ, Кастилія могла бы завладѣть всѣмъ мавританскимъ королевствомъ. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ Альваро продолжалъ держаться на своемъ мѣстѣ и пользоваться милостью короля, не смотря на всеобщую ненависть рыцарей, которыхъ давилъ, и на вторичное появленіе арагонскихъ инфантовъ. Правда, что для того чтобы справляться съ постоянными нападеніями и заговорами, онъ часто прибѣгалъ къ тѣмъ средствамъ и тому вѣроломству, которыя пускалъ въ ходъ Лудовикъ XI для прекращенія господства вельможъ во Франціи. Ни Лудовикъ, ни Альваро не поступали честно и хорошо; но преступленія ихъ были вызваны временемъ и обстоятельствами, и Альваро имѣлъ полное право, какъ видно изъ его послѣднихъ словъ, быть до самой смерти убѣжденнымъ въ томъ, что только съ помощью восточной правительственной системы можно поддерживать значеніе короля, порядокъ и спокойствіе между такими людьми, каковы были кастильскіе вельможи. Справедливость этого мнѣнія подтвердилась, какъ скоро онъ на нѣкоторое время пересталъ управлять государствомъ.

До 1437 г. Альваро все болѣе и болѣе возвышался; король дарилъ ему цѣлые города, во время его болѣзни держалъ у его постели военный совѣтъ, позволялъ ему содержать въ Эскалонѣ дворъ и войско и такъ строго наказывалъ тѣхъ, которые строили противъ него козни, какъ будто они составляли заговоръ противъ самого короля. Это послѣднее обстоятельство подало поводъ къ

возобновленію междоусобной войны и къ первому низверженію Альваро. Одинъ изъ знатнѣйшихъ кастильскихъ вельможъ, Педро Манрикецъ, котораго посадили въ тюрьму за заговоръ противъ Альваро, былъ въ 1438 г. тайно освобожденъ своими пріятелями и тотчасъ получилъ со всѣхъ сторонъ поддержку. Арагонскіе инфанты Энрико и Хуанъ также поспѣшили въ Кастилію, чтобы пристать къ возмутившимся вельможамъ, и слабый король былъ принужденъ удалить на нѣкоторое время отъ двора Альваро и всѣхъ его друзей и приблизить къ себѣ недовольныхъ. Формальнымъ договоромъ, заключеннымъ въ октябрѣ 1439 г. съ инфантами, онъ обязался возвратить имъ ихъ земли, удалить Альваро на шесть мѣсяцевъ и не находиться съ нимъ ни въ посредственныхъ, ни въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Такимъ образомъ на короля смотрѣли какъ на лишенную воли машину, которой можно было пользоваться для анархической системы рыцарства точно также, какъ прежде для монархической системы Альваро. Однако, не смотря на договоръ, король, чрезъ посредство оставшагося при немъ генералъ-адмирала Федериго, сдѣлавшагося впослѣдствіи однимъ изъ злѣйшихъ враговъ коннетабля, остался въ сношеніяхъ съ послѣднимъ; хотя враждебная партія слѣдила за нимъ, какъ за узникомъ, но въ началѣ 1440 г. ему удалось тайно бѣжать въ Саламанку, а оттуда въ Бонилью—городъ небольшой, но плотно населенный и хорошо укрѣпленный. Отсюда Іоаннъ вступилъ въ переговоры, точно съ законнымъ правительствомъ, съ людьми, терзавшими государство и дравшимися между собою изъ-за должностей, чиновъ и помѣстій; наконецъ, покончили на томъ, что споръ будетъ рѣшенъ на собраніи государственныхъ чиновъ въ Вальядолидѣ; до тѣхъ поръ обѣ стороны предоставили себѣ право оставаться на военной ногѣ. Въ Вальядолидѣ послѣдовало примиреніе, Альваро все-таки не получилъ позволенія воротиться къ двору, а короля начали мучить и грабить то инфанты или вельможи, то его собственный безпутный сынъ Генрихъ и любимецъ послѣдняго, Пачеко. Партіи продолжали враждовать другъ съ другомъ, и король велъ переговоры съ обѣими. Спустя нѣсколько времени Альваро вернулся къ нему, и Іоаннъ снова совершенно подчинился его власти; но въ маѣ 1441 г. врагамъ коннетабля удалось взять городъ Медина-дель-Кампо, гдѣ находился король, и захватить его въ плѣнъ. Но Альваро, его братъ, архіепископъ толедскій, гросмейстеръ Алькантары и другіе приверженцы коннетабля успѣли спастись.

Король согласился на всѣ предписанныя ему условія, созвалъ въ 1442 г. собраніе государственныхъ чиновъ для полученія съ націи денегъ, выжатыхъ у него корыстолюбивыми инфантами и вельможами, и позволилъ уничтожить всякій поводъ къ своимъ сношеніямъ съ коннетаблемъ, хотя послѣдній былъ ему попрежнему необходимъ. За это люди, во власти которыхъ онъ находился, выказывали глубокое, восточное уваженіе къ нему, боясь раздражить противъ себя духовенство и гражданъ. Дѣйствительными правителями государства сдѣлались арагонскіе инфанты, Хуанъ и Энрико. По своимъ брачнымъ союзамъ они вступили въ родство съ главами кастильской аристократіи, враждебной королевской власти; Хуанъ женился на Іоаннѣ, дочери генералъ-адмирала Федериго, Энрико—на дочери графа Бенавенте. Коннетаблю удалось найти случай къ возстановленію своего прежняго значенія не ранѣе 1444. Чрезъ посредство епископа авильскаго онъ успѣлъ привлечь на свою сторону любимца наслѣднаго принца, Пачеко, а черезъ Пачеко—и самого принца, и затѣмъ вступилъ съ послѣднимъ въ переговоры объ освобожденіи короля. Характеристическою чертою тогдашняго состоянія нравственности кастильскаго дворянства можетъ служить то обстоятельство, что при переговорахъ, шедшихъ по этому поводу между наслѣднымъ принцемъ и Альваро, принцъ только тогда рѣшился помочь освобожденію своего отца, когда Альваро, именемъ короля, обѣщалъ обогатить его на счетъ государства. Ему были обѣщаны города Хаэнъ, Касересъ, Сіудадъ-Родриго и Логрогно. Любимецъ его, Пачеко, уже владѣвшій помѣстьями и богатыми маркизатствами, тоже не остался безъ барышей: ему обѣщали Вилла-нуэва-де-Варкарроту, Сальватьеру и Сальваконъ. Впрочемъ эти переговоры шли съ большимъ трудомъ, потому что Альваро не могъ вѣрить наслѣдному принцу, а принцъ только тогда могъ что нибудь дѣлать, когда при немъ были и давали ему совѣты Пачеко и епископъ авильскій. Исполненіе этого плана началось только тогда, когда они привлекли

на сторону короля столько вельможъ, что нашли возможнымъ выступить противъ непріятеля. Тогда наслѣдный принцъ отправилъ циркуляры ко всѣмъ вельможамъ съ приглашеніемъ съѣхаться къ нему и помочь освободить короля. Обѣ стороны начали собирать войска во имя короля; но до рѣшительной битвы дѣло не дошло. За то королю удалось освободиться отъ власти графа Кастро, который сторожилъ его. Поѣхавъ однажды изъ Портильо въ Вальядолидъ, онъ, положившись на преданныхъ ему рыцарей и жителей города, неожиданно отослалъ своихъ провожатыхъ и остался въ Вальядолидѣ.

Узнавъ объ освобожденіи короля, инфанты выѣхали изъ государства, а ихъ союзники-вельможи удалились въ свои помѣстья. Но инфанты, у которыхъ король отнялъ всѣ ихъ владѣнія въ Кастиліи, появились съ новымъ войскомъ въ 1444 г., и враги Альваро снова пристали къ нимъ. Военныя силы инфантовъ равнялись королевскимъ, потому что ихъ поддерживала невѣстка ихъ, правительница Арагоніи, и многіе наваррскіе вассалы. Не смотря на это, они предложили королю миръ. Но онъ былъ невозможенъ, потому что инфанты требовали удаленія Альваро, въ которомъ Іоаннъ видѣлъ свою единственную опору. Поэтому надо было рѣшить дѣло оружіемъ. 19 мая 1445 г. при Ольмедо произошло сраженіе, окончившееся побѣдою короля или скорѣе коннетабля. Какъ ни мало было пролито крови въ этомъ сраженіи (убитыхъ было всего около 50 человѣкъ), но послѣдствія его были очень значительны: инфантъ Энрико палъ въ битвѣ, а братъ его, Хуанъ, бѣжалъ въ Наварру.

Съ этой минуты Альваро получилъ совершенно неограниченную власть, и король добровольно подчинялся всѣмъ его распоряженіямъ, какъ дитя или идіотъ. Противниковъ Альваро начали преслѣдовать, и лучшая часть ихъ состоянія была отдана ему. Наслѣдный принцъ нѣсколько разъ снова подымалъ оружіе противъ отца, и король смотрѣлъ на коннетабля какъ на свою единственную опору въ борьбѣ съ сыномъ. Опека, въ которой Альваро держалъ короля, дошла до такой степени, что, когда Іоаннъ овдовѣлъ, Альваро, не сказавъ ему ни слова, обручилъ его съ одною португальскою принцессой, хотя король намѣревался въ то время чрезъ посланниковъ просить руки одной изъ дочерей французскаго короля. Дѣло было въ томъ, что португальскій король желалъ возвести на престолъ Кастиліи Изабеллу, дочь своего дяди, и Альваро согласился исполнить его желаніе, потому что этимъ онъ пріобрѣталъ себѣ въ Португаліи такую же опору, какую инфанты имѣли въ Арагоніи, Наварѣ и Франціи. Въ 1445 г. въ Испанію пріѣхало блестящее посольство, въ составѣ котораго находился коннетабль португальскій. Альваро выѣхалъ къ нему на встрѣчу во главѣ кастильскаго посольства подъ прикрытіемъ тысячи избранныхъ рыцарей, и по дорогѣ коннетабли порѣшили все дѣло. Когда посланники пріѣхали въ Торо, бѣдный король Іоаннъ узналъ, что долженъ отказаться отъ французской принцессы и жениться на португальской. Этому поступку Альваро обыкновенно приписываютъ его паденіе, послѣдовавшее черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, приписываютъ потому, что не понимаютъ, почему Іоаннъ такъ внезапно допустилъ низверженіе своего любимца; но такъ какъ между этими двумя событіями протекло такъ много времени, и такъ какъ Іоаннъ не только былъ доволенъ Изабеллою, но даже воспользовался впослѣдствіи ея услугами для освобожденія себя отъ могущественнаго временщика,—то такое мнѣніе совершенно неосновательно. До 1448 г. немилость Альваро не обнаруживалась ни малѣйшимъ признакомъ. Напротивъ того, король убѣдилъ членовъ ордена С.-Яго сдѣлать коннетабля своимъ гросмейстеромъ и такимъ образомъ доставилъ ему должность, поставившую его въ совершенно независимое положеніе, потому что власть гросмейстеровъ всѣхъ испанскихъ рыцарскихъ орденовъ была такъ значительна, что впослѣдствіи Фердинандъ Католикъ соединилъ въ своемъ лицѣ всѣ гросмейстерства, чтобъ прекратить анархическую дѣятельность рыцарства и получить возможность построить монархію на новыхъ основаніяхъ. Когда вслѣдъ за тѣмъ городъ Албукерке былъ отнятъ у графа, защищавшаго его для сына инфанта Энрико, король Іоаннъ подарилъ Альваро эту важную крѣпость съ ея большимъ округомъ.

Мы не рѣшаемся вступать въ лабиринтъ войнъ, которыя Альваро де Луна велъ съ постояннымъ счастіемъ съ 1447 до 1451 г. противъ вельможъ, непереставшихъ дѣйствовать противъ него, — точно также какъ въ лабиринтъ при-

дворныхъ интригъ, разрушенныхъ его рукою. Несомнѣнно, что до 1452 г. коннетабль держалъ въ страхѣ всѣхъ своихъ многочисленныхъ враговъ, а также короля и королеву, и уничтожалъ всякую попытку ограничить его власть. Это тѣмъ болѣе удивительно, что, судя по показаніямъ Ферреpаса, король и королева уже въ 1447 г. составили съ членами фамиліи Сугнига и могущественными приверженцами ея заговоръ противъ своего всесильнаго министра, и вели переписку по этому поводу черезъ посредство одной придворной дамы. Въ 1451 г. казалось даже, что Альваро побѣдитъ своего страшнѣйшаго врага, короля наваррскаго Іоанна,—потому что раздоръ послѣдняго съ сыномъ, Карломъ, далъ коннетаблю случай вторгнуться въ Наварру. Вельможи и инфанты, союзные съ Іоанномъ, пришли въ уныніе и отправили кастильскаго адмирала въ Италію, просить арагонскаго короля Альфонса V пріѣхать въ Испанію. Но въ это самое время счастье покинуло коннетабля. Наслѣдный принцъ и королева также принимали участіе въ переговорахъ, мнимою цѣлью которыхъ было возстановленіе мира съ Арагоніею; они окончились въ 1452 г. тѣмъ, что Альфонсъ отправилъ посольство въ Испанію и составилъ противъ Альваро сильный союзъ. Король наваррскій, сынъ павшаго при Ольмедо инфанта Энрико, король кастильскій, его старшій сынъ Генрихъ или вѣрнѣе фаворитъ послѣдняго, Хуанъ Пачеко маркизъ Вильена, также безусловно господствовавшій надъ наслѣднымъ принцемъ, какъ Альваро надъ королемъ, заключили между собою и съ кастильскими вельможами договоръ противъ Альваро; Сурита помѣстилъ въ IX гл. XVI кн. своей лѣтописи извлеченіе изъ него. Государственный казначей Альфонсъ де-Виверо, обязанный своимъ возвышеніемъ коннетаблю, также принялъ участіе въ заговорѣ, руководимомъ Пачеко *) и составленномъ тремя королями и многими вельможами противъ министра, получившаго значеніе эмира-аль-омра (см. т. II, стр. 344). Но, не смотря на то, что Виверо доказалъ фактами, что Альваро распоряжался состояніемъ короля и государственною кассою, какъ своимъ собственнымъ имуществомъ, Іоаннъ долго не рѣшался удалить всемогущаго министра; онъ боялся человѣка, который ему одному былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Наконецъ въ началѣ 1453 г. рѣшились именемъ короля ниспровергнуть министра.

Королевская фамилія продолжала выказывать коннетаблю прежнюю дружбу, хотя уже рѣшилась погубить его; самъ Альваро считалъ себя совершенно безопаснымъ подъ охраной своей собственной гвардіи, которою командовалъ его побочный сынъ, донъ Педро. Въ началѣ 1453 г. онъ все еще забавлялъ королевскую фамилію христіанскими и мавританскими празднествами и до послѣдней минуты истреблялъ своихъ противниковъ по обычаю мавровъ. Онъ давалъ христіанскіе турниры и рядомъ съ ними устраивалъ восточныя игры, гдѣ искусные рыцари кидали другъ въ друга джеридъ и въ то же время старались избѣжать удара быстрымъ поворотомъ лошади и своего тѣла. Въ управленіи онъ держался восточныхъ обычаевъ, что при своевольствѣ знати считается умѣстнымъ; за нѣсколько дней до своего паденія, въ среду на страстной недѣлѣ 1453 г., онъ велѣлъ кинуть съ башни одного замка государственнаго казначея, Альфонса де-Виверо, и потомъ увѣрялъ, что онъ упалъ самъ. Въ страстную пятницу государственный секретарь, Альфонсъ Биннера, былъ, по распоряженію Альваро, заколотъ и брошенъ въ рѣку. Впрочемъ, Сурита откровенно сознается, что король Іоаннъ рѣшился низвергнуть Альваро главнымъ образомъ потому, что смотрѣлъ на коннетабля, какъ въ древнее время турецкіе султаны смотрѣли на своихъ великихъ визирей, т. е. онъ позволялъ ему грабить для того, чтобы потомъ овладѣть награбленною добычею **).

Не смотря на сильный союзъ, составившійся противъ Альваро, и на множество враговъ его, ни король, ни члены многочисленной фамиліи Сугнига, уже

---

*) Avea induzido—говоритъ Сурита о Пачеко—al principe don Enrique, que se confederasse con el re de Aragon, non solo parò esto, però para tomar el regimento de la persona del rey su padre y de sus reynos. (Онъ уговорилъ принца Генриха соединиться съ королемъ арагонскимъ, чтобъ овладѣть управленіемъ государства и властью надъ особой короля его отца).

**) El rey de Castilla, desseava al condestabile sua perdicion, non tanto per ta indignazion de aver se le assi sojuzgado y rendido, quanto per codicia de su thesoro, y concur-

давно знавшіе о желаніи государя избавиться отъ министра, не рѣшались дѣйствовать открыто противъ коннетабля; они помышляли лишь объ убійствѣ или внезапномъ нападеніи. Коннетабль могъ бы предвидѣть бѣду по многимъ признакамъ, между прочимъ по тому, что, когда однажды онъ забавлялъ короля въ Тордезильясѣ игрою въ джеридъ, копье одного изъ рыцарей было съ такою силою пущено въ его младшаго сына, Хуана де-Луна, что донъ Педро, побочный братъ послѣдняго, желая прикрыть его своимъ щитомъ, получилъ сильную рану въ руку. Король убѣждалъ коннетабля не возвращаться съ нимъ изъ Тордезильяса въ Вальядолидъ; но Альваро не послушался, потому что считалъ себя совершенно безопаснымъ въ Вальядолидѣ подъ прикрытіемъ своей гвардіи и горожанъ. Король зналъ это и, подъ предлогомъ необходимости присутствовать на собраніи дворянства, созванномъ для рѣшенія спора съ Наваррой, отправился въ Бургосъ. Альваро сначала не хотѣлъ слѣдовать за нимъ; ему казалось страннымъ, что его злѣйшіе враги, графъ Гаро и маркизъ Сантильяна, послали къ королю въ Вальядолидъ пятьсотъ всадниковъ, будто бы для того, чтобы помочь ему въ войнѣ съ Наваррой; Альваро не нравилось также то, что въ бургосской цитадели расположился маршалъ Иниго Сугнига съ небольшимъ отрядомъ. Поэтому онъ отправился въ Бургосъ только тогда, когда король письменно обѣщалъ ему, что тамошняя цитадель будетъ для него очищена. Это обѣщаніе не было выполнено, а Альваро, до сдачи цитадели, поселился въ домѣ Педро Картагена. Впрочемъ, въ разсказѣ о послѣднихъ дняхъ коннетабля, Маріана противорѣчитъ хроникѣ Альваро де-Луна. Онъ говоритъ, что въ самое послѣднее время король боялся открытой борьбы между коннетаблемъ и его противниками и совѣтовалъ первому удалиться изъ Бургоса въ принадлежавшій ему городъ Эскалону; но Альваро откладывалъ отъѣздъ до пріѣзда своего брата, архіепископа толедскаго, котораго хотѣлъ оставить въ Бургосѣ вмѣсто себя.

Главою фамиліи Сугнига былъ графъ Пласенсія; не довѣряя коннетаблю, онъ заперся съ своею прислугою въ Беярѣ. Враги Альваро обратились къ нему черезъ посредство сына Иниго Сугниги, Діэго, и отъ имени короля пригласили его пріѣхать въ Бургосъ, чтобы аттаковать коннетабля снаружи, между тѣмъ какъ Иниго вторгнется въ городъ изъ крѣпости. Но графъ отказался, подозрѣвая, что его хотятъ завлечь въ западню. Онъ согласился дѣйствовать только тогда, когда его племянница, графиня Рибадео, которая съ 1447 г. вела переговоры отъ имени королевы, пріѣхала къ нему съ письмомъ отъ короля; 12 марта онъ двинулъ изъ Беяра въ замокъ Куріалъ вооруженный отрядъ, подъ начальствомъ своего сына, Альваро Сугнига, поручивъ ему сдѣлать внезапное нападеніе на коннетабля, прежде чѣмъ войска Альваро, стоявшія за Бургосомъ, успѣютъ придти къ нему на помощь. Но Сугнига зашелъ уже слишкомъ далеко, чтобы имѣть возможность вернуться и потому, не смотря на приказанія короля, приступилъ къ выполненію плана. Тогда король, въ рѣшительный день (5 апрѣля), призвалъ къ оружію гражданъ Бургоса и занялъ ими площади и городскія ворота; тѣмъ не менѣе Сугнига вступилъ въ городъ съ нѣсколькими сотнями солдатъ и окружилъ квартиру коннетабля. Но Альваро обратилъ домъ, въ которомъ жилъ, въ крѣпость и упорно сопротивлялся, такъ что очень многіе изъ солдатъ Альваро Сугнига были убиты или ранены, и самъ Иниго Сугнига былъ раненъ стрѣлою. Поэтому пришлось согласиться на капитуляцію. Долго парламентеры ѣздили отъ короля къ коннетаблю и обратно, и наконецъ Альваро согласился сдаться на слѣдующемъ условіи: онъ потребовалъ отъ короля письменнаго удостовѣренія, что ни жизнь, ни честь его не будутъ тронуты и что его приверженцы также не будутъ лишены ни свободы, ни имущества. Король далъ обѣщаніе, написавъ его собственноручно и скрѣпивъ государственной печатью: онъ каждую минуту боялся, что въ городъ насильственно ворвутся гвардія и войска коннетабля. На это надѣялся и Альваро и потому долго, но тщетно ждалъ своихъ солдатъ, прежде чѣмъ отдался

---

riendo in está volundad la reyna de Castilla los enemigos del condestabile se animaron. (Король кастильскій желалъ погибели коннетабля не столько изъ негодованія за свою подчиненность ему, сколько изъ желанія воспользоваться его богатствомъ; королева раздѣляла это желаніе, а враги коннетабля подстрекали другъ друга).

въ руки короля. Сыну его, Хуану де-Луна, удалось бѣжать изъ Бургоса. По взятіи коннетабля, враги его жадно бросились на многочисленныя его имѣнія и сокровища. Сурита говоритъ, что богатства Альваро были предметомъ долгихъ совѣщаній еще за восемь мѣсяцевъ до заключенія противъ него вышеупомянутаго договора.

Коннетабль былъ привезенъ изъ Бургоса въ Портильо, гдѣ его предали суду, который долженъ былъ кончиться какъ можно скорѣе. Процессъ былъ въ этомъ случаѣ пустою формальностью, потому что въ строго законномъ смыслѣ его нельзя было ни въ чемъ обвинить; онъ всегда дѣйствовалъ въ пользу короля и по его приказанію и поступалъ тиранически только потому, что самъ король былъ слишкомъ ничтоженъ. Судъ состоялъ изъ нѣсколькихъ раболѣпныхъ правовѣдовъ и тайныхъ совѣтниковъ короля. Допросъ былъ короткій и очень не полный, обвиненія, составленныя фискалъ-прокураторомъ, неопредѣленны, неважны и частью даже смѣшны. Какъ бы то ни было, но Альваро былъ приговоренъ къ смерти, и въ іюлѣ 1453 г. казненъ какъ простой преступникъ. До послѣдней минуты онъ былъ убѣжденъ, что оказалъ великія услуги королевской власти, поступалъ съ вельможами, угнетавшими народъ и короля, именно такъ, какъ слѣдовало, и палъ жертвою пламеннаго рвенія поддержать права народа и короля противъ покушеній знати и грабителей-рыцарей. Говорятъ, что, идя на мѣсто казни, онъ встрѣтилъ шталмейстера наслѣднаго принца, Баразу, и крикнулъ ему: «Скажи своему господину, чтобы онъ награждалъ своихъ вѣрныхъ слугъ лучше, чѣмъ его отецъ наградилъ меня!» Казнь его совершилась на вальядолидской площади по тогдашнему обыкновенію, по которому палачъ сначала втыкалъ преступнику въ горло ножъ, а потомъ уже отсѣкалъ голову. Альваро выказалъ такую твердость, такое присутствіе духа, что жестокая смерть его не только примирила съ нимъ озлобленный на него народъ, но даже вызвала въ толпѣ глубокое сожалѣніе о немъ. Такъ какъ испанецъ Аскаргорта, котораго краткое изложеніе испанской исторіи появилось во второмъ десятилѣтіи нашего столѣтія, совершенно согласенъ съ Шпиттлеромъ въ разсказѣ о заслугахъ Альваро, то мы передадимъ нашимъ читателямъ его слова. «Гнусные клеветники—говоритъ онъ — хотѣли очернить память Альваро передъ потомствомъ; тѣмъ не менѣе, его преступленіе состояло въ томъ, что онъ былъ энергическій и способный министръ вялаго и неспособнаго короля. Несомнѣнно — продолжаетъ Аскаргорта — что Іоаннъ II кастильскій дурно наградилъ Альваро де-Луна за то, что послѣдній служилъ ему съ такимъ усердіемъ и не только часто освобождалъ его изъ рукъ инфантовъ арагонскихъ, но и защищалъ постоянно отъ нападеній вельможъ его собственнаго государства.

Тотчасъ по смерти коннетабля обнаружилось, что визирь въ родѣ Альваро былъ необходимъ такому королю, какъ Іоаннъ II, и такому народу какъ кастильцы. Люди, которыми Іоаннъ пользовался противъ коннетабля, и тѣ, которые мучили его всю его жизнь, стали дѣйствовать смѣлѣе чѣмъ когда-либо. Самъ король не только занялъ Эскалону и другіе города и помѣстья Альваро, но завладѣлъ и сокровищами его и хотѣлъ держать на жалованьи восемь т. вооруженныхъ всадниковъ, т. е. учредить постоянную армію; но онъ былъ ничтоженъ и безсиленъ всю свою жизнь. Къ счастію онъ пережилъ казнь Альваро только годомъ. Онъ умеръ въ іюлѣ 1454 г.; — незадолго до этого вторая жена его, отъ которой онъ имѣлъ уже дочь (Изабеллу), родила ему сына, Альфонса.

Сынъ его Генрихъ IV наслѣдовалъ ему и въ короткое время промоталъ самымъ безумнымъ и пагубнымъ для государства образомъ богатства, которыя онъ и отецъ его получили отъ Альваро и раздѣлили между собою. Вслѣдствіе ранняго распутства, Генрихъ обезсилѣлъ тѣломъ и духомъ, дѣтски и безсмысленно раздавалъ сокровища людямъ, которыхъ съ нимъ сводилъ случай или приписывавшійся ему извѣстный восточный порокъ; на содержаніе великолѣпной лейбъ-гвардіи изъ 3,600 чел. онъ выдавалъ такія суммы, что на нихъ можно было содержать цѣлую армію. Кромѣ того онъ постоянно давалъ хвастливыя обѣщанія предпринять походъ противъ невѣрныхъ, — но не имѣлъ духа выполнить ихъ. Онъ помѣстилъ въ свой гербъ вѣтвь гранатнаго дерева какъ символъ завоеванія Гранады, и скоро своими пустыми угрозами сдѣлался смѣшонъ гранадскому королю, который сначала весьма опасался его, такъ какъ въ первые годы своего царствованія Генрихъ почти каждый годъ сзывалъ къ себѣ рыцарей изъ отдален-

нѣйшихъ областей Испаніи, вторгался съ ними въ Гранаду и производилъ грабежи и опустошенія. Но начинать правильную войну онъ не рѣшался. Поэтому ежегодно употреблялъ въ дѣло отъ 20 до 30 т. человѣкъ тамъ, гдѣ было достаточно одного гусарскаго эскадрона. Пачеко маркизъ Вильена игралъ при немъ такую же роль, какую Альваро де-Луна при его отцѣ; но Пачеко былъ простой интригантъ и впослѣдствіи, когда Генрихъ выбралъ себѣ другаго любимца, сдѣлался злѣйшимъ врагомъ короля. Сверхъ того, Генрихъ раздавалъ неспособнымъ людямъ первыя должности государства, на которыя дворянскія фамиліи смотрѣли какъ на свое наслѣдство и достояніе; этимъ онъ оскорблялъ вельможъ, но не доставлялъ, подобно своему отцу, славы государству. Аристократія, боровшаяся съ Альваро де-Луна, необходимо должна была возстать противъ такого интриганта какъ Пачеко и такого слабаго развратника какъ Генрихъ; поэтому Пачеко раздавалъ первыя должности и званія людямъ темнаго происхожденія. Между прочимъ мѣста канцлера и коннетабля были отданы прежнимъ слугамъ Пачеко; донъ Гомецъ де-Солисъ, бѣдный дворянинъ изъ Касереса, сдѣлался гросмейстеромъ Алкантары, а Хуанъ Валенсуэла — великимъ пріоромъ св. Іоанна; донъ Бертранъ де-ля Куэва, съумѣвшій потомъ вытѣснить Пачеко и сдѣлаться любимцемъ короля, превратился изъ пажа, ѣздившаго на запяткахъ кареты, въ оберъ-гофмейстера. Бертранъ находился въ весьма подозрительныхъ отношеніяхъ съ второю женой короля, Іоанной, португальской принцессой, на которой Генрихъ женился въ 1455 г. послѣ развода съ Бланкой. Первыя лица государства должны были уступать этому человѣку; они считали себя отодвинутыми на задній планъ и оскорбленными, и старались помѣшать возникновенію въ Кастиліи той системы, которой слѣдовалъ въ теченіе всей своей жизни Лудовикъ XI французскій. Но между Лудовикомъ и Генрихомъ была большая разница. Лудовикъ не поручалъ дѣлъ членамъ знатныхъ фамилій, полагавшимъ, что высокое происхожденіе давало право на занятіе первыхъ должностей въ государствѣ; онъ употреблялъ на это людей низкаго происхожденія и часто даже лишенныхъ всякихъ нравственныхъ принциповъ и чести, но искусныхъ, ловкихъ и свѣдущихъ и служившихъ его орудіями, которыя онъ могъ во всякое время бросить. Взглядъ его отыскивалъ этихъ людей въ толпѣ, и онъ умѣлъ употреблять ихъ съ пользою. Напротивъ того, Генрихъ кастильскій принималъ на службу людей не только простыхъ и необразованныхъ, но неспособныхъ и безнравственныхъ, которые злоупотребляли его довѣріемъ. Поэтому одна и та же система во Франціи приносила пользу, а въ Кастиліи оказалась вредною.

Вельможи возстали противъ нея. Тѣ самые люди, которые прежде сдерживали своеволіе коннетабля Альваро де-Луна, а именно архіепископъ толедскій, генералъ-адмиралъ донъ Федериго, гросмейстеръ Калатравы донъ Педро Жиронъ, маркизъ Сантильяна и графы Гаро, Альба и Бенавенте, — первые отказались повиноваться Генриху IV. Особеннымъ счастіемъ для новаго короля было то, что наслѣднику арагонскаго короля Альфонса V (ум. 1458 г.), Іоанну II, было слишкомъ много дѣла въ Наваррѣ и Каталоніи, чтобы онъ могъ думать о Кастиліи, и что инфанты были удовлетворены вышесказаннымъ договоромъ (стр. 202). Этотъ договоръ, вознаграждавшій арагонскаго короля и другихъ инфантовъ за убытки, понесенные въ предыдущее царствованіе, былъ заключенъ въ то самое время, когда при дворѣ Генриха IV происходили самыя безобразныя сцены, и въ различныхъ частяхъ государства произошли безпорядки. Уже въ 1457 г. вельможи отправили къ королю депутацію съ упреками въ расточительности, въ разорительныхъ увеселеніяхъ королевы, въ ея неприличномъ обхожденіи съ Бертраномъ де-ля-Куэва и въ излишнихъ милостяхъ, оказываемыхъ этому красивому, блестящему и ловкому рыцарю. Король обѣщалъ созвать собраніе государственныхъ чиновъ и удовлетворить жалобамъ; но дѣло осталось въ прежнемъ видѣ. Въ 1458 г., легкомысленность Генриха и пылкость королевы произвели при дворѣ такія сцены, которыя должны были уничтожить въ такомъ серьезномъ народѣ, какъ испанцы, всякое уваженіе къ королю. Генрихъ не препятствовалъ своей женѣ и Бертрану де-ля Куэва устраивать другъ для друга расточительныя празднества, турниры и скачки съ метаніемъ или безъ метанія джерида; король хотѣлъ только дѣлать тоже самое для донны Гіомаръ де Кастро, статсъ-дамы королевы; но королева оказалась менѣе терпѣливою, чѣмъ ея мужъ. Однажды, когда Ген-

рихъ устроилъ для своей донны де Кастро бой быковъ на маленькой площади дворца, королева запретила всѣмъ своимъ статсъ-дамамъ, къ которымъ принадлежала и любовница короля, являться на этотъ праздникъ и даже подходить къ окну; но донна де-Кастро не послушалась, и, нарядившись въ великолѣпное платье и брильянты, смотрѣла изъ окна на зрѣлище. Это привело королеву въ величайшее негодованіе: она дождалась донну Кастро на крыльцѣ дворца, схватила ее за волосы, повалила на полъ и топтала каблуками. Крики статсъ-дамы привлекли множество народа и самого короля, который далъ женѣ такой толчокъ, что она больше часу пролежала въ обморокѣ.

Въ слѣдующемъ году (1459) вельможи снова заявили свое недовольство. Они предъявили королю свои жалобы и грозно требовали удовлетворенія ихъ. Содержаніе этихъ жалобъ доказываетъ, что Генрихъ IV въ первыя пять лѣтъ своего царствованія подалъ много поводовъ къ неудовольствію. Вельможи требовали: во-первыхъ, чтобы онъ не нарушалъ законовъ и привилегій, которымъ присягнулъ при вступленіи на престолъ, и сохранялъ и защищалъ права, вольности и обычаи государства; во-вторыхъ, чтобы онъ заботился о правосудіи (у него было обыкновеніе подписывать, не читая, все, что ему подавали); въ-третьихъ, чтобы онъ удалилъ отъ себя всѣхъ гранадскихъ магометанъ и устроилъ свой дворъ болѣе приличнымъ образомъ; въ-четвертыхъ, чтобы деньги, собранныя имъ на основаніи данной ему папской буллы, онъ дѣйствительно употребилъ на веденіе войны съ Гранадою; въ-пятыхъ, чтобы должности раздавались тѣмъ людямъ, которые оказали церкви требуемыя ею услуги; наконецъ, въ-шестыхъ, чтобы воспитаніе сестры его Изабеллы и брата Альфонса онъ поручилъ ихъ матери Изабеллѣ и, по неимѣнію наслѣдника, собралъ государственные чины и объявилъ своего брата наслѣдникомъ престола. По настоянію адмирала кастильскаго и графа Гаро, бывшихъ уполномоченными прочей недовольной знати, Діэго де-Кильонесъ подалъ королю бумагу, содержавшую эти требованія, къ которымъ присоединилъ еще нѣкоторыя на словахъ. Король старался успокоить вельможъ, дѣйствовавшихъ отъ имени государственныхъ чиновъ: по своему обыкновенію, онъ обѣщалъ все, зависящее отъ него. Но положеніе дѣлъ не только не улучшилось, а напротивъ того, образъ жизни двора и его мотовство становились съ каждымъ днемъ отвратительнѣе; но мы вдались бы въ слишкомъ большія подробности, еслибъ захотѣли доказать это болѣе фактически. Генрихъ принялся наконецъ дѣлать фальшивую монету, а вельможи ловили рыбу въ мутной водѣ.

Знать то примирялась съ королемъ, когда находила въ этомъ свою выгоду, то снова вступала въ открытую борьбу; наконецъ послѣ родовъ королевы въ 1462 г., вражда приняла совершенно серьезный характеръ. Уже прежде всѣ утверждали, что отецъ будущаго новорожденнаго не король, а Бертранъ де-ля-Куэва; но Генрихъ выказывалъ къ своей женѣ большую нѣжность. Онъ велѣлъ перенести ее изъ Аранды въ Мадридъ на носилкахъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, потомъ посадилъ позади себя на мула и проѣхалъ такимъ образомъ по улицамъ Мадрида въ Алькасаръ, гдѣ они поселились. Все это было принято за враждебную демонстрацію короля противъ его брата Альфонса и сестры Изабеллы. Когда же въ началѣ 1462 г. жена его родила дочь, онъ призналъ новорожденную своимъ ребенкомъ и объявилъ ее наслѣдницей престола. Этотъ ребенокъ, названный Іоанною, былъ съ большою торжественностью окрещенъ архіепископомъ толедскимъ, причемъ сестра Генриха, Изабелла, была воспріемницею. Но во всемъ государствѣ ее называли не Іоанною, а Бертранеею, потому что считали ее дочерью Бертрана де-ля-Куэва. Братъ и сестра короля и даже всѣ вельможи признали ее наслѣдницей Генриха; но знать протестовала втайнѣ и ссылалась на этотъ протестъ, когда въ третій разъ обратилась къ королю съ рѣзкими упреками, требуя удовлетворенія своихъ жалобъ. Съ 1462 до 1464 г. Генрихъ умѣлъ вывертываться то тѣмъ, то другимъ способомъ, и даже съ помощью папы сдѣлалъ Бертрана де-ля-Куэва гросмейстеромъ Санъ-Яго.

Хуанъ Пачеко маркизъ Вильена, совершенно вытѣсненный Бертраномъ, принялъ участіе въ протестѣ противъ незаконнаго рожденія Іоанны, составленномъ аристократами. Наконецъ въ 1464 г. духовенство и рыцарство на собраніи въ Бургосѣ грозно потребовали, чтобы король призналъ наслѣдникомъ престола своего брата Альфонса, удалилъ отъ двора Бертрана де-ля Куэва, лишилъ его

званія гросмейстера Санъ-Яго и передалъ это званіе своему брату, которому оно назначалось. Король арагонскій Іоаннъ II вслѣдствіе войны въ Каталоніи и возмущенія въ Барселонѣ не могъ до 1473 г. заботиться о Кастиліи. Однако, узнавъ, что Генрихъ ведетъ съ португальскимъ королемъ переговоры о бракѣ своей сестры Изабеллы, онъ вступилъ въ сношенія съ знатью. Іоаннъ II хотѣлъ женить на Изабеллѣ своего сына Фердинанда Католическаго. Такъ какъ кастильскіе государственные чины также желали этого, то послѣ долгихъ совѣщаній и переговоровъ, длившихся отъ іюля до конца сентября, Іоаннъ Арагонскій и недовольные кастильскіе вельможи заключили прочный договоръ, который находится у Суриты *). Извѣстіе объ этомъ поступкѣ вельможъ побудило короля Генриха исполнить ихъ желаніе и заключить формальную сдѣлку съ Хуаномъ Пачеко, посланнымъ къ нему отъ нихъ. Онъ обѣщалъ отдать своего брата, Альфонса, Пачеко, какъ уполномоченному отъ вельможъ, и согласиться признать Альфонса наслѣдникомъ престола, а въ обезпеченіе исполненія договора выдать Бертрана де-ля Куэву коменданту крѣпости Портильо, Гонзалесу Сааведра, лишить Бертрана званія гросмейстера Санъ-Яго и выхлопотать папскую буллу о передачѣ этого званія Альфонсу. Что касается остальныхъ пунктовъ, то согласились предоставить ихъ на рѣшеніе коммиссіи, составленной изъ четырехъ вельможъ, назначенныхъ на половину королемъ, а на половину — недовольными; въ случаѣ же, если бы члены ея не могли согласиться между собою, то рѣшеніе долженъ постановить Альфонсъ д'Оропеса, генералъ-пріоръ ордена іеронимитовъ.

Такъ какъ Іоаннъ арагонскій все еще былъ занятъ войною съ Барселоною, то Генрихъ не скоро приступилъ къ выполненію своего обѣщанія. Наконецъ въ началѣ 1465 г. онъ выдалъ своего брата Альфонса и доставилъ ему гросместерство Санъ-Яго, но вознаградилъ Бертрана де-ля-Куэва, сдѣлавъ его герцогомъ Албукерке. Судебная коммиссія собралась въ Медина-дель-Кампо; но можно было предвидѣть, что слабый король не подчинится ея приговору. Дѣйствительно, положившись на то, что нѣкоторые изъ заговорщиковъ пришли къ нему и что Пачеко вступилъ съ нимъ въ переговоры, онъ вдругъ рѣшился стать внѣ рѣшенія коммиссіи, потому что ему сказали, что у него не останется ничего, кромѣ королевскаго титула. Онъ отправился въ Ольмедо и собралъ отрядъ въ 1,000 копейщиковъ. Члены коммиссіи воспользовались этимъ поступкомъ, чтобы объявить, что Генрихъ хотѣлъ упразднить ее; но неосновательность этого мнѣнія доказывалась уже тѣмъ, что предводители собраннаго Генрихомъ войска отправились не къ нему, а къ недовольнымъ. Посовѣтовавшись съ юристами, коммиссія рѣшила формально и торжественно низложить Генриха и провозгласить королемъ его брата Альфонса, бывшаго въ то время еще ребенкомъ. У народа при этомъ вовсе не спрашивали мнѣнія. Недовольные вельможи съ своими вассалами, свитою и наемниками составили родъ народнаго собранія, въ которомъ архіепископъ толедскій совершилъ смѣшной обрядъ низложенія одного короля и возведенія на престолъ другаго. Это собраніе происходило на равнинѣ близъ города Авилы, гдѣ на большомъ возвышеніи поставили тронъ и посадили на него фигуру, украшенную короною, скипетромъ, мечомъ и всѣми прочими королевскими регаліями; эта фигура должна была представлять Генриха IV. Сначала собранію было прочитано подробное объясненіе, въ которомъ исчислялись всѣ проступки

---

*) Hizieron grandes sacramentos y homenages de guardar sus personas y estados, y de tener secreta esta confederacion la qual juraron la Regna y el Principe, que tenia doze anos complidos y que en caso que el Rey muriesso serian confederados de aquellos Grandes y sus aliados con estas condiciones. Y todos hizieron dello voto para la casa santa de Jerusalem, y pleyto homage segun la costumbre Espana, el Rey en manos de Pero Nunez Cabeça de Vaca, y el principe en las de otro cavallero, yaquellos Grandes en las de don Ramon de Espes mayordomo, mayor y ayo del principe Fernando que fue a recibir la dellos. (Дали клятву и присягу хранить ихъ особы и государство и держать союзъ въ тайнѣ; королева и принцъ, по достиженіи имъ 12-лѣтняго возраста и въ случаѣ смерти короля, обязались быть въ союзѣ съ этими вельможами и ихъ союзниками на тѣхъ же условіяхъ. Всѣ они клялись святымъ храмомъ Іерусалимскимъ и присягали, по испанскому обычаю, король передъ Перо Нуньесомъ Кабеса де Вакою, принцъ передъ другимъ кавалеромъ, а гранды передъ майордомомъ донъ Рамономъ де-Эспесъ, гувернеромъ и гофмейстеромъ принца Фердинанда присутствовавшимъ для принятія присяги).

Генриха и многими примѣрами изъ исторіи доказывалось, что по старинному обыкновенію (moro majorum) собраніе имѣло право за такіе поступки лишить *короля престола. Послѣ этого архіепископъ толедскій взошелъ на возвышеніе и* снялъ съ головы фигуры корону; вслѣдъ за нимъ Пачеко, графъ Паленсіа, гросмейстеръ Алькантары и графы Бенавенте и Паредесъ сорвали съ нея другіе знаки королевскаго достоинства. Когда все это было сдѣлано, фигура, лишенная всѣхъ украшеній, была свергнута съ престола при крикахъ и вопляхъ собравшейся толпы. Потомъ на тронъ посадили одиннадцати-лѣтняго Альфонса, и сначала духовенство и вельможи, а потомъ народъ привѣтствовали его королемъ. Генрихъ не зналъ что дѣлать, не смотря на то, что испанскій народъ былъ недоволенъ поступкомъ вельможъ и что составились двѣ большія партіи. Душою союза противниковъ короля была фамилія Пачеко, особенно два брата — маркизъ Вильена и гросмейстеръ Калатравы, донъ Педро де-Жиронъ и архіепископъ толедскій; сторону Генриха приняли графъ Гаро и донъ Діэго де-Мондоса маркизъ Сантильяна. Послѣдніе собрали значительное войско и господствовали на сѣверѣ. Большая часть городовъ также объявила себя въ пользу Генриха; только Севилья, Кордова, Бургосъ, Толедо и многолюдный Вальядолидъ были противъ него. Но Вальядолидъ впослѣдствіи отошелъ отъ партіи недовольныхъ. Генрихъ не рѣшился покончить свое дѣло оружіемъ и приводилъ въ негодованіе рыцарей, поднявшихъ за него оружіе, тѣмъ, что постоянно вступалъ въ переговоры съ своимъ прежнимъ любимцемъ, маркизомъ Вильена, и каждый разъ, когда счастіе улыбалось ему, заключалъ продолжительное перемиріе.

Такимъ образомъ, въ Кастиліи были въ то время два короля: ребенокъ и полоумный развратникъ. При дворѣ послѣдняго все еще находились Бертранъ де-ля-Куэва, возведенный уже въ санъ герцога Альбукерке, и инфантина Изабелла съ своею матерью. Всѣ знали, что Изабелла невѣста наслѣдника арагонскаго престола, и фамилія Пачеко чрезвычайно опасалась этого брака. Чтобы воспрепятствовать ему, Хуанъ Пачеко выпросилъ себѣ аудіенцію у Генриха и склонилъ его (въ 1466 г.) къ смѣшной сдѣлкѣ, которую подготовилъ архіепископъ севильскій въ Сеговіи, но осуществить которую помогъ архіепископъ толедскій. Эти вельможи обѣщали королю низложить Альфонса, если Генрихъ выдастъ свою сестру Изабеллу за гросмейстера Калатравы, донъ Педро де-Жиронъ. Этотъ планъ былъ крайне фантастиченъ и смѣшонъ, потому что донъ Педро былъ старъ, имѣлъ уже нѣсколько сыновей отъ перваго брака и, будучи гросмейстеромъ, считался въ духовномъ званіи, вслѣдствіе чего, чтобы жениться на Изабеллѣ, ему пришлось бы отказаться отъ гросмейстерства, и хлопотать о папскомъ разрѣшеніи. Впрочемъ это не помѣшало бы выполненію плана: папа далъ разрѣшеніе, а донъ-Педро сложилъ гросмейстерскій санъ. Король удалилъ отъ себя своихъ прежнихъ совѣтниковъ, епископа калаорскаго и герцога Альбукерке; Изабеллу же онъ намѣревался принудить къ этому браку силою. Но планъ разстроился, потому что донъ Педро скоро умеръ. Съ этой минуты фамилія Пачеко и всѣ ея приверженцы снова приняли сторону Альфонса, Генрихъ же старался утвердить наслѣдственныя права своей дочери, Іоанны, законное рожденіе которой онъ снова подтвердилъ.

Испанія снова сдѣлалась жертвою страшной междоусобной войны, въ которой Генриху и его приверженцамъ приходилось сражаться не только съ недовольными кастильцами, но и съ арагонцами, стоявшими за право своего инфанта Фердинанда на руку Изабеллы. Каждый рыцарь занимался грабежемъ, каждый владѣлецъ деревни или города дѣйствовалъ какъ независимый государь; чтобы защищать себя отъ разбойниковъ и обезопасить свои взаимныя сношенія, города учредили у себя милиціи на жалованьи, которыя впослѣдствіи оказали большія услуги королю Фердинанду и инквизиціи. Только въ половинѣ 1467 г. обѣ партіи рѣшились покончить сраженіемъ споръ между Генрихомъ и его братомъ, Альфонсомъ. Это сраженіе произошло 20 августа 1467 г. при О л ь м е д о, гдѣ нѣкогда Альваро де-Луна одержалъ блистательную побѣду (стр. 209). Въ войскѣ Генриха первое мѣсто занималъ Бертранъ де-ля-Куэва, въ войскѣ его противниковъ— архіепископъ толедскій; послѣдній былъ не только предводителемъ, что ни въ какомъ случаѣ не согласовалось съ его званіемъ, но и дѣйствительнымъ бойцомъ за права молодаго Альфонса. Самъ Генрихъ выказывалъ въ сраженіи, по своему обыкновенію, малодушіе и трусость, и удалился въ самомъ началѣ битвы. Напро-

тивъ того, Бертранъ де-ля Куэва, о красотѣ, ловкости, рыцарственности и великодушіи котораго испанцы вообще отзываются съ большою похвалою, явился, по словамъ ихъ, идеаломъ полководца и рыцаря. Послѣ битвы, продолжавшейся нѣсколько часовъ, обѣ стороны разошлись, не одержавъ побѣды. Вслѣдъ за тѣмъ папа принялъ сторону низложеннаго короля и предалъ проклятію возмутившихся вельможъ; но они дали ему отвѣтъ, приводимый Прескоттомъ въ его исторіи Фердинанда и Изабеллы и доказывающій, что кастильцы, которыхъ обыкновенно считаютъ суевѣрными, лучше нѣмцевъ понимали духовныя и свѣтскія дѣла: они отвѣчали папскому посланнику: «папа вводится въ заблужденіе людьми, увѣряющими его, что онъ имѣетъ право вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла Кастиліи; но мы имѣемъ полное право низлагать нашего государя, когда признаемъ это нужнымъ, и всегда будемъ пользоваться этимъ правомъ.»

Испанскіе историки рисуютъ яркими красками смуты, господствовавшія въ то время во всей Испаніи, и пагубныя послѣдствія раздора, свирѣпствовавшаго между городами и деревнями, и даже между частными лицами и семействами. Въ іюлѣ 1468 г. Альфонсъ скоропостижно умеръ въ деревнѣ Карденьясѣ, лежащей въ нѣсколькихъ часахъ отъ Авилы; утромъ его нашли мертвымъ въ постели. Послѣ его смерти анархія еще болѣе усилилась. Вельможи, управлявшіе его именемъ, стали искать другаго члена королевской фамиліи, котораго могли бы поставить во главѣ своей партіи, такъ какъ это было необходимо для народа. Ихъ выборъ палъ на инфантину Изабеллу. Эта принцесса, долго находившаяся съ своею матерью во власти Генриха и по временамъ появлявшаяся при его дворѣ, послѣ сраженія при Ольмедо ушла въ одинъ изъ монастырей Авилы. Сюда къ ней неожиданно явился архіепископъ толедскій и отъ имени возмутившихся вельможъ предложилъ ей корону. Но принцесса упорно отказывалась вступить на престолъ при жизни своего брата; она согласилась однако, чтобы противники Генриха отстаивали ея права противъ правъ мнимой дочери короля, Іоанны, которую Генрихъ все еще продолжалъ признавать законною, не смотря на то, что поведеніе его жены сдѣлалось до такой степени неприличнымъ, что испанцы громко требовали высылки ея изъ Кастиліи. Вслѣдствіе этого было устроено свиданіе между Генрихомъ и Изабеллою, и затѣмъ заключенъ договоръ, который они торжественно признали 5 октября 1468 г. въ Торросъ-де-Гисандо; но Генрихъ заранѣе рѣшился не выполнять его и съ этою цѣлью вступилъ въ тайныя сношенія съ Пачеко. Условія договора были слѣдующія: король долженъ объявить амнистію, развестись съ королевою, невѣрность которой была положительно признана, и отправить ее на родину; Изабелла должна была поселиться въ Астуріи — провинціи, служившей резиденціей наслѣдникамъ престола, получать содержаніе, соотвѣтствующее ея положенію, и быть немедленно признанной законною наслѣдницей Кастиліи и Леона; чтобъ дать ей этотъ титулъ, король обязывался созвать въ теченіе сорока дней собраніе государственныхъ чиновъ, которое въ то время должно было заняться искорененіемъ злоупотребленій въ администраціи. Въ заключеніе постановлялось, что Генрихъ не имѣетъ права принуждать Изабеллу ни къ какому браку, но что и она не можетъ выйти замужъ безъ позволенія брата. Созванные въ Окагнѣ государственные чины утвердили этотъ договоръ и объявили Изабеллу наслѣдницею престола.

Провозглашеніе Изабеллы наслѣдницею кастильскаго престола побудило многихъ искать ея руки. Мы не станемъ здѣсь исчислять ни этихъ искателей, ни ихъ притязаній или заслугъ; въ исторіи Арагоніи мы уже упомянули, что арагонскій инфантъ Фердинандъ былъ наслѣдникомъ своего отца, Іоанна II, и дяди, Альфонса V, и отличался отличными качествами, такъ что во всѣхъ отношеніяхъ могъ считаться достойнѣйшимъ женихомъ. Фердинандъ, занятый въ то время войною въ Каталоніи, былъ чрезвычайно красивъ и соединялъ въ себѣ всѣ свойства блестящаго рыцаря и ловкаго правителя. Его мужественная и умная мать воспитала его совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно воспитывали испанскихъ королей; подъ ея руководствомъ онъ уже въ дѣтствѣ испыталъ всѣ опасности войны и участвовалъ въ походахъ въ Каталонію и въ осадѣ Барселоны. Въ то время, когда зашла рѣчь о его бракѣ съ Изабеллой, онъ ужъ былъ провозглашенъ королемъ Сициліи и назначенъ намѣстникомъ своего отца въ Арагоніи. Поэтому Изабелла не могла найти принца, который бы былъ болѣе Фердинанда способенъ

возстановить монархическую власть, порядокъ и спокойствіе въ Кастиліи; но Пачеко и его партія не желали, чтобы Фердинандъ женился на ихъ будущей государынѣ. Фамилія Мондоса, оказавшая Генриху IV большія услуги во время безпорядковъ, была также противъ брака, грозившаго Кастиліи подчиненіемъ Арагоніи. Поэтому Мондоса и партія Пачеко приняли сторону Іоанны, считавшейся дочерью Генриха (fillia est, quam nuptiæ declarant) и склонили слабаго короля вступить въ переговоры о бракѣ Изабеллы съ наслѣдникомъ португальскаго престола. Къ Изабеллѣ явилось блестящее португальское посольство съ предложеніемъ руки принца; но Изабелла, не смотря на настоятельныя угрозы, просьбы и требованія, положительно отказалась, и народъ громко заявилъ себя въ ея пользу. Все это конечно не могло бы остановить дѣла; но къ счастію Изабеллы, Пачеко и архіепископъ толедскій не поладили между собою. Архіепископъ и его партія стояли за Фердинанда и, по порученію Изабеллы, вошли съ Арагоніей въ такіе же переговоры, въ какіе противная партія, опиравшаяся на Генриха, вступила съ Португаліей. Такимъ образомъ Изабелла обѣщала свою руку наслѣднику арагонскаго престола, послѣ чего король Іоаннъ II отправилъ въ Окагну посланника съ неограниченнымъ полномочіемъ и порученіемъ заключить брачный договоръ съ вельможами, взявшими на себя защиту дѣла Изабеллы. Этотъ договоръ былъ подписанъ Фердинандомъ въ Коврерѣ 7-го января 1469 года. Въ немъ Фердинандъ обѣщалъ не нарушать законовъ кастильскаго государства, перенести свою резиденцію въ Кастилію и не оставлять ее безъ согласія своей жены, не отчуждать ни одного изъ коронныхъ имѣній, не отдавать ни одному иностранцу преимущества при занятіи общественныхъ должностей и вообще не назначать никого на гражданскія или военныя мѣста безъ согласія и разрѣшенія своей жены, а раздачу духовныхъ должностей предоставить исключительно ей. Кромѣ того, Фердинандъ обязался вести войну съ маврами, уважать короля Генриха IV, защищать дворянъ и не требовать обратно земель, которыхъ отецъ его лишился при Альваро де-Луна.

Этотъ поступокъ партіи толедскаго архіепископа подалъ поводъ къ новымъ смутамъ въ Кастиліи въ 1469 г.; обѣ партіи снова взялись за оружіе, такъ что сношенія между Арагоніей и Кастиліей встрѣтили препятствія. Приверженцы Пачеко заперли Изабеллу въ замкѣ Мадригалъ, куда она отправилась, и держали ее, какъ плѣнницу; но друзья ея силою освободили ее и перевезли въ Вальядолидъ, гдѣ она находилась въ совершенной безопасности подъ защитою гражданъ. Затѣмъ (октябрь 1469 г.) они послали курьеровъ къ Фердинанду, звать его въ Кастилію, желая какъ можно скорѣе женить его на Изабеллѣ. Фердинандъ, которому въ то время было 18 лѣтъ, то есть годомъ меньше чѣмъ Изабеллѣ, тотчасъ же отправился въ путь, въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ, но такъ какъ противники его всѣми силами старались воспрепятствовать этому браку, то онъ достигъ Вальядолида, претерпѣвъ на пути большія опасности и встрѣтивъ множество приключеній. Испанцы не менѣе арабовъ любятъ все фантастическое и украшаютъ свою исторію вымыслами; поэтому мы, стараясь избѣгать всякой поэзіи и риторики, не рѣшаемся вѣрить разсказу о бракѣ этой четы, похожему на романъ. Несомнѣнно, что съ первой минуты свиданія Изабелла почувствовала къ своему жениху пылкую испанскую любовь и оставалась ей вѣрна до самой смерти. Впрочемъ, какъ женихъ, такъ и невѣста были истинными представителями народнаго характера кастильцевъ и арагонцевъ: оба были ревностными приверженцами церкви, оба выросли въ несчастіи и уже въ дѣтствѣ были вовлечены въ политическія интриги. Бракосочетаніе Фердинанда и Изабеллы совершилось 19 октября 1469 года въ домѣ Изабеллы, въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ людей: адмиралъ кастильскій, дѣдъ Фердинанда по матери, и архіепископъ толедскій, устроившіе этотъ бракъ, употребили при совершеніи его слѣдующую хитрость: такъ какъ для совершеній обряда требовалось папское разрѣшеніе, то архіепископъ предъявилъ его. Но, какъ было впослѣдствіи доказано, этотъ актъ былъ подложный и только черезъ нѣсколько лѣтъ папа Сикстъ IV прислалъ дѣйствительное разрѣшеніе. По совершеніи брака, о немъ извѣстили Генриха IV. Генрихъ не обратилъ на это вниманія и продолжалъ настаивать на томъ, чтобы Іоанна была признана его законною дочерью. 8-го октября 1470 года онъ обручилъ ее съ герцогомъ Гіэньскимъ, братомъ Лудовика XI. Но это обрученіе было чистымъ фар-

сомъ, потому что хотя и совершилось съ согласія Лудовика XI, но онъ не допустилъ бы дѣйствительнаго заключенія этого брака. Впрочемъ герцогъ Гіэнскій умеръ, прежде чѣмъ Генрихъ могъ подумать о совершеніи брака. Вслѣдъ затѣмъ девятилѣтнюю Іоанну обручили съ племянникомъ короля арагонскаго; но это обрученіе было также смѣшно и кончилось также ничѣмъ.

Смуты и раздоры продолжались; дворъ Фердинанда и Изабеллы и Генрихъ съ свою свитой часто терпѣли недостатокъ въ самомъ необходимомъ, между тѣмъ какъ вельможи портили общественную нравственность распутствомъ и роскошью. Въ это время арагонскій король Іоаннъ былъ такъ занятъ войною съ Барселоною, что долженъ былъ два раза отзывать своего сына въ Каталонію. Послѣ перваго раза (1473 г.) Фердинандъ едва успѣлъ вернуться въ Кастилію, какъ война, возгорѣвшаяся между Арагоніею и Франціею изъ-за графства Русильонъ, снова заставила его поспѣшить на помощь къ своему отцу. На этотъ разъ кастильцы оказали ему большія услуги; когда сильная непріятельская армія осадила его отца въ Перпиньянѣ и поставила въ самое безвыходное положеніе, Фердинандъ съ 9-ти тыс. кастильцевъ ударилъ на французовъ съ тылу и обратилъ ихъ въ поспѣшное и постыдное бѣгство. Послѣ этого (сентябрь 1473 года) между Іоанномъ II и Лудовикомъ XI было заключено перемиріе, которое продолжалось впрочемъ недолго, и въ слѣдующемъ году война снова возгорѣлась. Французы проникли въ Русильонъ и Сердань, заняли отнятыя у нихъ крѣпости и отомстили за позоръ прошедшаго года; все это случилось отъ того, что Фердинандъ долженъ былъ оставаться въ Кастиліи. Кастильцы надѣялись примирить наконецъ его съ королемъ Генрихомъ. Въ декабрѣ 1473 года, въ отсутствіи Фердинанда, жена коменданта сеговійской цитадели, Андреса Кабреры, устроила въ Сеговіи свиданіе Изабеллы съ ея братомъ и склонила короля къ признанію брака Фердинанда и Изабеллы. Фердинандъ по возвращеніи также отправился къ своему затю въ Сеговію. Король принялъ его очень радушно, и путь къ примиренію былъ, казалось, открытъ; но вскорѣ обнаружилось, что съ такимъ человѣкомъ, какъ Генрихъ, нельзя было ни на что разсчитывать. Одинъ изъ людей, желавшихъ поддерживать раздоръ, увѣрилъ Генриха, что комендантъ сеговійской крѣпости, въ которой хранились королевскія сокровища, имѣлъ на него враждебные виды; поэтому Генрихъ вздумалъ захватить свою сестру, и хотя это не удалось, но примиреніе разстроилось. Только смерть короля Генриха IV, послѣдовавшая 11 декабря 1474 года, положила конецъ этому долговременному спору; два дня спустя Изабелла была провозглашена королевой Кастиліи.

Царствованіемъ Фердинанда и Изабеллы въ Кастиліи, а впослѣдствіи также въ Арагоніи и Неаполѣ, начинается совершенно новый періодъ не только испанской, но и всемірной исторіи. Поэтому мы останавливаемся здѣсь, и въ слѣдующемъ отдѣлѣ этого тома прежде чѣмъ поступить въ продолженію испанской исторіи, изложимъ исторію Италіи до похода Карла VIII въ Неаполь. Исторію послѣднихъ годовъ XV ст. мы нарочно соединяемъ съ исторіею XVI для того, чтобы безъ подробныхъ объясненій, простымъ сопоставленіемъ фактовъ, наглядно показать, какимъ образомъ въ началѣ XVI ст. образовалось то, что, Богъ вѣсть по какому праву, называютъ европейскою государственной системой. Уже въ XV ст. Лудовикъ XI ввелъ въ жизни итальянскую политику и дипломатическія хитрости; сынъ его, Карлъ VIII, во внѣшнихъ дѣлахъ шелъ по его слѣдамъ, а исторіографъ этихъ государей, Коминъ, изобрѣлъ совершенно новый родъ прагматической исторіографіи, показавшей, какъ должно примѣнять на практикѣ теорію новой политики и итальянской дипломатіи. Что посѣяли французы и итальянцы, то при Фердинандѣ и Изабеллѣ и впослѣдствіи при Карлѣ V пожали испанцы. Одни нѣмцы оставались всюду позади, потому что были относительно честны, просты и вѣрны и потому, какъ постоянно жаловался ихъ императоръ Максимиліанъ I, вѣчно оставались въ дуракахъ. Въ XVI ст. Италія была сборнымъ пунктомъ трехъ главныхъ націй; Римъ и папа принимали участіе во всѣхъ дѣлахъ и интригахъ,

и через папу Англія также играла роль въ континентальныхъ дѣлахъ. Вотъ почему, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ исторіи XVI ст. и переворота, произведеннаго реформаціею, открытіями и завоеваніями португальцевъ и испанцевъ въ обѣихъ Индіяхъ, — необходимо бросить взглядъ на положеніе Италіи во второй половинѣ XV ст. Мы увидимъ, что эта страна стояла въ то время на высшей степени процвѣтанія и владѣла громадными богатствами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы увидимъ, что время благосостоянія, процвѣтанія искусствъ, наукъ и всей цивилизаціи было въ Италіи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, эпохой софистическихъ мудрствованій, нравственнаго растлѣнія и упадка истинной религіозности, — слѣдовательно эпохою расторженія внутреннихъ узъ общества, — расторженія, которому не могли помочь никакія внѣшнія узы.

ИСТОРІЯ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

ИСТОРІЯ XVI СТОЛѢТІЯ.

I. ИТАЛІЯ

ДО ВТОРЖЕНІЯ ВЪ НЕЕ ФРАНЦУЗОВЪ ПРИ КАРЛѢ VIII.

---

1. Венеція въ половинѣ XV столѣтія.

Если по богатству и блистательному состоянію государства можно судить о совершенствѣ его законодательства и управленія, то Маккіавелли безспорно правъ, выставляя законодательство и управленіе Венеціи образцовыми, не нуждающимися ни въ какихъ измѣненіяхъ. Но, принимая это положеніе, слѣдовало бы допустить, что управленіе промышленной націей, въ рукахъ умнаго, исключительно покровительствующаго торговлѣ, аристократическаго правительства можетъ обойтись безъ идеальныхъ стремленій и нравственности; къ такому же выводу можетъ, пожалуй, привести историческое изученіе управленія Англіею. Похвалы, расточаемыя венеціанской олигархической тираніи и смѣшанному, аристократоплутократическому правительству Англіи въ XVIII и XIX вѣкѣ, конечно, вполнѣ ими заслужены, если признавать внѣшнее величіе государства, его богатство, блескъ и національную гордость народа за результатъ правительственныхъ дѣйствій. Но должно будетъ произнести иной приговоръ, если требовать отъ правительства строгой справедливости, человѣчности и нравственности. Маккіавелли превозноситъ политическую мудрость венеціанскаго правительства и считаетъ его образцовымъ потому, что онъ ни мало не заботится о требованіяхъ нравственности; это видно всего лучше изъ отзыва о Цезарѣ Борджія. Такого рода политическая мудрость проявляется во всемъ, что было говорено нами о ходѣ развитія венеціанскаго могущества и о распространеніи власти республики въ Далмаціи, Пелопоннесѣ и на материкѣ Италіи; особенно ярко проявляется она въ исторіи дожа, бывшаго во главѣ венеціанскаго управленія въ половинѣ XV вѣка, Франческо Фоскари, и его сына Джакопо. Въ наше время политическіе принципы Маккіавелли повидимому снова входятъ въ силу; потому въ разсказѣ о Фоскари мы воздержимся отъ порицанія или хвалы и отъ нравоученій.

Франческо Фоскари былъ выбранъ дожемъ 50-ти лѣтъ; онъ былъ младшимъ изъ сорока одного избирателя на эту должность и занималъ ее 34 года (1423—1457 г.). Въ его управленіе Венеція достигла высшей степени величія, силы и богатства; ему же самому пришлось перенести, какъ правителю и какъ отцу, всевозможныя оскорбленія отъ владычествовавшей тогда олигархіи. Его сынъ также сдѣлался жертвой олигарховъ, не смотря на ходатайство великаго совѣта и заслуги отца въ продолжительное его управленіе. При Франческо Фоскари Венеція, въ постоянной борьбѣ съ Турціей, своими морскими силами наводила ужасъ на берега Египта, Сиріи, на греческій архипелагъ и даже на Константинополь и берега Чернаго моря; она утвердилась въ Пелопоннесѣ, Далмаціи и Иллиріи и расширила свои владѣнія въ Ломбардіи до Брешіи, Бергамо и Кремы. Миланъ тоже не устоялъ бы противъ венеціанцевъ, если бы Францискъ Сфорца не оказался хитрѣе престарѣлаго дожа Фоскари и въ рѣшительную минуту не съумѣлъ заключить съ нимъ союзъ, благодаря которому самъ сдѣлался герцогомъ

миланскимъ (т. III, стр. 656). Франческо Фоскари былъ человѣкъ воинственный и щедрый; его богатство позволяло ему окружать себя блескомъ, и нисшее дворянство было ему предано; но власть была не въ его рукахъ: она попрежнему сосредоточивалась въ страшномъ для каждаго венеціанца совѣтѣ десяти—этой безсмертной коллегіи венеціанскаго управленія, постоянно пополнявшейся престарѣлыми и опытными въ государственномъ дѣлѣ сенаторами (т. III, стр. 358). Они строго и ревниво слѣдили за дожемъ и еще въ 1423 году довели его до того, что онъ хотѣлъ сложить съ себя это званіе. Но при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ согласиться на это было опасно, и совѣтъ десяти принудилъ Фоскари сохранить свое званіе. Спустя 10 лѣтъ (въ 1443 году), онъ снова и весьма рѣшительно отказывался отъ должности, но на этотъ разъ его не допустили до того и даже вынудили у него обѣщаніе, что онъ останется дожемъ, пока будетъ живъ.

Въ слѣдующемъ году единственный изъ его четырехъ сыновей, оставшійся въ живыхъ, Джакопо Фоскари женился на одной изъ Контарини. Для венеціанцевъ эта свадьба была народнымъ праздникомъ; для обоихъ же Фоскари начался съ этого времени длинный рядъ несчастій. Вскорѣ послѣ свадьбы, Джакопо Фоскари былъ обвиненъ, по доносу флорентинскаго изгнанника Микеля Бевилаквы, въ принятіи подарковъ отъ иноземныхъ правительствъ и преимущественно отъ миланскаго герцога (Doni et presenti mediante alcuni suoi famigli di dinari, giojelli e altri simili cose). По распоряженію совѣта десяти, его бросили въ тюрьму и подвергли жестокой пыткѣ. Слѣдствіе и судъ производились надъ нимъ съ такою таинственностью, что даже говорить о подсудимомъ запрещено было подъ страхомъ смертной казни. Пытка (datagli la corda) вынудила у него сознаніе. Въ тайномъ засѣданіи, судьи — враги обвиненнаго — приговорили его къ ссылкѣ, и старикъ отецъ его принужденъ былъ лично объявить этотъ приговоръ изувѣченному пыткою сыну въ полномъ собраніи совѣта (20 февр. 1445 г. — Chiamato il consiglio de'dieci colla giunta, nell' qualle fu messer le doge, fu sentenziato il detto Jacopo Foscari).

Несчастный Фоскари былъ сосланъ въ Наполи ди Романію (въ Пелопоннесѣ) подъ полицейскій надзоръ, т. е. съ обязанностью ежедневно являться къ венеціанскому намѣстнику (rettore). Но изъ Тріеста, куда зашелъ корабль, который везъ его къ мѣсту ссылки, Фоскари удалось выпросить себѣ разрѣшеніе, во вниманіе къ его измученному состоянію, остаться въ Тревизо.— Вскорѣ на него обрушились новыя преслѣдованія совѣта десяти. Въ 1450 году предсѣдатель совѣта десяти Альморо Донато, — одинъ изъ трехъ государственныхъ инквизиторовъ, производившихъ первое слѣдствіе надъ Фоскари, — умеръ отъ руки убійцы. Другіе два инквизитора заявили подозрѣніе на Джакопо Фоскари, слугу котораго видѣли около этого времени въ Венеціи. Олигархи безъ труда нашли человѣка для ложнаго обвиненія Фоскари передъ правительствомъ, и сына престарѣлаго дожа вернули въ Венецію подъ новое слѣдствіе; но не смотря на продолжительную и жестокую пытку ни онъ, ни слуга его не приняли на себя убійства. Тѣмъ не менѣе Фоскари былъ снова осужденъ. Его сослали въ Канею на островъ Кандію, гдѣ также находились венеціанскія владѣнія. Однако вскорѣ ему разрѣшили возвратиться въ Венецію, такъ какъ вслѣдствіе пытки обнаружились въ немъ припадки сумасшествія, отъ которыхъ по мнѣнію венеціанскаго правительства могло его вылечить непродолжительное пребываніе среди семьи. Полоумнаго, изувѣченнаго Фоскари привезли въ 1451 году обратно къ его женѣ и старику отцу, — но вскорѣ опять отправили въ Канею. Даже когда настоящій убійца инквизитора, Николо Эриццо, сознался въ этомъ преступленіи, Фоскари все-таки не былъ освобожденъ.—Этимъ не кончились преслѣдованія судьбы или вѣрнѣе— неслыханно жестокой, мстительной и эгоистической олигархіи, служащей предметомъ удивленія для многихъ, въ томъ числѣ и для Маккіавелли: въ 1456 г. Фоскари былъ въ третій разъ подвергнутъ пыткѣ, и отецъ его былъ снова вынужденъ принять участіе въ осужденіи сына, хотя по этому поводу снова отказывался отъ званія дожа. Обвиненіе противъ Джакопо Фоскари основано было на томъ, что онъ въ припадкѣ сумасшествія отправилъ изъ мѣста ссылки письмо къ миланскому герцогу Франциску Сфорцѣ съ просьбою ходатайствовать за него предъ венеціанскимъ правительствомъ; а по законамъ Венеціи такой поступокъ наказывался смертью.

Посланный съ письмомъ, боясь отвѣтственности, передалъ его въ совѣтъ десяти, и Фоскари былъ опять привезенъ въ Венецію на слѣдствіе. Умственно обезсилѣвшій отъ истязаній, онъ объявилъ на допросѣ, что отправилъ письмо съ единственною цѣлью увидѣть во что бы ни стало еще разъ Венецію. Совѣтъ десяти, увеличивъ свой составъ для разсмотрѣнія этого дѣла двадцатью сенаторами, предалъ его еще злѣйшей пыткѣ, чѣмъ въ первые два раза (Ebbe per sapere la verità da que' che lo collegiarono trenta squassi di corda), и снова приговорилъ его, почти разорваннаго на части, къ ссылкѣ на о. Кандію. Когда послѣ пытки допустили къ нему въ темницу (gli torbicelli) его старуху мать и отца, подавленнаго горемъ, и Джакопо Фоскари сталъ просить отца, чтобы онъ добился ему разрѣшенія провести въ своемъ домѣ немногіе остающіеся ему дни жизни, Франческо отвѣтилъ: «ступай и повинуйся безъ ропота повелѣнію отечества». (Въ хроникѣ венеціанскихъ дожей эта сцена передана въ слѣдующей формѣ: E Jacopo disse: Messer padre, vi prego, che procuriate per me, acciocche io torni a casa mia. Il doge disse Jacopo: va e ubbedisci a quello che vuole la terra, e non cercar più oltre.) Этимъ отвѣтомъ восторгаются, какъ проявленіемъ высокаго, древнеримскаго патріотизма венеціанскихъ патриціевъ. Мы съ своей стороны такъ же мало восхищаемся древнеримскими патриціями, какъ и венеціанскими, и потому воздержимся отъ какихъ либо замѣчаній по поводу геройства тѣхъ и другихъ. Впрочемъ лѣтописецъ, передающій этотъ отвѣтъ дожа, прибавляетъ, что вслѣдъ за такою пыткою насилія надъ собою, старикъ отецъ упалъ безъ чувствъ. Вскорѣ по возвращеніи Джакопо Фоскари въ прежнее мѣсто ссылки, страданія его прекратились наконецъ смертью.

Мы ограничимся этимъ однимъ образцомъ политики самаго могущественнаго и богатаго государства среднихъ вѣковъ, хоть и могли бы привести сотни совершенно подобныхъ примѣровъ въ доказательство того, какими средствами достигало мудрое венеціанское правительство своихъ великихъ политическихъ цѣлей. Мы упомянемъ еще только объ интригахъ и происках, которыми оно преслѣдовало дожа Фоскари въ теченіе всей его жизни и отравило его послѣдніе дни. Впрочемъ мы отнюдь не беремъ на себя рѣшить, кто изъ нихъ — Франческо ли Фоскари и его сынъ Джакопо, или ихъ политическіе противники — были злѣе, мстительнѣе, коварнѣе и алчнѣе; наше дѣло только указать на характеръ того хваленаго управленія, той политической мудрости, которая сводится на такого рода разсказы о своихъ представителяхъ.

Со времени своего избранія дожемъ Фоскари постоянно боролся съ фамиліею Лоредано и ея партіею. Эта борьба и была главнѣйшею причиною его троекратнаго отказа отъ должности. Вражда между ними была вызвана тѣмъ, что адмиралъ Піетро Лоредано отвѣтилъ отказомъ на предложеніе дожа женить своего сына на дочери Фоскари, и что Марко Лоредано, братъ Піетро, въ качествѣ авогадора республики, потребовалъ зятя Фоскари Андреа Донато къ суду по обвиненію въ вымогательствѣ. Расказываютъ, что дожъ сказалъ тогда, что онъ станетъ дѣйствительно главою Венеціи только съ того времени, когда не будетъ въ живыхъ Піетро Лоредано. Вслѣдъ за тѣмъ оба брата Лоредано внезапно умерли. По тогдашнему обычаю, опиравшемуся на тысячи примѣровъ такого рода, тотчасъ распространился слухъ, что оба они были отравлены дожемъ, личнымъ ихъ врагомъ. Для этого обвиненія не было никакихъ доказательствъ; тѣмъ не менѣе, сынъ Марко, Джакопо Лоредано, показывалъ видъ, будто увѣренъ, что въ смерти его отца и дяди виновенъ Франческо Фоскари. Въ теченіе 10-ти лѣтъ онъ при каждомъ случаѣ старался дѣйствовать противъ дожа и съ глубокимъ злорадствомъ помогалъ въ преслѣдованіи его сына Джакопо. Когда послѣ послѣдняго, горькаго свиданія съ своимъ сыномъ, дожъ пересталъ являться въ засѣданіе совѣта десяти и въ собраніе выборныхъ (ne in consiglio de'dieci e meno in pregadi), Лоредано воспользовался этимъ, чтобы оскорбить 86-ти лѣтняго старика въ послѣдніе дни его жизни, и вмѣстѣ съ Джироламо Донато и Джироламо Барбариго, бывшими, какъ и онъ, во главѣ совѣта десяти, настоялъ на томъ,, чтобы избраны были 25 человѣкъ изъ знатнѣйшихъ лицъ республики для рѣшенія, вмѣстѣ съ совѣтомъ десяти, вопроса о прядкѣ веденія дѣлъ въ случаѣ неспособности дожа. Эта коммиссія предложила принудить дожа отказаться отъ своего званія. Но предложеніе это встрѣчено было сильнымъ несочувствіемъ: на обсужденіе его потребовалось цѣлыхъ 8 дней, и засѣданія продолжались ежедневно до 4 и 5 часовъ утра. На-

конецъ совѣтъ десяти, боясь дворянства и народа, принужденъ былъ согласиться призвать прокуратора республики. Это легко могло бы разсѣять всѣ намѣренія враговъ Фоскари, потому что должность прокуратора занималъ братъ дожа, Марко Фоскари; но совѣтъ десяти силою и угрозами заставилъ прокуратора не мѣшать имъ. Они заперли его въ тюрьму и угрозами принудили отъ подачи голоса *), но онъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ подписать рѣшеніе. Франческо Фоскари, котораго четырнадцать лѣтъ тому назадъ заставили дать обѣщаніе не оставлять до смерти мѣсто дожа, теперь принуждали сложить это званіе. Въ октябрѣ 1457 года дожу была прислана депутація отъ смѣшанной коммиссіи (gli dieci colla giunta) просить его отказаться отъ должности, которую онъ не исправляетъ уже пятнадцать мѣсяцевъ. Старикъ, ссылаясь на прежде взятую съ него клятву, объявилъ, что добровольно не откажется отъ власти, но покорится, если его отставятъ. Вскорѣ послѣ того онъ былъ отставленъ, и Лоредано передалъ ему декретъ съ приказаніемъ оставить дворецъ дожей и сложить знаки своего достоинства; въ пенсію ему назначили тысячу пятьсотъ дукатовъ. 23-го октября Франческо Фоскари оставилъ дворецъ, такъ какъ уже 20-го былъ избранъ новый дожъ. Вся Венеція выразила свое неудовольствіе на жестокое обращеніе со старикомъ; но страхъ, распространенный грозною олигархіей, былъ такъ великъ, что передъ нимъ умолкало всякое сожалѣніе. Совѣтъ десяти издалъ указъ, по которому всякій, говорящій о смѣщеніи дожа, будетъ преданъ судъ государственной инквизиціи. Старикъ Фоскари, подъ управленіемъ котораго тридцать лѣтъ велась, съ незначительными остановками, война съ турками и въ 1454 году былъ заключенъ первый миръ, умеръ черезъ нѣсколько дней по смѣщеніи его съ должности.— Послѣ его смерти олигархія стала страшнѣе, чѣмъ когда либо.

Ко времени правленія Фоскари относятъ два измѣненія, оба съ пользу олигархическихъ учрежденій государства; одно безспорно принадлежитъ къ этому времени, а другое относится нѣкоторыми къ шестнадцатому и даже къ семнадцатому столѣтію. Первое заключается въ томъ, что по отставленіи Фоскари, прежде чѣмъ выбрали новаго дожа, постановлено было не дозволять дожамъ распечатывать и читать адресованныя къ нимъ депеши иначе, какъ въ присутствіи сенаторовъ. Второе измѣненіе касается увеличенія власти трехъ государственныхъ инквизиторовъ; это учрежденіе возникло въ началѣ XV столѣтія и уже въ первой его половинѣ часто напоминало о себѣ. Въ то время три государственные инквизитора не составляли еще учрежденія особаго; они принадлежали къ совѣту десяти, для котораго стали впослѣдствіи такъ же страшны, какъ для прочихъ гражданъ, и по порученію котораго они разбирали дѣла людей, виновныхъ въ государственной измѣнѣ, представляя совѣту десяти результаты произведенныхъ ими слѣдствій. Основаніе страшной власти этихъ трехъ должностныхъ лицъ положено была за три года до смерти Фоскари, какъ основательно указываетъ Дарю въ своей «Исторіи Венеціи»: 16 іюня 1454 г. совѣтъ десяти постановилъ передать всю свою власть комитету, составленному изъ трехъ членовъ, освободилъ ихъ отъ соблюденія всякихъ формальностей въ веденіи дѣлъ и запретилъ авогадорамъ вмѣшиваться въ какое либо начатое ими дѣло; 18-го іюня совѣтъ десяти назначилъ трехъ государственныхъ инквизиторовъ и опредѣлилъ ихъ права особымъ указомъ. Этимъ указомъ предоставлялась имъ безграничная власть надъ всѣми безъ исключенія подданными республики, какъ надъ дворянствомъ и духовенствомъ, такъ и надъ народомъ, даже надъ самими членами совѣта десяти. Они могли, явно или тайно, предать смерти каждаго, если только были согласны на это всѣ трое. Каждый изъ нихъ могъ арестовать всякаго, но долженъ былъ объяснить дѣло двумъ остальнымъ. Касса совѣта десяти была въ ихъ распоряженіи, такъ что они не давали даже отчета въ ея употребленіи. Со всѣми намѣстниками, генералами, адмиралами и посланниками они могли переписываться и давать имъ и приказанія и порученія. Наконецъ они сами же составляли инструкцію для себя. Первые государственные инквизиторы составили ее 23 іюня. Въ то время она состояла изъ сорока восьми параграфовъ, но потомъ возрасла до ста трехъ. Она была написана однимъ изъ инквизиторовъ собственноручно, оставалась неизвѣстною

*) E il serrarono col dargli giuramento solene, che nulla dicesse.

даже самимъ секретарямъ инквизиціи и хранилась въ ящикѣ, ключъ отъ котораго былъ только у одного инквизитора.

Это пресловутое государственное учрежденіе Венеціи, совершавшее до самаго уничтоженія венеціанской республики Наполеономъ безчисленныя жестокости и преступленія, причинявшее столько горя, которое и выражать-то боялись, столько насилія и безстыдныхъ несправедливостей, — хотя и мѣнялось отъ времени до времени въ своемъ составѣ, какъ французскій комитетъ общественной безопасности 1794 года, но какъ учрежденіе оставалось тѣмъ же самымъ. Со времени Фоскари три государственныхъ инквизитора пользовались безграничной, ничѣмъ не связанной властью. Они тайно, сколько хотѣли, пытали и убивали людей и не оставляли слѣдовъ ни дѣлъ своихъ, ни пролитой крови. Если кто нибудь пропадалъ и можно было догадываться, что онъ взятъ по приказанію инквизиторовъ, то близкіе родные, изъ боязни предъ ужаснымъ судилищемъ, не рѣшались даже спрашивать куда онъ дѣлся.

2) Италія въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія.

Въ то время какъ въ Венеціи аристократическое управленіе съ каждымъ днемъ сосредоточивалось въ рукахъ все меньшаго и меньшаго числа фамилій, власть которыхъ укрѣплялась самыми свирѣпыми средствами, въ Генуѣ продолжалась борьба между плебеями и патриціями, и послѣдніе даже раздѣлились на двѣ партіи. Борьба партій принудила генуэзскую республику сначала впустить въ городъ французовъ, а потомъ — присягнуть Висконти (т. III, стр. 609 — 610, 623); съ 1435 года, лишь только сбросила она иностранное иго, въ ней начались опять внутреннія распри (т. III, стр. 647). Въ Генуѣ, какъ и во всякомъ промышленномъ государствѣ, управленіе было постоянно въ рукахъ извѣстныхъ богатыхъ фамилій. По происхожденію своему онѣ опирались на различные слои населенія: патриціанскіе роды Гримальди, Доріа, Спинола и Фіески были сильны рыцарями, къ которымъ принадлежали по происхожденію, а Адорни и Фрегози поддерживались гражданами, изъ среды которыхъ они вышли. Лишь только миланцы были выгнаны изъ Генуи, споръ между патриціями немедленно возобновился. Адорни и Фіески соединились противъ дожа Піетро Фрегозо, осадили его въ городѣ и призвали Альфонса V, короля Неаполя, Сициліи и Арагоніи. Но король вскорѣ умеръ, именно въ 1458 году, во время осады Генуи.

Послѣ смерти Альфонса V, въ Неаполѣ вступила на престолъ боковая линія: тамъ ему наслѣдовалъ побочный сынъ его Фердинандъ I; въ Сициліи же и Сардиніи воцарился Іоаннъ II Арагонскій, братъ Альфонса. Альфонсъ заставилъ папу признать своего побочнаго сына за рожденнаго въ законномъ бракѣ и обезпечить за нимъ престолонаслѣдіе въ Неаполѣ; въ то же время, для ограниченія произвола папъ въ свѣтскихъ дѣлахъ народа, онъ возстановилъ парламентъ и старинное право народа избирать короля и издавать законы. По старинному обычаю, парламентъ дѣлился на двѣ палаты: въ первой засѣдали князья, графы, бароны и прелаты, владѣвшіе большими имѣніями; самыми знатными между послѣдними были аббатъ Монте-Кассино и архіепископъ Реджіо; — вторая палата состояла изъ городскихъ головъ и депутата отъ города Неаполя. По закону, эти представители сословій, вмѣстѣ съ королемъ, должны были производить судъ и распоряжаться финансами; но законъ этотъ рѣдко исполнялся, и хотя офиціально неаполитанскій парламентъ никогда не былъ отмѣненъ, но его не собирали такъ долго, что народъ совсѣмъ забылъ о немъ. Альфонсъ возстановилъ его, созвавъ въ 1433 году сословія, чтобы издать законъ о престолонаслѣдіи. Парламентъ, видя, что король предоставляетъ ему право, которымъ до сихъ поръ пользовались папы, или, выражаясь современнѣе, желаетъ признать верховную власть народа, въ благодарность за это предупредилъ желаніе короля и объявилъ наслѣдникомъ сына его, Фердинанда. Папы Евгеній IV и Николай V согласились признать престолъ за Фердинандомъ и, по смерти Альфонса, никто не сомнѣвался, что на это согласится и преемникъ папы Николая, старый Каликстъ III, такъ какъ, будучи кардиналомъ, онъ велъ переговоры своихъ предшественниковъ съ Альфонсомъ; но Каликстъ объявилъ себя противъ Фердинанда.

Каликстъ происходилъ изъ испанской фамиліи Борджіа (Борха) и сильно повредилъ римской церкви, покровительствуя своей фамиліи, пороки и злодѣянія которой возмущали міръ гораздо болѣе, чѣмъ поведеніе какой либо другой папской фамиліи того столѣтія. Онъ сдѣлалъ кардиналомъ племянника своего, который потомъ, будучи папой Александромъ VI, открыто предавался удовлетворенію самыхъ низкихъ страстей, всевозможнымъ порокамъ, злодѣяніямъ и позорнымъ потѣхамъ. Другому племяннику онъ пріобрѣлъ герцогство Сполето и даже хотѣлъ помочь ему завладѣть неаполитанскимъ государствомъ. Поэтому Каликстъ изъявилъ въ буллѣ притязанія на Неаполь, какъ на упраздненный церковный ленъ, и обратился за помощью къ Франческо Сфорца миланскому; но Франческо Сфорца имѣлъ политическія причины желать, чтобы Фердинандъ удержался на тронѣ. Преемникъ Каликста, безсмертный Пій II (Эней Сильвій Пикколомини), прославившійся какъ ученый, историкъ и дипломатъ, призналъ Фердинанда королемъ, но взялъ съ него за это пенсію и потребовалъ возвращенія давно отнятыхъ у папъ Беневента, Понтекорво и Террачины.

Сначала народу былъ неизвѣстенъ характеръ молодаго неаполитанскаго короля, сдѣлавшагося впослѣдствіи ненавистнымъ своею жестокостью и распутствомъ; народъ радовался, что новый король былъ неаполитанецъ и женатъ на неаполитанкѣ (племянницѣ князя Орсини Тарентскаго). Бароны же и близкіе родственники Фердинанда знали новаго короля лучше и, стараясь поэтому освободиться изъ-подъ его власти, обратились къ племяннику короля Альфонса V, несчастному принцу Карлу де Віана, преслѣдуемому своимъ собственнымъ отцомъ и искавшему убѣжища у Альфонса. Карлъ былъ самъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и не могъ войти въ сношенія съ неаполитанцами. Отецъ Карла, Іоаннъ II арагонскій, тоже не могъ принять предложенной ему короны. Недовольные бароны, и во главѣ ихъ князь Тарентскій, обратились тогда къ претенденту, которому покровительствовалъ французскій король Карлъ VII, поддерживавшій его во всѣхъ его странныхъ предпріятіяхъ. Претендентъ этотъ былъ Іоаннъ герцогъ Калабрійскій, сынъ Рене или Рената Анжуйскаго, номинальнаго короля неаполитанскаго. Когда флорентинцы пригласили его въ 1454 г. выступить противъ Альфонса во главѣ ихъ войска, онъ явился съ горстью наемниковъ въ Тоскану, надѣясь завоевать королевство своего отца, но между тѣмъ флорентинцы обошлись безъ него, и въ 1455 году онъ уже сталъ имъ въ тягость. Въ слѣдующемъ году, когда Піетро Фрегозо, преслѣдуемый королемъ Альфонсомъ, обратился къ Карлу VII и присягнулъ ему, король французскій послалъ Іоанна, какъ своего намѣстника (прокуратора), въ Геную, гдѣ онъ долженъ былъ принять сторону Фрегозо и его партіи. Но Іоаннъ поссорился съ Піетро Фрегозо и попалъ въ очень затруднительное положеніе, потому что герцогъ миланскій Францискъ Сфорца, къ помощи котораго обратился Фрегозо, прислалъ ему семьсотъ всадниковъ и въ то же время флотъ Фердинанда заперъ въ гавани корабли Іоанна. Подконецъ однако счастье повернуло на его сторону. Піетро Фрегозо хотѣлъ во главѣ недовольныхъ силою ворваться въ городъ и уже проникъ въ городскія ворота, какъ вдругъ противная партія сдѣлала чрезвычайное усиліе, а Іоанна подкрѣпили изъ Прованса кораблями и войскомъ. Фрегозо былъ совершенно разбитъ и посланные ему Францискомъ Сфорцою семьсотъ рыцарей потерпѣли при этомъ случаѣ пораженіе. Поэтому-то историкъ Симонетта (т. III, стр. 680), панегиристъ Франциска Сфорцы, вовсе не упоминаетъ объ этомъ походѣ миланцевъ. Вскорѣ послѣ того (1459 г.) въ Геную прибыло посольство недовольныхъ неаполитанскихъ дворянъ, начавшихъ войну противъ Фердинанда и объявившихъ законнымъ королемъ Іоанна, какъ старшаго сына Рената и наслѣдника всѣхъ правъ младшей линіи анжуйскаго дома. Іоаннъ тотчасъ же отправился на призывъ, тѣмъ охотнѣе, что послѣдній годъ онъ оставался въ Генуѣ, какъ бы только поджидая, что его вызовутъ неаполитанскіе бороны.

Іоаннъ Лотарингскій привелъ съ собой въ Неаполь весьма мало войска; но вначалѣ предпріятіе его, казалось, обѣщало успѣхъ, потому что съ нимъ соединились не только самые знатные бароны государства, въ томъ числѣ воинственный Антоніо Кальдора (т. III, 647), — но на его сторону перешелъ и Эрколе (Геркулесъ I) д'Эсте, братъ котораго Борзо царствовалъ въ Феррарѣ и Моденѣ; городъ Ночера отворилъ ему свои ворота, и на помощь къ нему спѣшилъ знаме-

нитый предводитель кондоттьеровъ Джакопо Пиччинино (т. III, стр. 652). Пиччинино прошелъ въ Абруццы чрезъ Мархіи, преслѣдуемый войсками Франциска Сфорцы, имѣвшаго уважительныя причины бояться французскаго владычества въ Неаполѣ. Герцогъ Карлъ Орлеанскій, овладѣвшій уже городомъ Асти, какъ сынъ Валентины Висконти (т. III, стр. 651), оспаривалъ у Франциска Сфорцы право на Миланъ, хотя Францискъ основывалъ свое право на бракѣ своемъ съ Бланкой, побочной дочерью послѣдняго герцога изъ дома Висконти. Сфорца боялся его, какъ претендента, и если бы Іоанну удалось укрѣпиться въ Неаполѣ, ему угрожала бы большая опасность и съ юга, и съ сѣвера — отъ французовъ, утвердившихся въ то время и въ Генуѣ. Чтобы не допустить до этого и задержать въ Мархіяхъ войска Пиччинино, Францискъ въ мартѣ 1460 г. послалъ туда одного изъ своихъ братьевъ; тотъ пришелъ слишкомъ поздно, однако соединился съ другимъ своимъ братомъ и съ княземъ Урбино и двинулся въ Абруццы вслѣдъ за Пиччинино. Пока Пиччинино старался пробраться въ Неаполь, Фердинандъ, поддерживаемый тоже войсками папы Пія II, сразился при Сарно съ войсками Іоанна Калабрійскаго и по собственному безразсудству поставилъ себя въ весьма дурное положеніе; вмѣсто того, чтобы послушаться благоразумнаго совѣта итальянскихъ полководцевъ и спокойно распоряжаться при Сарно, гдѣ французы не могли держаться, онъ лѣтомъ 1460 г. далъ сраженіе, въ которомъ былъ, какъ ему и предсказывали, такъ разбитъ, что войска его совершенно разсѣялись. Если вѣрить современной хроникѣ, онъ былъ обязанъ сохраненіемъ короны женѣ своей Изабеллѣ, племянницѣ князя тарентскаго. Мы передадимъ разсказываемый по этому поводу анекдотъ такъ, какъ прочли его сами; это если не исторія, то совершенная молва. Разсказываютъ, что когда Фердинандъ остался совершенно безъ денегъ въ Неаполѣ, куда онъ скрылся послѣ пораженія, жена его Изабелла ходила изъ дома въ домъ ко всѣмъ богатымъ людямъ, какъ бы прося милостыню бѣднымъ, и такимъ образомъ собрала значительную сумму. Потомъ, разсказываютъ, она обратилась къ дядѣ своему, князю тарентскому, вызвавшему Іоанна въ Неаполь, и такъ какъ уже много мѣстъ было занято французами, убѣдила его посовѣтовать Іоанну не идти прямо въ Неаполь, а заняться осадою незначительныхъ городовъ. Неаполитанская хроника, написанная для народа, не рѣшается выдавать за истину, что Изабелла склонила князя Тарентскаго къ тайной измѣнѣ; въ хроникѣ сказано: разсказываютъ, что Изабелла, переодѣтая французскимъ монахомъ, пришла въ лагерь своего дяди и убѣждала его помедлить. (Sono alcuni che dicono, che la regina Isabella di volontà del marito andata al principi di Tarento sus zio in habite di frate Zoccolante e se li buttasse a li piedi etc.)

Послѣ этого война затянулась. Вскорѣ, именно въ 1461 году, умеръ Карлъ VII французскій, покровитель стараго Рене и его сына, и съ 1461 года по 1464 порядокъ дѣлъ въ Италіи совершенно измѣнился. Еще до смерти короля Карла французы потеряли власть надъ Генуею, потому что обременяли тяжкими налогами гражданъ города, которые сваливали ихъ на народъ, и освобождали отъ нихъ многихъ членовъ аристократіи. Ненависть къ иноземцамъ соединила фамиліи Фрегозо, Адорно и Спинола; въ то же время Франческо Сфорца возмущалъ народъ, раздавалъ деньги и обѣщалъ помощь; наконецъ 10 марта 1461 года Адорно, выгнаннымъ изъ города удалось при помощи народа и крестьянъ, приведенныхъ ими и Фрегозо, занять городъ и загнать французовъ и ихъ друзей въ крѣпость (castelletto). Борьба за Геную продолжалась до самаго лѣта. Старый Рене и король Карлъ VII посылали помощь осажденнымъ въ крѣпости соотечественникамъ; съ другой стороны, генуезцевъ, избравшихъ между тѣмъ дожемъ Проспер Адорно, поддерживалъ Франческо Сфорца значительными денежными суммами и нѣсколькими тысячами солдатъ. Наконецъ французское войско, потерпѣвъ и внѣ города, и въ городѣ значительныя пораженія, совершенно разсѣялось, и старый Рене, пришедшій въ Геную изъ Прованса, передалъ крѣпость своему другу, Лудовико Фрегозо. Лудовико Фрегозо не задолго передъ тѣмъ сдѣлался дожемъ, отнявъ это званіе у Спинета Фрегозо, который въ свою очередь отнялъ его у Проспера Адорно. Однако хотя Лудовико называли дожемъ, но и онъ и городъ повиновались двоюродному брату его, архіепископу Паоло Фрегозо.

Въ іюнѣ 1461 года, во время борьбы за Геную и Неаполь, умеръ Карлъ VII французскій. Сынъ его Лудовикъ XI во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ слѣдовалъ совершенно противоположной политикѣ. Въ Италіи Лудовикъ показывалъ видъ, что принимаетъ сторону французовъ, а втайнѣ держался другой стороны. Воюя съ своими родственниками и вельможами, Лудовикъ отказался отъ намѣренія пріобрѣсти господство въ Италіи и заключилъ съ герцогомъ миланскимъ Франческо Сфорца союзъ, вслѣдствіе котораго Сфорца не только далъ Лудовику денежное вспоможеніе, но и послалъ старшаго сына своего, Галеаццо-Марію, съ избранною дружиной во Францію, на помощь королю въ войнѣ съ недовольными феодалами или лигою общественнаго блага. Франческо Сфорца и Пій II поддерживали жестокаго и ненавистнаго короля Фердинанда неаполитанскаго, постоянно посылая ему деньги, полководцевъ и наемниковъ. Черезъ папу союзники уговорили и Георгія Кастріота, знаменитаго подъ именемъ Скандербега (т. III, стр. 251 и 528), доставить королю Фердинанду поддержку противъ французовъ. Пій II обѣщалъ этому герою устроить подъ его предводительствомъ крестовый походъ противъ турокъ, собралъ въ Мантуѣ соборъ и обложилъ христіанство податью для этого похода. Но собранныя деньги были употреблены въ пользу тирана Фердинанда, и папа добился даже того, что Скандербегъ во главѣ восьмисотъ человѣкъ самъ пошелъ помогать Фердинанду противъ герцога Іоанна и отнялъ островъ Искію у приверженцевъ анжуйскаго дома. Наконецъ 18 августа 1462 года королю Фердинанду посчастливилось разбить въ битвѣ при Троѣ герцога Іоанна и его союзниковъ. Послѣ этого пораженія Іоанну не было надежды утвердиться въ Италіи, потому что вскорѣ (въ сентябрѣ) папѣ и герцогу миланскому удалось отвлечь отъ союза съ нимъ и князя Тарентскаго. Фердинанду это было тѣмъ выгоднѣе, что вскорѣ (1464 года) жена его наслѣдовала послѣ дяди несмѣтныя богатства, тогда какъ соперникъ его Іоаннъ былъ чрезвычайно бѣденъ. По смерти князя Тарентскаго оставленный всѣми, претендентъ не могъ удержаться ни въ одномъ углу государства, хотя отецъ его, старый Рене, пришелъ въ Неаполь съ флотомъ, собраннымъ въ Марсели. Въ 1464 году имъ пришлось окончательно покинуть это предпріятіе, потому что наконецъ и Лудовикъ XI оставилъ ихъ на произволъ судьбы, а у нихъ самихъ не было ни денегъ, ни войска; позже они примкнули къ многочисленнымъ врагамъ Лудовика во Франціи.

Въ Генуѣ между тѣмъ хотя и продолжались внутренніе безпорядки, но городъ освободился изъ-подъ власти французовъ, а въ 1464 году Лудовикъ XI вызвалъ войско изъ послѣдняго мѣста, занятаго ими. Въ 1462 году кроткій дожъ Лудовико Фрегозо рѣшился возстать противъ вліянія своего двоюроднаго брата, архіепископа Паоло Фрегозо, дѣйствовавшаго его именемъ, и прекратить его насилія. Тогда архіепископъ вооружилъ противъ дожа всѣхъ собравшихся въ Генуѣ искателей приключеній, которыхъ было множество въ Италіи въ то революціонное время. 14 мая онъ пробрался во дворецъ, принудилъ двоюроднаго брата отказаться отъ мѣста, на которое самъ возвелъ его, и соединилъ въ своемъ лицѣ свѣтскую власть дожа съ духовнымъ саномъ архіепископа. Не смотря на свое суевѣріе, генуэзскій народъ не хотѣлъ терпѣть этого. Въ короткое время изъ города и изъ деревень собрались ко дворцу тысячи людей и, грозя смертью архіепископу и нанятымъ имъ злодѣямъ, принудили духовнаго владыку уступить слабому брату отнятое у него мѣсто (іюнь 1462). Архіепископъ удержалъ однако при себѣ своихъ отчаянныхъ наемниковъ и даже увеличилъ число ихъ, и сталъ ждать болѣе благопріятнаго случая, чтобы возстановить въ городѣ свое военно-духовное владычество. Еще въ томъ же году ему удалось опять выгнать брата, хотя Лудовико занялъ было съ своими людьми крѣпость (castelletto). Архіепископъ захватилъ дожа въ то самое время, когда тотъ отправлялся изъ крѣпости въ городъ; потомъ двинулся къ крѣпости и, велѣвъ поставить висѣлицу, грозилъ повѣсить дожа, если не сдадутъ ему крѣпость. Крѣпость сдалась, и архіепископъ былъ снова признанъ дожемъ.

При этомъ случаѣ ясно высказалось, до какой ужасающей степени дошли злоупотребленія духовной власти въ свѣтскихъ дѣлахъ, и это тѣмъ грустнѣе, что папою былъ не развратникъ или невѣжда, не какой-нибудь Каликстъ III или Александръ VI Борджіа, а ученѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ того времени, сочиненія котораго исполнены самыхъ благородныхъ мыслей,—Эней-Сильвій

Пикколомини, или Пій II. Когда архіепископъ, изгнавъ своего двоюроднаго брата, въ третій разъ занялъ его мѣсто, онъ немедленно обратился къ папѣ Пію II, и тотъ не постыдился признать преступника законнымъ дожемъ и выразить это признаніе въ письмѣ, составляющемъ истинный образецъ лицемѣрной софистики (январь 1463 года). Папа дѣлаетъ въ этомъ письмѣ различныя наставленія и предостереженія, намекаетъ, что архіепископъ тиранъ, говоритъ даже о всеобщемъ къ нему нерасположеніи, которое можетъ быть гибельно для него, и, не смотря на все это, даетъ ему свое полное благословеніе и признаетъ его законнымъ повелителемъ Генуи съ условіемъ, чтобы онъ ускорилъ крестовый походъ, о которомъ, повидимому, тогда еще хлопотали. Архіепископъ однако не только не обратилъ вниманія на наставленія папы, которыя, какъ ему хорошо было извѣстно, ничего не значатъ, но ежедневно предавался грабежу, насилію и душегубству, позволяя своимъ бандитамъ совершать неслыханныя злодѣйства, отъ которыхъ не было пощады ни духовнымъ лицамъ, ни самымъ знатнымъ городскимъ фамиліямъ. Это послужило поводомъ герцогу миланскому Франческо Сфорца снова забрать въ свои руки власть надъ генуэзской республикой. Онъ устроилъ союзъ между Адорно и Фіеско противъ тирана, привлекъ въ него Спинето Фрегозо, Иблетто Фіеско, Паоло Доріа и Джироламо Спинола. Они вооружили своихъ многочисленныхъ вассаловъ и во главѣ ихъ направились къ городу. Такъ какъ въ Генуѣ всѣ были ожесточены противъ тирана, то архіепископъ не рѣшился остаться въ городѣ. Онъ передалъ дворецъ вдовѣ одного изъ своихъ братьевъ, а главное начальство во дворцѣ и въ городѣ — своему брату Пандольфу, сѣлъ съ своими бандитами на корабль и сталъ заниматься морскими разбоями. Немедленно по его удаленіи Генуя подпала подъ власть герцога миланскаго: Иблетто Фіески, начальствовавшій въ городѣ, впустилъ туда 13-го апрѣля 1464 года миланское войско подъ начальствомъ Джакопо Вимеркато, а невѣстка Паоло сочла за лучшее продать дворецъ и за деньги открыть миланцамъ ворота его, безъ вѣдома Пандольфа; генуезцы тотчасъ же передали главное начальствованіе надъ городомъ герцогу Франциску Сфорцѣ на тѣхъ-же условіяхъ, на какихъ онъ былъ прежде отданъ королю Карлу VII. Король Лудовикъ XI уступилъ герцогу послѣдній итальянскій городъ, находившійся еще въ рукахъ французовъ,—Савону. Какъ ни замѣчателенъ для характеристики нравовъ того времени и для исторіи фактъ, что архіепископъ могъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тиранствовать, какъ разбойникъ и какъ дожъ, но еще замѣчательнѣе, что впослѣдствіи тотъ же человѣкъ не только осмѣлился возвратиться въ Геную, но пользовался тамъ еще большимъ уваженіемъ, чѣмъ прежде. Онъ снова сдѣлался архіепископомъ и снова получилъ званіе дожа, а въ 1480 году былъ даже сдѣланъ кардиналомъ.

3. Италія съ 1464 по 1764 годъ.

1464 годъ замѣчателенъ въ итальянской исторіи тѣмъ, что повсюду наконецъ установились миръ и спокойствіе и что почти всѣ государства управлялись въ то время туземцами. Одна Сицилія оставалась еще подъ властью арагонцевъ: французы, если исключить занятіе Асти, были удалены изъ Италіи, и Фердинандъ I тиранилъ неаполитанцевъ, не опасаясь ни французовъ, ни арагонцевъ. Флоренціею управлялъ кротко и демократически старый Косьма Медичи, который держалъ себя не какъ государь, а скорѣе какъ богатый, образованный и щедрый гражданинъ; онъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ венеціанцами и герцогомъ миланскимъ Францискомъ Сфорцою. Сфорца управлялъ Ломбардіею, обладаніе которою онъ дѣлилъ съ венеціанцами, и Генуею военно-монархически, но справедливо и благоразумно. Всѣ папы этого времени заботились только объ обогащеніи своихъ родственниковъ и о пріобрѣтеніи для нихъ княжествъ и владѣній; потому каждый новый папа или даже его родственники старались всячески притѣснять и преслѣдовать приближенныхъ его предшественника. На этомъ основаніи мы не станемъ перечислять разныхъ мелкихъ итальянскихъ княжествъ, которыхъ существованіе было непрочно; достаточно будетъ замѣтить, что между множествомъ мелкихъ владѣтелей въ Романьи, самые значительные послѣ дома

Эсте были Малатеста въ Римини, и что Модена и Реджіо управлялись Борзо д'Эсте, которому императоръ Фридрихъ III продалъ герцогскій титулъ и державныя права надъ этими владѣніями; впослѣдствіи (1471 г.) Павелъ II уступилъ ему же Феррару, которая и осталась собственностью дома Эсте.

Смерть двухъ лицъ совершенно различныхъ свойствъ, но одинаковаго политическаго направленія, своимъ искреннимъ союзомъ прочно соединявшихъ четыре главныя государства Италіи: Миланъ, Флоренцію, Венецію и Неаполь, произвела на полуостровѣ новыя гражданскія войны, давшія впослѣдствіи французамъ поводъ къ попыткѣ укрѣпиться въ Италіи. Эти два человѣка были: Францискъ Сфорца и Косьма Медичи. Первый умеръ 8-го марта 1466 года. За годъ до его смерти дочь его Ипполита, извѣстная своею ученостью, вступила въ бракъ съ наслѣднымъ принцемъ неаполитанскимъ, вслѣдствіе чего дружескія сношенія Сфорцы съ королемъ Фердинандомъ еще болѣе упрочились. Онъ оставилъ пятерыхъ сыновей, изъ которыхъ только двое, Галеаццо-Марія и Людовикъ, имѣютъ историческое значеніе. Оба впрочемъ не были похожи на отца.—Косьма Медичи, съ 1434 года мирно управлявшій безпокойными флорентинцами, умеръ еще прежде Франциска Сфорцы (въ августѣ 1464 г.), оставивъ только одного сына Петра, который такъ же мало походилъ на своего отца, какъ сыновья Франциска Сфорцы на своего. Петръ Медичи увеличилъ число изгнанныхъ съ 1434 года флорентинцевъ, проживавшихъ въ итальянскихъ городахъ, и уже это одно скоро вызвало попытки устранить Медичи отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ.

Еще самъ Косьма въ послѣднія восемь лѣтъ своей жизни считалъ нужнымъ имѣть особенно строгую полицію и юстицію и назначилъ гонфалоньеромъ (gonfaloniere di giustizia) грознаго Луку Питти, желая, чтобы все хорошее приписывалось ему самому, а всѣ жестокости одному Питти. Онъ самъ, уже старый и слабый, и весь флорентинскій народъ смотрѣли на восьмилѣтнее правленіе Питти не такъ, какъ Маккіавелли, который называетъ его жестокимъ и невыносимымъ. Совѣтъ (la Signoria) и Косьма обдаривали Питти огромными суммами, и значеніе его возвысилось до того, что его боялись больше, чѣмъ любили Косьму. Все, что разсказываетъ намъ Маккіавелли о средствахъ, какія употреблялъ Питти, чтобы съ изумительною роскошью устроить свой дворецъ, составляющій и въ настоящее время лучшее украшеніе Флоренціи, не даетъ выгоднаго понятія о человѣкѣ, которому кроткій, ласковый, свободолюбивый и до расточительности щедрый Косьма ввѣрилъ управленіе своимъ отечествомъ. Мы могли бы еще извинить Питти въ томъ, что онъ бралъ въ подарокъ отъ гражданъ и частныхъ лицъ строительные матеріалы; но чтобъ прослыть покровителемъ искусствъ, онъ употреблялъ и другія средства, которыя можетъ одобрить только развѣ художникъ, поэтъ или эстетикъ. Такъ, напримѣръ, всѣ воры, разбойники и другіе преступники могли избѣгнуть наказанія и поселиться въ городѣ, если въ теченіе извѣстнаго времени работали при постройкахъ Питти.

По смерти Косьмы, его сынъ Петръ наслѣдовалъ богатства отца, а слѣдовательно и значеніе его въ государствѣ, потому что почти всѣ значительные торговые дома Флоренціи занимали у Косьмы деньги или въ затруднительныхъ обстоятельствахъ получали отъ него помощь. Но Петръ не обладалъ ни умомъ, ни опытностью своего отца; потому Косьма, умирая, совѣтовалъ ему и въ частныхъ и государственныхъ дѣлахъ не предпринимать ничего, не спрося мнѣнія друга Косьмы Діотисальви Нерони, считавшагося умнѣйшимъ во Флоренціи человѣкомъ. Однако Діотисальви поступилъ съ Петромъ вѣроломно. Чтобы вытѣснить его, онъ соединился съ Питти, который по смерти Косьмы надѣялся быть первымъ человѣкомъ во Флоренціи и не могъ выносить, что такой молодой человѣкъ, какъ Петръ, былъ значительнѣе его. Оба они и друзья ихъ Аньоло Ачіаюоли (Acciajuoli) и Николо Содерини старались прежде всего разстроить тѣсный союзъ между Миланомъ и Флоренціею, благодаря которому Сфорцы въ Миланѣ и Медичи во Флоренціи были обезпечены отъ внѣшнихъ нападеній. Для этого они воспользовались минутой, когда сынъ Франциска Сфорцы, Галеаццо-Марія, бывшій во время смерти отца еще во Франціи, возвратился въ Миланъ и вступилъ въ управленіе. Они думали, что этотъ союзъ былъ заключенъ только лично съ Францискомъ Сфорцою; флорентинцы же думали

иначе, и сохраненіе миланскаго союза не мало способствовало къ разрушенію плана, затѣяннаго знаменитѣйшими и старѣйшими людьми Флоренціи противъ молодаго и безразсуднаго наслѣдника мудраго Косьмы. Заговорщики собрали подписи всѣхъ своихъ друзей и сговорились уничтожить вліяніе партіи Медичи тотчасъ по избраніи въ слѣдующемъ году новаго правительства; они хотѣли также чтобы чисто купеческая или мѣщанская власть Медичи, при которой сохранялись и внѣшняя форма и законы республики, была превращена въ княжескую. Хотя заговорщикамъ и удалось избрать гонфалоньеромъ (gonfaloniere di giustizia) Николо Содерини, который былъ способенъ произвести возстаніе, но братъ его Ѳома Содерини, дѣйствуя по природѣ медленно, задержалъ дѣло до избранія новаго правительства. И на этотъ разъ выборъ былъ благопріятенъ для противниковъ Петра; избранъ былъ Бернардо Лотти, нерасположенный къ нему. Вслѣдъ за тѣмъ сдѣлана была попытка народнаго возстанія, но Петръ предупредилъ своихъ враговъ. Подъ предлогомъ опасности, угрожавшей со стороны Болоньи или Феррары, онъ удалился изъ города, собралъ своихъ друзей и наемниковъ и тогда вновь явился во Флоренцію, гдѣ къ нему присоединились всѣ приверженцы его дома. Заговорщики также хотѣли прибѣгнуть къ силѣ, но Ѳома Содерини былъ втайнѣ преданъ дому Медичи, а члены совѣта (Signoria) остались нейтральными и заперлись, какъ въ крѣпости, въ домѣ, гдѣ происходили ихъ засѣданія. Такимъ образомъ Петру удалось безъ кровопролитія достичь во Флоренціи княжеской власти, которой не желалъ отецъ его Косьма, отклонявшій отъ себя, по словамъ Маккіавелли, всякую тѣнь аристократизма *).

Послѣ неудавшейся попытки враговъ, Петръ выждалъ отставки Бернардо Лотти и назначенія въ гонфалоньеры совершенно преданнаго ему Роберто Ліони и, созвавъ большое народное собраніе (chiamato il popolo in piazza), измѣнилъ весь составъ управленія (fece nuova balia). Заговорщики пришли въ ужасъ, увидя, что всѣ мѣста заняты ихъ заклятыми врагами, и выѣхали изъ города (1466 г.). Аньоло Ачіаюола уѣхалъ въ Неаполь, Діотисальви Нерони и Николо Содерини отправились въ Венецію; Лука Питти, хотя и остался во Флоренціи, но вскорѣ убѣдился, что потерялъ всякое значеніе. Даже архіепископъ флорентинскій Джіованни Нерони возвратился въ Римъ, потому что все семейство его было разсѣяно и всѣ удалившіеся изъ города объявлены государственными врагами. Множество другихъ гражданъ было сослано и наконецъ за спасеніе демократіи и водвореніе мира было совершено торжественное молебствіе. Насильственныя мѣры, употребленныя при этомъ случаѣ **), могутъ считаться срокомъ, съ котораго Петръ началъ диктаторски править Флоренціею, гдѣ отецъ его стоялъ во главѣ правленія, какъ самый богатый, щедрый и добродѣтельный гражданинъ.

Высланные тогда флорентинцы соединились за границей съ изгнанными послѣ возвращенія Косьмы въ родной городъ (1434 г.) гражданами, къ которымъ принадлежали Строцци и другія аристократическія фамиліи. Всюду, куда ни пріѣзжали изгнанники, и въ особенности въ аристократической Венеціи, они пріобрѣтали огромное вліяніе и своимъ богатствомъ, и основаніемъ большихъ торговыхъ домовъ. Эти враги Медичи, и особенно бѣжавшій архіепископъ, старались пошатнуть въ Римѣ кредитъ дома Медичи и тѣмъ повредить Петру. И точно, нѣкоторое время казалось, что самый значительный торговый домъ въ Европѣ колеблется; но лишь только это почувствовалось въ Парижѣ и Авиньонѣ, какъ ему посыпалась отовсюду помощь, и кредитъ его былъ возстановленъ ***). Изгнанники, проживавшіе въ Венеціи, добились впослѣдствіи поддержки венеціанцевъ чрезъ сына Паоло Строцци, Франческо Строцци, основавшаго въ Феррарѣ большой торговый домъ и пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ Венеціи. Хотя венеціанцы явно и не держали стороны изгнанниковъ, но втайнѣ

---

*) Tanto fu temporato dalla prudenza sua, che la civil modesta mai non trapasso.

**) Furono alcuni cittadini presi e tormentati e di poi parte di loro morti e posti in esilio.

***) Si sforzarono di torre il credito alla ragione de Medicei, che in Roma si travagliava. A che Piero con difficultà provvide.

они покровительствовали имъ и позволили собраться въ Венеціи и расположить войска въ венеціанскихъ предѣлахъ. Чтобы дать изгнанникамъ предводителя, они уволили начальника кондоттьеровъ Бартоломео Колеони, человѣка съ громкимъ именемъ, хотя и не очень даровитаго и находившагося до сихъ поръ въ ихъ службѣ. Партія, господствовавшая во Флоренціи, и партія изгнанниковъ, каждая съ своей стороны, собирали войско; обѣ онѣ располагали большими капиталами и потому могли взять къ себѣ на службу людей, державшихъ отряды для своей обороны или для разбоевъ. Партія Медичи нанявшая около пятнадцати тысячъ человѣкъ и назначившая главнокомандующимъ урбинскаго князя Фредерико ди Монтефельтро, возобновила союзъ съ Галеаццо-Маріей Миланскимъ и съ Фердинандомъ Неаполитанскимъ. Изъ Неаполя Фердинандъ выслалъ ей на помощь войско, а Галеаццо-Марія самъ поступилъ въ флорентинскую армію. Поэтому Медичи рѣшились ускорить ходъ дѣлъ. Такъ какъ Галеаццо-Марія въ двухъ случаяхъ выказалъ неспособность и малодушіе, то они хотѣли хитростью отдалить его отъ войска, чтобы онъ не помѣшалъ ихъ полководцу дать битву. Для этой цѣли они пригласили герцога миланскаго осмотрѣть ихъ городъ, а Монтефельтро приказали напасть на непріятеля въ то время, какъ они задержатъ герцога во Флоренціи почетными празднествами. Желанная ими битва была дана при Молителло 25 іюля 1467 г. Побѣда осталась нерѣшенною, хотя съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ. Галеаццо-Марія былъ сильно оскорбленъ тѣмъ, что флорентинцы воспользовались его отсутствіемъ, чтобы рѣшиться на что нибудь положительное, и тотчасъ же вернулся въ Миланъ съ своими всадниками. Сынъ короля Фердинанда Альфонсъ, герцогъ калабрійскій, напротивъ, поступилъ тогда въ армію Медичи. Въ надеждѣ, что Колеони побѣдитъ союзниковъ герцога миланскаго, венеціанцы составили планъ нападенія на Миланъ и для этого дали значительную сумму герцогу савойскому Амадею IX, съ тѣмъ чтобы братъ его Филиппъ тревожилъ миланцевъ съ запада, въ то время какъ сами они сдѣлаютъ нападеніе съ востока. Галеаццо-Марія хотѣлъ обратить войска свои противъ Амадея, но король французскій возстановилъ миръ между Савоіей и Миланомъ. Между Венеціею, Миланомъ и Флоренціей, также не дошло дѣло до войны, потому что планъ, составленный противъ Петра Медичи, разстроился, и въ февралѣ 1463 года былъ заключенъ миръ, въ которомъ роль посредника игралъ сначала герцогъ феррарскій, а потомъ папа Павелъ II, бывшій родомъ изъ Венеціи.

Съ этого времени Петръ Медичи и сыновья его стали ненавистны флорентинцамъ какъ тираны и преслѣдователи благородныхъ фамилій, которыя возвысили и прославили Флоренцію, тогда какъ Косьма былъ ими любимъ за покровительство простому народу, которому доставлялъ работу и пропитаніе. Флорентинская республика, во главѣ которой стояли Петръ и сыновья его, страшно мстила родственникамъ людей, начавшихъ войну, вмѣсто того чтобы предоставить имъ, какъ желалъ папа, хотя право пользованія ихъ имѣніями. Маккіавелли сообщаетъ объ этихъ преслѣдованіяхъ много свѣдѣній; напротивъ того, о предшествовавшей войнѣ мы находимъ у него очень немногія и невѣрныя извѣстія. Изъ Флоренціи было изгнано множество другихъ аристократическихъ фамилій, въ томъ числѣ всѣ неизгнанные прежде члены фамилій Каппони, Строцци, Питти, Алессандри и Содерини, а гонфалоньеръ Бардо Альтовити преслѣдовалъ не только извѣстныхъ враговъ Медичи, но даже тѣхъ, которые только подозрѣвались въ непріязненныхъ къ нимъ чувствахъ. Въ это время (1469 г.) отпразднована была свадьба сына Петра Медичи—Лоренцо съ Клариссою Орсини, и вся Италія была подъ вліяніемъ блеска и пышности этихъ празднествъ, прославленныхъ тогда продажными поэтами и другими представителями искусствъ. Маккіавелли однако не поддался общему настроенію и называетъ управленіе Петра Медичи язвою, посланною Богомъ на его родной городъ *). По увѣренію Маккіавелли и другихъ историковъ Флоренціи, Петръ Медичи самъ наконецъ почувствовалъ, что фанатики его партіи легко могутъ приготовить паденіе его сыновей; поэтому онъ потихоньку призвалъ къ себѣ Аньоло Ачіаюоли посовѣтоваться съ нимъ о воз-

---

*) In modo si governavano, che pareva che Iddio e la fortuna avesse data loro quella città in preda.

вращеніи имѣній, отнятыхъ у изгнанниковъ, и о принятіи болѣе кроткихъ мѣръ. Но смерть постигла его еще въ началѣ декабря 1469 года, прежде чѣмъ могло быть принято имъ какое нибудь рѣшеніе. Вообще итальянскіе правители того времени, въ особенности папа Павелъ II, неаполитанскій король Фердинандъ и сынъ его Альфонсъ, признавали жестокость и коварство за высочайшую государственную мудрость.

Послѣ Петра осталось двое сыновей, Юліанъ и Лоренцо. За Лоренцо удержалось названіе Magnificus, т. е. великолѣпнаго, свѣтлѣйшаго, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ любилъ во всемъ великолѣпіе и блескъ. Ѳома Содерини, удержавшій брата своего Николо при его управленіи полиціей отъ поддержки заговора противъ Петра, принялъ сторону сыновей послѣдняго, помогалъ имъ своимъ совѣтомъ и постарался доставить имъ такое же вліяніе, какимъ пользовался ихъ отецъ.

Флоренція, Миланъ и Неаполь остались въ тѣсномъ союзѣ противъ Венеціи и вообще противъ всякой внѣшней опасности. 22 октября 1470 года былъ даже заключенъ священный или патріотическій союзъ между флорентинцами, папою, королемъ Фердинандомъ, герцогомъ Галеаццо-Маріею и герцогомъ Борзо Моденскимъ и Феррарскимъ, чтобы сохранить спокойствіе Италіи и защитить итальянскую національность. Къ этому союзу присоединилось много мелкихъ владѣтелей и государствъ. Блескъ итальянскихъ дворовъ и богатство Медичи, агенты которыхъ за границей отличались такою же роскошью, какъ сами Медичи, — все это приносило такую пользу искусству, наукѣ и общественному образованію, что нельзя и удивляться, что писатели народа, живущаго болѣе фантазіей и чувствомъ, нежели разумомъ, называютъ это время, не смотря на совершенно упавшую нравственность, лучшимъ временемъ въ исторіи Италіи. Упомянутую свадьбу Лоренцо Медичи мы могли бы привести какъ примѣръ богатства и блеска, развитаго тогда въ Италіи; но мы предпочитаемъ два случая изъ 1471 года. Первый изъ нихъ—въѣздъ въ Борзо д'Эсте въ Римъ, послѣ того какъ Павелъ II пожаловалъ ему герцогскій титулъ. Его окружалъ отрядъ блестящихъ рыцарей, тѣлохранители, сто оруженосцевъ, множество различной прислуги и по крайней мѣрѣ сто восемьдесятъ муловъ съ его богатою утварью, покрытыхъ бархатомъ и другими пестрыми матеріями. Сами римляне, уже привыкшіе къ блестящимъ зрѣлищамъ, съ удивленіемъ смотрѣли на роскошь, окружавшую Борзо. Борзо, остававшійся въ Римѣ съ 13 марта по 18 мая, умеръ тотчасъ же по возвращеніи своемъ оттуда (27 мая), и отравленіе было въ то время такъ обыкновенно, что его смерть, какъ и скоропостижную смерть Павла II, послѣдовавшую два мѣсяца спустя, приписывали яду. Братъ Борзо, Геркулесъ I, сдѣлался послѣ него герцогомъ Феррары, Модены и Реджіо. Хотя герцогъ Галеаццо-Марія и маркграфъ мантуанскій выставили другаго претендента на Модену и Реджіо изъ боковой линіи, но венеціанцы двинулись въ пармскія владѣнія и принудили претендента со всѣми его защитниками уступить настоящему наслѣднику. — Второе великолѣпное зрѣлище представляетъ празднество, данное Лоренцо и Галеаццо-Маріей въ мартѣ 1471 года флорентинцамъ. Всѣ историческія книги наполнены описаніемъ великолѣпія этихъ празднествъ, а Коріо въ своей миланской исторіи подробно исчисляетъ всѣ мелочи. Мы съ своей стороны вовсе не сочувствуемъ монархическо-аристократической жизни, убивающей моральную силу, и потому не говоримъ о ней много, а довольствуемся лишь нѣкоторыми указаніями на нравы того времени. Праздникъ былъ данъ по случаю визита герцога Галеаццо-Маріи со всѣмъ его дворомъ частному жителю Флоренціи Лоренцо Медичи. Все высшее ломбардское дворянство окружало герцога; при каждомъ, даже самомъ незначительномъ дворянинѣ былъ свой дворъ, и всѣ они явились въ богатомъ вооруженіи и пышныхъ нарядахъ. Самъ герцогъ привезъ съ собою во Флоренцію, кромѣ придворныхъ, двѣ тысячи блистательно одѣтыхъ рыцарей въ качествѣ тѣлохранителей; двѣсти украшенныхъ муловъ везли его богатый обозъ, а за ними слѣдовали пятьсотъ своръ собакъ разныхъ породъ со множествомъ ястребовъ и соколовъ для герцогской охоты. Галеаццо-Марія издержалъ, говорятъ, на это путешествіе двѣсти тысячъ червонцевъ. Издержки на встрѣчу и пріемъ его во Флоренціи были, вѣроятно, еще значительнѣе, потому что ломбардцы были внѣ себя отъ удивленія. Миланцамъ конечно не нравились расточительность и же-

стокая полиція ихъ герцога, который не прочь былъ сдѣлаться королемъ ломбардскимъ; а генуэзцы, которыхъ Галеаццо-Марія также посѣтилъ въ то время, такъ явно высказали свое нерасположеніе къ нему, что онъ снова велѣлъ укрѣпить замокъ, чтобы держать жителей въ страхѣ.

Папа Сикстъ IV, преемникъ Павла II, заслужилъ также всеобщую ненависть не только въ Италіи, но и во всемъ христіанскомъ мірѣ за то, что оказывалъ неслыханное покровительство своимъ родственникамъ и пользовался для своихъ денежныхъ выгодъ планомъ крестоваго похода противъ турокъ. Онъ возвысилъ налоги, собиравшіеся для походовъ противъ турокъ, нѣсколько разъ снаряжалъ и высылалъ въ море свой флотъ вмѣстѣ съ венеціанскимъ и вообще дѣлалъ много шуму по поводу крестоваго похода, однако не приступалъ къ дѣлу: деньги текли въ карманы папской родни, между тѣмъ какъ турки своими набѣгами на Фріулъ все болѣе и болѣе угрожали Тріесту. Несмотря на все зло, которое дѣлали въ то время Италіи ея туземные правители и аристократы, она была—какъ средоточіе торговли, искусствъ и наукъ всей Европы—въ блестящемъ состояніи. Мы не упоминаемъ о мелкихъ раздорахъ, которые въ это время вспыхивали внутри Италіи; при тѣсномъ союзѣ болѣе значительныхъ государствъ полуострова, стремившихся къ поддержанію мира, они были слишкомъ ничтожны для того, чтобы говорить о нихъ во всеобщей исторіи. Даже потеря, понесенная Генуей вслѣдствіе отнятія у нея турками Каффы въ Крыму, и пріобрѣтеніе Венеціею острова Кипра имѣли мало вліянія на общій ходъ дѣлъ. Революціи въ Генуѣ, Миланѣ и Флоренціи однѣ имѣли значеніе для исторіи Италіи.

Въ 1476 году въ Миланѣ (а скоро послѣ того и во Флоренціи) была произведена насильственная попытка возстановленія аристократической республики: первыя миланскія фамиліи были такъ же возмущены жестокостью и праздной нѣгой порочнаго сына Франциска Сфорцы, какъ флорентинская молодежь высшаго круга дѣйствіями обоихъ внуковъ благороднаго Косьмы. Впрочемъ убійство Галеаццо-Маріи, случившееся на второй день Рождества 1476 года, не было плодомъ республиканскаго заговора; это была частная месть вслѣдствіе насильственныхъ поступковъ герцога для удовлетворенія своей постыдной страсти. Власть осталась въ рукахъ его сына, подъ защитой военной силы. Но со времени этого убійства взаимныя отношенія государствъ значительно измѣнились. Галеаццо-Марія, подобно тиранамъ греческой и римской древности, тѣшился муками, истязаніями и смертью людей, которыхъ хоронилъ живыми или умерщвлялъ иными дьявольски придуманными способами. Онъ не только находилъ наслажденіе въ томъ, чтобы безчестить женщинъ и дѣвицъ и потомъ награждать ими своихъ людей, но любилъ еще хвастать своимъ преступленіемъ и публично объявлялъ имена лицъ, которыхъ семейное счастіе уничтожилъ. Между оскорбленными имъ было двое равныхъ по знатности царствующему дому, а по древности своего рода имѣвшихъ даже преимущество надъ потомками крестьянина Аттендоло Сфорцы. Это были: Карлъ Висконти и Джироламо Ольджіати. Они, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Джіованни Андреа Лампуньяни, посѣщали лекціи замѣчательнаго грамматика Монтано изъ Болоньи, который, подобно другимъ ученымъ, возсоздавшимъ въ то время въ итальянскихъ городахъ древнюю науку, горячо возставалъ противъ тираніи и тиранновъ (т. III, стр. 617). Николо ди Монтано, знаменитый талантомъ и ученостью, былъ наставникомъ герцога въ его ранней молодости. Это однако нисколько не измѣнило взгляда Галеаццо-Маріи на его республиканскія проповѣди, и онъ велѣлъ высѣчь своего наставника на площади. Съ этой минуты Монтано сталъ изъ мести проповѣдывать молодымъ вельможамъ патріотизмъ Брута и Кассія, и названные выше три ученика его поклялись убить Галеаццо-Марію. Такъ какъ на всѣхъ торжествахъ они занимали первое мѣсто возлѣ герцога, то и выбрали случай, когда собравшійся народъ могъ тотчасъ же провозгласить перемѣну правленія. Тирана предполагалось убить 26 декабря во время одной церемоніи въ соборѣ, въ ту самую минуту, когда духовенство должно было пѣть: «такъ проходитъ слава міра.» Въ соборѣ присутствовали всѣ вельможи и придворные, гвардія и стрѣлки, послы изъ Мантуи и Модены и весь народъ. Лампуньяни, сдѣлавъ герцогу лѣвой рукою привѣтствіе, какъ бы желая его просить о чемъ-то, въ то же время схватилъ правою рукою кинжалъ и прokололъ имъ сначала бедро, потомъ горло, а наконецъ и грудь

тирана; въ это время Карлъ Висконти и Джироламо Ольджіати подбѣжали какъ бы на помощь къ герцогу и также нанесли ему нѣсколько ударовъ кинжалами. Всѣ трое сдѣлались однако жертвами своего поступка, потому что никто не выразилъ сочувствія республикѣ: Лампуньяни былъ изрубленъ тутъ же въ церкви. Карлъ Висконти и Ольджіати сначала успѣли скрыться, но черезъ два дня были найдены. Перваго изрубили солдаты во время самой поимки; втораго предали суду, безчеловѣчно пытали и наконецъ предали жестокой казни. До насъ дошли признанія Ольджіати подъ пыткою и взглядъ его на государство и человѣка, выраженный имъ при этомъ случаѣ и почерпнутый изъ писателей древности. Сисмонди приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ нихъ въ своей исторіи итальянскихъ республикъ.

Осьмилѣтній сынъ убитаго герцога, Іоаннъ-Галеаццо, былъ безъ всякаго сопротивленія признанъ наслѣдникомъ отца. О революціи не было и помину; но братья убитаго герцога сильно домогались отнять опеку у матери ихъ племянника, Бонны Савойской, невѣстки Людовика XI. Она съ самаго начала поручила управленіе знаменитому ученому и дипломату Чіекко или Франческо Симонеттѣ (т. III, стр. 680), бывшему въ большой милости у Галеаццо-Маріи, котораго жестокостей и распутства онъ однако никогда не одобрялъ. Трое изъ братьевъ Галеаццо-Маріи, изгнанные имъ изъ Милана, не были при его смерти, но возвратились скоро послѣ нея и даже получили участіе въ управленіи. Двое изъ нихъ, Людовикъ Моро и Октавіанъ, прославились уничтоженіемъ плана изгнанныхъ генуезскихъ патриціевъ, которые задумали въ апрѣлѣ 1477 года отдѣлить свое отечество отъ Милана. Они отправились въ Генную съ содержавшимся въ Миланѣ подъ стражею генуезцемъ Просперо Адорно, возвратили ему мѣсто, которое онъ занималъ прежде, и благоразумными уступками удержали Генную за Миланомъ.

Возвратившись изъ Генуи, Людовикъ и Октавіанъ, вмѣстѣ съ другими братьями, составили въ маѣ заговоръ противъ регентши, въ которомъ приняли участіе Донато дель Конте, Робертъ ди Сансеверино и многія знатныя лица, пользовавшіяся прежде покровительствомъ Висконти. Заговорщики хотѣли силою отнять власть у Бонны и Симонетты. Хитрый министръ провѣдалъ однако о замыслѣ и 25 мая пригласилъ Донато къ регентшѣ въ замокъ, гдѣ онъ былъ схваченъ и отправленъ въ Монцу. Братья Сфорцы, а немного позже и Роберто ди Сансеверино, вздумали было съ оружіемъ въ рукахъ требовать освобожденія Донато, но Симонетта своими умными мѣрами не допустилъ ихъ даже до сраженія. Заговорщики разсѣялись: Сансеверино бѣжалъ въ Асти; Октавіанъ Сфорца также бѣжалъ, но былъ преслѣдуемъ и утонулъ, переправляясь черезъ Адду. Изъ остальныхъ братьевъ: Сфорца Марія долженъ былъ возвратиться въ свое герцогство Бари, Людовикъ Моро переселился въ Пизу, а Аскано въ Перуджіо.

4. Италія съ 1477 г. до нашествія Карла VIII.

Во время убійства герцога Миланскаго Галеаццо-Маріи, вся Италія, по свидѣтельству Маккіавелли, была раздѣлена на двѣ партіи. Одни примкнули къ папѣ Сиксту IV и союзнику его, королю неаполитанскому, другіе къ Флоренціи и Милану, которые со времени послѣдней войны возобновили союзъ съ Венеціей. Во Флоренціи все еще, повидимому, продолжала существовать республика, но на самомъ дѣлѣ Флоренція управлялась, по изгнаніи противниковъ дома Медичи, обоими сыновьями Петра: Юліаномъ и Лоренцо Великолѣпнымъ. Они обратили такъ называемую балію или временное правительство, состоявшее изъ восьми человѣкъ, въ постоянное учрежденіе, тогда какъ прежде балія назначалась только на извѣстное время; выборъ членовъ ея сталъ номинальнымъ, потому что въ дѣйствительности ихъ назначали сами Медичи. Въ этой баліи сосредоточивались всѣ державныя права народа: она издавала законы, творила судъ, назначала пріоровъ и гонфалоньера, который считался ея президентомъ, и устанавливала налоги. Вслѣдствіе этого захвата власти со стороны Медичи, въ 1478 году составился

противъ нихъ заговоръ, главную роль въ которомъ играла фамилія Пацци. Впрочемъ Юліанъ былъ расположенъ къ республикѣ гораздо болѣе своего знаменитаго брата, который любилъ королевскую пышность и соперничалъ въ нѣгѣ и расточительности съ жестокимъ и сладострастнымъ Галеаццо-Маріею. Поэтому заговоръ фамиліи Пацци, жертвою котораго сдѣлался Юліанъ, былъ направленъ собственно противъ Лоренцо.

Фамилія Пацци была самою богатою и знатною во Флоренціи послѣ Медичи. Косьма даже искалъ сближенія съ ними посредствомъ брака, а Юліанъ, чтобы привлечь ихъ на свою сторону, хотѣлъ дать имъ новыя почести и богатства; одинъ Лоренцо удалялся отъ нихъ, не смотря на увѣщанія брата, который видѣлъ откуда грозитъ опасность.

Одинъ изъ членовъ этой многочисленной и богатой фамиліи Пацци основалъ торговый домъ въ Римѣ во времена папы Сикста IV, который также былъ недоволенъ Медичи, мѣшавшими ему обогащать его родственниковъ на счетъ церкви, государствъ и частныхъ людей Италіи. Изъ родственниковъ папы Сикста Піетро, Джіованни и Юліанъ ди Ровере пользовались самой дурной славой; поощряемые папой, своими дѣйствіями они сильно поколебали уваженіе къ свѣтской и духовной славѣ римскаго престола въ то самое время, когда на него нападали и то со всѣхъ сторонъ. Піетро Ровере, подъ именемъ кардинала св. Сикста, получилъ отъ дяди столько доходныхъ мѣстъ, приходовъ и титуловъ, что когда въ 1474 г. онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, вслѣдствіе развратной жизни, носился слухъ, что его отравили его завистники изъ высшаго духовенства. Издержки кардинала св. Сикста въ 1473 году, когда Сигизмундъ д'Эсте, братъ Геркулеса I, герцога феррарскаго, возвращаясь изъ Неаполя, проѣзжалъ черезъ Римъ, всего лучше покажутъ, до чего доходила въ то время роскошь и расточительность духовныхъ властей, ихъ родственниковъ и любимцевъ. Кардиналъ велѣлъ уложить всю огромную площадь св. Петра богатыми матеріями и на скорую руку выстроилъ на ней для различныхъ празднествъ деревянный дворецъ съ тремя большими залами, поддерживаемыми позолоченными колоннами. Мы не рѣшаемся дѣлать выписки изъ помѣщеннаго у Муратори въ «Древностяхъ дома Эсте» подробнаго описанія этихъ блестящихъ построекъ и празднествъ; а то намъ пришлось бы разсказывать о блистательныхъ произведеніяхъ искусствъ, разставленныхъ въ этой эфемерной постройкѣ, объ устроенныхъ тамъ фонтанахъ и множествѣ серебряной и золотой посуды на столахъ. Можетъ быть, и преувеличено, что Піетро истратилъ на одинъ обѣдъ двадцать тысячъ дукатовъ, но уже одна эта молва доказываетъ, что отъ него можно ожидать подобной пышности. Кромѣ того, не задолго до смерти онъ купилъ за сорокъ тысячъ дукатовъ городъ Имолу у Таддео Манфреди, котраго изгнали граждане, и подарилъ его своему брату Іерониму ди Ровере, котораго многіе считаютъ сыномъ папы Сикста. Другой племянникъ папы Леонардо ди Ровере былъ намѣстникомъ въ Римѣ; по смерти его мѣсто это досталось Іерониму. Герцогство Урбино папа тоже передалъ своей фамиліи. Сначала онъ наградилъ племянника своего Джіованни ди Ровере значительными имѣніями, назначилъ его, къ сильному неудовольствію кардинальской коллегіи, намѣстникомъ Синигальи и подарилъ приходъ церкви Мондавіо съ окрестными землями. Возвеличивъ его такимъ образомъ, онъ женилъ его на дочери Фредерико Урбино; посредствомъ этого брака герцогство Урбино и перешло къ фамиліи Ровере. Почти въ то же время Сикстъ сдѣлалъ кардиналами двухъ другихъ племянниковъ своихъ; одинъ изъ нихъ, Юліанъ ди Ровере, будучи кардиналомъ и впослѣдствіи папою Юліемъ II, прославился дѣлами, вовсе не-христіанскими.

Самъ папа, а въ особенности племянникъ его Іеронимъ ди Ровере, принимали большое участіе въ заговорѣ Пацци и гвельфскихъ фамилій Флоренціи противъ Медичи. Франческо Пацци, банкиръ и казначей папы, и Іеронимъ Ровере составили противъ Медичи заговоръ въ увѣренности, что и папа и король неаполитанскій поддержатъ ихъ предпріятіе, чтобы разстроить посредствомъ его союзъ Флоренціи съ Венеціей и Миланомъ. И точно, папа былъ вовлеченъ въ заговоръ, а король неаполитанскій получилъ извѣстіе о всемъ происходящемъ. Оба предводителя заговора вошли въ сношенія съ архіепископомъ Пизы, Франческо Сальвіати, незадолго передъ тѣмъ оскорбленнымъ Медичи. Они сговорились заколоть при какомъ нибудь удобномъ случаѣ Лоренцо и брата его

Юліана, низвергнуть существующее правительство и измѣнить конституцію республики съ помощью наемниковъ папскаго начальника кондотьеровъ Франческо Джіованни ди Толенто, стоявшаго вблизи Флоренціи во главѣ двухъ тысячъ человѣкъ. Ради этой цѣли, племянникъ Іеронима, юноша Рафаэль ди Ровере, посланный папою въ пизанскій университетъ для изученія теологіи, по просьбѣ заговорщиковъ былъ назначенъ кардиналомъ и легатомъ и поѣхалъ во Флоренцію, чтобы въ домѣ его и подъ его защитою могли собираться заговорщики и чтобы присутствіе его во Флоренціи подало поводъ къ какому нибудь обѣду или празднеству, на которомъ можно бы было убить заразъ обоихъ Медичи. Сначала они хотѣли исполнить намѣреніе это въ виллѣ Пацци въ Фіезоле, куда пригласили кардинала; но Юліанъ не явился туда. Точно также отказался онъ и отъ празднества, устроеннаго ими во Флоренціи. Все это заставляло заговорщиковъ думать, что умыселъ ихъ открытъ, и они стали торопиться выполнить свое намѣреніе какимъ нибудь другимъ способомъ. Архіепископъ пизанскій, пріѣхавшій во Флоренцію, и кардиналъ Рафаэль ди Ровере, получившій приказаніе, какъ папскій легатъ, дѣйствовать по совѣтамъ архіепископа, 26 апрѣля 1478 г. должны были служить торжественную обѣдню, на которой обязаны были присутствовать оба брата Медичи; этотъ день и былъ выбранъ для совершенія убійства. Заговорщики распредѣлили между собою роли такимъ образомъ: Джіованни Баттиста ди Монтесеко, папскій главнокомандующій и начальникъ наемниковъ, бывшій тогда во Флоренціи, долженъ былъ заколоть Лоренцо, а Пацции и Бернандо Бандини — Юліана. Но и этотъ планъ пришлось измѣнить, потому что Монтесеко еще прежде нашелъ его слишкомъ смѣлымъ и, боясь оскорбленія святыни болѣе, чѣмъ кардиналъ и архіепископъ, не рѣшался совершить, по приказанію папы, убійство передъ алтаремъ. Надо было пріискать другихъ помощниковъ; они нашлись въ лицѣ писца-папской канцеляріи, Антоніо ди Вольтерры, и священника Стефано, который былъ многимъ обязанъ Пацци; Маккіавелли впрочемъ говоритъ, что оба они были неспособны къ роли, которую на себя приняли *). Сигналомъ къ убійству была выбрана та минута, когда во время обѣдни поднимаютъ дары. Въ то самое время, когда предполагалось убить Лоренцо и Юліана, архіепископъ, вмѣстѣ съ Джакопо Поджіо и своими людьми, должны были занять дворецъ правительства (il palagio publico) и, лишь только смерть обоихъ Медичи сдѣлается извѣстною, принудить членовъ правленія стать за революцію.

Вся церковь уже была полна и служба началась, а Юліана, братъ котораго находился уже въ церкви, все еще не было. Франческо Пацци и Бернардо Бандини, взявшіе на себя убіеніе Юліана, отправились за своей жертвой къ ней на домъ. Только что Юліанъ показался съ ними въ церкви, Бандини положилъ его на мѣстѣ глубокою раною кинжаломъ въ грудь; Франческо Пацци также бросился на трупъ и съ такой яростью вонзилъ въ него кинжалъ, что самъ поранилъ себя. Антоніо и Стефано, напротивъ, только слегка ранили Лоренцо въ шею, такъ что онъ успѣлъ скрыться въ ризницу и запереть дверь; къ нему тотчасъ подоспѣли на помощь его друзья и раздраженный народъ. Мы удержимся отъ замѣчаній о состояніи цивилизаціи народа, который былъ тогда передовымъ по научному и матеріальному своему развитію и дворянство котораго могло играть роль въ такой ужасной сценѣ передъ святыней, передъ многочисленнымъ собраніемъ, въ минуту возношенія святыхъ даровъ. Разумѣется, въ этомъ событіи ужаснѣе всего, что убійствъ подготовлялось главою христіанской церкви, что ближайшее къ нему духовенство одобряло и поддерживало его и что духовное лицо могло обнажить кинжалъ въ алтарѣ. Безумное предпріятіе Пацци имѣло совершенно противоположныя слѣдствія тѣмъ, которыхъ ожидали папа и заговорщики. Согласно уговору, архіепископъ и друзья его бросились ко дворцу правительства; но тамъ самъ гонфалоньеръ, пріоры и прислуга сопротивлялись до тѣхъ поръ, пока солдаты, сторожившіе дворецъ, и народъ не схватились за оружіе и не подоспѣли къ нимъ на помощь. Архіепископа взяли подъ стражу и пригвоздили къ окнамъ дворца, какъ пригвоздили потомъ Джакопо Сальвіати и Джакопо Поджіо. Въ продолженіе

*) Duoi che per pratica e per natura erano a tanta impresa inetiissimi.

четырехъ дней народъ чинилъ свою расправу надъ другими и убилъ при этомъ семьдесятъ аристократовъ. Говорятъ, что впослѣдствіи было убито еще двѣсти человѣкъ. Юноша, игравшій, какъ легатъ, такую роль въ этомъ постыдномъ поступкѣ, былъ пощаженъ. Послѣ убіенія Юліана онъ скрылся въ алтарь, гдѣ его окружило духовенство и спасло такимъ образомъ отъ смерти, но не отъ оскорбленій. Его тоже арестовали, но потомъ выпустили, потому что флорентинцы не хотѣли раздражать папу, который и безъ того отлучилъ ихъ отъ церкви вмѣстѣ съ Лоренцо Медичи за его произвольныя казни множества духовныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ заговорѣ.

Всѣ европейскіе государи, за исключеніемъ короля неаполитанскаго, и венеціанская республика приняли сторону Лоренцо противъ папы; даже турецкій султанъ помогъ Медичи наказать убійцъ его брата, выдавъ флорентинцамъ скрывшагося въ Константинополь Бернардо Бандини, котораго и казнили въ 1479 г. Только папа и король Фердинандъ Неаполитанскій съ неописанной дерзостью относились къ высказавшему повсюду общественному мнѣнію и къ настоятельнымъ требованіямъ императора Фридриха III, короля Маттіаса Венгерскаго, Лудовика Французскаго, миланскаго правительства и венеціанской республики. Всѣ они требовали, чтобы папа употребилъ деньги, собранныя для крестоваго похода, на войну противъ невѣрныхъ; а Сикстъ затратилъ ихъ на походъ противъ Флоренціи, отлученной имъ уже два раза отъ церкви. Флорентинцы были въ очень стѣсненномъ положеніи, потому что въ то время у нихъ еще не было нанято войско и нельзя было завербовать ни одного изъ мелкихъ государей, промышлявшихъ отдачею въ наемъ своихъ солдатъ. Когда впослѣдствіи они взяли къ себѣ на службу Геркулеса, герцога Феррары, и владѣтелей Римини, Пезаро и Фаэнцы, Сикстъ IV отлучилъ отъ церкви и эти города. Образъ дѣйствій папы имѣлъ своимъ послѣдствіемъ, что въ Италіи не стали обращать вниманія на его отлученіе. Въ войнѣ противъ флорентинцевъ въ 1479 г., Сикстъ IV употребилъ упомянутаго выше (т. III стр. 497) Роберто ди Сансеверино, который нанимался всюду, гдѣ только велась война или была надежда на грабежъ; за годъ до этого, онъ по требованію папы, который самъ былъ генуезецъ, или вѣрнѣе — по представленію римскаго намѣстника, Іеронима ди Ровере, былъ посланъ въ Геную съ цѣлью отдѣлить ее отъ Милана и привлечь въ союзъ съ папою и неаполитанскимъ королемъ.

Когда Генуя стала грозить отдѣленіемъ отъ Милана, намѣстникомъ въ нее былъ назначенъ изъ Милана Просперъ Адорно (т. III, стр. 497), который вліяніемъ своимъ и своей фамиліи на народъ, откуда вышли Адорны, могъ уравновѣсить вліяніе дворянъ, составлявшихъ сильную партію подъ предводительствомъ Фрегози и Спинолы. Новое миланское правительство добилось подчиненія Генуи на чрезвычайно выгодныхъ для нея условіяхъ, хотя городъ и укрѣпленія оставались занятыми миланскими войсками. Послѣ заговора во Флоренціи, Сикстъ IV старался склонить Просперо Адорно возстать противъ миланцевъ; Фердинандъ Неаполитанскій тоже обѣщалъ ему поддержку для возстановленія независимости Генуи. Потому въ 1478 г. миланское правительство послало въ Генуя епископа комскаго смѣнить Просперо; но епископъ принялся за дѣло такъ неловко, что Просперо успѣлъ вооружить народъ и запереть миланцевъ въ крѣпости и фортахъ. Такъ какъ въ то же время король Фердинандъ прислалъ въ Геную одну галеру съ солдатами, то епископу комскому ничего не оставалось дѣлать, какъ силою оружія завладѣть намѣстничествомъ. Миланцы прислали ему войско, во главѣ котораго стояли Сфорца Висконти и Піетро Франческо Висконти. Оба предводителя были однако неискусны и начали походъ безразсудно, отправясь въ Генуя черезъ Боккету. Въ этомъ проходѣ на миланское войско внезапно напалъ Роберто ди Сансеверино, шедшій, по вызову Іеронима ди Ровере, на помощь къ генуэзцамъ и собравшій вокругъ себя все населеніе генуэзскихъ долинъ, способное носить оружіе, и совершенно разбилъ это войско (7 августа 1468 г.). Потеря со стороны миланцевъ была такъ велика, а ихъ гарнизоны въ генуэзскихъ фортахъ находились въ такомъ опасномъ положеніи, что герцогиня регентша сочла за лучшее совсѣмъ отказаться отъ Генуи. Но она всетаки не отдала ея Просперо Адорно и его партіи, а послала туда изъ Милана Баттисту Фрегозо, какъ посылала прежде Просперо Адорно. Фрегозо съ своей старой партіей былъ

вначалѣ такъ же счастливъ, какъ и Адорно. Иблетто Фіески и полководецъ короля Фердинанда приняли его сторону, такъ что онъ вскорѣ былъ уже въ состояніи изгнать изъ города Проспеpо Адорно и Роберто ди Сансеверино, и былъ выбранъ въ дожи.

Миланъ долженъ былъ снова отказаться совершенно отъ Генуи, тѣмъ болѣе что папѣ удалось возстановить противъ герцогини и ея министра Симонетты братьевъ покойнаго герцога и древніе кантоны Швейцаріи.—Сикстъ IV послалъ къ швейцарцамъ нѣсколько ловкихъ итальянскихъ епископовъ съ индульгенціями. Съ помощью большаго числа духовныхъ лицъ, епископы съумѣли доставить своимъ индульгенціямъ хорошій сбытъ и большое значеніе между необразованными и суевѣрными поселянами. Швейцарцы жили грабежемъ и убійствами, въ услуженіи у каждаго значительнаго и незначительнаго человѣка, который могъ платить имъ. Поэтому они выразили папѣ громкую признательность, когда онъ велѣлъ увѣрить ихъ, что его индульгенціи могутъ освободить ихъ отъ раскаянія и наказанія за всѣ преступленія. Они съ радостью вѣрили этому, такъ какъ вѣрить было и легко и выгодно. Изъ благодарности и по привычкѣ исполнять папскія распоряженія, особенно когда они приносили пользу (какъ незадолго передъ тѣмъ при ссорѣ герцога тирольскаго съ папой Піемъ II), швейцарцы охотно согласились на требованіе отпускавшаго прегрѣшенія папскаго легата воспользоваться случаемъ и отнять въ угоду папѣ часть владѣній у малолѣтняго герцога миланскаго. Въ левантинской долинѣ, которая принадлежала Милану, потому что находилась по ту сторону Сенъ-Готарда и жители ея говорили по-итальянски, былъ каштановый лѣсъ, оспариваемый у герцога миланскаго урійцами. Легатъ уговорилъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ миланскаго правительства въ 1478 г. и овладѣть лѣсомъ; чрезъ нихъ были вовлечены въ войну съ Миланомъ и другіе кантоны. Въ декабрѣ 1478 года урійцы, значительно подкрѣпленные бернцами, цюрихцами, фрейбургцами и жителями другихъ кантоновъ, напали на левантинскую долину, и грабя и сожигая все на пути, пробрались до Беллинцоны. Но въ этомъ городѣ стояли миланскія войска, и швейцарцы не рѣшились брать штурмомъ такое важное для нихъ въ торговомъ отношеніи мѣсто. Они отступили отъ Беллинцоны и направили путь свой черезъ Монте-Ченере къ Лугано, чтобы ворваться въ самую Италію. Но такъ какъ время года имъ не благопріятствовало, то они скоро воротились домой черезъ горы, оставивъ гарнизонъ въ Джіорнико и около шести сотъ урійцевъ въ долинѣ. Противъ послѣднихъ двинулось съ нижнихъ частей долины миланское войско, состоявшее, съ подкрѣпленіями маркграфа мантуанскаго, изъ пятнадцати тысячъ человѣкъ. Урійцы заняли сначала крутизны горъ и запрудили рѣку Тичино, такъ что воды ея затопили всѣ луга и миланцы едва могли двигаться вверхъ по льду; между тѣмъ швейцарцы, стоя на возвышенностяхъ, приготовлялись надлежащимъ образомъ къ битвѣ на льду. Приведя сначала въ безпорядокъ непріятеля выстрѣлами и скатываніемъ обломковъ скалъ, они бросились съ верху на него. Миланцы не могли двинуться ни взадъ, ни впередъ, ихъ неподкованныя лошади падали и загораживали имъ дорогу, а какой-то вырвавшійся мулъ распространилъ вдругъ такой непонятный страхъ, что все войско пришло въ разстройство и бросилось бѣжать. Впрочемъ, по словамъ Маккіавелли, это не рѣдко случалось съ кондотьерами *). У итальянцевъ, число которыхъ превышало швейцарцевъ въ восемь разъ, было — по швейцарскимъ извѣстіямъ — полторы тысячи убитыхъ, а по итальянскимъ свѣдѣніямъ всего восемь сотъ; кромѣ того было взято множество плѣнныхъ, — изъ нихъ часть продана была королю неаполитанскому на галеры, а большинство, обобранное до послѣдней рубашки, отослано домой. Урійцы охотно бы продолжали войну, но другіе союзники, принявъ посредничество короля Лудовика Французскаго, заключили на сносныхъ условіяхъ мирный договоръ, по которому имъ облегчался ввозъ въ Италію ихъ масла, сыру, лошадей, мѣховъ и кожи. Этотъ миръ не помѣшалъ однако швейцарцамъ; уже тогда нанимавшимся къ иностранцамъ и давно продавшимся въ вѣчную службу Лудовику, заключить съ папой условіе

*) Di tanta poltroneria et disordine erano allora quelli eserciti ripieni, che nel voltare un cavallo la testa o la groppa dava la perdita o la vittoria d'una impresa.

о поставкѣ ему войска. По первому требованію папы они должны были выставлять ему солдатъ, и за каждый годъ службы получали по тысячѣ дукатовъ; кромѣ того папа обязывался выдавать впередъ деньги на вооруженіе этихъ солдатъ и платить каждому пѣшему по пяти, а конному по десяти гульденовъ жалованья. При этомъ надо замѣтить, что эти уплаты, какъ указываетъ Іоаннъ фонъ Мюллеръ, производились, по крайней мѣрѣ частію, изъ денегъ, собранныхъ съ горныхъ поселянъ за послѣднія индульгенціи.

Отдѣляя Геную отъ миланскаго герцогства и нанимая швейцарцевъ для войны противъ него, папа Сикстъ IV въ то же время не только поддерживалъ войну съ флорентинцами, противъ Лоренцо Медичи и его партіи, но и возбудилъ братьевъ убитаго герцога миланскаго противъ регентши Бонны и министра ея Симонеты. Скоро Флоренцію стали сильно тѣснить папскіе предводители съ своими наемными толпами; вдобавокъ Альфонсъ Калабрійскій, сынъ короля неаполитанскаго Фердинанда, напалъ на Тоскану. Самъ Лоренцо не былъ воиномъ и не держалъ, какъ венеціанцы, у себя въ услуженіи наемниковъ и предводителей на жалованьи. Правда, флорентинцы наняли, какъ мы уже замѣтили (стр. 240), герцога Геркулеса Феррарскаго, Малатесту изъ Римини, Констанцо Сфорцу изъ Пезаро и Манфреда изъ Фаенцы, незадолго передъ тѣмъ служившихъ папѣ, а венеціанцы уступили имъ своихъ предводителей кондоттьеровъ, Карла ди Монтоне и Деифоба д'Ангвилару. Но всѣ они берегли наемниковъ, какъ свою собственность, и разъѣзжали взадъ и впередъ, не предпринимая ничего важнаго. Въ 1478 и въ слѣдующемъ году флорентинскіе предводители, въ особенности герцогъ Геркулесъ, задерживали движеніе папскаго полководца Сансеверино впередъ, но въ іюнѣ 1479 г. Альфонсъ Калабрійскій разбилъ Геркулеса, а Роберто ди Сансеверино заключилъ въ то же время союзъ съ тремя изгнанными дядями молодаго герцога миланскаго (стр. 237), что заставило миланцевъ отозвать свои войска изъ Тосканы. Впрочемъ одинъ изъ трехъ братьевъ Сфорца, герцогъ Бари, умеръ вслѣдъ за тѣмъ, какъ они условились съ папскимъ главнокомандующимъ предпринять походъ на Миланъ. Онъ умеръ скоропостижно и, по тогдашнему обыкновенію предполагать отраву при неожиданной кончинѣ каждаго государя или важнаго лица, обвиненіе пало на двухъ его братьевъ. Характеръ итальянскихъ государей вообще оправдывалъ такое подозрѣніе, а братъ покойнаго Людовикъ Моро совершилъ потомъ столько злодѣяній, что такому обвиненію легко вѣрили.

Людовикъ Моро, наслѣдовавшій Бари послѣ брата, соединилъ своихъ наемниковъ съ войсками Сансеверино, 10 августа неожиданно явился передъ миланскимъ городомъ Тортоною и, завязавъ сношенія съ жителями, былъ впущенъ въ городъ черезъ тринадцать дней. Тогда оставивъ Сансеверино въ Тортонѣ, онъ направился къ Милану. Здѣсь начальникъ крѣпости, котораго онъ заранѣе привлекъ на свою сторону, отворилъ ему ворота, и Людовикъ Моро взволновалъ противниковъ правительства. Регентшѣ совѣтовали принять его въ городъ и примириться съ нимъ. Это произошло 8 сентября 1479 г., и народъ ликовалъ, видя опять всю фамилію Сфорца въ городѣ. Войска Людовика были впущены и во всѣ другія укрѣпленныя мѣста, такъ какъ онъ имѣлъ хитрость занять Тортону не отъ своего лица, а отъ имени племянника. Говорятъ, что въ одинъ день около сорока двухъ замковъ прислали ему свои ключи. То обстоятельство, что герцогиня регентша впустила его въ городъ Миланъ и съ почестью приняла при своемъ дворѣ, приписывалось въ особенности вліянію Антоніо Тоссони, уроженца Феррары, придворнаго служителя низкаго происхожденія, который вполнѣ овладѣлъ благосклонностью герцогини и желалъ свергнуть стараго Симонету и его партію. И точно, черезъ три дня по вступленіи Людовика въ Миланъ, Симонетта, сынъ его, братъ и всѣ друзья были схвачены и отвезены въ Павію.

Съ этого времени начинаются несчастія, преслѣдовавшія племянника Людовика, Іоанна-Галеаццо, вплоть до его смерти. Сначала, послѣ страшныхъ пытокъ, въ октябрѣ 1480 г., въ Павіи отрубили голову Симонеттѣ, оказавшему безсмертныя услуги фамиліи Сфорца и Милану. Потомъ измѣнилось въ Миланѣ правительство; арестовали Тоссони со всѣмъ его семействомъ и вывезли изъ города; восьмилѣтній герцогъ Іоаннъ-Галеаццо былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ (7 ноября); его мать отрѣшили отъ регентства, и правленіе перешло въ руки

Людовика. Герцогиня оставила городъ и поселилась въ Аббіате Гроссо. Овладѣвъ Миланомъ, Людовикъ примкнулъ къ Лоренцо Медичи и Фердинанду Неаполитанскому, соединившимся противъ Венеціи и завоевательныхъ плановъ папы Сикста IV и его племянниковъ. Фердинандъ возвратилъ ему тогда герцогство Бари, наслѣдованное Людовикомъ послѣ старшаго брата.

Средоточіемъ политическихъ переговоровъ Италіи была Флоренція, съ виду еще демократическая республика, а на дѣлѣ—царская собственность Лоренцо Великолѣпнаго. Въ 1479 году, когда предпріятіе Людовика Моро лишило Флоренцію помощи Милана, она была такъ стѣснена папскими и неаполитанскими войсками, а Венеція помогала ей такъ плохо, что люди, стоявшіе во главѣ правительства, начинали отчаяваться; но смѣлая выходка Лоренцо спасла республику. Въ концѣ 1479 г. Лоренцо, воспользовавшись перемиріемъ, заключеннымъ между Флоренціей, папой и Фердинандомъ Неаполитанскимъ на десять дней, отправился самъ въ Неаполь для переговоровъ съ Фердинандомъ. Всѣ были удивлены неожиданнымъ и неблагоразумнымъ поступкомъ главы флорентинской республики; но Лоренцо надѣялся на громадныя суммы, которыя намѣревался истратить на короля и его дворъ. Заставивъ избрать себя депутатомъ флорентинской республики съ неограниченной властью, онъ передалъ управленіе городомъ выбранному подъ его руководствомъ комитету, а мѣсто свое въ государствѣ уступилъ на время Ѳомѣ Содерини и потомъ уже уѣхалъ въ Неаполь. Онъ былъ принятъ здѣсь какъ король и, по словамъ Маккіавелли *), своимъ краснорѣчіемъ и глубокимъ взглядомъ на запутанную политику Италіи и на отношеніе папской церкви къ государству умѣлъ расположить короля Фердинанда совершенно въ свою пользу. Маккіавелли, правда, прибавляетъ, что Фердинандъ при этомъ случаѣ не измѣнилъ себѣ; получивъ извѣстіе отъ аристократической партіи во Флоренціи, что отсутствіемъ Лоренцо хотятъ воспользоваться для революціи, онъ медлилъ заключать союзъ, пока во Флоренціи все не успокоилось. Наконецъ въ мартѣ 1480 г. состоялся между Неаполемъ и Флоренціей миръ, къ которому присоединился и Людовикъ Моро, такъ что въ 1481 году съ одной стороны стояли Неаполь, Миланъ и Флоренція, а съ другой Венеція и папа.

Въ то время Сикстъ IV надѣялся завладѣть Феррарой для своего племянника Іеронима ди Ровере. Нельзя не удивляться, что послѣ страшныхъ бурь, обрушившихся на Римъ во время соборовъ констанцскаго и базельскаго даже со стороны высшаго духовенства, послѣ совершеннаго отпаденія Богеміи, обнародованія статута Praemunire въ Англіи (стр. 4) и изданія прагматической санкціи во Франціи (т. II, стр. 59) папы, подобные Сиксту IV, могли такъ безумно довѣряться прочности существующаго порядка и идти не только противъ народа, но и противъ государей. Въ 1480 года Сикстъ воспользовался частью собранныхъ христіанскимъ міромъ денегъ для войны съ турками, чтобы завладѣть въ пользу своего племянника имѣніями дома Орделаффи въ Романьи, и занявъ венеціанцевъ дома, удержалъ ихъ отъ поддержки родосскихъ рыцарей, пріобрѣвшихъ тогда безсмертную славу въ борьбѣ съ султаномъ Мухаммедомъ II. Тогда дошло даже до того, что турки высадились на землѣ единственнаго христіанскаго государя, пославшаго помощь храбрымъ защитникамъ Родоса, въ то самое время, какъ папа держалъ войско, чтобы грабить христіанскихъ государей. Грозному завоевателю Константинополя хотѣлось передъ смертью увѣнчать свои побѣды надъ христіанами отнятіемъ острова Родоса у рыцарей, которые воевали съ исламомъ такъ же, какъ Мухаммедъ съ христіанствомъ, не давая ему покоя ни въ его собственной столицѣ, ни въ архипелагѣ, ни на берегахъ. Мухаммедъ собралъ свои огромныя морскія и сухопутныя силы противъ острова Родоса и чуть не похоронилъ всѣхъ рыцарей подъ развалинами разрушенныхъ имъ стѣнъ, но все-таки принужденъ былъ оставить это предпріятіе. Родосское рыцарство, составленное изъ лучшихъ представителей воинственнаго дворянства Европы, и въ особенности Франціи, пріобрѣло тогда безсмертную славу, вмѣстѣ съ королемъ Фер-

*) Quel re si maraviglio più, poi che l'ebbe udito, della grandezza del animo suo e della destrezza dell'ingegno e gravità del giudizio, che non s'era prima dell'avere egli solo potuto sostenere tanta guerra maravigliato.

динандомъ Неаполитанскимъ, который своимъ флотомъ, посланнымъ на помощь храбрымъ бойцамъ, заставилъ султана снять осаду Родоса. Турки отмстили за это тѣмъ, что напали на землю неаполитанскаго короля, а венеціанцы покрыли себя позоромъ, такъ какъ ихъ считали виновниками этого похода.

Въ іюлѣ 1480 г. турецкій флотъ показался у береговъ Апуліи и высадилъ войско, которое подъ предводительствомъ Ахмеда-паши тотчасъ напало на цвѣтущій и хорошо укрѣпленный городъ Отранто. Въ это время неаполитанцы, подъ начальствомъ наслѣднаго принца Альфонса, были заняты въ Тосканѣ войной противъ венеціанцевъ, папы и множества мелкихъ владѣтелей, вступившихъ въ союзъ съ Сикстомъ и отдавшихъ своихъ солдатъ подъ начальство папскаго родственника Іеронима ди Ровере и гонфалоньера или главнокомандующаго Фредерико ди Урбино. 21 августа Отранто былъ взятъ штурмомъ. Турки совершили надъ жителями города ужасныя жестокости, показывающія и грубый, дикій характеръ этого народа, и злобу султана Мухаммеда II, нарочно пославшаго Ахмеда-пашу въ Италію, чтобы отмстить за позоръ, которому онъ подвергся на Родосѣ. Сомнительно впрочемъ, чтобы турки, какъ говорятъ, изрубили и бросили на морскомъ берегу около десяти тысячъ христіанъ. Ахмедъ-паша, вскорѣ послѣ того отозванный Мухаммедомъ, оставилъ въ Отранто семь тысячъ человѣкъ пѣхоты и пятьсотъ всадниковъ и еще сильнѣе укрѣпилъ городъ. Турки очевидно имѣли намѣреніе водвориться въ Апуліи и уже задумали походъ противъ Бриндизи, когда Альфонсъ поспѣшилъ изъ Тосканы на защиту своей родины. Передъ удаленіемъ изъ Тосканы онъ впрочемъ совершилъ неизвинительный насильственный поступокъ, завладѣвъ измѣннически республикой Сіеной, незадолго передъ тѣмъ призвавшей его къ себѣ на помощь противъ Флоренціи.

Только тогда папа снялъ съ флорентинцевъ отлученіе отъ церкви, чего они такъ долго и тщетно просили. При этомъ они должны были согласиться на самыя унизительныя условія въ наказаніе за жестокости, совершенныя ими съ духовными лицами, пойманными на дѣлѣ, при заговорѣ Пацци. Противъ турокъ въ Апуліи былъ заключенъ союзъ, въ которомъ приняли участіе папа, герцогъ миланскій, король венгерскій Матфій Корвинъ, герцогъ феррарскій, маркграфы мантуанскій и монферратскій и города Флоренція, Генуя, Сіена, Лукка и Болонья. Португалія и Арагонія тоже изъявили готовность послать войска. Но единственное государство, которое могло оказать немедленную помощь, Венеція, не хотѣла ничего знать. Помощь была оказана неаполитанцамъ только венгерцами, генуэзцами и папой: Матфій Корвинъ послалъ тысячу семьсотъ человѣкъ пѣхоты и триста всадниковъ, а генуэзцы и папа дали двадцать двѣ галеры. Корабли эти находились подъ начальствомъ извѣстнаго уже намъ архіепископа, генуэзскаго дожа и морскаго разбойника, Паола Фрегозо (стр. 9), котораго въ маѣ 1480 г. папа сдѣлалъ кардиналомъ. Передъ Отранто они соединились съ неаполитанскимъ флотомъ, состоявшимъ изъ восьмидесяти галеръ, подъ начальствомъ адмирала Караччіоли. Не смотря на всѣ сборы и шумъ, съ которымъ заключенъ былъ союзъ, турокъ все-таки не изгнали бы изъ Апуліи, если бы смерть Мухаммеда II (въ маѣ 1481 г.) и волненія въ османской имперіи не помѣшали имъ получить подкрѣпленія. Альфонсъ напрасно стоялъ передъ Отранто до самой смерти Мухаммеда; турки владѣли городомъ до октября и удалились только потому, что внутреннія безпокойства въ Турціи не прекращались и ждать поддержки оттуда имъ было нельзя.

Папа и венеціанская республика сговорились между тѣмъ отнять владѣнія у герцога феррарскаго, Геркулеса д'Эсте, и раздѣлить ихъ между Венеціей и племянникомъ папы. Для этого въ 1481 г. Іеронимъ делла Ровере отправился самъ въ Венецію, а въ слѣдующемъ году венеціанцы объявили войну герцогу Геркулесу. Сами того не зная и не желая, они подали первый поводъ къ новому появленію въ Италіи французскихъ, нѣмецкихъ и испанскихъ войскъ.

Нападеніе на герцога феррарскаго заставило флорентинцевъ, короля Фердинанда и миланскаго регента, Лудовико Моро, державшаго своего племянника въ неволѣ, уже въ маѣ 1482 г. вызвать изъ Рима своихъ пословъ и объявить, что они подадутъ помощь тѣсно соединенному съ ними дому Эсте. Вспыхнула всеобщая война, за которую весь христіанскій міръ проклиналъ папу и домъ Ровере. Въ этой войнѣ, подробности которой были бы излишни въ такомъ сочиненіи, какъ

наше, Бентиволіо болонскіе и Колонна и Савели изъ Церковной области были противъ папы, а Кіеско изъ Генуи и Орсини изъ Церковной Области за него; венеціанскимъ войскомъ командовалъ Роберто ди Сансеверино, помогавшій Лудовико Моро завладѣть Миланомъ и потомъ совершенно разошедшійся съ нимъ. Папа скоро замѣтилъ, что венеціанцы, выигравшіе нѣсколько сраженій и уже отнявшіе нѣсколько крѣпостей у герцога феррарскаго, намѣреваются обмануть его самого и его родственниковъ, какъ до сихъ поръ обманывали всѣхъ, съ кѣмъ имѣли дѣло; поэтому онъ вдругъ совершенно неожиданно присталъ къ противной партіи. Въ концѣ 1482 г., по настоянію кардиналовъ и подкупленнаго непріятелемъ Іеронима делла Ровере, онъ заключилъ миръ съ Неаполемъ и присоединился къ союзу, образовавшемуся въ пользу герцога феррарскаго. Такимъ образомъ въ началѣ 1483 г. почти вся Италія ополчилась противъ Венеціи, могущество и богатство которой достигли около того времени высшей степени развитія. Владѣнія ея, какъ теперь британскія, расширялись съ каждымъ годомъ; политикѣ и страшной полиціи ея удивлялся даже самъ Лудовикъ XI и старался ввести у себя нѣчто подобное; религія, гуманность и страхъ передъ вѣчнымъ закономъ правды никогда не удерживали венеціанской олигархіи отъ чего бы то ни было, что казалось полезнымъ въ данную минуту. Нѣсколько пораженій не пугали венеціанцевъ; богатство ихъ давало имъ возможность нанимать толпы людей, дѣлавшихъ изъ войны ремесло; они такъ и поступили и старались не только завербовать себѣ молодаго Рене Лотарингскаго, но и переманить къ себѣ полтораста турокъ изъ тѣхъ пятисотъ, которыхъ Альфонсъ Калабрійскій взялъ къ себѣ въ службу при взятіи Отранто и послалъ на помощь къ папѣ. Духовной власти папы венеціанцы тоже не очень-то боялись; они такъ же смѣялись надъ его отлученіями, какъ и надъ увѣщаніями, тогда какъ флорентинцы еще незадолго передъ тѣмъ налагали на себя тяжелыя, строгія эпитемьи и церковныя наказанія, чтобы избавиться отъ отлученія. Когда венеціанцы осадили герцога феррарскаго въ его столицѣ, папа послалъ сначала ихъ сенату увѣщанія, потомъ обложилъ городъ и его владѣнія интердиктомъ, хотя даже патріархъ аквилейскій открыто упрекалъ его, что въ кардинальской коллегіи онъ проклинаетъ венеціанцевъ за такую вещь, которую прежде самъ приказывалъ и о которой съ жаромъ хлопоталъ. Венеціанцы, не смотря на отлученіе и интердиктъ, продолжали войну; противъ папы и кардинальской коллегіи они аппелировали предстоявшему собору, наказали священниковъ, не совершавшихъ богослуженія, не позволяли духовенству своему даже распечатывать папскія письма, и велѣли патріархамъ своимъ созвать совѣтъ и пригласить на него папу.

Хотя въ 1483 году Феррара и была спасена, такъ какъ миланскія и неаполитанскія войска разоряли венеціанскія владѣнія въ сѣверной Ломбардіи отъ Бергамо и Брешіи до самой Вероны; но съ другой стороны герцогъ Калабрійскій и регентъ миланскій уже начинали ссориться въ этомъ году, а въ слѣдующемъ совершенно разошлись. Главная причина ссоры между Альфонсомъ Калабрійскимъ и Лудовикомъ Моро слѣдующая: Альфонсъ обѣщалъ отдать дочь свою Изабеллу замужъ за молодаго герцога Іоанна-Галеаццо; но, при нападеніи своемъ на Ломбардію, увидалъ, что тотъ никогда не достигнетъ престола, потому что дядя его Лудовико Моро забралъ въ свои руки всю власть въ Миланѣ. Изъ-за этого-то возгорѣлась его вражда съ Лудовикомъ. Венеціанцы, провѣдавъ объ этомъ, тотчасъ же обѣщали регенту миланскому, помочь ему удержать за собою владѣніе этимъ герцогствомъ, и тѣмъ парализировали дѣятельность его въ пользу союза. Споры и безпокойства въ Церковной области мѣшали папѣ и Іерониму Ровере предпринять что нибудь; а флорентинцы берегли свои деньги. Поэтому венеціанцамъ легко было противиться всей соединенной противъ нихъ Италіи. Папа Сикстъ IV напрасно старался унизить ихъ духовнымъ или свѣтскимъ оружіемъ; онъ не могъ даже удержать въ союзѣ своемъ Лудовика Моро и многихъ незначительныхъ владѣтелей сѣверной Италіи. Лудовикъ Моро уговорился съ венеціанцами объ условіяхъ мира, и вызвалъ союзниковъ своихъ въ Баньоло. Тутъ всѣ въ одинъ день приняли его условія, и 7 августа 1484 г. былъ заключенъ миръ безъ папы и короля неаполитанскаго, и миръ этотъ водворилъ спокойствіе по крайней мѣрѣ въ верхней Италіи, отъ Лукки до озеръ на сѣверѣ и до Феррары на востокѣ. При этомъ были въ выигрышѣ только одни венеціанцы; мелкіе

владѣтели всѣ остались въ проигрышѣ, и герцогъ феррарскій лишился не только Ровиго, но и всей страны Полезины. Въ областяхъ же церковной, неаполитанской и тосканской хотя и продолжались безпокойства, но по крайней мѣрѣ не велось настоящей войны.

Папа Сикстъ IV, доставившій племяннику своему, кардиналу Юліану, важныя крѣпости, и сдѣлавшій брата его Іоанна княземъ Синегаліи и префектомъ Рима, умеръ въ ночь на 13 августа; упомянутый племянникъ его Юліанъ и при слѣдующемъ папѣ, Иннокентіи VIII, остался во главѣ военныхъ силъ, которыя доставилъ ему Сикстъ. Новый папа не имѣлъ военныхъ наклонностей предшественника своего; да кромѣ того не имѣлъ ни энергіи, ни принциповъ, и для достиженія папства заключилъ съ кардиналами условія, связавшія его по рукамъ и ногамъ. У него было семь человѣкъ дѣтей, сыновей и дочерей, которыхъ онъ открыто признавалъ, хотя и не покровительствовалъ имъ подобно предшественнику своему. Онъ былъ не слишкомъ совѣстливъ и, вступивъ въ должность, далъ тотчасъ понять, что не считаетъ предшествовавшихъ обязательствъ дѣйствительными, если они будутъ стѣснять его.

Въ ссору неаполитанскихъ вельможъ съ ихъ королемъ былъ замѣшанъ и Иннокентій, въ то время, какъ Лоренцо Медичи принималъ участіе въ замыслахъ Романьи, Болоньи и самаго Рима. Чтобы не слѣдить за однимъ лицомъ, мы выберемъ нѣсколько случаевъ изъ перваго года царствованія этого папы; они покажутъ состояніе нравовъ въ странѣ, являвшейся, сравнительно съ другими, и вѣрующей, и набожной. Первыя изъ этихъ ужасныхъ случаевъ—убійство Іеронима Ровера, племянника папы Сикста IV, бывшаго во время царствованія дяди своего не только владѣтелемъ Имолы, но и Форли, откуда изгнали Орделафи. Іеронимъ былъ женатъ на Екатеринѣ Сфорца, сестрѣ молодаго герцога миланскаго; при смерти папы Сикста, она владѣла замкомъ св. Ангела, и передала его кардиналамъ только когда получила отъ нихъ значительную сумму денегъ. Тогда оба они удалились въ Форли и Имолу. Тутъ они спокойно жили, владѣя своими помѣстьями, пока въ 1488 году кардиналъ Юліанъ, обобравшій когда-то въ ихъ пользу владѣтеля Форли, своего родственника, не вздумалъ возвратить ему отнятое. Юліанъ не побоялся убійства для достиженія своей цѣли. 14 апрѣля, въ Форли, три убійцы зарѣзали Іеронима въ его собственномъ домѣ, взяли сыновей его, сдѣлали воззваніе народу о свободѣ, и заперли въ крѣпость вдову убитаго. Это дѣло одобрилъ не только Лоренцо Медичи, котораго подозрѣвали въ причинѣ этого убійства, но и папа Иннокентій; надѣясь пріобрѣсти въ свою пользу Имолу и Форли, онъ хотѣлъ послать войска на помощь убійцамъ. Стойкость Екатерины Сфорца разстроила намѣренія кардинала Юліана. Напрасно грозили ей повѣсить ея дѣтей передъ ея глазами; она не поддавалась и просила помощи у Лудовика Моро миланскаго; Лудовикъ послалъ ей войска, ее освободили, и сынъ ея наслѣдовалъ престолъ отца. Лоренцо старался скрыть участіе свое въ этомъ дѣлѣ, а папа изъ робости покорился обстоятельствамъ.

Почти въ то же время въ Фаэнцѣ совершилось еще худшее злодѣяніе. Царствовавшій тамъ Манфреди былъ женатъ на Франческѣ, дочери Іоанна Бентиволіо, фамилія котораго пользовалась въ Болоньѣ такимъ же уваженіемъ и могуществомъ, какъ Медичи во Флоренціи, и который командовалъ миланскими войсками, посланными на помощь Катеринѣ Сфорца. Франческа, воображавшая себя оскорбленною своимъ мужемъ, рѣшилась убить его. Въ спальнѣ своей она спрятала убійцу, который долженъ былъ схватить и держать ея мужа, лишь только онъ войдетъ, пока трое другихъ, спрятанныхъ подъ постелью, не убьютъ его. Такъ какъ Манфреди оказался сильнѣе бандита, то Франческа сама соскочила съ постели, и проколола мужа шпагой. Послѣ убійства, отецъ Франчески двинулся туда съ миланскими войсками изъ Форли, чтобы извлечь выгоду изъ этого случая. Но жители Фаэнцы взялись за оружіе, разбили миланцевъ, и взяли въ плѣнъ самого Бентиволіо. Видя однакожь, что на прочность всего этого положиться нельзя, они обратились къ Лоренцо Медичи. Лоренцо доставилъ имъ защиту флорентинцевъ, освободилъ Бентиволіо и распространилъ такимъ образомъ владѣнія Флоренціи и въ Церковной области.

Оба эти случая, выбранные изъ множества подобныхъ, могутъ служить яснымъ примѣромъ состоянія нравовъ, политики и того, какъ мѣнялись правленія

и правители въ средней Италіи. Теперь, прежде чѣмъ перейти къ появленію французовъ въ Италіи, бросимъ еще взглядъ на Неаполь. Три послѣдніе папы не требовали съ этого королевства военнаго налога, слѣдуемаго по договору папѣ, какъ главному ленному владѣтелю, а довольствовались представленіемъ имъ иноходца, въ знакъ покорности. Они не требовали налога частью изъ политическихъ видовъ, частью принимая во вниманіе, что король неаполитанскій употреблялъ большія суммы на турецкую войну и вмѣстѣ съ родосскими рыцарями заботился о защитѣ итальянскихъ береговъ противъ невѣрныхъ. Иннокентій VIII, напротивъ того, нарочно искалъ ссоры съ Неаполемъ, зная, что бароны недовольны королемъ и его сыномъ Альфонсомъ Калабрійскимъ; изъ безпокойствъ въ Неаполѣ папа надѣялся извлечь выгоду для своего сына Франческино Чибо. И точно въ 1485 году, когда папа не принялъ посланнаго ему королемъ, при его вступленіи на престолъ, иноходца, неаполитанскіе бароны возстали противъ тираніи короля и сына его. Герцогъ Калабрійскій не только требовалъ отъ бароновъ подати, которой они до сихъ поръ не платили, но и велѣлъ посадить въ темницу нежелавшихъ платить—графа Монторіо и герцога Асколи съ ихъ семействами. Тогда произошло всеобщее возстаніе бароновъ, сговорившихся предварительно съ папой и призвавшихъ его, какъ главнаго леннаго владѣльца и судью, судить короля. Во главѣ заговора стояли два человѣка; одинъ нихъ, своими громадными торговыми дѣлами на востокѣ и западѣ, достигъ того же значенія, какъ Медичи, и такихъ несмѣтныхъ богатствъ, что ему довѣряли большія суммы знатнѣйшія фамиліи и самъ король. Другой же достигъ большаго богатства ученостью и знаніемъ дѣла, такъ же какъ и благосклонностью короля. Первый изъ нихъ былъ Франческо Каппола, сдѣланный королемъ графомъ Сарно, а второй — Антонелло Петручи, бывшій секретаремъ, или, лучше сказать, стоявшій во главѣ кабинета; король покровительствовалъ ему какъ лучшему ученику знаменитаго археолога и филолога Лаврентія Валла (т. III, стр. 687). На сколько король уважалъ ихъ, на столько ненавидѣлъ корыстолюбивый, жестокій тиранъ герцогъ Альфонсъ Калабрійскій, и потому-то они и составили противъ него заговоръ. Они намѣревались, когда соберутся всѣ бароны по случаю свадьбы Траяна Карачіоли, сына герцога Мельфи, просить папу призвать въ Неаполь потомка дома Анжуйскаго. Хотя изъ дома Анжуйскаго оставался только одинъ человѣкъ, годный для цѣли папы, Рене или Райнеръ II Лотарингскій (стр. 110), но и онъ, послѣ приглашенія папы, не явился предъявить право свое на Неаполь. Король же неаполитанскій, или, лучше сказать, сынъ его, двинулся на Церковную область, и тѣснилъ папу тамъ и въ Римѣ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ; Миланъ и Флоренція подали папѣ такую помощь, что ясно было видно, какъ мало принимаютъ въ немъ они участіе. Такъ какъ и безъ того папскимъ владѣніямъ были въ тягость плохо содержимыя войска варваровъ, то Иннокентій съ радостью ухватился за представлявшійся ему предлогъ съ честью выйти изъ затрудненія. Именно, король Іоаннъ II Арагонскій и сынъ его, Фердинандъ Католикъ, съ своей женой, случайно пріѣхавшіе въ Сицилію, предложили свое посредничество, принятое Иннокентіемъ. Такимъ образомъ, 12 августа 1486 г. былъ заключенъ миръ, на который король неаполитанскій и сынъ его согласились, потому что удержать его было не въ ихъ волѣ, и они притомъ очень хорошо знали, что папа, заключивъ миръ, не будетъ болѣе заботиться о баронахъ. По договору о мирѣ, король Фердинандъ обязывался присылать папѣ ежегодный взносъ, который платили предшественники его, и не нарушать болѣе ни бароновъ, ни свободы города Аквилы, присоединившагося къ заговору, а тѣмъ менѣе не наказывать бароновъ и не мстить имъ.

Хотя за исполненіе этихъ обѣщаній поручились король арагонскій и Лоренцо Медичи, но неаполитанскіе тираны знали, что первый скоро будетъ очень далеко отъ Неаполя, а послѣдній совсѣмъ не сочувствуетъ дѣлу бароновъ. Такимъ образомъ они скоро жестоко отмстили своимъ вельможамъ, понадѣявшимся на клятвенныя обѣщанія короля, и нѣсколько позже такимъ же образомъ обманули и папу. Всѣ неаполитанскіе бароны, принимавшіе участіе въ заговорѣ, пали жертвою своей довѣрчивости; только князь салернскій и сыновья владѣтеля Бизиньяно, не довѣряя этому миру, отправились къ папѣ, но такъ какъ не могли убѣдить его начать войну, то поѣхали во Францію, гдѣ наслѣдникъ Лудовика XI,

Карлъ VIII, вздумалъ придать вѣсъ правамъ на Неаполь, доставшимся отцу его черезъ Карла Менскаго (стр. 138). Фердинандъ и сынъ его Альфонсъ пригласили всѣхъ участниковъ послѣдней войны въ Неаполь, гдѣ король хотѣлъ блистательно отпраздновать свадьбу графа Сарно съ дочерью герцога Амальфи, племянника Фердинанда. Всѣ явились, и свадьба была пышно отпразднована въ Кастельнуово; но вдругъ Фердинандъ велѣлъ арестовать жениха и отца его, всѣхъ ихъ родныхъ и пріятелей, и разграбить дворцы ихъ какъ въ Неаполѣ, такъ и въ Сарно. Такъ какъ всюду выражалось сильное неудовольствіе, то назначили для виду судъ, и начали формальный процессъ; судя по составу суда легко было приговорить четырехъ важнѣйшихъ вельможъ какъ государственныхъ измѣнниковъ. Потомъ ихъ казнили одного за другимъ, но не въ скоромъ времени, боясь дѣйствовать поспѣшно. Двое изъ нихъ, графъ Сарно и министръ (Secretario), были казнены въ маѣ 1489 г. Послѣ этой казни правители пріостановились на нѣкоторое время, боясь всеобщаго возстанія. 11 октября 1489 г. они посадили въ тюрьму владѣтеля Альтамуры, владѣтеля Базиньяно, герцога Мельфи, герцога Нардо, графа Морконе, графа Лоріа, графа Мелито, графа Ноя и множество другихъ, и потомъ всѣ они въ различное время были умерщвлены различными способами. Тогда былъ казненъ и герцогъ Суэсса, содержавшійся въ темницѣ уже двадцать пять лѣтъ. Впрочемъ старались распустить слухъ, что заключенные бароны еще живы, и для этой цѣли король велѣлъ посылать въ тюрьму каждый день пищу. Дѣти и жены казненныхъ были тоже заключены, подъ тѣмъ предлогомъ, будто они старались произвести безпокойства; имѣнія ихъ были конфискованы.

Король арагонскій и сынъ его Фердинандъ выразили сильное негодованіе на эту измѣну и жестокость и отказались отъ предположеннаго соединенія посредствомъ брака съ неаполитанской королевской фамиліей. Папа не могъ помочь не только баронамъ, но и самому себѣ; Лоренцо же Медичи сталъ заискивать дружбы и у папы и у короля неаполитанскаго. Онъ привлекъ на свою сторону папу, выдалъ свою дочь за сына его, Франческино Чибо, за что папа сдѣлалъ на пятнадцатомъ году кардиналомъ сына Лоренцо, Іоанна Медичи, бывшаго потомъ папою подъ именемъ Льва X. Въ тотъ самый годъ, какъ Иннокентій снова привелъ въ негодованіе этимъ весь христіанскій міръ (1489), онъ опять поссорился съ Неаполемъ, потому что король неаполитанскій и сынъ его, избавившись отъ несносныхъ бароновъ, наконецъ отказались платить ленную подать, которую обѣщали папѣ. Папа хотѣлъ дѣйствовать духовнымъ оружіемъ, но оно оказалось недѣйствительнымъ (*telum imbelle sine ictu*) въ отношеніи такихъ людей какъ королевская неаполитанская фамилія того времени, привыкшая идти на перекоръ всему. Прежде всего онъ отлучилъ короля Фердинанда (въ іюнѣ 1489 г.) отъ церкви; но видя въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что того это нисколько ни безпокоитъ, объявилъ его лишеннымъ престола (11-го сентября). Правда, Фердинандъ дѣлалъ нѣкоторыя приготовленія къ войнѣ, но Лоренцо, другъ его и въ то же время другъ папы, устроилъ такъ, что съ одной стороны дѣло ограничилось словами и проклятіями, а съ другой однимъ протестомъ. Фердинандъ только публично апелировалъ на папу послѣдующему собору.

Вообще Италія наслаждалась спокойствіемъ и миромъ, какими не пользовалась уже цѣлыя столѣтія, до послѣдовавшей въ 1494 г. смерти короля Фердинанда неаполитанскаго; но вражда между Лудовикомъ Моро миланскимъ и наслѣдникомъ Фердинанда, Альфонсомъ Калабрійскимъ, вскорѣ послѣ того проложила французамъ дорогу въ Италію, вмѣшала въ итальянскія распри германскаго императора и впослѣдствіи дала поводъ испанцамъ перейти изъ Сициліи въ Неаполь. Альфонсъ Калабрійскій и Лудовикъ Моро сдѣлались врагами со времени послѣдней войны съ Венеціей, за то, что Лудовикъ самъ управлялъ Миланомъ, не только не допуская племянника своего, Іоанна-Галеаццо, обрученнаго съ дочерью Альфонса, Изабеллою, принимать участіе въ управленіи, но и не давая ему пользоваться вполнѣ личною свободой. Когда въ февралѣ 1489 году былъ заключенъ бракъ Іоанна-Галеаццо, Лудовикъ считалъ необходимымъ обезпечить себя противъ всякаго вліянія неаполитанской принцессы. Правда, онъ позволилъ отпраздновать свадьбу съ королевской пышностью; но лишь только замѣ-

тилъ, что Изабелла не хочетъ терпѣть зависимости, въ которой держится мужъ ея, Лудовикъ не только завладѣлъ войсками и крѣпостями, но и самою особою герцога. Онъ занялъ миланскую крѣпость, велѣлъ наемникамъ стеречь молодаго герцога, какъ какого-нибудь плѣннаго, взялъ крѣпость Треццо и другія укрѣпленія, удалилъ изъ войска всѣхъ старыхъ начальниковъ, служившихъ при отцѣ и дѣдѣ Іоанна-Галеаццо, и мѣста ихъ занялъ людьми, совершенно ему преданными. Онъ не осмѣлился, правда, столкнуть съ дороги племянника своего и оказывалъ ему почести, но не предоставлялъ за то никакой власти. Такія отношенія молодаго герцога и жены его къ Лудовику Моро заставляли ожидать, что Альфонсъ, наслѣдовавшій въ 1494 г. отцу своему въ Неаполѣ, не будетъ спокойно смотрѣть на все это; поэтому-то Лудовикъ и поддерживалъ странное предпріятіе французскаго короля Карла VIII противъ Неаполя.

II. ФРАНЦІЯ, ИСПАНІЯ, ГЕРМАНІЯ И ИТАЛІЯ

ВЪ КОНЦѢ ПЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

---

1. Франція, Германія и Нидерланды отъ смерти Лудовика XI до смерти послѣдняго герцога Бретанскаго.

Карлу VIII французскому, сыну и наслѣднику Лудовика XI, было уже четырнадцать лѣтъ, когда умеръ отецъ его (1483 г.) По тогдашнему французскому обычаю (т. III, стр. 398) на него смотрѣли какъ на совершеннолѣтняго; но такъ какъ онъ былъ слишкомъ слабъ и горбатъ и оттого не только казался моложе, но и дѣйствительно былъ неспособнѣе, чѣмъ могъ бы быть по своему возрасту, то и не могъ самъ управлять государствомъ. Отецъ его, ничего не оставлявшій безъ вниманія и ни съ кѣмъ не совѣтовавшійся, распорядился всѣмъ. Въ завѣщаніи своемъ онъ приказывалъ, чтобы старшая сестра Карла, Анна, жена Петра Бурбонскаго, наслѣдственнаго владѣльца Боже, извѣстная подъ именемъ Дамы де Боже, управляла государствомъ, пока Карлъ не будетъ въ состояніи взять на себя управленіе. Не мужъ ея, а она сама должна была править государствомъ. Лудовикъ XI былъ того мнѣнія, что знать, не привыкшая еще къ постоянному строгому повиновенію, легче снесетъ господство женщины. Противъ этого распорядка возсталъ однакожъ герцогъ Лудовикъ Орлеанскій, утверждая, что ему, какъ первому принцу крови, принадлежитъ ближайшее право на регентство. Принцъ этотъ, впослѣдствіи король Лудовикъ XII, прославившійся своею любовью къ народу и любовью народа къ нему, на столько же, на сколько Лудовикъ XI прославился своей итальянской измѣннической политикой и безжалостнымъ эгоизмомъ,—этотъ принцъ тотчасъ расположилъ въ свою пользу нѣсколькихъ государственныхъ людей и герцоговъ Франциска II Бретанскаго и Максимиліана Бургундскаго. Но регентша первыми своими распоряженіями пріобрѣла довѣренность народа къ ея управленію. Она старалась увѣрить и народъ, и вельможъ, что не хочетъ пріучать брата своего къ продолженію системы, которой слѣдовалъ отецъ ея. Она отдала въ жертву народной ненависти отвратительныхъ любимцевъ Лудовика, Оливье Дьявола или Оленя (стр. 128) и другихъ подобныхъ креатуръ его, и впослѣдствіи принудила удалиться даже Филиппа Комина. Далѣе, она прекратила тягостный отцовскій грабежъ, ограничила расходы, совершенно распустила шесть тысячъ швейцарцевъ Лудовика, а также частью и навербованныхъ наемныхъ солдатъ. Послѣдняя мѣра была впрочемъ не очень выгодна странѣ, потому что часть отставныхъ нанялась въ службу къ помѣщикамъ. Такимъ образомъ снова начались частныя войны, и большія дороги стали опять не безопасны.

Всѣхъ очень безпокоило, что еще передъ коронаціей молодаго короля слѣдовало быть всеобщему собранію чиновъ; этого запальчиво требовали принцы, надѣясь извлечь себѣ выгоду изъ этого собранія. Собраніе это, созванное 14-го января 1484 въ Турѣ и продолжавшееся два мѣсяца, для изслѣдователя состоянія средневѣковыхъ государствъ и народовъ гораздо значительнѣе, чѣмъ оно было

по нашему мнѣнію, для Франціи. Послѣ Маселина, игравшаго главную роль въ собраніи, сохранился толстый томъ рѣчей, сочиненій и разсужденій, написанныхъ на латинскомъ языкѣ; недавно французское правительство напечатало этотъ историческій матеріалъ, извѣстный до тѣхъ поръ только по подробному извлеченію на французскомъ языкѣ, сдѣланному Гарнье. Изъ этой книги мы видимъ, въ какомъ состояніи находились тогда во Франціи правительство, администрація, законы, финансовая система, судопроизводство и іерархія; но для нашей цѣли достаточно взять только результатъ собранія. Дама де Боже также боялась этого собранія, какъ въ 1848 году германскіе государи и высшее дворянство парламента; но, увидя, каковы были люди, всѣхъ громче кричавшіе, и какіе придворные и юристы блистали въ писанныхъ и изустныхъ утомительно-длинныхъ рѣчахъ, она успокоилась и стала стараться, чтобы собраніе кончилось, какъ кончались германскіе сеймы. При помощи людей своей партіи, купленныхъ деньгами и почестями, она съумѣла вовлечь, ораторовъ и энтузіастовъ, принцевъ и защитниковъ народнаго блага въ такое глубокое болото, что они въ немъ засѣли и желали только, чтобы имъ помогли вылѣзть. Это и было сдѣлано декретомъ 7-го марта о распущеніи собранія. Дама де Боже на столько-то переняла отъ отца своего политическаго такта, чтобы съумѣть утѣшить наградами самыхъ сильныхъ изъ числа обманутыхъ. Герцогу Орлеанскому и графамъ Ангулемскому и Дюнуа она дала роту (compagnie) изъ ста копейщиковъ и порядочную пенсію.

Когда общее собраніе чиновъ было устранено и принцы удовлетворены, казалось, нечего было бояться новыхъ безпокойствъ. Хотя вскорѣ послѣ этого упомянутый прежде (стр. 126) министръ и любимецъ герцога Бретанскаго, Ландуа, и произвелъ возстаніе, но оно дало возможность регентшѣ присоединить къ французскому государству Бретань, какъ присоединялъ Лудовикъ XI Бургундію, графства Шароле и другія. Герцогъ Франциskъ II Бретанскій былъ послѣднимъ въ родѣ Монфоровъ, и у него были двѣ дочери. Такимъ образомъ старшая изъ нихъ Анна была наслѣдницею его герцогства, которое не было мужскимъ леномъ; тамошнее дворянство боялось быть присоединеннымъ къ французскому дворянству, очень ограниченному въ послѣднее время въ своихъ правахъ. Самъ герцогъ тоже желалъ, чтобы Бретань, по смерти его, оставалась самостоятельнымъ государствомъ, и готовъ былъ поэтому отдать обѣихъ дочерей своихъ за кого-нибудь изъ членовъ Бургундскаго дома, съ которымъ онъ всегда былъ въ союзѣ противъ Лудовика XI; Анна должна была выйти за герцога Максимиліана, а сестра ея, Изабелла, за сына его Филиппа. Но Максимиліанъ былъ такъ же безсиленъ въ Нидерландахъ, какъ Францискъ II въ Бретани, и пока онъ договаривался съ нимъ о томъ, какъ прибыть къ нему съ войсками и какъ заключить бракъ, бретанское дворянство было вовлечено въ возстаніе министромъ Ландуа. Франциску II приходилось столько терпѣть отъ своихъ вассаловъ, что такой презрѣнный и безсовѣстный человѣкъ, какъ Ландуа, казался ему необходимымъ, чтобы держать ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Ландуа дѣйствовалъ тѣми же способами произвола, жестокости, коварства и насилія, какими Лудовикъ XI дѣйствовалъ противъ французскихъ вельможъ. Но когда онъ велѣлъ сначала жестоко пытать, а потомъ лишить жизни лучшаго дворянина страны, канцлера Шовена, бурное дворянство, которое онъ всячески удалялъ отъ герцога, ожесточилось въ высшей степени, и знатнѣйшіе люди герцогства сдѣлали наконецъ рѣшительную попытку свергнуть или даже уничтожить ненавистнаго любимца. Часть бароновъ внезапно наступила на Нантъ и заняла городскую крѣпость, чтобы овладѣть министромъ; но онъ не только не попался имъ въ руки, но еще объясненіями своими, что возстаніе это направлено противъ особы герцога, натравилъ на бароновъ жителей Нанта и окрестныхъ поселянъ, такъ что бароны принуждены были оставить и крѣпость, и городъ. Послѣ этого они собрались въ городѣ Ансени, принадлежавшемъ маршалу Рье; Ландау же, понявъ, что ему не удержаться безъ посторонней помощи, составилъ планъ пріобрѣсти поддержку герцога Орлеанскаго.

Лудовикъ Орлеанскій былъ женатъ на страшно-безобразной второй дочери Лудовика XI, Жаннѣ. Хотя онъ долго энергично противился этому браку, но былъ принужденъ къ нему Лудовикомъ, и никогда не скрывалъ своего отвращенія къ женѣ. На этомъ-то обстоятельствѣ Ландуа и основалъ планъ свой. Онъ

хотѣлъ пріобрѣсти поддержку герцога, склонивъ его на разводъ съ женой и на бракъ съ наслѣдницей Бретани. Съ согласія Франциска II, пригласилъ онъ въ Бретань герцога Орлеанскаго; герцогъ принялъ приглашеніе и, увидѣвъ принцессу Анну, замѣчательную умомъ и наружностью, согласился на это дѣло, по всеобщему увѣренію, не только изъ одной политики, но и изъ страстной любви. Регентша пришла въ ужасъ, получивъ извѣстіе о соединеніи герцоговъ Бретанскаго съ Орлеанскимъ, и, воспользовавшись предстоящей коронаціей короля, вызвала ко двору Лудовика Орлеанскаго. Лудовикъ хотя и пріѣхалъ на зовъ, но не только не разрывалъ сношеній съ герцогомъ Бретанскимъ, а еще съумѣлъ такъ расположить въ свою пользу молодаго короля, что у регентши явилось новое безпокойство и съ этой стороны. Все это, кажется, было именно такъ; мы не можемъ довѣрять на столько Брантому, чтобы передавать, по его словамъ, будто Дама де Боже была особенно ожесточена противъ герцога Орлеанскаго за то, что онъ, имѣя связи со всевозможнаго рода женщинами, только съ нею разъигралъ роль цѣломудреннаго Іосифа.

Регентша вошла въ сношенія съ недовольными въ Бретани, чтобы помѣшать намѣреніямъ Лудовика Орлеанскаго; этимъ воспользовался Ландуа, и вынудилъ у слабаго герцога Франциска согласіе на цѣлый рядъ ужасныхъ мѣръ противъ дворянъ своей страны. Хотя возмущенному дворянству, при выходѣ его изъ Нанта, и было обѣщано полнѣйшее прощеніе, тѣмъ не менѣе ихъ не только объявили теперь открыто государственными измѣнниками, но и издали указъ, чтобы дома ихъ были срыты, лѣса вырублены и, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, подданные ихъ не имѣли съ ними никакихъ сношеній, не продавали имъ ни съѣстныхъ припасовъ, ни оружія, ни лошадей. Неслыханная строгость, съ какой исполнялся этотъ указъ, заставила бретанское дворянство сдѣлать шагъ, весьма важный по своимъ послѣдствіямъ. А именно, въ 1484 году знатнѣйшіе вельможи герцогства, принцъ Оранскій (Жанъ де Шалонъ), Пьеръ де Вильбраншъ и Жанъ де Бутелье де Мопертюи были посланы къ регентшѣ просить ея защиты и, въ замѣнъ того, клятвенно обѣщались признать по смерти герцога Франциска своимъ единственнымъ и естественнымъ государемъ короля французскаго. При этомъ было сдѣлано восемь условій, которыя и были приняты французскимъ правительствомъ. Условія эти слѣдуетъ перечислить потому, что на нихъ основываются позднѣйшія отношенія Бретанской провинціи къ Франціи и оставшееся чувство самостоятельности въ тамошнемъ дворянствѣ. Соединившись совершенно въ 1532 г. съ Франціей, Бретань не только сохранила, какъ и ранѣе присоединенныя страны Дофине и Провансъ, свою національность, свои собственные законы и сословія, но и удерживала ихъ, подобно двумъ названнымъ провинціямъ, до самой революціи. Восемь условій были слѣдующія: «Судопроизводство остается такое же, какъ было при герцогахъ, и въ немъ могутъ принимать участіе только мѣстные уроженцы; всякое сословіе сохраняетъ свои особенныя привилегіи; безъ согласія сословій нельзя назначать никакихъ налоговъ; дворянство можетъ быть принуждено идти на войну только въ тѣхъ случаяхъ и мѣстахъ, которые король опредѣлитъ закономъ; всѣ мѣста въ войнѣ и въ государственной службѣ могутъ быть занимаемы только мѣстными уроженцами; по смерти Франциска II, вдова его будетъ получать содержаніе отъ сословій; обѣ дочери его должны быть выданы замужъ, соотвѣтственно ихъ званію, съ совѣта сословій; наконецъ, если у Карла VIII будетъ много сыновей, то герцогство должно перейти къ одному изъ нихъ и такимъ образомъ стоять отдѣльно отъ Франціи.» На этихъ условіяхъ регентша согласилась защитить бретанское дворянство. Именемъ короля объявила она герцогу Франциску, чтобы онъ удержался отъ всякихъ насилій относительно бароновъ и вознаградилъ ихъ за всѣ причиненныя имъ непріятности. Это смутило и герцога, и министра его и они обратились снова къ эрцгерцогу Максимиліану, повидимому счастливо окончившему тогда войну съ недовольными сословіями и городами Нидерландовъ.

Только по укрощеніи безпокойствъ въ Люттихѣ, въ Утрехтѣ и Голландіи (стр. 142), Максимиліанъ могъ обратиться къ фламандцамъ, которымъ онъ долженъ былъ оставить сына своего и составленное именемъ его правительство; согласно Арраскому миру, онъ долженъ былъ послать для воспитанія во Францію дочь свою Маргариту, сговоренную за Карла VIII. Въ Гентѣ, гдѣ находилось

регентское управленіе Фландріею, распоряжались старшины двадцати пяти цеховъ вполнѣ демократическимъ образомъ. Это правительство было въ заговорѣ съ французами противъ отца молодаго герцога, и по возвращеніи Максимиліана изъ Голландіи между нимъ и фламандцами дѣло шло до жестокаго боя. Максимиліанъ взялъ города Роррмонде и Дендермонде; жители же Гента отмстили ему, лишь только онъ обратился къ нимъ тыломъ, опустошительнымъ нападеніемъ на зеландскій городъ Флисингенъ. Но вскорѣ послѣ этого Максимиліамъ явился во Фландрію съ значительнымъ подкрѣпленіемъ, опустошилъ страну, взялъ Слюйсъ и Брюгге, и такъ стѣснилъ городъ Гентъ, что принудилъ его къ капитуляціи (1485 г.). Хотя послѣ этой капитуляціи гентцы и удержали и свою конституцію, и свое демократическо-республиканское правленіе, но должны были за это признать Максимиліана, которому возвратили сына, правителемъ, впустить его въ свой городъ съ такимъ же количествомъ войска, съ какимъ являлся онъ въ другіе нидерландскіе города, выплатить ему военныя издержки съ семсотъ тысячъ гульденовъ по срокамъ, возвратить всѣхъ сосланныхъ за приверженность къ нему, а если имѣнія ихъ разграблены, то вознаградить ихъ за всѣ убытки. Лишь только капитуляція эта была заключена, Максимиліанъ вошелъ въ Гентъ съ пятью тысячами человѣкъ, и въ городѣ, казалось, дойдетъ дѣло снова до битвы. За какое-то грубое преступленіе нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ были схвачены и представлены въ республиканскій судъ, но товарищи ихъ тотчасъ же освободили; по этому случаю магистратъ велѣлъ бить въ набатъ, и предъ домомъ Максимиліана собрались тысячи народа, такъ что онъ очутился плѣнникомъ. Онъ немедленно велѣлъ своимъ людямъ выступать, и каждую минуту грозилъ вспыхнуть кровавый бой; солдаты Максимиліана получили уже приказаніе начать жечь дома въ городѣ, но принцамъ Шиме и Нассаускому удалось успокоить бѣшенную толпу. Максимиліанъ воспользовался этимъ возстаніемъ, ввелъ въ Гентъ войска, посланныя другими городами ему на помощь, и началъ строгую расправу. Онъ велѣлъ повѣсить тридцать трехъ зачинщиковъ возстанія, около сотни изгнать, разрушить укрѣпленія и часть стѣнъ, отобралъ отъ города артиллерію и увеличилъ сумму, платимую ему. Онъ даже открыто разорвалъ льготныя грамоты города, прогналъ демократическое правительство двадцати пяти и назначилъ аристократическое. Все это сдѣлалось такъ легко оттого, что французская регентша была занята въ 1484 и въ 1485 г. внутренними безпокойствами и могла помогать фламандцамъ только втайнѣ.

Во Франціи собраніе чиновъ въ Турѣ постановило, что король долженъ считаться совершеннолѣтнимъ, но управленіе дѣлами, пока онъ будетъ въ состояніи самъ принять его, предоставляется его сестрѣ; но по старанію герцога Орлеанскаго это рѣшеніе было отмѣнено парламентомъ, и герцогъ заключилъ противъ регентши союзъ съ герцогомъ Бретанскимъ, графомъ Дюнуа, герцогомъ Алансонскимъ и даже съ старымъ коннетаблемъ герцогомъ Бурбонскимъ. Тщетно стараясь завладѣть особой герцога Орлеанскаго, регентша лишила его и друга его, Дюнау, всѣхъ привилегій полученныхъ ими по рѣшенію турскаго засѣданія, и осадила его въ городѣ Вернейлѣ въ Першѣ, принадлежавшемъ герцогу Алансонскому, куда онъ бѣжалъ. Лудовикъ долженъ былъ сдаться на капитуляцію и принять прощеніе, которое ему даровали, принимая во вниманіе его отношенія, какъ будущаго наслѣдника престола; но онъ долженъ былъ обязаться жить постоянно при дворѣ или, другими словами, подъ присмотромъ. Хотя онъ былъ снова допущенъ въ государственный совѣтъ, но не получилъ обратно ни своихъ замковъ, ни содержанія. Сопровождая потомъ короля въ поѣздкѣ въ Нормандію, онъ снова заключилъ союзъ съ старымъ коннетаблемъ и со всѣми любимцами Лудовика XI, оставшимися въ тѣни послѣ его смерти, и старался собирать недовольныхъ въ принадлежавшемъ ему городѣ Блуа.

Надежда герцога Орлеанскаго и партіи его основывалась преимущественно на герцогѣ Францискѣ Бретанскомъ и ненавистномъ любимцѣ его, Ландуа. Регентша, во всемъ точно слѣдовавшая политикѣ своего отца, старалась поэтому поддерживать безпокойства въ Бретани. Она неожиданно послала помощь собравшимся въ Ансени баронамъ, на которыхъ Ландуа хотѣлъ напасть. Обѣ стороны были уже готовы начать кровавый бой, но королевскому повѣренному удалось убѣдить главнокомандующихъ бретанскими войсками, при которыхъ находился

самъ Ландуа, что они служатъ орудіемъ злодѣю. Тогда все бѣшенство герцогскихъ войскъ обратилось противъ Ландуа. Не задолго передъ тѣмъ онъ возбуждалъ граждан и крестьянъ къ насиліямъ противъ дворянства и даже хотѣлъ разослать отъ имени герцога циркуляръ, въ которомъ всѣ дворяне, офицеры и чиновники, состоявшіе въ какомъ бы то ни было сношеніи съ недовольными баронами, объявлялись государственными измѣнниками, лишенными покровительства законовъ; канцлеру Франсуа Кретьену было уже поручено приложить къ этимъ патентамъ государственную печать. Но канцлеръ, узнавъ о происшедшемъ отъ войсковыхъ депутатовъ, не только не сдѣлалъ этого, но согласился даже изготовить приказъ объ арестованіи Ландуа (prise de corps). Ландуа бѣжалъ къ герцогу въ нантскую цитадель. Но герцогъ не могъ спасти его, потому что нантскіе граждане также возстали, и всѣ попытки усмирить волненіе не удавались. Тѣмъ не менѣе онъ не отдалъ ненавистнаго министра въ жертву народной ярости, и канцлеръ согласился придать революціонной расправѣ видъ законности. Ландуа передали канцлеру, и тотъ повелъ процессъ быстро. Хотя Ландуа сдѣлалъ столько зла, что легко можно было бы привести противъ него и свидѣтелей и доказательства, но тѣмъ не менѣе вмѣсто всего этого, по обычаю того времени, употребляли пытку и выпудили всѣ нужныя признанія. Такъ какъ герцогъ все-таки не согласился бы подписать смертный приговоръ, то предводитель французскихъ вспомогательныхъ отрядовъ, Лекенъ, какъ представитель короля, далъ совѣтъ обдѣлать дѣло помимо герцога. Такъ и сдѣлали: пока нѣсколько дворянъ занимали герцога разговорами, выстроили высокую висѣлицу и къ не малой досадѣ герцога повѣсили на ней его министра и любимца (17 іюня 1485 г.).

Эти событія совершенно разстроили весь планъ партіи герцога Орлеанскаго. Герцогъ и его друзья, въ надеждѣ на герцога Бретанскаго и Максимиліана, вооружили всѣхъ своихъ вассаловъ и наемниковъ. Теперь они ничего не могли сдѣлать, потому что регентша приняла очень хорошія мѣры, а вліяніе молодаго короля, котораго отправили противъ нихъ съ войскомъ, помѣшало поголовному возстанію. Безпокойства, возбужденныя ими, получили названіе глупой войны (guerre folle); вскорѣ они были совершенно прекращены, и зачинщики, герцогъ Орлеанскій, графъ Дюнуа и старый коннетабль, были очень рады какъ нибудь выпутаться изъ этого дѣла. Графа Дюнуа изгнали въ Піемонтъ, въ городъ Асти, принадлежавшій герцогу Орлеанскому; самъ герцогъ долженъ былъ согласиться на занятіе королевскими войсками всѣхъ его укрѣпленій; отъ стараго же коннетабля потребовали только, чтобы онъ сложилъ оружіе, поднятое имъ лишь по желанію герцога; онъ былъ уже близокъ къ смерти, и мужъ регентши былъ его наслѣдникомъ. Что же касается герцога Бретанскаго, то не было надобности налагать на него новое обязательство, такъ какъ сословія его уже согласились на все. Его заставили только обязаться договоромъ, заключеннымъ въ Буржѣ, оставаться, подобно предкамъ своимъ, вассаломъ Франціи; вопросъ же, будетъ ли то полное подданство (hommage lige) или болѣе независимое (стр. 62), не былъ рѣшенъ. Дѣло въ томъ что герцогъ, отказываясь отъ всѣхъ связей внѣ своей страны, отдавался совершенно въ руки своихъ сословій и французскаго правительства, и что сословія уже (стр. 252) обѣщали соединить герцогство Бретанское съ Франціей и установили условія этого соединенія.

По окончаніи спора съ герцогами Бретанскимъ и Орлеанскимъ, регентша могла обратить вниманіе на вѣрнаго союзника ихъ, Максимиліана. Онъ разстроилъ дурнымъ и нечестнымъ образомъ коварный замыселъ, составленный французами съ Рене II Лотарингскимъ и съ извѣстнымъ арденнскимъ кабаномъ Вильгельмомъ де ля Маркомъ (стр. 132). Регентша помирила герцога Лотарингскаго и Вильгельма де ля Марка, бывшихъ непримиримыми врагами, и они согласились вмѣстѣ напасть на Брабантъ. Поэтому Максимиліанъ соединился съ Фридрихомъ фанъ Гоорномъ, братомъ епископа люттихскаго, чтобы, какъ мы уже говорили (стр. 133), уничтожить страшнаго Вильгельма де ля Марка такимъ же способомъ, какими истребляли своихъ враговъ Лудовикъ XI и итальянскіе тираны. Фридрихъ фанъ Гоорнъ, послѣ долгой ссоры, жилъ съ Вильгельмомъ въ большой дружбѣ; поступивъ на службу къ Максимиліану, онъ пригласилъ Вильгельма къ себѣ въ гости и потомъ уговорилъ его поѣхать съ нимъ къ епископу люттихскому; послѣ обѣда епископъ поѣхалъ съ ними кататься вер-

хомъ; тутъ Фридрихъ подбилъ своего друга скакать съ нимъ въ перегонку и такимъ образомъ завлекъ его къ мѣсту, гдѣ была устроена засада. Наемники Гоорна, бывшіе въ засадѣ, схватили Вильгельма и привезли въ Мастрихтъ, гдѣ Максимиліанъ представилъ его въ наскоро собранную коммисію и велѣлъ казнить. Разумѣется, демократическихъ фламандцевъ нельзя было расположить такимъ способомъ въ пользу правленія рыцарски-романическаго германскаго феодальнаго государя. Впрочемъ, Максимиліанъ, наказавъ, какъ мы видѣли, жителей Гента, отправился въ Германію, чтобы быть избраннымъ въ римскіе короли и короноваться.

Въ то время Германія была совершенно предоставлена на произволъ судьбы; отецъ Максимиліана, императоръ Фридрихъ III, былъ, подобно всѣмъ королямъ того времени, постоянно въ ссорѣ съ могущественными вассалами своихъ наслѣдственныхъ владѣній и даже съ гражданами городовъ, стремившихся къ независимости; кромѣ того еретическая Богемія съ своимъ свободно избраннымъ королемъ, Георгомъ Подѣбрадомъ, и венгерскій король Матфій Корвинъ отнимали у него не мало времени. Съ 1480 г. Матфій почти завоевалъ Австрію и осадилъ Вѣну; граждане, терпѣвшіе невѣроятныя бѣдствія и защищавшіеся съ мужественною стойкостью, убѣдительно просили подкрѣпленія (1485 г.), но старый эгоистъ императоръ отказалъ имъ въ помощи. Говорятъ, онъ даже далъ имъ холодный отвѣтъ, сказавъ, что очень радъ, что вѣнцы голодаютъ, потому что самъ прежде голодалъ у нихъ, когда они осаждали его въ своемъ замкѣ (стр. 88). Наконецъ Фридрихъ былъ принужденъ (1485 г.) оставить страну съ полуторатысячнымъ отрядомъ конницы и отправился просить помощи у нѣмецкихъ государей; у него не было другаго утѣшенія или, лучше сказать, другаго исхода, какъ забыть дѣло, которое было непоправимо. Матфій Корвинъ покорилъ всю Нижнюю Австрію, за исключеніемъ вѣнскаго Новаго Города, часть Каринтіи, Крайна и Штиріи и заставилъ вѣнскій сеймъ присягнуть себѣ, какъ герцогу; Фридрихъ долженъ былъ по необходимости согласиться на избраніе въ римскіе короли своего сына, Максимиліана, хотя прежде противился этому избранію, основательно опасаясь, что по избраніи римскаго короля, его предоставятъ безполезнымъ ученымъ занятіямъ, какъ человѣка ни къ чему неспособнаго. Онъ явился на Рейнъ бѣглецомъ, но съ большой торжественностью и обычнымъ феодальнымъ этикетомъ пожаловалъ лены курфирсту кельнскому Герману Гесенскому, Вильгельму Младшему, герцогу Юлихскому и Бергскому и герцогу Геннепскому, Маркскому и Клевскому, а потомъ поѣхалъ во Франкфуртъ на свиданіе съ Максимиліаномъ, котораго не видѣлъ уже восемь лѣтъ. До сихъ поръ онъ всегда считалъ своего сына за въ высшей степени непрактичнаго идеалиста и основательно боялся его рыцарской смѣлости и безпокойнаго, предпріимчиваго характера; теперь же онъ самъ предложилъ его собравшимся князьямъ въ римскіе короли. Избраніе Максимиліана послѣдовало въ февралѣ 1486 г. въ Франкфуртѣ, а въ апрѣлѣ новый король былъ коронованъ въ Ахенѣ. При этомъ видно, что французское правительство уже тогда старалось запутывать нѣмецкія дѣла и пользоваться эгоизмомъ нѣмецкихъ государей и ихъ слугами, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ. Французскіе посланники всѣми силами старались противодѣйствовать избранію Максимиліана, и нѣкоторые князья патріоты передавали даже сыну императора письма, писанныя къ нимъ отъ имени французскаго короля; тѣмъ не менѣе Дама де-Боже жаловалась, что Максимиліанъ не пригласилъ на коронацію своего будущаго зятя, короля французскаго.

Максимиліанъ могъ сдѣлать для отца своего и для Австріи только воззваніе къ австрійцамъ, прося ихъ стойко держаться противъ венгровъ. Хотя онъ обѣщалъ имъ поддержку, но сдержать своего обѣщанія не могъ, потому что, кромѣ желанія отмстить французамъ, пославшимъ изъ Артуа помощь фламандцамъ, имѣлъ много хлопотъ во Фландріи, куда отправился тотчасъ послѣ коронаціи. Фламандцы, въ особенности жители Гента и Брюгге, державшіе на службѣ нѣсколько тысячъ здоровыхъ работниковъ, соединясь съ французами, надѣлали ему въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ не меньше хлопотъ, чѣмъ венгры его отцу, такъ что онъ былъ принужденъ просить поддержки у императора и у нѣмцевъ. Тѣмъ не менѣе, во время поѣздки своей черезъ Нидерланды во Фландрію, онъ снова выказалъ большой блескъ и задавалъ множество педантическихъ торжествъ,

которыя онъ и его секретарь и поклонникъ, авторъ «Тейерданка», описали весьма подробно, но скучно. Онъ взялъ съ собою цѣлыя толпы нѣмецкихъ наемниковъ, нанятыхъ на фламандскія деньги. Этимъ людямъ, сдѣлавшимъ изъ войны ремесло, платили лучше, чѣмъ художникамъ и ученымъ, и поэтому они были обременительнѣе для тѣхъ, кому служили, чѣмъ для враговъ.

По возвращеніи въ Нидерланды, Максимиліанъ старался отмстить французской регентшѣ, которая далеко превосходила его государственной мудростью и политическимъ тактомъ; пойдя по слѣдамъ своего отца и умѣя унижать высшее дворянство, она пріобрѣла любовь не рыцарства, а народа. Максимиліанъ поддерживалъ сношенія съ высшимъ французскимъ дворянствомъ, а регентша съ нѣмецкими государями; ожидая, что герцоги Бретанскій и Орлеанскій начнутъ противъ регентши новую войну, римскій король заключилъ съ ними формальный союзъ и, не смотря на перемиріе, вторгнулся въ Артуа. Въ договорѣ, заключенномъ въ мартѣ 1487 г. въ Брюгге, было положено, что Максимиліанъ и герцогъ Бургундскій обязываются силою возставать противъ каждой попытки французскаго правительства расширить свои владѣнія, и принудятъ молодаго короля удалить дурныхъ совѣтниковъ. За мѣсяцъ до заключенія этого союза, Францискъ II Бретанскій пытался оградить свое герцогство отъ покушеній регентши. Послѣ мира въ Буржѣ (стр. 254) регентша предвидѣла, что будущее соединеніе Бретани съ Франціей, не смотря на договоръ, подписанный сословіями, все-таки очень невѣрно, такъ какъ герцогъ Францискъ былъ противъ него. Поэтому она постаралась обезпечить права брата другимъ путемъ: она пріобрѣла отъ Жана де-Бросса и его жены, у которыхъ Лудовикъ XI купилъ права на Бретань (стр. 281), подтвержденіе этой сдѣлки. Слабый и больной Францискъ былъ этимъ сильно взволнованъ. Поэтому въ февралѣ 1487 г. онъ собралъ свои чины и заставилъ ихъ поклясться на святыхъ дарахъ, частицѣ Животворящаго Древа и на евангеліи, что по смерти его они признаютъ его дочерей единственными и исключительными наслѣдницами Бретани и будутъ противиться всѣми силами всякому, кто вздумаетъ отнять у нихъ это право.

Этотъ поступокъ герцога Франциска и союзъ, заключенный имъ съ Максимиліаномъ, послужили поводомъ или предлогомъ къ вторичному водворенію во Франціи военнаго и финансоваго гнета, который былъ не надолго отмѣненъ регентшей. Во-первыхъ, Дама де-Боже наложила на страну новый военный налогъ: каждые пятьдесятъ два двора (feux) должны были поставлять человѣка, снаряжать его на войну и во все продолженіе его службы платить ему по шестидесяти су. Во-вторыхъ, она снова взяла на службу 6 тыс. швейцарцевъ, отпущенныхъ по смерти Лудовика XI; чтобы платить имъ, не назначая новаго налога, она выдумала возвысить обыкновенный налогъ (des crues), что можно сравнить съ нынѣшними прибавочными сантимами (centimes additionnels). Такимъ образомъ, по новой системѣ управленія, совершенно одинаковой съ системою Лудовика XI, народъ попалъ если не изъ огня въ полымя, то изъ огня въ огонь; вмѣсто прекращенныхъ разбоевъ, грабежей и другихъ феодальныхъ насилій, тяготившихъ страну, явился равномѣрный гнетъ, угнетавшій всю націю, кромѣ привилегированныхъ сословій; короли же пріобрѣли возможность нанимать иностранныхъ солдатъ, готовыхъ защищать всякое дѣло, какъ бы оно ни было несправедливо. Для характеристики французскаго правительства, не только впрочемъ въ средніе вѣка, но и вообще вплоть до революціи, замѣчательно, что канцлеръ, недовольный увеличеніемъ податей, просилъ регентшу, чтобы она избавила отъ нихъ по крайней мѣрѣ высшихъ, благородныхъ и знатныхъ (notables) особъ.

Что касается войны Максимиліана съ французами, то новый римскій король собралъ въ 1486 г. значительное войско изъ наемныхъ солдатъ и сверхъ того получилъ помощь (на какомъ основаніи, мы не знаемъ) отъ англійскаго короля Генриха VII. Онъ началъ свои дѣйствія довольно успѣшно и произвелъ уже значительныя опустошенія; но война, счастливо начатая, кончилась для него позоромъ. Максимиліанъ и тутъ выказалъ себя только рыцаремъ и храбрымъ воиномъ, тогда какъ французскій главнокомандующій Декердъ, герцогъ Кревкеръ, былъ искуснымъ полководцемъ. Послѣдній держался въ укрѣпленіяхъ до тѣхъ поръ, пока Максимиліанъ не истратилъ необходимыхъ для наемниковъ денегъ; тогда

Декердъ переманилъ къ себѣ часть войскъ своего противника (какъ говорятъ, болѣе трехъ тысячъ человѣкъ); остальные разбѣжались, кромѣ небольшаго числа, съ которымъ Максимиліанъ возвратился во Фландрію. Въ слѣдующемъ (1487) году французы одержали побѣду при Бетюнѣ, гдѣ, между прочимъ, они взяли въ плѣнъ герцога Карла Гельдернскаго, сына герцога Адольфа (стр. 129), пользовавшагося дурной славой за гнусный поступокъ съ отцомъ. Но война велась вяло съ обѣихъ сторонъ, потому что Максимиліанъ снова ссорился съ жителями Гента и Брюгге, а французская регентша хотѣла прежде покончить съ герцогами Орлеанскимъ, Бретанскимъ и ихъ союзниками.

Республиканцы въ Нидерландахъ, ревностно стоявшіе за свои права и не очень вѣровавшіе въ божественность правъ римскаго короля, снова возстали противъ Максимиліана за попытку подобнаго же насилія, какое было совершено надъ Арденскимъ Кабаномъ. Онъ велѣлъ схватить въ Кортрикѣ и отправить въ Брабантъ изгнаннаго имъ изъ Гента Адріана де Виленя, одного изъ рыцарей-демагоговъ, такъ хитро и ловко умѣвшихъ пользоваться народомъ для своихъ аристократическихъ цѣлей. Дорогою плѣнникъ убѣжалъ и возвратился въ Гентъ, гдѣ ему удалось тотчасъ возбудить возстаніе. Предлогомъ къ возстанію послужило то, что Максимиліанъ своимъ поведеніемъ относительно этого человѣка не только лишаетъ гражданина его естественныхъ судей, но своими нѣмецкими воинами и употребленіемъ ввѣренныхъ ему денегъ оскорбляетъ права гражданъ. Прежде чѣмъ возстаніе успѣло вспыхнуть, Максимиліанъ неосторожно отдался во власть недовольныхъ фламандцевъ, ободренныхъ Декердомъ, обѣщавшимъ имъ французскую помощь. Граждане Брюгге просили Максимиліана отпраздновать у нихъ Срѣтеніе Господне 1488 г.; просьба эта, вѣроятно, имѣла отношеніе къ возстанію въ Гентѣ. Максимиліанъ принялъ приглашеніе, хотя всѣ друзья его совѣтовали ему не ѣздить. Лишь только онъ пріѣхалъ въ Брюгге, какъ было получено извѣстіе, что гентцы взялись за оружіе (10 февраля 1488 г.). Максимиліанъ хотѣлъ немедленно идти на Гентъ; но жители Брюгге заперли ворота и съ шумомъ и крикомъ требовали выдачи его ненавистныхъ совѣтниковъ. Миксимиліанъ уклонился отъ исполненія этого желанія, тщетно говорилъ нѣсколько разъ на площади ожесточенному народу, и въ продолженіе трехъ дней жизнь его находилась въ постоянной опасности. Спокойствіе и присутствіе духа, выказанныя имъ тогда среди городской черни, дѣлаютъ ему гораздо болѣе чести, чѣмъ всѣ разсказываемыя о немъ смѣлыя выходки. На четвертый день онъ былъ арестованъ. Въ городѣ распространился слухъ, что для освобожденія Максимиліана приближаются рыцари, а во дворцѣ его находится оружіе, которое друзья его употребятъ противъ народа. Это побудило народъ возвратиться во дворецъ для грабежа. Максимиліанъ бѣжалъ въ домъ одного лавочника, выходившій на площадь; здѣсь его содержали какъ плѣнника, задѣлавъ окна рѣшетками. Потомъ его перевели въ другой, болѣе отдаленный домъ. Разъяренный народъ преслѣдовалъ его приверженцевъ и не успѣвшихъ бѣжать жестоко пытали, шестнадцать человѣкъ казнили, а одного, мера Брюгге, Петра де Лангхальса, такъ долго мучили, что казнь его считали уже милостью. Впрочемъ, сцены, разсказываемыя о тогдашнемъ возстаніи въ Брюгге и въ Гентѣ, похожи какъ двѣ капли воды на сцены 1790 — 1794 годовъ въ Парижѣ или на происходившія не такъ давно въ разныхъ городахъ Германіи,

Депутаты отъ собраній другихъ провинцій тщетно старались просьбами и угрозами заставить освободить Максимиліана. Его выпустили лишь 16 мая, принудивъ заключить договоръ съ фламандцами, весьма тягостный для него и постыдный для германской имперіи; онъ долженъ былъ скрѣпить его клятвою и дать въ заложники трехъ членовъ высшаго дворянства. Договоръ этотъ состоялся при посредничествѣ трехъ остальныхъ провинцій, болѣе привязанныхъ къ Германіи. Мы приведемъ изъ него лишь нѣсколько пунктовъ, чтобы показать различіе между управленіемъ въ Германіи и Бельгіи и регентствомъ Дамы де Божё. Максимиліанъ согласился отдѣлить фламандцевъ отъ союза съ Германіей, удержаннаго для другихъ нидерландскихъ провинцій. Далѣе онъ обѣщалъ мятежникамъ Гента и Брюгге, что въ отношеніи къ Франціи сдѣлаетъ все по условіямъ аррасскаго мира (стр. 131), откажется отъ опеки во Фландріи надъ своимъ сыномъ, Филиппомъ, удержавъ ее за собой для другихъ провинцій, и не будетъ противитьс

демагогическому правленію Брюгге и Гента, которое прежде уничтожилъ. Наконецъ, онъ обѣщалъ вывести всѣ свои нѣмецкія войска въ теченіе трехъ дней изъ Фландріи, а въ теченіе восьми изъ Нидерландовъ. Такимъ образомъ Максимиліанъ какъ бы соглашался, чтобы Фландрія оставалась въ союзѣ съ Франціей въ то самое время, когда регентша старалась пріобрѣтеніемъ Бретани увеличить Францію, къ которой Лудовикъ XI уже присоединилъ Бургундію, Пикардію съ Булонью, Провансъ, Менъ и большую часть Артуа. Пока во Франціи при Дамѣ де Божё расширялись государственныя владѣнія и проводилась система Лудовика XI, т. е. высшее дворянство теряло свое прежнее значеніе, пока тамъ развивалась національность, и королевская власть утверждалась на прочныхъ основаніяхъ, — разрозненной Германской имперіи приходилось видѣть, что императора гонятъ изъ столицы, а наслѣдника его ростовщики и торгаши выгоняютъ даже изъ дворца, держатъ въ плѣну и принуждаютъ купить свободу цѣною позорнаго договора. Однако, повидимому, нѣмцы рѣшились наконецъ спасти честь своей націи; но вскорѣ оказалось, что нѣмецкій народъ, раздѣленный на безчисленныя мелкія государства, оцѣпенѣвшій въ узкихъ, эгоистическихъ стремленіяхъ князей, не былъ способенъ возвыситься надъ Максимиліановскимъ романтизмомъ; поэтому смѣшное рыцарство римскаго короля сдѣлало смѣшною всю націю. — Прежде чѣмъ мы докажемъ это фактами, надо показать, какія мѣры принимала регентша Франціи для присоединенія къ своему государству герцогства Бретани.

Максимиліанъ, занятый въ Нидерландахъ, не могъ помочь герцогу Бретанскому и союзнымъ съ нимъ французскимъ владѣтелямъ, которые, подъ предводительствомъ графа Дюнуа, возвратившагося изъ ссылки въ Асти, заключили сильный союзъ противъ регентши. Къ этому союзу принадлежали герцогъ Орлеанскій и графъ Ангулемскій, весь домъ Фуа, д'Альбре и его сынъ, Жанъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи королемъ наваррскимъ (стр. 204), принцъ Оранскій, намѣстникъ гіэнскій Лекенъ, старый графъ Неверъ, Понъ и д'Орваль; даже прежній врагъ Лудовика Орлеанскаго, герцогъ Лотарингскій, и государственные совѣтники Лудовика XI, Филиппъ Коминъ и Кюланъ, пристали къ нему. Но какъ между союзниками не было единодушія, то регентшѣ легко удалось занять Гіэнь, откуда угрожала наибольшая опасность, наказать Лекена и довести до добровольной покорности Ангулема и д' Альбре. Остальные недовольные бѣжали въ Бретань, но и тамъ находились въ сомнительномъ положеніи; бретанскіе вельможи завидовали герцогу Орлеанскому и подозрѣвали Лекена и принца Оранскаго въ измѣнѣ; поэтому они вошли въ переговоры съ французскимъ правительствомъ и, въ числѣ болѣе пятидесяти человѣкъ, заключили съ нимъ формальный союзъ, чтобы принудить герцога Бретанскаго удалить французскихъ вельможъ. Вслѣдствіе этого въ Бретань явилась французская армія; герцогъ Францискъ выступилъ противъ нея, но былъ покинутъ большею частью своего войска и попалъ бы въ плѣнъ, если бы къ нему на помощь не подоспѣлъ принцъ Оранскій, который далъ ему возможность спастись въ Нантъ.

Союзное войско французовъ и бретанскихъ бароновъ осадило Нантъ, но обстоятельства внезапно измѣнились. Регентша выпросила для себя у брата Нантъ, не смотря на обѣщаніе не имѣть никакихъ притязаній на герцогскія владѣнія. Бароны увидѣли, что регентша не сдержала заключеннаго съ ними условія, и перемѣнили роль; въ то же время жители Нижней Бретани вооружились за своего герцога, и полторы тысячи отборныхъ нѣмецкихъ солдатъ, присланныхъ Максимиліаномъ, высадились въ нантской гавани. Но французскія войска все болѣе и болѣе наводняли Бретань и заняли много крѣпостей, такъ что Бретань не могла получить помощи ни отъ Максимиліана, ни отъ англійскаго короля Генриха VII, котораго настоятельно умоляла о пособіи. Гентцы и брюггцы мѣшали Максимиліану заступиться за принцессу бретанскую, бывшую его невѣстою, а Генрихъ VII былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ герцогомъ Францискомъ и не хотѣлъ помогать въ завоеваніи Бретани ни герцогу Орлеанскому, ни принцу д'Альбре, также искавшему руки принцессы Анны. За то нѣкоторые англійскіе вельможи послали на свой собственный счетъ вспомогательныя войска, а армія герцога Бретанскаго была усилена недовольными французами. Конечно, это не могло принести большой помощи, такъ какъ четыре главные предводителя бретанскаго войска, герцогъ Орлеанскій, принцъ Оранскій, маршалъ де-Ріе и д'Альбре, враждовали между

собою, а французы, кромѣ единодушія, имѣли искуснаго полководца — Ла-Тремуйля. Союзники, въ томъ числѣ и герцоги Бретанскій и Орлеанскій, которыхъ французская палата перовъ еще въ февралѣ 1488 года троекратно призывала къ суду, въ маѣ были объявлены виновными въ оскорбленіи величества.

По смерти стараго коннетабля, послѣдовавшей 1 апрѣля, Петръ Божё сдѣлался герцогомъ Бурбонскимъ, графомъ Оверньскимъ, Форескимъ и Лиль-Журденскимъ и сталъ такимъ образомъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ поземельныхъ владѣльцевъ Франціи; жена его послала въ Бретань новое 12-тысячное войско, подъ предводительствомъ Ла-Треимуйля, чтобы привести въ исполненіе приговоръ парламента. Ла-Треимуйль съ самаго начала дѣйствовалъ очень успѣшно, и когда союзники рѣшились аттаковать его, то открытая вражда между принцемъ Оранскимъ и герцогомъ Орлеанскимъ, съ одной стороны, и д'Альбре, съ другой, заранѣе рѣшила исходъ дѣла. Во французскихъ историческихъ книгахъ, разсчитывающихъ на эффектъ и описывающихъ истинныя и вымышленныя интриги, говорится, что д'Альбре и Лудовикъ Орлеанскій сдѣлались смертельными врагами за то, что Анна Бретанская отвергла любовь перваго и предпочла герцога Орлеанскаго. Поэтому, когда войска союзниковъ стояли противъ непріятеля, д'Альбре сдѣлалъ покушеніе на жизнь герцога Орлеанскаго; ночью онъ ворвался въ его палатку съ толпою дюжихъ солдатъ; но замыселъ уже былъ открытъ, и герцогъ Орлеанскій съ принцемъ Оранскимъ вышли на встрѣчу д'Альбре, который напрасно пытался пустыми увертками отклонить отъ себя подозрѣніе въ покушеніи на убійство. На слѣдующее утро, въ военномъ совѣтѣ д'Альбре былъ открыто обвиненъ въ покушеніи, и всѣ значительныя лица въ войскѣ раздѣлились на двѣ партіи; но споръ былъ оконченъ полюбовно, хотя не надолго. Сраженіе, данное вслѣдъ за тѣмъ при Сентъ-Обенѣ (27 іюля 1488 г.), кончилось совершеннымъ пораженіемъ союзниковъ: они потеряли отъ 1,200 — 1,300 человѣкъ убитыми и отъ 500—600 плѣнными; остальное войско ихъ было разсѣяно, потому что никто не прикрывалъ отступленія. Въ числѣ плѣнныхъ находились герцогъ Орлеанскій и принцъ Оранскій. Англичане, находившіеся въ войскѣ, были безпощадно изрублены.

Послѣ сентъ-обенскаго сраженія всѣ бретанскіе города перешли въ руки непріятеля. Одинъ Реннъ защищался и далъ дерзкій отвѣтъ королевскимъ герольдамъ, пугавшимъ жителей угрозами *). Когда палъ Сенъ-Мало, герцогъ Францискъ долженъ былъ рѣшиться 21 августа 1488 г. принять семь тягостныхъ условій, предложенныхъ ему отъ имени короля въ Сабле. Однимъ изъ главныхъ было то, что дочери герцога не могли выходить замужъ безъ позволенія французскаго короля. Черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія этого договора, герцогъ Францискъ умеръ (9 сентября 1488 г.).

2. Франція, Германія и Нидерланды по смерти послѣдняго герцога Бретанскаго.

Францискъ II Бретанскій назначилъ по завѣщанію маршала де Ріе опекуномъ своихъ дочерей и защитникомъ правъ своего государства. Опекунъ старался выдать наслѣдницу герцогства замужъ за д'Альбре, такъ какъ герцогъ Орлеанскій уже былъ женатъ; но герцогиня противилась его требованіямъ и нашла защитниковъ въ канцлерѣ, въ графѣ Дюнуа, и во многихъ другихъ. Де Ріе и д'Альбре

---

*) Въ заключеніе этого отвѣта говорилось: Seigneurs hérauts, il y dans cette bonne ville de Rennes quarante mille hommes, dont vingt mille combattront si bien, que vous y gagnerez tout autant que vous avez gagné devant la ville de Nantes.—Nous ne craignons le roi ni toute sa puissance. Partant retournez au seigneur de la Tremouille et faites lui rapport de cette joyeuse réponse; car de nous n'aurez autre chose pour le présent. (Господа герольды, у насъ въ Реннѣ 40 т. чел., изъ которыхъ 20 т. будутъ драться такъ хорошо, что вы возьмете здѣсь такъ же мало, какъ подъ Нантомъ. Мы не боимся короля со всѣмъ его могуществомъ. Ступайте къ г. де ля-Тремуйлю и передайте ему этотъ веселый отвѣтъ потому что отъ насъ не дождетесь ничего другаго).

не оставляли однако своего плана и до того преслѣдовали Анну, что она рѣшилась бѣжать въ Реннъ. Граждане Ренна приглашали къ себѣ несчастную, но неустрашимую принцессу, владѣнія которой были заняты французами, и которой опекунъ навязывалъ въ мужья ненавистнаго ей человѣка. Она приняла приглашеніе, и жители Ренна, какъ богатые, такъ и бѣдные, щедрыми пожертвованіями дали ей средства къ жизни до полученія помощи отъ Генриха VII англійскаго.

Генрихъ VII дѣйствительно полагалъ, что пришло время уступить настоятельному желанію подданныхъ и помочь герцогинѣ Бретанской. Рѣшиться на это ему было очень трудно, потому что онъ боялся всякаго расхода и усердно копилъ деньги, чтобы имѣть возможность силою удерживать за собою господство надъ Англіей, котораго силою достигъ. Наконецъ онъ рѣшился дать помощь герцогинѣ на самыхъ тяжкихъ для нея условіяхъ; но маршалъ де Ріе вошелъ съ нимъ въ переговоры и такъ обольстилъ и опуталъ его разною ложью, что онъ, желая помѣшать замужству наслѣдницы бретанской съ Максимиліаномъ, принялъ сторону д'Альбре. Изъ договора, заключеннаго имъ съ Анною, ясно видна его безграничная жадность къ деньгамъ и желаніе содѣйствовать д'Альбре, прикрытое темными фразами. Такъ, напримѣръ, съ одной стороны онъ требуетъ уплаты всѣхъ издержекъ за 6,000—10,000 ч. войска, которое пошлетъ въ Бретань и оставитъ тамъ отъ февраля до ноября 1489 г., и въ обезпеченіе этой уплаты проситъ въ залогъ пять городовъ; съ другой стороны, въ третьемъ пунктѣ коварнаго условія говорится: «герцогиня и четверо первыхъ бретанскихъ вельможъ, въ томъ числѣ маршалъ де Ріе, обязаны дать присягу въ томъ, что герцогиня ни за кого не выйдетъ замужъ безъ согласія англійскаго короля, котораго необходимо извѣщать о всѣхъ условіяхъ, заключаемыхъ герцогинею съ другими государствами». Англійскія войска были приняты въ Бретани неблагопріятно. Имъ было, можетъ быть, приказано при первой возможности, овладѣть герцогинею; но она во-время получила помощь изъ Испаніи. Фердинандъ Католикъ арагонскій послалъ ей войско, которое въ соединеніи съ нѣмцами, присланными Максимиліаномъ и съ приверженцами графа Дюнуа и герцога Орлеанскаго, вполнѣ ограждало герцогиню отъ козней маршала; сверхъ того, Фердинандъ обѣщалъ лично перейдти съ войскомъ Пиренеи и аттаковать французовъ съ тылу.

Для Генриха VII защита герцогини Бретанской была отличной денежной спекуляціей; его духовенство дало ему для этой цѣли десятую часть своихъ доходовъ, что было для него чистымъ барышомъ; кромѣ того онъ выговорилъ себѣ вознагражденіе за всѣ издержки, до полученія котораго могъ удерживать заложенные ему города. Французская регентша послѣдовала довольно безцеремонно его примѣру. Она не рѣшилась созвать духовенство, чтобы вытребовать отъ него десятину, какъ-бы слѣдовало по закону и по обычаю; но вмѣсто того она поручила двумъ коммиссарамъ просить парламентъ, ссылаясь на положеніе дѣлъ, взыскать съ духовенства десятинную подать. Парламентъ отвѣтилъ на это, что будучи весьма благодаренъ королю за извѣщеніе его о положеніи дѣлъ, хочетъ доказать ему свою вѣрность; поэтому, считая долгомъ говорить ему правду, онъ проситъ короля обратить вниманіе на то, что парламентъ существуетъ для судопроизводства, и что во Франціи было бы неслыханнымъ нововведеніемъ требовать отъ духовенства подати, не созвавши его предварительно для этой цѣли. Всѣ усилія измѣнить мнѣніе парламента были тщетны. Тогда обратились къ папѣ Иннокентію VIII, который былъ очень радъ, что даже французскій король признаетъ его законодателемъ въ свѣтскихъ дѣлахъ, совершенно чуждыхъ церковной власти папы. Онъ охотно приказалъ духовенству заплатить десятину, но при этомъ не оставилъ безъ вознагражденія и свою любезность, потребовавъ себѣ третью часть изъ предстоящаго сбора, подъ предлогомъ войны съ турками.

Англійскій король, наконецъ, пересталъ навязывать Аннѣ Бретанской д'Альбре; французская регентша отдѣлалась отъ него и отъ бретанскихъ недовольныхъ тѣмъ, что обманула римскаго короля Максимиліана мнимымъ содѣйствіемъ его женитьбѣ на Аннѣ-и, обезпечивъ себя такимъ образомъ съ этой стороны, направила всѣ свои силы противъ Бретани и арагонцевъ. Этотъ оборотъ ея политики заставляетъ нась обратиться къ исторіи Максимиліана. Максимиліанъ долженъ былъ купить у гражданъ Брюгге свое освобожденіе цѣною тяжелыхъ условій, обязательности которыхъ семидесятитрехлѣтній отецъ его, Фридрихъ III, не хотѣлъ

признавать. Императоръ обнародовалъ воззваніе, приглашая отмстить фламандцамъ и французамъ за позоръ, нанесенный государству плѣномъ римскаго короля; онъ даже предлагалъ выступить въ походъ во главѣ нѣмцевъ, не смотря на то, что въ послѣдніе годы жизни потерялъ въ алхимическихъ и астрологическихъ занятіяхъ ту каплю здраваго смысла, которую прежде имѣлъ. Въ Германіи дѣла шли обычнымъ порядкомъ. На сеймѣ, созванномъ Фридрихомъ по поводу похода въ Нидерланды, шли длинныя совѣщанія, говорились скучныя рѣчи и писались матеріалы для будущихъ нѣмецкихъ историковъ. Когда же дѣло дошло до вопроса объ издержкахъ, то ни императоръ, ни города,—всегда тугіе на расплату,—ни князья не умѣли дать порядочнаго совѣта. Изъ всѣхъ членовъ сейма одинъ только герцогъ Альбрехтъ Саксонскій выказалъ при этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, истинно патріотическія стремленія, уважая императора даже въ такомъ ничтожномъ тунеядцѣ, какъ Фридрихъ, котораго сбивали съ толку духовенство и мистики. Поэтому мы намѣрены нѣсколько подробнѣе изложить исторію Альбрехта и его дяди Вильгельма.

Въ Саксоніи въ 1464 г. Фридриху Миролюбивому наслѣдовали (т. III, стр. 571) сыновья его, Эрнстъ и Альбрехтъ, основатели двухъ линій — Эрнестинской и Альбертинской; сначала они управляли вмѣстѣ, но въ 1485 г. раздѣлили свои владѣнія; старшій изъ нихъ, Эрнстъ, получилъ курфиршеское достоинство. Альбрехтъ при всякомъ случаѣ старался поддержать достоинство главы имперіи, даже въ ущербъ своимъ личнымъ выгодамъ. Въ 1475 г. онъ оказалъ императору Фридриху значительныя услуги въ кельнской распрѣ (стр. 103). Когда, по истеченіи перваго срока военной службы, назначеннаго Фридрихомъ, саксонскіе графы хотѣли возвратиться домой, дядя Альбрехта, Вильгельмъ III Тюрингенскій, которому впослѣдствіи наслѣдовали его племяники, Эрнстъ и Альбрехтъ, издалъ, чтобъ удержать ихъ, грозную прокламацію, а по окончаніи втораго срока, Альбрехтъ написалъ имъ письмо, въ которомъ выразилъ убѣжденіе въ солидарности императора и имперіи. (Вотъ подлинныя слова этого письма: Es gebeut die Ehre und das Herkommen in solchem thun von einem Römischen Keyser, von unserm Herrn, von unserm angebohrenen Fründe und Mage, indem das, sein Gnade, als ein Vorsteber des heiligen Reichs, Kurfürsten und Fürsten, Herrn, Grafen und allen des Reichs Unterthanen in des heiligen Reichs nöthigen Sachen, zu Ehre und Glimpf, zu Schutz und Handhabung hoch betreffe, nicht auszuweichen *). Такъ какъ курфирстъ Саксонскій былъ въ отсутствіи, то императоръ пожаловалъ Альбрехту званіе архимаршала, слѣдовательно право носить главную хоругвь имперіи. Вслѣдъ за тѣмъ Альбрехтъ помогъ императору противъ венгровъ, не смотря на то, что въ Германіи всѣми было признано, что Габсбургскій домъ самымъ постыднымъ образомъ злоупотребляетъ нѣмцами въ пользу своихъ наслѣдственныхъ владѣній. Это было въ 1480—1482 г., когда Матфій Корвинъ вторгнулся въ Австрію; еще болѣе важную услугу оказалъ Альбрехтъ въ 1485 г., когда венгры заняли большую часть наслѣдственныхъ владѣній Фридриха (см. выше, стр. 254). Альбрехтъ принялъ на себя въ высшей степени неблагодарную роль главнаго императорскаго военачальника или, другими словами, сталъ во главѣ нестройнаго войска, которому императоръ не могъ платить жалованья, потому что финансы Фридриха были въ томъ состояніи, въ какомъ финансы Габсбургскаго дома находились и находятся всегда. При такихъ обстоятельствахъ, борьба Альбрехта съ венграми, конечно, не могла имѣть успѣха; герцогу приходилось даже защищаться отъ собственныхъ солдатъ, которые съ угрозою требовали жалованья. Онъ вынужденъ былъ наконецъ взять для императора и имперіи изъ своего собственнаго казначейства значительную для того времени сумму, 30 тысячъ дукатовъ, чѣмъ возбудилъ неудовольствіе въ саксонцахъ, которымъ не было дѣла до патріотизма своего герцога. Не смотря на то, что императорскія войска, неполучавшія жалованья, наконецъ разбѣжались, онъ продержался до

*) По чести и по обычаю не слѣдуетъ покидать въ такомъ положеніи римскаго императора, нашего господина и друга, потому что его милость, какъ глава Священной Имперіи, необходимъ для чести и тишины, защиты и управлені , курфюрстовъ, князей, господъ, графовъ и всѣхъ подданныхъ Священной имперіи.

ноября 1487 г. и именемъ Фридриха заключилъ Мергендорфское перемиріе, по которому венгерскій король сохранилъ свои завоеванія.

Когда послѣ этого императоръ прибылъ въ Нюрнбергъ, Альбрехтъ хотѣлъ отдать отчетъ ему и имперскимъ властямъ; но Фридрихъ не допустилъ этого, вѣроятно, какъ говоритъ казначей Альбрехта, Ратгальтеръ, на томъ грязномъ основаніи, что не зналъ откуда взять 52,600 дукатовъ, слѣдовавшихъ Альбрехту. Однако, когда въ слѣдующемъ году, императоръ хотѣлъ отмстить за плѣнъ своего сына, Альбрехтъ одинъ изъ первыхъ былъ готовъ къ войнѣ съ Нидерландами. Но саксонцы не ставили, подобно ему, честь и отечество выше денегъ; поэтому онъ долженъ былъ собрать въ Дрезденѣ депутатовъ и высказать имъ правила, въ то время уже чуждыя нѣмецкимъ князьямъ. «Я бы скорѣе рѣшился», сказалъ онъ депутатамъ, «жить въ величайшей бѣдности, чѣмъ оставить безъ отмщенія позоръ, нанесенный римскому королю, а слѣдовательно всей имперіи и націи. Поэтому, я хочу, съ Божьею помощью, идти въ походъ, и буду благодаренъ всѣмъ, кто добровольно послѣдуетъ за мною».

Въ походѣ противъ фламандцевъ Альбрехтъ получилъ главное начальство надъ войскомъ, а позднѣе,—должность намѣстника Нидерландовъ. Самъ императоръ находился при войскѣ. Въ Мехельнѣ онъ созвалъ сеймъ, на которомъ клятва, данная Максимиліаномъ въ Брюгге, была признана вынужденною и недѣйствительною, и положено принять противъ фламандцевъ самыя рѣшительныя мѣры. Самъ Максимиліанъ, выказавшій при этомъ робкую совѣстливость, только тогда согласился на походъ своего отца противъ Брюгге и Гента, когда его одобрили прочіе нидерландскіе города. Война началась осадою Гента, которая однако должна была быть снята въ іюлѣ 1488. Фламандцы назначили своимъ главнокомандующимъ Филиппа Клеве, бывшаго прежде приверженцемъ Максимиліана и перешедшаго потомъ на сторону республиканцевъ; онъ усмирилъ весь Брабантъ, занялъ Брюссель и привлекъ на свою сторону французовъ, подъ предводительствомъ Декерда. Филиппъ не давалъ однако ходу демагогамъ и не дозволялъ имъ попирать международное право. Въ Брюгге находились въ заточеніи десять вельможъ, взятыхъ въ прошломъ году въ плѣнъ вмѣстѣ съ Максимиліаномъ. Максимиліанъ съ угрозами потребовалъ отъ гражданъ города, чтобы они прислали ихъ въ его лагерь; но двѣнадцать цеховыхъ старшинъ, оскорбленные этимъ, хотѣли выдать депутатамъ Максимиліана вмѣсто самихъ плѣнныхъ, ихъ головы. Старшина сапожнаго цеха, которому было поручено выполнить это рѣшеніе, направился къ тюрьмѣ, окруженный чернью и въ сопровожденіи палача съ десятью кожаными мѣшками для десяти головъ; но Филиппъ Клеве, вступивъ въ городъ, не только спасъ плѣнныхъ, но принялъ мѣры предупреждать и на будущее время всякую попытку подобной расправы.

Скоро поднялись и безпокойные люттихцы. Они прогнали своего епископа, Іана фанъ-Горна, который прежде содѣйствовалъ убійству Вильгельма де-ля Марка (стр. 129), и избрали правителями Эбергарда и Роберта де-ля Маркъ. Глава голландскихъ удочекъ (стр. 129), Францъ Бредероде, выгналъ изъ Роттердама партію рыбъ и Вильгельма фонъ-Рейкерсваале, котораго осенью 1488 г. Максимиліанъ назначилъ бургомистромъ. Вслѣдствіе всего этого Максимиліанъ долженъ былъ отправиться въ Голландію, гдѣ въ 1489 г. побѣдилъ своихъ враговъ, между тѣмъ какъ императоръ еще въ 1488 г. возвратился въ Австрію. Альбрехтъ Саксонскій, стоявшій во главѣ нѣмецкаго войска, едва-ли могъ бы что-нибудь сдѣлать, еслибъ французы продолжали помогать фламандцамъ; но именно въ это самое время политика ихъ приняла, какъ было сказано выше (стр. 261), другое направленіе, потому что регентша Франціи, не желая въ одно и то же время вести войну съ Англіей, Арагоніей и Германіей, считала полезнымъ заключить миръ съ Максимиліаномъ и Анной Бретанской. Въ 1489 г. французскій главнокомандующій Декердъ былъ во враждѣ съ бельгійскими демократами; фламандцы, брабантцы и французы боялись Альбрехта, грознаго не столько многочисленностью войска, сколько — по сознанію самихъ французовъ — единодушнымъ, быстрымъ и тайнымъ исполненіемъ своихъ плановъ. Регентша, узнавъ черезъ своихъ агентовъ, что нѣмецкіе князья, къ которымъ Максимиліанъ въ это время ѣздилъ, вооружаются серьезно, сочла за лучшее предупредить войну. Съ этой цѣлью она послала во Франкфуртъ на Майнѣ, куда Максимиліанъ со-

звалъ имперскій сеймъ, трехъ пословъ, въ сопровожденіи графа Энгельберта Нассаускаго, находившагося въ плѣну у французовъ. Максимиліанъ, озлобленный на французовъ, не хотѣлъ выслушать пословъ; но нѣмецкіе князья, которыхъ помощь была ему необходима, подкупленные Энгельбертомъ и послами, согласились на условія, предложенныя французами, и 22 іюля 1489 г. римскій король долженъ былъ принять миръ съ Франціей. Это еще болѣе усилило его ненависть къ Франціи, такъ что въ памятной книжкѣ, гдѣ онъ записывалъ всѣ продѣлки съ нимъ французовъ, онъ замѣтилъ, что ложью, гладкими рѣчами и подкупомъ они отняли у него побѣду, въ ту самую минуту, когда онъ былъ въ ней увѣренъ.

Миръ, заключенный во Франкфуртѣ между Максимиліаномъ и Карломъ VIII, былъ вѣнцомъ того коварнаго дипломатическаго искусства, въ которомъ постоянно упражнялся Лудовикъ XI и которое наслѣдовала отъ него его дочь. Судя по словамъ договора, Франція должна была содѣйствовать браку Максимиліана съ Анной Бретанской и женить Карла VIII на его невѣстѣ, дочери римскаго короля, Маргаритѣ, воспитывавшейся во Франціи; на самомъ же дѣлѣ регентша желала воспрепятствовать этимъ брачнымъ союзамъ и женить Карла на Аннѣ. Въ первомъ пунктѣ договора говорится, что Максимиліанъ долженъ съѣхаться въ Турнэ съ Карломъ—который названъ его зятемъ—для словеснаго окончанія спора по поводу герцогства Бургундіи и графства Шароле. Въ остальныхъ пяти статьяхъ, относящихся къ Фландріи, Карлъ обѣщаетъ римскому королю удовлетвореніе, которое онъ требовалъ отъ Гента и Брюгге, и освобожденіе герцога Орлеанскаго; за это Максимиліанъ даетъ полное прощеніе Филиппу Клеве. Наконецъ, седьмая и осьмая статьи обязываютъ французскаго короля возвратить все, завоеванное въ Бретани со смерти герцога Франциска II, но съ условіемъ, чтобы и англичане оставили герцогство; кромѣ того, города Сенъ-Мало, Фужеръ, Динанъ и Сентъ-Обенъ должны быть предоставлены принцу Оранскому и герцогу Бурбонскому до тѣхъ поръ, пока особая комиссія не рѣшитъ окончательно вопроса о нихъ. Бретанскія дѣла были рѣшены договоромъ такъ, что легко можно было предвидѣть, что послѣднія статьи его дадутъ поводъ совершенно уничтожить всѣ прочія условія, подобно тому какъ уничтожались многіе договоры въ наше время.

По окончаніи войны съ французами, Альбрехтъ и Максимиліанъ легко справились съ нидерландцами, постоянно враждовавшими между собою. Максимиліанъ созвалъ въ Лейденѣ своихъ приверженцевъ, подъ именемъ чиновъ Голландіи, и продолжалъ войну съ удочками, у которыхъ въ 1489 г. отнялъ Роттердамъ. Его счастіе въ Голландіи подѣйствовало на Филиппа Клеве и на фламандцевъ. Три главные города Флындріи заключили 1 октября 1489 г. договоръ, по которому Максимиліанъ, подтвердившій ихъ древнія привилегіи, былъ признанъ опекуномъ и регентомъ, получалъ въ вознагражденія убытковъ 300 тысячъ червонцевъ, а всѣ, засѣдавшіе въ совѣтѣ во время взятія его въ плѣнъ, должны были просить у него прощеніе на колѣняхъ и съ обнаженною головою. По заключеніи этого договора Максимиліанъ отправился въ Австрію, чтобы возстановить тамъ значеніе своего дома. Альбрехтъ же съ графомъ Нассаускимъ и княземъ Шиме остался намѣстникомъ Нидерландовъ и продолжалъ подчинять голландскихъ удочекъ. Его флотъ, состоявшій изъ тридцати восьми кораблей подъ начальствомъ Іана Эгмонта, окончательно покорилъ удочекъ 21 іюля 1490 г. и взялъ въ плѣнъ ихъ предводителя, Франца Бредероде, который нѣсколько недѣль спустя умеръ отъ ранъ. Герцогъ Альбрехтъ оставался императорскимъ намѣстникомъ въ Нидерландахъ до 1500 года, т. е. до смерти во Фрисландіи во время происходившихъ тамъ безпорядковъ.

3. Карлъ VIII французскій и Максимиліанъ I германскій въ 1490—1493 гг.

Молодая герцогиня Бретанская и ея приближенные все еще боялись, что ее насильно выдадутъ за д'Альбре, такъ какъ Анна находилась въ такомъ же положеніи въ Бретани, какъ Максимиліанъ во Фландріи. Поэтому она просила его пріѣхать въ Бретань и жениться на ней; но обстоятельства препятствовали этому, такъ что совѣтники Максимиліана придумали обвѣнчать его съ Анною черезъ уполномоченнаго

(per procurationem); эта церемонія, введенная въ употребленіе нѣмцами, была впослѣдствіи осмѣяна французами, и до сихъ поръ о ней не говорятъ безъ смѣха. Для совершенія ея былъ посланъ въ Бретань графъ Энгельбертъ Нассаускій съ Вольфгангомъ Польгаймомъ и кабинетнымъ секретаремъ Максиміліана, Гундебальдомъ. Они прибыли туда благополучно, и французское правительство покровительствовало имъ, такъ какъ они объявили, что имъ поручено слѣдить за исполненіемъ условій послѣдняго мирнаго трактата, касающихся Бретани. По прибытіи ихъ въ Реннъ, было немедленно устроено вѣнчаніе, но такъ секретно, что даже самыя довѣренныя лица ничего не знали о немъ, и намъ неизвѣстно, когда оно произошло. Когда герцогиня обвѣнчалась съ первымъ посломъ Максиміліана, Энгельбертомъ Нассаускимъ или — что вѣроятнѣе — съ принцемъ Оранскимъ, брачная церемонія, по разсказамъ французовъ, продолжалась слѣдующимъ образомъ. Герцогиня легла въ постель, подлѣ нея положили шпагу, къ которой представитель Максиміліана приложилъ свою голую ногу, держа въ рукѣ полномочіе своего государя. Этотъ смѣшной способъ вступать въ обладаніе своей невѣстой считался законнымъ совершеніемъ брака. Но такъ какъ Максиміліанъ не могъ лично пріѣхать въ Бретань, то французскіе юристы имѣли достаточно времени объявить все это дѣло недѣйствительнымъ. Французская регентша созвала королевскій совѣтъ, который, по совѣщаніи со всѣми знаменитыми канонистами и юристами королевства, постановилъ слѣдующее рѣшеніе по поводу бракосочетанія дочери перваго королевскаго вассала: герцогиня Бретанская, по несовершеннолѣтію и по вассальной зависимости отъ французской короны, не могла ни вступить въ бракъ, ни распоряжаться своимъ леномъ безъ согласія родныхъ и короля, своего сюзерена, и такъ какъ нѣмецкая церемонія ея бракосочетанія была нечто иное, какъ неприличная комедія, то этотъ мнимый бракъ долженъ считаться недѣйствителнымъ какъ въ гражданскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніяхъ. Рѣшеніе это было вскорѣ обнародовано офиціально.

Французскій дворъ рѣшился женить короля Карла, бывшаго еще очень юнымъ, щедушнымъ и кривобокимъ, на наслѣдницѣ Бретани, которая была гораздо старше его. Для приведенія въ исполненіе этого намѣренія обратились къ д'Альбре, который, со времени дипломатическаго бракосочетанія герцогини, потерялъ всякую надежду на полученіе ея руки. Его подкупили, и онъ измѣнилъ своему старому другу, маршалу де-Ріё, потому что ему было гораздо пріятнѣе видѣть герцогиню женою своего короля, чѣмъ Максиміліана. Маршалъ де-Ріё велъ тогда переговоры съ англичанами и хотѣлъ, овладѣвъ Нантомъ, гдѣ командовалъ д'Альбре, дать имъ возможность защититъ герцогиню и ея супруга, Максиміліана; но д'Альбре измѣнническимъ образомъ передалъ Нантъ французамъ (начало 1491 г.). Положеніе молодой герцогини въ Реннѣ стало опасно, и такъ какъ французы въ то же время задерживали въ Нидерландахъ ея супруга или, по ихъ выраженію, жениха, то предположенная ими цѣль была достигнута. Между тѣмъ Максиміліанъ испытывалъ то же несчастіе, которое преслѣдовало его всю жизнь: гоняясь за двумя зайцами, онъ упускалъ изъ рукъ выгоды и становился тѣмъ безсильнѣе и бѣднѣе, чѣмъ болѣе пріобрѣталъ владѣній и правъ. Чтобы доказать это, мы должны разсмотрѣть подробнѣе, какъ помогалъ Максиміліанъ своему отцу противъ венгровъ въ 1490 и 1491 гг.

На пути изъ Нидерландовъ въ Австрію, Максиміліанъ заѣхалъ въ Тироль, чтобы принять эту страну во владѣніе отъ своего стараго двоюроднаго брата Сигизмунда, который уже давно усыновилъ его. Старый Сигизмундъ постоянно ссорился съ депутатами своей страны за дурное управленіе его совѣтниковъ, которые совершенно овладѣли имъ; поэтому они давно признали Максиміліана его наслѣдникомъ, и Сигизмундъ самъ охотно уступилъ власть своему двоюродному брату. 18 марта 1490 г. они заключили между собою условіе, по которому Максимиліанъ получилъ графство Тироль, а Сигизмундъ съ женою — годовое содержаніе въ 52 тысячи дукатовъ (гульденовъ). Изъ Тироля Максиміліанъ отправился въ Австрію. Сюда его привлекло желаніе его отца пріобрѣсти венгерскую корону, которой не совсѣмъ благоразумно домогался и Максиміліанъ. Матфій Корвинъ еще въ 1463 г. завѣщалъ, въ случаѣ бездѣтной смерти своей, венгерскій престолъ императору Фридриху. Теперь онъ лежалъ при смерти больной въ Офенѣ и отправилъ къ Фридриху и Максиміліану въ Линцъ своего министра

и генерала, Іоганна фонъ-Просница епископа гросвардейнскаго; сверхъ того онъ выказалъ имъ дружеское расположеніе посылкою 400 бочекъ вина, 400 быковъ и 12 т. дукатовъ; онъ предлагалъ даже возвратить Нижнюю Австрію за 70 тысячъ гульденовъ военныхъ издержекъ. Этой суммой Фридрихъ могъ купить не только миръ и обладаніе потерянною страною, но, вѣроятно, и завѣщаніе, о которомъ было говорено. Но онъ былъ слишкомъ скупъ, тогда какъ сынъ его сорилъ деньгами, что всегда дѣлаютъ сыновья скупыхъ отцовъ. Фридрихъ надѣялся, что скорая смерть венгерскаго короля даромъ доставитъ ему потерянное. Но въ апрѣлѣ 1490 г. Матфій Корвинъ умеръ, прежде чѣмъ венгерскій сеймъ успѣлъ, по его желанію, собраться для выбора короля; тогда завоеванную часть Австріи пришлось возвращать оружіемъ, и сынъ императора долженъ былъ разстаться съ мечтою о пріобрѣтеніи венгерской короны.

По смерти Матфія, супруга его, Беатриса Неаполитанская и побочный сынъ его, Іоаннъ Корвинъ, враждовали между собою; избраніе же наслѣдника лежало на обязанности трехъ знатнѣйшихъ вельможъ государства,—Стефана Заполія, епископа Урбана Доци эрлаускаго и епископа гросвардейнскаго Іоанна фонъ-Просница, подъ властію котораго находились всѣ наемныя войска и черный легіонъ въ Моравіи и Силезіи. Эти лица устроили такъ, что выборъ кончился прежде заключенія мира съ императоромъ и его сыномъ и палъ на слабаго короля богемскаго, Владислава VII, привыкшаго къ олигархическому правленію вельможъ. Владиславъ былъ сынъ польскаго короля Казиміра IV и по смерти Георгія Подѣбрада былъ предпочтенъ его сыну, императору Фридриху и Максимиліану, потому что чешскіе вельможи не хотѣли обращать избирательное правленіе въ наслѣдственное и уменьшать свое собственное вліяніе. Онъ долженъ былъ вести за богемскую корону продолжительную войну съ Матфіемъ Корвиномъ и былъ наконецъ вынужденъ (1479 г.) уступить ему право носить титулъ короля богемскаго съ Моравіею и большею частью Силезіи. У него была также размолвка съ Фридрихомъ и Максимиліаномъ за то, что при избраніи послѣдняго въ римскіе короли, у него не спросили голоса; впрочемъ онъ скоро примирился съ ними. Въ Богеміи онъ безпрестанно долженъ былъ воевать то съ тѣмъ, то съ другимъ владѣтелемъ, и сверхъ того былъ тревожимъ враждою католическаго духовенства съ утраквистами. Впрочемъ, онъ управлялъ въ народномъ духѣ и признавалъ извѣстную независимость за поземельными владѣльцами и городами. Такой образъ правленія привлекъ къ нему, по смерти Матфія Корвина, венгерскихъ вельможъ. Они не желали имѣть королемъ человѣка могущественнаго и склоннаго къ самодержавію и старались удержать свою олигархическую конституцію, хотя при Матфіѣ испытали всѣ выгоды военно-монархическаго управленія, которое препятствовало злоупотребленіямъ знати и отражало турокъ. Три названные нами вельможи избрали Владислава, соперниками котораго были Іоаннъ Корвинъ и римскій король Максимиліанъ; они дѣйствовали при этомъ хитростію, деньгами и смѣлымъ нападеніемъ на друзей и войска Іоанна Корвина. Они откладывали избраніе, пока наконецъ дворянство, не имѣя средствъ оставаться долѣе въ избирательномъ лагерѣ, рѣшилось избрать изъ своей среды шестьдесятъ уполномоченныхъ, которымъ поручили избраніе короля и съ которыми, конечно, легче было справиться, чѣмъ со всѣмъ дворянствомъ. Послѣ этого они заставили Владислава обѣщать представителямъ ихъ партіи разныя привилегіи и владѣнія и тѣмъ подвинуть ихъ собрать сто тысячъ дукатовъ; этими деньгами Іоаннъ фонъ-Просницъ заплатилъ большую часть жалованья черному легіону, что побудило этотъ отрядъ присягнуть той партіи, которая была самой могущественной въ Венгріи. Послѣ этого, Іоаннъ, во главѣ черваго легіона, отправился въ Венгрію, разбилъ молодаго Корвина, прогналъ его съ избирательнаго поля и такимъ образомъ достигъ того, что 14 іюля 1490 г. Владиславъ былъ избранъ королемъ венгерскимъ. Вслѣдъ за тѣмъ, венгерскіе магнаты вынудили у короля разныя ограниченія и до того стѣснили его, что безъ ихъ согласія онъ не могъ жаловать болѣе ста крестьянъ.

Между тѣмъ Максимиліанъ собралъ небольшое войско (хотя отецъ его все-таки не давалъ на это денегъ), съ цѣлью отнять у венгровъ свои наслѣдственныя земли, которыми они завладѣли, и оружіемъ пріобрѣсти право на ихъ престолъ. Ненависть, которую венгры возбудили противъ себя въ Австріи, значи-

тельно облегчала ему выполненіе перваго намѣренія. Едва подошелъ онъ къ Нейбургу, какъ жители Вѣны выставили императорскаго орла и черезъ депутатовъ пригласили къ себѣ своего государя. 19 августа Максимиліанъ вступилъ въ Вѣну и овладѣлъ цитаделью, которую занимали 400 венгерцевъ. Первый приступъ его былъ, правда, отбитъ, и самъ онъ раненъ, но черезъ нѣсколько дней осажденные приняли выгодныя условія, предложенныя имъ Максимиліаномъ, и вышли изъ города. Послѣ этого онъ отнялъ у венгровъ еще нѣсколько городовъ и наконецъ вторгся въ самую Венгрію; но многіе изъ австрійскихъ городовъ и замковъ находились еще во власти непріятеля, какъ видно изъ условій мира, заключеннаго въ слѣдующемъ году. Максимиліанъ вступилъ въ Венгрію съ 18 т. войскомъ, шелъ безостановочно впередъ и въ ноябрѣ завоевалъ Штульвейсенбургъ. Въ то же время турки напали на Венгрію съ юга, а польскій отрядъ ворвался въ нее съ сѣвера. При взятіи Штульвейсенбурга швабы въ войскѣ Максимиліана дѣлали такія гнусныя жестокости, что всѣ возненавидѣли не только ихъ, но и ихъ господина, который самъ былъ въ очень скверномъ положеніи; онъ не могъ заплатить жалованья даже третьей части своего войска и съ часу на часъ ожидалъ возстанія своихъ собственныхъ солдатъ. Венгры отвергли всѣ его требованія и ожидали прибытія чернаго легіона. Поэтому въ декабрѣ онъ счелъ за лучшее удалиться въ Германію, надѣясь получить отъ имперскаго сейма армію противъ Венгріи.

Нѣмецкіе чины, собравшіеся въ апрѣлѣ 1491 г. въ Нюренбергѣ, долго разсуждали и спорили о томъ, какого рода помощь подать своему императору: дать ли ему деньги или войско; они никакъ не могли поладить и кончили тѣмъ, что не дали ни того, ни другаго. Такимъ образомъ нѣмцы остались и на этотъ разъ вѣрны себѣ; князья и владѣтели, которыхъ спрашивали вмѣсто народа, занимались на сеймѣ тѣмъ, что писали, ораторствовали и пили. Это позволило венграмъ голодомъ принудить къ сдачѣ осажденный ими Штульвейсенбургъ. 19 іюля 1491 г. городъ сдался на капитуляцію. Тогда Максимиліанъ рѣшился начать мирные переговоры. 8-го августа къ Владиславу явились австрійскіе послы; въ Пресбургѣ былъ собранъ конгрессъ, на которомъ 7 ноября состоялся договоръ, весьма важный для габсбургскаго дома. Изъ десяти статей его мы приведемъ только тѣ, которыя имѣютъ значеніе для исторіи шестнадцатаго столѣтія. По этимъ статьямъ Владиславъ VII и его мужескіе потомки признаются законными владѣтелями Венгріи; по прекращеніи же мужеской линіи права ихъ переходятъ къ Габсбургскому дому. Венгерскій сеймъ, поспѣшно созванный, утвердилъ это условіе. Кромѣ того, Максимиліанъ долженъ былъ получить обратно всѣ города и крѣпости, составлявшія родовую собственность его дома и находившіеся во власти венгровъ и, съ своей стороны, отдать все, завоеванное имъ въ Венгріи и Кроаціи. Далѣе, императору Фридриху было возвращено долговое обязательство въ сто тысячъ дукатовъ, данное имъ венграмъ. Наконецъ. Владиславъ обязался въ теченіе двухъ лѣтъ уплатить Габсбургскому дому сто тысячъ червонцевъ за военныя издержки и помочь ему пріобрѣсти богемскій престолъ.

Во время венгерской войны, въ Нидерландахъ снова произошли безпорядки. Альбрехтъ Саксонскій, графъ Нассаускій и князь Шиме дѣлали разныя притѣсненія при сборѣ пени не только во Фландріи, но и въ Брабантѣ и Геннегау; сверхъ того, чтобы имѣть возможность расплатиться съ своими войсками, они перечеканивали монету въ низшее достоинство и велѣли собирать во всѣхъ провинціяхъ деньги на содержаніе конницы. Бѣдность, распространенная повсемѣстно, усиливала всеобщее неудовольствіе. Въ трехъ провинціяхъ произошли даже возмущенія. Первыми поднялись фламандцы, когда правители, желая вынуть изъ обращенія дурную монету, приказали въ извѣстный срокъ сбавить на третью часть цѣнности стоимость червонцевъ. Всѣ должники спѣшили удовлетворить своихъ кредиторовъ ранѣе этого срока, и Максимиліана громко обвиняли въ томъ, что этою мѣрою онъ хотѣлъ свалить на народъ долги, надѣланные имъ и его пріятелями. Возстаніе началось въ Гентѣ, который больше всѣхъ терялъ отъ пониженія цѣнности денежныхъ знаковъ; отсюда оно быстро распространилось по всей Фландріи. Второе возстаніе произошло въ Кеннемерѣ и у фризовъ. Въ апрѣлѣ 1491 г. Іанъ Эгмонтъ, намѣреваясь взыскать деньги силою, велѣлъ публично казнить двухъ человѣкъ, которые возстали противъ него, и

вызвалъ этимъ общее сопротивленіе взиманію обременительнаго налога. Народъ собрался подъ знаменемъ, на которомъ вмѣсто герба были изображены сыръ и хлѣбъ, и къ концу 1491 г. занялъ Алькмаръ. Мятежниковъ назвали, по знамени, сырниками и хлѣбниками. Третье возстаніе было вызвано французами. Они подбили молодаго герцога Карла Гельдернскаго, бывшаго у нихъ въ плѣну (стр. 257), вторгнуться въ Гельдернъ, отнятый у него Максимиліаномъ, и дали ему тысячный обрядъ конницы. Къ нему присоединились Робертъ и Эбергардъ де-ля Марки, непримиримые враги Максимиліана, епископъ люттихскій и Рене II Лотарингскій.

Возбудивши такимъ образомъ междоусобную войну въ Нидерландахъ, французы воспользовались этимъ временемъ, чтобъ присоединить къ Франціи Бретань. Достиженію этой цѣли содѣйствовалъ герцогъ Лудовикъ Орлеанскій. Съ этимъ обстоятельствомъ тѣсно связано освобожденіе Карла VIII изъ-подъ опеки его сестры, Дамы де-Божё. Вторая сестра Карла, Іоанна, отличавшаяся необыкновеннымъ безобразіемъ, была насильно выдана Лудовикомъ XI за герцога Орлеанскаго и претерпѣла отъ него много горя. Ея мужъ давно пересталъ скрывать, что хочетъ развестись съ нею, чтобы жениться на Аннѣ Бретанской. Не смотря на это, Іоанна дружески обращалась съ нимъ и любила его. Когда въ 1488 г. Лудовикъ былъ взятъ въ плѣнъ (стр. 259), она три года дѣлила его судьбу, пока наконецъ, послѣ неутомимыхъ усилій, ей удалось выхлопотать ему свободу. Въ продолженіе этого времени она много разъ напрасно умоляла объ освобожденіи мужа свою сестру, регентшу, и наконецъ обратилась къ брату, молодому королю; въ траурной одеждѣ, съ распущенными волосами и въ слезахъ, она бросилась къ его ногамъ, и онъ исполнилъ ея просьбу, хотя сказалъ при этомъ, что, освобождая мужа, она готовитъ себѣ много горя *). Такимъ образомъ Іоанна дала своему брату поводъ сдѣлать первый шагъ къ освобожденію себя изъ-подъ опеки старшей сестры. Это былъ первый случай, когда Карлъ рѣшился противопоставить свою собственную волю волѣ регентши; онъ тайно удалился отъ нея, послалъ приказъ объ освобожденіи своего зятя и велѣлъ позвать его къ себѣ. Между ними произошла трогательная сцена примиренія; за нею послѣдовали еще двѣ такія же, когда король торжественно примирился съ своею старшею сестрою, оскорбленной освобожденіемъ Лудовика и нежеланіемъ брата оставаться подъ ея властію, а Лудовикъ Орлеанскій—съ мужемъ регентши. Герцогъ Орлеанскій, сдѣланный тогда намѣстникомъ Нормандіи, отказался отъ своей любви къ Аннѣ Бретанской, частію изъ патріотизма, частію изъ благодарности къ женѣ. Онъ даже помогъ убѣдить герцогиню Бретанскую согласиться на бракъ съ Карломъ VIII.

Едва англичане вышли изъ Бретани, какъ три отряда королевскаго войска заняли эту страну. Два первые, предводимые Ла-Тремуйлемъ и самимъ королемъ, направились прямо къ Ренну, гдѣ жила Анна. Герцогиня не имѣла никакой возможности защищать этотъ городъ, потому что люди, на которыхъ она возлагала всѣ свои надежды, а именно принцъ Оранскій, графъ Дюнуа, маршалъ де-Ріё и другіе, настоятельно умоляли ее согласиться на просьбу короля и тѣмъ обезпечить себѣ и своимъ подданнымъ права и преимущества, которыхъ нельзя было удержать иначе. Анна согласилась и послала принца Оранскаго къ королю, осаждавшему городъ. Онъ принялъ сдѣланныя ему предложенія и тотчасъ выказалъ свою власть въ странѣ, созвавъ въ Ваннѣ бретанскіе чины. Мѣсяцъ спустя (15 октября 1491 г.) въ реннскомъ предмѣстьи была заключена капитуляція, составленная такъ, что нѣмецкія войска и комисары, находившіеся въ Реннѣ, были обмануты, и Анна могла безъ труда отдѣлаться отъ нихъ. Въ условіяхъ капитуляціи говорилось, что Анна даетъ обѣщаніе выслать изъ Бретани всѣхъ иностранцевъ, но предоставляетъ себѣ право, отправляясь къ своему мужу въ Нидерланды, взять съ собою всѣхъ бретанцевъ, которые пожелаютъ слѣдовать за нею. Когда часть французскихъ войскъ вступила въ Реннъ, король

---

*) Fasse de ciel, que vous n'ayez jamais lieu de vous en repentir.

Карлъ отправился въ городъ и тайно обручился съ Анною. Скоро послѣ того, когда нѣмцы, окружавшіе герцогиню, думали, что она занята приготовленіями къ путешествію въ Нидерланды, она тайно оставила городъ въ сопровожденіи своихъ совѣтниковъ и канцлера и отправилась въ замокъ Ланже въ Турени, гдѣ ожидалъ ее король. Здѣсь былъ заключенъ брачный договоръ между Карломъ VIII и Анной, а затѣмъ послѣдовало бракосочетаніе (6 декабря). Король обѣщалъ ваннскому сейму сохранить конституцію, привилегіи и обычаи ихъ страны. По заключеніи брачнаго договора, Анна, единственная сестра которой умерла за годъ до того, сдѣлала распоряженіе на случай своей бездѣтной смерти, по которому передавала французскому королю герцогство Бретань, графство Нантъ и всѣ прочія свои владѣнія. За это король предоставилъ ей всѣ права на герцогство въ случаѣ, еслибъ онъ умеръ прежде ея; но Анна, кромѣ того, должна была обязаться не выходить впослѣдствіи замужъ ни за кого, кромѣ преемника Карла или,—если то было бы невозможно,—за ближайшаго наслѣдника престола, который въ такомъ случаѣ долженъ былъ присягнуть королю и уплачивать всѣ ленныя повинности и не могъ отчуждать свои владѣнія никому кромѣ короля. Анна и ея мужъ были очень несходны между собой во всѣхъ отношеніяхъ. Анна, отличавшаяся необыкновенной красотой и величественной осанкой, обладала энергіею и правительственными талантами; Карлъ же, напротивъ, былъ безобразенъ и гонялся за фантастическими планами.

Бракъ Карла и Анны вдвойнѣ оскорбилъ Максимиліана, потому что у него не только похитили жену, но и оскорбили въ лицѣ его дочери, Маргариты, которая, какъ невѣста короля, жила въ Парижѣ. Онъ тотчасъ же рѣшился отмстить за нанесенную ему обиду, но не могъ ожидать помощи ни отъ своего отца, ни отъ нѣмцевъ, ни отъ нидерландцевъ. Не смотря на это, онъ началъ войну съ Франціей, разсчитывая, что Генрихъ VII англійскій не допуститъ присоединенія Бретани къ французскому королевству. Но англійскій король былъ умнѣе Максимиліана, который всегда упускалъ то, что было у него въ рукахъ, гоняясь за чѣмъ нибудь другимъ, чего все-таки не могъ добиться. Генрихъ понималъ, что для войны всего нужнѣе деньги, въ которыхъ въ новое время заключается вся сила; поэтому онъ мало заботился объ извѣстномъ изреченіи Горація, которымъ постоянно руководствовался Максимиліанъ *), непонимавшій этой истины. Правда, Генрихъ соединился съ Максимиліаномъ противъ Франціи, потому что былъ также обиженъ; но онъ вовсе не заботился объ удовлетвореніи, а просто хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы вытребовать денегъ у своихъ подданныхъ и у французскаго короля, который уже мечталъ о походѣ въ Италію.

Максимиліанъ предоставилъ окончаніе переговоровъ съ Нидерландами герцогу Альбрехту Саксонскому, окончившему ихъ очень удачно, а самъ направилъ всѣ свои помыслы на Францію. Онъ отправилъ ко всѣмъ дворамъ пословъ, которые должны были поносить французовъ и распространять манифесты, гдѣ, по нѣмецкому обычаю, подробно доказывалось, что онъ во всемъ правъ, а французскій король кругомъ виноватъ. Кромѣ того, онъ послалъ графа Нассаускаго во Францію за дочерью и потребовалъ назадъ ея приданное, — графства Артуа и Бургундію. Французскій король далъ уклончивый отвѣтъ, потому что завелъ черезъ своего генерала Декерда интриги во Фландріи и разсчитывалъ на ихъ успѣхъ. Но онъ ошибся; фламандцы изъ патріотизма не согласились воспользоваться обидой, нанесенной ихъ государю. Только Филиппъ Клеве, занимавшійся морскими разбоями въ Слюйсѣ, принялъ предложеніе французовъ. Но вскорѣ онъ былъ до того стѣсненъ въ Слюйсѣ флотами Максимиліана и Генриха VII, что долженъ былъ бѣжать къ французамъ.

Между тѣмъ англійскій король давно уже началъ извлекать для себя пользу изъ отношеній Нидерландовъ къ Франціи. Уже въ іюлѣ 1491 г. онъ сдѣлалъ

*) Virtus populum falsis
Dedocet uti
Vocibus, regnum et diadema tutum
Deferens uni propriamque laurum,
Quisquis ingentes oculo irretorto
Spectat acervos.

воинственныя приготовленія и выжималъ деньги изъ графствъ своего королевства, подъ приличнымъ названіемъ добровольныхъ пожертвованій (benevelence). Въ октябрѣ того же года, прежде чѣмъ Карлъ овладѣлъ Бретанью, Генрихъ требовалъ и получилъ отъ парламента налогъ, чтобы наказать французскаго короля за его вѣроломство. Послѣ Рождества онъ склонилъ парламентъ издать цѣлый рядъ постановленій, по которымъ вассалы богатыхъ владѣтелей получили право слѣдовать за королемъ на войну безъ разрѣшенія своихъ сюзереновъ; сверхъ того, парламентъ обезпечилъ плату людямъ, которыхъ они примутъ на службу. Когда наконецъ въ маѣ 1492 г. онъ объявилъ о своемъ желаніи начать войну и помогъ выгнать изъ Слюйса Филиппа Клеве, то стало ясно, что онъ и теперь заботится только о томъ, чтобы подъ приличнымъ предлогомъ увеличить подати, платимыя народомъ, и взыскать побольше денегъ съ французовъ. Подъ разными предлогами онъ отсрочивалъ войну до октября, когда наконецъ 1500 англійскихъ кирасировъ (жандармовъ) и 25 тысячъ пѣхоты расположились передъ Булонью. Но и это было пустою комедіею, потому что въ то время, когда Максимиліанъ все еще возлагалъ надежду на Генриха, и когда англичане, изъ гордости и національной ненависти къ французамъ, мечтали о побѣдахъ своего короля во Франціи, онъ уже вошелъ въ переговоры съ французами, и 30 октября между Франціей и Англіей былъ заключенъ миръ. Чтобы какъ нибудь оправдаться передъ своими обманутыми подданными, Генрихъ обнародовалъ донесенія своихъ пословъ, изъ которыхъ оказывалось, что ни отъ Максимиліана, ни отъ арагонскаго короля, на помощь котораго также разсчитывали, нельзя было ничего ожидать. При заключеніи мира, Генрихъ, въ силу тайной статьи, получилъ значительную сумму денегъ; всѣ лица, имѣвшія на него какое-нибудь вліяніе, также были подкуплены щедрыми подарками. Сумма, полученная Генрихомъ, была бы значительна даже въ наше время. Она простиралась до 745 тысячъ гольдкронъ или талеровъ, или, другими словами, до 8,008,750 ливровъ, такъ какъ Гарнье, въ продолженіи исторіи Франціи Вильаре, вычислилъ, что гольдкрона 1492 года равняется десяти ливрамъ пятнадцати су французскихъ денегъ 1784 года. Въ главныхъ статьяхъ мирнаго трактата постановлялось, что французскій король долженъ заплатить Генриху не только долгъ Анны Бретанской въ 620 тысячъ кронъ, но и недоимку годоваго платежа, слѣдовавшаго отъ Лудовика XI Эдуарду IV (стр. 150) и составлявшую 120 тысячъ кронъ; обѣ эти суммы надлежало уплачивать ежегодно по 50 тысячъ фунтовъ. Относительно Максимиліана и его сына Филиппа было положено совершенно въ духѣ нынѣшней англійской политики, что Англія обязывается помогать этимъ государямъ въ случаѣ нападенія на нихъ, но оставитъ ихъ безъ всякой помощи, если нападеніе послѣдуетъ отъ нихъ.

Максимиліанъ въ теченіе всего 1492 г. безполезно хлопоталъ о полученіи отъ нѣмцевъ денегъ или войска. Нѣмцы и на этотъ разъ дѣйствовали, какъ всегда: они собирали одинъ сеймъ за другимъ, чтобы разсуждать о требованіяхъ Максимиліана; наконецъ согласились на такъ называемую малую смѣту для чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ и наложили налогъ на каждый очагъ; такимъ образомъ тяжесть податей по феодальному обычаю была возложена не на тѣхъ, кому она была по силамъ, а на тѣхъ, кто и безъ того былъ не въ мѣру угнетенъ. Напрасно Максимиліанъ приглашалъ манифестомъ: «наказать французскаго короля, причинившаго Австріи и всей нѣмецкой націи столько зла и п о з о р а»; онъ требовалъ, чтобы члены швабскаго союза обѣщали выставить 400 человѣкъ конницы и 1600 пѣхоты (мартъ 1493 г.). Поэтому, для него было счастіемъ, что французскій король съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда можно будетъ начать походъ въ Италію, и что въ маѣ 1493 г. граждане Арраса, главнаго города графства Артуа, воспользовались неосторожностью французскаго генерала Декерда, чтобы передать городъ римскому королю. Стремясь начать походъ въ Италію, Карлъ предложилъ своему противнику выгодныя условія, на основаніи которыхъ 23 мая 1493 г. былъ заключенъ миръ въ Санли. По этому миру, Карлъ обязывался не только доставить на свой счетъ въ Нидерланды дочь Максимиліана, Маргариту, но и возвратить ему Артуа и графства Шароле, Нойе и Бургундское, за исключеніемъ городовъ Турне, Мортани и Сентъ-Амана, которые навсегда остаются за Франціей, и городовъ: Гедена, Эра и Бетюна, которые остаются за нею до совершеннолѣтія сына Максимиліана,

Филиппа. Четырнадцатилѣтняя принцесса Маргарита была впослѣдствіи такъ же несчастна замужемъ, какъ прежде невѣстою. Черезъ четыре года по возвращеніи изъ Франціи она вышла замужъ за Донъ-Хуана, наслѣдника Кастиліи, а когда онъ вскорѣ умеръ,—за герцога Филиберта Савойскаго; послѣ четырехлѣтней счастливой жизни, она потеряла и этого мужа, и такимъ образомъ на двадцать четвертомъ году жизни была уже вторично вдовою. Послѣ этого она уже не выходила замужъ. При Карлѣ V, въ качествѣ правительницы Нидерландовъ, она прославилась политическимъ тактомъ и мудрымъ управленіемъ.

Черезъ три мѣсяца послѣ санлисскаго мира императоръ Фридрихъ III умеръ на семьдесятъ восьмомъ году жизни (августъ 1493 г.). Старикъ, не смотря на свои лѣта, имѣлъ, должно быть, очень здоровый аппетитъ; онъ умеръ отъ кроваваго поноса, потому что съѣлъ за разъ восемь дынь. Сынъ его, Максиміліанъ, сдѣлался императоромъ и возобновилъ вражду съ Карломъ VIII французскимъ, когда послѣдній началъ свой давно желанный походъ въ Италію.

4. Обстоятельства, находящіяся въ непосредственной связи съ походомъ Карла VIII въ Италію.

Карлъ VIII французскій былъ постоянно занятъ гордыми планами и поэтическими мечтаніями о королевскомъ величіи. Онъ мечталъ о подвигахъ Цезаря, жилъ въ воображеніи съ паладинами Карла Великаго и тѣшилъ свой слабый разумъ баснословными разсказами объ Александрѣ Великомъ, о Троѣ и о королѣ Артурѣ, которыхъ на разные лады воспѣвали современные ему поэты. Самый походъ въ Италію былъ романтической выдумкой его слабаго ума, зараженнаго сумасбродными мечтаніями о великихъ подвигахъ. Походъ этотъ стоилъ ему громадныхъ денегъ въ ущербъ его народу. Онъ заплатилъ, какъ мы видѣли, большую сумму англійскому королю за миръ, возвратилъ Максимиліану значительныя области и уступилъ королю кастильскому и арагонскому весьма важныя пріобрѣтенія своего отца за обѣщанія, которыя Фердинандъ заранѣе рѣшился не исполнять. Въ январѣ 1493 г. онъ заключилъ съ Фердинандомъ Католикомъ договоръ, по которому отдавалъ ему графства Руссильонъ и Сердань, взятыя въ залогъ его отцомъ въ 1462 г. (стр. 203); при этомъ онъ не получилъ ни денегъ, данныхъ Лудовикомъ XI, ни иного вознагражденія; вся выгода, пріобрѣтенная имъ, состояла въ томъ, что онъ и Фердинандъ обязались помогать другъ другу противъ всякаго, кромѣ папы.

Карлъ хотѣлъ силою осуществить наслѣдственныя права своего отца на отдаленныя государства. Права эти заключались не только въ правахъ старшаго и младшаго домовъ Анжу на Неаполь, но и въ пріобрѣтенномъ первымъ, впрочемъ совершенно ничтожномъ, правѣ на латинскую имперію и греческое царство (т. III, стр. 128). Лудовикъ XI, по своей практической и прозаической натурѣ, никогда не думалъ объ этихъ правахъ и не искалъ почестей тамъ, гдѣ нельзя было разсчитывать на выгоду; сдѣлавшись, по завѣщанію Карла Менскаго, наслѣдникомъ младшаго дома Анжу, онъ овладѣлъ только Меномъ, Анжу и Провансомъ, оставивъ безъ вниманія права на земли, лежащія по ту сторону Альпъ (стр. 141). Его дочь, регентша, также благоразумно предпочитала присоединеніе Бретани всякому пріобрѣтенію земель гдѣ-нибудь на лунѣ. Но Карлъ VIII, цѣнившій все полезное и практическое ниже рыцарскаго, романтическаго и поэтическаго, началъ добиваться древнихъ правъ и думалъ воспользоваться важной перемѣной, происшедшей тогда въ Миланѣ и Неаполѣ.

Перемѣна эта произошла вслѣдствіе смерти двухъ человѣкъ: папы Иннокентія VIII, умершаго въ іюлѣ 1492 г., и Лоренцо Великолѣпнаго, въ апрѣлѣ того года; наслѣдники ихъ не только отказались отъ союза съ Лудовико Моро Миланскимъ, но примкнули къ Неаполю и этимъ возбудили въ миланскомъ узурпаторѣ зависть и безпокойство. Новый папа, кардиналъ Родриго Борджіа, испанецъ изъ Валенсіи, принялъ имя Александра VI. Онъ обезсмертилъ себя своими безбожными и безчеловѣчными принципами, неслыханнымъ развратомъ и безразсуднымъ воспитаніемъ своихъ многочисленныхъ сыновей и дочерей, которые также

прославились убійствами, грабежами, развратомъ и кровосмѣшеніемъ. О его распутной и порочной жизни, о его дворѣ и дѣтяхъ мы имѣемъ почти столько же подробныхъ свѣдѣній, какъ и о французскомъ правительствѣ въ началѣ XVIII столѣтія и о частной жизни Лудовика XV въ половинѣ того же вѣка. Два человѣка разсказали намъ совершенно хладнокровно и спокойно, какъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, о возмутительныхъ поступкахъ Александра VI и его приближенныхъ; эти два человѣка были: государственный секретарь римскаго сената и народа (senatus populique Romani) Стефани Инфессура и церемоніймейстеръ Александра, Іоганнъ Буркардъ, тайный дневникъ котораго сдѣлался извѣстенъ лишь въ позднѣйшее время. Хотя наше время любитъ скандалы, но мы должны пользоваться этими богатыми источниками съ большою осторожностію. Умолчать, во избѣжаніе соблазна, о многомъ существенно-важномъ мы считаемъ себя невправѣ, но смѣло можемъ выпустить все оскорбительное для цѣломудреннаго уха и опасное для чистой души. Мы постараемся только изобразить нравы тогдашней образованной и богатой итальянской аристократіи, духовной и свѣтской, и поэтому обратимъ вниманіе лишь на такіе факты, изъ которыхъ читатель можетъ видѣть, что богатство, образованность и высокая цивилизація бываютъ всегда опасны для нравственности.

Александръ VI былъ сынъ Изабеллы Борджіа, сестры папы Каликста III, который сдѣлалъ его кардиналомъ (стр. 228) и въ царствованіе котораго онъ игралъ постыдную роль. Упомянутые нами выше, совершенно достовѣрные авторы дневниковъ и другіе писатели, вовсе не враждебные къ католической церкви, прямо говорятъ, что онъ былъ худшій изъ кардиналовъ и былъ избранъ папою только потому, что подкупилъ голоса при помощи огромныхъ богатствъ, пріобрѣтенныхъ имъ при Каликстѣ, и обѣщаніями разныхъ графствъ, чиновъ и должностей. У него было много дѣтей, отчасти уже давно извѣстныхъ въ Римѣ; онъ воспитывалъ ихъ такъ, какъ обыкновенно воспитываютъ знатныхъ дѣтей. Предшественникъ Александра также всѣми способами обгащалъ своего сына, Франческино Чибо, и прочихъ своихъ родственниковъ; но Франческино отказался впослѣдствіи отъ всѣхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ на счетъ церкви, кромѣ графства Ферентилло; и хотя домъ Чибо владѣлъ потомъ Массою и Каррарою, но эти владѣнія Франческино взялъ за женою, Риккардою Маласпина. Изъ дѣтей Александра болѣе других извѣстны четверо, прижитые имъ съ женою одного римлянина, Ванноціей, знаменитой по красотѣ, наглости и геніальному пренебреженію нравственности и религіи. Эти четверо дѣтей Александра были: Цезарь Борджіа, дьявольскую политику котораго хвалитъ даже Маккіавелли, считая ее патріотизмомъ; Іоаннъ, которому отецъ доставилъ герцогство Гандійское въ Испаніи, Готфридъ и наконецъ дочь Лукреція, осквернившая свое цѣломудренное имя нецѣломудреннымъ поведеніемъ, достойнымъ какой нибудь Семирамиды или Мессалины. Съ самаго начала своего правленія Александръ старался надѣлить свое семейство церковными имѣніями. Двое изъ кардиналовъ, Іоаннъ Медичи и Юліанъ делла-Ровере (которые впослѣдствіи были папами, одинъ подъ именемъ Льва X, другой — подъ именемъ Юлія II), могли, казалось, помѣшать ему въ этомъ намѣреніи; но первый былъ еще очень молодъ и потому не опасенъ, а второй, котораго Александръ хотѣлъ тайнымъ образомъ извести, бѣжалъ во Францію, увидѣвъ, что кардиналы, подкупленные Александромъ, отправились одинъ за другимъ на тотъ свѣтъ отъ отравы, доведенной въ то время въ Италіи до совершенства.

Поводомъ къ союзу папы Александра VI и сына Лоренцо Великолѣпнаго, Петра Медичи, съ владѣтелемъ неаполитанскаго королевства былъ поступокъ Лудовико Моро съ его племянникомъ, молодымъ герцогомъ Миланскимъ. Лудовико Моро держалъ своего племянника, Іоанна Галеаццо, въ сторонѣ отъ правленія, хотя тотъ уже достигъ двадцатилѣтняго возраста. Лудовико забралъ въ свое распоряженіе всѣ сокровища Сфорцовъ, всѣ миланскія войска и занялъ всѣ крѣпости герцогства. Жена молодаго герцога, внучка неаполитанскаго короля, обращалась къ своему дѣду и отцу съ убѣдительной просьбой освободить ее съ мужемъ изъ плѣна, въ которомъ они находились. Они сначала медлили, не желая нарушать продолжительнаго мира Италіи, но наконецъ соединились съ Петромъ Медичи и просили Лудовико Моро черезъ пословъ освободить

Іоанна Галеаццо. Лудовико далъ уклончивый отвѣтъ; но, узнавъ случайно, что Фердинандъ и Петръ Медичи соединились противъ него, отправилъ пословъ къ французскому королю Карлу VIII и предлагалъ ему большія суммы, чтобы побудить его къ походу въ Неаполь. Новый папа не измѣнилъ сначала, подобно Петру Медичи, прежнему союзу съ Лудовико Моро. Согласно съ политикой своихъ предшественниковъ, онъ присоединился къ Лудовико и предложилъ даже французскому королю поддержать притязанія дома Анжу на Неаполь. Но по смерти Фердинанда, сынъ и наслѣдникъ его съумѣлъ измѣнить политику Александра, указавъ ему на выгодную перспективу, открывавшуюся для его сыновей.

Фердинандъ умеръ 25 января 1494 г. Преемникъ его, Альфонсъ II, не обладалъ никакими достоинствами, которыя въ Фердинандѣ вознаграждали за военный деспотизмъ, гнетъ и жестокость, особенно въ странѣ, гдѣ кротость считалась слабостью. Фердинандъ былъ научно образованъ и раздѣлялъ любовь своихъ современниковъ къ наукѣ и искусству; ученые, какъ Лоренцо Вала и Антоніо Панормита (т. III, стр. 682, 695), находились у него на службѣ; онъ самъ написалъ нѣсколько рѣчей и писемъ, которыя были впослѣдствіи (1586 г.) напечатаны и даютъ ему почетное мѣсто въ ряду ораторовъ и ученыхъ его времени. Онъ отчасти изцѣлилъ раны, нанесенныя странѣ междоусобной войной и нищетой, и въ его царствованіе возвратились хваленыя времена его отца, Альфонса. Своимъ сыновьямъ онъ далъ такое воспитаніе, какого, къ сожалѣнію, нынѣшніе принцы не получаютъ. Одинъ изъ сыновей Фердинанда, Федерико, былъ человѣкъ весьма образованный и даже ученый, а другой, котораго Сикстъ IV сдѣлалъ кардиналомъ, прославился подъ именемъ кардинала арагонскаго въ числѣ покровителей искусства; только старшій сынъ его остался невѣжественнымъ и грубымъ солдатомъ. Финансы Фердинанда находились въ цвѣтущемъ состояніи вслѣдствіе конфискацій, которыми онъ коварнымъ образомъ поражалъ богатѣйшихъ бароновъ своего королевства. Впрочемъ деньги, безчестно нажитыя, онъ употреблялъ на пользу своей прекрасной страны и ея городовъ. Имѣя деньги, Фердинандъ могъ содержать армію, что, какъ всего лучше доказываетъ исторія Германіи, было невозможно для большей части тогдашнихъ государей, стѣсненныхъ феодальными чинами, содержавшими ихъ весьма скудно. Мы не будемъ разбирать, выгодно или не выгодно было для свободы неаполитанцевъ благосостояніе ихъ короля; впрочемъ, итальянскіе наемники, изъ которыхъ состояла неаполитанская армія, были далеко ниже французскихъ войскъ Карла VIII, хотя Фердинанду служили знаменитѣйшіе полководцы слѣдующаго двадцатилѣтія: Вирджиніо, Джакопо Тривульціо, Просперо и Фабричіо Колонна, графъ Питильяно и другіе, о которыхъ мы будемъ часто упоминать.

При смерти Фердинанда, Карлъ VIII, котораго въ 1493 г. обстоятельства еще задерживали во Франціи, готовился къ походу въ Италію для поддержанія своихъ правъ въ Неаполь, доставшихся ему отъ Анжу. Лудовико Моро и папа Александръ VI просили его настоятельно объ этомъ. Впрочемъ, король Альфонсъ II вскорѣ переманилъ папу на свою сторону, давъ ему ленную присягу за Неаполь и все, чего онъ требовалъ для своихъ дѣтей *). Поэтому Карлъ, узнавъ о союзѣ Александра съ Альфонсомъ, отправилъ посольство къ венеціанцамъ, чтобы пріобрѣсти въ нихъ поддержку.

Лейбъ-медикъ Карла, Александръ Бенуа, утверждаетъ, что Лудовико Моро,

---

*) Стефано Инфессура совершенно спокойно, сухо и не переводя духу, разсказываетъ о томъ, что Александръ VI сначала побуждалъ императора Максимиліана изгнать короля Фердинанда и поддерживалъ Карла VIII въ намѣреніи заявить свои права на Неаполь, а потомъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы отклонить ихъ отъ этого похода. E lo papa con Alphonso fisse patte et parentele id est che un figliuolo suo bastardo diede per marita alla figlia del detto duca de Calabria. E lo papa li promise di coronarlo nel detto reame, e assettate, che furono intra loro le cose lo papa mando dire al re di Francia che non venisse, perche in Roma era grande peste, e che dubitava dello stato suo. Item, che in Roma era grande fame. (Папа заключилъ съ Альфонсомъ договоръ и родственный союзъ, женивъ своего побочнаго сына на дочери герцога Калабрійскаго. Папа обѣщалъ ему короновать его и условился съ нимъ, что пошлетъ сказать французскому королю, чтобы онъ не приходилъ, потому что въ Римѣ сильная чума, такъ что онъ за него опасается и что въ Римѣ сильный голодъ.

Геркулесъ I Феррарскій, кардиналъ делла-Ровере и одна изъ партій, враждовавшихъ въ Генуѣ за господство, поддерживали сумасбродные завоевательные планы короля и побуждали его къ походу. Но Филиппъ де-Коминъ приводитъ другія обстоятельства, привлекавшія короля въ Италію, въ томъ числѣ надежду, внушенную ему, что неаполитанцы покинутъ Альфонса II въ рѣшительную минуту. Надежда эта основывалась на томъ, что сыновья князя Бизиньяно и Антоніо Сансеверино, князь Салерно, бѣжавшіе отъ кровавыхъ преслѣдованій Фердинанда и Альфонса (стр. 247), состояли въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ неаполитанскими баронами; они убѣжали переодѣтые въ Венецію и, по совѣту венеціанскаго сената, отправились къ королю Карлу. При французскомъ дворѣ находились въ то время два человѣка темнаго происхожденія, имѣвшіе большое вліяніе на короля; они заключили между собой формальный союзъ, который даже скрѣпили клятвою, обязавшись поддерживать другъ друга и сообща управлять королемъ. Одинъ изъ нихъ, Этіенъ де-Векъ, сперва камердинеръ короля, а потомъ сенешалъ бокерскій и сеньёръ де Гримо, а другой—Гильомъ Бриссоне, бывшій при Лудовикѣ XI однимъ изъ шести оберъ-интендантовъ финансовъ и сдѣлавшійся, по смерти своей жены, епископомъ Сенъ-Мало и министромъ финансовъ (chef et surintendant des finances). Неаполитанскіе эмигранты прибѣгнули къ нимъ, чтобъ приготовить короля къ пріему блестящаго посольства Лудовико Моро и папы Александра, въ то время еще не заключавшаго союза съ Неаполемъ. Не смотря на сопротивленіе прочихъ совѣтниковъ, имъ удалось побудить короля заключить съ Лудовико Моро договоръ, которымъ онъ обязался выступить противъ Неаполя. Дѣло впрочемъ держалось въ тайнѣ; офиціально ограничились тѣмъ, что отправили пословъ ко всѣмъ итальянскимъ дворамъ собрать точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ. Карлъ обѣщалъ Лудовико Моро выступить въ Италію лично, во главѣ значительнаго войска, завоевать неаполитанское королевство и отдать миланскому владѣтелю княжество тарентское. Лудовико Моро съ своей стороны обязывался дать французскому королю взаймы 200 т. дукатовъ на военныя издержки, свободный пропускъ черезъ миланскую область, вспомогательный отрядъ въ 500 чел. конницы (gens d'armes) и позволеніе снарядить въ генуезской гавани нужное число галеръ.

Прежде чѣмъ войско Карла перешло Альпы, Лудовико Моро получилъ отъ императора Максимиліана имперскій титулъ по герцогству миланскому, подобно тому какъ прежде Висконти пріобрѣлъ отъ императора Венцеслава княжескій титулъ (т. III, стр. 462). Нищій императоръ, обремененный долгами, согласился за 400 т. дукатовъ деньгами и 40 т. драгоцѣнными камнями жениться на Біанкѣ-Маріѣ, сестрѣ несчастнаго племянника Моро; свадьба произошла 16 марта 1494 г. въ Инспрукѣ. Тогдашняя аристократія порицала этотъ бракъ, негодуя, что императоръ изъ-за денегъ женился на внучкѣ мужика; но дѣло это имѣло другую сторону, еще болѣе позорную для Максимиліана, но которая обнаружилась только впослѣдствіи. Императоръ обязался по выплатѣ этой суммы отдать Лудовико въ ленъ герцогство его племянника, на томъ основаніи, что Миланъ — выморочный ленъ, возвратившійся къ имперіи, такъ какъ три послѣдніе герцога не получили императорскаго утвержденія.

Французскій король обнаружилъ свои замыслы на Неаполь посольствами, отправленными во Флоренцію и Венецію, и сборомъ войскъ, въ томъ числѣ 6 т. швейцарцевъ, стоившихъ 20 т. итальянскихъ кондотьери. Поэтому Альфонсъ неаполитанскій и папа Александръ искали посторонней помощи. Они обратились къ турецкому султану. Подобный поступокъ былъ въ то время неслыханною вещью и считался столь же позорнымъ для государя, какъ для частнаго лица союзъ съ дьяволомъ, въ которомъ тогда многихъ упрекали. При этомъ папа поступилъ съ однимъ принцемъ, отдавшимся ему подъ защиту, еще хуже, чѣмъ Максимиліанъ съ несчастнымъ герцогомъ Миланскимъ; императоръ обѣщалъ только не препятствовать преступленію, которое должно было совершиться, а папа обязался совершить его самъ.

5. Походъ Карла VIII въ Италію.

Союзу злѣйшаго врага христіанской вѣры съ верховнымъ главою христіанства способствовало то обстоятельство, что претендентъ на турецкій престолъ, бывшій съ 1481 г. грозою султана, находился во власти папы. Султанъ Мухаммедъ II умеръ, какъ извѣстно, 6 мая 1481 г. послѣ неудачнаго нападенія на Родосъ, и оставилъ двухъ сыновей: Баязета II и Джема (извѣстнаго въ Европѣ подъ именемъ Зизима); изъ нихъ первый былъ пашою амазійскимъ, а второй — караманскимъ. Право первородства неизвѣстно на востокѣ. Притомъ Мухаммедъ не заботился о выполненіи изданнаго имъ жестокаго закона, по которому по смерти султана всѣ братья его наслѣдника должны предаваться смерти. Джемъ, какъ намѣстникъ провинціи, имѣлъ подъ своимъ начальствомъ войска и потому могъ оспаривать власть у своего брата. Великій визирь, знавшій слабости Джема и надѣявшійся управлять имъ, объявилъ себя за Баязета, но втайнѣ содѣйствовалъ Джему; онъ былъ впрочемъ убитъ въ мятежѣ янычаровъ, вспыхнувшемъ при смерти Мухаммеда, что случалось при всякой перемѣнѣ правительства; войско провозгласило Баязета султаномъ. Междоусобная война, начавшаяся между братьями, не могла быть продолжительною, такъ какъ могущество и военныя способности ихъ были слишкомъ неравны. Баязетъ II одержалъ рѣшительную побѣду, и братъ его долженъ былъ бѣжать въ Египетъ.

Этимъ побѣгомъ начинается печальный романъ жизни Джема. На всемъ пути черезъ Сирію и Палестину, его принимали какъ принца и оказывали всякія почести; мамелюки, господствовавшіе въ Египтѣ, отвели сыну величайшаго магометанскаго государя и всей его свитѣ помѣщеніе, приличное его сану, и окружили почетомъ и попеченіями. Онъ ходилъ на богомолье въ Мекку и Іерусалимъ и чрезъ восемь мѣсяцевъ многіе недовольные вельможи предложили ему возобновить войну съ братомъ. Онъ согласился на это предложеніе и, прибывъ 6 мая 1482 г. въ Алеппо, собралъ войско, съ которымъ двинулся въ Малую Азію и дошелъ до окрестностей Ангоры; но когда одинъ изъ призвавшихъ его вельможъ потерпѣлъ пораженіе, ему пришлось или принять условія брата, или бѣжать за границу. Условія, предписанныя султаномъ, были таковы, что принять ихъ не было никакой возможности; поэтому уже 8 іюня онъ бѣжалъ къ его врагамъ въ Родосъ.

Родосскіе рыцари приняли его съ почетомъ и торжествомъ, но когда султанъ предложилъ имъ за выдачу брата выгодныя условія, они не сочли благоразумнымъ позволить принцу оставаться на Родосѣ. Чтобы согласить обязанности гостепріимства съ отношеніями къ могущественному сосѣду, они рѣшились удалить Джема, отославъ его во французское пріорство ордена. Случай этотъ доказалъ, что великодушіе высокородныхъ воинственныхъ рыцарей ордена было не выше великодушія молящихся и постящихся простыхъ монаховъ. Джемъ долженъ былъ заключить съ гросмейстеромъ договоръ, которымъ обязался вознаградить орденъ по вступленіи на турецкій престолъ за благодѣяніе и доброе расположеніе, оказанныя ему. Онъ обѣщалъ открыть флотамъ ордена всѣ гавани, каждый годъ безъ выкупа отпускать на волю триста христіанскихъ рабовъ и выплатить ордену полтораста тысячъ гульденовъ за издержки по пребыванію его на Родосѣ. Другой договоръ, заключенный орденомъ почти одновременно съ Баязетомъ II, былъ еще постыднѣе; рыцари обязались не давать бѣглецу полной свободы. Орденъ отправилъ въ Константинополь посольство, а султанъ послалъ на Родосъ уполномоченнаго, который заключилъ съ гросмейстеромъ договоръ; гросмейстеръ обѣщалъ держать принца во Франціи подъ надзоромъ, за что султанъ долженъ былъ платить ежегодно 45 тысячъ дукатовъ.

16 октября Джемъ съ своею свитою высадился въ Ниццѣ. Вскорѣ онъ убѣдился, что, не смотря на свободу, которой онъ, повидимому, пользовался, рыцари держать его въ плѣну. Дорогою въ Руссильонъ, гдѣ было пріорство ордена, его провожало множество рыцарей; въ городахъ, принадлежавшихъ имъ, его держали подъ надзоромъ, а свиту его еще дорогой насильно разлучили съ нимъ. Баязетъ II былъ такъ доволенъ, что рыцари содержатъ его брата какъ плѣнника, что по-

дарилъ имъ за это правую руку св. Іоанна Крестителя, принятую въ Родосѣ съ церковною и свѣтскою пышностью, какъ мощи 1-го разряда. По достовѣрнымъ извѣстіямъ о судьбѣ и приключеніяхъ несчастнаго Джема, сообщаемымъ Гаммеромъ во второмъ томѣ его «Османской исторіи», видно, что гросмейстеръ д'Обюссонъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ постыдно барышничалъ заключеніемъ принца, котораго содержалъ въ особой башнѣ, выстроенной нарочно для него. Султанъ пересталъ довѣрять рыцарямъ и обратился черезъ пословъ къ французскому королю, прося его взять бѣглеца отъ гросмейстера и выдать ему. Но выдача Джема не совпадала съ планомъ Карла VIII относительно Константинополя. Такимъ образомъ турецкіе послы не достигли своей цѣли. За то папа Иннокентій VIII предложилъ взять принца къ себѣ въ Римъ. Для Карла это было очень удобно, а гросмейстеръ, зависѣвшій отъ него, долженъ былъ согласиться на пересылку Джема въ Римъ.

Въ замѣнъ 45 т. дукатовъ, ежегодно получаемыхъ орденомъ съ султана, папа предоставилъ ордену много новыхъ льготъ и преимуществъ и пожаловалъ гросмейстеру д'Обюссону кардинальскую шапку. Джемъ прибылъ въ Римъ 14 марта 1489 г., заѣхавъ сперва къ сыну папы, Франческино Чибо; онъ поселился въ Ватиканѣ, гдѣ ему было свободнѣе и лучше, чѣмъ въ башнѣ д'Обюссона. Хотя черезъ три года, по смерти Иннокентія, его перевели въ замокъ св. Ангела, но возвратили въ Ватиканъ тотчасъ по избраніи Александра VI. Новый папа, торговавшій всѣмъ на свѣтѣ, былъ не прочь продать султану жизнь своего плѣнника. Онъ вступилъ въ союзъ съ Баязетомъ и даже отправилъ въ Константинополь посольство, чего до тѣхъ поръ не смѣлъ дѣлать ни одинъ папа. За ежегодную плату въ 40 тысячъ дукатовъ, онъ соглашался держать принца подъ надзоромъ, а за единовременный взносъ въ 300 тысячъ—лишить его жизни. Мы не осмѣлились бы утверждать съ авторомъ «Жизни Льва X», Роско, что могъ существовать папа, предлагавшій султану помочь за деньги спровадить на тотъ свѣтъ его брата, еслибы не имѣли передъ глазами корреспонденціи Александра съ Баязетомъ, найденной въ 1759 г. въ Безансонѣ Беленомъ и переданной французскому государственному секретарю. Между папою и султаномъ еще шли переговоры, когда Карлъ VIII вступилъ въ Римъ.—

Всѣ благоразумные люди порицали походъ Карла въ Италію. Филиппъ Коминъ, снова призванный тогда на дипломатическое поприще и служившій королю съ пользою въ Италіи, говоритъ, что Карлъ ни съ кѣмъ не совѣтовался *). Это предпріятіе не было еще рѣшено окончательно, когда Карлъ уже набралъ войско; онъ нанялъ восемь тысячъ швейцарцевъ и созвалъ рыцарей на блестящій турниръ въ Ліонъ. Коминъ говоритъ, что приказы то издавались, то отмѣнялись, пока наконецъ 23 августа 1494 г. было внезапно приказано выступать въ походъ.

На время своего отсутствія король предоставилъ управленіе государствомъ герцогу Бурбонскому и его женѣ, своей сестрѣ, которая была регентшей во время его малолѣтства. Герцога Орлеанскаго онъ послалъ въ Марсель, а оттуда въ Геную, чтобы дѣйствовать противъ неаполитанцевъ съ моря. Король имѣлъ значительную армію; говорятъ, что тридцатитысячная армія его въ Тосканѣ возрасла до шестидесяти тысячъ человѣкъ. Но за то онъ страдалъ въ самомъ началѣ похода недостаткомъ денегъ. Чтобы продолжать походъ, Карлъ былъ принужденъ занять въ банкѣ Соли, въ Генуѣ, сто тысячъ дукатовъ, за 14 тысячъ дукатовъ процентовъ въ четыре мѣсяца; кромѣ того онъ взялъ у одного миланскаго банкира еще пятьдесятъ тысячъ; эту сумму онъ получилъ, благодаря посредничеству Лудовико Моро и за поручительствомъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ Филиппа Комина **). Но занятыхъ суммъ хватило не надолго; уже въ Туринѣ у Карла было такъ мало денегъ, что онъ выпросилъ у герцогини Савойской ея драгоцѣнныя вещи и заложилъ ихъ за 12,000 червонцевъ ***). Сойдясь съ моло-

---

*) Tout homme sage et raisonnable blasmoit l'allée de par de là par plusieurs raisons et par estre là sur les champs au mois d'Aoust sans argent et sans autres choses nécessaires.

**) Et y fut pour ma part pour six mille ducats.

***) Il emprunta les bagues de Madame de Savoye, fille du feu marquis de Monferrat et veufve du duc Charles de Savoye, et les mit en gage pour douze mille ducats.

дою маркграфинею Монферратской, дочерью сербскаго князя, онъ заложилъ за ту же сумму и ея брилліанты.

Несчастный Іоаннъ Галеаццо Сфорца былъ очень боленъ (вѣроятно, отъ медленнаго яда) и заключенъ съ женою и дѣтьми въ павійской цитадели. Когда Карлъ прибылъ въ Павію, къ нему явился Лудовико Моро. Нѣсколько ласковыхъ словъ, сказанныхъ королемъ несчастному принцу, возбудили въ злодѣѣ безпокойство и подозрѣніе. Когда же жена Іоанна Галеаццо, дочь неаполитанскаго короля Альфонса II, съ плачемъ и распущенными волосами бросилась къ ногамъ Карла и умоляла его примириться съ ея отцомъ и защитить ея мужа и младенца сына, Лудовико рѣшился умертвить племянника. Въ Піаченцѣ, куда Карлъ прибылъ 22-го октября, онъ получилъ извѣстіе о смерти Іоанна Галеаццо, которую Лудовико, вѣроятно, ускорилъ новымъ пріемомъ яду. Мы можемъ на этотъ разъ положительно говорить объ отравѣ, такъ какъ съ этимъ согласны всѣ авторы; притомъ отправленія были въ то время въ такомъ ходу, и ядами занимались въ Италіи такъ научно, что никто не могъ быть спокоенъ за свою жизнь, какъ скоро смерть его могла принести пользу какому нибудь негодяю. Лудовико Моро еще въ мартѣ 1494 г. обезпечилъ себѣ вышеупомянутымъ договоромъ съ императоромъ Максимиліаномъ всѣ выгоды отъ убійства своего племянника. По смерти его, онъ поспѣшилъ собрать въ Миланѣ высшее дворянство и, убѣдивъ его въ невозможности возвести на престолъ ребенка, короновался герцогомъ. Вдова убитаго и малолѣтній сынъ его, Франческо, остались въ павійской цитадели. Императоръ Максимиліанъ издалъ въ Антверпенѣ дипломъ, которымъ передалъ Лудовико герцогство миланское, какъ упраздненный имперскій ленъ; но дипломъ этотъ былъ изданъ уже по вступленіи Лудовико во владѣніе Миланомъ.

Карлъ не встрѣчалъ нигдѣ сопротивленія, хотя Альфонсъ II послалъ своего сына, Фердинанда, съ войскомъ въ Церковную Область, а брата, Федерико, съ флотомъ къ лигурійскому и тосканскому берегу. Они вернулись назадъ, не сдѣлавъ даже попытки удержать французовъ; между тѣмъ три генерала, командовавшіе отрядами войскъ Фердинанда, прославились въ позднѣйшихъ войнахъ. Французы и швейцарцы, служившіе Карлу, далеко превосходили жалкія итальянскія войска. Но они производили такія ужасающія насилія и жестокости, что походъ Карла походилъ на нашествіе монголовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они истребили все народонаселеніе.

Въ Піаченцѣ французы ожидали встрѣтить сопротивленіе въ тѣснинахъ, ведущихъ въ Тоскану, и потому намѣревались выбрать другой путь. Вскорѣ, однако, узнали, что Петръ Медичи находится не въ ладахъ съ флорентинцами, которыми онъ правилъ, и что поэтому нечего бояться упорной защиты горныхъ укрѣпленій. Дорогу, выбранную французами, не трудно было запереть. Она шла по такъ называемой Лунпджіанѣ, полосѣ морскаго берега, не болѣе двухъ часовъ ѣзды въ ширину; здѣсь крѣпость Сарцано и фортъ Сарцанелло, а нѣсколько далѣе укрѣпленіе Пьетра Санта легко могли бы задерживать ихъ до тѣхъ поръ, пока недостатокъ въ деньгахъ и провіантѣ принудилъ бы ихъ къ отступленію. Но Петръ Медичи, которому во Флоренціи угрожала революція, явился въ королевскій лагерь и сдалъ Карлу укрѣпленія. Потомъ французовъ впустили даже въ Ливорно и въ Пизу. Флорентинцы, владѣвшіе Пизою съ 1406 г., сочли это государственнымъ преступленіемъ, потому что Петръ, стоявшій во главѣ флорентинскаго посольства, отправленнаго въ Сарцано, дѣйствовалъ, по свидѣтельству всѣхъ писателей, не только дурно, но вѣроломно. Какъ только онъ вернулся во Флоренцію, его сперва исключили изъ правительственной коллегіи города, которымъ онъ и его партія распоряжались безусловно, а затѣмъ, по древнему обычаю, призвали народъ къ свободѣ. Петру было не по силамъ противиться этой бурѣ; онъ бѣжалъ изъ города съ своими братьями, кардиналомъ Джіовани Медичи и Джуліано. Во Флоренціи его объявили предателемъ отечества. Онъ отправился къ Джіованни Бентиволіо въ Болонью, но былъ не принятъ и уѣхалъ въ Венецію. Мятежнымъ флорентинскимъ народомъ предводилъ Іеронимъ Савонарола, знаменитѣйшій проповѣдникъ и пророкъ Италіи, классическая образованность и краснорѣчіе котораго доставили ему высокое значеніе между учеными, а строгая жизнь и горячія проповѣди—любовь и уваженіе народа (т. III, стр. 688). Онъ проповѣдывалъ о государствѣ и о церкви въ томъ же духѣ, какъ первые

анабаптисты и зачинщики крестьянской войны въ Германіи. Савонарола не могъ удержать флорентинскій народъ отъ вандальскаго разрушенія дворцовъ, сокровищъ искусства, древностей и коллекцій Медичи. Коминъ упоминаетъ только о денежныхъ потеряхъ Петра Медичи, бывшихъ сравнительно незначительными *).

Король Карлъ двинулся во Флоренцію черезъ Пизу, которой возвратилъ ея независимость. Во Флоренціи, гдѣ онъ пробылъ отъ 17 до 28 ноября 1494, онъ настаивалъ сначала на возвращеніи Петра и его братьевъ; но новое правительство съ твердостью отвергло это требованіе. Дѣло дошло даже до очень серьезнаго столкновенія между королемъ и флорентійскими уполномоченными; хотя объ этомъ говорятъ сами французы, но мы не повѣрили бы имъ, если бы они не были вполнѣ согласны съ разсказомъ флорентинца Гвиччіардини. Гвиччіардини говоритъ, что при мирныхъ переговорахъ, начатыхъ въ присутствіи Карла, секретарь короля прочелъ посламъ очень тяжелыя условія; тогда Петръ Каппони такъ взбѣсился на это, что выхватилъ изъ рукъ секретаря проектъ договора и изорвалъ его передъ королемъ. «Если такъ, воскликнулъ онъ, зовите на бой своихъ солдатъ, а мы велимъ бить въ набатъ!» **) Что бы, впрочемъ, ни сказалъ Петръ Каппони, бывшій за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ посланникомъ во Франціи, но дѣло въ томъ, что король постановилъ очень выгодныя условія. Онъ принялъ флорентинскую республику на вѣчныя времена подъ покровительство французской короны и обѣщалъ возвратить ей Ливорно, Пизу, Пьетра Санта, Сарцано и Сарцанелло, когда кончитъ походъ на Неаполь, но ни въ какомъ случаѣ не позже двухъ лѣтъ. Правленіе, судъ и сборъ податей въ занятыхъ мѣстахъ оставлялись за флорентинцами, которые съ своей стороны обязались не мстить за отпаденіе Пизы. Кромѣ того, во время похода, во Флоренціи должны были оставаться два королевскихъ уполномоченныхъ, безъ согласія которыхъ нельзя было назначать главнокомандующаго и принимать какихъ бы то ни было рѣшеній. Въ договорѣ находилась, кромѣ того, статья, выручавшая короля изъ денежнаго затрудненія: флорентинцы обязывались уплатить ему въ теченіе четырнадцати дней 50,000 червонцевъ, потомъ до марта 1495 г. еще 40,000, а къ іюню еще 30,000. Относительно Медичи было постановлено уничтожить приговоръ объ изгнаніи Петра и его братьевъ и о конфискаціи ихъ имуществъ; но они не должны были приближаться къ флорентинской области ближе какъ на 100 миль.

Въ началѣ января 1495 г. Карлъ былъ въ Римѣ, откуда неаполитанскія войска выступили передъ его вступленіемъ. Папа велъ переговоры съ французскимъ королемъ изъ крѣпости св. Ангела. Договоръ состоялся уже 11 января, потому что король торопился, а папа опасался, чтобы Карлъ не послушался совѣта кардинала Юліана делла Ровере, возвратившагося съ нимъ изъ Франціи и совѣтовавшаго низложить Александра. Папа обѣщалъ признать Карла королемъ неаполитанскимъ и сдѣлать кардиналомъ французскаго епископа Бриссонè. Кромѣ того, онъ долженъ былъ выдать королю, на нѣкоторое время, принца Джема, потому что Карлъ замышлялъ обширные планы на турецкую имперію. Въ залогъ папа передалъ Карлу Террачину, Чивита-Веккію и Витербо, а сынъ его, кардиналъ Цезарь Борджіа, долженъ былъ сопровождать его въ Неаполь въ видѣ заложника. 16 января Карлъ очень дружески говорилъ съ Джемомъ въ присутствіи папы, и въ продолженіи цѣлаго мѣсяца Джемъ пользовался свободою и княжескими почестями. Но четыре недѣли спустя послѣ отъѣзда Карла изъ Рима (23 февраля), несчастный принцъ умеръ, и такъ какъ папу Александра и его сына, Цезаря, считали способными на всякое преступленіе, то думали, что Александръ, разсчитывая получить отъ султана обѣщанную сумму, велѣлъ отравить Джема.

23 января 1495 г. Карлъ выѣхалъ изъ Рима. Въ тотъ же день король неаполитанскій Альфонсъ II, которому, кромѣ французовъ, грозило возстаніе во государствѣ, сложилъ съ себя корону и съ согласія своего брата Федерико про-

---

*) Ce qu'il perdi tce jour en la cité, valoit cent mille escûs et plus.

**) Poi che si domandano cose si disoneste, voi sonerete le vostre trombe e noi soneremo e' nostre campane!

1

возгласилъ королемъ своего двадцати-четырехъ-лѣтняго сына, **Фердинанда II**. Грубый и жестокій тиранъ чувствовалъ такой паническій страхъ или, какъ говорятъ обыкновенно, впалъ въ такое безуміе, что не посмѣлъ оставаться въ королевствѣ. Не говоря ни слова ни сыну, ни брату, онъ, будто гонимый злыми духами или привидѣніями, бѣжалъ на четырехъ галерахъ въ Сицилію, въ сопровожденіи своей мачихи, сестры Фердинанда Католика, которому принадлежалъ тогда этотъ островъ *). Вскорѣ потомъ (ноябрь 1495 г.) онъ умеръ въ Мессинѣ въ монастырѣ отъ злокачественнаго нарыва.

Его сынъ и наслѣдникъ, Фердинандъ II, не былъ, повидимому, ненавидимъ подданными; однако и онъ не могъ побудить ихъ къ сопротивленію и, вздумавъ удержать французовъ у Санъ-Джермано и Капри, долженъ былъ покинуть этотъ планъ. Поэтому французы имѣли полное право хвалиться, что ѣхали изъ Вьенны до Неаполя съ деревянными шпорами и посылали впередъ квартирмистровъ, чтобы отмѣчать мѣломъ квартиры въ городахъ. Фердинандъ II былъ всѣми покинутъ и бѣжалъ съ своимъ дядей, Федерико, и своей маленькой дочерью на островъ Искію. Французы быстро овладѣли неаполитанскимъ королевствомъ до крайней оконечности его; всѣ крѣпости и города сдавались имъ безъ сопротивленія; владѣтели и бароны, даже ближайшіе родственники маркиза Пескары, оставленнаго Федериго въ Кастель-Нуово, явились въ Неаполь присягать королю Карлу. Фердинандъ еще въ мартѣ 1495 г. убѣжалъ изъ Искіи въ Сицилію, поручивъ главное начальство на этомъ островѣ брату маркиза Пескара, Иниго Авалосу. Карлъ поспѣшилъ раздать французамъ и сопровождавшимъ его генераламъ всѣ мѣста и имѣнія неаполитанцевъ. Между прочимъ, онъ отдалъ очень большія владѣнія графа Акри и маркиза Скуилаче шотландцу Эбергарду Стюарту, котораго во Франціи называли д'Обиньи; прежніе владѣльцы этихъ владѣній бѣжали въ Сицилію.

Вся Европа изумлялась неслыханно быстрому занятію всей итальянской территоріи отъ Асти до Отранто, Мессины и Бари; но общее изумленіе было еще больше, когда въ томъ же году французы такъ же быстро потеряли свои завоеванія. Карлъ и его французская свита занимались въ Неаполѣ только пирами и забавами, грабительствомъ и добываніемъ денегъ, оскорбляли неаполитанскихъ бароновъ своею нестерпимою надменностью и вѣтренностью и скоро заставили легкомысленныхъ неаполитанцевъ раскаяться въ безразсудной радости, съ которою они бросились имъ на шею. Пока они, беззаботно и необдуманно, разъигрывали роль повелителей Италіи, Лудовико Моро и венеціанцы заключили противъ Франціи грозный союзъ съ папой, съ императоромъ Максимиліаномъ, съ Арагоніей и съ Кастиліей. Карла извѣстилъ объ этомъ союзѣ его тогдашній посланникъ въ Венеціи, Филиппъ Коминъ; тогда королю пришлось подумать объ отступленіи, потому что армія его могла быть заперта въ Неаполѣ Лудовико Моро, венеціанцами и императоромъ. Когда онъ вступилъ въ Неаполь, войско его, не смотря на гарнизоны, оставленные по пути, простиралось еще до 38,000 человѣкъ; но откуда взялъ бы онъ денегъ для платы солдатамъ, когда папа, Венеція и Лудовико Моро отпали отъ него? Лудовико Моро боялся герцога Орлеанскаго, который предъявлялъ притязанія на миланское герцогство, какъ на наслѣдіе своей бабки, Валентины Висконти. Папа Александръ всегда былъ союзникомъ весьма ненадежнымъ, и Карлъ, еще до вступленія въ Неаполь, зналъ, что онъ пристанетъ къ его врагамъ, такъ какъ Цезарь Борджіа, котораго Александръ далъ ему въ заложники, убѣжалъ изъ Веллетри.

Союзъ противъ Карла былъ заключенъ 31 марта 1495 г. въ Венеціи, съ цѣлью изгнать изъ Италіи всѣхъ французовъ. Съ этой цѣлью, Фердинандъ Католикъ послалъ въ Италію одного изъ величайшихъ полководцевъ того времени, **Гонсальво Фернандеса де Агилара**. Этотъ полководецъ, обезсмертив-

---

*) Les uns disoient, говоритъ Коминъ, qu'il alloit au Turc; autres disoient, que c'estoit pour donner faveur a son fils, qui n'estoit point hay au royaume mais mon avis fut toujours, que ce fut par vraye laschetè, car jamais homme cruel ne fut hardy. (Одни говорили, что онъ отправился къ туркамъ, другіе, что онъ уѣхалъ для пользы сына, который не былъ ненавидимъ въ королевствѣ; но я думаю, что онъ сдѣлалъ это по трусости, потому что жестокіе люди никогда не бываютъ смѣлы).

шій себя въ войнѣ съ Гранадой подъ именемъ Гонсальво Кордуанскаго, образовалъ національное испанское войско и развилъ военное искусство, до тѣхъ поръ неизвѣстное въ другихъ европейскихъ государствахъ. Съ самаго появленія его, испанскія войска заняли первое мѣсто между военными силами Европы, наравнѣ съ швейцарцами.

Король Карлъ, получивъ извѣстіе о заключенномъ противъ него союзѣ, долженъ былъ предвидѣть, что испанцы нападутъ на него изъ Сициліи, а угнетаемые имъ неаполитанцы возьмутся за оружіе. Поэтому онъ отказался отъ дальнѣйшихъ завоевательныхъ плановъ, помышляя только о скорѣйшемъ возвращеніи во Францію. Короновавшись торжественно королемъ неаполитанскимъ, онъ выступилъ съ отборнымъ войскомъ въ Римъ, спѣша предупредить союзниковъ, которые могли отрѣзать ему путь черезъ Аппенины. Пять тысячъ французовъ остались въ неаполитанскомъ королевствѣ; главнокомандующимъ ихъ Карлъ назначилъ одного изъ Бурбоновъ, герцога Монпансье. Намѣстникомъ Калабріи былъ назначенъ Эбергардъ Стюартъ д'Обиньи, котораго Карлъ сдѣлалъ неаполитанскимъ коннетаблемъ. Этіенъ де Векъ, возведенный въ герцоги Нола, остался комендантомъ въ Гаэтѣ, Габріель Монфоконъ въ Монфредоніи, Жоржъ Сюлли въ Тарентѣ. Перваго іюня Карлъ прибылъ въ Римъ, откуда папа съ своими войсками бѣжалъ уже въ Перуджію и не вернулся въ Римъ, не смотря на дружескія увѣренія короля. Венеціанцы не нарушали съ своей стороны мира, хотя назначили своего генерала Франческо Гонзагу маркграфа Мантуанскаго главнокомандующимъ арміи, назначенной противъ французовъ. Филиппъ де Коминъ воротился изъ Венеціи къ Карлу, котораго засталъ въ Сіенѣ. Онъ привезъ самыя точныя извѣстія о положеніи дѣлъ, такъ какъ былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ венеціанскими сенаторами.

Филиппъ де Коминъ оставилъ намъ извѣстіе о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ французовъ. Онъ обвиняетъ короля въ томъ, что онъ слишкомъ долго промедлилъ въ Тосканѣ. Коминъ говоритъ о трудностяхъ перехода чрезъ совершенно непроходимые въ то время Аппенины; затрудненія эти были тѣмъ важнѣе, что французы везли съ собою всю добычу, пріобрѣтенную ими во время похода, и тяжелую артиллерію *). Онъ прибавляетъ, что нѣмцы (какъ называетъ онъ швейцарцевъ) помогли при этомъ королю, перетащивъ орудія черезъ горы, и превозноситъ ихъ труды, подобно тому какъ французы превозносятъ работы при переходѣ Бонапарта чрезъ Сенъ-Бернаръ.

Къ счастью итальянцы не попытались помѣшать переходу короля. Они ждали его у выхода долины Форнуово, чрезъ которую онъ проходилъ у Понтремоли, на пути въ Пармезанскую равнину; здѣсь 7 іюля 1495 г. произошло сраженіе, о которомъ Филиппъ Коминъ, участвовавшій въ немъ, говоритъ подробно. Передъ сраженіемъ король поручилъ Филиппу вступить въ дружескіе переговоры съ венеціанскими проведиторами, находившимися въ непріятельской арміи; Карлъ велѣлъ объяснить имъ, что не имѣетъ никакихъ непріязненныхъ намѣреній, а желаетъ только мирно пробраться домой. Но арміи сошлись слишкомъ близко другъ съ другомъ, и союзники, которыми командовалъ Гонзага, были сильнѣе французовъ. Поэтому переговоры были не во время, и венеціанцы не могли принять предложенія Карла о свободномъ пропускѣ французовъ. Однако имъ пришлось раскаяться въ этомъ; французы дрались цѣлый день сомкнутыми рядами (esquadre par esquadre), теряя очень мало людей и поражая непріятелей копьями и мечами. По словамъ Комина, сраженіе при Форнуово было очень жарко и кровопролитно. Хотя въ первое время артиллерійскій огонь былъ безвреденъ, такъ что отъ него погибло всего 12 человѣкъ, но когда бой разгорѣлся, то въ два часа (Коминъ говоритъ въ четверть часа) пало нѣсколько тысячъ итальянцевъ, въ томъ числѣ много важныхъ лицъ. Самъ Карлъ, сражавшійся какъ простой рыцарь, находился въ большой опасности, такъ какъ окружавшіе его увлеклись жа-

*) Il y avoit grande famine et des montagnes très hautes et très aspres, où onques homme ne passa artillerie grosse, comme sont canons et grosses coulevrines, qui lors y passérent.

ромъ битвы. Французы пробились сквозь непріятеля; но весь ихъ обозъ и безчисленная добыча достались итальянцамъ.

Французы направились черезъ Пьяченцу и Асти въ Туринъ. Здѣсь Карлъ былъ встревоженъ извѣстіемъ объ опасности, грозящей герцогу Лудовику Орлеанскому со стороны герцога Миланскаго. Лудовикъ, завоевавшій незадолго передъ тѣмъ городъ и крѣпость Новару, по неосторожности отправился лично въ Новару, гдѣ былъ аттакованъ венеціанскимъ войскомъ, явившимся послѣ битвы при Форнуово съ цѣлью отнять Новару у французовъ; это поставило герцога въ большое затрудненіе, потому что въ Новарѣ былъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Карлъ спасъ его, воспользовавшись раздоромъ, возникшимъ между вѣроломнымъ и жестокимъ герцогомъ Миланскимъ и венеціанцами, и предложивъ первому миръ. Миръ этотъ былъ заключенъ въ Верчелли 10 октября 1495 года; цѣною его была Новара. Герцогъ Орлеанскій получилъ пропускъ, а генуэзскій замокъ былъ отданъ герцогу Геркулесу Феррарскому.

6. Неаполь по отступленіи Карла VIII.

Положеніе Италіи послѣ похода Карла VIII прекрасно описано Сисмонди въ двѣнадцатомъ томѣ его сочиненія объ исторіи итальянскихъ республикъ; поэтому мы ограничимся ссылкою на него и бѣглымъ взглядомъ на политическую исторію этой страны. Карлъ, возвратясь во Францію, грозилъ вернуться въ Италію съ болѣе сильной армiей. Но такъ какъ онъ не исполнилъ этого, то Италія, по удаленіи французовъ, была въ теченіи двухъ лѣтъ жертвою козней, ссоръ и войнъ своихъ аристократовъ, государей и папы. Мы не можемъ вдаваться въ лабиринтъ частныхъ исторій ея государствъ и оставимъ безъ вниманія все, относящееся къ Венеціи и Милану; для исторіи послѣдующихъ событій довольно будетъ сказать вкратцѣ о Неаполѣ и Флоренціи и о планахъ Цезаря Борджіа.

Французы, оставленные Карломъ въ разныхъ частяхъ неаполитанскаго государства, по уходѣ главной арміи были окружены со всѣхъ сторонъ. Испанцы высадились въ Нижней Италіи, а непостоянные неаполитанцы, призывавшіе французовъ и принимавшіе ихъ съ распростертыми объятіями, съ такимъ же жаромъ призвали обратно своего короля, Фердинанда II, и поднялись повсемѣстно противъ французовъ. Еще во время похода Карла VIII противъ Неаполя, къ папѣ явились два посла отъ арагонскаго короля Фердинанда Католика; они отправились въ лагерь Карла при Веллетри и протестовали противъ его дѣйствій, заявляя притязанія своего короля на Неаполь, который перешелъ отъ дяди короля арагонскаго, Альфонса V, къ его побочному сыну, Фердинанду I. Говорятъ даже, что гордые испанцы привезли съ собой въ лагерь договоръ, въ которомъ Фердинандъ, взамѣнъ уступки ему Руссильона и Сердани, соглашался не препятствовать походу Карла; но одинъ изъ нихъ, Антоніо Фонсека, разорвалъ его въ присутствіи короля. Кромѣ того, Фердинандъ Католикъ уже послалъ въ Сицилію своего лучшаго генерала, Гонсальво Кордуанскаго, съ отборнымъ войскомъ. Гонсальво высадился въ Калабрію, какъ только Карлъ вышелъ изъ завоеванной страны. Хотя онъ имѣлъ всего 6000 человѣкъ, но по испанскому обычаю носилъ званіе генералисимуса (gran capitano); титулъ этотъ остался впослѣдствіи за нимъ, какъ почетное прозвище, въ смыслѣ великаго полководца.

И такъ Гонзальво высадился въ Калабріи; неаполитанскій король Фердинандъ II, бѣжавшій отъ французовъ, возвратился въ то же время въ свое королевство и вышелъ на берегъ въ Реджіо, жители котораго встрѣтили его съ восторгомъ; кромѣ того, венеціанскій флотъ явился передъ Монополи и овладѣлъ этимъ городомъ. Коннетабль Карла, Эбергардъ Стюартъ д'Обиньи, очутился на краю гибели. Но вскорѣ оказалось, что неаполитанцы, не смотря на 6000-й корпусъ Гонсальво, не могутъ противиться французамъ въ открытомъ полѣ. Гонсальво совѣтовалъ королю не выводить своихъ ненадежныхъ калабрійцевъ, которые умѣли разбойничать, а не воевать, противъ воинственныхъ французовъ и закаленныхъ швейцарцевъ д'Обиньи и Преси; Фердинандъ пренебрегъ этимъ совѣтомъ и при Семинарѣ потерпѣлъ такое пораженіе, что былъ принужденъ

поспѣшно бѣжать въ Сицилію вмѣстѣ съ Гонсальво. Въ самомъ началѣ этой войны народонаселеніе Монополи и Гаэты было истреблено жестокимъ образомъ, такъ какъ венеціанскіе стратіоты (далматы) и французы поступали одинаково безчеловѣчно. Венеціанцы, высадившись въ Монополи, рѣзали жителей съ такою яростью, что ихъ адмиралъ съ трудомъ спасъ женщинъ и дѣтей, искавшихъ убѣжища въ церквахъ. Въ Гаэтѣ граждане хотѣли напасть на слабый французскій гарнизонъ, который отмстилъ за это покушеніе ужасной рѣзней, продолжавшейся цѣлые сутки.

Фердинандъ II нашелъ въ Сициліи флотъ и свѣжія испанскія войска, присланныя въ подкрѣпленіе Гонсальво; поэтому онъ вторично отплылъ въ свое королевство, въ то самое время когда Карлъ былъ у Понтремоли. Испанскій флотъ подъ начальствомъ Рекесенса, вошелъ въ Салернскій проливъ. Жители Салерно, Амальфи и Ла-Кава приняли короля Фердинанда съ радостью, а неаполитанцы, которыхъ Монпансье держалъ въ страхѣ, просили его, сдѣлавъ высадку близъ столоцы, выманить изъ нея французовъ и дать жителямъ возможность возстать. Высадка и возстаніе произошли 7-го іюля. Когда Монпансье выступилъ противъ арагонцевъ, неаполитанцы заперли городскія ворота и перебили оставшихся французовъ; между тѣмъ Фердинандъ поспѣшно посадилъ свои войска снова на корабли, высадилъ ихъ на противоположной сторонѣ города и оттуда вступилъ въ столицу. Чтобы пробраться къ фортамъ Сантъ-Эльмо, Кастель-Нуово и Кастель д'Уово, остававшимся во власти французовъ, Монпансье пришлось сдѣлать обходъ; но на другой день онъ былъ окруженъ въ этихъ фортахъ съ 6000 войскомъ. Лучшій генералъ Фердинанда, Альфонсъ де Авалосъ маркизъ Пескара, палъ въ то время отъ руки убійцы; но въ замѣнъ его король пріобрѣлъ Проспера Колонну, который обезсмертилъ себя въ царствованіе Карла V. Кардиналъ Асканіо Сфорца уговорилъ его отпасть со всѣмъ своимъ родомъ отъ французовъ и перейти на сторону испанцевъ, хотя Колонна долго служилъ во французской службѣ и былъ многимъ обязанъ имъ. Французы теряли одинъ городъ за другимъ; впрочемъ д'Обиньи, Преси и князь Бизиньяно держались на югѣ, а Монпансье въ неаполитанскихъ фортахъ до октября, такъ какъ Карлъ обѣщалъ имъ, тотчасъ по прибытіи во Францію, послать въ Неаполь флотъ и войско. Но такъ какъ ни того, ни другаго не явилось, то французскіе генералы, командовавшіе на югѣ, условились, что д'Обиньи пойдетъ въ Калабрію противъ Гонсальво, а Преси и Бизиньяно двинутся на выручку герцога Монпансье. Однако имъ не удалось спасти форты, хотя въ сраженіяхъ французы одерживали постоянно верхъ надъ неаполитанцами и арагонцами. Герцогъ Монпансье успѣлъ впрочемъ уйти изъ фортовъ съ нѣсколькими тысячами человѣкъ и соединиться съ Преси. Горсть французовъ защищала укрѣпленія еще нѣсколько мѣсяцевъ противъ всѣхъ неаполитанскихъ силъ. Одинъ изъ фортовъ продержался даже до февраля 1496 г.

Въ Калабріи французы также держались съ удивительною храбростью, хотя въ началѣ 1496 г. ихъ тѣснили въ одно время венеціанцы съ моря, а Гонсальво на сушѣ. Венеціанцы послали въ Калабрію флотъ на помощь Гонсальво Кордуанскому противъ д'Обиньи; кромѣ того, они дали взаймы 15,000 червонцевъ и приказали своему полководцу, Франческо Гонзага, двинуться изъ Мантуи чрезъ Санъ-Джермано и Беневентъ въ неаполитанскія владѣнія и направить всѣ свои силы противъ Монпансье. Они приняли впрочемъ мѣры, чтобы щедро вознаградить себя за эту помощь. Неаполитанскій король, находившійся въ затруднительномъ положеніи, долженъ былъ дать имъ вексель въ 200,000 червонцевъ и въ залогъ передать города Отранто, Бриндизи, Монополи, Трани и Пулиньяно. Дорогая цѣна, какою венеціанцы продали свою помощь королю Фердинанду, не осталась безъ вліянія на союзъ, заключенный впослѣдствіи государями противъ узурпацій венеціанской аристократіи. Итальянскіе государи были побуждаемы къ союзу противъ венеціанскаго сената причинами, подобными тѣмъ, какія могли бы въ наше время заставить государей соединиться противъ монархической аристократіи Англіи.

Армія Гонзаги была втайнѣ усилена войсками Лудовико Моро Миланскаго, котораго безпокоило присутствіе французовъ въ Италіи; но договоръ, заключенный въ Верчелли (стр. 280), не позволялъ ему открыто объявить ему войну. Монпансье также получилъ подкрѣпленія. Въ іюнѣ 1496 г. Монпансье и Орсини

сошлись съ арміею Гонзаги. Въ то же время Гонсальво Кордуанскій аттаковалъ французскій отрядъ, посланный д'Обиньи въ подкрѣпленіе герцогу Монпансье, а въ началѣ іюля соединился съ Фердинандомъ. Монпансье былъ принужденъ укрыться въ крѣпости Ателлѣ въ Базиликатѣ, гдѣ 7000 французовъ и швейцарцевъ были окружены непріятелемъ безъ надежды на выручку и безъ достаточныхъ запасовъ. Въ этомъ положеніи Монпансье исполнилъ свои обязанности относительно короля и войска. Онъ послалъ въ непріятельскій лагерь Преси, Бартелеми д'Альвіано и одного изъ швейцарскихъ военачальниковъ, поручивъ имъ заключить капитуляцію съ условіемъ, чтобы ему было дозволено послать къ королю курьера съ извѣстіемъ о положеніи войска и просьбою о помощи, и чтобы въ теченіе тридцати дней войска его могли получать продовольствіе. Если, по истеченіи этого срока, помощь не явится, то онъ передастъ неаполитанскому королю всѣ города съ артиллеріей, за исключеніемъ Венозы, Гаэты и Тарента, коменданты которыхъ назначены не имъ, а самимъ королемъ. Король неаполитанскій обязался съ своей стороны дать французамъ свободный пропускъ, обнародовать полную амнистію неаполитанцамъ и отпустить прочихъ итальянцевъ.

Договоръ этотъ былъ подписанъ 20 іюля 1496 г. Впрочемъ, Монпансье уже черезъ три дня сдалъ крѣпость Ателлу. Онъ утверждалъ, что былъ принужденъ къ сдачѣ собственнымъ войскомъ, потому что наемники его настоятельно и грозно требовали жалованья, а Фердинандъ предлагалъ 10,000 червонцевъ для удовлетворенія ихъ. Начальники другихъ городовъ отказались повиноваться приказу Монпансье, предписывавшаго имъ положить оружіе. Поэтому онъ долженъ былъ остаться заложникомъ и провести все лѣто въ самой нездоровой мѣстности Италіи, вслѣдствіе чего заболѣлъ и умеръ въ октябрѣ 1496 г. Изъ 5000 французовъ, вышедшихъ съ нимъ изъ Ателлы, во Францію не вернулось и 500. Д'Обиньи тоже заболѣлъ. Не будучи въ силахъ противиться Гонсальво, возвратившемуся въ Калабрію, онъ сѣлъ на корабли и отправился во Францію. Французы держались еще только въ Тарентѣ, Гаэтѣ и Аверсѣ, когда (5 октября 1496 г.) умеръ король Фердинандъ. Не задолго передъ смертью, онъ женился на сестрѣ своего отца, съ разрѣшенія папы, который позволялъ все, что приносило выгоду ему или его семьѣ. Фердинанду наслѣдовалъ дядя его, Федерико.

7. Флоренція при Савонаролѣ.

Ни одно государство не потеряло такъ много отъ нашествія французовъ, какъ флорентинская республика. Всѣ ея крѣпости были заняты Французами; Пиза получила независимость, а Сіена была принята подъ покровительство Франціи. Карлъ VIII обѣщалъ, правда, возвратить флорентинцамъ, которые заплатили ему за это деньги, ихъ города, но съ 1495 г. отыскивалъ постоянно предлоги отсрочивать исполненіе своего обѣщанія. Въ слѣдующемъ году они настоятельно требовали этого, и онъ послалъ комендантамъ крѣпостей и д'Антрегу, занимавшему Пизу, приказъ впустить флорентинскія войска. Но они не исполнили приказанія и предпочли продать съ молотка занимаемыя ими мѣста. Такимъ образомъ крѣпость Сарцано и городъ Сарцанелло достались генуэзцамъ за 25,000 червонцевъ. Генуэзцы хотѣли купить и Пьетра-Санту, но аристократическое правительство Лукки перебило ее у нихъ. Пизанскую цитадель д'Антрегъ продалъ гражданамъ Пизы, которые поспѣшили срыть ее, потому что она господствовала надъ городомъ, и флорентинцы, занимая ее, могли располагать Пизой. Разрушеніе цитадели положило конецъ ихъ четырнадцатилѣтнему владычеству надъ этимъ городомъ. Попытки флорентинцевъ снова покорить Пизу повлекли за собою войну, продолжавшуюся 14 лѣтъ. Эта война подробно описана Гвиччіардини, и скучный разсказъ объ однообразныхъ мелкихъ подробностяхъ ея былъ однимъ изъ главныхъ упрековъ, дѣлаемыхъ этому историку. Сама по себѣ, война эта дѣйствительно ничтожна, но она тѣсно связана съ исторіей важнаго времени, когда судьба всей Европы зависѣла отъ исторіи итальянскихъ городовъ, и когда испанскіе короли угрожали независимости древнихъ государствъ и существованію народовъ новой части свѣта, открытой ихъ мореплавателями и покоренной ихъ наемниками.

Пизанцы не могли защищаться сами противъ превосходныхъ силъ Флоренціи. Они искали и получили помощь венеціанцевъ, которые были очень недовольны сдѣлкою флорентинцевъ съ Франціей и стремились къ господству надъ Пизой и надъ восточнымъ берегомъ Неаполитанскаго королевства. Герцогъ Миланскій и папа также взяли Пизу подъ свою защиту, и судьба ея рѣшилась лишь тогда, когда по смерти Петра, Медичи снова пріобрѣли рѣшительное вліяніе на флорентійское правительство, утраченное по неспособности Петра.

По изгнаніи Петра, во Флоренціи были возстановлены республиканскія учрежденія; въ это время доминиканскій монахъ, Іеронимъ Савонарола, о которомъ мы уже упоминали въ исторіи литературы (т. III, стр. 688), игралъ роль народнаго трибуна. Савонарола господствовалъ во Флоренціи такъ же неограниченно, какъ за 100 лѣтъ передъ тѣмъ Кола Ріенци въ Римѣ (т. III, стр. 297—298 и 302—303), съ тою лишь разницею, что римскій трибунъ управлялъ государствомъ именемъ императора и римскаго народа, а Савонарола—именемъ Бога. Мы скажемъ нѣсколько подробнѣе о флорентинской революціи, возбужденной Савонаролой, и о судьбѣ его, потому что это покажетъ намъ, какимъ образомъ въ началѣ XVI столѣтія Тоскана превратилась въ великое герцогство, а Флоренція—въ резиденцію государя. Когда Карлъ VIII вступилъ въ Неаполь, флорентинская республика управлялась уже въ теченіе шестидесяти лѣтъ домомъ Медичи, который велъ міровую торговлю и пользовался безусловнымъ кредитомъ на востокѣ, западѣ и сѣверѣ отъ Лондона, Любека и Новгорода до Персіи и Египта. Прадѣдъ Петра, Косьма Медичи, не нуждался въ титулахъ; отъ него зависѣли всѣ вліятельныя лица Флоренціи, и всѣ ремесленники нуждались въ его деньгахъ и кредитѣ, тогда какъ ему самому, при его скромной жизни, не было надобности тратить деньги управляемаго имъ государства. Отношенія эти измѣнились, когда ближайшіе наслѣдники его стали разыгрывать роль государей и окружили себя роскошью, которою восхищались художники и ученые. Они не могли дѣлать большихъ торговыхъ оборотовъ и призвали на административное поприще людей, занимавшихся прежде торговлей, которые, слѣдуя ихъ примѣру, зажили роскошно; вслѣдствіе этого кредитъ ихъ поколебался, и государство было принуждено выдавать большія суммы, чтобы поддержать торговлю. Скоро она совершенно прекратилась, потому что уже Лоренцо вынулъ изъ оборота большія суммы наличными деньгами и накупилъ на нихъ имѣній и помѣстій.

Сынъ Лоренцо, Петръ, принявъ завѣдываніе управленіемъ флорентинской республики, нашелъ дѣла въ подобномъ положеніи; но Флоренція владѣла многими до тѣхъ поръ независимыми городами Тосканы и упомянутыми нами выше (стр. 276) пограничными крѣпостями, отнятыми у генуэзцевъ. Изъ этихъ городовъ Пиза и Ливорно были совершенно подчинены, а Лукка и Сіена хотя и удерживали свою независимость, но должны были опасаться гнѣва могущественной Флоренціи. Все это измѣнилось, когда Петръ Медичи отдалъ французскому королю укрѣпленія и впустилъ его во Флоренцію. Слѣдствіемъ этого было, какъ мы говорили выше (стр. 277), изгнаніе Петра, и когда французы удалились, Флоренція хотя и возвратила себѣ полную свободу, которой лишилась 60 лѣтъ назадъ, но начала снова страдать отъ внутреннихъ раздоровъ, на которые такъ горько жаловался Данте.

Савонарола сперва восхвалялъ французскаго короля Карла и говорилъ о немъ какъ о государѣ, призванномъ Богомъ для преобразованія церкви и государства; по удаленіи французовъ, онъ съ двумя другими благородными и просвѣщенными людьми, Франческо Валори и Паоло Антоніо Содерини, сталъ во главѣ сильной политической партіи. Онъ былъ извѣстенъ еще съ 1483 г., какъ проповѣдникъ, аскетъ и отличный знатокъ древней литературы; съ 1489 г. онъ подготовлялъ народъ къ появленію Карла VIII въ Италіи, какъ апостолъ и чудотворецъ возвѣщалъ исправленіе христіанской церкви во всѣхъ частяхъ ея, возстановленіе равенства между людьми и учрежденіе патріальхальнаго быта. Впрочемъ, церковныя реформы, которыхъ онъ желалъ, относились только къ іерархіи и внѣшнему порядку, а не къ принципамъ, которыхъ касались Гусъ и Лютеръ. Стараніями Савонаролы во Флоренціи возникла полнѣйшая демократія. Съ тѣхъ поръ всѣ дѣла должны были рѣшаться въ собраніи гражданъ, которое могло дать законное рѣшеніе только въ присутствіи по крайней

мѣрѣ тысячи гражданъ, и куда закономъ допускались молодые люди отъ двадцати четырехъ до тридцати лѣтъ. Во главѣ исполнительной власти стоялъ, какъ и прежде, гонфалоньеръ республики, занимавшій эту должность только въ продолженіи года; Савонарола же изъ своего монастыря руководилъ народомъ, вѣрившимъ въ его чудеса, какъ пророкъ, какъ святой или какъ народный вождь съ какою-то божественною властью.

Его значеніе въ народѣ съ 1483 г. постоянно возрастало. Въ первый разъ оно поколебалось 29 апрѣля 1497 г., когда Петръ Медичи сдѣлалъ попытку возвратить себѣ свое прежнее вліяніе и явился передъ воротами города съ отрядомъ наемниковъ. При этомъ онъ надѣялся на сильную партію, которую домъ его все еще имѣлъ во Флоренціи, въ особенности на гонфалоньера, Бернардо дель Нери, съ которымъ онъ былъ прежде очень друженъ. Попытка однако не удалась. Подойдя съ 4000 человѣкъ къ Флоренціи, Петръ встрѣтилъ сильное сопротивленіе; партія его въ городѣ не смѣла пошевелиться, и потому черезъ четыре часа онъ былъ принужденъ воротиться. Народный судъ страшнымъ образомъ отмстилъ его городскимъ друзьямъ за эту попытку. Нѣсколько важнѣйшихъ гражданъ, въ томъ числѣ Бернардо дель Нери и ближайшіе родственники Медичи были обвинены въ заговорѣ, составленномъ съ цѣлью возвратить Петра, и восемь судей, назначенные демократическими властями, приговорили ихъ къ смерти и лишенію имущества (17 августа 1497 г.). По закону, установленному самимъ Савонаролою, каждый приговоренный имѣлъ право аппелировать къ большому совѣту, т. е. ко всему народу; поэтому всѣ ожидали, что Савонарола употребитъ свое вліяніе на свою партію и убѣдитъ ее не противиться соблюденію этого закона. Но Савонарола не сдѣлалъ этого, и даже постарался застращать умѣренныхъ ультрадемагогами и фанатиками. Такимъ образомъ аппеляція къ совѣту не могла состояться, и 21 августа приговоръ былъ исполненъ.

Въ то самое время, когда Савонарола своимъ молчаніемъ при кровавыхъ дѣйствіяхъ политическихъ фанатиковъ вооружилъ противъ себя умѣренныхъ и друзей Медичи, онъ поссорился и съ папой Александромъ VI изъ-за своихъ проповѣдей, въ которыхъ являлся исправителемъ церкви, ниспосланнымъ самимъ Богомъ. Савонарола возсталъ противъ жизни Александра, пренебрегавшаго всѣми правилами нравственности, и противъ его окружающихъ. Но при этомъ онъ забывалъ, что современники его, имѣвшіе вліяніе на народъ, слишкомъ искусились въ политикѣ и слишкомъ опередили народъ, чтобы придавать какое нибудь значеніе нравственной сторонѣ христіанства. Все это вышло иначе въ Германіи, гдѣ дворянство, ученые и народъ по образованію стояли гораздо ближе другъ къ другу, и гдѣ поэтому вскорѣ послѣ того Лютеръ въ борьбѣ къ ультрамонтанизмомъ былъ гораздо счастливѣе флорентинскаго трибуна.

8. Савонарола и семейство Борджіа.

По удаленіи Карла VIII изъ Италіи, соблазны при папскомъ дворѣ, безстыдная жизнь Александра VI, сыновей и дочерей его и ихъ любимцевъ и любовницъ достигли высочайшей степени, такъ что всѣ книги полны описаніями ихъ. Даже сухая реляція, оставленная намъ церемоніймейстеромъ Александра, Буркардомъ, описавшимъ ежедневныя происшествія при папскомъ дворѣ, приводитъ въ содроганіе и ужасъ. Эта эпоха папства была хуже времени знаменитаго правленія куртизанокъ, Теодоры и Марозіи (т. II, стр. 285, 297 и 308); но мы не будемъ повторять анекдотовъ о папскомъ дворѣ, чтобы не оскорбить скромныхъ людей разсказами о возмутительномъ развратѣ и отвратительныхъ сценахъ. Мы упомянемъ лишь о двухъ происшествіяхъ, случившихся въ томъ самомъ году, когда началась жаркая борьба между Савонаролой и Александромъ VI (1497 г.)

Давно уже вся сила вдохновенныхъ проповѣдей Савонаролы была направлена противъ соблазна, возбужденнаго во всемъ христіанскомъ мірѣ развратомъ, убійствами и богохульствомъ папы. Особенно сильно гремѣлъ онъ противъ Джуліи Фарнезе, прозванной прекрасной (Giulia Bella), съ которою папа открыто жилъ въ связи. Но ни Джулія, ни папа не обращали вниманія на проповѣди, хотя онѣ

производили сильное впечатлѣніе. При всѣхъ церковныхъ празднествахъ, Джулія являлась, какъ законная жена папы, и въ апрѣлѣ 1497 г. родила сына, котораго папа тотчасъ же призналъ, равно какъ и другихъ дѣтей ея. Въ іюлѣ одинъ изъ сыновей Александра, кардиналъ Цезарь Борджіа, велѣлъ умертвить и бросить въ Тибръ своего брата, герцога Гандію, въ ту минуту, какъ тотъ, ради одной непозволительной интриги, отказался участвовать въ оргіи, устроенной Ванноціей. Буркардъ, разсказывающій очень подробно объ этомъ убійствѣ, не называетъ кардинала виновникомъ его, но Гвиччіардини говоритъ прямо, что убійство было совершено по приказанію Цезаря, и сообщаетъ причину этого поступка. Впрочемъ онъ не рѣшаетъ, была ли поводомъ къ убійству ревность или желаніе овладѣть свѣтскими званіями и имѣніями брата. Гвиччіардини ясно говоритъ, что они были одинаково порочны *). По словамъ Буркарда, папа принесъ сначала покаяніе и публично обѣщалъ исправиться; а Гвиччіардини прибавляетъ, что Александръ уговаривалъ кардиналовъ, которые были также развратны, перемѣнить образъ жизни; этотъ историкъ говоритъ однако, что вслѣдъ за тѣмъ Александръ впалъ въ прежніе грѣхи. Другое событіе, о которомъ намъ нужно сказать, есть разводъ дочери папы, Лукреціи Борджіа; она была въ связи съ своими братьями и поссорилась за это съ своимъ мужемъ, Іоанномъ Сфорцою, владѣтелемъ Пезаро. Александръ принялъ сторону своей дочери и развелъ ее съ мужемъ, не объявивъ достаточнаго повода къ тому. Іоаннъ Сфорца лишился бы и Пезаро, еслибъ венеціанцы не защитили его отъ папы и его сыновей.

Въ 1497 г. Савонарола воспользовался новыми злодѣяніями папы, чтобы начать рѣзкую проповѣдь противъ Александра и нравственнаго паденія церкви. Въ своихъ проповѣдяхъ о пророкахъ Амосѣ и Езекіилѣ онъ возставалъ противъ современнаго духовенства (но не противъ ученія), подобно этимъ пророкамъ, возставшимъ противъ еврейскихъ поповъ. Савонарола требовалъ исправленія и очищенія церкви. Онъ возвѣщалъ, что церкви придется перенести много бѣдствій, но что она выйдетъ изъ нихъ очищенною и обновленною, и что даже невѣрные обратятся ко Христу. Онъ говорилъ, что Флоренція также испытаетъ великое несчастіе, но по окончаніи его снова расцвѣтетъ. Эти проповѣди и вліяніе доминиканскаго монаха раздражили завистливыхъ францисканцевъ. Они соединились съ многочисленными врагами, нажитыми демагогомъ Савонаролою, и помогли папѣ уничтожить фанатика, который, не смотря на свою строго аскетическую жизнь, говорилъ и дѣлалъ много страннаго. Они пожаловались на него и на его фанатическихъ учениковъ въ Римъ. Папа запретилъ ему проповѣдовать и ругаться. Но Савонарола началъ говорить еще болѣе рѣзко. Папа отлучилъ его отъ церкви, грозилъ тѣмъ же всѣмъ его слушателямъ и написалъ наконецъ флорентинскому правительству, чтобы оно арестовало и наказало Савонаролу, угрожая въ противномъ случаѣ наложить интердиктъ на весь городъ и на цѣлую область.

Это случилось какъ разъ въ то время, когда флорентинцы по своимъ политическимъ обстоятельствамъ, не могли обойтись безъ папы, и тогдашній генералъ-викарій флорентійскаго архіепископства, Леонардо Медичи, съ францисканцами и августинцами старался исполнять всѣ приказанія папы. Между тѣмъ Савонарола продолжалъ водить процессіи и проповѣдовать въ соборѣ при огромномъ стеченіи народа. Въ 1497 г. его поддерживали народъ и правительство; въ слѣдующемъ году новое правительство было къ нему сначала тоже благосклонно и даже изгнало за него генералъ-викарія изъ города. Наконецъ, францисканцы нашли въ своей средѣ человѣка, который съ такою же силой умѣлъ защищать существующій порядокъ церкви, съ какою Савонарола проповѣдывалъ исправленіе ея. Послѣдній впрочемъ возсталъ противъ классическихъ книгъ съ такою горячностью, какъ и противъ папы, и велѣлъ сжечь сотни экземпляровъ Боккачіо и «Morgante Maggiore».

Наконецъ францисканцамъ пришла мысль потребовать, чтобы Савонарола доказалъ огненнымъ испытаніемъ свое пророческое призваніе. Испытаніе это со-

---

*) Incitato dalla libidine e dall' ambiziose, ministri patenti ad ogni grande sceleratezza, (Были сладострастны и честолюбивы и великіе мастера во всѣхъ злодѣйствахъ).

стояло въ томъ, чтобы пройти черезъ огонь, разложенный на площади. Савонарола не хотѣлъ принимать это предложеніе; но между преданными ему монахами нашлось нѣсколько фанатиковъ, готовыхъ вмѣсто него выдержать испытаніе. Они требовали только, чтобы вмѣстѣ съ ними пошелъ въ огонь кто нибудь изъ францисканцевъ. Нѣсколько францисканскихъ монаховъ приняли вызовъ. Они говорили, что знаютъ навѣрное, что сгорятъ; но такъ какъ тоже случится и съ учениками Савонаролы, то испытаніе послужитъ къ доказательству обмана фанатика. Споры объ этомъ дѣлѣ шли очень долго, и съ обѣихъ сторонъ нѣсколько человѣкъ раздумали подвергать себя испытанію; наконецъ флорентинское начальство объявило, что 7 апрѣля 1498 г., на площади передъ зданіемъ сената, произойдетъ испытаніе Доминика Бонвиче изъ Пешіи за Савонаролу и Андреа Ронднелли за его противниковъ. Тогда произошло странное зрѣлище. Вся площадь, всѣ окна и кровли кругомъ были полны народомъ; члены обоихъ монашескихъ орденовъ заняли отведенныя имъ мѣста, посрединѣ площади пылалъ уже костеръ, какъ вдругъ францисканцы стали дѣлать разныя придирки относительно формы испытанія. Нѣсколько часовъ длился споръ, но партіи не могли согласиться, и наконецъ всѣ разошлись, не сдѣлавъ испытанія.

Не трудно было свалить всю вину на Савонаролу и его фанатиковъ, настаивавшихъ на формальностяхъ, на которыя не согласились ихъ противники; съ этого дня Савонарола потерялъ не мало приверженцевъ въ массѣ народа. Когда онъ возвращался домой съ несостоявшагося испытанія, его осыпали насмѣшками. Два дня спустя народъ былъ возбужденъ распутниками, озлобленными на Савонаролу за его проповѣди; народъ бросился къ монастырю св. Марка, разорилъ его, схватилъ Савонаролу и притащилъ въ тюрьму съ нѣсколькими друзьями и учениками. Еще въ мартѣ судъ (balia) и администрація перешли въ руки его враговъ, и дѣло его было скоро покончено. Папа прислалъ вести процессъ генерала доминиканцевъ, бывшаго венеціанскимъ уроженцемъ и докторомъ жестокаго испанскаго уголовнаго права. Савонаролу пытали, вслѣдствіе чего онъ, разумѣется, сознался во всемъ, но когда пытку прекратили, отрекся отъ своихъ показаній, былъ снова подвергнутъ ей, и наконецъ 23 мая 1498 г. сожженъ, какъ еретикъ.

9. Фердинандъ Католикъ арагонскій и Изабелла кастильская.

Въ то время, какъ Карлъ VIII французскій, преемникъ его Лудовикъ XII и даже преемникъ Лудовика, Францискъ I, расточали въ Италіи силы монархіи, основанной Лудовикомъ XI и утвержденной старшей дочерью его, Дамой де Боже, Испанія достигла высшаго могущества, что впослѣдствіи дало императору Карлу V возможность мечтать о всемірной монархіи.

Въ Кастиліи, какъ мы уже говорили (стр. 217), послѣ долгаго спора о наслѣдованіи престола, наслѣдницею короля Генриха IV была признана его сестра, Изабелла, бывшая замужемъ за Фердинандомъ Католикомъ, а дочь Генриха, Іоанна, была устранена отъ наслѣдства, какъ незаконнорожденная. По смерти Генриха (1474 г.) обладаніе Кастиліей обошлось, однако, Фердинанду и Изабеллѣ не безъ борьбы. Португальскій король Альфонсъ V вступился за свою племянницу, Іоанну, и въ маѣ 1475 г. явился съ значительнымъ войскомъ въ Кастилію. Фердинандъ и Изабелла созвали милицію, и послѣ цѣлаго года безплодной борьбы въ мартѣ 1476 г. произошло рѣшительное сраженіе, при Торо; португальское войско было на голову разбито и разсѣяно; 12,000 человѣкъ португальцевъ пали въ сраженіи или попались въ плѣнъ. Война продолжалась еще три года, потому что король португальскій не хотѣлъ сложить кастильскаго герба и отказаться отъ сватовства за инфантину Іоанну. 24 сентября 1479 года Альфонсъ согласился наконецъ на миръ, при чемъ отказался носить кастильскій гербъ и защищать права своей племянницы.

Еще въ началѣ 1479 г. умеръ отецъ Фердинанда, Іоаннъ II арагонскій, и изъ двухъ королевствъ, Арагоніи и Кастиліи, образовалась Испанія, не смотря на соперничество сословій въ обоихъ королевствахъ и на господствовавшее мнѣніе, что Фердинандъ, какъ арагонецъ, не имѣетъ права править Кастиліей. Узы,

соединявшія оба королевства, были прочны, потому что Изабелла страстно любила мужа, и желанія его были для нея закономъ. Поэтому въ первые же три года царствованія ихъ оба королевства были преобразованы, на сколько было возможно, въ монархическомъ духѣ. То, что началъ, но не кончилъ во Франціи Лудовикъ XI, мало по малу было совершено въ Испаніи; такимъ образомъ раны, нанесенныя обоимъ королевствамъ анархіею во времена Іоанна II арагонскаго и Генриха IV кастильскаго, были частью исцѣлены.

Фанатизмъ испанскихъ христіанъ и связь, въ которой онъ находился съ истиннымъ патріотизмомъ, не мало содѣйствовали образованію хорошаго войска и введенію порядка и полиціи въ государствѣ. Религіозная ненависть къ господствовавшимъ въ Гранадѣ мусульманамъ привлекала воинственныхъ испанцевъ въ ряды войскъ, посылаемыхъ Фердинандомъ и Изабеллой противъ враговъ вѣры, и доставляла арагонскому королю и его супругѣ воиновъ и полководцевъ. Но фанатизмъ, который существовалъ въ дѣлѣ религіи и имѣлъ въ виду поддерживать насильственную связь обращенныхъ евреевъ и магометанъ съ христіанами, далъ правительству возможность учредить во имя религіи такую полицію, какой иначе не потерпѣлъ бы гордый испанецъ. Чтобы утвердить и поддерживать военною силою внутренній миръ (что въ Германіи удалось только при Карлѣ V, внукѣ Фердинанда Католика), въ Испаніи пользовались учрежденіемъ, возникшимъ въ Арагоніи въ половинѣ XIII вѣка и распространившимся потомъ далѣе. Это учрежденіе и военная сила, состоявшая въ распоряженіи его, называлась С а н т а Э р м а н д а д ъ, т. е. с в я т о е б р а т с т в о; впослѣдствіи этимъ именемъ называлась инквизиціонная полиція. Учрежденіе это возникло въ городахъ для отпора рыцарству, а иногда и королевской власти, и для защиты частныхъ лицъ и ихъ собственности. Города, соединенные братствомъ, взимали съ этой цѣлью съ своихъ гражданъ налогъ, содержали на него команду для охраненія улицъ и держали на жалованьѣ избранныхъ ими рыцарей, которые могли судить всѣхъ и исполнять свои приговоры всюду, гдѣ бы ни совершилось преступленіе.

Фердинандъ еще въ 1476 г., на собраніи кортесовъ въ Мадригалѣ, назвалъ это учрежденіе королевско-городскимъ, и распространилъ его на все государство. Съ тѣхъ поръ каждыя сто семействъ должны были платить ежегодно 1800 мараведи для снаряженія и содержанія одного всадника; въ каждомъ городѣ изъ тридцати семействъ былъ учрежденъ судъ изъ двухъ алькальдовъ, которые судили преступленія противъ общественной безопасности по законамъ, составленнымъ юнтою депутатовъ отъ всѣхъ городовъ королевства. Дворянство противилось этому гражданско-полицейскому учрежденію; но правительство и граждане, соединенные вмѣстѣ, были сильнѣе рыцарства. Въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ Эрмандадъ было республиканскимъ учрежденіемъ, потому что до 1498 г. всѣ должности въ немъ занимались лишь тѣмъ, кто вносилъ деньги. Хитрый арагонецъ, подъ предлогомъ облегченія гражданамъ издержекъ, преобразовалъ его въ королевскую полицію. Въ 1498 г. онъ упразднилъ всѣ высшія должности, оставивъ только нѣсколько нижнихъ чиновъ, и передалъ судопроизводство обыкновеннымъ судамъ. Съ того времени страшное названіе Санта-Эрмандадъ стало обозначать королевскихъ жандармовъ.

Дѣятельность королевы Изабеллы, являвшейся всюду лично, чинившей судъ, водворявшей миръ и заводившей новыя учрежденія, была необыкновенна въ мирное время и производила чудеса во всей Кастиліи. Въ военныхъ предпріятіяхъ Изабелла была неразлучна съ мужемъ. Предпріятія эти направлялись противъ невѣрныхъ и прославили въ Европѣ, Азіи и Африкѣ короля Фердинанда и его генерала, Гонсальво Кордуанскаго. Въ 1482 г. Фердинандъ и Изабелла начали войну противъ гранадскихъ магометанъ и вели ее непрерывно въ продолженіе десяти лѣтъ, до самаго завоеванія Гранады. Эта война безчисленное множество разъ воспѣвалась испанскими поэтами, и испанскіе историки обработывали ее съ особенною любовью; она составляетъ лучшій отдѣлъ «Всеобщей исторіи Испаніи» Маріаны. Графъ Альберъ Сиркуръ, «Исторія мавровъ» котораго, разработанная по новымъ источникамъ, вышла недавно въ трехъ частяхъ *), описываетъ пред-

*) «Histoire des Mores Mudejares et des Morisques ou des Arabes d'Espagne sous la domination des Chrétiens, par le comte A. d e C i r c o u r t.». Paris 1846 г.

пріятіе Фердинанда и Изабеллы противъ Гранады точно, критически и безъ натяжекъ; исторіи своей онъ предпосылаетъ краткій обзоръ христіанскихъ завоеваній, сдѣланныхъ у мавровъ съ 1284 до 1474 г. Мы не будемъ описывать подробно десятилѣтнюю войну, веденную Фердинандомъ и Изабеллою съ Гранадой, такъ какъ подробности ея не важны для европейской исторіи. Результатомъ этой войны были внѣшнее величіе Испаніи и усиленіе королевской власти.

Что касается начала этой войны, то въ 1482 г. Фердинандъ охотно обратился бы противъ Франціи, чтобы завоевать Руссильонъ, но жена его, удержавшая за собою управленіе Кастиліей, настаивала на войнѣ съ Гранадой. Она энергически готовилась къ ней. Каждый мудехаръ въ государствѣ долженъ былъ пожертвовать для войны червонецъ; вновь учрежденная инквизиція, о дѣятельности которой мы будемъ говорить въ слѣдующемъ томѣ, внесла на издержки сумму изъ собранныхъ пеней и изъ конфискованныхъ имѣній; духовенство заплатило треть церковной десятины, что составляло 100,000 гульденовъ; папа позволилъ продавать индульгенціи; наконецъ частныя лица также жертвовали деньги. Первыя предпріятія не имѣли рѣшительныхъ послѣдствій; но при самомъ началѣ войны (1482—1484) часть жителей Гранады приняла подданство, а другая переселилась въ Африку. Непріятельская страна, воздѣланная какъ садъ, пострадала жестоко, а густое населеніе ея претерпѣло страшныя бѣдствія; не смотря на свое обѣщаніе, испанцы часто истребляли цѣлыя толпы невѣрныхъ.

Въ 1484 г., по требованію архіепископа толедскаго, начался новый походъ противъ Малаги, въ пользу котораго препапа доставилъ треть духовной десятины на двадцать лѣтъ. Въ этой войнѣ, длившейся до 1487 г., архіепископъ толедскій, бывшій главнокомандующимъ испанскою арміею, взялъ Малагу со всѣми принадлежавшими ей городами. Въ 1488 г. испанцы хотѣли взять Басу, бывшую ключомъ къ Гранадѣ; но королевская казна совершенно истощилась, и вассалы были утомлены войною. Весною 1489 г. изъ пятидесяти королевскихъ вассаловъ явились только пятнадцать. При такихъ обстоятельствахъ Изабелла рѣшилась выставить войска на свой счетъ. Она стремилась къ уничтоженію мавританскаго владычества, образованности и промышленности съ такою же религіозною ревностью, какъ впослѣдствіи Лудовикъ XIV французскій къ искорененію во Франціи кальвинизма и изгнанію кальвинистовъ. Изабелла заняла сто милліоновъ мараведи, заложила свои драгоцѣнности, отдала свои доходы на аренду за десять процентовъ наличными деньгами, и такимъ образомъ получила возможность двинуть въ іюнѣ 1489 г. 12,000 всадниковъ и 15,000 пѣхоты противъ Басы и Эль-Сагаля, владычествовавшаго въ этомъ городѣ.

Баса и вся область Эль-Сагаля считались лучшей частью гранадскаго царства, и безъ нихъ столица не могла держаться. Эль-Сагаль былъ такъ храбръ и такъ искусенъ въ военномъ дѣлѣ, что историкъ приписываетъ ему, послѣ побѣды надъ нимъ, слова, подобныя словамъ Энея о Гекторѣ у Виргилія *). Говорятъ, онъ сказалъ: «Если бы Аллахъ не рѣшилъ паденія гранадскаго престола, я удержалъ бы его моею рукой. Да будетъ воля его!» Но Эль-Сагаль не былъ побѣжденъ въ битвѣ; племянникъ его, Сиди-Ягія, которому Изабелла обѣщала огромныя владѣнія, нѣсколько разъ измѣнялъ ему и наконецъ уговорилъ его отдаться по договору въ руки христіанскихъ короля и королевы.

Договоръ этотъ былъ заключенъ 22 декабря 1489 г., при Альмеріи, въ палаткѣ Фердинанда; тогда пала и Гранада. Въ Гранадѣ царствовалъ Абу-Абдилейи Эль-Сагиръ, овладѣвшій престоломъ при помощи Фердинанда, котораго былъ вассаломъ; Фердинандъ заключилъ съ нимъ еще прежде тайный договоръ въ Лохѣ, обязавъ его уступить ему свое царство послѣ покоренія Басы; за это онъ долженъ былъ получить герцогскій титулъ и городъ Гадихъ. По взятіи Басы онъ напомнилъ ему это обѣщаніе. Но король Гранады не желалъ выполнять его и даже старался заслужить потерянную любовь мусульманъ враждебными дѣйствіями противъ христіанъ. Фердинандъ и Изабелла изъ фанатизма нарушили самымъ возмутительнымъ образомъ капитуляціи съ городами Гадихомъ и Альмеріей, и поэтому подданные мавританскаго короля врядъ ли бы мирно сдались

*) Si Pergama dextra defendi possent, etiam hac defensa fuissent.

испанцамъ, если бы даже Абу-Абдилейи пользовался у нихъ большимъ значеніемъ, чѣмъ въ дѣйствительности.

Съ 1490 до 1492 г. шла кровопролитная война; послѣ страшной рѣзни, она кончилась въ началѣ 1492 г. тѣмъ, что Абу-Абдилейи сдалъ христіанамъ свою столицу. Главная заслуга принадлежала Гонсальво Кордуанскому, болѣе всѣхъ прославившемуся въ этой войнѣ, хотя названіе «великаго полководца» (стр. 280) онъ получилъ позднѣе. Въ войнѣ съ Гранадою Гонсальво былъ въ особенности полезенъ сношеніями, которыя поддерживалъ съ маврами; благодаря имъ, Абу-Абдилейи сдалъ городъ противъ желанія своихъ подданныхъ. Гонсальво хотя отличался какъ воинъ и предводитель, но въ этомъ отношеніи былъ не выше другихъ; за то никто изъ предводителей не былъ такъ хорошо знакомъ съ домашними обстоятельствами гранадскихъ мавровъ. Поэтому, когда въ началѣ октября 1491 г. Абу-Абдилейи предложилъ капитуляцію, Изабелла поручила переговоры Гонсальво и Фернандо Сафрѣ. Они велись втайнѣ, иногда въ Альгамбрѣ, но большею частью изъ предосторожности въ Курріаннѣ, деревнѣ, лежащей на разстояніи часа отъ Гранады. Уже 25 ноября былъ подписанъ договоръ, подтверждавшій всѣ выгоды, обѣщанныя королю Гранады, а черезъ три дня другой, обезпечивавшій права магометанскаго народонаселенія. Въ началѣ 1492 г. Фердинандъ и Изабелла заняли Гранаду. Мы не станемъ передавать ни условій договора, ни увлекательныхъ мелкихъ подробностей войны и осады, потому что всѣ обѣщанія и всѣ клятвы были нарушены. По ученію того времени, вѣроломство и измѣна въ сношеніяхъ съ невѣрными считались высокой доблестью, если приносили пользу истинной вѣрѣ.

Война съ маврами, полезная Кастиліи, была невыгодна Арагоніи, и Фердинандъ нѣсколько разъ хотѣлъ кончить ее, чтобы положить предѣлъ успѣхамъ французскаго короля. Онъ дважды покидалъ югъ и обращался къ Франціи, первый разъ на помощь наслѣдницѣ Бретани, а второй для завоеванія Руссильона и Сердани. Провинціи эти были возвращены Испаніи почти въ то самое время, когда пало мавританское королевство. 19 января 1493 г. французскій король Карлъ VIII въ Турѣ, а Фердинандъ и Изабелла въ Барселонѣ подписали договоръ, по которому Руссильонъ и Сердань возвращались Испаніи (стр. 270). Для достиженія этого Фердинандъ, какъ говорятъ, съумѣлъ запугать чрезъ духовенство совѣсть сестры Карла VIII или подкупить его приближенныхъ, или же воспользовался страстнымъ желаніемъ французскаго короля начать походъ противъ Неаполя и Константинополя.

Барселонскимъ договоромъ Карлъ отдалъ испанскому королю Руссильонъ и Сердань и доставилъ ему миръ съ Франціей, не лишивъ его возможности поддерживать своихъ неаполитанскихъ родственниковъ и посылать въ Италію войска, потому что въ силу договора Фердинандъ могъ въ случаѣ надобности помогать папѣ. Въ одномъ пунктѣ трактата было именно сказано, что Карлъ VIII и Фердинандъ будутъ помогать другъ другу противъ всѣхъ враговъ намѣстника Христа. Въ благодарность за это папа Александръ VI даровалъ королю Фердинанду, его супругѣ и ихъ наслѣдникамъ почетный титулъ «католическаго короля», которымъ испанскіе короли гордятся доселѣ.

Опираясь на этотъ пунктъ, Фердинандъ отправилъ въ Римъ, какъ мы уже сказали (стр. 280), двухъ пословъ чтобы защищать папу; одинъ изъ нихъ, Антоніо Фонсека, объявилъ французскому королю войну, разорвавъ въ лагерѣ при Веллетри въ глазахъ Карла договоръ, заключенный въ Турѣ и Барселонѣ. Сначала мы сомнѣвались въ этой театральной сценѣ; но изъ словъ испанцевъ, цитируемыхъ Прескоттомъ, видимъ, что Фонсека дѣйствовалъ согласно данной ему инструкціи. Фердинандъ уже послалъ въ Сицилію отрядъ войска подъ начальствомъ Гонсальво Кордуанскаго. Этотъ отрядъ помогъ изгнаннымъ арагонскимъ принцамъ, царствовавшимъ въ Неаполѣ, возвратить себѣ не надолго свой престолъ; кромѣ того, Гонсальво было поручено вывѣдать положеніе дѣлъ въ Неаполѣ, потому что Фердинандъ имѣлъ намѣреніе снова присоединить его къ Сициліи, отъ которой онъ былъ отчужденъ братомъ его отца (Альфонсомъ V); Сицилія же продолжала принадлежать Арагоніи. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ достигъ этой цѣли. Когда осенью 1496 г. Карлъ VIII заключилъ миръ съ Мила-

номъ, Фердинандъ также завелъ переговоры, и въ маѣ 1497 г. военныя дѣйствія, открывшіяся на пиринейской границѣ, кончились перемиріемъ и болѣе не возобновлялись.

10. Лудовикъ XII и его походъ на Миланъ.

Карлъ VIII умеръ уже въ апрѣлѣ 1498 г. Съ нимъ угасла мужеская линія короля Карла VI; поэтому на престолъ вступилъ герцогъ Лудовикъ Орлеанскій, внучатный племянникъ Карла VI. Новый король, Лудовикъ XII, и министръ и любимецъ его, архіепископъ Жоржъ д'Амбуазъ, распоряжавшійся всѣмъ, слѣдовали совершенно иной политикѣ, чѣмъ Карлъ VIII. Лудовикъ хотѣлъ овладѣть частью миланскаго герцогства, какъ наслѣдствомъ своей бабки Валентины Висконти (т. III, стр. 440); кромѣ того, онъ нуждался въ дружбѣ папы Александра VI, потому что готовился поступить съ вопіющей несправедливостью съ своей женой Іоанной, сестрой Карла VIII, которой былъ обязанъ своимъ освобожденіемъ и которая была искренно привязана къ нему, не смотря на его распутство; онъ имѣлъ въ виду жениться на вдовѣ Карла, Аннѣ Бретанской; а ужасный папа Александръ хотѣлъ сдѣлать свѣтскимъ государемъ на счетъ Италіи своего сына, кардинала Цезаря Борджіа. Поэтому папа и король соединились для выполненія своихъ замысловъ. Папа послалъ во Францію своего сына Цезаря, который объявилъ уже гласно, что намѣренъ сложить кардинальское достоинство и духовное званіе, принятыя по принужденію. Папа поручилъ ему начать во Франціи родъ процесса противъ несчастной королевы Іоанны и далъ ему буллу, рѣшавшую разводъ. За это король Лудовикъ обѣщалъ папѣ не мѣшать Цезарю Борджіа изгонять фамиліи, царствовавшія въ Церковной области съ титуломъ апостольскихъ викаріевъ и наслѣдственныхъ владѣтелей; сверхъ того, онъ обѣщалъ помочь ему своими войсками въ этомъ предпріятіи.

На пути во Францію и во время прибыванія тамъ, Цезарь Борджіа жилъ съ такою роскошью и такимъ великолѣпіемъ, что затмилъ даже королевскій дворъ. Король Лудовикъ дарилъ ему имѣнья и деньги, надѣясь, что при его помощи уничтожитъ ненавистнаго ему Лудовико Моро Миланскаго. Онъ подарилъ Цезарю герцогство Валентинуа въ Дофинѐ, назначилъ его полковникомъ коннаго отряда съ двадцатью тысячами ливровъ жалованья и обѣщалъ дать владѣніе въ миланскомъ герцогствѣ. За это Цезарь привезъ кардинальскую шапку архіепископу Жоржу д'Амбуазу. Не стоитъ упоминать объ основаніяхъ, приводимыхъ папскими комиссарами въ пользу расторженія столь давняго брака; достаточно сказать, что разводъ состоялся, и въ началѣ 1499 г. Лудовикъ XII женился на вдовѣ своего предшественника. Народъ, возбуждаемый рьяными проповѣдями противъ развода и противъ новаго брака короля, громко выразилъ свое неудовольствіе; но Лудовикъ успокоилъ его, приказавъ не требовать налога, взимаемаго королями при вступленіи на престолъ, и сбавивъ десять процентовъ со всѣхъ податей.

Это начало показывало, что Лудовикъ XII хочетъ употребить въ пользу народа монархическую власть, которую предшественники его добывали всякими правдами и неправдами; послѣдующія событія покажутъ, что государственныя реформы были необходимы и что Лудовикъ старался заслужить данное ему прозваніе «отца народа». Онъ отмѣнилъ вопіющія злоупотребленія, вызванныя учрежденіемъ постояннаго войска. Сборы, назначенные на содержаніе конницы, были до тѣхъ поръ неопредѣленны, и начальники извиняли свои насилія и грабежи необходимостью содержать солдатъ и платить имъ жалованье; но Лудовикъ XII опредѣлилъ этотъ налогъ, такъ что подобныя оправданія потеряли значеніе. Насилія совершались въ деревняхъ и маленькихъ городахъ, поэтому Лудовикъ размѣстилъ конницу по большимъ городамъ, укрѣпленнымъ стѣнами, гдѣ граждане могли не уступать солдатамъ. Кромѣ того, онъ назначилъ командирами не авантюристовъ и разбойниковъ-рыцарей, а людей извѣстныхъ и достойныхъ довѣрія. Они были отвѣтственны за всѣ безпорядки, если не представляли виновныхъ въ судъ для наказанія. Полицейскія учрежденія Лудовика были прочны и благодѣ-

тельны, какъ, напримѣръ, монетная система, новая монета съ изображенiемъ короля, радикальное улучшенiе всего судоустройства и учрежденiе нѣсколькихъ новыхъ парламентовъ.

Зато прибавленiе, сдѣланное Лудовикомъ къ своему титулу, было поводомъ къ войнамъ, продолжавшимся полстолѣтiя. Онъ принялъ титулъ «короля неаполитанскаго, сицилiйскаго и iерусалимскаго, герцога миланскаго». Предъявленныя этимъ титуломъ права должны были повидимому поссорить французскаго короля не только съ Миланомъ, герцога котораго, Лудовико Моро, онъ ненавидѣлъ смертельно, но и съ императоромъ Максимилiаномъ I. Послѣднiй былъ уже призванъ въ Италiю противъ Карла VIII и отправился на помощь къ союзнымъ итальянцамъ въ Тоскану; но онъ сдѣлалъ для нихъ такъ же мало, какъ потомъ для своего родственника, Лудовико Моро, платившаго ему большiя субсидiи. Онъ и тутъ находился въ томъ же положенiи, какъ и вездѣ, дѣлалъ очень мало, потому что не могъ платить своимъ войскамъ, но выказывалъ рыцарскiй духъ и большую личную отвагу. По смерти Карла VIII, онъ началъ съ Лудовикомъ XII войну за своего сына, Филиппа Бургундскаго, а также за нидерландцевъ и нѣмецкихъ герцоговъ, споровшихъ за герцогство Клеве и графство Маркъ; но вскорѣ онъ вернулся, не сдѣлавъ ничего. Филиппъ и нѣмецкiе герцоги обошлись потомъ безъ его помощи, а Максимилiанъ пустился на новый безплодный подвигъ. Онъ выступилъ противъ швейцарцевъ и дошелъ до Энгадина, но ничего не выигралъ. Поэтому о всѣхъ этихъ предпрiятiяхъ мы упоминаемъ далѣе лишь вскользь.

Въ то время какъ императоръ Максимилiанъ игралъ такую жалкую роль въ Италiи, во Францiи и Швейцарiи, сынъ его, Филиппъ Бругундскiй, полагалъ основы распространенiю власти Габсбургскаго дома, которая потомъ въ теченiи полутора вѣка была равно гибельна для Испанiи, Германiи и Италiи. Походъ Карла VIII въ Италiю заставилъ властителей Арагонiи и Кастилiи заключить брачный союзъ съ Максимилiаномъ и Нидерландами. Они женили своего единственнаго сына, донъ-Хуана, на дочери Максимилiана, Маргаритѣ, отверженной Карломъ VIII; но принцъ умеръ тотчасъ послѣ брака (4 октября 1497 г.); тогда они отдали свою вторую дочь, Iоанну, за брата Маргариты, Филиппа. Эта принцесса, сдѣлавшаяся по смерти своей старшей сестры наслѣдницей всей испанской монархiи, родила въ 1500 году въ Гентѣ будущаго императора Карла V, который, мечтая о всемiрной монархiи, велъ много счастливыхъ войнъ, но блестящiе планы котораго были разрушены реформацiей.

Если вѣрить тому, что говоритъ Прескоттъ о тайныхъ переговорахъ, происходившихъ при заключенiи мира между Францiей и Испанiей въ августѣ 1498 г., то Лудовикъ XII условился съ королемъ испанскимъ относительно своихъ плановъ на Италiю. Послѣ перемирiя, заключеннаго Фердинандомъ Католикомъ и Карломъ VIII, былъ заключенъ въ Маркуси миръ, при чемъ, говорятъ, короли согласились обогатиться въ Италiи на счетъ слабѣйшихъ государей. Влiянiе Фердинанда доставило тогда эрцгерцогу Филиппу Бургундскому такiя выгоды отъ французскаго правительства, какихъ не могло добыть ему оружiе его отца, Максимилiана.

Выгоды эти касались выполненiя одной статьи санлисскаго трактата (стр 270). Король французскiй обѣщалъ возвратить эрцгерцогу города Геденъ, Эръ и Бетюнъ, находившiеся еще въ его владѣнiи, когда Филиппъ достигнетъ совершеннолѣтiя, приметъ самъ правленiе и присягнетъ французскому королю за Артуа и Фландрiю. Хотя Филиппъ уже давно правилъ самъ и предлагалъ дать присягу, но французы постоянно оттягивали это дѣло. Максимилiанъ вторгался за это во Францiю, о чемъ мы недавно упомянули. Но онъ не могъ помочь своему сыну и былъ почти изгнанъ изъ герцогства Бургундскаго; тѣмъ временемъ при дворѣ короля французскаго англiйскiй и испанскiй посланники совѣщались съ депутатами Филиппа; они требовали точнаго исполненiя санлисскаго трактата и счастливо окончили дѣло. Въ договорѣ, заключенномъ съ Лудовикомъ, Фердинандъ обѣщалъ не противиться намѣренiямъ французскаго короля относительно Италiи. Лудовикъ могъ теперь привести въ исполненiе свой планъ изгнать герцога Миланскаго, не встрѣтивъ препятствiй со стороны Испанiи и Англiи. Поэтому онъ не требовалъ отъ Филиппа личной присяги и отправилъ во Фландрiю пословъ принять ее отъ его имени.

Лудовикъ XII склонилъ въ пользу своего плана не только папу, но и венецiанцевъ. Лудовико Моро обѣщалъ нѣкогда передать венецiанцамъ Новару, за

помощь, оказанную ему противъ Карла VIII, но не сдержалъ слова; къ тому же политика венеціанцевъ требовала, чтобы они приняли на всякій случай мѣры удержать за собой занятые ими неаполитанскіе порты, и потому планы Лудовика XII побудили ихъ отправить посольство во Францію, гдѣ тогда находился Цезарь Борджіа. Въ февралѣ 1499 г. они заключили съ королемъ договоръ въ Блуа, въ которомъ онъ обѣщалъ имъ участіе въ будущихъ завоеваніяхъ и обезпечивалъ за ними владѣнія городами Кремоной и Гіара-д'Аддой или полосою земли между Аддой, По и Оліо.

Для завоеванія Милана Лудовикъ XII нуждался въ швейцарцахъ, а чтобы навербовать ихъ, надо было имѣть наличныя деньги. Такъ какъ система займовъ нашего времени не была еще изобрѣтена, то Жоржъ д'Амбуазъ предложилъ ему средство, *которое скоро сдѣлалось гибельнѣе для французскаго государства, чѣмъ* притѣсненія, къ которымъ прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ предшественники Лудовика. Амбуазъ посовѣтовалъ королю взыскать значительныя суммы съ чиновниковъ финансоваго вѣдомства, а вакантныя мѣста ихъ не раздавать, а продавать. Лудовикъ XII неохотно послѣдовалъ этому совѣту; онъ предвидѣлъ, что сборщики податей сдѣлаются черезъ это самыми худшими притѣснителями и мучителями народа. И дѣйствительно, система, изобрѣтенная Амбуазомъ и преобразовавшая финансовыхъ чиновниковъ въ самостоятельныхъ кровопійцъ, была такъ же вредна французскому народу, какъ несчастная система займовъ восемнадцатаго столѣтія— всѣмъ европейскимъ народамъ.

Получивъ нужныя деньги, Лудовикъ двинулъ въ августѣ 1499 г. противъ Милана армію въ 13,000 человѣкъ пѣхоты и 9,500 конницы или, по тогдашнему, 1,600 копій. Пѣхота состояла изъ 5,000 швейцарцевъ и 8,000 французовъ. Опытные генералы вели три дивизіи, на которыя была раздѣлена армія. Первою дивизіею командовалъ Джіовани Джакопо Тривульціо, одинъ изъ друзей свободы, изгнанныхъ изъ Милана, второю — Жакъ Люксанбургъ графъ де-Линьи, третьею — Эбергардъ Стюартъ д'Обиньи, отличавшійся въ Неаполѣ по отступленіи Карла VIII. Планъ Лудовика завоевать миланское герцогство былъ выполненъ быстро. Папа Александръ VI совершенно предался интересамъ Лудовика, когда король обѣщалъ найти невѣсту его сыну, Цезарю Борджіа, и помочь ему отнять у законныхъ владѣтелей Имолу, Фаенцу, Форли и Пезаро, и составить изъ нихъ для него особое государство; Тривульціо имѣлъ сношенія съ миланскими гвельфами; венеціанцы вступили въ миланское герцогство; вся страна ненавидѣла Лудовико Моро, какъ тирана, узурпатора и убійцу своего племянника; ни одинъ изъ начальниковъ не исполнялъ своего долга; крѣпости сдавались. Поэтому уже 2 сентября 1499 г. тиранъ былъ принужденъ бѣжать изъ Милана въ Тридентъ и искать спасенія у императора Максимиліана. Онъ взялъ съ собою своихъ дѣтей, драгоцѣнности и 250,000 червонцевъ. Бѣжавшій герцогъ надѣялся возвратиться во главѣ арміи, нанятой у швейцарцевъ и данной ему за деньги Максимиліаномъ; поэтому онъ оставилъ въ миланской цитадели своего главнокомандующаго Бернардо де-Карте съ нѣсколькими тысячами человѣкъ. Но Бернардо продался французамъ за 10,000 дукатовъ и за половину серебрянной посуды герцога, находившейся въ крѣпости. Такимъ образомъ никто не попытался противиться, и 6 октября Лудовикъ XII вступилъ въ Миланъ. Онъ отправилъ во Флоренцію молодаго сына несчастнаго герцога Іоанна, Галеаццо, а мать его, Изабеллу, отослалъ въ Неаполь.

Французы не могли утвердиться въ завоеванной странѣ, потому что противъ нихъ была вся сильная партія ломбардскихъ гибеллиновъ. Поэтому папа и его дѣти торопились воспользоваться для своихъ цѣлей первыми минутами побѣды французовъ и сдѣлали это въ высшей степени возмутительнымъ образомъ для всего христіанскаго міра. Знаменитая дочь папы, Лукреція Борджіа, послѣ развода съ Сфорцою, вышла за донъ-Алонзо Арагонскаго князя Бизиньяно, побочнаго сына неаполитанскаго короля Альфонса II, и передъ тѣмъ получила отъ своего отца герцогство Сполето; послѣ побѣды Лудовика XII, Александръ отнялъ у законнаго владѣтеля Сермонсту и подарилъ ее своей дочери. Кромѣ того, Цезарь Борджіа, герцогъ Валентинуа, явился съ вспомогательными войсками Лудовика, чтобы отнять у Сфорцы — Пезаро, у Малатесты — Римини, у Манфреди оФаенцу, у Катарины Сфорцы, правившей за Ріаріа — Имолу и Форли, у Варано — Камерино, у графовъ Монтефельтро и герцоговъ Урбино — ихъ вла-

денія. Имола и ея цитадель сдались черезъ двадцать дней; но Катарина Сфорца такъ мужественно защищала Форли, что когда городъ былъ взятъ приступомъ и Катарина, попавшая въ плѣнъ, была отправлена въ замокъ Ангела, начальникъ французскаго вспомогательнаго отряда, Аллегръ, выхлопоталъ плѣнницѣ свободу. Но вскорѣ однако (въ февралѣ 1500 г.) французы были принуждены выйти изъ Церковной области, потому что Лудовико Моро явился внезапно въ Миланѣ съ войскомъ, набраннымъ въ Швейцаріи и въ графствѣ Бургундскомъ.

Французы возстановили противъ себя всѣхъ своими грабежами, жестокостями и насиліями, которыми еще хвастались; кромѣ того, они смертельно ненавидѣли Тривульціо и покровительствуемыхъ имъ гвельфовъ; поэтому изгнанный герцогъ, неожиданно явившійся въ срединѣ зимы, нашелъ всюду благопріятный пріемъ, и счастіе французовъ кончилось. Лудовико Моро возвратился въ столицу, не бывъ въ состояніи однако занять крѣпости; онъ преслѣдовалъ по пятамъ французскій корпусъ, который Тривульціо велъ въ Мортару, и взялъ укрѣпленную Новару. Между тѣмъ король Лудовикъ вооружилъ новое войско подъ начальствомъ Ла-Тремуйля и черезъ дижонскаго бальи навербовалъ множество швейцарскихъ волонтеровъ. Эта армія двинулась къ Новарѣ, гдѣ Лудовикъ стоялъ съ своимъ войскомъ. Такимъ образомъ швейцарцы были въ обоихъ непріятельскихъ лагеряхъ и составляли главную и единственную надежду Лудовико Моро. Но вдругъ, на его бѣду, явился изъ Швейцаріи приказъ обоимъ войскамъ возвратиться домой. Приказъ этотъ далъ швейцарцамъ, служившимъ Лудовико, поводъ къ измѣнѣ, что весьма порицалось ихъ соотечественниками, которые, не смотря на упрямство и корыстолюбіе, отличались вѣрностью и потому считались добрыми союзниками.

По этому дѣлу было произведено слѣдствіе; однако настоящій ходъ дѣла неизвѣстенъ, и всего вѣроятнѣе то, что говоритъ о немъ Сисмонди. Швейцарскіе офицеры, служившіе у французовъ, подучили волонтеровъ Лудовико Моро отказаться, на основаніи полученнаго приказа, отъ службы противъ своихъ соотечественниковъ и шумно требовать должнаго имъ жалованья. Герцогъ просилъ своего брата, кардинала Асканіо Сфорца, придти къ нему на помощь изъ Милана съ итальянцами; но онъ былъ принужденъ вступить въ сраженіе, не дождавшись его прихода, чтобы не потерять сообщенія съ Миланомъ. Онъ выступилъ изъ Новары, но едва только построилъ свои войска, какъ швейцарцы отказались служить и стали неистово требовать должной имъ платы. Онъ тщетно просилъ ихъ не покидать рядовъ; они возвратились въ городъ и 10 апрѣля держали совѣтъ съ своими соотечественниками, находившимися во французской арміи. Вѣроятно, ихъ подкупили, на что, кажется, намекаетъ самъ Ла-Тремуйль въ своихъ запискахъ *). Результатомъ совѣщанія было то, что швейцарцы предоставили герцога на произволъ судьбы и даже не позаботились о его свободномъ пропускѣ, ограничившись тѣмъ, что взяли его съ собой, переодѣтымъ францисканскимъ монахомъ.

Лудовико Моро легко можно было узнать по его длинной, худой фигурѣ, но, вѣроятно, онъ былъ указанъ французамъ, которые внимательно осматривали каждаго проходящаго мимо швейцарца. Однако они не узнали бы его, если бы Каспаръ Зиленъ и Рудольфъ Турманъ изъ Ури и Рудольфъ Залисъ изъ Граубиндена не указали на него пальцемъ. Французы вытащили его изъ рядовъ и арестовали. Ла-Тремуйль отправилъ плѣннаго герцога во Францію. Король поступилъ съ нимъ какъ съ узурпаторомъ и преступникомъ, хотя не имѣлъ никакого права быть его судьей; онъ перевозилъ его изъ тюрьмы въ тюрьму и наконецъ заперъ въ Лошъ, гдѣ онъ и умеръ черезъ десять лѣтъ. Итальянцы говорятъ, что съ нимъ обращались очень дурно; французы же увѣряютъ въ противномъ. Швейцарцы, служившіе герцогу, были большею частью изъ четырехъ маленькихъ кантоновъ и изъ Граубиндена; они

---

*) Le seigneur de Tremoille trouva moyen de pourparler aux ennemis du roi et a leurs capitaines cognoissant partie d'iceuls. Ses devis et remonstrances donnèrent occassion aux Suisses Lancequenetz et Bourguignons d'eulx assembler pour adviser à ce que leur avoit été dict par le seigneur la Tremoille.

по такому же праву, какъ Лудовикъ XII и венеціанцы, завладѣли частью миланскаго герцогства, которая могла имъ пригодиться. Занятіемъ города Беллинцоны, швейцарцы изъ Ури обезпечили своимъ соотечественникамъ владѣніе теперешнимъ кантономъ Тессиномъ, уступленнымъ имъ впослѣдствіи. Измѣнники, выдавшіе Лудовико Моро, преслѣдовались общимъ презрѣніемъ, и Турманъ былъ даже казненъ въ отечествѣ. Кардинала Асканіо Сфорцу привезли также во Францію, но впослѣдствіи освободили. Сыновья Лудовико Моро остались у императора Максимиліана; сынъ Іоанна-Галлеацо былъ еще въ дѣтствѣ постриженъ въ монахи.

Паденіе герцога Миланскаго увѣнчало счастіемъ и торжествомъ преступленія Борджіевъ; Цезарь Борджіа герцогъ Валентинуа и его сестра, Лукреція, подъ покровомъ своего отца, Александра VI, и добраго короля Лудовика XII, предавались порокамъ и преступленіямъ, о которыхъ мы можемъ развѣ намекнуть вскользь, чтобы не возмущать нравственнаго чувства читателя. Чтобы показать однако ужасающее паденіе нравственности и отсутствіе религіозности во всей общественной жизни Италіи, мы должны хотя вкратцѣ коснуться исторіи Цезаря Борджіа и его сестры въ 1500—1501 годахъ. Получивъ подкрѣпленіе отъ французовъ, Цезарь взялъ сначала Пезаро, а потомъ изгналъ владѣтеля Римини, Малатесту. Асторре Манфреди, юный владѣтель Фаенцы, замѣчательный своею цвѣтущею красотой, сдѣлался бы еще въ 1500 г. жертвою честолюбія Цезаря, еслибъ его не защитила любовь подданныхъ. Но въ слѣдующемъ году Цезарь взялъ Фаенцу и умертвилъ его; передъ казнью развратникъ поступилъ съ нимъ такъ постыдно, что мы не можемъ входить въ эти подробности. Князь Бизиньяно, третій мужъ Лукреціи Борджіа, былъ раненъ сбиромъ на порогѣ церкви, а потомъ отравленъ; всѣ обвиняли въ этомъ герцога Валентинуа и его сестру. Общее мнѣніе подтверждалось тѣмъ, что Цезарь велѣлъ убить и брата своего, герцога Гандію, не назначилъ слѣдствія объ убійствѣ мужа Лукреціи и не наказалъ виновниковъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого убійства, папа и его дѣти принудили герцога Феррарскаго, Альфонса д'Эсте, жениться на Лукреціи, три первые мужа которой умерли такъ трагически.

Флорентинцы также благопріятствовали сыну Александра, который думалъ основать королевство въ средней Италіи при помощи французовъ. Цезарь получилъ отъ своего отца герцогство Романію и взялъ къ себѣ на службу швейцарцевъ, которые въ огромномъ числѣ шли къ нему, такъ какъ у него не было недостатка въ деньгахъ. Ему хотѣлось прогнать Джіованни Бентиволію, господствовавшаго въ Болоньѣ; но этому помѣшалъ Шарль д'Амбуазъ де Шомонъ, оставленный Лудовикомъ XII намѣстникомъ въ Миланѣ; на этотъ разъ онъ дѣйствовалъ именемъ короля, хотя Лудовикъ вообще всячески помогалъ папѣ Александру и его сыновьямъ. Тѣмъ не менѣе, Бентиволіо счелъ необходимымъ удовлетворить герцога Валентинуа, обязавшись платить ему ежегодную дань. Флорентинцамъ пришлось сдѣлать то же, когда Цезарь, утвердивъ за собою Болонью, обратился противъ нихъ. Они просили помощи у короля французскаго, но должны были поладить съ Борджіей во что бы то ни стало. Они обязались принять его на службу республики съ отрядомъ войска и платить ежегодно по 36,000 червонцевъ. Кромѣ того, они должны были выдать ему владѣтеля Піомбино, у котораго были отняты всѣ его владѣнія, кромѣ замка Піомбино. Макіавелли полагаетъ, что власть герцога Валентинуа, основанная съ дьявольскою хитростью и коварствомъ на убійствѣ, грабежѣ и несправедливости, утвердилась бы прочно, если бы въ 1503 г. не умеръ не вовремя папа Александръ. Мы думаемъ однако, что трактатъ, заключенный Лудовикомъ XII и Фердинандомъ Католикомъ о раздѣлѣ земель несчастнаго Федерико Неаполитанскаго, сдѣлалъ совершенно невозможнымъ исполненіе плановъ Цезаря. Мы понимаемъ, что Цезарь могъ не видѣть этого, несмотря на всю свою хитрость; но намъ непонятно, какъ могъ Макіавелли, донынѣ слывущій мастеромъ въ политикѣ и получавшій отъ флорентинцевъ дипломатическія порученія, какъ могъ онъ отзываться въ своихъ письмахъ съ такой похвалой о предпріятіяхъ Цезаря. Какъ дипломатъ, онъ могъ не обращать вниманія на нравственность; но такому великому государственному человѣку слѣдовало бы, кажется, видѣть политическіе промахи.

11. Завоеваніе Неаполя Франціей и Испаніей.

Фердинандъ Католикъ соединился родственными узами не только съ императоромъ Максимиліаномъ, но и съ англійскимъ королемъ Генрихомъ VII; но въ обоихъ случаяхъ онъ плохо позаботился о супружескомъ счастіи своихъ дочерей. Іоанна, выданная за сына Максимиліана, Филиппа Бургундскаго, доставила своему мужу, по смерти своей старшей сестры, всю испанскую монархію; она любила его со всею страстью испанки, но взамѣнъ того встрѣчала въ немъ большую холодность и лишилась разсудка, когда Филиппъ преждевременно умеръ. Младшая дочь Фердинанда, Катарина, вышла за сына Генриха VII, Артура принца Уэльсскаго, а по смерти его, ради богатаго приданнаго, принуждена была выйти за своего зятя, будущаго короля Генриха VIII. Вся жизнь этой женщины была рядомъ огорченій; но отецъ ея черезъ ея бракъ достигъ своей политической цѣли: онъ привлекъ на свою сторону англійскаго короля, въ то время какъ обманулъ французскаго.

Еще Карлъ VIII условился съ Фердинандомъ завладѣть сообща неаполитанскимъ королевствомъ, вознаградивъ слабаго, но образованнаго и ученаго короля Фридриха. Эти переговоры возобновились въ 1500 году, когда преемникъ Карла VIII, Лудовикъ XII, вторично занялъ Миланъ и хотѣлъ покорить Неаполь. Разсчитывая заключить договоръ съ Фердинандомъ, Лудовикъ отклонилъ предложеніе короля Фридриха, которое могло бы доставить ему власть въ Неаполѣ, не проливъ ни капли крови. Фридрихъ предлагалъ признать короля французскаго своимъ верховнымъ главою и платить ему ежегодную дань. Въ маѣ 1500 г. Лудовикъ и Фердинандъ сблизились другъ съ другомъ такъ, что въ Испаніи снаряжались флотъ и войско. Поводомъ къ этимъ вооруженіямъ Фердинандъ выставлялъ защиту южнаго неаполитанскаго берега отъ турокъ, которые, по призыву Лудовико Моро и короля Фридриха, безпокоили венеціанцевъ не только въ Далмаціи и Иллиріи, но и на занятомъ ими берегу Калабріи. Предводителемъ испанскаго войска былъ Гонсальво Кордуанскій, вернувшійся въ Испанію по отнятіи у французовъ Неаполя; онъ былъ снова посланъ въ Сицилію, чтобы, по заключеніи съ Франціей договора, напасть общими силами на короля, котораго недавно защитилъ отъ французовъ.

Длинный и точный договоръ, заключенный между Лудовикомъ XII и Фердинандомъ Католикомъ съ цѣлью завоеванія неаполитанскаго королевства, былъ составленъ во Франціи, но утвержденъ Фердинандомъ только 22 сентября 1500 г. въ Гранадѣ. Потому этотъ памятникъ высочайшаго безбожія двухъ монарховъ, изъ которыхъ одинъ назывался христіанѣйшимъ, а другой—католическимъ, извѣстенъ подъ именемъ Г р а н а д с к а г о т р а к т а т а. Изъ множества пунктовъ этого договора, который никогда не былъ выполненъ и которымъ Лудовикъ снова отказывался навсегда отъ Руссильона и Сердани, мы приводимъ только тѣ, которые находятся въ непосредственной связи съ событіями слѣдующаго года, такъ какъ мы хотимъ говорить только о фактахъ, а не о планахъ, переговорахъ и дипломатическихъ штукахъ. Единственнымъ предлогомъ лишить Фридриха Неаполя могло послужить королямъ то обстоятельство, что неаполитанскій король призывалъ съ Лудовико Моро турокъ на помощь противъ французовъ. Въ гранадскомъ договорѣ сказано, что Фридрихъ, вызвавъ турокъ, поступилъ такъ, что правленіе его ставитъ въ опасность весь христіанскій міръ, и потому монархи, составляющіе договоръ, находятъ необходимымъ для охраненія отъ турокъ христіанства раздѣлить его государство. Касательно этого раздѣла было рѣшено, что Лудовикъ получитъ столицу, провинціи Терра ди Лаворо и Абруццо и титулъ неаполитанскаго короля, а Фердинандъ — Апулію и Калабрію съ титуломъ герцога. Пунктъ договора, касающійся таможеннаго сбора съ стадъ Капитанаты, оцѣненнаго въ 100,000 дукатовъ, достаточенъ для доказательства, что испанцы не смотрѣли на договоръ серьезно; было постановлено, что испанскіе чиновники будутъ собирать этотъ доходъ и дѣлить между испанскимъ и французскимъ правительствами. Папа Александръ VI одобрялъ союзъ, заключенный противъ Фрид-

риха Неаполитанскаго, а сынъ его, Цезарь Борджіа, сопровождалъ французскую армію, когда дѣло дошло до исполненія.

Во время переговоровъ объ этомъ трактатѣ, Гонсальво Кордуанскій помогалъ венеціанцамъ противъ турокъ и отличался славными подвигами на морѣ и на сушѣ, такъ что въ теченіе 1500 года республика возвратила отнятый у нея островъ Кефалонію. Въ началѣ 1501 г. Гонсальво былъ посланъ въ Сицилію для завоеванія Неаполя и занялъ оттуда южную часть неаполитанскаго королевства. Въ іюлѣ того же года д'Обиньи вступилъ въ неаполитанскія владѣнія съ французскою арміею, въ которой по обыкновенію было много швейцарцевъ; первое сопротивленіе встрѣтило его при Капуѣ; но послѣ непродолжительной обороны городъ этотъ предложилъ капитуляцію. Переговоры о ней еще не были кончены, какъ Капуя была взята штурмомъ, при чемъ погибло болѣе 7,000 жителей. Здѣсь Цезарь Борджіа выказалъ такую жестокость, какую можно встрѣтить только у турокъ и монголовъ. Онъ велѣлъ взять сорокъ красивѣйшихъ женщинъ и дѣвушекъ и привезти ихъ къ себѣ въ Римъ. Мы не повѣрили бы тому, что разсказываютъ объ этомъ, если бы не знали еще худшихъ фактовъ о неестественныхъ наслажденіяхъ этого дьявола. Король Фридрихъ скоро отказался отъ всякой надежды удержаться на престолѣ и былъ такъ неблагоразуменъ, что бѣжалъ въ Искію; когда явился французскій флотъ, ему пришлось положиться на великодушіе французовъ. Онъ отправился во Францію и, хотя вначалѣ король Лудовикъ принялъ его сухо, но впослѣдствіи обращался съ нимъ соотвѣтственно его сану и сдѣлалъ намѣстникомъ Анжу и Мена. Онъ умеръ въ 1504 году. Старшій сынъ его, Фернандо, жилъ до 1550 г. въ Испаніи, получая приличное содержаніе; однако его дважды женили на такихъ женахъ, отъ которыхъ навѣрно знали, что у него не будетъ дѣтей.

Дружба двухъ монарховъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ, не могла быть продолжительною, такъ какъ въ договорѣ, заключенномъ между ними, не было и помину о провинціяхъ Контадо ди Молизе, Валь ди Беневенто, Принчипато и Базиликатѣ, а Абруццо и Терра ди Лаворо не могли быть удержаны безъ плодоносной Капитанаты. Поэтому, какъ доказалъ актами Джіанноне, французы стали оспаривать у испанцевъ не только таможенную пошлину на скотъ Капитанаты, о которой въ договорѣ было точное постановленіе, но и владѣніе всею провинціею. Намѣстникъ Лудовика XII въ Неаполѣ, герцогъ Немурскій, и намѣстникъ Фердинанда, Гонсальво Кордуанскій, хотѣли, казалось, сперва мирно покончить споръ и съ этой цѣлью нѣсколько разъ съѣзжались въ апрѣлѣ 1502 года; но когда герцогъ Немурскій получилъ подкрѣпленіе, переговоры были внезапно прерваны, и въ іюнѣ началась въ Неаполѣ война между испанцами и французами. Лудовикъ XII отправилъ въ Неаполь вновь навербованныхъ швейцарцевъ и затѣмъ прибылъ лично въ Миланъ, откуда посылалъ подкрѣпленія войскамъ герцога Немурскаго и д'Обиньи. Въ теченіе 1502 года испанцы были изгнаны изъ Апуліи, а въ Калабріи удержали только морской берегъ, потому что Фердинандъ находился тогда въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и не могъ посылать имъ войска. Гонсальво съ трудомъ защитилъ Барлетту, Андрію, Галлиполи, Тарентъ, Козенцу, Семинару и нѣкоторыя другія мѣста. Самыя жаркія сраженія происходили при Бари и при Барлеттѣ, гдѣ Гонсальво былъ запертъ съ своими испанцами безъ денегъ, и обѣ арміи соперничали другъ съ другомъ въ стойкости.

Испанцы, какъ и французы, вели войну средневѣковымъ образомъ, геройски осаждая и защищая крѣпости и укрѣпленія. Это могло прославлять храбрость рыцарей, но не приводило къ рѣшительнымъ результатамъ. Поэтому д'Обиньи совѣтовалъ обратить всѣ силы противъ Барлетты; но герцогъ Немурскій пренебрегъ его совѣтомъ. Хроники, описывающія сраженіе при Барлеттѣ, напоминаютъ намъ времена Илліады; Барлетта играетъ роль Илліона, а французскій рыцарь Баяръ—Ахилла; онъ былъ идеаломъ рыцарства и кумиромъ воинственныхъ французовъ. Сначала цѣлый день сражались одиннадцать испанцевъ и столько же французовъ, а Баяръ, Франсуа д'Урфе (сеньеръ д'Орозъ), Торси и Мондрагонъ сдѣлали изъ лошадей больверкъ, чтобы держаться противъ многочисленныхъ враговъ. Затѣмъ Баяръ побѣдилъ испанскаго дворянина Сотомахора, котораго описываютъ какимъ-то Голіафомъ. Наконецъ, тринадцать италь-

янцевъ дрались съ тринадцатью французами, въ виду обѣихъ армій и жителей Трани, причемъ венеціанцы были судьями поединка и отвели для него мѣсто близъ этого города. Тысячи зрителей стекались отовсюду, точно на бой быковъ, турниръ или упражненіе въ боксированіи, смотрѣть на кровавое зрѣлище, которое ничего не рѣшило, но въ которомъ итальянцы были счастливѣе французовъ.

Что же касается войны, то лукавство Фердинанда обмануло французовъ; онъ усилилъ свою армію и изгналъ противниковъ изъ неаполитанскаго королевства, помочь которому французы не могли вслѣдствіе гранадскаго договора. Эрцгерцогъ Филиппъ жилъ съ января 1502 г. въ Испаніи съ своей вѣтренной бельгійско-французской свитой и возбудилъ сильное неудовольствіе своимъ образомъ жизни и вмѣшательствомъ въ испанскія дѣла; ему же надоѣла испанская спѣсь и, кромѣ того, онъ тяготился излишнею любовью своей жены и ея ревностью, къ которой его распутство давало поводъ. Наконецъ онъ потерялъ терпѣніе и, оставивъ жену, выѣхалъ изъ Испаніи во Фландрію. Дорогою онъ посѣтилъ въ Ліонѣ короля Лудовика XII, чтобы прекратить споръ о раздѣлѣ Неаполя; тесть далъ ему неограниченное полномочіе для переговоровъ. Французскіе и итальянскіе писатели говорятъ, что Фердинандъ, слѣдуя коварной политикѣ, которою постоянно руководствовался, постыднымъ образомъ обманулъ зятя. Хотя испанцы отрицаютъ это, но мы находимъ это вѣроятнымъ. Фердинандъ предоставилъ зятю безусловное полномочіе на заключеніе договора и, достигнувъ задуманной цѣли, утверждалъ, что далъ ему инструкціи, которымъ онъ, будто, не послѣдовалъ. 5 апрѣля 1503 г. въ Ліонѣ былъ заключенъ договоръ между Филиппомъ и Лудовикомъ, въ силу котораго сынъ эрцгерцога (Карлъ V), родившійся въ 1500 году, долженъ былъ жениться на дочери Лудовика, Клавдіи, имѣвшей тогда два года; они должны были получить титулъ короля и королевы неаполитанскихъ и герцога и герцогини калабрійскихъ; но до брака ихъ испанская часть Неаполя предоставлялась эрцгерцогу Филиппу, а во французскую назначался намѣстникъ, по согласію обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ эти условія были выгодны для Лудовика, который поэтому пріостановилъ отплытіе изъ Генуи флота съ войскомъ и запасами. Было рѣшено, что Филиппъ, какъ уполномоченный своего тестя, также пошлетъ приказаніе Гонсальво прекратить военныя дѣйствія. Французскій флотъ остался въ Генуѣ, но Гонсальво не послушалъ приказа Филиппа, и потому французы проиграли дѣло.

Во французскомъ войскѣ, д'Обиньи былъ недоволенъ, что ему, старому и опытному полководцу, приходится стоять ниже молодаго герцога Немурскаго. Онъ остался въ войскѣ только изъ патріотизма въ особенности потому, что герцогъ препятствовалъ ему взять приступомъ Барлетту и покончить войну однимъ ударомъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ посланъ въ Калабрію и покорилъ эту провинцію, пока герцогъ Немурскій старался голодомъ принудить Барлетту къ сдачѣ. Но онъ не взялъ эту крѣпость и даже самъ попалъ въ большое затрудненіе, когда Гонсальво отнялъ у него запасы, собранные въ Кастелланетѣ, и отправилъ ихъ въ Барлетту. Герцогъ Немурскій могъ бы еще спастись, еслибъ французскій флотъ, стоявшій въ Генуѣ, получилъ приказаніе идти въ Неаполь. Правда, Гонсальво также получилъ отъ эрцгерцога Филиппа приказаніе прекратить военныя дѣйствія; но онъ не послушалъ его, такъ какъ, говорятъ, король предписалъ ему не повиноваться приказаніямъ Филиппа, хотя далъ зятю безусловное полномочіе заключить договоръ съ Лудовикомъ XII. Испанскій историкъ Сурита объясняетъ это иначе, и Прескоттъ въ своей «Исторіи Фердинанда и Изабеллы» также даетъ дѣлу другой оборотъ, въ пользу Фердинанда. Мы предоставляемъ рѣшеніе этого спорнаго вопроса другимъ, и довольствуемся указаніемъ на тотъ неоспоримый фактъ, что Лудовикъ XII, въ надеждѣ на помянутый договоръ, велѣлъ своему флоту, везшему подкрѣпленіе и съѣстные припасы, не трогаться изъ Генуи, а Фердинандъ какъ разъ въ то самое время дѣлалъ усиленныя приготовленія къ дѣятельному продолженію войны. Фердинандъ послалъ въ Барлетту людей, деньги и съѣстные припасы, добытые изъ Тріеста, и отправилъ противъ д'Обиньи въ Калабрію новое войско, числомъ, говорятъ, до 15,000 человѣкъ.

Свѣжія войска, посланныя въ Калабрію, тотчасъ по высадкѣ лишились своего главнокомандующаго, Портокареро. По смерти его, начальство принялъ Фер-

нандо Андрада, который немедленно двинулся на Терра-Нуову, для выручки этого укрѣпленнаго города, осажденнаго д'Обиньи. Д'Обиньи вышелъ противъ нихъ и аттаковалъ при Семинарѣ, гдѣ 25-го апрѣля 1503 г. произошло рѣшительное сраженіе. Испанцами предводительствовали, подъ главнымъ начальствомъ Андрады, Мануэль Бенавидесъ, Гонсальво де-Авалосъ, Фуанъ Кардона и Антоніо де-Лейва, умъ и храбрость котораго возвели его изъ низшихъ слоевъ общества на первыя ступени; впослѣдствіи онъ былъ лучшимъ изъ замѣчательныхъ полководцевъ Карла V. Д'Обиньи былъ разбитъ. Д'Имбрекуръ, Малербъ и Джонъ Стюартъ герцогъ Ольбэни пали въ сраженіи; д'Обиньи бѣжалъ въ крѣпость Анджитолу, гдѣ вскорѣ долженъ былъ сдаться испанцамъ. Въ то же время Гонсальво втихомолку двинулся изъ Барлетты, чтобы аттаковать герцога Немурскаго. Герцогъ поспѣшно стянулъ свои войска и при Сериньолѣ, въ 16 часахъ пути отъ Барлетты, предложилъ испанцамъ сраженіе, которое они приняли (28 апрѣля 1503 г.). Испанцы выиграли сраженіе, и побѣда ихъ доставила королю Фердинанду неаполитанское королевство. Герцогъ Немурскій палъ, и испанцы, разбивъ французское войско, такъ быстро овладѣли всею страной, что уже въ концѣ іюля въ Неаполѣ не осталось ни одного француза. Въ числѣ начальниковъ отрядовъ, служившихъ подъ предводительствомъ Гонсальво и сражавшихся при Сериньолѣ, находился и Пизаро, который впослѣдствіи покорилъ Перу, гдѣ совершилъ возмутительныя злодѣянія, запятнавшія его имя.

Лудовикъ XII былъ глубоко огорченъ. Онъ считалъ себя обманутымъ и оскорбленнымъ и при первомъ извѣстіи о нарушеніи ліонскаго трактата рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы вновь покорить Неаполь. Это заставило его примириться съ швейцарцами или, лучше сказать, съ мелкими кантонами, съ которыми его миланскій намѣстникъ воевалъ безъ особеннаго успѣха въ нынѣшнемъ кантонѣ Тессинѣ по поводу занятія Белинцоны. Въ то самое время, какъ война разгоралась въ Апуліи и Калабріи, швейцарцы изъ Ури проникли при помощи своихъ союзниковъ до Ароны на каждомъ берегу озера. Но Лудовикъ рѣшился уступить имъ и 10 апрѣля 1503 г. заключилъ договоръ, въ силу котораго Ривіера, Белинцона и Болленца предоставлялись кантонамъ Ури, Швицу и Унтервальдену, образовавшимъ изъ нихъ подвластныя имъ общины. Помирившись съ швейцарцами, Лудовикъ снова вооружился и отправилъ противъ Фердинанда три арміи. Первая была набрана въ Гаскони и находилась подъ начальствомъ сира д'Альбре, отца короля наваррскаго (стр. 258); она должна была вторгнуться чрезъ Фонтарабію въ испанскіе предѣлы. Вторая, предводимая маршаломъ де Ріе, имѣла порученіе покорить Руссильонъ, а третья и сильнѣйшая двинулась чрезъ Тоскану въ Неаполь подъ командою Ла Тремуйля.

Но всѣ эти силы сдѣлали немного. Главнокомандующій арміи, посланной противъ Фонтарабіи, щадилъ владѣнія своего сына, который не хотѣлъ изъ политики расходиться съ Фердинандомъ. Де Ріе прошелъ со своимъ войскомъ до Руссильона и шесть недѣль, въ сентябрѣ и октябрѣ 1403 г., осаждалъ городъ Сельсасъ; но король Фердинандъ призвалъ къ оружію своихъ воинственныхъ арагонцевъ, привыкшихъ ополчаться противъ мавровъ. Собравъ народное ополченіе, онъ пошелъ на помощь 6 т. отряду, наблюдавшему подъ начальствомъ Фернандо Альбы за осаждающими. При появленіи его въ Перпиньянѣ, во главѣ этой народной силы, состоявшей изъ 12,000 конницы и втрое большаго числа пѣхоты, Ріе поспѣшилъ отступить и укрылся со своимъ войскомъ подъ стѣнами Нарбонны. Фердинандъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, занялъ множество французскихъ городовъ, а на другіе наложилъ контрибуцію; но при этомъ онъ доказалъ свою политическую мудрость тѣмъ, что не пытался упрочивать за собой свои завоеванія и проникать далеко во Францію. Онъ заключилъ перемиріе на пять мѣсяцевъ, которое потомъ было продолжено на три года.

Въ Италіи, которую Фердинандъ не включилъ въ это перемиріе, французы дѣйствовали еще неудачнѣе, чѣмъ на испанской границѣ. Швейцарцы, очень недовольные Лудовикомъ XII, плохо содѣйствовали Ла Тремуйлю. Тѣмъ не менѣе, еслибъ онъ могъ быстро идти на Неаполь, побѣда осталась бы за нимъ; но смерть папы Александра VI и интриги всемогущаго министра французскаго ко-

роля, кардинала д'Амбуаза, долго задерживали Ла Тремуйля въ Римѣ. Поэтому, прежде чѣмъ будемъ слѣдить далѣе за ходомъ войны въ Италіи, намъ слѣдуетъ взглянуть на послѣднее время царствованія этого ужаснаго папы и его сына, Цезаря Борджіа.

12. Конецъ царствованія Александра VI, смерть Цезаря Борджіа и окончаніе войны французовъ и испанцевъ въ Италіи.

Въ то время какъ французы и испанцы завязали новую борьбу въ Италіи за обладаніе неаполитанскимъ королевствомъ, власть и могущество папы Александра VI и сына его, Цезаря Борджіа, мгновенно разлетѣлись въ прахъ; жизнь ихъ Гвиччіардини характеризуетъ сложившеюся про нихъ поговоркою: «папа никогда не дѣлаетъ того, что говоритъ; а сынъ его никогда не говоритъ того, что дѣлаетъ». Изъ исторіи Борджіевъ мы можемъ привести только нѣкоторыя черты, и изъ всего касающагося послѣдняго времени ихъ жизни приведемъ только то, что основано на вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельствахъ. Эти данныя, касающіяся жизни Александра и его родни, не могутъ быть опровергнуты никакой исторической критикой. Въ дневникѣ папскаго церемоніймейстера Буркарда совершенно спокойно и прямо говорится о всѣхъ убійствахъ, отравленіяхъ и грабежахъ, совершенныхъ папою Александромъ, его сыномъ Цезаремъ и дочерью Лукреціею, съ 1500 по 1503 г. Въ книгѣ Буркарда, кромѣ того, помѣщено письмо, писанное изъ Тарента въ Германію, въ которомъ упоминается о множествѣ постыдныхъ поступковъ, открыто совершенныхъ Борджіами; если даже считать несправедливымъ и преувеличеннымъ семь восьмыхъ его, то остальное все-таки далеко превзойдетъ всѣ разсказы объ ужаснѣйшихъ злодѣяхъ и убійцахъ.

Буркардъ говоритъ положительно, что Лукреція находилась въ связи съ своимъ отцомъ, что она рѣшала всѣ дѣла, даже духовныя, что архіепископъ лисабонскій, колебавшійся исполнить желаніе Лукреціи, былъ сбытъ съ рукъ посредствомъ грязной выходки, одобренной Лукреціей. То, что Буркардъ говоритъ объ увеселеніяхъ папы Александра и Лукреціи, и сцены, публично происходившія въ Піомбино и разсказываемыя имъ съ полною откровенностью, превосходитъ всякое вѣроятіе. Въ дневникѣ Буркарда помѣщено подъ особымъ заглавіемъ описаніе празднества съ пятьюдесятью публичными женщинами, даннаго герцогомъ въ апостольскомъ дворцѣ (conviveum quinquaginta meritricum), и тому подобныхъ папскихъ увеселеній; описаніе это ужаснѣе всѣхъ вымысловъ Ювенала и всего, что можетъ придумать самое развращенное воображеніе. Но въ порядочной книгѣ нельзя повторять этого длиннаго и точнаго описанія оргіи съ пятьюдесятью публичными женщинами, которыхъ Буркардъ называетъ честными любовницами *). Мы пропустимъ все непристойное и разскажемъ только о поступкахъ Цезаря Борджіа, стремившагося основать королевство въ средней Италіи.

Мы говорили уже (стр. 292), какимъ образомъ герцогъ Валентинуа изгонялъ, убивалъ и грабилъ такъ называемыхъ викаріевъ въ Романьи и Мархіяхъ. Осенью 1501 дѣло дошло до древнихъ фамилій Колонна и Савелли. Въ 1502 Цезарь уговорилъ герцога Урбино, столицу котораго никогда не могъ бы взять силой, помочь ему артиллеріей въ какомъ-то мнимомъ предпріятіи; тогда онъ неожиданно оборотился противъ него, изгналъ его и его родственниковъ и завладѣлъ четырьмя городами и 300 укрѣпленными замками, составлявшими урбинское герцогство. Послѣ этого онъ взялъ Камерино такимъ постыднымъ образомъ, что вся Италія возмутилась этимъ **). Затѣмъ онъ быстро бралъ города, измѣннически изгонялъ одного владѣльца за другимъ, и если бы Людовикъ XII не положилъ этому конца, большая часть Тосканы была бы жертвою грабежа папы, его сына и дочери. Когда наконецъ Паоло Орсини, Вителлоццо Вителли, герцогъ Гравина, Пандольфо Петруччи и другіе мелкіе владѣтели заключили тѣсный

*) Maretrices honestae, cortegianae nuncapatae.
**) Azione si proditoria, che niuno si teneva più sicuro dalle insidie di costui,

оборонительный союзъ съ Болонской республикой, Цезарь разстроилъ этотъ союзъ тѣмъ, что обманомъ, ласками и обѣщаніями привлекъ къ себѣ на службу всѣхъ этихъ владѣтелей, державшихъ наемныя войска. Съ ихъ помощью онъ завладѣлъ городомъ Синегаліею, который принадлежалъ прежде префекту Рима, Франческо Маріи делла Ровере. Завладѣвъ Синегаліею, онъ тотчасъ велѣлъ всѣмъ наемникамъ выступать; владѣтелей же этихъ и много другихъ лицъ созвалъ на какое-то совѣщаніе въ открытомъ полѣ и велѣлъ всѣхъ перебить. Уцѣлѣлъ только Пандольфо Петруччи, не давшійся въ обманъ. Это случилось или въ послѣдній день 1502 года, или въ первый слѣдующаго.

Папа, узнавъ, что нечего болѣе бояться этихъ предводителей кондотьеровъ, велѣлъ позвать къ себѣ во дворецъ кардинала Джіованни Батиста Орсини, арестовалъ его и въ февралѣ потихоньку отправилъ на тотъ свѣтъ. Той же участи подверглись Ринальдо Орсини, архіепископъ флорентинскій, протонотарій Орсини и другіе члены этой фамиліи. У Вителли отняли Читту ди Кастелли, а у Джіованни Паоло Бальоне—Перуджію. Городъ Сіена избѣгнулъ покоренія только потому, что на помощь ему поспѣшило множество могущественныхъ фамилій (1503 года). Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что средняя Италія была тогда наполнена мелкими владѣтелями и тиранами. Поэтому софисту государственнаго единства легко представлять злодѣянія Цезаря полезными и даже необходимыми. Эта софистика необходимости преступленій, измѣны и насилія для пользы правительства обманула и Маккіавелли, изъявлявшаго тогда въ своихъ письмахъ удивленіе къ Цезарю. Вѣроятно, тоже самое говорилъ и папа Александръ, стараясь, не задолго передъ смертью, получить согласіе кардиналовъ на провозглашеніе своего сына королемъ Романіи, Мархій и Умбріи; у него не было недостатка въ талантѣ дѣлать изъ чернаго бѣлое, а изъ бѣлаго черное, которымъ теперь восхищаются въ государственныхъ людяхъ.

Планъ сдѣлать ужаснаго Цезаря Борджіа королемъ Средней Италіи рушился по той же причинѣ, по которой остановился походъ Ла Тремуйля въ Неаполь, а именно по внезапной смерти Александра VI, 18 августа 1503 г. Александръ умеръ или отъ лихорадки, бывшей, до употребленія хинной корки, смертельною, или, какъ утверждаютъ враги его, отъ собственнаго преступленія. Говорятъ, что за обѣдомъ онъ выпилъ отравленнаго вина, приготовленнаго имъ и его сыномъ для кардинала Адріана ди Корнето. Мы оставляемъ нерѣшеннымъ, точно ли это была причина его смерти; но вѣроятно это правда, потому что Цезарь Борджіа и кардиналъ Корнето, пившіе это вино вмѣстѣ съ Александромъ, тотчасъ же заболѣли, но, благодаря болѣе крѣпкому здоровью, послѣ долгой болѣзни выздоровѣли. Весьма вѣроятно, что Цезарь намѣревался отравить кардинала Адріана ди Корнето и, перемѣшавъ бутылки, отравился самъ; но сомнительно, чтобы папа присутствовалъ на обѣдѣ, гдѣ это случилось.

Вѣсть о смерти папы возбудила въ всемогущемъ министрѣ Лудовика XII, кардиналѣ Жоржѣ д'Амбуазѣ, игравшемъ до сихъ поръ роль папы во Франціи, надежду быть преемникомъ Александра. Поэтому онъ тотчасъ же отправился въ Римъ въ сопровожденіи кардинала арагонскаго и освобожденнаго брата Лудовика Моро, кардинала Асканіо Сфорцы. Въ твердой увѣренности, что его выберутъ въ папы, онъ приказалъ французской арміи остановиться за нѣсколько часовъ къ сѣверу отъ города. Войска Цезаря должны были выйти изъ Рима тотчасъ по смерти Александра, а испанская армія была задержана передъ Гаэтой. Но надежда кардинала Амбуаза не осуществилась, потому что папой избрали не его, а архіепископа сіенскаго, принявшаго имя Пія III.

Новый папа умеръ черезъ нѣсколько недѣль (18 октября 1503 г.). Смерть его огорчила всѣхъ друзей апостольскаго ученія, потому что первымъ словомъ его послѣ избранія было желаніе созвать всеобщій соборъ и наконецъ дѣйствительно исправить весь церковный порядокъ. Случись это, Лютеру не было бы нужды расходиться съ существующими учрежденіями церкви противъ своего желанія и принциповъ. Къ счастью, судьба рѣшила иначе. Пію III наслѣдовалъ сначала делла Ровере, а потомъ Медичи, и оба они сдѣлали гораздо болѣе для временной и преходящей церкви, чѣмъ для невидимой и вѣчной (**ove Christo è Romano**). Одинъ изъ нихъ, Юліанъ делла Ровере, избранный по смерти Пія III, болѣе думалъ о войнахъ и пріобрѣтеніяхъ, чѣмъ о своей духовной паствѣ; пре-

емникъ его, Іоаннъ Медичи, или папа Левъ X, думалъ, подобно язычнику, о наукѣ и искусствѣ, о царственномъ блескѣ и свѣтскомъ великолѣпіи, о славѣ и удивленіи потомства и о своемъ семействѣ, а не о страждущемъ человѣчествѣ и его утѣшеніи, какъ бѣдный пророкъ Назарета.

Въ краткое правленіе Пія III, Цезарь Борджіа возвратился въ Римъ, съ тѣмъ, какъ онъ говорилъ, чтобы пожелать счастія новоизбранному папѣ. Во время въѣзда его, не смотря на конвой, данный ему Піемъ, на него напали Джіованни Паоло Бальоне, всѣ Орсини и приверженцы многочисленныхъ жертвъ его злодѣяній. На улицѣ произошло настоящее сраженіе, и Орсини преслѣдовали его до Ватикана, куда онъ скрылся. Оттуда, по совѣту папы, онъ перешелъ въ замокъ Ангела. Наемники его разсѣялись, какъ только узнали о его пораженіи, и могуществу его, казалось, наступилъ конецъ. Однако онъ удерживалъ еще за собой Чезену, Форли, Бертиноро, Имолу и Форлимпополи, занятые наемниками, начальники которыхъ были ему преданы. Поэтому новый папа и даже французы и испанцы искали его дружбы.

Преемникомъ папы Пія былъ избранъ Юліанъ делла Ровере, называвшійся кардиналомъ St Petri a Vinculis (стр. 238 и 275), бѣжавшій нѣкогда во Францію; онъ былъ родственникъ Сикста IV и извѣстенъ, какъ предводитель кондотьеровъ. Онъ принялъ имя Юлія II. Онъ не хотѣлъ расходиться съ Цезаремъ Борджіа, чтобы не допустить венеціанцевъ овладѣть всѣми захваченными имъ городами; венеціанцы воспользовались возвращеніемъ изгнанныхъ Цезаремъ фамилій и купили у нихъ Фаенцу, Равенну, Форли, Римини, Порто Чезенатико, Санто Арканджело и другія мѣста. Поэтому Юлій II выпустилъ Цезаря Борджіа изъ замка Ангела и, чтобы привлечь на свою сторону, возвратилъ ему всѣ его прежніе титулы и почетныя должности. Цезарь послалъ комендантамъ крѣпостей приказъ передать ихъ папѣ; но они сочли это хитростью Юлія, повѣсили посланнаго на стѣнѣ и дали папѣ поводъ думать, что Цезарь обманулъ его. Поэтому Цезарь былъ запертъ въ башню Борджіа, гдѣ погубилъ столько невинныхъ; но скоро его выпустили. Онъ имѣлъ потомъ еще много приключеній, которыя, по нашему мнѣнію, не касаются всеобщей исторіи. Онъ снова явился во главѣ наемниковъ, сошелся съ испанцами, чуть не сдѣлался владѣтелемъ Пизы и наконецъ былъ дружески принятъ Гонсальво; но, послѣ блестящаго пира, его измѣнически взяли и отправили въ Испанію. Оттуда онъ бѣжалъ къ своему зятю, королю Іоанну II наваррскому, и погибъ въ походѣ, предпринятомъ послѣднимъ.

Кардиналъ Амбуазъ, увидѣвъ обманъ папы Юлія II, поспѣшилъ воротиться во Францію. Французское войско между тѣмъ стало наконецъ продолжать свой путь къ Неаполю. Гонсальво, все еще задерживаемый осадою Гаэты, ожидалъ французовъ при Гарильяно. Такъ какъ Ла Тремуйль заболѣлъ передъ Римомъ, то французской арміей предводительствовали маркграфъ мантуанскій Франческо Гонзага, который не могъ тягаться съ Гонсальво. Въ октябрѣ арміи встрѣтились на мосту Гарильяно, и часть французовъ пробралась на противоположный берегъ, но тщетно пыталась устроить тетъ-де-понъ. Нѣсколько недѣль происходила безплодная рѣзня на мосту, бывшемъ во власти французовъ. Въ ноябрѣ французамъ пришлось терпѣть отъ вреднаго воздуха этой мѣстности, и генералы ихъ и солдаты сваливали вину на итальянскаго маркграфа, который командовалъ ими. Ему пришлось выйти въ отставку и, подъ предлогомъ болѣзни, онъ оставилъ войско. Въ декабрѣ его мѣсто занялъ маркграфъ Салуццо. Наконецъ, послѣ семинедѣльной стоянки армій другъ противъ друга, произошло рѣшительное сраженіе. 28 декабря испанцы, получивъ подкрѣпленіе отъ итальянцевъ, перешли Гарильяно по наведенному мосту и на слѣдующій день аттаковали французовъ. Французы храбро оборонялись, но испанцы расположились очень выгодно и поразили непріятелей, не смотря на ихъ мужество и геройскіе подвиги ихъ знаменитаго Баяра. Французы отступили къ Гаэтѣ такъ поспѣшно и въ такомъ безпорядкѣ, что сраженіе это называлось потомъ неиначе, какъ Гарильянскимъ бѣгствомъ. Остатки ихъ войска были истреблены испанцами на гаэтской гати, и января 1504 года городъ этотъ сдался Гонсальво на капитуляцію, съ артиллеріей, пороховыми магазинами и всѣми запасами. Занятіемъ Гаэты кончилось завоеваніе неаполитанскаго королевства.

Европейская слава Гонсальво, пріобрѣтенная имъ послѣ этой войны, и по-

клоненіе ему въ Неаполѣ и во всей Италіи были таковы, что самъ Фердинандъ началъ опасаться его и былъ даже готовъ изъ-за этого заключить миръ. Со времени перемирія, заключеннаго между Франціей и Испаніей (стр. 298), Фердинандъ велъ переговоры съ Лудовикомъ XII о мирѣ и послалъ съ этою цѣлію во Францію двухъ министровъ, которые съ тѣхъ поръ постоянно жили тамъ. Послѣ битвы при Гарильяно, они приняли предложенное имъ трехлѣтнее перемиріе. Договоръ, составленный ими, былъ принятъ 25 февраля 1504 и подписанъ французскимъ королемъ въ Ліонѣ 11 марта, а 31 числа Фердинандомъ и Изабеллой въ монастырѣ Санта Марія де ла Махорада. Испаніи предоставлялось владѣть во время перемирія неаполитанскимъ королевствомъ, а Франціи — герцогствомъ миланскимъ; французы должны были обѣщать не поддерживать въ Неаполѣ никакихъ сношеній. Такимъ образомъ, миръ былъ одинаково выгоденъ какъ испанцамъ, такъ и французамъ, потому что обѣ стороны обѣщали другъ другу не помогать своимъ врагамъ. Въ томъ же году умерла королева Изабелла (26 ноября 1504), и положеніе дѣлъ въ Италіи и Испаніи совершенно измѣнилось.

III. ГЕРМАНІЯ, ИСПАНІЯ И ИТАЛІЯ

СЪ КОНЦА XV СТОЛѢТІЯ ДО СМЕРТИ МАКСИМИЛІАНА I.

1. Германія при Максимиліанѣ I до 1504 г.

Говоря о различныхъ событіяхъ, мы дали понятіе о положеніи германской имперіи при Фридрихѣ III и въ первые годы царствованія Максимиліана I; но германскія дѣла не могутъ быть представлены съ достаточной ясностью въ общей исторіи. Поэтому мы должны вернуться къ самому началу исторіи царствованія Максимиліана.

Разстройство финансовъ также безпокоило императора по избраніи его въ римскіе короли, какъ и до того. Имперія и всѣ подвластныя Максимиліану страны доставили ему въ три года меньше той суммы, какую онъ получилъ въ приданое за второю женой, Бланкой Маріей Миланской (стр. 273). Германскіе чины и города, не желавшіе ничего дѣлать для чести имперіи и императора, были конечно неправы, упрекая римскаго короля въ томъ, что онъ женился на племянницѣ Лудовико Моро. Но признаніе за деньги законнымъ герцогомъ Лудовико Моро, заточившаго и отравившаго своего племянника, было дѣйствительно дѣломъ постыднымъ; признаніемъ этимъ онъ объявлялъ узурпаторомъ своего несчастнаго зятя, Іоанна-Галеаццо.

Императора сильно порицали за этотъ поступокъ, тѣмъ болѣе, что нѣмецкіе чины въ этомъ самомъ году живо ощущали отсутствіе права, законности и порядка въ государствѣ и стали настаивать на составленіи государственнаго уложенія и на отдѣленіи интересовъ императора, какъ наслѣдственнаго владѣтеля своихъ земель, отъ интересовъ князей, рыцарей и городовъ имперіи. Попытки ограничить права императора дѣлались уже не разъ, но безплодно. Въ мартѣ 1495 г. въ Вормсѣ былъ открытъ имперскій сеймъ. Ученый и романтическій рыцарь Максимиліанъ говорилъ о помощи противъ турокъ, о римскихъ походахъ и о войнахъ въ Италіи. Но чины отвѣчали ему весьма прозаически и очень умно, что не согласятся помогать ему противъ внѣшнихъ враговъ, пока не будутъ возстановлены миръ, право и порядокъ внутри. Чины не хотѣли давать Максимиліану денегъ на его похожденія и поѣздки. Города выказали при этомъ скупость и торгашество, а когда зашла рѣчь о займахъ, имперское дворянство поступило съ римскимъ королемъ точно такъ, какъ теперь поступаетъ съ народомъ. Въ 1495 и въ слѣдующихъ годахъ оно объявило, что ему съ древности принадлежитъ право не платить податей. Поэтому неудивительно, что Максимиліанъ игралъ такую жалкую роль въ Италіи, куда отправился по отступленіи Карла VIII. Не смотря на это, вормсскій сеймъ и старанія благороднаго канцлера, архіепископа Бертольда Майнцскаго, много способствовали тому, что наконецъ черезъ двѣсти лѣтъ было составлено общее имперское уложеніе, при чемъ прежнее значеніе императора было весьма ограничено. На новомъ сеймѣ въ Вормсѣ (съ августа до октября 1495) имперское уложеніе, получившее законную силу для всей имперіи, было обсуждено, написано и утверждено.

Мы скажемъ объ этомъ важномъ учрежденіи лишь вкратцѣ, такъ какъ подробное изложеніе его завело бы насъ слишкомъ далеко въ науку, которая преподается въ нѣмецкихъ университетахъ подъ именемъ «*исторіи германской имперіи и правъ*». Еще въ августѣ 1495 на имперскомъ сеймѣ въ Вормсѣ былъ установленъ прочный порядокъ относительно внутренняго мира и имперскаго суда; онъ долженъ былъ рѣшать спорные случаи, рѣшавшіеся до тѣхъ поръ оружіемъ. Впрочемъ ниже мы увидимъ, какъ трудно было удерживать князей, имперскихъ рыцарей и ихъ хваленыхъ героевъ, Зиккингеновъ, Гуттеновъ, Гетцовъ фонъ Берлихингеновъ, и отучать ихъ отъ курдскихъ обычаевъ, грабежей и кулачной расправы противъ мирныхъ гражданъ и поселянъ. Въ Вормсѣ былъ объявленъ всеобщій и вѣчный королевскій земскій миръ; подъ страхомъ наказанія было запрещено всякое нападеніе и междоусобіе и для нарушителей мира была установлена денежная пеня въ 2000 золотыхъ марокъ, при чемъ виновный лишался всѣхъ чиновъ, имѣній, привилегій, правъ, долговыхъ притязаній и другихъ преимуществъ. При новомъ порядкѣ былъ необходимъ имперскій судъ. Фридрихъ III учредилъ было такой судъ; но самое названіе его императорскій дворцовый судъ показываетъ, что онъ не былъ имперскимъ. Въ 1494 Максимиліанъ лично предсѣдательствовалъ въ назначенной имъ судебной коллегіи въ Кельнѣ и, назначая судъ въ Нидерланды, наименовалъ графа Эйтеля Фридриха фонъ Цоллерна дворцовымъ судьей. Потомъ онъ призвалъ девять судей въ Вормсъ и велѣлъ производить судъ предъ имперскимъ собраніемъ и подъ предсѣдательствомъ графа фонъ Цоллерна. Судъ этотъ не былъ имперскимъ, и чины по мелочной скупости своей готовы были возложить содержаніе его на императора, который также не имѣлъ средствъ содержать ни войска, ни двора, ни судовъ. Наконецъ умный Бертольдъ Майнцскій, урожденный графъ Геннебергъ, нашелъ средство учредить настоящій имперскій судъ 1 октября 1495 г. Онъ долженъ былъ открыться въ томъ же мѣсяцѣ и состоять изъ шестнадцати судей, назначенныхъ императоромъ изъ кандидатовъ чиновъ и городовъ. Жалованье судьямъ слѣдовало платить частью изъ побочныхъ доходовъ, частью изъ взносовъ отъ членовъ сейма или изъ сбора извѣстнаго подъ именемъ простаго феннинга (gemeiner Pfenning), потомъ срочный платежъ (Zieler); мы предоставляемъ спеціальной исторіи разсудить о безконечныхъ спорахъ, возобновляющихся почти ежегодно, о порядкѣ этого суда, о сборѣ простаго феннинга и о его взиманіи. Плата его производилась такъ дурно, что судъ часто останавливался за неимѣніемъ денегъ для жалованья. Онъ производился въ разныхъ городахъ, пока наконецъ не основался окончательно въ Шпейерѣ.

Максимиліанъ старался удержать часть своего прежняго рыцарскаго вліянія, распространивъ на всю имперію имперскій надворный судъ, учрежденный имъ для Австріи. Мы упоминаемъ объ этомъ потому, что это учрежденіе существовало до конца имперіи. Рѣшенія народнаго суда совершенно равнялись рѣшеніямъ дворцоваго или палатнаго, и тяжущіеся могли выбирать любой. Максимиліанъ немедленно объявилъ, что, посовѣтовавшись съ князьями и курфирстами, «возьметъ къ своему двору честныхъ и разсудительныхъ людей, съ помощью которыхъ будетъ исполнять всѣ пункты уложенія имперскаго палатнаго суда, насколько они не нарушаютъ его власти. На время своихъ отлучекъ онъ желаетъ назначать въ этотъ судъ предсѣдателя, который бы рѣшалъ дѣла вмѣсто императора».

На томъ же сеймѣ въ Вормсѣ Максимиліанъ соединилъ всѣ родовыя виртембергскія земли въ одно герцогство, въ пользу графа Эбергарда Старшаго Виртембергскаго, *покровителя и друга Рейхлина и Бертольда Майнцскаго* (стр. 190 — 191). Впрочемъ Эбергардъ Старшій и преемникъ его Эбергардъ Младшій не имѣли дѣтей, а братъ послѣдняго, Генрихъ, былъ слабоуменъ. Поэтому когда въ 1498 г. Эбергардъ Младшій былъ изгнанъ изъ страны виртембергскими чинами, швабскимъ союзомъ и римскимъ королемъ, недовольными его дурными дѣйствіями, всѣ виртембергскія владѣнія перешли къ восьмилѣтнему сыну Генриха, Ульриху, или, лучше сказать, къ назначенной надъ нимъ опекѣ. Швабскій союзъ былъ такъ важенъ для охраненія земскаго мира и порядка въ имперіи, что въ 1496 стараніями Максимиліана и Бертольда Майнцскаго его продлили на три года, въ 1498 году въ него долженъ былъ вступить Ульрихъ Виртемберг-

скій еще на двѣнадцать лѣтъ; при этомъ были сдѣланы распоряженія о выборѣ главы союза.

Въ 1499 году Максимиліанъ велъ вышеупомянутую (стр. 291) войну съ Швейцаріей. Какъ эрцгерцогъ австрійскій, онъ имѣлъ притязанія на мюнстерскую долину, а какъ германскій король враждовалъ съ швейцарцами за ихъ обязательство являться на имперскіе сеймы и платить простой феннингъ; кромѣ того швабскій союзъ, считая ихъ подвѣдомственными себѣ, былъ также во враждѣ съ ними. Поэтому можно было надѣяться, что онъ энергически поддержитъ Максимиліана; но поддержки этой не было, вслѣдствіе чего Максимиліанъ пожалъ въ войнѣ съ союзниками такъ же мало лавровъ, какъ при нападеніи на Францію и въ походѣ противъ Карла Гельдерискаго, возвратившаго себѣ отцовское наслѣдіе.

Въ это время имперскій палатный судъ снова задремалъ, потому что не получалъ нужныхъ на содержаніе его денегъ, такъ какъ могущественные владѣльцы охотнѣе рѣшали свои дѣла кулакомъ; кромѣ того Максимиліанъ видѣлъ, что новое учрежденіе низводитъ его на степень президента нѣмецкой федеральной республики, такъ что онъ перестаетъ быть римскимъ императоромъ Божіею милостью. Нѣмецкіе князья, въ особенности Бертольдъ Майнцскій, не переставали однако приставать къ нему и наконецъ въ іюнѣ 1500 г. потребовали его согласія на учрежденіе особаго независимаго отъ императора имперскаго правленія для охраны земскаго мира и поддержки палатнаго суда. Это учрежденіе, назначенное сперва на шесть лѣтъ, должно было состоять изъ двадцати лицъ подъ предсѣдательствомъ императора, а въ отсутствіе его, его уполномоченнаго. Максимиліанъ назначилъ сначала своимъ намѣстникомъ курфирста саксонскаго Фридриха Мудраго, съ 6000 гульденовъ жалованья. Палатный судъ былъ также отданъ подъ надзоръ имперскаго правленія. Но германскіе чины не хотѣли подчиняться правленію, и императоръ, не желавшій терпѣть его на ряду съ собой, былъ недоволенъ этимъ. Поэтому Максимиліанъ старался въ 1502 придать болѣе значенія своему австрійскому надворному суду и распространить его на всю Германію, помѣстивъ въ немъ своихъ совѣтниковъ.

При учрежденіи имперскаго правленія было возобновлено предложеніе, сдѣланное еще при Альбрехтѣ II, раздѣлить Германію, кромѣ Нидерландовъ и Австріи, на шесть округовъ (Kreise) и поручить исполненіе имперскихъ приговоровъ и повелѣній двумъ важнѣйшимъ владѣтелямъ въ каждомъ округѣ, по выбору мѣстныхъ чиновъ; главное назначеніе ихъ было охраненіе земскаго мира. По нѣмецкому обыкновенію, объ этомъ много совѣщались, толковали и рѣшали, но мало сдѣлали. Наконецъ планъ этотъ былъ покинутъ, и вмѣсто того составили десять округовъ, въ томъ числѣ Нидерланды и Австрія. Но это устройство, необходимое для полнаго искорененія кулачнаго права и для отвращенія междоусобій, было приведено въ исполненіе уже по смерти Максимиліана въ 1522 году.

Пока проповѣдь Лютера противъ тогдашняго церковнаго порядка не привела въ движеніе всей Европы, событія въ Германіи имѣли весьма мало значенія для успѣховъ цивилизаціи и для всеобщей исторіи. Даже Венеція была нѣкоторое время важнѣе въ системѣ европейскихъ государствъ, чѣмъ Германія. Значеніе этой республики было невыносимо для воинственнаго папы Юлія II, римскаго короля Максимиліана и королей Арагоніи и Франціи. Поэтому они образовали противъ Венеціи союзъ, извѣстный подъ именемъ Канбрейской лиги. Съ этимъ союзомъ связана исторія европейскаго материка и общая исторія періода 1504—1519 г.; въ этомъ періодѣ, кромѣ реформаціи, испанскія и неаполитанскія событія имѣютъ больше смысла, чѣмъ германскія, тѣмъ болѣе, что все, происходившее тогда въ Нидерландахъ, Испаніи и Италіи, было какъ бы приготовленіемъ того, что впослѣдствіи предпринялъ сынъ Филиппа Бургундскаго, Карлъ V. Какъ внукъ Фердинанда Католика, Карлъ V наслѣдовалъ Арагонію и Неаполь, а какъ внукъ Максимиліана I—всѣ австрійскія владѣнія и былъ, по смерти дѣда, избранъ германскимъ императоромъ.

2. Открытіе Америки. Христофоръ Колумбъ.

Завоеваніе Гранады, изгнаніе мавровъ изъ Испаніи и открытіе Америки дѣлаютъ царствованіе Фердинанда Католика и супруги его, Изабеллы, столь же важнымъ для новаго времени, какъ предпріятія Александра Великаго для исторіи древняго міра. Мы уже упоминали о покореніи Гранады, къ печальнымъ послѣдствіямъ котораго намъ еще не разъ придется возвращаться; объ открытіи же Америки и его результатахъ мы разскажемъ вкратцѣ теперь.

Мы уже замѣтили (т. III, стр. 629—631), что заслуга послѣдовательнаго открытія острововъ Зеленаго Мыса и всего западнаго берега Африки принадлежитъ португальцамъ. Извѣстно также, что и кастильцы предпринимали путешествія въ эти страны. Позднѣе португальцы проникли послѣ многихъ экспедицій до крайней оконечности Африки, которая сперва была названа Мысомъ Бурь, а потомъ Мысомъ Доброй Надежды. Португальцы уже цѣлое полстолѣтіе вели очень выгодную торговлю съ новооткрытыми странами и народами, и наконецъ Васко де Гама объѣхалъ Африку и проникъ въ переднюю Индію по пути на востокъ, извѣстному, какъ видно изъ Геродота, еще финикіянамъ.

Съ древнѣйшихъ временъ Индія была страною богатства и чудесъ, а по вялости своихъ жителей—добычею воинственныхъ народовъ. Войны съ маврами развили въ португальцахъ воинственность и обратили ихъ въ грозныхъ воиновъ; поэтому они сдѣлали въ Индіи большія завоеванія и взяли несмѣтную добычу. Они считали баснословную золотую страну своею исключительною собственностью, не позволяли ни одному иностранцу пользоваться ихъ морскими картами и хранили въ тайнѣ мореплаваніе по компасу и средства противиться опасностямъ океана. Но во времена Васко де Гама люди другихъ націй догадались, что такъ какъ земля кругла, то алмазныхъ розсыпей и золотыхъ горъ чудной Индіи можно достигнуть не только по восточному пути, открытому португальцами, и что для этой цѣли нужно направляться на западъ.

Эта мысль занимала Христофора Коломба или Колумба, родившагося въ 1446 г. въ Генуѣ и принявшаго, поселившись въ Испаніи, имя Колона. Онъ долго жилъ въ Португаліи, гдѣ изучалъ морское дѣло, космографію и математическія науки, сдѣлалъ нѣсколько очень выгодныхъ морскихъ путешествій и женился на дочери одного португальскаго дворянина, имѣвшаго большое значеніе при дворѣ. Онъ возъимѣлъ мысль искать Индію по западному пути, но не могъ добиться отъ португальскаго правительства средствъ для исполненія этого плана. Португальскій король Іоаннъ II покровительствовалъ всѣмъ смѣлымъ предпріятіямъ и всякому плану, выгодному для торговли и промышленности, но Колумба не понялъ. Генуэзскій сенатъ, къ которому Колумбъ обратился потомъ, также отказалъ ему. Колумбъ отправился въ Испанію, но въ то же время послалъ своего брата, Варѳоломея, въ Англію къ Генриху VII. Онъ пріѣхалъ въ Андалузію въ то самое время, когда Фердинандъ и Изабелла были заняты приготовленіями къ второму походу противъ Гранады (стр. 288). Тѣмъ не менѣе Колумба выслушали и назначили коммисію изъ космографовъ и знатоковъ морскаго дѣла для разбора его предложеній. Засѣданіе ея происходили въ монастырѣ св. Стефана въ Саламанкѣ, куда король съ королевою прибыли зимою 1486—87 года. Впрочемъ Мугносъ говоритъ, что актовъ ея не сохранилось, хотя другіе разсказываютъ странныя вещи о преніяхъ, происходившихъ въ ней. Проектъ Колумба казался нелѣпою фантазіей. Но первый профессоръ теологіи, королевскій духовникъ Фрай Діего Діасъ, имѣвшій неограниченное вліяніе на богомольную фанатическую королеву Изабеллу, добился того, что на Колумба перестали смотрѣть какъ на сумасброда и объявили, что планъ его полезенъ для государства. Колумбъ былъ принятъ въ королевскую свиту и съ этихъ поръ пользовался, наравнѣ съ другими придворными, даровымъ содержаніемъ и квартирою. Поступки его доказываютъ, что онъ былъ совершенно увѣренъ въ своемъ дѣлѣ. Передъ отплытіемъ, онъ хотѣлъ формально утвердить за собой большія льготы и преимущества, причемъ встрѣтилъ не мало затрудненій, въ особенности со стороны придворныхъ.

До покоренія Гранады Колумбу приходилось тратить время на просьбы и исканія, въ теченіе шести лѣтъ ему то обѣщали, то отказывали, то снова утѣшали. Когда наконецъ капитуляція Гранады обрадовала всѣхъ испанскихъ христіанъ, онъ началъ надѣяться на успѣхъ. Но удачи все-таки не было, и поэтому онъ разстался въ январѣ 1492 г. съ королевскою четою и уѣхалъ изъ лагеря при Санта-Фе въ Кордову. Но едва доѣхалъ онъ до мосту, какъ былъ остановленъ двумя людьми, имѣвшими большое вліяніе на королеву Изабеллу. То были сборщикъ церковныхъ доходовъ Арагоніи Луисъ де Сантъ-Анжель и министръ финансовъ Кинтанилья. Они не хотѣли допустить, чтобы португальцы взяли перевѣсъ надъ испанцами, и обратились къ королевѣ, представляя ей, что она можетъ заслужить великую славу, отправивъ на западъ корабли въ золотымъ и алмазнымъ горамъ и обративъ въ христіанство народы, найденные португальцами на востокѣ. Имъ удалось убѣдить королеву. Она обѣщала добыть денегъ изъ кастильской казны, которою могла располагать независимо отъ мужа, и послала за Колумбомъ, который немедленно возвратился въ Санта-Фе.

Королева не могла понести при этомъ предпріятіи большихъ убытковъ. Снаряженіе жалкихъ кораблей для Колумба стало дешево: 17,000 флориновъ (dies y siete mil Florines) по Мугносу или 20,500 піастровъ, какъ говоритъ Фердинандо Колумбъ въ біографіи своего отца, а по Робертсону — 4,000 ф. ст. За то очень важны были выгоды, предоставленныя Колумбу договоромъ 17 апрѣля 1492 г. Во-первыхъ, найдя въ морѣ острова или материкъ, онъ долженъ былъ получить отъ Кастиліи для себя и для своихъ потомковъ званіе адмирала со всѣми правами генералъ-адмирала. Во-вторыхъ, онъ назначался вице-королемъ всѣхъ земель и острововъ, которыя откроетъ, съ правомъ представлять королю на каждую должность трехъ кандидатовъ. Въ-третьихъ, какъ генералъ-адмиралъ Кастиліи, онъ становился верховнымъ судьей во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ, могущихъ возникнуть по торговымъ сношеніямъ съ новооткрытыми странами. Въ-четвертыхъ, въ предѣлахъ его адмиральской власти онъ долженъ былъ пользоваться десятью процентами со всѣхъ доходовъ съ товаровъ и плодовъ. Наконецъ, въ-пятыхъ, онъ принималъ на себя восьмую часть расходовъ на всѣ корабли, снаряженные для сношеній съ новооткрытыми странами, за что долженъ былъ пользоваться той же долей въ доходахъ.

Маленькій флотъ Колумба состоялъ изъ трехъ дрянныхъ кораблей, изъ которыхъ два имѣли менѣе ста тоннъ вмѣстимости, а третій только сорокъ. Онъ не успѣлъ добраться съ ними до Канарскихъ острововъ, которыми испанцы окончательно завладѣли лишь 1495 г. вмѣстѣ съ покореніемъ Тенерифа. Корабли еще во время этого переѣзда потерпѣли такія поврежденія, что пришлось простоять весь августъ на мѣстѣ, и только 6 сентября отплыли въ неизвѣданное море. Въ океанѣ Колумбу пришлось бороться не столько съ волнами и бурями, сколько съ суевѣріемъ и предразсудками своего экипажа. 12 октября 1492 г. онъ открылъ островъ Ганагани, которой назвалъ Сан-Сальваторомъ; потомъ онъ нашелъ еще нѣсколько мелкихъ острововъ и познакомился съ берегомъ Кубы и Испаньолы или Гаити. Скоро онъ повернулъ впрочемъ обратно и ужъ черезъ семь мѣсяцевъ (въ мартѣ 1493) присталъ къ испанскому берегу. Одинъ изъ его кораблей потонулъ другой заблудился, отставъ отъ него, и онъ воротился домой всего съ однимъ.

Колумбъ привезъ изъ своего перваго путешествія не много золота; но онъ открылъ испанцамъ новый міръ, населенный плохо-вооруженнымъ и беззащитнымъ первобытнымъ племенемъ. На открытыхъ имъ островахъ они нашли сначала очень мало золота, но надѣялись отыскать его въ огромномъ количествѣ, проникая дальше въ новыя земли. Надежда эта увлекла въ новооткрытыя страны множество испанцевъ. Они отправились не съ цѣлью колонизаціи или основанія торговыхъ сношеній, но для завоеваній и грабежа. Побѣды и завоеванія знаменитыхъ испанскихъ героевъ, Пизарро, Кортесовъ, покорявшихъ въ горстью смѣлыхъ проходимцевъ большія государства, Мехико, Перу и Чили,—сопровождались неслыханнымъ варварствомъ и запятнали славу Испаніи. Награбленныя богатства имѣли пагубное вліяніе на нравственность испанцевъ. Подкрѣплять эти положенія доказательствами мы не желаемъ; мы ограничимся краткимъ разсказомъ о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ Колумба.

Вся Европа пришла въ неописанное изумленіе, когда по ней пронеслась

молва о новооткрытыхъ островахъ, о ихъ произведеніяхъ и обитателяхъ, нѣсколько экземпляровъ которыхъ Колумбъ привезъ съ собою. Папа (Александръ VI) немедленно подарилъ испанцамъ всѣ земли, которыя они откроютъ на западѣ, подобно тому какъ предшественники его дарили португальцамъ открытыя ими страны на востокѣ. Папа торжественно объявилъ объ этомъ въ двухъ буллахъ. Но изъ нихъ не видно, какъ соглашалъ онъ свой подарокъ съ господствовавшимъ тогда мнѣніемъ, что острова, открытые Колумбомъ, принадлежатъ къ старой Индіи, какія именно страны хотѣлъ отдать во владѣніе Испаніи, и что разумѣлъ онъ подъ пунктомъ къ югу отъ экватора, о которомъ говоритъ во второй своей буллѣ. Испанскій народъ и его государи осыпали Колумба похвалами и почестями и принялись снаряжать новую экспедицію подъ его руководствомъ. На этотъ разъ было построено 17 кораблей, щедро снабженныхъ всѣмъ необходимымъ. На нихъ отправилось 2,500 человѣкъ, изъ коихъ многіе намѣревались завести въ Новомъ Свѣтѣ колонію.

Вся обстановка этой второй экспедиціи Колумба была въ высшей степени блестяща для того времени, хотя изъ 17 судовъ только три были во сто тоннъ. Колумбъ отплылъ изъ Кадикса 25 сент. 1493 г., а 2 ноября увидалъ оконечность острова, который назвалъ Доминикой (островомъ Воскресенія), такъ какъ онъ былъ открытъ въ воскресный день. Отсюда онъ поплылъ назадъ въ Испаньолу, гдѣ въ первую поѣздку свою оставилъ около тридцати испанцевъ, въ мѣстѣ, названномъ имъ Навидадомъ. Но онъ нашелъ, что всѣ возведенныя такъ постройки сожжены и разорены, а люди исчезли. Колумбъ основалъ здѣсь новый городъ съ тысячью жителей, который назвалъ Изабеллой. Мореплаватели имѣли въ виду покорять, угнетать и грабить туземцевъ и найдти воображаемыя неистощимыя сокровища природы; стало быть, въ новооткрытыхъ земляхъ можно было упрочиться, лишь обезпечивъ себѣ помощь изъ Испаніи. Такимъ образомъ вскорѣ оказалось, что предпріятіе Колумба, вмѣсто немедленныхъ выгодъ, потребуетъ сначала большихъ расходовъ. Въ февралѣ 1495 г. адмиралъ отправилъ назадъ двѣнадцать кораблей за разными предметами, въ которыхъ нуждался.

Хвастливыя извѣстія, присланныя по этому случаю Колумбомъ испанскому двору, и разсказы возвратившихся спутниковъ его, показываютъ, что единственною цѣлью этихъ испанцевъ, тысячами стремившихся въ новой свѣтъ, были грабежъ, насиліе и завоеванія. Какъ ни достойны великаго уваженія научныя стремленія Колумба, какъ ни велики заслуги его передъ новымъ временемъ, какъ ни высоко цѣнимъ мы его умъ и твердость его характера, но донесеній его нельзя читать безъ содроганія. Людямъ, посланнымъ въ Испанію, онъ далъ дикарей, взятыхъ силою, и золота, вымѣненнаго у нихъ: это должно было служить приманкою, взамѣнъ которой онъ требовалъ себѣ лошадей, рогатаго скота, овецъ и съѣстныхъ припасовъ разнаго рода. При этомъ онъ объявилъ, что совершенно законно и справедливо—обращать островитянъ въ рабство, въ особенности дикихъ и враждебныхъ караибовъ, въ наказаніе—какъ онъ говоритъ—за ихъ нечеловѣческіе нравы. Онъ заходитъ даже далѣе, прося правительство не высылать ему на свой счетъ множество нужныхъ ему предметовъ, но лишь поощрять купцовъ перевозить ихъ въ Кубу. Тамъ, по его словамъ, купцы получатъ взамѣнъ товаровъ людей, которыхъ жители Изабеллы поймаютъ и продадутъ имъ въ рабство; невольники эти, говоритъ онъ, будутъ едва ли не лучше африканцевъ. Жадныя сердца испанскихъ финансистовъ Колумбъ утѣшалъ надеждою на пошлину, которою можно обложить всѣ товары, привозимые въ Испанію съ острововъ.

Поведеніе колонистовъ, думавшихъ только о золотѣ и грабежѣ, ихъ отвращеніе отъ земледѣлія, мѣры Колумба обуздать ихъ, обманутыя надежды на золотыя горы и алмазныя копи,—все это породило на Испаньолѣ вражду и несогласія, а въ Испаніи—неудовольствіе, и въ 1496 г. Колумбъ былъ отозванъ. Онъ могъ отправиться въ третью экспедицію не раньше мая 1498 г. Въ это путешествіе онъ впервые вступилъ на материкъ Америки, откуда впослѣдствіи, къ несчастію Испаніи, было привезено въ Европу несмѣтное множество благородныхъ металловъ, которыхъ Колумбъ такъ тщетно искалъ на островахъ. Однако онъ возвратился въ Изабеллу, гдѣ за два года передъ тѣмъ оставилъ намѣстникомъ своего брата, Варѳоломея. Варѳоломей не могъ ввести никакого порядка между упрямыми гидальго и дерзкими авантюристами, поселившимися тамъ. Никто не

хотѣлъ ни работать, ни повиноваться, на Испаньолѣ возникли недостатки и нищета, грабежи и насилія. Чтобы хотя нѣсколько привести въ порядокъ начинающуюся колонизацію, адмиралу пришлось прибѣгать къ самымъ печальнымъ мѣрамъ.

Индѣйцы, за исключеніемъ караибовъ, были жалкое, слабое, робкое, непривычное къ войнѣ племя, плохо вооруженное и не употреблявшее желѣза; напротивъ, испанцы были храбры, знакомы съ европейскою тактикой и стратегіей, вооружены панцырями, хорошими мечами, копьями и булавами и, что еще важнѣе, имѣли запасъ ружей, пушекъ, лошадей и кровныхъ собакъ, которыя были всего страшнѣе для нагихъ индѣйцевъ. Во вторую экспедицію свою Колумбъ привезъ, правда, мало лошадей, но они внушили туземцамъ почти такой же ужасъ, какъ огнестрѣльное оружіе. Въ третье путешествіе привезли еще лошадей, которыя съ тѣхъ поръ размножились въ Новомъ Свѣтѣ. Неудивительно поэтому, что, не смотря на всѣ злоупотребленія, не смотря на внутренній раздоръ и тяжелыя преслѣдованія, постигшія, противъ воли королевы Изабеллы, достойнѣйшихъ людей и самого Колумба, предпріимчивый духъ испанцевъ вскорѣ подчинилъ себѣ не только острова, но и цѣлыя государства на материкѣ. Этому наиболѣе способствовали трудныя экспедиціи, предпринимавшіяся частными людьми, которые потомъ подчинялись государству, чтобы найти въ немъ себѣ поддержку.

Мы не можемъ вдаваться въ подробности испанскихъ открытій и завоеваній на западѣ и предпріятій португальцевъ на востокѣ, какъ ни блистательны были и тѣ и другія; иначе намъ пришлось бы слишкомъ уклониться отъ цѣли нашей книги. Слѣдуетъ однако упомянуть, что Колумбъ и его правительство смотрѣли на всѣхъ людей не-европейскаго происхожденія и не-христіанской вѣры, какъ на товаръ и звѣрей, которыхъ можно продавать. Взглядъ этотъ укоренился окончательно съ третьей экспедиціи Колумба. Испанцы въ такой мѣрѣ слѣдовали этому воззрѣнію, что отъ нихъ отвращались всѣ добрые люди, а колонизація ихъ была пагубна для ихъ отечества. Когда энтузіазмъ охладѣлъ, а правительству все-таки хотѣлось отправить съ Колумбомъ въ третью экспедицію значительное число колонистовъ, оно послало разбойниковъ и убійцъ и дало право свободнаго убѣжища въ Америкѣ всѣмъ приговореннымъ къ казни. Уже одно это не могло имѣть полезныхъ послѣдствій; но еще возмутительнѣе были поступки Колумба при распредѣленіи колонистовъ и ихъ устройствѣ. Самымъ безпокойнымъ и предпріимчивымъ изъ нихъ, какъ бы въ вознагражденіе за разочарованіе, онъ отвелъ въ собственность большія владѣнія и позволилъ имъ заставлять несчастныхъ туземцевъ, число которыхъ опредѣлялось жребіемъ, обработывать землю. Эта система грабежа (безъ вошедшей потомъ въ употребленіе въ Сѣверной Америкѣ подложной покупки) и обращеніе туземцевъ въ крѣпостное состояніе, или такъ-называемыя Repartimientos, вызвала неслыханныя злодѣянія, которыя наконецъ дошли до слуха королевы Изабеллы и возбудили въ ней такое негодованіе, что она велѣла уничтожить эти распоряженія. Но едва Изабелла умерла, какъ старый порядокъ водворился снова.

3. Испанія, Италія и Германія до мира въ Блуа.

Кастильцы были очень довольны правленіемъ, которое въ Кастиліи было сосредоточено исключительно въ рукахъ королевы Изабеллы; двое духовныхъ управляли Кастиліей съ такою же властью, какъ въ слѣдующемъ столѣтіи Ришльё и Мазарини Франціею. Одинъ изъ нихъ былъ кардиналъ донъ Педро Гонсалесъ де Мендоса. Намъ можетъ показаться страннымъ, что онъ соединялъ въ своемъ лицѣ достоинство генералъ-адмирала Кастиліи съ саномъ архіепископа толедскаго; но въ концѣ XV столѣтія въ Испаніи это никого не удивляло. Онъ имѣлъ огромное вліяніе и такъ долго и неограниченно завѣдывалъ государственными дѣлами, что его называли третьимъ королемъ Испаніи. Мендоса умеръ въ 1495 г., слѣдовательно, время его управленія не относится къ исторіи XVI вѣка, и потому мы прямо перейдемъ къ преемнику его, Хименесу де Сиснерос или кардиналу Хименесу. Онъ оказалъ большія услуги императору Карлу V, когда тотъ жилъ въ Нидерландахъ.

Хименесъ, какъ монахъ, рано прославился святою жизнью, такъ что всѣ желали имѣть его духовникомъ. Такимъ образомъ онъ подробнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, могъ узнать людей и изучить кастильскій характеръ, добродѣтели и пороки своихъ соотечественниковъ и средства управлять ими. Въ 1492 г., по рекомендаціи кардинала Мендосы, королева Изабелла взяла его въ свои духовники. Скоро онъ овладѣлъ всѣмъ существомъ поэтической и богомольной испанки. Женщина эта безспорно желала и дѣлала добро; но она была жестоко обманута относительно Новаго Свѣта и особенно марранъ, т. е. магометанъ, которымъ былъ предоставленъ выборъ или креститься, или наконецъ выселиться изъ Испаніи. Суровый монахъ, Хименесъ, не могъ быть полезнымъ совѣтникомъ въ дѣлахъ религіи и сужденіи о марранахъ и американскихъ дикаряхъ, не смотря на то, что, съ разрѣшенія папы, онъ ратовалъ противъ злоупотребленій монашества и заботился о томъ, чтобы духовенство было образованно и знакомо съ евангельскимъ ученіемъ. По смерти Мендосы, Изабелла, цѣнившая заслуги Хименеса, возвела его въ достоинства архіепископа толедскаго и великаго канцлера, хотя Фердинандъ желалъ отдать ихъ своему побочному сыну, архіепископу саррагосскому.

Съ этой минуты духовная полиція тѣсно соединилась съ свѣтской, а административная власть съ инквизиціей, не только въ Кастиліи, но и въ остальной Испаніи. Это имѣло сначала благодѣтельное вліяніе, и Хименесъ пріобрѣлъ безсмертную славу, потому что водворилъ спокойствіе, порядокъ и законность въ безпокойномъ и разстроенномъ государствѣ. Но вскорѣ духовный деспотизмъ, соединясь съ свѣтскимъ, остановили всякое движеніе, такъ что народонаселеніе начало уменьшаться, земля плохо воздѣлывалась, легко пріобрѣтаемое золото породило праздность, а слѣпой религіозный фанатизмъ воздвигалъ гоненія на жидовъ и марранъ, которые, не имѣя жалкой дворянской спеси кастильцевъ, были дѣятельны, трудолюбивы и вели торговлю. Съ 1499 г. Хименесъ самъ руководилъ въ Гранадѣ обращеніемъ невѣрныхъ. Ужасныя жестокости, совершенныя имъ повсюду, и вліяніе ихъ на характеръ и дѣятельность испанцевъ и на опустошеніе страны, относятся къ частной исторіи Испаніи; мы коснемся дѣятельности кардинала лишь на столько, на сколько необходимо для уразумѣнія исторіи императора Карла V.

Для характеристики той науки, которой исключительно покровительствуетъ слѣпая вѣра, любопытно узнать, что Хименесъ прославился изданіемъ въ Алкалѣ библіи, напечатанной на нѣсколькихъ языкахъ и потому называемой комплутенскимъ пилитлотомъ. Изданіе это стоило огромныхъ расходовъ, а между тѣмъ въ 1499 г. онъ сжегъ множество арабскихъ книгъ и нанесъ этимъ не менѣе вреда литературѣ, чѣмъ дикіе вандалы Гейзериха греческому и римскому искусству. Возмущеніе, убійство и юридическія жестокости были слѣдствіемъ монашескаго фанатизма, за который Хименесъ получилъ въ 1499 г. странную похвалу отъ гранадскаго архіепископа Талаверы, знаменитаго своею кротостью и смиреніемъ. Онъ говорилъ: «Хименесъ одержалъ большія побѣды, чѣмъ Фердинандъ и Изабелла; они покорили только землю Гранады, Хименесъ же овладѣлъ душами ея жителей». Какъ совершалось это покореніе душъ—видно изъ мавританскаго возмущенія, вспыхнувшаго въ 1500 г. въ Альпухаррскихъ горахъ. Это возмущеніе было подавлено тѣми же средствами, какими со времени третьяго путешествія Колумба просвѣщали жителей Кубы и Доминго. Несчастныхъ мучили всѣми мѣрами и, подъ предлогомъ обращенія въ христіанство, лишали свободы и имущества. Періодъ 1500—1502 годовъ представляетъ страшное зрѣлище отчаянной борьбы между гонимыми и ихъ гонителями. Обѣ стороны выказали равное мужество, но однихъ одушевляла любовь къ родинѣ и къ религіи своихъ отцовъ, а другихъ — фанатическая ярость, слѣпое суевѣріе и національная ненависть. Мавры наконецъ пали, и испанское правительство, руководимое Хименесомъ, истребило то, что уцѣлѣло отъ войны; страна, которую трудолюбіе жителей превратило нѣкогда въ пышный садъ, представляетъ теперь пустыню. Испанское правительство издало 12 февраля 1503 г. такъ называемую прагматику, обрекавшую несчастныхъ мавровъ на такое же безчеловѣчное преслѣдованіе, какому прежде подвергались жиды, которые принесли такую громадную пользу Испаніи въ торговлѣ, промышлености и наукѣ.

Указомъ этимъ предписывалось всѣмъ некрещеннымъ маврамъ, свыше че-

тырнадцати-лѣтняго возраста для мужчинъ и двѣнадцати-лѣтняго для женщинъ, покинуть Кастилію и Леонъ до конца апрѣля 1502 г. Начиная съ февраля, они должны были продавать свое имущество, но выручку вывезти изъ королевства не звонкой монетой, а въ дозволенныхъ закономъ товарахъ. Кромѣ того, имъ было запрещено отправляться во владѣнія турецкаго султана и въ тѣ части Африки, съ которыми Испанія вела войну. Неисполнившій этого приказа подвергался смертной казни и лишенію имущества. Самымъ дурнымъ послѣдствіемъ этого закона было то, что большая часть мавровъ, чтобы остаться въ странѣ, приняли для виду христіанство, чѣмъ доставили политическую необходимость страшной инквизиціонной полиціи и суду. Вслѣдствіе хронологической ошибки, въ хроникѣ Бледы мѣры эти приписывались знаменитому судьѣ еретиковъ, Торквемадѣ, который далъ тайной полиціи и инквизиціонному судилищу ужасные размѣры и точно также преслѣдовалъ евреевъ, какъ Хименесъ—мавровъ; но Торквемада давно уже умеръ, когда вышелъ указъ о маврахъ.

Дѣятельность духовника и перваго министра Изабеллы и личный взглядъ королевы на религію и на обращеніе невѣрныхъ, были весьма вредны для Испаніи. За то много пользы принесла строгость Хименеса относительно надменнаго дворянства. Это было особенно необходимо, когда послѣ преждевременной смерти королевы, Кастиліи грозили новыя безпокойства. Единственный сынъ Фердинанда и Изабеллы, донъ-Хуанъ, и старшая дочь ихъ, Изабелла, бывшая за королемъ португальскимъ, умерли рано, не оставивъ дѣтей. Поэтому Кастилія, Арагонія и обѣ Сициліи достались Іоаннѣ, женѣ Филиппа Бургундскаго, и двумъ ея сыновьямъ, Карлу и Фердинанду. Изъ нихъ первый родился въ 1500 г. въ Гентѣ и воспитывался въ Бельгіи, а второй въ 1503 г. въ Испаніи, гдѣ и воспитывался. Отправляясь передъ рожденіемъ своего втораго сына во Фландрію, Филиппъ оставилъ въ Испаніи свою жену, начинавшую сходить съ ума. Весною 1504 г. Іоанна поѣхала къ мужу во Фландрію, гдѣ онъ обращался съ нею очень дурно. Между ними произошелъ полный разрывъ, когда Іоанна стала дерзко обращаться съ его главною любовницею, которая жила съ нимъ въ открытой связи, и велѣла обстричь ей ея прекрасные локоны. Королева Изабелла была въ это время опасно больна, и извѣстіе о бѣдственномъ положеніи дочери, которая окончательно помѣшалась, усилило болѣзнь; въ октябрѣ она сдѣлала завѣщаніе, а 26 ноября—умерла.

Послѣ того, что говоритъ объ этомъ завѣщаніи Прескоттъ, видѣвшій три экземпляра его, мы не понимаемъ, какъ могли сомнѣваться въ его подлинности. Изабелла распоряжается въ немъ королевствомъ и его управленіемъ, какъ своею частною собственностью. Она назначаетъ свою дочь, Іоанну, и мужа ея, Филиппа, наслѣдникомъ престола; но Филиппъ во время отсутствія жены не долженъ былъ дѣлать никакого распоряженія, для котораго требовалось бы согласіе кортесовъ, и не могъ принимать на службу иностранцевъ. Важнѣйшій пунктъ касается отношеній Фердинанда Католика къ королевству Кастиліи, къ его дочери и къ внуку, Карлу. Неопредѣленность этого пункта подала поводъ подозрѣвать подлогъ завѣщанія. Еще въ 1503 г. былъ предложенъ кортесамъ вопросъ, какъ поступать при помѣшательствѣ Іоанны. Съ тѣхъ поръ здоровье несчастной принцессы измѣнилось къ худшему. Поэтому Изабелла постановила въ завѣщаніи, чтобы до совершеннолѣтія внука ея, Карла, въ отсутствіе или при неспособности ея дочери, король Фердинандъ былъ правителемъ Кастиліи. Кромѣ того, Фердинандъ долженъ былъ пользоваться половиною дохода съ новооткрытыхъ земель и получать нѣсколько милліоновъ мараведи съ гросмейстерствъ.

Вслѣдствіе этого завѣщанія, изъ шести душеприкащиковъ котораго главными были король Фердинандъ и кардиналъ Хименесъ, Фердинандъ въ день смерти жены сложилъ съ себя титулъ короля Кастиліи и провозгласилъ дочь свою Іоанну и ея мужа, Филиппа, королемъ и королевой. Черезъ нѣсколько времени (11 января 1505 г.) кортесы, созванные въ Торо, признали завѣщаніе Изабеллы и присягнули королю арагонскому, какъ регенту. Зять Фердинанда, Филиппъ, былъ однако недоволенъ его регентствомъ, равно какъ и часть высшаго дворянства Кастиліи, нежелавшая, чтобы правленіе оставалось въ рукахъ хитраго и ловкаго государя, который всегда старался обезсилить бароновъ. Это побудило короля Фердинанда поддерживать дружбу съ Франціей, не смотря на то, что Лу-

довикъ XII оскорбилъ въ 1550 г. эрцгерцога Филиппа, нарушивъ договоръ, которымъ былъ рѣшенъ будущій бракъ четырехлѣтней дочери Лудовика, Клавдіи, съ пятилѣтнимъ сыномъ Филиппа, Карломъ (стр. 297).

Предметомъ общихъ заботъ главныхъ государствъ Европы было усиленіе венеціанскаго могущества. Въ послѣднее время олигархія Венеціи заняла важнѣйшія гавани и укрѣпленія Ломбардіи въ ущербъ Франціи и овладѣла всѣмъ юго-западнымъ берегомъ неаполитанскаго королевства; еще недавно венеціанцы отняли у церкви значительные города и уничтожили значеніе германской имперіи въ Брешіи, Бергамо и другихъ городахъ. Папа Юлій II и Фердинандъ Католикъ старались поэтому составить союзъ противъ Венеціи. Лудовикъ XII склонилъ къ нему германскаго короля Максимиліана и его сына, Филиппа. Такимъ образомъ въ сентябрѣ 1504 г. въ Блуа были заключены въ одно время три разныхъ договора.

Изъ нихъ два касались отношеній Максимиліана и его сына къ герцогу миланскому, къ Франціи и къ молодому герцогу Карлу Гельдернскому, котораго французы поддерживали въ войнѣ съ Филиппомъ (стр. 266). Максимиліанъ давно уже грозилъ начать въ Италіи войну за сыновей Лудовико Моро, бѣжавшихъ къ нему и не отказывавшихся отъ притязаній на Миланъ. Онъ соглашался покинуть этотъ планъ, если король Лудовикъ XII перестанетъ поддерживать двухъ нѣмецкихъ князей, не покорившихся императорскому рѣшенію. Это были пфальцграфъ Рупрехтъ и герцогъ Карлъ Гельдернскій. Первый женился на дочери герцога Ландсгутскаго Георга Богатаго Баварскаго и по завѣщанію своего тестя оспаривалъ владѣнія его у ближайшаго мужескаго наслѣдника, Альбрехта Нижне-Баварскаго, въ пользу котораго Максимиліанъ рѣшилъ дѣло. Карлъ Гельдернскій требовалъ отцовскаго наслѣдія, которымъ завладѣлъ Максимиліанъ (стр. 115) для своего сына, Филиппа. Это заставило Максимиліана заключить въ сентябрѣ 1504 г. въ Блуа два договора, которые впрочемъ не были приведены въ исполненіе. Въ одномъ изъ нихъ Лудовикъ XII и Максимиліанъ I признавали другъ за другомъ всѣ владѣнія, и послѣдній обѣщалъ снять опалу съ Мантуи и Монферрата, Генуи и Флоренціи, съ герцога Феррарскаго и князя Капри, съ условіемъ, что они будутъ покорны императору и имперіи. За это король французскій обязывался не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Германіи и Италіи и не помогать князьямъ и вассаламъ, которыхъ императоръ объявилъ мятежными. Во второмъ договорѣ Лудовикъ снова обѣщалъ свою дочь, Клавдію, сыну Филиппа Карлу и ручался, что права и владѣнія принцессы, точно опредѣленныя въ договорѣ, достанутся ему.

Третій договоръ, заключенный въ Блуа, былъ такъ же страненъ, какъ и вся жизнь Максимиліана, начиная съ его опасныхъ охотъ въ Тиролѣ до послѣднихъ войнъ въ Италіи и Швейцаріи. Этотъ договоръ кажется просто какимъ-то дипломатическимъ фокусомъ, если даже не брать во вниманіе могущества Венеціи, противъ котораго онъ былъ направленъ. Въ немъ дѣло шло о раздѣлѣ владѣній венеціанской республики, какъ будто она была уже покорена. Папа былъ при этомъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ; его именемъ предполагали вести войну съ Венеціей. Онъ долженъ былъ предать республику проклятію и разрѣшить ея подданныхъ отъ присяги, послѣ чего Лудовикъ XII и Максимиліанъ приступали къ раздѣлу. Впрочемъ въ договорѣ былъ намекъ на возможность неисполненія этого дѣлежа: въ одномъ пунктѣ сказано, что если одна изъ союзныхъ сторонъ не выполнитъ своего обязательства, то и прочія освобождаются отъ него.

Блуасскими договорами Максимиліанъ и папа достигли, каждый по своему, своихъ цѣлей. У Максимиліана развязались руки въ пфальцско-баварскомъ дѣлѣ, а папа добился отъ венеціанцевъ нѣкоторыхъ выгодъ. Но ни императоръ, ни папа не смотрѣли на договоры серьезно. Максимиліанъ самъ указалъ венеціанцамъ на заключенный противъ нихъ союзъ, посовѣтовалъ имъ поладить съ папою, такъ какъ весь планъ раздѣла основанъ на его проклятіи и интердиктѣ, и предложилъ свое посредничество въ этомъ дѣлѣ. Венеціанцы хитро и вѣжливо отклонили его предложеніе, но немедленно вступили въ переговоры съ папой, и Юлій, въ ожиданіи большаго, удовольствовался тѣмъ, что они ему предложили. Венеціанцы возвратили ему Порто Чезенатико, Савиньяно, Тоссиньяно, Санто

Арканджело и шесть другихъ замковъ, за что удержали Римини и Фаенцу. Это произошло въ концѣ 1505 года, послѣ того какъ папа изгналъ Джіованни Бентиволіо изъ Болоньи, а Джіованни Паоло Бальоне изъ Перуджіи.

Пфальцско-баварскій споръ былъ оконченъ черезъ годъ по заключеніи договоровъ въ Блуа. Дѣло шло о владѣніи герцогствомъ Баварско-Ландсгутскимъ. Пфальцграфъ Рупрехтъ, третій сынъ курфирста Филиппа Пфальцскаго, былъ женатъ на дочери своего дяди съ материнской стороны, Георга Богатаго Баварскаго герцога Ландсгутскаго. Георгъ, умершій въ декабрѣ 1503 г., завѣщалъ свое герцогство дочери. Но Максимиліанъ еще до смерти Георга обѣщалъ его владѣнія Альбрехту и Вольфгангу Баварскимъ, герцогамъ Мюнхенскимъ, такъ какъ Георгъ не имѣлъ права распоряжаться имперскимъ леномъ. Въ октябрѣ 1503 г. императоръ потребовалъ, чтобы Георгъ и его чины признали права герцоговъ Мюнхенскихъ на наслѣдство Ландсгута. Но когда Георгъ умеръ, пфальцграфъ Рупрехтъ овладѣлъ землею своего тестя и оставшимися послѣ него богатствами, которыя были очень значительны, если вѣрить тому, что разсказывалъ альтенёттингскій пробстъ Іоганнъ о разграбленіи Георгомъ чудотворной иконы альтенёттингской Божіей Матери *). Максимиліанъ и швабскій союзъ, членомъ котораго былъ герцогъ Ландсгутскій, объявили себя противъ Рупрехта, и послѣ скучныхъ процедуръ дѣло дошло до кровопролитной войны. Рупрехтъ двинулся противъ непріятеля съ войскомъ, нанятымъ въ Богеміи. Война эта была опустошительна не только для Баваріи, но и для Пфальца, такъ какъ герцоги Гессенскій и Виртембергскій выступили противъ отца Рупрехта, Филиппа Пфальцскаго. Рупрехтъ умеръ во время войны (1504 г.), но отецъ его и жена продолжали войну съ наемными солдатами и разбойниками; Баварія, Швабія и Пфальцъ были страшно опустошены. Блуасскій миръ показалъ курфирсту Филиппу, что нечего ждать помощи отъ Франціи и что Максимиліанъ съ швабскимъ союзомъ держатъ сторону герцога Альбрехта (1505 г.). Максимиліанъ, князья Виртембергскій и Гессенскій и городъ Нюренбергъ захватили даже пфальцскія и баварскія владѣнія въ вознагражденіе за военныя издержки. Максимиліану и его сыну, Филиппу Бургундскому, было труднѣе справиться съ Карломъ Гельдернскимъ, чѣмъ съ курфирстомъ Пфальцскимъ. Послѣ мира въ Блуа Карлъ не получалъ, правда, прямыхъ подкрѣпленій отъ Франціи, но имѣлъ союзниковъ, пока Франція не покинула его совершенно.

4. Отъ мира въ Блуа до Канбрейской Лиги.

Въ 1505 году въ Гагенау, городѣ, пріобрѣтенномъ Максимиліаномъ въ послѣднюю войну, былъ рѣшенъ на сеймѣ споръ за покровительство, въ которомъ Лудовикъ XII все еще не отказывалъ врагу Максимиліана, Карлу Гельдернскому. Максимиліанъ подарилъ въ Гагенау герцогство миланское французскому королю, въ лицѣ присланнаго имъ министра Амбуаза, и за это Лудовикъ отказался защищать герцога Карла Гельдернскаго. Эрцгерцогъ Филиппъ немедленно занялъ Гельдернъ и Цюфенъ, и Карлъ долженъ былъ послѣдовать за Филиппомъ въ Испанію, куда эрцгерцогъ намѣревался ѣхать.

Вскорѣ Филиппъ разошелся съ своимъ тестемъ, Фердинандомъ, и второй бракъ Фердинанда заставилъ его опасаться потерять Арагонію, Неаполь и Сицилію, особенно если бы у короля арагонскаго родился сынъ; въ Кастиліи Филиппъ былъ королемъ еще со смерти Изабеллы. Фердинандъ снова тѣснѣе сблизился

---

*) Въ хроникѣ говорится: Zuletzt hat Probst Iohann zu Allenötting sich vor gemainer Landschaft beklagt, wie Herzog Georg von der Kirchen von Altenötting genommen hab, erstbien zwanzig tausend florin, nachmals sechzigtausend Gulden, gen Burkhausen gefürt, mer siben, Zentner XI Pfund an ringen prochem Geld, darauf begert zu verfügen, dass solch Geld nit verkert, *sondern der Mutter Gottes aufbehalten werde.* (Пробстъ Іоганнъ альтенёттингскій жаловался земству на герцога Георга, который взялъ съ альтенётингскихъ церквей сперва 20 т. флориновъ, потомъ 60 т. и увезъ въ Бурггаузенъ 7 центнеровъ 11 фунтовъ серебра и золотыхъ вещей; пробстъ утверждалъ, что деньги эти назначены не на расходъ, но должны сохраняться для Божіей Матери.)

съ Лудовикомъ XII противъ Габсбургскаго дома и женился на его племянницѣ, Жерменѣ де-Фуа. Въ августѣ 1505 г. къ Лудовику XII явились Томасъ Мальферитъ и графъ Сифуэнтесъ просить руки племянницы Лудовика отъ имени своего короля. Впрочемъ, кастильцы были очень недовольны тѣмъ, что король Фердинандъ такъ скоро послѣ смерти Изабеллы задумалъ сватовство. Лудовикъ принялъ предложеніе Фердинанда, и между ними былъ заключенъ договоръ, подписанный французскимъ королемъ 12 октября въ Блуа, а арагонскимъ 16 числа въ Сеговіи. Въ этомъ договорѣ было рѣшено, что Фердинандъ женится на племянницѣ Лудовика, который уступалъ ей всѣ свои права на Неаполь. Но въ случаѣ смерти Жермени безъ наслѣдниковъ, Фердинандъ долженъ удовольствоваться половиною неаполитанскаго государства, назначенною ему въ прежнемъ договорѣ. За издержки Лудовика на завоеваніе Неаполя Фердинандъ долженъ былъ заплатить ему милліонъ червонцевъ. Въ мартѣ 1506 г. Фердинандъ женился. Жермени де-Фуа было тогда восемнадцать лѣтъ. Эта принцесса славилась необыкновенной красотой, но уже въ раннемъ возрастѣ была въ высшей степени вѣтренна и развращена.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака Фердинанда, Лудовикъ XII оскорбилъ римскаго короля и его сына, нарушивъ дважды или трижды данное имъ обѣщаніе выдать дочь свою, Клавдію, за сына Филиппа, Карла. Лудовикъ еще прежде коварнымъ образомъ тайно протестовалъ противъ этого обѣщанія, за которое ручались принцы крови и важнѣйшіе сановники; но актъ протеста былъ показанъ только тремъ или четыремъ важнымъ лицамъ и капитанамъ гвардіи. Соединившись тѣснѣе съ Фердинандомъ арагонскимъ, онъ рѣшился на офиціальный отказъ. Опасно заболѣвъ, Лудовикъ, не имѣвшій мужескихъ наслѣдниковъ, созвалъ чины королевства въ половинѣ мая 1506 г. въ Туръ. По его наущенію, чины и совѣтники слезно молили его отказать Филиппу и обручить свою дочь съ наслѣдникомъ французскаго престола. Повременивъ немного изъ приличія, онъ согласился на ихъ просьбу и обнародовалъ въ формѣ манифеста (lettres patentes) завѣщаніе, которымъ устроилъ судьбу дочери. Наслѣдникомъ французскаго престола былъ герцогъ Францискъ Валуа, сынъ графа Карла Ангулемскаго, умершаго въ 1496 г., и внукъ дяди Лудовика, Іоанна Орлеанскаго. Францискъ былъ не только обрученъ съ Квавдіей, но даже—хотя ему было только десять лѣтъ—обвѣнчанъ. Пятилѣтнюю принцессу и десятилѣтняго герцога привели къ алтарю, и кардиналъ Амбуазъ совершилъ надъ ними церковный обрядъ.

Въ это время Фердинандъ и Филиппъ вели самую оживленную переписку. Тесть упрекалъ зятя въ томъ, что своимъ поведеніемъ онъ заставилъ его жениться въ другой разъ, и совѣтовалъ ему быть осторожнѣе, чтобы предотвратить окончательный разрывъ. Фердинандъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ зятю писалъ ему даже: «теперь, сынъ мой, оставьте вашъ безпутный образъ жизни (fit satis pervagatum) и придите въ себя (redi in te!). Если вы прибудете ко мнѣ въ Испанію, какъ сынъ, а не какъ врагъ, я, не смотря на все прошлое, приму васъ дружественно (his non obstantibus amplexabere). Чувство отца можетъ многое извинить и забыть». По поводу этого недоразумѣнія между тестемъ и зятемъ, король Лудовикъ также писалъ Филиппу, что не пропуститъ его черезъ Францію въ Испанію, если онъ не помирится сначала съ Фердинандомъ. Филиппъ счелъ за лучшее уступить. 24 ноября 1506 г. онъ заключилъ договоръ съ Фердинандомъ, управлявшимъ въ его отсутствіе Кастиліей; но онъ не имѣлъ намѣренія исполнять этотъ договоръ, желая лишь имѣть возможность прибыть въ Испанію, если не черезъ Францію, то моремъ. Договоръ, заключенный между Фердинандомъ и Филиппомъ, извѣстенъ подъ именемъ Саламанкскаго. Онъ постановлялъ, что Кастилія будетъ впредь управляться Фердинандомъ, Іоанной и Филиппомъ вмѣстѣ, но первый будетъ получать половину дохода.

Филиппъ, увѣрившись, что тесть не помѣшаетъ ему высадиться въ Испанію, сѣлъ 8 января 1506 г. въ Мидльбургѣ на корабль со своею женою, бывшею уже совершенно безумною. Дорогой его застигла страшная буря; корабль загорѣлся, и онъ съ величайшими опасностями добрался до одной англійской гавани. Превосходный корабль его погибъ, а остальной флотъ разсѣялся. Пока корабли собирались, ему пришлось пользоваться гостепріимствомъ англійскаго короля Генриха VII, которое вскорѣ превратилось въ настоящій плѣнъ. Генрихъ VII

не измѣнилъ себѣ и въ этомъ случаѣ. Онъ принялъ королевскую чету у себя въ Виндзорѣ и угощалъ ее три мѣсяца, но щедро вознаградилъ себя за это договорами, которые вынудилъ силою и обманами. Генрихъ и Фердинандъ находились тогда въ грязной ссорѣ. Они были равно хитры, скупы, жадны и злы; но Генрихъ VII не былъ такъ слѣпо суевѣренъ и такъ нетерпимъ, какъ Фердинандъ.

Въ 1496 г. арагонскій король, нуждаясь въ англійскомъ, просваталъ свою четвертую дочь, Катарину, за старшаго сына Генриха, Артура принца Уэльсскаго, обѣщавъ за нею 200,000 кронъ приданаго. Хотя женихъ и невѣста были еще дѣтьми, но Генрихъ, боясь лишиться денегъ, обвѣнчалъ ихъ въ ноябрѣ 1501 г. Кроткій, любезный принцъ, сдѣлавшій свою жену счастливою, умеръ въ апрѣлѣ 1502 г., и вдова его, изъ-за политики отца своего и скупости свекра, была обречена на безконечныя несчастія. Фердинандъ выплатилъ только половину приданнаго, а Генрихъ, видя, съ какимъ нежеланіемъ онъ сдѣлалъ это, удержалъ Катарину въ Англіи. Такъ какъ Фердинандъ тоже не желалъ разрывать союза съ Англіей, то они согласились, чтобы братъ Артура, будущій король Генрихъ VIII, женился на его вдовѣ. Разрѣшеніе папы, необходимое для этого брака, было скоро получено. За то надо было ждать, чтобы молодому Генриху минуло пятнадцать лѣтъ. Бракъ совершился въ 1505 г. Но такъ какъ Фердинандъ не выплатилъ еще второй половины приданнаго, то Генрихъ внушилъ своему сыну хитрую уловку, которою тотъ впослѣдствіи постыдно злоупотреблялъ противъ своей жены. Чтобы испугать арагонскаго короля разрывомъ брака, принцъ долженъ былъ публично объявить, что не думалъ и не думаетъ считать законнымъ бракъ, заключенный во время его несовершеннолѣтія. Въ то же время, чтобы принудить Фердинанда выслать деньги, король Генрихъ увѣрялъ, что дозволилъ своему сыну объявить это, съ цѣлью развязать его отъ прежнихъ обязательствъ; онъ увѣрялъ, что принцъ желаетъ жениться на Катаринѣ, но не считаетъ этотъ бракъ обязательнымъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда въ началѣ 1506 г. Филиппъ и Іоанна пристали къ англійскому берегу и подъ видомъ гостепріимства были задержаны Генрихомъ VII Генрихъ. не преминулъ воспользоваться неожиданнымъ появленіемъ Филиппа и Іоанны, чтобы добыть черезъ нихъ денегъ посредствомъ новой брачной спекуляціи. Чтобы добраться до владѣній жены, Филиппъ долженъ былъ заключить нѣсколько договоровъ въ пользу Генриха. Сестра его Маргарита, должна была выйдти замужъ за англійскаго принца, Генриха, и принести въ приданое 300,000 кронъ, а сынъ его, Карлъ, жениться на младшей дочери англійскаго короля, Маріи, о чемъ Генрихъ уже условился съ Максимиліаномъ. Кромѣ того, Филиппъ поневолѣ заключилъ торговый договоръ, очень выгодный для англичанъ и весьма невыгодный для фламандцевъ. Наконецъ онъ долженъ былъ обѣщать выдать герцога Соффолька, потомка іоркскаго дома. Этому принцу, на котораго Генрихъ смотрѣлъ, какъ на одного изъ опаснѣйшихъ враговъ своихъ, бабка Филиппа дала пріютъ въ Нидерландахъ. Обязательство выдать его было тѣмъ тяжелѣе для Филиппа, что онъ зналъ, что Генрихъ, которому принцъ не могъ вредить, хочетъ лишь утолить на немъ свою месть. Хотя Филиппъ взялъ съ Генриха обѣщаніе не лишать герцога Соффолька жизни, но Генрихъ и тутъ остался вѣренъ своему упрямому и лживому нраву. Онъ дѣйствительно не казнилъ герцога, но, умирая, велѣлъ своему сыну немедленно умертвить его.

Въ Нидерландахъ у Филиппа остался врагъ, гораздо болѣе опасный, чѣмъ Соффолькъ для Генриха. Карлъ Гельдернскій не задолго передъ тѣмъ былъ снова лишенъ своего герцогства Филиппомъ и взятъ въ плѣнъ, но по отъѣздѣ эрцгерцога бѣжалъ изъ заключенія. Поэтому Круа и Шиме, которымъ Филиппъ поручилъ своего сына и управленіе Нидерландами, должны были сдѣлать значительныя приготовленія противъ грозившаго имъ нападенія со стороны Карла Гельдернскаго и его друзей.

Въ концѣ апрѣля 1506 г. Филиппъ и его жена прибыли наконецъ въ Испанію. Они высадились въ самомъ отдаленномъ концѣ государства, въ заливѣ Коруньи, избѣгая встрѣчи съ Фердинандомъ, женившимся еще въ мартѣ на Жерменѣ де Фуа и напрасно выѣхавшимъ на встрѣчу къ дѣтямъ. Филиппъ немедленно призвалъ всѣхъ кастильскихъ сановниковъ и собралъ значительныя силы

для возстанія противъ тестя; Фердинандъ понялъ, что Филиппъ и его совѣтникъ донъ Хуанъ Мануэль переняли у него его коварную политику и дипломатическую ловкость. Филиппъ объявилъ, что не намѣренъ стѣсняться саламанскимъ договоромъ и потому, несмотря на него, требуетъ для себя и своей жены исключительнаго владѣнія Кастиліею. Фердинандъ тщетно старался чрезъ Хименеса склонить своего зятя къ уступкѣ. Филиппъ стоялъ на своемъ. Наконецъ между ними произошло личное свиданіе; но оно было не радостно, потому что Филиппъ не желалъ его, а Фердинандъ чувствовалъ, что въ Кастиліи будутъ не рады ему. Свиданіе произошло 23 іюля при Пуэблѣ ди Сенабріи, на границѣ Леона и Галиціи, въ открытомъ полѣ; со стороны Филиппа были приняты мѣры предосторожности, напоминавшія о свиданіяхъ капитановъ европейскихъ кораблей съ начальниками дикихъ племенъ. Историкъ Сурита, желавшій и обязанный хвалить своего Фердинанда, говоритъ, что короли явились тутъ въ совершенно различномъ свѣтѣ: одинъ какъ будто боялся и приготовился защищаться; другой же надѣялся на свои личныя достоинства и считалъ, что санъ его служитъ ему достаточной оградой *). Фердинандъ не могъ даже добиться отъ Филиппа свиданія съ своею несчастною дочерью, чего ему очень хотѣлось. Разговоръ, происходившій между ними безъ свидѣтелей, остался тоже безъ послѣдствій; они разстались какъ сошлись. Однако Фердинандъ возвратился въ Арагонію болѣе спокойнымъ, потому что видѣлъ, что ожесточеніе кастильцевъ противъ фламандцевъ и французовъ, пріѣхавшихъ съ Филиппомъ, который оказывалъ имъ полное довѣріе, кончится тѣмъ, что въ Кастиліи вспыхнутъ безпокойства. И точно, Филиппъ, характеръ котораго, какъ доказалъ Прескоттъ, Робертсонъ въ своей «Исторіи Карла V» изобразилъ слишкомъ невыгодно, своимъ безграничнымъ мотовствомъ, своей французскою вѣтренностью и недостаткомъ испанской важности, вооружилъ противъ себя кастильцевъ.

Наконецъ, по ходатайству Хименеса, состоялось соглашеніе между Фердинандомъ и Филиппомъ; но Фердинандъ, какъ видно изъ сохранившихся актовъ, выказалъ относительно своего зятя неслыханное коварство: всякій разъ, когда онъ подписывалъ публичный актъ въ пользу Филиппа, онъ составлялъ другой, которымъ въ тайнѣ уничтожалъ первый или утверждалъ противное тому, что было рѣшено въ первомъ. Онъ утвердилъ договоръ, по которому правленіе Кастиліей предоставлялъ Іоаннѣ и Филиппу, а себѣ удерживалъ только гросмейстерства трехъ орденовъ и доходы, назначенные ему Изабеллою по завѣщанію. Кромѣ того, онъ обязывался поддерживать зятя противъ всѣхъ, кто будетъ возбуждать безпокойства подъ предлогомъ предоставленія свободы и участія въ управленіи его женѣ. Но въ то же время онъ объявилъ въ трехъ тайныхъ актахъ все это вынужденнымъ и увѣрялъ въ желаніи сдѣлать противное. Король Фердинандъ всегда руководствовался подозрѣніемъ, котораго, не сдерживая никогда своихъ обѣщаній, заслуживалъ самъ больше всѣхъ. Эта недовѣрчивость побудила его заподозрить даже Гонсальво Кордуанскаго, который пользовался въ Неаполѣ неограниченной властью и былъ всѣми уважаемъ, какъ великій герой и благодѣтель, хотя впрочемъ по счетамъ оказалось, что онъ швырялъ сотни тысячъ, какъ гроши.

Уступивъ своему зятю, Фердинандъ отправился съ флотомъ изъ 15 кораблей въ Неаполь, чтобы имѣть возможность, безопасно для себя и тайкомъ, удалить Гонсальво и возвратить занятые венеціанцами неаполитанскіе города. Что касается его поступковъ съ Гансальво, то Фердинандъ, по нашему мнѣнію, выказалъ низкое коварство, достойное турка или мавра; поступки его не были вызваны необходимостью, потому что Гонсальво былъ, разумѣется, слишкомъ уменъ, чтобы довѣриться наемному войску и безхарактернымъ неаполитанцамъ и отпасть отъ своего стараго государя. Историки разногласятъ, приводя причины подозрѣнія, взведеннаго на Гонсальво и побудившаго Фердинанда къ самому возмутительному

*) El Rey Catholico yva con los suyos en habito de paz, y el Rey su yerno venia con gran apparato y estruendo de gente de guerra, Alemanes y, Flamencos sin los soldades, que se juntaron en Gallicia; y de la parte del rey non avia otra confianza in seguro sino el, que se tenia en el respeto y reverencia, que se devia como a padre y a la magestad de su persona.

образу дѣйствій; всѣ эти соображенія сводятся къ тому, что Гонсальво пользовался неосторожно неограниченною властью, ввѣренною ему Фердинандомъ въ завоеванномъ Неаполѣ, и что онъ, не отдавая отчета, расточалъ и раздаривалъ большія суммы. Это было главнымъ поводомъ къ тому, что когда король призывалъ его къ себѣ, онъ старался найдти предлогъ не ѣхать, что возбуждало въ Фердинандѣ подозрѣнія. Впрочемъ до возвращенія въ Испанію, король не показывалъ ни малѣйшаго вида неудовольствія противъ завоевателя Гранады и Неаполя. Гонсальво, явившись къ нему, былъ принятъ очень ласково; большая часть историковъ и Гвиччіардини говорятъ, что свиданіе это происходило въ генуэзской гавани, а біографъ Гонсальво, Павелъ Іовіусъ, утверждаетъ, что оно было на сѣверозападномъ берегу Неаполя. Онъ подарилъ ему Террачину и герцогство Сессу, оставилъ за нимъ герцогство Сантъ-Анджело, данное ему еще королемъ Федерико, и всѣ многочисленныя владѣнія его въ Калабріи, утвердилъ его въ званіи неаполитанскаго коннетабля, назначилъ его рескриптомъ (cedola di sua mano) гросмейстеромъ Санъ-Яго, и въ грамотѣ, данной на эти новыя милости, выразился, что услуги, оказанныя Гонсальво, такъ велики, что невозможно достойно наградить его. Но все это было ложью и обманомъ.

Во время своего путешествія въ Неаполь, Фердинандъ нашелъ на берегахъ Прованса и въ Генуѣ весьма почетный пріемъ, устроенный его другомъ, Лудовикомъ XII. Въ гавани Порто-Фино, близъ Генуи, онъ узналъ, къ своему великому удовольствію, что зять его, Филиппъ, скоропостижно умеръ въ Бургосѣ 25 сентября 1506 г. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ путь въ Неаполь, пробылъ тамъ семь мѣсяцевъ и сдѣлалъ распоряженія, которыя такъ ограничили власть вице-короля, что нечего было опасаться будущихъ Гонсальво. Самому же Гонсальво, котораго Фердинандъ все еще держалъ въ своей свитѣ, онъ притворно выказывалъ величайшую дружбу и признательность. Только въ Арагоніи, куда онъ отправился съ Фердинандомъ, Гонсальво пришлось поплатиться за услуги, оказанныя коварному королю своимъ геройствомъ, талантами, вѣроломствомъ и предательствомъ, и за могущество, слишкомъ большое для подданнаго. При свиданіи съ Фердинандомъ въ Савонѣ, когда онъ возвращался въ Арагонію, Лудовикъ XII оказалъ Гонсальво необыкновенныя почести, а въ Испаніи его принимали какъ національнаго героя; но онъ не получилъ обѣщаннаго ему гросмейстерства, не былъ приглашаемъ въ совѣтъ и, видя такое пренебреженіе къ себѣ, счелъ за лучшее удалиться въ свои помѣстья въ южной Испаніи. Впрочемъ сколько намъ извѣстно, онъ не потерпѣлъ никакихъ оскорбленій.

При свиданіи Фердинанда съ Лудовикомъ въ Савонѣ, продолжавшемся четыре дня (въ іюнѣ 1507 г.), происходили тайныя совѣщанія, при которыхъ кромѣ королей присутствовали только министръ Лудовика, кардиналъ Амбуазъ, и папскій нунцій. Тутъ, какъ показали послѣдствія, вѣроятно, снова шла рѣчь о раздѣлѣ венеціанской республики, предположенномъ въ Блуа. Но въ 1506 и 1507 годахъ нельзя было серьезно думать о какомъ либо предпріятіи противъ Венеціи. Для этого былъ необходимъ римскій король Максимиліанъ, а съ нимъ Фердинандъ былъ тогда въ ссорѣ изъ-за опеки надъ ихъ общимъ внукомъ; къ тому же Лудовикъ XII и папа не желали его вмѣшательства въ итальянскія дѣла. Вѣроятно, и впослѣдствіи, въ Канбре, не было бы заключено договора о раздѣлѣ венеціанскихъ владѣній, еслибъ въ 1508 г. венеціанцы не нанесли жестокаго оскорбленія рыцарю и мечтателю римскому королю, который былъ очень щепетиленъ относительно своей чести.

Еще въ 1507 г. между Максимиліаномъ и венеціанцами произошли очень серьезныя объясненія. Германскіе чины согласились наконецъ дать своему королю денегъ и войска для похода на Римъ, чтобы заставить папу короновать его императоромъ. Но обѣщанія ихъ были неопредѣленны, а изъ Австріи король не могъ получить ни войска, ни денегъ, такъ что дѣло кончилось тѣмъ, что послѣ долгихъ преній и переписки, имперія выставила всего 3,000 кавалеріи и 10,000 пѣхоты, да и то больше на бумагѣ. Затѣянный Максимиліаномъ римскій походъ вызвалъ сопротивленіе со стороны французскаго вице-короля Милана, Шомона; венеціанцы также объявили, что готовы принять императора со всѣми почестями, если онъ явится съ невооруженной свитой, но не пропустятъ съ войскомъ. Не даромъ Максимиліанъ разразился такимъ гнѣвомъ противъ Венеціи на Констанц-

скомъ сеймѣ, въ августѣ 1507 г. Венеціанцы отправили туда посла; Максимиліанъ потребовалъ, чтобы его выслушали въ собраніи сейма и передали ему то, что слѣдуетъ объявить его правительству. Послѣ доклада его слѣдовало удалить, какъ обманщика и лазутчика. Посолъ отказался передать своему правительству слова сейма и повторилъ, что императоръ будетъ пропущенъ и получитъ подобающій ему пріемъ только въ томъ случаѣ, если прибудетъ мирно и безъ 4-тысячнаго отряда, о которомъ извѣщалъ. Максимиліанъ велѣлъ удалить посла изъ сейма и приказалъ ему немедленно выѣхать изъ имперіи, что тотъ и исполнилъ.

Максимиліанъ твердо стоялъ на своемъ намѣреніи, не смотря на то, что нѣмцы давали ему вмѣсто 13,000 человѣкъ только 4,000, а вмѣсто обѣщанныхъ 120,000 гульденовъ, только 30,000, и не смотря на то, что папа даровалъ ему императорскій титулъ буллою, о чемъ было объявлено германскимъ чинамъ. Предпріятіе это могло имѣть позорные результаты для императора и имперіи. Максимиліанъ назначилъ имперскій судъ, къ которому приглашалъ чрезъ имперскаго герольда дожа Леонардо Лоредано и весь венеціанскій сенатъ; но такъ какъ ни дожъ, ни сенатъ не явились, то онъ произнесъ надъ ними опалу. Въ началѣ 1508 г. Максимиліанъ двинулся къ Веронѣ и занялъ восточную границу. Шомонъ подкрѣпилъ венеціанцевъ французскимъ отрядомъ, и венеціанцы выставили противъ императора 20,000 человѣкъ, не смотря на то, что должны были оставить гарнизоны во всѣхъ крѣпостяхъ. Тѣмъ не менѣе императорское войско дѣйствовало сначала съ успѣхомъ и взяло нѣсколько укрѣпленій. Но вскорѣ, какъ водится, оказался недостатокъ во всемъ. Императоръ долженъ былъ разъѣзжать по имперіи и выпрашивать денегъ и солдатъ, а генералы его ограничивались въ Италіи оборонительными дѣйствіями. Венеціанцы имѣли трехъ превосходныхъ полководцевъ: Никколо Орсини графа Питиліяно, Андреа Гритти и Бартоломео Альвіано. Кромѣ того, маршалъ Тривульціо помогалъ имъ французскою арміею, такъ что они могли одновременно двинуться на Фріуль и на Тироль. Около половины марта Альвіано разбилъ императорскаго генерала, Сикста Траутсона, и взялъ въ плѣнъ 1,000 человѣкъ, которые были съ торжествомъ приведены въ Венецію. Вслѣдъ за тѣмъ венеціанцы не только воротили потерянныя прежде укрѣпленія, но взяли кромѣ того Градиску, Герцъ и другіе города, а венеціанскій генералъ Контарини занялъ Тріестъ, Капо д'Истрію, Партенау и Равиньо. Тридентъ былъ бы также взятъ, если бы Тривульціо не отказался помогать дальнѣйшимъ предпріятіямъ венеціанскаго войска.

Въ маѣ императоръ долженъ былъ предложить венеціанцамъ перемиріе. Венеціанцы согласились на это предложеніе, и перемиріе было заключено на самыхъ невыгодныхъ для императора условіяхъ, по которымъ венеціанцы удерживали всѣ свои завоеванія. Это перемиріе не предоставляло французамъ никакихъ выгодъ. Шомонъ требовалъ, чтобы Карлъ Гельдернскій, покровительствуемый Лудовикомъ XII и начавшій снова войну за свое наслѣдство, былъ включенъ въ перемиріе; но венеціанцы не согласились на это, что весьма оскорбило французскаго короля. Притомъ они слишкомъ явно высказали свое опасеніе, чтобы власть французовъ въ Италіи не возрасла. Вслѣдъ затѣмъ они оскорбили императора, чѣмъ ускорили походъ противъ нихъ, затѣянный Фердинандомъ, Лудовикомъ XII и Максимиліаномъ. Императоръ, честь котораго была задѣта потерею крѣпостей, пришелъ въ величайшую ярость, когда венеціанцы отпраздновали оскорбительнымъ для него образомъ свою побѣду надъ Сикстомъ Траутсономъ. Олигархи воспользовались этимъ случаемъ, какъ и всѣми другими, чтобы празднествами и блестящими зрѣлищами вознаградить народъ за ихъ тиранію. По римскому обычаю, Альвіано вступилъ торжественно въ Венецію; плѣнныхъ нѣмцевъ вели въ тріумфальной процессіи, а художники сочиняли каррикатуры, сатиры и народныя пѣсни, распространявшіяся повсюду и осмѣивавшія императора и имперію.

Обстоятельства, слѣдовавшія за перемиріемъ въ Верхней Италіи, благопріятствовали планамъ Фердинанда и Максимиліана противъ Венеціи, при чемъ споръ этихъ государей объ опекѣ надъ ихъ внукомъ, Карломъ, былъ, повидимому, рѣшенъ, хотя Максимиліанъ, по своему обыкновенію, не переставалъ претендовать на регентство Кастиліи, о чемъ никто не хотѣлъ и слышать. Іоанна, которую кастильцы, до самой ея смерти, считали законной королевой, совершенно помѣша-

лась, такъ что ее надо было держать подъ присмотромъ. По завѣщанію Изабеллы, Фердинандъ былъ регентомъ до тѣхъ поръ, пока сынъ Іоанны, Карлъ, которому предоставлялось правленіе, не прибудетъ въ Испанію изъ Нидерландовъ, гдѣ воспитывался. Регентство Фердинанда было утверждено кортесами въ октябрѣ 1507 года. Хименесъ, имѣвшій большое вліяніе на кастильцевъ, дѣйствовалъ энергически въ пользу Фердинанда. Онъ пользовался королевскими почестями и получалъ несмѣтные доходы съ безчисленнаго множества аббатствъ; онъ получилъ кардинальское достоинство, былъ примасомъ Испаніи и соединилъ съ административною властью должность великаго инквизитора; онъ былъ даже назначенъ предводителемъ крестоваго похода въ Африку, издержки на который онъ покрылъ изъ своихъ частныхъ доходовъ.

Въ Нидерландахъ Максимиліанъ сначала никакъ не могъ добиться согласія на опеку надъ своимъ внукомъ, Карломъ; но когда понадобилась его помощь, онъ пріобрѣлъ тамъ такое же вліяніе, какое Фердинандъ имѣлъ въ Кастиліи. Послѣ смерти Филиппа, Карла Гельдернскаго поддерживали дикіе валлонцы, въ особенности графы де-ля-Маркъ; съ помощью французскихъ наемниковъ онъ превратилъ Гельдернъ въ разбойничій притонъ и разъѣзжалъ, грабя и убивая, вдоль и поперекъ Нидерландовъ и Германіи. Поэтому-то, по настоянію де Круа и де Шиме, которымъ Филиппъ поручилъ сына и управленіе Нидерландами, Максимиліанъ былъ признанъ регентомъ. Подобно тому, какъ Фердинандъ дѣйствовалъ чрезъ Хименеса, такъ и Максимиліанъ дѣйствовалъ чрезъ свою дочь, Маргариту, вдову герцога Филиберта Савойскаго, имѣвшую вліяніе на своихъ соотечественниковъ, бельгійцевъ. Въ 1508 г. Маргарита увѣрила своего отца, что для внука его было бы полезно, еслибъ онъ примирился съ французами, которые поддерживаютъ герцога Карла Гельдернскаго. Она получила полномочіе вступить въ переговоры съ кардиналомъ д'Амбуазомъ; поэтому было немедленно заключено сорокадневное перемиріе съ Карломъ Гельдернскимъ; сверхъ того было рѣшено, что правительница Нидерландовъ и кардиналъ д'Амбуазъ съѣдутся въ Канбре.

Чтобы обмануть венеціанцевъ на счетъ цѣли этого свиданія и заставить ихъ думать, что дѣло идетъ только о герцогѣ Гельдернскомъ, въ Канбре созвали весьма немного лицъ. Маргарита вела переговоры отъ имени Фердинанда и Максимиліана, а кардиналъ д'Амбуазъ — отъ имени короля французскаго и папы; но Маргарита была такъ же мало уполномочена Фердинандомъ, какъ кардиналъ папой. Маргарита и д'Амбуазъ скоро согласились, такъ какъ въ основаніе своихъ переговоровъ положили договоръ 1504 года о раздѣлѣ; за то, прежде чѣмъ рѣшили раздѣлъ венеціанской республики, сильно поспорили объ отношеніяхъ Карла Гельдернскаго и о томъ, какого рода присягу долженъ принести французскому королю внукъ Максимиліана, Карлъ. Касательно герцога Гельдернскаго было положено, что онъ временно (par provision) получитъ герцогство Гельдернъ и графство Цютфенъ, за исключеніемъ нѣкоторымъ мѣстъ. О раздѣлѣ же венеціанскихъ владѣній былъ заключенъ трактатъ 10 декабря 1508 г.. Главные пункты этого трактата или такъ называемой Канбрейской лиги были слѣдующіе: папа долженъ отлучить венеціанцевъ отъ церкви, а подданныхъ ихъ освободить отъ присяги. Вслѣдъ за этимъ французскій король начнетъ войну съ Венеціей; но остальные союзники явятся на поле сраженія через сорокъ дней послѣ него. Папа получитъ Равену, Червію, Фаенцу, Римини и Форли (Чезена и Имола, причисляемыя нѣкоторыми къ этимъ городамъ, уже принадлежали папѣ). Къ имперіи должны были отойти Падуа, Виченца и Верона, а къ Австріи Роверѣдо и Фріуль. Фердинандъ долженъ былъ получить обратно занятые венеціанцами гавани и города неаполитанскаго королевства, Трани, Отранто и Галлиполи; Лудовикъ XII французскій пріобрѣталъ все, что прежде принадлежало герцогству миланскому, какъ то: Крему, Кермону, Бергамо, Бершію и Гіару д'Адда. Чтобы привлечь флорентинцевъ къ участію въ этомъ грабежѣ, имъ обѣщали Пизу, девять лѣтъ мужественно боровшуюся съ ними за свободу. За эту измѣну передъ Пизой, съ Флоренціи получали: король французскій 100,000, а Фердинандъ арагонскій 50,000 дукатовъ; при этомъ устроили такъ, что послѣдній не зналъ, что первый получилъ больше. Герцогамъ Феррарскому и Савойскому, маркграфу Мантуанскому и королю венгерскому было обѣщано возвращеніе всѣхъ отнятыхъ у нихъ владѣній, если въ теченіе мѣсяца они объявятъ желаніе вступить въ союзъ.

Десять олигарховъ, управлявшихъ Венеціей и усовершенствовавшихъ систему шпіонства, узнали о переговорахъ, касавшихся существованія ихъ государства, отъ папы, который въ 1506 г. намекнулъ имъ объ этомъ; кромѣ того ихъ посланникъ въ Миланѣ также получилъ извѣстіе о союзѣ. Но Фердинандъ не нарушалъ спокойствія, пока венеціанцы сами не вызвали свои гарнизоны изъ его городовъ; получивъ свое, онъ могъ выжидать исхода войны, чтобы дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Папа, бывшій лучшимъ воиномъ, чѣмъ духовнымъ, хотя и навербовалъ значительную армію, но былъ бы очень доволенъ, еслибъ венеціанцы добровольно возвратили города, завоеванные ими въ Церковной области; ему не хотѣлось усиливать французовъ въ Италіи, но венеціанскій сенатъ отвергнулъ его предложеніе. Въ 1509 г. перемиріе, недавно заключенное съ Венеціей, помѣшало Максимиліану открыть непріязненныя дѣйствія; но папа помогъ ему. Произнеся надъ Венеціей проклятіе, Юлій пригласилъ императора, какъ защитника и охранителя церкви, привести въ исполненіе это отлученіе.

Главнымъ лицомъ въ канбрейскомъ союзѣ былъ папа Юлій II, и, за исключеніемъ Фердинанда, всѣ остальные союзники были его орудіями. Добившись отъ Венеціи всего, чего хотѣлъ, онъ тотчасъ же основалъ новый союзъ, чтобы уничтожить власть французовъ въ Италіи. Будучи кардиналомъ, онъ былъ похожъ скорѣе на предводителя кондотьери, чѣмъ на епископа, и потому всѣ были удивлены его миролюбіемъ въ первое время его царствованія, но въ 1506 г. онъ взялся за свою прежнюю роль. Онъ объявилъ въ кардинальской коллегіи, что долженъ изгнать тирановъ изъ владѣній церкви (nettare la chiesa dei tiranni), и немедленно приступилъ къ исполненію, выступивъ 27 августа 1506 года изъ Рима въ сопровожденіи двадцати-четырехъ кардиналовъ и 400 конныхъ латниковъ (gens'darmes). Французскій намѣстникъ въ Миланѣ, Шомонъ, а также Феррара, Мантуа и Флоренція обѣщали ему помощь. Онъ направился прежде всего противъ Джіованни Паоло Бальоне, который владѣлъ Перуджіей и былъ демократическимъ диктаторомъ. Бальоне не рѣшился сопротивляться, и по его приказу папа былъ принятъ во всѣхъ замкахъ, а 12 сентября и въ самой Перуджіи. Бальоне сопровождалъ сначала папу, но, не вѣря въ прочность его дружбы, тайно удалился. Изъ Перуджіи Юлій II пошелъ къ Болоньѣ, гдѣ номинально существовала республика, а на дѣлѣ господствовалъ Джіованни Бентиволіо съ аристократической партіей, какъ въ Перуджіи Бальоне съ демократами. Бентиволіо, покровительствуемый французами, надѣялся, съ помощью ихъ, защититься отъ папы; но онъ обманулся въ разсчетѣ. Шомонъ не только не далъ ему подкрѣпленія, но даже примкнулъ къ папскому войску съ 9,000-нымъ отрядомъ. Флорентинцы, герцогъ Феррарскій и маркграфъ Мантуанскій, Франдискъ Гонзага, тоже послали папѣ свои войска, надъ которыми начальство принялъ Гонзага, бывшій въ то же время главнокомандующимъ папскою арміею. Бентиволіо видѣлъ, что не можетъ сопротивляться, и отправился во французскій лагерь, предоставивъ республикѣ, во главѣ которой стоялъ, войти въ сдѣлку съ папой. Болонцы торжественно приняли папу, но не впустили французовъ. Бентиволіо съ французскимъ войскомъ отправился въ Миланъ, и король Лудовикъ XII, прибывшій въ томъ же году въ Италію для усмиренія Генуи, взялъ его подъ свою защиту.

Въ Генуѣ не задолго передъ тѣмъ демократы изгнали французовъ и наказали тѣхъ патриціевъ, которыхъ французы защищали. Поэтому король Лудовикъ XII угрожалъ поступить съ городомъ безпощадно. Но несмотря на то, что онъ въѣхалъ въ городъ въ латахъ и съ мечомъ въ рукѣ, онъ обошелся съ жителями кротко и ограничился тѣмъ, что взялъ большую контрибуцію. Пощада, оказанная Лудовикомъ Генуѣ, увеличила славу его кротости и доброты, пріобрѣтенную имъ въ это жестокое, желѣзное время. Еще недавно, когда Лудовикъ тяжко заболѣлъ, французскіе чины просили его принять титулъ отца отечества; они дѣлали это не по офиціальному предложенію какого нибудь придворнаго, но по собственному побужденію.

5. Отъ заключенія канбрейской лиги до смерти Лудовика XII.

Венеціанцы не испугались духовныхъ и свѣтскихъ угрозъ членовъ канбрейской лиги. Чтобы поладить съ папой, имъ стоило уступить только два города; но этому препятствовала римская твердость духа, которою венеціанское правительство старалось блеснуть при всякомъ случаѣ, особенно если можно было дѣлать это не въ ущербъ правительственной аристократіи. Миланъ былъ не страшенъ имъ. Фердинандъ держалъ себя, какъ будто ничего не зналъ о союзѣ; за то король французскій, съ которымъ венеціанцамъ приходилось имѣть дѣло, прежде всего набралъ огромное войско, съ цѣлью возвратить территоріи, отнятыя у Милана. Венеціанцы видѣли, что ихъ войска, состоявшія изъ новобранцевъ, не могутъ противиться французамъ и швейцарцамъ. Къ тому же венеціанскіе олигархи не послѣдовали совѣтамъ стараго и опытнаго графа Питиліано и болѣе молодаго и смѣлаго Альвіано и предпочли полумѣры, которыхъ не одобряли ни тотъ, ни другой. Графъ Питиліано хотѣлъ ограничиться обороною укрѣпленій, а Альвіано желалъ предупредить французовъ и аттаковать ихъ въ миланской области, прежде чѣмъ они получатъ помощь изъ Франціи.

Еще до вступленія въ Италію войска, собраннаго Лудовикомъ, французскій намѣстникъ Шомонъ, имѣвшій въ Миланѣ до 8,000 человѣкъ, перешелъ Адду и началъ враждебныя дѣйствія. Вслѣдъ за тѣмъ Лудовикъ предъявилъ венеціанскому сенату, чрезъ своего герольда, длинный рядъ обвиненій и объявилъ войну. Въ то же время папа Юлій II издалъ противъ венеціанцевъ буллу, въ которой осыпалъ ихъ рѣзкими и заслуженными обвиненіями. Онъ упрекалъ ихъ въ вѣроломствѣ, нарушеніи естественнаго и международнаго права, въ святотатствѣ и безчеловѣчіи. Венеціанскій совѣтъ не остался передъ папой въ долгу. Признавая его судъ несправедливымъ, онъ, по своему обыкновенію, аппелировалъ къ вселенскому собору и въ своемъ манифестѣ высказалъ папѣ очень рѣзкія вещи, которыя были также основательны, какъ и упреки папы. Они не пощадили даже личность папы Юлія, который съ юности занимался больше ремесломъ солдата и грабителя, чѣмъ обязанностью священника. Армія Лудовика состояла изъ 12,000 человѣкъ легкой и тяжелой кавалеріи, изъ 6,000 швейцарцевъ и 12,000 французской пѣхоты. Венеціанцами командовали старый графъ Питиліано, Альвіано и венеціанскіе патриціи, Андреа Гритти и Корнаро; они были многочисленнѣе французовъ, имѣя 3,000 копій или, другими словами, около 8,000 тяжелой и легкой кавалеріи, 4,000 албанскихъ стратіотовъ, считавшихся тогда лучшими кавалеристами, и 30,000 пѣхоты. На послѣднюю впрочемъ было нечего разсчитывать.

Французская армія, при которой находился самъ король, перешла Адду, намѣреваясь при первой встрѣчѣ аттаковать венеціанскія войска. Но графъ Питиліано всячески избѣгалъ этой встрѣчи. Лудовикъ пошелъ вверхъ по Аддѣ, чтобы отрѣзать венеціанцевъ отъ ихъ магазиновъ въ Кремѣ и Кремонѣ, куда Питиліано могъ дойти кратчайшимъ путемъ. Нѣсколько времени обѣ арміи шли, не замѣчая другъ друга за кустами и высокими плотинами, возведенными для защиты отъ разливовъ Адды. Но у излучины рѣки, Альвіано неожиданно наткнулся на непріятеля на плотинѣ Пандино или Войто, тогда какъ графъ Питиліано уже прошелъ впередъ; тутъ произошло сраженіе, и хотя Питиліано поспѣшилъ вернуться, но отсутствіе его уже дало битвѣ оборотъ, невыгодный для венеціанцевъ. Въ сраженіи при А н ь я д е л л о (14 мая 1509 г.) со стороны французовъ авангардомъ командовали Шомонъ и маршалъ Тривульціо; король Лудовикъ предводительствовалъ центромъ, а Ла Палисъ и герцогъ Лонгвилль—арьергардомъ. Графъ Питиліано, замѣтивъ, что его кавалерія не можетъ противиться французской, отдалъ приказаніе отступать. Альвіано остался одинъ со своею пѣхотою. Онъ защищался геройски, но его отрядъ былъ исттребленъ и разсѣянъ; самъ Альвіано попалъ въ плѣнъ, въ которомъ пробылъ три года. Сраженіе при Аньяделло, извѣстное подъ именемъ б и т в ы п р и Г і а р а д'А д д а, было гибельно для Венеціи.

Папа тоже выставилъ войско, которое находилось подъ начальствомъ его сына или племянника, Франческо Маріи делла Ровере, и такъ же свирѣпствовало въ фаенцскомъ округѣ, какъ и французы. При взятіи Бригеллы, по словамъ современниковъ, воины церкви поступали какъ невѣрные *). Между тѣмъ король Лудовикъ занялъ всю Гіару д'Адду и купилъ городъ Крему у нѣкоего Сончино Бенцоне, которому венеціанцы довѣрили его. Кремона и Бергамо сами отворили ему ворота. Брешіа, дворянство и граждане которой не приняли венеціанскаго гарнизона, также впустили французовъ. Въ маленькой крѣпости Пескіерѣ находилось 500 человѣкъ венеціанцевъ; они не могли устоять противъ сильной аттаки французовъ и погибли до послѣдняго человѣка. Лудовикъ не хотѣлъ переходить Минчіо. Онъ предоставилъ, согласно договору, императору Максимиліану занять городъ Верону, который, подобно Брешіи, не принялъ венеціанскаго войска.

Венеціанское правительство, испугавшись грозы, обратилось къ Максимиліану, Фердинанду и Юлію II. Такъ какъ Лудовикъ былъ непоколебимъ, то оно предложило императору, папѣ и королю арагонскому уступить имъ все, чего они потребуютъ, съ условіемъ отступиться отъ союза съ французами. Папа и Фердинандъ были очень рады этому предложенію, потому что боялись французскаго владычества въ Италіи болѣе, чѣмъ венеціанскаго. Имъ были возвращены ихъ города; Фердинандъ, владѣя торговыми и приморскими пунктами на Адріатическомъ морѣ, господствовалъ надъ всѣмъ неаполитанскимъ королевствомъ. Императоръ Максимиліанъ, напротивъ того, былъ слишкомъ честенъ, чтобы разорвать союзъ съ французами, и слишкомъ бѣденъ, слабъ и вялъ, чтобы воспользоваться благопріятною минутой, что было можно и даже должно сдѣлать. Чтобы выставить самое незначительное войско и занять города, никѣмъ не обороняемые, германскій императоръ долженъ былъ предварительно занять денегъ у короля французскаго, у папы и у Фердинанда, между тѣмъ какъ мелкіе владѣтели Мантуи и Феррары пріобрѣли все, чего желали. Еще въ маѣ имперія отказалась сдѣлать какое нибудь усиліе для пріобрѣтенія выгодъ, которыя предоставлялъ ей канбрейскій договоръ; она даже не хотѣла принимать никакого участія въ войнѣ своего императора, затѣянной изъ-за пустыхъ и вредныхъ для Германіи притязаній. Спокойный и разсудительный курфирстъ Фридрихъ Саксонскій, которому графъ Іоганнъ, Лудвигъ Нассаускій и пріоръ нюрнбергскаго монастыря св. Зебальда предложили отъ имени Максимиліана званіе имперскаго главнокомандующаго въ Италіи, отказался отъ этой должности, сказавъ, что пусть выбираютъ кого нибудь болѣе способнаго. Императоръ пришелъ въ Тридентъ съ 1,000 конницы и 8 хоругвями пѣхоты; но онъ поспѣлъ только черезъ три недѣли послѣ битвы при Аньяделло, потому что долженъ былъ ждать размѣна на векселя денегъ, занятыхъ имъ у короля англійскаго, и суммъ, полученныхъ отъ папы (40,000 дукатовъ), отъ Фердинанда арагонскаго (60 т.) и короля французскаго (70 т.); размѣнъ этотъ производился черезъ большой торговый домъ Якова Фуггера въ Аугсбургѣ.

Въ Тридентѣ произошло свиданіе Максимиліана съ кардиналомъ Амбуазомъ. Затѣмъ императору пришлось ждать вспомогательныхъ войскъ, которыя должна была выслать ему правительница Нидерландовъ, Маргарита. По приходѣ ихъ императоръ имѣлъ, какъ говорятъ, до 15 т. войска и могъ принять участіе въ грабежѣ Венеціи. Въ іюлѣ онъ вступилъ въ Верону, Виченцу и Падую, не встрѣтивъ сопротивленія, потому что венеціанскіе намѣстники сами отворили ему ворота. Тревизо также отправилъ къ Максимиліану пословъ и звалъ нѣмцевъ къ себѣ; но офицеры, которымъ было поручено занять этотъ городъ, потеряли такъ много времени, распивая вино, что пришли слишкомъ поздно и нашли ворота запертыми; затѣмъ венеціанцы послали въ Тревизо восьмисотенный отрядъ пѣхоты. Въ тоже время герцогъ Эрихъ Брауншвейгскій и графъ Кристофоро Франджипани завоевали Белуно, Фельтре, Гёрцъ, Тріестъ и всѣ мѣста въ Истріи и Фріулѣ, отнятыя въ послѣднюю войну венеціанцами у императора. Максимиліанъ могъ бы пріобрѣсти въ то время славу, которой тщетно добивался, еслибы съумѣлъ во время остановиться; но онъ былъ поэтъ и рыцарь, и благоразуміе было не по немъ. Венеціанцы, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, унижались

---

*) Con trattar chiese e donne come avrebbono fatto i Turchi.

передъ императоромъ. Они прислали къ нему Антоніо Джустиніани, которой долженъ былъ долго добиваться аудіенціи и наконецъ получилъ ее въ Бассано; онъ подалъ императору отъ имени своего правительства бланковый листъ (carte blanche), на которомъ Максимиліану предоставлялось написать какія угодно условія. Знатнѣйшій патрицій гордой аристократіи, стоя передъ императоромъ на колѣняхъ, произнесъ униженную рѣчь. Хотя подробности этой аудіенціи достовѣрны, но можно сомнѣваться, была ли рѣчь Джустиніани такова, какою передаетъ ее Гвиччіардини, хотя этотъ историкъ увѣряетъ, что перевелъ ее съ латинскаго оригинала. Въ рѣчи, приводимой Гвиччіардини, Джустиніани между прочимъ говоритъ, что проситъ императора взять подъ свое покровительство несчастный городъ, который будетъ обязанъ своимъ спасеніемъ и свободою единственно его добротѣ и великодушію. Такъ какъ Мураторн сомнѣвается въ подлинности этой рѣчи, то мы не можемъ утверждать, что это было дѣйствительно сказано, хотя рѣчь, приписываемая Гвиччіардини послу республики, вполнѣ согласна съ предложеніями Венеціи императору. Не смотря на то, что императоръ не былъ такъ страшенъ венеціанцамъ, и хотя имъ грозила въ то время со стороны Лудовика XII такая же гибель, какъ въ 1797 г. со стороны Бонапарте, но они добровольно вызвались покориться законамъ, повелѣніямъ и манифестамъ императора и даже платить ему и его наслѣдникамъ ежегодную дань въ пятьсотъ фунтовъ золота. Но императоръ упорно оставался вѣренъ союзу съ Франціею. Впослѣдствіи, когда Лудовикъ уѣхалъ домой, французы перестали поддерживать его, а венеціанцы воспользовались для составленія новаго войска ненавистью, возбужденною грабежами нѣмцевъ и французовъ въ благословенной и цвѣтущей Верхней Италіи.

Венеціанцы имѣли много денегъ, въ которыхъ такъ нуждался императоръ; поэтому война скоро приняла иной оборотъ. Венеціанскій сенатъ соединилъ гарнизоны, стоявшіе во всѣхъ занятыхъ папою крѣпостяхъ Романьи, съ возвратившимися изъ неаполитанскихъ городовъ, навербовалъ албанцевъ и далматовъ и передалъ главное начальство надъ войскомъ графу Питиліано. Старый генералъ умѣлъ привлечь къ себѣ множество заслуженныхъ итальянцевъ и потому скоро вышелъ въ поле съ значительными силами. Уже 17 іюля 1509 г. Падуа снова перешла въ руки венеціанцевъ. Черезъ нѣсколько недѣль Максимиліанъ подступилъ къ этому городу съ многочисленнымъ, но нестройнымъ войскомъ. Онъ напрасно стоялъ передъ Падуей до сентября, наконецъ снялъ осаду и, по обычаю того времени, распустилъ въ началѣ октября остатки своей арміи, большая часть которой разошлась еще раньше.

По отступленіи императора графъ Питиліано началъ наступательныя дѣйствія. Онъ взялъ Виченцу и осадилъ Верону. Верона была сперва выручена Шомономъ, но потомъ совершенно окружена, а Фельтре, Беллуно и всѣ прежнія венеціанскія крѣпости въ Фріулѣ снова завоеваны, къ великому стыду рыцаря и романтика, императора, надъ которымъ всѣ потѣшались. Герцогъ Альфонсъ Феррарскій, противъ котораго венеціанцы были озлоблены болѣе чѣмъ противъ императора и которому они хотѣли строже отмстить, чѣмъ Максимиліану, вывернулся изъ бѣды съ большой славою. Венеціанцы, желая аттаковать самую столицу герцога, снарядили на По флотъ и посадили нь него войско; они опустошили оба берега этой рѣки, мужественно отбили 30 ноября войска герцога, которыми онъ лично предводительствовалъ, и 4 декабря взяли и разрушили городъ Комаккіо. Но кардиналъ Эсте принялъ превосходныя мѣры для спасенія Феррары. Онъ поставилъ тяжелую артиллерію на гати, которая тянется по извилистому теченію рѣки, такъ что могъ открыть перекрестный огонь противъ многочисленнаго непріятельскаго флота. Венеціанцы не знали объ этихъ приготовленіяхъ. Когда 22 декабря корабли ихъ приблизились подъ выстрѣлы феррарскихъ баттарей, непріятель открылъ страшную пальбу. Часть кораблей загорѣлась, другая была разрушена, тринадцать галеръ и множество мелкихъ судовъ съ большимъ запасомъ съѣстныхъ припасовъ и пороху достались непріятелю и на другой день были съ торжествомъ привезены въ Феррару. Болѣе 3,000 венеціанцевъ пало отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, а въ бастіонѣ, взятомъ приступомъ, погибло 600 славянъ. Адмиралъ Тревизано, командовавшій экспедиціей, съ трудомъ спасся.

Въ началѣ слѣдующаго 1510 года обстоятельства перемѣнились въ пользу Венеціи. Послѣ тщетныхъ усилій отклонить Максимиліана отъ союза съ Франціей, республика обратилась къ воинственному папѣ Юлію II, стремившемуся къ

свѣтской власти. Она согласилась на всѣ его неумѣренныя требованія, въ которыхъ долго отказывала ему. Она обѣщала прекратить военныя дѣйствія противъ Альфонса Феррарскаго, за котораго папа вступился, возвратить ему Комаккіо и заплатить за страшное, варварское опустошеніе, произведенное ея войсками въ его владѣніяхъ. Самому папѣ венеціанцы обѣщали не ограничивать его права духовнаго суда въ ихъ владѣніяхъ, не держать въ Феррарѣ викаріата и предоставить всѣмъ папскимъ подданнымъ свободу торговли и судоходства по Адріатическому морю. На этихъ условіяхъ папа принялъ венеціанскихъ посланниковъ и снялъ съ республики интердиктъ и проклятіе. Король Лудовикъ былъ этимъ очень недоволенъ и прервалъ сношенія съ Юліемъ II, который сталъ искать помощи Англіи.

Со смертью Филиппа Кастильскаго и Бургундскаго, англійскій король Генрихъ VII потерялъ надежду на денежныя выгоды, которыя ожидалъ извлечь изъ трактата, заключеннаго съ нимъ противъ его воли. Дочь Фердинанда, Катарина, все еще жила въ Англіи, какъ вдова принца Артура, потому что Генрихъ не хотѣлъ ни отправить ее домой, ни выдать за своего втораго сына. Фердинандъ, не уступавшій англійскому королю въ скупости, жадности и лукавствѣ, постоянно отсрочивалъ уплату 100,000 кронъ, не доданныхъ въ числѣ приданнаго имъ за дочерью. Генрихъ же до полученія этой суммы не хотѣлъ заключать втораго брака. Старый тиранъ, какъ видно изъ писемъ несчастной Катарины, мучилъ и преслѣдовалъ ее. Фердинандъ, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, имѣлъ возможность заплатить долгъ только въ послѣдніе годы царствованія Генриха VII. Генрихъ долженъ былъ согласиться получить деньги въ четыре срока, но не хотѣлъ обручать своего сына съ Катариной до полученія всей суммы.

Третій срокъ еще не наступилъ, когда Генрихъ VII умеръ въ апрѣлѣ 1509 года. Сынъ его Генрихъ VIII, погруженный въ богословіе, не заботился о деньгахъ, но питалъ религіозныя сомнѣнія касательно женитьбы на вдовѣ брата. При самомъ вступленіи на престолъ онъ объявилъ, что женится на дочери Фердинанда, хотя остальныя деньги должны быть выплачены въ маѣ и сентябрѣ, если его сомнѣнія будутъ разрѣшены и если тайный совѣтъ докажетъ, что бракъ Катарины съ его братомъ не былъ дѣйствительно совершенъ. Послѣ долгихъ совѣщаній тайный совѣтъ постановилъ рѣшеніе благопріятное браку, и 24 іюня 1509 г. послѣдовали свадьба и коронація королевы. Генрихъ VIII получилъ педантическое воспитаніе; онъ былъ ученый богословъ и соединялъ тщеславіе и суетность педанта съ надменностью, эгоизмомъ и жестокостью деспота. Онъ воображалъ, что знаетъ все, начиная отъ богословія и до военныхъ наукъ, и надѣялся стяжать себѣ великую славу въ войнахъ. Случай прославиться представился ему, когда папа Юлій II, разойдясь съ французами, изъявилъ намѣреніе сдѣлать англійскаго короля судьей въ распряхъ, возникшихъ между главными европейскими государствами, вслѣдствіе канбрейской лиги. Придворное духовенство Генриха, знавшее характеръ короля и желавшее воспользоваться его слабостями, льстило тщеславію Генриха, увѣряя его, что папа только потому согласился на миръ съ венеціанцами, что за нихъ вступился король Генрихъ. Папа Юлій II послѣ разрыва съ Франціею искалъ посредничества Генриха.

Юлій II и Фердинандъ Католикъ не желали совершенно уничтожить Венецію. Они считали республику оплотомъ христіанства противъ турокъ и полагали, что она можетъ поддерживать въ Италіи равновѣсіе и положить предѣлъ завоеваніямъ французовъ. Поэтому они, добившись своего, легко примирились съ Венеціей, и Юлій II, выставившій отборное войско въ 15,000 человѣкъ, видѣлъ препятствіе къ расширенію своей свѣтской власти не въ венеціанцахъ, а въ французахъ. Изъ остальныхъ членовъ канбрейской лиги Максимиліанъ былъ такъ ничтоженъ, что послѣ его отступленія отъ Падуи, спасся только благодаря помощи Ла-Палиса. Споръ его съ Фердинандомъ изъ-за кастильскаго регентства окончила дочь его Маргарита, далеко превосходившая его политическимъ тактомъ и правительственными дарованіями; она была такъ же близка съ королемъ арагонскимъ, какъ съ отцомъ своимъ. Фердинандъ старался черезъ нее отвратить императора отъ союза съ Франціею. Въ началѣ 1510 г. о томъ же хлопоталъ и папа, которому удалось наконецъ привлечь въ свою службу швейцарцевъ, имѣвшихъ въ то время лучшую и многочисленнѣйшую пѣхоту.

Ненасытная жадность швейцарцевъ, насилія ихъ въ покоренныхъ земляхъ, ихъ хвастовство тѣмъ, что безъ нихъ нельзя обойтись, и ихъ республиканское высокомѣріе давно раздражили французскаго короля Лудовика. Чтобы имѣть возможность обойтись безъ швейцарцевъ, онъ хотѣлъ организовать французскую пѣхоту и поручилъ это дѣло Баяру и другимъ рыцарямъ; но они смотрѣли съ презрѣніемъ на пѣхотную службу и предпочитали быть кавалерійскими солдатами, чѣмъ пѣхотными офицерами. Кромѣ того Лудовикъ оскорбилъ швейцарцевъ, отказавшись возобновить заключенный съ нимъ въ 1499 г. договоръ, въ силу котораго они ежегодно получали плату. Онъ готовъ былъ давать кантонамъ деньги отъ времени до времени, но не желалъ принять обязательство платить дань. Въ замѣнъ платы, онъ требовалъ, чтобы въ швейцарскихъ отрядахъ, находящихся у него, не было прежнихъ безпорядковъ, и чтобы они не смѣли не слушаться его и слѣдовать своимъ выгодамъ и желаніямъ, а не королевскимъ приказаніямъ. Швейцарскій сеймъ въ Люцернѣ не обратилъ никакого вниманія на то, что Лудовикъ долженъ былъ платить двѣнадцати кантонамъ, вмѣсто десяти; онъ отправилъ къ нему посольство, которое грубо предъявило безсовѣстныя требованія. Послы приписывали всѣ побѣды французовъ швейцарцамъ и требовали денежнаго вознагражденія за всѣ прежнія услуги, а также увеличенія пенсій, платимыхъ кантонамъ, и жалованья, даваемаго войскамъ. Король былъ взбѣшенъ этимъ и отвѣчалъ, что не понимаетъ, какъ какіе нибудь жалкіе горные мужики осмѣливаются считать его своимъ данникомъ или казначеемъ; онъ прибавилъ, что они могутъ умолять о благодѣяніи, а не предписывать законы *).

Отвѣтъ этотъ оскорбилъ и раздражилъ швейцарцевъ, и они были готовы добывать деньги, въ которыхъ французы отказали имъ, на службѣ кому нибудь другому. Поэтому они охотно согласились на требованіе папы разрѣшить ему вербовать у нихъ солдатъ. Посредникомъ между папой и кантонами былъ честолюбивый швейцарскій епископъ, ненавидѣвшій французовъ и добивавшійся кардинальской шапки, которую получилъ въ 1511 г. Матвѣй Шиннеръ, человѣкъ темнаго происхожденія, но классически образованный, былъ выбранъ въ 1500 въ епископы Сіона или Зиттена въ Валлисѣ и съ тѣхъ поръ ревностно проповѣдовалъ и дѣйствовалъ противъ военной службы за границей. Онъ довелъ дѣло даже до того, что во многихъ кантонахъ было сдѣлано распоряженіе брать съ кантонскихъ гражданъ церковную присягу въ томъ, что они отказываются отъ жалованья иностранныхъ государей и не будутъ больше служить имъ. Но это принесло мало пользы, такъ какъ родная почва была бѣдна, а военная служба прибыльна; притомъ, мы уже видѣли, какую значительную роль играли швейцарцы во всѣхъ войнахъ перваго десятилѣтія XVI вѣка. Когда папа поссорился съ Лудовикомъ XII, и послѣдній оскорбилъ швейцарцевъ, епископъ сіонскій былъ вызванъ въ Римъ, гдѣ, прельщенный надеждою на кардинальство, рѣшился уговорить своихъ соотечественниковъ служить папѣ. Епископъ зналъ, что маленькіе кантоны и валлисцы согласятся на все изъ-за денегъ и индульгенцій, потому что боялись небеснаго наказанія за грабежи, произведенные въ иностранной службѣ. Поэтому, отправляясь домой, онъ запасся цѣлыми тюками индульгенцій и значительными денежными суммами и въ февралѣ 1510 г. уговорилъ кантоны взять папскія деньги вмѣсто французскихъ. Ему удалось убѣдить своихъ соотечественниковъ заключить съ папой пятилѣтній союзъ и обѣщать ему не вступать ни въ какія сношенія, невыгодныя для священнаго престола, всѣми силами противиться всякому, кто потревожитъ церковную область, и по первому востребованію выставлять для ея защиты не менѣе 6 тыс. отборнаго войска. Папа, съ своей стороны, обѣщалъ не заставлять этихъ солдатъ служить во флотѣ и предоставилъ кантонамъ, въ случаѣ надобности, отзывать ихъ домой; сверхъ того онъ обѣщалъ выдавать ежегодно каждому кантону тысячу гульденовъ золотомъ и объявилъ, что беретъ союзъ подъ свое покровительство и будетъ защищать его своимъ священнымъ мечомъ отъ всѣхъ нападеній. Наконецъ онъ подтвердилъ всѣ древ-

*) Qu'il ne concevoit pas, sur quel fondement de miserables montagnards osoient le regarder comme leur caissier ou leur tributaire, qu'ils etaient faits pour solliciter des graces et non pour dicter des loix.

нія привилегіи ихъ. Но договоръ заключалъ въ себѣ такую оговорку, латинскій, далеко не классическій слогъ которой позволялъ итальянцамъ дѣлать какія угодно толкованія *).

Папа слишкомъ рано началъ военныя дѣйствія, надѣясь на интриги, которыя въ слѣдующемъ году обратили канбрейскую лигу въ орудіе церкви и вовлекли въ союзъ противъ Франціи англійскаго короля Генриха VIII. Въ то время Максимиліанъ оставался еще вѣренъ союзу съ французами и воевалъ очень счастливо въ Фріулѣ и Истріи, подъ Виченцей и Падуей, гдѣ его поддерживали французы. Въ іюлѣ Юлій II отлучилъ отъ церкви герцога Альфонса Феррарскаго; но въ то же время дѣла его приняли дурной оборотъ. Въ сентябрѣ онъ былъ принужденъ вызвать черезъ епископа Шиннера 6,000 швейцарцевъ, обѣщанныхъ ему маленькими кантонами. Швейцарцы попробовали сначала пройти въ Италію черезъ Савойю, но должны были вернуться; потомъ, когда они стали пробираться въ миланское герцогство чрезъ Комо и Кіассо, они потерпѣли еще большее пораженіе. Неудача второй попытки швейцарцевъ, извѣстной подъ названіемъ кіасскаго похода, убила въ нихъ энергію и повредила репутаціи и значенію Шиннера.

Дѣла венеціанцевъ шли не лучше папскихъ, такъ какъ въ 1510 году Максимиліанъ дѣйствовалъ еще заодно съ французами. Императоръ былъ, правда, не въ состояніи удержать даже Верону; чтобы помѣшать венеціанцамъ овладѣть ею, онъ долженъ былъ заложить ее Лудовику XII за 60,000 дукатовъ. Замѣчательно, что, закладывая такія важныя владѣнія, чтобъ расплатиться съ наемниками, Максимиліанъ тратилъ на аугсбургскомъ сеймѣ несмѣтныя сумму на охоты, танцы, обѣды, маскарады, турниры и тому подобныя увеселенія, а на турнирѣ, происходившемъ между нимъ и курфирстомъ Фридрихомъ, явился въ вооруженіи, которое (вѣроятно впрочемъ преувеличено) цѣнилось въ 200,000 гульденовъ. Хотя Рудольфъ Ангальтскій, котораго въ апрѣлѣ 1510 г. Максимиліанъ назначилъ главнокомандующимъ противъ Венеціи, былъ счастливъ въ Истріи, Фріулѣ и въ другихъ пограничныхъ областяхъ, но нѣмцы, подобно французамъ, возбуждали ненависть своею грубостью и жестокостями. Тривульціо и Шомонъ, оказавъ помощь герцогу Феррарскому, соединились съ арміею императора; но они не сдѣлали ничего важнаго, потому что французскіе главнокомандующіе должны были подчиняться приказаніямъ Рудольфа Ангальтскаго.

Въ томъ же 1510 году Лудовикъ XII и его духовенство убѣдили императора Максимиліана сдѣлать первый шагъ противъ папы и ультрамонтанства; хотя этотъ поступокъ остался безъ послѣдствій, но онъ въ высшей степени замѣчателенъ относительно церковной реформы, вскорѣ совершившейся. Въ Германіи и во Франціи при этомъ случаѣ обнаружилось движеніе, доказывающее, что почва для реформаціи была уже готова, и восемь лѣтъ спустя государи и города радостно привѣтствовали ее. Ссора папы съ императоромъ дала другое направленіе его политикѣ, какъ внѣшней, такъ и внутренней; онъ началъ съ удовольствіемъ принимать жалобы, которыхъ прежде не позволилъ бы высказывать.

Дѣло это происходило такимъ образомъ. Въ апрѣлѣ и маѣ снова раздались жалобы нѣмецкаго народа противъ римскаго престола (Gravamina nationis Germanicae), представлявшіяся императору уже нѣсколько разъ со времени констанцскаго собора и даже въ царствованіе Максимиліана. Въ офиціальныхъ актахъ сказано, что курфирсты, князья и сословія подали императору на аугсбургскомъ сеймѣ десять главныхъ жалобъ на папу и римское духовенство. Жалобы эти, говорится далѣе, были въ особенности направлены противъ притязаній папскаго престола, желавшаго обращаться произвольно съ нѣмецкими епископствами и аббатствами, противъ денежныхъ поборовъ, аннатовъ, индульгенцій и турецкой десятины, въ особенности же противъ централизаціи всѣхъ дѣлъ въ Римѣ. При этомъ было приведено тринадцать проектовъ, какъ помочь злу, и совѣтъ, какъ предупреждать жалобы имперскихъ городовъ, которые потомъ первые отложились отъ папы. Въ концѣ было нѣсколько указаній (Avisamenta) императору, что для избѣжанія худшаго онъ долженъ ревностнѣе стараться объ отмѣнѣ всѣхъ указанныхъ зло-

*) Такъ какъ они не требовали: quae honestate et rectitudine urgentibus necessario egare oporteat.

употребленій. Это прошеніе, поданное въ Аугсбургѣ, было, говорятъ, составлено Яковомъ Вимпфелингомъ, знаменитымъ богословомъ, способствовавшимъ просвѣщенію Германіи классическою ученостью (стр. 195). Онъ составлялъ его по бумагамъ архіепископа Бертольда Майнцскаго (стр. 303), который прославился справедливостію въ рѣшеніи имперскихъ дѣлъ и нѣкогда самъ писалъ проектъ просьбы папѣ Пію III.

Максимиліанъ, повидимому, дѣйствительно помышлялъ объ отмѣнѣ свѣтскою властью свѣтскихъ злоупотребленій, такъ какъ это было единственное средство не касаться догматовъ. Такъ поступили французы во время базельскаго собора; такъ составилась ихъ прагматическая санкція или привилегированный французскій церковный порядокъ (т. III. стр. 593). Максимиліанъ хотѣлъ основать имперскій церковный порядокъ на подобной же привилегіи; но съ этою реформой было то же, что и съ прочими его дѣлами. Онъ послалъ своего частнаго секретаря, Якова Шпіейеля, къ его дядѣ, Якову Вимпфелингу, съ прагматическою санкціей, которую выписалъ изъ Франціи, и поручилъ просить его составить извлеченіе изъ французскаго закона, принаровленное къ германской имперіи. Вимпфелингъ исполнилъ это, какъ видно изъ его писемъ, писанныхъ изъ Страсбурга; но изъ этого ничего не вышло. Король Лудовикъ XII поступилъ въ этомъ дѣлѣ также, какъ и союзникъ его, Максимиліанъ. Онъ также воспользовался для своихъ свѣтскихъ цѣлей всеобщимъ неудовольствіемъ на злоупотребленія духовной власти и грозилъ папѣ реформаціей; но ему и въ голову не приходило приводить въ исполненіе то, что онъ такъ громко провозглашалъ. Лудовикъ былъ такъ раздраженъ противъ папы Юлія II, что созвалъ въ Турѣ національный соборъ и просилъ германскаго императора прислать туда нѣсколько нѣмецкихъ епископовъ, чтобы принять сообща нужныя мѣры. Лудовикъ извѣстилъ объ этомъ папу, причемъ отнесся къ нему съ угрозою.

Папа Юлій II, взбѣшенный неудачами своихъ военныхъ предпріятій, поступилъ въ этомъ случаѣ возмутительнымъ образомъ. Онъ позволилъ себѣ даже грубое нарушеніе международнаго права. Когда къ нему явились послы отъ флорентинской республики и отъ герцога Савойскаго, намѣревавшіеся присоединиться къ французскому посольству и предъявить тѣ же требованія, Юлій поступилъ съ ними неслыханнымъ образомъ. Съ флорентинскимъ посломъ онъ обошелся такъ, что тотъ бѣжалъ изъ Рима ночью, воспользовавшись туманомъ. Савойскому посланнику пришлось еще хуже. Его схватили, заковали въ цѣпи и жестоко пытали, какъ шпіона. Вслѣдъ за тѣмъ, папа отправился въ Болонью, чтобы, если нужно, стать во главѣ своего войска, какъ потомъ и сдѣлалъ. Пятеро кардиналовъ удалились отъ него; подъ предлогомъ, что поѣдутъ другою дорогою, они отправились во Флоренцію, гдѣ господствовала французская партія, и объявили себя сторонниками Франціи противъ папы. Ученый Сисмонди и другіе очень хвалятъ Юлія II, но мы не можемъ согласиться съ ними. Мы не споримъ, что планы его были, какъ многіе утверждаютъ, весьма обширны, а характеръ—благороденъ и честенъ; но ни планы эти, ни характеръ не соотвѣтствовали его званію и евангельскому ученію. Между прочимъ извѣстно, что Юлій жестоко поступалъ съ нѣкоторыми французскими кардиналами; они были посажены въ тюрьму, гдѣ одинъ изъ нихъ скоропостижно умеръ, а папа подвергалъ жестокой пыткѣ даже ихъ прислугу. Все это плохо вяжется съ похвалами, расточаемыми Сисмонди воинственному папѣ.

Французскій соборъ, созванный Лудовикомъ, происходилъ въ Турѣ въ сентябрѣ 1510 г. Канцлеръ предложилъ собранному духовенству восемь вопросовъ касательно пути, который предстояло избрать. Король, а особенно его жена, Анна Бретанская, которую очень огорчала война съ папой, желали избавиться отъ религіозныхъ сомнѣній. Духовенство дало единогласно рѣшительный отвѣтъ. Оно объявило, что король можетъ, не задумываясь, употреблять свою власть для защиты подданныхъ отъ всякаго притѣсненія, хотя бы папскаго. Онъ можетъ, хотя временно, овладѣть крѣпостями, которыя служатъ папѣ только для того, чтобы нарушать спокойствіе сосѣдей. Онъ можетъ отказаться отъ повиновенія папѣ, конечно не безусловно и не во всѣхъ случаяхъ, но на сколько это нужно для его собственной, защиты. Въ теченіе этого времени, во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ по новѣйшимъ церковнымъ постановленіямъ необходимо папское разрѣшеніе, онъ можетъ слѣдовать уставамъ древней церкви, когда папъ еще не существовало. Король можетъ дѣлать

для своихъ союзниковъ, если ихъ несправедливо угнетаютъ, все, что позволительно для его собственной защиты, такъ какъ польза ихъ солидарна съ его интересами. Всѣ духовныя пени (цензуры), которыя папа наложилъ или намѣренъ наложить, считаются недѣйствительными, если касаются свѣтскихъ дѣлъ или постановлены безъ соблюденія всѣхъ формальностей духовнаго процесса. Важнѣйшіе члены французскаго духовенства требовали даже, чтобы эти рѣшенія были объявлены папѣ особою депутаціей, которая должна была склонить его отказаться отъ вмѣшательства въ свѣтскія дѣла и посовѣтовать ему созвать вселенскій соборъ для кореннаго преобразованія церкви. Они пошли даже дальше и просили короля, если папа не согласится на ихъ представленіе, побудить императора и прочихъ христіанскихъ государей оказать покровительство кардиналамъ (тѣмъ пятерымъ, которые разошлись съ папой) и дать имъ возможность созвать вселенскій соборъ, какъ констанцскій и базельскій. Члены національнаго синода дали обѣщаніе собраться къ 1-му марта слѣдующаго года въ Ліонѣ для обсужденія отвѣта папы. Между тѣмъ они запретили обращаться къ папѣ по какому бы то ни было дѣлу или посылать въ Римъ деньги. Наконецъ, они утвердили добровольный налогъ въ 100,000 талеровъ на духовныя имущества.

Матвѣй Лангъ епископъ гуркскій, посланный Максимиліаномъ, пріѣхалъ въ Туръ очень поздно и присутствовалъ только на послѣднихъ засѣданіяхъ синода. Онъ вытребовалъ себѣ вышеупомянутую копію съ акта о правахъ галликанской церкви, принялъ всѣ рѣшенія турскаго собора и обѣщалъ, что императоръ, съ своей стороны, соберетъ нѣмецкихъ епископовъ и пришлетъ ихъ на ліонскій соборъ. Касательно послѣдняго онъ объявилъ, что если имперскіе епископы, независящіе отъ императора, откажутся пріѣхать въ Ліонъ, то Максимиліанъ отправитъ епископовъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній. Матвѣю Лангу, бывшему у императора чѣмъ-то въ родѣ перваго министра, не было дѣла до религіи и до исправленія развалившагося стараго церковнаго порядка. Онъ хотѣлъ только воспользоваться французами, чтобы дать возможность императору сдѣлать безъ издержекъ завоеванія въ Верхней Италіи и удержать ихъ за собой. Между Матвѣемъ Лангомъ и королемъ Лудовикомъ шла рѣчь о вѣчномъ союзѣ. Лудовикъ долженъ былъ держать наготовѣ для императора армію, а Максимиліанъ намѣревался лично явиться въ Италію и принять главное начальство надъ войскомъ. Пока Лудовикъ и Максимиліанъ были еще въ союзѣ противъ папы и Венеціи, дочь императора, Маргарита, и Фердинандъ Католикъ старались составить союзъ для совершеннаго изгнанія французовъ изъ Италіи.

Въ декабрѣ 1510 г. жесточайшею зимой, какую помнятъ въ Италіи, папа принялъ лично начальство надъ своими войсками. Такъ какъ Шомонъ и Тривульціо были въ ссорѣ изъ-за соперничества, то онъ напалъ на городъ Мирандолу. Въ латахъ, съ мечемъ въ рукѣ и окруженный турками, нанятыми у венеціанцевъ, онъ руководилъ осадой и предводительствовалъ штурмомъ и къ великому ужасу всего христіанскаго міра побѣдоносно вошелъ въ городъ черезъ брешь по трупамъ и крови, какъ какой нибудь генералъ (январь 1511 г.). Въ то же время Шомонъ терпѣлъ неудачи. Онъ хотѣлъ аттаковать венеціанское войско и занять Модену; но долженъ былъ, къ своему стыду, отказаться отъ этого намѣренія и предоставить Модену императору, которому отдалъ ее папа. Онъ умеръ въ февралѣ 1511 г., и его мѣсто занялъ Тривульціо.

По смерти Шомона явилась надежда на миръ, потому что самъ Фердинандъ совѣтовалъ императору укрѣпить за собою договоромъ съ папой завоеванія, сдѣланныя имъ въ Италіи; еслибъ Максимиліанъ могъ поладить съ папой, то венеціанцы по неволѣ должны бы были согласиться на миръ. Фердинандъ и эрцгерцогиня Маргарита, правившая Нидерландами, какъ опекунша своего племянника, Карла, всячески старались разорвать союзъ Максимиліана съ Лудовикомъ XII. Фердинандъ боялся, чтобы французы, въ союзѣ съ императоромъ и Флоренціей, не завладѣли всею Италіей; Маргаритѣ же хотѣлось совершенно уничтожить герцога Карла Гельдернскаго (стр. 312 и 319), котораго она ненавидѣла, но не могла побѣдить, пока Лудовикъ покровительствовалъ ему, а ея отецъ оставался союзникомъ Лудовика. Фердинандъ уговорилъ папу и венеціанцевъ начать мирные переговоры. Для этой цѣли въ Мантуѣ былъ открытъ конгрессъ, на который явились послы отъ венеціанцевъ, папы, Максимиліана и Лудовика XII. Но пере-

говоры были безуспѣшны. Максимиліанъ послалъ своего министра, епископа Матвѣя Ланга гуркскаго, явившагося съ смѣшною пышностью и принявшаго титулъ императорскаго намѣстника въ Италіи. Онъ возбудилъ подозрѣніе епископа парижскаго, посланнаго Лудовикомъ въ Мантую, тѣмъ, что передъ открытіемъ конгресса отправился къ папѣ въ Болонью. Кромѣ того, съ самимъ папою, привѣтливо встрѣтившимъ его, Матвѣй Лангъ обошелся гордо и дерзко; но обращеніе его съ тремя кардиналами, которымъ папа поручилъ вести переговоры, и съ венеціанцами было еще нестерпимѣе. По одному этому нельзя было ничего ожидать отъ мантуанскаго конгресса. Притомъ и папа дѣйствовалъ въ родѣ Григорія VII или Иннокентія III относительно короля, духовенства и всей французской націи, съ такимъ жаромъ принявшей въ прошломъ году мысль своего короля. Въ великій четвергъ онъ прочелъ страшную буллу in coena domini, направленную противъ всѣхъ еретиковъ вообще; хотя король французскій не былъ пораженъ отлученіемъ лично, но въ числѣ отлученныхъ были герцогъ Альфонсъ Эсте, Джакопо Тривульціо, миланскій подеста и городскіе совѣты всѣхъ ломбардскихъ городовъ, помогавшихъ королю собирать подать, которую Лудовикъ употребилъ во вредъ церкви. Вообще папа не соглашался ни на какія предложенія. Поэтому 25 апрѣля 1511 г. епископъ гуркскій удалился изъ Болоньи, весьма недовольный Юліемъ II. Можетъ быть, онъ досадовалъ также на то, что Юлій сдѣлалъ кардиналомъ епископа Матвѣя Шиннера зиттенскаго (стр. 325), тогда какъ ему приходилось отказаться отъ надежды получить это достоинство отъ раздраженнаго папы.

Когда всякая надежда на миръ исчезла, французы воспользовались фамиліей Бентиволіо, чтобъ побудить болонцевъ отпасть отъ папы; Юлій надоѣлъ болонцамъ, хотя сначала они выказывали ему лесть и уваженіе (стр. 320). Своими набѣгами папа пробудилъ отъ сна французскаго главнокомандующаго Тривульціо, который бездѣйствовалъ по случаю мантуанскаго конгресса. Тривульціо поспѣшно отправился въ Болонью, въ сопровожденіи извѣстнаго въ исторіи нѣмецкой военной науки, какъ теоретика и практика, Георга Фрундсберга, пришедшаго къ нему изъ Вероны съ 2,500 войска; онъ расположился въ окрестностяхъ Болоньи. По приходѣ его сторонники изгнанныхъ членовъ фамиліи Бентиволіо, находившихся во французскомъ лагерѣ, вступили въ сношенія съ ними и уговаривали Тривульціо аттаковать городъ. Французскій главнокомандующій не рѣшился бы однако на это, если бы воинственный папа, его легатъ, кардиналъ Алидозіо павійскій и племянникъ папы, герцогъ Урбино, не выказали непостижимой трусости. При появленіи французовъ папа выѣхалъ изъ Болоньи, созвавъ передъ отъѣздомъ совѣтъ сорока, управлявшій городомъ; по обычаю того времени, онъ произнесъ рѣчь, составленную по всѣмъ правиламъ риторики. Историки, писавшіе по латыни и сообщающіе ее, вѣроятно постарались изукрасить ее еще болѣе. Но сущность ея состояла въ томъ, что папа предоставлялъ болонцамъ защищаться своими собственными силами. Совѣтъ сорока съ своей стороны продекламировалъ рѣчь, въ которой краснорѣчиво восхвалялъ заслуги, оказанныя городу Юліемъ. Обѣ рѣчи въ точности приведены у Гвиччіардини, который, какъ адвокатъ и дипломатъ, придаетъ больше значенія рѣчамъ и актамъ, чѣмъ мы; результатомъ всего было то, что Юлій поспѣшно удалился изъ Болоньи и заперся въ Равеннѣ. Онъ не посмѣлъ даже отправиться въ Равенну прямой дорогой, а прошелъ черезъ Форли. Кардиналъ-легатъ Алидозіо, оставленный имъ намѣстникомъ въ Болоньи, не постыдился послѣдовать примѣру папы. При содѣйствіи совѣта сорока онъ составилъ изъ болонской молодежи національную гвардію; но такъ какъ во главѣ двадцати отрядовъ онъ поставилъ двадцать начальниковъ, изъ которыхъ большая часть принадлежала къ сторонникамъ Бентиволіо, то это народное ополченіе служило не ему, а Бентиволіо. Тѣмъ не менѣе ему легко бы было удержать городъ, еслибы онъ имѣлъ больше храбрости, потому что герцогъ Урбино стоялъ не далеко отъ Болоньи со всею папскою арміею. Алидозіо отступилъ изъ города въ цитадель и притомъ такъ поспѣшно, что забылъ даже взять съ собою деньги и драгоцѣнныя вещи, за которыми долженъ былъ потомъ посылать. Но и въ крѣпости ему показалось не безопасно, такъ что онъ удалился въ Имолу. Племянникъ папы, герцогъ Урбино, также совершенно смѣшался. Узнавъ о бѣгствѣ легата, онъ приказалъ ночью отступать. Тогда болонцы призвали въ городъ французовъ, что окончательно привело въ ужасъ папскія войска; они раз-

бѣжались въ безпорядкѣ, лагерь ихъ былъ разграбленъ, а черезъ пять дней сдалась французамъ и цитадель. Она была разграблена и потомъ срыта. Тривульціо могъ бы тогда завоевать всю Романію; въ его арміи находился сынъ сестры Лудовика XII, Гастонъ де Фуа герцогъ Немурскій, котораго французы ставятъ на ряду со своимъ Баяромъ; но французскій главнокомандующій долженъ былъ ждать приказаній отъ Лудовика. Лудовикъ же имѣлъ намѣреніе примириться съ церковью, чтобъ отмстить венеціанцамъ. Поэтому онъ не желалъ дѣйствовать противъ папы, хотя національный соборъ въ Ліонѣ назначилъ надъ папою слѣдствіе.

Благочестивая неразвитость массъ позволяла князьямъ церкви предаваться всевозможнымъ преступленіямъ и злодѣяніямъ; но, казалось, что Богъ хочетъ наконецъ, ослѣпивъ ихъ и допустивъ до крайней наглости и порочности, открыть глаза народу и подвинуть его на борьбу противъ такъ называемой церкви для возстановленія истиннаго христіанства. Папа Юлій, кипѣвшій бѣшенствомъ и местью и предававшійся чрезмѣрному употребленію вина, дѣйствовалъ какъ помѣшанный. Онъ не пощадилъ даже своего легата Алидозіо и своего племянника, герцога Урбино, и излилъ на нихъ свою ярость, между тѣмъ какъ въ то же время они свирѣпствовали другъ противъ друга. Алидозіо отправился изъ Имолы, куда бѣжалъ изъ Болоньи, къ папѣ въ Равенну, и всю вину несчастія, случившаго въ Болоньи, свалилъ на герцога Урбино, который прибылъ вслѣдъ за нимъ чтобы оправдаться. Озлобленный папа не принялъ племянника, за что послѣдній сталъ преслѣдовать легата и, встрѣтивъ, убилъ его на улицѣ. Разумѣется, папа лишилъ его за это всѣхъ должностей и, повидимому, очень разгнѣвался на него; но не прошло и пяти мѣсяцевъ, какъ убійство, совершенное имъ, и неудача, случившаяся въ Болоньи, были забыты, и герцогъ снова пользовался почестями и дружбой папы. Впрочемъ поведеніе болонцевъ весьма огорчало стараго, вспыльчиваго папу. Болонцы прежде признавали папу своимъ главою, а во время его пребыванія у нихъ всячески льстили ему; но по прибытіи французовъ они оскорбили его, сбросивъ и позорно протащивъ по улицамъ его статую, художественное произведеніе Микель-Анжело, стоившее 5,000 дукатовъ.

Часть итальянскаго и французскаго духовенства была также противъ Юлія, такъ что пять кардиналовъ, уполномоченныхъ отъ прочихъ, присутствовали на соборѣ, созванномъ Максимиліаномъ и королемъ французскимъ осенью 1511 г. въ Пизѣ. Ни король, ни императоръ не придавали впрочемъ значенія этому собору, думая только попугать папу призракомъ церковной реформы, которую не могли произвести прелаты, созванные, чтобъ судить папу. Юлій могъ вскорѣ составить противъ пизанскаго собора другой, въ Латеранѣ; въ то время, какъ Лудовикъ XII приглашалъ всѣ европейскія державы отправить депутатовъ въ Пизу, дочь Максимиліана, Маргарита, служившая интересамъ Фердинанда Католика, устроила союзъ въ пользу папской церкви.

Фердинандъ, полагавшій, что цѣль канбрейской лиги достигнута, смотрѣлъ съ завистью на успѣхи французовъ въ Италіи; Маргарита же, которой хотѣлось отдѣлаться отъ дикаго и грубаго Карла Гельдернскаго, знала, что его поддерживаетъ Лудовикъ, хотя французскій король выражалъ ей въ дружескихъ письмахъ свое неудовольствіе на Карла. Карлъ Гельдернскій игралъ въ Нидерландахъ такую же роль, какъ герцогъ Ульрихъ Виртембергскій и Францъ Зиккенгенъ въ Швабіи и на Рейнѣ. Онъ много лѣтъ разбойничалъ и тревожилъ разные города и провинціи. Маргарита вела по поводу его набѣговъ постоянную переписку съ Лудовикомъ XII. Лудовикъ писалъ Маргаритѣ и герцогу письма, въ которыхъ выражалъ Карлу неудовольствіе и даже грозилъ ему *), и посылалъ пословъ, чтобы водворить миръ; но Маргарита, повидимому, мало вѣрила искренности короля. Она даже схватила одного изъ посланныхъ отъ короля къ герцогу и очень дурно обошлась съ нимъ, быть можетъ, желая нарочно оскорбить короля.

---

*) Между прочимъ Лудовикъ писалъ Маргаритѣ: qu'il regardoit le duc comme un fou une mauvaise et perverse tête, qu'il voudroit que le grand diable l'emportât. Самому же Карлу Гельдернскому онъ писалъ: que de par dieu ou de par le diable il eut à se tenir en paix.

Союзъ въ пользу папской церкви состоялся 4 октября 1511 г. и былъ названъ Священною Лигой. Новѣйшій историкъ Фердинанда Католика приложилъ большія старанія, чтобы оправдать разрывъ своего героя съ Лудовикомъ XII; намъ же кажется совершенно излишнимъ тратить слова, такъ какъ извѣстно, что католическій король первый взялъ сторону папы и привлекъ на его защиту правовѣрнаго короля англійскаго, Генриха VIII. Онъ самъ писалъ Петру Мартиру, что опасается, что французы возьмутъ Римъ, вслѣдствіе чего, по его мнѣнію, погибнетъ свобода Европы. Французскій король, сзывавшій въ то время соборъ въ Пизѣ для церковныхъ реформъ, зналъ хорошо характеръ Фердинанда, и чѣмъ дружественнѣе и нѣжнѣе становились объясненія арагонскаго короля, тѣмъ болѣе Лудовикъ убѣждался, что онъ намѣренъ отпасть отъ союза. Священная лига, заключенная между Фердинандомъ, венеціанцами и папой, имѣла цѣлью защищать существующій церковный порядокъ. Въ договорѣ было условлено, что Венеція, арагонскій король и Неаполь снарядятъ войско и флотъ для изгнанія французовъ изъ Италіи. Фердинандъ обязался прислать 1,200 человѣкъ тяжелой и 1,000 легкой кавалеріи, 10,000 пѣхоты и 11 парусныхъ судовъ; союзныя силы должны были быть ввѣрены начальству неаполитанскаго вице-короля Раймонда Кардоны.

Прежде чѣмъ сторонники и противники папы подняли свѣтское оружіе, кардиналы и прелаты, отпавшіе отъ него, собрались въ Пизѣ и сражались съ нимъ духовнымъ оружіемъ; но папа не боялся ихъ рѣшеній, потому что самъ Лудовикъ объявилъ, что все это одна комедія, имѣющая цѣлью побѣдить упрямство папы. Этотъ соборъ собрался не въ концѣ сентября, какъ было положено, а только 1 ноября, и такъ какъ пизанское и флорентинское правительства стѣсняли его, то онъ тотчасъ же перебрался въ Миланъ. Дѣйствія этого собора противъ папы основывались на томъ, что Юлій II и ближайшіе его предшественники предъ избраніемъ давали кардиналамъ клятвенное обѣщаніе созвать въ теченіе двухъ лѣтъ церковный соборъ въ совершенно независимомъ городѣ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что преступленія церкви при Александрѣ VI сдѣлались гласны и возбудили всеобщее негодованіе государей. Соборъ Лудовика XII только увеличилъ упорство римской церкви, вмѣсто того чтобы сломить его. Кромѣ французовъ и миланцевъ, въ Пизу пріѣхали нѣсколько епископовъ изъ Шотландіи и Наварры; но этого было недостаточно, чтобъ составить вселенскій соборъ. Императоръ Максимиліанъ также не смотрѣлъ на него серьезно; но и въ противномъ случаѣ нѣмецкіе епископы не послушались бы его. Вскорѣ послѣ заключенія священной лиги, онъ совершенно отказался отъ этого дѣла. Соборъ, созванный папою въ Латеранѣ и состоявшій только изъ 83 епископовъ, большею частью итальянскихъ, не имѣлъ конечно права называться вселенскимъ; но онъ имѣлъ на своей сторонѣ политику и дипломатію, которыя на свѣтѣ значатъ больше чѣмъ право и истина. Латеранскій соборъ могъ разсчитывать, что его рѣшенія будутъ имѣть силу папскихъ декретовъ, тогда какъ французскій соборъ издавалъ повелѣнія, не имѣвшія никакого значенія.

Первыя рѣшенія отцовъ, собравшихся въ Пизѣ, касались послѣдствій папскаго гнѣва, который навлекли на себя члены собора. Они издали декретъ, которымъ объявлялось недѣйствительнымъ все, что папа сдѣлалъ или сдѣлаетъ противъ нихъ; поэтому приходскіе священники, присутствовавшіе на соборѣ, проклятомъ папою, могли продолжать пользоваться всѣми своими доходами. Въ этихъ постановленіяхъ не было еще ничего реформаціоннаго. Только 11 ноября пизанскіе отцы возобновили декретъ констанцскаго собора, касавшійся церковной реформы и значенія соборовъ; при этомъ они въ первый разъ объявили, что не разойдутся, пока не преобразуютъ вполнѣ церковь: затѣмъ они постановили, что вселенскій соборъ, составленный законнымъ образомъ, получаетъ свою власть непосредственно отъ Іисуса Христа и что всякій, хотя бы самъ папа, долженъ подчиняться соборнымъ рѣшеніямъ во всемъ, касающемся вѣры или препятствующемъ расколу, и необходимомъ для исправленія церковнаго порядка. Наконецъ они постановили, что за сопротивленіе декретамъ собора всѣ, въ томъ числѣ и папа, будутъ подвергнуты церковному наказанію, смотря по степени виновности.

По заключеніи священной лиги въ декабрѣ 1511 г. Фердинандъ Католикъ собралъ въ Италіи войско, которое соединилось съ венеціанскимъ и осадило Бо-

лонью; кромѣ того, онъ и папа вовлекли въ свой союзъ англійскаго короля Генриха VIII. Этотъ король, наслѣдовавшій своему отцу (1509 г.) восемнадцати лѣтъ отъ роду, отличался жестокостью, деспотизмомъ и фанатизмомъ, а богословская ученость сдѣлала его недоступнымъ для любви, дружбы и истинной религіозности. Богословскія соображенія долго не позволяли ему жениться на вдовѣ своего брата, Артура, Катаринѣ, дочери Фердинанда, но наконецъ, не желая упустить изъ рукъ ея приданнаго (стр. 324), онъ рѣшился побѣдить свои сомнѣнія. Тотчасъ по вступленіи на престолъ онъ нарушилъ справедливость, чтобы пріобрѣсть популярность. Ненависть народа была преимущественно обращена на двухъ министровъ его отца, Эмпсона и Додли, бывшихъ орудіями неслыханныхъ грабежей и насилій Генриха VII. Молодой король тотчасъ по смерти отца казнилъ ихъ безъ суда, какъ преступниковъ, и заслужилъ этимъ сочувствіе народа. Эти министры могли бы доказать, что все, дѣлаемое ими, было лишь исполненіемъ приказаній его отца; этого было бы достаточно, чтобы оправдать ихъ передъ судомъ. Поэтому Генрихъ не предалъ ихъ суду, а объявилъ виновными и приговорилъ къ казни посредствомъ парламентскаго акта (bill of attainder). Въ продолженіе всего своего царствованія, ужасный тиранъ слѣдовалъ этому удобному способу отдѣлываться отъ людей, на которыхъ нельзя было взвести никакого преступленія. Не смотря на это, онъ хотѣлъ прослыть защитникомъ церкви и льстилъ себя надеждою разыграть роль третейскаго судьи въ европейскихъ дѣлахъ. Поэтому Фердинанду и папѣ легко было привлечь тщеславнаго юношу перспективою сдѣлать его главою священнаго союза, тѣмъ болѣе, что папа обѣщалъ дать ему титулъ «христіаннѣйшаго» короля, котораго Лудовикъ XII сталъ недостоинъ. Между Генрихомъ и Фердинандомъ еще въ 1500 г. состоялся союзный договоръ, въ которомъ было рѣшено, что въ началѣ апрѣля 1512 г. Генрихъ вышлетъ 6,500, а Фердинандъ 9,000 человѣкъ въ Гіэнь, чтобы завоевать эту провинцію, принадлежавшую прежде Англіи. Въ іюнѣ англійское войско подъ начальствомъ маркиза Дорсета сѣло на испанскіе транспортные корабли; но предварительно Генрихъ потребовалъ отъ Лудовика черезъ своего государственнаго герольда (roi d'armes), Кларенса, возвращенія владѣній, принадлежавшихъ нѣкогда Англіи.

Швейцарцы маленькихъ кантоновъ, нанятые Венеціей и папой и жившіе грабежемъ и жалованьемъ, вторгнулись въ концѣ 1511 г. въ Италію и сдѣлали попытку напасть въ Миланѣ на племянника Лудовика, Гастона де Фуа, назначеннаго намѣстникомъ короля (lieutenant du roi) въ арміи и губернаторомъ Милана. Изъ Тридента они двинулись въ сопровожденіи папскихъ и венеціанскихъ комиссаровъ, черезъ провинцію Варезе, опустошая на пути всю страну огнемъ и мечомъ. На этомъ походѣ они поступали чрезвычайно нагло и старались оскорбить французовъ дерзкими надписями на знаменахъ, въ родѣ тѣхъ, за которыя, въ трагедіи Эсхила, боги разгнѣвались на вождей, осаждавшихъ Ѳивы, и поразили Капанея, а Амфіарея живаго низвергли въ адъ *). По совѣту Тривульціо Гастонъ избѣгалъ сраженія съ яростной ордой наемниковъ; такимъ образомъ они безпрепятственно достигли черезъ Галерату Милана, но въ это время Гастонъ получилъ нѣсколько тысячъ подкрѣпленія, и швейцарцы должны были отступить. Они пошли къ Кассано, дѣлая видъ, что хотятъ перейти Адду, но въ то время предложили французскому главнокомандующему удалиться во свояси, если онъ выплатилъ имъ мѣсячное жалованье. Гастонъ отказалъ имъ въ этомъ, но, вѣроятно, далъ взятку жаднымъ начальникамъ швейцарцевъ; по крайней мѣрѣ между ними завязался споръ, и, не смотря на возраженія папскихъ и венеціанскихъ комиссаровъ, они отправились домой, не сдѣлавъ ничего за полученныя деньги.

26 января 1512 г. армія лиги начала осаду Болоньи, подъ предводительствомъ Раймонда Кардоны. Гастонъ поспѣшилъ съ своимъ войскомъ на выручку этого города. Король французскій послалъ за Альпы свою гвардію (sa maison) и всю свою тяжелую кавалерію (les gens d'armes) и опорожнилъ всю свою казну, чтобы наполнить военную кассу Гастона. Герцогъ Немурскій двинулся изъ Финале (въ моденскомъ герцогствѣ), гдѣ соединилъ свои войска, и пошелъ форси-

---

*) На маломъ знамени большими золотыми буквами было написано: Domatores principum, amatores justitiae, defensores sanctae Romanae ecclesiae.

рованнымъ маршемъ по холоду, снѣгу и льду въ Болонью, куда прибылъ 5 февраля и пробрался черезъ ворота св. Феликса, незамѣченный непріятелемъ, что намъ кажется невѣроятнымъ. На слѣдующій день онъ хотѣлъ аттаковать непріятеля, но по совѣту одного изъ своихъ генераловъ отложилъ сраженіе до 6 числа, чтобы дать отдыхъ войскамъ, утомленнымъ чрезвычайными трудностями похода. Но союзники, узнавъ 6-го о его прибытіи, отступили 7-го, а не 19, какъ говоритъ Гвиччіардини.

Въ то время какъ Гастонъ совершилъ этотъ удивительный переходъ и принудилъ къ поспѣшному отступленію войска Раймонда Кардоны, въ Брешіи и Бергамо народъ возсталъ противъ французовъ, притѣсненія которыхъ, особенно поступки съ женщинами, возбудили всюду сильное неудовольствіе. Граждане или, вѣрнѣе, часть дворянства Брешіи, возбуждаемые графомъ Авогадоро, пригласили венеціанскія войска аттаковать французовъ въ ихъ городѣ. Хотя это не удалось, но венеціанцы расположились передъ городомъ, а граждане неожиданно возстали при крикахъ: «св. Маркъ! св. Маркъ!», такъ что французы принуждены были отступить въ цитадель. Тоже повторялось и въ Бергамо. Получивъ извѣстіе объ этихъ событіяхъ, Гастонъ вышелъ изъ Болоньи и съ быстротою молніи перешелъ въ Брешію; переходъ этотъ былъ еще поразительнѣе марша изъ Финале въ Болонью. Гастонъ, прозванный съ тѣхъ поръ молніею Италіи, вышелъ 8 февраля изъ Болоньи, а 11 уже аттаковалъ близъ Маньяно венеціанскаго генерала и поразилъ его на голову; во вторникъ слѣдующей недѣли онъ уже стоялъ подъ Брешіей, ввелъ въ цитадель подкрѣпленіе и расположилъ свою армію лагеремъ передъ городомъ. «Павійская хроника», которую часто цитируетъ Мураторн, считаетъ переходы Гастона и побѣду, одержанную имъ на пути, невѣроятнымъ подвигомъ, какъ со стороны полководца, такъ и войскъ *).

По приходѣ Гастона гарнизонъ цитадели грозилъ гражданамъ Брешіи и венеціанскимъ войскамъ убійствомъ и грабежомъ, если они не примутъ условій, предлагаемыхъ Гастономъ, и будутъ ожидать приступа. Но они не хотѣли и слышать о переговорахъ. Поэтому гарнизонъ ворвался въ городъ и послѣ отчаяннаго боя, въ которомъ пало нѣсколько тысячъ венеціанцевъ, впустилъ войска Гастона, которыя заняли Брешію. Они свирѣпствовали въ теченіе двухъ дней съ такой яростью, что кровь лилась рѣкою, и Гастонъ принужденъ былъ повѣсить нѣсколько своихъ солдатъ, потому что они совершали страшныя насилія въ женскихъ монастыряхъ. Женщины искали спасенія въ церкви, и французскіе солдаты, по выраженію одного итальянца, ругающаго ихъ собаками, обращались съ ними хуже дикихъ звѣрей **). Около 5,000 человѣкъ лишились жизни. Убійства и грабежъ не прекращались, пока Гастонъ не вывелъ своихъ людей изъ Брешіи и не пригрозилъ смертной казнью всякому, кто останется въ городѣ. Графа Авогадоро и его друзей, виновныхъ во всемъ этомъ и призывавшихъ венеціанцевъ, казнили на слѣдующій день, а двухъ сыновей его позднѣе въ Миланѣ. При взятіи города былъ опасно раненъ рыцарь Баяръ, равно грозный какъ воинъ и генералъ. Извѣстіе о гибели Брешіи испугало Бергамо. Жители стали просить пощады и изъявили готовность выплатить контрибуцію и впустить французовъ въ городъ. Тогда Гастонъ послалъ къ нимъ новый гарнизонъ и велѣлъ взыскать съ нихъ 20,000 дукатовъ.

Вскорѣ послѣ этого императоръ Максимиліанъ заключилъ съ Венеціей перемиріе за сумму 50,000 рейнскихъ гульденовъ и такимъ образомъ разорвалъ союзъ съ Франціей. Его уполномоченный, епископъ гуркскій, сдѣлалъ его всеобщимъ посмѣшищемъ переговорами, затѣянными съ коллегіей кардиналовъ о соединеніи папскаго сана съ императорскимъ достоинствомъ. Мысль эта была нелѣпа,

---

*) Она говоритъ: Dopo la pugno, che segui circa le quattr'ora al chiaro della neve e al lume delle stelle, si trovo aver eglino fatto quel giorno, senza mai trarre la brillia a i cavalli, miglia cinquanta, cosa che non sara creduta, ma io che fui presente sul fatto ne faccio vera testimonianza. (Послѣ битвы, продолжавшейся около четырехъ часовъ при блескѣ снѣга и свѣтѣ луны, они сдѣлали въ этотъ день пятьдесятъ миль, не разнуздывая лошадей; это должно казаться невѣроятнымъ, но я, бывъ свидѣтелемъ, могу удостовѣрить, что это дѣйствительно правда.)

**) Peggiori si scuopono delle fiere stesse.

и самъ Максимиліанъ считалъ ее вздорной. Хотя въ доказательство противнаго приводятъ письмо, писанное имъ къ своей дочери, Маргаритѣ, въ которомъ онъ выражаетъ надежду сдѣлаться папою по смерти Юлія II, но оно написано въ такомъ шуточномъ тонѣ, что ясно, что Максимиліанъ не думалъ объ этомъ серьезно. Легко можно было предвидѣть, что императоръ совершенно отпадетъ отъ союза съ Франціей и что французскія войска, посланныя въ Италію, понадобятся Лудовику XII для войны съ Генрихомъ VIII и Фердинандомъ Католикомъ; поэтому Гастонъ де Фуа получилъ приказаніе, если можно, дать рѣшительное сраженіе. Молодой герой самъ желалъ этого. Онъ поспѣшно выступилъ противъ соединенныхъ войскъ испанцевъ, венеціанцевъ и папы, бывшихъ подъ начальствомъ Раймонда Кардоны. 26 марта онъ двинулся съ 1800 копій (по четыре человѣка на копье) кирасиръ (gens d'armes), 4000 стрѣлковъ и 16,000 пѣхоты изъ Финале въ Романію. На пути онъ соединился съ Альфонсомъ Феррарскимъ, который доставилъ ему много пушекъ и огнестрѣльныхъ снарядовъ. Союзники, которыми командовали Раймондъ Кардона и кардиналъ Джіованни Медичи, имѣли только 1500 копій, 2000 легкой кавалеріи и 18,000 пѣхоты. Предводители ихъ не хотѣли вступать въ сраженіе, пока швейцарцы не вторгнутся снова въ миланское герцогство. Въ ожиданіи этого Раймондъ Кардона расположился на горѣ Фаенцѣ, такъ что могъ прикрывать городъ Равенну, которому угрожалъ Гастонъ. Гастонъ узналъ только на пути въ Романію, что императоръ Максимиліанъ сбросилъ наконецъ маску и сдѣлался врагомъ французскаго короля и другомъ и союзникомъ свирѣпаго и воинственнаго папы, а изъ покровителя пизанскаго собора сталъ приверженцемъ латеранскаго. Максимиліанъ послалъ нѣмецкимъ начальникамъ, Филиппу Фрейбургу и Якову Эмпсеру, которымъ дозволилъ вступить въ французскую службу съ 5000 ландскнехтовъ, приказаніе вернуться домой. Но эти добрые люди не обратили вниманія на приказаніе и не покинули своихъ прежнихъ союзниковъ въ минуту опасности.

Подойдя къ сильной позиціи Раймонда Кардоны, Гастонъ тщетно пытался выманить его. Это поставило его въ величайшее затрудненіе. Войска его въ теченіе пяти дней питались только кашей и водой, а лошадей кормили пшеницей и ивовыми листьями. Поэтому храброму Гастону оставался одинъ выборъ: или отступить, или, очертя голову, кинуться на непріятеля. Онъ рѣшился на послѣднее. Въ свѣтлое воскресенье 11 апрѣля 1512 г., онъ повелъ французское войско на союзниковъ, хотя выгода была на сторонѣ послѣднихъ. Кромѣ 5000 ландскнехтовъ, онъ не могъ полагаться на свою пѣхоту, тогда какъ непріятель имѣлъ 8000 человѣкъ пѣхоты, хорошо организованной и предводимой Педро Наварро; кромѣ того, Джіованни Медичи командовалъ такъ называемой черной итальянской шайкой, состоявшей изъ опытныхъ и смѣлыхъ, но дикихъ и хищныхъ солдатъ. Пока войско союзниковъ не оставляло своей позиціи, французы ничего не могли сдѣлать. Ландскнехты и другая надежная часть ихъ войска, стоявшая противъ одного непріятельскаго фланга, понесли большой уронъ. Но другой флангъ Кардоны, гдѣ стоялъ съ итальянцами Фабричіо Колонна, терпѣлъ такія потери отъ превосходной артиллеріи герцога Феррарскаго, что Колонна убѣдительно просилъ главнокомандующаго или, лучше сказать, Педро Наварро, помогавшаго Кардонѣ своими талантомъ и опытностью, позволить ему оставить свою позицію и двинуться на французовъ. Главнокомандующій и Педро Наварро не согласились на это, потому что это было выгодно французамъ. Но Фабричіо Колонна не захотѣлъ оставаться въ положеніи, гдѣ ничто не спасало его отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Онъ ринулся впередъ и далъ непріятелю возможность вступить въ рукопашный бой и выиграть побѣду. Битва была упорна и кровопролитна; съ обѣихъ сторонъ пало 18 или 20 тысячъ человѣкъ.

Французы побѣдили; но неосторожное увлеченіе ихъ полководца, забывшаго, что не слѣдуетъ мѣшать бѣгству непріятеля, лишило ихъ плодовъ блестящей побѣды. Когда сраженіе было проиграно, превосходная испанская инфантерія стала въ порядкѣ отступать вдоль рва. Ея спокойствіе раздражило Гастона, и онъ имѣлъ непостижимое безразсудство кинуться на нее въ сопровожденіи Лотрека и восемнадцати кирасировъ. Они были сброшены съ копей въ ровъ, при чемъ Гастонъ убился до смерти, но Лотрекъ уцѣлѣлъ. Кромѣ главнокомандующаго, французы потеряли своихъ лучшихъ офицеровъ, какъ напримѣръ Ива д'Алегра,

которому были обязаны побѣдой, потому что онъ съумѣлъ искусно расположить артиллерію, огонь которой разстроилъ крыло Колонны. Въ числѣ убитыхъ находились, кромѣ того, сыновья Алегра, храбрый Филиппъ Фрейбургъ и Яковъ Эмпсеръ, котораго называли добрымъ Яковомъ. Изъ непріятельскихъ генераловъ Педро Наварро, Джіованни Медичи, маркизъ Битонто, Карвахаль князь Бизиньяно, Фабричіо Колонна и знаменитый впослѣдствіи полководецъ Карла V, тогда двадцатилѣтній Фердинандъ д'Авалосъ маркизъ Пескара, были взяты въ плѣнъ. Фабричіо Колонна попалъ въ руки герцога Феррарскаго, который поступилъ съ нимъ очень великодушно. Главнокомандующій Раймондъ Кардона первый обратился въ бѣгство. Французы овладѣли всею артиллеріей и всѣмъ обозомъ непріятеля и большею частію знаменъ и лошадей. Остатки разбитаго и разсѣяннаго войска Раймондъ Кардона собралъ при Чезенѣ.

После побѣды французовъ при Равеннѣ Антоніо Колонна, храбро защищавшій до тѣхъ поръ городъ, отправился въ Римини. Оставленные имъ начальники вступили, по его совѣту, въ переговоры съ французами. Но прежде чѣмъ капитуляція была заключена, непріятель занялъ Равенну и ея цитадель. И здѣсь, какъ въ Брешіи, французы производили страшныя убійства и грабежи. Это повергло въ ужасъ всю Романію; Фаенца, Червіа, Имола, Чезена, Форли и Римини отворили ворота, и только цитадели этихъ городовъ не сдались французамъ. Не смотря на такія блестящія слѣдствія, побѣда при Равеннѣ была послѣднимъ успѣхомъ французовъ въ Италіи. Герцогъ Альфонсъ Феррарскій увидѣлъ это тотчасъ послѣ побѣды. Поэтому онъ отказался отъ предложеннаго ему Лудовикомъ XII командованія французскимъ войскомъ, отпустилъ своего плѣнника, Фабричіо Колонну, и искалъ мира съ папой. Одинъ итальянецъ говоритъ, что онъ отказался отъ команды французами потому, что при отсутствіи между ними дисциплины съ ними ничего нельзя было сдѣлать *). Папа завлекъ герцога въ Римъ и сдѣлалъ приготовленія, чтобы удержать его. Фамилія Колонна изъ благодарности къ герцогу помогла ему бѣжать и этимъ разстроила планы папы.

Ла Палисъ, получившій начальство, отъ котораго отказался Альфонсъ, не могъ оставаться въ Романьи, потому что Милану угрожали со всѣхъ сторонъ, а англичане съ арагонцами напали на Гіэнь и Гасконь. Оставивъ въ Романьи небольшой отрядъ, онъ поспѣшилъ съ остальнымъ войскомъ къ сѣвернымъ границамъ миланскаго герцогства. Едва перешелъ онъ границу, какъ Романью заняли папскія войска. Бонтиволіо снова лишились Болоньи. Между тѣмъ кардиналъ Шиннеръ возбудилъ движеніе въ Швейцаріи и согласился съ императоромъ сдѣлать герцогомъ миланскимъ старшаго сына Лудовико Моро, Массимиліано Сфорцу, который бѣжалъ къ императору съ своимъ братомъ, Франческо. Это тоже содѣйствовало разрыву императора съ Франціей. Императоръ отправилъ швейцарцевъ чрезъ Тридентъ въ Италію; граубинденцы открыли имъ путь чрезъ Хуръ въ Кіавенну, а когда швейцарцы пришли въ веронскую область, венеціанцы присоединили къ нимъ свою кавалерію; поэтому Ла Палисъ долженъ былъ вездѣ отступать передъ ними. Французское войско становилось съ каждой минутой слабѣе. Волонтеры возвратились во Францію, а императоръ опять послалъ вызовъ четыремъ или пяти тысячамъ ландскнехтовъ, бывшихъ во французской арміи, и племянникъ «добраго Якова» долженъ былъ наконецъ исполнить это требованіе. Ла Палисъ сдалъ даже Миланъ, удержавъ только цитадель. Онъ не могъ сохранить и Павію, былъ во время бѣгства аттакованъ при Асти, и побѣдоносные союзники освободили изъ плѣна кардинала Джіованни Медичи.

Когда Раймондъ Кардона двинулся въ Тоскану съ вновь организованнымъ испанскимъ войскомъ, воинственный кардиналъ Медичи соединилъ съ его арміею свой отрядъ и помогъ своей фамиліи возвратить власть надъ Флоренціей, гдѣ до сихъ поръ была республика, а гонфалоньеромъ былъ одинъ изъ Содерини. Флорентинцы не могли противиться, потому что испанцы стояли близъ Прато; они вступили въ переговоры касательно условій, на которыхъ управленіе городомъ предоставлялось племяннику кардинала Джіованни, Лоренцо. Самъ кардиналъ потому не былъ выбранъ, что имѣлъ надежду сдѣлаться папою, и въ слѣ-

*) Онъ называетъ ихъ: gente indisciplinata, orgogliosa e bestiale.

дующемъ году дѣйствительно вступилъ на св. престолъ подъ именемъ Льва X. Во время переговоровъ испанцы, стоявшіе въ Прато, терпѣли нужду, вслѣдствіе чего неожиданно выступили и 30 августа взяли Флоренцію приступомъ и принялись такъ безчеловѣчно разбойничать, грабить и рѣзать, что историки утверждаютъ, будто они поступали во Флоренціи хуже, чѣмъ французы въ Брешіи. Тѣмъ не менѣе 31 августа, при радостныхъ крикахъ народа, Медичи были снова водворены; Содерини долженъ былъ удалиться въ Рагузу. Лоренцо Медичи, правившій съ тѣхъ поръ Флоренціей, былъ развратный злодѣй; однако флорентинцамъ пришлось заплатить за удовольствіе имѣть государя 140,000 дукатовъ императору и испанскому королю.

Когда французы сдали Миланъ, швейцарцы, шедшіе изъ Тироля и Хура противъ этого города, привезли туда съ собою такого же тирана, какъ Лоренцо Медичи, и знамя Сфорца стало снова развѣваться надъ столицею Ломбардіи. Французскіе гарнизоны держались однако въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ и городахъ еще два мѣсяца. Венеціанцы надѣялись купить ихъ у комендантовъ, и Кривелли, начальствовавшій въ Кремѣ, продалъ имъ свою крѣпость. Но имъ не удалось овладѣть такимъ образомъ Брешіею. Д'Обиньи храбро защищалъ всѣ города до прихода вице-короля, Раймонда Кардоны, войска котораго взяли въ Тосканѣ огромную добычу. Раймондъ не хотѣлъ и слышать о притязаніяхъ Венеціи на Брешію и Бергамо; онъ даже потребовалъ у нихъ Крему. 13 ноября д'Обиньи передалъ на почетныхъ условіяхъ городъ испанцамъ, которые заняли также Леньяно, Пескіеру и цитадели Треццо и Новары. Генуя возвратила себѣ свободу; Джіано Фрегозо, посланный союзниками въ этотъ городъ, призвалъ гражданъ къ возстанію, изгналъ французскій гарнизонъ и былъ избранъ дожемъ. Ла Палисъ потерялъ много людей въ Италіи и при переходѣ черезъ Альпы. Между тѣмъ въ Александріи, Павіи, Тортонѣ и Комо Массиміліано Сфорца былъ провозглашенъ герцогомъ при громкихъ крикахъ народа. Маркграфъ Монтферратскій взялъ Асти и Новару, но цитадели ихъ еще держались. Швейцарцы, подкрѣпленные венеціанцами, сопровождали герцога Массиміліано Сфорцу въ Миланъ; 15 декабря 1512 г. кардиналъ зиттенскій отъ имени папы, епископъ гуркскій отъ имени императора и Раймондъ Кардона отъ имени Фердинанда Католика, ввели его въ Миланъ въ великолѣпной процессіи и съ блестящими праздниками. На походѣ въ Миланъ швейцарцы опять разбойничали; убійства, пожары и грабежи обозначали ихъ путь; они безъ пощады требовали вездѣ контрибуцію и, получивъ ее, возобновляли требованіе. Не довольствуясь пріобрѣтенными такимъ образомъ богатствами, они, возвращаясь домой, заняли Локарно, Кіавенну и Вальтелину, какъ свою долю въ добычѣ.

Папа Юлій II, годъ тому назадъ покинутый всѣмъ міромъ и хотѣвшій послѣ битвы при Равеннѣ бѣжать изъ Италіи, сталъ теперь заносчивѣе, чѣмъ когда либо. Пизанскій соборъ былъ переведенъ въ Миланъ, а изъ Милана въ Ліонъ; но его признавали только французы. Послѣ того какъ императоръ совершенно разорвалъ союзъ съ Франціей, папа могъ безпрепятственно держать соборъ въ Латеранѣ и постановлять черезъ него все, что угодно. Кромѣ того, императоръ долженъ былъ помочь ему завладѣть Пармою и Піаченцою, потому что ученые римской куріи рѣшили, что оба герцогства принадлежали когда-то къ экзархату равенскому и потому составляли часть извѣстнаго мнимаго пожалованія (т. II, стр. 435). Взамѣнъ этого папа хотѣлъ доставить императору значительныя выгоды отъ венеціанцевъ. Юлій II предложилъ венеціанцамъ свое посредничество, говоря, что желаетъ обратить перемиріе, заключенное на восемь мѣсяцевъ съ императоромъ, въ миръ. Но когда при этомъ онъ намекнулъ венеціанцамъ, что за миръ съ императоромъ они должны отдать Верону и Виченцу, а за остальныя имперскія провинціи, занятыя ими, заплатить большія суммы, они отказались отъ его посредничества. Они знали, что папа втихомолку заключилъ союзъ съ императоромъ и королемъ испанскимъ, и потому стали стараться сойтись съ Лудовикомъ XII французскимъ.

Фердинандъ пользовался императоромъ и папою, чтобы лишить венеціанцевъ всѣхъ выгодъ союза, восторжествовавшаго, благодаря ихъ деньгамъ и войскамъ; англійскій король Генрихъ VIII послужилъ ему орудіемъ для завоеванія части королевства наваррскаго, лежавшей по ту сторону Пириней; при этомъ вся

тяжесть войны съ Лудовикомъ XII падала на союзника Фердинанда. Мы уже говорили (стр. 200—205), что по поводу королевства наваррскаго между королями арагонскимъ и французскимъ происходило несогласіе изъ-за вліянія на наваррское правительство. Рыцарство этого королевства было раздѣлено на двѣ партіи, Бомоновъ и Граммоновъ; первые были въ союзѣ съ Арагоніей, а вторые съ Франціей. Съ тѣхъ поръ, какъ наслѣдница наваррская, Катарина де Фуа, вышла замужъ (1485 г.) за Жана д'Альбре, склонявшагося болѣе на сторону французовъ, Граммоны имѣли преобладающее вліяніе какъ въ испанской Наваррѣ, такъ и въ Беарнѣ. Поэтому Бомоны обратились къ Арагоніи, и Фердинандъ Католикъ, тщетно старавшійся отвлечь слабаго короля отъ союза съ Франціей, воспользовался этой партіей, чтобы возбудить безпокойства въ странѣ. Іоаннъ Наваррскій былъ, что называется, добрый малый; онъ былъ кротокъ, веселъ, каждый день выслушивалъ двѣ или три мессы, обѣдалъ у всякаго, кто его приглашалъ, присутствовалъ при освященіи церквей въ каждой деревнѣ и не пропускалъ ни одного праздества, гдѣ бы оно ни происходило. О церемоніяхъ и внѣшнемъ достоинствѣ онъ и не думалъ; онъ любилъ больше быть въ толпѣ, довѣрчиво танцовалъ съ крестьянками и гражданками, даже на улицахъ и площадяхъ. Неудивительно, что Іоаннъ пренебрегалъ предостереженіями своего союзника, короля Лудовика XII французскаго, который настойчиво совѣтовалъ ему быть осторожнѣе. Веселый, беззаботный, простосердечный государь не обращалъ на это вниманія, продолжалъ жить между своими поселянами и, какъ они, беззаботно мечтать и танцовать. Фердинандъ Католикъ погубилъ его, уговоривъ своего зятя, короля Генриха VIII, послать войско, назначенное противъ Франціи, не въ Нормандію, а въ Гасконь.

Фердинандъ обманулъ Генриха самымъ грубымъ образомъ. Онъ убѣдилъ его отказаться отъ намѣренія напасть на Францію изъ Кале, и уговорилъ послать въ Гіень на испанскихъ корабляхъ свои войска, которыми командовалъ маркизъ Дорсетъ. Фердинандъ высадилъ эти войска въ Гипускоа, желая побудить маркиза двинуться оттуда на Байонну. Но англійскій генералъ не согласился на это, потому что, чтобы сдѣлать это, ему приходилось предварительно занять Наварру и предоставить ее арагонцамъ. Онъ снова поплылъ съ своими войсками и высадился у Адура. Король Фердинандъ отправилъ герцога Альбу съ войскомъ, при которомъ находился глава партіи Бомоновъ; когда король Іоаннъ отказался вступить въ союзъ противъ Лудовика XII, войско это вступило въ Наварру. Мы не знаемъ, справедливо ли утверждаетъ іезуитъ Маріана (XXX, 18), будто Фердинандъ въ оправданіе своего нападенія приводилъ документъ, которымъ папа Юлій II объявлялъ короля наваррскаго лишеннымъ владѣній за союзъ съ отлученнымъ отъ церкви покровителемъ пизанскаго собора; но извѣстно, что Фердинандъ покинулъ англичанъ, чтобы завладѣть Наваррой. Хотя онъ обѣщалъ соединить свое войско съ англійскимъ для осады Байонны, но не сдѣлалъ этого, имѣя въ виду только покорить Наварру. Въ результатѣ вышло, что французскія силы, подъ командой Ла Палиса и герцоговъ Лонгвилля и Бурбона-Монпансье, направились противъ англичанъ, что дало испанскому войску время утвердиться въ Наваррѣ. Пока англичане отвлекали главную армію французовъ, герцогъ Лонгвилль ссорился съ герцогомъ Бурбономъ-Монпансье за начальство надъ войскомъ, такъ что король Лудовикъ былъ принужденъ послать въ армію своего наслѣдника, герцога Франциска Валуа. Коннетабль наваррскій, Луи де Бомонъ, занялъ между тѣмъ свое отечество съ отрядомъ арагонскаго войска. Король Іоаннъ отправилъ свое семейство въ Беарнъ и заперся, въ ожиданіи французскаго войска, въ крѣпости Мойя. Но такъ какъ мѣстничество главнокомандующихъ, основанное на феодальномъ правѣ, остановило ихъ дѣйствія, то веселый король соскучился наконецъ въ крѣпости. Къ великому огорченію своей смѣлой и дѣятельной жены, онъ покинулъ королевство и отправился къ ней во Францію въ то время, какъ герцогъ Альба занялъ всю страну до Пиринеевъ и даже лежащій по ту сторону ихъ городъ Сенъ-Жанъ-Пье-де-Поръ. Маркизъ Дорсетъ, какъ видно изъ его письма къ королю Генриху, былъ очень недоволенъ занятіемъ Наварры. Онъ жаловался, что Фердинандъ не дѣлаетъ ни шага, чтобы помочь ему взять Байонну; а Фердинандъ, съ своей стороны посылалъ гонцовъ къ Генриху VIII съ жалобой, что англичане не соединились съ нимъ. Эта ссора

отсрочила наступательныя дѣйствія до октября, и когда Генрихъ приказалъ наконецъ своему генералу соединиться съ испанцами, маркизъ Дорсетъ уже посадилъ свои войска на испанскіе корабли, чтобы возвратиться въ Англію. Впослѣдствіи Генрихъ узналъ, что тесть обманулъ его.

Отдѣлавшись отъ англичанъ, французы двинулись впередъ, чтобы возвратить владѣнія изгнанному королю наваррскому; герцогъ Альба избѣгалъ встрѣчи съ ними. Въ самое дурное время года, въ ноябрѣ, онъ отступилъ въ горы и заперся въ Пампелунѣ. Здѣсь онъ отразилъ яростную аттаку французовъ, потерпѣвшихъ при этомъ большой уронъ, и еще въ ноябрѣ принудилъ ихъ къ отступленію. По словамъ современныхъ историковъ, Катарина де-Фуа поняла, что за ней и ея потомками останется только королевскій титулъ, а владѣнія будутъ ограничены Беарномъ. Приводятъ даже слова, въ которыхъ Катарина упрекала своего добраго Іоанна за его апатичность *). Результатомъ всѣхъ дипломатическихъ и военныхъ предпріятій Лудовика XII было то, что въ началѣ 1513 г. союзникъ его, король наваррскій, былъ лишенъ своего королевства, а изъ всѣхъ завоеваній въ Италіи у Лудовика остались только цитадели Милана, Кремоны, Треццо и Финале близъ Генуи. Перемиріе, заключенное на годъ между Лудовикомъ и Фердинандомъ, причемъ о королѣ Іоаннѣ даже не было упомянуто, позволило арагонскому королю присоединить Наварру къ своему королевству.

Лудовикъ не терялъ надежды снова утвердиться въ Италіи въ особенности потому, что венеціанцы были готовы вступить съ нимъ въ союзъ противъ папы, императора и короля Фердинанда. Папа возбудилъ въ венеціанцахъ подозрѣніе попыткою лишить ихъ, въ угоду императору, Вероны и Виченцы, и своимъ тайнымъ союзомъ съ Фердинандомъ Католикомъ. Притязанія его на Парму и Піаченцу также смущали Венецію, захватившую столько императорскихъ владѣній. Отношенія венеціанцевъ къ императору и папѣ и желаніе Лудовика снова покорить Миланъ произвели то, что 24 марта 1513 г., при посредничествѣ Тривульціо, между Франціей и Венеціей былъ заключенъ наступательный и оборонительный союзъ въ Блуа. Дочь Максимиліана, Маргарита, по предложенію Фердинанда и папы, устроила 5 апрѣля въ Мехельнѣ другой, противный союзъ, хотя Фердинандъ только заключилъ съ Лудовикомъ перемиріе. Эти союзы главныхъ державъ Европы были третьими въ ряду тѣхъ, которые установили существующія донынѣ политическія и дипломатическія отношенія Европы.

Блуаскій и мехельнскій договоры были заключены уже по смерти папы Юлія II (въ февралѣ 1513 г.); младшіе члены кардинальской коллегіи, бывшіе тогда въ ссорѣ съ старшими кардиналами, выбрали на его мѣсто тридцати-лѣтняго кардинала Джіованни Медичи, сына Лоренцо Великолѣпнаго. Этотъ папа, еще менѣе благочестивый, чѣмъ его предшественникъ, справедливо прославился, подъ именемъ Льва X, какъ государственный и свѣтскій человѣкъ, какъ знатокъ и покровитель искусствъ и художниковъ, поэтовъ и ученыхъ и какъ творецъ блистательнѣйшихъ архитектурныхъ произведеній древняго и новѣйшаго времени. Онъ возвеличилъ свою фамилію и проложилъ побочному сыну своего дяди, Юліану, дорогу къ папскому престолу, но произвелъ въ то же время расколъ латинской церкви и продалъ Испаніи свободу и національность Италіи.

Мехельнскій трактатъ былъ заключенъ между папою Львомъ X, императоромъ Максимиліаномъ и королями испанскимъ и англійскимъ. Союзники обязались немедленно объявить войну французамъ и начать ее въ Италіи непремѣнно въ два слѣдующіе мѣсяца. Остальныя статьи трактата показываютъ, что Лудовику нечего было бояться этого союза. Генрихъ VIII англійскій долженъ былъ вести войну въ Нормандіи, Пикардіи и Гіэни, Фердинандъ въ Беарнѣ, Лангедокѣ и Гіэни, папа въ Провансѣ и Дофине, императоръ въ Бургундіи и въ самой Франціи. Кромѣ того, папа долженъ былъ отлучить французовъ и ихъ союзниковъ отъ церкви, а король Генрихъ—заплатить императору 10,000 золотыхъ кронъ. При заключеніи договора полагали, что Фердинандъ и папа утвердятъ его; но ни тотъ, ни другой не дали своего согласія. Главными виновни-

*) Don Juan, mon ami, si nous fussions nés vous Catherine et moi Don Juan, nous serions encore rois de Navarre.

ками мехельнскаго союза были императоръ и англійскій король; но они-то и были обмануты. У императора тогда, какъ и всегда, была одна забота — о деньгахъ. Генрихъ VIII англійскій хотѣлъ продолжать войну съ Франціей, въ которой понесъ въ предшествовавшемъ году большія потери на морѣ и на сушѣ; съ согласія своего парламента и духовенства онъ собралъ значительныя суммы отъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Онъ назначилъ по этому случаю сословную подать и налогъ на движимыя и недвижимыя имущества, которыя въ ходу въ наше время *).

Лудовику XII нечего было бояться императора и англійскаго короля, и потому онъ направилъ всѣ свои силы противъ Милана въ то время, какъ ему угрожали изъ Кале и изъ Фландріи. Не смотря на заключенное между нимъ и Фердинандомъ перемиріе, ему приходилось имѣть дѣло съ испанцами, такъ какъ договоръ о перемиріи касался только Франціи и Испаніи, но не распространялся на Италію. Кромѣ того, папа Левъ X разошелся съ Испаніей, потому что хотѣлъ завладѣть для своего семейства Пармой и Піаченцой и возобновилъ притязанія своихъ предшественниковъ на эти герцогства. Раймондъ Кардона, по смерти Юлія II, принудилъ гражданъ Пармы и Піаченцы снова признать своимъ главою Массимиліано Сфорцу Миланскаго. Но ссора герцога съ папою была улажена; герцогъ снова очистилъ Парму и Піаченцу, и Левъ далъ ему помощь, разумѣется, не высказываясь прямо въ его пользу противъ французовъ. Чтобы помогать герцогу втайнѣ, папа воспользовался швейцарцами и, разойдясь съ испанцами, сталъ сближаться съ Лудовикомъ XII.

Во главѣ многочисленнаго войска, посланнаго Лудовикомъ XII весною 1513 г. въ Италію противъ Милана, стоялъ Ла Тремуйль, назначенный королевскимъ намѣстникомъ (lieutenant-general du roi) въ Италіи и главнокомандующимъ арміею. Подъ его начальствомъ служили маршалъ Джіованни Джакопо Тривульціо и де-ля-Марки. Такъ какъ имѣнія де-ля-Марковъ находились на нѣмецкой и нидерландской границахъ, то они могли, подобно Францу Зиккингену и Гётцу фонъ-Берлихингену, заниматься въ XVI вѣкѣ разбоями, въ которыхъ рыцарство упражнялось въ средніе вѣка. Робертъ де-ля-Маркъ сеньеръ де-Седанъ предводительствовалъ семью или восьмью стами рыцарей и 8,000 французскихъ пѣшихъ наемниковъ (aventuriers); сынъ его, маршалъ Флеранжъ, 6,000 нѣмецкихъ наемниковъ или ландскнехтовъ. Если бы Лудовикъ назначилъ главнокомандующимъ, вмѣсто Ла Тремуйля, маршала Тривульціо, то, вѣроятно, предпріятіе его удалось бы. Авторъ «Мемуаровъ Ла Тремуйля», разумѣется, защищаетъ его отъ всякихъ упрековъ; но всѣ остальные писатели утверждаютъ, что Ла Тремуйль одинъ виноватъ въ позорномъ и пагубномъ для Франціи окончаніи этого похода. Біографъ его соглашается, что Ла Тремуйль съ самаго начала не предвидѣлъ добраго результата **).

Лишь только французы появились въ Италіи, Раймондъ Кардона, войско котораго было слишкомъ слабо, вышелъ по приказанію Фердинанда изъ миланскаго герцогства и отступилъ въ окрестности Пьяченцы, чтобы по первому знаку идти къ Неаполю. Поэтому Асти и Александрія сдались французамъ безъ сопротивленія. Такъ какъ, кромѣ того, итальянцы, убивавшіе французовъ въ прошломъ году тысячами, теперь снова призывали ихъ, то спасеніе Милана зависѣло только отъ швейцарцевъ. Французы послали войско въ Геную, чтобы поддержать братьевъ Адорно противъ Фрегозо, а демократовъ Ривіеры противъ аристократовъ столицы. Послѣдніе должны были уступить, и Генуя, за исключеніемъ Кастеллетто,

---

*) Герцогъ долженъ былъ платить 6 фунтовъ 13 шилинговъ, графъ или маркизъ 4 фунта, жены ихъ столько же, баронеты, бароны и ихъ жены по два фунта, другіе кавалеры и лорды, засѣдающіе въ парламентѣ, одинъ фунтъ десять шилинговъ, а землевладѣльцы $2\frac{1}{2}$ процента съ годоваго дохода своихъ имѣній и т. д. Такимъ образомъ тѣ, у кого было менѣе двухъ фунтовъ дохода, должны были платить одинъ шилингъ. Кто имѣлъ состояніе въ 800 фунтовъ—платилъ 2 фунта 13 шилинговъ и т. д., слуга и поденщикъ съ 2 фунтовъ годовой платы—одинъ шилингъ, а съ одного до двухъ фунтовъ — 6 пенсовъ, остальные же всѣ—по четыре пенса.

**) Qui n'osa le (командованіе) refuser, combien qu'il cogneust la charge estre dangereuse pour les caases susdites.

чрезъ Адорно снова сдѣлалась французскою. Когда французское войско вступило въ миланское герцогство, герцогъ Массимиліано владѣлъ только Комо и Новарою. Онъ не смѣлъ оставаться въ Миланѣ и почти бѣжалъ въ Новару съ своими ненадежными итальянцами и 5,000 швейцарцевъ. Въ то же ремя венеціанскій генералъ Альвіано воспользовался неудовольствіемъ ломбардцевъ, чтобы занять Пескіеру, Валеджіо и Кремону, послѣднюю впрочемъ безъ цитадели; своего генерала Ренцо да Чери, онъ послалъ поддерживать возмущеніе гражданъ Бергамо и Брешіи, испанскіе гарнизоны которыхъ искали спасенія въ цитаделяхъ. Лоди и Сончино также отпали отъ герцога.

Французская армія прежде всего обратилась противъ Новары. Но Ла Тремуйль получилъ извѣстіе, что при приступѣ на Новару ему будетъ грозить опасность быть окруженнымъ двумя швейцарскими войсками, такъ какъ на выручку идутъ черезъ долину Аосты два сильныхъ швейцарскихъ отряда. Чтобы не попасть между двухъ огней, Ла Тремуйль расположился лагеремъ при Ла Ріоттѣ. Позиція была дурно выбрана, потому что въ горахъ нельзя было дѣйствовать тяжелой кавалеріей, составлявшей главную силу французовъ; пѣхота же ихъ не могла равняться съ швейцарской. 5 іюня въ Новару пришло десятитысячное подкрѣпленіе, и по совѣту Якова Матти изъ Ливинена или, какъ его называютъ, Якова изъ Ури, они рѣшились не ждать третьяго швейцарскаго отряда, который велъ къ нимъ баронъ Гогенсаксъ, и на другой же день сдѣлать вылазку изъ Новары. Ла Тремуйль былъ застигнутъ врасплохъ; поэтому 6-го іюня 1513 г. швейцарцы одержали блистательную побѣду; а такъ какъ французы вмѣсто того, чтобы отступить къ Асти и Алессандріи, обратились въ постыдное бѣгство за Альпы, то вся ихъ артиллерія и огнестрѣльные снаряды достались побѣдителямъ. Въ Генуѣ французская партія была низвергнута. Жалкіе ломбардцы стали убивать французовъ, съ которыми недавно были друзьями, и старались пріобрѣсти милость герцога Массимиліано низостями и деньгами. Города должны были заплатить большія суммы: Миланъ 200,000 дукатовъ, а остальные пропорціонально этому. Всѣ эти деньги шли швейцарцамъ, но не удовлетворили ихъ жадность, хотя они сверхъ этого обогатились на счетъ пьемонтцевъ, у которыхъ, подъ предлогомъ преграждёнія французамъ пути въ Италію, хозяйничали, какъ монголы или турки.

Послѣ битвы при Новарѣ, Раймонду Кардонѣ хотѣлось, по примѣру своего короля, загребать жаръ чужими руками. Онъ возвратился въ миланское герцогство съ намѣреніемъ отнять у венеціанцевъ ихъ завоеванія. Но сдѣлать это было не легко, потому что ему пришлось имѣть дѣло съ лучшимъ венеціанскимъ генераломъ, графомъ Альвіано. Онъ оспаривалъ каждый клочекъ земли у испанцевъ, съ которыми въ концѣ іюля соединились нѣмецкія войска, посланныя Максимиліаномъ; но наконецъ Альвіано долженъ былъ оставить равнину Терра Фирмы и ограничиться защитою городовъ Тревизо, Кремы и Падуи. Въ началѣ августа Матвѣй Лангъ, который незадолго передъ тѣмъ былъ наконецъ сдѣланъ кардиналомъ и служилъ Максимиліану на военномъ и дипломатическомъ поприщахъ, предложилъ союзникамъ аттаковать Падую, гдѣ находился самъ Альвіано, но они были принуждены со стыдомъ и срамомъ отступить, и кардиналу пришлось сознаться, что военныя дѣла не по его части. Послѣ этого союзники совершенно удалились изъ венеціанской области, пока въ концѣ сентября императоръ не прислалъ въ Италію новаго войска. Съ этимъ нѣмецкимъ войскомъ и съ своими испанцами Раймондъ Кардона пошелъ внизъ по Эчу, прошелъ за Бренту въ Местре, пустилъ оттуда, какъ бы въ насмѣшку, нѣсколько бомбъ въ острова и отправился съ своей добычей въ Верону. Альвіано, доселѣ спокойно стоявшій въ Падуѣ, долженъ былъ по приказанію венеціанскаго сената выступить и преградить непріятелю путь въ Верону. Такимъ образомъ онъ вышелъ изъ Падуи, и, соединившись съ отрядомъ, расположеннымъ въ Тревизо, встрѣтился съ непріятелемъ 7 октября 1513 г. близъ Виченцы. Здѣсь произошло сраженіе, въ которомъ главнокомандующіе, Просперъ Колонна и Фердинандъ д'Авалосъ маркизъ Пескара, дѣйствовали такъ хорошо, что венеціанцы были совершенно разбиты, ихъ лучшіе предводители взяты въ плѣнъ или убиты, а артиллерія и обозъ захвачены. Послѣ пораженія венеціанцевъ, Италія была совершенно потеряна для французовъ.

Вся выгода отъ новаго оборота дѣлъ въ Италіи досталась папѣ и испанцамъ; впрочемъ и швейцарцы поживились на счетъ Франціи и пріобрѣли много денегъ въ Бургундіи. За то Максимиліанъ и Генрихъ VIII были обмануты, хотя первый, какъ мы увидимъ, пріобрѣлъ въ Нидерландахъ даже нѣкоторую славу. Король Генрихъ VIII былъ въ 1513 г. простымъ орудіемъ императора Максимиліана и его дочери, Маргариты, которая умѣла заставить своего отца всячески льстить тщеславію молодаго короля, поступить даже къ нему въ службу въ качествѣ начальника кондотьери и выступить за него въ походъ. Максимиліанъ носилъ бѣлую розу—гербъ Генриха и не стыдился принимать жалованье, по сту кронъ въ день. Онъ хотѣлъ даже, по примѣру своихъ предшественниковъ, выманить денегъ у тщеславнаго юноши посредствомъ диплома, не имѣвшаго никакого значенія; но англичане были слишкомъ практичны, чтобъ поддаться на эту штуку. Максимиліанъ хотѣлъ сдѣлать англійскаго короля безсмѣннымъ викаріемъ имперіи на вѣчныя времена; но императоръ весьма сконфузился, когда Генрихъ полюбопытствовалъ узнать, какія права и преимущества соединены съ этимъ титуломъ, и дѣло кончилось ничѣмъ.

Маргарита дѣйствовала противъ французовъ съ тѣмъ коварствомъ и притворствомъ, которое впослѣдствіи будетъ изумлять насъ и приводить въ негодованіе въ поступкахъ ея племянника и воспитанника, Карла V. Съ 1507 г. ее безпрестанно тревожилъ неугомонный герцогъ Гельдернскій, котораго тайно поддерживалъ Лудовикъ XII. Чтобы сохранить нейтралитетъ Фландріи, бывшей французскимъ леномъ, Маргарита обманывала короля Лудовика дружескими письмами, которыя не переставала писать ему даже тогда, когда Генрихъ уже былъ готовъ отправить моремъ свое войско. Въ іюнѣ 1573 г. она увѣряла Лудовика, что, подобно своему отцу, останется доброй союзницей Франціи, хотя въ союзѣ этомъ собираются участвовать дурные люди *). Но въ это время она получила письмо отъ своего отца, въ которомъ Максимиліанъ изъявлялъ надежду, что Генрихъ высадится при Кротуа и пойдетъ вверхъ по Соммѣ, чтобы дать ему (Максимиліану) возможность разбить французовъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда они были поражены его тестемъ **).

Генрихъ высадился въ Кале; Максимиліанъ прислалъ ему 7,000 человѣкъ такъ называемыхъ ландскнехтовъ, которые въ Германіи занимались ремесломъ щвейцарцевъ и были такъ же ловки, храбры и опытны и также грубы, жестоки и падки на добычу. Этотъ отрядъ назывался черною шайкой, подобно итальянской, которую вскормилъ и взлелѣялъ папа Юлій II. Максимиліанъ находился лично при союзной арміи, когда она пошла на осаду Теруанни, и англійскій король былъ на столько уменъ, что предоставилъ ему ему главное начальство. Чтобы выручить Теруаннь, Лудовикъ XII собралъ значительное войско, при которомъ находились первые вельможи и лучшіе генералы и рыцари королевства. Максимиліанъ аттаковалъ французовъ при Гингатѣ, и легкая побѣда, одержанная имъ, принесла императору тѣмъ болѣе чести, что лучшіе рыцари Франціи бѣжали передъ нимъ почти безъ боя, и такимъ образомъ ненавистные французы были не только побѣждены, но и унижены. Это лучше всего видно изъ мемуаровъ дю-Белле, гдѣ подробно и поименно исчислены всѣ господа, позорно бѣжавшіе при Гингатѣ, въ томъ числѣ главнокомандующій и намѣстникъ Пикардіи де-Піенъ, герцогъ Лонгвилль, храбрый Баяръ, Ла-Палисъ и Имбрекуръ. По рыцарскому обычаю того времени, они сошли съ своихъ огромныхъ, тяжелыхъ коней и сняли шлемы и латы; въ это время Максимиліанъ бросился на нихъ со своими рыцарями и не далъ имъ времени сѣсть на лошадей и надѣть вооруженіе. Имъ оставалось только бѣжать, и сами французы называютъ сраженіе при Гингатѣ битвою шпоръ (la journée des éperons). Ла-Палисъ скрылся; но Баяръ совѣстился бѣжать и былъ взятъ въ плѣнъ съ герцогомъ Лонгвиллемъ, марки-

---

*) Combien plusieurs pour leur gaing et prouffit particulier à leurs perils et fortunes soient allez au service du roi d'Angleterre.

**) Par ainsi, que pourront, пишетъ Максимиліанъ, à grand honneur et puissance marcher oultre jusqu'a Montlhéry, ou feu nostre beaupère le duc Charles eut grand bataille et victoire (т. X, стр. 145), au quel lieu il faut que les Français combattent, car c'est au coeur du royaume, qui s'appelle Isle de France.

зомъ Ротленомъ, Бюсси д'Амбуазомъ, Клермономъ и Лафайеттомъ. Послѣ этого Теруаннь не могла держаться и была срыта до основанія, въ угоду нидерландцамъ. Генрихъ VIII осадилъ и взялъ городъ Турнѐ, владѣніе которымъ стало для Англіи тажелымъ бременемъ. По взятіи этого города въ концѣ сентября, императоръ и король отправились въ Нидерланды, гдѣ Маргарита не поскупилась на празднества.

Въ томъ же 1513 году, когда Максимиліанъ, Маргарита и папа такъ позорно помыкали молодымъ королемъ Англіи въ походѣ въ Нидерланды и Италію, войска его одержали блестящую побѣду надъ королемъ Іаковомъ IV шотландскимъ. Іаковъ былъ женатъ на сестрѣ Генриха, Маргаритѣ; но этотъ союзъ принесъ обоимъ королевствамъ не миръ, а бѣду. Іаковъ ссорился со своимъ затемъ, и мало по малу между ними завязалась кровопролитная война изъ-за одного члена семейства Бартоновъ, съ которымъ Генрихъ поступилъ какъ съ пиратомъ. Поводъ къ этой войнѣ совпадаетъ съ характеромъ шотландцевъ и съ однимъ событіемъ, случившимся въ послѣдней четверти XV вѣка. Шотландцы были морскими и сухопутными разбойниками, какъ разсказываетъ соотечественникъ ихъ, Вальтеръ Скоттъ, который впрочемъ по своему романтизму похваляетъ ихъ за это; но, подобно нашимъ Францу Зиккингену и Гётцу фонъ Берлилинхену, они были вмѣстѣ съ тѣмъ храбрыми рыцарями. Къ числу пиратовъ, занимавшихся морскою торговлей, принадлежали братья Бартоны, бывшіе въ большой милости у Іакова. Отецъ этихъ Бартоновъ, у котораго въ 1473 г. былъ отнятъ корабль, требовалъ отъ португальскаго правительства уплаты за понесенный при этомъ убытокъ; вслѣдствіе этого король Іаковъ далъ сыновьямъ Бартона (черезъ 30 лѣтъ послѣ происшествія) привилегію грабить португальскія суда до тѣхъ поръ, пока не будутъ выплачены долгъ и проценты. Шотландцы, занимавшіеся грабежомъ какъ ремесломъ, воспользовались этимъ позволеніемъ, чтобы захватывать и другіе корабли, и Бартоны, служившіе Іакову, напали при этомъ на англійскія суда. Генрихъ VIII послалъ противъ нихъ свой флотъ, который взялъ два шотландскихъ корабля въ битвѣ, стоившей жизни Андрью Бартону. Генрихъ отослалъ плѣнныхъ въ Шотландію, но отказалъ шотландскому королю въ требуемомъ удовлетвореніи. Іаковъ чрезвычайно разсердился и въ 1512 г. возобновилъ древній союзъ Шотландіи съ Франціей. Однако онъ не объявлялъ Англіи открытой войны; но лѣтомъ 1513 г., когда англичане и французы сражались при Теруаннѣ, онъ послалъ на помощь французскому королю флотъ и вторгнулся въ Англію, прежде чѣмъ его герольдъ успѣлъ прибыть въ лагерь Генриха при Теруаннѣ. Если вѣрить англичанамъ, трудно было придумать предпріятіе болѣе безумное. Если дѣйствительно, какъ они утверждаютъ, 80,000 шотландцевъ бросились грабить англичанъ, то ясно, что эти дурно вооруженныя, нестройныя массы должны были неизбѣжно погибнуть. Графъ Сёррэ, стоявшій съ войскомъ въ Понтефректѣ, собралъ рыцарство сѣверныхъ графствъ и выступилъ противъ шотландцевъ, съ своимъ сыномъ, лордомъ Говардомъ. Шотландцы занимали неприступную позицію у Ф л о д д е н а на Твидѣ, и англійскіе полководцы выказали большія военныя способности, съумѣвъ выманить ихъ оттуда. По словамъ офиціальнаго извѣстія, шотландцы двинулись на нихъ стройно и въ порядкѣ, точно швейцарцы *), но не дальше какъ черезъ часъ потерпѣли пораженіе (8 сентября 1513 г.), и ожесточенные англичане, страну которыхъ они звѣрски опустошали, истребили ихъ совершенно. Въ битвѣ пало 10,000 шотландцевъ, въ томъ числѣ самъ король Іаковъ и его побочный сынъ, архіепископъ Сентъ-Андрьюсъ, два епископа, два аббата, двѣнадцать графовъ, тринадцать бароновъ и пятьдесятъ пять другихъ знатныхъ лицъ. Англичане захватили также 6,000 лошадей и шотландскую артиллерію, состоявшую изъ 17 пушекъ.

Въ одно время съ нападеніемъ Генриха на Францію и разбойничьимъ походомъ шотландцевъ, швейцарцы, побуждаемые императоромъ, предприняли такой же разбойничій набѣгъ на восточную Францію, кончившійся чрезвычайно счастливо, но въ ущербъ англичанамъ. Въ то время вся Швейцарія, какъ мы

---

*) «En bon ordre, en la manière que marchent les allemans, sans parler, ne faire aucun bruit.»

уже замѣтили, къ неудовольствію всѣхъ истинныхъ швейцарцевъ и всѣхъ друзей свободы, обратилась въ гнѣздо кровожадныхъ наемниковъ. Швейцарское воинство помогло сначала французамъ и ихъ страшному тирану Лудовику XI завоевать Бургундію; потомъ оно отправилось въ Италію съ Карломъ VIII и наконецъ, когда Лудовикъ XII оскорбилъ его, стало служить императору и папѣ противъ французовъ. Когда Левъ X, подъ предлогомъ недоплаченнаго жалованья, выдалъ имъ 24,000 дукатовъ, швейцарцы взяли подъ свое покровительство молодаго герцога миланскаго и изгнали французовъ изъ Италіи. Швейцарцы, возвратившіеся въ послѣднее время изъ Италіи, разбогатѣли отъ полученной платы и отъ контрибуцій и грабежей; поэтому швейцарцы стремились въ иностранную службу, какъ наши современники къ калифорнскому золоту. Максимиліанъ, считавшій англійскія субсидіи неисчерпаемыми, предложилъ швейцарцамъ за 16,000 войска 16,000 гульденовъ въ мѣсяцъ, если они завоюютъ Бургундію для внука его, Карла; не смотря на то, что въ то же время ихъ приглашали папа и герцогъ миланскій, жадность ихъ была такъ велика, что вмѣсто 16,000 человѣкъ собралось 25,000 или, какъ говорятъ, даже 50,000, подъ предводительствомъ бернскаго городскаго старшины Ваттевиля. Кромѣ швейцарцевъ, Максимиліанъ, не умѣвшій соразмѣрять своихъ издержекъ со средствами, нанялъ бургундское рыцарство и герцога Ульриха Виртембергскаго съ нѣсколькими тысячами кавалеріи.

Эти шайки ворвались въ Бургундію и опустошили ее. Они достигли Дижона, прежде чѣмъ намѣстникъ Бургундіи, Ла-Тремуйль, успѣлъ сдѣлать какія нибудь приготовленія для укрѣпленія этого города. Но онъ вывернулся изъ бѣды, подкупивъ тѣхъ швейцарцевъ и нѣмцевъ, которые говорили по-французски, для того чтобы съ ихъ помощью обмануть прочихъ. Хотя въ «Мемуарахъ Ла-Тремуйля» этого не сказано прямо, но есть намекъ на это. Сначала Ла-Тремуйль переговаривался изъ города съ какимъ-то Альбрехтомъ Штейномъ и другими, которыхъ онъ зналъ прежде, потомъ отправился самъ въ непріятельскій лагерь и заключилъ съ ними условія на французскомъ языкѣ, которыя были вкратцѣ сообщены добрякамъ нѣмцамъ *). Обманъ былъ очень грубъ; читая условія, переданныя людямъ, понимавшимъ только по-нѣмецки, съ перваго взгляда видно, что Ла-Тремуйль не смѣлъ и не могъ позволить себѣ что нибудь подобное безъ особаго полномочія. Если бы въ Дижонѣ былъ запертъ самъ король со всѣмъ своимъ войскомъ, то и онъ бы призадумался давать подобныя обѣщанія разбойничьей ордѣ. Ла-Тремуйль заключилъ договоръ, по которому со стороны французовъ было обѣщано выплатить швейцарцамъ 400,000 золотыхъ талеровъ, а герцогу Ульриху—8,000, отказаться отъ владѣнія Асти, Миланомъ и Генуей, возвратить римской церкви и германской имперіи все, отнятое у нихъ, и наконецъ не вербовать болѣе въ Швейцаріи войскъ, если всѣ кантоны не изъявятъ согласія на это.

Въ обезпеченіе этого договора, швейцарцы, правда, получили заложниковъ **); но самъ Ла-Тремуйль посовѣтовалъ королю предоставить ихъ на произволъ судьбы и отказаться утвердить договоръ. Швейцарцы, возвратившись домой, пришли въ страшное негодованіе, и многіе заговорили о вторичномъ походѣ: но такъ какъ никто не хотѣлъ принять вооруженіе на свой счетъ, то всѣ остались дома. Обѣщанныхъ 400,000 золотыхъ талеровъ, въ счетъ которыхъ швейцарцы получили 20,000, они выпрашивали до тѣхъ поръ, пока наслѣдникъ Лудовика XII, Францискъ I, желая опять принять ихъ на службу, далъ имъ послѣ побѣды надъ ними болѣе денегъ, чѣмъ они могли бы требовать, оставшись побѣдителями.

Главною заботою Лудовика XII въ 1514 г. было завоеваніе герцогства миланскаго, хотя онъ дѣлалъ, повидимому, большія приготовленія къ высадкѣ въ Англію и, чтобы быть въ состояніи вести войну съ Англіей, заключилъ

---

*) Et leur (швейцарцевъ) sauf conduit reçu, le seigneur de la Tremouille sans armes et petitement accompagné sélon la forme du dit conduit alla vers eux. Потомъ слѣдуютъ намеки на двухдневные переговоры. Наконецъ говорится: Ils (швейцарцы) furent si bien menés par exhortation du dit seigneur de la Tremouille, que moyennant quelque grosse somme de deniers, qu'il leur promit, leverent leur siège et retournèrent en leur pays, sans autrement endommager le duché de Bourgogne.

**) Le seigneur de Mezières, neveu de la Tremouill, François de Rochefort, bailli de Dijon et quatre des plus riches bourgeois de Dijon.

съ Фердинандомъ и Максиміаномъ перемиріе на годъ. Это перемиріе было причиною того, что въ 1514 г. всѣ политическія отношенія между государствами внезапно измѣнились. Генриха VIII убѣдили принять участіе въ союзѣ противъ Франціи обѣщаніемъ женить на его младшей сестрѣ внука и наслѣдника Максимиліана и Фердинанда, Карла; но въ трактатѣ, заключенномъ Максимиліаномъ съ Лудовикомъ, предполагался совершенно иной бракъ, и Максимиліанъ разорвалъ союзъ съ Генрихомъ, вслѣдствіе обѣщанія Лудовика выдать свою младшую дочь за его внука и дать за ней въ приданное Миланъ. Какъ ни старались хранить втайнѣ эти переговоры, но они обнаружились, такъ какъ герцогъ Лонгвилль, жившій въ Англіи плѣнникомъ послѣ битвы при Гингатѣ, извѣстилъ Генриха объ измѣнѣ Максимиліана. Англійскій король пришелъ въ страшный гнѣвъ. Онъ потребовалъ у Маргариты объясненія, почему ея отецъ не является для совершенія условленнаго брака; но оказалось, что она даже не слыхала о такомъ бракѣ, такъ что Генрихъ былъ явно одураченъ.

Герцогъ Лонгвилль, часто игравшій съ Генрихомъ въ воланъ и выигравшій у него большую часть назначенныхъ за него въ выкупъ 40,000 дукатовъ, воспользовался этой минутой, чтобъ подготовить союзъ между Англіей и Франціей. Съ этою цѣлью онъ сошелся съ менторомъ молодаго короля, Томасомъ Уольси, епископомъ линкольнскимъ. Герцогъ Лонгвилль составилъ планъ женитьбы Лудовика XII на сестрѣ Генриха, Маріи, такъ какъ королева Анна недавно умерла; онъ польстилъ тщеславію короля надеждою возвести на французскій престолъ свою сестру, которою Максимиліанъ пренебрегъ для своего внука. Генрихъ согласился на этотъ планъ, а Лудовикъ не только принялъ предложеніе, но впослѣдствіи страстно влюбился въ англійскую принцессу. Переговоры по этому дѣлу велись весьма тайно, чтобы такъ же удивить Максимиліана, какъ онъ обманулъ короля. Поэтому первый президентъ руанскаго парламента, Жанъ де-Сельвъ, и главный сборщикъ податей Нормандіи, Томасъ Бойе, необходимые герцогу Лонгвиллю для заключенія договора, отправились въ Англію подъ предлогомъ переговоровъ о выкупѣ гингатскихъ плѣнниковъ. Заключеніе договора встрѣтило однако препятствіе въ томъ, что съ одной стороны Лудовикъ требовалъ отъ Генриха выдачи графства и города Турне, а Генрихъ требовалъ всѣхъ французскихъ владѣній, принадлежавшихъ прежде Англіи. Наконецъ Лудовикъ согласился оставить Турне въ рукахъ англичанъ, а вмѣсто выдачи прежнихъ англійскихъ провинцій обѣщалъ дать молодому королю денегъ, подъ предлогомъ старыхъ долговъ, требуемыхъ Англіей съ Франціи. Генрихъ еще въ первые годы царствованія промоталъ всѣ богатства, собранныя правдами и неправдами его жестокимъ и скупымъ отцомъ. Между Лудовикомъ и Генрихомъ были заключены три договора, что дало французскому королю возможность осуществить свои планы на Миланъ при помощи англичанъ. Въ первомъ договорѣ короли обѣщали помогать другъ другу въ наступательныхъ и оборонительныхъ войнахъ. Во второмъ назначалось приданное, которое Генрихъ долженъ былъ дать за своей сестрой, и вдовье содержаніе, которое ассигновалъ ей король французскій. Въ третьемъ Лудовикъ обязался уплатить королю Генриху и его наслѣдникамъ милліонъ золотыхъ кронъ въ тридцать восемь полугодовыхъ сроковъ за долговыя обязательства Карла VIII Генриху VII и герцога Карла Орлеанскаго герцогинѣ Маргаритѣ Соммерсетъ.

Въ октябрѣ 1514 г. англійская принцесса была привезена въ Аббевиль, гдѣ обвѣнчалась съ Лудовикомъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда своей невѣсты и, увидѣвъ ее, былъ совершенно очарованъ. Старшая дочь его, Клавдія, обладавшая въ этихъ вещахъ болѣе зоркимъ окомъ, чѣмъ Лудовикъ, тотчасъ же увидѣла, что на эту англичанку нельзя полагаться. Хотя молодой королевѣ было только шестнадцать лѣтъ, но она не отличалась ни кротостью, ни цѣломудріемъ и привезла съ собой явнаго любовника Чарльса Брандона, за котораго вышла замужъ, когда въ слѣдующемъ году Лудовикъ умеръ. По старанію Клавдіи, Чарльсъ Брандонъ, котораго Генрихъ, въ угоду сестрѣ, сдѣлалъ герцогомъ Софолькомъ, и дамы, пріѣхавшія съ королевою, были отосланы назадъ въ Англію. Генрихъ не обратилъ на это вниманія, хотя выгнанные придворные жаловались ему. При молодой королевѣ во Франціи осталась только несчастная Анна Боленъ, для которой дворъ королевы Маріи не представлялъ, по правдѣ сказать, хоро-

шаго общества. Но ни Максимиліанъ, ни Фердинандъ не пожалѣли, узнавъ о бракѣ Лудовика; Маргарита и ея племянникъ, Карлъ, были даже приняты въ союзъ королей. Лудовикъ XII умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ втораго брака. Онъ и прежде часто хворалъ; перемѣна образа жизни окончательно свела его въ могилу. Онъ умеръ 1 января 1515 г.

2. Францискъ I французскій до Нойонскаго мира.

Преемникъ Лудовика, Францискъ I, былъ внукъ Іоанна Ангулемскаго, дяди Лудовика съ отцовской стороны. Онъ уже девять мѣсяцевъ былъ женатъ на старшей дочери покойнаго короля, Клавдіи, которая наслѣдовала Бретань отъ своей матери, Анны. Бракъ этотъ былъ бы уже давно заключенъ, еслибъ ему не противилась Анна, которая не хотѣла, чтобы ея наслѣдственное владѣніе было навсегда соединено съ Франціей; поэтому Францискъ женился на Клавдіи только послѣ ея смерти. Такимъ образомъ, со смертью Лудовика, Бретань была присоединена къ королевству, послѣ кратковременнаго отчужденія до бракосочетанія Клавдіи.

Франциску I при вступленіи на престолъ было всего двадцать лѣтъ. Онъ былъ идеаломъ французскаго короля, ловкаго и изящнаго придворнаго и блестящаго, храбраго рыцаря. Предшественникъ его считался строгимъ и скучнымъ, потому что не расточалъ вельможамъ, придворнымъ рыцарямъ, дамамъ и ученымъ достоянія гражданъ и крестьянъ. Францискъ, напротивъ, былъ вполнѣ національнымъ и, подобно Генриху IV, до нынѣ слыветъ образцовымъ королемъ. Онъ былъ ласковъ и любезенъ, но вѣтренъ, мелоченъ и расточителенъ, какъ его придворные; онъ покровительствовалъ искусствамъ и наукамъ, не обладая впрочемъ въ послѣднихъ даже поверхностными познаніями. Разумѣется, воспитаніе его не позволяло ждать отъ него образованія. Лудовикъ XII, который долженъ былъ руководить его воспитаніемъ, вполнѣ предоставилъ молодаго Франциска его матери, Луизѣ Савойской; это была дама въ высшей степени пустая и постоянно занятая своими любовными дѣлами. Она приставила къ сыну сначала маршала де-Жіе, а потомъ, когда онъ не вполнѣ слѣдовалъ ея волѣ, Артура де-Гуфье сеньёра де-Буасси. Послѣдній далъ въ товарищи грубому мальчику, жившему въ замкѣ Амбуазѣ, нѣсколько дворянскихъ дѣтей, которыя были такъ же дики, какъ и онъ. Мальчики играли по цѣлымъ днямъ въ воланъ и забавлялись стрѣльбою изъ лука, ловлею птицъ сѣтями и западнями и охотою за сернами и оленями. Сдѣлавшись старше, они стали заниматься верховой ѣздой, фехтованьемъ и скачкой черезъ рвы и заставы. Это не могло пріохотить молодаго Франциска къ политикѣ и образовать изъ него спокойнаго, обдуманнаго и бережливаго правителя и пріобрѣсть ему любовь крестьянъ и гражданъ, которою пользовался Лудовикъ XII. Лудовикъ слылъ въ народѣ добрымъ королемъ, отцомъ народа; за то придворные, рыцари, художники, ученые и поэты восхваляли Франциска, больше всѣхъ другихъ королей, кромѣ Лудовика XIV. Впрочемъ, какъ и Лудовикъ XIV, онъ имѣлъ нѣкоторыя хорошія качества, не смотря на свое аристократическое воспитаніе и баловство матери; достоинствами этими онъ былъ обязанъ людямъ, окружавшимъ Лудовика XII, который принялъ его къ своему двору и допустилъ въ государственный совѣтъ.

Начало царствованія молодаго короля ознаменовалось безграничнымъ мотовствомъ и раздачей намѣстничествъ и синекуръ любимцамъ и вельможамъ. Особенно щедро одарилъ Францискъ землями и крестьянами свою мать, Луизу Савойскую; она извлекала кромѣ того большіе барыши изъ утвержденія монополій, которыя должны были подтверждаться за деньги при всякой перемѣнѣ царствованія. Креатура ея, Дюпра, сдѣлался канцлеромъ, Карлъ Бурбонъ былъ назначенъ 24 лѣтъ коннетаблемъ и губернаторомъ Лангедока, потому что Луиза добивалась его любви, но, какъ утверждаютъ французы, большіе любители романовъ, не добилась и за это возненавидѣла; все семейство Карла получило деньги и важныя должности. Оде де-Фуа, сеньёръ де-Лотрекъ и Жакъ де-Шабаннъ сеньёръ де-Ла-Палисъ были возведены въ маршалы; раболѣпный гофмей-

стеръ короля, де-Буасси, получилъ званіе гофмаршала, которое принадлежало прежде Лотреку, и голосъ въ кабинетѣ. Буасси и его братъ, сдѣланный Львомъ X кардиналомъ, разыгрывали впослѣдствіи неблаговидную роль. Самъ Францискъ принялъ титулъ герцога Миланскаго и объявилъ, что намѣренъ поддерживать свое право на наслѣдство своей прабабки, Валентины Висконти, тѣмъ болѣе, что получилъ Миланъ въ ленъ. Онъ сталъ лично во главѣ арміи, собранной Лудовикомъ XII для похода въ Миланъ, и на время своего отсутствія назначилъ свою мать правительницей.

Въ Италіи, съ конца 1513 г., Венеція одна несла на себѣ все бремя войны и боролась противъ четырехъ державъ сразу. Изъ враговъ ея императоръ Максимиліанъ былъ самымъ ничтожнымъ; онъ, правда, проникалъ нѣсколько разъ до Местре, но долженъ былъ снова отступать, потому что не имѣлъ денегъ. Опаснѣе были испанцы, предводимые Раймондомъ Кардоною. Герцогъ Миланскій, существовавшій только помощью папы, который далъ ему въ полководцы Проспера Колонну, могъ разсчитывать лишь на помощь швейцарцевъ; но они были далеко и стоили очень дорого. Что касается французовъ, то они потеряли и тѣ немногіе города, которые доселѣ занимали. Сначала они были принуждены сдать герцогу миланскую цитадель; вслѣдъ за тѣмъ они потеряли и Кремону, а 26 августа были уже не въ силахъ удерживать за собой крѣпость Лантерно близъ Генуи, считавшуюся не приступною. Венеціанцы доказали при этомъ, что средства ихъ неистощимы, а мужество—непоколебимо.

Когда Францискъ I двинулъ свои войска, императоръ, герцогъ Миланскій, Фердинандъ Католикъ и флорентинцы, страдавшіе отъ тираніи Лоренцо Медичи, заключили союзъ съ швейцарцами, обязавъ ихъ не допускать французовъ въ Миланъ; Францискъ не боялся впрочемъ этого союза, потому что папа не принялъ въ немъ участія, будучи занятъ мыслью сдѣлать своего брата, Юліана, если не государемъ всей, то важнѣйшимъ владѣтелемъ Верхней Италіи. Еще въ 1514 г. онъ энергически старался увеличить Церковную область и обогатить себя и своихъ родственниковъ. Онъ отнялъ Реджіо обманомъ у герцога феррарскаго и принудилъ его уступить ему доходныя соловарни Коммакіо. У императора Максимиліана, постоянно нуждавшагося въ деньгахъ, онъ купилъ за ничтожную сумму 40,000 дукатовъ мнимое право имперіи на Модену и надѣялся завладѣть Феррарой. Наконецъ, онъ заставилъ бѣднаго герцога Миланскаго возвратить ему Парму, Піаченцу и многіе другіе лены и города; говорили даже, что онъ хочетъ купить у французовъ ихъ притязаніе на Неаполь. 9-го декабря 1514 г. онъ заключилъ особый договоръ съ швейцарцами, чтобы дѣйствовать ими противъ французовъ, въ случаѣ еслибы король Францискъ напалъ на Миланъ.

Левъ X давно началъ переговоры съ французами. Едва Лудовикъ XII заключилъ союзъ съ Генрихомъ VIII, какъ папа написалъ ему самое дружеское письмо, въ которомъ намекалъ на то, что желаетъ соединиться съ французами для изгнанія испанцевъ изъ Италіи; при этомъ онъ упоминалъ и о братѣ своемъ, Юліанѣ. Но Лудовикъ XII узналъ въ то же время, что папа всѣми силами старается не допускать французовъ въ Миланъ. Поэтому въ отвѣтъ на письмо Льва онъ написалъ, что доставитъ его брату Неаполь, если папа предоставитъ ему Миланъ. Отвѣтъ папы на это странное предложеніе былъ вполнѣ достоинъ государя, соединявшаго въ себѣ древнюю и новую образованность и располагавшаго величайшими учеными и художниками со всею софистикой и цицероновской латынью разныхъ Бембо и Садолетовъ. Левъ отвѣчалъ королю, чтобы «онъ не сердился на него, если, при настоящемъ положеніи дѣлъ, онъ не сочтетъ возможнымъ немедленно вступить съ нимъ въ открытый союзъ, потому что въ такомъ случаѣ его нынѣшніе союзники, узнавъ о его соглашеніи съ Франціей, обратятся противъ него. Онъ просилъ короля не предпринимать пока похода на Миланъ, такъ какъ онъ не можетъ соединиться съ нимъ, хотя бы только потому, что война будетъ стоить слишкомъ много христіанской крови, которую слѣдуетъ беречь въ виду столь сильнаго возрастанія турецкаго могущества. Если король согласится отложить походъ, то впослѣдствіи встрѣтитъ въ немъ полную готовность попрежнему содѣйствовать его величію и славѣ». Когда Францискъ I сталъ во главѣ войска, собраннаго Лудовикомъ, папа возстановилъ противъ него швейцарцевъ, и для осуществленія плановъ, клонившихся къ обогащенію своего

семейства, сошелся съ матерью короля, имѣвшею неограниченное вліяніе на сына. Въ февралѣ 1515 г. онъ женилъ своего брата, Юліана, на Филибертѣ, сестрѣ Луизы Савойской. Свадьба Юліана праздновалась съ необыкновенной роскошью и пышностью сначала въ Римѣ, а потомъ вторично въ Туринѣ, и итальянскіе князья оказывали молодымъ царскія почести. Когда Францискъ готовился къ переходу черезъ Альпы, коварная политика папы снова обнаружилась. Онъ намекнулъ генуэзскому дожу, Оттавіано Фрегозо, что союзники поступаютъ съ нимъ не совсѣмъ чистосердечно; поэтому дожъ обратился къ Франціи, но этимъ побудилъ генерала Проспера Колонну и пришедшихъ въ Италію швейцарцевъ поспѣшно двинуться противъ Генуи; такъ какъ съ Просперомъ прибыли семейства Адорно и Фіеско, то Фрегозо очутился въ затруднительномъ положеніи. Но тогда папа явился посредникомъ, чтобы не испортить своихъ отношеній къ Франціи.

Ни одинъ европейскій государь не обладалъ еще такимъ многочисленнымъ и прекраснымъ войскомъ, какъ то, которое въ августѣ 1515 г. Францискъ I повелъ въ Италію. Въ немъ, между прочимъ, было 2,500 копій (по 4 человѣка на копье), 22,000 ландскнехтовъ подъ предводительствомъ герцога Карла Гельдернскаго и 6,000 басковъ подъ начальствомъ лучшаго генерала Фердинанда Католика, Педро Наварро. Этотъ полководецъ былъ взятъ въ плѣнъ при Равеннѣ и перешелъ во французскую службу, потому что Фердинандъ отказалъ помочь его выкупу.

Изъ Франціи въ Италію можно было тогда пройдти только тремя альпійскими проходами: чрезъ Монъ-Женевръ, Монъ-Сени и Ниццу. Первые два были заняты 16,000 швейцарцевъ; третій, хотя былъ свободенъ, но представлялъ другія затрудненія, и швейцарцы могли во всякое время запереть его. Поэтому два главные отряда французской арміи направились чрезъ Монъ-Женевръ и Монъ-Сени; а третій отрядъ былъ посланъ по неизвѣстной еще доселѣ дорогѣ, ведущей черезъ Коль д'Аржантьеръ, Пей ле Поро, Демонъ и Рокспарвьеръ, въ маркизатство Салуццо; ему было поручено обойти швейцарцевъ, стоявшихъ при Сузѣ и Кони. Шабань, д'Обиньи, Тривульціо и Баяръ слѣдовали по этой дорогѣ съ отрядомъ латниковъ; горный охотникъ указывалъ имъ путь, а впереди шелъ Педро Наварро съ басками, взбиравшимися на крутизны и прокладывавшими дорогу остальной части отряда, который такимъ образомъ достигъ Салуццо. Испанскія войска были заняты наблюденіемъ за движеніями венеціанцевъ, дѣйствовавшихъ отъ Пьяченцы до Вероны; въ то же время Оттавіано Фрегозо впустилъ въ Геную небольшой отрядъ французовъ, прибывшій моремъ. Неожиданное появленіе французовъ въ Салуццо окончательно поразило испанскаго главнокомандующаго, Проспера Колонну. Онъ стоялъ въ Виллафранкѣ, всего въ трехъ часахъ ходьбы отъ Салуццо и по близости отъ швейцарцевъ, расположенныхъ въ Кони; но, получивъ извѣстіе о прибытіи французовъ въ Салуццо, онъ не спѣшилъ соединиться съ швейцарцами, и, когда 15 августа Баяръ и Ла-Палисъ явились со своею кавалеріею передъ Виллафранкой, испанскій генералъ спокойно обѣдалъ со своимъ штабомъ. Французы просунули въ ворота свои копья и, помѣшавъ такимъ образомъ запереть ихъ, ворвались въ городъ и взяли въ плѣнъ Колонну и его генераловъ, Чезаро Феремоска, Піетро Маргано и другихъ. Когда подоспѣли швейцарцы, французы уже отступили. Главный французскій корпусъ, перебравшись черезъ Монъ-Женевръ и Монъ-Сени въ Сузу, прошелъ оттуда въ Туринъ, потому что швейцарцы, опасаясь аттаки съ тылу, сошли съ горъ. Французы собрались въ Туринѣ, чтобы оттуда двинуться въ миланское герцогство. Герцогъ Максимиліанъ въ отчаяніи заперся въ миланской цитадели; говорили даже, что онъ сошелъ съ ума, съ тѣхъ поръ какъ его генералъ Колонна по неосторожности попалъ въ руки непріятеля.

Швейцарцамъ угрожало съ тылу войско, прошедшее отъ Генуи до По, а съ фланга Шабанн, д'Обиньи и Трувульціо; наконецъ спереди они имѣли противъ себя главную французскую армію подъ предводительствомъ самого короля Франциска. Поэтому они отправили всю свою артиллерію въ Новарскую цитадель, чтобы идти пѣшкомъ, сомкнутыми рядами, съ копьями, мечами и топорами противъ пушекъ и кавалеріи французовъ. Они уже дошли до Галерата, близъ Милана, когда герцогъ Савойскій завязалъ переговоры съ измѣнниками, бывшими

въ ихъ рядахъ, и отъ имени французскаго короля удовлетворилъ всѣ ихъ требованія. Францискъ велѣлъ обѣщать имъ даже уплату обѣщанныхъ въ Дижонѣ 400,000 золотыхъ талеровъ (стр. 346). Швейцарцы изъ Золотурна, Фрейбурга, Берна и Верхне-Валлиса, которыми торговали ихъ патриціи, Іоганнъ Дисбахъ, Альбрехтъ Штейнъ, баронъ Гогенсаксъ и другіе, изъявили готовность за деньги измѣнить герцогу Массимиліано; но Ваттенвиль и жители Швица, Цюриха, Ури и Гларуса хотѣли сражаться за герцога. Папа и племянникъ его, Лоренцо Медичи, командовавшій флорентинскимъ войскомъ, играли очень двусмысленную роль. Письма папы къ Лоренцо, перехваченныя Раймондомъ Кардоною, были такъ странны, что Раймондъ остановился въ моденскомъ герцогствѣ, выжидая дальнѣйшихъ обстоятельствъ, такъ что въ сентябрѣ защита Милана лежала только на швейцарцахъ. Только кардиналъ зиттенскій выказывалъ рѣшительную ненависть къ французамъ. Когда швейцарцы потребовали отъ него денегъ, которыхъ у него не было, и угрожали ему смертью, онъ поѣхалъ въ испанскій лагерь, гдѣ досталъ сумму, которою однако швейцарцы не удовольствовались.

Король французскій согласился на всѣ требованія швейцарцевъ. Онъ обѣщалъ дать Массимиліано Сфорца за миланское герцогство немурское и пенсію, а швейцарцамъ аккуратно платить жалованье, въ которомъ имъ отказалъ Лудовикъ XII; кромѣ того, онъ обязался выплатить имъ шестьсотъ тысячъ дукатовъ, а если они возвратятъ Тессинъ и Вальтелину, отнятые ими у герцогства миланскаго, то еще триста тысячъ. Переговоры были уже окончены, и Лотрекъ уже привезъ въ Буффалоро сумму, собранную по складчинѣ со всей арміи, какъ вдругъ дѣло разстроилось. Причиною этого было прибытіе двадцати тысячъ свѣжаго швейцарскиго войска; оно пришло принять участіе въ добычѣ и вознагражденіи, слѣдовавшихъ имъ, еслибъ договоръ былъ выполненъ. Но рѣчь, произнесенная кардиналомъ зиттенскимъ, способствовала прекращенію переговоровъ. Разумѣется, мы не вѣримъ, что онъ произнесъ такую рѣчь, какую приписываетъ ему адвокатъ Гвиччіардини, или такую, которую передаетъ намъ латинистъ и риторъ Павелъ Іовіусъ; нѣтъ сомнѣнія, что краснорѣчіе его было доступнѣе его соотечественникамъ, чѣмъ школьная болтовня этихъ риторовъ; какъ бы то ни было, но слова его до того воспламенили швейцарцевъ, что 13 сентября они неудержимо устремились изъ Милана и принудили къ бою вдвое сильнѣйшее войско французовъ. Лотрекъ съ трудомъ спасъ отъ нихъ деньги, доставленныя имъ въ Буффалоро. Такимъ образомъ 13 сентября 1515 г., началось рѣшительное сраженіе при Мариньяно. Чтобъ отрѣзать швейцарцевъ отъ папскихъ и испанскихъ войскъ, Францискъ расположился на дорогѣ изъ Піаченцы въ Миланъ при Мариньяно или Санта-Бриджита на рѣчкѣ Ламбро, въ восьми часахъ пути отъ Милана; но при приближеніи швейцарцевъ онъ выступилъ противъ нихъ до Санъ-Донато. Швейцарцы, шедшіе изъ Милана безъ пушекъ и безъ музыки, застигли бы короля и коннетабля при Санъ-Донато врасплохъ, еслибы Тривульціо не предупредилъ его во-время о ихъ яростномъ наступленіи. 13 сентября бой былъ кровопролитенъ, но не рѣшителенъ; обѣ арміи простояли всю ночь одна противъ другой въ боевомъ порядкѣ, и 14 сраженіе возобновилось съ удвоеннымъ ожесточеніемъ. Оно было упорно, и швейцарцы выказали не только непоколебимое мужество, но и большое искусство, потому что могли противопоставить многочисленной артиллеріи непріятеля лишь нѣсколько пушекъ. Но въ десять часовъ утра неожиданное появленіе венеціанскаго генерала Альвіано рѣшило сраженіе въ пользу французовъ. Альвіано оставилъ большую часть своей арміи задерживать испанцевъ, а самъ съ небольшимъ отрядомъ кавалеріи поспѣшилъ къ Мариньяно. Подкрѣпленіе, приведенное имъ, было ничтожно, но слухъ о его приближеніи быстро распространился, и крикъ: «св. Маркъ! св. Маркъ!» далъ поводъ думать, что приближается вся венеціанская армія; поэтому швейцарцы отступили къ Милану. Отступленіе ихъ произошло въ совершенномъ порядкѣ: и король Францискъ запретилъ горячо преслѣдовать ихъ, опасаясь, чтобъ испанцы не аттаковали его, воспользовавшись отсутствіемъ Альвіано. Впрочемъ мы не будемъ утверждать, что при Мариньяно пало 10,000 швейцарцевъ и 5,000 французовъ. Достовѣрно только то, что побѣда доставила Франциску все, чего онъ желалъ. Онъ первый разбилъ на полѣ сраженія непобѣдимыхъ швейцарцевъ и побѣдой пріобрѣлъ Миланъ. Грубый и буйный герцогъ Гельдернскій не участвовалъ въ мариньянскомъ сраже-

ніи; онъ возвратился домой въ досадѣ на галератскій договоръ, послѣ котораго нельзя было ожидать никакого побоища. Узнавъ, что ошибся, онъ съ горя заболѣлъ *)!

Послѣ битвы при Мариньяно швейцарцы большею частью возвратились домой, потребовавъ предварительно отъ герцога Массимиліано значительную сумму, чтобъ имѣть благородный предлогъ отказаться служить ему. Они знали, что у него нѣтъ денегъ. Только 1500 ч. заперлись въ цитадели, которую Массимиліано могъ бы долго защищать, еслибъ не былъ жалкимъ трусомъ. Миланцы отправили во французскій лагерь депутатовъ и должны были заплатить триста тысячъ дукатовъ. Но король пошелъ не въ Миланъ, а въ Павіи. Миланскимъ намѣстникомъ онъ оставилъ герцога Карла Бурбона, а осаду цитадели поручилъ Педро Наварро. Черезъ три недѣли герцогъ отчаялся въ возможности удержаться въ цитадели до полученія помощи отъ императора, къ которому бѣжалъ братъ его Франческо. 5 октября онъ заключилъ съ коннетаблемъ капитуляцію. Король обѣщалъ ему пенсію въ тридцать тысячъ дукатовъ, и за это герцогъ не только сдалъ цитадель, но даже отказался отъ своихъ правъ на герцогство и призналъ права короля. Затѣмъ сдалась кремонская цитадель, которую осаждалъ батардъ Савойскій.

Папа уже давно игралъ двусмысленную роль и теперь заключилъ съ Франціей союзъ; 13 октября онъ ратификовалъ договоръ, уже давно заключенный за него герцогомъ Савойскимъ, но ратификацію котораго онъ откладывалъ, пока не рушились всѣ надежды его прежнихъ союзниковъ. Послѣ того Левъ вскорѣ поладилъ съ Францискомъ, потому что французскій король, замышлявшій обширные планы, точно также нуждался въ папѣ, какъ папа въ немъ. Льву X пришлось выпустить изъ рукъ Парму, Піаченцу и Модену, но король обѣщалъ дать Медичи другія владѣнія. Онъ утвердилъ ихъ во Флоренціи: братъ Льва, Юліанъ, получилъ пенсію и обѣщаніе какого нибудь владѣнія во Франціи. Кромѣ того Францискъ не препятствовалъ Льву ограбить герцога Урбино, которому, такимъ образомъ, досталось въ чужомъ пиру похмѣлье, и отдать его владѣнія своему племяннику. Племянникъ папы, Лоренцо, также получилъ отъ короля пенсію.

Раймондъ Кардона былъ очень недоволенъ этимъ миромъ; однако онъ не могъ ничего сдѣлать и долженъ былъ отступить въ Неаполь. Впрочемъ настоящій, наступательный и оборонительный союзъ былъ заключенъ между папой и королемъ французскимъ лишь въ декабрѣ, при свиданіи ихъ въ Болоньѣ. Францискъ заключилъ при этомъ съ папою конкордатъ касательно отношеній французскаго королевства къ папѣ и къ королю. Этотъ конкордатъ, къ которому мы еще возвратимся ниже, лишилъ французское духовенство всѣхъ выгодъ прагматической санкціи, заключавшей въ себѣ сущность епископальнаго церковнаго права, противупоставленнаго базельскимъ соборомъ папской власти. Оно было признано французскимъ духовенствомъ и получило законную силу отъ парламента и короля (т. III, стр. 593). Болонскій же конкордатъ ставилъ французскую церковь въ полную зависимость отъ короля и папы, уничтоживъ свободный выборъ епископовъ и аббатовъ и предоставилъ замѣщеніе духовныхъ должностей папѣ и королю.

Императоръ Максимиліанъ и по завоеваніи Милана не переставалъ угрожать французскому королю и хлопоталъ съ Генрихомъ VIII за Сфорца; но онъ былъ не страшенъ. Это обнаружилось, какъ мы увидимъ, въ итальянскомъ походѣ, предпринятомъ императоромъ въ 1516 г. Однако Францискъ долженъ былъ стараться привлечь къ себѣ швейцарцевъ, не только потому, что опасался ихъ, но и потому, что безъ ихъ помощи не надѣялся выполнить своихъ сумасбродныхъ плановъ. Онъ былъ готовъ на все, чтобъ приманить ихъ. Съ этою цѣлью онъ поддерживалъ сношенія съ Альбрехтомъ фонъ-Штейномъ и другими золотурнскими, фрейбургскими и бернскими патриціями; кромѣ того онъ поручилъ герцогу Савойскому вести пе-

*) Le duc de Gueldre, говоритъ du Bellay, voyant la paix conclue et ayant nouvelles que les Brabançons estoient entrés en ses pays, prenant congé du roi laissa sa charge au comte de Guise, son neveu, et print la poste, pour aller secourir ses sujets, mais arrivé à Lyon estant adverti, que la bataille se donnoit, il en print tel ennuy qu'il tomba en fièvre continue, dont il fut en danger de mort.

реговоры съ пятью кантонами въ Женевѣ, куда послалъ 200 т. дукатовъ для раздачи вліятельнымъ людямъ. Общее собраніе кантоновъ, происходившее въ Цюрихѣ, было противъ союза съ Франціей; многіе осыпали французовъ и ихъ кліентовъ рѣзкою бранью и ругали Альбрехта фонъ-Штейна и другихъ, хваставшихъ своими безчестно нажитыми богатствами, называя ихъ негодяями и измѣнниками; но интриги продолжались, и пять кантоновъ приняли участіе въ раздѣлѣ денегъ, присланныхъ въ Женеву. Но Цюрихъ, Ури, Швицъ, Базель, Шафгаузенъ и Граубинденъ остались вѣрны императору, и когда въ 1516 г. онъ получилъ деньги отъ Генриха VIII и роздалъ имъ, они послѣдовали за нимъ въ Италію возводить на престолъ другаго Сфорцу. Походъ Максимиліана не удался впрочемъ не вслѣдствіе только тѣхъ причинъ, которыя обыкновенно разстроивали всѣ затѣи этого императора; по возвращеніи, онъ громко сказалъ, что вернулся такъ скоро оттого, что опасался измѣны со стороны тѣхъ швейцарцевъ, которые были сторонниками французовъ. Тогда кантоны приняли предложеніе французскаго короля, и 29 ноября 1516 г. заключили съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ.

Главныя постановленія этого, такъ называемаго, вѣчнаго мира, заключаются въ слѣдующихъ пунктахъ. Въ первыхъ двухъ говорится, что между Франціей и Союзомъ будетъ вѣчный миръ и дружба, и всѣ военноплѣнные будутъ выпущены безъ выкупа. Въ пятомъ пунктѣ король обязался заплатить швейцарцамъ 400 т. червонцевъ за походъ въ Дижонъ и 300 т. за убытки, понесенные ими въ Италіи; уплата должна производиться по третямъ въ Бернѣ, гдѣ будутъ выдаваться росписки на полученныя деньги; но изъ этихъ суммъ должны быть вычтены деньги, полученныя нѣкоторыми кантонами въ счетъ 200 т. кронъ, обѣщанныхъ въ Женевѣ. Сверхъ того, въ договорѣ были слѣдующія постановленія: «Король будетъ платить каждому кантону и валлисцамъ по 2 т. ливровъ ежегодно и уплатитъ тремъ союзамъ все, дарованное имъ Лудовикомъ XII. Аббатъ ст.-галленскій съ своими причетниками и толенбургцы получатъ 600 ливровъ, городъ Ст.-Галленъ—400, подданные графства Грейерса (но не графъ)—600. Белленцъ, Лугано, Локарно и Майенталь удерживаютъ всѣ свои преимущества относительно миланскаго герцогства; но швейцарцамъ предоставляется выбирать — получить 300 тыс. талеровъ или удержать Лугано, Локарно, Майенталь, Вальтелину, Клевенъ и другія мѣста, принадлежащія къ миланской области. Белленцъ же съ своимъ округомъ остается во всякомъ случаѣ за кантонами. Договоръ недѣйствителенъ въ войнахъ, предпринимаемыхъ противъ Льва X, имперіи, императора, римскаго престола, Австріи, Савойи, Виртемберга, Медичи, Флоренціи и г. Вержье маршала Бургундіи.» За нѣсколько мѣсяцевъ (августъ 1516 г.) былъ заключенъ миръ между Франціей и Испаніей въ Нойонѣ, о которомъ мы скажемъ подробнѣе ниже.

Венеціанцы по справедливости могли торжествовать по заключеніи вѣчнаго мира и нойонскаго трактата, къ которому приступилъ и императоръ. Они одни извлекли дѣйствительную выгоду изъ продолжительной борьбы. Король Францискъ пріобрѣлъ только блистательную славу мариньянской побѣды, потому что обладаніе Миланомъ было для него невыгодно, такъ какъ для удержанія его были необходимы усилія и денежныя пожертвованія, истощавшія Францію. За то Венеція въ началѣ 1517 г. снова владѣла Сало, Пескіерой, Бергамо, Брешіей, Кремой, Вероной, Виченцой, Падуей, Тревизо, Ровиго и Удине, и венеціанскій сенатъ поручилъ отличнымъ генераламъ, Гритти и Корнаро, возстановить укрѣпленія этихъ городовъ. Но богатѣйшее государство земнаго шара уже начинало приходить въ упадокъ, хотя мудрость, могущество и богатство его, процвѣтаніе искусства и промышленности, царская пышность его патриціевъ, о которой доселѣ свидѣтельствуютъ ихъ полуразрушенныя виллы между Падуей и Лагуной, наконецъ даже то, что въ Венеціи называлось свободой—все это такъ же удивляло современниковъ, какъ теперь насъ изумляетъ Англія. Но на востокѣ возрастало могущество турокъ, а по открытіи и завоеваніи португальцами богатѣйшихъ странъ на востокѣ торговля съ Остъ-Индіей и Китаемъ перешла въ руки португальцевъ, которые обладали цѣлыми государствами, землями и островами не только въ Азіи, но и въ вновь открытой Америкѣ. Произведенія Остъ-Индіи, Китая и индѣйскихъ острововъ шли въ Европу уже не черезъ Венецію, а черезъ Испанію и Португалію. Правда, Испанія отцвѣла еще въ томъ вѣкѣ и погрузилась въ усыпленіе, потому что хотѣла владычествовать въ Америкѣ не промышленностью и торговлею, а оружіемъ; но корабли

ея покрывали море и вытѣсняли венеціанскіе. Нидерланды же, соединенные съ Испаніей при Маргаритѣ и ея племянникѣ, Карлѣ, воспользовались открытіями испанцевъ и португальцевъ. Промышленность и торговля ихъ возрастала, по мѣрѣ того какъ Венеція падала; господство на морѣ, торговля, богатство и промышленность перешли къ Англіи только въ концѣ XVII и въ теченіи XVIII в.

7. Исапнія отъ смерти Изабеллы до смерти Фердинанда Католика.

Фердинандъ Католикъ управлялъ отъ своего имени Арагоніей, Сициліей и Неаполемъ. Въ Кастиліи онъ снова добился регентства, хотя сперва зять его, Филиппъ, съ своей бельгійской свитой устранилъ его отъ власти. Онъ былъ главою кастильскаго правительства, и кардиналъ Хименесъ, управлявшій этимъ государствомъ, былъ подчиненъ ему. Фердинандъ и Хименесъ отлично умѣли пользоваться для возстановленія порядка въ государствѣ, разстроенномъ долгими безпорядками и жестокой войною противъ лучшей части народонаселенія, предразсудками, обычаями и суевѣріями своихъ соотечественниковъ. Они пользовались для этой цѣли всемогущимъ и произвольнымъ судопроизводствомъ духовной инквизиціи, но, не ограничиваясь этимъ средствомъ, старались возвысить общины и мѣстное управленіе городовъ и дѣствовали городскою полицейскою силою или эрмандадъ. Главною заботою Фердинанда было унизить духовную и свѣтскую аристократію, которая въ Кастиліи, какъ въ Германіи, стрмилась къ полной независимости; съ этой цѣлью онъ соединилъ въ своемъ лицѣ гроссмейстерства трехъ орденовъ, бывшихъ совершенно самостоятельными (Санъ-Яго, Калатрава и Алькантара); онъ былъ также очень доволенъ, что Хименесъ держалъ въ своихъ рукахъ всю государственную власть, не только духовную, но и свѣтскую. Хименесъ еще при Изабеллѣ достигъ высшихъ степеней церковной іерархіи въ Испаніи; а по смерти ея онъ былъ правителемъ государства и получилъ отъ папы Юлія II званіе кардинала; сверхъ того Фердинандъ назначилъ его генералъ-инквизиторомъ Кастиліи на мѣсто архіепископа Десы севильскаго.

Могущественный кардиналъ-архіепископъ главнымъ образомъ старался объ истребленіи ереси и возстановленіи единства и единообразія культа. Обладая, по словамъ Альваро Гомеца, большими военными талантами, онъ составилъ планъ предпринять противъ африканскихъ мавровъ два похода. Этимъ онъ достигалъ сразу двухъ цѣлей, политической и фанатической. Сперва онъ обезпечилъ испанскіе берега отъ набѣговъ мавровъ и лишилъ многочисленныхъ еще испанскихъ мусульманъ надежды на внѣшнюю помощь при возстаніи. Въ то же время африканскіе походы давали ему возможность истреблять и рѣзать невѣрныхъ въ Африкѣ, если они не захотятъ увѣровать, и безпрепятственно хватать, жечь и преслѣдовать инквизиціей испанскихъ жидовъ, мусульманъ и новообращенныхъ христіанъ. Въ первый походъ, въ сентябрѣ 1505 г., Хименесъ завоевалъ главное гнѣздо морскихъ разбойниковъ и враговъ христіанъ—гавань Масарквиръ, лежащую противъ Картагены. Счастливый исходъ этого предпріятія ободрилъ его представить на разсмотрѣніе Фердинанда планъ другаго, болѣе значительнаго похода. Онъ замышлялъ нападеніе на Оранъ, имѣвшій въ то время 20—30 т. жителей. Но Фердинандъ колебался согласиться на этотъ планъ, потому что, не смотря на американское золото, постоянно нуждался въ деньгахъ. Хименесъ выручилъ его изъ затрудненія. Онъ предложилъ дать нужныя деньги, лично отправиться въ армію и руководить всѣмъ предпріятіемъ. Король согласился, и въ маѣ 1509 г. испанскій флотъ подъ начальствомъ Хименеса отправился въ Африку. Часть войска высадилась вдали отъ Орана къ востоку, а другая при самомъ городѣ. Оба отряда подошли къ Орану почти въ одно время, и началась битва, въ которой испанцы побѣдили и ворвались въ городъ вслѣдъ за бѣгущимъ непріятелемъ. Городъ былъ разграбленъ, и тысячи безоружныхъ жителей лишились жизни; но Хименесъ поступилъ не такъ, какъ вскорѣ потомъ папа Юлій II при взятіи Мирандолы (стр. 328); онъ не пошелъ въ Оранъ по трупамъ, а явился въ завоеванномъ городѣ, когда кровь и трупы были прибраны.

Испанскіе историки приписываютъ быстрый и блестящій успѣхъ похода про-

тивъ Орана единственно распоряженіямъ кардинала; но Педро Наварро имѣетъ право на участіе въ этой славѣ и впослѣдствіи онъ былъ лучшимъ полководцемъ школы Гонсальво Кордуанскаго. Фердинандъ завидовалъ всякому роду величія, потому что его мелкая душонка хотѣла господствовать всюду при помощи коварства, козней и измѣны; онъ поступилъ съ Хименесомъ такъ же неблагодарно, какъ съ Гонсальво Кордуанскимъ и съ Педро Наварро. Кардиналъ далъ деньги для предпріятія, разсчитывая, что можетъ выполнить свой великій планъ—занять подъ своимъ личнымъ руководствомъ весь берегъ Африки до Египта; но Педро Наварро желалъ получить начальство въ дальнѣйшихъ военныхъ предпріятіяхъ, и Фердинандъ написалъ ему по этому случаю столь двусмысленное письмо, что Хименесъ, увидавъ его, немедленно отправился въ Испанію. Король не осмѣливался прямо приказать кардиналу возвратиться, и потому совѣтовалъ Наварро удерживать его. Хименесъ, высадившійся въ Африку 16 мая, 22 уже съ сожалѣніемъ возвращался въ Испанію.

Педро Наварро, взявшійся вмѣсто кардинала исполнить составленный имъ планъ завоеванія, пока все шло удачно, получалъ отъ Фердинанда деньги и войска; но когда случилось пораженіе, и испанское войско должно было вести войну въ Италіи, то большая часть африканскихъ завоеваній была скоро потеряна. Походъ Наварро начался въ январѣ 1510 г. покореніемъ Бужіи, столицы одного маленькаго мусульманскаго владѣнія или такъ называемаго королевства на берегу Средиземнаго моря. Потомъ Наварро покорилъ Алжиръ, Тунисъ, Тремезенъ и другіе приморскіе города, а 26 іюня, послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія, взялъ могущественный Триполисъ. Взятіе этого города было, впрочемъ, послѣднею побѣдою Наварро. Единовѣрцы мавровъ дали сраженіе на морѣ и на сушѣ, считая, какъ и христіане, эту войну дѣломъ религіи, и одержали въ августѣ на островѣ Гельвесѣ рѣшительную побѣду, при чемъ Наварро потерялъ, говорятъ, 4000 старыхъ солдатъ, стало быть, по тогдашнему, цѣлое войско.

По возвращеніи изъ Африки кардиналъ сердился на короля и пересталъ посѣщать его. Но Фердинандъ пріѣзжалъ къ нему въ 1513 г. въ Алкала де Энаресъ, гдѣ Хименесъ началъ въ 1500 г. заводить новый университетъ, открытый въ 1508 г. Это учрежденіе свидѣтельствовало о королевскомъ богатствѣ, пышности и щедрости и прославилось во всей Европѣ двумя особенностями, которыя могъ создать только Хименесъ. Это были, во первыхъ, большая библіотека драгоцѣнныхъ арабскихъ рукописей, привезенная Хименесомъ въ Алкалу изъ Орана, и во-вторыхъ уже упомянутое нами (стр. 310) изданіе библіи на разныхъ языкахъ (biblia polyglotta Complutensis), которому подобнаго не было и нѣтъ въ цѣлой Европѣ. Біографъ Хименеса, Альваро Гомесъ, въ своемъ сочиненіи посвящаетъ много страницъ описанію построекъ и зданій, возведенныхъ Хименесомъ въ Алкалѣ и вокругъ ея съ истинно царскими издержками; но въ описаніи его многое кажется намъ страннымъ, какъ напримѣръ то, что по статуту кардинала въ Алкалѣ жалованье профессорамъ платилось по числу учениковъ и профессора избирались черезъ четыре года вновь.

Съ 1509 г. Фердинандъ долженъ былъ вести войну въ Италіи и въ то же время употреблялъ всѣ свои силы и средства, чтобъ присоединить къ Арагоніи Наварру; дочь его, Іоанна, была еще жива и называлась королевой; внукъ же его, Карлъ, былъ въ отсутствіи, и кастильцы не знали его; стало быть, Хименесъ могъ властвовать въ Кастиліи неограниченно и соединить высшую духовною власть съ свѣтскою. Онъ правилъ не по монашески и не гонялся за монашескими или поповскими цѣлями, но какъ государственный человѣкъ пользовался своимъ церковнымъ значеніемъ для чисто правительственныхъ видовъ. За исключеніемъ его фанатическаго преслѣдованія евреевъ, мухамеданъ и американцевъ, время его управленія было благодѣтельнѣйшимъ для Кастиліи. Правительственная полиція была гражданскою силою и духовною полиціей. Но такъ какъ въ Испаніи и Португаліи римская религія основывалась на народныхъ обычаяхъ, преданіяхъ, поэзіи и искусствѣ, а не такъ, какъ у насъ, на вѣрѣ, убѣжденіи и даже разумѣ, то примирялись и съ духовной полиціей. Поэтому въ то время, какъ въ Германіи, во Франціи и Швейцаріи реформаторы старались возстановить первобытное христіанство, въ Кастиліи никому не было дѣла до библейскаго ученія

или до основаній національныхъ религіозныхъ обычаевъ; единственною религіей кастильцевъ были ихъ обряды, какъ у мусульманъ омовенія и поклоны.

Инфантъ Карлъ, окруженный бельгійцами или французами, былъ въ странномъ положеніи съ тѣхъ поръ, какъ притязанія его дѣда Максимиліана на опеку были осмѣяны въ Испаніи. Мать его, Іоанна, называлась королевой кастильской; отецъ ея, Фердинандъ, поручилъ управленіе королевствомъ Хименесу; наслѣдникъ жилъ во Фландріи подъ опекой своей тетки и не имѣлъ участія въ управленіи Испаніей даже тогда, когда въ 1515 г. принялъ правленіе Нидерландами. Въ томъ же году Карлъ присягнулъ конституціи или такъ-называемой blyde inkomst (joyeuse entrée) въ февралѣ у брабантцевъ, въ апрѣлѣ у фламандцевъ, въ маѣ у зеландцевъ, а въ іюнѣ у голландцевъ. Карлъ, которому минуло тогда только пятнадцать лѣтъ, провелъ свое дѣтство въ Нидерландахъ, и его тетка, Маргарита, извѣстная своими талантами, дала ему совершенно французское воспитаніе. Братъ его, Фердинандъ, оставался въ Испаніи и былъ воспитанъ вполнѣ по-испански. Поэтому онъ былъ гораздо ближе къ своему дѣду, Фердинанду, чѣмъ Карлъ, учители, друзья и товарищи котораго были безъ исключенія бельгійцы или нидерландцы. Говорили даже, что Фердинандъ Католикъ не хочетъ, чтобы Карлъ наслѣдовалъ Арагонію и итальянскія владѣнія; Кастиліи же, гдѣ онъ самъ былъ только регентомъ, онъ не могъ у него отнять. Утверждали, что онъ женился во второй разъ съ цѣлью имѣть сына, которому бы могъ оставить свои владѣнія, но потомъ рѣшился предпочесть старшему внуку младшаго. Мы не хотимъ рѣшать, на сколько все это основательно, потому что не вдаемся въ нашемъ сочиненіи въ сплетни, предположенія, рѣчи, министерскія ноты и дипломатическія дрязги. Несомнѣнно, что испанцы были недовольны людьми, окружавшими Карла. Честнѣйшимъ изъ этихъ людей былъ, безспорно, добрый и ученый педантъ А д р і а н ъ, тогда левенскій деканъ, а потомъ папа Адріанъ VI. Адріанъ наставлялъ своего ученика въ вопросахъ не-здѣшняго міра; но Карлъ мало интересовался такими высокими предметами, хотя впослѣдствіи изъ благодарности сдѣлалъ добраго педанта епископомъ утрехтскимъ. Карлъ не хотѣлъ знать богословско-метафизическихъ мудрованій, въ которыхъ былъ такъ силенъ этотъ нидерландецъ; но за то онъ внимательно слушалъ наставленія своей тетки Маргариты и своего гофмейстера, В и л ь г е л ь м а д е К р у а г е р ц о г а д е Ш і е в р а. Они рано посвятили его въ дипломатическую мудрость, а онъ былъ дипломатъ отъ природы.

Фердинандъ Католикъ былъ уже давно боленъ, и въ концѣ 1515 г. болѣзнь его приняла опасный характеръ. Карлъ или, лучше сказать, его менторъ, герцогъ де Шіевръ, послалъ учителя Карла въ Испанію съ тайнымъ порученіемъ тотчасъ по смерти Фердинанда предъявить, отъ имени Карла, притязанія на регентство. Карла затрудняло то, что кастильцы, не смотря на совершенное помѣшательство, а временами даже бѣшенство его матери, Іоанны, не хотѣли и слышать о королѣ, пока жива несчастная королева. Такимъ образомъ, регентство продолжалось до смерти Фердинанда, послѣдовавшей 23 января 1516 г.; притомъ Фердинандъ считалъ себя въ правѣ распорядиться о немъ въ завѣщаніи. По завѣщанію его, Іоанна и ея сыновья должны были наслѣдовать Арагонію и Неаполь, а Хименесъ управлять Кастиліей до тѣхъ поръ, пока Карлъ находится въ отсутствіи; побочный сынъ Фердинанда, Альфонсъ, архіепископъ сарагосскій, былъ назначенъ временно правителемъ Арагоніи. Брату Карла Фердинандъ завѣщалъ нѣсколько владѣній въ Неаполѣ и ежегодную пенсію въ 30,000 дукатовъ изъ государственной казны.

8. Испанія и Нидерланды въ первое время царствованія Карла V.

До пріѣзда Карла I (или какъ онъ назывался императоромъ—Карла V) въ Испанію, ему, по завѣщанію Фердинанда, слѣдовало давать не болѣе 50 т. дукатовъ; пенсія эта была назначена дѣдомъ, еще когда послѣдній началъ управлять всею испанскою монархіею. Но Карлъ не только принялъ королевскій титулъ, но и уполномочилъ Адріана, посланнаго имъ въ Испанію, принять регент-

ство, вакантное по случаю смерти Фердинанда. Адріанъ былъ совершенно незнакомъ съ испанскими дѣлами. Поэтому онъ не могъ имѣть притязаній на право, принадлежавшее Хименесу и предоставленное ему по завѣщанію; притомъ самъ принцъ, отъ имени котораго онъ дѣйствовалъ, не былъ признанъ королемъ и никогда еще досслѣ не правилъ государствомъ. Вслѣдствіе всего этого Адріанъ согласился до полученія новыхъ инструкцій изъ Фландріи управлять сообща съ Хименесомъ. Въ февралѣ 1516 г. изъ Фландріи было получено согласіе на это распоряженіе; но совѣтники Карла потребовали отъ монаховъ, управлявшихъ Испаніей, чтобы они немедленно признали Карла королемъ, хотя мать его была жива.

Это было бы невозможно, еслибы Адріанъ не былъ такъ скроменъ, что передалъ Хименесу все управленіе, а самъ удовольствовался второстепенной ролью. Хименесъ умѣлъ ладить съ испанцами, былъ вполнѣ увѣренъ въ расположеніи къ правительству могущественныхъ городовъ, получившихъ отъ него и отъ Фердинанда независимость, и особенно разсчитывалъ на Мадридъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи при Филиппѣ II постоянною резиденціей королей; онъ созвалъ въ Мадридъ прелатовъ и рыцарство для сообщенія имъ желанія наслѣдника престола. Когда всѣ они собрались, онъ доказалъ исторически и юридически черезъ ученаго публициста Карвахаля, что требованіе Карла, которое они въ письмахъ къ нему называли неосторожнымъ и страннымъ, можетъ быть оправдано правомъ и обычаемъ. Карвахаль однако не убѣдилъ ихъ своею ученостью и юридическими софизмами, но Хименесъ рѣшилъ затрудненія, провозгласивъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій въ Мадридѣ наслѣдника престола королемъ. Другіе города тотчасъ же послѣдовали примѣру Мадрида, и ни прелаты, ни рыцари не осмѣлились противорѣчить. Все это впрочемъ касалось только Кастиліи; въ Арагоніи же Карла признавали законнымъ наслѣдникомъ своего дѣда, но не королемъ.

Въ награду кастильскимъ городамъ, слѣдовательно, въ то же время и для униженія независимыхъ вельможъ, Хименесъ увеличилъ пѣхоту, которою уже Фердинандъ пользовался противъ рыцарства. Онъ склонилъ деньгами и рѣчами городскія власти платить жалованье отрядамъ гражданъ и заставлять ихъ по временамъ упражняться въ военномъ дѣлѣ, чтобы они могли помочь королю уничтожить кулачное право. Старыхъ, опытныхъ офицеровъ, побѣждавшихъ съ кардиналомъ невѣрныхъ и не имѣвшихъ понятія о конституціи, онъ давно уже употреблялъ для набора наемниковъ. Бережливость его и необыкновенный порядокъ въ финансахъ дали ему возможность нанять этихъ офицеровъ и около 30,000 солдатъ и такимъ образомъ располагать не только гражданской милиціей, но и правильнымъ войскомъ, какого не имѣла тогда ни одна европейская держава. Войско это очевидно предназначалось для охраненія гражданской свободы отъ дерзости и насилія могущественной аристократіи, которая противилась его учрежденію; но Хименесъ сформировалъ его, не дожидаясь отвѣта короля.

Съ такою же энергіей Хименесъ занимался возстановленіемъ финансовъ и слѣдилъ за расходомъ денегъ, получаемыхъ Фердинандомъ съ гроссмейстерствъ трехъ рыцарскихъ орденовъ. Опираясь на городскія общины, онъ чувствовалъ себя довольно сильнымъ, чтобы отнимать пенсіи, синекуры и наслѣдственныя должности у аристократіи, которая въ Испаніи, какъ нынче въ Англіи, роскошничала и кормила свою родню на счетъ государственной казны. Конечно, это имѣло также свою непривлекательную сторону, и духовно-военный деспотизмъ тѣмъ болѣе порицался, чѣмъ страшнѣе становились розыски и преслѣдованія духовной инквизиціи. Гранды громко вопили противъ кардинала, и бельгійцы, составлявшіе совѣтъ и свиту Карла, также были недовольны; даже Адріанъ, не имѣя никакого значенія, чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи. Тѣмъ не менѣе Хименесъ принесъ королю Карлу такія же услуги, какъ Ришлье и Мазарини Лудовику XIV, съ тою только разницею, что онъ не уничтожалъ свободы гражданъ; притомъ онъ былъ гораздо гуманнѣе Адріана и нидерландскихъ доктринеровъ, что доказали его поступки касательно ввоза невольниковъ-негровъ въ Америку, придуманнаго для удобства разработки золота, производившейся доселѣ исключительно индѣйцами. Хименесъ возсталъ противъ этой мѣры, предвидя все зло, происшедшее впослѣдствіи отъ него. Разумѣется, въ этомъ случаѣ ему пришлось уступить фламандскимъ филантропамъ. Впрочемъ Адріанъ жаловался Карлу,

что Хименесъ ни о чемъ не совѣтуется съ нимъ и распоряжается всѣмъ по своему; поэтому въ Испанію были посланы еще двое нидерландцевъ, менѣе уступчивыхъ; имъ было поручено принять участіе въ управленіи, но Хименесъ обращалъ на нихъ такъ же мало вниманія, какъ и на добраго Адріана.

Главные представители кастильской аристократіи, герцогъ Инфантадо, графъ Бенавенте и кастильскій амиранте (адмиралъ), не признавали за кардиналомъ права поступать такъ деспотически; но онъ принудилъ ихъ подчиниться завѣщанію Фердинанда. Однако, не смотря на авторитетъ Робертсона и Прескотта, мы не вѣримъ, чтобы, какъ разсказывается во всѣхъ исторіяхъ, Хименесъ подвелъ этихъ господъ къ окну и, указавъ на пушки, сказалъ, что это самое дѣйствительное право. Кардиналъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы поступать такимъ образомъ, достойнымъ только эксъ-портнаго Джойса, который везъ плѣннаго англійскаго короля Карла I, и на вопросъ, есть ли у него полномочіе (warrant), указалъ на пистолетъ. Вскорѣ по смерти Фердинанда Хименесъ, не спросясь Карла, доказалъ папѣ Льву X, партіи Педро Портокарреро и капитулу ордена Санъ-Яго, что съ нимъ шутить опасно. Предшественникъ Льва передалъ внуку Фердинанда, Карлу, право наслѣдовать дѣду въ трехъ гроссмейстерствахъ, чтобы не отчуждать отъ короны большихъ орденскихъ владѣній; но Левъ передалъ гроссмейстерство Санъ-Яго Педро Портокарреро, который тотчасъ по смерти Фердинанда предъявилъ притязанія на это достоинство. Основываясь на папской грамотѣ, орденскій капитулъ собрался и приготовился возвести Портокарреро въ санъ гроссмейстера. Но кардиналъ прислалъ комиссара съ войсками и помѣшалъ избранію Портокарреро. Изгнанный король наваррскій, Іоаннъ д'Альбре, думалъ также воспользоваться смертью Фердинанда, и вторгнулся съ войскомъ въ свое бывшее государство; но Хименесъ выслалъ противъ маршала наваррскаго, командовавшаго войскомъ Іоанна, значительный корпусъ, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ. Маршалъ пробылъ въ плѣну до самой смерти и въ 1523 г. лишилъ себя жизни; самъ же Іоаннъ д'Альбре и жена его умерли въ 1516 году. Союзъ, который всякому другому правительству былъ бы весьма опасенъ, возвысилъ значеніе кардинала или, лучше сказать, короля. Между аристократами завязался споръ о наслѣдствѣ герцога Медина-Сидоніи, но когда дѣло дошло у нихъ до кровопролитія, Хименесъ послалъ своего генерала Фонсеку и поступилъ съ ними, какъ съ мятежниками. Послѣ этого всѣ важнѣйшія фамиліи собрались и послали депутатовъ въ Брюссель, но ихъ не приняли.

Не смотря на все это, кардиналъ въ теченіе 1516 года находился въ непріятномъ положеніи, потому что де-Шіевръ и бельгійскіе друзья его, при всѣхъ своихъ добрыхъ качествахъ, были слишкомъ жадны къ деньгамъ и считали американское золото неисчерпаемымъ, такъ что изъ Испаніи вывозились очень значительныя суммы въ Бельгію, и кастильцы были очень недовольны. Кромѣ того, вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія Карла, образовалась партія въ пользу его брата, Фердинанда; опасно было и то, что городскія общины начинали волноваться и настойчиво требовали созванія кортесовъ. Кардиналъ наконецъ самъ потребовалъ, чтобы Карлъ прибылъ въ Испанію. Требованіе городовъ побудило кардинала хлопотать о поспѣшномъ прибытіи Карла въ Испанію, хотя сначала онъ противился этому требованію. Карлъ не могъ выѣхать изъ Нидерландовъ, не обезпечивъ ихъ съ моря и съ суши отъ нападеній Франциска I и Карла Гельдернскаго. Поэтому въ Нойонѣ былъ собранъ конгрессъ, и въ августѣ 1516 г. заключены два договора—одинъ для Нидерландовъ, другой для всѣхъ владѣній Карла.

Возстановленію мира между Франціей и Нидерландами болѣе всего содѣйствовалъ тогдашній намѣстникъ Голландіи, Генрихъ Нассаускій, который пріобрѣлъ при этомъ полное расположеніе короля Франциска I. Въ договорѣ Францискъ обѣщалъ защищать Нидерланды, за что Генрихъ, именемъ Карла, присягнулъ ему за Артуа и Фландрію. Договоръ, касавшійся всей монархіи Карла, былъ заключенъ двумя уполномоченными, дѣйствовавшими по приказаніямъ воспитателей королей, Франциска и Карла. Де-Шіевръ и Артуръ де-Буасси, давшіе это полномочіе, вышли изъ затруднительнаго положенія не надолго и не заботились о возможности выполнить договоръ. Дружба между Францискомъ и Карломъ, было сказано въ договорѣ,—должна закрѣпиться будущимъ бракомъ

шестнадцатилѣтняго Карла съ дочерью Франциска, которой было всего годъ; въ приданное за ней назначались права французскаго короля на Неаполь, бракъ долженъ былъ совершиться на двѣнадцатомъ году жизни принцессы, и до тѣхъ поръ Карлъ платилъ въ годъ 100,000 золотыхъ кронъ, а потомъ 50 т. Могъ ли быть выполненъ подобный договоръ? Что касается остальныхъ условій договора, то хотя Наварра и оставлялась пока за Испаніей, но этотъ пунктъ былъ очень запутанъ; точно также условіе, касающееся Неаполя, было составлено съ такимъ крючкотворствомъ, что Францискъ и послѣ брака могъ бы предъявлять притязаніе на королевство. Касательно Наварры, было положено, что Карлъ въ своемъ совѣтѣ юридически разсмотритъ, имѣлъ ли дѣдъ его, Фердинандъ, право на Наварру, чего, какъ извѣстно, не было. О Миланѣ въ договорѣ не упоминалось, потому что Францискъ владѣлъ герцогствомъ; де-Шіеврь именемъ Карла обѣщалъ, что Максимиліанъ также приступитъ къ миру.

Генрихъ VIII англійскій и императоръ Максимиліанъ были очень недовольны нойонскимъ договоромъ. Послѣдній, какъ мы уже (стр. 350) замѣтили, нанялъ швейцарцевъ на деньги, полученныя отъ Генриха, и отправился за Альпы; но когда англійскія деньги были истрачены, швейцарцы сдѣлались наглы и грубы, такъ что Максимиліанъ сталъ бояться того, что случилось съ Лудовико Моро (стр. 289), т. е. измѣны. Поэтому онъ поспѣшно возвратился въ Германію. Дочь его, Маргарита, убѣдила его признать нойонскій договоръ. Однако онъ не выполнилъ пункта, въ которомъ было сказано, чтобы онъ очистилъ Верону.

Нойонскій договоръ обезпечилъ Маргариту по крайней мѣрѣ со стороны страшнаго предводителя черной шайки, герцога Карла Гельдернскаго. По возвращеніи изъ Италіи и выздоровленіи (стр. 349), Карлъ напалъ на Голландію и Фрисландію и произвелъ страшныя опустошенія; въ то же время достойный товарищъ его, морской разбойникъ, прозванный Большимъ Петромъ (de Groote Pier), овладѣвалъ всѣми кораблями. Намѣстникъ Голландіи, Генрихъ Нассаускій, долго, но тщетно, боролся съ разбойниками и рыцарями, пока наконецъ не созвалъ ополченія всей страны, съ которымъ оттѣснилъ герцога Карла къ Арнгейму. Это случилось въ то самое время, когда Генрихъ хлопоталъ о нойонскомъ мирѣ. Поэтому, стараніями Франциска, 7 сентября было заключено въ Утрехтѣ шестимѣсячное перемиріе между герцогомъ Гельдернскимъ и королемъ Карломъ. По условіямъ перемирія, король получилъ обратно вестерлауерскую Фрисландію, отнятую герцогомъ у Бельгіи; но за это онъ долженъ былъ заплатить герцогу 100,000 золотыхъ кронъ: такимъ образомъ полугодовое спокойствіе обошлось ему дорого. При всѣхъ этихъ переговорахъ болѣе всѣхъ выигралъ Генрихъ Нассаускій, породнившись съ царственнымъ домомъ Оранскимъ. Король Францискъ позволилъ ему жениться на сестрѣ и наслѣдницѣ Филиберта Оранскаго и Шалонскаго, Клавдіи, которая, владѣя большими имѣніями въ Бургундіи, не могла выходить замужъ безъ позволенія своего сюзерена, короля французскаго.

Послѣ нойонскаго мира Карла задерживали еще долго въ Нидерландахъ, такъ что онъ отправился въ Испанію только черезъ годъ и 17 сентября 1517 г. высадился при Виллависіосѣ, окруженный цѣлою свитою бельгійцевъ; своими вѣтренными французскими манерами, жадностью и высокимъ мнѣніемъ о себѣ они возбудили сильное отвращеніе въ серьезныхъ и церемонныхъ испанцахъ. Въ сопровожденіи своей сестры, Элеоноры, Карлъ отправился въ Тордесильясъ къ матери, радость которой при видѣ дѣтей (какъ очень нѣжно выражается Миніана, продолжавшій исторію Маріаны) побѣдила даже на минуту ея бѣшеное помѣшательство *). По внушенію своихъ нидерландцевъ, Карлъ отплатилъ самой черной неблагодарностью министру, которому былъ обязанъ тѣмъ, что при вступленіи на престолъ нашелъ Испанію въ томъ положеніи, въ какомъ не находилъ ее еще ни одинъ король. Онъ холодно далъ понять восьмидесятилѣтнему кардиналу-правителю, чтобы онъ пріѣхалъ отдать ему отчетъ и затѣмъ удалился отъ дѣлъ **). Хименесъ былъ бѣльмомъ на глазу для нидерландской свиты Карла

---

*) «Cui in filiorum amplexu etsi graviter affectae mirifice gaudium natura expressit.»

**) Краткое извѣстіе объ этомъ Маріанны краснорѣчивѣе длинныхъ объясненій Миніаны: Ut sibi ad Mogiados occurreret, ubi, postquam de reipublicae rebus, cum de

по энергіи, съ которою смирялъ кастильскихъ вельможъ и даже города, если они осмѣливались противиться его волѣ. Кромѣ того, люди, окружавшіе Карла, еще въ Брюсселѣ торговали должностями, мѣстами, свѣтскими и духовными титулами и привилегіями трехъ частей свѣта. Но они знали, что могущественный кардиналъ будетъ имъ помѣхою. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ уступить имъ. Хименесъ умеръ уже черезъ шесть недѣль послѣ удаленія отъ должности (8 ноября 1517); но Прескоттъ справедливо замѣчаетъ, что смѣшно увѣрять, основываясь на этомъ обстоятельствѣ, будто старикъ умеръ съ горя отъ неблагодарности. На такія сильные и холодные характеры, какъ кардиналъ, горе дѣйствуетъ лишь мимолетно; кто имѣлъ силу бороться съ міромъ, тому легко преодолѣть горе и зависть. Хименесъ еще недавно доказалъ первымъ грандамъ государства, герцогамъ Альбѣ и Инфантадо, графу Урегнѣ и его сыну, донъ Педро Жирону, что его энергическое правленіе сдѣлало Кастилію непохожею на Германію. Эти господа и множество другихъ дворянъ силою возставали противъ королевскихъ чиновниковъ и пускали при этомъ въ ходъ кулачную расправу. Когда противъ нихъ хотѣли употреблять силу, они, по старому доброму обычаю, бросились въ укрѣпленный городъ Виллафранку, намѣреваясь держаться противъ королевской полиціи, пока она не утомится осадой. Но кардиналъ немедленно послалъ нѣсколько тысячъ человѣкъ своей милиціи, взялъ городъ, срылъ всѣ укрѣпленія и принудилъ гордыхъ феодаловъ просить помилованья короля.

Въ 1518 Карлъ собралъ въ Вальядолидѣ кортесы Кастиліи и потребовалъ отъ нихъ провозглашенія его королемъ; но они воспротивились этому, однако вскорѣ успокоились, хотя онъ продолжалъ называть себя королемъ. Впрочемъ они признавали королевой только его мать и требовали, чтобы манифесты издавались отъ имени Іоанны и Карла, вмѣстѣ. Прежде чѣмъ Карлъ прибылъ въ Арагонію, нидерландцы успѣли возбудить въ испанцахъ такую ненависть къ нему, что король и его совѣтники сочли нужнымъ предупредить возстаніе въ пользу его брата, Фердинанда, отославъ его въ Германію, въ сопровожденіи господина де Вера. Кастильцы были особенно недовольны назначеніемъ нидерландцевъ въ должности, тѣмъ болѣе что новое правительство сдѣлало по смерти Хименеса архіепископомъ толедскимъ и примасомъ Испаніи не побочнаго сына покойнаго короля, архіепископа Альфонса сарагосскаго, а племянника де Шіевра, архіепископа канбрейскаго. Карлъ также смѣнилъ толедскаго городскаго старшину и мѣсто его отдалъ бельгійцу. Бельгіецъ Соважъ, заключавшій съ де Шіевромъ нойонскій миръ, былъ сдѣланъ кастильскимъ канцлеромъ, а когда въ слѣдующемъ году онъ умеръ, на его мѣсто Карлъ назначилъ не испанца, а бургундца Галинару, оказавшаго его кабинету большія услуги въ послѣдующіе годы. Когда наконецъ, въ 1518 году, онъ поѣхалъ въ Арагонію, чтобы принять управленіе этимъ государствомъ и Каталоніей, онъ назначилъ въ Кастилію правительственный совѣтъ, въ который помѣстилъ множество бельгійцевъ; они подавали голоса и могли, заявляя волю короля, заставлять испанскихъ грандовъ молчать. Изъ испанскихъ вельможъ въ немъ засѣдали коннетабль, амиранте, герцогъ Альба, архіепископъ Санъ-Яго и другіе.

Причина неудовольствія городовъ была другаго рода, чѣмъ аристократіи, не желавшей дѣлить съ иностранцами выгоды управленія. Граждане были недовольны тѣмъ, что въ Нидерланды посылалось изъ Испаніи много денегъ. Историки показываютъ круглую сумму, добытую бережливыми нидерландцами изъ богатствъ Испаніи; но мы не намѣрены повторять этого, потому что не довѣряемъ подобнымъ даннымъ и разсчетамъ тѣмъ болѣе, чѣмъ, повидимому, они точнѣе и обстоятельнѣе и чѣмъ болѣе основаны на такъ называемыхъ научныхъ соображеніяхъ и выкладкахъ. Вѣрно то, что въ 1519, въ то время какъ Карлъ находился еще въ Арагоніи, кастильскіе города, покровительствуемые прежде Фердинандомъ и Хименесомъ, начали образовывать между собою союзъ, который могъ быть очень опасенъ для монархіи. Поводомъ къ образованію этого союза было неисполненіе обѣщанія, даннаго королемъ во время перваго собранія кортесовъ

---

privatis, tum de familia constituenda in commune egissent, domum quieti suae consultum discederet.»

въ Вальядолидѣ. Сеговія первая предложила союзъ, и городъ Авила принялъ его. Авила требовала соучастія Толедо, съ которымъ съ давнихъ поръ была въ сношеніяхъ, и Толедо убѣдилъ вступить въ союзъ Куенсу и Хаенъ. Впрочемъ сначала хотѣли только серьезно представить королю положеніе дѣлъ и требовать реформъ.

Въ это время Карлъ получилъ извѣстіе о смерти своего дѣда, Максимиліана; это дало ему надежду быть избраннымъ римскимъ императоромъ, сдѣлаться обладателемъ большей части провинцій Западной Римской Имперіи и тѣмъ пріобрѣсти важнѣйшія права древнихъ римскихъ императоровъ. Послѣднее было тѣмъ болѣе невозможно, что папа признавалъ германскихъ королей наслѣдниками Константина Великаго, а нѣмцы были такъ глупы, что считали гражданское право Юстиніана и основанное на немъ уголовное въ процессахъ объ оскорбленіи величества императорскимъ германскимъ правомъ. Бросивъ взглядъ на конецъ царствованія Максимиліана I, мы разскажемъ о томъ, какими путями Карлъ V старался осуществить этотъ планъ, намѣреваясь воспользоваться для введенія абсолютизма расколомъ, обнаружившимся въ нѣмецкой церкви.

IV. ГЕРМАНІЯ, ИСПАНІЯ, ФРАНЦІЯ, АНГЛІЯ И ИТАЛІЯ

ВЪ ПЕРВОЕ ВРЕМЯ РЕФОРМАЦІИ.

---

1. Политическія дѣла Германіи въ послѣдніе годы царствованія Максимиліана I.

Мы уже видѣли, что Максимиліанъ I и его отецъ были въ постоянной борьбѣ съ сеймами, и что торгашество городовъ и своеволіе, грабежи и грубость нѣмецкихъ владѣтелей и рыцарей, отличавшихся другъ отъ друга только объемомъ владѣній, навлекли на бѣдную страну тяжкія страданія. Поэтому еще во время Фридриха III стали серьезно помышлять о томъ, чтобы замѣнить императорское правленіе сословнымъ (стр. 303—306). Явилась мысль раздѣлить имперію на округи, каждому округу дать свою организацію, какъ бы отдѣльному государству, и учредить имперскій судъ для законнаго разбора тяжбъ, которыя до сихъ поръ рѣшались оружіемъ. Въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія шелъ споръ о томъ, какъ устроить этотъ судъ и округи; тѣмъ временемъ кулачное право дѣйствовало попрежнему. Разбойники назывались храбрыми и честными рыцарями, и ихъ грубое пьянство и драки до сихъ поръ описываются въ романахъ какъ какое-то поэтическое рыцарство. Чтобы показать разницу между прозаической правдой рыцарства и поэтическими описаніями романовъ какого нибудь Вальтера Скотта и другихъ, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, относящихся къ началу XV столѣтія, пользуясь собственными признаніями Франца Зиккингена и его друзей.

Францъ Зиккингенъ, извѣстнѣйшій герой временъ Максимиліана и образецъ рыцарей, грабившихъ на большихъ дорогахъ, купилъ у своего нотаріуса, Бальтазара Слоера, тяжбу съ городомъ Вормсомъ и сталъ вести процессъ при помощи кулака. Онъ не хотѣлъ знать имперскаго верховнаго суда и императорскаго дворцоваго совѣта; свои понятія онъ впослѣдствіи (1522 г.) высказалъ имперскому правленію, старавшемуся удержать его отъ насилій. «Это старыя пѣсни; въ приказаніяхъ нѣтъ недостатка, а недостатокъ—въ повинующихся.» Съ купцами онъ обращался какъ съ вормсцами и забиралъ на большой дорогѣ всѣ товары, которые везли на франкфуртскую ярмарку. Хотя его подвергали опалѣ, но ни онъ, ни другіе господа не обращали на это вниманія. Зиккингенъ говорилъ, что вормсцы купили опалу на него у императорскихъ дворцовыхъ совѣтниковъ, особенно у Николая Циглера. Несмотря на опалу, Зиккингенъ въ продолженіе восьми дней осаждалъ Вормсъ и довелъ его до крайности; наконецъ графъ фонъ-Гагенъ, президентъ имперскаго верховнаго суда, рѣшилъ споръ между совѣтомъ, гражданами и духовенствомъ, вслѣдствіе чего Зиккингенъ долженъ былъ отступить. Но въ теченіе двухъ лѣтъ онъ продолжалъ враждовать съ городомъ или, другими словами, грабить гражданъ на большихъ дорогахъ. Наконецъ, когда былъ объявленъ противъ него, въ Ландау, такъ называемый римскій походъ, несчастнымъ ландаусцамъ пришлось дорого поплатиться. Онъ отнялъ у нихъ всѣ стада или, какъ сказано въ оригиналѣ, весь ихъ сыръ. При этомъ Зиккингенъ поступилъ очень оригинально и наивно; захвативъ при Сантъ-Викторѣ близъ

Майнца, двѣнадцать возовъ, на которыхъ везли пармезанскіе сыры, онъ послалъ одинъ изъ этихъ сыровъ имперскому уголовному судьѣ пфальцграфу Лудвигу V. Пфальцграфъ отослалъ украденное добро, но шпейерскій каноникъ, Филиппъ фонъ-Флерсгеймъ, зять Зиккингена, не обладалъ такой чувствительной совѣстью и принялъ посланный ему сыръ. Этотъ каноникъ посовѣтовалъ Зиккингену въ 1518 г. отправиться въ Инспрукъ къ императору Максимиліану, говоря, что тотъ, несмотря на опалу, приметъ его почетно. Предсказаніе это сбылось: болѣе тридцати имперскихъ рыцарей съ почестями встрѣтили Франца Зиккингена, а вышеупомянутый Николай Циглеръ прислалъ ему ведро витлахскаго вина, которое Зиккингенъ и графъ Эмихо фонъ Лейнингенъ, немедленно выпили до послѣдней капли, потому что были такіе же мастера пить, какъ и разбойничать.

Поведеніе Зиккингена показываетъ, что по учрежденіи имперскаго суда, почти постоянно молчавшаго или вовсе перестававшаго дѣйствовать, и по раздѣленіи имперіи на округи, законная власть не была еще достаточно сильна, чтобы справляться съ имперскимъ рыцарствомъ, жившимъ грабежемъ людей торговаго класса, притѣснявшимъ поселянъ и даже хвалившимся этимъ. Только въ 1512 г. была учреждена имперская исполнительная палата, которой были подчинены имперскій верховный судъ и восемь округовъ. На кельнскомъ сеймѣ Максимиліанъ согласился на это учрежденіе, предложенное чинами, главною цѣлью котораго был уничтоженіе кулачнаго права. Округи назывались сначала округами земскаго мира. Кромѣ того, Бургундія была тогда же назначена девятымъ округомъ, а Австрія—десятымъ, такъ какъ Максимиліанъ давно старался поставить эти страны подъ покровительствомъ имперіи. Но это учрежденіе было приведено въ исполненіе только черезъ десять лѣтъ, уже въ царствованіе преемника Максимиліана, Карла V. Каждый округъ представлялъ подобіе имперіи; въ послѣднее время имераторъ правилъ государствомъ вмѣстѣ съ имперскимъ правленіемъ; поэтому и въ округахъ за общественнымъ спокойствіемъ и безопасностью должны были наблюдать окружной начальникъ и прикомандированные къ нему совѣтники. На нихъ была возложена также забота о скорѣйшемъ и правильномъ исполненіи имперскихъ постановленій

Такъ какъ оба вѣдомства долгое время не могли исполнить своей задачи, то пока государи и города спорили о возстановленіи силою земскаго мира, образовался союзъ независимо отъ имперіи; онъ отражалъ силу силою и давалъ военачальникамъ и судьямъ возможность достигать своей цѣли. Это былъ швабскій союзъ, въ образованіи котораго принималъ участіе довѣренный совѣтникъ Фридриха III, Гуго фонъ Верденбергъ графъ Брегенцъ. Гуго фонъ Верденбергъ оказывалъ императору Фридриху въ имперскихъ дѣлахъ существенныя услуги: благодаря ему нѣмецкіе чины защищали своего императора въ венгерскихъ и турецкихъ войнахъ и послѣ долгихъ противорѣчій, выбрали, еще при жизни Фридсиха, сына его, Максимиліана, римскимъ королемъ. Въ 1488 Гуго фонъ Верденбергъ предложилъ императору, такъ какъ дѣло объ учрежденіи округовъ и имперскихъ судовъ не подвигалось, преобразовать союзъ св. Георгія, къ которому принадлежалъ и Гуго, въ болѣе обширный швабскій союзъ для водворенія земскаго мира. Слѣдуя этому совѣту, Фридрихъ въ февралѣ 1488 г. созвалъ въ Эслингенъ прелатовъ, графовъ и рыцарей союза св. Георгія; туда явилось двадцать два депутата отъ имперскихъ городовъ, которые примкнули къ союзу, графъ Эбергардъ Старшій Виртембергскій и Сигизмундъ Тирольскій. Будучи рыцарскимъ союзомъ св. Георгія, собраніе было австрійскимъ и носило австрійскіе цвѣта; но, принявъ названіе: «императорскаго и имперскаго союза въ швабской землѣ для поддержанія земскаго мира» или, короче, швабскаго союза, оно считало въ числѣ своихъ членовъ рейнскихъ государей и даже курфирста бранденбургскаго. Вначалѣ союзъ былъ заключенъ только на извѣстное время; но императоръ не переставалъ просьбами, угрозами и приказаніями заставлять чины вступать въ союзъ, который для безопасности своихъ сочленовъ держалъ 10-тысячную армію, подчиненную впрочемъ не императору, а союзному совѣту. Въ 1496 г., по настоянію умнаго курфирста Бертольда майнцскаго (стр. 326), союзъ былъ продолженъ еще на три года, и въ него вступилъ Эбергардъ Младшій Виртембергскій.

Максимиліанъ видѣлъ въ этомъ союзѣ ручательство за сохраненіе земскаго мира, котораго можно было достигнуть только при помощи постояннаго войска;

поэтому, чтобы не допустить его до распаденія, онъ въ іюлѣ 1498 г. издалъ строгій указъ. Подъ страхомъ опалы, членамъ воспрещалось выбывать изъ союза. Въ то же время онъ еще разъ убѣдительно просилъ членовъ германской имперіи пристать къ союзу. Тогда въ швабскій союзъ вступилъ и Ульрихъ, которому двоюродный братъ его, Эбергардъ Младшій, долженъ былъ уступить герцогство Виртембергское (стр. 304), и союзъ былъ продленъ еще на двѣнадцать лѣтъ. Союзъ наблюдалъ за спокойствіемъ южной Германіи, которымъ особенно дорожили города, такъ какъ вся торговля между сѣверомъ и югомъ шла тогда черезъ Германію, и посредствомъ ея пріобрѣтали богатство и могущество не только итальянскіе города, Миланъ, Флоренція и Венеція, но и южно-германскіе во Франконіи и Швабіи и Ганза въ сѣверной Германіи. Въ то время, когда было рѣшено продолжить союзъ на двѣнадцать лѣтъ, было сдѣлано постановленіе касательно выбора начальниковъ союза. По несчастному обычаю нѣмцевъ, они очень долго совѣщались и размышляли объ этомъ и, гоняясь за лучшимъ, упускали изъ рукъ хорошее. Съ 1498 г. толковали о продолженіи союза на двѣнадцать лѣтъ; но дѣло сдѣлали только въ 1500 г. Въ то самое время между союзомъ и швейцарцами возникли непріятности, въ которыхъ Максимиліанъ снова имѣлъ рыцарскія приключенія, не принесшія славы ни ему, ни швабамъ. Его тайный секретарь, Билибальдъ Пиркгаймеръ, оказавшій безсмертныя услуги по возстановленію древней классической литературы, описалъ эту войну (bellum Helveticum) на классическомъ латинскомъ языкѣ. Если бы Билибальдъ написалъ ее въ стилѣ Лютера, по-нѣмецки, мы имѣли бы классическое произведеніе на нѣмецкомъ языкѣ, тогда какъ теперь у насъ только больше однимъ произведеніемъ въ цицероновскомъ стилѣ.

Въ 1512 г. швабскій союзъ былъ возобновленъ на десять лѣтъ и при этомъ случаѣ союзному суду назначено постоянное мѣстопребываніе въ Аугсбургѣ. Въ союзъ были приняты епископъ бамбергскій и города Гейльброннъ, Вимпфенъ и Вейссенбургъ въ сѣверномъ округѣ. Но за то герцогъ Ульрихъ, подобно герцогу Гельдернскому, рано началъ содержать шайку наемниковъ, и въ то время, какъ графъ Эмихо Лейнингенъ попалъ въ опалу, силою завладѣлъ его помѣстьями и замками. Хотя онъ для оправданія этого поступка приводилъ очень уважительныя причины, но императоръ не принялъ ихъ во вниманіе и оставилъ графу Эмихо его имѣнья, подлежавшія, вслѣдствіе опалы, конфискаціи. Но Ульриха не могли принудить возвратить его хищническія пріобрѣтенія. Черезъ четыре года Ульрихъ въ высшей степени разсердилъ все имперское рыцарство въ Швабіи, совершивъ убійство, о которомъ мы поговоримъ впослѣдствіи. Онъ отказался вступить въ возобновленный швабскій союзъ на томъ основаніи, что, вступивъ въ него, ему пришлось бы признать союзный судъ въ Аугсбургѣ. Когда же наконецъ онъ прислалъ объявленіе о вступленіи своемъ въ союзъ, оно было наполнено такимъ множествомъ условій и крючковъ, что принять его было невозможно.

На ряду съ швабскимъ союзнымъ судомъ, продолжалъ существовать и верховный имперскій судъ; но ему рѣдко удавалось постановлять приговоры противъ рыцарства, не говоря уже о государяхъ и городахъ. Кромѣ того, онъ не всегда былъ въ должномъ составѣ для судопроизводства: иногда членовъ было слишкомъ мало, а иногда они не получали жалованья, потому что назначенныя для нихъ деньги никогда не поступали аккуратно. Очень часто члены были несогласны между собою или съ гражданами города, въ которомъ было мѣстопребываніе суда. Во время ссоры Франца Зиккингена съ вормсцами, судъ находился въ Вормсѣ. Какъ мы уже замѣтили, онъ вмѣшался въ эту ссору и вслѣдствіе этого долженъ былъ перенести свое мѣстопребываніе въ Шпейеръ, гдѣ, послѣ непродолжительнаго вторичнаго пребыванія въ Вормсѣ, оставался до тѣхъ поръ, пока долженъ былъ переѣхать въ Вецларъ.

Мы не упоминаемъ объ императорѣ потому, что онъ также не имѣлъ постоянной резиденціи и никакой власти въ имперіи. Хотя Максимиліанъ былъ ученый, поэтъ и романтикъ и постоянно затѣвалъ путешествія, сеймы, проекты и предпріятія, но мы не можемъ слѣдовать за нимъ въ лабиринтъ его жизни, полной приключеній. Нельзя однако умолчать, что Максимиліанъ, присоединившій къ имперскому союзу Бургундію, принадлежавшую его внуку, и свое собственное

герцогство австрійское, старался возвести Тироль въ курфиршество, но не могъ выполнить этого намѣренія.

Такъ какъ мы пишемъ европейскую, а не германскую только исторію, то чтобы связать послѣднюю съ всеобщей, выберемъ изъ событій послѣднихъ годовъ царствованія Максимиліана лишь такія, которыя находятся въ непосредственной связи съ первыми правительственными дѣйствіями внука и наслѣдника Максимиліана и показываютъ, какъ печально было положеніе государственнаго управленія въ Германіи. Въ этомъ отношеніи особенно важны два событія, которыя были причиною большаго и продолжительнаго измѣненія во внутреннемъ управленіи государства и относятся ко времени пріѣзда въ Германію внуковъ Максимиліана, Фердинанда и Карла. Событія эти—такъ называемая, гильдесгеймская усобица и ссора Ульриха Виртембергскаго со своими подданными и швабскимъ союзомъ, окончившаяся изгнаніемъ его изъ отечества. Къ этимъ двумъ событіямъ надо прибавить еще позднѣйшее предпріятіе трехъ рейнскихъ государей противъ Франца Зиккингена, при чемъ государственное начало одержало побѣду надъ рыцарствомъ.

Въ послѣдніе годы жизни Максимиліана почти всѣ планы его рушились, потому что онъ никогда не разсчитывалъ заранѣе, можетъ ли выполнить ихъ, и не окончивъ одного, хватался за другое. Впрочемъ подконецъ, слѣдуя австрійскому девизу (Felix Austria, nube!), онъ пріобрѣлъ для своего дома Богемію и Венгрію, которыхъ не могли доставить ему ни арміи, ни дипломаты.

Въ Венгріи и Богеміи, временно присоединенныхъ императоромъ Альбрехтомъ II къ Австріи, царствовалъ со времени смерти Подѣбрада и Матфія Корвина Владиславъ VII, старшій сынъ польскаго короля Казиміра IV и дочери императора Альбрехта, Елизаветы (стр. 122, и стр. 265); въ Польшѣ же слѣдовали за Казиміромъ сначала второй сынъ, Александръ, и наконецъ (1506) младшій, Сигизмундъ I. Максимиліанъ старался отнять у Владислава Венгрію, но по обыкновенію помирился на деньгахъ, которыя немедленно истратилъ на смѣшную рыцарскую и придворную пышность (стр. 266). Впрочемъ при заключеніи съ Владиславомъ (1491 г.) мира, кромѣ этой суммы, ему была предоставлена надежда на наслѣдованіе венгерскаго престола и право немедленно принять титулъ венгерскаго короля. Когда, впослѣдствіи, у Владислава родился сынъ, Максимиліанъ сталъ стараться закрѣпить за своимъ домомъ Богемію и Венгрію посредствомъ брачнаго союза. Начатые поэтому случаю переговоры прекратились на нѣсколько лѣтъ, пока въ 1514 г. за нихъ снова взялись самые ловкіе дѣловые люди и друзья Максимиліана, которые привели ихъ къ счастливому окончанію. То были два ученые, много содѣйствовавшие улучшенію литературнаго вкуса Германіи, введенію классическаго латинскаго стиля и проясненію монастырскаго мрака школъ:—одинъ, извѣстный уже намъ Матвѣй Лангъ, а другой Іоганнъ Куспиніанъ (латинизированное Шписгаммеръ), ученикъ и преемникъ въ званіи библіотекаря въ Вѣнѣ поэта и ученаго Конрада Цельта, замѣчательнаго въ исторіи классической и нѣмецкой литературы. Благодаря ловкости этихъ двухъ людей, дѣло послѣ долгихъ переговоровъ кончилось тѣмъ, что Владиславъ VII богемскій и венгерскій и братъ его Сигизмундъ, король польскій, согласились выдать дочь Владислава за одного изъ внуковъ Максимиліана, а внуку императора за сына Владислава, впослѣдствіи короля Лудовика II.

Исторію этой помолвки и предшествовавшихъ ей переговоровъ, а также переписку и рѣчи на классическомъ латинскомъ языкѣ оставилъ намъ Куспиніанъ, а Буркгардъ Струве напечаталъ ихъ во второй части своихъ «матеріаловъ для нѣмецкой исторіи», замствовавъ ихъ изъ бумагъ Маркварда Фрегера. Мы не будемъ разбирать это сочиненіе и упоминаемъ о немъ только какъ объ одномъ изъ памятниковъ благороднаго стремленія положить конецъ варварству и невѣжеству среднихъ вѣковъ. Въ іюлѣ 1514 г. короли Владиславъ и Сигизмундъ прибыли въ Вѣну съ варварскою торжественностью и пышностью; Максимиліанъ, по своему обыкновенію, истратилъ на роскошныя празднества 150,000 гульденовъ, а потомъ снова принялся занимать подъ огромные проценты деньги у лицъ, которымъ продавалъ права и помѣстья. На этотъ разъ императоръ достигъ цѣли; Владиславъ согласился на бракъ своего сына съ внучкою императора, Маріей. Въ тоже время произошла церемонія обрученія дочери Владислава, Анны, при чемъ

жениха представлялъ самъ императоръ, хотя еще не было рѣшено, кто женихъ, Карлъ или Фердинандъ. Въ 1821 г. Анна вышла за Фердинанда, и когда въ 1526 г. братъ ея погибъ въ битвѣ при Могачѣ, она наслѣдовала Богемію и Венгрію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и войну съ турками, бывшую въ продолженіе двухъ столѣтій въ высшей степени пагубною для Австріи.

Максимиліану, такъ счастливо окончившему сватовство своихъ внуковъ, не удалось однако заставить курфирстовъ выбрать еще при его жизни старшаго внука его, Карла, въ римскіе короли. Курфирсты нѣсколько разъ уклонялись отъ этого, а французскій король Францискъ и папа употребляли всевозможныя старанія, чтобы помѣшать этому. Нѣмецкіе избиратели приводили при этомъ довольно смѣшной предлогъ, который никакъ нельзя было принять серьезно. Они говорили, намекая на то, что Максимиліанъ не былъ коронованъ папою императоромъ, что не могутъ имѣть въ одно и то же время двухъ римскихъ королей. Въ 1518 г., Максимиліанъ, будучи слабъ и болѣнъ, еще разъ сдѣлалъ попытку склонить курфирстовъ избрать Карла. Для достиженія этой цѣли, онъ воспользовался ввѣренною ему опекою надъ молодымъ королемъ Лудовикомъ II венгерскимъ и богемскимъ, а Карлъ чрезъ испанскихъ посланниковъ сыпалъ деньгами. Но Англія, Франція и папа съ успѣхомъ противодѣйствовали избранію, хотя курфирсты майнцскій, кельнскій, пфальцскій и бранденбургскій еще въ сентябрѣ 1518 г. хотѣли издать избирательный декретъ въ пользу Карла. Чтобы воспрепятствовать этому, Францискъ I послалъ большія суммы, сталъ интриговать съ курфирстами майнцскимъ, трирскимъ и бранденбургскимъ и даже привлекъ на свою сторону герцога Генриха Люнебургскаго. Эти курфирсты были всегда расположены въ пользу французовъ; но всѣ остальные государи воспользовались споромъ о выборѣ императора, чтобы ограничить права будущаго главы имперіи. Лучшій и достойнѣйшій изъ нѣмецкихъ государей, курфирстъ Фридрихъ Саксонскій, извѣстный подъ прозваніемъ Мудраго, полагалъ, что въ виду церковной реформы, возвѣщенной въ его новомъ виттенбергскомъ университетѣ, было бы неблагоразумно избрать въ римскіе короли при жизни Максимиліана короля испанскаго.

Съ 1516 г. Францискъ I дѣйствовалъ очень коварно, стараясь быть выбраннымъ римскимъ королемъ или, по крайней мѣрѣ, помѣшать избранію Карла. Объ интригахъ его мы можемъ судить по извѣстіямъ, сообщаемымъ маршаломъ Флеранжемъ, сыномъ Роберта де ля-Марка (стр. 339). Изъ словъ его видно, что французы смотрѣли на знаменитаго героя временъ кулачнаго права, Франца Зиккингена, какъ на обыкновеннаго, хотя очень даровитаго атамана разбойниковъ. О предводителяхъ же наемниковъ маршалъ Флеранжъ (l'Aventureux, какъ называется онъ въ мемуарахъ) могъ судить вѣрно, потому что самъ былъ извѣстенъ во французской службѣ, какъ предводитель отряда нѣмецкихъ ландскнехтовъ. Флеранжъ разсказываетъ, что въ то время, какъ онъ познакомился съ Зиккингеномъ, послѣдній еще не былъ извѣстенъ какъ полководецъ и прославился только послѣ лотарингскаго похода, во время котораго Флеранжъ познакомился съ нимъ. За то онъ хвалитъ его, какъ человѣка образованнаго и краснорѣчиваго *). Зиккингенъ отправился въ Лотарингію, когда товарищи его, имперскіе рыцари и графы, пошли на помощь Іерольдзеку и герцогу Буйльону противъ герцога Лотарингскаго. У него одного было подъ начальствомъ 800 человѣкъ конницы и 6,000 пѣхоты. Герцогъ обратился къ французамъ, но они посовѣтовали ему сойтись съ Зиккингеномъ, и рыцарь получилъ отъ герцога извѣстную сумму и пожизненную пенсію въ 500 гульденовъ. Съ разбойничьими шайками, сопровождавшими его въ Лотарингію, Зиккингенъ отправился въ имперскій городъ Мецъ и вынудилъ у гражданъ 30 т. червонцевъ для себя и мѣсячное жалованье для своихъ

---

*) Francois de Sickingen estoit gentilhomme Allemand de bien petite race, mais bien gentil compaignon, et du temps, que je vous parle, avoit environ quarante ans, point homme de guerre, mais homme de grande honesteté, et aimoit fort la guerre, et jamais n'y avait esté, et estoit le plus beau langageur que je pense en ma vie avoir veu. (Францъ Зиккингенъ былъ нѣмецкій дворянинъ незнатнаго происхожденія, но славный товарищъ; въ это время ему было около сорока лѣтъ; онъ не былъ полководцемъ, но человѣкъ очень храбрый и любилъ войну, хотя никогда не участвовалъ въ войнахъ; онъ былъ самый прекрасный ораторъ, какого я видѣлъ во всю мою жизнь.)

рыцарей. Впослѣдствіи аббатъ фульдскій и дармштадтскіе рыцари наняли Заккингена, чтобы напугать ландграфа Филиппа Гессенскаго, которому было тогда всего четырнадцать лѣтъ. Онъ осадилъ съ ними молодаго ландграфа въ Дармштадтѣ и собиралъ такую ужасную контрибуцію, что маркграфъ Филиппъ Баденскій, поспѣшившій на помощь ландграфу, счелъ, подобно герцогу Лотарингскому, за лучшее откупиться отъ разбойниковъ. Зиккингенъ и его товарищи получили 50,000 червонцевъ контрибуціи и 35,000 за военныя издержки.

Послѣ походовъ въ Мецъ, Дармштадтъ и противъ Ульриха Виртембергскаго Зиккингенъ сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ генераломъ всѣхъ рыцарей-разбойниковъ; съ этого времени онъ во главѣ своей шайки былъ такъ же страшенъ въ Германіи, какъ Франческо Сфорца и его отецъ—въ Италіи. Поэтому маршалъ Флеранжъ старался переманить его на сторону своего короля. Онъ взялъ его съ собой въ Анбуазъ, гдѣ король Францискъ осыпалъ подарками и почестями и его друзей. Хотя король не сказалъ ему прямо, что будетъ нуждаться въ его помощи при избраніи императора, но Зиккингенъ понялъ это. Онъ получилъ годовой окладъ въ 3,000 талеровъ и цѣпь, стоившую не менѣе той же суммы; всѣмъ его спутникамъ были подарены также цѣпи, цѣною отъ 500 до 1,000 талеровъ. За это онъ поклялся помогать королю Франциску во всемъ и противъ всѣхъ, за исключеніемъ де-ля-Марковъ. Государи, получившіе отъ короля деньги, говорилъ онъ, измѣнятъ ему *); онъ же никогда. Зиккингенъ хвалился, что можетъ выставить во всякое время 2,000 конницы и 10,000 пѣхоты. Зная, что Зиккингенъ можетъ собрать значительныя силы, и нуждаясь въ немъ для избранія Карла, императоръ Максимиліанъ, предавшій его въ 1517 г. опалѣ по случаю вормсской исторіи, въ 1518 г. принялъ его въ Инспрукѣ самымъ дружескимъ образомъ. Максимиліанъ такъ ревностно хлопоталъ за Карла, что къ концу того же года предоставилъ князьямъ и курфирстамъ, въ ущербъ народу и имперіи, новыя права и привилегіи, которыя впослѣдствіи внукъ его долженъ былъ подтвердить такъ называемой избирательной капитуляціей.

Впрочемъ, Зиккингенъ вскорѣ совершенно разошелся съ королемъ французскимъ и съ маршаломъ Флеранжемъ, потому что, подобно плохимъ адвокатамъ, покупалъ несправедливыя тяжбы и рѣшалъ ихъ въ свою пользу кулакомъ, какъ адвокаты—языкомъ и перомъ. Какой-то нѣмецкій купецъ тягался съ городомъ Миланомъ и продалъ эту тяжбу Зиккингену, который, по своему обыкновенію, велѣлъ захватывать на большой дорогѣ товары всѣхъ миланцевъ. Миланцы обратились съ жалобой къ французскому королю, который былъ ихъ герцогомъ; король началъ усовѣщевать Зиккингена, но онъ не обратилъ на нее вниманія. Зиккингенъ думалъ, говоритъ маршалъ Флеранжъ, что кулачное право имѣетъ такое же значеніе во Франціи, какъ и въ Германіи. Онъ прибавляетъ, что Зиккингенъ очень грубо отвѣтилъ королю; дѣйствительно отвѣтъ былъ грубъ **). Поэтому король прекратилъ выдачу рыцарю обѣщаннаго годоваго оклада, а герцогъ Буйльонъ переманилъ Зиккингена на сторону Карла.

Максимиліанъ умеръ въ январѣ 1519 г., и имперія оставалась безъ императора въ продолженіе пяти мѣсяцевъ. Два курфирста, Фридрихъ Мудрый Саксонскій и Лудвигъ V Пфальцскій, каждый въ той части имперіи, которая назначалась имъ золотою буллою (стр. 94), исполняли должность имперскихъ викаріевъ или намѣстниковъ; остальные нѣмецкіе князья старались извлечь себѣ выгоду изъ домогательствъ иностранныхъ государей. Францискъ I французскій, Генрихъ VIII англійскій и Карлъ арагонскій и кастильскій домогались императорскаго сана и старались подарками и интригами пріобрѣсти въ свою пользу голоса избирате-

---

*) Dites lui, que les grands princes le tromperont.

**) De quoi le dict seigneur Roy en advertit le dict Francisque, lequel luy fist response d'un vray Allemand; car il pensoit, qu'il n'y eust justice non plus qu'en Allemaigne; mais il s'abusait. Et feust la responsе du dict Francisque telle au Roy, que ce qu'il en avoit faict il l'avoit faict pour une mieux, et afin que le dicts Milanois entendissent raison. (Король сказалъ объ этомъ Францу, который отвѣчалъ ему, какъ чистый нѣмецъ, такъ какъ онъ думалъ, что во Франціи такая же неурядица, какъ въ Германіи; но онъ ошибался. Кромѣ того, Францъ сказалъ королю, что онъ сдѣлалъ все къ лучшему и чтобъ смирить миланцевъ).

лей. Впрочемъ курфирсты упоминали о Генрихѣ VIII только потому, что нѣмецкимъ князьямъ хотѣлось поживиться англійскими деньгами; даже папа Левъ X, державшій, повидимому, его сторону, былъ въ душѣ противъ него. Когда наступилъ день избранія, Францъ Зиккингенъ и Казиміръ Бранденбургскій, подкупленные герцогомъ Буйльономъ въ пользу Карла, расположились лагеремъ по дорогамъ, ведущимъ въ Франкфуртъ, съ войсками швабскаго союза, состоявшими изъ 20,000 человѣкъ; они угрожали князьямъ, въ случаѣ избранія иностраннаго короля, и воспрепятствовали противникамъ Карла помѣшать его избранію. Зиккингенъ подстерегалъ кромѣ того фуры съ деньгами, посланныя французами въ Франкфуртъ; но благодаря курфирсту трирскому, хлопотавшему въ пользу Франциска I, фуры были провезены благополучно. 28 іюня Карлъ I испанскій былъ избранъ римскимъ королемъ и какъ германскій императоръ принялъ имя Карла V.

Читая подробности этого избранія и видя, что Максимиліанъ и внукъ его, Карлъ, истратили на подкупъ менѣе Франциска I, нельзя однако удивляться ихъ удачѣ. Карлъ располагалъ богатствами Испаніи и новооткрытой Америки и повелѣвалъ Нидерландами, бывшими главнымъ звѣномъ существовавшихъ тогда торговыхъ сношеній между сѣверомъ и югомъ Европы. Но во Франціи уже было изобрѣтено искусство переводить деньги народа въ кассу правительства, т. е. то что нынче называютъ финансовой наукой; въ Испаніи же и Германіи науку эту еще надо было изобрѣсти. Мы разъяснимъ это двумя примѣрами. Въ 1518 г., когда Максимиліанъ возвратился изъ Аугсбурга въ Инспрукъ, у него не было ни денегъ, ни кредита на продовольствіе своихъ людей и лошадей, и всѣ его придворные, лошади и экипажи должны были провести цѣлую ночь подъ открытымъ небомъ; изъ горожанъ никто не хотѣлъ принять ихъ, потому что имъ не было заплачено за продовольствіе и они сомнѣвались, въ состояніи ли будетъ императоръ расплатиться за ночлегъ. Когда новый императоръ пріѣхалъ въ Германію въ 1520 г., онъ былъ также несостоятеленъ въ платежѣ, какъ и его дѣдъ, и ему пришлось занять 20,000 гульденовъ у Франца Зиккингена.

Дѣла по государственной полиціи, безопасности большихъ дорогъ и спокойствію въ странѣ были не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ финансовыя. Это ясно изъ исторіи усобицъ, которыя шли во всѣхъ частяхъ Германіи. Чтобы не теряться въ лабиринтѣ спеціальной исторіи, но пояснить нашъ выводъ нѣсколькими фактами, мы упомянемъ о двухъ усобицахъ, которыя Карлъ нашелъ по прибытіи въ Германію и употребилъ въ пользу габсбургскаго дома. Это были борьба швабскаго союза съ Ульрихомъ Виртембергскимъ и такъ называемая гильдесгеймская усобица. Мы прибавили бы къ этому войну Зиккингена съ князьями, т. е. окончаніе рыцарскаго самоуправства и начало государственнаго самодержавія; но разсказъ о трагическомъ концѣ разбойнической и рыцарской жизни Зиккингена относится къ другимъ событіямъ.

2. Исторія герцога Ульриха Виртембергскаго до 1519 г.

Приключенія герцога Ульриха Виртембергскаго важны для всеобщей исторіи, независимо отъ другихъ основаній, уже потому, что, благодаря имъ, во всей Германіи только одни виртембергцы достигли еще въ XVI вѣкѣ того, что мы теперь называемъ конституціей. Правда, нѣмецкія государства имѣли мѣстные чины, льготы и привилегіи, но о договорѣ или основномъ законѣ нигдѣ не было и рѣчи. Кромѣ того, всѣ эти льготы и права были разсѣяны въ безчисленномъ множествѣ актовъ и грамотъ императора и мѣстныхъ владѣтелей; притомъ они писались на латинскомъ языкѣ, такъ что о смыслѣ и приложеніи ихъ можно было безконечно спорить, что и происходило повсемѣстно. Мы, разумѣется, не рѣшимся утверждать, что виртембергцы, вслѣдствіе полученной ими въ 1514 г. конституціи, были счастливѣе другихъ нѣмецкихъ подданныхъ, не имѣвшихъ конституціи, но сами они считали себя счастливыми, а мыслящему существу уже одного этого достаточно для счастья. До нашего времени, а можетъ быть даже и теперь, для виртембергцевъ Виртембергъ значилъ болѣе чѣмъ вся Германія, они были совер-

шенно замкнуты въ своемъ ограниченномъ кругу и слѣпо пристрастны ко всему своему.

Во всякомъ случаѣ, понятіе о правахъ народа въ одномъ Виртембергѣ проникло во всѣ слои общества. Этимъ виртембергцы обязаны безсилію императора, глупости и безумію герцога Ульриха и отсутствію постояннаго войска, безусловно повинующагося государю.

Эбергардъ Старшій, прозванный въ шутку Бородатымъ, будучи графомъ Виртембергскимъ, пріобрѣлъ своими достоинствами и заслугами любовь и уваженіе подданныхъ и нѣмецкой націи и благосклонность императора Максимиліана; императоръ возвелъ его графство въ герцогство (стр. 190 и 304). Преемникъ его, Эбергардъ Младшій, напротивъ того, былъ грубый и дикій рыцарь. Онъ долженъ былъ удержать совѣтниковъ своего предшественника, помириться съ своей женой, добродѣтельной Елисаветой Бранденбургской, съ которой разошелся, и уважать законъ. Но онъ недолго слѣдовалъ этому. Освободивъ изъ уголовной тюрьмы знаменитаго своею ссорой съ Рейхлиномъ августинскаго монаха Конрада Гольцингера и сдѣлавъ его канцлеромъ (стр. 191), Эбергардъ Младшій управлялъ совершенно произвольно и требовалъ отъ своихъ совѣтниковъ и чиновниковъ дѣйствій, въ которыхъ они по совѣсти должны были отказывать ему. Онъ жаловался, что содержаніе жены стоитъ ему слишкомъ дорого, и требовалъ согласія совѣтниковъ на ея удаленіе. Кромѣ того, онъ требовалъ, чтобы они перевели его канцелярію изъ Штутгардта въ Тюбингенъ, Урахъ или Нюртингенъ, вооружили и снабдили всѣмъ необходимымъ для войны его города и замки. Поэтому возникъ продолжительный споръ, кончившійся тѣмъ, что герцогъ долженъ былъ бѣжать въ Ульмъ; не только гофмейстеръ, прелаты, совѣтники и все простое населеніе, но впослѣдствіи даже чиновники, слуги и вся дворня герцога отказались служить ему и назначили правительственный совѣтъ. Враги герцога напечатали противъ него прокламацію къ нѣмецкимъ чинамъ, которую должны были подписать слуги, ленники, канцелярія, придворный штатъ и даже поваръ и два трубача. Такъ какъ братъ Эбергарда, Генрихъ, былъ слабоуменъ, то они провозгласили герцогомъ сына Генриха, Ульриха, который былъ утвержденъ императоромъ Максимиліаномъ, пріѣхавшимъ по этому случаю въ Ротенбургъ на Некарѣ.

Ульрихъ былъ еще ребенкомъ. Его воспитаніе и временное управленіе герцогствомъ было поручено гофмейстеру графу Фюрстенбергу и двѣнадцати правительственныхъ совѣтникамъ. Не будемъ разбирать, правы ли были старые совѣтники, требуя, чтобы мальчикъ учился только наѣздничеству, охотѣ и фехтованью, такъ какъ для управленія не требуется знанія *), и правъ ли Шпитлеръ, желавшій, чтобы толстоголоваго малаго, вмѣсто того чтобы мучить латынью и теологіей, отправили въ Парижъ для изученія французскаго языка и придворныхъ нравовъ. Во всякомъ случаѣ, швабскіе педанты, воспитавшіе молодаго герцога, были неправы. Тетингеръ, слова котораго можно прочитать у Шардта (т. I, стр. 911), говоритъ, что герцога выдрессировали такъ, что впослѣдствіи онъ говорилъ передъ дворомъ рѣчи на латинскомъ языкѣ (разумѣется, написанныя не имъ). При первомъ случаѣ Ульрихъ постарался отдѣлаться отъ педантовъ. Пышность, съ какою онъ явился въ Констанцѣ въ 1507 г., доказываетъ, что онъ жилъ уже очень весело. Онъ сошелся къ Максимиліаномъ, который тоже любилъ весело пожить и, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ Аугсбурга, незадолго до своей смерти, выразилъ расположеніе къ этому городу за то, что часто кутилъ тамъ. Когда Ульрихъ пріѣхалъ въ Констанцъ, при немъ, кромѣ 300 рыцарей и свиты, былъ цѣлый экипажъ съ музыкантами; мальчикъ билъ въ литавры, и со всѣхъ концовъ къ нему стекались музыканты, такъ какъ Ульрихъ былъ извѣстный любитель музыки. Въ Констанцѣ онъ великолѣпно угощалъ императорскую свиту. Отъ беззаботной жизни, обжорства и пьянства, онъ такъ растолстѣлъ и ожирѣлъ, что, имѣя всего двадцать лѣтъ, возбуждалъ шутки своего толщиною. Въ видѣ лекарства онъ началъ вести неистовую охотничью жизнь и содержалъ цѣлыя стаи собакъ.

---

*) Nam reipublicae gubernande sufficere patrias leges et instituta majorum.

Ульриху было только шестнадцать лѣтъ (1503 г.), когда Максимиліанъ призналъ его совершеннолѣтнимъ. Поэтому регентство прекратилось, и мальчикъ сталъ управлять самъ, т. е. дѣлалъ множество долговъ, въ то время какъ его гофмейстеръ, канцлеръ и чиновники распоряжались герцогствомъ по своему, т. е. извлекали пользу для себя и для своихъ родственниковъ. Черезъ десять лѣтъ Ульрихъ былъ обремененъ страшными по тогдашнему времени долгами; впрочемъ теперь, при расточительности знатныхъ людей, долгъ этотъ, простиравшійся до полумиліона гульденовъ, покажется ничтожнымъ. Подданные герцога должны были платить пошлины съ предметовъ самой крайней необходимости, хотя и безъ того были обременены феодальными повинностями и задавлены, какъ египетскіе работники. Но Ульрихъ возбудилъ противъ себя не только бѣдныхъ мужиковъ; его долги, растрата государственной собственности и крутой нравъ ожесточили и феодальныя сословія, права которыхъ герцогъ не уважалъ. Они отказались повиноваться ему, потому что сеймъ не собирался уже тринадцать лѣтъ. Бѣдное населеніе, не имѣвшее никакихъ правъ, было доведено до отчаянія поведеніемъ чиновниковъ Ульриха, тяжелымъ налогомъ на вино, хлѣбъ, мясо и т. п., и введеніемъ меньшей мѣры и вѣсу.

Такимъ образомъ въ 1514 г. въ Виртембергѣ началась крестьянская война, которую называли войною бѣднаго Конрада (des armen Konrad). Это названіе не относится ни къ какому извѣстному лицу; это просто каламбуръ, достойный разъяренныхъ мужиковъ среднихъ вѣковъ. Возставшіе поселяне называли себя республикой бѣднаго Безъ-Совѣта (Kein-Rath), что по ихъ произношенію выходило Конрадъ (Konrad). Такимъ же образомъ острили они надъ своими имѣньями, находившимися въ Нѣтовой землѣ (Nirgends), и надъ своей родиной на Голодной горѣ (Hungerberg). Крестьяне возстали въ то самое время, когда и феодальныя сословія отказались повиноваться герцогу. Сначала они были возбуждены дряннымъ, дерзкимъ негодяевъ Гайнспетеромъ изъ Бейтельспаха, собрались во множествѣ близъ Шорндорфа и начали совершать дикія неистовства.

Въ это время Ульрихъ, чтобы укрыться отъ преслѣдованій феодальныхъ чиновъ и кредиторовъ, отправился съ своимъ зятемъ, герцогомъ Генрихомъ Брауншвейгскимъ, въ гости къ Филиппу Гессенскому. Узнавъ о возмущеніи крестьянъ, онъ немедленно вернулся въ Виртембергъ, который засталъ въ полномъ возстаніи. Онъ былъ принужденъ удовлетворить по крайней мѣрѣ феодаловъ или, другими словами, прелатовъ, рыцарей и города, такъ какъ интересы противъ угнетаемаго народа были у нихъ съ нимъ общіе. Созвавъ сеймъ въ Штутгардтъ, онъ обратился съ просьбой о посредничествѣ къ императору и ко многимъ государямъ. Крестьяне справедливо не хотѣли и слышать о сеймѣ, потому что каждый сеймъ налагалъ на нихъ новыя подати, и имъ постоянно приходилось платить за государей и аристократію. Ульриху пришлось позволить крестьянамъ подать ему письменную жалобу. Вскорѣ Ульрихъ такъ разсорился съ сеймомъ, что прервалъ его и перенесъ въ Тюбингенъ. Но распространеніе демократическаго движенія въ герцогствѣ, и терроръ, наведенный на всѣ сословія неразумнымъ и неспособнымъ къ порядку народомъ, заставили герцога примириться по крайней мѣрѣ съ дворянской и гражданской аристократіей своей страны. Такимъ образомъ, въ іюлѣ 1514 года создалась первая нѣмецкая конституція или тюбингенскій трактатъ, основнымъ виртембергскимъ закономъ до 1819 года.

Императоръ и князья, угрожаемые крестьянскою войной, охватившей Франконію, Нижнюю Баварію и Рейнъ, содѣйствовали заключенію этого трактата. Посредниками и поручителями договора были: епископы констанцскій и страсбургскій, послы императора, курфирста Лудвига Пфальцскаго и брата его Фридриха, епископа вюрцбургскаго, и маркграфа Филиппа Баденскаго. Въ силу тюбингенскаго трактата, чины приняли на себя уплату долга 910,000 гульденовъ за своего безпутнаго герцога, разумѣется съ тѣмъ, чтобы принудить потомъ своихъ подданныхъ заплатить за все это. За это герцогъ подписалъ обязательство, въ которомъ обѣщалъ: не начинать никакой войны безъ воли чиновъ, не закладывать ни клочка земли и не требовать денегъ; позволить всѣмъ вывозить изъ страны имущество съ тѣмъ, чтобы въ первыя двадцать лѣтъ взимать извѣстный процентъ, а потомъ не брать и того. Наконецъ Ульрихъ даровалъ еще одну привилегію, до-

казывающую, что въ Германіи уже въ то время произволъ правителей зашелъ далеко, а римское право испортило доброе старое право народное. Онъ обѣщалъ, что впредь никто не будетъ наказываться въ уголовныхъ дѣлахъ безъ суда. Тюбингенскій трактатъ противопоставилъ герцогской власти родъ сословной олигархіи; но крестьяне ничего отъ него не выиграли. Поэтому они обратились въ радикализмъ. Впрочемъ скоро вооруженная сила и жестокость рыцарей и герцога погубили ихъ; но восемь лѣтъ спустя въ ландграфствѣ штилингенскомъ началась настоящая крестьянская война, о которой мы будемъ говорить ниже, и распространилась по Швабіи, Франконіи, Тюрингену и Рейну.

До 1515 года герцогъ Ульрихъ продолжалъ вести необузданную жизнь и принуждалъ чины заплатить за него новый долгъ въ 130,000 гульденовъ. Чины объявили, чтобы онъ отправился къ двору Максимиліана и жилъ тамъ на 5000 гульденовъ, а деньгами, сбереженными такимъ образомъ, они уплатятъ его долги. Кромѣ того, они требовали, чтобы онъ вступилъ въ швабскій союзъ, чего онъ рѣшительно не хотѣлъ, потому что ему пришлось бы въ такомъ случаѣ признать союзный судъ въ Аугсбургѣ. Онъ не могъ желать вступить въ союзъ потому также, что ссорой съ своей женой смертельно оскорбилъ ея брата, герцога Вильгельма IV Баварскаго, а умерщвленіемъ своего перваго придворнаго, рыцаря Ганса фонъ Гуттена, возстановилъ противъ себя все имперское рыцарство Швабіи, стало-быть главу и членовъ союза. Жена его Сабина, дочь покойнаго герцога Мюнхенскаго и сестры Максимиліана, помолвленная за него еще въ дѣтствѣ, была, кажется, вспыльчива, расточительна и склонна къ чувственнымъ наслажденіямъ, какъ и онъ. Если вѣрить сотой долѣ того, что говорилъ Ульрихъ на всю Германію въ манифестахъ о своей половинѣ, надо сознаться, что отношенія ея къ Гансу Гуттену, жена котораго, наоборотъ бросалась въ объятія герцога Ульриха, были чрезвычайно двусмысленны, а поведеніе съ двумя фонъ Шпетенами и другими — весьма неблаговидно. Кромѣ того, Ульрихъ жаловался, что у нея «злой языкъ» и что своею сварливостью и жестокими, гордыми словами, она часто отгоняла его отъ себя. Тогда, увѣряетъ онъ всю нѣмецкую націю въ своей несчастной брошюрѣ, онъ уходилъ отъ нея безъ ругательствъ и безъ брани, не разу ни ударивъ жены; только однажды, она довела его до крайности, и онъ ударилъ ее рукою, и то не очень сильно. Сабина же жаловалась своей вдовствующей матери въ особенности на частые побои; поэтому мать предложила ей бѣжать къ ней. Она послѣдовала этому совѣту, но обстоятельства ея бѣгства бросили на нее тѣнь, такъ что ни дядя ея, императоръ, ни братъ, Вильгельмъ IV Баварскій, не приняли ея сторону, хотя преслѣдовали судебнымъ порядкомъ ея мужа за его тиранію и за убійство любовника жены, Ганса фонъ Гуттена (стр. 206); Ульрихъ называлъ это убійство казнью, порученною ему, какъ владѣтельному графу, вестфальскимъ тайнымъ уголовнымъ судомъ.

Имперское рыцарство Швабіи и Франконіи и швабскій союзъ были такъ озлоблены на Ульриха, что императоръ съ трудомъ удерживалъ Гуттеновъ и ихъ друзей отъ попытки отмстить за убійство родственника. Вѣроятно, процессъ чиновъ кончился бы ничѣмъ, какъ вообще процессы слабыхъ противъ сильныхъ и бѣдныхъ противъ богатыхъ; но у герцога былъ страшный врагъ въ лицѣ Ульриха фонъ Гуттена. Мы уже говорили (стр. 196), что Ульрихъ фонъ Гуттенъ, своими памфлетами и сатирами вооружилъ противъ герцога все дворянство, такъ что императоръ Максимиліанъ былъ наконецъ принужденъ въ октябрѣ 1516 г. объявить Ульриха въ опалѣ или, другими словами, дать право врагамъ нападать на него. Гуттены и друзья ихъ были уже готовы напасть на герцога, когда императоръ далъ на нѣсколько дней отсрочку и уполномочилъ своего министра Матвѣя Ланга устроить свиданіе въ Блаубейренѣ. При этомъ свиданіи, 21 октября, Ульрихъ согласился на предложенныя ему условія, и императоръ снялъ съ него опалу. Максимиліанъ утвердилъ своею печатью договоръ, заключенный съ Ульрихомъ, и этотъ актъ назывался императорскимъ рѣшеніемъ или приговоромъ (Machtspruch). Въ немъ было сказано, что герцогъ долженъ отказаться на шесть лѣтъ отъ управленія; вмѣсто него, государствомъ будутъ управлять отъ его имени гофмейстеръ, канцлеръ, прелатъ, двое выборныхъ изъ дворянъ, двое отъ городовъ и членъ, назначаемый императоромъ; какъ намѣстники и совѣтники герцога, они должны собирать доходы и уплачивать изъ нихъ долги, проценты и все, что слѣдуетъ,

выдавая герцогу и его женѣ годовое содержаніе. Отцу Ганса фонъ Гуттена, Лудвигу, слѣдовало выплатить извѣстную сумму. Но, чтобы скрыть, что Лудвигъ удовлетворился деньгами за убійство сына, эта сумма отдавалась не непосредственно ему, а императору. Герцогство обязалось платить императору три года сряду по 9000 гульденовъ, а въ маѣ 1517 г. Максимиліанъ передалъ это обязательство Лудвигу Гуттену.

Герцогъ Ульрихъ не намѣревался уступить управленіе своею страной и, возвращаясь изъ Блаубейрена въ Штутгардъ, велѣлъ своимъ наемникамъ грабить, убивать и жечь въ своей собственной странѣ. Послѣ этого, онъ началъ править съ большею жестокостью, чѣмъ прежде; онъ не позаботился даже, чтобы Максимиліану выплатили первые 9000 гульденовъ, и обращался съ каннибальскимъ звѣрствомъ со всѣми, даже съ канцлеромъ своимъ Лампартеромъ, долгое время мучившимъ и угнетавшимъ страну отъ его имени. Всякаго, кто осмѣливался сказать, что слѣдовало бы выполнить блаубейренскій договоръ, онъ предавалъ пыткѣ не для того, чтобы вынудить какое нибудь признаніе, а просто, чтобы только помучить. Одному изъ совѣтниковъ Ульриха, человѣку хорошей фамиліи, по приказанію герцога, сожгли руки и ноги, а тѣло облили спиртомъ и зажгли. Старѣйшему изъ своихъ совѣтниковъ, восьмидесятилѣтнему старику, Ульрихъ велѣлъ отрубить голову, а потомъ четвертовать. За браконьерство выкалывали оба глаза, и т. п. Въ императорскихъ грамотахъ, манифестахъ и приговорахъ недостатка, правда, не было; только не было человѣка, который бы желалъ или могъ выполнять ихъ. Это продолжалось, пока Ульрихъ не возстановилъ противъ себя новымъ злодѣйствомъ швабскій союзъ.

Ульрихъ навлекъ на себя неудовольствіе швабскаго союза, занявъ по смерти Максимиліана городъ Рейтлингенъ, принадлежавшій къ союзу. Граждане этого города давно ссорились съ лѣсничими Ульриха за лѣсъ и охоту, и наконецъ виртембергскій смотритель убилъ въ Ахальмѣ рейтлингенскаго гражданина, за что рейтлингенцы убили смотрителя. Извѣстіе объ этомъ происшествіи герцогъ получилъ за обѣдомъ; онъ вскочилъ изъ-за стола, призвалъ своихъ людей къ оружію, окружилъ городъ и черезъ три недѣли принудилъ его къ сдачѣ, прежде чѣмъ союзная швабская армія успѣла собраться. Но вскорѣ въ виртембергскомъ герцогствѣ появилось швабское союзное войско, подъ предводительствомъ оскорбленнаго зятя Ульриха, герцога Вильгельма Баварскаго, и прославившагося въ послѣднюю итальянскую войну, Георга Фрундсберга (стр. 329). Ульрихъ не могъ бы устоять противъ этой силы съ своимъ 12,000 крестьянскимъ ополченіемъ. Швейцарцы, которыхъ онъ ожидалъ, услышавъ, что герцогъ не въ состояніи уплатить обѣщанныхъ денегъ, вернулись назадъ. Поэтому въ маѣ 1519 г. Ульрихъ обратился въ бѣгство и отправился въ Мюмпельгардъ. Все его герцогство было занято союзными войсками, жестоко угнетавшими народъ и въ сущности не знавшими что дѣлать. По занятіи Виртемберга, союзное войско было распущено, а герцогъ Ульрихъ старался возвратить свое герцогство. Онъ безъ труда набралъ буйную сволочь, въ которой тогда не было недостатка, такъ какъ войско набиралось на время и потомъ снова распускалось. Съ этими людьми онъ напалъ въ августѣ на Виртембергъ и завоевалъ его. Вмѣсто того чтобы крѣпче привязать къ себѣ своихъ подданныхъ и такимъ образомъ найти въ нихъ опору противъ союза, онъ сталъ свирѣпствовать хуже прежняго. Такое поведеніе было тѣмъ неблагоразумнѣе, что многіе города, напр. Эслингенъ, Геннингенъ и Урахъ, не покорялись ему и звали на помощь швабскій союзъ. Союзъ, назначивъ, разумѣется, нѣсколько собраній, на которыхъ происходили длинныя пренія, собралъ и вывелъ новое войско и заставилъ Ульриха снова бѣжать. Въ засѣданіи союза въ Аугсбургѣ 19 ноября 1519 г. было положено не допускать Ульриха никогда болѣе къ владѣнію своею страною; кромѣ того, былъ составленъ счетъ издержкамъ, по которому онъ никогда не былъ бы въ состояніи уплатить.

Такъ какъ Карлъ V уже былъ избранъ императоромъ, и виртембергское дѣло разбиралось имъ и его братомъ, то окончаніе этихъ событій мы разскажемъ ниже. Теперь же мы обратимся къ гильдсгеймской усобицѣ; она не была еще окончена, когда въ Германію прибыли оба внука Максимиліана, Фердинандъ и Карлъ.

3. Гильдесгеймская усобица.

Несчастный обычай тогдашних нѣмецкихъ владѣтельныхъ фамилій дѣлить государства между сыновьями, какъ частную собственность, истощилъ націю и до того запуталъ исторію Германіи, что безъ генеалогическихъ таблицъ она совершенно непонятна. Поэтому мы постараемся по возможности сократить разсказъ о ссорѣ асканскаго дома съ вельфскимъ за владѣніе однимъ нижне-саксонскимъ епископствомъ.

Нижняя Саксонія была раздѣлена между вельфскими принцами или потомками Генриха Льва почти въ такой же мѣрѣ, какъ Верхняя Саксонія между внуками Фридриха Ратнаго Тюрингенскаго и Мейссенскаго; только въ Лауенбургѣ, гдѣ было введено право первородства, нераздѣльно господствовала одна линія саксонско-асканскаго дома. Вельфскіе принцы раздѣлялись, подобно пфальцско-баварскимъ, то на большее, то на меньшее число линій, носившихъ разныя названія, смотря по тому, какія земли доставались имъ въ надѣлъ. Когда началась гильдесгеймская усобица, въ Каленбургѣ, Грубенгагенѣ, Люнебургѣ и Брауншвейгъ-Вольфенбиттелѣ владѣли разныя линіи вельфскаго дома, члены котораго пользовались значеніемъ между соборными капитулами въ Нижней Саксоніи и Вестфаліи, и потому часто избирались въ епископы. Епископство гильдесгеймское, напротивъ того, принадлежало Іоганну, принцу саксонско-асканскаго дома, господствовавшаго въ Лауенбургѣ; это епископство уступилъ ему въ 1504 году старшій его братъ. Сдѣлавшись епископомъ гильдесгеймскимъ, Іоганнъ завязалъ съ имперскимъ дворянствомъ своего епископства одинъ изъ такихъ споровъ, которые Францъ Зиккингенъ, Гётцъ фонъ-Берлихингенъ и ихъ друзья заводили на Рейнѣ, въ Швабіи и въ Виттерау съ государями гессенскимъ, майнцскимъ, пфальскимъ и трирскимъ. Дѣло въ томъ, что помѣстья гильдесгеймскаго епископства прежде были заложены дворянству за самыя ничтожныя деньги, а Іоганнъ бережливостью и сокращеніемъ придворнаго штата накопилъ сумму и началъ выкупать эти земли. Это въ высшей степени раздражило дворянство, которому никогда въ голову не приходило, что помѣстья могутъ когда нибудь быть выкуплены. Фамиліи, съ которыхъ начался выкупъ, стали жаловаться на него и на то, что не получили достаточнаго вознагражденія за улучшенія, сдѣланныя ими въ имѣніяхъ. Болѣе всѣхъ были обижены фонъ-Зальдерны, которые поэтому въ 1516 г. соединились съ 65 рыцарями, владѣтелями помѣстій гильдейсгеймскаго епископства. Союзники отдались подъ покровительство герцоговъ Брауншвейгъ-Вольфенбиттельскаго и Каленбергскаго и ужаснаго Франца Брауншвейгскаго, епископа минденскаго, чтобы по обычаю временъ кулачнаго права начать войну противъ сюзерена.

Іоганнъ, тяготясь этими распрями, сталъ искать союзника, который могъ бы защитить его, и въ 1519 г. нашелъ его въ герцогѣ Генрихѣ Люнебургскомъ, изъ брауншвейгскаго дома. Герцогъ согласился помогать епископу за то, что Іоганнъ сдѣлалъ его своимъ коадъюторомъ, т. е. наслѣдникомъ десятилѣтняго сына его. Послѣ этого Генрихъ Люнебургскій разорвалъ семейный договоръ, соединявшій его съ врагами епископа, и, не объявляя войны, напалъ на Брауншвейгъ, Каленбергъ и епископство минденское; въ апрѣлѣ 1519 г. онъ изгналъ безпокойнаго епископа Франца изъ его страны и занялъ Каленбергъ. Напрасно старался курфирстъ саксонскій, какъ имперскій викарій въ этой части имперіи, и герцогъ Генрихъ Младшій Брауншвейгъ-Вольфенбиттельскій, заставить герцога Люнебургскаго прекратить непріязненныя дѣйствія: войско, посланное курфирстомъ, ничего не сдѣлало. Наконецъ враги Генриха Люнебургскаго и Іоганна гильдесгеймскаго выступили противъ нихъ со всѣми своими силами; изъ нихъ Эрихъ Каленбергскій и епископъ минденскій уже прославились во многихъ войнахъ. На Зольтауской Полянѣ они встрѣтили соединенное войско непріятеля и дали кровопролитное, но неудачное для нихъ сраженіе, въ которомъ, послѣ упорной битвы, пало 4,000 человѣкъ, а Эрихъ Каленбергскій и братъ Генриха Младшаго попались въ плѣнъ. Въ этой битвѣ нѣмецкіе

князья выказали великое мужество и наивную гомерическую грубость, которая обнаружилась потомъ въ спорахъ объ ученіи Лютера; въ то время многіе нѣмецкіе государи были еще просты, благочестивы, думали и чувствовали совершенно такъ же, какъ народъ, еще не испорченный ни роскошью, ни французскимъ тщеславіемъ, ни испанской спѣсью. Передъ битвой Генрихъ Люнебургскій написалъ Генриху Брауншвейгскому письмо, въ которомъ предлагалъ ему не дѣйствовать артиллеріей и рѣшить побѣду рыцарскою храбростью. Послѣ сраженія плѣнный герцогъ Эрихъ Каленбергскій, который выигралъ двѣнадцать сраженій и взялъ двадцать замковъ, стоялъ у окна подлѣ герцога Генриха Люнебургскаго; въ это время мимо проносили его знамена, взятыя непріятелемъ; Генрихъ былъ такъ неделикатенъ, что спросилъ его насмѣшливо, чьи теперь эти знамена; при этихъ словахъ Эрихъ, какъ гомеровскій герой, залился горькими слезами.

Такъ какъ императора не было, а судьи и имперскіе викаріи не могли совладать съ нарушителями мира, то плѣннымъ пришлось обратиться къ третейскому суду, въ которомъ главные голоса принадлежали курфирстамъ бранденбургскому и майнцскому, герцогу Мекленбургскому и Іоганну Саксонскому. Но курфирсты по смерти Максимиліана получили отъ французовъ взятки и старались, подобно курфирсту трирскому, рѣшить выборъ въ пользу короля Франциска; герцогъ Генрихъ Люнебургскій для войны съ своими двоюродными братьями также разсчитывалъ на помощь французовъ, преимущественно на заклятаго врага бургундскаго дома, герцога Карла Гельдернскаго. Третейскій судъ произнесъ поэтому явно пристрастный приговоръ, отмѣненный впослѣдствіи новымъ императоромъ. Чтобы получить свободу, Эрихъ долженъ былъ въ іюлѣ 1519 г. отдать въ залогъ восемнадцать лучшихъ своихъ замковъ. Карлъ V былъ избранъ въ самый день битвы на Зольтауской полянѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ Брюссель, герцогъ Брауншвейгскій обратился къ нему, прося его отмѣнить несправедливый третейскій приговоръ. Императоръ Карлъ V, хотя не былъ еще коронованъ римскимъ королемъ, постановилъ въ Брюсселѣ рѣшеніе, о результатѣ котораго мы скажемъ ниже, также какъ и о концѣ виртембергской ссоры и распри Зиккингена. Разумѣется, императоръ былъ также пристрастенъ въ пользу побѣжденныхъ, какъ курфирсты—въ пользу побѣдителей.

4. Реформація до прибытія Карла V въ Германію.

Опрометчивый поступокъ папы Льва X сдѣлалъ изъ пустаго несогласія политическую распрю, въ то самое время когда Карлъ V прибылъ въ Германію; къ поступку этому папу побудили его нѣмецкіе и итальянскіе схоластическіе богословы. По испанскому обычаю Карлъ, вѣроятно, поступилъ бы въ этомъ случаѣ произвольно; но онъ хотѣлъ напугать этимъ богословскимъ споромъ папу, въ которомъ нуждался, и сверхъ того искалъ дружбы курфирста Фридриха Саксонскаго. Фридрихъ Мудрый Саксонскій, подобно Лудвигу V Пфальцскому, много содѣйствовалъ избранію Карла и былъ почти единственнымъ изъ германскихъ владѣтелей, не навязывавшимъ, изъ уваженія къ Золотой Буллѣ *), императору условій и не бравшимъ взятокъ. Онъ даже возвратилъ 4,0000 дукатовъ, которые посланники Карла хотѣли выплатить ему уже послѣ выборовъ и не позволилъ раздать своей дворцовой прислугѣ 10 т. гульденовъ, объявивъ, что хотя не можетъ запрещать принимать эти деньги, но не будетъ держать въ своей службѣ тѣхъ, которые возьмутъ ихъ.

Курфирстъ Фридрихъ чрезвычайно заботился о благосостояніи своего университета, основаннаго въ Виттенбергѣ въ 1502, потому что въ тѣ времена лучшіе нѣмецкіе государи, какъ императоръ Фридрихъ III и Максимиліанъ I,

---

*) Каждый курфирстъ долженъ былъ поклясться: Vocem meam et votum seu electionem praefatam dabo absque omni pacto, stipendio, pretio vel promisso, seu quocunque modo talia valeant appellare.

подобно итальянскимъ владѣтелямъ и городамъ, старались пріобрѣсти славу, покровительствуя возродившейся наукѣ и цивилизаціи, какъ въ XVIII вѣкѣ потомки ихъ искали славы въ скачкахъ, балахъ, операхъ, балетахъ и содержаніи любовницъ. Фридрихъ, по рекомендаціи своего друга, провинціала августинскаго ордена Штаупица, назначилъ профессоромъ богословія монаха Мартина Лютера, въ дарованіяхъ и достоинствахъ котораго Штаупицъ убѣдился въ Эрфуртѣ, гдѣ Лютеръ училъ и проповѣдовалъ. Съ 1508 г., когда Лютеръ перешелъ въ Виттенбергъ, число слушателей въ университетѣ весьма возрасло, потому что въ то время богословіе слушало множество людей, даже тѣ, которые дѣлались юристами или медиками. Изъ 200 человѣкъ, занесенныхъ до 1508 г. въ списокъ студентовъ, въ слѣдующіе года число ихъ возрасло до 600 или 800, а впослѣдствіи даже до нѣсколькихъ тысячъ, и виттенбергскій университетъ совершенно затмилъ эрфуртскій и лейпцигскій. Мы не будемъ распространяться о томъ, что говорилъ Лютеръ, потому что пишемъ политическую, а не церковную исторію. Замѣтимъ только, что Лютеръ сталъ учить и проповѣдовать по библіи, между тѣмъ какъ библейское ученіе съ теченіемъ времени совершенно отдѣлилось отъ ученія римской церкви. Руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, Лютеръ напалъ на такъ называемыхъ ученыхъ богослововъ, выработавшихъ свой особенный варварскій языкъ; но онъ нападалъ на нихъ не съ той стороны, какъ Рейхлинъ въ спорѣ съ Фефферкорномъ и его друзья въ «письмахъ темныхъ людей» (стр. 195). Рейхлинъ и сподвижники его требовали вкуса, искусства, классическаго стиля и классическаго языка, что годилось для знати. Лютеръ же хотѣлъ простоты и патріархальности нравовъ, и дѣйствовалъ въ духѣ народа, къ которому въ то время еще принадлежали лучшіе князья и городскія власти. Поэтому Лютеръ весьма мало принималъ участія въ спорѣ Рейхлина и его эстетическихъ друзей съ грубыми и невѣжественными монахами; онъ изучалъ отцовъ церкви, библію, древнихъ и ученые языки не ради филологіи и классическаго стиля, но чтобы быть въ состояніи доказать, основываясь на библіи, что средневѣковыя занятія папскихъ теологовъ годны только для болтовни, но вредны для души. Онъ зналъ народный языкъ лучше всѣхъ позднѣйшихъ писателей, кромѣ Лессинга (Гёте писалъ не для народа). Народъ стремился на проповѣди Лютера, тысячи впечатлительныхъ юношей стекались на его университетскія лекціи; монахи же злобствовали.

Хотя до 1512 года Лютеръ былъ строгимъ проповѣдникомъ вѣры и покаянія и, ссылаясь на Августина, касался римскаго ученія о благодати; но онъ былъ очень остороженъ. Только съ 1512 г., когда онъ сдѣлался докторомъ богословія, онъ началъ нападать на главные авторитеты схоластической догматики, знаменитыхъ схоластовъ Бонавентуру и Ѳому Аквината, называя ихъ явными еретиками (пелагіанцами). Это было оригинальное школьное препирательство, такъ какъ Лютеръ имѣлъ свой взглядъ на благодать и на ея дѣйствіе, котораго не раздѣлялъ даже Эразмъ, хотя до разрыва Лютера съ папою, Эразмъ и Рейхлинъ считали его сподвижникомъ своимъ въ борьбѣ съ обскурантами. Вскорѣ Лютеръ поссорился съ доминиканцами, озлобленными на него еще съ 1515 г., съ Пиркгаймеромъ, Муціаномъ и Экомъ. Эти ссоры, возникшія до 1517 года, не относятся къ нашему разсказу, потому что для насъ интересно только то, что придало школьнымъ перебранкамъ политическое значеніе. Такое значеніе имѣли нападки Лютера на римскую торговлю индульгенціями. Нападеніе это со стороны человѣка, обладавшаго энергіей, популярностью и талантомъ, должно было или подвергнуть его участи Гуса и Іеронима Пражскаго, или произвести расколъ въ церкви, которая такъ искусно созидалась въ продолженіе многихъ столѣтій, что было нельзя тронуть ни одного камня безъ ущерба всему зданію. Онъ, вѣроятно палъ бы, еслибы нѣмецкій народъ не стремился въ это самое время къ религіозной и политической свободѣ, и если бы государи того времени не принадлежали большею частью къ народу по сердцу, по языку и по духу. Лютеръ выразилъ это коротко и сильно, говоря, что Богъ, желая возвратить нѣмецкій народъ отъ лживой схоластики къ простой христіанской истинѣ, избралъ его своимъ орудіемъ.

Папа Юлій II началъ строить храмъ св. Петра; Левъ X, покровитель всѣхъ искусствъ, точно также процвѣтавшихъ тогда въ Италіи, какъ во время

Перикла въ Аѳинахъ, продолжалъ эту постройку; кромѣ того, онъ жилъ въ Римѣ съ баснословною роскошью и потому былъ принужденъ не пренебрегать ничѣмъ, чтобы добыть денегъ. Средства придумывались самыя разнообразныя; изъ нихъ мы упомянемъ о самомъ гнусномъ—продажѣ отпущенія грѣховъ; странствующіе монахи развозили эти индульгенціи и, какъ рыночные торгаши, продавали свой товаръ, въ томъ числѣ даже прощенія будущихъ грѣховъ. Папа отдалъ продажу индульгенцій на откупъ, за что получилъ порядочную сумму; примасъ германскій, архіепископъ майнцскій Альбрехтъ, дѣлилъ съ нимъ барыши и пріискивалъ безстыдныхъ монаховъ, разъѣзжавшихъ повсюду и продававшихъ разрѣшенія. Архіепископу Альбрехту, человѣку образованному и расположенному къ новой наукѣ, торговля индульгенціями была съ руки, потому что ему приходилось много платить папѣ за такъ называемый паліумъ; къ тому же, владѣя, противно церковнымъ уставамъ, въ одно и то же время двумя архіепископствами (майнцскимъ и магдебургскимъ) и епископствомъ, онъ долженъ былъ жить въ ладу съ папой. Коммиссаромъ архіепископа для продажи индульгенцій былъ доминиканецъ Т е ц е л ь, который съ 1517 г. въ продолженіе трехъ лѣтъ развозилъ индульгенціи и выкликалъ ихъ на базарѣ, какъ разнощикъ; онъ дошелъ до того, что взялъ себѣ помощника, который велъ себя всюду еще безстыднѣе, чѣмъ Тецель. Церковь учила, что множество мучениковъ и святыхъ церкви имѣли такое обиліе заслугъ передъ Богомъ, что изъ нихъ составилось сокровище, которое глава видимой церкви можетъ дарить или продавать вѣрующимъ, имѣющимъ мало заслугъ или даже совершившимъ тяжкіе грѣхи. Съ перваго взгляда видно, куда могла повести подобная теорія. Тецель и его помощникъ пользовались ею для сбыта своего товара; люди же, подобные Льву X и Альбрехту майнцскому, вѣроятно, въ душѣ не оправдывали ее.

Наконецъ Тецель открылъ свою лавочку близъ Виттенберга въ Ютербокѣ и Цербстѣ, и когда Лютеръ требовалъ отъ своихъ духовныхъ дѣтей покаянія, они въ отвѣтъ ссылались на индульгенціи, купленныя ими. Тогда набожный, но очень вспыльчивый Лютеръ вышелъ изъ себя и, говоря его словами: «Когда множество народа бросилось изъ Виттенберга въ Ютербокъ и Цербстъ за индульгенціями, я, клянусь Господомъ моимъ Іисусомъ Христомъ, не зналъ, подобно всѣмъ прочимъ, что такое отпущеніе, и сталъ осторожно проповѣдывать, что можно бы дѣлать что нибудь получше и повѣрнѣе, чѣмъ покупать разрѣшенія». Такой проповѣдникъ, какъ Лютеръ, превосходно владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, противопоставлявшій звучнымъ фразамъ классическихъ ученыхъ задушевное краснорѣчіе (Pectus facit disertum), и бывшій самымъ популярнымъ человѣкомъ въ народѣ и молодежи, былъ опаснымъ соперникомъ невѣжественному монаху, знавшему только діалектику. Тецель бранилъ и проклиналъ его или, какъ наивно говоритъ Матезій: «Онъ проклиналъ, ругалъ и бранилъ Лютера архіеретикомъ, какъ подобаетъ защитнику индульгенцій». Лютеръ вышелъ изъ себя и предложилъ своему противнику поединокъ, какъ дѣлали тогда ученые, подражая рыцарямъ. Рыцарь бросалъ перчатку или посылалъ противнику вызовъ; ученый же публиковалъ своей тезисъ и вызывалъ противника опровергнуть его на публичномъ диспутѣ. Лютеръ сдѣлалъ это наканунѣ праздника всѣхъ святыхъ 1517 г.; онъ прибилъ къ дверямъ замковой церкви въ Виттенбергѣ 95 параграфовъ и предлагалъ защищать ихъ. Мы не будемъ говорить о содержаніи этихъ параграфовъ; для нашей цѣли достаточно сказать, что споръ двухъ монаховъ о церковномъ ученіи произвелъ расколъ въ церкви и въ государствѣ, чего не подозрѣвалъ и самъ Лютеръ, публикуя свои тезисы *).

Девяносто пять тезисовъ Лютера скоро распространились не только по всей

---

*) «Когда я началъ дѣло противъ индульгенцій», говоритъ онъ: «я былъ такъ полонъ, напоенъ папскимъ ученіемъ, почти потопленъ имъ, что готовъ былъ на великое усердіе и еслибъ могъ, убилъ бы или, по крайней мѣрѣ, радовался бы и помогалъ убійству всѣхъ, кто не повинуется хотя одной буквѣ папской воли». (Da ich die Sache wider das Ablasz anfing, war ich so voll und trunken, ja so ersoffen in des Pabst Lehre, dasz ich für groszem Eifer bereit wäre gewesen, wenn's in meiner Macht gestanden, zu ermorden, oder hätte ja zum wenigsten Gefallen daran gehabt und dazu geholfen, dasz ermordet waren alle die, so dem Pabste in der geringsten Sylbe nicht hätten wollen gehorsam sien.)

Германіи, но и по всей Европѣ; охотниковъ оспаривать ихъ однако не нашлось. Тецель два раза публиковалъ возраженія на нихъ, и о вторыхъ возраженіяхъ его происходилъ 20 января 1518 г. диспутъ во Франкфуртѣ-на-Одерѣ. Вѣроятно, невѣжественный Тецель убѣдилъ франкфуртскаго профессора и доктора богословія Вимпину написать возраженія, въ которыхъ схоластическое папское ученіе защищалось противъ Лютера. При этомъ Тецель ругалъ страшнымъ образомъ, хотя прямо не называя Лютера, преступную ересь и наконецъ въ качествѣ духовнаго судьи велѣлъ сжечь параграфы Лютера. Въ отместку друзья Лютера сожгли въ Виттенбергѣ, хотя, какъ онъ говоритъ, помимо его вѣдома и желанія, возраженія Тецеля.

Съ этого времени доминиканцы, которымъ были тогда предоставлены церковныя и свѣтскія каѳедры и право духовнаго суда, яростно проповѣдовали противъ августинскаго монаха, призваннаго курфирстомъ Фридрихомъ въ Виттенбергъ, по рекомендаціи провинціала его ордена, Штаупица; надо согласиться, что Лютеръ не остался у нихъ въ долгу. Онъ основательно зналъ терминологію эйслебенской черни, что впослѣдствіи и доказалъ. Лютеръ былъ человѣкъ смѣлый; сначала онъ долженъ былъ обратиться къ народу. Мы конечно не отрицаемъ его грубости, но она, какъ мечъ, разсѣкла узелъ, котораго никогда бы не развязали льстивыя придворныя рѣчи Эразма и мягкость Меланхтона. Говорятъ, что императоръ Максимиліанъ тотчасъ же понялъ это; но мы не рѣшаемся привести его слова, потому что даже прилежный Геберлинъ не нашелъ ихъ тамъ, гдѣ они должны бы были находиться. Отвѣтъ Лютера на возраженія Тецеля доказываетъ, что онъ разсчитывалъ на поддержку своего государя: «Я, докторъ Мартинъ Лютеръ, въ Виттенбергѣ, если найдется кто нибудь думающій, что можетъ ѣсть желѣзо и взрывать скалы, пусть знаетъ, что найдетъ здѣсь вѣрное убѣжище, открытыя двери, даровое пристанище и продовольствіе по милостивому слову достохвальнаго и христіанскаго государя, герцога Фридриха курфирста въ Саксоніи *).» Въ первыя же недѣли 1518 г. это преніе превратилось въ споръ о значеніи римскаго престола и о томъ, должно ли давать важнѣйшимъ схоластическимъ писателямъ вѣсъ въ вопросѣ о сущности христіанства. По неосторожности двухъ богослововъ, занимавшихъ важное мѣсто въ церковной іерархіи, дѣло Лютера стало дѣломъ всей нѣмецкой имперіи, и когда въ него вмѣшался папа Левъ X—дѣломъ всего христіанства. Сильвестръ Пріэріасъ, доминиканскій монахъ и папскій придворный (Magister Sacri Palatii), и Іоганнъ Экъ, проканцлеръ ингольштадтскаго университета и каноникъ эйхштедтскій, приняли на себя защиту ученія, на которое нападалъ Лютеръ; но они дѣйствовали такъ неблагоразумно, что исказили самый характеръ этого ученія. Пріэріасъ посвятилъ свой памфлетъ папѣ, при дворѣ котораго жилъ, но доказалъ имъ, что такъ же неспособенъ состязаться съ Лютеромъ, какъ въ XVIII ст. гамбургскій пасторъ Гетце—съ Лессингомъ. Пріэріасъ издалъ противъ Лютера діалогъ, на который Лютеръ написалъ отвѣтъ, все еще весьма умѣренный сравнительно съ позднѣйшими его сочиненіями противъ ученія и сторонниковъ папской церкви. Римскій придворный доминиканецъ относился въ своей книжкѣ къ Лютеру такъ, какъ и у насъ еще относятся къ своимъ противникамъ знатныя особы, благоволящія взяться за перо писателя. Лютеръ, въ характерѣ котораго было нѣсколько санкюлотизма, разумѣется, не могъ стерпѣть. Что касается тона, которымъ римскій придворный осмѣливался говорить папѣ о Лютерѣ, на котораго уже всѣ смотрѣли, какъ на гордость нѣмецкой націи, то о немъ можно судить по слѣдующему образчику: «Нѣкто (nescio quis) Мартинъ Лютеръ, говоритъ онъ, поднимаетъ свою дерзкую выю противъ самой истины и противъ священнаго престола.» Далѣе авторъ увѣряетъ, что чувствуетъ себя довольно сильнымъ, чтобы не бояться въ предстоящей борьбѣ самого дьявола, и жаждетъ посмотрѣть, желѣзный ли носъ у этого Мартына и мѣдная ли у него голова. Изъ подобныхъ пошлостей состоитъ все сочиненіе. Лютеру легко было показать, что за жалкій шутъ этотъ монахъ, собирающійся бороться съ чортомъ.

---

*) Hie bin ich zu Wittenberg, Doctor Martinus Luther, und ist etwa ein Ketzermeister, der sich Eisen zu fressen und Felsen zu reiszen bedünkt, dem lasse ich wiszen, dasz er hab' sicheres Geleit, offene Thor, frey Herberg und Kost darin durch gnädige Zusage des löblichen und christlichen fürsten Herzog Friederichen Kurfürsten zu Sachsen.

Нападки римскаго доминиканца не такъ раздосадовали Лютера, какъ поступокъ одного изъ знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ богослововъ, который выступилъ за римскую продажу индульгенцій, огорчавшую всѣхъ честныхъ нѣмцевъ. Іоганнъ Экъ въ Ингольштадтѣ написалъ епископу эйхштедтскому язвительныя замѣчанія (obelisci) на тезисы Лютера; замѣчанія эти хотя не были напечатаны, но распространялись въ рукописяхъ. Это тѣмъ болѣе разсердило Лютера, что хотя онъ спорилъ объ этомъ съ Экомъ, но былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ и въ перепискѣ. Онъ написалъ противъ обелисковъ Эка свои астериски. Мнѣніе, выраженное Лютеромъ въ этомъ сочиненіи, о знаніяхъ и наукѣ надменнаго и гордаго ученаго, привело послѣдняго въ такую ярость, что онъ успокоился только тогда, когда впуталъ въ это дѣло папу. Въ возраженіи своемъ Лютеръ говоритъ, что во всемъ хаосѣ этихъ обелисковъ онъ не нашелъ ничего ни изъ священнаго писанія, ни изъ отцовъ церкви, ни изъ постановленій соборовъ, но что все, приводимое Экомъ, есть суетное мудрствованіе, ничтожная діалектика (omnia scholasticissima, omnia opiniosissima) и пустыя бредни. Въ числѣ задѣтыхъ Лютеромъ защитниковъ папскаго и схоластическаго ученія былъ кельнскій великій инквизиторъ Гоохстратенъ (стр. 196), преданный Гуттеномъ, Кротусомъ и другими во время ссоры съ Рейхлиномъ на посмѣшище всему свѣту; они не замедлили еще въ 1518 г. довести дѣло до папы. Не задолго до вмѣшательства папы, Лютеру удалось своимъ краснорѣчіемъ разъяснить многимъ свою мысль о значеніи ученаго богословія и о непогрѣшимости папы, которую онъ начиналъ слегка задѣвать. На общемъ собраніи ордена августинцевъ-эремитовъ въ Гейдельбергѣ въ концѣ апрѣля 1518 г. онъ произнесъ блистательную рѣчь въ присутствіи Буцера, Вренца, Шнепфа и Теобальда Билликана, которые стали потомъ распространять ученіе Лютера въ своихъ кружкахъ. Буцеръ примкнулъ къ Цвингли Буллингеру, которые независимо отъ Лютера возбудили швейцарскіе города сбросить папскую власть, между тѣмъ какъ пастушескіе кантоны, Фрейбургъ и Люцернъ и другія мѣстности оставались вѣрны папѣ; такимъ образомъ черезъ шесть лѣтъ въ Швейцаріи, какъ и въ Германіи, началась ожесточенная борьба между двумя фанатизмами. Пфальцграфъ Вольфгангъ, братъ Лудвига V Пфальцскаго, тоже присталъ къ Лютеру, а на вюрцбургскаго епископа, Лоренца Бибру, гейдельбергская рѣчь произвела такое впечатлѣніе, что онъ горячо рекомендовалъ реформатора курфирсту Саксонскому. Курфирстъ взялъ Лютера подъ свою защиту, но далъ понять, что съ своей стороны не намѣренъ ссориться съ папою и императоромъ, требовавшими прекращенія поднявшагося всюду крика о злоупотребленіяхъ римской церкви. Лютеръ покорился; онъ написалъ епископу своей епархіи объясненіе, въ которомъ оправдывался въ своихъ 95 тезисахъ, и весьма покорное письмо къ папѣ, которое послалъ черезъ своего провинціала Штауница. Въ письмѣ этомъ онъ говоритъ между прочимъ: «я вполнѣ убѣжденъ, что голосъ его святѣйшества есть голосъ Христа, который говоритъ и дѣйствуетъ чрезъ него.»

Императоръ былъ уже очень сердитъ на Лютера. Въ августѣ 1518 г. онъ писалъ папѣ изъ Аугсбурга, прося его прекратить брань, строченіе и диспуты о религіи; но при этомъ онъ говорилъ, что если не будетъ прекращена предосудительная торговля римскими индульгенціями, то можно опасаться, что многіе государи и города примутъ сторону Лютера. Еще до полученія письма императора, папа сдѣлалъ шагъ, сильно взволновавшій нѣмецкую націю. Онъ назначилъ въ Римѣ духовный судъ, прокуроромъ въ которомъ былъ назначенъ Сильвестръ Пріэріасъ, бывшій съ Лютеромъ въ сильной ссорѣ. Эта коммиссія скоро окончила предварительное изслѣдованіе, и уже 7 августа Лютеру было прислано приглашеніе, составленное въ іюлѣ, явиться въ судъ въ теченіе шестидесяти дней. Но вслѣдъ за тѣмъ, въ Римъ пришло письмо императора, и сверхъ того курфирстъ Саксонскій также просилъ папу, велѣть изслѣдовать дѣло Лютера въ Германіи нѣмецкимъ епископамъ. Поэтому папа Левъ согласился поручить дѣло Лютера кардиналу Томасу Віо или, какъ его называютъ, Каэтану, такъ какъ онъ родился въ Гаэтѣ. Кардиналъ былъ недавно посланъ, въ качествѣ папскаго нунція, на аугсбургскій сеймъ, гдѣ присутствовали шесть курфирстовъ. Ему было поручено поступить съ смѣлымъ Лютеромъ, какъ съ еретикомъ, если онъ не откажется безусловно отъ всего. Каэтанъ, немедля, хотѣлъ распорядиться этимъ

тѣмъ болѣе, что Лютеръ не задолго до того сильно напалъ на Пріэріаса, который до того превозносилъ значеніе папы, что заслужилъ порицаніе всего духовенства, даже іезуита Маймбурга. Кромѣ того Лютеръ произнесъ и напечаталъ проповѣдь, въ которой отвергалъ право папы отлучать отъ церкви, съ смѣлостью, испугавшею всю Германію.

Курфирстъ Фридрихъ звалъ Лютера въ Аугсбургъ, и онъ поѣхалъ, хотя всѣ отговаривали его отъ этой поѣздки. Онъ сказалъ провизору своего ордена въ Веймарѣ, который предостерегалъ его: «пожалуста, прочитайте за меня Отче нашъ, Господь услышитъ молитву ради своего Сына, Христа, за котораго я веду борьбу» *). Лютеръ отправился въ Аугсбургъ пѣшкомъ и только за нѣсколько миль до города нанялъ тележку, занявъ дорогую рясу у одного пріятеля, чтобы показаться въ приличномъ видѣ. Ему дали императорскую охранную грамоту лишь по прибытіи его въ Аугсбургъ. Онъ имѣлъ три совѣщанія съ Каэтаномъ, который долженъ былъ или убѣдить его публично отречься, или же напугать Лютера и добиться его выдачи. Основываясь на слѣдствіи, произведенномъ надъ Лютеромъ, кардиналъ потребовалъ сначала полнѣйшаго отреченія; но когда Лютеръ протестовалъ противъ подобнаго поступка, онъ согласился на диспутъ съ нимъ. Лютеръ разсказываетъ слѣдующее о своемъ вторичномъ свиданіи съ этимъ важнымъ господиномъ, думавшимъ, что монахъ повергнется передъ нимъ ницъ: «Тогда легатъ закричалъ, чтобы я отрекся, и произнесъ длинную рѣчь изъ сочиненій Ѳомы, думая, что побѣдилъ, и заставилъ меня молчать. Я нѣсколько разъ пытался говорить, но онъ кричалъ и бушевалъ и властвовалъ одинъ. Наконецъ началъ и я кричать» **). Третье свиданіе кончилось тѣмъ, что Каэтанъ велѣлъ монаху уйдти, настаивая на простомъ отреченіи. Пристыженный и раздраженный кардиналъ послѣ трехъ аудіенцій не хотѣлъ принимать письменныхъ возраженій. Положеніе Лютера становилось небезопасно, такъ какъ курфирстъ его уже уѣхалъ. Фридрихъ поручилъ, правда, Лютера своему послу и многимъ членамъ аугсбургскаго магистрата; но уже 19 октября дѣло приняло такой оборотъ, что друзья Лютера неожиданно взяли его и потихоньку выпроводили изъ города, ворота котораго были уже заперты. Штаупицъ досталъ ему лошадь, на которую Лютеръ сѣлъ безъ нижняго и сапоговъ; аугсбургскій сенаторъ Лангемантель отворилъ калитку, и Лютеръ спасся только тѣмъ, что сдѣлалъ въ ночь восемь миль, не останавливаясь. Папа еще не находилъ удобнымъ поступить съ Лютеромъ строже, потому что курфирстъ Саксонскій хотя явно не признавалъ ученія Лютера, но покровительствовалъ ему. Въ январѣ слѣдующаго года умеръ императоръ Максимиліанъ, и Фридрихъ сталъ главнымъ лицомъ въ Германіи. Въ Римѣ не одобряли грубость и вспыльчивость Каэтана; но папѣ дали неблагоразумный совѣтъ издать особую буллу для защиты ученія о власти римскаго престола и отпущенія грѣховъ и предать проклятію противниковъ ихъ, не называя однако никого по имени.

Между тѣмъ, во время отсутствія Лютера, въ Виттенбергѣ надѣлалъ много шума Филиппъ **Меланхтонъ**, **прибывшій** туда не задолго до его отъѣзда. Когда Лютеръ возвратился, Меланхтонъ сталъ его достойнымъ помощникомъ. Въ немъ было все, чего недоставало Лютеру; онъ былъ мягокъ, кротокъ и миролюбивъ, тогда какъ Лютеръ былъ горячъ, вспыльчивъ, грубъ и одностороненъ. Недостатки Лютера были полезны для его дѣла, потому что добродѣтели Меланхтона никогда не произвели бы реформаціи; но его кротость и спокойствіе вновь привлекли къ ученію Лютера всѣхъ, устрашившихся горячности реформатора. Меланхтонъ былъ вполнѣ классически образованъ; онъ помогалъ своему другу Лютеру въ ученыхъ языкахъ и, основательно изучивъ философію Аристотеля, напалъ на схоластическое богословіе, вышедшее изъ нея; но онъ дѣйствовалъ иначе, чѣмъ Лютеръ. Лютеръ, какъ человѣкъ народа, а не школы, опирался въ духѣ народа, на врожденный здравый смыслъ, называемый практическимъ умомъ;

---

*) «Bitt für mich ein Vaterunser, Gott wird seinem lieben Kind Christo, desz meine Sache ist, dieselbe schon erhalten».

**) «Da schrie der Legat, ich soll ein Widerspruch thun, und machet eine lange Rede aus St. Thomas fabeln, meynet und hielt dafür, er hätt mich überwunden und gestillt. Ich hub auch etliche Mal an zu reden, aber er donnert, und schnurret alleweg und herrschte allein. Endlich hub ich auch an zu schreien»,

Меланхтонъ же, напротивъ, какъ человѣкъ школы и науки, видѣлъ въ ходѣ философіи отъ Аристотеля до своего времени старанія человѣческаго ума облечь въ научную форму то, чему учитъ библія.

По отъѣздѣ Лютера изъ Аугсбурга, дѣло его взволновало всю Германію; диспуты его съ кардиналомъ Каэтаномъ были напечатаны противъ воли Лютера и его курфирста. Лютеръ аппелировалъ на кардинала папѣ, а послѣ появленія папской буллы, будущему собору на папу. Папскій камерарій, саксонскій дворянинъ Карлъ фонъ Мильтицъ, пользуясь порученіемъ, возложеннымъ на него папою, сдѣлалъ попытку прекратить религіозный споръ. Папа еще прежде поручилъ Мильтицу передать курфирсту Соксонскому освященную золотую розу, что тогда имѣло такое же значеніе, какъ нынче посылка отъ одного государя другому 1-й степени важнѣйшаго ордена. При попыткѣ окончить споръ Мильтицъ велъ себя чрезвычайно благоразумно; сначала онъ постарался прекратить продажу индульгенцій и съ этою цѣлью отправился въ Лейпцигъ, гдѣ именемъ папы сдѣланъ Тецелю выговоръ и объявилъ ему, что его пороки и проступки заслуживаютъ наказанія. Тецель умеръ еще въ томъ же году. Историки, по своему обыкновенію, говорятъ, что онъ умеръ отъ страха, но, къ несчастію, люди, подобные Тецелю, отъ этого не умираютъ. Съ Лютеромъ у Мильтица были переговоры въ Альтенбургѣ, куда реформаторъ ѣздилъ къ нему по приказанію своего курфирста. Подъ вліяніемъ дружескихъ рѣчей и изъ опасенія грозящихъ непріятностей, Лютеръ хотя не согласился на безусловное отреченіе, но написалъ папѣ покорное письмо. Въ этомъ письмѣ онъ обѣщалъ молчать, если заставятъ молчать и противниковъ его, и изъявилъ готовность подчиниться приговору епископа трирскаго, зальцбургскаго или фрейзингенскаго.

Еще до полученія отвѣта отъ папы, Мильтицъ, послѣ разныхъ подозрительныхъ совѣщаній съ нунціемъ Каэтаномъ, отправился къ архіепископу трирскому, который, не дожидаясь полномочія отъ папы, пригласилъ Лютера въ Эренбрейтштейнъ. Лютеру и его курфирсту это показалось подозрительнымъ, и они отклонили приглашеніе. Но за то Лютеръ давно уже согласился на диспутъ или ученый турниръ съ защитниками схоластическаго богословія. Неизвѣстно, Экъ ли первый бросилъ перчатку своими десятью параграфами, или Лютеръ, объявивъ съ своей стороны тринадцать параграфовъ. Параграфы эти были напечатаны. Диспутъ долженъ былъ происходить въ Лейпцигѣ, гдѣ была резиденція главы герцогской саксонской линіи, герцога Георга, слѣпаго фанатика и суевѣрнаго ханжи. Лютеръ настоятельно требовалъ у Георга стражи, чтобы безопасно вступить въ диспутъ, но ему дали ее лишь по прибытіи его въ Лейпцигъ и то по просьбѣ противника его, Эка. Впрочемъ главнымъ оппонентомъ былъ собственно не Лютеръ, а товарищъ его, Карльштадтъ; онъ еще въ прошломъ году въ Аугсбургѣ согласился на схоластическій турниръ съ Экомъ. Диспутъ начался 19 іюня 1519 г. и продолжался три недѣли при безчисленномъ стеченіи народа. Въ спорѣ Карльштадтъ оказался слабъ; Экъ же въ діалектикѣ былъ сильнѣе Лютера, и притомъ не только Лютеръ, но и Меланхтонъ говорили лишь о библіи и о сердечной сторонѣ религіи; поэтому Экъ могъ хвалиться, что одержалъ побѣду. Въ схоластическомъ отношеніи онъ былъ правъ. Но каждый нѣмецъ, полагавшій религію не въ символикѣ и церемоніяхъ, считалъ правымъ Лютера. При этомъ Меланхтонъ вкратцѣ выразилъ народу свое мнѣніе о той наукѣ, которая вытѣснила изъ школы и римской церкви истинное христіанство и которой онъ былъ знатокъ *).

Экъ убѣждалъ курфирста саксонскаго сжечь книги Лютера; но это не удалось ему. За то онъ достигъ своей цѣли у папы Льва X. Въ 1520 г. онъ поѣхалъ въ Римъ, чтобы выхлопотать проклятіе Лютеру; ему была тайно передана булла, въ которой папа со всѣмъ римскимъ духовенствомъ неслыханно проклинали нѣмецкаго богослова. Экъ долженъ былъ отвезти ее въ Германію и обнародовать. Папа никакъ не подозрѣвалъ тогда, что проклятіе послужитъ сигна-

---

*) De Scholasticis non est, ut multis agam, quibus divinae litterae quidvis sunt potius quam simplices; imo nescio quem Proteum fingunt, cum eas in allegoricos, tropologicos, litterales, grammaticales, historicos sensus transformant et transfundunt in nescio quas lacunas.

ломъ въ церковной и политической революціи. Онъ не видѣлъ того, что предусматривалъ курфирстъ Фридрихъ, писавшій объ этомъ своему вассалу, Валентину Тейтлебену, сдѣлавшемуся вскорѣ потомъ епископомъ гильдесгеймскимъ и находившемуся тогда въ Римѣ; между тѣмъ Экъ и лейпцигскій профессоръ Іеронимъ Эмзеръ убѣждали папу предать Лютера анаѳемѣ *). Конечно, ни ученые, ни прелаты не могли сказать папѣ, что римское иго тягостно не только гражданамъ почти всѣхъ городовъ, но и многимъ нѣмецкимъ князьямъ. Однако онъ могъ бы понять это изъ одного пункта избирательной капитуляціи новаго императора. Этимъ пунктомъ императоръ обязывался: «Отмѣнить все, что римскій престолъ дотолѣ предпринималъ противъ конкордатовъ нѣмецкой націи, и строго наблюдать за точнымъ исполненіемъ ихъ». Послѣ лейпцигскаго диспута самъ Лютеръ выступилъ смѣлѣе и рѣшительнѣе прежняго; съ необыкновеннымъ остроуміемъ и страшною грубостью напалъ онъ на лейпцигскаго профессора Эмзера, какъ предводителя защитниковъ схоластическаго богословія и ихъ ученій. Споръ начался тѣмъ, что Эмзеръ напечаталъ письмо противъ одного чешскаго еретика, при чемъ о многомъ, высказанномъ Лютеромъ на лейпцигскомъ диспутѣ, выражался такъ, какъ будто приписывалъ Лютеру лжеученіе чеха. Отвѣтъ на это письмо, изданный Лютеромъ, есть образецъ краснорѣчія и остроумія, но наполненъ недостойными личностями и грубостями, которыхъ Эмзеръ не могъ оставить безъ отвѣта. Дѣло впрочемъ уже приняло политическій оборотъ, потому что въ январѣ 1520 г. самъ Лютеръ писалъ къ новому императору и нападалъ на ученіе римской церкви о св. причастіи.

Булла объ отлученіи Лютера, изданная папою Львомъ X по неотступному требованію Эка, была готова къ 15 іюня 1520 г. Когда Экъ развезъ и разослалъ ее по Германіи, ею были оскорблены даже имперскіе епископы, которымъ она была сообщена для обнародованія. Они увидѣли въ ней посягательство на свои права, и весьма немногіе согласились обнародовать ее. Въ буллѣ предавались проклятію сорокъ одно положеніе изъ сочиненій Лютера, частью какъ дерзкія и соблазнительныя, частью какъ еретическія. Самому Лютеру предписывалось не позже шести недѣль послать въ Римъ отреченіе или явиться лично; въ противномъ случаѣ, по истеченіи этого срока, онъ будетъ отлученъ и лишенъ имущества и званія не только самъ, но и тотъ, кто будетъ защищать его. Въ Германіи Эку нигдѣ не удалось добиться обнародованія буллы; даже злѣйшій врагъ Лютера, Георгъ герцогъ Саксонскій, запретилъ лейпцигскому магистрату публиковать, пока не получитъ приказанія отъ епархіальнаго епископа (мерзебургскаго).

Лютеръ узналъ о приготовленіи буллы еще задолго до того, какъ Экъ привезъ ее въ Германію, и когда она появилась, онъ уже совершенно разошелся съ римской церковью. Въ книгѣ, подъ заглавіемъ «О христіанскомъ дворянствѣ нѣмецкой націи», написанной въ іюнѣ 1520 г., Лютеръ приглашалъ имперское рыцарство сбросить съ себя папское иго. Въ этомъ сочиненіи онъ доказывалъ, что преимущества духовенства передъ свѣтскими ограничиваютъ наслѣдственныя права каждаго свободнаго нѣмца, въ особенности дворянина. Далѣе онъ доказывалъ, что право папъ, по которому они одни только смѣютъ толковать писаніе и созывать соборы, присвоено ими несправедливо. Рѣзкими и сильными чертами обрисовалъ онъ жадность папъ и ихъ креатуръ, ихъ торговлю приходами, властолюбіе и другіе извѣстные пороки, о которыхъ говорилось тогда во всѣхъ народныхъ пѣсняхъ, во всѣхъ нѣмецкихъ поэмахъ и сатирахъ. Воззваніе Лютера къ рыцарству сильно поддерживалъ Ульрихъ фонъ Гуттенъ своими брошюрами, мастерски задуманными и написанными. И двое самыхъ уважаемыхъ и грозныхъ рыцарей, стоявшихъ во главѣ имперскаго рыцарства, Зильвестеръ Шаумбургъ во Франконіи и Францъ Зиккингенъ на Рейнѣ, предложили Лютеру помощь и пріютъ у себя. Разумѣется, Лютеръ не желалъ, подобно Ульриху фонъ Гуттену, крово-

---

*) Non esse cum nunc qui olim Germaniæ statum, efflorescere bonas artes et litteras et plebejos etiam cognoscendæ scripturæ desiderio teneri, inde fore, si pontifex nonnisi vi ecclesiasticæ potestatis agat et conditionem a Luthero propositam denegato examine doctrinæ recuset, nec ex scriptura sacra testimonia et solida argumenta proferantur, ut maximi sint orituri motus, ex quibus ad pontificen nulla sit reditura utilitas.

пролитія; онъ писалъ ему, что не желаетъ, чтобы Евангеліе защищали насиліемъ и убійствами. Тогда это было совершенно основательно. Но во время шмалькальденскаго союза Лютеръ поступалъ неблагоразумно, доводя эту мысль до крайности и пользуясь своимъ вліяніемъ на наслѣдника Фридриха Мудраго, Іоанна Постояннаго, чтобъ удерживать протестантовъ отъ своевременнаго употребленія силы.

Еще до появленія буллы Лютеръ писалъ Спалатину, что шумъ, поднятый обскурантами, и поведеніе римскаго двора заставляютъ его думать, что не есть ли папа тотъ антихристъ, о которомъ такъ много говорятъ *). Эти слова находятся въ частномъ письмѣ; но и въ сочиненіи къ нѣмецкому дворянству Лютеръ очень безцеремонно обращается съ папой и кардиналами. О первомъ онъ говоритъ, когда онъ является въ свѣтской пышности, защитники его утверждаютъ, что роскошь подобаетъ ему, потому что, по ихъ словамъ, онъ владыка міра. «Но они лгутъ», продолжаетъ онъ: «ибо Христосъ, коего онъ хвалится быть намѣстникомъ и исполнителемъ, сказалъ предъ Пилатомъ: царство мое не отъ міра сего! А они дѣлаютъ папу намѣстникомъ Христа, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дьяволъ до того владычествуетъ, что они утверждаютъ, будто папа выше ангеловъ въ небѣ и можетъ повелѣвать ими; все это дѣло настоящаго антихриста **). О кардиналахъ Лютеръ говоритъ въ томъ же сочиненіи: какой прокъ въ тѣхъ людяхъ, которыхъ называютъ кардиналами? А вотъ какой. Въ Италіи и Германіи много богатыхъ монастырей, обителей, приходовъ и леновъ, которыхъ Римъ не съумѣлъ пріобрѣсть; поэтому нарочно дѣлаютъ кардиналовъ и даютъ имъ епископства, аббатства и монастыри и служеніе Божіе. Оттого теперь Италія почти опустѣла; монастыри разорены, епископства разграблены; сборъ со всѣхъ церквей и аббатствъ идетъ въ Римъ; города рушатся; страна и люди погибаютъ, ибо нѣтъ больше ни богослуженія, ни проповѣди» ***).

Прежде чѣмъ Экъ сталъ развозить по Германіи буллу, Лютеръ въ первыхъ числахъ августа 1520 г. совершенно разошелся съ папской церковью, издавъ книгу о вавилонскомъ плѣненіи церкви; въ началѣ октября вышла его проповѣдь о литургіи, содержаніе которой доказываетъ, что примиреніе между Лютеромъ и латинскою церковью стало невозможно; въ то же время ректору виттенбергскаго университета прислали буллу; но такъ какъ это было сдѣлано неофиціально, то онъ не обратилъ на нее вниманія. Въ своихъ сочиненіяхъ Лютеръ противопоставлялъ свою идеальную церковь, основанную на библіи, латинской, которая образовалась въ теченіе многихъ вѣковъ и была тѣсно связана съ феодальными учрежденіями и государствами. Объ этомъ, разумѣется, можно было поспорить; разрушить существующее государственное учрежденіе (церковь среднихъ вѣковъ) и водворить на его мѣсто новое, основанное на библіи или на философскихъ принципахъ, не такъ легко, какъ устранить злоупотребленія. Этимъ поступкомъ Лютеръ совершенно отпалъ отъ римской церкви. Ученіе это проводилось въ книгѣ о литургіи, и Лютеръ допускалъ только три таинства: крещеніе, покаяніе и причащеніе.

Мильтицъ, находившійся еще въ Германіи, надѣялся однако уладить дѣло. Онъ добился, что Лютеръ еще разъ вѣжливо написалъ папѣ; но стоитъ только привести двѣ фразы изъ письма Лютера, чтобы доказать, что онъ уже не желалъ покоряться: «А ты, святой отецъ, сидишь, какъ овца среди волковъ, какъ Да-

---

*) Ego sic angor, пишетъ онъ въ этомъ письмѣ, ut prope non dubitem, Papam esse proprie Antichristum, quem vulgata opinione exspectat mundus. Adeo conveniunt omnia, quæ vivit, facit, loquitur, statuit.

**) Das ist erlogen; denn Christus, dessen Statthalter und Amtmann er sich rühmet, sprach vor Pilato: Mein Reich ist nicht von dieser Welt! Er ist auch nicht ein Statthalter des erhöhten, sondern des gekreuzigten Christus; aber nun machen sie den Pabst zum Statthalter des erhöhten Christus im Himmel, und haben einige den Teufel so stark lassen in ihnen regieren, dasz sie gehalten, der Pabst sei über die Engel im Himmel und habe ihnen zu gebieten; welches sind eigentlich die rechten Werke des rechten Antichrists.

***) «Wozu ist eigentlich das Volk nütze in der Christenheit, das man Cardinäle nennt? Das vill ich dir sagen. Welsch und Deutschland haben viel reicher Klöster, Stifte, Lehen und Pfarr, die hat man nicht gewuszt basz nach Rom zu bringen, denn dasz man Cardinäle macht» и т. д.

ніилъ среди львовъ, и какъ Езекіиль среди скорпіоновъ. Что можешь сдѣлать ты одинъ противъ такого множества чудовищъ? Даже если бы у тебя было три или четыре благочестивыхъ кардинала, что они значатъ въ этой кучѣ? Лучше бы вамъ отравиться, чѣмъ задумывать помочь дѣлу». Въ другомъ мѣстѣ этого письма, гдѣ вообще личность папы Льва X пощажена, говорится: «Разумѣется, помочь этой бѣдѣ долженъ бы былъ ты и кардиналы; но болѣзнь смѣется надъ лекарствомъ, лошади и колесница не слушаютъ возницы. Вотъ причина, почему мнѣ всегда было грустно, что ты сталъ папой. Римскій престолъ недостоинъ тебя и подобныхъ тебѣ; лучше бы папой быть злому духу, который, разумѣется, болѣе тебя царитъ въ этомъ Вавилонѣ» *). Посылая это письмо въ Римъ, Лютеръ приложилъ къ нему лучшее сочиненіе свое, книгу о христіанской свободѣ, которая должна была разсердить папу хуже всякихъ насмѣшекъ; въ ней кратко и ловко говорилось о предметѣ, о которомъ папская церковь, какъ извѣстно, не хочетъ и знать.

Въ томъ же мѣсяцѣ Лютеръ напечаталъ сочиненіе, въ заглавіи котораго называлъ антихристомъ папу, издавшаго противъ него буллу и сожигавшаго его книги, не будучи въ состояніи завладѣть его особой. Сочиненіе это называлось: «Противъ буллы антихриста». Въ этой книгѣ Лютеръ со всею горячностью своего характера рѣзко нападалъ на принципы и догматы латинскіе, на сколько они основаны не на библіи. О сожженіи книгъ онъ говорилъ очень мѣтко: «Конечно, я знаю, что искусство и злодѣяніе двѣ разныя вещи, и я не уважаю неискуснаго злодѣянія; но сожиганіе книгъ дѣло столь легкое, что имъ могутъ заниматься даже дѣти, не говоря уже о святомъ отцѣ и его великихъ ученыхъ, которымъ, по моему мнѣнію, приличнѣе бы дѣлать что нибудь поискуснѣе, чѣмъ жечь книги» *).

Ульрихъ фонъ Гуттенъ напалъ на папу и на его духовную власть, основанную на средневѣковой догматикѣ, еще сильнѣе въ своемъ діалогѣ (стр. 199). «Буллаубійца». Чего не досказалъ Лютеръ въ своемъ опроверженіи буллы, которую онъ считалъ дѣломъ Эка, а не папы, то впослѣдствіи съ большой силой договорилъ Ульрихъ фонъ Гуттенъ. Онъ издалъ буллу съ комментаріями и воззваніемъ къ нѣмцамъ, выставилъ дѣло Лютера дѣломъ всей нѣмецкой націи и приложилъ къ изданію рѣчь къ папѣ Льву X, сила которой сильно подѣйствовала на всѣхъ образованныхъ нѣмцевъ. Съ этой минуты это дѣло стало государственнымъ, потому что булла была объявлена и признавалась въ весьма немногихъ мѣстахъ. Курфирстъ Саксонскій держалъ себя въ сторонѣ, и два папскихъ нунція тщетно старались убѣдить его удалить или преслѣдовать Лютера. Наконецъ рѣшеніе дѣла было предоставлено новому императору.

5. Карлъ V въ первое время по избраніи въ германскіе императоры.

Когда наконецъ пфальцграфъ Фридрихъ, братъ курфирста Лудвигъ V, привезъ Карлу V офиціальное извѣстіе о его избраніи въ германскіе или, какъ говорили, римскіе короли, и приглашеніе короноваться въ Ахенѣ, Карлу грозила опасность со стороны Испаніи и Франціи. Въ обоихъ испанскихъ королевствахъ

---

*) «Indessen sitzest du, heiliger Vater, wie ein Schaf unter den Wolfen, wie Daniel unter den Löwen und wie Ezechiel unter den Scorpionen. Was kannst du Einiger wider so viel Ungeheuer? Und ob dir schon drei oder vier fromme Cardinäle zuvielen, was wäre das unter solchen Haufen? Ihr müsztet eher durch Gift untergehen, ehe ihr fürnähmet der Sache zu helfen.... Es sollte wohl dein und der Cardinäle Werk sein, dasz ihr diesen Jammer wehret; aber die Krankheit spottet der Arznei, die Pferd und Wagen horchen nicht auf den Fuhrmann. Das ist die Ursach, warum es mir immer leid gewesen ist das du Pabst worden bist. Der römische Stuhl ist deiner und deinesgleichen nicht werth, sondern der böse Geist sollte Pabst sein, der auch gewisz mehr als du in diesem Babylon regieret».

**) «Nun weisz ich wohl, dasz Kunst und Frevel zwei Ding sind, und ich den unkünstlichen Frevel nicht achte; so ist Bücher verbrennen so leicht, dasz es auch die Kinder können, schweig denn der heilige Vater Pabst und seine Hochgelehrten, welchen es je fein anstünde meines Bedünkens, wenn sie etwas mehr Kunst beweiseten, als Bücher verbrennen.

господствовало сильное неудовольствіе; опасный союзъ могущественныхъ городовъ, о которомъ мы уже говорили (стр. 357), грозилъ междоусобною войной, которая могла вспыхнуть по отъѣздѣ короля. Со стороны французскаго короля Франциска I, которому не удалось получить германскую корону, грозила внѣшняя война; притомъ, Францискъ, казалось, совершенно расположилъ къ себѣ короля Генриха VIII англійскаго черезъ его любимца, Уольси.

Уольси, въ лицѣ котораго соединялось тогда безчисленное множество аббатствъ и доходныхъ духовныхъ должностей, былъ съ 1511 г. первымъ министромъ Генриха VIII и накопилъ царскія богатства. Впрочемъ, онъ не думалъ строить, какъ утверждаютъ, козней противъ епископа Фокса уинчестерскаго; изъ актовъ англійской исторіи видно, что Фоксъ еще въ 1516 г. заключалъ договоры. Точно также онъ не изгонялъ и герцога Норфока, который вышелъ въ отставку только въ 1522 г. Но съ 1514 г. Уольси былъ главою кабинета; совѣтники, засѣдавшіе вмѣстѣ съ нимъ, назначались по его же представленію. Архіепископъ Уарэмъ кентерберійскій совершенно удалился въ 1515 г., и Уольси пріобрѣлъ такую силу у Генриха, который былъ безусловно преданъ церкви, что простиралъ свой деспотизмъ даже на папскихъ чиновниковъ. Когда, напримѣръ, нунцій Льва X, Адріанъ Корнето, прибылъ въ Англію для сбора динарія св. Петра, Уольси до тѣхъ поръ надоѣдалъ чрезъ короля папѣ, пока тотъ не отозвалъ нунція; дѣло въ томъ, что Корнето не хотѣлъ выхлопотать кардинальской шапки несмѣтно богатому и вслѣдствіе того безконечно жадному архіепископу. Помощника нунція, Полидора Виргилія, онъ даже посадилъ на шесть мѣсяцевъ въ Тоуэръ. Полидоръ, которому мы обязаны прекрасными замѣтками для англійской исторіи того времени, жестоко отмстилъ Уольси; въ сочиненіи своемъ онъ написалъ о немъ столько дурнаго, сколько могъ придумать. Король французскій и папа поочередно удовлетворяли безграничную алчность Уольси.

Отношенія короля Франциска I французскаго къ Уольси и Генриху VIII измѣнялись нѣсколько разъ со времени заключенія нойонскаго трактата. Примѣромъ тому можетъ служить образъ дѣйствій Франциска относительно епископства Турне. Когда Турне былъ завоеванъ Генрихомъ VIII (стр. 342), папа согласился отнять это епископство у французскаго епископа, сына президента Гильяра, и передать его Уольси въ силу папскаго полновластія или, какъ говорятъ, per provisionem. Но впослѣдствіи, когда папа старался отнять герцогство урбинское у Франческо Марія делла Ровере, чтобы подарить его своему племяннику Лоренцо Медичи, нападеніе французовъ на Урбино поставило его въ такое затруднительное положеніе, что, чтобъ примириться съ ними, онъ сталъ дѣйствовать по желанію Франциска противъ Уольси. Онъ былъ принужденъ лишить англійскаго министра многаго, что прежде даровалъ ему. Но епископство осталось за Уольси до тѣхъ поръ, пока Турне снова не перешелъ къ Франціи. Чтобы убѣдить короля Генриха возвратить эту крѣпость, совершенно отрѣзанную отъ Кале новыми укрѣпленіями города Теруання, Францискъ долженъ былъ вознаградить Уольси за потерю доходовъ съ епископства. Онъ предложилъ ему чрезъ своего посланника ежегодную пенсію въ 12,000 ливровъ и обѣщалъ склонить папу назначить его своимъ легатомъ въ Англіи, такъ какъ англійскій министръ уже былъ кардиналомъ. Подкупленный Уольси воспользовался затруднительнымъ денежнымъ положеніемъ своего короля, чтобы убѣдить его уступить Турне, не приносившій Англіи ни малѣйшей пользы. Францискъ обязался выплатить англійскому королю 600,000 червонцевъ, подъ предлогомъ вознагражденія за оставленные въ Турне боевые снаряды; но, не будучи въ состояніи немедленно уплатить деньги, онъ отдалъ Генриху зажиточныхъ турнейскихъ гражданъ въ заложники. Съ этого времени король французскій черезъ Уольси совершенно привлекъ на свою сторону Генриха; когда обоимъ королямъ не удалось достигнуть нѣмецкаго престола, они, повидимому, окончательно соединились противъ Карла V. Младшая дочь Генриха, Марія, была выдана замужъ за сына и наслѣдника французскаго короля; Францискъ обѣщалъ не злоупотреблять болѣе своими связями въ Шотландіи противъ вдовствующей шотландской королевы и ея молодаго сына, которыхъ Генрихъ взялъ подъ свою защиту. Кромѣ того, оба короля рѣшили лично повидаться другъ съ другомъ близъ Кале, между Гинемъ и Ардромъ; они собрались съ своимъ высшимъ дворянствомъ удивить свѣтъ роскошью и расточительностью на турнирѣ. Генрихъ

уже отправился въ путь, но вдругъ получилъ извѣстіе, что императоръ хочетъ доказать ему свое уваженіе, посѣтивъ его; это вполнѣ расположило къ Карлу чваннаго короля, глупо гордившагося собою, своею властью и саномъ.

Карлъ спѣшилъ въ Германію, гдѣ дѣлами управлялъ братъ его, Фердинандъ. Карлъ желалъ по возможности скорѣе вернуться въ Кастилію, гдѣ дворянство и города были въ высшей степени недовольны, и можно было навѣрно предсказать, что возстаніе, уже вспыхнувшее въ Толедо, распространится въ отсутствіе короля по всѣмъ другимъ городамъ. Чтобы не усиливать неудовольствія испанцевъ назначеніемъ въ должности нидерландцевъ, Карлъ назначилъ донъ Хуана де Лануца вице-королемъ Арагоніи, а донъ Діего де Мендосу графа Мелито — Валенсіи; но съ другой стороны, намѣстникомъ въ Кастиліи онъ оставилъ своего учителя Адріана, сдѣланнаго имъ епископомъ дертозскимъ. 20 мая 1520 г. онъ сѣлъ на корабль въ Ла Коругнѣ. Его сопровождало множество испанскихъ грандовъ и бельгійскихъ придворныхъ, съ прибытіемъ которыхъ въ Германію, нравы при тамошнихъ дворахъ также измѣнились, какъ при Оттонахъ. Къ византійской чопорности присоединились испанская спѣсь и церемонность и бельгійско-французская вѣтреность.

26 мая король высадился въ Дуврѣ въ то самое время, какъ Генрихъ VIII съ многочисленной и блестящей свитой возвратился съ дороги въ Кале и поѣхалъ въ Кентербери. Карлъ отправился къ англійскому двору, чтобъ посѣтить своего дядю, Генриха VIII, и его жену, Катарину. Набожностью онъ расположилъ къ себѣ короля, обѣщаніемъ денегъ — его могущественнаго министра и въ четырехдневное пребываніе въ Англіи уговорилъ Генриха съѣздить въ Нидерланды, надѣясь при этомъ вторичномъ свиданіи уничтожить всѣ результаты свиданія англійскаго короля съ французскимъ.

Едва Карлъ уѣхалъ изъ Англіи, какъ Генрихъ и Франдискъ съѣхались въ такъ называемомъ лагерѣ Золотой Парчи (camp du drap d'or), устроенномъ между Гинемъ и Ардромъ. Оба короля любили великолѣпіе и были расточительны; во время этого свиданія, продолжавшагося восемнадцать дней (съ 7 до 24 іюня 1520 г.), они старались блескомъ и любезностью превзойти другъ друга и не жалѣли денегъ. О громадныхъ суммахъ, потраченныхъ на этотъ эфемерный золотой лагерь, гдѣ палатки были устроены какъ дворцы, на разныя празднества и турниры, можно прочесть у очевидцевъ, дю Белле и Флеранжа, въ ихъ разсказѣ, написанномъ офиціальнымъ языкомъ газетъ. Всѣ издержки со стороны Франціи пропали даромъ, потому что Карлъ безъ труда привлекъ на свою сторону Генриха, когда тотъ посѣтилъ его 10 іюля въ Гравелинѣ. Во время своего пребыванія въ Англіи онъ обезпечилъ себѣ вліяніе Уольси и черезъ него узналъ, какъ дѣйствовать на короля Генриха. Онъ обѣщалъ англійскому министру ежегодную пенсію въ 7000 дукатовъ, далъ ему епископство бадахосское и нѣсколько испанскихъ аббатствъ и даже подалъ надежду на папство, которое могъ доставить ему, какъ императоръ. Въ Гравелинѣ Генрихъ пробылъ только одинъ день; но Карлъ вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ въ Кале, гдѣ Генрихъ согласился заключить договоры, прямо противорѣчившіе всему, что онъ обѣщалъ Франциску. Уольси надѣялся уговорить своего короля уступить французамъ за деньги и Кале, какъ Турне; но одинъ намекъ на эту уступку возбудилъ въ Англіи такое волненіе, что кардиналъ долженъ былъ отказаться отъ этого плана. Франциск также не думалъ болѣе исполнять свои обѣщанія относительно Шотландіи.

Карлъ началъ отправлять должность императора еще до коронаціи, совершившейся 23 октября 1520 г. въ Ахенѣ. Гильдесгеймская усобица и ссора швабскаго союза съ Ульрихомъ Виртембергскимъ особенно обратили на себя вниманіе. Герцогъ Генрихъ Младшій Брауншвейгъ-Вольфенбиттельскій ѣздилъ, какъ мы знаемъ (стр. 357), въ Брюссель, чтобы убѣдить новаго императора отмѣнить пристрастный приговоръ третейскаго суда. Его сопровождала жена Эриха Календергскаго. Имъ удалось получить отъ императора три постановленія противъ герцога Генриха Люнебургскаго и епископа гильдесгеймскаго. Но послѣдніе, по обычаю имперіи, не покорились, а обратились къ третейскимъ судьямъ, прося ихъ ходатайствовать у императора о подтвержденіи произнесеннаго ими приговора. Архіепископъ кельнскій тщетно старался примирить партіи послѣ коронованія Карла въ Ахенѣ. Герцогъ Люнебургскій съ своими союзными графами и

епископъ Іоганнъ гильдесгеймскій прибыли въ Кельнъ и привезли съ собой своего плѣнника, брата Генриха Младшаго; послѣ долгаго и непріятнаго спора о томъ, чей приговоръ долженъ имѣть силу, императора ли, какъ верховнаго судьи, или третейскаго суда, побѣдившая сторона должна была наконецъ согласиться подчиниться рѣшенію, которое въ слѣдующемъ 1521 г. произнесутъ на сеймѣ императоръ и курфирсты. Пока же они должны были освободить плѣнныхъ.

На сеймѣ, созванномъ императоромъ въ Вормсѣ въ 1521 г., герцогъ Эрихъ былъ выслушанъ въ присутствіи всѣхъ князей. Генрихъ Люнебургскій, неявившійся лично, но приславшій сына, былъ такъ раздосадованъ проволочкой рѣшенія, что предоставилъ правленіе своимъ сыновьямъ, Оттону и Эрнсту, а самъ уѣхалъ во Францію. Обыкновенно разсказываютъ, будто онъ сдѣлалъ это, чтобы, не имѣя въ имперіи собственности, безпрепятственно воевать съ императоромъ; но такъ какъ одна изъ современныхъ хроникъ говоритъ, «что онъ былъ занятъ вѣтренными заботами о наложницахъ», то Шпиттлеръ вѣроятно правъ, говоря, что причина рѣшенія герцога сложить управленіе была Анна Кампенъ, а не гильдесгеймская усобица. Императору очень не понравился этотъ поступокъ герцога, и по окончаніи сейма, 27 мая, онъ издалъ строжайшій декретъ по этому дѣлу. Этимъ декретомъ приказывалось обѣимъ сторонамъ подъ страхомъ опалы и лишенія регалій и леновъ, полученныхъ отъ имперіи, передать императору въ теченіи мѣсяца всѣ завоеванные города, замки, мѣстечки и имѣнья и освободить плѣнныхъ; относительно выкупныхъ денегъ и другихъ требованій имъ было приказано подчиниться приговору императорскихъ коммиссаровъ, графа Филиппа Ганау, Эбергарда Кенихштейна и трирскаго оффиціала. Но ни епископъ гильдесгеймскій, ни люнебургцы не послушались этого приказанія и заключили плѣнниковъ, которые не могли заплатить выкупъ, въ ужасныя тюрьмы. Поэтому 24 іюля 1521 г. императоръ объявилъ ихъ въ опалѣ и поручилъ датскому королю Христіану II (по Гольштейну) помогать герцогамъ Вольфенбиттельскому и Каленбергскому выполнить приговоръ.

Запутанные юридическіе споры и подробности новой ссоры, когда герцоги Вольфенбиттельскій и Каленбергскій заняли почти всю страну своего противника и когда наконецъ возвратился изъ Франціи герцогъ Генрихъ Люнебургскій, не относятся къ нашему предмету. Поэтому мы присовокупимъ только слѣдующее. Король Христіанъ былъ слишкомъ занятъ въ Даніи и Швеціи и потому предоставилъ исполненіе императорскаго приговора герцогамъ Каленбургскоту и Вольфенбиттельскому. Герцоги еще въ 1520 году окончили несогласіе съ графами Гойя; въ 1521 г. Филиппъ Гессенскій своимъ вмѣшательствомъ прекратилъ споръ между графомъ Шаумбургомъ и исполнителями приговора, а въ октябрѣ того же года герцоги Саксонскіе примирили ихъ съ Люнебургомъ. Плѣнные были выпущены безъ выкупа, военныя издержки взаимно вознаграждены, а наслѣдственные договоры возобновлены; это называлось «полевымъ договоромъ». Епископъ гильдесгеймскій былъ предоставленъ па произволъ судьбы. Онъ продолжалъ войну и въ 1522 г. передалъ управленіе епископствомъ соборному капитулу и земскимъ чинамъ, а самъ отправился за границу и призвалъ на помощь своего брата, епископа мюнстерскаго, и герцога Карла Гельдернскаго съ его черной шайкой. Но Оттонъ и Эрнстъ Люнебургскій не хотѣли пропускать чрезъ свои владѣнія собранную имъ сволочь, а когда въ концѣ 1522 года умеръ его братъ, епископъ мюнстерскій, онъ былъ принужденъ совершенно отказаться отъ своего епископства.

Война опустошила не только епископство, почти совершенно занятое непріятелемъ, но и владѣніе герцоговъ Эрнста и Оттона Люнебургскихъ; наконецъ Альбрехтъ и Георгъ Саксонскіе заключили въ Кведлинбургѣ миръ весьма невыгодный для Гильдесгейма; онъ былъ утвержденъ 20 октября 1523 г. Такъ какъ епископъ не хотѣлъ и знать о договорѣ, то его совершенно исключили изъ него; въ замѣнъ его соборный капитулъ, городъ Гильдесгеймъ и земскіе чины должны были согласиться уступить брауншвейгцамъ большую часть епископства въ вознагражденіе за издержки приговора, простиравшіяся до трехъ милліоновъ. Меньшая часть епископства, заключавшая въ себѣ городъ Гильдесгеймъ и аббатства Пейна, Штейервальдъ и Маріенбургъ, оставались за ними; но большая часть предоставлялась герцогамъ. При этомъ была сдѣлана дипломатическая закорючка; въ трактатѣ было сказано, что обѣ части, на которыя было раздѣлено епископство, не уступаются и должны «быть неприкосновенны»; Брауншвейгъ и Гильдесгеймъ

различно толковали это выраженіе. Это дало поводъ папѣ, утвердившему, подобно императору, кведлинбургскій договоръ, попытаться снова отнять у брауншвейгскаго дома отданныя ему въ 1523 г. владѣнія. Епископъ обратился къ папѣ и въ 1540 г. добился отъ него благопріятнаго рѣшенія; но императоръ поручилъ дѣло имперскому суду, гдѣ оно пролежало до 1629 г.

Ссора герцога Ульриха Виртембергскаго съ подданными и швабскимъ союзомъ, какъ мы говорили (стр. 365—370), была причиною изгнанія его въ 1519 г. Въ первый разъ Ульрихъ, у котораго оставались только Мюнпельгардъ и Гогентвиль, бѣжалъ Йермерсгеймъ къ Лудвигу V Пфальцскому; ссора членовъ союза между собою и поступки войскъ и предводителей союза въ его странѣ, вскорѣ подали ему надежду, что подданные поддержатъ его противъ союзной арміи, которая очень ослабла. Стратіоты Георга Фрундсберга (стр. 214), пришедшіе съ нимъ изъ Италіи, и разбойничьи шайки Франца Зиккингена распоряжались въ странѣ одинаково, а Вильгельмъ Баварскій вывезъ серебряную посуду, драгоцѣнности и рѣдкости. Дѣйствительно, добрые виртембергцы были не прочь еще разъ попробовать его управленія; но, какъ намъ уже извѣстно, онъ началъ его тѣмъ, что уничтожилъ конституцію или тюбингенскій трактатъ, и поэтому въ октябрѣ 1519 г. союзная армія снова безъ труда изгнала его изъ страны.

Тогда началась ссора между противниками Ульриха. Виртембергцы требовали отъ швабскаго союза назначенія герцогомъ сына Ульриха, Христофора; а союзъ бралъ неслыханныя контрибуціи и не хотѣлъ удалить свои адскія шайки, пока ему не уплатятъ издержекъ, цѣнимыхъ баварцами очень дорого. Наконецъ и Австрія стала посягать на герцогства. Правительство, назначенное для Швабіи, и братъ Карла V, Фердинандъ, управлявшій австрійскими дѣлами до пріѣзда императора, сначала воспротивились назначенію герцогомъ Христофора; потомъ вслѣдствіе ихъ интригъ, Карлъ еще въ Барселонѣ вмѣшался въ эту запутанную ссору. Герцогъ Ульрихъ, бѣжавшій послѣ своего втораго изгнанія въ Швейцарію, обратился, какъ писали швабскому союзу швейцарцы, державшіе въ Золотурнѣ сеймъ, къ курфирстамъ и императору, предлагая. чтобы швейцарскій союзъ, курфирстъ Пфальцскій и императоръ нарядили надъ нимъ судъ. Однако швейцарцы не согласились на это, а императоръ, въ посланіи своемъ изъ Барселоны 7 октября 1519 г. къ правительству, назначенному имъ для Австріи, заранѣе объявилъ, какимъ образомъ намѣренъ устроить дѣло герцога и его многочисленныхъ кредиторовъ, жадныхъ союзниковъ, требовавшихъ денегъ, швабскаго союза, Виртемберга и его чиновъ. Въ этомъ посланіи австрійскому правительству было приказано выбрать изъ своей среды трехъ или четырехъ комиссаровъ и послать ихъ въ Аугсбургъ на швабскій сеймъ, который долженъ былъ происходить въ этомъ городѣ. Комиссарамъ было поручено вступить въ переговоры съ союзными чинами «для того, какъ говорилъ Карлъ, чтобы всѣ земли герцога Ульриха и дѣтей его были предоставлены на охраненіе австрійскому дому, а въ замѣнъ того союзнымъ чинамъ слѣдуетъ обѣщать изрядную плату отъ императора и его брата, эрцгерцога Фердинанда».

На аугсбургскомъ сеймѣ не было и рѣчи объ Ульрихѣ и его сынѣ, Христофорѣ; совѣщались только о томъ, долженъ ли союзъ удержать землю за собой или уступить кому нибудь другому и въ послѣднемъ случаѣ кому именно. Для рѣшенія этого вопроса сеймъ обратился къ господамъ, назначеннымъ управлять Виртембергомъ, и пригласилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Аугсбургъ. Они дали совѣтъ такого рода: «передать герцогство такому лицу, которое могло бы избавить союзные чины отъ набѣговъ и доставить деньги для уплаты долговъ, нетерпящихъ отлагательства, и въ особенности немедленно заплатить союзникамъ, что возстановило бы земскій кредитъ». Союзные чины, которымъ надоѣло слышать упреки за ихъ поступки относительно Виртемберга, рѣшились поэтому свалить всю тяжесть съ себя на кого нибудь болѣе сильнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить требованіе молодаго императора. Но они старались какъ можно дороже продать ему добычу. Еще на аугсбургскомъ сеймѣ 30 ноября 1519 г. было рѣшено уступить земли Австріи, а въ февралѣ 1520 г. все было покончено двумя трактатами. Въ одномъ изъ нихъ четырнадцатью параграфами опредѣлялось сколько Австрія должна заплатить сыну Ульриха, Христофору, дочери его, Аннѣ, и ихъ родственникамъ, а также швабскому союзу. Послѣдній получилъ 120,000

гульденовъ. Второй трактатъ, состоявшій изъ восьми параграфовъ, опредѣлялъ участь дѣтей Ульриха. Ихъ перевезли въ Инспрукъ и назначили сыну 5,000, а дочери 4,000 гульденовъ годоваго оклада. Самымъ замѣчательнымъ изъ императорскихъ уполномоченныхъ, позорно трактовавшихъ о грабежѣ невинныхъ дѣтей Ульриха, былъ чопорный кардиналъ Матвѣй Лангъ, недавно сдѣлавшійся архіепископомъ зальцбургскимъ. Впослѣдствіи Ульрихъ таскался отъ двора къ двору. Хотя онъ владѣлъ еще Гогентвилемъ и Мюмпельгардомъ, но первое владѣніе было ему въ тягость, а Мюмпельгардъ онъ заложилъ.

Австрійское правительство, овладѣвъ Виртембергомъ, безстыдно заложило всѣ монастыри и цѣлые приходы, чтобы выплатить купчую сумму, ничего не потерявъ; за то оно утвердило конституцію или тюбингенскій трактатъ. Карлъ, пріѣхавъ въ Германію, сталъ считать Виртембергъ не залогомъ, а своею полною собственностью. Въ 1522 г., не смотря на общее сопротивленіе, онъ ввелъ своего брата, Фердинанда, во владѣніе этой страною и далъ ему въ ленъ герцогства Виртембергъ и Текъ; это произошло впрочемъ во второй пріѣздъ Карла въ имперію (1530 г.). Карлъ хотѣлъ даже при этомъ распространить на Виртембергъ привилегіи, которыми пользовалась Австрія. Ниже мы разскажемъ, какъ и когда возвратилъ себѣ свое владѣніе герцогъ Ульрихъ.

6. Карлъ V и Реформація до закрытія Вормскаго сейма.

Тотчасъ послѣ коронаціи императоръ Карлъ созвалъ сеймъ въ Вормсѣ, гдѣ долженъ былъ рѣшиться споръ Лютера съ папою и его учеными богословами. Съ перваго появленія Лютера въ 1517 г. (въ то время, какъ папство было еще безспорно господствовавшей религіей) евангеліе проповѣдывалось со всѣхъ каѳедръ, и папа былъ такъ неостороженъ, что проклялъ буллою Лютера; но Лютеръ нашелъ приверженцевъ между князьями, вельможами и городами. Дѣло Лютера сдѣлалось государственнымъ. Это называли возмущеніемъ Лютера противъ папы и папства; и дѣйствительно, Лютеръ, въ изданномъ имъ сочиненіи противъ папской буллы, отказался отъ общенія съ латинскою церковью и поносилъ ее самымъ рѣзкимъ тономъ.

Лютеръ не ограничился рѣзкими, революціонными рѣчами; публичными символическими дѣйствіями онъ возвѣстилъ папѣ, отъ имени народа, что насталъ конецъ его царству и закону, на которомъ оно основано, т. е. декреталіямъ. Папа велѣлъ сжечь въ Римѣ портретъ и сочиненіе Лютера, и когда въ 1520 г. императоръ прибылъ на Рейнъ, онъ добился отъ него приказанія поступить такимъ же образомъ въ Левенѣ, Кельнѣ и Майнцѣ, т. е. въ тѣхъ городахъ, гдѣ и донынѣ среди демократическихъ мечтателей гнѣздятся упорнѣйшіе приверженцы самаго мрачнаго суевѣрія. Лютеръ отмстилъ за это слишкомъ демагогически, такъ что мы не можемъ защищать его. Хотя онъ печатно защищалъ свой поступокъ, но не убѣдилъ насъ. Лютеръ публиковалъ прокламацію, въ которой приглашалъ всѣхъ виттенбергскихъ гражданъ, которые желаютъ присутствовать при сожженіи папской буллы и папскихъ декреталій, отправиться 10 декабря 1520 г. въ девять часовъ утра за городъ, въ сопровожденіи многихъ докторовъ, магистровъ и студентовъ; когда публика собралась, одинъ магистръ сложилъ и зажегъ костеръ, и затѣмъ самъ Лютеръ сжегъ кодексъ каноническаго права со всѣми его дополненіями и нѣкоторыя сочиненія Эка и Эмзера, направленныя противъ него. Наконецъ онъ бросилъ въ огонь папскую буллу и воскликнулъ: «такъ какъ ты осквернилъ святыню Господню, то да пожретъ тебя огнь вѣчный!» Народъ и студенты, любящіе подобныя зрѣлища, радостно привѣтствовали это сожженіе.

Мы и не упомянули бы объ этой сценѣ, еслибъ Лютеръ былъ частный человѣкъ или виттенбергскій профессоръ; но онъ дѣйствовалъ здѣсь, какъ глава партіи, какъ виновникъ начатаго имъ кореннаго преобразованія римской церкви, какъ представитель поколѣнія, воспитаннаго на библіи и классикахъ. Это ясно изъ того, что папа тщетно осаждалъ просьбами важнѣйшаго нѣмецкаго государя Фридриха Мудраго Саксонскаго, дѣйствуя чрезъ Эка и своихъ нунціевъ, кардиналовъ Алеандера и Караччіоли, которыхъ послалъ въ Германію исклю-

чительно противъ Лютера; онъ настаивалъ, чтобы Фридрихъ Мудрый отказалъ реформатору въ защитѣ, запретилъ въ своей странѣ его ученіе и велѣлъ сжечь его сочиненія. Но все это было тщетно. Самъ императоръ рѣшился на подобную мѣру только въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ имперіи. Онъ имѣлъ причину поддерживать дружбу и съ папой, и съ курфирстомъ Саксонскимъ; поэтому онъ не мѣшалъ распространенію ученія Лютера и не противился ниспроверженію ученія и римскаго порядка въ большей части областей; но въ то же время въ Бельгіи и рейнскихъ епископствахъ, гдѣ господствовалъ обскурантизмъ, онъ согласился запретить реформу и сжечь книги Лютера. Алеандеръ именемъ папы требовалъ, чтобы онъ эдиктомъ запретилъ ученіе Лютера во всей имперіи; однако Карлъ нашелъ это невозможнымъ. Вся Германія признала заслугу реформатора.

Императоръ не желалъ дать поводъ думать, что держитъ сторону еретиковъ; это доказывается лучше всего тѣмъ, что въ 1521 г. проповѣдь Лютера сдѣлалась провозвѣстницею революціи. Дѣло обсуживалось въ теченіе цѣлаго ноября императоромъ, курфирстомъ Фридрихомъ, бывшимъ въ то время въ Кельнѣ, Алеандеромъ, Кораччіоли и нѣсколькими фанатическими епископами. Къ курфирсту приставали, требуя, чтобы онъ нарядилъ надъ ученіемъ Лютера слѣдствіе, поручивъ производить его нунцію Алеандеру и доктору Эку, какъ уполномоченнымъ папы. Фридрихъ Мудрый отвѣчалъ папистамъ, что онъ не заступается за доктора Лютера, но что честные и ученые люди полагаютъ, что Лютеръ самъ не зашелъ бы такъ далеко, еслибъ не былъ вынужденъ своими противниками. При томъ никто не допрашивалъ Лютера, и сочиненія его не были признаны ложными или безбожными, чтобы ихъ слѣдовало сожигать. Если же Лютеръ на основаніи ясныхъ текстовъ священнаго писанія и дѣльныхъ доказательствъ будетъ обвиненъ въ ереси, то онъ, курфирстъ, конечно не станетъ защищать его». Вслѣдъ за тѣмъ курфирстъ возвратился домой, а императоръ отправился вверхъ по Рейну. Мы полагаемъ, что отвѣтъ курфирста и его совѣтниковъ на требованіе предать благороднѣйшаго и величайшаго человѣка націи суду его злѣйшихъ враговъ, ободрило его на революціонный поступокъ 10 декабря.

Невѣрующіе дипломаты, бывшіе тайными совѣтниками императора, де Шіевръ и Генрихъ Нассаускій, вскорѣ послѣ отъѣзда курфирста Фридриха, писали къ нему изъ Оппенгейма, что, по настоянію ихъ, императоръ будетъ писать къ нему и требовать, чтобы онъ привезъ съ собою Лютера въ Вормсъ на сеймъ, имѣющій быть въ первыхъ мѣсяцахъ слѣдующаго года. Письмо императора было получено уже послѣ того, какъ Лютеръ сжегъ въ Виттенбергѣ папскую буллу, и Фридрихъ, отвѣчая въ концѣ декабря императору, просилъ его не требовать присылки Лютера въ Вормсъ. Папа, съ своей стороны, издалъ 3 января 1521 года новую буллу, направленную не только противъ Лютера, но и противъ всякаго, кто будетъ защищать его, такъ что всѣ многочисленные князья и рыцари, преданные реформатору, подверглись папскому проклятію. Они были объявлены еретиками, потому что не отреклись въ срокъ, назначенный въ первой буллѣ. Императоръ былъ въ большомъ затрудненіи. Онъ уже дозволилъ курфирсту Фридриху не привозить съ собой Лютера, который былъ заранѣе осужденъ; но важнѣйшіе владѣтели имперіи, часть рыцарства и большая часть городовъ требовали, чтобы Карлъ по крайней мѣрѣ выслушалъ Лютера. Поэтому императоръ снова рѣшился выслушать Лютера на вормсскомъ сеймѣ и разспросить его объ его ученіи или, лучше сказать, припугнуть его присутствіемъ нѣмецкихъ чиновъ. Папскій легатъ Алеандеръ тщетно старался отклонить императора отъ этой мысли, которая давала Лютеру возможность дѣйствовать своимъ краснорѣчіемъ и библейскимъ ученіемъ на нѣмецкіе умы среди блестящаго собранія въ Вормсѣ. Лютеръ ловко и иронически обрисовалъ этого пустаго придворнаго ученаго. «Алеандеръ», говоритъ онъ, «уже по однимъ языкамъ, которые знаетъ, величайшій человѣкъ въ мірѣ. Еврейскій—его природный языкъ, по-гречески онъ знаетъ съ пеленокъ, по латыни учился и выучился. Онъ думаетъ, что принадлежитъ къ старинному дворянству, потому что родился жидомъ; крещенъ ли онъ—неизвѣстно. Но несомнѣнно, что онъ не фарисей, ибо не вѣритъ въ воскресеніе мертвыхъ и живетъ такъ, какъ будто полагаетъ, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ».

Процессъ, которымъ угрожали Лютеру, представлялъ не мало противорѣчій. Попытка какъ нибудь добиться отъ Лютера на вормсскомъ сеймѣ отреченія и по-

тушить яркое пламя возстанія противъ римскаго деспотизма, была безумна и напрасна. Лютеръ и папа, если даже не принимать въ соображеніе сцену 10 декабря, не могли примириться, такъ какъ Лютеръ съ мая 1520 г. по апрѣль 1521 года говорилъ о папѣ и папствѣ рѣзче, чѣмъ рѣшился бы выражаться природный протестантъ, рискуя подвергнуться строгимъ наказаніямъ. Мы докажемъ это нѣсколькими примѣрами. Во второмъ сочиненіи, направленномъ противъ буллы, Лютеръ подробнѣе, чѣмъ въ первомъ, говоритъ о каждомъ отдѣльномъ параграфѣ ея; по поводу ученія о причастіи, онъ замѣчаетъ, что греки и чехи правы, принимая причастіе подъ обоими видами, и затѣмъ продолжаетъ: «И молю васъ Христомъ Господомъ нашимъ, чтобы вы остались тверды въ вашемъ мнѣніи и не дались въ обманъ извращеннымъ, гнуснымъ законамъ римскаго тирана и антихриста, изъ недовѣрія лишающаго христіанъ одного вида и половины причастія, которое Самъ Христосъ и всѣ апостолы давали, и церковь долго употребляла во всемъ мірѣ. Во-вторыхъ скажу, что папа и всѣ его завѣдомые приверженцы въ этомъ дѣлѣ—еретики, отщепенцы, отлученные и проклятые, ибо учатъ иначе, чѣмъ евангеліе». Говоря о Гуссѣ, Лютеръ нападаетъ еще рѣзче на латинскую церковь, къ которой тогда еще считалъ себя принадлежащимъ. «Всѣ положенія Іоанна Гусса», говоритъ онъ, «осужденные въ Констанцѣ, совершенно христіанскія, и я признаю, что папа со своими клевретами дѣйствовалъ тутъ какъ настоящій антихристъ, проклявъ съ Іоанномъ Гуссомъ святое евангеліе и воздвигнувъ вмѣсто него ученіе адскаго дракона». Еще злѣе говоритъ Лютеръ въ сочиненіи противъ итальянца Амвросія Катарина, который былъ потомъ епископомъ козенцскимъ. Это сочиненіе прямо направлено противъ папства и папъ, потому что Катаринъ продолжалъ борьбу за папство противъ Лютера, начатую Пріэріасомъ. Отвѣчая этому ученому, обладавшему впрочемъ большимъ талантомъ и знаніемъ, чѣмъ Пріэріасъ, Лютеръ развиваетъ положеніе, что царство антихриста, описанное въ библіи, есть не что иное, какъ папство.

Въ Вормсѣ предполагалось не изслѣдовать дѣло, а прямо осудить Лютера. Это видно, во первыхъ, изъ того, что Алеандеръ цѣлые три часа говорилъ противъ Лютера, и во вторыхъ, что для допроса Лютера о его религіозныхъ убѣжденіяхъ былъ избранъ Іоганнъ фонъ Экъ, который былъ не оффиціаломъ, какъ утверждаютъ, а канцлеромъ или викаріемъ архіепископа трирскаго, и котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ вышеупомянутымъ однофамильцемъ его, диспутантомъ и издателемъ буллы. Императорскіе придворные подготовили вормсскую сцену съ цѣлью ускорить окончаніе дѣла. На сѣверо-востокѣ Германіи, до Лифляндіи, Курляндіи и Пруссіи, ученіе, позволявшее секуляризировать гроссмейстерства, командорства и помѣстья, дававшіяся доселѣ лишь пожизненно, было принято съ радостью. Въ Саксоніи ему всѣ сочувствовали, и если старый Фридрихъ осторожно уклонялся отъ него, то преемникъ его чтилъ въ Лютерѣ новаго учителя. Лудвигъ V Пфальцскій и Филиппъ Гессенскій еще колебались; но было ясно, что они скоро объявятъ себя въ пользу новаго ученія. Такимъ образомъ императоръ съ одной стороны боялся трехъ сильнѣйшихъ имперскихъ князей, а съ другой не хотѣлъ ссориться съ папой. Карлъ желалъ союза съ папой изъ видовъ, которые имѣлъ на Италію. Папа еще колебался, чью сторону принять въ войнѣ, которая необходимо должна была возгорѣться между Карломъ и французскимъ королемъ, и императоръ могъ грозить ему сдѣлать изъ Германіи вторую Богемію. Но когда впослѣдствіи владѣтельные князья и аристократы обратились къ лютеранству, какъ въ Богеміи демократія къ ученію Гусса, императоръ изъ политическихъ цѣлей сталъ преслѣдовать лютеранство такъ же ревностно, какъ и папа.

Курфирстъ Саксонскій не намѣренъ былъ выдать врагамъ человѣка, котораго вся Европа считала величайшимъ изъ современниковъ, уже за одни латинскія сочиненія его, въ чемъ соглашаются даже Паллавичини, Маймбургъ и другіе лютые враги его. Карлъ, увидя это, изъявилъ ему благосклонность и былъ сначала доволенъ, что курфирстъ не привезъ его; потомъ онъ обѣщалъ Лютеру покровительство, котораго тотъ требовалъ, когда Карлъ пригласилъ его прямо отъ себя, чрезъ имперскаго герольда, въ Вормсъ, чтобы дать отчетъ въ своемъ ученіи. 6 марта императорскій герольдъ Каспаръ Штормъ отправился съ пригласительнымъ письмомъ, которое было написано и адресовано очень вѣж-

ливо *) и съ ручательствомъ въ личной безопасности Лютера на время поѣздки въ Вормсъ и возвращенія въ Виттенбергъ **). Въ этомъ письмѣ Лютера приглашали явиться не позже трехъ недѣль въ Вормсъ. Онъ рѣшился ѣхать, хотя папа въ то самое время внесъ его и всѣхъ его доброжелателей въ длинный списокъ враговъ Рима и Церковной области и въ первый рядъ еретиковъ, исчисленныхъ въ буллѣ «In coena domini».

Въ сопровожденіи дѣльнаго юриста Іеронима Шурфа, Николая Амсдорфа, бывшаго потомъ первымъ протестантскимъ епископомъ въ Саксоніи, и Юста Іонеса, Лютеръ отправился въ Вормсъ въ лучшемъ экипажѣ, какимъ могъ снабдить его виттенбергскій магистратъ. Онъ совершилъ путешествіе при громкомъ крикѣ безчисленнаго народа, стекавшагося со всѣхъ сторонъ; не смотря на императорское запрещеніе, онъ проповѣдывалъ обращеніе къ евангелію въ Эйзенахѣ, Готѣ и Эрфуртѣ при такомъ стеченіи народа, какое нѣкогда было при проповѣди Св. Бернарда (т. II, стр. 628 и т. III, стр. 5). Описаніе почестей, оказанныхъ ему всюду, и сцены въ Вормсѣ, читатель можетъ найдти въ многочисленныхъ исторіяхъ реформаціи, которыя читаются всѣми; мы должны имѣть въ виду только политическую исторію и потому вкратцѣ разскажемъ главныя обстоятельства.

16 апрѣля Лютеръ въѣзжалъ въ Вормсъ въ покрытой полотномъ повозкѣ въ родѣ тѣхъ, въ какихъ нынче ѣздятъ переселенцы и маркитанты. Императорскій герольдъ ѣхалъ впереди; безчисленная толпа народа окружала повозку; много княжескихъ слугъ, дворянъ и городскихъ сенаторовъ выѣхали ему на встрѣчу и сопровождали его при въѣздѣ. На слѣдующій день наслѣдственный маршалъ имперіи, Уценъ или Ульрихъ Паппенгеймъ, ввелъ его въ собраніе сейма, куда Лютеръ страннымъ образомъ явился въ монашескомъ платьѣ. Твердость духа, доказанная Лютеромъ, его увлекательное задушевное краснорѣчіе и смиреніе, съ какимъ онъ, раскаяваясь въ своей горячности, готовъ былъ отречься отъ всѣхъ своихъ рѣзкихъ сочиненій, тогда какъ ничто не могло побудить его отступиться отъ того, что онъ могъ доказать библіей, — все это произвело необыкновенное впечатлѣніе. Чтобы понять силу этого впечатлѣнія, надо знать, что тотъ самый сеймъ, передъ которымъ стоялъ Лютеръ, обратился къ императору съ рѣзкой жалобой на церковныя злоупотребленія, требуя уничтоженія ихъ. Коммиссія, назначенная сеймомъ, составила сто одну просьбу для подачи императору. Даже идеалъ ханжи и фанатика, герцогъ Георгъ Саксонскій, написалъ двѣнадцать просьбъ, въ которыхъ между прочимъ говорилъ о торгѣ индульгенціями почти тономъ Лютера. Свой отвѣтъ сейму, императору и папѣ на требованіе отреченія, Лютеръ приводитъ вкратцѣ въ заключеніи своей удивительной и знаменитой рѣчи. Онъ сказалъ: «Отъ меня хотятъ простаго, прямаго отвѣта, и я дамъ такой, въ которомъ не будетъ ни сучка, ни задоринки (weder Härner noch Zöhne), а именно— пусть побѣдятъ и убѣдятъ меня свидѣтельствами священнаго писанія или ясными доказательствами и доводами. Такъ какъ я убѣжденъ указанными и приведенными мною текстами, и совѣсть моя во власти слова Божья, то я не могу и не хочу отрекаться; ибо не хорошо поступать противъ совѣсти. Вотъ я весь; иначе поступать не могу; да поможетъ мнѣ Богъ; аминь!»

Потомъ перепробовали всѣ средства, чтобы дѣйствовать на Лютера комиссіею, составленною изъ многихъ вдадѣтельныхъ особъ, чрезъ фанатика канцлера или викарія трирскаго, Іоганна фонъ Эка, который отличался такимъ же рвеніемъ, какъ и его однофамилецъ, и наконецъ чрезъ болѣе кроткаго и благоразумнаго баденскаго канцлера Вегуса; но всѣ старанія были тщетны. Лютеръ былъ уже увѣренъ, что вліятельнѣйшіе государи не допустятъ нарушенія императорскаго слова, еслибъ Карлъ былъ даже готовъ на это. Даже герцогъ Георгъ Саксонскій и братъ его, Генрихъ, который жилъ или, лучше сказать, прозябалъ въ Фрейбергѣ, не боялись говорить, что необходимо преобразовать церковь, хотя Георгъ былъ личный врагъ Лютера, а Генрихъ, не смотря на желаніе своей жены, до 1523 г. не рѣшался приступить къ реформаціи. Лудвигъ Пфальцскій ждалъ

*) Honorabili, dilecti, devoto doctori Martino Lutheri.

**) Cum plena securitate ad iter et ad reditum.

только отъѣзда императора, чтобы объявить себя въ ея пользу; Филиппъ Великодушный ландграфъ Гессенскій далъ Лютеру, въ день его отъѣзда изъ Вормса, свободный пропускъ чрезъ свои владѣнія; наконецъ курфирстъ Фридрихъ тайно извѣстилъ его, что по возвращеніи его въ Виттенбергъ, онъ мимоѣздомъ возьметъ его и скроетъ въ безопасномъ мѣстѣ отъ приговора, котораго ожидали отъ императора.

26 апрѣля Лютеръ благополучно уѣхалъ изъ Вормса. Онъ отправилъ назадъ даннаго ему императорскаго герольда, котораго обратилъ въ свою религію; бояться ему было нечего, и притомъ онъ не хотѣлъ ѣхать въ Виттенбергъ прямою дорогой. Онъ зналъ, что замаскированные всадники задержатъ его въ мейнингенскихъ владѣніяхъ и отвезутъ глухими дорогами въ замокъ Вартбургъ близъ Эйзенаха, гдѣ все было приготовлено къ его пріему и содержанію. Это случилось 4 мая при Альтенштейнѣ и Швейнѣ. Пребываніе его въ Вартбургѣ хранилось въ строгой тайнѣ, пока евангелическо-соціалистская дѣятельность Карлштадта не побудила его проповѣдывать противъ утопистовъ, которые хотѣли быть, но не были его учениками.

Въ то время, какъ Лютеръ занимался въ Вартбургѣ переводомъ библіи на нѣмецкій языкъ, а городскія власти и князья болѣе или менѣе измѣняли церковный порядокъ и проповѣдовалось чистое евангеліе, императоръ началъ въ Италіи войну, въ которой ему нуженъ былъ папа. Поэтому, по исчезновеніи Лютера, Карлъ предоставилъ папѣ и его легатамъ неистовствовать противъ него на словахъ. Онъ согласился издать противъ Лютера и его приверженцевъ императорское и сеймовое осужденіе и опалу. Приговоръ былъ постановленъ 25 мая, когда курфирстъ Саксонскій, ландграфъ Гессенскій и многіе другіе члены сейма уже уѣхали изъ Вормса; но чтобы показать, что приговоръ изданъ съ общаго согласія всѣхъ членовъ, Карлъ помѣстилъ его заднимъ числомъ, 8 мая. Императоръ, которому дѣло Лютера было важно лишь своею политическою стороной и который сочувствовалъ искусственному, а не задушевному краснорѣчію, поручилъ Алеандеру, бывшему прежде секретаремъ Цезаря Борджіи, пріискать приличный предлогъ для объявленія опалы и написать этотъ актъ. Читатели могутъ судить по отрывку въ примѣчаніи о томъ, какъ выполнилъ это кардиналъ *).

Дѣло Лютера было второстепеннымъ на вормсскомъ сеймѣ, самомъ блестящемъ и многолюдномъ въ новѣйшее время. Дѣло шло главнымъ образомъ объ учрежденіи имперскаго правительства и о прочномъ устройствѣ имперскаго верховнаго суда, потому что всѣ предвидѣли, что новый императоръ будетъ рѣдко пребывать въ имперіи. Объ этомъ толковали съ 3 января до мая, и Карлъ велъ переговоры съ чинами успѣшнѣе, чѣмъ Максимиліанъ, такъ какъ при немъ находился его воспитатель, де Шіевръ. Де Шіевръ умеръ въ маѣ въ Вормсѣ. Историки говорятъ, что онъ былъ отравленъ съ своимъ племянникомъ, архіепископомъ толедскимъ, испанцами изъ ненависти и зависти; но мы не рѣшаемся повторять этотъ разсказъ.

Въ преніяхъ объ имперскомъ правительствѣ уже ясно видно стремленіе Карла возстановить императорское значеніе и положить конецъ пагубному многовластію. При Максимиліанѣ имперіей правилъ аристократическій сенатъ, а императоръ превратился въ пѣшку. Карлъ хотѣлъ исподоволь и постепенно обратить республику въ имперію и возстановить всѣ монархическія формы. Съ этою цѣлью онъ совершенно измѣнилъ составъ и самую сущность правительственнаго совѣта. Совѣтъ и его президентъ или, какъ онъ титуловался, намѣстникъ императора, со времени вормсскаго сейма были уже не «королевскимъ и имперіи совѣтомъ», а «совѣтъ его императорскаго величества въ имперіи»; намѣстникъ и совѣтники присягали отнынѣ не императору и имперіи, а только императору. Число чле-

---

*) Illum unum (т. е. Lutherum) non ut hominem sed ut diabolum ipsum sub hominis specie ad perniciem generis humani assumta monachi cuculla, plurimorum hæreticorum damnatissimas hæreses jam diu sepultas in unam sentinam congesisse, aliquas etiam de suo excogitasse et sub simulata fidei prædicatione et Evangelicæ veritatis professione omnem Evangelicam pacem et charitatem omnemque rerum ordinem et pulcherrimam denique ecclesiae faciem invertere, labefacare et penitus pessundare moliri.

новъ должно было простираться до 22. Изъ нихъ четверо назначались императоромъ, въ качествѣ главы имперіи и эрцгерцога Австрійскаго; курфирсты назначали каждый по одному; прочіе князья, графы и прелаты—четырехъ; восемь городовъ, поименованныхъ въ актѣ,—двухъ; шесть старыхъ имперскихъ округовъ—шестерыхъ. Всякій разъ, какъ императоръ пріѣзжаетъ въ Германію, правительственный совѣтъ долженъ собираться въ назначенномъ имъ городѣ, но не сѣвернѣе Кельна и не южнѣе Аугсбурга. Правительственный совѣтъ былъ уполномоченъ произносить безаппеляціонныя рѣшенія во всѣхъ имперскихъ дѣлахъ и «противъ враговъ христіанской вѣры». Но это постановленіе было написано въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что императоръ удерживалъ за собою всѣ важныя государственныя, судебныя и ленныя дѣла, и кромѣ того безъ его утвержденія нельзя было заключать внѣшнихъ союзовъ.

Имперскій верховный судъ былъ утвержденъ съ прибавленіемъ къ нему двухъ совѣтниковъ, назначаемыхъ императоромъ. Вестфальскіе тайные суды были оставлены. Но курфирсту Кельнскому было поручено наблюдать за ними и представлять о нихъ доклады. Снова объявили вѣчный земскій миръ, и швабскій союзъ былъ продолженъ на 11 лѣтъ. Наконецъ велѣно было составить проектъ германскаго уголовнаго кодекса, который впослѣдствіи сталъ извѣстенъ подъ именемъ уголовнаго свода Карла V и къ сожалѣнію во многихъ мѣстахъ пережилъ имперію.

Право первородства въ австрійскихъ владѣніяхъ въ германской имперіи не было еще введено, и братъ Карла, Фердинандъ, долженъ былъ получить удѣлъ; это семейное дѣло императора было также рѣшено на вормсскомъ сеймѣ. Наслѣдственное отчужденіе германскихъ земель было признано неудобнымъ; но 28 апрѣля 1521 г. Карлъ предоставилъ своему брату верхнюю и нижнюю Австрію, Штирію, Каринтію и Крайнъ, удержавъ прежнія австрійскія земли въ Швабіи и Эльзасѣ, Тироль, Истрію, Фріуль и область отъ Тріеста до Градиски. Въ февралѣ 1522 г. Карлъ, оставивъ за собой Нидерланды и все наслѣдіе своего отца, Филиппа, отдалъ кромѣ того брату, полагавшемуся во всемъ на его рѣшеніе, земли въ Швабіи и Тиролѣ и потомственно уступилъ ему Виртембергъ, а области въ Эльзасѣ—пожизненно. Въ 1540 Фердинандъ получилъ всѣ Германскія габсбургскія области въ наслѣдственное владѣніе.

7. Отношенія Карла V къ Франціи, Англіи и Италіи до конца 1522 года.

Во время пребыванія своего въ Германіи Карлъ домогался союза съ Львомъ X, безъ котораго ему нельзя было вести войну въ Италіи; поэтому дѣйствія Карла противъ Лютера приписываютъ желанію угодить папѣ. Левъ X помышлялъ не только о расширеніи Церковной области, но и о пріобрѣтеніи для своего семейства Тосканы. Когда въ 1519 г. умеръ во Флоренціи его племянникъ Лоренцо, онъ присоединилъ къ Церковной области его герцогство Урбино, Синигалію и Пезаро, а во Флоренцію послалъ своего двоюроднаго брата, кардинала Юлія Медичи, такъ какъ въ то время онъ еще не думалъ сдѣлать владѣтелемъ Флоренціи Александра Медичи, считавшагося побочнымъ сыномъ Лоренцо, но бывшимъ вѣроятно сыномъ Юлія. Въ 1520 г. и въ началѣ слѣдующаго онъ хлопоталъ о союзѣ съ королемъ Францискомъ I французскимъ, чтобы отнять у испанцевъ Неаполитанское королевство и при раздѣлѣ его увеличить Церковную область; но содѣйствіе Карла V въ дѣлѣ Лютера и надежда пріобрѣсти герцогства Феррару, Парму и Піаченцу и владѣнія императорскихъ вассаловъ въ Церковной области, чего не могъ доставить ему Францискъ, побудили папу разойтись съ Франціей и заключить противъ нея союзъ съ императоромъ.

О союзѣ императора съ папою хлопотали легаты, находившіеся въ Германіи во время вормсскаго сейма (стр. 368). По мнѣнію Робертсона, заключенію этого союза и отклоненію Льва X отъ Франціи содѣйствовалъ донъ Хуанъ Мануэль, уже извѣстный намъ, какъ совѣтникъ Филиппа Бургундскаго (стр. 315). Донъ Хуанъ оказалъ Филиппу такія услуги противъ Фердинанда Католика, что

послѣдній смертельно возненавидѣлъ его и впослѣдствіи велѣлъ даже посадить въ тюрьму; по смерти Фердинанда, Карлъ освободилъ его и отправилъ посломъ въ Римъ, гдѣ онъ завелъ съ Львомъ переговоры. Союзный трактатъ между папою и императоромъ былъ заключенъ 8 мая 1521 г. Главнымъ условіемъ его было то, что если удастся изгнать французовъ изъ Милана, то герцогомъ миланскимъ будетъ сынъ Лудовико Моро, Франческо Сфорца, жившій до сихъ поръ въ Тридентѣ: братъ его, герцогъ Массимиліано Сфорца, находился съ 1515 г. въ плѣну въ Франціи (стр. 349).

Король Францискъ не могъ прямо объявить войны императору и папѣ, зная, что въ такомъ случаѣ Генрихъ VIII соединится съ ними. Поэтому онъ началъ непріязненныя дѣйствія подъ предлогомъ защиты двухъ слабыхъ союзниковъ, молодаго короля Генриха II наваррскаго и Роберта де-ля Марка герцога Буйльона. Генрихъ II былъ сынъ и наслѣдникъ Іоанна д'Альбре, изгнаннаго Фердинандомъ Католикомъ изъ испанской Наварры (стр. 337); впослѣдствіи онъ женился на сестрѣ короля Франциска, Маргаритѣ. Такъ какъ ни онъ, ни отецъ его не отказывались отъ владѣнія этой страной, то Францискъ хотѣлъ воспользоваться междоусобной войной, вспыхнувшей въ Испаніи, чтобы доставить Генриху II его наслѣдство. Кромѣ того Францискъ былъ поручителемъ въ договорѣ о Наваррѣ, въ которомъ испанцы обѣщали изгнанному королю пенсію, но не выполняли обѣщанія. Робертъ де-ля Маркъ герцогъ Буйльонъ былъ долго вѣрнѣйшимъ другомъ Карла V и много содѣйствовалъ его избранію (стр. 364); но судебный приговоръ, произнесенный противъ него въ Нидерландахъ, сдѣлалъ Роберта врагомъ императора. Будучи опекуномъ князя Шиме, Робертъ поссорился съ господиномъ д'Эмери за фортъ, занятый Эмери на французской границѣ, и хотя послѣдній подчинился рѣшенію буйльонскаго рыцарства, но аппелировалъ Карлу какъ своему покровителю. Карлъ, занявшій у него денегъ, которыя возвратить не могъ и не хотѣлъ, выручилъ его изъ бѣды, передавъ дѣло нидерландскому верховному совѣту (conseil souverain des Pays-Bas). Совѣтъ рѣшилъ дѣло въ пользу Эмери, и вслѣдствіе этого герцогъ Буйльонъ былъ принужденъ искать помощи у французскаго короля. Онъ получилъ ее, благодаря интригамъ женщинъ; его жена, невѣстка и сынъ, маршалъ Флеранжъ, вели переговоры съ Луизой Савойской и убѣдили ее примирить герцога съ королемъ, дать ему денегъ и позволить маршалу Флеранжу ввести въ герцогство Буйльонское значительный французскій корпусъ. Чтобы дать Франциску предлогъ вмѣшаться въ споръ, генералъ-прокуроръ парижскаго парламента обвинилъ нидерландскій верховный совѣтъ и послалъ на границу экзекутора пригласить императора или, какъ говорилось въ декретѣ, графа Карла Артуаскаго и Фландрскаго съ президентами и генералъ-прокуроромъ верховнаго суда, явиться лично въ парламентъ. Этотъ поступокъ былъ такъ же оскорбителенъ, какъ и смѣшонъ; герцогъ Буйльонъ также послалъ въ Вормсъ герольда объявить Карлу войну въ присутствіи всѣхъ князей, что даже дю Белле находитъ пышнымъ *).

Война между Карломъ V и принцами, которымъ покровительствовалъ и помогалъ король Францискъ, началась почти въ одно время въ Арденнахъ и въ Пиринеяхъ; она неизбѣжно должна быть породить войну между Карломъ и самимъ Францискомъ. Робертъ де-ля-Маркъ и его сынъ, впослѣдствіи маршалъ Флеранжъ, вели сначала войну въ Нидерландахъ на свой счетъ. Война въ Нидерландахъ началась тѣмъ, что Робертъ де-ля-Маркъ взялъ укрѣпленный городъ на границѣ люксенбургской области. Но Генрихъ Нассаускій, Францъ Зиккингенъ и Эмери собрали грозную армію наемниковъ, и даже епископъ люттихскій, братъ Роберта, объявилъ себя противъ него. Дю Белле, не находя въ томъ ничего дурнаго или удивительнаго, разсказываетъ, что епископъ безъ дальнѣйшихъ околичностей велѣлъ утопить всѣхъ, кого считалъ друзьями брата **). Графъ Нас-

---

*) Envoya le dict Messire Robert, deffier l'empereur en plaine Diette, chose qui fut trouvée et prise tant par l'empereur qu'autres princes en grand desdain, qu'un simple Seigneur (comme Messire Robert) envoyast deffier un empereur, seigneur de tant de pays et de hommes belliqueux.

**) Fit noyer en la rivière de la Meuse quelques habitans de Liège, qu'il ognoissait estre partiaux pour son père.

саускій поступалъ такимъ же образомъ съ защитниками городовъ, взятыхъ имъ въ герцогствѣ Бульйонскомъ. Въ одномъ городѣ онъ велѣлъ немедленно по сдачѣ повѣсить коменданта, де Низелля, и двѣнадцать солдатъ. Въ Мюзокурѣ, гдѣ солдаты продали ему своего коменданта и крѣпость, онъ велѣлъ повѣсить двадцать изъ нихъ и убилъ бы и коменданта, если бы его собственные офицеры не убѣдили его не дѣлать этого.

Большая часть городовъ герцогства Бульйонскаго была завоевана и разрушена императорскими союзниками. Главный городъ Бульйонъ также сдался, а французское войско не пришло на помощь герцогу. Робертъ де-ля Маркъ и сынъ его были ратными товарищами Зиккингена, и при его посредничествѣ герцогъ получилъ шестинедѣльное перемиріе *). Тогда началась война во Фландріи и въ Пикардіи между Карломъ V и Францискомъ I. Войска Карла завоевали Мортань, Сентъ-Аманъ и Турне и разорили Муссонъ и Ардръ. Но они были принуждены снять осаду Мезьера, потому что самъ Францискъ шелъ противъ императорской арміи и вторгся въ Нидерланды; однако онъ принялъ посредничество, предложенное англійскимъ королемъ, и согласился на конгрессъ въ Кале.

На конгрессѣ въ Кале, начавшемся 4 августа 1521, уполномоченнымъ Генриха VIII былъ кардиналъ Уольси, явившійся съ такою роскошью и пышностью, что превзойти его могъ только великолѣпный папа Левъ. Мы уже говорили, что Уольси давно былъ всемогущимъ лицомъ въ Англіи, потому что умѣлъ незамѣтно управлять, какъ ребенкомъ, жестокимъ деспотомъ, гордившимся своимъ могуществомъ и мудростью. Хотя онъ изгналъ изъ Англіи кардинала Адріана Корнето за то, что тотъ не доставилъ ему кардинальской шапки, а помощника его засадилъ въ Тоуэръ (стр. 382), но въ 1515 году, по ходатайству французскаго короля, получилъ кардинальское достоинство. Съ этого времени онъ продавалъ дружбу и расположеніе своего короля то Франциску, то Карлу. Чтобы угодить и польстить смѣшному тщеславію Генриха VIII, Францискъ увѣрялъ, что намѣренъ подчиниться приговору конгресса; но требованія, предъявленныя въ Кале императорскимъ канцлеромъ Гаттинарой, были слишкомъ неумѣренны. Это побудило кардинала Уольси, который передъ отъѣздомъ изъ Англіи хвасталъ, что можетъ уговорить императора на все, отправиться изъ Кале въ Брюгге, чтобы лично объясниться съ Карломъ. Уольси прибылъ въ Брюгге съ блестящей свитой въ 500 всадниковъ. Онъ былъ принятъ съ величайшими почестями и въ продолженіе трехъ дней велъ тайные переговоры съ Карломъ; они написали трактатъ, который былъ потомъ заключенъ въ Кале, но вначалѣ хранился въ тайнѣ.

Возвратившись въ Кале, Уольси объявилъ отъ имени Генриха VIII Франциску и императору, что они должны отозвать свои войска, а касательно завоеванныхъ крѣпостей ждать рѣшенія англійскаго короля. Но когда вмѣсто того Францискъ послалъ подъ предводительствомъ Бониве второе войско въ Наварру, кардиналъ сбросилъ маску безпристрастія и явно перешелъ на сторону императора. 11 октября 1521 года онъ объявилъ, что такъ какъ войну начала Франція, то англійскій король, въ силу прежнихъ договоровъ, долженъ принять сторону императора. Затѣмъ между императоромъ, папою и Генрихомъ VIII былъ заключенъ договоръ, о которомъ Уольси хлопоталъ въ Брюгге. Говорятъ, что Карлъ V привлекъ къ себѣ Уольси надеждою на папскій престолъ, хотя на самомъ дѣлѣ не думалъ исполнять это обѣщаніе. Въ договорѣ, заключенномъ въ Кале, Генрихъ и Карлъ обязались положить предѣлъ завоеваніямъ французскаго короля и съ этою цѣлью вторгнуться весною 1522 г. съ значительными силами во Францію, если до тѣхъ поръ не будетъ заключенъ миръ. Въ другомъ параграфѣ уничтожалось обѣщаніе выдать дочь Генриха VIII, Марію, за дофина и полагалось, что на ней женится императоръ; это условіе было, какъ говорилось, установлено для блага христіанства въ виду турецкой войны, которую предполагали

---

*) Après ceci Messire Robert de la Mark, voyant toutes les forces de l'Allemagne sur ses bras, trouva moyen d'obtenir une trefve de l'empereur pour six septmaines par le moyen de Francisque de Sickiengen son amy et frere juré.

начать. Договоромъ этимъ кончилась въ ноябрѣ 1521 г. война французовъ въ Нидерландахъ.

Въ Пиринеяхъ Францискъ велъ войну сначала также не отъ своего имени; ближайшій родственникъ Генриха II наваррскаго и наслѣдникъ его, еслибъ онъ умеръ бездѣтнымъ, Андре де Фуа сеньёръ де л'Эпарръ, собиралъ войско для завоеванія французской Наварры; Францискъ помогалъ ему деньгами и побуждалъ своихъ вассаловъ вступать къ нему на службу. Въ началѣ это предпріятіе шло чрезвычайно счастливо, такъ какъ въ Испаніи свирѣпствовала междоусобная война, вслѣдствіе чего коннетабль и амиранте Кастиліи отозвали въ Кастилію лучшую часть войска противъ бунтовщиковъ, и даже самъ вице-король наваррскій, герцогъ Нахера, уѣхалъ изъ Наварры по той же причинѣ. Французы заняли всю Наварру тѣмъ болѣе, что Хименесъ разрушилъ всѣ ея крѣпости, за исключеніемъ Пампелуны. Но и Пампелуна сдалась непріятелю, когда былъ опасно раненъ защитникъ ея, Игнатій Лойола, прославившійся впослѣдствіи какъ святой и основатель ордена Іезуитовъ. Къ несчастію, л'Эпарръ не ограничился завоеваніемъ Наварры; спустившись съ горъ, онъ перешелъ Эбро, осадилъ Логрогно и для этой осады привезъ въ равнину тяжелую артиллерію. Скоро онъ былъ принужденъ снять осаду (11 іюня 1521 г.), потому что герцогъ Нахера собралъ значительное войско. Съ вице-королемъ соединились войска амиранте и коннетабля, незадолго передъ тѣмъ одержавшія побѣду надъ мятежниками. Вмѣсто того чтобы поспѣшно удалиться въ горы, л'Эпарръ безразсудно аттаковалъ 30 іюня испанцевъ въ долинѣ Эскиросъ. Онъ потерпѣлъ страшное пораженіе и потерялъ 6000 человѣкъ убитыми; остальныя войска были или разсѣяны, или погибли во время бѣгства. Самъ л'Эпарръ попалъ въ руки непріятеля; но испанецъ, взявшій его въ плѣнъ, самъ привезъ его во Францію.

Затѣмъ испанцы вступили во Францію, и заняли Гасконь, пока не подоспѣла королевская армія. Главнокомандующимъ Францискъ назначилъ любимца своей матери, адмирала Бониве, который считался несравненно лучшимъ придворнымъ, чѣмъ генераломъ. Бониве долго не могъ даже собраться въ дорогу, хотя Сенъ-Жанъ Пье де Поръ еще до его прибытія былъ отнятъ у непріятеля. Весь сентябрь и большая часть октября прошли въ военныхъ приготовленіяхъ, и когда наконецъ Бониве отправился, онъ пошелъ не въ Наварру, а въ Гвипускоа и во время переговоровъ, происходившихъ въ Кале, завоевалъ Фонтарабію, что дало поводъ англійскому королю обвинить Франциска въ стремленіи къ завоеваніямъ.

Для всеобщей исторіи Европы, война, начавшаяся въ 1512 г. въ Италіи, имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ набѣги въ Испанію и Нидерланды. Эта война была вызвана договоромъ, заключеннымъ 8 мая 1512 г. Львомъ X съ Карломъ V, хотя папа былъ еще союзникомъ Франціи (стр. 392); главной цѣлью ея было изгнаніе французовъ изъ Италіи и провозглашеніе миланскимъ герцогомъ Франческо Сфорца. Карлъ, папа и король Францискъ I стали дѣйствовать другъ противъ друга сначала черезъ приверженцевъ, которыхъ имѣли въ городахъ, гдѣ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій происходила постоянно борьба партій; но когда тайные происки ихъ не удались, они открыто взялись за оружіе. Партія папы начала войну тѣмъ, что напала на Генную, гдѣ господствовали французы. Послѣ того французы попытались напасть на Реджіо. Когда обѣ попытки не удались, война стала неизбѣжною.

Въ Генуѣ Фрегозо правили подъ покровительствомъ французовъ, а Карлъ V и папа поддерживали Фіеско и Адорно. Послѣдніе хотѣли напасть на противниковъ и низвергнуть ихъ. Джироламо Адорно долженъ былъ войти въ гавань съ испанскими галерами и призвать къ оружію свою партію въ то время, какъ братъ его, Антоніотто, нападетъ съ горной стороны. Но Оттавіано Фрегозо не допустилъ въ гавань флотъ Адорно и наблюдалъ за партіей ихъ такъ внимательно, что никто не посмѣлъ пошевельнуться. Что касается до попытки французовъ противъ Реджіо, то французскій намѣстникъ въ Миланѣ составилъ планъ овладѣть этимъ городомъ или, по крайней мѣрѣ, стараться, чтобы папскія войска и сторонники дома Сфорца не могли собираться близъ Пармы, откуда папа могъ завладѣть Пармою и грозить Милану. Въ Реджіо собрались всѣ приверженцы дома Сфорца, въ томъ числѣ бывшій миланскій канцлеръ, Петръ Мороне, который перешелъ сперва на сторону французовъ, но потомъ разошелся съ ними

и желалъ воспользоваться неудовольствіемъ миланцевъ на французское правительство. Со времени отозванія Тривульціо, намѣстникомъ Милана былъ Оде де-Фуа, сеньеръ де Лотрекъ. Но онъ жилъ въ Парижѣ, вслѣдствіе интригъ папскаго посланника и матери короля, ненавидѣвшей его какъ члена фамиліи де Фуа, а также потому, что онъ женился на дѣвицѣ д'Альбре. Въ Миланѣ должность намѣстника исправлялъ братъ его, маршалъ де Фуа, сеньеръ де Лекенъ. Присутствіе Мороне и другихъ сторонниковъ Сфорца въ Реджіо внушило Лекену подозрѣніе, и онъ рѣшился внезапнымъ нападеніемъ на папскаго намѣстника Реджіо застигнуть его врасплохъ. Въ твердой увѣренности, что гарнизонъ Реджіо весьма слабъ, онъ внезапно явился 24 іюля 1521 г. передъ городомъ съ 400 всадниковъ и 1000 человѣкъ пѣхоты, и просилъ папскаго намѣстника, историка Гвиччіардини, выйдти къ нему за городскія ворота для переговоровъ. Но Гвиччіардини наканунѣ вечеромъ впустилъ въ Реджіо значительное число свѣжихъ воиновъ. Пока Лекенъ говорилъ съ нимъ въ высохшемъ рвѣ передъ воротами, люди его, желая ворваться въ городъ, завязали ссору съ приверженцами Сфорца, стоявшими на городскихъ стѣнахъ; произошла схватка, и попытка французовъ не удалась. При этомъ миланцы, находившіеся въ Реджіо, убили Александра Тривульціо, и самъ Лекенъ былъ бы взятъ въ плѣнъ или даже убитъ, еслибъ Гвиччіардини не взялъ его съ собой въ городъ и, когда волненіе утихло, отпустилъ въ Миланъ.

Этотъ случай послужилъ папѣ желаннымъ предлогомъ сдѣлать гласнымъ въ кардинальской коллегіи договоръ, заключенный имъ съ Карломъ V. Когда число войскъ и миланскихъ эмигрантовъ возрасло въ Реджіо до значительныхъ размѣровъ, венеціанцы, бывшіе единственными союзниками французовъ, выступили въ походъ. Лотрекъ поспѣшно вернулся изъ Франціи въ Миланъ, предполагая идти противъ соединенныхъ силъ императора, папы, флорентинцевъ и маркграфа Мантуанскаго; но въ Миланѣ онъ не нашелъ ни денегъ, ни войска, между тѣмъ какъ непріятель уже собралъ значительную армію. Союзная армія состояла изъ 6000 чел. флорентинской и папской и того же числа императорской конницы, 4000 хорошей испанской инфантеріи, 6000 итальянскихъ кондотьери и 6 или 8000 нѣмцевъ, граубинденцевъ и швейцарцевъ. Главнокомандующимъ былъ Просперъ Колонна; подъ его начальствомъ Федерико Гонзага Мантуанскій командовалъ папскими войсками, а маркизъ Пескара—императорскими.

Причина, по которой Лотрекъ не могъ ничего противопоставить этой арміи, зависѣла отъ веденія дѣлъ и управленія государствомъ во Франціи. Францискъ I былъ идеаломъ любезнаго француза и, какъ называютъ его сами французы, блестящаго короля. Подобно Лудовику XIV, съ которымъ онъ имѣетъ очень много общаго, Францискъ умѣлъ расположить къ себѣ высшее дворянство турнирами, балами и блестящими празднествами, народъ—разными великолѣпными зрѣлищами, художниковъ—поощреніемъ искусствъ, ученыхъ—собраніемъ книгъ, рукописей и рѣдкостей всякаго рода. Издержки на все это долженъ былъ платить народъ, и пока Маро создавалъ новѣйшую поэзію, а Рабле новѣйшую прозу, дворянство и дворъ уже начали пожирать трудъ народа и презирать нравственность и религію. Даже Миланъ, который щадилъ Лудовикъ XII, терпѣлъ при Францискѣ отъ жестокихъ поборовъ; этотъ богатый городъ считался прибыльною собственностью, Францискъ долженъ былъ угнетать Ломбардію, потому что его расточительность и великолѣпіе, за которыя французскіе ораторы и писатели доселѣ не нахвалятся имъ, не позволяли ему помнить въ счастливыя времена своего царствованія о черномъ днѣ. При самомъ же началѣ войны съ Карломъ V и папою ему пришлось дорого поплатиться за свое легкомысліе. Французская казна была истощена, и не было никакой возможности назначить новые налоги; герцогство же миланское было совершенно разорено гнетомъ саомго Франциска и алчностью французовъ; поэтому множество жителей выѣхали изъ герцогства, а другіе были разорены политическими процессами. Не доставало даже войскъ; они были частію распущены, потому что кончился срокъ ихъ службы, частію разошлись, потому что не получали жалованья. Кромѣ того Францискъ перестал заниматься организаціей стройной пѣхоты, которую думалъ учредить въ первое время царствованія; деньги нужны ему были на другое.

При такихъ обстоятельствахъ Лотреку, разумѣется, не хотѣлось ѣхать изъ

Парижа въ Миланъ, и онъ только тогда отправился, когда королевскій министръ финансовъ (surintendant des finances), Санблансе, побожился ему, что онъ или найдетъ въ Миланѣ, или немедленно получитъ 400,000 талеровъ. Повѣривъ этому обѣщанію, не исполненному даже и въ слѣдующемъ году, Лотрекъ снова призвалъ швейцарцевъ, всегда готовыхъ идти за деньги; они одни могли противиться несравненной испанской пѣхотѣ. Но покинутый своимъ правительствомъ, Лотрекъ долженъ былъ по-турецки добывать деньги для швейцарцевъ. Онъ обложилъ контрибуціей всю Ломбардію, и страшными мѣрами принудилъ всѣхъ, считавшихся зажиточными, отдать ему всѣ наличныя деньги и достать сверхъ того большія суммы. Для французовъ было счастьемъ, что императоръ также нуждался въ деньгахъ, и что Проспер Колонна, расположившійся съ союзною арміею близъ Пармы, дѣйствовалъ медленно и нерѣшительно. Послѣ долгой проволочки, Колонна началъ въ августѣ осаду Пармы и уже взялъ половину города, но отступилъ. Съ обѣихъ сторонъ главную силу составляли швейцарцы. Мы не ручаемся за достовѣрность числа, но говорятъ, что Лотрекъ призвалъ въ Италію 20,000 швейцарцевъ; въ французской же арміи въ Нидерландахъ ихъ было 12,000. Французскаго главнокомандующаго упрекали въ томъ, что онъ, послушавъ неблагоразумныхъ совѣтовъ, не аттаковалъ непріятеля, пока ему служили швейцарцы, которыхъ злило его высокомѣрное, повелительное и хвастливое обращеніе. Въ папскихъ войскахъ легаты, Юлій Медичи и извѣстный Матвѣй Шиннеръ, сносились съ швейцарцами и умѣли надувать добродушныхъ и суевѣрныхъ поселянъ поповскими штуками и популярностью знатныхъ господъ.

Когда Лотрекъ не могъ болѣе платить, войско его стало видимо слабѣть. Сначала онъ расположился лагеремъ за Аддой, но потомъ отошелъ назадъ къ Милану съ 4000 человѣкъ оставшихся у него швейцарцевъ. Въ Миланѣ готовилось вспыхнуть возстаніе, подготовленное въ пользу Франческо Сфорца II и ожидавшее только прибытія Петра Мороне. Отрядъ императорской кавалеріи подъ начальствомъ маркиза Пескары слѣдовалъ за французскимъ генераломъ, и 19 ноября 1521 г. внезапно явился передъ воротами Милана. Войско Лотрека было разсѣяно; братъ его спалъ, а самъ онъ беззаботно ходилъ по улицамъ, когда пришла вѣсть, что маркизъ Пескара впущенъ въ городъ. Онъ поспѣшно уступилъ Миланъ союзникамъ, очистилъ Комо и расположился на зимнія квартиры въ венеціанскихъ владѣніяхъ. Еще въ декабрѣ Петръ Мороне провозгласилъ въ Миланѣ молодаго Франческо Сфорца герцогомъ; но перевезти его изъ Тридента въ Миланъ было трудно, потому что цитадель была еще занята французами. Франческо пришлось пробыть нѣкоторое время въ Павіи, но наконецъ съ большими трудностями онъ добрался до Милана. Лотрекъ снова отнялъ у непріятеля Кремону, и такъ какъ Треццо, миланская и новарская цитадели, Арона и другія мѣста были еще заняты французами, то въ началѣ будущаго года Лотрекъ могъ снова перейти Адду.

Въ это время умеръ Левъ X, всего сорока шести лѣтъ (1 декабря 1521 г.). Уже въ январѣ 1522 г. былъ избранъ на его мѣсто учитель и кастильскій намѣстникъ Карла V, принявшій имя А д р і а н а VI. Онъ пробылъ еще нѣкоторое время въ Испаніи и прибылъ въ Римъ только въ концѣ августа. Вниманіе Италіи было обращено не столько на него, сколько на двухъ членовъ дома Медичи, изъ которыхъ Ю л і й былъ кардиналомъ, а впослѣдствіи папою подъ именемъ Климента VII; онъ принадлежалъ къ старшей линіи дома Медичи и былъ побочнымъ сыномъ брата Лоренцо Великолѣпнаго, Юліана. Другой, І о а н н ъ, происходилъ отъ младшаго брата Косьмы Медичи и былъ членомъ младшей линіи и родоначальникомъ будущихъ великихъ герцоговъ Тосканскихъ *). По смерти Льва X они держались двухъ различныхъ партій. Юлій оставался вѣрнымъ политикѣ покойнаго папы; Іоаннъ, напротивъ того, далъ французамъ небольшой, но превосходный корпусъ, сформированный имъ самимъ. Онъ состоялъ изъ 3000 человѣкъ пѣхоты и 200 всадниковъ, изъ которыхъ первые прославили итальянскую пѣхоту; Іоаннъ тщательно выбралъ и вычилъ ихъ, какъ Наварро свою испанскую пѣхоту. Онъ далъ этому грозному отряду черныя знамена въ знакъ траура по покойному

---

*) См. генеалогическую таблицу т. III, стр. 681.

родственнику своему, Льву X, поэтому ихъ, какъ войска Льва X, и другихъ (стр. 334 и стр. 341), называли впослѣдствіи черными шайками.

Между тѣмъ Джироламо Адорно и Георгъ Фрундсбергъ съ поразительною быстротою провели нѣмецкихъ наемниковъ чрезъ Вальтелину и бергамскую область въ Миланъ, на который Лотрекъ тщетно нападалъ. Убѣдясь въ невозможности взять Миланъ, Лотрекъ обратился противъ Павіи. Маркизъ Пескара, защищавшій этотъ городъ, былъ сильно стѣсненъ непріятелемъ; но на помощь къ нему явился Просперъ Колонна. Лотрекъ думалъ разстроить планы императорскаго генерала искусными маневрами; но швейцарскіе отряды, которыхъ онъ съ трудомъ удерживалъ при себѣ, требовали рѣшительной битвы. Они подняли крикъ: «завтра или отпускъ намъ, или битву!» Поэтому Лотрекъ принужденъ былъ противъ воли начать сраженіе, хотя войско Проспера Колонны стояло за глубокимъ оврагомъ. Сраженіе произошло 29 апрѣля 1522 г. близъ виллы Бикокка, около 1½ мили отъ Милана, и кончилось совершеннымъ пораженіемъ французской арміи. 8000 швейцарцевъ Лотрека, начинавшіе битву, увидѣли, что настало время, когда личной храбрости и силы недостаточно, и для побѣды нужны артиллерія и тактика. Противъ нихъ стояли два лучшіе тиктика и стратега XVI столѣтія, Георгъ Фрундсбергъ и маркизъ Пескара; ядра и пули союзниковъ истребляли швейцарцевъ прежде, чѣмъ они дошли до оврага. Не добравшись до непріятеля, швейцарцы лишились 3000 человѣкъ и должны были отступить; впрочемъ они спасли порученную имъ артиллерію и отступили въ порядкѣ. Потери ихъ были бы гораздо больше, если бы Гритти съ венеціанцами и черныя шайки Іоанна Медичи не прикрыли отступленія.

Послѣ пораженія удержать швейцарцевъ не было возможности, и потому Лотрекъ вмѣстѣ съ ними удалился изъ Италіи. Братъ его, маршалъ де Фуа, остался, чтобы спасти, что можно. Король не хотѣлъ принимать Лотрека, который едва добился черезъ коннетабля Карла Бурбона, чтобы выслушали по крайней мѣрѣ его оправданіе. Лотрекъ доказалъ, что единственною причиною потери Италіи была недоставка денегъ, обѣщанныхъ интендантомъ Санблансе. Король, почитавшій министра, какъ отца, потребовалъ отъ него отчета, куда дѣлись 400,000 талеровъ, отпущенныхъ для Италіи. Санблансе квитанціями доказалъ, что ихъ забрала мать короля, Луиза Савойская. Луиза же утверждала, что деньги, полученныя ею отъ Санблансе, были ея собственныя. Кто укралъ деньги, интендантъ ли или королева-мать, мы не беремся рѣшать: однако министръ поплатился за это. Личный врагъ его, канцлеръ Дюпра, назначилъ надъ нимъ комиссію, какъ это съ тѣхъ поръ всегда дѣлалось во Франціи. Подобныя комиссіи составлялись съ цѣлью, во что бы то ни стало осудить обвиненнаго. Санблансе былъ осужденъ и въ 1527 г. умеръ на висѣлицѣ на шестьдесятъ второмъ году жизни.

Со времени Франциска I государственная исторія Франціи вертится на любовницахъ, волокитствахъ, интригахъ женщинъ и придворныхъ. Изъ жизни матери короля французы сдѣлали цѣлый романъ, и вообще трудно довѣрять такимъ сборникамъ анекдотовъ, какъ напримѣръ сочиненіе Брантома. Однако и другіе разсказываютъ о любовницѣ короля, госпожѣ Шатобріанъ, что она дала своимъ братьямъ, Лотреку, Локену и л'Эпарру, возможность погубить французскіе интересы въ Италіи и Наваррѣ. Разсказываютъ на всѣ лады, что мать короля ненавидѣла братьевъ госпожи Шатобріанъ, портила все, что они предпринимали, любила коннетабля Карла Бурбона и потомъ, за отвергнутую любовь свою, преслѣдовала его, и т. п.; мы съ намѣреніемъ пропускаемъ все это.

Въ маѣ 1522 г. французы потеряли и Генную. Лишь только войско Лотрека было разсѣяно, передъ городомъ, защищаемымъ Оттавіано Фрегозо и Педро Наварро, явились съ моря Адорно и Фіеско, а съ горной стороны маркизъ Пескара. Наварро и Фрегозо, ожидавшіе французской помощи, чтобы выиграть время, вошли въ переговоры о капитуляціи съ Адорно. Но маркизу Пескара это показалось слишкомъ скучно; онъ велѣлъ бить бреши и повелъ своихъ солдатъ на приступъ. Когда императорскія войска ворвались въ городъ съ горной стороны, союзники ихъ, занимавшіеся въ гавани переговорами, также бросились рѣзать, грабить и разорять. Антоніотто Адорно получилъ санъ дожа, и французская партія была вытѣснена императорской со всѣхъ должностей. 26 мая Лекенъ былъ принужденъ заключить съ Колонной и Пескарой условіе, по которому обязывался выйти изъ

страны, очиставъ всѣ мѣста, кромѣ цитаделей Новары, Милана и Кремоны, если по истеченіи сорока дней въ Италію не придетъ новое французское войско. По прошествіи этого срока онъ удалился.

Въ 1522 г., императоръ Карлъ V, на пути въ Испанію, заѣхалъ въ Англію и убѣдилъ Генриха VIII объявить Франціи открытую войну. Хотя нападеніе англичанъ на сѣверныя провинціи Франціи весьма мало повредило Франциску I, но оно отвлекало его вниманіе и препятствовало безпокоить владѣнія Карла, которыя могъ исключительно заняться дѣлами Италіи и Испаніи.

8. Возстаніе кастильскихъ городовъ противъ Карла I (V).

Мы уже сказали (стр. 355 и 381), что еще до отъѣзда Карла въ Германію, въ Кастиліи начиналось возстаніе городовъ, и въ то самое время, какъ Карлъ уѣзжалъ въ 1520 г. изъ Испаніи, Толедо подалъ сигналъ къ соединенію всѣхъ кастильскихъ городскихъ общинъ противъ министерства и дворянскихъ привилегій. Толедо выставилъ многочисленное инсуррекціонное войско, и два знатныхъ дворянина, Хуанъ де Падилья и Фердинандъ д'Авалосъ, дѣйствовавшіе какъ демагоги, велѣли задержать себя въ Толедо силою, когда Карлъ передъ отъѣздомъ требовалъ ихъ въ Сан-Яго. 17 мая 1520 г. возстаніе вспыхнуло и въ Мурсіи. Здѣсь составилось верховное народное правленіе, прежнія власти потерпѣли жестокія оскорбленія, и на ихъ мѣсто общей подачей голосовъ было выбрано новое правительство. Тоже повторилось и въ Сеговіи. Когда 29 мая депутаты кортесовъ, состоявшіе въ Сеговіи, какъ и вездѣ, изъ старшинъ членовъ городской думы, хотѣли отдать отчетъ въ томъ, что произошло на послѣднемъ собраніи кортесовъ, среднее сословіе возстало и учредило родъ республики. Самора и Вальядолидъ послѣдовали примѣру этихъ городовъ, и даже саморскій епископъ, донъ Антоніо д'Акугна, присталъ къ партіи гражданъ. Мадридъ, Бургосъ, Авила, Гвадалахара и Куэнса тоже примкнули къ движенію.

Епископъ Адріанъ, назначенный Карломъ намѣстникомъ Испаніи, хотя былъ добръ, кротокъ и ученъ, но увлекся надеждой, что строгимъ наказаніемъ Сеговіи можно подавить грозящее возстаніе. Поэтому въ началѣ іюня 1520 г. онъ послалъ въ Сеговію королевскаго чиновника, Ронкильо, котораго жители давно ненавидѣли за его строгость. При помощи Толедо они оказали сопротивленіе войску, приведенному Ронкильо; вспомогательныя войска городовъ, подъ начальствомъ Падильи, Санаты и Браво, принудили королевскій отрядъ къ отступленію. Тогда Адріанъ послалъ на помощь Ронкильо донъ Антоніо да Фонсеку, котораго Карлъ назначилъ главнокомандующимъ всею королевскою арміею. Но когда Фонсека хотѣлъ вывезти противъ Сеговіи орудія, хранившіяся въ арсеналѣ Медины дель Кампо, граждане этого города возстали и не подпустили генерала къ арсеналу. Фонсека велѣлъ штурмовать городъ, и солдаты совершали при этомъ такія звѣрства, что и прочіе города отказались повиноваться, если не королю, то правительству. Толедскіе граждане даже срыли до основанія домъ Фонсеки. Адріанъ испугался и выказалъ все свое малодушіе; онъ объявилъ дѣйствительными всѣ насильственныя мѣры и отрекся отъ распоряженій королевскаго главнокомандующаго. Фонсека отправился въ Португалію, а оттуда во Фландрію къ императору. Такимъ образомъ Падилья достигъ цѣли и сталъ готовиться къ учрежденію республики, которой несчастная мать Карла должна была придать видъ монархіи.

Эти обстоятельства, доставившія союзу городовъ много членовъ, происходили съ половины мая до половины сентября. Но уже въ іюлѣ депутаты всѣхъ городовъ, имѣвшихъ право участвовать въ собраніи государственныхъ чиновъ (кортесовъ), съѣхались въ Авилѣ и условились составить общую хунту или союзъ городовъ. Но они зашли слишкомъ далеко въ своихъ требованіяхъ и этимъ доставили своимъ врагамъ случай возстановить противъ нихъ всѣхъ. Скоро граждане были покинуты сельскимъ населеніемъ и пролетаріями городовъ, и промахи ихъ — что повторялось въ наше время во Франціи—дали поводъ и какъ бы нѣкоторое право совершенно уничтожить гражданскую свободу и ослабить значеніе

кортесовъ. Еще при Карлѣ начали мало-по-малу пренебрегать кортесами; при сынѣ его, Филиппѣ II, оставался уже только призракъ свободы.

Чувство, породившее возстаніе кастильскихъ городовъ, было то же, которое произвело французскую революцію. Это доказываютъ требованія городскаго конвента Авилы. Онъ требовалъ отмѣны дворянскихъ привилегій и преимуществъ, которыя сдѣлали среднее сословіе слугою другихъ, преобразованія кортесовъ, свободы и независимости ихъ совѣщаній, новыхъ общинныхъ порядковъ, лучшаго выбора чиновниковъ, распространенія податей на дворянство и возвращенія государственныхъ имуществъ, отчужденныхъ съ 1504 г. Прежнія городскія власти должны были уступить мѣсто лицамъ, выбраннымъ общей подачею голосовъ. Впрочемъ, во многихъ городахъ выборъ палъ на людей очень не надежныхъ, и это въ самомъ началѣ повредило испанской гражданской революціи.

Приведенныхъ нами требованій достаточно для примѣра; остальныя можно найдти въ спеціальныхъ историческихъ сочиненіяхъ. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, все это ни къ чему не привело.

Правительство, учрежденное авильскою хунтою, отправило депутатовъ въ Германію представить королю свои требованія; но посланные не рѣшились явиться къ Карлу. Между тѣмъ Падилья, отъ имени городоваго конвента, принялъ самыя рѣшительныя мѣры. Онъ насильственно овладѣлъ матерью Карла, которую испанцы, не взирая на ея сумасшествіе, все еще считали царствующей королевой; въ одну изъ ея свѣтлыхъ минутъ онъ вывелъ ее къ народу и вызвалъ хунту въ Тордезильясъ, который назначилъ резиденціей правительства. Но королева Іоанна снова впала въ сумасшествіе, и ее никакъ не могли заставить подписать приготовленные акты. Адріанъ былъ формально отставленъ; ему дозволили только жить въ Вальядолидѣ, не принимая участія въ дѣлахъ, но онъ бѣжалъ въ укрѣпленный замокъ Ріосеко. Хунта принимала такимъ образомъ крайнія мѣры; въ то же время пробудились королевская партія и рыцарство, которыхъ съ сентября среднее сословіе каждый мѣсяцъ глубоко оскорбляло. Они вывели въ поле своихъ вассаловъ. Андалузскіе же города, Севилья, Кордова, Хересъ и Гранада, не хотѣли и слышать о революціи.

Въ концѣ сентября императоръ отправилъ изъ Фландріи въ Испанію Луиса Уртадо и уполномочилъ коннетабля и амиранте помогать войсками регенту Кастиліи (Адріану). Адріанъ находился въ Ріосеко, а коннетабль въ Бургосѣ, и вскорѣ къ нимъ собралось войско, которое было еще усилено корпусомъ амиранте; кромѣ того, какъ мы уже сказали (стр. 394), съ ними соединился герцогъ Нахера. Граждане также выставили многочисленное войско; но у нихъ не было кавалеріи, а пѣхота ихъ не могла противиться опытнымъ королевскимъ полкамъ. Къ тому же имъ не посчастливилось въ выборѣ полководца. Такъ какъ у нихъ не было офицеровъ изъ гражданъ, то они выбрали въ главнокомандующіе знатнаго человѣка изъ рыцарскаго сословія, дона Педро де Жирона. Этотъ выборъ обидѣлъ обоихъ патриціевъ, дона Падилью и дона Педро Лаго, которые думали, что революція обязана имъ очень многимъ; сверхъ того, какъ часто бываетъ при народныхъ движеніяхъ, граждане на каждомъ шагу подозрѣвали своихъ начальниковъ, выбранныхъ изъ другаго сословія, въ измѣнѣ. Въ концѣ ноября донъ Педро де Жиронъ съ 10,000 пѣхоты, 400 латниковъ и 800 легкой кавалеріи двинулся противъ Ріосеко; королевское войско, начальство надъ которымъ амиранте и коннетабль передали донъ Гаро, выступило на встрѣчу ему. Послѣ нѣсколькихъ маневровъ королевская армія, предводимая опытнѣйшими генералами, обошла нестройныя и дурно управляемыя войска хунты, и 1 декабря 1520 г. неожиданно явилась передъ Тордезильясомъ, который былъ взятъ приступомъ; королевскіе генералы овладѣли королевою Іоанною, печатью, архивомъ и частью депутатовъ хунты. Это было смертельнымъ ударомъ для юной республики, палладіумомъ которой была королева. Падилья, замѣнившій Жирона, не могъ поддержать единства и порядка, равно какъ и совѣтъ тринадцати, назначенный ермандадой. Анархія взяла верхъ, и во всѣхъ частяхъ государства забушевала чернь. Это принудило всѣхъ любителей законности примкнуть къ дворянству и къ правительству Карла.

Не стоитъ разсказывать подробности этого междоусобія. Мы должны упомянуть только, что Падилья и епископъ саморскій вступили въ сношенія съ фран-

цузами, которые вторглись въ Наварру подъ начальствомъ де-л'Эпарра (стр. 394). Епископъ былъ такой рьяный революціонеръ, что составилъ отрядъ изъ духовенства, отличавшійся при защитѣ Тордезильяса. Было рѣшено, что войско общинъ приблизится къ французамъ, которые перейдутъ къ нимъ черезъ Эбро. Л'Эпарръ вышелъ изъ Наварры, за которую не безпокоился, и осадилъ Логрогно; но королевское войско помѣшало соединенію городскихъ отрядовъ съ французами. При приближеніи королевской арміи Падилья былъ принужденъ отступить; но 23 апрѣля 1521 г. онъ былъ настигнутъ при Вальятарѣ, на голову разбитъ, взятъ въ плѣнъ съ епископомъ саморскимъ, и оба они казнены. Вслѣдъ за тѣмъ французы были также побѣждены и выгнаны изъ Наварры, и въ теченіи 1521 года въ Испаніи водворился старый порядокъ.

Началась страшная месть и реакція, пока не явился король Карлъ и не объявилъ амнистіи. Толедо долго сопротивлялся, потому что вдова Падильи, **донна Марія Пачеко**, внушала мужчинамъ и женщинамъ геройство и патріотизмъ, которыми отличалась сама. Она пріобрѣла себѣ безсмертную славу; но свобода городовъ погибла безвозвратно. Вдова Падильи бѣжала съ сыномъ въ Португалію, гдѣ умерла печальнымъ образомъ. Въ слѣдующемъ году война продолжалась въ разныхъ мѣстахъ Испаніи; но ее вело почти исключительно дворянство, которому ни тогда, ни потомъ не было дѣла до городскихъ правъ. Впрочемъ это междоусобіе устранило главную причину недовольства правленіемъ Карла. Нидерландцы частью погибли, частью были выгнаны. Адріанъ получилъ папскую тіару и уѣхалъ въ Римъ, а Карлъ сталъ бояться назначать въ Испанію иностранцевъ.

Въ октябрѣ 1522 г. Карлъ возвратился въ Италію; возмущеніе уже было подавлено. Онъ объявилъ амнистію и казнилъ 28 человѣкъ. Мы впрочемъ сомнѣваемся въ этой цифрѣ, потому что въ виду новаго похода, который Францискъ замышлялъ въ слѣдующемъ году, Карлъ долженъ былъ дѣйствовать мягко и осторожно. Онъ не рѣшился даже уничтожить совершенно кортесы, но, воспользовавшись враждой, которую война поселила между сословіями, и униженіемъ средняго сословія, мало по малу лишилъ собраніе чиновъ всякаго значенія. Онъ рѣдко сосозывалъ ихъ; сзывая, заставлялъ вотировать большія субсидіи; собиралъ сословія въ разныхъ мѣстахъ, не допуская между ними общенія, и получалъ согласіе отдѣльно отъ каждаго. Городамъ король былъ нуженъ противъ духовенства и дворянства; поэтому дворянъ вовсе не спрашивали въ дѣлахъ, касающихся налоговъ; когда опасались сопротивленія со стороны городскихъ депутатовъ, то не созывали ихъ въ собраніе, а спрашивали городскія думы порознь.

9. Войны Карла V и Франциска I съ 1523 по 1529 г.

По подавленіи испанскаго возстанія, вниманіе императора обратилось на Италію. Новый папа Адріанъ VI не понравился итальянцамъ и испанцамъ, потому что былъ простой, честный и религіозный человѣкъ. Художественное, романтическое христіанство, которое оставилъ ему его предшественникъ, было ему не по сердцу, и онъ не скрывалъ своего негодованія на злоупотребленіе религіей ради политическихъ и эгоистическихъ цѣлей. Его обвиняли, что мнѣнія его содѣйствовали распространенію ереси въ Германіи и Швейцаріи. Итальянцы жаловались, что, въ угоду императору, онъ дозволяетъ истощать и угнетать Италію. Какъ ученый богословъ, Адріанъ жестоко преслѣдовалъ въ Италіи евреевъ, мусульманъ и марранъ, а въ Азіи и Америкѣ дикарей; въ Италіи же онъ хотѣлъ возстановить миръ. Когда Генрихъ VIII и Францискъ I стали готовиться къ войнѣ, онъ издалъ буллу, въ которой увѣщевалъ государей принять его посредничество и обратить противъ турокъ силы, которыя они намѣрены употребить другъ противъ друга. Карлъ, Генрихъ и Францискъ послали для виду пословъ въ Римъ; но пока они вели безполезные переговоры, войска Карла угнетали Италію. Просперъ Колонна платилъ своимъ наемникамъ и содержалъ ихъ на деньги, выжатыя изъ итальянскихъ государствъ. Войска эти квартировали частью въ герцогствѣ миланскомъ, частью въ Церковной Области. Для уплаты другимъ войскамъ неаполитанскій вице-король, **Ланнуа**, бралъ ежемѣсячную подать съ миланцевъ, ге-

нуэзцевъ, флорентинцевъ и луккцевъ. Одинъ Миланъ платилъ на жалованье императорскимъ войскамъ 20,000 дукатовъ ежемѣсячно, Флоренція 15,000, Генуя 6,000, Сіэна 1,000 и т. д. Монтферратъ, Салуццо и всѣ мѣстечки, гдѣ стояли императорскія войска, были обложены контрибуціей.

Вся Италія соединилась съ Карломъ V противъ Франциска I: венеціанцы по своему обыкновенію еще въ прошлогоднемъ походѣ играли двусмысленную роль, а теперь окончательно возстали противъ французовъ, противъ которыхъ дѣйствовалъ и папа Адріанъ, склоненный къ тому своимъ соотечественникомъ, неаполитанскимъ вице-королемъ (28 іюня 1523 г.); Геную присоединили къ императорской партіи Адорно, а Флоренцію — Медичи; Франческо Сфорца былъ игрушкою императорскихъ генераловъ. Не смотря на это, французскій король рѣшился снова завоевать Италію. Однако въ 1524 году походъ былъ невозможенъ, потому что императоръ и король англійскій побудили къ неслыханному поступку ближайшаго родственника Франциска и перваго сановника и вассала его, Карла Бурбона.

Карлъ II графъ Монпансье бракомъ съ наслѣдницею Петра II Бурбона сдѣлался герцогомъ Бурбономъ; король Францискъ и мать его, Луиза Савойская, часто оскорбляли его и наконецъ начали оспаривать у него владѣнія его тестя. Объ отверженной любви королевы-матери предоставляемъ разсказывать тѣмъ, кто желаетъ доискиваться до этого; приводимые нами факты достаточно доказываютъ, что король и его мать не любили своего гордаго, расточительнаго и обремененнаго долгами родственника. Напримѣръ, въ Муленѣ, гдѣ Карлъ Бурбонъ жилъ съ царскою роскошью, онъ угощалъ Франциска въ продолженіе двухъ недѣль съ безумнымъ великолѣпіемъ и давалъ блестящіе пиры; но король не заплатилъ ему его пенсіи. Францискъ сначала отдалъ герцогу Карлу миланское намѣстничество; но потомъ отнялъ и передалъ одному изъ своихъ придворныхъ, Лотреку. Далѣе, въ 1521 г., при походѣ противъ Валансьена, Францискъ ввѣрилъ начальство авангардомъ, принадлежавшее Карлу, какъ коннетаблю, не ему, а своему зятю, герцогу Алансону, и маршалу Шатильону. Но главной причиной неудовольствія Карла на короля и его мать былъ процессъ, затѣянный по смерти жены Карла въ 1521 г. противъ него о наслѣдствѣ его тестя, Петра II Бурбона.

Карлъ Бурбонъ давно владѣлъ этимъ наслѣдствомъ, какъ вдругъ король Францискъ объявилъ герцогство Бурбонское выморочнымъ государственнымъ леномъ, а Луиза Савойская утверждала, что Божоле, Овернь, Ла Маршъ, Форе и Донбъ должны отойти къ ней, какъ дочери и наслѣдницѣ сестры Петра II, жены Филиберта Савойскаго. Послѣднее основывалось на спорѣ о правахъ, котораго разбирать мы не станемъ; но, кажется, право было на сторонѣ Карла. Юристы крючкотворцы не хотѣли согласиться съ этимъ, и Карлъ, не смотря на всѣ старанія своего адвоката, не могъ добиться даже, чтобы сняли запрещеніе, наложенное на всѣ его имѣнія. Поэтому онъ вошелъ въ переговоры съ Генрихомъ VIII и Карломъ V, съ первымъ черезъ Русселя, а съ вторымъ черезъ Адріана Бюрена. Эти посредники довели герцога Бурбона до того, что въ то время, какъ Францискъ снаряжалъ войско противъ священнаго союза, устроеннаго въ Италіи Адріаномъ VI, онъ переписывался съ Карломъ V изъ своей резиденціи, Мулена. Мы умалчиваемъ объ обѣщаніяхъ, которыми обманывали Карла Бурбона при этихъ переговорахъ. Достовѣрно, что Карлъ V и Генрихъ VIII обѣщали дать ему денегъ для найма 12,000 человѣкъ, съ которыми онъ предполагалъ вторгнуться въ Бургундію, когда Францискъ I уведетъ свою армію за Альпы; онъ намѣревался завоевать такимъ образомъ наслѣдство своего тестя. Упоминаютъ еще о предполагавшемся, будто бы, бракѣ герцога Бурбона съ сестрою Карла V, вдовствующею королевою португальской, Элеонорой, и о королевствѣ Прованса и Дофине, которое будто бы хотѣли создать для него; но это выдумка.

Король Францискъ хотѣлъ лично принять начальство надъ арміей, предназначенной въ Италію, оставивъ свою мать правительницей, а герцога Бурбона намѣстникомъ (lieutenant general); но въ Ліонѣ онъ узналъ о заговорѣ герцога съ его врагами и перемѣнилъ намѣреніе. Понятно, что извѣстіе о союзѣ враговъ съ первымъ лицомъ въ государствѣ, коннетаблемъ Франціи и намѣстникомъ Лангедока, могло побудить Франциска остаться; стоило бы только вспомнить титулы и права Карла. Онъ назывался герцогомъ де-Бурбоне, графомъ де-Монпансье, де-Маркеръ де-ла-Маршъ, де-Флермонъ-танъ-Бовуази, де-Форе, де-Божоле и княземъ

де-Донбъ. Въ большей части его громадныхъ владѣній у него кромѣ того сохранились старинныя привилегіи коронныхъ вассаловъ; онъ созывалъ чины, собиралъ налоги, содержалъ собственныя крѣпости и войска и имѣлъ королевскій дворъ, какъ нѣкогда Карлъ Смѣлый Бургундскій. По словамъ Брантома, на пирахъ, которые онъ задавалъ королю въ Муленѣ, при его дворѣ служили 500 дворянъ, одѣтыхъ въ рѣдкія для того времени бархатныя платья съ тяжелыми золотыми цѣпями, три раза обернутыми вокругъ шеи.

Получивъ это извѣстіе, король, вмѣсто того чтобы ѣхать въ армію, отправился въ Муленъ и просилъ коннетабля сопутствовать ему; но герцогъ прикинулся больнымъ и поспѣшилъ въ свой замокъ, Шантильи. Когда королевскія войска хотѣли аттаковать замокъ, онъ пробрался чрезъ Шанбери и Безансонъ въ Германію; здѣсь онъ набралъ войско и въ слѣдующемъ году повелъ его въ Италію, гдѣ ему предложили или идти въ Испанію, или оставаться въ Италіи: онъ предпочелъ послѣднее. Между тѣмъ, вмѣсто короля начальство надъ французской арміей принялъ любимецъ Франциска и его матери, адмиралъ Бониве. Въ началѣ сентября онъ расположился при Сузѣ, и такъ какъ главнокомандующій императорской арміи, Проспeръ Колонна, отправился въ Миланъ и захворалъ, то Бониве занялъ Асти, Новару и Алессандрію; 14 сентября онъ перешелъ Тичино и явился передъ Миланомъ. Онъ надѣялся голодомъ принудить этотъ городъ сдаться и ждалъ, что ломбардцы, угнетенные испанцами, непремѣнно возстанутъ и такимъ образомъ облегчатъ его предпріятіе. Но надежда эта не осуществилась, и Проспeръ Колонна искусно защищалъ городъ, гдѣ бѣдный Франческо Сфорца не имѣлъ никакого значенія. Но Просперъ Колонна былъ старъ и остороженъ и, не смотря на свое искусство въ оборонительной войнѣ, былъ неспособенъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Онъ былъ боленъ и въ октябрѣ и ноябрѣ не тревожилъ Бониве, который давно снялъ блокаду Милана. Это заставило наконецъ императора передать начальство Ланнуа. Чтобы не обидѣть Проспера Колонну, Ланнуа ѣхалъ изъ Неаполя въ Миланъ очень медленно; его сопровождалъ маркизъ Пескара, удалившійся въ Неаполь, досадуя на нерѣшительность Колонны. Ланнуа каждый день ожидалъ извѣстія о смерти Колонны. Главнокомандующій умеръ 30 декабря 1523 г., и Ланнуа принялъ начальство.

Въ слѣдующемъ году (1524) явился въ Ломбардію Карлъ Бурбонъ съ авантюристами, набранными въ Германіи, и съ полномочіемъ императора. Бониве, для сбереженія платы, распустилъ въ зимніе мѣсяцы много солдатъ, и многіе изъ его кирасиръ возвратились домой. Поэтому императорская армія поспѣшила начать походъ въ концѣ февраля. Она безъ боя вытѣснила французовъ съ позиціи, перешла Тичино и принудила Бониве къ отступленію за эту рѣку; онъ занялъ сильную позицію въ Новарѣ и окрестностяхъ, гдѣ ожидалъ подкрѣпленій, посланныхъ ему изъ Франціи и Швейцаріи. Императорскіе генералы не воспользовались удобнымъ случаемъ дать сраженіе, потому что овладѣли Верчелли и надѣялись выморить французовъ голодомъ. Наконецъ въ апрѣлѣ на подмогу Бониве пришли швейцарцы и французская кавалерія. Герцогъ Лонгвилль привелъ 400 жандармовъ черезъ Монъ-Женевръ и стоялъ у Сузы, а черезъ Сенъ-Бернардъ пришло 10,000 швейцарцевъ на выручку своихъ земляковъ во французскомъ войскѣ. Швейцарскій корпусъ расположился къ сѣверу отъ Сесіи, но не хотѣлъ идти далѣе, хотя въ началѣ мая Бониве выступилъ изъ Новары и появился на противоположномъ берегу Сесіи. Поэтому пришлось переправиться черезъ рѣку съ большими потерями. Швейцарцы взялись проводить его до Ивреи, чтобы дать ему возможность добраться домой черезъ Нижній Валлисъ. При переправѣ былъ раненъ самъ Бониве, въ то время какъ задерживалъ непріятеля. Онъ передалъ начальство надъ арріергардомъ герою Баяру, но Баяръ былъ также пораженъ пулей и умеръ геройской смертью. Французы, по своему обыкновенію, описываютъ смерть Баяра съ театральнымъ паѳосомъ. Они говорятъ, что онъ поцѣловалъ крестъ своего меча и, умирая, произнесъ церковныя слова (miserere mei, Domine!), велѣлъ положить себя подъ дерево и умеръ, обратясь лицомъ къ непріятелю. Французы безъ большой потери отступили за Иврею; Италія была для нихъ потеряна.

Если бы императорскіе генералы удовольствовались, какъ совѣтовалъ Пескара, своей побѣдой, Францискъ I вѣроятно пересталъ бы думать о Миланѣ; но

въ угоду герцогу Карлу Бурбону они предприняли походъ противъ Марсели, который лишилъ ихъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ выгодъ. Имъ руководили Пескара и Карлъ Бурбонъ, смертельно ненавидѣвшіе другъ друга; предполагали, что походъ произведетъ возстаніе въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ герцога. Но французы начали уже процессъ противъ Карла Бурбона и наложили запрещеніе на его владѣнія; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы направить предпріятіе не на Марсель, гдѣ Карла ненавидѣли какъ измѣнника, а на Авиньонъ. Сверхъ того походъ былъ предпринятъ въ неблагопріятное въ тѣхъ странахъ время года. Императоръ выставилъ флотъ и войско, а англійскій король Генрихъ VIII далъ деньги.

Въ началѣ іюля Пескара и Бурбонъ перешли Варъ съ превосходнымъ 17,000 войскомъ, а Гуго де-Монкада явился съ испанскимъ флотомъ у береговъ Прованса. Этотъ флотъ значительно впрочемъ уступалъ французскому, подъ начальствомъ Андрея Доріи. Въ августѣ Пескара и Карлъ начали осаду Марсели. Она продолжалась сорокъ дней, но отъ зноя и лишеній они терпѣли гораздо болѣе, чѣмъ непріятель, потому что ветеранъ временъ Лудовика XI, Монморанси, имѣвшій почетное порученіе защищать страну, уклонялся отъ сраженія, но препятствовалъ подвозу съѣстныхъ припасовъ и велъ малую войну. Филиппъ де-Бріонъ графъ де-Шабо и Ренцо да-Чери храбро защищали Марсель, а Андрей Доріа захватывалъ все, что провозилось къ осаждающимъ моремъ; между тѣмъ Францискъ собралъ въ Авиньонѣ грозную артиллерію и армію въ 8,000 легкой кавалеріи, 14,000 швейцарцевъ, 6,000 ландскнехтовъ и 10,000 французовъ и итальянцевъ. Съ этимъ войскомъ онъ перешелъ Рону; Карлъ Бурбонъ и Пескара должны были снять осаду Марсели и возвратиться въ Италію. Они начали отступать къ Ниццѣ, и Монморанси не препятствовалъ имъ; онъ преслѣдовалъ ихъ по пятамъ, но не рѣшился вступить въ сраженіе, потому что побѣда могла ему принести меньше пользы, чѣмъ пораженіе вреда.

Желая воспрепятствовать непріятелю занять Миланъ, Францискъ перешелъ Монъ-Сени и въ началѣ октября достигъ Сузы. Но Пескара предупредилъ его и двинулся съ Ланнуа въ Миланъ, гдѣ свирѣпствовала чума, принудившая герцога Франческо удалиться. Императорскіе генералы, убѣдившись, что по прибытіи французовъ не будутъ въ состояніи защитить Миланъ, выступили изъ города чрезъ Порто Романо; въ то же время французы вступали въ Миланъ черезъ Порто Тичинезе и Верчеллина. Францискъ остался однако съ большею частью войска за городомъ, чтобы предохранить его отъ грабежа. Онъ немедленно двинулся противъ Павіи, за что его очень порицали: ему слѣдовало бы преслѣдовать императорскую армію и совершенно разбить ее, пользуясь замѣшательствомъ ея при поспѣшномъ отступленіи. Императорскія войска удержались въ Лоди, Алессандріи, Треццо, Комо и Павіи, и французы начали 28 октября осаду Павіи, которая была сильно укрѣплена. Гарнизономъ ея командовалъ Лейва. Онъ надѣялся защищаться до прибытія подкрѣпленій изъ Германіи. Въ этомъ случаѣ генералы Карла патріотически жертвовали собою для императора. Чтобы выручить Павію, они собрали войско въ Лоди на свой счетъ. Для этой цѣли Ланнуа заложилъ доходы Неаполя, Карлъ Бурбонъ свои драгоцѣнныя вещи, а Георгъ Фрундсбергъ свое помѣстье Миндельсгеймъ въ Баваріи. Однако это было мало для уплаты 18 или 19 тыс. чел., собранныхъ ими; но испанцы, находившіеся въ войскѣ, обѣщали, въ угоду своему любимому генералу, маркизу Пескарѣ, прослужить мѣсяцъ безъ жалованья; нѣмецкіе отряды Георга Фрундсберга и графа Зиттиха Зальма также обѣщали рѣшиться на все, чтобы освободить сына Георга, Каспара, запертаго съ Лейвой въ Павіи.

Въ декабрѣ 1524 года дѣло императора было очень сомнительно, такъ какъ незадолго дотого умеръ Адріанъ VI, и папой былъ выбранъ, подъ именемъ Климента VII, кардиналъ Юліянъ Медичи, неограниченно господствовавшій въ Тосканѣ. Онъ постоянно хлопоталъ о составленіи союза для изгнанія нѣмцевъ и испанцевъ изъ Италіи. Вступивъ на престолъ, онъ не утвердилъ договора съ императоромъ и убѣдилъ герцога Феррарскаго снабдить французовъ боевыми припасами и артиллеріей; по его наущенію венеціанцы, по своему обыкновенію, готовились вступить въ переговоры съ французами; наконецъ онъ самъ заключилъ союзъ съ Франціей. Францискъ обязался поддерживать Медичи во владѣніи

Тосканою; за это папа обѣщалъ помочь ему завоевать Неаполь, гдѣ вовсе не было войскъ. Затѣмъ Климентъ послалъ во Флоренцію Ипполита Медичи, впослѣдствіи кардинала, и Александра, который, вѣроятно, былъ сынъ папы (стр. 322); онъ неистовствовалъ впослѣдствіи во Флоренціи, какъ Фаларидъ.

Францискъ поступилъ неосторожно, пославъ въ Неаполь значительное войско, не будучи еще увѣренъ въ побѣдѣ. Войскомъ этимъ, состоявшимъ изъ 10,000 пѣхоты, командовалъ Джонъ Стюартъ герцогъ Ольбэни. Онъ двинулся въ Тоскану черезъ Гарфаньяну; при Луккѣ къ нему примкнуло нѣсколько тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Ренцо да Чери; по желанію папы онъ измѣнилъ сіэнское правительство; но вдругъ между Францискомъ и императорскими войсками произошло сраженіе при Павіи, ниспровергнувшее всѣ надежды папы и французовъ. Лейва съ 6,000 человѣкъ 28 октября защищалъ Павію противъ всей французской арміи; въ началѣ февраля онъ былъ доведенъ до крайности, и потому императорскіе генералы, къ которымъ съ недавняго времени присоединился молодой маркизъ дель Гасто, рѣшились аттаковать французскаго короля въ его лагерѣ передъ Павіей. Всѣ совѣтовали Франциску снять осаду; но по своему гасконству и по рыцарскимъ понятіямъ о чести онъ считалъ это постыднымъ и рѣшился ждать нападенія непріятеля въ невыгодной позиціи при Павіи. Тщетно старый Ла-Тремуйль, Луи д'Аръ и маршалы де-Шабаннъ и де-Фуа доказывали ему, что армія его не такъ сильна, чтобы вступать въ битву; онъ отвергалъ всѣ совѣты и слушалъ только Бониве, который, какъ придворный, совѣтовалъ то, чего желалъ государь. Упорство, съ которымъ онъ настаивалъ на своемъ желаніи, было тѣмъ болѣе нелѣпо, что незадолго до того 6,000 граубюнденцевъ вернулись домой, потому что какой-то авантюристъ рыцарь занялъ Фіавену и загородилъ проходы Вальтелины. 24 февраля 1525 г. произошло сраженіе при Павіи, въ которомъ швейцарцы, служившіе во французской арміи, не выполнили своей обязанности, кромѣ роты Дисбаха, и французы были па голову разбиты. Сраженіе было кровопролитное, и въ немъ пали умный семидесятипятилѣтній Ла-Тремуйль, маршалы де-Шабань и де-Фуа, Луи д'Аръ, Бюсси д'Амбуазъ, Клермонъ-Тонеръ. Сенъ Поль и множество другихъ французскихъ генераловъ и дворянъ. Король Францискъ I, молодой король Генрихъ наваррскій и батардъ Савойскій были взяты въ плѣнъ. Но король наваррскій былъ освобожденъ своимъ слугою. Кто касается числа убитыхъ, показанія колеблятся между 8 и 15 тыс.; во всякомъ случаѣ достовѣрно, что французское войско было совершено уничтожено. Честь побѣды приписываютъ племяннику Пескары, молодому дель Гасто, по распоряженію котораго открыта была канонада противъ стѣны парка, прикрывашаго тылъ непріятеля. Плѣннаго короля привезли сначала въ Пиччиггетоне; побѣдители до того нуждались въ деньгахъ, что его, противъ воли Пескары и Карла Бурбона, привезли въ Мадридъ изъ опасенія, что солдаты возьмутъ его въ заложники для полученія должнаго имъ жалованья.

Послѣ битвы при Павіи Италію стало гнести еще худшее иго, чѣмъ прежде. Императоръ вытребовалъ 1,200,000 дукатовъ за пожалованіе лена герцогу Франческо Сфорцѣ, и сверхъ того Миланъ долженъ былъ выплачивать ежедневно по 5,000 дукатовъ; кромѣ того каждый генералъ, каждый предводитель наемной шайки, наконецъ каждый солдатъ угнеталъ народъ въ свою пользу. Чтобъ обезпечить своему дому владѣніе Флоренціей, папа заключилъ въ апрѣлѣ договоръ съ императоромъ и съ герцогомъ миланскимъ; но вскорѣ онъ вступилъ въ тайный союзъ итальянскихъ государствъ противъ ига императорскихъ войскъ и генераловъ. Душою этого тайнаго союза былъ миланскій канцлеръ, Мороне, уже не разъ участвовавшій въ постыдныхъ интригахъ. Мороне старался завлечь въ заговоръ и маркиза Пескару, стоявшаго въ Миланѣ, но ошибся въ немъ; желая вывѣдать все, маркизъ притворился, что согласенъ на предложеніе; при этомъ онъ разсчитывалъ овладѣть при помощи Мороне Неаполемъ, а въ случаѣ неудачи погубить доносомъ герцога миланскаго.

Многія обстоятельства благопріятствовали цѣлямъ тайнаго союза противъ испанскаго ига. Во первыхъ, Карлъ V обманулъ Генрха VIII и кардинала Уольси, которому обѣщалъ тіару; во вторыхъ, онъ хотѣлъ предписать Франциску такія условія, какихъ тотъ не могъ выполнить, и наконецъ, въ третьихъ, его солдтаы и ихъ предводители совершенно губили Италію. Мать Франциска какъ прави-

тельница Франціи, вошла въ сношенія съ итальянцами, послала имъ небольшой отрядъ войска и привлекла на свою сторону кардинала Ульси и Генриха VIII, которые обѣщали ей субсидіи. Въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ шли переговоры о томъ, чтобы аттаковать императорскія войска, какъ только въ Италіи явится вспомогательный французскій корпусъ. Но въ октябрѣ маркизъ Пескара, лежавшій больнымъ въ Новарѣ, неожиданно сбросилъ маску. Онъ вызвалъ къ себѣ изъ Милана канцлера Мороне, который пошелъ въ западню, хотя онъ и всѣ итальянцы считали маркиза человѣкомъ жестокимъ, коварнымъ, презирающимъ честь и религію. Во время переговоровъ съ Мороне Пескара помѣстилъ за перегородкой Лейву и другихъ, чтобы имѣть противъ канцлера свидѣтелей; затѣмъ онъ отправилъ его въ Павію, гдѣ предалъ суду. Все это дѣлалось съ цѣлью изгнать герцога Франческо Сфорца, который недавно такъ дорого заплатилъ за свои владѣнія. Его еще прежде принудили впустить императорскіе гарнизоны въ Лоди и Павію, а теперь заставили очистить Кремону, Треццо, Лекко и Пиццигеттоне. Онъ удержалъ миланскую цитадель, гдѣ лежалъ больной; но вскорѣ узналъ, что приняты всѣ мѣры, чтобы во всякое время, въ случаѣ надобности, отнять, у него. Пескара умеръ въ ноябрѣ 1525 года, и послѣ него начальство надъ императорскими войсками перешло къ Карлу Бурбону. Тогда Италія стала терпѣть еще больше, потому что солдаты, не получавшіе жалованья, не уважали его, и не онъ повелѣвалъ ими, а они имъ.

Въ это время родоначальникъ домовъ Гизъ, Майенъ и Омаль пріобрѣлъ во Франціи такое значеніе, что, при послѣдующихъ царствованіяхъ, когда католическая линія вымерла, и право на престолъ перешло къ реформатскому принцу, дома эти должны были неизбѣжно сдѣлаться опасными для двора. Клавдій Гизъ, младшій братъ котораго палъ при Павіи, былъ второй сынъ Рене II Лотарингскаго и по смерти его получилъ Омаль, Майенъ, Гизъ, Жуанвиль и Эльбёфъ, тогда какъ старшему брату, Антону, досталась Лотарингія. Во время плѣна короля онъ не допускалъ непріятеля за французскую границу и въ то же время препятствовалъ распространенію во Франціи крестьянской войны, свирѣпствовавшей въ Германіи.

Пока венеціанцы, папа и Англія вели переговоры о союзѣ, цѣлью котораго должно было быть освобожденіе Италіи, причемъ разсчитывали на содѣйствіе Франціи, король Францискъ въ продолженіе всего 1525 года томился въ тяжкой неволѣ въ Мадридѣ подъ строгимъ надзоромъ испанца Аларкона. Въ концѣ года онъ опасно занемогъ съ горя и отчаянія, и тогда Карлъ V наконецъ серьезно подумалъ о заключеніи мирнаго трактата; Францискъ согласился принять его, хотя въ немъ были условія, которыя онъ не могъ бы выполнить, еслибъ даже хотѣлъ. Трактатъ этотъ, заключенный 14 января 1526 г., называется мадридскимъ миромъ; но его нельзя было выполнить, потому что въ силу его Францискъ долженъ былъ между прочимъ уступить Бургундію и Франшъ-Конте и не вмѣшиваться въ дѣла Италіи. Далѣе, было положено заключить оборонительный союзъ между императоромъ и королемъ, который отказался отъ притязаній на Миланъ и Неаполь и отъ всѣхъ ленныхъ правъ въ императорскихъ владѣніяхъ. Карлъ самъ сомнѣвался въ исполненіи многихъ тяжкихъ условій трактата и потому требовалъ въ заложники обоихъ сыновей короля, дофина и герцога Орлеанскаго. Онъ хотѣлъ держать ихъ въ Испаніи до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ Ланнуа, сопровождавшаго короля во Францію, увѣдомленія, что всѣ условія исполнены.

По заключеніи трактата, Францискъ позвалъ (что во всякомъ случаѣ было совершенно по іезуитски) къ себѣ въ комнату всѣхъ французовъ, бывшихъ въ его свитѣ, и протестовалъ противъ всѣхъ пунктовъ трактата, уменьшавшихъ предѣлы его государства, на томъ основаніи, что подобныя условія не могли были постановлены безъ согласія чиновъ. 18 марта 1526 г. онъ отправился, въ сопровожденіи Ланнуа, къ рѣкѣ Бидассоа, отдѣляющей Францію отъ Испаніи. На встрѣчу ему пріѣхалъ Лотрекъ съ принцами, которые были обмѣнены на него на срединѣ рѣки. Послѣ того Францискъ поспѣшилъ въ Бордо, гдѣ встрѣтилъ свою мать и любовницу. При немъ любовницы его играли важную роль, и потому французскіе историки постоянно упоминаютъ о нихъ. Одна изъ нихъ была

Діана де Пуатье, дочь господина де Вальри, замѣшаннаго въ процессъ Карла Бурбона; вторая, Анна де Писсле, сперва графиня де Пантьевръ, а потомъ герцогиня д'Этаннъ.

Францискъ не согласился на требованіе Ланнуа подтвердить по пріѣздѣ во Францію мадритскій трактатъ; еще въ Бордо одобрилъ союзъ, заключенный его матерью съ Генрихомъ VIII. Затѣмъ онъ созвалъ въ Коньякъ французскихъ нотаблей, чтобы выслушать ихъ мнѣніе о мадритскомъ трактатѣ. Нотабли объявили, что король не имѣетъ права отчуждать государственныхъ владѣній, и потому Францискъ отвѣчалъ Ланнуа, что не можетъ ратификовать трактатъ, ибо не въ его власти выполнить его. 22 мая онъ присоединился въ Коньякѣ къ такъ называемой Клементинской или священной лигѣ, заключенной Клементомъ VII, Венеціей, Миланомъ, Флоренціей и Англіей для освобожденія Италіи отъ испанскаго ига; швейцарцы согласились послать въ Италію 15,000 человѣкъ. Королю англійскому была обѣщана при раздѣлѣ итальянскихъ владѣній Испаніи часть неаполитанскаго королевства, а кардиналу Уольси 10,000 дукатовъ доходу. Францискъ долженъ былъ послать въ Италію 30,000 человѣкъ, если императоръ не возвратитъ ему безъ выкупа сыновей. Когда принцъ Оранскій прибылъ, чтобы вступить во владѣніе Бургундіей, ему показали этотъ договоръ.

Война началась въ Италіи прежде, чѣмъ Францискъ отправилъ свои войска; ходъ ея былъ неблагопріятенъ для папы и герцога миланскаго. Французскія войска, посланныя въ 1525 г. въ Неаполь подъ предводительствомъ герцога Ольбэни, узнавъ дорогою о пораженіи при Павіи, частью разбѣжались, частью отправились изъ Чивитавекіи моремъ въ Провансъ. Городъ Миланъ былъ жестоко угнетенъ сначала Пескарою, по смерти его племянникомъ его, дель Гасто, и наконецъ Карломъ Бурбономъ. На выручку Франческо Сфорцы, осажденнаго въ миланской цитадели, собрали войско; но герцогъ Урбино, предводительствовавшій венеціанскимъ войскомъ, нарочно медлилъ, а Іоаннъ Медичи и Вителло Вителли, командовавшіе папскими отрядами, были задержаны переговорами, начатыми императоромъ въ Римѣ чрезъ Гуго Монкада. Несчастные миланцы тщетно питали надежду получить возможность возстать за своего герцога; герцогъ Урбино не рѣшился вывести своихъ рекрутовъ противъ закаленныхъ солдатъ Лейвы и дель Гасто; поэтому испанцы угнетали миланцевъ ужаснымъ образомъ (rubandoli, bastonandoli, ferendoli). Большая часть народонаселенія была уже изгнана изъ города, когда наконецъ въ началѣ іюля передъ Миланомъ явилось союзное войско. Но въ тоже время въ городъ вступилъ Карлъ Бурбонъ, возвратившійся въ началѣ 1526 г. изъ Испаніи. Такъ какъ швейцарцы все не приходили, а союзное войско бездѣйствовало при Мариньяно, то 14 іюля несчастный герцогъ долженъ былъ сдать цитадель Карлу Бурбону. При этомъ онъ выговорилъ себѣ условіе, что можетъ отправиться въ Лоди, который союзники отняли у испанцевъ. Въ Лоди онъ присталъ открыто къ клементинской лигѣ. Герцогъ Урбино помогъ ему овладѣть Кремоною, цитадель которой оставалась за нимъ. Къ этому времени пришли наконецъ въ Ломбардію 13,000 швейцарцевъ, которыхъ такъ долго ждали. Дѣла папы Клемента шли не лучше, чѣмъ дѣла герцога миланскаго. Клементъ VII находился во враждѣ съ Колонна и отослалъ свои лучшія войска къ союзной арміи; поэтому въ Римѣ не было войска, когда Гуго Монкада, намѣстникъ Ланнуа въ Неаполѣ, ненадолго помирившій папу съ Колоннами, настроилъ ихъ снова противъ него. Монкада былъ достойнымъ ученикомъ своего друга, Цезаря Борджіа, и былъ также вѣроломенъ, какъ и Веспасіано Колонна, которому папа наиболѣе довѣрялъ. По наущенію Монкады, Веспасіано и Асканіо Колонна, поддерживаемые кардиналомъ Помпео Колонна, внезапно нагрянули въ Римъ съ 800 конницы, состоявшей изъ бандитовъ. Папа растерялся до того, что ему съ трудомъ втолковали, чтобы онъ бѣжалъ въ замокъ св. Ангела. Его осадили; дворецъ его, ватиканскую церковь, треть Борго Нуово и дома посланниковъ лиги разграбили, и въ городѣ совершались неслыханныя злодѣйства. Замокъ св. Ангела не былъ снабженъ продовольствіемъ, и потому Клементъ долженъ былъ согласиться на перемиріе, предложенное ему Монкадою. Главнымъ условіемъ этого перемирія было, чтобы папа отозвалъ свои войска отъ союзной арміи; это помѣшало союзникамъ продолжать осаду Милана, начатую по завоеваніи Кремоны при помощи швейцарцевъ и французовъ. Клементъ ста-

рался обойти это условіе, оставивъ въ арміи Іоанна Медичи съ его отрядами подъ предлогомъ, что солдатамъ его платитъ французскій король. Вслѣдъ за тѣмъ онъ объявилъ перемиріе вынужденнымъ и, когда войска его пришли изъ Ломбардіи въ Римъ, жестоко отмстилъ Колонна. Онъ велѣлъ разрушить до основанія ихъ дворцы въ Римѣ, лишилъ кардинала его сана и разослалъ повсюду свои отряды, которые самымъ вандальскимъ образомъ опустошили помѣстья, сады, дома и владѣнія другихъ членовъ этой фамиліи.

Когда папскія войска снова присоединились къ союзникамъ, герцогъ Урбино началъ тѣснить испанцевъ въ миланскомъ герцогствѣ. Онъ двинулся противъ Георга Фрундсберга, чтобы разбить его прежде, чѣмъ его 14,000 ландскнехтовъ успѣютъ соединиться съ арміею Карла Бурбона. Войска Фрундсберга были навербованы въ Германіи, гдѣ много толковали о добычѣ, легко добываемой подъ его начальствомъ; поэтому онъ далъ имъ въ задатокъ по талеру, утѣшая ихъ надеждами на несмѣтныя сокровища богатой Италіи. Герцогъ Урбино полагалъ, что Фрундсбергъ не имѣлъ артиллеріи, но у Боргофорте убѣдился въ противномъ: здѣсь Іоаннъ Медичи былъ смертельно раненъ пушечнымъ ядромъ и умеръ. Фрундсбергъ получилъ артиллерію отъ Альфонса Феррарскаго, который, хотя былъ членомъ лиги, но заискивалъ расположеніе императора и потому поддерживалъ его войска противъ союза.

Въ это время (начало 1527 г.) Карлъ Бурбонъ такъ нуждался въ деньгахъ, что притворился, будто хочетъ казнить арестованнаго канцлера Мороне; этимъ онъ хотѣлъ принудить его выкупиться за 20,000 дукатовъ. Получивъ деньги, онъ подружился съ Мороне. Въ январѣ 1527 г., соединясь съ Фрундсбергомъ, онъ отъ недостатка денегъ рѣшился идти на Римъ, гдѣ папа въ продолженіе всей зимы съ трудомъ держался противъ Ланнуа, безпокоившаго его изъ Неаполя. Разбой и грабежъ были единственной цѣлью этого похода, на которомъ Карлу Бурбону съ января до апрѣля пришлось усмирять не менѣе четырехъ или пяти возстаній въ своемъ войскѣ, состоявшемъ изъ храбрыхъ разбойничьихъ шаекъ всѣхъ націй. Когда онъ выступилъ въ походъ (въ мартѣ 1527 г.), Ланнуа только что заключилъ съ папою восьмимѣсячное перемиріе, и папа имѣлъ безразсудство распустить свои войска, которымъ не могъ платить, какъ императоръ своимъ. Поэтому 31 марта Климентъ страшно перепугался, когда Карлъ Бурбонъ объявилъ, что не намѣренъ обращать вниманія на перемиріе вице-короля. Ланнуа тщетно ѣздилъ въ лагерь Карла передъ Флоренціей, которую защищалъ маркизъ Салуццо; солдаты Карла кричали и шумѣли такъ, что Ланнуа, чтобы спасти свою жизнь, долженъ былъ поспѣшно удалиться. Тогда Карлъ Бурбонъ пошелъ въ Ареццо, а оттуда быстро двинулся на Римъ.

5 мая 1527 г. Карлъ Бурбонъ, преслѣдуемый по пятамъ итальянскимъ союзнымъ войскомъ, явился передъ Римомъ. Онъ понялъ, что необходимо, во чтобы то ни стало, взять Римъ или погибнуть отъ нападенія непріятеля и отъ недостатка продовольствія; поэтому онъ рѣшился немедленно идти на приступъ и поставить все на карту. 6 мая городъ былъ взятъ, причемъ первый и единственный убитъ былъ Карлъ Бурбонъ. Онъ палъ въ ту минуту, когда приставлялъ къ стѣнѣ лѣстницу.

При тогдашнихъ обстоятельствахъ смерть Карла Бурбона была несчастіемъ для Рима; солдаты его были страшно озлоблены за потерю предводителя; притомъ у нихъ не было начальника: Ланнуа они ненавидѣли, какъ врага, а начальники отрядовъ дѣйствовали совершенно произвольно, пока главнокомандующимъ не былъ избранъ принцъ Филибертъ Оранскій (въ половинѣ мая). Яростная орда грабила весь городъ, не исключая церквей и монастырей; чтобы добыть денегъ, солдаты мучили съ страшной жестокостью знатную часть народонаселенія и перерѣзали нѣсколько тысячъ жителей. Число убитыхъ ими считается нѣкоторыми въ 8,000 человѣкъ; но вѣроятно это на половину преувеличено. Всѣ писатели единогласно говорятъ, что походъ на Римъ былъ разбойничьимъ набѣгомъ и что солдаты надѣялись найдти въ Римѣ богатѣйшую добычу: нѣкоторые увѣряютъ, что злодѣйства происходили преимущественно потому, что Фрундсбергъ и многіе изъ его солдатъ были лютеране; но на это можно возразить, что испанцы и французы, которые не были еретиками, еще менѣе щадили церкви и святыню, чѣмъ Фрундсбергъ и его нѣмцы, и что незадолго до этого солдаты

кардинала Колонны грабили ватиканскую церковь и храмъ св. Петра. Папа при взятіи города заперся въ замкѣ св. Ангела, гдѣ его осадили. При этомъ случаѣ извѣстный художникъ Бенвенуто Челини, въ своей хвастливой, но наивной автобіографіи, изданной Гете на нѣмецкомъ языкѣ, похваляется, что управлялъ въ замкѣ св. Ангела артиллеріей и что убилъ бы весь генералитетъ и самого Филиберта, еслибъ ему не помѣшалъ Орсини. Мы предоставляемъ желающимъ доискиваться правды въ этой гасконадѣ.

Итальянское союзное войско слѣдовало за императорскимъ двумя отрядами; однимъ командовалъ графъ Гвидо Рангоне, другимъ герцогъ Урбино; Рангоне имѣлъ мало войска, а Урбино колебался и медлилъ, такъ что войска соединились только 16 мая при Орвіето. Въ это время Гуго Монкада и кардиналъ Помпео Колонна прибыли наконецъ въ Римъ и прекратили буйство, длившееся дни и ночи; но они не могли уговорить солдатъ признать Ланнуа главнокомандующимъ. Онъ былъ даже принужденъ выѣхать изъ города, и войско, какъ мы сказали, избрало принца Филиберта Оранскаго. Принцъ сталъ серьезно готовиться къ осадѣ замка св. Ангела, потому что союзное войско послѣ долгихъ размышленій сочло за лучшее, вмѣсто того чтобы напасть на Римъ, возвратиться въ Витербо. Папѣ не было основанія надѣяться на своихъ союзниковъ тѣмъ болѣе, что флорентинцы выгнали Александра и Ипполита Медичи, венеціанцы отняли у Церковной Ѳбласти Равенну и Червію, Малатеста снова взяли Римини, и Альфонсъ Феррарскій получилъ Модену и Реджіо.

Папа держался въ замкѣ св. Ангела цѣлый мѣсяцъ. Но 5 іюня онъ рѣшился сдаться на капитуляцію императорскимъ разбойничьимъ ордамъ, потому что отъ союзниковъ нечего было ждать помощи. Условія, которыя онъ долженъ былъ принять, были неисполнимо-тяжелы; такъ, офицеры императорскаго войска, съ которыми онъ заключилъ 6 іюня капитуляцію, требовали для себя непомѣрныхъ суммъ, для императора земель и сверхъ того уничтоженія отлученія, произнесеннаго противъ Колонны. Папа долженъ былъ заплатить немедленно 100,000 дукатовъ, потомъ черезъ двадцать дней еще 50,000, черезъ два мѣсяца снова 250,000 и, пока не будутъ уплачены первыя двѣ суммы (150,000), оставаться въ плѣну подъ присмотромъ того самого Аларкона, который стерегъ Франциска I. Кромѣ того, онъ обязывался передать императору замокъ св. Ангела, крѣпости Остію, Чивитавекію и Читу Кастеллану и очистить Парму и Піаченцу. Политика Карла V, находившагося тогда въ Испаніи, разумѣется, требовала, чтобы онъ прикинулся, будто ничего не знаетъ и въ высшей степени недоволенъ оскорбительнымъ обращеніемъ его войска съ плѣннымъ папою. По этому случаю онъ велѣлъ отложить назначенныя празднества, надѣлъ трауръ и изъявлялъ свое сожалѣніе объ этой случайности. Но онъ не выпускалъ папу и настаивалъ на выполненіи всего, вынужденнаго у него солдатами. Впрочемъ условія не выполнялись, потому что Чита Кастеллана была уже занята союзнымъ войскомъ, Андрей Доріа отказался впустить императорскія войска въ Чивитавеккію, а Парма и Піаченца получили отъ папы тайный приказъ защищаться противъ испанцевъ. Въ самомъ Римѣ чума поглотила тысячи необузданныхъ солдатъ, но, не смотря на эпидемію, они не хотѣли выходить изъ города до полученія жалованья.

Короли англійскій и французскій выказали намѣреніе отмстить за тяжкій плѣнъ папы. Хотя король Францискъ по возвращеніи изъ Италіи объявилъ, что вступаетъ въ клементинскую лигу, но ни въ 1526 г., ни въ 1527 г. не дѣлалъ приготовленій для поданія помощи угнетенному герцогу миланскому. Францискъ ясно показывалъ, что принялъ угрожающій видъ съ цѣлью принудить императора отказаться отъ герцогства Бургундіи и освободить его сыновей. Поэтому онъ послалъ къ итальянской союзной арміи слабый корпусъ подъ начальствомъ маркграфа Салуццо. Переговоры французовъ съ Генрихомъ VIII англійскимъ начались еще до освобожденія короля Франциска; но главныя условія были рѣшены по прибытіи его въ Бордо. Генрихъ принялъ его сторону вслѣдствіе того, что Францискъ обѣщалъ содѣйствовать разводу короля англійскаго съ женою, Катариною Арагонскою, чего Генрихъ страстно желалъ.

Наконецъ въ маѣ, когда заключеніе папы сдѣлалось извѣстнымъ, былъ составленъ опредѣленный планъ для освобожденія Италіи. Уольси отправился въ Амьенъ, куда прибылъ и король Францискъ. Англійскій министръ былъ принятъ

во Франціи съ такими почестями, съ какими принимаютъ только коронованныхъ особъ. Самъ король выѣхалъ верхомъ за четверть мили отъ Амьена ему на встрѣчу. Хотя интриги Карла V на нѣкоторое время задержали заключеніе этого наступательнаго союза, но не могли совершенно помѣшать ему, и 18-го августа Францискъ I и Генрихъ VIII заключили четыре договора. Въ первомъ изъ нихъ былъ рѣшенъ вѣчный дружественный союзъ между королями; во второмъ—бракъ между дочерью Генриха VIII, Маріей, и самимъ Францискомъ или его вторымъ сыномъ, герцогомъ Орлеанскимъ; въ третьемъ договорѣ полагалось, чтобы Генрихъ въ продолженіе полугода ежемѣсячно давалъ по 30,000 дукатовъ на веденіе войны въ Италіи; въ четвертомъ, короли обязывались не соглашаться, во время заключенія папы, ни на созваніе всеобщаго собора, ни на какую либо буллу, противную ихъ правамъ или правамъ ихъ подданныхъ. Это относилось, какъ мы увидимъ, къ разводу Генриха VIII съ его женою, теткою Карла V.

Армія, посланная для освобожденія папы, прибыла въ Италію въ іюлѣ, и маркграфъ Салуццо получилъ приказаніе соединиться съ ней. Швейцарцы также послали къ ней 10,000 человѣкъ, имѣя впрочемъ въ виду лишь покровительствуемаго ими герцога миланскаго; содѣйствовать же французамъ въ завоеваніи Неаполя они не располагали. По настоятельному требованію англійскаго короля и венеціанцевъ, главнокомандующимъ союзной арміи, состоявшей изъ 50,000 человѣкъ, былъ назначенъ Лотрекъ, которому Генрихъ VIII далъ въ помощники сэра Роберта Джернигэма. Когда эта армія достигла Ломбардіи, въ сентябрѣ явились передъ Генуей съ суши Чезаре Фрегозо и Педро Наварро, а съ моря Андрей Доріа, и принудили городъ снова подчиниться французамъ, владычество которыхъ стало вскорѣ очень тягостно. Лотрекъ шелъ между тѣмъ впередъ, одерживалъ побѣды, дѣлалъ завоеванія и 4 октября занялъ Павію. Лейва, имѣвшій въ Миланѣ всего нѣсколько тысячъ человѣкъ, готовился уже очистить Миланъ и Комо, какъ въ лагерь къ Лотреку явился кардиналъ Чибо и убѣдилъ его идти не на Миланъ, а на Римъ для освобожденія папы. Швейцарцы, пришедшіе только для герцога Франческо Сфорца, не согласились на это; они ушли домой, и Лотрекъ потерялъ такимъ образомъ 10,000 человѣкъ. Вмѣсто того чтобы торопиться, Лотрекъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Піаченцѣ, можетъ быть боясь чумы, жертвой которой въ Церковной области сдѣлались императорскій генералъ Ланнуа и много нѣмецкихъ солдатъ. Гуго де Монкада, замѣтившій Ланнуа въ качествѣ вице-короля неаполитанскаго, велъ съ папой переговоры, между тѣмъ какъ Лотрекъ все еще медлилъ, ожидая исхода переговоровъ, которые Францискъ завелъ съ императоромъ. Наконецъ англійскіе комиссары подкупомъ доставили папѣ свободу. Онъ бѣжалъ 5 декабря 1527 г., переодѣвшись, въ Орвіето; но посѣщеніе англійскихъ пословъ принесло ему новыя заботы. Они потребовали, относительно развода ихъ короля, такихъ вещей, на которыя папа не могъ согласиться не желая оскорбить императора, въ которомъ нуждался, какъ въ Германіи противъ еретиковъ, такъ и въ Италіи для себя и своей фамиліи.

Переговоры между Карломъ V, Францискомъ I и Генрихомъ VIII, удержавшіе въ 1527 г. французскаго полководца Лотрека въ Верхней Италіи, рушились совершенно въ январѣ 1528 г., и короли послали въ Испанію герольдовъ, которые 28 января объявили императору въ Бургосѣ войну; Карлъ велѣлъ ихъ арестовать. Поэтому въ февралѣ 1528 г. Лотрекъ началъ свой походъ противъ Неаполя и пошелъ не черезъ Церковную Область, а чрезъ Мархіи. Онъ располагалъ большими силами, потому что къ нему примкнуло все союзное войско; но мы не вѣримъ сочинителямъ, увѣряющимъ, будто у него было 60 или даже 80 тысячъ пѣхоты и 20,000 конницы. Во всѣхъ неаполитанскихъ городахъ приверженцы анжуйскаго дома принимали французовъ съ радостью, и въ маѣ 1528 года у императора остались только Неаполь, Манфредонія и Гаэта. Между тѣмъ въ февралѣ Филибертъ Оранскій расплатился выкупными деньгами папы съ солдатами, которые не хотѣли выходить изъ Рима до полученія жалованья; въ концѣ марта онъ прибылъ въ Неаполь. 1 мая передъ Неаполемъ явился Лотрекъ. Сынъ Андрея Доріи, Филиппъ Доріа, обѣщавшій прослужить нѣсколько мѣсяцевъ французскому королю, одержалъ съ генуэзскимъ флотомъ рѣшительную побѣду. Императорскій флотъ былъ совершенно истребленъ, и командиръ его, маркизъ дель Гасто, взятъ въ плѣнъ. Но онъ воспользовался неудовольствіемъ Доріевъ

на поступки французовъ въ ихъ городѣ и склонилъ Андрея къ союзу съ императоромъ. Генуэзцы жаловались на многое, въ особенности на стѣсненіе, въ пользу Савойи, ихъ торговли солью. Лотрекъ совѣтовалъ королю ладить съ Доріа, но канцлеръ Дюпра препятствовалъ этому, и король передалъ начальство надъ флотомъ Франсуа де-ля-Рошфуко сеньеру де Барбзье, забывъ, что генуэзскіе моряки будутъ охотнѣе повиноваться дворянину своего города, чѣмъ французу. Доріа дождался срока своей службы, распростился съ французами, оставилъ французскіе корабли и перешелъ со своими къ императору.

Это рѣшило участь французской арміи Лотрека. Лѣтомъ тысячи французовъ пали жертвой лишеній и климата; Лотрекъ и множество его солдатъ умерли отъ болѣзней, распространившихся отъ зноя и нездороваго воздуха Поджіо Реале. Преемникъ Лотрека, маркизъ Салуццо, отправился съ войскомъ въ Аверсу, гдѣ былъ запертъ и въ августѣ 1528 г. сдался на позорную капитуляцію. Въ Калабріи война продолжалась еще нѣсколько времени.

Въ Ломбардіи военныя дѣйствія также происходили въ теченіе всего лѣта. Герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій пришелъ туда съ нѣмцами и содѣйствовалъ Лейвѣ одержалъ побѣду. Но затѣмъ герцогъ съ неудовольствіемъ возвратился въ Германію, и вслѣдствіе этого графъ Сенъ-Поль, прибывшій съ швейцарцами на помощь союзникамъ, одерживалъ нѣкоторое время верхъ, пока 21 іюня Лейва не разбилъ его при Ландріано, причемъ онъ самъ попался въ плѣнъ. Андрей Доріа, съ помощью императора, освободилъ отъ французовъ Геную. Онъ выказалъ при этомъ много благородства и патріотизма. Когда Карлъ V хотѣлъ доставить ему власть надъ Генуей, онъ выпросилъ, какъ единственной награды себѣ, возстановленія прежней республиканской свободы.

Италія была разорена, опустошена страшными болѣзнями, которыя называли общимъ именемъ чумы, и всѣ партіи желали мира. Онъ былъ заключенъ 3 августа 1529 г. въ Канбре. Извѣстный подъ именемъ д а м с к а г о м и р а, онъ сдѣлалъ императора властелиномъ Италіи и защитникомъ папы и его свѣтскихъ плановъ. Здѣсь мы остановимся, и прежде чѣмъ скажемъ объ условіяхъ трактатовъ, заключенныхъ въ 1539 г. Карломъ V съ разными государствами Италіи и въ особенности съ папой, бросимъ краткій взглядъ на образованность и литературу этого времени.

V. ЛИТЕРАТУРА И ОБРАЗОВАННОСТЬ

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVI СТОЛѢТІЯ.

I. Вступительныя замѣчанія.

Мы уже говорили (стр. 173), что образованность и литература Италіи достигли въ XVI столѣтіи той же степени развитія, на какой мы видимъ греческую цивилизацію во времена Птоломеевъ, римскую въ эпоху императоровъ и, пожалуй, нашу въ настоящее время. Это была та пора, когда творческая сила генія исчезаетъ или оскудѣваетъ, и литературою овладѣваетъ холодный разсудокъ или дикая фантазія. Мы могли бы поэтому прямо перейти къ новой цивилизаціи и литературѣ, постепенно возникшей въ XVI стол. изъ требованій времени по ту сторону Альпъ; но къ этому столѣтію относится нѣсколько литературныхъ произведеній и писателей, слишкомъ важныхъ для германскаго и французскаго развитія. Языкъ и форма этихъ произведеній были такъ классически-прекрасны, что служили идеаломъ и недосягаемымъ образцомъ для французовъ до половины XVII вѣка, а для нѣмцевъ даже до третьей четверти XVI. Итальянская литература, какъ и греческая, перешла отъ философіи къ софистикѣ, отъ естественности къ изысканному изяществу, отъ геніальной свѣжести къ риторикѣ, декламаторству и сантиментализму, отъ сильной и сжатой рѣчи къ многословному и вычурному языку, годному скорѣе для пѣнія, чѣмъ для серьезнаго слова. Объ успѣхахъ образованности не могло уже быть и рѣчи: Италія въ началѣ XVI столѣтія была лишена политической свободы, и въ искусствѣ и литературѣ процвѣтало только то, что служило роскоши дворянства или придворной лести. Прогрессъ былъ лишь мнимый; развитіе же реальныхъ и математическихъ знаній и примѣненіе ихъ къ жизни, только начинавшейся, не входятъ въ задачу нашей книги.

Такимъ образомъ въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ мы беремъ за основаніе мысль, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ главную роль въ литературѣ играли богословіе или богословская полемика и политико-историческій родъ. Богословская литература господствовала, возбуждая и фанатизируя, по сю сторону Альпъ, въ Германіи, Пруссіи, Польшѣ, Лифляндіи, Курляндіи, Скандинавіи, Англіи и Франціи. Разсматривать ее въ подробности намъ не надо, потому что въ наше время богословіе и богословская полемика не играютъ той роли, какъ въ XVIII столѣтіи. Напротивъ, мы остановимся на историко-политической литературѣ и на софистикѣ дипломатическихъ писателей. Эти два рода достигли самаго высокаго развитія именно въ Италіи, и мастерскія произведенія въ историческомъ и стилистическомъ отношеніи, появившіяся въ XVI вѣкѣ, остались донынѣ образцовыми. Рядомъ съ ними слѣдуетъ упомянуть въ немногихъ словахъ и о признанныхъ классическими произведеніяхъ итальянской поэзіи, объ историко-политической литературѣ Италіи и о новой литературѣ по сю сторону Альпъ.

2. Итальянская литература.

а. Поэзія.

Германскіе народы шли къ цивилизаціи и поэзіи тѣмъ же ложнымъ путемъ, какъ новые народы, стремящіеся къ свободѣ и думающіе достигнуть своей цѣли путемъ конституціоннаго устройства. Имъ казалось, что достигнуть высшей цивилизаціи можно лишь воспроизведеніемъ на новыхъ языкахъ всѣхъ родовъ и видовъ поэзіи, какіе были у древнихъ, и что поэтому слѣдуетъ вновь создать и трагедію, и комедію, и эпосъ, и всѣ лирическія формы, и сатиру, и идиллію древнихъ. Такъ же точно въ новѣйшее время въ политическомъ отношеніи хотѣли копировать англійское государственное устройство въ существенныхъ и случайныхъ чертахъ его и доходили до смѣшныхъ результатовъ. Само по себѣ и то и другое было похвально: во многомъ примѣръ древнихъ былъ очень полезенъ, и въ основѣ англійской конституціи лежитъ то, чего добивались всѣ народы во всѣ времена. Бѣда лишь въ томъ, что въ этомъ случаѣ не обращали никакого вниманія на преданія, способности и потребности націи, не принимали въ разсчетъ различія національностей, времени и обстоятельствъ; оттого все оказалось ребячествомъ, и цѣль не могла быть достигнута. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ разсужденія по этому поводу; мы хотѣли только указать, что стараніе воспроизвести и даже превзойти всѣ роды поэзіи древнихъ породило въ Италіи еще въ XVI вѣкѣ то извращеніе вкуса, которое распространилось потомъ и во Франціи, прежде чѣмъ наступило господство истиннаго вкуса. Мы пишемъ не исторію литературы и потому лишь мимоходомъ упомянули объ усиліяхъ создать итальянскую трагедію и комедію, хотя въ свое время Аріосто и Макіавелли казались безсмертными творцами въ этомъ отношеніи. Время показало, что итальянцы слишкомъ склонны къ фарсу, чтобы не только создать, но и оцѣнить правильную комедію, и слишкомъ склонны къ мелодрамѣ, чтобы понять или создать настоящую трагедію. Такъ, въ наше время страшный ненавистникъ французовъ Альфьери, воображая, что создастъ итальянскую трагедію, вывелъ на сцену не что иное, какъ подражаніе французскому напыщенному паѳосу.

Ни одному изъ новыхъ народовъ, не смотря на всѣ старанія и возгласы, не удалось произвести эпоса или—иными словами—героической національной поэмы Гомера, хотя нѣмцы и шотландцы ближе всѣхъ подошли къ этой цѣли. Говоря о нѣмцахъ, мы имѣли въ виду, конечно, не Клопштока съ его «Мессіадой»; а «Книгу героевъ» и «Пѣснь Нибелунговъ». И та, и другая выросли на нашей почвѣ и не были ни подражаніемъ Гомеру, ни фабрикаціей по правиламъ Аристотеля. Даже «Энеида» Виргилія, плѣняющая музыкальностью языка и сентенціями въ греческомъ вкусѣ, совсѣмъ не то, что хотѣлъ сдѣлать изъ нея Виргилій, какъ ни превосходна она, въ чемъ согласны всѣ мы, вышедшіе изъ старыхъ школъ и наизусть вызубрившіе Горацієвъ и Виргиліевъ.

Итальянцы еще въ раннюю пору своей исторической жизни искали и нашли повѣствовательную форму въ поэзіи (стр. 174). Это была форма не гомеровская, но вполнѣ національная, полная занимательности и ироніи. Ею были однако недовольны и, во что бы то ни стало, хотѣли имѣть Гомера или Виргилія. Это побудило Тассо соединить два противоположные элемента, эпическій и романтическій, изъ чего не могло выйдти ничего хорошаго. Поэзія Гомера вполнѣ демократична; его цари лишь первые между равными. Эпопея Виргилія была уже аристократична, какъ и его буколики. Поэма Тассо (что бы ни толковали о распѣваніи строфъ изъ нея венеціанскими гондольерами и т. под.) произведеніе не народное, а монархическое и приноровленное къ вкусу роскошной эпохи Льва X Медичи и Альфонса Феррарскаго. Все это не вредитъ красотѣ классическихъ произведеній этого времени; мы пишемъ исторію, а не критику, и эстетика не наше дѣло. Въ дальнѣйшихъ замѣткахъ мы укажемъ только на то, какъ романтически-повѣствовательная поэзія среднихъ вѣковъ, возникшая въ народѣ и своими формами облачавшая недостатокъ внѣшняго образованія, была переработана Пульчи

и другими, и ихъ ироническими дополненіями, насмѣшками и поруганіемъ народныхъ вѣрованій пришлась по вкусу скептической аристократіи XV столѣтія.

Мы скажемъ далѣе, какъ Аріостъ, не думая вовсе о Гомерѣ и Аристотелѣ, воспользовался матеріаломъ, собраннымъ Боярдо и Берни (стр. 176), чтобы произвести оригинальную героическую поэму; тамъ же покажемъ мы и поводы, заставившіе нѣсколько позже Тассо приноровлять эпосъ и идиллію къ вздорнымъ эстетическимъ требованіямъ. Теперь намъ слѣдуетъ сказать, что въ этомъ столѣтіи, когда только при дворахъ, да въ кружкахъ высшей аристократіи можно было найти вкусъ и образованность, когда всякая еретическая мысль, всякое революціонное слово строжайшимъ образомъ запрещались и жестоко наказывались, читателей и сбытъ находили лишь самые распущенныя въ нравственномъ отношеніи поэмы, сатиры и повѣсти, точь въ точь какъ при Лудовикахъ XIV и XV и въ наше время. Для доказательства стоитъ только назвать одного писателя, который въ площадномъ и грязномъ безстыдствѣ превзошелъ все, что только было писано и печатано циническаго и подлаго, включая сюда и «Pucelle» Вольтера. Характеристично то, что подобному автору покровительствовалъ папа, что его уважали и щедро награждали Карлъ V и всѣ современные ему государи, что наконецъ его защищало даже вообще столь неумолимо-грозное и строгое аристократическое правительство Венеціи. Писатель этотъ извѣстнѣе всего подъ именемъ Петра Аретина или Піетро д'Ареццо, по городу, гдѣ онъ родился. Онъ съ молоду былъ злобенъ и распутенъ, и его тогда еще выгнали изъ роднаго города. Но въ тѣ времена остроуміе и злость считались геніальностью, и слава Аретина скоро далеко распространилась, потому что онъ, какъ французъ Вольтеръ, владѣлъ языкомъ, колкой насмѣшкой и стихомъ, какъ немногіе изъ его современниковъ. Льву X, собиравшему при своемъ блестящемъ дворѣ художниковъ и ученыхъ, которые превозносили его до небесъ, нравились возмутительно-циническія стихотворенія Аретина, и онъ далъ ему незначительную должность.

Въ Римѣ Аретинъ познакомился съ Николо Франко, занимавшимся такимъ же грязнымъ и богохульнымъ сочинительствомъ, за которое ему подъ конецъ пришлось дорого поплатиться. Онъ помогалъ Аретину своими учеными познаніями, которыхъ у того не было. Понятно, что такіе люди, какъ Николо Франко и Петръ Аретинъ, не могли долго оставаться друзьями. Впослѣдствіи они забавляли въ теченіе двадцати лѣтъ знатную публику своего времени отвратительно-грязными, циническими и полными ругательствъ сатирами, которыя писали другъ противъ друга. Николо Франко написалъ на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ книгу, съ грубой сальностью которой могутъ сравниться развѣ только творенія Аретина. Эта книга содержитъ въ себѣ двѣсти восемнадцать сатиръ на Аретина и наполнена неслыханными гадостями. И такая-то книга могла въ странѣ самаго рьянаго религіознаго фанатизма разойтись въ промежутокъ 1543—48 гг. въ трехъ изданіяхъ *)! Мы упомянули о Николо Франко и о Петрѣ Аретинѣ только съ тѣмъ, чтобы показать, какіе люди и какія произведенія были терпимы въ Италіи въ то время, какъ Савонаролу, Оккино, Петра Мученика и другихъ благочестивыхъ людей жгли и изгоняли. Николо Франко болѣе двадцати пяти лѣтъ безпутствовалъ въ Римѣ; наконецъ папа Пій V вышелъ изъ терпѣнія и въ 1569 г. велѣлъ его повѣсить.

Петръ Аретинъ, какъ человѣкъ и писатель, былъ ни на волосъ не лучше; но онъ пользовался всемірной славой и ему покровительствовали государи и города. Изъ Рима ему пришлось выѣхать по слѣдующему поводу. Джуліо Романо (или даже, какъ утверждали нѣкоторые, Рафаэль) нарисовалъ съ удивительнымъ мастерствомъ шестнадцать возмутительныхъ для чистаго чувства сценъ утонченнаго сладострастія, и къ этимъ-то рисункамъ, превосходно вырѣзаннымъ на мѣди въ Болоньѣ Марко Антоніо, Аретинъ написалъ шестнадцать непристойныхъ со-

*) Она озаглавлена: «Commentario sulla Priapea di Nicolo Franco». Дерзость посвященія показываетъ, что за отребье человѣчества былъ авторъ. Въ немъ говорится: «Agli infami principi dell'infame secolo suo Nicolo Franco Beneventano. Principi! Jo v'ho parlato in prosa. Che parte haggiate frà tante infamie v'el potre connoscere, se la vostra trascuraggine non sia cosi cieca in leggiere com'è sta in danare.»

нетовъ (sonnetti lussuriosi). Изъ-за этихъ сонетовъ ему пришлось удалиться изъ Рима, и онъ отправился на родину въ Ареццо. Здѣсь онъ явился удивитсльно ловкимъ дипломатомъ, поражая своими ядовитыми пасквилями тѣхъ, кто не могъ ему вредить, и, напротивъ, ссужая своимъ жаломъ людей сильныхъ и щедрыхъ къ нему. Онъ получилъ почетную золотую цѣпь отъ Франциска I, а отъ папы позволеніе возвратиться въ Римъ. Находясь въ венеціанскомъ посольствѣ къ Карлу V, онъ пользовался большимъ вниманіемъ императора, чѣмъ кто либо изъ посланниковъ. Аретинъ былъ такъ же хвастливъ и грубъ, какъ злобенъ, колокъ и ловокъ въ выраженіяхъ. Зная всѣ слабости своего времени, всѣ пороки и распутства государей и аристократіи, Аретинъ хвалился, что онъ могущественнѣе и страшнѣе папы и императора. Мы приведемъ его собственныя слова, чтобы показать, какъ скромно онъ выражался. «Чего вамъ нужно?» говоритъ онъ: «я извѣстенъ персидскому шаху и индійскому моголу; во всемъ мірѣ никто не сравнится съ моею славой. Такъ чего же вы хотите?»

Намъ, нѣмцамъ, трудно найдти что нибудь хорошее въ этомъ дрянномъ человѣкѣ и въ его гнусныхъ сочиненіяхъ. Даже Монтань, умѣвшій подчасъ находить остроуміе и философію въ грязномъ цинизмѣ, признаетъ въ Аретинѣ лишь посредственное дарованіе. Но не такъ думаютъ о немъ итальянскіе авторитеты. Такъ Альфьери, съ неслыханнымъ прилежаніемъ изучавшій родной языкъ и старавшійся возвратить его отъ опернаго тона и изнѣженности къ древней мужественной силѣ, говоритъ, что многимъ обязанъ изученію діалоговъ Аретина. Насъ впрочемъ не должны удивлять успѣхъ и удача Аретина. Онъ былъ истый итальянецъ, имѣлъ природное дарованіе, не боялся ни Бога, ни людей и былъ знакомъ съ самыми извращенными наслажденіями своихъ развратныхъ земляковъ, нравственно испорченныхъ дворовъ и утопавшаго въ роскошной праздности духовенства. Сочиненія его, за исключеніемъ комедій, такого рода, что иногда даже заглавіе ихъ трудно произнести, не краснѣя; къ счастію они очень рѣдки. Только въ комедіяхъ своихъ онъ не былъ циниченъ, и онѣ отличаются народнымъ тономъ. Нельзя поэтому не пожалѣть, что въ Италіи, изъ-за господства импровизированной комедіи и оперы, пренебрегали правильной комедіей (Comedie del arte), превосходные опыты которой представили Аретинъ, Аріосто и Макіавелли.

Ѣдкая сатира Аретина совпадала съ настроеніемъ времени. Негодованіе общества рвалось наружу рѣзкими путями. Стоитъ только вспомнить, какой длинный списокъ людей, владѣвшихъ ироніей и злою сатирой, представляетъ намъ XVI в. Во Флоренціи низшіе классы отличались остроуміемъ и оригинальностью, такъ что два безсмертныя имени въ исторіи литературы XVI стол. принадлежатъ — одно сапожнику, другое портному этого города. Сапожникъ Джелли былъ авторомъ очень популярныхъ «Діалоговъ» во вкусѣ «разговоровъ» Лукіана, а по смерти его, въ 1569 г., портной Микель Капри произнесъ надъ гробомъ его рѣчь, которая считается образцовымъ произведеніемъ народнаго итальянскаго краснорѣчія.

Чтобы имѣть успѣхъ между своими современниками, даже высшіе классы должны были поддѣлываться подъ тонъ Аретина. Всѣ требовали, чтобы писатели дѣйствовали не утонченностями діалектики, а грубымъ смертоноснымъ оружіемъ. Классическія сатиры Аріосто и Нелли, написанныя въ аристократическомъ тонѣ Горація, имѣли читателей, но не публику. Напротивъ, Берни (стр. 177) пришелся больше по вкусу своимъ землякамъ. Сатиры его не такъ грязны, какъ сатиры Аретина, но едва ли не язвительнѣе ихъ *).

---

*) Мы приведемъ изъ нихъ лишь два образца и при томъ въ подлинникѣ, такъ-какъ никакой переводъ, какъ бы ни былъ хорошъ, не дастъ полнаго понятія о ихъ характерѣ. Беремъ сначала стихи Берни противъ Адріана VI. Этотъ папа былъ, какъ извѣстно, сынъ портнаго, на что намекаетъ стихотвореніе, а также на нидерландское происхожденіе Адріана и на то, что онъ былъ намѣстникомъ Карла V въ Испаніи и преемникомъ флорентинца Льва X, вслѣдствіе чего упоминается о «Tedeschi» (нѣмцахъ), «Marrani» (маврахъ) и «Fiorentini» (флорентинцахъ). Вотъ самые стихи:

«O poveri infelici cortegiani,
Usciti delle man dei Fiorentini

Что касается эпоса, то мы уже упоминали (стр. 174 и сл.), что не мало поэтовъ занималось составленіемъ героическихъ поэмъ на манеръ Гомера. Собранный ими матеріалъ представилъ Боярдо въ огромной массѣ стиховъ. Но произведеніе Боярдо было лишено изящной формы. Поэтому три итальянскихъ поэта въ XVI стол. пытались создать истинно-національную героическую поэму, двое изъ матеріаловъ, представляемыхъ Боярдо, а третій—изъ романтическаго сюжета, которому онъ хотѣлъ дать классическую форму, не бывшую въ виду у двухъ первыхъ. Три поэта эти были: Аріосто, жившій и писавшій до 1533 г., Берни, умершій въ 1538 или въ 1544 г. и Тассо, доживщій до 1595 г.

Не обращая вниманія на піитику Аристотеля, Берни и Аріосто, придерживались «Влюбленнаго Роланда» Боярдо или—другими словами—поэтическихъ народныхъ былинъ о Карлѣ Великомъ и его паладинахъ, былинъ, которыя жили въ устахъ народа и пѣлись странствующими пѣвцами во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Берни, очень остроумный сатирикъ, слѣдовалъ въ точности Боярдо и только переработалъ его, но съ паладинами и ихъ подвигами поступилъ такъ же, какъ Пульчи въ «Morgante» (стр. 174 и сл.), только не пускаясь въ крайности, какъ тотъ. Въ «Orlando Inamorato», который ему первому обязанъ своею извѣстностью, Берни выбросилъ всѣ тривіальные и плохіе стихи, другіе же обработалъ, исправилъ и вставилъ множество сентенцій и остротъ, но сохранилъ наивную и народную манеру разсказа *). Онъ воспользовался при этомъ успѣхами, сдѣланными въ его вѣкъ итальянскимъ языкомъ, надъ которымъ работали классическіе ученые и многіе писатели.

Аріосто также удержалъ шутливый и часто ироническій тонъ повѣствовательной народной поэзіи. Тонъ этотъ, въ подражаніяхъ Виланда, Альксингера, Никола и другихъ, слѣдовавшихъ Аріосту, кажется намъ, нѣмцамъ, по несходству нѣмецкаго характера съ итальянскимъ, нѣсколько натянутымъ, и остроты названныхъ авторовъ бываютъ часто пошлы. Величавая поэзія Аріосто, это очаровательное соединеніе чудеснаго и причудливаго съ ироніей, проницательностью и возвышенностью, ускользаетъ, правда, отъ вниманія обыкновеннаго читателя: но за то знатокъ классической литературы найдетъ въ «Неистовомъ Роландѣ» Аріоста все то, чѣмъ плѣнялся въ «Разговорахъ» Платона. Плавность и естественность стиховъ, ихъ натуральное благозвучіе, не нарушаемое ни однимъ искусственнымъ тономъ, увлекающая сила, полнота и порывистость рѣчи, мѣткость въ выраженіи и выборѣ словъ,—всѣ эти достоинства Аріосто такъ очаровали итальянцевъ, что онъ сдѣлался для нихъ, какъ Гомеръ для грековъ, образцомъ и источникомъ истинно-итальянской поэзіи. Сила воображенія у Аріосто была такъ же плодовита и неистощима, какъ у Данте, но въ другомъ родѣ. Всѣ описательныя мѣста отличаются у него естественностью, точнымъ и яркимъ колоритомъ и правдой. Онъ не объясняетъ, не описываетъ, не разсказываетъ, а ставитъ все живьемъ передъ глазами читателя. Странно слушать, когда его обвиняютъ въ томъ, что манера его разсказа не такова, какъ у Гомера. Въ томъ-то и великое преп-

---

E dati in preda a Tedeschi e Marrani,
Che credete che importin quegli uncini
Che porta per impresa quest' Arlotto,
Figliol' d'un cimador de'panni lini?

Слѣдующіе стихи Берни направлены противъ Александра Медичи, который былъ навязанъ флорентинцамъ Клементомъ VII и предавался въ Венеціи жестокостямъ и распутству, неслыханнымъ со временъ Каракаллы.

«Empio signor, che de la roba altui
Lieto ti vai godendo e del sudore:
Venir ti possa un canchero nel cuore:
Che ti porti di peso regni bui.
E venir possa un canchero a colui (Клементу VII),
Che di quella citta ti fe signore.
E s' egli è altro che ti diu favore
Possa venir un canchero anch a lui».

*) Онъ прибавилъ къ поэмѣ, какъ говорятъ итальянцы, copia de lepidezze.

мущество его передъ Тассо, что онъ не хотѣлъ быть ни Виргиліемъ, ни Гомеромъ, а оставался только итальянцемъ и сыномъ своего времени. Это забывалъ Альфьери, упрекая Аріосто въ безпорядочности разсказа. Этотъ мнимый недостатокъ находился и въ источникахъ, которымъ слѣдовалъ Аріосто; притомъ эта довѣрчивая манера, это обращеніе съ читателемъ съ добродушной фамильярностью, какъ съ старымъ знакомымъ, очень нравится итальянцамъ въ Аріосто. Впрочемъ, стоитъ только прочитать начальныя строфы каждой пѣсни поэмы, чтобы убѣдиться, что, не смотря на свои веселыя шутки и небрежность своей манеры, Аріосто въ должныхъ мѣстахъ постоянно возвышается до страсти и является столь же серьезнымъ, какъ Аристофанъ въ хорахъ своихъ далеко не утонченныхъ комедій.

Мѣсто не позволяетъ намъ привести болѣе двухъ отрывковъ изъ поэмы Аріосто, чтобы показать серьезность его философскихъ замѣчаній, легкое теченіе его стиховъ и живость и прелесть его описаній. Мы не прилагаемъ къ нимъ перевода, потому что другой языкъ не можетъ передать всей музыкальности подлинника. Оба отрывка взяты изъ шестой пѣсни,—одинъ изъ начала ея *), другой изъ середины, гдѣ описываются сады герцога Альфонса Феррарскаго **).

Тассо хотѣлъ удовлетворить требованіямъ классическихъ ученыхъ своего времени и новаго поколѣнія, воспитаннаго на грамматикѣ и риторикѣ послѣднихъ двухъ столѣтій, хотѣлъ угодить придворнымъ и дамамъ, желавшимъ имѣть эпопею во вкусѣ Виргилія. Тассо достигъ этой цѣли. Заслуга его не умаляется тѣмъ, что онъ къ Аріосто и Данте, и даже къ Берни, стоитъ въ такомъ же отношеніи какъ Эврипидъ къ предшествовавшимъ ему трагикамъ. Какъ его, такъ и послѣдующее время видѣли дѣйствительный и существенный прогрессъ въ томъ, что было лишь усовершенствованіемъ формы. Кто же дерзнулъ бы противопоставить свое одиночное сужденіе взгляду столькихъ поколѣній? Тѣ или другіе недостатки, находимые у Тассо, были недостатками времени, для котораго онъ работалъ. Въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ о немъ читатель не найдетъ безусловной похвалы; но это происходитъ оттого, что въ Тассо, усовершенствовавшемъ форму, художникѣ поэтическаго языка, пренебрегавшаго и силою Данте и естественностью Аріосто, мы видимъ какъ и въ Эврипидѣ, высшую степень цивилизаціи, съ которой вездѣ и всегда, въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ, начинается упадокъ. Тассо взялъ сюжетъ для своего произведенія тоже изъ цикла рыцарскихъ былинъ, но не о паладинахъ Карла Великаго или Круглаго Стола, а о религіозныхъ походахъ на Іерусалимъ. Какъ Боярдо, Аріосто и Берни, онъ воспѣвалъ любовь, рыцарство

---

*) Miser, chi male oprando si confida,
Ch' ognor star debbia il maleficio occulto;
Che quande ogni altro tace, intorno grida
L' aria e la terra istessa, in ch' é sepulto:
E Dio fa spesso, che'l peccato guida
Il peccator, poich' alcun di glin ha indulto,
Che se medesmo, senz' altrui richiesta,
Inavedutamente manifesta.

**) . . . Culte pianure e delicati colli,
Chiare acque, ombrose ripe e prati molli;
Vaghi boschetti di soavi allori,
Di palme e d' amenissime mortille;
Cedri ed aranci, ch' avean frutti e fiori
Contesti in varie forme e tutte belle,
Facean riparo ai fervidi calori
De' giorni estivi con lor spesse ombelle;
E tra quei rame con sicuri voli
Cantando se ne giano i rosignuoi.
Tra le purpuree rose ed i bianchi gigli
Che tepida aura freschi ognora serba,
Sicuri si vedean lepri e conigli
E cervi con la fronte alta e superba,
Senza temer ch' alcun gli uccida o pigli,
Pascano o stiano ruminando l'erba:
Saltano i dami ed i capri snelli, e destri,
Che sono in copia in quel luoghi campestri.

и христіанскій энтузіазмъ; но онъ откинулъ иронію и шутку и пустился въ свѣтскій сентиментализмъ. Онъ пишетъ про чудеса и волшебства, но воздаетъ должную честь и святымъ, и въ особенности церковной іерархіи.

Данте бралъ «Энеиду» съ тѣмъ, чтобы одухотворить разсужденія и поэтическую декламацію Виргилія, и превратить ихъ въ новую, аристократическую философію. Тассо только перефразируетъ Виргилія, заботясь о занимательности и о благозвучіи. Онъ обращается съ древними, какъ Вергилій съ Гомеромъ. Его можно объяснять цитатами древнихъ поэтовъ, которыхъ онъ часто цѣликомъ переводитъ, какъ Гейне, объясняющій въ своихъ примѣчаніяхъ Виргилія Гомеромъ. Читая Данте и Аріосто, любитель древнихъ авторовъ вездѣ чувствуетъ, подъ вліяніемъ какого именно мѣста, какого древняго поэта они написали то или другое; но воспроизведеній въ собственномъ смыслѣ у нихъ очень мало. Совсѣмъ не то у Тассо *). Это не отнимаетъ цѣны у его произведенія, а показываетъ только, что Тассо—о чемъ только мы и можемъ говорить здѣсь—жилъ въ такое время, когда въ поэзіи гладкость, занимательность и пріятность цѣнились болѣе чѣмъ оригинальность, геній и глубина. Оттого-то Тассо довольно точно соблюдалъ правила Аристотеля и, чтобы не утомлять своей публики, далъ своей поэмѣ гораздо меньшій объемъ, чѣмъ его предшественники своимъ. Произведеніе Боярдо представляется чѣмъ-то въ родѣ депо богатырскихъ сказокъ; Берни тоже не могъ добраться до конца своей поэмы, и Аріосто, предполагающій читателя знакомымъ съ произведеніемъ Берни и какъ бы продолжающій его, страшно растягиваетъ свою поэму. Въ первомъ изданіи (1516 г.) она состояла изъ сорока, а во второмъ, исправленномъ (1533 г.) изъ сорока шести пѣсенъ, изъ которыхъ въ каждой около восьмидесяти восьмистишныхъ строфъ (октавъ).

Какъ ни романтиченъ «Освобожденный Іерусалимъ», но Тассо старался сблизить содержаніе его съ исторіей, или, лучше сказать, вмѣстить историческія черты въ поэтическій вымыселъ, не думая о томъ, что такіе элементы несовмѣстимы. Историческое у Гомера и Виргилія есть миѳъ или національное преданіе изъ темной давней эпохи, съ которымъ можно дѣлать, что угодно; «Фарсалія» Лукана не эпосъ, а скорѣе поэтическо-историческій разсказъ стоика. Тассо часто слѣдуетъ съ такою точностью извѣстіямъ писателей временъ крестовыхъ походовъ (которыми могъ пользоваться еще въ рукописи), что нерѣдко стихи его могутъ служить историческимъ дополненіемъ или объясненіемъ дѣйствительной исторіи.

Та же манера, та же передѣлка Виргилія, та же сентиментальность, которыя мы видимъ въ поэмѣ Тассо, встрѣчаются и въ его идилліяхъ; но здѣсь не видно уже ни того мастерства формы и языка, ни того чувства, какими отличается «Освобожденный Іерусалимъ»; отъ идиллій Тассо только одинъ шагъ до того извращенія вкуса, которое произвело «Вѣрнаго Пастушка» («Pastor Fido») Гварини. Упадокъ итальянской поэзіи въ лицѣ Гварини и Марини совпадаетъ со временемъ возникновенія классической французской поэзіи, въ особенности же съ возрожденіемъ древней, истинной комедіи въ произведеніяхъ Мольера въ XVII в. Потому мы отнесемъ наши замѣчанія объ отношеніи «Аминты» Тассо къ «Pastor Fido» Гварини и къ литературнымъ фабрикаціямъ Марини въ отдѣлъ французской литературы этого столѣтія.

6. Исторія.

Важнѣйшимъ литературнымъ событіемъ XVI столѣтія было безспорно возникновеніе церковной исторіи, какъ науки, и спеціальная обработка ея въ смыслѣ и духѣ папизма кардиналами Бароніемъ и Райнальдомъ, въ антипапскомъ, хотя и католическомъ духѣ — Паоло Сарпи, и въ протестантскомъ — такъ называемыми

---

* Съ первыхъ же страницъ «Освобожденнаго Іерусалима» видно, какъ подступалъ Тассо. Его «Canto l'arme pietose e'l Capitano» есть ни что иное, какъ перифразъ начала «Энеиды» Виргилія: Arma virumque cano», и пр. «Musa, tu che non di caduchi allori», и пр. напоминаетъ стихи Данте, а «Cosi porgiamo a l'egro faciul», и пр. есть просто переводъ стиховъ Лукреція.

магдебургскими центуріаторами. Труды первыхъ были вызваны послѣдними, и потому объ итальянскихъ церковныхъ историкахъ и ихъ произведеніяхъ умѣстнѣе будетъ поговорить въ слѣдующемъ томѣ.

Такимъ образомъ мы остановимся здѣсь только на политической исторіи. Въ XVI столѣтіи она приняла въ Италіи то же направленіе, какое мы видимъ въ ней вездѣ въ наши дни. Она была риторическаго, софистическаго, дипломатическаго и руководительно-политическаго характера. Безъ всякихъ разсужденій ясно, какъ страдаетъ сущность дѣла, когда вниманіе обращается преимущественно на форму; какъ исчезаетъ простая философія жизни, когда историкъ, для того ли, чтобы быть полезнымъ, или чтобы прославиться, или для того лишь, чтобы быть читаемымъ, долженъ писать то, чего требуетъ отъ него такъ называемое образованное общество его времени. Такъ точно, обращаясь къ итальянскимъ историкамъ XVI вѣка, мы можемъ удивляться въ нихъ, какъ въ Тассо, великимъ достоинствамъ и высокому художественному генію и съ благодарностью признавать ихъ заслуги; но нельзя не видѣть, что они были сынами времени переутонченной цивилизаціи и должны были подлаживаться подъ духъ этого времени. Мы можемъ указывать здѣсь только на послѣднее, такъ какъ обстоятельная критическая оцѣнка авторовъ принадлежитъ уже къ области спеціальной исторіи литературы. Мы ограничимся лишь указаніемъ и намеками,—пусть читатель не ждетъ отъ насъ ни правилъ, ни описанія характеровъ, ни оракульскихъ изреченій. Мы обязаны замѣтить это, чтобы насъ не укоряли, будто намъ хочется противорѣчить тому, что твердо укоренилось, или умалять то, что съ другой точки зрѣнія представляется неоспоримо-великимъ. Только глупцы или упрямцы могутъ говорить, что вещи, поставленныя очень высоко одобреніемъ вѣковъ и большинствомъ голосовъ, не стоятъ этого мѣста; но въ то же время большинство и ученые неправы, негодуя на то, что человѣкъ высказываетъ свое собственное воззрѣніе, составленное собственнымъ изслѣдованіемъ и размышленіемъ.

Въ теченіе XV столѣтія, какъ было уже замѣчено (т. III стр. 687), передовые люди Италіи во всѣхъ городахъ и областяхъ старались писать исторію своего отечества классическою латынью, такъ какъ всѣ акты, дипломатическія ноты, письма и пр. писались на этомъ языкѣ, и, слѣдовательно, каждый дипломатъ и министръ долженъ былъ владѣть въ совершенствѣ латинскимъ языкомъ. Это измѣнилось, когда итальянскій языкъ былъ вполнѣ разработанъ и возродилась древняя цивилизація. Мы будемъ поэтому говорить здѣсь только о людяхъ, писавшихъ исторію своего времени на родномъ языкѣ. Только по нимъ можно судить о характерѣ времени, такъ какъ тѣ, которые, чтобы быть признанными, писали по латыни, должны были до смѣшнаго и нелѣпаго гоняться за древне-классическимъ способомъ выраженія. Тѣмъ не менѣе между латинскими историками, изданными Муратори въ его большой коллекціи итальянскихъ историческихъ источниковъ, есть не мало хорошихъ произведеній. Но наше дѣло не критиковать историческіе источники XVI вѣка, а взглянуть на духъ и образованность этого времени. Мы ограничимся указаніемъ лишь на нѣсколькихъ писателей и на ихъ труды, которые покажутъ намъ, что и лучшія, донынѣ считающіяся классическими, историческія произведенія носятъ на себѣ храктеръ своего вѣка. Въ глазахъ людей здравомыслящихъ это такъ мало вредитъ имъ, что, напротивъ, они заслуживали бы порицанія, еслибъ были не сынами своего времени, а фигурами въ костюмѣ Ѳукидита или Тацита, какъ это часто встрѣчается у нѣмцевъ.

Изъ числа историковъ слѣдуетъ по многимъ причинамъ прежде всего назвать М а к і а в е л л и. Взглядъ на его практическую дѣятельность покажетъ, что онъ долженъ былъ предпочитать политическую мудрость философской и по привычкѣ съ необыкновеннымъ искусствомъ, софистикой и изяществомъ слога писать политическія и дипломатическія творенія; взглядъ этотъ покажетъ, что онъ былъ склоннѣе къ умному и полезному, чѣмъ къ мудрому, истинному и благому. При вступленіи его въ общественную жизнь, мы находимъ Макіавелли республиканцемъ на службѣ аристократической партіи во Флоренціи, стало быть противникомъ Медичи, стоявшихъ во главѣ демократической партіи. Козьма Медичи и сыновья его играли роль Цезаря; Макіавелли, напротивъ, пока аристократія была въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, разыгрывалъ Цицерона. Въ эту пору онъ былъ государственнымъ секретаремъ флорентинской республики и въ качествѣ посланника

брался за важнѣйшія дѣла, которыхъ никогда не взялъ бы на себя человѣкъ съ рогими принципами или, взявшись, повелъ бы дурно. Въ 1499 г. Макіавелли былъ посланъ для веденія интригъ къ графу Форли. Четыре раза (1500, 1503, 1510 и 1511 г.) съ подобными же цѣлями ѣздилъ онъ къ французскому двору. Такъ же точно былъ онъ посланъ въ Пизу и сблизился въ 1502 г. съ Цезаремъ Борджіа, котораго восхваляетъ какъ политика, не заботившагося о нравственности. Въ 1503 и 1506 г. интриговалъ онъ въ Римѣ; а какую политическую мудрость тамъ искали и чтили—можно легко судить по тому, что было разсказано нами прежде. Въ 1505 г. Макіавелли былъ посланъ въ Перуджію, тогда же и потомъ еще разъ (1509 г.) въ Мантую и къ синьйору Піомбино, въ 1504 г. три раза въ Сіену, въ 1507 г. къ императору Максимиліану I. Впослѣдствіи онъ служитъ совсѣмъ иной политикѣ, ѣздилъ въ 1521 г. въ Карпи и въ 1523 г. въ Венецію. Въ 1526 г. Макіавелли былъ посланъ къ Гвиччіардини, который управлялъ тогда папскими дѣлами въ Ломбардіи. Изъ всего этого видно, что для правильнаго обсужденія различныхъ историческихъ и политическихъ мнѣній и взглядовъ Макіавелли слѣдуетъ изучить сначала его посольскія донесенія или письма къ своему правительству (Signoria). Дипломатъ не можетъ оставить ихъ безъ вниманія; но они показываютъ въ то же время, что политикъ съ полнымъ довѣріемъ можетъ обратиться за поученіемъ къ произведеніямъ Макіавелли; историкъ же, напротивъ, долженъ читать ихъ съ тою же осмотрительностью, съ какою нѣмецъ читаетъ произведенія Іоганна Миллера. Дипломатическія извѣстія Макіавелли, изданныя въ первый разъ во Флоренціи подъ заглавіемъ «Legazioni», въ 1767 г., занимаютъ два тома въ миланскомъ изданіи «Classici Italiani». Мы встрѣчаемся и въ нихъ со всею утонченностію образованнаго итальянца изъ высшаго класса общества, со всею образованностью и ученостью знатока классической древности и въ то же время со всѣми хитростями и увертками софистическаго поколѣнія, совершенно лишеннаго честности, правды и религіозности.

Въ 1512 г. Макіавелли, Каппони, Босколи и нѣсколько другихъ приверженцевъ старой аристократической республики были запутаны, справедливо или нѣтъ, въ процессъ по поводу заговора, который имѣлъ цѣлью истребить во Флоренціи всю фамилію Медичи. Пытка ужасно изуродовала Макіавелли. Съ этого времени началось для него удаленіе отъ политической дѣятельности, длившееся съ 1513 г. по 1519 г. и бывшее для него тяжелѣе, чѣмъ для другихъ. Въ это время Макіавелли трудился надъ своими сочиненіями, которыя, не смотря на свои совершенства, обличаютъ повсюду, какъ стихотворенія лорда Байрона, безпокойный характеръ автора. Замѣчательнѣйшіе люди трехъ послѣднихъ столѣтій и въ особенности многочисленные политики нашего времени, возвратившагося къ государственному искусству Макіавелли, какъ либералы, такъ и ихъ противники, превозносятъ его, однако, до небесъ. Если брать въ разсчетъ только геній, то они правы; мы же говоримъ только о впечатлѣніи, которое производятъ на непредубѣжденную, богобоязненную душу эти мастерскія произведенія, написанныя такимъ увлекательнымъ слогомъ и обличающія великій геній, многостороннія дарованія и рѣдкую изобразительную способность. Въ основѣ всѣхъ политическихъ и историческихъ произведеній Макіавелли—принципъ безнадежный, хотя нельзя не сознаваться, что онъ совершенно вѣренъ для круга опытности Макіавелли. Этотъ принципъ состоитъ въ томъ, что во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ главное не нравственность, а умъ, власть и сила. Макіавелли при этомъ и не подозрѣваетъ, къ какимъ страшнымъ результатамъ повела бы такая мысль, еслибы стала обще-признанною истиной.

Идеалами Макіавелли были аристократическій Римъ и олигархическое правительство Венеціи; кромѣ того, имъ руководилъ и собственный опытъ въ эпоху, какой мы ее изобразили прежде,—и потому ему было не трудно приноровить римскую исторію къ своимъ политическимъ взглядамъ. Онъ сдѣлалъ это въ своихъ «Бесѣдахъ о Ливіи» («Discorsi sulla storia dl Tito Livio»), основою которымъ служили лекціи, читанныя имъ аристократической молодежи Флоренціи въ садахъ Руччелаи. Художественныя достоинства этихъ разсужденій о римской исторіи признаны всѣми и, не имѣя въ виду критическаго разбора, мы не станемъ распространяться о нихъ. Макіавелли старался въ своихъ бесѣдахъ, съ талантомъ и пріемами древнихъ ораторовъ, доказать юношамъ, воодушевленнымъ энтузіазмомъ

къ Риму и древней Флоренціи, что нѣтъ ничего выше римскихъ учрежденій. Онъ совершенно забываетъ при этомъ, какъ наши англоманы, что обиліе и блескъ еще вовсе не совершенство и не благо для всѣхъ безъ различія гражданъ. Впрочемъ, съ своей ученостью и искусствомъ въ дипломатической софистикѣ, Макіавелли было не трудно возвысить значеніе римскихъ учрежденій; приводя въ сравненіе тогдашнюю Францію и Англію и имперію временъ Тацита, онъ могъ доказать, что все позднѣйшее хуже. Какъ государственный человѣкъ и софистъ блестящей эпохи, какою была пора его молодости, Макіавелли извиняетъ всѣ злодѣянія; онъ старается представить неважными распри народа съ патриціями; политическое воззрѣніе римлянъ кажется ему превосходнымъ; напротивъ, христіанство онъ отодвигаетъ на второй планъ и приписываетъ упадокъ Италіи папству и его власти. Натяжки и парадоксы онъ подкрѣпляетъ фактами съ такимъ искусствомъ и съ такою ученостью, что величайшіе археологи приходили въ восторгъ, находя у Макіавелли доказаннымъ, по ихъ мнѣнію, то, что имъ страстно хотѣлось считать доказаннымъ. Впрочемъ, бесѣды Макіавелли о Титѣ Ливіи очень подробны, и для пониманія ихъ необходимо серьезное изученіе древности и близкое знакомство съ аристотелевскими принципами государственной мудрости. Поэтому ихъ едва ли понимали или даже читали съ должнымъ вниманіемъ люди, наиболѣе кричавшіе о нихъ въ наше время.

Сочиненіе Макіавелли «О войнѣ» (Della guera), въ семи книгахъ, показываетъ намъ его человѣкомъ, далеко превышающимъ свой вѣкъ, и историкомъ-политикомъ, который видѣлъ насквозь недостатки людей и правительствъ своего времени, указалъ настоящія средства поправить зло и вслѣдствіе этого не нашелъ послѣдователей. Онъ старается пробудить итальянцевъ отъ сна, въ который погрузила ихъ роскошь и изнѣженность, и указываетъ на причины ихъ слабости, которою воспользовались иностранцы для подавленія Италіи. Онъ обращаетъ вниманіе на вредъ системы заставлять сражаться за себя людей, нанятыхъ за деньги (кондотьери), и совѣтуетъ образовать родъ земскаго ополченія; чтобы совѣтъ его былъ дѣйствительнѣе, онъ пользуется пробудившимся тогда въ Италіи энтузіазмомъ къ древнему Риму и его учрежденіямъ. Въ этомъ случаѣ его превосходное знаніе исторіи служитъ ему не для подкрѣпленія софизмовъ, а для историческихъ цѣлей. Макіавелли показываетъ итальянцамъ, что Клавдій Марцеллъ, Марій, Сципіоны, Юлій Цезарь съ одними итальянцами побѣдили всѣ тѣ народы, которые теперь подавляютъ Италію.

Это сочиненіе посвящено молодымъ друзьямъ автора, Буондельмонте и Луиджи Аллеманни, которымъ онъ читалъ лекціи о римской исторіи. Для нихъ же написалъ онъ еще небольшую книгу, въ которой старается опровергнуть тѣхъ, которые утверждаютъ, будто то, что было возможно въ Италіи во времена древнихъ римлянъ, теперь невозможно. Эта книга—біографія Каструччіо Кастракани (т. III, стр. 272 и сл.). Отношеніе ея къ цѣли всѣхъ произведеній Макіавелли—пробудить прочный патріотизмъ и благородное національное чувство въ своихъ соотечественникахъ, погруженныхъ въ роскошный и изнѣженный сонъ—было, повидимому, упущено изъ виду многими, писавшими о Макіавелли. Даже Генгене, очень подробно говорящій о Макіавелли въ VIII томѣ своей «Исторіи итальянской литературы», не указываетъ, въ чемъ именно состоитъ значеніе этой біографіи, хотя, судя по одному мѣсту въ его сочиненіи, онъ, кажется, чувствовалъ это значеніе. Макіавелли смотрѣлъ на исторію не какъ на цѣль или—другими словами—не какъ на изображеніе случившагося, а какъ на средство. Вотъ почему онъ выбралъ жизнь гражданина такого маленькаго государства какъ Лукка, чтобы на ней осязательно показать, что человѣкъ съ характеромъ и талантомъ, даже и въ падшей Италіи, можетъ, начавъ съ немногаго, возвеличить и себя, и свое отечество. Макіавелли и здѣсь остается вѣренъ своему политическому принципу, противопоставляемому имъ іезуитизму и лицемѣрной католической философіи. Герой Макіавелли формулируетъ свой принципъ такъ: «Человѣкъ не долженъ ни передъ чѣмъ робѣть и отступать, онъ долженъ все испытывать, на все рѣшаться». Это лишь одинъ изъ выводовъ, сдѣланныхъ Макіавелли изъ своего опыта; само собою разумѣется, что кто на все рѣшается и хочетъ все испытать, подвергается и опасности быть побѣжденнымъ и погибнуть, такъ какъ жизнь сравнивается съ лоттереей.

Собственно историческая сторона была въ этой біографіи дѣломъ постороннимъ, и Макіавелли вовсе не строго держался фактовъ; поэтому Альдъ Мануцій Младшій напрасно нападалъ на нее. Этотъ основательно-ученый мужъ употреблялъ всѣ старанія, путешествовалъ, вдавался въ изслѣдованія и изысканія, наводилъ справки, чтобы раскрыть историческія ошибки Макіавелли и доказать, что этотъ великій человѣкъ пренебрегалъ точнымъ изученіемъ фактовъ. Пункты, исправленные, какъ говорятъ, Альдомъ (мы не видали его книги), вовсе не относятся къ главной цѣли Макіавелли. Тѣмъ не менѣе, желательно бы было, именно для историческихъ изысканій, чтобы сочиненіе Альда *) не было такою библіографическою рѣдкостью. Этого сочиненія не видали не только Генгене, но и Ренуаръ, посвятившій всю свою жизнь библіографіи альдинскихъ изданій. Книга Макіавелли превосходна какъ политическое наставленіе, плоха какъ исторія и посредственна какъ біографія. Римское изящество, которому Макіавелли и въ ней, какъ въ своей «Флорентинской исторіи», жертвуетъ простотою и безъискусственною истиной, производитъ непріятное впечатлѣніе; самая характеристика слаба и лишена поэтической смѣлости Плутарха.

Единственное въ полномъ смыслѣ слова историческое сочиненіе Макіавелли, его «Флорентинская исторія» въ восьми книгахъ **), посвящено папѣ Клементу VII. Уже одно это показываетъ, что она, хотя пропитана классицизмомъ, но не могла бы быть написана перомъ какого нибудь Дино Компаньи или даже Велутелло. Въ своей «Флорентинской исторіи» Макіавелли также слѣдуетъ политической цѣли, упуская изъ виду неприкрашенную безыскусственную историческую правду; но эта цѣль самая благородная изъ всѣхъ, какія можетъ задавать себѣ писатель. Жаль только, что часто изысканное подражаніе древнимъ образцамъ, длинныя вставныя рѣчи, ухищренно-приводимыя сентенціи и съ изумительнымъ искусствомъ построенные періоды, отвлекая отъ дѣла, обращаютъ вниманіе на художественность автора. Какъ бы то ни было, Макіавелли одинъ обладалъ искусствомъ сдѣлать изъ исторіи города—всемірную исторію. Это было возможно для него лишь потому, что до него многіе превосходные писатели обстоятельно писали на родномъ языкѣ обо всемъ, относящемся до внѣшней исторіи Флоренціи, и онъ могъ предполагать въ читателяхъ своихъ фактическое знаніе и заняться преимущественно разработкою внутренней исторіи города.

Цѣль, которую преслѣдуетъ Макіавелли въ этомъ сочиненіи, мы назвали превосходною, потому что онъ старался показать своимъ соотечественникамъ, на ихъ собственной исторіи, ходъ и результатъ всей исторіи міра. Макіавелли показываетъ, что ошибки предшествующаго поколѣнія идутъ въ ущербъ послѣдующему, и разбираетъ самыя ошибки. Онъ доказываетъ ясными доводами, что физическое разслабленіе и нравственная смерть тѣсно связаны другъ съ другомъ, и что всѣ государства процвѣтаютъ лишь до тѣхъ поръ, пока въ нихъ господствуетъ простота нравовъ и пока роскошь и изнѣженность гражданъ не ослабили силы народа. Во Флоренціи, какъ показываетъ Макіавелли, правительственная власть и сила были сначала, какъ въ древнемъ Римѣ, исключительно въ рукахъ дворянства или, лучше сказать, патриціевъ; но флорентинскіе патриціи, какъ и римскіе, утратили господство отъ гордости и алчности, и оно перешло въ руки средняго сословія, или буржуазіи. Это сословіе, какъ доказываетъ Макіавелли, къ недостаткамъ, свойственнымъ среднимъ классамъ, вскорѣ присоединило и недостатки своихъ предшественниковъ, патриціевъ, и такимъ образомъ открылся путь къ власти тѣмъ, кто становился во главѣ народной массы и именемъ ея стремился къ абсолютизму. Макіавелли показываетъ читателямъ и объясняетъ постоянно измѣняющееся движеніе, волненіе и борьбу сословій и партій; въ этомъ онъ неподражаемъ. Его глубокое пониманіе всей итальянской политики и вѣрный тактъ одинаковы всюду; поэтому о весьма важныхъ предметахъ, если они чужды его характеру, онъ разсуждаетъ только какъ дипломатъ. Въ примѣръ можно, между прочимъ, привести то, что о вліяніи католицизма онъ судитъ только по

*) «Le azioni di Castruccio Castracani degli Antelminelli, signore di Lucca, con la genealogia della famiglia», Roma 1590, 4°

**) «Istorie Fiorentini di Nicolo Machiavelli, cittadino e secretario Fiorentini».

злоупотребленіямъ, вкравшимся въ него, и что такое міровое событіе, какъ крестовые походы, онъ приписываетъ исключительно политикѣ папы Урбана II.

«Флорентинская исторія» Макіавелли всегда считалась произведеніемъ художественнымъ, твореніемъ образцовымъ по стилю и силѣ описанія; мы не возьмемъ на себя смѣлости опровергать это мнѣніе, какъ прилично развѣ тѣмъ, кто предпочитаетъ слогъ Ѳукидида разсказу Тита Ливія. Впрочемъ итальянскіе писатели, Тирабоски и Джіованни Андресъ (tom III, parte II) справедливо порицали нѣкоторыя стороны сочиненій Макіавелли. Послѣдній говоритъ: «Не смотря на всѣ свои преимущества, Макіавелли еще далекъ отъ совершенства истиннаго историка. Каждая книга его исторіи начинается разсужденіемъ (dissertazione) и политическими соображеніями, которыя, по собственному его признанію, слишкомъ подробны, такъ какъ относятся къ событіямъ, происходившимъ внѣ Тосканы. Кромѣ того, онъ очень часто съ мелочною обстоятельностью разсказываетъ о предметахъ, имѣющихъ мало инереса. Слогъ его не довольно живъ и одушевленъ *). Рѣчи, которыя онъ вставляетъ, впрочемъ не очень часто, и только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ кстати, часто очень холодны и блѣдны и далеко уступаютъ рѣчамъ Тита Ливія и другихъ древнихъ историковъ.

Папа Климентъ VII принялъ «Флорентинскую исторію» Макіавелли далеко не такъ благосклонно, какъ Левъ X комедію Макіавелли, «Мандрагола». Левъ пожертвовалъ значительныя суммы на постановку этой пьесы на сцену и вызвалъ автора въ Римъ, чтобъ руководить представленіемъ. Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ только объ историческихъ трудахъ, то мы умолчимъ о другихъ произведеніяхъ Макіавелли. Изъ нихъ знаменитѣе всѣхъ его «Наставленіе государю», который хочетъ утвердить за собою власть («Del Principe»); оно вполнѣ политическаго содержанія. На тотъ родъ политики, который рекомендуетъ Макіавелли въ своей книгѣ монарху, часто нападали съ ожесточеніемъ, и даже Фридрихъ Великій написалъ опроверженіе ея. Но стоитъ только вспомнить, что Макіавелли былъ дипломатъ до мозга костей, чтобы понять, какъ могъ онъ, нѣкогда республиканецъ, написать такую книгу. До насъ дошелъ документъ, въ которомъ Макіавелли разсказываетъ, какія мученія онъ терпѣлъ, когда былъ удаленъ съ 1513 по 1519 г. отъ общественной дѣятельности, и какъ онъ не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью, пока Медичи не возвратили ему свою благосклонность и допустили къ дѣламъ. Этотъ документъ—письмо, написанное Макіавелли въ 1513 г. къ Франческо Веттори, но напечатанное только въ 1810 г. въ Миланѣ. Читая это письмо, невольно приходишь къ мысли, не написалъ ли дипломатъ своей книги «О государѣ» для лицъ, къ которымъ хотѣлъ попасть въ посланники.

Другой великій итальянскій историкъ, котораго можно поставить на ряду съ древними и произведеніе котораго служитъ въ то же время главнымъ источникомъ для исторіи послѣднихъ годовъ XV-го и первыхъ XVI-го стол.,—Франческо Гвиччіардини. Онъ родился 1482 г., былъ сначала учителемъ правовѣдѣнія во Флоренціи, потомъ авдокатомъ и затѣмъ посланникомъ. Еще въ 1512 г. онъ былъ посланъ флорентинской республикой къ королю Фердинанду арагонскому. Позднѣе онъ былъ намѣстникомъ папы въ Реджіо, гдѣ, какъ мы упомянули выше (стр. 395), обезсмертилъ себя тѣмъ, что разстроилъ нападеніе французовъ на этотъ городъ, и этимъ способствовалъ ихъ изгнанію изъ Италіи. Онъ былъ совершенно иного образа мыслей, чѣмъ Макіавелли. Аристократическая республика была ему не по сердцу; напротивъ, онъ съ дѣтства клонился къ монархизму. Поэтому Медичи воспользовались имъ по возвращеніи своемъ, а флорентинцы, бывшіе въ то время вполнѣ монархистами, не смотря на свою республику, избрали его въ 1515 г., для произнесенія въ Кортонѣ отъ имени республики привѣтственной рѣчи папѣ Льву X. Папа принялъ его къ себѣ на службу и сдѣлалъ намѣстникомъ Реджіо, Модены и Пармы. При Павлѣ III онъ возвратился во Флоренцію, гдѣ снова занялъ мѣсто въ управленіи.

Многословность и удивительные, художественно-изящные, но запутанные періоды Гвиччіардини вошли въ пословицу. Съ похода Карла VIII въ Италію

*) По нашему мнѣнію оттого, что въ немъ слишкомъ много ума и искусства и мало души и естественности.

(1494 г.) до битвы при Павіи, Гвиччіардини до мельчайшихъ подробностей слѣдитъ, съ перваго вступленіи французовъ, за всѣми измѣненіями, произведеными ихъ вторженіемъ, до окончательнаго изгнанія ихъ изъ Италіи. Критики извѣстнаго рода упрекаютъ его въ томъ, что онъ не вставилъ въ свою исторію замѣчаній объ искусствахъ и ремеслахъ, о промышленности и наукахъ; исторія ихъ, конечно, должна излагаться очень точно, но не должно прерывать разсказа о дѣлахъ и стремленіяхъ людей; а Гвиччіардини, какъ Ѳукидидъ, слѣдилъ только за событіями своего времени. Онъ не покидалъ нити событій и, не особенно заботясь о внѣшности, старался освѣтить духъ и смыслъ дѣла. Гвиччіардини превосходно понималъ свое время, воззрѣнія людей и двигавшія ими нравственныя пружины, а стало быть и средства руководить и управлять ими; другими словами, онъ былъ представителемъ практической и положительной политики, тогда какъ Макіавелли, не только прежде, какъ противникъ Медичи, но и потомъ, какъ ихъ совѣтникъ, былъ въ политикѣ доктринеромъ. Указанныя нами качества Гвиччіардини подтверждаются тѣмъ, что его произведеніе и исторія Филиппа Комина были настольными книгами Карла V.

Исторія Гвиччіардини, подобно латинской «Всеобщей исторіи» президента де-Ту, была долго извѣстна въ искаженномъ видѣ. Всѣ мѣста, направленныя противъ римскаго двора и противъ интригъ аристократіи, были выпущены. Даже въ великолѣпномъ изданіи, напечатанномъ Паскуали въ двухъ фоліантахъ въ Венеціи въ 1738 г., не было бы двухъ мѣстъ, истребленныхъ и запрещенныхъ съ 1603 г., если бы издатель не прибѣгъ, чтобы напечатать ихъ, къ хитрой уловкѣ: но и въ этомъ изданіи не достаетъ еще нѣсколькихъ мѣстъ. Только въ 1775 г. найденъ былъ экземпляръ, поправленный рукою автора, и по этому экземпляру исторія Гвиччіардини была тогда же напечатана въ четырехъ томахъ in 4° во Флоренціи (на заглавномъ листѣ выставлено впрочемъ: Friburgo).

Гвиччіардини отличается глубокимъ знаніемъ людей, проницательностью взгляда, благородствомъ духа и серьезнымъ изученіемъ древнихъ. Къ нему не относится упрекъ, дѣлаемый Макіавелли, что онъ не даетъ средствъ повѣрять свои сужденія и не указываетъ, гдѣ должно, на источники; Гвиччіардини разсказываетъ только о событіяхъ своего времени или о такихъ, въ которыхъ самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ. Впрочемъ мы очень далеки отъ мнѣнія Болинброка, смотрѣвшаго на человѣчество такъ же какъ Гвиччіардини и предпочитавшаго итальянскаго историка Ѳукидиду. Итальянецъ Андресъ, оцѣнившій его заслуги, справедливо спрашиваетъ: «Гдѣ у него эти оживленныя картины, эти выхваченныя изъ жизни, увлекательныя характеристики, эти мѣткіе очерки, которымъ мы удивляемся у древнихъ?» Во всякомъ случаѣ многословію Гвиччіардини мы предпочитаемъ стиль и манеру Макіавелли, не смотря на отсутствіе простоты, на подозрительную въ историческихъ произведеніяхъ аффектацію и странность подражанія античному стилю, — мы предпочитаемъ Макіавелли за сжатость, опредѣлительность, ясность и геніальную стройность. Гвиччіардини несносенъ еще тѣмъ, что постоянно перемѣшиваетъ одно съ другимъ. Вѣчныя повторенія, обратившіяся въ поговорки, о ничтожной въ сущности войнѣ флорентинцевъ съ пизанцами (стр. 130), непріятны и скучны; утомительная обстоятельность, съ какою онъ говоритъ обо всѣхъ большихъ и малыхъ причинахъ и основаніяхъ каждаго рѣшенія и каждаго совѣщанія, очень надоѣдаютъ, тогда какъ художественность и краткость Макіавелли невольно увлекаютъ. Тѣмъ не менѣе ни одно историческое произведеніе новыхъ народовъ не стоитъ такъ близко къ лучшимъ древнимъ историкамъ, какъ «Исторія Италіи» Гвиччіардини. Вставныя рѣчи, нестерпимыя при изложеніи недавнихъ событій, не такъ дики и неумѣстны у Гвиччіардини, такъ какъ въ это время дипломатическія дѣла дѣлались на словахъ, какъ теперь въ дипломатическихъ нотахъ и меморандумахъ.

3. Литература и образованность Германіи.

Относительно вліянія нѣмецкой литературы на жизнь и цивилизацію мы должны принять иной путь, чѣмъ тотъ, которому слѣдовали, говоря объ Италіи, и которому будемъ слѣдовать, когда рѣчь зайдетъ о Франціи. Только съ половины XVIII столѣтія нѣмецкая литература сдѣлалась мало-по-малу классическою для нашей націи и получила значеніе для другихъ народовъ, хотя и ранѣе у нѣмцевъ не было недостатка въ наукѣ и образованности. Нѣмецкой литературы не было уже потому, что наша нація повиновалась не нѣмецкому, а римскому императору и римской имперіи, также какъ и римской церкви. Нѣмецкіе ученые, если хотѣли быть читаемы всѣми, должны были продолжать писать на языкѣ Рима даже и въ то время, когда итальянцы, испанцы, французы и англичане давно перестали разсуждать по латыни о предметахъ, интересныхъ для большаго круга читателей. Вслѣдствіе этого до половины XVIII вѣка мы можемъ, пожалуй, указать на скромную и пріятную образованность, сообразную съ нѣмецкою частною жизнью и съ очень ограниченнымъ кругомъ потребностей нашихъ среднихъ классовъ; но не можетъ быть и рѣчи о такой блестящей литературѣ или такихъ блестящихъ заведеніяхъ для ея воздѣлыванія, какія процвѣтали во Франціи еще при Франциске I. Такимъ образомъ мы не можемъ указать въ Германіи ни на одно національное произведеніе, оставшееся до нашего времени классическимъ, какъ напримѣръ во Франціи грязная книга о Гаргантюа Пантагрюэлѣ. Такъ какъ нѣмцы не имѣютъ классическихъ твореній, то намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на стремленія отдѣльныхъ лицъ распространить между своими учениками классическое образованіе и чистое христіанство. Изъ этого само собою будетъ ясно, что въ то время, какъ наука и искусство древнихъ были въ Италіи роскошью и препровожденіемъ времени для знатныхъ и богатыхъ, а во Франціи въ самомъ началѣ вызвали огромныя издержки и царственныя щедроты, въ Германіи они служили мирнымъ облегченіемъ въ бѣдности угнетеннымъ честнымъ людямъ. Въ подкрѣпленіе нашихъ словъ стоитъ вспомнить о Лютерѣ. Этотъ великій человѣкъ, въ которомъ самые враги его признали высокія природныя дарованія и научное развитіе, безъ жалобы перенесъ бы бѣдность и недостатокъ, если бы могъ свободно мыслить и преподавать. Другъ его, Меланхтонъ, мудрый и благодушный основатель среднихъ училищъ въ Германіи, которымъ наше отечество обязано болѣе, чѣмъ пышнымъ заведеніямъ университетовъ, хотя безъ нихъ они не могли бы прочно существовать, — Меланхтонъ принадлежалъ, правда, по двоюродному брату своему, Рейхлину, къ болѣе высокимъ и богатымъ классамъ; но и онъ болѣе гордился тѣмъ, что былъ учителемъ въ среднихъ школахъ, чѣмъ какимъ бы то ни было открытіемъ, которое могло бы обезсмертить его въ ученомъ мірѣ.

Страсть къ мудрствованію, къ собиранію и наслажденіе чистымъ изслѣдованіемъ не разъ навлекали на нашу націю насмѣшки сосѣдей; но они не знали, что наши духовные, наши школьные учители и магистры, удовлетворялись тѣмъ счастіемъ, какое доставляли имъ занятія науками, не думая о притязаніяхъ, которыхъ нельзя было удовлетворить, не взваливая на народъ бремя цивилизаціи и ученаго блеска. Вѣдь отправился же Лютеръ въ Аугсбургъ къ кардиналу Каэтану пѣшкомъ и явился къ нему въ платьѣ, взятомъ на прокатъ; поѣхалъ же онъ на вормсскій сеймъ (стр. 376 и 387) въ какой-то крестьянской колымагѣ! И Меланхтонъ, выросшій въ хорошемъ обществѣ, произвелъ даже на Лютера очень непріятное впечатлѣніе своею скудною одеждою и непредставительнымъ видомъ, когда переѣхалъ изъ Тюбингена въ Виттенбергъ и въ первый разъ показался тамъ. Лютеръ описываетъ его маленькимъ человѣкомъ и съ своею комическою манерой представляетъ его такъ, какъ представили бы мы какого нибудь тюбингенскаго отшельника, который цѣлые годы не видалъ людей. Но Лютеръ прибавляетъ, что, какъ только Меланхтонъ заговорилъ, витенбергцы увидали, что Тюбингенъ прислалъ имъ великаго человѣка, который не уступитъ лучшимъ итальянцамъ.

Въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій нѣмецкой націи пришлось вести борьбу за вопросъ, должна ли ея государственная религія удовлетворить художниковъ,

поэтовъ, королей, князей, графовъ и рыцарей или питать нравственное чувство гражданъ. Въ этой борьбѣ за духовное благо приходилось жертвовать всѣми внѣшними благами и подъ конецъ отказались даже отъ политической свободы, чтобы только пользоваться свободою въ дѣлѣ вѣры и преподаванія. Поэтому, одного взгляда на испанцевъ, итальянцевъ и французовъ XVI и XVII в. будетъ достаточно, чтобы показать, какого рода цивилизацію стремились основать ученые Германіи. Они не хотѣли, подобно ученымъ Франціи и Италіи, основывать большія и блестящія, обременительныя для государства, учрежденія или образовывать великихъ ученыхъ; имъ хотѣлось распространить въ среднихъ сословіяхъ, а чрезъ нихъ и въ народѣ, посредствомъ школъ, духовное и нравственное образованіе. Имъ удалось это, и Германія одна изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, не исключая самой Англіи, издавна отличалась тѣмъ, что самые бѣдные и самаго низкаго происхожденія люди могли съ ничтожными издержками достигать высшаго образованія. Поэтому едва только въ XVI в. угомонились богословскіе споры на варварской латыни о формулахъ, у нѣмцевъ стала разцвѣтать поэзія, въ особенности духовная и миѳическая, германскіе астрономы нашли вѣчные законы мірозданія, которые и не снились древнимъ. Послѣдовавшій въ XVII в. застой зависѣлъ уже не отъ націи и не отъ ученыхъ.

Чтобы изложить это обстоятельнѣе, мы будемъ руководствоваться соображеніемъ, которое не можетъ быть вполнѣ ошибочнымъ, да если бы и было, могло бы пригодиться для предположенной нами цѣли. Соображеніе это состоитъ въ томъ, что съ одной стороны Лютеръ и Мелантонъ были главными лицами XVI в., какъ для образованія нѣмецкой націи, такъ и для религіозныхъ споровъ; съ другой же стороны Тюбингенъ, Виттенбергъ, Гейдельбергъ и Прага были въ этомъ столѣтіи и въ первыя десять лѣтъ слѣдующаго вѣка главнымъ средоточіемъ и разсадниками нѣмецкой учености. Такъ какъ Меланхтонъ былъ равно главнымъ лицомъ какъ для Тюбингена, такъ и для Виттенберга, то мы будемъ говорить сначала о немъ и о Лютерѣ, который училъ въ Виттенбергѣ; что касается Гейдельберга и Праги, то мы откладываемъ нашу рѣчь до слѣдующаго тома, который будетъ посвященъ изложенію исторіи второй половины XVI столѣтія.

Дѣятельность Меланхтона тѣсно примыкаетъ къ борьбѣ Рейхлина и Ульриха Гуттена за свѣтъ и свободу и за благородное образованіе въ духѣ гуманности; занятія его, начатыя въ Гейдельбергѣ, принесли плоды только въ Тюбингенѣ, гдѣ онъ получилъ мѣсто учителя шестнадцати лѣтъ отъ роду. Мы скажемъ поэтому сначала о Тюбингенѣ, а затѣмъ перейдемъ къ Виттенбергу, откуда потомъ, какъ изъ миссіонерскаго заведенія, онъ разсылалъ во всѣ стороны Германіи провозвѣстниковъ свѣта. Мы тѣмъ болѣе можемъ связать съ его именемъ наше теперешнее изложеніе, что въ пунктахъ, которые опускаемъ, имѣемъ возможность указать на дисертацію виртембергскаго пастора Гейда, напечатанную въ тюбингенскомъ журналѣ «Zeitschrift für Theologie» (1839). Замѣчанія наши ограничатся однако прежде всего стараніями и заботами протестантскихъ ученыхъ объ общемъ образованіи Германіи, такъ какъ до второй половины XVI в. эти люди стояли одиноко, и лишь тогда начались попытки іезуитовъ пробудить любовь къ наукѣ въ своемъ смыслѣ и между своими единовѣрцами. Значеніе ордена іезуитовъ, о которомъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ томѣ, основывается именно па томъ, что онъ, признавая потребности времени относительно высшаго образованія, не хотѣлъ предоставить протестантамъ заслугу основанія школъ и научной пропаганды и тоже основывалъ школы, чтобы знаніемъ бороться съ знаніемъ. Училищамъ и свободной наукѣ Меланхтона былъ нанесенъ смертельный ударъ именно въ то время, какъ іезуиты стали заводить свои школы и относиться къ наукѣ съ своей точки зрѣнія. Виною было то, что лютеране, въ родѣ Озіандера и ему подобныхъ, возились съ concordiae formula, преслѣдовали свободные умы изъ школы Меланхтона какъ полуреформатовъ или, какъ ихъ называли, криптокальвинистовъ, и навязывали нѣмцамъ новую догматическую схоластику и тупой и нелѣпый формализмъ. Такимъ образомъ, нашъ разсказъ о стараніяхъ и заслугахъ Меланхтона долженъ показать, что этотъ человѣкъ возбуждалъ научную жизнь какъ между послѣдователями новаго ученія, такъ и между приверженцами

стараго, и возбудилъ борьбу науки, которая одна даетъ жизнь, ибо въ спокойствіи — смерть, какъ въ смерти спокойствіе.

Меланхтонъ обязанъ образованіемъ своимъ двоюродному брату, Рейхлину. Онъ сошелся съ нимъ еще въ Форцгеймѣ, гдѣ посѣщалъ школу и жилъ въ домѣ сестры Рейхлина. Этотъ ученый, бывшій, какъ извѣстно, знатнымъ и робкимъ преобразователемъ нѣмецкой учености, возбудилъ своего маленькаго двоюроднаго брата заняться частнымъ образомъ изученіемъ греческаго и еврейскаго языковъ, которыхъ тогда еще не преподавали въ школахъ. Какъ самъ Меланхтонъ, такъ и Рейхлинъ въ письмахъ своихъ представляютъ трогательныя черты простыхъ отношеній тогдашняго времени; изъ нихъ мы видимъ, что Рейхлинъ еще въ Тюбингенѣ предназначалъ молодаго родственника своего быть реформатомъ нѣмецкихъ школъ и преподаванія.

Штутгартъ, гдѣ жилъ Рейхлинъ въ качествѣ надворнаго судьи до самой смерти Эбергарда I, и Тюбингенъ, куда онъ часто пріѣзжалъ по своей служебной обязанности, еще при началѣ споровъ по сожженію раввинскихъ книгъ (т. IV стр. 193 и сл.), были мѣстомъ жительства нѣсколькихъ скромныхъ людей, довольныхъ малымъ, бывшихъ бы всемірно-знаменитыми, еслибы жили въ Римѣ, Миланѣ или Флоренціи. Мы назовемъ только Штёфлера, Бебеля, Брассикана и Зиммлера. Изъ нихъ наиболѣе важенъ Штёфлеръ, особенно въ отношеніи соединенія математики съ археологическими знаніями, которое было введено въ основанныхъ Меланхтономъ школахъ. Штефлеру нѣмецкая нація обязана тѣмъ, что въ концѣ этого столѣтія имѣла Кеплера, котораго всѣ ставятъ на ряду съ Ньютономъ. Мы ставимъ его выше Ньютона, потому что онъ онъ былъ не только астрономъ, но и платоническій философъ и поэтъ, тогда какъ Ньютонъ корпѣлъ надъ отвлеченными объясненіями, соображеніями и выкладками. Штефлеръ въ математикѣ и астрономіи былъ послѣдователемъ Пеурбаха и Регіомонтана, о важныхъ заслугахъ которыхъ по астрономіи и литературѣ вообще мы уже говорили (т. III, стр. 673 и слѣд.). Регіомонтанъ изобрѣлъ инструменты, которыми были возобновлены наблюденія, сдѣланныя Клавдіемъ Птолемеемъ и Гиппархомъ. Ученикъ его, Вальтеръ, исправилъ ихъ; замѣтивъ, вмѣстѣ съ своимъ учителемъ, невѣрность астрономическихъ таблицъ, которыя употреблялись до нихъ, они составили новыя. Вся Европа изумилась, когда два нѣмца обнародовали новыя исчисленія небесныхъ измѣненій *), которыхъ не былъ въ состояніи изготовить ни одинъ итальянецъ. Вслѣдствіе этого папа Сикстъ IV призвалъ Регіомонтана въ Римъ, пользовался его знаніями для исправленія календаря и сдѣлалъ его епископомъ регенсбургскимъ. Регіомонтанъ умеръ въ 1476 г. въ Римѣ; но ученикъ его, Вальтеръ, прожившій до 1504 г., продолжалъ его наблюденія и исчисленія.

По стопамъ этихъ людей пошелъ учитель Меланхтона, Штефлеръ, основатель математической школы въ Тюбингенѣ и новаго календаря. Онъ примѣнилъ труды своихъ предшественниковъ, назначенные для однихъ астрономовъ, къ народнымъ потребностямъ, превративъ то, что астрономы называли эфемеридами, въ календарь. Его календари на первые тридцать два года XVI столѣтія были встрѣчены всеобщимъ сочувствіемъ въ Европѣ. Штефлеръ былъ въ то же время искусный механикъ и читалъ въ Тюбингенѣ лекціи о математикѣ, астрономіи и въ особенности о математической географіи, привлекавшія много слушателей; эти лекціи имѣютъ особенное значеніе для успѣховъ нѣмецкой культуры потому, что тогда не было еще книгъ по этимъ предметамъ. Штефлеръ читалъ лекціи ежедневно и приносилъ ими больше пользы, чѣмъ книгами. Онъ побудилъ Меланхтона перевести на латинскій языкъ Арата; онъ же образовалъ Себастіана Мюнстера, который потомъ содѣйствовалъ въ Базелѣ разработкѣ географіи и ея успѣхамъ, тогда какъ ученый товарищъ его, Меланхтонъ, вводилъ въ школы математику. Это заставило іезуитовъ ревностно стараться о распространеніи математическихъ и точныхъ наукъ и въ католическихъ школахъ.

Что Штефлеръ сдѣлалъ для математическихъ и географическихъ наукъ, то Бебель для латинскаго языка, а Рейхлинъ для еврейскаго и греческаго. Латынь Бебеля привлекла Меланхтона изъ Гейдельберга въ Тюбингенъ, гдѣ онъ

---

*) Ephemerides astronomicae ab anno 1475 ad 1506.

и нѣсколько другихъ лицъ, какъ напр. Гейнрихманъ, Брассиканъ, Кокциній и Альтенштайгъ, заключили родъ ученой лиги противъ дрянной латыни и варварства своего времени. Меланхтонъ, по собственному признанію (въ перепискѣ съ Рейхлиномъ, изданной въ 1544 г.), учился у Бебеля и Брассикана вводить въ жизнь плоды знанія; итальянцы научили его образовывать вкусъ націи въ ученыхъ школахъ, которыя до тѣхъ поръ старались только о набиваніи памяти фактами. Такую цѣль имѣлъ въ виду Бебель въ лекціяхъ о латинскихъ писателяхъ, и на тоже были направлены старанія этихъ ученыхъ по латинской стилистикѣ. Не надо забывать, что всѣ члены высшаго класса писали тогда только по латыни, и латинскій языкъ, а не французскій, былъ въ то время обще-европейскимъ и дипломатическимъ. Близкое подражаніе стилю высокообразованныхъ римскихъ патриціевъ необходимо вело за собою улучшеніе тона въ хорошемъ обществѣ.

Въ греческомъ языкѣ или, лучше сказать, въ чтеніи греческихъ авторовъ руководителемъ Меланхтона былъ магистръ Гильдебрандъ, котораго онъ очень хвалитъ, но который не оставилъ ни одного сочиненія. Зиммлеръ тоже давалъ ему частные уроки. Слѣдуетъ при этомъ припомнить, что вмѣстѣ съ Меланхтономъ о распространеніи и усовершенствованіи въ Германіи вспомогательныхъ средствъ для изученія греческаго языка старался Эколампадій, слушавшій лекціи въ нѣсколькихъ университетахъ; онъ основалъ такое же общество для греческаго языка, какъ Бебель для латинскаго. Изъ этого уже видно, чѣмъ былъ Тюбингенъ для германской культуры, пока его не затмилъ Виттенбергъ, и что совершилъ Меланхтонъ еще до своей професуры въ Виттенбергѣ, стало быть еще не имѣя двадцати одного года отъ роду.

Въ Тюбингенѣ Меланхтонъ находился въ подчиненномъ положеніи. Политическія обстоятельства Виртемберга по смерти благороднаго Эбергарда I были такого рода, что приглашеніе (1518 г.) Меланхтона въ Виттенбергъ было счастьемъ для Германіи. Меланхтонъ успѣлъ заслужить въ Тюбингенѣ уваженіе своими познаніями не только въ древнихъ языкахъ и математическихъ наукахъ, но и въ исторіи, философіи и краснорѣчіи. Во время переселенія его въ Витенбергъ, къ Лютеру стремились всѣ друзья свѣта изъ Германіи и изъ чужихъ краевъ. Здѣсь только возможно было достигнуть цѣли, и Меланхтонъ достигъ ея: самые современники признали это, давъ ему прозваніе «наставника нѣмцевъ» («Præceptor Germaniæ»). Онъ самъ говорилъ, что задачею его жизни было очищеніе всѣхъ наукъ и методовъ преподаванія въ высшихъ и низшихъ школахъ, посредствомъ сообразнаго съ потребностями времени изученія древнихъ и здравой философіи. Это, конечно, было непонятно для многихъ его современниковъ, занимавшихся глупыми схоластическими спорами.

Первое появленіе Меланхтона въ Виттенбергѣ (въ августѣ 1518 г.) хорошо описано Лютеромъ въ одномъ письмѣ. Онъ рельефно рисуетъ невзрачность и ничтожность его фигуры и всей его внѣшности, въ противоположность блеску и силѣ его вступительной рѣчи. Въ этой рѣчи, произведшей на всѣхъ глубокое впечатлѣніе, Меланхтонъ говорилъ именно о томъ, что было цѣлью и задачею всей его жизни,—о превращеніи высшихъ и низшихъ школъ Германіи въ заведенія для развитія истинной гуманности (De corrigendis studiis). Эта рѣчь должна была понравиться Лютеру въ особенности потому, что отъ нея не могло поздоровиться схоластической философіи и ея приверженцамъ. Появленіе Меланхтона въ качествѣ учителя возвѣщало нѣмцамъ возвратъ ихъ школьнаго преподаванія отъ Пруденція и его собратій къ Гомеру и отъ Ѳомы Аквината и ему подобныхъ къ апостолу Павлу. Меланхтонъ въ самомъ началѣ сталъ читать объ «Иліадѣ» и о «Посланіи къ римлянамъ». Все направленіе его было таково, какъ тѣхъ ученыхъ итальянцевъ, которые старались возсоздать изъ древней литературы новую и призвать весь народъ къ высшему образованію, а не наполнять страну буквоѣдами филологами и перезубрившими академиками, питающимися цитатами. Впослѣдствіи, обстоятельства, къ сожалѣнію, вовлекли его въ безутѣшную богословскую полемику, пробудившуюся въ Германіи по смерти Лютера. Споръ между кальвинистами и лютеранами, между филиппистами или крипто-кальвинистами и приверженцами сочиненныхъ въ Тюбингенѣ согласительныхъ формулъ, и затѣмъ между всѣми этими протестантскими партіями и іезуитами, произвели подъ конецъ кровавую религіозную войну и помѣшали насажденіямъ Меланхтона въ Германіи принести плоды, которыми Франція пользовалась уже въ XVI и въ особенности XVII столѣтіи.

Юность Меланхтонъ провелъ въ обществѣ образованныхъ женщинъ; потомъ близкія отношенія къ Рейхлину и его бодрымъ, но чуждымъ всякой грубости и стремившимся къ высшему образованію, университетскимъ товарищамъ держали Меланхтона вдали отъ грубости ученыхъ его времени, образовавшихся въ монастырскихъ школахъ, отъ ихъ ругательствъ, брани и безобразныхъ выходокъ. Меланхтонъ неусыпно работалъ въ Виттенбергѣ надъ распространеніемъ въ Германіи вкуса и тона хорошаго общества Греціи и Рима. Онъ объяснялъ Квинтиліана, Цицерона и Виргилія, имѣя въ особенности въ виду подражаніе имъ. Онъ и самъ переводилъ много съ греческаго на чистый латинскій языкъ, предоставивъ другу своему, Лютеру, заботу объ усовершенствованіи роднаго языка, которымъ тотъ занимался. Меланхтонъ перевелъ лучшія рѣчи изъ приводимыхъ Өукидидомъ, рѣчи Демосөена, Сократа «о мирѣ», афоризмы Өеогниса, рѣчь Лукіана «Противъ Клеветы», Пиндара и Еврипида. Кромѣ того, при совершенномъ отсутствіи въ Германіи учебниковъ, Меланхтонъ составилъ съ отличавшимъ его педагогическимъ талантомъ прекрасно-написанныя руководства къ грамматикѣ, исторіи и математикѣ. По отношенію къ послѣдней, онъ составилъ краткое начертаніе началъ Евклида. Онъ писалъ кромѣ того о «Германіи» Тацита, издалъ кое-что изъ «астрономіи» Птолемея, хлопоталъ о напечатаніи знаменитой въ его время хроники своего земляка Науклера и придалъ ей лучшую редакцію; онъ написалъ и самъ нѣсколько историческихъ опытовъ и между прочимъ «исторію Лудвига Баварскаго». Полное собраніе его сочиненій, не смотря на то, что состоитъ изъ четырехъ томовъ in-folio, выдержало съ 1568 г. до 1601 г. въ Страсбургѣ четыре изданія; рѣчи его были изданы отдѣльно въ шести томахъ, въ восьмую долю листа.

Взглядъ на дѣятельность и вліяніе скромныхъ людей, шедшихъ по стопамъ Меланхтона, покажетъ намъ, что эти люди, не смотря на трудныя обстоятельства и препятствія и на недостатокъ сочувствія, сдѣлали для истинно народнаго просвѣщенія и для мирныхъ, ученыхъ трудовъ нѣмцевъ, столь презираемыхъ за свою кабинетную ученость, болѣе, чѣмъ блестящіе, хвастливые «безсмертные» французовъ, ихъ Скалигеры, Сомезы и Казобоны. Для должной оцѣнки этихъ людей, болѣе дѣйствовавшихъ, нежели писавшихъ, намъ слѣдовало бы остановиться на обстоятельствахъ жизни каждаго изъ нихъ долѣе, чѣмъ совмѣстно съ цѣлью нашей книги; поэтому, чтобы пояснить отчасти сказанное, мы приведемъ лишь нѣсколько именъ и фактовъ.

Между людьми, неусыпно старавшимися, подобно Меланхтону, ученіемъ и преподаваніемъ просвѣтить мракъ нѣмецкихъ школъ, слѣдуетъ прежде всего упомянуть о Эобанусѣ Гессусѣ, названномъ такъ по его родинѣ. Онъ былъ близокъ съ Меланхтономъ еще въ то время, какъ тотъ жилъ въ Тюбингенѣ. Онъ преподавалъ по методѣ Меланхтона въ Нюренбергѣ и Эрфуртѣ, гдѣ былъ профессоромъ поэзіи и исторіи, и умеръ въ 1540 г. Вторымъ Меланхтономъ былъ пфальцскій уроженецъ Камерарій, написавшій прекрасную біографію Меланхтона. Онъ былъ первымъ замѣчательнымъ лицомъ фамиліи, которая оказала большія услуги нѣмецкой наукѣ и государственной исторіи. Всѣ сыновья и внуки пошли по его слѣдамъ. Знаменитѣе всѣхъ между послѣдними былъ канцлеръ несчастнаго пфальцскаго курфирста Фридриха V; впослѣдствіи его призвалъ къ себѣ на службу шведскій король Густавъ Адольфъ, такъ какъ онъ считался замѣчательнѣйшимъ государственнымъ человѣкомъ Германіи. Въ Пфальцѣ, пока живы были курфирсты Лудвигъ V и братъ его, Фридрихъ, ничего нельзя было сдѣлать для народнаго просвѣщенія и исправленія религіи: ученикъ Меланхтона, Гринеусъ, и друзья его, Себастіанъ Мюнстеръ и Германъ фонъ демъ Буше, оставили Гейдельбергъ, потому что не могли жить на 50 или 60 гульденовъ, составлявшихъ тамъ профессорское жалованье. Камерарій же основалъ нюренбергскую ученую школу, которую ректоръ ея, Эобанусъ Гессусъ, сдѣлалъ однимъ изъ первыхъ разсадниковъ классической науки и краснорѣчія въ Германіи. Самъ Камерарій былъ вызванъ въ Тюбингенъ, а оттуда въ Лейпцигъ, гдѣ и умеръ въ 1574 г. Списокъ сочиненій его въ «Лексиконѣ Ученыхъ» Іейхера поражаетъ многочисленностью и разнообразіемъ. Они обнимаютъ всю древность, и изъ нихъ нѣтъ ни одного незначительнаго. Они и до сихъ поръ достойны прочтенія, и очень жаль, что наши современники, гоняющіеся за новизною, не читаютъ ихъ чаще и внимательнѣе. Жаль также, что

составленная Камераріемъ «Исторія Шмалькальденской войны», помѣщенная у Фрегера, написана на греческомъ языкѣ. Будь она написана по-нѣмецки, мы имѣли бы для важнаго періода нашей исторіи хорошо составленное сочиненіе въ духѣ древнихъ, какого теперь у насъ нѣтъ.

Послѣ приведенныхъ нами именъ слѣдуетъ назвать Гольцманна, который передѣлалъ свое имя на греческій ладъ—Ксиландеръ, такъ же какъ и Меланхтонъ, звавшійся по-нѣмецки Шварцердъ. Ксиландеръ былъ замѣчательный математикъ, знатокъ и переводчикъ древнихъ, такъ что трудно сказать, чѣмъ онъ болѣе принесъ пользы отечеству, гдѣ греческій языкъ былъ тогда еще очень мало распространенъ—своими ли математическими трудами, или переводами съ греческаго. При совершенномъ отсутствіи словарей и грамматикъ, при изученіи греческаго приходилось руководствоваться латинскими переводами. Германія была такъ же неблагодарна къ Ксиландеру, какъ впослѣдствіи къ величайшему человѣку XVII столѣтія, Кеплеру. Кеплеръ умеръ въ нищетѣ; Ксиландеръ, которому приходилось переводить за жалкое вознагражденіе, заморилъ себя трудомъ. Онъ умеръ въ 1576 г. Кестнеръ въ своей «Исторіи математики» воздвигъ ему достойный памятникъ, не вдаваясь въ декламаторскія похвалы. О трудахъ Ксиландера можно судить по одному перечню ихъ. Онъ перевелъ Плутарха, Страбона, Цедрина и Сцилица, сочиненіе Пселла «О математическихъ наукахъ», Діона Кассія, книгу императора Марка Аврелія «Къ самому себѣ», Ѳеокрита, Флегона и высшую ариѳметику Діофанта. Послѣдній переводъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, трудъ которыхъ былъ хоть сколько нибудь окупленъ Ксиландеру; онъ получилъ за него отъ герцога Виртембергскаго 500 талеровъ. Ксиландеръ перевелъ, кромѣ того, книгу Стефана Византійца «О городахъ», Павзанія, «Жизнь Прокла» Марина, Антонія Либералиса, «Чудеса» Аполлонія, такого же рода книгу Антигона, и сочиненія Діодора Сикула. Полибія онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ. Затѣмъ онъ написалъ много математическихъ, оптическихъ и астрономическихъ сочиненій, комментаріи къ Гомеру и Горацію и евклидовскую алгебру.

Къ числу людей, которые, подъ вліяніемъ Меланхтона, посвятили свою жизнь отечеству, не ища иной награды, кромѣ сознанія, что двигаютъ впередъ духовное развитіе германской націи, принадлежатъ братья Лотихіи. Одинъ изъ нихъ былъ аббатомъ въ Шлюхтернѣ (въ Ганау), другой способствовалъ ему учредить ученую школу въ Шлюхтернѣ. Оба прославились въ свое время весьма изрядными латинскими стихотвореніями; но здѣсь мы упоминаемъ о нихъ, какъ о помощникахъ въ дѣлѣ насажденія новой науки. О другихъ лицахъ, содѣйствовавшихъ распространенію знакомства съ классическою древностью, мы упомянемъ въ слѣдующемъ томѣ, говоря о процвѣтаніи реформатскихъ училищъ въ Гейдельбергѣ и въ Прагѣ. Здѣсь же имѣя въ виду только Виттенбергъ, мы остановимся не надолго на Лютерѣ и на той долѣ нѣмецкой образованности, которая принадлежитъ ему и его вліянію.

Все, что дѣлалось и писалось въ Германіи въ XVI столѣтіи, относилось болѣе или менѣе къ Лютеру, или исходило отъ него и его друзей. Поэтому слѣдовало бы разсмотрѣть здѣсь подробно сочиненія Лютера. Но этого не позволяетъ намъ сдѣлать самое содержаніе ихъ, ибо мы избѣгаемъ всего богословскаго и всякихъ теологическихъ преній. Притомъ и не мѣсто здѣсь останавливаться въ частности на этихъ сочиненіяхъ, такъ какъ вся предыдущая и непосредственно слѣдующая политическая исторія Германіи исключительно занимается Лютеромъ и часто должна останавливаться съ достаточнымъ вниманіемъ на важнѣйшихъ изъ нихъ. Поэтому мы ограничимся краткимъ указаніемъ на отношеніе Лютера къ нѣмецкой литературѣ и поэзіи и къ нѣмецкому языку.

Переводъ Библіи, сдѣланный Лютеромъ, не только положилъ основаніе книжному языку, но и возвелъ извѣстное нарѣчіе на степень общенѣмецкаго языка. Библейскій языкъ Лютера былъ для Германіи тѣмъ же, чѣмъ въ Англіи разговорный тонъ лучшаго лондонскаго, а во Франціи парижскаго общества. Вслѣдствіе лютерова перевода Библіи, одно нѣмецкое нарѣчіе вытѣснило изъ литературы всѣ прочія, и нація пріобрѣла книгу, полную образцовъ для подражанія. Отъ «пѣсни пѣсней», отъ Іова и псалмовъ до первой книги Моисея и книги «Руѳь» какое разнообразіе! И какъ мастерски примѣнилъ Лютеръ въ Іовѣ и въ Псалмахъ нѣмецкое выраженіе къ смыслу подлинника! Также мѣтко, какъ латинскій текстъ

Вульгаты, которому онъ часто слѣдовалъ, такъ же правильно и какъ бы инстинктивно передалъ онъ духъ и тонъ временъ и авторовъ. Такимъ образомъ Библія его, сдѣлавшись настольною книгой протестантской части нѣмецкой націи, создала ей языкъ и извѣстный родъ образованности, которой мы не встрѣчаемъ въ тѣхъ, кто остался вѣренъ латинству и писалъ или на своемъ еще невыработавшемся языкѣ, или на латинскомъ языкѣ своей церкви.

Переводъ Лютера представляетъ мѣстами невѣрности въ частностяхъ, не смотря на помощь, оказанную ему при этомъ трудѣ его другомъ и товарищемъ Меланхтономъ, который зналъ по-еврейски, какъ раввинъ, а по-гречески, какъ греческій ученый. Такія ошибки легко можетъ исправить записной богословъ; но что касается до передачи духа, сущности и жизни временъ, озаренныхъ Богомъ, а не индустріальною мудростью и не оглушенныхъ трубою Гердера, Лютеръ не имѣетъ равныхъ себѣ, и нѣмецъ только у него можетъ научиться языку, говорящему сердцу. Весьма естественно и справедливо, что ученые нашего времени сдѣлали переводы, принаровленные къ успѣхамъ времени; но имъ никогда не произвести того, что совершила Библія Лютера. Она сдѣлалась у насъ такимъ же національнымъ твореніемъ, какъ у грековъ поэмы Гомера. Какъ у насъ лютеровъ переводъ Библіи сдѣлался вскорѣ настольной книгой всей націи отъ послѣдняго пролетарія до перваго государя, такъ во Франціи жизнеописанія древнихъ героевъ Плутарха, переведенныя въ XV столѣтіи, пріобрѣли такую же популярность и остались народною книгой на томъ же основаніи, какъ и переводъ Лютера. Лютеръ и французскіе переводчики Плутарха понимали то, что переводили, въ смыслѣ народа, не только умомъ, но и сердцемъ, и воспроизводили такъ, какъ имъ подсказывало ихъ время. Они вдохновенно возсоздали языкъ и смыслъ оригинала, согласно духу времени, а не какъ прежде по буквальному смыслу. Поэтому въ этомъ образцовомъ произведеніи можно порицать и исправлять многія частности, но цѣлое неподражаемо. И въ наше время то, что исходитъ отъ полноты сердца, лучше всего выражается языкомъ и въ духѣ лучшихъ временъ нашего народа.

Относительно духовной лирики Лютеръ, бывшій въ то же время отчасти и музыкантомъ, самъ можетъ быть сдѣлалъ менѣе, чѣмъ обыкновенно утверждаютъ, но онъ былъ родоначальникомъ рода поэзіи, который пришелся по сердцу нѣмцамъ болѣе, чѣмъ другимъ. Здѣсь не мѣсто пускаться въ мелочи; мы замѣтимъ только, что Кохъ, въ своемъ «Руководствѣ къ литературѣ», приводитъ имена тридцати поэтовъ, замѣчательныхъ по своимъ духовнымъ стихотвореніямъ въ періодъ отъ Лютера до Опица.

Лютеръ возбудилъ соревнователей себѣ и въ другихъ отрасляхъ народной литературы; но религіозныя пренія двухъ послѣдующихъ столѣтій, которыя велись по латыни, задушили нѣмецкую литературу. Не лишнимъ будетъ однако замѣтить, что изъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XVI стол. до насъ дошло нѣсколько истинно нѣмецкихъ и совершенно оригинальныхъ произведеній; они заставляютъ жалѣть, что открытый ими путь не нашелъ послѣдователей. Первый, о комъ слѣдуетъ упомянуть въ этомъ отношеніи, былъ составитель баварской и нѣмецкой хроники, извѣстный по мѣсту своего рожденія, Абенсбергу, подъ именемъ Іоанна Авентина. Какъ его «Баварская Хроника», такъ и «Хроника о происхожденіи древнихъ германцевъ» (напечатанная уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1534 г.), написаны съ такимъ безпристрастіемъ, что баварскую исторію его сильно преслѣдовали за его нападки на духовенство, хотя онъ самъ былъ католикъ. Циглеръ издалъ въ 1554 г. «Баварскую Хронику» Авентина на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Annales», но выкинулъ изъ нея все, на что могли бы ссылаться протестанты. Послѣдніе достали однако подлинную рукопись и напечатали ее въ 1580 г. въ Базелѣ у Іоганна Циснера. Обѣ хроники, написанныя по нѣмецки, замѣчательны своимъ наивнымъ и свободнымъ тономъ; кромѣ того, онѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія потому, что были плодомъ изученія старой рукописной нѣмецкой литературы и архивныхъ документовъ, изъ коихъ многое, чѣмъ могъ еще пользоваться Авентинъ, для насъ потеряно. Множество преданій и сказокъ въ его хроникахъ плохо вяжутся, конечно, съ критическимъ изложеніемъ исторіи; но онѣ какъ нельзя болѣе

кстати въ книгѣ, назначенной для ознакомленія народа съ исторіей и возбужденія въ немъ интереса къ ней.

Другая нѣмецкая книга временъ Лютера замѣчательна тѣмъ, что на нее ожесточенно нападали какъ Лютеръ, такъ и Меланхтонъ; изъ нея мы видимъ, какой контрастъ представляла рьяная тогда, а теперь чрезвычайно мирная литература анабаптистовъ съ литературою реформатовъ. Эта секта относилась къ реформатамъ точно такъ же, какъ въ наше время радикалы, соціалисты и коммунисты къ конституціонистамъ. Самые принципы ихъ были тѣ же, что и у французскихъ соціалистовъ, если только къ нимъ можно причислить Ламне. Главный писатель ихъ, Себастіанъ Франке, родился въ 1500 г. въ Донаувєрѣ; онъ писалъ на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ оригинальныя книги и сатиры или, пожалуй, пасквили, до которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, нисходилъ и самъ Лютеръ. Писаніе, печатаніе и продажа книгъ были, кажется, для него средствами жизни. Онъ жилъ въ Нюренбергѣ, въ Ульмѣ и въ Страсбургѣ, но былъ принужденъ удалиться оттуда, такъ какъ его страстныя сочиненія и неистощимая плодовитость въ особенности въ нѣмецкихъ его сочиненіяхъ, угрожали безопасности государства и только-что возникающей цивилизаціи. Большая часть его произведеній относится къ періоду 1528—1545 г., стало быть къ тому времени, когда его утопіи о «внутреннемъ словѣ», о полной реформѣ и о несущественности всякой внѣшней формы въ государствѣ и церкви не могли уже быть очень опасны для реформаціи. Лютера особенно бѣсилъ написанный Франке по латыни пасквиль противъ женщинъ; одинъ изъ друзей Лютера написалъ опроверженіе этого сочиненія, а самъ Лютеръ—предисловіе къ нему въ свойственномъ ему, не слишкомъ кроткомъ тонѣ.

Себастіанъ Франке ни на волосъ не уступалъ Лютеру ни въ пониманіи нѣмецкой націи и ея исторіи, ни въ умѣніи владѣть языкомъ. Изъ сочиненій его ничто не раздражило Лютера такъ, какъ изданная имъ въ 1533 г. книга подъ заглавіемъ: «Парадоксы или 280 изреченій»; эта мистическая книга выдержала множество изданій и была даже перепечатана уже въ 1690 г. въ Ригѣ. По внутреннему смыслу своему она вовсе не такъ вредна, какъ казалось Лютеру и Меланхтону, сбитымъ съ толку странными выраженіями автора. Въ ней иногда, правда, Себастіанъ Франке доходитъ до пантеизма, лежавшаго въ основѣ древнѣйшей философіи, какъ напримѣръ въ религіи браминовъ, буддистовъ и китайцевъ. Это особенно возбудило противъ Франке реформатовъ, какъ противъ Серве Кальвина, который сжегъ своего противника.

Собраніе нѣмецкихъ пословицъ, два раза изданное Себастіаномъ Франке подъ различными заглавіями, не заключаетъ въ себѣ, сколько намъ извѣстно, ничего фанатическаго и утопическаго. Поэтому его часто издавали и, не смотря на ненависть Лютера къ Франке, книга эта стала для мѣщанъ и крестьянъ популярною. Въ ней заключаются правила здраваго смысла, и она безспорно заслуживаетъ предпочтенія передъ изданнымъ почти въ то же время сборникомъ пословицъ Агриколы.

Франке написалъ также два замѣчательныхъ историческихъ сочиненія. Одно изъ нихъ—всемірная исторія, подъ заглавіемъ: «Хроника, Лѣтопись отъ начала міра до 1531 г.»; другое—нѣмецкая исторія, называемая: «Германія, то-есть хроника всей нѣмецкой земли и происхожденія всѣхъ германскихъ народовъ, и проч.» Двѣ эти книги, написанныя вслѣдствіе оригинальной идеи Франке обработать исторію на родномъ языкѣ, пополнили пробѣлъ, котораго не могли выполнить своими трудами тогдашніе ученые, стремившіеся подражать грекамъ и римлянамъ; онѣ такъ пришлись къ общей потребности, что распространились по всей Германіи, и ни одна хорошая нѣмецкая библіотека не могла обойтись безъ нихъ. Всеобщую Исторію Франке позволили напечатать лишь послѣ того, какъ онъ объявилъ, что въ ней не встрѣчается ничего противнаго господствующей вѣрѣ. Вскорѣ однако оказалось противное, поэтому автору дѣлали упрекъ, что онъ извиняетъ всѣхъ еретиковъ и признаетъ ихъ еретическія мысли и ученія. Франке пришлось отвѣчать передъ городскою полиціей; онъ не могъ, разумѣется, отпираться отъ того, что было напечатано, и былъ высланъ изъ города. Сочиненіе это тотчасъ по смерти Лютера пришлось такъ по вкусу нѣмцамъ, что мы могли бы, еслибъ было здѣсь кстати, насчитать цѣлый рядъ изданій книги Франке, явившихся въ

XVI стол. Читатели могутъ найти списокъ этихъ изданій во многихъ руководствахъ къ исторіи нѣмецкой литературы; мы знаемъ только, что частію самимъ авторомъ, частію по смерти его какимъ-то неизвѣстнымъ были прибавлены къ нему продолженія, такъ что книга Франке была напечатана въ 1554 г. въ Ульмѣ уже въ трехъ фоліантахъ. Такимъ образомъ обвиненіе ея въ ереси протестантскими богословами и юристами и ужасный крикъ, поднятый противъ нея ученымъ католическимъ богословомъ Кохлеусомъ, произвели только то, что доставили историческому руководству утописта еще болѣе читателей.

«Нѣмецкая Исторія» Франке замѣчательна тѣмъ, что въ ней находится одно изъ трехъ краткихъ объясненій (clavis) къ «Тейерданку» Мельхіора Финцинга (стр. 188 и сл.). Изъ этихъ объясненій одно написано самимъ Мельхіоромъ Финцингомъ, другое Себастіаномъ Франке, а третье Матвѣемъ Шультесомъ. Всѣ три помѣщены въ одномъ сочиненіи Іог. Давида Кёлера, которое издалъ Гуммель въ 1790 г. въ Нюренбергѣ. На заглавномъ листѣ бывшей у насъ въ рукахъ «Нѣмецкой Хроники» Франке значится: «Gedruckt zu Bern in Vchtland bei Matthia Apiario vund vollendet auf den ersten Tag Martii 1539» (fol'). Но есть и еще изданія того же года и даже предшествующаго, напечатанныя въ другихъ мѣстахъ Эту книгу также часто перепечатывали и въ 1598 г. издали въ Ригѣ.

4. Переходъ классицизма изъ Италіи во Францію и начало новой французской національной литературы.

а. Общія замѣчанія.

Во Франціи XVI вѣка мы видимъ длинный рядъ людей, стараніями которыхъ изученіе классической древности стало дѣйствительно плодотворнымъ какъ для новѣйшей литературы, такъ и для жизни вообще; другими словами—они содѣйствовали тому, чтобы новѣйшая цивилизація, сдѣлавшая съ XIV стол. такіе важные успѣхи при помощи древней литературы, совершила во Франціи новые, столь же большіе шаги впередъ, а во многихъ отношеніяхъ даже большіе. Такихъ достойныхъ людей явилось очень много, и во Франціи (чего не было въ Германіи) обнаружилось огромное соревнованіе, рвеніе и пытливость духа между учеными какъ католической, такъ и протестантской школъ. Уже по одному обилію фактовъ пришлось бы намъ отложить подробности этого движенія до слѣдующаго тома; но сверхъ того то, что намъ нужно сказать, относится ко второй половинѣ XVI стол. Поэтому о великихъ и ревностныхъ усиліяхъ французскихъ ученыхъ мы будемъ подробно говорить далѣе, когда объ итальянцахъ не будетъ уже и рѣчи, а о нѣмцахъ придется сказать очень немного; здѣсь же мы ограничимся относительно ученыхъ сочиненій тѣмъ, что было сдѣлано при Франциске I, а относительно собственно французской литературы сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣчаній о произведеніяхъ въ стихахъ и прозѣ, написанныхъ на старинномъ, наивномъ и грубомъ французскомъ языкѣ. Этотъ старинный языкъ вошелъ въ послѣднее время опять въ честь у нѣкоторыхъ французовъ, которые желали оставить избитую дорогу плоской, но ясной новой рѣчи. Въ старинномъ языкѣ они находили—какъ находимъ мы въ въ Лютерѣ—силу, естественность и свѣжесть, а въ содержаніи—народность, бодрость и то жесткое остроуміе, котораго не терпѣла придворная литература XVII и XVIII столѣтій.

б. Изученіе древности до Франциска I.

Въ дѣлѣ политики, дипломатическаго искусства, хитрости и изворотливости, французы при Лудовикѣ XI и при Карлѣ VIII были учениками итальянцевъ, съ которыми иногда имъ удавалось даже равняться. При Лудовикѣ XII они старались упрочить у себя преподаваніе древнихъ языковъ и процвѣтавшихъ въ Италіи наукъ. Какъ итальянцы XI и XII в., они соединили новую науку съ изученіемъ римскаго права. Въ юридическихъ школахъ Буржа, Орлеана и Дижона находимъ

мы слѣды классическихъ занятій, которыхъ не поощряло правительство. Еще Лудовикъ XII старался приглашать во Францію грековъ, перенесшихъ въ Италію древнюю науку. Онъ обратился къ Іоанну Ласкарису, котораго осыпалъ почестями; но Ласкарисъ выступилъ съ большимъ успѣхомъ въ качествѣ преподавателя только въ царствованіе преемника Лудовика XII, Франциска I.

Лудовику XII хотѣлось также имѣть для Франціи историка, пишущаго по латыни, но такого во Франціи не оказывалось, и его пришлось выписать изъ Италіи. Искусство писать по-латыни, подражая слогу Цицерона, Тита Ливія и другихъ древнихъ, было, какъ извѣстно, развито между итальянцами XV и XVI столѣтій до безвкусія. Кто хотѣлъ имѣть историческое произведеніе или государственный актъ, которые могла бы читать вся Европа, долженъ былъ велѣть написать его на латинскомъ языкѣ и употребить для этого итальянскаго стилиста, образованнаго въ новой школѣ. Когда Лудовикъ XII вздумалъ заказать исторію Франціи на изящномъ латинскомъ языкѣ, онъ обратился за совѣтомъ къ епископу Этьенну Понше, и послѣдній рекомендовалъ ему итальянца Эмиліо, который сдѣлался, подъ именемъ Павла Эмилія, историкомъ Франціи, имѣвшей до тѣхъ поръ однѣ хроники. Павелъ Эмилій пріѣхалъ въ Парижъ вѣроятно около 1499 г. Король наименовалъ его исторіографомъ и далъ ему мѣсто каноника, чтобы онъ безпрепятственно могъ предаться исполненію своей задачи. Павелъ Эмилій такъ трудился надъ внѣшнею формой и языкомъ своего произведенія, что только черезъ 16 лѣтъ, посвященныхъ выправкѣ слога, явились четыре первыя книги его труда. Въ 1516 г. онъ издалъ эти первыя четыре книги «Французской Исторіи» (De Rebus Gestis Francorum libri IV», Paris, fol), и только черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти его (1539 г.) появилось цѣликомъ все сочиненіе, состоящее изъ 10 книгъ. Исторія Франціи доведена въ немъ до начала царствованія Карла VIII. Здѣсь не мѣсто разбирать это произведеніе. Павелъ Эмилій выполнилъ свою задачу—воспроизвести стиль древнихъ и показать французамъ, какъ надо писать по-латыни. Ученый латинистъ Липсіусъ превозноситъ его до небесъ и утверждаетъ, что исторія Павла Эмилія совершенно равняется образцамъ древности. Но въ историческомъ отношеніи его никто не станетъ сравнивать съ де-Ту, писавшимъ тоже классическою латынью. Лудовикъ XII пригласилъ въ Парижъ другаго латинскаго стилиста, оказавшаго услуги Цезарю Борджіа. Это былъ тотъ самый Алеандеръ, котораго Лютеръ описалъ со своею ѣдкой ироніей (стр. 386). Алеандеръ началъ въ 1508 г. въ Парижѣ преподаваніе стилистики; но потомъ занялъ мѣсто епископскаго довѣреннаго въ Римѣ и вмѣстѣ съ порученными ему дѣлами устроилъ такъ ловко свои собственныя, что вскорѣ получилъ санъ кардинала.

Для преподаванія греческаго языка Лудовикъ XII выписалъ въ Парижъ Георга Гермонима; но онъ былъ не въ состояніи преподавать то, чего самъ не зналъ. Напротивъ, ректоръ дижонскаго университета, Пьерръ Тюрро или Петръ Туреллусъ возбудилъ соревнованіе одного француза, бывшаго его ученикомъ и сдѣлалъ для преподаванія болѣе, чѣмъ кто-либо, ибо пользовался полнымъ довѣріемъ короля Франциска и былъ вполнѣ достоинъ его. Пьерръ Тюрро писалъ много и самъ, но о сочиненіяхъ его не стоитъ здѣсь упоминать, и мы назвали его только по поводу признательнаго ученика его, Пьерра Дюшателя или Петра Кастеллануса. Съ одиннадцатаго по шестнадцатый годъ своей жизни Дюшатель съ великимъ прилежаніемъ изучилъ греческій языкъ въ такомъ совершенствѣ, что Тюрро поставилъ его во главѣ класса. Изъ этого видно, что этотъ первый творецъ греческаго преподаванія во Франціи началъ учиться такъ же рано, какъ Меланхтонъ. Узнавъ, что Эразмъ Роттердамскій, считавшійся тогда по сю сторону Альпъ величайшимъ знатокомъ древнихъ языковъ и лучшимъ учителемъ новой науки, учитъ въ Базелѣ, Дюшатель поспѣшилъ къ нему изъ Дижона, поступилъ въ Базельскую типографію Фробена корректоромъ и пользовался наставленіями Эразма. Изъ Базеля онъ отправился въ Буржъ, гдѣ занялся изученіемъ права. Потомъ предпринялъ путешествіе по странамъ, бывшимъ центрами древней культуры, а именно: въ Италію, Египетъ, Палестину и Грецію. Онъ прожилъ два года въ Кипрѣ преподавателемъ латинскаго языка. Этому ученому король Францискъ I обязанъ славой человѣка, сдѣлавшаго Парижъ средоточіемъ классической науки и соединившаго въ своей столицѣ всѣ средства для нравственнаго образованія.

c) Учрежденія короля Франциска I для преобразованія системы преподаванія.

О развитіи Франциска I въ молодости никто не заботился; но скоро живой умъ его понялъ необходимость просвѣщенія, и онъ тѣмъ ревностнѣе старался доставить своей впечатлительной націи цивилизацію новаго времени, чемъ болѣе сознавалъ недостатокъ воспитанія въ себѣ. Знакомство съ Италіей, гдѣ государи, высшая аристократія и даже папы искали славы и блеска въ томъ, чтобы именоваться покровителями и двигателями науки и искусства, побудило Франциска I окружать себя не только придворными и льстецами, но и поэтами и людьми со вкусомъ. Въ этомъ отношеніи незначительный самъ по себѣ поэтъ Коленъ далъ ему совѣтъ гораздо лучше, нежели кардиналъ дю-Белле. Послѣдній рекомендовалъ ему геніальнаго, но негоднаго монаха Рабле, а первый, напротивъ, благороднаго священника Дюшателя, который оказалъ Франціи безмертныя услуги въ наукѣ и искусствѣ и въ ихъ распространеніи. Дюшатель пріобрѣлъ милость короля и упрочилъ ее за собою; онъ былъ возвышаемъ отъ епископства до епископства и получилъ при дворѣ санъ великаго милостынедателя. Онъ далъ королю совѣтъ основать, кромѣ стараго, неудовлетворительнаго для новой поры парижскаго схоластическаго университета, новый королевскій университетъ для той науки, которая была неизвѣстна въ средніе вѣка, а теперь пренебрегалась. Король согласился на это предложеніе и назначилъ въ 1530 г. четырехъ новыхъ профессоровъ греческаго и еврейскаго языковъ; къ нимъ въ 1534 г. былъ присоединенъ профессоръ латинскаго краснорѣчія, чтобы положить конецъ монашеской латыни. Впослѣдствіи были учреждены еще три королевскія каѳедры — одна для математики, другая для римской философіи, третья для медицины. Учрежденіе послѣдней дало поводъ основать медицинскія вспомогательныя науки на опытѣ и наблюденіи. Видіусъ, вызванный, по совѣту Дюшателя, изъ Флоренціи въ Парижъ, перешелъ отъ изученія арабскихъ врачей къ Галену и Гиппократу. Преемникъ его, Г о т ь е, лейбъ-медикъ короля, доказалъ, что греки и арабы не могли заниматься анатоміею согласно требованіямъ науки, и знаменитый ученикъ его, А н д р е й В е з а л і й, прибывшій въ Парижъ изъ Брюсселя, пошелъ по стопамъ Готье и создалъ совершенно новую науку анатоміи, такъ что можетъ считаться основателемъ и творцомъ новой анатоміи.

Въ первое время царствованія Франциска I возвратился Ласкарисъ; на этотъ разъ онъ нашелъ уже готовую почву для своихъ основательныхъ ученій. Лудовикъ XII послалъ его въ Венецію; оттуда, по смерти короля, Ласкарисъ переѣхалъ въ Римъ; здѣсь, при папѣ Львѣ X, онъ руководилъ заведеніемъ для образованія молодыхъ грековъ и вмѣстѣ съ тѣмъ управлялъ типографіей; въ 1515 г. Левъ X отправилъ его въ Парижъ. Здѣсь онъ возвысилъ значеніе занятій греческимъ языкомъ и имѣлъ такое же вліяніе на Бюде или Будеуса, о которомъ мы скажемъ подробно ниже, какъ Рейхлинъ на Меланхтона. Главною заслугою его было то, что онъ, съ помощью Бюде, собралъ въ Фонтенбло превосходную коллекцію рукописей на счетъ короля.

Король Францискъ I соединялъ рвеніе къ преуспѣянію древнихъ языковъ и новой наукѣ съ живымъ чувствомъ къ процвѣтавшему тогда въ Италіи искусству и старался насадить его и во Франціи. Мы не рѣшаемся оцѣнивать эти старанія, такъ какъ судъ объизящныхъ искусствахъ требуетъ особенныхъ знаній, которыхъ мы не имѣемъ. Мы упомянемъ только объ одномъ, а именно, о томъ, что Францискъ вошелъ въ самыя дружескія отношенія къ скульптору Бенвенуто Челлини, знаменитому своими металлическими работами въ полурельефъ. Король взялъ его на нѣкоторое время во Францію. Объ отношеніяхъ этого художника авантюриста къ Франциску есть занимательные анекдоты въ автобіографіи Бенвенуто Челлини, переведенной на нѣмецкій языкъ Гете. Какъ ни хорошо рисуютъ они характеръ короля, но мы не можемъ однако во всемъ довѣрять имъ; какъ извѣстно, Бенвенуто Челлини до того лгалъ въ своей автобіографіи, что подконецъ самъ повѣрилъ своимъ выдумкамъ. Король Францискъ былъ, впрочемъ, не только щедръ,

но и расточителенъ въ своихъ издержкахъ на искусство и науку, точно такъ же какъ для своихъ любовницъ и ихъ друзей. Поэтому нельзя не считать счастіемъ для Франціи заботъ Дюшателя о томъ, чтобы покровительствуемые королемъ ученые были люди достойные и чтобы собранія рукописей и древности составлялись съ большимъ разборомъ.

Для покупокъ въ пользу этихъ собраній Францискъ I употреблялъ, кромѣ Іоанна Ласкариса, еще троихъ, именно Пелиссье, Данеса и Постеля. Ласкарисъ, которому въ то же время были поручены и политическія дѣла, былъ посланъ въ Венецію, куда изгнанные турками греки принесли съ собою все, что могли спасти. Пелиссье былъ отправленъ съ тою же цѣлью въ Венецію. Данесъ же по порученію короля, объѣхалъ всю Италію и Грецію и всѣ азіатскія страны, которыми нѣкогда владѣли греки. Но наибольшія услуги заведеннымъ Францискомъ собраніямъ оказалъ безспорно Гильйомъ Постель.

Постель (1510—1581 г.) былъ профессоромъ въ Парижѣ, но оставилъ свое мѣсто и поѣхалъ сначала въ Вѣну, а потомъ въ Римъ. Здѣсь онъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ, но его изгнали изъ него и продержали до 1559 г. въ заключеніи. Изъ Рима онъ переѣхалъ въ Венецію, а позднѣе преподавалъ математику въ Дижонѣ. Наконецъ его, какъ индиферентиста, заключили въ монастырь, гдѣ онъ и умеръ въ 1581 г. Мы упоминаемъ о немъ только по поводу двухъ путешествій его въ Константинополь, но давалъ ли ему на это и какія именно средства Францискъ, намъ не извѣстно. Какъ бы то ни было, Постель оказалъ своему отечеству безсмертныя улуги. Эти услуги состояли главнымъ образомъ въ покупкахъ рукописей, которыми было спасено многое, что безъ того погибло бы, и соединено въ такомъ мѣстѣ, какъ Парижъ, гдѣ ими лучше всего можно было пользоваться для успѣховъ науки. Мы не упоминаемъ о его пятнадцати сочиненіяхъ, потому что не приписываемъ имъ значенія для того времени. Постель, очень хорошо знавшій языки греческій, латинскій и сирійскій, сопровождалъ посланника своего короля, Ла Форе, въ Константинополь и воспользовался для своихъ научныхъ и артистическихъ цѣлей вліяніемъ, которое имѣлъ Ла Форе на султана, составившаго чрезъ него съ королемъ заговоръ противъ христіанства. Постель весьма годился для такого дѣла; для него исламъ имѣлъ равную цѣну съ христіанствомъ, что онъ и высказывалъ неосторожно, такъ что іезуиты, не смотря на его ученость, выгнали его изъ своего ордена. Онъ былъ, повидимому, большой чудакъ и всю свою жизнь не находилъ себѣ мѣста. Кромѣ упомянутыхъ городовъ, мы встрѣчаемъ его и въ Женевѣ, и въ Базелѣ. Драгоцѣнныя коллекціи, составленныя имъ во время его путешествій, впослѣдствіи перешли въ королевскія собранія; такимъ образомъ суммы, употребленныя на это Постелемъ, и заслуга его были приписаны королю Франциску.

Мы показали заслуги правительства и нѣсколькихъ профессоровъ и собирателей по основанію во Франціи высшихъ и низшихъ училищъ, въ которыхъ науки преподавались по примѣру древнихъ и итальянцевъ; намъ слѣдовало бы, по настоящему, упомянуть и объ ученыхъ и привести главные ихъ труды. Но мы назовемъ изъ нихъ только двоихъ, принадлежащихъ къ первой порѣ; ученыхъ, содѣйствовавшихъ развитію наукъ въ этомъ столѣтіи, было много, но мы не можемъ говорить здѣсь о нихъ, ибо они имѣютъ слишкомъ спеціально-ученое значеніе, за исключеніемъ немногихъ, которые относятся уже ко второй половинѣ, столѣтія и будутъ упомянуты нами въ слѣдующемъ томѣ. Если бы въ сочиненіи, назначенномъ для всеобщаго чтенія, было умѣстно строго слѣдовать хронологическому порядку и строгонаучной полнотѣ, намъ слѣдовало бы прежде всего перечислить заслуги классически образованныхъ богослововъ, и между ними въ особенности труды Кальвина и Безы, а также юристовъ, называвшихся прежде изящными, а теперь историческими. Мы должны ограничиться всеобщими науками и не можемъ имѣть въ виду ни полноты, ни спеціальныхъ отраслей учености. Поэтому мы съ намѣреніемъ не упоминаемъ о славныхъ ученыхъ, имена которыхъ около полувѣка ежедневно слышатся съ нѣмецкихъ каѳедръ, Дуарена, Балдуина, Куяція, Діонисія и Якова Годофреда. За то мы взглянемъ ближе на двухъ другихъ превосходныхъ практическихъ юристовъ, Пьерра Питу въ слѣдующемъ, и Гильйома Бюде или Будеуса въ этомъ томѣ. Въ то время въ Германіи практическому юристу или даже профессору римскаго права рѣдко приходилось зани-

маться чѣмъ-либо, кромѣ своей исключительной специальности (purum putum jus), частію по недосугу, частію потому, что онъ поглощался политикой, частію по страху экзамена, рано отнимавшему у него охоту на иное дѣло. Тѣмъ интереснѣе для насъ припомнить двухъ ученыхъ, которые оказали такія же важныя заслуги своею судейскою дѣятельностью, какъ и развитіемъ гуманитарныхъ наукъ. Въ слѣдующемъ томѣ мы прибавимъ къ нимъ третьяго—президента де-Ту. Всѣ трое отличались полезною и прочною дѣятельностью, какъ государственные чиновники по устройству правосудія, по примѣненію и безпристрастному толкованію права и законовъ, и какъ ученые по изученію исторіи, древнихъ языковъ и своего собственнаго, и даже по наукѣ древностей въ самомъ широкомъ объемѣ и самомъ благородномъ ея значеніи.

Гильйомъ Бюде, или Будеусъ, родившійся въ 1467 г., былъ тотъ ученый, которому изученіе греческой древности обязано прочною опорой; собственно онъ одинъ сдѣлалъ его возможнымъ не только во Франціи, но и вообще у народовъ по сю сторону Альпъ. Онъ началъ свою дѣятельность двумя сочиненіями, имѣвшими почти безпримѣрный успѣхъ; въ нихъ онъ рекомендовалъ новую систему изученія права, которая въ началѣ XVI столѣтія привлекала въ Орлеанъ, Буржъ и Дижонъ учениковъ схоластическаго парижскаго университета и очень много чужестранцевъ. Сочиненія эти—коментарій къ 24 книгамъ пандектовъ и специальное юридическое изслѣдованіе въ 5 книгахъ («De asse et partibus ejus»). Послѣднее въ одномъ Парижѣ было издано съ 1516 по 1548 г. шесть разъ, и кромѣ того въ Венеціи, Кельнѣ, Ліонѣ и вѣроятно еще въ другихъ мѣстахъ. Бюде почувствовалъ потомъ необходимость изучить греческій языкъ и, по совершенному отсутствію какихъ бы то ни было вспомогательныхъ книгъ, обратился къ Гермониму, вызванному въ Парижъ, какъ мы видѣли, Лудовикомъ XII. Гермонимъ читалъ съ нимъ Гомера; но Бюде жалуется на его незнаніе, на недостатокъ въ немъ образованности и на его грубость. Его ученіе пошло успѣшнѣе, когда онъ обратился къ Ласкарису, происходившему изъ царственнаго византійскаго дома; Бюде говоритъ, что этотъ учитель принесъ ему много пользы. Еще при Лудовикѣ XII Бюде пользовался большимъ значеніемъ; при Францискѣ I онъ, кромѣ другихъ должностей, получилъ мѣсто директора королевской библіотеки, стоившей королю много денегъ и стараній. Бюде былъ сдѣланъ также maitre de requêtes или совѣтникомъ по пріему прошеній, а вскорѣ парижскимъ старшиною. Поэтому онъ съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ право грековъ, ихъ ораторовъ, которые вели гражданскіе и уголовные процессы въ судѣ и народномъ собраніи, и ихъ рѣчи. Плодомъ этихъ занятій былъ главный трудъ его—полное руководство къ изученію греческаго языка (Commentarii linguae graecae), которое имѣло 4 изданія съ 1529 по 1536 г. Этотъ трудъ, обличающій чрезвычайную точность и прилежаніе, сохранилъ свою цѣну и послѣ появленія греческаго словаря («Thesaurus») Стефана, въ особенности во всемъ касающемся греческихъ ораторовъ и греческаго права. Въ немъ не только указываются, но и приводятся цѣликомъ и объясняются всѣ примѣры, что нѣсколько затрудняетъ пріискиваніе.

Бюде и Ласкарисъ образовали человѣка, который первый занялъ ново-учрежденную каѳедру греческаго языка. Это былъ Пьерръ Данесъ. Онъ прославился впрочемъ не столько своими трудами по изученію древности, сколько горячею полемикой своей изъ-за Аристотеля и аристотелевской философіи съ Пьерромъ Раме или Петромъ Рамусомъ, и его школою. Раме до смѣшнаго не терпѣлъ Аристотеля и образовалъ многочисленную философскую школу рамистовъ, которая имѣла приверженцевъ во всѣхъ университетахъ. Тогда всюду шла борьба аристотеліанцевъ съ рамистами, и споры ихъ были такъ же ожесточенны и привлекали такое же вниманіе въ XVI столѣтіи, какъ въ предшествовавшихъ вѣкахъ споры номиналистовъ и реалистовъ въ школахъ схоластиковъ. Мы, впрочемъ, упомянули здѣсь о Данесѣ лишь потому, что онъ также принадлежалъ къ числу лицъ, которымъ король поручалъ собирать вспомогательные источники. Онъ жилъ съ 1534 по 1537 г. въ Италіи съ исключительною цѣлью—покупать древности и рукописи. Какъ профессоръ греческаго языка, онъ не совершилъ ничего особенно замѣчательнаго. Что же касается услугъ, оказанныхъ имъ въ качествѣ епископа и посланника на тридентскомъ соборѣ,—то не наше дѣло оцѣнивать ихъ.

Братья Галланы, Пьерръ и Гильйомъ, преподававшіе греческій языкъ послѣ Данеса, способствовали возбужденію охоты къ изученію его; рѣчи ихъ даже въ то время считались главнымъ произведеніемъ ихъ. Трое соотечественниковъ ихъ донынѣ считаются основателями науки древностей по сю сторону Альпъ. То были Турнбёфъ, Ламбенъ и Мюре. Мы не можемъ входить въ подробный разборъ, какъ и чѣмъ содѣйствовали они въ этомъ столѣтіи развитію школьнаго преподаванія въ Европѣ, и національной образованности, литературы и языка французовъ. Мы замѣтимъ только, что ихъ дѣятельность обнимала всѣ стороны классической науки и продолжалась въ теченіе всего XVI вѣка: Турнбёфъ умеръ въ 1565, Ламбенъ въ 1572, а Мюре въ 1585 г.

d) Первые шаги къ соединенію древней образованности съ чисто французскими національными элементами.

Въ то время, какъ во Франціи упрочилось изученіе классической древности и подъ вліяніемъ латинцевъ вновь усвоился риторически-торжественный слогъ въ исторіи и другихъ отрасляхъ литературы, какимъ отличались галльскія школы въ римское время,—въ это время возникла оригинальная литература французовъ, господствовавшая до Вольтера, полная сомнѣнія, насмѣшки, поруганія, остроумія и разумнаго взгляда на жизнь. Для примѣра мы возьмемъ одного поэта и одного прозаика. Въ нихъ мы увидимъ, какой элементъ приняли французы въ свою литературу и языкъ въ то время, какъ въ Германіи вліяніе Лютера и его учениковъ придавало характеръ строгости языку, литературѣ и жизни нѣмцевъ. Иронія и скептицизмъ, смѣшеніе серьезнаго съ самою непристойной, площадной насмѣшкой надъ самымъ благороднымъ и безнравственный грязный фарсъ шли рука объ руку и чередовались. Это было въ національномъ вкусѣ, потому что живой французъ съ удовольствіемъ читаетъ то, что раздражаетъ тяжелаго нѣмца. Поэтому мы считаемъ достаточнымъ сдѣлать лишь нѣсколько замѣчаній; было бы слишкомъ высокомѣрно и дерзко обсуживать и критиковать съ точки зрѣнія совершенно противоположной національности произведенія, которыя до нашего времени признавались и признаются французами за національныя и имѣющія значеніе для образованія и жизни.

Первый писатель, котораго слѣдуетъ упомянуть въ этомъ отношеніи, не имѣетъ, собственно говоря, ничего общаго съ древними, и былъ извѣстенъ какъ поэтъ еще въ XV столѣт. Это Билльонъ, родители и предки котораго были жалкіе бѣдняки. Онъ былъ шутъ и даже хуже. Своими стихотвореніями онъ состязался съ отцомъ Лудовика XII, герцогомъ Карломъ Орлеанскимъ. Аббатъ Саллье говоритъ, что герцогъ Карлъ, а не Вилльонъ, первый проникъ въ духъ французскаго языка и оригинальностью превзошелъ всѣхъ предшествовавшихъ поэтовъ. Но какъ ни были хороши стихотворенія герцога и какъ ни близки они къ манерѣ Вилльона, за исключеніемъ излишней жесткости и плоскости послѣдняго, но слава эта должна остаться за Вилльономъ, хотя этотъ поэтъ часто тривіаленъ, грубъ, непристоенъ и низокъ въ своихъ фарсахъ, считающихся остротами. Вилльонъ родился въ 1431 г. и въ 1461 г. написалъ свое лучшее произведеніе: «Большое завѣщаніе». Мы упоминаемъ здѣсь о немъ по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что Маро, шедшій по его стопамъ, собралъ, по приказанію короля Франциска, всѣ его главныя произведенія; во вторыхъ потому, что, по мнѣнію французовъ, Вилльонъ первый представилъ примѣры того, что они называютъ тонкою шутливостью (badinage délicat), которая составляетъ средину между легкимъ (l'agréable) и шутливымъ (bouffon). По ихъ мнѣнію, Маро, Сенъ-Желе, Вуатюръ и Сарразенъ довели этотъ родъ до совершенства. Вилльонъ самъ говоритъ въ своихъ стихотвореніяхъ, что ученіе было не по его части *), и что онъ жилъ между людьми, которые таскаются по трактирамъ, гдѣ

*) Hé! Dieu si j'eusse estudié
Au tems de ma jeunesse folle

можно научиться веселости и презрѣнію къ законамъ и нравственности, но никакъ не хорошимъ манерамъ. Онъ называетъ себя по этому мастеромъ и образцомъ въ мошенничествѣ *). Въ своемъ «Большомъ завѣщаніи», раздѣленномъ на баллады, онъ разсказываетъ, что еще въ ранней молодости часто попадалъ въ тюрьму за мелкія воровства, и наконецъ за воровство большаго размѣра, намъ неизвѣстное, былъ приговоренъ къ висѣлицѣ съ пятью сообщниками. Онъ апеллировалъ парламенту, и смертная казнь была замѣнена изгнаніемъ, о чемъ онъ свидѣтельствуетъ самъ въ своей благодарственной балладѣ парламенту. Ему было не лучше тамъ, куда онъ удалился; онъ попалъ въ руки судьи епископа Тибо д'Оссиньи орлеанскаго, на тюрьмы котораго онъ очень жалуется **). На этотъ разъ Лудовикъ XI освободилъ его, за что онъ отъ души благодаритъ короля въ своемъ «Большомъ завѣщаніи», которое, какъ и «Малое завѣщаніе» его, касается разныхъ случаевъ его жизни. Кромѣ этихъ двухъ завѣщаній, къ числу главныхъ произведеній его слѣдуетъ прибавить «Le Jargon»и «Les Repues franches». Но мы уже достаточно, кажется, указали на тонъ и направленіе этого писателя, и говорить о немъ болѣе находимъ лишнимъ для нашей цѣли.

Намъ слѣдовало бы теперь сказать нѣсколько словъ о Клеманѣ Маро, который шелъ по слѣдамъ Вилльона; но мы сдѣлаемъ это въ слѣдующемъ томѣ. Мы остановимся здѣсь не надолго на Франсуа Рабле, который былъ предшественникъ прозаиковъ, какъ Вилльонъ—поэтовъ, и отличался не меньшею веселостью, легкомысліемъ, оригинальностью, неисчерпаемою насмѣшливостью и ироніей и циническою непристойностью. Рабле изучилъ въ совершенствѣ Вилльона. Въ своемъ «Пантагрюэлѣ» онъ заставляетъ его (что многіе принимаютъ за чистую монету) ѣхать въ Англію, жить на самой дружеской ногѣ съ тамошнимъ королемъ и быть дѣйствующимъ лицомъ въ разныхъ комическихъ приключеніяхъ. Французы до сихъ поръ или—лучше сказать—теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, считаютъ Рабле величайшимъ философомъ изъ буффоновъ и писателемъ, наиболѣе богатымъ оригинальными мыслями. Онъ родился въ 1483 г., близъ Шинона, въ Турени и велъ, какъ Вилльонъ, трактирную жизнь съ тою разницей, что не дѣлалъ, какъ тотъ, уголовныхъ преступленій. Онъ посѣщалъ университетъ, и главное произведеніе его, рѣзкое и часто тривіальное, набитое ученостью, обличаетъ необыкновенную начитанность. Онъ вступилъ въ орденъ францисканцевъ и, не покидая своего пристрастія къ вину, принялся съ неутомимымъ рвеніемъ изучать древніе языки и авторовъ. Наскучивши францисканцами и наскучивъ имъ, онъ нашелъ прибѣжище у бенедиктинцевъ. Какъ бенедиктинецъ, онъ занимался преподаваніемъ, пріобрѣлъ большія познанія и написалъ нѣсколько ученыхъ и поучительныхъ книгъ, которыхъ никто не читалъ и не читаетъ, тогда какъ его главное твореніе, наполненное шутовствомъ и всякими чудесами, читается и вос-

---

Et à bonnes meurs dedié,
J'eusse maison et couche molle.
Mais quoy? je fuya escolle
Comme fait le mauvays enfant.
En escrivant ceste parole,
A peu que le cueur ne me fend.

*) La mère nourricière
De ceux, qui n'avoient point d'argent
A tromper devant et derrière,
Estoit un homme diligent.

**) Dieu mercy et Jacques Thibaut,
Qui tant d'eau froide m'a fait boire
Et en bas lieu, non en lieu haut
Manger d'angoisses maintes poires
Enferré, si j'en ay mémoire
Pour lui, je prie et reliqua
Que dieu lui doint et voire
Ce que je pense et cetera.
Toutefois je n'y pense mal
Pour lui et pour son lieutenant,
Aussi pour son official.
Je les ayme tous d'ung tenant
Ainsi que Dieu fait le Lombard.

хваляется до нынѣ. Онъ былъ полезенъ кардиналу дю-Белле, на мемуары котораго мы часто ссылаемся, и служилъ ему шутомъ. Кардиналъ взялъ его съ собою въ Римъ, гдѣ папа въ 1523 г. разрѣшилъ Рабле отъ нарушенныхъ уже имъ монастырскихъ обѣтовъ. Рабле принялся затѣмъ изучать медицину. Когда покровитель его, дю Белле, сталъ епископомъ парижскимъ, Рабле былъ его врачомъ и шутомъ и получилъ въ награду медонскій приходъ близъ Парижа. Здѣсь онъ жилъ съ 1545 до 1553 г.

Рабле былъ человѣкъ умный и обладалъ необыкновенными познаніями; онъ видѣлъ свѣтъ, жилъ въ Парижѣ и два раза былъ въ Римѣ; рѣчь его лилась какъ рѣка; онъ не боялся ни Бога, ни людей. Понятно, что это былъ именно такой человѣкъ, который могъ изобразить съ комической стороны все, что люди его времени дѣлали или терпѣли. Онъ сдѣлалъ это въ произведеніи, которое по идеѣ и по комизму своему сравнивали съ «Донъ-Кихотомъ» испанца Сервантеса. Но между ними великая разница. Сервантесъ былъ честный и хорошій человѣкъ и осмѣивалъ ослѣпленіе и глупости своего времени; Рабле же былъ циническій монахъ, осквернявшій своимъ поруганіемъ все чистое и своимъ остроуміемъ вовлекавшій все высокое и святое въ кабацкій кругъ. Этотъ жалкій монахъ страшно осмѣиваетъ въ своемъ романѣ, который теперь опять въ большомъ ходу, папу, не смотря на оказанныя ему милости, насмѣхается надъ высшимъ и низшимъ духовенствомъ, и всю жизнь остается чѣмъ-то въ родѣ домашняго шута у кардинала дю-Белле, отъ котораго получаетъ медонскій приходъ и пребенду церкви St. Maux des Fossés. Такому человѣку вовсе не къ лицу разыгрывать роль Катона и Персія; но это не смущаетъ французовъ. Его охраняетъ мракъ загадочности, окружающій его. Дѣйствительно, непонятно, какъ въ то время, когда при Францискѣ I и Генрихѣ II вездѣ преслѣдовались и предавались казни лучшія и благороднѣйшія духовныя лица, могъ быть терпимъ въ священствѣ этотъ шутовской и циническій пьяница.

Романъ, о которомъ мы говоримъ, есть «Исторія великана Гаргантюа и его сына, Пантагрюэля» («De la vie, faits et dits héroïques de Gargantua et de son fils Pantagruel avec la prognostication Pantagrueline»). Четыре первыя книги романа явились при жизни Рабле, пятая была издана по смерти его, такъ какъ онъ опасался выпустить ее. Успѣхъ ея между современниками былъ безпримѣрный. Разсказываютъ, что Рабле началъ печатать переводъ Гиппократа, и когда книгопродавецъ сталъ жаловаться на дурной сбытъ его, онъ далъ ему для напечатанія первую книгу «Гаргантюа». Три слѣдующія книги явились одна за другой, и книгопродавецъ, какъ разсказываютъ, говорилъ, что въ два мѣсяца было продано болѣе экземпляровъ первой книги романа, чѣмъ другой книги въ цѣлый годъ. Утверждаютъ также, что знаменитый и остроумный Анри Этіенъ помогалъ Рабле въ сочиненіи послѣднихъ двухъ книгъ романа, но это подвержено сомнѣнію. «La Prognostication Pantagrueline» написана вѣроятно не самимъ Рабле; приписываемыя ему «Странствія Панюржа на неизвѣстные острова» принадлежатъ также не ему. Французы считаютъ «Гаргантюа и Пантагрюэля» неисчерпаемымъ источникомъ остроумія, естественности, прямоты, свободомыслія и жесткаго отступленія отъ всякихъ условныхъ приличій,—качества, совершенно исчезнувшія подъ вліяніемъ придворной литературы. Иностранецъ не можетъ судить объ этомъ, потому что ему невозможно читать этой низко-грязной и непристойной книги безъ комментаріевъ къ ея темнымъ мѣстамъ. Остается вѣрить Монтаню, Мольеру, Лафонтену, Буало, Вольтеру и Поль-Луи-Курье, которые говорятъ, что Рабле былъ главнымъ руководителемъ ихъ въ житейской философіи и въ философическомъ изученіи роднаго языка.

Не трудно сообразить, что новѣйшая французская литература должна была необходимо идти совершенно инымъ путемъ, нежели нѣмецкая, хотя бы всѣ другія обстоятельства были совершенно одинаковы въ обѣихъ націй. Вспомнимъ, что съ XVI столѣтія нѣмецкіе писатели смотрѣли на переводъ Библіи Лютера, какъ на источникъ богатства роднаго языка и на образецъ тона, въ какомъ слѣдуетъ говорить съ народомъ. Мы не хотимъ выводить изъ этого заключеній въ пользу нѣмцевъ или въ укоръ французамъ; это было бы односторонне и несправедливо. Мы думаемъ только, что въ этомъ выражается основное различіе національныхъ характеровъ, и что съ самаго возстановленія новѣйшей французской литературы

шутка и насмѣшка, цинизмъ и иронія, скептицизмъ и легкомысліе составляютъ ея главные элементы, что подтвердится въ исторіи культуры послѣдующаго времени. Какъ распространенъ былъ романъ Рабле, не смотря на свою темноту и растянутость, видно изъ того, что библіографы насчитываютъ болѣе шестидесяти изданій его. Къ числу лучшихъ принадлежатъ: амстердамское 1711 г. въ пяти томахъ съ объясненіями ле Дюша и ла Монне, парижское 1823 г. въ трехъ томахъ, и приготовленное Эмангаромъ и Жоанно съ подробнѣйшими примѣчаніями (называемое поэтому Variorum), которое выходило съ 1823 по 1826 г. и составило девять томовъ.

VI. ГЕРМАНІЯ

ОТЪ ВОРМССКАГО СЕЙМА ДО ПЕРВАГО РЕЛИГІОЗНАГО МИРА (1532).

---

1. Вступленіе. Канбрейскій миръ и событія въ Италіи въ 1529 году.

Въ 1528 году Святая или Клементинская лига (стр. 405), предлогомъ которой служила независимость Италіи, угрожала императору потерей выгодъ, доставленныхъ ему битвой при Павіи и мадридскимъ миромъ. Но съ іюня того же года счастье покинуло непріятеля (стр. 409). Французскій генералъ Лотрекъ расположился лагеремъ въ нездоровой мѣстности, на каналѣ Поджіо Реале, вредное вліяніе котораго онъ усилилъ тѣмъ, что, желая остановить мельницы города Неаполя, спустилъ воду канала въ равнину. Разлившаяся вода образовала болото, которое своими испареніями дѣйствовало въ самую жаркую пору такъ вредно, что въ тридцать дней изъ двадцати пяти тысячъ войска умерло двадцать одна тысяча. Кромѣ того Андрей Доріа вступилъ въ союзъ съ императоромъ и вернулся къ неаполитанскому берегу врагомъ французовъ. Такимъ образомъ войска Карла V скоро снова завоевали нижнюю Италію. Въ Верхней же въ теченіе всего 1528 года война велась съ перемѣннымъ счастіемъ. Наконецъ туда прибылъ съ французскимъ войскомъ Францискъ де-Бурбонъ Вандомъ, называемый современными ему историками просто графомъ де-Сен-Полемъ; онъ соединился съ войсками венеціанцевъ и Франческо Сфорца II. Когда этотъ генералъ прибылъ въ Италію, тайные переговоры между папой Клементомъ VII и императоромъ уже начались. Оба они нуждались другъ въ другѣ: одинъ хотѣлъ подавить реформацію въ Германіи; другой желалъ изгнать Франческо Сфорца и овладѣть герцогствомъ миланскимъ. Французскій король также желалъ мира, который возвращалъ свободу его сыновьямъ, все еще содержавшимся въ Испаніи.

Въ слѣдующемъ (1529) году графъ де-Сен-Поль сдѣлалъ ошибку, которая повела къ заключенію мира между Франціей и Испаніей; что касается папы, то онъ уже заранѣе согласился втихомолку съ императоромъ. Съ конца 1528 г. Сен-Поль осаждалъ въ Миланѣ испанскаго генерала Лейву и въ іюнѣ 1529 г. вздумалъ, предоставивъ на время осаду союзникамъ, аттаковать Геную. Но когда онъ выступилъ въ походъ, командиръ венеціанскихъ войскъ герцогъ Урбино отправился въ Монцу, чѣмъ доставилъ возможность испанскому главнокомандующему послѣдовать за французами. Французы расположились лагеремъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Милана, при Л а н д р і а н о; здѣсь ихъ настигли испанцы и ночью аттаковали. Лейва руководилъ аттакою, хотя сильно страдалъ подагрой, такъ что его носили въ креслѣ. Послѣ короткаго сопротивленія французы были разбиты и разсѣяны, а предводитель ихъ взятъ въ плѣнъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого (29 іюня 1529 г.) состоялся миръ между императоромъ и папой. Папа послалъ легата въ Барселону, гдѣ условія были вскорѣ рѣшены. Императоръ столь же нуждался въ папѣ въ Италіи, какъ папа въ императорѣ въ Германіи, гдѣ, какъ мы ниже увидимъ, по заключеніи торгаускаго союза и послѣ шпейерскаго сейма сталъ неизбѣженъ церковный и политическій расколъ. Поэтому

въ барселонскомъ договорѣ императоръ обѣщалъ папѣ даже больше, чѣмъ могъ впослѣдствіи исполнить, обязавшись положить предѣлъ успѣхамъ ереси въ Германіи. Остальныя условія заключались въ слѣдующемъ. Папа обѣщалъ признать Карла по прибытіи его въ Италію римскимъ императоромъ и государемъ Италіи и торжественно короновать. Далѣе онъ обязался (на что доселѣ не соглашался) дать ему королевство Неаполь въ ленное владѣніе, не требуя за это ничего, кромѣ бѣлаго иноходца, котораго Карлъ долженъ былъ по древнему обычаю доставить ему. Кромѣ того онъ дозволилъ ему и его брату, Фердинанду, наложить на духовенство налогъ для турецкой войны. Наконецъ въ тайной статьѣ онъ обѣщалъ никогда не давать согласія на разводъ англійскаго короля съ женой, теткой Карла. Въ замѣнъ того Карлъ обѣщалъ возстановить во Флоренціи родъ Медичи и утвердить на престолѣ Александра Медичи (стр. 402), потому что другой потомокъ старшей вѣтви этого дома, Ипполитъ, былъ сдѣланъ кардиналомъ. Карлъ женилъ Александра Медичи, совершавшаго впослѣдствіи во Флоренціи всевозможныя злодѣянія и жестокости, на своей побочной дочери, хотя всѣ знали, что Александръ сынъ одной непотребной женщины и папы Климента VII (стр. 391). Далѣе Карлъ обѣщалъ содѣйствовать возвращенію папѣ отъ венеціанцевъ Равенны и Червіи. Кромѣ того онъ обязывался помочь Клементу отнять у Альфонса феррарскаго Модену, Реджіо и Руббіеру. Герцогство миланское рѣшили возвратить Франческо Сфорца II, если только слѣдствіе, назначенное надъ нимъ, не найдетъ его виновнымъ въ измѣнѣ и нарушеніи ленныхъ обязанностей. Въ противномъ случаѣ онъ лишается герцогства, которое императоръ не можетъ передать другому лицу безъ согласія папы.

Миръ между Франціей и императоромъ былъ заключенъ только въ августѣ 1529 г. въ Канбре. Его называютъ дамскимъ миромъ, потому что онъ былъ заключенъ двумя женщинами: матерью французскаго и теткой и воспитательницей Карла V. Обѣ, Луиза Савойская и Маргарита Бургундская, пріѣхали въ Канбре вмѣстѣ, заняли два смежныхъ дома и велѣли проломать стѣны, раздѣляющія ихъ, чтобы всегда быть вмѣстѣ. Онѣ пользовались полнымъ довѣріемъ своихъ воспитанниковъ и долгое время управляли государственными дѣлами. Впрочемъ Луиза поѣхала въ Канбре только тогда, когда сынъ ея получилъ извѣстіе о мирѣ, заключенномъ императоромъ и папой въ Барселонѣ. Мирный договоръ, заключенный этими женщинами въ Канбре, былъ бы непонятенъ относительно французскаго короля, если бы мы не знали, что Францискъ желалъ, во что бы то ни стало, освободить своихъ сыновей. Французскій король отказался отъ всѣхъ своихъ друзей и союзниковъ, уступилъ своему противнику все, чего тотъ требовалъ, за исключеніемъ Бургундіи, на которую впрочемъ также дозволилъ ему сохранить всѣ притязанія, хотя имѣлъ въ Италіи много друзей и союзниковъ даже послѣ отпаденія папы. Города Асти и Салуццо были еще заняты французами; въ Ломбардіи венеціанцы и герцогъ Миланскій оставались вѣрны союзу съ Франціей, а Ренцо да Чери, командовавшій французской арміею, при помощи фамиліи Орсини съ успѣхомъ дѣйствовалъ противъ Филиберта Оранскаго, главнокомандующаго императорскихъ войскъ. Канбрейскій миръ былъ постыденъ для Франціи уже потому, что основаніемъ ему служилъ мадридскій договоръ.

По мирному договору Францискъ I долженъ былъ уступить императору все Артуа, за исключеніемъ Теруанни, и городъ Гэденъ, отказаться отъ всѣхъ ленныхъ правъ на Артуа и Фландрію, слѣдовательно, объявить эти провинціи вполнѣ независимыми графствами, и сверхъ того отдать Карлу въ пожизненное владѣніе графство Шароле. Въ Италіи онъ обязался не помогать герцогу Миланскому, вывести всѣ свои войска и возвратить Салуццо и Асти. Онъ даже обѣщалъ помощь императору противъ венеціанской республики. Венеціанцы должны были возвратить пять гаваней въ Адріатическомъ морѣ, которыя были уступлены имъ въ послѣднюю войну, Францискъ обязался заплатить императору тридцать тысячъ дукатовъ субсидій для войны съ республикой. Чрезвычайно тяжелое условіе, которое поэтому не было выполнено, касалось приверженцевъ коннетабля Карла Бурбона, измѣнившаго Франциску. Приверженцы и родственники коннетабля должны были получить обратно всѣ конфискованныя у нихъ имѣнія; слѣдовало снять запрещеніе, наложенное на владѣнія коннетабля, прекратить процессъ, веденный противъ него, и признать невинными его соучастниковъ. Филибертъ Шалонскій

получилъ возможность вступить въ безпрепятственное владѣніе княжествомъ Оранскимъ. Но въ договорѣ не упоминалось о королѣ наваррскомъ, у котораго арагонцы отняли испанскія владѣнія его и которому покровительствовалъ французскій король. Герцогъ Феррарскій былъ преданъ Франціей, равно какъ и многочисленные приверженцы дома Анжу, считавшіе притязанія Франціи на Неаполь болѣе основательными, чѣмъ притязанія Арагоніи, и пожертвовавшіе Франциску всѣмъ. Хотя въ канбрейскомъ договорѣ имъ была обѣщана амнистія, но они не получили ея и были частью казнены, частью изгнаны, частью ограблены. Многіе бѣжали во Францію. Кромѣ постыдной выдачи своихъ друзей и покровительствуемыхъ имъ лицъ, Францискъ долженъ былъ заплатить значительныя суммы. За выкупъ своихъ сыновей онъ долженъ былъ внести неслыханную для того времени сумму, два миллюна дукатовъ. Изъ нихъ сто двадцать тысячъ дукатовъ слѣдовало уплатить при возвращеніи принцевъ; двѣсти девяносто тысячъ назначались для удовлетворенія требованій, какія бы могъ предъявить Генрихъ VIII англійскій, а съ остальной суммы, до полной уплаты ея, Франція должна была вносить по пяти процентовъ ежегодно. Въ залогъ отдавались имѣнія герцогини Вандомъ и владѣнія французской знати въ Нидерландахъ.

По заключеніи канбрейскаго мира Карлъ отправился на генуэзскомъ флотѣ въ Италію. Флорентинцы, не предчувствовавшіе, что папскіе и императорскіе дипломаты продали ихъ свободу, отправили посольство на встрѣчу Карлу, когда онъ вышелъ на берегъ. Онъ принялъ пословъ очень благосклонно, но отослалъ ихъ къ папѣ, къ которому должна была перейти Флоренція. Флорентинцы однако рѣшались въ случаѣ надобности отражать силу силой. Карлъ V велъ еще войну съ Миланомъ и Венеціей; кромѣ того папа требовалъ отъ герцога Альфонса Феррарскаго невыполнимыхъ условій; поэтому императоръ и папа рѣшили созвать въ Болонью конгрессъ, чтобы покончить эти несогласія и условиться между собою о средствахъ прекратить ересь въ Германіи. Императорскій полководецъ Антоніо Лейва, взявшій безъ большихъ усилій Павію, держалъ въ осадномъ положеніи слабаго и больнаго герцога Миланскаго. Императоръ поѣхалъ въ Болонью чрезъ Модену и Піаченцу, гдѣ промедлилъ до конца октября. Въ Моденѣ онъ долго и дружески бесѣдовалъ съ герцогомъ Феррарскимъ, который полагался на его заступничество, видя, что Карлъ не особенно усердствуетъ ограбить его для обогащенія папы.

Въ началѣ ноября папа и императоръ прибыли въ Болонью. Они поселились вмѣстѣ въ правительственномъ дворцѣ; германскіе протестанты получили объ ихъ тайныхъ переговорахъ столь важныя извѣстія, что, какъ ниже увидимъ, начали дѣятельно готовиться къ войнѣ. 21 ноября папа призвалъ въ Болонью Миланскаго герцога Франческо Сфорца. Онъ не противился миру, потому что страдалъ неизлѣчимой болѣзнью и не имѣлъ наслѣдниковъ. 23 декабря былъ заключенъ съ герцогомъ мирный договоръ; Сфорца получилъ отъ императора Миланъ въ ленное владѣніе, но долженъ былъ согласиться обременить въ пользу Карла новыми налогами свою столицу, которая нѣкогда, на ряду съ Венеціей, затмѣвала всѣ итальянскіе города, но въ послѣднюю войну была совершенно ограблена испанцами. Франческо обязался уплатить Карлу въ теченіе года четыреста тысячъ дукатовъ, а черезъ годъ еще пятьсотъ тысячъ. До внесенія первой суммы укрѣпленія Милана и Комо оставались во власти императора. Кромѣ того Павія отдавалась съ титуломъ графства въ пожизненное владѣніе Антоніо Лейвѣ. Только венеціанская республика вышла безъ большихъ потерь изъ этой войны, которая была вредна для всѣхъ союзниковъ ея, исключая папы. Хотя венеціанцамъ пришлось возвратить папѣ Равенну и Червію, а императору неаполитанскія гавани, но они съумѣли защитить своихъ слабыхъ союзниковъ, тогда какъ Францискъ I французскій предалъ тѣхъ, кого защищалъ; заплатили сто тысячъ дукатовъ, чтобы вознаградить ихъ и обѣщали выдать 210,000 сверхъ того, подъ видомъ стараго долга. Республика презрительно отвергла приглашеніе императора и папы начать въ угоду имъ войну противъ турокъ.

Въ Болоньѣ былъ заключенъ такъ называемый вѣчный миръ между Климентомъ VII, императоромъ, его братомъ, Фердинандомъ, бывшимъ уже въ то время королемъ венгерскимъ и богемскимъ, венеціанской республикой, герцогами Миланскимъ и Савойскимъ и маркграфами Монферратскимъ и Мантуанскимъ; миръ

этотъ имѣлъ ту же участь, какая постигаетъ все вѣчное, что дѣлаютъ люди. Передъ отъѣздомъ Карла въ Германію, папа короновалъ его 22 февраля 1530 желѣзной короной королемъ итальянскимъ, а на слѣдующій день императорской короной римскимъ императоромъ. Это была послѣдняя коронація германскаго императора папою. Что касается герцога Альфонса Феррарскаго, то, хотя ему было дозволено присоединиться къ вѣчному миру, но папа, несмотря на всѣ усилія императора, настаивалъ на уступкѣ Модены, Реджіо, Руббіеры и Котиньолы и не позволилъ Альфонсу прибыть въ Болонью на коронацію Карла. Альфонса допустили въ Болонью только въ мартѣ, но и здѣсь онъ не могъ помириться съ папой. Тогда Альфонсъ и папа обратились къ третейскому суду императора. Карлъ не далъ однако рѣшенія до отъѣзда своего въ Германію, потому что нуждался въ обоихъ; онъ объявилъ приговоръ не раньше 1531 года.

Флорентинцамъ пришлось хуже; императоръ предалъ Флоренцію еще въ Барселонѣ; онъ желалъ доставить блестящее положеніе своей побочной дочери и въ тоже время уничтожить единственныхъ республиканцевъ Италіи. Съ монархическимъ Альфонсомъ Феррарскимъ онъ еще могъ сойтись; но не могъ допустить существованія въ Италіи республики. Филиберту Оранскому было поручено покорить городъ. Флоренція защищала свою свободу съ стойкостію и мужествомъ, достойными лучшей участи; но папа и императоръ послали противъ несчастнаго города лучшихъ солдатъ, какіе тогда были въ Европѣ. Поэтому флорентинцы поступили бы благоразумно, еслибы заранѣе покорились необходимости. Войсками ихъ предводительствовали два знаменитыхъ вождя наемниковъ, Франческо Ферручи и Малатеста Бальіони. Они сражались довольно счастливо и въ теченіе пяти мѣсяцевъ, которые императоръ и папа провели въ Болоньи, одерживали верхъ надъ превосходными силами непріятеля не только въ самомъ городѣ, но и въ открытомъ полѣ. Война кончилась уже по возвращеніи императора въ Германію. 2 августа 1530 г. флорентинцы подъ предводительствомъ Ферручи были совершенно разбиты въ сраженіи при Кавиніано, гдѣ палъ самъ императорскій главнокомандующій, Филибертъ Оранскій. Ферручи былъ также убитъ, умерщвленный самымъ варварскимъ образомъ. Мѣсто Филиберта занялъ Фердинандъ Гонзага, братъ герцога Мантуанскаго.

Малатеста Бальіони, которому флорентинцы ввѣрили свое войско, продалъ папѣ ихъ свободу. Онъ владѣлъ прежде Перуджіей, но лишился своихъ владѣній; желая возвратить ихъ, онъ убѣдилъ флорентинцевъ обратиться для переговоровъ къ Гонзагѣ, но самъ условился предварительно съ папой, который согласился возвратить ему его родовыя имѣнія въ Перуджіи, съ тѣмъ, чтобы онъ отказался отъ самой Перуджіи. Въ половинѣ августа флорентинцы заключили договоръ, по которому должны были сдаться. Но не смотря на договоръ, императорскія войска, вступивъ въ городъ, подвергли его тяжкимъ насиліямъ. Городъ истратилъ на войну нѣсколько милліоновъ и долженъ былъ немедленно заплатить императорскимъ наемникамъ восемьдесятъ тысячъ дукатовъ; въ сентябрѣ и въ октябрѣ папа учредилъ во Флоренціи правительство, въ которомъ всѣ мѣста были розданы приверженцамъ, родственникамъ и кліентамъ дома Медичи. Но флорентинцамъ, которые всегда были гвельфами и никогда не признавали, подобно пизанцамъ и сіэнцамъ, верховной власти императора, было особенно тяжело то, что папа Клементъ, самъ будучи флорентинцемъ, для утвержденія господства своей фамиліи признавъ верховныя права императора и допустилъ его распоряжаться Флоренціей. 28 октября 1530 г. императоръ далъ безпутному мальчишкѣ, Александру Медичи, котораго Клементъ VII уже сдѣлалъ герцогомъ Пеннскимъ, дипломъ, въ силу котораго Александръ и его потомки, а въ случаѣ ихъ смерти весь остальной родъ Медичи, получили Флоренцію въ наслѣдственное владѣніе.

Передъ отъѣздомъ въ Германію Карлъ распорядился Мальтою и Гоццо. 24 марта 1530 въ качествѣ не императора, а короля неаполитанскаго, онъ отдалъ эти острова въ ленъ іоаннитамъ или родосскимъ рыцарямъ, изгнаннымъ въ 1522 турками изъ Родоса. Для христіанскихъ государей было позоромъ, что они во время не помогли этимъ рыцарямъ въ ихъ послѣдней, геройской и навѣки достопамятной защитѣ Родоса, со времени потери котораго рыцари жили на счетъ папы.

2. Разрывъ между крайними и умѣренными послѣдователями Лютера и война рыцарства съ государями, или Зиккингенская распря.

Мы переходимъ къ тому времени, когда въ Германіи, какъ и въ Швейцаріи, послѣдователи проповѣдниковъ евангелія начали постепенно отступать отъ римскихъ церковныхъ формъ и измѣнили обряды религіи. До сихъ поръ это произошло лишь въ немногихъ мѣстахъ. Мудрый курфирстъ Фридрихъ Саксонскій не препятствовалъ проповѣди евангелія, но сохранялъ у себя старый порядокъ, такъ что даже въ Виттенбергѣ вначалѣ все оставалось попрежнему. Только со времени пребыванія Лютера въ Вартбургѣ Меланхтонъ и другіе друзья и ученики Лютера предприняли значительныя преобразованія. Они зашли такъ далеко, что Лютеру уже нельзя было оставаться назади. До сихъ поръ онъ сохранилъ мессу и даже носилъ свое монашеское платье. Но истиннымъ поводомъ къ полному церковному расколу послужилъ вормсскій эдиктъ, изданный императоромъ Карломъ противъ Лютера и лютеранства (стр. 389).

Этотъ эдиктъ, сочиненный вѣроятно нунціемъ Алеандеромъ и подписанный императоромъ 8 мая 1521, но обнародованный весьма благоразумно только 26 мая, когда Лютеръ уже былъ въ безопасности, объявилъ Лютера и его послѣдователей еретиками и предалъ ихъ опалѣ; книги ихъ были осуждены на сожженіе. Лютеръ долженъ былъ быть арестованъ, а имѣнія его покровителей и защитниковъ конфискованы. Другимъ эдиктомъ строжайше запрещались во всей имперіи всякія религіозныя нововведенія. Какъ мало обращали вниманія на опалу, которой подлежало слишкомъ много лицъ, видно изъ того, что еще до отъѣзда императора въ Испанію ученіе Лютера проповѣдывалось открыто во всей Германіи и внѣшнее богослуженіе было измѣнено. Достаточно нѣсколькихъ примѣровъ: герцогъ Георгъ Саксонскій, которому принадлежали Дрезденъ и Лейпцигъ, былъ рѣшительнымъ противникомъ новаго ученья и не позволялъ проповѣдывать его: но братъ его, Генрихъ, по убѣжденію своей жены, мекленбургской принцессы, дозволилъ проповѣдывать новое ученіе, а въ Фрейбергѣ и Цвикау даже измѣнилъ богослуженіе. Въ Эрфуртѣ, Эмденѣ, Гальберштатѣ, въ разныхъ мѣстахъ Богеміи, въ Нёрдлингенѣ, въ Стразбургѣ и Вормсѣ месса также должна была уступить проповѣди. Въ Помераніи проповѣдывалъ новое ученіе и измѣнилъ богослуженіе Іоганнъ Бугенгагенъ, сдѣлавшійся потомъ извѣстнымъ подъ именемъ доктора Померана. Христіанъ II датскій запретилъ копенгагенскому университету сожигать сочиненія Лютера и просилъ курфирста Фридриха Мудраго, который по матери былъ его дядей, прислать ему богослова для проповѣдыванія ученія Лютера. Даже въ Нидерландахъ, особенно въ Антверпенѣ и въ Брюгге, лютеранство проповѣдывалось, не смотря на сильныя преслѣдованія императора. Лютеръ самъ былъ того мнѣнія, что императорскій эдиктъ, изданный противъ него, будетъ исполняться развѣ только его смертельными врагами, курфирстомъ Бранденбургскимъ и герцогомъ Георгомъ Саксонскимъ; онъ писалъ Меланхтону: «я самъ думаю, что этотъ эдиктъ будетъ свирѣпствовать только у дрезденскаго Ровоама и у вашего сосѣда, котораго такъ мучитъ тщеславіе». Наконецъ папа Адріанъ VI въ письмѣ, писанномъ въ концѣ ноября 1522 г. къ чинамъ, собраннымъ въ Нюрнбергѣ, говоритъ, что вся Германія грозитъ отпасть отъ его римской церкви, и что онъ слышалъ, что уже началась междоусобная война.

Война эта дѣйствительно началась; но она не имѣла ничего общаго съ расколомъ и была войной германскихъ князей съ рыцарствомъ; но за ней послѣдовала другая, порожденная новымъ ученіемъ о разныхъ имущественныхъ правахъ. Хотя поводомъ къ первой войнѣ была сильная ненависть Зиккингена къ врагу реформаціи и Лютера, курфирсту Трирскому, но Зиккингенъ былъ въ то время также озлобленъ и противъ ревностнаго друга Лютера и его ученія, ландграфа Филиппа Великодушнаго Гессенскаго, который не выполнялъ всѣхъ условій договора, вынужденнаго у него Зиккингеномъ (стр 364.). Зиккингенъ былъ уже старъ и страдалъ подагрой, такъ что съ трудомъ садился на лошадь; но со времени его дѣятельности при избраніи Карла V значеніе его въ Германіи значительно

возвысилось. Въ то время онъ былъ могущественнѣйшимъ и богатѣйшимъ барономъ рейнскихъ странъ, императорскимъ совѣтникомъ, каммергеромъ, генераломъ и, что всего важнѣе, главою рыцарскаго союза прирейнскихъ странъ и Швабіи, заключеннаго въ Линдау. Какъ глава союза, онъ хотѣлъ защищать права рыцарей противъ государей. Обыкновенно его представляютъ германскимъ Гекторомъ и защитникомъ нѣмецкихъ вольностей; быть можетъ, это справедливо; но по нашему мнѣнію онъ былъ скорѣе защитникомъ анархіи и разбойниковъ рыцарей и противникомъ законнаго порядка, установленнаго императоромъ и государями страны. Это мнѣніе мы основываемъ не только на томъ, что было сказано о Зиккингенѣ прежде (стр. 363), но и на томъ, что послужило поводомъ къ войнѣ, бывшей причиною его смерти.

Два разбойника, члены названнаго выше рыцарскаго союза, были во враждѣ съ двумя трирскими вассалами и поступили съ ними точно такъ, какъ дѣйствуютъ теперь разбойники Калабріи и Церковной Области. Она напали на трирскія владѣнія и захватили двухъ богатѣйшихъ тамошнихъ жителей, изъ коихъ одинъ былъ отецъ викарнаго епископа, съ цѣлью вынудить у нихъ выкупъ. Они были принуждены обѣщать рыцарямъ пять тысячъ дукатовъ и получили свободу за поручительствомъ Зиккингена. Но сюзеренъ разрѣшилъ ихъ отъ вынужденнаго обязательства. Зиккингенъ воспользовался этимъ, чтобы предпринять разбойничій набѣгъ на Триръ. По старому обычаю кулачнаго права, отмѣненному при Максимиліанѣ, Зиккингенъ послалъ курфирсту манифестъ съ объявленіемъ войны и насмѣшливо отвергнулъ представленія императорскаго управленія, во главѣ котораго находился Фердинандъ въ качествѣ намѣстника своего брата; затѣмъ Зиккингенъ собралъ близъ Крейцнаха, въ замкѣ Эбернбургѣ, гдѣ онъ по временамъ жилъ, рыцарей и наемниковъ для опустошительнаго похода противъ Трира и, 8 сентября 1522 г. явился подъ стѣнами Трира съ 5,000 пѣхоты и 1,500 рыцарей.

Этому набѣгу благопріятствовали великій гофмейстеръ курфирста Альбрехта Майнцскаго, Фровейнъ фонъ Гуттенъ, и все майнцское дворянство, даже самъ Альбрехтъ. Зиккингенъ предводительствовалъ дикимъ войскомъ, которое свирѣпствовало самымъ постыднымъ образомъ и истребляло все огнемъ и мечомъ. Архіепископъ трирскій самъ сжегъ княжеское аббатство Св. Максимина, потому что Зиккингенъ разсчитывалъ на тамошніе магазины. Эпизоды этой разбойничей войны даютъ понятіе о печальномъ состояніи германскихъ крестьянъ и объясняютъ тѣ каннибальскія звѣрства, которыя они совершали два года спустя надъ князьями и рыцарями. Филиппъ Гессенскій явился вовремя на помощь курфирсту Трирскому. Кромѣ того имперское правленіе требовало, чтобы государи строго наблюдали за рыцарями и препятствовали имъ идти со своими грабителями сподвижниками на помощь Зиккингену. Вслѣдствіе этого герцогъ Клевскій и Юлихскій не пропустилъ въ Триръ шайки рыцаря Реннеберга, а архіепископъ кельнскій—ватаги батарда Сонбрефа; Филиппъ Гессенскій аттаковалъ Минквица, который шелъ изъ Брауншвейга съ 1,500 человѣкъ; это принудило Зиккингена чрезъ семь дней (14 сентября) снялъ осаду Трира. Филиппъ и архіепископъ трирскій, стоявшіе при Альцеи, не препятствовали его отступленію и прежде всего наказали майнцскихъ господъ. На франкфуртскомъ собраніи Альбрехтъ Майнцскій долженъ былъ обѣщать уплатить двадцать пять тысячъ дукатовъ; но Фровейнъ Гуттенъ упорствовалъ. Зять Зиккингена, Гартмутъ фонъ Кроненбергъ, лишился своего города, куда граждане впустили непріятеля.

Зиккингенъ объявилъ войну и курфирсту Пфальцскому и хотѣлъ аттаковать его укрѣпленный замокъ Люцельштейнъ; онъ полагался на свою силу и силудсвоихъ союзниковъ; то, что мы знаемъ о его могуществѣ, доказываетъ, что это была война рыцарства съ государями, подобно тому, какъ черезъ два года государи и рыцари вели войну съ крестьянами. 8 октября Зиккингенъ былъ преданъ опалѣ, и всѣ его замки, Драхенфельсъ, Эбернбургъ, Калленфельсъ, Нейштуль, Гогенбургъ и Линценбургъ были или взяты, или находились въ опасности; тогда онъ велѣлъ укрѣпить Ландштуль, надѣясь продержаться въ немъ, пока не подойдетъ на помощь рыцарство. Зять его, Гартмутъ, не будучи долѣе въ состояніи защищать Эбернбургъ, отправился въ Богемію, а сынъ Зиккингена, Швейкартъ, въ Швабію, чтобы созвать друзей. По паденіи замка Заальмюнстера Фровейнъ Гуттенъ разъѣзжалъ съ тою же цѣлью по Швейцаріи, Ульрихъ Гуттенъ въ верхней

Швабіи, Бальтазаръ Слоеръ на верхнемъ Рейнѣ, Францъ Фоссъ въ Нижней Германіи. Но никто не пришелъ, потому что Филиппъ Гессенскій и курфирсты Трирскій и Пфальцскій предупредили рыцарство. Не явились даже Вильгельмъ фонъ Фюрстенбергъ и Эйтельфрицъ фонъ Цоллернъ, которымъ было поручено привести швабовъ и эльзасцевъ.

Въ апрѣлѣ 1523 года Филиппъ Гессенскій двинулся съ грозной артиллеріей противъ Ландштуля. Заккингенъ защищался какъ герой и держался въ Ландштулѣ, который уже 2 мая былъ совершенно разрушенъ, до 7 числа, хотя былъ такъ тяжело раненъ, что умеръ черезъ два дня послѣ сдачи замка. Передъ смертью Зиккингенъ жаловался, что швейцарцы и рыцари Швабіи и Эльзаса, къ которымъ онъ отправилъ гонцовъ, не пришли къ нему на помощь. Но Фюрстенбергъ и Эйтельфрицъ фонъ Цоллернъ были не виноваты въ этомъ, потому что отправленные къ нимъ гонцы были перехвачены. Филиппъ Гессенскій спросилъ умирающаго рыцаря, куда онъ спряталъ свои сокровища, но Зиккингенъ отвѣчалъ ему такъ, какъ онъ заслуживалъ. «Этотъ вопросъ не кстати», отвѣчалъ онъ, «по моимъ поступкамъ можно судить, что у меня нѣтъ ничего въ наличности.» Имѣнія сыновей Зиккингена, зятя его и многихъ приверженцевъ были захвачены князьями; имъ стоило большихъ усилій получить обратно свое имущество, которое было возвращено имъ на весьма тяжелыхъ условіяхъ.

Вслѣдъ за этой войной князей съ главою имперскаго рыцарства наступили насильственныя народныя движенія, находившіяся въ большей или меньшей связи съ измѣненіями государственной религіи, предпринятыми реформаторами; поэтому ихъ удобнѣе разсматривать вмѣстѣ съ исторіей Лютера. Неудовольствія и раздоры возникли прежде всего въ Виттенбергѣ, еще во время пребыванія Лютера въ Вартбургѣ. Лютеръ жилъ въ Вартбургѣ подъ именемъ дворянина и занимался переводомъ Новаго Завѣта, который вышелъ весь вмѣстѣ, тогда какъ книги Ветхаго Завѣта, при переводѣ которыхъ Меланхтонъ помогалъ Лютеру въ отношеніи еврейскаго языка, выходили по частямъ и были напечатаны въ полномъ составѣ лишь впослѣдствіи. Мѣстопребываніе Лютера было вначалѣ не извѣстно не только его друзьямъ, но даже брату курфирста Саксонскаго, герцогу Іоганну. Однако вскорѣ оно обнаружилось, потому что Лютеръ выпустилъ изъ Вартбурга въ свѣтъ много рѣзкихъ полемическихъ сочиненій.

До сихъ поръ Лютеръ и его курфирстъ щадили внѣшній церковный порядокъ; но Меланхтонъ былъ въ этомъ отношеніи смѣлѣе. Онъ женился еще въ 1520 г., тогда какъ Лютеръ послѣдовалъ его примѣру позднѣе, хотя уже тогда любилъ Катерину де-Боре. Впрочемъ Меланхтонъ не былъ монахомъ и не былъ посвященъ, а Лютеръ и его Катерина должны были сложить монастырскій обѣтъ. Изъ писемъ Лютера видно, что уже въ 1521 г., когда многіе духовные стали вступать въ бракъ, онъ предостерегалъ ихъ, совѣтуя избѣгать неосторожныхъ поступковъ. Во время отсутствія Лютера изъ Виттенберга, монахи тамошняго августинскаго монастыря начали производить насильственныя реформы, и товарищъ Лютера, Карльштатъ или, какъ онъ собственно назывался, Боденштейнъ, распространялъ преобразованіе латинства. Меланхтонъ былъ не довольно энергиченъ, чтобы противодѣйствовать ему; казалось даже, что онъ до извѣстной степени благопріятствовалъ мнѣнію Карльштата и его друзей. Тогда между крайней и умѣренной партіями въ Виттенбергѣ начался жаркій раздоръ, который часто кончался насильственными поступками, потому что въ то время наша полиція была еще неизвѣстна. Наконецъ присутствіе Лютера стало необходимо, чтобы положить конецъ безпокойствамъ. Поэтому, не смотря на свое инкогнито, онъ прибылъ въ ноябрѣ въ Виттенбергъ и пробылъ здѣсь нѣсколько дней въ домѣ Амздорфа. Въ концѣ 1521 г. дѣло стало еще затруднительнѣе. Тюрингенскіе и мейссенскіе августинцы постановили на собраніи въ Виттенбергѣ отмѣнить всѣ отступленія отъ евангельскаго ученія.

Въ сумятицѣ, поднятой виттенбергскими бюргерами и студентами, главную роль играли Карльштатъ и августинскій монахъ Габріель Дидимъ, считавшій себя, подобно первому, ревностнымъ приверженцемъ и другомъ Лютера. Лютеръ обратилъ свою сильную проповѣдь преимущественно противъ нихъ. Карльштатъ былъ, сбитый съ толку, темный мистикъ, но фанатически краснорѣчивый. Проповѣдуя въ виттенбергской монастырской церкви, онъ уже давно возглашалъ съ

кафедры, что необходимо совершенно измѣнить многое въ богослуженіи, потому что все, что учреждено и установлено папами, противно христіанству. Проповѣдь Карльштата не имѣла вліянія, пока Лютеръ, котораго бюргеры и студенты чтили, какъ католики папу, училъ и проповѣдывалъ рядомъ съ нимъ. Только въ концѣ 1521 г., когда Лютера уже не было въ Виттенбергѣ, Карльштатъ могъ приступить къ дѣлу. Во главѣ гражданъ и студентовъ онъ неожиданно отмѣнилъ всѣ обряды римскаго богослуженія, началъ служить обѣдню на нѣмецкомъ языкѣ, запретилъ возносить дары, установилъ причащать подъ обоими видами, совершенно измѣнилъ римское богослуженіе. Это не могло обойтись безъ волненія. Всѣ фанатики и безпокойныя головы, которыми богата всякая революція, устремились въ Виттенбергъ, и реформаторы поссорились съ совѣтомъ и даже съ самимъ курфирстомъ. Меланхтонъ былъ неспособенъ укротить бурю. Поэтому 4 марта 1522 г. Лютеръ снова прибылъ въ Виттенбергъ.

Его присутствіе въ Виттенбергѣ было необходимо не только потому, что послѣдователи Карльштата не хотѣли остановиться на томъ, что было дозволено курфирстомъ и его совѣтниками, но и потому, что въ тоже время въ Цвикау Томасъ Мюнцеръ и его радикальные друзья пытались основать идеальное царство небесное на землѣ. Между людьми, дѣйствовавшими въ Цвикау въ духѣ Карльштата, одинъ Мюнцеръ обладалъ нѣкоторымъ научнымъ образованіемъ. Прочіе вожди тамошнихъ фанатиковъ были ремесленники. Большимъ вліяніемъ чѣмъ Мюнцеръ пользовался Николай Шторхъ. Смятеніе въ Цвикау было усмирено властями; нѣкоторые изъ бѣжавшихъ оттуда, уже ратовавшіе противъ крещенія дѣтей, явились въ Виттенбергъ, такъ что Лютеръ возвратился туда въ то самое время, когда присутствіе его было наиболѣе необходимо. Прибывъ въ Виттенбергъ, онъ немедленно объявилъ, что будетъ проповѣдывать противъ безпорядковъ, совершившихся въ его отсутствіе. Восемь дней сряду всходилъ на кафедру, и кто читалъ его проповѣди, пойметъ, что мистическій туманъ Карльштата и Мюнцера долженъ былъ мгновенно разсѣяться предъ свѣтомъ и теплотой отеческихъ упрековъ такого человѣка, какимъ Лютеръ показалъ себя въ этихъ проповѣдяхъ. Безпокойныя головы были скоро принуждены оставить городъ. Карльштатъ отправился въ Базель; какъ мы ниже увидимъ, онъ еще долго скитался и ругалъ Лютера. Томасъ Мюнцеръ былъ принятъ какъ пророкъ въ городкѣ Альтштедтѣ, но долженъ былъ бѣжать, когда написалъ противъ Лютера и его ученія рѣзкую полемику. По той же причинѣ онъ былъ удаленъ и изъ Нюрнберга. Мюнцеръ имѣлъ много послѣдователей, и во время крестьянской войны мы опять встрѣтимъ его сначала въ Швабіи, а потомъ въ Мюльгаузенѣ.

3. Крестьянская война.

Въ 1524 году вспыхнуло возстаніе бѣдныхъ крѣпостныхъ и оброчныхъ крестьянъ, распространившееся по всей Германіи. На сколько имѣло въ немъ участія новое ученіе, исходившее изъ Цюриха и Виттенберга, рѣшать мы не будемъ. Подобное же возстаніе произошло еще въ 1514 году, потому что дворянство обращалось съ бѣдными людьми какъ со скотомъ или какъ съ неграми въ вестъ-индскихъ колоніяхъ (стр. 367). Мы бы утомили читателя разсказомъ о всѣхъ мученіяхъ, которыя были придуманы, чтобы превратить мужика во вьючное животное. Мы упомянемъ только о постоянной жалобѣ крестьянъ на то, что они должны собирать раковины улитокъ и землянику. Жалоба на собираніе раковинъ для насъ не совсѣмъ ясна; что же касается до земляники, то собираніе ея не могло быть особенно тягостно, если сообразить, какое множество ея приносятъ каждый день на рынокъ; вѣроятно, помѣщики того времени истребляли ее въ непомѣрномъ количествѣ. Что касается до участія въ крестьянской войнѣ разныхъ фанатиковъ, то нужно знать, что въ то время въ народѣ обращались сотни подметныхъ листковъ, что множество монаховъ, нарушивъ монашескіе обѣты, распространяли нелѣпыя ученія; что Себастіанъ Франке (стр. 430) съ такою же теплотою писалъ по нѣмецки исторію, какъ Лютеръ духовныя сочиненія, и что его хроники выходили въ безчисленномъ множествѣ изданій. Кромѣ

того двѣнадцать параграфовъ или требованій, провозглашенные возставшими крестьянами и заключавшіе въ себѣ идею новаго государственнаго права (contrat social), были по всей вѣроятности написаны послѣдователемъ швейцарскихъ реформаторовъ, которые дѣйствовали гораздо смѣлѣе, чѣмъ Лютеръ. Въ какой бы впрочемъ связи съ религіознымъ вопросомъ ни находилась крестьянская война, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что швабскіе крестьяне еще въ 1514 году сдѣлали попытку страшнаго возстанія; въ 1523 и въ 1524 годахъ они, говоря ихъ языкомъ, не захотѣли долѣе терпѣть рабство, барщину и десятину. Впрочемъ Циммерманъ въ своей исторіи крестьянской войны собралъ въ такой полнотѣ, изъ печатныхъ и неизданныхъ источниковъ, все, что относится до нея, и изложилъ эти событія такъ ясно, что мы отсылаемъ читателя къ этому сочиненію и коснемся крестьянской войны лишь въ общихъ чертахъ.

Въ концѣ іюня 1524 года вспыхнуло возстаніе въ ландграфствѣ Штюлингенъ, гдѣ графъ Зигмундъ II, его всемилостивѣйшая супруга и высокоблагородныя дщери употребляли крестьянъ вмѣсто охотничьихъ собакъ, и посылали сбирать землянику и раковины улитокъ; оно съ неимовѣрной быстротой распространилось въ Бондорфѣ, Эматингенѣ, Бертматингенѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Уже въ іюлѣ крестьяне объявили, что хотятъ повиноваться только императору, и двинулись въ числѣ тысячи двухъ сотъ человѣкъ съ трехцвѣтнымъ—чернымъ, краснымъ и желтымъ—имперскимъ знаменемъ на Вальдсгутъ, гдѣ къ нимъ присоединились горожане. Они назвали себя евангелическимъ братствомъ и разослали открыто и тайно письма и гонцовъ не только по всему Гегау, Зундгау, въ Эльзасъ и Швабію, но и за Рейнъ, на Мозель и даже во Франконію и въ Тюрингію. Они всюду объявляли, то хотятъ служить только императору. Такъ какъ тогда не было ни постоянныхъ войскъ, ни должностной іерархіи, то они, благодаря своей многочисленности, восемь мѣсяцевъ господствовали въ странѣ, свирѣпствуя и разрушая. Военнаго дѣла они не понимали, были не вооружены или вооружены очень дурно, и совершенно неспособны сопротивляться въ открытомъ полѣ, потому что рыцари, которыхъ они принуждали присоединиться къ нимъ, съ отвращеніемъ смотрѣли на ихъ дѣло. Бѣглые монахи и фанатическіе проповѣдники новаго ученія возстановляли ихъ противъ всякаго гражданскаго порядка. При такихъ обстоятельствахъ возставшіе крестьяне были страшны только по своей многочисленности и по совершаемымъ ими жестокостямъ; несмотря на это, рыцарство не рѣшалось вступить съ ними въ открытую борьбу, пока вполнѣ не обезпечило себѣ побѣду. Время отъ времени оно вело съ ними переговоры, дѣлая видъ что ищетъ посредничества или третейскаго рѣшенія и что желаетъ уступить имъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ; наконецъ единственная исполнительная власть, существовавшая тогда въ Германіи, т. е. швабскій союзъ, соединилъ свои силы, чтобы потушить возстаніе военною силою и затѣмъ еще болѣе усилить гнетъ рыцарства.

Шестнадцать параграфовъ, въ которыхъ крестьяне верхней Швабіи, Клеттгау и Гегау, Штюлингена и Баара изложили свои требованія въ переговорахъ съ имперскимъ рыцарствомъ, показываютъ, что они добивались только того, чего частью наконецъ достигли въ наше время. «Рыба и дичь должны принадлежать всѣмъ. Мы хотимъ, чтобы наши собаки бѣгали свободно. Хотимъ имѣть право носить ружья и арбалеты. Егеря и лѣсничіе не должны имѣть надъ нами власти. Не хотимъ возить для господъ навозъ. Не хотимъ косить, жать, готовить сѣно и возить своимъ господамъ хлѣбъ и дрова. Хотимъ быть совершенно освобождены отъ тяжелыхъ ремеслъ. Не должно несправедливо требовать отъ насъ налоговъ, податей и оброка. Крестьянинъ не обязанъ ходить на барщину. Ни мужчины, ни женщины не должны быть наказываемы, если женятся безъ дозволенія господъ. Господинъ не долженъ присвоивать имущества самоубійцы и не можетъ наслѣдовать крестьянину, пока есть родственники. Кто имѣетъ у себя въ домѣ вино, можетъ потчивать имъ каждаго. Судья не можетъ наказывать за проступки, не имѣя полныхъ доказательствъ (свидѣтелей).»

Ни швабскій союзъ, ни братъ Карла V, эрцгерцогъ Фердинандъ, царствовавшій въ Виртембергѣ по изгнаніи Ульриха и бывшій могущественнѣйшимъ государемъ Швабіи, не могли принять немедленно рѣшительныхъ мѣръ. Поэтому крестьяне пользовались дикой независимостью еще въ февралѣ 1525, хотя эрц-

герцогъ издалъ приказаніе преслѣдовать ихъ огнемъ и мечомъ и истреблять, какъ хищныхъ животныхъ. Трухзесъ Георгъ фонъ Вальдбургъ и другіе господа не задумались послѣдовать этому повелѣнію; но это не остановило крестьянъ и напротивъ вызвало со стороны ихъ упорство. Изгнанный герцогъ Ульрихъ Виртембергскій возвратился въ Швабію, чтобы воспользоваться крестьянами для своей цѣли и посредствомъ ихъ возвратить свои владѣнія отъ австрійцевъ; но крестьяне знали его слишкомъ хорошо и не пристали къ нему. Виртембергскій намѣстникъ Фердинанда перепугался и еще въ предъидущемъ году писалъ эрцгерцогу, державшему тогда въ Нюрнбергѣ сеймъ, что нельзя полагаться на пѣхоту, состоящую большею частью изъ горожанъ и крестьянъ, и потому просилъ его поскорѣе прислать конницу.

Благодаря воззваніямъ Томаса Мюнцера и вальдсгутскаго священника Губмайера, движеніе, стремившееся учредить Новый Іерусалимъ, получило въ послѣднее время совершенно радикальный характеръ. Мюнцеръ, не владѣвшій истиннымъ и яснымъ краснорѣчіемъ Лютера, провелъ пять мѣсяцевъ между Эльзасомъ и Констанцскимъ озеромъ, выдавая свое темное и мистическое чувство за вдохновеніе свыше. Губмайеръ, еще задолго до знакомства съ Мюнцеромъ, считался въ своей общинѣ, Вальдсгутѣ и Гауенштейнѣ, боговдохновеннымъ пророкомъ. Множество верхнешвабскихъ священниковъ, не бывшихъ ни анабаптистами ни дикими фанатиками, проповѣдывали евангеліе крестьянамъ и гражданамъ маленькихъ городовъ такимъ же образомъ, какъ Губмайеръ, Мюнцеръ и Себастіанъ Франке или какъ въ наше время Ламне. Другіе были умѣреннѣе, и къ нимъ безспорно принадлежалъ авторъ двѣнадцати крестьянскихъ параграфовъ, распространившихся съ марта 1525 по всей Германіи. Новѣйшій историкъ крестьянской войны, Циммерманъ, думаетъ, что авторомъ этихъ двѣнадцати параграфовъ крестьянскихъ требованій былъ или докторъ Шаппелеръ, священникъ меммингенскій, или Іоганнъ Генглеръ, священникъ зерматингенскій.

Этотъ кодексъ, въ которомъ всѣ выше приведенные пункты выражены нѣсколько иначе, составленъ уже литературно, и каждый параграфъ подкрѣпленъ текстами и изреченіями апостоловъ. Крестьяне, какъ показываетъ приводимый нами ниже первый параграфъ, требовали, чтобы евангеліе, проповѣдуемое имъ въ церкви, служило положительнымъ, а не нравственнымъ только закономъ евангельскаго государства. О насиліяхъ нѣтъ и рѣчи. Въ параграфѣ этомъ говорится: «Во первыхъ евангеліе не есть поводъ къ возмущенію или безпокойствамъ; такъ какъ рѣчь идетъ о Христѣ, обѣщанномъ Мессіи, котораго слово и жизнь учатъ только любви, миру, терпѣнію и согласію (Рим. 2.), слѣдовательно, чтобы всѣ, кто вѣруетъ въ него, жили любовно, мирно, терпѣливо и согласно, то и основаніе всѣхъ крестьянскихъ параграфовъ, какъ будетъ ясно видно, клонится къ тому, чтобы слушаться евангелія и жить по евангельски. Какимъ же образомъ противники христіанства могутъ называть евангеліе причиной возмущеній и непослушанія? Евангеліе невиновато, что нѣкоторые противники и враги Христа идутъ наперекоръ такимъ стремленіямъ; причиною этому дьяволъ, злѣйшій врагъ евангелія, который возбуждаетъ невѣріе, дабы подавить и уничтожить слово Божіе, которое учитъ миру, любви и согласію.» Совершенно другое говорится въ манифестѣ верхнешвабскаго крестьянства, написанномъ Томасомъ Мюнцеромъ и называемомъ обыкновенно параграфнымъ письмомъ.

Вся Швабія была въ возстаніи. Тщетно издавало свои эдикты такъ называемое имперское управленіе, пребывавшее въ Эслингенѣ; тщетно пыталось швабское союзное собраніе въ Ульмѣ удержать крестьянъ дружескими внушеніями отъ насилій, которымъ они предавались съ февраля 1525 г. Наконецъ швабскій союзъ назначилъ противъ нихъ двухъ предводителей кондоттіери, Георга фонъ Фрундсберга и Трухзеса фонъ Вальдбурга. Послѣдній, сдѣланный за дѣйствія противъ крестьянъ наслѣдственнымъ стольникомъ (Truchsesz) и намѣстникомъ Фердинанда въ Виртембергѣ, собралъ, какъ главнокомандующій швабскаго союза, войско противъ герцога Ульриха Виртембергскаго, вступившаго въ мартѣ съ наемными швейцарцами въ Швабію. Когда солдаты Ульриха разбѣжались, Трухзесъ выступилъ съ своимъ войскомъ противъ крестьянъ, которые раздѣлились на три шайки и стояли лагерями при Биберахѣ въ Альгау и при Констанцскомъ озерѣ. Можно было предвидѣть, что худо вооруженные крестьяне,

которымъ самая многочисленность ихъ приносила скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, будутъ побѣждены наемною пѣхотою генерала кондоттьери, привычною къ бою и хорошо вооруженною. Кромѣ того въ войскѣ Трухзеса были тяжеловооруженные рыцари, у которыхъ даже лошади были покрыты бронею. Кажется, Трухзесъ былъ невиноватъ въ жестокостяхъ, совершенныхъ рыцарями послѣ побѣды, и во всѣхъ смертоубійствахъ и казняхъ, потому что въ отношеніи своихъ крестьянъ онъ былъ кроткій и ласковый господинъ, такъ что они были ему вѣрны даже тогда, когда всѣ крестьяне въ Швабіи, на Рейнѣ, во Франконіи и въ Тюрингіи уже взялись за оружіе. Когда жители городка Вурцаха были приглашены другими крестьянами присоединиться къ нимъ, они отправили къ Трухзесу гонцовъ и велѣли убѣдительно просить его пріѣхать къ нимъ. Онъ отвѣтилъ имъ очень дружески, называлъ ихъ въ письмѣ благочестивыми и вѣрными, но извинялся своими служебными обязанностями. Онъ писалъ имъ: «мнѣ было бы очень пріятно промѣнять эти безпокойныя хлопоты на жизнь съ своей женой, дѣтьми и съ своими вѣрными благочестивыми крестьянами. Но находясь на службѣ моего австрійскаго государя, который повелѣлъ мнѣ оставаться при моихъ обязанностяхъ, я не могу отступить отъ своего долга, какъ бы ни желалъ отправиться къ вамъ». Тогда вурцахцы соединились съ шайками, стоявшими подъ ихъ городкомъ.

Крестьянами предводительствовали большею частью католическіе священники, которые дѣлали при случаѣ на походахъ жестокія насилія. Между прочимъ упоминаютъ о попѣ Флоріанѣ, священникѣ эйхштеттенскомъ, о Гансѣ Веэ, священникѣ лейпгеймскомъ близъ Ульма, и о священникахъ лангенаусскомъ и гюнцбургскомъ. Войска Трухзеса Георга напали сначала на шайку въ шесть или семь тысячъ человѣкъ, бродившую на Дунаѣ. Эта шайка была уничтожена при Эльхингенѣ и потомъ при Лейпгеймѣ. Тысячи лишились здѣсь жизни, и 5 апрѣля вся окрестность была покрыта трупами. Плѣнные были преданы суровой уголовной юстиціи, руководствомъ которой служилъ уголовный уставъ императора Карла V. Послѣ казней на Дунаѣ Георгъ двинулся противъ крестьянъ, стоявшихъ при Вурцахѣ. Альгау и окрестности озера были на время усмирены Вальдбургомъ и рыцарствомъ; но за то крестьяне Оденвальда и Неккарской долины, злобствуя за жестокости рыцарей, совершенныя на Дунаѣ, на озерѣ и въ Верхней Швабіи, стали разрушать замки, церкви, и монастыри. Поэтому Трухзесъ долженъ былъ спѣшить противъ шаекъ, которыя нашли себѣ дружескій пріемъ въ городкѣ Неккарзульмѣ близъ Вейнсберга. Въ вейнсбергскомъ замкѣ жилъ графъ фонъ Гельфенштейнъ, женатый на побочной дочери Максимиліана I. Возвратясь изъ Штутгарта и найдя всю мѣстность занятою возмутившимся народомъ, онъ убѣдительно просилъ къ себѣ на помощь гессенскихъ и пфальцскихъ рыцарей; его рейтары преслѣдовали крестьянъ всюду. Въ это время крестьяне узнали о безчеловѣчныхъ поступкахъ верхнешвабскихъ рыцарей и отмстили за это графу Гельфенштейну и главному боттварскому правителю, Вейлеру. Условившись съ жителями Вейнсберга, озлобленными за наглость и высокомѣріе графа Гельфенштейна, крестьяне напали 15 апрѣля на Вейнсбергъ и взяли приступомъ городъ и замокъ. Затѣмъ они казнили этихъ господъ и ихъ рыцарей тою же казнью, какою были умерщвлены крестьяне подъ Лейпгеймомъ и Вурцахомъ. Ни тридцать тысячъ гульденовъ, предложенные Вейлеромъ за свой выкупъ, ни колѣнопреклоненныя мольбы жены Гельфенштейна не могли спасти осужденныхъ. Всѣ плѣнники были, какъ тогда говорилось, прогнаны сквозь копья, и даже двухлѣтній сынъ Гельфенштейна былъ тяжело раненъ на груди своей матери; впрочемъ жизнь его и его матери была пощажена.

Весь Виртембергъ былъ въ возстаніи; имперское правленіе, не считая себя въ безопасности въ Эсслингенѣ, удалилось, и Штутгартъ ежеминутно боялся очутиться во власти безчинствовавшихъ крестьянъ, когда Трухзесъ Георгъ, усмирившій волненія въ верхнихъ земляхъ и на озерѣ договоромъ, заключеннымъ съ крестьянами, прибылъ въ концѣ апрѣля съ своимъ войскомъ. Онъ едва поспѣлъ придти во время, потому что крестьяне уже владѣли хорошимъ оружіемъ; многіе рыцари и высшія лица перешли на ихъ сторону, и носился слухъ, что другъ Зиккингена, Гецъ фонъ Берлихингенъ имѣетъ намѣреніе объявить себя предводителемъ всѣхъ возставшихъ, отъ Верхней Швабіи до Тюрингіи. Шайка крестьянъ, сжегшая Герренбергъ и простиравшаяся до двадцати тысячъ человѣкъ, расположилась на

первой недѣлѣ мая подъ Беблингеномъ; Георгъ аттаковалъ ее 11 мая, и между Беблингеномъ и Зиндельфингеномъ произошло сраженіе. Крестьяне дрались счастливо два съ половиною часа противъ войскъ швабскаго союза; но все зависѣло отъ владѣнія Беблингеномъ, жители котораго впустили Трухзеса въ городъ, и онъ началъ обстрѣливать оттуда крестьянское войско. Всѣ единогласно говорятъ, что рыцари страшно свирѣпствовали какъ въ самый день битвы, такъ и послѣ, и поступали съ жителями деревень и городовъ, какъ турки или гунны. Свѣдѣнія же о числѣ убитыхъ 11 мая такъ несогласны между собою, что по Циммерману, который сравнилъ всѣ печатныя и рукописныя извѣстія о крестьянской войнѣ, число это колеблется между полутора и девятью тысячами.

Въ то время, какъ подавляли верхнешвабское и виртембергское возстанія, крестьяне Неккарской долины и Оденвальда присоединились къ франконскому мятежу. Въ этомъ возстаніи видна уже система; былъ предначертанъ цѣлый планъ новаго порядка, обозначены кантоны, и Гейльбронъ заранѣе избранъ будущимъ центромъ югозападной Германіи, Эльзаса и части Лотарингіи. Но планъ не осуществился, потому что командиръ швабскихъ союзныхъ войскъ быстро соединился съ рыцарскими войсками всѣхъ тѣхъ государей, которые имѣли причину бояться дальнѣйшаго развитія возстанія. Крестьяне уже сожгли болѣе двухсотъ замковъ, дворянскихъ дворовъ и монастырей, учредили въ завоеванномъ ими городѣ Вюрцбургѣ свой большой совѣтъ и начали осаду тамошней цитадели, Маріенбурга; но Георгъ Трухзесъ, соединившись съ войсками курфирстовъ Рихарда Трирскаго и Лудвига Пфальцскаго, герцога Отто Баварскаго и епископа вюрцбургскаго, нанесъ возставшимъ крестьянамъ страшное пораженіе при Кенигсгофенѣ, 2 іюня 1525 года. Черезъ два дня была почти совершенно истреблена такъ называемая черная громада крестьянскаго войска: затѣмъ освобожденъ Вюрцбургъ, и противъ бѣжавшихъ стали дѣйствовать военнымъ порядкомъ, а противъ плѣнныхъ—судебно-уголовнымъ. Такъ какъ въ битвѣ при Кенигсгофенѣ и послѣ нея было убито шесть тысячъ крестьянъ, и возставшіе крестьяне, несмотря на свое худое вооруженіе, защищались вездѣ съ удивительнымъ упорствомъ и стойкостью, то легко разсчитать, какая масса людей была истреблена въ теченіе одного только 1525 года.

Въ тоже время Гизы, господствовавшіе въ Лотарингіи и начавшіе впослѣдствіи во Франціи религіозную войну, во время которой они цѣлое столѣтіе жестоко свирѣпствовали противъ протестантовъ, истребили множество крестьянъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, принимавшихъ участіе въ союзѣ рейнскихъ и франконскихъ крестьянъ. Герцогъ Антуанъ Лотарингскій и братъ его, Клодъ де Гизъ, перебили сначала нѣсколько тысячъ людей, отдѣлившихся отъ главнаго крестьянскаго войска, стоявшаго при Эльзасъ-Цабернѣ; затѣмъ они напали на это войско. Оно было уничтожено, и городъ Цабернъ съ епископскимъ замкомъ разграбленъ и разрушенъ лотарингскими наемниками. Поселяне, желая отмстить, старались преградить герцогу отступленіе чрезъ проходъ Вовилье, но потерпѣли вторичное пораженіе.

Мы не упоминаемъ о безпокойствахъ въ Фрейбургѣ, базельской области и въ Зундгау, потому что онѣ были прекращены безъ большаго кровопролитія, а частью даже совершенно мирно и кротко. Но мы должны сказать о рѣзнѣ, которую произвели въ прирейнскихъ странахъ Рихардъ трирскій и Лудвигъ пфальцскій. Они побѣдили подъ Феддерсгеймомъ шайку крестьянъ и положили на мѣстѣ восемьсотъ бѣдняковъ, умолявшихъ ихъ о пощадѣ; духовный курфирстъ Рихардъ умертвилъ нѣкоторыхъ собственноручно.

4. Успѣхи реформаціи. Томасъ Мюнцеръ и тюрингскіе фанатики.

Крестьянская война и ея кровавыя послѣдствія находились на столько въ связи съ новымъ ученіемъ, проповѣданнымъ въ Саксоніи и Швейцаріи, на сколько вообще народъ думалъ воспользоваться имъ, чтобы освободиться отъ гнета духовенства и рыцарства. Дѣйствительная причина этого возстанія была политическаго, а не религіознаго свойства. Другой характеръ имѣло ученіе, которое проповѣдывалъ въ Тюрингіи Томасъ Мюнцеръ.

Со времени возвращенія Лютера изъ Вартбурга всѣ хорошо понимали, что, если императоръ возвратится въ Германію побѣдителемъ и союзникомъ папы, то неизбѣжно произойдетъ реакція, предупредить которую нужно быстрыми и даже насильственными прогрессивными мѣрами. Еще во время пребыванія Лютера въ Вартбургѣ, а тѣмъ болѣе по возвращеніи его въ Виттенбергъ, проповѣдывалось всюду новое ученіе не только словомъ, но и дѣломъ. Въ іюлѣ 1523 приступили къ внѣшнимъ реформамъ въ Магдебургѣ, причемъ не обращали вниманія на архіепископа Альбрехта. Магдебургскій совѣтъ готовился силою противиться палатному суду и имперскому правленію, если бы они вздумали приводить въ исполненіе опалу, произнесенную надъ городомъ. 23 іюня 1523 граждане собрались въ августинскомъ монастырѣ и потребовали отъ совѣта преобразованія богослуженія. Совѣтъ исполнилъ ихъ просьбу; курфирстъ Фридрихъ Мудрый, все еще не высказывавшійся, позволилъ магдебургцамъ пригласить для этой цѣли друга Лютера, Амсдорфа. Магдебургцы требовали: причащать подъ обоими видами; обратить въ пользу церковной кассы, которую предполагалось учредить, доходы городскихъ монастырей; всѣмъ священникамъ и монахамъ предоставить свободу удалиться изъ города; тѣмъ изъ нихъ, которые добровольно захотятъ остаться, выдавать пожизненное содержаніе; духовенству дозволить вступать въ бракъ, а духовныя обязанности и требы исполнять безвозмездно.

Въ то же время Гартманъ Ибахъ, священникъ церкви св. Екатерины во Франкфуртѣ на Майнѣ, хотѣлъ съ разрѣшенія совѣта произвести тѣже преобразованія. Этому воспротивился курфирстъ Майнцскій, имѣвшій надъ Франкфуртомъ духовно-свѣтскую судебную власть. Распоряженіе совѣта и требованіе гражданъ осуществились во Франкфуртѣ лишь при помощи рыцарей, друзей Зиккингена. Зять Зиккинена Гартмутъ фонъ Кроненбергъ, приказалъ прибить къ франкфуртскимъ воротамъ воззваніе, въ которомъ совѣтовалъ магистрату и гражданамъ установить проповѣдь чистаго евангелія. Духовному же лицу, которое болѣе всѣхъ противилось реформаціи, Гартмутъ написалъ грозное письмо, и когда тотъ справедливо отвѣтилъ ему, что, если Гартмутъ имѣетъ поводъ на него жаловаться, то можетъ обратиться къ его начальству, Гартмутъ снова написалъ ему два неслыханно грубыя посланія. Онъ грозилъ публично объявить его грѣховодникомъ, лютымъ волкомъ, воромъ и убійцей и поступить съ нимъ безъ церемоніи. Друзья Гартмута, рыцари Мольнгеймъ, Штокгеймъ и Рейфенштейнъ, послали франкфуртскому духовенству формальный вызовъ и объявили, что поступятъ съ нимъ, какъ съ адскими и закоренѣлыми волками и врагами живаго божественнаго слова. Не смотря на это, священникъ, которому угрожалъ Гартмутъ, хотѣлъ произнести въ Лазарево воскресенье 1523 г. проповѣдь противъ еретиковъ. Но народъ безъ околичностей выгналъ его изъ церкви, и совѣтъ объявилъ всѣмъ проповѣдникамъ, что если они хотятъ, чтобы ихъ терпѣли въ городѣ, то должны проповѣдывать слово Божіе въ чистотѣ и понятно.

Въ томъ же году Лютеръ издалъ свое сочиненіе «О порядкѣ богослуженія въ общинѣ». Здѣсь онъ предписываетъ, какою должна быть проповѣдь, какъ слѣдуетъ читать священное писаніе и какъ сдѣлать пѣніе назидательнымъ. Онъ приступилъ наконецъ къ измѣненію богослуженія, чему сперва противился. Измѣненія были сдѣланы во всѣхъ городахъ саксонскаго курфиршества по распоряженіямъ городскихъ властей; Лютеръ совѣтывалъ въ письмахъ лучше ни о чемъ не спрашивать робкаго дипломата — курфирста, чѣмъ ставить его вопросами въ затрудненіе. Лютеръ первый подалъ примѣръ; онъ передалъ курфирсту монастырь, въ которомъ оставались только онъ и игуменъ, и сложилъ монашеское

облаченіе. 9 октября 1524 г. Лютеръ въ первый разъ взошелъ на кафедру не въ рясѣ, а въ пасторской одеждѣ, сукно для которой было подарено ему курфирстомъ. Хотя Лютеръ давалъ совѣты относительно употребленія церковныхъ имуществъ, но, желая сохранить дружбу князей и рыцарей, долженъ былъ допустить многое. Лютеръ уже въ то время разыгрывалъ въ основанной имъ церкви роль папы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ церковныя имущества были, правда, употреблены на воспитаніе, школы, церкви, больницы, богадѣльни; но вообще враги новаго ученія были не совсѣмъ неправы, упрекая рыцарей и государей за секуляризацію духовныхъ имуществъ въ пользу своихъ фамилій, а духовенство за переходъ къ новому ученію ради возможности вступить въ бракъ.

Но поступокъ великаго магистра Тевтонскаго ордена въ Пруссіи произвелъ особенный скандалъ. Поступокъ этотъ былъ сдѣланъ имъ по совѣту Лютера, который одобрялъ его, не смотря на то, что вслѣдствіе его не только Пруссія отходила отъ Германіи къ Польшѣ, но и имущества, на которыя имѣли притязанія многія фамиліи, были присвоены нѣсколькими лицами. Примѣру магистра послѣдовали скоро и меченосцы, владѣвшіе имѣніями и командорствами въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. Гросмейстеромъ тевтонскимъ былъ тогда Альбрехтъ Бранденбургъ-Ансбахскій изъ дома Гогенцолернскаго. Домъ этотъ по смерти курфирста Альбрехта Ахилла (стр. 81) раздѣлился на двѣ линіи. Одна владѣла Бранденбургомъ, другая Ансбахомъ и Байрейтомъ. Въ Бранденбургѣ сыну Альбрехта, Іоанну Цицерону, наслѣдовалъ Іоахимъ I, бывшій непримиримымъ врагомъ Лютера уже за то только, что тотъ поступалъ такъ нецеремонно съ его братомъ, Альбрехтомъ, знаменитымъ архіепископомъ магдебургскимъ и майнцскимъ, который былъ наиболѣе заинтересованъ въ дѣлѣ тецелевскихъ индульгенцій. Іоахимъ II, сынъ Іоахима I, наслѣдовавшій отцу въ 1535, сдѣлался лютераниномъ; но при этомъ онъ имѣлъ виды на Пруссію, которую присвоилъ себѣ его двоюродный братъ, гросмейстеръ тевтонскаго ордена, Альбрехтъ Ансбахскій и Байрейтскій.

Проѣзжая въ 1524 чрезъ Саксонію съ нюрнбергскаго сейма, Альбрехтъ велъ въ Виттенбергѣ переговоры съ Лютеромъ и Меланхтономъ. Они совѣтывали ему поступить съ Пруссіей, принадлежавшей ордену, такимъ же образомъ, какъ по ихъ внушенію было поступлено въ Германіи съ монастырями. Альбрехтъ скрывалъ свое намѣреніе, пока не условился съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ I. Въ 1525 онъ открыто принялъ евангелическое ученіе, предпринялъ преобразованія, сдѣлавшіяся необходимыми вслѣдствіе этого, обратилъ Пруссію въ герцогство, а имѣнія ордена въ свѣтскіе лены. Онъ условился съ королемъ Сигизмундомъ, съ которымъ давно велъ переговоры, что одна часть Пруссіи перейдетъ къ Польшѣ, а другая, принадлежавшая рыцарямъ, къ гросмейстеру съ титуломъ герцогства и въ качествѣ польскаго государственнаго лена. 8 апрѣля 1525 въ Краковѣ совершилась передача Пруссіи въ ленъ герцогу Альбрехту. Онъ освободился черезъ это отъ зависимости отъ императора и имперіи; Пруссія же, казалось, была предана Польшѣ, которая находилась доселѣ въ распрѣ съ орденомъ изъ-за притязаній на эту страну. Братъ Альбрехта, Георгъ герцогъ Йеверндорфскій, еще прежде принялъ новое ученіе и подговаривалъ брата къ этому поступку.

Измѣненіе богослуженія всюду сопровождалось безпорядками и вело къ злоупотребленіямъ, какъ напримѣръ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ съ 1523 до 1525 происходила открытая война низшихъ классовъ съ высшими, особенно съ господствовавшими въ городѣ патриціями. Поэтому неудивительно, что Томасъ Мюнцеръ могъ такъ долго дѣйствовать въ Тюрингіи. Томасъ Мюнцеръ, какъ мы видѣли (стр. 447 и 449), началъ свою дѣятельность въ Цвикау, велъ горячіе споры съ Лютеромъ, прожилъ годъ въ Альтштедтѣ, былъ изгнанъ изъ Саксоніи и Нюрнберга и наконецъ принялъ участіе въ крестьянскомъ возстаніи въ верхней Швабіи. Когда безпокойство распространилось изъ Швабіи въ Тюрингію, Мюнцеръ возвратился туда и ѣздилъ въ фульдскую область, гдѣ былъ арестованъ. Наконецъ въ 1524 онъ нашелъ кругъ дѣятельности, какой былъ ему нуженъ, въ тюрингскомъ имперскомъ городѣ Мюльгаузенѣ и въ сосѣднемъ Гарцѣ.

Городъ Мюльгаузенъ былъ совершенно независимъ, имѣлъ до десяти тысячъ жителей и въ округѣ его было двадцать деревень и мѣстечекъ. Мюнцеръ

уже былъ однажды въ этомъ городѣ: монахъ ордена премонстрантовъ, **Фейфферъ**, называемый также Швертфейеромъ, расположилъ умы въ пользу Мюнцера при помощи другихъ преданныхъ учениковъ его. Магистратъ не могъ противиться избранію Мюнцера народомъ въ верховные пасторы и назначенію города Мюльгаузена резиденціею его (конецъ 1524 г.). Мюнцеръ былъ не только духовный, но, какъ говоритъ Лютеръ въ своихъ письмахъ *), и свѣтскій властитель. Мюльгаузенскій народъ ожидалъ, что глава и повелитель его, Мюнцеръ, исполнитъ свои необдуманныя обѣщанія, т. е. принудитъ признать равноправность богатыхъ и бѣдныхъ на пользованіе земными благами, уничтожитъ всѣ учрежденія, препятствующія общинному владѣнію имуществами, и сдѣлаетъ библію единственнымъ кодексомъ христіанскаго суда. Народъ со всѣхъ сторонъ стремился въ Мюльгаузенъ; городской совѣтъ долженъ былъ удалиться, и 17 марта 1525 былъ избранъ новый, подъ именемъ «вѣчнаго совѣта.» Несправедливо утверждаютъ, будто Мюнцеръ цѣлый годъ кормилъ роскошно весь городъ на счетъ имущества изгнанныхъ монаховъ и іоаннитскихъ рыцарей и будто онъ, какъ глава вѣчнаго совѣта, избралъ своей резиденціей капитулъ ордена. Новѣйшій историкъ мюнцеровой революціи доказалъ, что исторія ея, написанная Меланхтономъ, на которой основаны всѣ нѣмецкія описанія ея, наполнена ошибками даже въ фактахъ. Черезъ два мѣсяца по учрежденіи вѣчнаго совѣта Мюнцеръ вышелъ изъ Мюльгаузена и отправился распространять свое ученіе. Между безчисленными толпами, стекавшимися къ нему и вступавшими въ его патріархальное царство, не было никакихъ безпорядковъ. Самъ Мюнцеръ былъ серьезный, нравственный и даже, по свидѣтельству его злѣйшихъ враговъ, Лютера и Меланхтона, вполнѣ достойный уваженія человѣкъ; но въ то же время онъ былъ честолюбивъ, властолюбивъ и фанатиченъ. Онъ подавалъ собою хорошій примѣръ. Молодой человѣкъ въ восточномъ костюмѣ, опушенномъ мѣхомъ, съ длинной, густой бородой и правильными чертами лица,—онъ имѣлъ патріархальный видъ. Первое время богатые отъ страху сами давали ему средства дѣлать добро бѣднымъ, стремившимся къ нему со всѣхъ сторонъ. Для исполненія своего призванія онъ требовалъ только, чтобы богатые дарили бѣднымъ хлѣбъ и другую провизію и сукно на платье.

Лютеръ называлъ Мюнцера распространителемъ убійства; какъ всякаго фанатика, одни съ озлобленіемъ поносятъ его, а другіе хвалятъ и даже представляютъ въ идеальномъ свѣтѣ. Онъ увлекалъ массы народа. Многочисленные послы его встрѣчали вездѣ благопріятный пріемъ. Графства Гогенштейнъ, Штольбергъ, Мансфельдъ, Бейхлингенъ и эрфуртская область возмутились. Въ Шварцбургѣ, Альтенбургѣ, Мейссенѣ, Кобургѣ, Эйсфельдѣ и Брауншвейгѣ бѣдные спѣшили сдѣлаться его сторонниками. Напрасно въ апрѣлѣ Лютеръ разъѣзжалъ по мѣстностямъ; его рѣчи, въ которыхъ онъ ревностно проповѣдывалъ повиновеніе властямъ, были встрѣчены равнодушно даже на родинѣ его и тамъ, гдѣ онъ провелъ свою молодость.

Въ то время Мюнцеръ уже основалъ настоящій союзъ противъ властей и существовавшаго порядка. Списокъ членовъ велъ бывшій монахъ Фейфферъ. Извѣстные двадцать крестьянскихъ параграфовъ были признаны основнымъ закономъ отъ Роны до Гарца. Къ несчастію, фанатизмъ не могъ обойтись безъ ослѣпленія, которое должно было погубить крестьянъ при первой встрѣчѣ съ рыцарями и солдатами. Всѣ мелкіе владѣльцы были принуждены вступить въ евангельское братство. Фульда была взята, и пятитысячный отрядъ крестьянъ принудилъ городъ Герсфельдъ присоединиться къ братству.

Безпорядки крестьянъ отъ Заалы до Везера и Эльбы, въ особенности опустошительный походъ Фейффера въ Эйхсфельдъ и разграбленіе Эрфурта многими тысячами крестьянъ, побудили наконецъ владѣльцевъ разграбленныхъ и угрожаемыхъ округовъ соединить свои регулярныя войска противъ этихъ нестройныхъ массъ. Имперское правленіе, его предсѣдатель, братъ императора, Фердинандъ, и сосѣдніе князья не противились безпорядкамъ ни въ 1524 году, ни даже послѣ

---

*) Münzer Mulhusii rex est, non solum doctor. (Мюнцеръ — король мюльгаузенскій, а не докторъ только).

учрежденія вѣчнаго совѣта, въ мартѣ 1525 г. Но это неудивительно. Членъ мюльгаузенскаго совѣта, посланный совѣтомъ передъ распущеніемъ его къ имперскому правленію, возвратился съ безотрадной вѣстью, что не нашелъ нигдѣ во всей имперіи эрцгерцога Фердинанда и что вся южная Германія находится во власти крестьянъ. Саксонскіе государи, курфирстъ Фридрихъ и герцогъ Георгъ, не довѣряли другъ другу; особенно первый боялся, что братъ его воспользуется этимъ дѣломъ для подавленія лютеранства. Вообще курфирстъ Фридрихъ былъ слишкомъ остороженъ. Такимъ образомъ мюльгаузенскія дѣла шли безъ помѣхи, пока не сдѣлались слишкомъ опасны.

Лютеръ поощрялъ государей къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ народа; онъ выказалъ при этомъ вовсе нехристіанскую и неприличную горячность. Лютеръ писалъ противъ крестьянъ съ такимъ же гнѣвомъ и съ такою же запальчивостью, какъ противъ архіепископа магдебургскаго, папы, Генриха VIII англійскаго, герцога Георга Саксонскаго и герцога Генриха Брауншвейгскаго. Онъ часто писалъ въ минуты сильнаго страстнаго увлеченія, что давало его хладнокровнымъ и злымъ противникамъ возможность обращать противъ него множество цитатъ, выхваченныхъ изъ его сочиненій. Лютеръ писалъ о мятежныхъ крестьянахъ въ письмѣ къ доктору Ролю: «Бей всѣхъ безъ разбору; Богъ разберетъ своихъ. Что касается до милосердія относительно крестьянъ, то невинныхъ, которые найдутся между ними, Богъ, разумѣется, спасетъ и сохранитъ, какъ Лота и Іеремію. Кого онъ не спасетъ, тотъ значитъ виноватъ, хотя бы тѣмъ, что молчалъ или одобрялъ. Мудрецъ говоритъ: Cibus, onus et virga asino мужику—овсяная солома. Они безразсудны и не слушаютъ словъ, стало быть имъ нужна virga, нужны ружья,—и по дѣломъ. Мы должны молиться за нихъ, чтобы они послушались; если же не будутъ слушаться, то состраданіе не поможетъ. Влѣпите въ нихъ пули, иначе будетъ плохо».

Письма и проповѣди Лютера не оказывали вліянія на курфирста Фридриха Саксонскаго; но братъ его, Іоаннъ Постоянный, наслѣдовавшій ему въ маѣ 1525 года, почитавшій слова Лютера и слѣдовавшій имъ безусловно, соединился съ князьями, выступившими въ походъ для возстановленія порядка. Крестьяне грабили и разрушали по всей южной и даже сѣверной Германіи. Томасъ Мюнцеръ, приказавшій въ послѣдніе мѣсяцы отливать орудія, оставилъ наконецъ Мюльгаузенъ и съ толпой нестройныхъ и безоружныхъ фанатиковъ въ числѣ восьми тысячъ человѣкъ расположился лагеремъ при Франкенгаузенѣ въ Шварцбургъ-Зондерсгаузенской области. Между тѣмъ, послѣ страшнаго похода Фейффера въ Эйхсфельдъ, курфирстъ Іоаннъ Саксонскій, ландграфъ Филиппъ Гессенскій, герцогъ Георгъ Саксонскій, графъ Альбрехтъ Мансфельдъ и герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій соединились, чтобы прекратить возстаніе въ верхней и южной Саксоніи; въ тоже время Георгъ Трухзесъ усмирялъ Швабію и Франконію, а Лудвигъ Пфальцскій и курфирстъ Рихардъ Трирскій—Пфальцъ и его округъ.

Въ мартѣ 1525 Филиппъ Гессенскій готовился соединиться съ курфирстами Трирскимъ и Пфальцскимъ, чтобы идти противъ крестьянъ, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что возстаніе охватило всю страну между Заалой, Веррой и Эльбой. Многіе аббаты и прелаты, архіепископъ трирскій, епископы вюрцбургскій и бамбергскій и магистръ тевтонскихъ рыцарей бѣжали въ Гейдельбергъ. Ландграфъ бросился съ рыцарской конницей и своими орудіями на крестьянъ, разсѣялъ ихъ, занялъ Фульду и Герсфельдъ, недавая никому пощады, но былъ вскорѣ отозванъ своимъ тестемъ герцогомъ Георгомъ Саксонскимъ, звавшимъ его въ Тюрингію. Онъ выступилъ туда и встрѣтилъ Георга подъ Буттельштедтомъ. Съ нимъ соединился и герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій, такъ что союзное войско имѣло 3,500 человѣкъ пѣхоты. Они аттаковали Мюнцера, стоявшаго при Франкенгаузенѣ. Люди Мюнцера были вполнѣ убѣждены, что Богъ поможетъ имъ чудомъ; Мюнцеръ показалъ имъ радугу, явившуюся при приближеніи непріятеля, и они приняли ее за предзнаменованіе этого спасительнаго чуда. Поэтому они вышли изъ вагенбурга и подставили себя подъ непріятельскія пули.

Если рѣчи, приписываемыя Меланхтономъ по образцу древнихъ историковъ Мюнцеру и ландграфу Гессенскому, были дѣйствительно произнесены ими передъ боемъ, въ чемъ мы сомнѣваемся, то ясно, что оба предводителя равно разсчитывали на религіозное чувство своихъ войскъ. Мюнцеръ говорилъ между прочимъ:

«Богъ повелѣлъ мнѣ преобразовать всѣ сословія. Онъ даетъ слабымъ и безоружнымъ побѣду надъ многими тысячами; съ его помощью побѣдили Гедеонъ, Іонафанъ и Давидъ. Кидайтесь смѣлѣе и не бойтесь огня, потому что я буду ловить пули въ рукавъ.» Ландграфъ говорилъ, что крестьяне лгутъ, будто владѣльцы не соблюдаютъ земскаго мира, несправедливо судятъ и не предупреждаютъ убійствъ и разбоевъ. «Они умалчиваютъ, прибавилъ онъ, о нашихъ заботахъ и трудахъ, сравнительно съ которыми ихъ подати и повинности еще оченѣ незначительны.» Побѣда была легкая. Бѣжавшіе въ Франкенгаузенъ были умерщвлены. Ни въ церквахъ и монастыряхъ, ни въ частныхъ домамъ города не было пощады никому, способному носить оружіе; улицы были покрыты трупами, ручей потекъ кровью. Число убитыхъ считается въ четыре, шесть и даже семь тысячъ. Триста человѣкъ были обезглавлены въ Франкенгаузенѣ. Самъ Мюнцеръ, успѣвшій скрыться, былъ схваченъ и нѣсколько разъ подвергался мучительнымъ пыткамъ. Въ Мюльгаузенѣ, взятомъ вслѣдъ за тѣмъ княжескими войсками, были также пролиты потоки крови.

Мученія, которыя претерпѣли передъ казнью Мюнцеръ и Фейфферъ, выдача плѣнныхъ господамъ, пострадавшимъ отъ возстанія, и ихъ гнусная месть и злобный смѣхъ надъ страданіями несчастныхъ, возмущаютъ душу. Ландграфъ Филиппъ сначала въ Фульдѣ, а потомъ въ Тюрингіи съ Георгомъ Саксонскимъ, Генрихомъ Брауншвейгскимъ и графами Мансфельдъ распорядились по тамерлановски. Мы уже сказали (стр. 451), что архіепископъ трирскій рѣзалъ мужиковъ собственноручно послѣ битвы при Феддерсгеймѣ.. Также каннибальски свирѣпствовалъ противъ эльзасскихъ мужиковъ Антонъ Лотарингскій; объ епископѣ Конрадѣ вюрцбургскомъ разсказываютъ, что онъ разъѣзжалъ по своей странѣ съ палачами, а про Казимира Бранденбургъ-Байрейтскаго, что онъ приказалъ выколоть глаза шестидесяти или восьмидесяти крестьянамъ.

5. Начало дѣятельности Цвингли.

По смерти Фридриха Мудраго Іоаннъ Постоянный и Филиппъ Великодушный начали прилагать принципы Лютера къ политикѣ, подобно новому герцогу Прусскому; многіе послѣдовали ихъ примѣру. Но сословія германской имперіи старались поддержать прежній порядокъ новыми постановленіями. Это казалось имъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что швейцарскіе кантоны, Цюрихъ, Бернъ, Базель и Шафгаузенъ, признававшіе прежде нѣмецкія духовныя власти, съ 1519 г. начали отступать отъ стараго церковнаго порядка.

Въ 1519 г. папа Левъ X послалъ въ Швейцарію для продажи индульгенцій настоятеля миланскаго францисканскаго монастыря, Бернардина Самсона. Этотъ коммиссаръ превзошелъ безстыдствомъ даже Тецеля; вездѣ, куда онъ являлся, онъ открывалъ лавку и продавалъ отпущенія не только совершенныхъ, но и будущихъ грѣховъ. Одинъ швейцарецъ XVI столѣтія говоритъ, что онъ хвалился, что въ теченіе восемнадцати лѣтъ доставилъ тремъ папамъ милліонъ восемь сотъ тысячъ дукатовъ. Въ маленькихъ кантонахъ и даже въ Бернѣ монахъ нашелъ большую поживу. Но въ Ленцбургѣ встрѣтилъ отпоръ, а въ Времгартенѣ деканъ не впустилъ его даже въ городъ. Деканъ этотъ былъ Буллингеръ, оказавшій впослѣдствіи безсмертныя услуги швейцарской реформаціи. Онъ не испугался угрозъ Самсона, и когда тотъ отлучилъ его отъ церкви, Буллингеръ отправился въ Цюрихъ, гдѣ въ то время происходилъ сеймъ по случаю виртембергскихъ событій. Торгаша индульгенціями выслали изъ Цюриха, тѣмъ болѣе что и епископъ констанцскій, къ округу котораго принадлежалъ Цюрихъ, противодѣйствовалъ римскимъ плутнямъ, а генералъ-викарій даже содѣйствовалъ призванію въ городъ горячаго противника латинства, Гульдрейха Цвингли.

Цвингли былъ тогда молодъ, но хорошо зналъ испорченность извѣстныхъ классовъ общества. Онъ былъ пылокъ и готовъ отстаивать свои мнѣнія и убѣжденія. Онъ участвовалъ въ походѣ въ Италію и видѣлъ, какъ Матвѣй Шиннеръ (стр. 325) надувалъ швейцарцевъ и какъ развращала ихъ иностранная

военная служба. Въ Вѣнѣ, гдѣ онъ учился, онъ видѣлъ полную безнравственность и глубокое суевѣріе. Назначенный проповѣдникомъ въ Гларусъ, онъ былъ призванъ на время въ Эйнзидельнъ для библейской проповѣди. Слава его, какъ проповѣдника, побудила цюрихцевъ пригласить его въ свой городъ; въ сентябрѣ 1519 Цвингли былъ назначенъ проповѣдникомъ въ каѳедральный соборъ. Еще въ началѣ 1519 онъ проповѣдывалъ исключительно на евангельскіе тексты, и подобно Лютеру, ученикомъ котораго впрочемъ не былъ, горячо возставалъ противъ всякихъ отступленій отъ евангельскаго ученія. Цвингли пріобрѣлъ въ союзныхъ кантонахъ такую же извѣстность, какъ Лютеръ въ Германіи. Вслѣдъ за нимъ въ Швейцаріи повсемѣстно явились люди, возстававшіе противъ извращенія господствующей религіи, хотя не всѣ съ одинаковымъ успѣхомъ и талантомъ. Цвингли училъ, что нужно держаться исключительно библіи, потому что она одна составляетъ авторитетъ въ религіозныхъ вопросахъ; постановленія папъ, ученія отцовъ церкви и преданія или легенды слѣдуетъ признавать лишь на столько, на сколько они согласны съ библейскимъ ученіемъ. Вслѣдствіе проповѣдей Цвингли великій цюрихскій совѣтъ постановилъ въ 1520 г., чтобы проповѣдники строго держались истиннаго слова Божія. Но малый совѣтъ поддерживалъ послѣдователей стараго ученія. Наконецъ по старанію папы Клемента VII въ религіозные споры Швейцаріи и Германіи вмѣшалась власть, въ Швейцаріи—сеймъ, а въ Германіи—имперское правленіе, впрочемъ безсильное; большая часть имперскихъ чиновъ старались воспрепятствовать введенію новаго ученія. Мы скажемъ сначала о событіяхъ въ Германіи.

6. Успѣхи реформаціи въ Германіи съ 1524 году до шпейерскаго сейма (1529).

Когда опала, которой по требованію Алеандера, императоръ предалъ Лютера и его ученіе, осталась безъ послѣдствій, папа Клементъ VII послалъ въ Германію кардинала Кампеджіо, человѣка умѣреннаго и способнаго на уступки. Въ тоже время папа поручилъ своему камерарію, кардиналу Рорарію, передать курфирстамъ и князьямъ бреве, гдѣ увѣщевалъ ихъ обѣщать императору на сеймѣ, который долженъ былъ происходить въ Нюрнбергѣ, помощь противъ турокъ и еретиковъ. Хотя эрцгерцогъ Фердинандъ и курфирстъ Фридрихъ Мудрый прибыли въ Нюрнбергъ въ декабрѣ 1523, но сеймъ открылся только 14 января 1524. Съѣздъ былъ огромный, и большинство собравшихся держали сторону стараго ученія. Несмотря на то, папскимъ депутатамъ не удалось провести строгія постановленія противъ лютеранства. Они даже замѣтили признаки отступленія отъ папскаго престола въ большинствѣ нѣмецкой націи. Въ Аугсбургѣ, напримѣръ, кардиналъ Кампеджіо былъ встрѣченъ при въѣздѣ насмѣшками и ругательствами; поэтому въ Нюрнбергѣ онъ, какъ умный человѣкъ, избѣгалъ торжественности, которая бы могла раздражить толпу, и часто ѣздилъ по улицамъ безъ кардинальской шапки. Въ Нюрнбергѣ думали объ измѣненіи богослуженія, и Андрей Озіандеръ, находившійся въ Нюрнбергѣ съ этою цѣлью, проповѣдывалъ при огромномъ стеченіи народа. Гросмейстеръ тевтонскаго ордена, Альбрехтъ Бранденбургъ-Байрейтскій, искавшій въ Нюрнбергѣ помощи императора и имперіи противъ поляковъ, познакомился по его проповѣдямъ съ лютеранскимъ ученіемъ. Онъ воспользовался пріобрѣтеннымъ познаніемъ, чтобы обратить свою должность въ собственность.

На нюрнбергскомъ сеймѣ вормскій эдиктъ императора не былъ ни признанъ, ни подтвержденъ, и даже каждому было предоставлено признавать его въ своихъ владѣніяхъ или нѣтъ; но было постановлено, чтобы болѣе ничего не писали и не печатали по поводу религіозныхъ споровъ. Кардиналъ Кампеджіо прибавилъ къ этому, что религіозный вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ Германіи особымъ соборомъ. Дальнѣйшія распоряженія оставлены до новаго сейма, который долженъ былъ происходить въ ноябрѣ 1524 года въ Шпейерѣ. Этимъ рѣшеніемъ не могли быть довольны ни императоръ, ни лютеране, потому что исполненіе вормсскаго опредѣленія императора было отсрочено, а лютеранамъ было запрещено писать

и печатать. Вормскій эдиктъ слѣдовало соблюдать и выполнять на сколько будетъ возможно; а власти должны наблюдать, чтобы изъ типографій не выходило пасквилей и каррикатуръ. Лютеръ, не остававшійся никогда въ долгу, писалъ противъ постановленій и ихъ авторовъ такимъ тономъ, въ сравненіи съ которымъ большая часть революціонныхъ сочиненій нашего времени покажутся весьма умѣренными. Онъ порицалъ папу, императора, князей и чины. Папа воспользовался этимъ случаемъ и въ бреве, отправленномъ въ Испанію, жаловался императору на нѣмецкіе чины. Онъ требовалъ, чтобы императоръ выполнилъ свою обязанность защищать католицизмъ. Въ іюлѣ 1524 Карлъ дѣйствительно издалъ въ Бургосѣ строгій указъ чинамъ. Онъ говорилъ въ немъ, что не потерпитъ, чтобы нѣмецкіе чины дѣлали какія либо постановленія по религіознымъ вопросамъ. Императоръ повелѣлъ вновь учрежденному въ Эслингенѣ имперскому правленію и своему брату, Фердинанду, наблюдать, чтобы владѣтелямъ и чинамъ было подтверждено, подъ страхомъ имперской опалы и наказанія за оскорбленіе величества, дѣйствовать противъ Лютера согласно вормскому эдикту, потому что Лютеръ, подобно Магомету, вредитъ своимъ ученіемъ христіанству болѣе, чѣмъ можно повредить ему силою оружія. Лютеране съ своей стороны подали протестъ противъ запрещенія печатать и писать о религіозныхъ вопросахъ. Чтобы избѣгнуть словесныхъ объясненій съ кардиналомъ Кампеджіо, курфирстъ Фридрихъ уѣхалъ до окончанія сейма, по закрытіи котораго запрещеніе противъ лютеранскихъ сочиненій должно было войти въ силу. Уполномоченный его, Филиппъ Фейличъ, протестовалъ отъ имени своего государя противъ этого запрещенія; Бернгардъ фонъ Зольмсъ и Георгъ фонъ Вертгеймъ подали также протестъ отъ имени графовъ и господъ.

Въ то время, какъ папа обратился къ императору, кардиналъ побуждалъ въ Германіи злѣйшихъ противниковъ Лютера выполнять въ точности въ своихъ владѣніяхъ вормскій эдиктъ; но несправедливо говорятъ многіе, будто онъ побудилъ членовъ сейма составить союзъ противъ своихъ товарищей. Однако онъ создалъ противодѣйствіе реформаціи и этимъ положилъ начало религіозно-политическому раздробленію Германіи. Члены нюрнбергскаго сейма, принявшіе лютеранство, не покорились ни папѣ, ни повелѣніямъ императора. 6 іюля 1524 герцоги Вильгельмъ и Лудвигъ Баварскіе, эрцгерцогъ Фердинандъ, архіепископъ зальцбургскій, епископы тридентскій и регенсбургскій отправились лично къ Кампеджіо въ Регенсбургъ и, по соглашенію съ уполномоченными епископовъ бамбергскаго, шпейерскаго, страсбургскаго, аугсбургскаго, констанцскаго, фрейбургскаго, пассаусскаго и бриксенскаго обязались строго наблюдать за выполненіемъ въ своихъ владѣніяхъ вормскаго эдикта. Когда послѣ того 24 мая 1525 императоръ назначилъ въ Аугсбургѣ новый сеймъ, который долженъ былъ собраться въ началѣ октября, партіи приняли уже враждебное положеніе. Это произошло оттого, что лютеране сочли рѣшеніе, принятое въ Регенсбургѣ, направленнымъ противъ нихъ и потому, что партія ихъ усилилась весьма значительно въ политическомъ и военномъ отношеніи съ тѣхъ поръ, какъ Филиппъ Гессенскій и Іоаннъ Саксонскій явно отдѣлились отъ римской церкви. Кромѣ ландграфа Филиппа, прежнее богослуженіе отмѣнили графъ Филиппъ Ганау, Антонъ и Христофъ Альтенбургскіе, Конрадъ Мекленбургскій и города Нюрнбергъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Страсбургъ, Нордгаузенъ и другіе. Даже Альбрехтъ магдебургскій и майнцскій терпѣлъ въ своихъ владѣніяхъ проповѣдь и новое богослуженіе. Говорили даже, что онъ и самъ не прочь былъ сдѣлаться лютераниномъ, еслибы могъ при этомъ секуляризовать монастыри. Если припомнить, что ландграфъ Филиппъ владѣлъ всѣмъ Гессеномъ отъ Касселя до Рейна, и что ни онъ, ни его единовѣрцы не слушали повелѣній имперскаго правленія и не допускали исполненія приговоровъ имперскаго суда, то легко видѣть, что здѣсь дѣло шло уже не о вѣрованіяхъ, а о владѣніяхъ и о гражданскомъ порядкѣ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Пруссіи, съ духовными имуществами и монастырями дѣлались произвольные поступки, вызывавшіе множество процессовъ. Процессы эти рѣшались пристрастно имперскимъ судомъ, состоявшимъ изъ приверженцевъ римской церкви, поэтому приговоры его не приводились въ исполненіе. Имперское правленіе и имперская юстиція сбились наконецъ совершенно съ толку.

Сеймъ, назначенный въ ноябрѣ 1524 въ Шпейерѣ, не могъ состояться, потому что императоръ въ своемъ указѣ порицалъ рѣшеніе нюрнбергскаго сейма обсуждать религіозные вопросы. Онъ даже прямо запретилъ держать этотъ сеймъ. Въ концѣ марта 1525 онъ издалъ въ Толедо другое повелѣніе, которымъ назначался новый сеймъ въ Аугсбургѣ въ октябрѣ 1525; главною цѣлью его должны были быть совѣщанія и рѣшенія касательно турецкой войны, такъ какъ въ слѣдующемъ году турки заняли всю Венгрію и осадили Вѣну. Императоръ желалъ, чтобы чины содержали противъ турокъ постоянную германскую армію. Императорское повелѣніе пришло въ Германію только въ августѣ. Уже ранѣе горячіе противники нововведеній совѣщались въ Дессау о томъ, какимъ образомъ остановить силой продолжающееся посягательство на существующій церковный и государственный порядокъ. Можно предполагать, что такова была цѣль тайныхъ дессаускихъ совѣщаній, потому что государи, принимавшіе въ нихъ участіе, не славились кротостью и умѣренностію. Но едва ли, какъ утверждалъ потомъ Филиппъ Гессенскій, состоялся въ Дессау союзъ противъ защитниковъ Лютера. Въ Дессау собрались: герцогъ Георгъ Саксонскій, курфирстъ Іоахимъ I Бранденбургскій, герцоги Генрихъ Младшій Вольфенбюттельскій, Эрихъ Каленбергскій и весьма двусмысленный Альбрехтъ майнцскій и магдебургскій, который былъ весьма недоволенъ реформаціей въ Магдебургѣ.

Ландграфъ Филиппъ охотно бы составилъ союзъ противъ дессаускаго собранія, потому что полагалъ, что въ Дессау заключенъ договоръ, направленный противъ него и его единовѣрцевъ; но ему мѣшалъ курфирстъ Іоаннъ, слѣпо слѣдовавшій желаніямъ Лютера. Лютеръ же не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобы силѣ противиться силою. Вмѣсто союза многіе члены сейма рѣшили просить эрцгерцога Фердинанда, вообще не склоннаго къ насильственнымъ мѣрамъ, не подтверждать на предстоящемъ сеймѣ вормскаго эдикта. Императоръ назначилъ коммисарами на новый сеймъ кромѣ брата такихъ людей, какъ жестокій Казиміръ Бранденбургъ-Байрейтскій, Вильгельмъ Баварскій, Филиппъ Баденскій и Эрихъ Каленбергскій. Поэтому въ Аугсбургѣ не присутствовалъ ни одинъ имперскій членъ, кромѣ епископа тридентскаго; единственное рѣшеніе, принятое на немъ, состояло въ томъ, чтобы продолжать засѣданія въ Шпейерѣ, въ мартѣ 1525 г. Но уже ранѣе стали появляться строгія императорскія граматы, въ которыхъ онъ приказывалъ избраннымъ имъ фанатикамъ комиссарамъ и всѣмъ епископамъ и владѣльцамъ, преданнымъ римскому престолу, мужественно противодѣйствовать лютеранству; онъ обѣщалъ вскорѣ лично прибыть въ Германію и содѣйствовать подавленію ереси. Тогда наконецъ предложеніе ландграфа было принято. Было рѣшено составить союзъ, чтобы въ случаѣ надобности отразить силу силою. Договоръ состоялся еще до начала шпейерскаго сейма, который хотя и былъ назначенъ въ началѣ мая, но открылся только 25 іюня. Могущественнѣйшіе князья, принявшіе Лютерово ученіе, Іоаннъ Постоянный Саксонскій и Филиппъ Гессенскій, согласились въ Торгау, въ маѣ 1526, защищать въ случаѣ надобности свои религіозныя убѣжденія. Въ іюнѣ этотъ т о р г а у с к і й с о ю з ъ былъ подтвержденъ въ Магдебургѣ, гдѣ къ нему присоединились герцоги Филиппъ Люнебургскій, Францъ Грубенгагенскій, Отто Цельскій, Генрихъ Мекленбургскій, князь Вольфгангъ-Ангальтскій, и графы Гебгартъ и Альбрехтъ фонъ Мансфельды, а нѣсколько дней спустя городъ Магдебургъ. Въ актѣ договора было сказано: «такъ какъ союзникамъ извѣстно, что враги ихъ составляютъ союзы и собираютъ большія деньги, чтобы поддержать старыя злоупотребленія и идти войной противъ тѣхъ, кто установилъ въ своей землѣ проповѣдь божьяго слова, то они соединились, чтобы защищать своихъ подданныхъ отъ несправедливой войны и поддерживать другъ друга всѣми средствами въ случаѣ, если будетъ сдѣлано явное или коственное нападеніе на религію».

Пора было составить такой договоръ; это оказалось тотчасъ по открытіи сейма въ Шпейерѣ. Фердинандъ и коммисары настаивали на своихъ инструкціяхъ и на вормскомъ эдиктѣ. Но Фердинандъ нуждался въ помощи протестантскихъ государей противъ турокъ и потому старался выиграть время, откладывая рѣшеніе вопроса. Для этой цѣли онъ воспользовался императорскимъ повелѣніемъ, даннымъ въ Севильѣ 23 марта 1526, въ которомъ Карлъ приказывалъ чинамъ не дѣлать въ Шпейерѣ никакихъ постановленій по религіознымъ вопросамъ и ожи-

дать его прибытія въ имперію и собора, созваннаго имъ и папой въ Германію. Поэтому рѣшеніе сейма, 27 августа, было написано весьма умѣреннымъ тономъ. «По поводу религіозныхъ обстоятельствъ долженъ быть созванъ въ Германіи въ теченіе года общій или по крайней мѣрѣ національный соборъ, и императора просятъ прибыть въ имперію. До созванія собора каждый членъ сейма долженъ дѣйствовать относительно вормсскаго эдикта и своихъ подданныхъ такъ, чтобы не быть въ отвѣтственности предъ Богомъ и императоромъ». Такимъ образомъ положеніе дѣлъ оставалось въ послѣдніе два года безъ всякихъ измѣненій; а между тѣмъ число лицъ, предпринимавшихъ реформы въ своихъ владѣніяхъ, увеличивалось съ каждымъ днемъ. Даже архіепископъ Альбрехтъ майнцскій и магдебургскій, на обвиненіе ландграфа Гессенскаго въ враждебныхъ намѣреніяхъ противъ лютеранъ, отвѣчалъ, что ничего не имѣетъ противъ церковной реформы. Однако въ 1528 г. въ Германіи едва не началась религіозная война.

Вице-канцлеръ герцога Георга Саксонскаго, Оттофонъ Пакъ, знавшій нерасположеніе своего государя къ лютеранству, хотѣлъ воспользоваться пылкостью двадцатидвухъ-лѣтняго воинственнаго ландграфа Гессенскаго, чтобы привести къ окончанію дѣло, въ которомъ ландграфъ принималъ такое участіе. Во время тяжбы ландграфа съ Нассау о наслѣдствѣ, тесть его, Георгъ Саксонскій, предоставилъ Пака въ его распоряженіе, и во время своего пребыванія въ службѣ ландграфа Пакъ разсказалъ послѣднему о грозномъ католическомъ союзѣ, будто бы заключенномъ въ маѣ 1527 въ Бреславлѣ при посредничествѣ Георга. Когда Филиппъ посѣтилъ своего тестя въ Дрезденѣ, Пакъ показалъ и продалъ ему мнимую копію этого договора, скрѣпленную печатью Георга. Послѣ тщательныхъ изслѣдованій уважаемаго и основательнаго новѣйшаго историка и директора гессенъ-кассельскаго архива, Роммеля, этотъ документъ кажется намъ подложнымъ. Союзъ вѣроятно вовсе не былъ заключенъ, хотя извѣстно, что между противниками реформаціи происходили совѣщанія и что императоръ и его братъ были очень недовольны таргаускимъ союзомъ, угрожали страшными наказаніями и совѣщались съ князьями своей партіи о насительственныхъ мѣрахъ, которыхъ впрочемъ не могли и даже не хотѣли приводить въ исполненіе. Между тѣмъ Филиппъ Гессенскій считалъ союзъ дѣйствительно существующимъ и возможность притѣсненія лютеранства и его исповѣдниковъ столь несомнѣнною, что находилъ необходимымъ совѣтовать своей партіи немедленно взяться за оружіе, чтобы предупредить нападеніе.

Ландграфъ, уже условившійся съ курфирстомъ Саксонскимъ касательно этихъ мѣръ, отправился къ нему, и они рѣшили выставить вдвоемъ 26 тысячъ войска и дать значительную сумму денегъ на его вооруженіе. Къ счастію Лютеръ и Меланхтонъ предупредили наступательную войну, убѣдивъ Іоанна Постояннаго, питавшаго къ нимъ безусловное довѣріе, отказаться отъ воинственныхъ намѣреній. Они писали курфирсту: «Причины, представляемыя ландграфомъ, недостаточны, нужно дождаться нападенія и просить императора созвать сеймъ, а къ католическимъ князьямъ отправить пословъ: вообще слѣдуетъ сначала дѣйствовать добромъ. Ландграфа нужно сдерживать, и лучше разойтись съ нимъ, чѣмъ, дѣйствуя наобумъ, причинить такой стыдъ лютеранству. Мы предпочитаемъ покинуть Саксонію. Войной выигрывается мало, теряется много, а рискуется всѣмъ; кротостію же не теряется ничего и т. д.» Впослѣдствіи, когда было дѣйствительно необходимо прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, Лютеръ и Меланхтонъ говорили тоже самое, чѣмъ способствовали гибели своей партіи.

Ландграфъ былъ противнаго мнѣнія; онъ вступилъ съ значительнымъ войскомъ въ предѣлы епископовъ майнцскаго, вюрцбургскаго и бамбергскаго, обнародовавъ предварительно въ манифестѣ весь планъ мнимаго бреславльскаго договора. До войны однако дѣло не дошло. Всѣ мнимые участники союза, въ особенности старый тесть Филиппа, торжественно объявили, что имъ никогда не приходило въ голову составлять планы, которые имъ приписываетъ Отто Пакъ. Курфирсты Трирскій и Пфальцскій взяли на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ. Курфирстъ Саксонскій также не желалъ быть зачинщикомъ войны, поэтому къ троицыному дню всѣ неудовольствія были покончены, и ландграфъ объявилъ, что его обманули и что противъ лютеранъ не было никакого замысла. Тѣмъ не

менѣе онъ принудилъ епископовъ майнцскаго, вюрцбургскаго и бамбергскаго вознаградить ненужныя издержки его похода. Съ епископовъ майнцскаго и вюрцбургскаго онъ взялъ по сорока тысячъ золотыхъ гульденовъ, а съ бамбергскаго двадцать тысячъ дукатовъ, что не вполнѣ соотвѣтствуетъ прозванію Великодушнаго, которое ему было дано. Курфирстъ Саксонскій отказался отъ вознагражденія, назначеннаго ему посредниками, считая, что епископы невиноваты въ необдуманности Филиппа.

Католическіе государи негодовали за это явное и непростительное нарушеніе мира безъ всякаго съ ихъ стороны повода. Если бы императоръ не нуждался въ войскѣ для Италіи, а Фердинандъ для Венгріи и Богеміи, то Филиппъ не избѣжалъ бы наказанія. Шпейерскій сеймъ открылся наконецъ въ 1529. Императоръ и Фердинандъ считали важнѣйшимъ вопросъ о помощи имперіи противъ турокъ, которые вскорѣ потомъ осадили самую Вѣну. Но большая часть чиновъ обращали главное вниманіе на религіозный вопросъ. На сеймѣ присутствовали многіе имперскіе чины. Вскорѣ обнаружилось, что измѣненіе господствовавшаго исповѣданія по необходимости влечетъ за собою измѣненіе политическихъ учрежденій. До сихъ поръ вопросы на сеймахъ рѣшались большинствомъ голосовъ; но члены торгаускаго союза не могли допустить такого порядка, потому что это было бы гибельно не только для дальнѣйшихъ успѣховъ реформаціи, но и для всего, что было доселѣ сдѣлано. Въ мартѣ 1529 большинствомъ голосовъ состоялось слѣдующее рѣшеніе шпейерскаго сейма: «Въ теченіе года и въ присутствіи императора долженъ быть созванъ всеобщій или національный соборъ; а пока все остается безъ всякихъ измѣненій. Новое ученіе о причащеніи не должно проповѣдываться; месса не отмѣняется; никто не долженъ подъ опасеніемъ наказанія за нарушеніе земскаго мира (это относилось къ ландграфу) измѣнять въ чьихъ бы то ни было владѣніяхъ существующія права и обычаи. Вормсскій миръ долженъ соблюдаться въ точности.

Не смотря на всѣ возраженія лютеранъ большинство настояло на этомъ рѣшеніи. Поэтому 12 апрѣля лютеране заявили публично жалобу на дѣйствіе своихъ сочленовъ и приложили ее къ имперскимъ актамъ; но такъ какъ это не помогло, то они подали 19 апрѣля протестъ и требовали, чтобы онъ былъ внесенъ въ протоколы сейма. Однако они не удовольствовались этимъ; 25 апрѣля они составили аппеляціонный актъ къ будущему собору и ко всѣмъ благоразумнымъ и безпристрастнымъ судьямъ и обнародовали его по отъѣздѣ изъ Шпейера. Вслѣдствіе этого протеста, одобреннаго также послѣдователями швейцарскаго реформатора, которые прежде находились въ разногласіи съ лютеранами, послѣдователей Лютера и Цвингли стали называть протестантами. Аппеляціонный актъ былъ подписанъ курфирстомъ Саксонскимъ, маркграфомъ Георгомъ Бранденбургъ-Ансбахскимъ, герцогомъ Эрнстомъ Люнебургскимъ, ландграфомъ Филиппомъ Гессенскимъ и княземъ Вольфгангомъ Ангальтскимъ. Но въ тотъ же день къ протесту присоединились 14 значительныхъ имперскихъ городовъ.

7. Раздѣленіе протестатновъ на двѣ секты и распаденіе нѣмецкой націи на лютеранъ и католиковъ до религіознаго мира 1532 года.

Въ то время, какъ религіозные вопросы породили распри въ Германіи, швейцарцы также враждовали между собою по этому поводу, и въ 1528 дѣло дошло у нихъ до явной борьбы. Цвингли и его друзья ограничивались вначалѣ какъ виттенбергцы въ 1519 до 1522 г., проповѣдью евангелія и предпринимали самыя незначительныя внѣшнія реформы; только въ 1522 году они отложились отъ власти епископа констанцскаго.

Постомъ этого года епископъ издалъ противъ нововведеній указъ и послалъ въ Цюрихъ депутата, чтобы при посредствѣ малаго совѣта прекратить реформы, которымъ способствовалъ великій совѣтъ. Швейцарскій сеймъ, находившійся подъ вліяніемъ папы, былъ давно раздраженъ противъ Цвингли за его политическія и нравственныя проповѣди, въ которыхъ онъ возставалъ противъ политики кантоновъ, развращавшей народъ. Преслѣдуемый епископомъ и сеймомъ, но съ другой

стороны поддерживаемый цюрихцами, Цвингли изложилъ свое ученіе въ 67 параграфахъ и предлагалъ защищать его на публичномъ диспутѣ. Диспутъ этотъ, на который цюрихцы пригласили епископа и всѣ города Швейцаріи, происходилъ въ февралѣ 1523. Епископъ не явился, но за то присутствовало почти 300 священниковъ. Когда послѣ того осенью происходилъ второй торжественный диспутъ, цюрихцы объявили себя открыто за новое ученіе. Вслѣдствіе этого 12 городовъ стали грозить имъ исключеніемъ изъ союза. Только Шафгаузенъ, привлеченный проповѣдникомъ Р и т т е р о м ъ на сторону ученія Цвингли, объявилъ себя въ пользу Цюриха. Другіе же города прислали 21 марта 1524 пословъ, которые обвинили Цюрихъ въ отпаденіи отъ религіи отцовъ. Особенно порицали они бракъ духовенства и отмѣненіе монастырскихъ обѣтовъ. Извѣстно, что Лютеръ также долго не рѣшался жениться на своей Кетхенъ, бывшей монахиней.

Все это не устрашило цюрихцевъ и не помѣшало имъ еще въ томъ же году измѣнить обряды богослуженія. Народъ и совѣтъ дѣйствовали единодушно; но народъ далъ совѣту слово избѣгать по возможности вражды съ союзниками. Процессіи, странствія ко святымъ мѣстамъ и образа были отмѣнены; причастіе съ 1525 давалось подъ двумя видами; число праздниковъ ограничено; монахамъ и монахинямъ, желавшимъ оставить монастыри, дозволенъ выходъ, остальнымъ назначено содержаніе. Монастыри были превращены въ пріюты для бѣдныхъ, госпитали, общественныя школы и семинаріи; большая часть монастырскихъ доходовъ обращена на прибавку содержанія проповѣдникамъ и учителямъ. За то преобразованіе богослуженія сопровождалось въ Швейцаріи большими безпорядками, чѣмъ въ Германіи. Особенно досталось искусствамъ. Всѣ образа были вынесены; музыка въ церквахъ отмѣнена, игра на органѣ и даже звонъ въ колокола при погребеніи запрещены.

Такимъ путемъ образовалась швейцарская церковь, и въ этомъ заключалась причина разрыва между кантонами, принявшими ученіе Цвингли, и тѣми, которые остались вѣрными римской церкви. Католики были однако многочисленнѣе. Во время этихъ событій императоръ и католики начали преслѣдовать лютеранъ въ Германіи политическими и полицейскими мѣрами. Союзъ германскихъ лютеранъ и старинныхъ нѣмецкихъ городовъ Швейцаріи былъ бы въ то время въ высшей степени полезенъ, но Карльштатъ поселилъ между Лютеромъ и Цвингли смертельную вражду. Лютеръ объяснялъ слова, произносимыя при совершеніи таинства, буквально, какъ католики, но почему то не хотѣлъ принять догмата о превращеніи хлѣба и вина въ плоть и кровь; онъ старался обойти этотъ догматъ неопредѣленнымъ и темнымъ выраженіемъ: «пріобщаемся тѣла и крови Христовыхъ съ хлѣбомъ и виномъ в ъ н и х ъ и п о д ъ «в и д о м ъ и х ъ». Изъ-за этого Лютеръ вступилъ въ жаркій споръ съ своимъ злѣйшимъ врагомъ Карльштатомъ; Карльштатъ писалъ противъ него оскорбительные памфлеты. Онъ по своему объяснялъ слова причащенія, и основанія, приводимыя имъ противъ ученія Лютера о чудесномъ дѣйствительномъ присутствіи плоти и крови въ причастіи, были приняты швейцарцами. Въ 1525 Цвингли написалъ сочиненіе объ эхваристіи, въ которомъ основательнѣе и лучше опровергалъ ученіе Лютера о присутствіи Христа въ причастіи, чѣмъ Карльштатъ. Цвингли принялъ слово е с т ь въ смыслѣ з н а м е н у е т ъ и такимъ образомъ не находилъ въ причащеніи ничего мистическаго, а видѣлъ въ немъ лишь воспоминаніе о смерти Христа. Впрочемъ богословская сторона вопроса сюда не относится; все, что касается этого, можно найти въ превосходномъ и всѣмъ извѣстномъ сочиненіи Планка «Исторія протестантскихъ ученій». Страсбургскіе богословы и Эколампадій въ Базелѣ пристали къ мнѣнію Цвингли; послѣдователи же Лютера держались его толкованія, въ томъ числѣ уже извѣстный намъ Бугенгагенъ или Померанъ (стр. 444). Обѣ стороны спорили грубо, и между ними возникло жаркое богословское препирательство, въ которое мы не намѣрены вдаваться. Слѣдуетъ упомянуть лишь о томъ, что Лютеръ не могъ забыть, что Карльштатъ первый затѣялъ споръ и что швейцарцы, вовсе не расположенные къ нему, приняли въ этомъ вопросѣ его сторону.

Въ октябрѣ 1525 споръ о причащеніи былъ уже весьма рѣзокъ и горячъ; четырнадцать швабскихъ духовныхъ издали обидное сочиненіе противъ умѣреннаго Эколампадія, бывшаго другомъ Рейхлина и Эразма. Эколампадій высказался весьма мягко въ пользу мнѣнія Цвингли и сообщилъ свое сочиненіе швабскимъ бого-

словамъ; но они, особенно грубый проповѣдникъ Бренцъ, отвѣчали другимъ тономъ. Они издали манифестъ, въ которомъ называли Эколампадія сектаторомъ. Неудивительно, что Бренцъ въ спорѣ ругался и обвинялъ въ ереси; но странно, что на швейцарцевъ съ такою же яростью возсталъ Пиркгаймеръ, который былъ вообще приличенъ. Иначе дѣйствовали Б у с е р ъ и К а п и т о, распространявшіе реформацію въ Стразбургѣ. Они старались водворить согласіе, понимая, какъ важно не ссориться; они писали въ Нюрнбергъ, въ Аугсбургъ и въ Нердлингенъ, гдѣ Эколампадія и Цвингли грубо поносили съ каѳедръ, и даже послали одного изъ своихъ товарищей въ Виттенбергъ уладить дѣло и убѣдить противниковъ разсматривать вопросъ научнымъ образомъ. Но Лютеръ не соглашался на это; ему всюду, какъ въ Вартбургѣ, мерещился воплощенный дьяволъ, въ котораго онъ швырялъ всѣмъ, что попадало подъ руку. Лютеръ письменно отвѣчалъ посланному отъ посредниковъ, что одна сторона—непремѣнно орудіе дьявола, и потому нельзя допустить ни посредничества, ни умѣренности. Въ началѣ 1526 онъ увѣрялъ рейтлингцевъ, что мнѣнія Карльштата, Цвингли и Эколампадія исходятъ отъ дьявола, потому что каждый изъ нихъ по своему объясняетъ причащеніе; дьяволъ же всегда узнается по лжи.

Лютеръ, Бренцъ, Бугенгагенъ и другіе такъ яростно нападали на Цвингли, Эколампадія и даже Бусера, желавшаго быть только посредникомъ, что уже въ 1526 примиреніе казалось невозможнымъ. Въ этомъ году Цвингли издалъ новое сочиненіе, въ семь печатныхъ листовъ, объ эвхаристіи, и хотя щадилъ въ немъ личность Лютера, но Лютеръ неистово накинулся на него за это сочиненіе. Въ 1529 на сеймѣ лютеране получили религіозную свободу; Лютеръ совѣтовалъ въ то время своему курфирсту не противиться исключенію изъ этого постановленія причастниковъ, какъ прозвали послѣдователей Цвингли и анабаптистовъ. Хотя Меланхтонъ воспрепятствовалъ этому, но и онъ не соглашался войти въ ближайшее сношеніе съ цвингліянцами, какъ желалъ ландграфъ Филиппъ.

Между тѣмъ германскіе протестанты постановили подать свой протестъ и аппеляцію императору, отъѣздъ котораго изъ Италіи въ Германію былъ уже назначенъ; они хотѣли также просить у него извиненія въ своемъ поведеніи на сеймѣ, такъ какъ слышали, что онъ очень недоволенъ имп. Порученіе это было возложено на трехъ лицъ—меммингенскаго бургомистра Э г и н г е р а, братъ котораго, императорскій совѣтникъ, по несчастію, во время прибытія пословъ находился въ отлучкѣ; секретаря маркграфа Ансбахскаго А л е к с и с а Ф р а у е н т р а у т а и ученаго нюрнбергскаго синдика, магистра М и х а и л а К а д с н а, совершившаго много путешествій. Всѣ трое были люди весьма способные, но не придворные. Поэтому подобный выборъ можетъ казаться страннымъ тѣмъ болѣе, что протестанты знали, какъ трудно уразумѣть и соблюдать этикетъ и церемоніалъ при испанскомъ дворѣ среди итальянцевъ и надменныхъ бельгійцевъ. Однако протестанты знали, что дѣлали. Всѣ были увѣрены, что посланные будутъ встрѣчены невѣжливо; но по тогдашнимъ понятіямъ граждане и городскія власти могли перенести дурной пріемъ безъ ущерба для своей чести, тогда какъ князья и рыцари не могли бы потерпѣть этого. Сколько можно судить, посланные вели себя очень неловко и съ ними обращались позорно грубо.

Филиппъ Гессенскій, справедливо вѣрившій больше всего своему мечу и не ждавшій ничего путнаго отъ дипломатовъ, съ самаго начала не разсчитывалъ на счастливый исходъ посольства; его занимала мысль устроить союзъ между Гессеномъ и Саксоніей съ одной стороны и швейцарскими протестантами и швабскими городами съ другой, уладивъ для этой цѣли распрю о причащеніи. Цюрихъ недовѣрялъ Фердинанду австрійскому также какъ и Филиппъ, потому что древніе кантоны, съ которыми Цюрихъ былъ въ явной враждѣ, заключили съ Фердинандомъ оборонительный и наступательный союзъ. Кромѣ Цюриха, Бернъ, Базель и Сентъ-Галленъ приняли реформацію, и дѣло дошло до того, что бернцы собрали около 10 тысячъ человѣкъ на помощь Цюриху; съ другой стороны войско католическихъ кантоновъ было усилено полутора тысячами валлисцевъ. Однако война не началась. Ландаманнъ гларусскій, Эбли, и городской страсбургскій старшина, Штурмъ, славные и умные люди, примирили Ури, Цугъ, Унтервальденъ, Швицъ и Люцернъ съ протестантскими городами. Въ силу этого мира, заключеннаго 24 іюня 1529, враждебный договоръ съ Фердинандомъ былъ разо-

рванъ въ виду обоихъ войскъ, и протестантскій союзъ Цюриха, Берна, Базеля, Сентъ-Галлена, Мюльгаузена и Биля на защиту своей религіи былъ признанъ справедливымъ. Тѣмъ не менѣе война вскорѣ возгорѣлась, потому что запутанныя швейцарскія территоріальныя отношенія, измѣненныя въ 1498 году, не позволяли предупреждать всѣхъ возможныхъ столкновеній. Поэтому вражда изъза словъ причащенія, возраставшая съ 1522 по 1527, была истиннымъ бѣдствіемъ.

Съ 1527 года стало чрезвычайно трудно примирить послѣдователей Лютера и Цвингли, потому что оба реформатора задѣли другъ друга лично. Цвингли бранился и ругался умѣреннѣе и мягче Лютера; однако онъ упрекалъ его въ высокомѣріи, самохвальствѣ и чванствѣ мнимыми достоинствами и заслугами. Цвингли говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что не отрицаетъ его заслугъ; но онъ задѣваетъ его за живое слѣдующими ироническими словами: «Я пощажу тебя, любезный Лютеръ! во многихъ сочиненіяхъ, посланіяхъ и еще иначе, ты выказалъ большую гордость; за это стоило бы тебя наказать. Но если Богу угодно, мы будемъ умѣренны и побережемъ тебя, какъ человѣка, потому что, сказать по правдѣ, какъ ты и самъ знаешь, во время твоего появленія было много людей гораздо болѣе искусныхъ, чѣмъ ты, хотя по робости и потому что Богъ не возвалъ ихъ и не далъ имъ мужества, они не возстали защищать Израиль и сражаться съ римскимъ Голіафомъ». Затѣмъ, сказавъ многое въ похвалу Лютера за его дѣйствія противъ папства, Цвингли продолжаетъ: «Но ты не можешь, читая свое сочиненіе, отрицать того, что шумишь по злобѣ, ибо грубости и превратныя понятія, на которыя мы укажемъ, не слишкомъ свидѣтельствуютъ о любви и благорасположеніи». Послѣдователи Лютера и Цвингли опровергали другъ друга подобнымъ тономъ и издавали множество брошюръ объ этомъ предметѣ, а швейцарцы хвалились, что одержали верхъ на диспутѣ въ Бернѣ, въ 1528; поэтому невозможно было примирить спорящихъ, не смотря на всѣ усилія ландграфа Гессенскаго.

Филиппъ совершенно иначе и болѣе разумно смотрѣлъ на дѣло протестантовъ, чѣмъ Лютеръ, Меланхтонъ и флегматическій, преданный пьянству, но впрочемъ благородный и твердый курфирстъ Саксонскій, находившійся подъ вліяніемъ богослововъ, которые не видѣли необходимости дѣйствовать энергически, думая, что счастіе поможетъ тѣмъ, кто сидитъ сложа руки. Еще во время торгаусскаго съѣзда Лютеръ говорилъ объ отношеніяхъ императора къ нѣмецкимъ государямъ слѣдующее: «Разумѣется, князьямъ было бы точно также неловко силою защищать подданныхъ императора противъ него, какъ если бы торгаускій бургомистръ вздумалъ силой защищать гражданъ противъ курфирста Саксонскаго. (Изъ этого видно, что Лютеръ въ государственномъ правѣ не смыслилъ ни аза). Поэтому, въ случаѣ нападенія со стороны императора, придется предоставить ему страну и противиться его дѣйствіямъ». Ландграфъ былъ однако другаго мнѣнія; онъ видѣлъ, что ни протесты, ни апелляціи, ни посольства въ Италію не помогутъ, если нѣтъ на готовѣ военной силы. Чтобъ придать вѣсъ протесту, они хотѣлъ заключить протестантскій союзъ. Въ февралѣ 1529 императоръ написалъ ландграфу грозное посланіе по поводу интригъ Пака и далъ строгія повелѣнія имперскому правленію. Правленіе исключило изъ имперскаго совѣта пословъ Страсбурга и еще до представленія протеста и апелляціи запретило курфирсту и ландграфу допускать въ своихъ земляхъ евангелическое богослуженіе. Не смотря на это, ландграфу удалось наконецъ согласить протестантскіе чины на союзъ, съ цѣлью поддержать значеніе протеста и апелляціи. Въ іюнѣ 1529 посланники ландграфа Гессенскаго, курфирста Саксонскаго, герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго, маркграфа Бранденбургъ-Ансбахскаго и города Нюрнбергъ, Страсбургъ и Ульмъ на съѣздѣ въ Родахѣ, въ кобургской области, условились заключить союзъ для защиты вѣры противъ всѣхъ, кромѣ императора, и для заключенія союза назначили общее собраніе въ Швабахѣ. Въ это время обнаружились вредныя послѣдствія ссоры реформаторовъ за причастіе. Лютеръ удерживалъ своего курфирста отъ союза съ Ульмомъ и Страсбургомъ, потому что тамъ проповѣдывалось ученіе о причащеніи, несогласное съ его мнѣніемъ; курфирстъ поручилъ ему составить исповѣданіе вѣры, такъ называемые швабахскіе параграфы, и требовать, чтобы всѣ союзники подписали ихъ. Въ такихъ обсто-

ятельствахъ ландграфъ, какъ доказалъ фактами его новый біографъ Роммель, выказалъ истинное величіе и благородство. Онъ писалъ робкому и нерѣшительному курфирсту: «На защиту евангелія я готовъ пожертвовать жизнью и владѣніями, но наступило время, когда надо знать, можно ли полагаться на другихъ. Отвѣчайте прямо безъ обиняковъ, хотите ли защищаться или нѣтъ. Если никто не можетъ и никто не будетъ защищаться, то это будетъ бѣдствіемъ, которымъ Богъ накажетъ трусливыхъ нѣмцевъ».

Ландграфъ раздѣлялъ мнѣніе швейцарцевъ, но считалъ, что разногласіе не столь важно, чтобы изъ-за него расходиться съ Лютеромъ. Онъ надѣялся склонить упрямыхъ реформаторовъ къ примиренію. Неудивительно, что Филиппъ считалъ возможнымъ помирить двухъ богослововъ, которые спорили и ругались цѣлыхъ четыре года; онъ выказалъ еще больше наивности, надѣясь внушить свои религіозныя убѣжденія такому государю, какъ Карлъ V. Онъ пытался достигнуть этого, передавъ императору черезъ синдика фонъ Кадена небольшую книжку, въ бархатномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ. Это было сочиненіе самого ландграфа, который былъ ученый богословъ; книжка была написана по французски, хотя онъ самъ говорилъ впослѣдствіи императору, что плохо знаетъ этотъ языкъ. Испанцы вознегодовали на намѣреніе объяснит Карлу новое ученіе. Они сочли, что Филиппъ хочетъ сбить молодаго императора съ истиннаго пути, вслѣдствіе чего начали уголовный процессъ противъ синдика Кадена за поднесеніе книжки.

Филиппъ пригласилъ Лютера и Цвингли въ М а р б у р г ъ, гдѣ въ гостяхъ у ландграфа они могли дружески уладить свой споръ. Швейцарцы охотно и съ готовностью приняли любезное приглашеніе Филиппа, но виттенбергцы медлили и виляли; Цвингли выѣхалъ въ сентябрѣ 1529 въ сопровожденіи одного цюрихскаго городскаго совѣтника; въ Страсбургѣ къ нему присоединились Эколампадій, Бусеръ, Гедіо и городской старшина, Штурмъ; они отправились въ Марбургъ, гдѣ были встрѣчены съ торжествомъ и почетомъ. Къ сожалѣнію, туда явились и герои слѣпаго лютеранства—Бренцъ изъ Швебишъ-Галля, Озіандеръ изъ Нюрнберга и шестеро другихъ. Многіе другіе были не приняты. Самъ Лютеръ, какъ второй папа, гордо въѣхалъ въ Марбургъ; въ немъ уже нельзя было узнать того смиреннаго монаха, который, какъ бѣдный грѣшникъ, стоялъ въ 1521 передъ вормсскимъ сеймомъ. Онъ не позволилъ прибыть въ Марбургъ бѣдному, преслѣдуемому и гонимому мечтателю Карльштату. Карльштатъ, удалившійся въ крайній предѣлъ имперіи, восточную Фрисландію, писалъ ландграфу, прося дозволить ему пріѣхать въ Марбургъ. Ландграфъ сообщилъ эту просьбу Лютеру, который отказалъ.

М а р б у р г с к і й д и с п у т ъ, происходившій въ первые три дня октября 1529 года, не принесъ никакихъ результатовъ, хотя 14 параграфовъ были одобрены всѣми. Диспутъ во всякомъ случаѣ былъ торжественъ и блестящъ по огромному числу слушателей; Цвингли трогательно умолялъ собраніе согласиться на счетъ пятнадцатаго параграфа, такъ какъ четырнадцать уже рѣшены; но Лютеръ упорствовалъ, а бѣдный Меланхтонъ стоялъ молча, какъ окунутый въ воду. Фанатики лютеранства тѣмъ болѣе злились на своихъ соперниковъ, что сознавали свою неправоту; Цвингли со слезами на глазахъ заклиналъ ихъ проповѣдывать не вражду, а любовь. Ландграфъ увидѣлъ, что примиреніе невозможно, и вскорѣ всѣ разъѣхались подъ предлогомъ эпидеміи, свирѣпствовавшей въ Марбургѣ. Единственнымъ результатомъ диспута было то, что нѣмцы и швейцарцы подписали 14 марбургскихъ параграфовъ, а именно Лютеръ, Меланхтонъ, Юстусъ Іонасъ, Озіандеръ, Бренцъ, Эколампадій, Цвингли, Бусеръ и Гедіо. Касательно ученія о причащеніи было постановлено слѣдующее: «Хотя нынѣ мы не рѣшили, заключаются ли т ѣ л е с н о въ хлѣбѣ и винѣ истинное тѣло и кровь Христа, но тѣмъ не менѣе обѣ стороны должны выказывать другъ другу христіанскую любовь и просить всемогущаго Бога, чтобы онъ своимъ духомъ утвердилъ насъ въ вѣрномъ пониманіи. Аминь».

Когда пришлось заключать въ Швабахѣ союзъ, подготовленный въ Родахѣ, то обнаружилось, какъ мало серьезнаго значенія имѣло это постановленіе. Лютеране потребовали, чтобы принятіе параграфовъ, составленныхъ Лютеромъ и извѣстныхъ сначала подъ названіемъ Ш в а б а х с к и х ъ, а потомъ Т о р г а у с к и х ъ

статей, было вмѣнено въ обязанность всѣмъ, желавшимъ вступить въ союзъ. Депутаты подозрѣваемыхъ городовъ не имѣли на это полномочія. Члены разстались, не заключивъ союза, и отложили дальнѣйшія совѣщанія до новаго собранія. назначеннаго въ Шмалькальденѣ. Оно состоялось 29 ноября 1529, и здѣсь были опредѣлены условія союза, между курфирстомъ, ландграфомъ герцогомъ Люнебургскимъ, маркграфомъ Бранденбургъ-Ансбахскимъ, графами Вертгеймомъ, Мансфельдомъ и Фюрстенбергомъ и депутатами городовъ Страсбурга, Нюрнберга, Констанца, Ульма, Рейтлингена, Меммингена, Гейльброна, Ландау и Кемптена. Но договоръ не былъ заключенъ, потому что курфирстъ, по настоянію своихъ богослововъ, требовалъ предварительнаго подписанія швабахскихъ статей. Вслѣдствіе этого назначали новый съѣздъ въ Нюрнбергѣ. Собраніе это происходило 6 января 1530; но депутаты отъ Страсбурга, Ульма, Констанца, Ландау и Меммингена не явились, потому что не хотѣли признать швабахскихъ статей; Рейтлингенъ и Гейльброннъ подписали ихъ.

Пора было приступить къ вооруженію противъ тѣснаго союза, только что заключеннаго папой и императоромъ противъ протестантизма (стр. 441). Императоръ предалъ протестантскихъ посланниковъ въ жертву насмѣшекъ, дерзости и даже оскорбленій итальянцевъ, испанцевъ и фанатиковъ бельгійцевъ, окружавшихъ его, и обращался съ ними такъ невѣжливо, что они должны были уѣхать тайкомъ. Онъ даже велѣлъ арестовать фонъ Кадена, передавшаго ему книжку ландграфа Филиппа, и Каденъ считалъ себя счастливымъ, что отдѣлался кратковременнымъ арестомъ. Наконецъ въ январѣ въ Болоньѣ императоръ назначилъ сеймъ въ Аугсбургѣ, гдѣ хотѣлъ присутствовать лично. Въ приглашеніи, написанномъ ласково, императоръ не говорилъ ни слова ни о вормсскомъ эдиктѣ, ни о шпейерскомъ протестѣ. Поэтому намѣренія императора могли показаться подозрительными.

Аугсбургскій сеймъ былъ назначенъ въ апрѣлѣ 1530. Курфирстъ Саксонскій прибылъ 2 мая, ландграфъ Гессенскій 12, а императоръ только 15 іюня. 8 апрѣля Карлъ писалъ изъ Мантуи, что непремѣнно пріѣдетъ, и отправился въ путь чрезъ Тридентъ, Инспрукъ и Мюнхенъ, пославъ впередъ двухъ придворныхъ постращать протестантовъ. Такъ какъ настало время защищать новое ученіе, то протестанты хотѣли, чтобы швабахскія или торгаускія статьи были признаны исповѣданіемъ его; курфирстъ пригласилъ въ Аугсбургъ Меланхтона, Юстуса, Іонаса и Спалатина, а графъ Мансфельдъ привезъ съ собою Іоганна Агриколу. Самъ же Лютеръ остался въ Кобургѣ, гдѣ былъ ближе къ сейму, чѣмъ въ Виттенбергѣ. Намѣреніе императора испугать протестантовъ не удалось, потому что Іоаннъ Постоянный былъ не изъ такихъ людей, чтобы сробѣть, когда дѣло шло о религіи. Лютеръ также выказалъ замѣчательное спокойствіе. Тотчасъ по прибытіи въ Аугсбургъ императоръ пригласилъ государей участвовать 16 іюня въ процессіи тѣла Христова. Отвѣтъ, данный ему протестантами чрезъ курпринца Іоанна Фридриха, доказываетъ, что нѣмецкіе государи были тогда также искренни, дерзки и грубы, какъ народъ. Они отвѣчали: «мы не хотимъ поддерживать и одобрять столь безбожныя человѣческія выдумки, явно противныя слову Божію и Христовой заповѣди; мы не задумываясь, единогласно объявляемъ, что эти безсмысленныя и безбожныя человѣческія установленія должны быть совершенно отмѣнены и искоренены изъ церкви, дабы здоровые и чистые члены ея не были отравлены этимъ смертоноснымъ и вреднымъ ядомъ».

Императоръ выказывалъ протестантамъ немилость и охотно бы дѣйствовалъ въ Германіи также, какъ въ Италіи и Испаніи, но видѣлъ, что силы его и католическихъ чиновъ недостаточны. Поэтому онъ скрылъ досаду, желая добиться избранія въ римскіе короли своего брата и ожидая отъ протестантовъ помощи противъ турокъ. Онъ согласился, чтобы сеймъ занялся сперва религіозными вопросами и чтобы протестантское вѣроисповѣданіе было представлено ему и торжественно прочитано сейму 25 іюня. Это не могло имѣть дурнаго вліянія на религіозныя воззрѣнія Карла, какъ опасались испанцы по поводу книжки ландграфа Филиппа; религіозные вопросы не занимали императора, и онъ имѣлъ въ виду цѣли, вовсе не библейскія. Притомъ онъ очень плохо понималъ по нѣмецки. Впрочемъ во время чтенія текста, написаннаго по нѣмецки, императоръ читалъ его въ латинскомъ переводѣ, а впослѣдствіи велѣлъ перевести для себя на французскій языкъ. Сейму читали не торгаусскія статьи, составленныя Лютеромъ,

а изложеніе ихъ, превосходно написанное Меланхтономъ. Это знаменитое сочиненіе извѣстно подъ именемъ аугсбургскаго исповѣданія; введеніе его есть образецъ нѣмецкаго краснорѣчія. Меланхтонъ былъ благочестивъ, какъ Лютеръ, но не имѣлъ его слабости браниться и ругаться; онъ былъ ученъ и образованъ, какъ Эразмъ, но безъ двоедушія. Самъ Лютеръ удивляется въ своихъ письмахъ этому сочиненію; удивленіе это раздѣлитъ всякій, кто въ состояніи понять духъ того времени. Жаль только, что Лютеръ не могъ рѣшиться пожертвовать ученіемъ своей школы въ пользу общаго мира, какъ желали ландграфъ и страсбургцы. Но Лютеръ стоялъ на своемъ, хотя въ то же время обнаруживалъ величіе и отвагу; слова его рѣзали какъ сталь. Въ каждомъ письмѣ онъ стыдилъ Меланхтона, Іонаса, Бренца и Шнепфа, которые трусили, подобно курфирсту. Страсбургцы подписали бы аугсбургское исповѣданіе, если бы положенія Лютера были написаны не такъ рѣзко и не выражали бы явнаго намѣренія исключить швейцарцевъ и ихъ друзей изъ права на терпимость, котораго добивались протестанты. Вслѣдствіе этого Стразбургъ, Констанцъ, Меммингенъ и Линдау были принуждены представить особенное «Исповѣданіе». Оно было написано по нѣмецки и по латыни Бусеромъ и Капито и извѣстно подъ названіемъ исповѣданія четырехъ городовъ (Confessio Tetrapolitana). Это сочиненіе уклоняется отъ торгаусскихъ статей Лютера лишь относительно причащенія. Уклоненіе, какъ можно видѣть изъ восемнадцатаго параграфа, такъ незначительно, что было весьма легко согласить съ нимъ ученіе Лютера. Трудъ Меланхтона былъ переданъ для опроверженія коммисіи изъ 19 католическихъ богослововъ, которые, т. е. вѣрнѣе двое изъ нихъ, Эккъ и Кохлеусъ, составили возраженіе такъ дурно и съ такими ругательствами, что его даже не сообщили и напечатали только въ 1573 году.

Слабый курфирстъ Саксонскій хотѣлъ предоставить дѣло богословамъ; но ландграфъ Филиппъ, всегда готовый взяться за мечъ, понималъ, что съ такими людьми, какъ кардиналъ Кампеджіо, руководившій Карломъ, какъ канцлеръ Гранвелла, Эккъ или Кохлеусъ, нельзя поладить добромъ. Филиппъ держался Лютера, съ которымъ впрочемъ не былъ въ особенномъ согласіи. Онъ убѣждалъ курфирста не уступать, тогда какъ Іоаннъ думалъ не о сопротивленіи, а о переговорахъ. Филиппъ напрямикъ сказалъ епископамъ, которые старались перессорить протестантовъ: «Хлопочите о примиреніи, господа, мы будемъ его добиваться; но если вы не уладите дѣло и если я погибну, то ужь разумѣется возьму съ собою на тотъ свѣтъ одного или двухъ изъ вашей братіи». Императоръ всѣми мѣрами старался привлечь къ себѣ ландграфа, возбуждая въ немъ честолюбіе и надежды на выгоды; такъ поступалъ онъ и съ глупымъ пфальцграфомъ Фридрихомъ, впослѣдствіи курфирстомъ Фридрихомъ II Пфальцскимъ, предсѣдательствовавшимъ на сеймѣ; онъ всю жизнь держалъ его въ рукахъ надеждою на женитьбу. Но Филиппъ отвѣчалъ ему: «Въ лучшіе годы моей жизни я не избѣгалъ ни счастья, ни благосклонности сильныхъ, но теперь предпочитаю милость Божію обманчивымъ наслажденіямъ свѣта». 3 августа императоръ призвалъ къ себѣ обѣ партіи и приказалъ прочесть произведеніе Экка и Кохлеуса. Онъ далъ ясно замѣтить, что желаетъ, чтобы протестанты предоставили свое дѣло на его рѣшеніе. Тогда Филиппъ понялъ, что ему не зачѣмъ оставаться долѣе въ Аугсбургѣ. Онъ отправился 6 августа домой, оставивъ курфирста съ его пріунывшими богословами, Меланхтономъ, Іонасомъ и Бренцомъ. Императоръ струсилъ; онъ велѣлъ своимъ солдатамъ занять городскія ворота, но это не могло помочь ему, потому что глава сопротивленія былъ свободенъ.

По отъѣздѣ ландграфа, курфирсту и его богословамъ пришлось плохо; Меланхтонъ готовъ былъ даже уступить во многихъ важныхъ пунктахъ. Только Лютеръ оставался непоколебимъ и писалъ изъ Кобурга курфирсту утѣшительныя и увѣщательныя письма, которыя доказываютъ удивительное спокойствіе, энергію и готовность идти наперекоръ всему свѣту. Эти письма—образецъ задушевнаго краснорѣчія, горячей преданности христіанской религіи и полнаго упованія на Бога; но теперь находятъ оригинальную рѣзкость и безцеремонность слога этихъ писемъ неприличными. Лютеръ не раздѣлялъ уваженія курфирста къ императору, ни опасеній его богослововъ, боявшихся послѣдствій мстительности епископовъ и немилости императора, который уже далъ почувствовать ее курфирстамъ. Онъ

ободрялъ слабыхъ богослововъ и, вѣруя въ божественную силу истины, не страшился ни императора, ни папы, ни кардинала, ни епископовъ. Онъ писалъ между прочимъ курфирсту: «Хотя я полагаю, что императоръ и имперскіе члены примутъ наше исповѣданіе, но не питаю ни малѣйшей надежды на возможность соглашенія съ ними въ религіозныхъ вопросахъ; они такъ ненавидятъ свѣтъ, такъ озлоблены и пылаютъ къ намъ такою ненавистью, что скорѣе согласятся отправиться прямо въ адъ, чѣмъ уступить намъ и отказаться отъ своего мнѣнія. Надо оставить это дѣло въ покоѣ и ожидать, что будетъ» и т. д. Мы приведемъ еще отрывокъ изъ письма Лютера къ курфирсту Альбрехту Майнцскому; изъ него читатель увидитъ, какая свобода рѣчи существовала тогда. Въ этомъ письмѣ, напечатанномъ впослѣдствіи Лютеромъ и находящемся въ собраніи его сочиненій, изданномъ въ Галле, сказано: «Исторія скажетъ, какъ явно и безстыдно требовалъ папа осужденія евангелическаго ученія, какъ будто въ Германіи и на сеймѣ только и есть, что пустые чурбаны и обезьяны; властителей, помогавшихъ этому, должно низвергнуть и опозорить на вѣки въ глазахъ нашего потомства. Мы, нѣмцы, не перестанемъ довѣрять папѣ и его итальянцамъ, пока они не зададутъ намъ не паровую, а кровавую баню, Если же нѣмцы поколотятъ другъ друга, то папа обрадуется этому цвѣтику флорентинской политики и, посмѣиваясь въ тихомолку, скажетъ: вы, нѣмцы, не хотѣли признавать меня папой, такъ вотъ вамъ за это. Я не пророкъ, я прошу всѣхъ быть осмотрительными; знайте, когда имѣете дѣло съ папой и его сторонниками, что передъ вами не люди, а черти, потому что за ними скрываются козни дьявола. Я знаю, что вы покончите все это мирно. Аминь».

Отъѣздъ ландграфа разстроилъ планъ императора; ландграфъ тайно подготовлялъ возстаніе, которому императоръ и католическіе чины не могли бы противиться. Филиппъ заключилъ даже тѣсный союзъ съ Цюрихомъ, въ то время какъ богословы спорили о соглашеніи, въ возможность котораго могъ вѣрить только добродушный швабъ Меланхтонъ. Даже курфирстъ Саксонскій потерялъ терпѣніе. Онъ ждалъ до 20 сентября, но не хотѣлъ оставаться долѣе. Съ большимъ трудомъ уговорилъ его императоръ остаться до 22 сентября, чтобы выслушать рѣшеніе, которое Карлъ хотѣлъ объявить протестантамъ при закрытіи сейма. Рѣшеніе походило на объявленіе войны и было написано отъ имени императора въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ фанатикомъ Іоахимомъ I Бранденбургскимъ. Протестантамъ было обѣщано спокойствіе до 15 апрѣля будущаго года; но они должны были къ этому сроку уничтожить всѣ нововведенія, не печатать никакихъ новыхъ сочиненій по религіознымъ вопросамъ, не привлекать въ свою секту чужихъ подданныхъ и не укрывать ихъ въ своихъ земляхъ, дозволить своимъ подданнымъ слѣдовать обрядамъ католической церкви и соединиться съ императоромъ и имперіей для подавленія причастниковъ и перекрещенцовъ. Въ вознагражденіе за это былъ обѣщанъ соборъ, отъ котораго при тогдашнихъ обстоятельствахъ нельзя было ничего ожидать. Сверхъ того Іоахимъ прибавилъ отъ себя угрозы и требованіе возстановить въ прежнемъ видѣ монастыри и аббатства, угрожая протестантамъ въ противномъ случаѣ немедленно напасть на нихъ съ своими единовѣрцами. Прочіе католическіе государи порицали запальчивость курфирста Бранденбургскаго, потому что больше боялись Филиппа и курфирста Саксонскаго, чѣмъ протестанты ихъ самихъ. Саксонскій канцлеръ выслушалъ рѣшеніе и отвѣчалъ спокойно; курфирстъ молчалъ, не покидая своей флегмы, потому что курпринцъ давно уже воротился домой, и, слѣдовательно, бояться было нечего. Вслѣдъ за тѣмъ курфирстъ уѣхалъ. Императоръ не могъ помѣшать его отъѣзду и принудить его согласиться на избраніе Фердинанда въ римскіе короли. Карлъ былъ такъ озлобленъ на протестантовъ, что далъ ландграфу желанный поводъ склонить своихъ единовѣрцевъ къ политическому союзу; Филиппъ понималъ, что нужно дѣйствовать силой. Католическимъ государямъ очень хотѣлось подавить протестантовъ; но они желали предоставить это опасное дѣло императору, который безъ помощи ихъ не могъ ничего предпринять. Такимъ образомъ дѣло не пошло пока дальше угрозъ.

По отъѣздѣ курфирста, оставившаго въ Аугсбургѣ своихъ уполномоченныхъ и богослововъ, императоръ пытался еще разъ напугать протестантовъ. 13 октября онъ приказалъ призвать въ коллегію государей пословъ имперскихъ городовъ,

прочесть имъ пункты сеймовыхъ постановленій, которые касались религіи и уже были сообщены курфирсту, и потребовать у нихъ отвѣта. Они просили отсрочки, чтобы посовѣтоваться между собою; но имъ сказали напрямикъ, что императоръ рѣшился искоренить, во что бы то ни стало, возникшее въ имперіи религіозное заблужденіе и употребить для этого всѣ средства, которыми располагаетъ. Больше всѣхъ досталось четыремъ городамъ, подавшимъ особое исповѣданіе. Но это не измѣнило дѣла, потому что до апрѣля 1531 года все должно было оставаться въ настоящемъ положеніи. Города тоже не испугались, а лишь сознали крайнюю необходимость вооружиться. Саксонское посольство уѣхало до объявленія сеймоваго рѣшенія. Рѣшеніе было объявлено 19 ноября 1530 г. въ такихъ выраженіяхъ, что протестанты были правы, приступивъ вслѣдъ за тѣмъ къ вооруженіямъ, чтобы въ случаѣ нужды имѣть возможность защищаться противъ императора и имперіи. Лютеръ однако не охотно согласился на это. Сеймъ предалъ проклятію и всякое малѣйшее отступленіе отъ римской церкви; протестантское исповѣданіе и нововведенія были отвергнуты и рѣзко порицаемы, и было приказано возстановить все по прежнему. Въ случаѣ неповиновенія грозили строжайшей императорской опалой.

Война, повидимому, готова была вспыхнуть, потому что императоръ, устраняя всѣ возраженія, стремился, при содѣйствіи папы, превратить Германію въ наслѣдственное владѣніе, какъ Капетинги поступили во Франціи, и замѣнить имперское правленіе абсолютизмомъ римскаго короля. Для осуществленія этого плана онъ склонилъ на свою сторону за большія деньги курфирстовъ Майнцскаго и Пфальцскаго. Курфирстъ Саксонскій сначала не былъ приглашенъ на избраніе Фердинанда; впослѣдствіи его пригласили, но онъ объявилъ себя противъ Фердинанда; чтобы устранить его, воспользовались отлученіемъ отъ церкви, которымъ поразилъ его папа. Между тѣмъ ландграфъ Филиппъ хлопоталъ неутомимо; въ декабрѣ 1530 г. саксонскій наслѣдный принцъ протестовалъ въ Кёльнѣ противъ предполагаемаго избранія Фердинанда; въ тоже время ландграфъ склонилъ апатичнаго курфирста созвать второй конгрессъ въ Шмалькальденѣ. Самъ Лютеръ объявилъ наконецъ въ «Предостереженіи любезнымъ нѣмцамъ», что перемѣнилъ мнѣніе о необходимости защищаться. Курфирстъ саксонскій пригласилъ протестантскихъ государей и города въ Шмалькальденъ къ 22 декабря. Ландграфъ, передъ отъѣздомъ туда, заключилъ 1 декабря на случай нападенія особый союзъ съ Цюрихомъ, Базелемъ и Страсбургомъ. Въ Шмалькальденѣ присутствовали лично герцогъ Эрнстъ Люнебургскій, князь Вольфганъ Ангальтскій и графы Гебгартъ и Альбрехтъ Мансфельды. Послѣдній имѣлъ полномочіе отъ герцога Филиппа Брауншвейгъ-Грубенгагенскаго. Георгъ Бранденбургскій и города Страсбургъ, Нюрнбергъ, Констанцъ, Ульмъ, Бременъ, Рейтлингенъ, Гейльброннъ, Меммингенъ, Линдау, Кемптенъ, Исни, Биберахъ, Виндсгеймъ, Вейссенбургъ, Нордгау и Магдебургъ прислали пословъ. Четыре города, обвиненные въ заблужденіи относительно ученія о причащеніи, были также уговорены ландграфомъ Филиппомъ Гессенскимъ вступить въ союзъ. Бременъ въ первый разъ участвовалъ здѣсь въ качествѣ вольнаго города. Обѣднѣвшій архіепископъ Кристофъ бременскій, братъ необузданнаго, но равнодушнаго къ религіи и нравственности герцога Генриха Брауншвейгскаго, не могъ воспрепятствовать городу присвоить себѣ права имперскаго.

Цѣль шмалькальденскаго конгресса состояла въ томъ, чтобы условиться о мѣрахъ противодѣйствовать избранію Фердинанда въ римскіе короли, такъ какъ враги протестантовъ намѣревались приступить къ нему въ Кёльнѣ. Въ Шмалькальденѣ не было заключено формальнаго союза. Совѣщаніе о вооруженіи тоже не состоялось, потому что многіе города ссылались на неимѣніе инструкцій. Поэтому было назначено вторичное собраніе въ Шмалькальденѣ въ февралѣ 1531 г. Впрочемъ на первомъ собраніи многое было вполнѣ рѣшено, а именно религіозный вопросъ и противодѣйствіе избранію Фердинанда. 31 декабря былъ составленъ противъ избранія протестъ отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ и посланъ въ Кёльнъ. Императору же написали посланіе, въ которомъ просили его запретить имперскому фискалу и палатному суду принимать религіозные процессы противъ протестантовъ. Кромѣ того было рѣшено составить новое обще-протестантское церковное уложеніе, протестъ противъ рѣшенія послѣдняго сейма и апологію въ защиту основныхъ положеній протестантизма. Все это слѣдовало сообщить

не только императору и имперскому суду, но и всѣмъ иностраннымъ державамъ, особенно королямъ французскому и англійскому. Постановили также потребовать созванія собора съ тѣмъ, чтобы папа не возобновлялъ своихъ обычныхъ притязаній.

Императоръ не обратилъ никакого вниманія ни на протестъ, поданный ему лично въ Кёльнѣ наслѣднымъ принцомъ саксонскимъ, ни на представленія имперскихъ чиновъ. Онъ отправился изъ Аугсбурга въ Кёльнъ, на избраніе своего брата Фердинанда въ римскіе короли. Императоръ избралъ Кёльнъ потому, что Франкфуртъ принялъ аугсбургское исповѣданіе. Въ концѣ года Фердинандъ былъ избранъ, и 11 января 1531 г. торжественно коронованъ въ Ахенѣ. Послѣ того Карлъ отправился въ Брюссель, гдѣ назначилъ сестру свою, Марію, вдовствующую королеву венгерскую, намѣстницей Нидерландовъ на мѣсто умершей тетки своей, Маргариты. Братъ его остался правителемъ въ Германіи. Они собрали въ Нидерландахъ войско. Одни полагали, что войско это назначается противъ турокъ; другіе — для возстановленія на престолѣ шурина Карла, Христіана II датскаго; но многіе утверждали, что императоръ намѣренъ силою заставить привести въ исполненіе рѣшеніе аугсбургскаго сейма. Впрочемъ императоръ не имѣлъ денегъ для войны съ Германіей; союзники же его, католики, не смѣли пошевелиться, боясь дѣятельнаго ландграфа Гессенскаго.

Ландграфъ Филиппъ и курфирстъ Саксонскій собрали въ февралѣ 1531 г. конгрессъ въ Шмалькальденѣ. Здѣсь, 27 февраля, былъ наконецъ заключенъ шмалькальденскій союзъ на 6 лѣтъ; было рѣшено обороняться общими силами, если на одного изъ союзниковъ будетъ сдѣлано нападеніе по поводу исповѣданія. Шмалькальденскій союзъ былъ заключенъ сначала шестью государями, двумя графами и 11 городами, но потомъ къ нему приступили еще 7 государей, 2 графа и 24 города. Въ числѣ городовъ былъ и Франкфуртъ, оскорбленный императоромъ, который, вопреки закону, удалилъ выборы изъ этого города и объявилъ его еретическимъ. Шмалькальденскій союзъ раздѣлилъ Германію на два враждебные лагеря; каждый изъ нихъ не довѣрялъ другому, слѣдилъ за нимъ съ опасеніемъ и замышлялъ произвести нападеніе. Главой союза были избраны ландграфъ Гессенскій и курфирстъ Саксонскій. Въ помощь имъ данъ военный совѣтъ съ обязанностью распредѣлять и назначать по совѣсти и чести военныя силы, которыя долженъ выставить каждый союзникъ. Половину всѣхъ расходовъ должны были нести государи, а другую—города; между тѣмъ въ распредѣленіи голосовъ въ совѣтѣ города получили вначалѣ изъ 9 голосовъ только 4, а потомъ изъ 13 — шесть. Дѣла пошли бы несомнѣнно лучше, если бы были поручены одному ландграфу, потому что курфирстъ Саксонскій въ этихъ обстоятельствахъ, зависѣвшихъ исключительно отъ свѣтской власти и ума, слѣпо повиновался своимъ богословамъ. Они же, подобно папскимъ, думали, что человѣкъ, принадлежащій къ иной религіи, не можетъ быть съ ними въ союзѣ. На этомъ основаніи курфирстъ требовалъ исключить изъ союза вышеупомянутые четыре города, если они не примутъ аугсбургскаго исповѣданія. Когда въ іюнѣ 1531 г. союзники собрались въ Франкфуртѣ и утвердили прежнее рѣшеніе, швейцарскіе протестанты по винѣ курфирста не приняли участія въ союзѣ нѣмецкихъ. На этомъ собраніи курфирстъ велѣлъ объявить: «Такъ какъ союзные кантоны уклонились въ ученіи о причащеніи отъ аугсбургскаго исповѣданія, то онъ не можетъ вступить съ ними въ союзъ. На могущество ихъ не должно обращать вниманіе, потому священное писаніе возвѣщаетъ гибель уповающимъ на такую помощь».

Приготовленія протестантовъ кончились, когда они увидѣли, что въ нихъ нѣтъ нужды, потому что императоръ и его братъ были не готовы къ войнѣ, а баварцы не соглашались начинать ее и находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ французами; между тѣмъ Лудвигъ V Пфальцскій и Альбрехтъ Майнцскій еще задолго до франкфуртскаго собранія вступили въ переговоры съ Филиппомъ Гессенскимъ и Іоанномъ Саксонскимъ о посредничествѣ. Послѣ этого собранія императоръ одобрилъ старанія Лудвига и Альбрехта и пошелъ на соглашеніе. Сеймъ однако не состоялся, потому что протестанты допускали посредничество только въ политическихъ вопросахъ, а не въ религіозныхъ; между тѣмъ переговоры тянулись цѣлый годъ, и въ декабрѣ происходило новое союзное собраніе. Здѣсь союзный порядокъ установился вполнѣ; города Госсларъ и Эймбекъ, какъ прежде

Эсслингенъ, были приняты въ союзъ, и главами его признаны курфирстъ и ландграфъ. Послѣ этого пфальцграфъ Фридрихъ, служившій постоянно орудіемъ и игрушкой политики Карла, поспѣшилъ лично въ Брюссель и привезенными извѣстіями такъ напугалъ императора, что Карлъ увидѣлъ необходимость поладить съ протестантами, чтобы не попасть между двухъ огней. Въ январѣ 1532 г. Карлъ, проѣзжая черезъ Германію, далъ въ Майнцѣ обоимъ посредствующимъ курфирстамъ такое полномочіе, чтобы по крайней мѣрѣ на первое время они могли успокоить протестантовъ. Лютеръ сердился на ландграфа, который допустилъ въ союзъ четыре города, подписавшіе изъ 15 пунктовъ Лютерова вѣроисповѣданія только 14. Ландграфъ велъ переговоры весьма искусно. Благодаря ему, въ маѣ въ Швейнфуртѣ были рѣшены главные пункты примиренія.

Въ 1532 году умеръ курфирстъ Іоаннъ Постоянный, и его наслѣдникъ, Іоаннъ Фридрихъ, принялъ на себя веденіе переговоровъ. Къ скорѣйшему окончанію ихъ не мало способствовало то, что баварцы уже вступили въ союзъ съ французами и старались привлечь въ него главу шмалькальденскихъ союзниковъ. Вслѣдствіе этого курфирстамъ Пфальцскому и Майнцскому, которые уже вели въ Швейнфуртѣ переговоры съ ландграфомъ Гессенскимъ и курпринцомъ саксонскимъ, было не трудно устроить соглашеніе, связывавшее императора только на одинъ годъ. Такимъ образомъ прозваніе Миротворца, данное за этотъ миръ Лудвигу Пфальцскому, досталось ему дешево. Императоръ утвердилъ договоръ, не спрашивая согласія папы и чиновъ имперіи, и 2 и 3 августа 1532 г. огласилъ его въ Нюрнбергѣ. Этотъ договоръ, извѣстный подъ названіемъ перваго или нюрнбергскаго мира, поддержалъ согласіе между религіозными партіями до 1544 г. Но такъ какъ соборъ не созывался, то ненависть и вражда разгаралась годъ отъ году все болѣе и болѣе. Курфирстъ Іоахимъ Бранденбургскій, герцогъ Георгъ Саксонскій, римскій король Фердинандъ и папа пришли въ неописанную ярость. Сущность мирнаго договора заключалась въ томъ, что до окончанія собора или до рѣшенія новаго сейма ни одна партія не будетъ прибѣгать къ насилію въ дѣлѣ вѣры, и что всѣ фискальные и другіе процессы, касающіеся религіи, будутъ прекращены.

Въ Швейцаріи уже началась война между папистами и реформаторами; новыя несогласія возникли послѣ мира, заключеннаго при посредничествѣ страсбургскаго городскаго правителя между Цюрихомъ и католическими кантонами (стр. 463). Цюрихцы заключили союзъ съ ландграфомъ Гессенскимъ; бернцы проповѣдывали реформацію въ Ваатландѣ, который вовсе не принадлежалъ имъ, и тайно помогли женевцамъ противъ герцога Савойскаго и епископа. Они распространили реформацію и въ Невшателѣ. Бертольдъ Галлеръ привлекъ много золотурнскихъ общинъ къ новому ученію и къ измѣненію государственнаго порядка, хотя въ городѣ Золотурнѣ большая часть жителей остались вѣрны римской церкви. Въ Заргансѣ, Тургау, Баденѣ и другихъ мѣстахъ, имѣвшихъ общинное правленіе, и въ городахъ Кейзерштулѣ и Цурцахѣ были измѣнены религія и обряды, а жители С-тъ Галлена обратились къ новому ученію, несмотря на права аббатовъ. Отпаденіе многихъ мѣстностей отъ старой церкви нанесло кантонамъ политическій ущербъ, потому что при швейцарскомъ политическомъ устройствѣ каждое религіозное измѣненіе влекло за собой политическія.

Луцернъ и мелкіе кантоны были недовольны этимъ и, когда жалоба ихъ осталась безъ послѣдствій, они въ концѣ лѣта 1531 г. вывели въ поле войско, чтобы вновь овладѣть мѣстами, которыя подъ вліяніемъ цюрихцевъ избавились отъ ихъ власти. Цюрихъ созвалъ ополченіе и, къ несчастію, поторопился дать сраженіе, не дождавшись приближавшихся бернцевъ. 12 октября 1531 г., 8-ми-тысячное войско четырехъ мелкихъ кантоновъ и Луцерна аттаковало при Каппелѣ цюрихцевъ, утомленныхъ утомительнымъ подъемомъ на Альби; между тѣмъ бернскія войска медлили подъ Ленцбургомъ. Около сотни католиковъ, а за ними все остальное католическое войско яростно бросилось на цюрихцевъ, главныя силы которыхъ взошли на Альби слишкомъ поздно и чрезвычайно утомленныя. Сраженіе было кровопролитно. Послѣ упорнаго боя цюрихцы были разбиты и потеряли 510 человѣкъ. Побѣдители, подстрекаемые фанатическимъ духовенствомъ, поступали такъ жестоко, что убивали даже раненыхъ враговъ, не хотѣвшихъ перекреститься. Цвингли былъ наказанъ по смерти за свои грѣхи. Онъ находился при

цюрихскомъ войскѣ въ качествѣ проповѣдника и въ минуту опасности сталъ въ ряды и былъ убитъ. Его трупъ былъ четвертованъ и сожженъ.

Послѣ сраженія при Капеллѣ бернцы и другіе союзники вяло помогали цюрихцамъ. Они отмстили за опустошенія, произведенныя непріятелемъ, но перевѣсъ оставался за побѣдителями при Каппелѣ. Католики были сильны своимъ фанатизмомъ; кромѣ того войско ихъ состояло частью изъ наемниковъ, пріобрѣтшихъ опытность во французскихъ и итальянскихъ войскахъ, тогда какъ реформаторы не ладили между собой и были чужды фанатизма. Новое пораженіе цюрихскихъ союзниковъ подъ Менцингеномъ 21 октября, и отказъ бернцевъ помогать имъ лишили цюрихцевъ мужества и принудили ихъ согласиться на посредничество депутатовъ Франціи, Савойи, Гохбергъ-Рётелена, Нейенбурга, Гларуса, Фрейбурга и Аппенцелля. 16 ноября 1531 г. въ Дитиконѣ близъ Баара былъ заключенъ миръ, который во многихъ отношеніяхъ можно сравнить съ нюрнбергскимъ. Миръ этотъ былъ заключенъ вначалѣ только съ цюрихцами или, вѣрнѣе, предписанъ имъ войсками пяти городовъ. Земскій секретарь Швица изложилъ условія на бумагѣ; посланники Цюриха согласились на нихъ, и тогда были сдѣланы нѣкоторыя дополненія. 24 ноября состоялся въ Геглингенѣ мирный договоръ между Берномъ и Цюрихомъ съ одной стороны и пятью городами съ другой. Договоръ этотъ доставилъ католическимъ кантонамъ перевѣсъ въ швейцарскомъ союзѣ. Они получили право наказать Бремгартенъ и Меллингенъ; бернцы должны были вознаградить понесенные ими убытки и выплатить вмѣстѣ съ Цюрихомъ 5 т. кронъ за военныя издержки. Базель купилъ право участія въ мирномъ договорѣ за тысячу гульденовъ. Золотурнцы доказали при этомъ весьма оригинальнымъ образомъ, что для швейцарца деньги выше всего. Пять городовъ, желавшіе наказать ихъ за присылку помощи бернцамъ, требовали или уплаты тысячи золотыхъ гульденовъ пени или возвращенія къ католицизму; 34 золотурнскія общины, принявшія реформацію съ 1523 г., предпочли отказаться отъ нея. С-тъ-галленское аббатство снова вступило во всѣ свои права. Распространеніе евангелическаго ученія въ союзныхъ округахъ было навсегда запрещено, и католики получили право силою возстановить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ свое богослуженіе.

VII. ТУРКИ, ВЕНГРЫ И ЧЕХИ,

ГЕНРИХЪ VIII АНГЛІЙСКІЙ И ГЕРМАНІЯ ДО ОКОНЧАНІЯ ШМАЛЬКАЛЬДЕНСКОЙ ВОЙНЫ.

---

1. Турки со временъ Мухаммеда II до Селима I.

Чтобы имѣть возможность слѣдить шагъ за шагомъ за паденіемъ Византіи и развитіемъ новаго, военнаго государства османовъ, мы описали выше (т. III стр. 483—556) подробно возникновеніе и распространеніе турецкой имперіи въ Европѣ до взятія Константинополя. Для нашей цѣли совершенно излишне продолжать съ такими же подробностями послѣдующую исторію турокъ; поэтому мы приведемъ только тѣ факты, которые важны для всеобщей и германской исторіи.

По взятіи Константинополя султанъ Мухаммедъ II старался упрочить господство турокъ не только завоеваніями и побѣдами, но также политикой и законодательствомъ. Послѣ жестокостей, совершенныхъ турками въ Константинополѣ, онъ началъ обращаться снисходительно съ уцѣлѣвшей частью греческаго народонаселенія, которое было впрочемъ жалкимъ остаткомъ націи; но особенно замѣчательны отношенія султана къ патріарху. Мухаммедъ понималъ, что патріархъ имѣетъ нравственную власть надъ греками, тогда какъ турецкая сабля только государственную; поэтому онъ присвоилъ себѣ право назначенія, а слѣдовательно и смѣщенія патріарха; по его приказанію въ званіе это былъ возведенъ монахъ, который, какъ султанъ зналъ, не могъ сойтись съ римскими христіанами и чрезъ котораго турки могли управлять греками при помощи греческаго духовенства. Впослѣдствіи назначеніе и смѣщеніе патріарховъ служило султанамъ и ихъ министрамъ средствомъ выжимать изъ грековъ деньги, потому что патріаршество продавалось съ молотка.

Еще при греческихъ императорахъ патріархъ, выбранный повидимому свободно, не могъ вступить въ должность безъ императорскаго утвержденія. Мухаммедъ и его наслѣдники удержали это право. При греческихъ императорахъ вновь избранному патріарху дарился золотой посохъ, украшенный драгоцѣнными каменьями и жемчуговъ, и лошадь съ императорской конюшни, покрытая императорскимъ чепракомъ и бѣлымъ покрываломъ. Патріархъ пріѣзжалъ на этой лошади изъ императорскаго дворца въ патріаршій. Тамъ ему присягало все высшее духовенство, а императоръ, сидя на тронѣ, торжественно вручалъ ему посохъ. По сторонамъ трона стояли кесарь и патріархъ гераклейскій, а кругомъ весь сенатъ съ непокрытыми головами; придворный священникъ прочитывалъ молитву, и великій каммергеръ провозглашалъ: «Слава въ вышнихъ Богу» и т. д. Послѣ этого императоръ приподымался, и новый патріархъ кланялся три раза всему собранію и падалъ ницъ предъ императоромъ. Затѣмъ послѣдній, вставъ и приподнявъ нѣсколько скипетръ, произносилъ слѣдующія слова: «Святая Троица, ввѣрившая мнѣ престолъ, ниспосылаетъ тебѣ патріаршество Новаго Рима».

Мухаммедъ приказалъ духовенству, избѣгнувшему смерти и рабства, выбрать въ патріархи Георгія Схоларія или Геннадія, который въ рѣшительную минуту вмѣсто согласія поселилъ между греками и латинцами непримиримую вражду и

тѣмъ помогъ султану завоевать Константинополь (т. III, 532). Султанъ торжественно возвелъ Геннадія на патріаршій престолъ и далъ ему фирманъ, по которому никто не могъ безпокоить патріарха, оспаривать или нарушать его власть и оскорблять его; сверхъ того онъ и все высшее духовенство были освобождены на вѣки отъ всякихъ платежей и повинностей. Послѣ церемоніи посвященія султанъ пригласилъ патріарха на дружескій обѣдъ во дворецъ и оказалъ ему почетъ. Онъ вручилъ ему драгоцѣнный посохъ и проводилъ до двора, гдѣ патріархъ, по старому обычаю, долженъ былъ сѣсть на подаренную ему лошадь. Вмѣсто софійскаго собора, превращеннаго въ мечеть, султанъ предложилъ патріарху другую церковь, и всѣ вельможи двора должны были сопровождать его до синода. Тиранъ, предавшій смерти и рабству столько людей, хотѣлъ населить греками разоренную столицу. Тысячи людей должны были, подъ страхомъ смертной казни, переселиться въ Константинополь изъ Синопа, Трапезунда и Аспрокастрона.

Исторія царствованія Мухаммеда II представляетъ непрерывный рядъ убійственныхъ войнъ, разрушенія городовъ, опустошенія цѣлыхъ странъ и жестокихъ казней и мучительствъ. Поэтому о предпріятіяхъ Мухаммеда мы будемъ говорить, не входя въ подробности. Съ венеціанцами и албанцами былъ нѣсколько разъ заключаемъ миръ; но война продолжалась съ небольшими перерывами до смерти храбраго предводителя албанцевъ, Скандербега. Дань, которую платила Рагуза, была значительно увеличена на слѣдующій же годъ по завоеваніи Константинополя за то, что республика приняла и защитила бѣглаго греческаго принца. Турецкій флотъ, посланный Мухаммедомъ II къ египетскимъ берегамъ, безпокоилъ и опустошалъ острова, особенно Хіосъ, Лесбосъ и Родосъ—мѣстопребываніе ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Аттикою владѣлъ вассалъ Турціи, герцогъ Ренатъ Аччайюоли. Въ Пелопоннезѣ албанцы воевали съ Ѳомой и Дмитріемъ Палеологами, владѣвшими большею частью полуострова. Султанъ послалъ на помощь Палеологамъ войско и далъ льготную грамоту, за что они обѣщали ему дань въ 12 тыс. дукатовъ. Но уже въ 1458 году Мухаммедъ нашелъ предлогъ притѣснить ихъ и присоединить Аттику къ своимъ владѣніямъ. Войны албанцевъ съ Палеологами привлекли въ іюлѣ 1458 турецкія войска въ Пелопонезъ; турки произвели неслыханныя жестокости и рѣзню, при чемъ истребили и разогнали народонаселеніе цѣлыхъ областей. Палеологи купили миръ цѣною тяжкой дани, но, не смотря на это, удержали за собою весьма не много городовъ, въ томъ числѣ Коринѳъ и Гаксамилонъ или Истмъ. Они не могли удержаться никакими уступками. Уже въ 1460 Димитрій былъ принужденъ отказаться отъ владѣній и удовольствоваться пенсіей, а Ѳома искалъ спасенія и защиты въ Римѣ. Между тѣмъ Ренатъ Аччайюоли умеръ, и правленіе перешло за малолѣтствомъ его сына къ вдовѣ его. Преступленія этой женщины дали туркамъ поводъ присоединить въ 1458 къ своей имперіи Аттику. Герцогиня любила молодаго и чрезвычайно красиваго венеціанскаго патриція, губернатора Наполи-ди-Романіа, и предложила ему свою руку и наслѣдство своего сына съ тѣмъ, чтобы онъ отдѣлался отъ своей жены и женился на герцогинѣ. Молодой человѣкъ согласился: но двоюродный братъ герцога Аѳинскаго; жившій при турецкомъ дворѣ, упросилъ султана помочь ему наказать ихъ. Преступники были наказаны, и двоюродный братъ герцога овладѣлъ правленіемъ; но турецкій военачальникъ, Тараханъ, двинулся противъ него; Аччайюоли было позволено удалиться со всѣми своими сокровищами въ Ѳивы и Беотію, предоставленную имъ, а Аѳины съ округомъ были заняты турками.

Въ слѣдующемъ (1459) году была опустошена турками Сербія, главные города которой такъ счастливо отстаивалъ прежде послѣдній краль Георгій при помощи Гуніада и крестоносцевъ, прибывшихъ изъ Италіи подъ предводительствомъ храбраго монаха, Капистрана. Георгій оставилъ трехъ сыновей. Изъ нихъ двое были ослѣплены своимъ шуриномъ, султаномъ Мурадомъ II; третій сынъ, Лазарь, заплатилъ Мухаммеду II тяжелую дань за право владѣть страной, но умеръ черезъ полтора мѣсяца послѣ своего отца. Вдова его, желая пріобрѣсти дружбу латинскихъ христіанъ, выдала дочь за наслѣдника Босніи, и папа отдалъ ей въ ленъ владѣнія ея мужа. Это возбудило неудовольствіе сербскихъ бояръ и духовенства, которые призвали турокъ. Мухаммедъ напалъ на страну, взялъ укрѣпленные города и столицу Семендрію, обратилъ въ рабство, по показанію Энея Сильвія, болѣе 200,000 жителей и взамѣнъ ихъ населилъ Сербію магометанскими колонистами. Вдовѣ Лазаря было дозволено переселиться со всѣми

своими сокровищами въ Боснію (ноябрь 1459 г.). Боснія еще не испытала турецкаго нашествія, потому что въ слѣдующіе годы султанъ началъ свои походы на азіатскій берегъ Чернаго моря до Арменіи. Онъ покорялъ, истреблялъ и тиранилъ населеніе и грабилъ провинціи и города Малой Азіи и острова Эгейскаго моря. Набѣги турокъ простирались за Дунай и Драву въ Штирію и Австрію; Молдавія была опустошена, и разбои производились на итальянскихъ берегахъ.

Валахами управлялъ тогда воевода Владъ, по прозванію Колъ. Султанъ, проѣзжая мимо резиденціи Влада, увидѣлъ огромное мѣсто въ четверть часа пути въ длину и столько же въ ширину, покрытое скелетами казненныхъ. При этомъ зрѣлищѣ жестокій Мухаммедъ выразилъ удивленіе къ необычайной изобрѣтательности Влада въ выдумываніи казней и мученій; султанъ громко хвалилъ эту изобрѣтательность, какъ великій правительственный талантъ. Въ числѣ казненныхъ на этомъ мѣстѣ было 20,000 турокъ и болгаръ, посаженныхъ на колъ и распятыхъ. По серединѣ на высокомъ колѣ торчалъ трупъ Гассанъ-паши, одѣтый въ шелкъ и пурпуръ. Подлѣ убитыхъ матерей лежали ихъ дѣти, и въ трупахъ ихъ гнѣздились птицы. Мухаммедъ осадилъ валахскаго князя, взялъ его въ плѣнъ и посадилъ вмѣсто него изгнаннаго имъ Радула (1464). Сотни тысячъ людей были убиты по приказанію султана. Самъ же валахскій тиранъ пробылъ 15 лѣтъ въ плѣну. Впослѣдствіи онъ бѣжалъ и снова процарствовалъ два года, но былъ наконецъ убитъ рабомъ.

Въ 1464 г. Мухаммедъ II взялъ островъ Митилене или Лесбосъ. Награбленныя сокровища и плѣнниковъ султанъ употреблялъ на тѣже предпріятія, какъ и всѣ древніе восточные деспоты. Онъ воздвигъ въ короткое время исполинскія сооруженія и построилъ многолюдные города тамъ, гдѣ прежде были деревни. Подобно Димитрію Поліоркету и Птолемеямъ (т. I стр. 449—453, II стр. 475), онъ построилъ корабли, которымъ удивлялся весь свѣтъ и которые также негодились въ дѣло, какъ и колоссальныя пушки, отлитыя по его повелѣнію. Онъ приказалъ выстроить между прочимъ корабль въ 3,000 тоннъ, вѣроятно чтобы не отстать отъ арагонско-неаполитанскаго короля, выстроившаго корабль въ 4,000, тоннъ и отъ трапезундцевъ, имѣвшихъ судно въ 900 тоннъ.

Мухаммедъ только въ 1465 г. началъ помышлять о совершенномъ покореніи Босніи. За годъ до этого онъ потребовалъ отъ боснійскаго царя признанія верховной власти султана и платежа дани; но царь съ презрѣніемъ отвергъ это требованіе. Мухаммедъ двинулся противъ него; царь и его племянникъ не имѣли войскъ, которыя бы могли противиться турецкой арміи въ открытомъ полѣ. Но они могли долго защищаться въ укрѣпленныхъ и недоступныхъ мѣстахъ. Визирь обѣщалъ дозволить имъ и ихъ родственникамъ удалиться со всѣми своими сокровищами, если они сдадутъ крѣпости. Они приняли предложеніе, но удержали многіе важные города и даже вторую по значенію крѣпость страны. Турки никогда не исполняли обѣщаній, данныхъ невѣрнымъ, и даже особенно преслѣдовали тѣхъ, кому что нибудь обѣщали. Такимъ образомъ императоры трапезундскіе, герцоги Аѳинскій и Митиленскій были вѣроломно умерщвлены. Но въ Босніи султанъ, повидимому, намѣревался сдержать обѣщанія визиря, данныя къ крайнему его неудовольствію; въ дѣйствительности же оказалось, что онъ хотѣлъ лишь обмануть князей Константина, Ковача и Павла. Имъ были обѣщаны города и владѣнія въ другихъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе чего они явились въ турецкій лагерь и сдали свои крѣпости, но вслѣдъ затѣмъ всѣ трое, а также самъ царь и его племянникъ, были схвачены и заключены въ тюрьму. Босняковъ, какъ и албанцевъ, забрали въ войско Мухаммеда. Тридцать тысячъ мальчиковъ были отняты у родителей, обращены въ исламъ и отданы въ янычары.

Въ Пелопоннесѣ, на берегахъ Адріатическаго моря и въ горахъ Албаніи шла между тѣмъ продолжительная война, и турки почти постоянно тревожили венеціанцевъ съ моря и съ суши. Венеціанцы защищали Скутари, а албанецъ Скандербегъ много лѣтъ отстаивалъ противъ всѣхъ турецкихъ силъ Крою, лежащую въ горахъ. Албанскій князь и многіе венеціанскіе патриціи пріобрѣли въ этой войнѣ славу и выгоды, защищая свою вѣру. Исторія албанской войны полна романическихъ эпизодовъ. Скандербегъ отражалъ всѣ аттаки Мухаммеда, и маленькая Кроя держалась противъ завоевателя Константинополя до самой смерти Скандербега (1466). Венеціанцы съ такимъ же успѣхомъ защищали Негропонтъ или Эвбею до 1470 г. и нѣсколько разъ отражали турокъ отъ Скутари. Сосѣд-

нія европейскія земли до Штиріи и Австріи подвергались почти ежегодно разбойничьимъ набѣгамъ небольшихъ отрядовъ; главныя силы султана были заняты сначала завоеваніемъ Малой Азіи, потомъ покореніемъ туркменовъ на Евфратѣ и Тигрѣ и разрушеніемъ караманскаго царства въ сѣверной Сиріи. Въ Месопотаміи, въ Діарбекирѣ и въ восточной части Малой Азіи или Каппадокіи жили со временъ Чингисъ-хана туркмены. Они раздѣлялись на двѣ орды, извѣстныя подъ страннымъ названіемъ ордъ Бѣлаго и Чернаго Барана. Монголы, вторгнувшись въ ихъ страну подъ предводительствомъ Тимура или Тамерлана, нанесли имъ жестокія пораженія; но по уходѣ монголовъ туркмены воспользовались завоеваніями Тимура. При Мухаммедѣ II ханомъ орды Бѣлаго Барана былъ Усунъ-Гассанъ (т. е. длинный или большой Гассанъ), подчинившій орду Чернаго Барана. Мухаммедъ уже имѣлъ столкновеніе съ этимъ ханомъ во время своего похода на Трапезунтъ, потому что Усунъ-Гассанъ требовалъ отъ него дани, которую ему платили трапезунтскіе императоры. Ссору эту прекратила мать Усунъ-Гассана, Сара, происходившая вѣроятно, подобно своей бабкѣ, изъ рода Комненовъ. Впослѣдствіи Усунъ-Гассанъ, царствовавшій отъ Хорасана до Карамана, далъ убѣжище изгнаннымъ Мухаммедомъ князьямъ Кастамуни и Карамана, что возбудило между нимъ и султаномъ весьма грубую переписку и наконецъ (1473) войну. Мухаммедъ послалъ противъ Усунъ-Гассана, стоявшаго на Евфратѣ, сильное войско подъ начальствомъ своихъ лучшихъ полководцевъ; но войско это было разбито, и онъ былъ принужденъ отправиться лично. Въ іюлѣ 1473 онъ сразился съ ханомъ при Теодшанѣ; въ сраженіи этомъ султанъ со своими сыновьями лично предводительствовалъ османами, а Усунъ-Гассанъ и его сыновья командовали соединенными силами туркменовъ Бѣлаго и Чернаго Барановъ. Туркмены были совершенно разбиты. Мухаммедъ удовольствовался славою побѣды и завоеваніемъ одной пограничной области, не потревоживъ непріятельскія крѣпости. Усунъ-Гассанъ вскорѣ встрѣтилъ новыхъ враговъ въ своемъ собственномъ семействѣ и въ Шахѣ-Измаилѣ, основателѣ новой персидской династіи Софи. Семь сыновей и семь внуковъ Усунъ-Гассана лишились жизни въ междоусобной войнѣ. Въ 1500 году Шахъ-Измаилъ увѣдомилъ его о своемъ восшествіи на престолъ. Измаилъ былъ внукъ одного персидскаго шейха, которому покровительствовалъ Усунъ-Гассанъ; во время войнъ сыновей и внуковъ хана, онъ основалъ въ Персіи царство, господствовалъ съ 1514 г. въ Гамаданѣ и Діарбекирѣ и имѣлъ резиденцію въ Тавризѣ; въ царствованіе султана Селима I турки овладѣли его столицею. Побѣдивъ Усунъ-Гассана, Мухаммедъ направился противъ Кастамуни и Карамана и, покоривъ эти области, сдѣлалъ своего сына, Джема, намѣстникомъ караманскимъ. Въ это время въ Европѣ турецкіе отряды производили набѣги на Кроацію, Крайнъ, Каринтію, Штирію, Славонію и Венгрію, разоряли огнемъ и мечемъ города и земли и отсылали рабовъ, награбленное имущество и мѣшки, наполненные головами и ушами, въ Константинополь, гдѣ за это давалась награда.

Послѣ побѣдоносныхъ предпріятій султана въ Азіи и въ Европѣ, намѣстникъ его въ Румеліи, Солиманъ, задумалъ выгнать венеціанцевъ изъ Скутари. Въ 1474 г. онъ явился подъ этимъ городомъ, гдѣ гарнизономъ командовалъ Антоніо Лоредано; паша повелъ всѣ свои войска на приступъ, продолжавшійся 8 часовъ; турки уже взобрались на стѣны, но были отбиты съ потерей 7,000 человѣкъ. Послѣ того паша долго стоялъ съ своимъ войскомъ подъ городомъ, не рѣшаясь повторять нападеніе и наконецъ отступилъ, когда турецкій флотъ былъ разбитъ у береговъ венеціанскимъ. Затѣмъ Солиманъ предпринялъ набѣгъ въ окрестности Кроп, гдѣ забралъ болѣе 20,000 плѣнныхъ; въ это время ему представилась возможность сдѣлать завоеванія въ Молдавіи и на Черномъ морѣ. Молдавскій князь Петръ Ааронъ добровольно обязался платить султану дань; онъ доставлялъ ее исправно въ теченіе 18 лѣтъ и всегда привозилъ ее самъ. Но наслѣдникъ его, Стефанъ, перестать платить дань или по крайней мѣрѣ не хотѣлъ возить ее лично.

Въ концѣ 1474 г. Солиманъ двинулся противъ него съ 100 тыс. войскомъ. Стефанъ имѣлъ смѣлость выступить противъ турокъ съ войскомъ, состоявшимъ изъ 40,000 плохо вооруженныхъ и нестройныхъ молдаванскихъ мужиковъ, 5,000 венгерскихъ солдатъ и 2,000 поляковъ. 17 января 1475 г. (а не 1474, какъ го-

ворить Сисмонди) Стефанъ далъ туркамъ сраженіе при Раковичскомъ озерѣ, близъ рѣки Берады и одержалъ полную и столь неожиданную побѣду, что ее приписывали непосредственной и чудесной помощи Божіей. Изъ турецкаго войска спаслась ничтожная часть; лошади погибли въ сраженіи и перемерли отъ жестокаго мороза; солдаты частью пали на полѣ битвы, частью утонули въ Дунаѣ; нѣкоторые добрались въ жалкомъ видѣ до Валахіи, гдѣ Стефанъ велѣлъ истребить все, что могло служить имъ пищей или защитой отъ непогоды. Четыре паши были убиты и взято сто знаменъ. Стефанъ послалъ польскому королю Казиміру четырехъ предводителей и 36 знаменъ и отправилъ другіе трофеи Матѳію Корвину и папѣ Сиксту IV.

Вмѣсто того чтобы продолжать походъ противъ Молдавіи, гдѣ уже почти нечего было грабить, султанъ послалъ свой флотъ еще въ томъ же году въ Черное море, чтобы взять генуэзскія факторіи, особенно Каффу, главный складъ генуэзской торговли, простиравшейся отъ Крыма до Китая. Между тѣмъ война съ венеціанцами на время прекратилась, хотя мира не было заключено. Турки подошли къ Каффѣ и въ началѣ іюня 1475 бомбардировали ее въ теченіи трехъ дней; армяне и генуэзцы были въ ссорѣ между собою изъ-за торговыхъ интересовъ, и первые согласились на сдачу города. Вслѣдствіе этого богатѣйшій городъ на Черномъ морѣ былъ взятъ турками на четвертый день осады. Они отплатили, какъ мы ниже увидимъ, армянскимъ измѣнникамъ за измѣну убійствами и грабежами. 40,000 жителей были переселены въ Константинополь; 1,500 генуэзскихъ мальчиковъ должны были отречься отъ своей вѣры и поступить въ янычары; добыча была несмѣтна и состояла преимущественно изъ шелковыхъ товаровъ. Азовъ, называвшійся въ то время Тана, и другіе укрѣпленные города сдались безъ сопротивленія, и татарское царство, находившееся въ этихъ странахъ, было подчинено османамъ. Въ Крыму, въ Кипчакѣ, т. е. въ Оренбургѣ, Астрахани и въ Казани со времени смерти Чингисхана царствовали татарскіе ханы; родственники ихъ со времени внука Чингисхана, покорившаго Кипчакъ, Крымъ и большую часть Россіи, постоянно воевали между собой. Послѣднія распри принудили претендента на крымское ханство, Менгли-Гирея, бѣжать въ Каффу. Когда турки покорили Каффу, Менгли-Гирей, члены генуэзскаго правительства, армянскіе дворяне и военачальники предавшіе Каффу, были отправлены въ Константинополь. Здѣсь Мухаммедъ велѣлъ всѣхъ ихъ казнить; Менгли-Гирей уже свершилъ послѣднюю молитву и два послѣднихъ земныхъ поклона и ожидалъ смерти; но султанъ передумалъ. Нѣкто Энунекбегъ, при помощи котораго Менгли-Гирей предъ изгнаніемъ своимъ владѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ Крымомъ, просилъ отъ имени всего царства о возвращеніи Менгли-Гирея и о назначеніи его ханомъ Крыма. Султанъ счелъ, что исполнить эту просьбу будетъ лучшимъ средствомъ для подчиненія татаръ южной Россіи; поэтому Менгли-Гирей былъ помилованъ, получилъ знамя и бунчукъ и съ турецкимъ отрядомъ отправился въ Крымъ, чтобы водвориться на престолъ въ качествѣ турецкаго вассала.

Въ іюлѣ 1476 г. султанъ отмстилъ за раковичское пораженіе. Онъ разбилъ молдаванъ подъ предводительствомъ Стефана въ Бѣлой Долинѣ и на мѣстѣ битвы воздвигъ цѣлыя пирамиды человѣческихъ череповъ. Самъ Стефанъ спасся, и крѣпости его удержались противъ свирѣпствовавшихъ турокъ. Мухаммедъ произвелъ нападеніе на Венгрію и Польшу и вторично разорилъ Крайнъ и Далмацію, гдѣ опустошилъ многія селенія и забралъ тысячи плѣнныхъ.

Черезъ полтора года по прекращеніи военныхъ дѣйствій турки возобновили войну съ венеціанцами, которые вели войну на берегу и въ горахъ Албаніи съ тѣмъ спартанскимъ мужествомъ и стойкостью, которыми отличались ихъ патриціи. Проведиторъ Франческо Контарини одержалъ въ сентябрѣ 1477 г. побѣду надъ турецкимъ войскомъ, осаждавшимъ Крою. Турки однако не сняли осады и черезъ мѣсяцъ послѣ побѣды Контарини напали даже на Верхнюю Италію. Они опустошили всю страну по Тальяменте, Піаве и Изонцо; венеціанцы могли видѣть съ своихъ колоколенъ цѣлое море пламени. Турки не хотѣли и не могли утвердиться въ Италіи тѣмъ болѣе, что рѣшились завоевать Крою и Скутари. Въ январѣ 1478 венеціанцы наконецъ приняли на весьма тяжелыхъ условіяхъ предложенный имъ миръ, потому что вся тягость войны лежала на нихъ, такъ какъ короли неаполитанскій, венгерскій и польскій были въ сдѣлкѣ съ турками.

Султанъ требовалъ очищенія Крои, Сталамина или Лемноса, Майны въ Пелопоннесѣ, уступки всѣхъ городовъ, покоренныхъ въ послѣднюю войну, и уплаты 100,000 дукатовъ. Венеціанцы были согласны на это; но къ несчастію посланникъ, отправленный въ январѣ 1478 г. въ Константинополь, не имѣлъ полномочія согласиться сверхъ того на платежъ ежегодной дани въ 12,000 дукатовъ. Поэтому онъ долженъ былъ вернуться въ Венецію; въ маѣ онъ снова отправился въ Константинополь, такъ какъ сенатъ согласился на дань, но встрѣтилъ султана со всѣмъ войскомъ на пути въ Албанію. Мухаммедъ, кромѣ прежнихъ условій, потребовалъ Скутари.

Городъ Кроя, осаждаемый цѣлый годъ и совершенно истомленный голодомъ, сдался 15 іюня 1478 г. Турки обѣщали его храбрымъ защитникамъ свободный пропускъ; но, проводивъ ихъ до равнины, они заключили важнѣйшихъ лицъ въ оковы, а остальныхъ убили. Въ Скутари (Скодра) венеціанцы защищались съ такимъ же мужествомъ, какъ и прежде, которое удивило всю Европу. Разумѣется, судьба защитниковъ и гражданъ Крои должна была устрашить гарнизонъ Скутари и заставить его не соглашаться на капитуляцію. Мужество жителей Скутари было впослѣдствіи прославлено поэтами и ораторами, и одинъ венеціанецъ, сочинявшій стихи по латыни, эпически описалъ защиту Скутари, какъ Гомеръ десятилѣтнюю осаду Трои. Здѣсь неумѣстно описывать подробно всѣ усилія осаждавшихъ, ихъ громадныя приготовленія, колоссальныя орудія и метательныя машины, изъ которыхъ они бросали въ городъ горючіе снаряды, равно какъ и дѣйствія осажденныхъ: замѣтимъ только, что турки съ іюля по сентябрь дважды ходили на приступъ и были оба раза отбиты. Но когда въ половинѣ сентября 1478 г. лишенія осажденныхъ дошли до высшей степени и имъ не оставалось никакихъ средствъ къ спасенію, начальникъ ихъ получилъ извѣстіе, что венеціанскій посланникъ находится на пути въ Константинополь, чтобы купить миръ согласіемъ на требованія турокъ. Герои-защитники продержались еще цѣлый мѣсяцъ и сдались только тогда, когда положительно узнали, что миръ заключенъ. Главнымъ условіемъ мира была уступка Скутари съ тѣмъ, что жители города или останутся спокойно подъ турецкимъ владычествомъ или могутъ удалиться съ своимъ имуществомъ. Они выбрали послѣднее, но, наученные примѣромъ Крои, обезпечили свою жизнь и свободу, взявъ заложниковъ. Городъ Алессіо, гдѣ умеръ Скандербегъ, былъ также не задолго до того взятъ турками. Овладѣвъ имъ, они взяли кости Скандербега, которыя почитали какъ мощи и раздѣлили ихъ между собою по маленькимъ кусочкамъ, считая ихъ побѣднымъ талисманомъ.

Миръ съ Венеціей былъ подписанъ въ Константинополѣ 26 января 1479. Договоръ оказался выгоднѣе, чѣмъ ожидали, потому что Скутари палъ до заключенія мира. Укрѣпленія достались туркамъ, но гарнизонъ, артиллерія и военные запасы остались за Венеціей. Кромѣ того республика уплатила только 100 тысячъ дукатовъ, хотя турки требовали прежде 150 тысячъ. Венеціанцамъ было возвращено все, чѣмъ они владѣли въ Албаніи, Мореѣ и Далмаціи, исключая Крои и Скутари; республика получила право держать въ Константинополѣ уполномоченнаго (Bailo), который въ тоже время имѣлъ гражданскую судебную власть надъ своими соотечественниками. Венеціанцы должны были уплачивать 10,000 дукатовъ въ видѣ пошлины за ввозимые ими товары. Война, которую Венеція вела съ небольшими промежутками 16 лѣтъ съ всемірнымъ завоевателемъ, кончилась для нея славно. Изъ числа войнъ и разбойничьихъ набѣговъ, которые предпринималъ Мухаммедъ послѣ мира съ Венеціей, заслуживаетъ вниманія его нападеніе на островъ Родосъ. Орденъ Іоанна Іерусалимскаго, владѣвшій этимъ островомъ и состоявшій преимущественно изъ французовъ, итальянцевъ и испанцевъ, не хотѣлъ подчиниться туркамъ и платить дань, на которую сначала согласился. Въ 1479 турки заключили съ орденомъ миръ на два года, вѣроятно съ цѣлью усыпить его бдительность и желая напасть на него внезапно. Но великій магистръ не дался въ обманъ. Онъ зналъ, что эти дикіе разбойники не соблюдаютъ обѣщаній и клятвъ, и потому заключилъ договоръ съ тунисскимъ беемъ и съ султаномъ египетскихъ мамелюковъ, военному государству котораго Мухаммедъ также угрожалъ; они обязались снабдить островъ Родосъ необходимыми запасами; затѣмъ магистръ немедленно приступилъ къ военнымъ приготовленіямъ, какъ будто турки уже стояли подъ стѣнами. Дѣйствительно, не-

смотря на миръ, заключенный осенью 1479, въ маѣ слѣдующаго года подъ Родосомъ явился флотъ изъ 160 большихъ и малыхъ судовъ, высадившій громадное войско, которымъ, къ счастію рыцарей, командовалъ алчный Муси-паша. Турецкое войско простиралось до 100,000 человѣкъ, и невозможно было противиться ихъ артиллеріи. У нихъ было 16 пушекъ колоссальнаго размѣра въ 18 футовъ длины каждая, стрѣлявшія ядрами въ 9—11 четвертей.

Цѣль нашего сочиненія не позволяетъ намъ разсказывать подробно о трехмѣсячной осадѣ главнаго города и о геройскихъ подвигахъ рыцарей и ихъ гросмейстера; судьба благопріятствовала рыцарямъ, такъ что они приписывали свои успѣхи заступничеству Богородицы. Три ренегата, нѣмецъ и два грека, указали туркамъ всѣ слабыя стороны укрѣпленій и совѣтовали имъ предпринять аттаку, обѣщая руководить ею и увѣряя, что они найдутъ въ городѣ приверженцевъ. Измѣнники греки были убиты при первомъ нападеніи, а нѣмецъ возвратился къ рыцарямъ, увѣряя, что раскаевается въ ренегатствѣ, но былъ пойманъ на вторичной измѣнѣ, подвергнутъ пыткѣ и казненъ. Послѣ перваго неудачнаго штурма 19 іюня 1480 турки произвели 28 іюля вторую аттаку, причемъ рыцарей спасла алчность Муси-паши. Турки уже взобрались на валъ и готовились проникнуть въ городъ, но вдругъ отступили. Современныя хроники разсказываютъ, что въ рѣшительную минуту въ облакахъ явился золотой крестъ и что Богородица, вооруженная щитомъ и копьемъ и окруженная небесными воинами, сражаясь въ рядахъ рыцарей, обратила турокъ въ бѣгство. По разсказу турокъ, часть осаждающихъ уже проникла въ городъ, какъ вдругъ Муси-паша объявилъ, что вся добыча принадлежитъ султану и ему; услышавъ это, солдаты не хотѣли даромъ подвергать себя опасности. Послѣ втораго неудачнаго приступа турецкое войско сѣло на корабли и отплыло. По словамъ Гаммеръ-Пургсталя, которому мы слѣдуемъ, турецкое войско потерпѣло страшныя потери; въ теченіе трехъ мѣсяцевъ было убито 9,000 человѣкъ и 15,000 ранено. По прибытіи въ Константинополь Муси-паша былъ разжалованъ султаномъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Мухаммедъ отправился съ войскомъ въ Азію, хотя уже былъ боленъ. Онъ умеръ 6 мая 1481 года. Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его Баязетъ II, царствовавшій до 1512 года. Новый султанъ, подобно своему отцу (стр. 274), долженъ былъ купить престолъ у янычаръ, какъ покупали римскіе императоры имперію у преторіанцевъ. Этотъ вредный обычай существовалъ до 1774 года. Кромѣ того Баязетъ II долженъ былъ простить своевольнымъ солдатамъ разграбленіе богатыхъ людей, особенно евреевъ и убійство великаго визиря, совершенныя ими по возвращеніи изъ Азіи при извѣстіи о смерти Мухаммеда. Братъ Баязета, Джемъ, дважды пытался отнять у него престолъ, но потерпѣлъ неудачу. Дальнѣйшая судьба несчастнаго Джема, похожая на трагическій романъ, была разсказана выше (стр. 274—277).

Такъ какъ для нашей цѣли въ турецкой исторіи важно только то, что необходимо для пониманія всеобщей исторіи, то мы прямо перейдемъ къ двумъ послѣднимъ годамъ царствованія Баязета II. Въ царствованіе Баязета рѣзко выяснилась сущность султанской власти. События, случившіяся при немъ, показали, что янычары могутъ располагать государствомъ, и что только тотъ государь можетъ владѣть престоломъ, который удовлетворяетъ ихъ жаждѣ грабежа, и столь же кровожаденъ, какъ они; что государству грозитъ погибель, если между сыновьями султана нѣтъ тирана, способнаго быть повелителемъ этой дикой орды. Баязетъ имѣлъ четырехъ сыновей. Онъ всѣмъ имъ далъ по намѣстничеству, что по смерти его должно было повести къ усобицамъ, такъ какъ у турокъ было обыкновеніе казнить братьевъ султана; понятно, что они готовы были рѣшиться на все, чтобы спасти свою жизнь. Но на этотъ разъ междоусобіе началось еще при жизни отца. Султанъ лишилъ права на престолъ своего старшаго сына, вскорѣ умершаго, и втораго, Коркуда, принца образованнаго, ученаго и изнѣженнаго. Наслѣдникомъ былъ назначенъ третій сынъ, Ахмедъ. Но ужасными качествами, необходимыми для правителя турокъ, отличался не Ахмедъ, а четвертый сынъ, Селимъ. Ученый богословъ и поэтъ, Селимъ, былъ еще болѣе безчеловѣченъ, кровожаденъ и вѣроломенъ, чѣмъ его дѣдъ, Мухаммедъ II. Селимъ получилъ трапезунтское намѣстничество, не представлявшее никакой возможности быстро воспользоваться смертью отца и дѣлать набѣги за границу.

Онъ съ угрозами потребовалъ отъ отца санджакъ въ Румеліи или по крайней мѣрѣ право посѣщать отца. Получивъ отказъ, онъ отправился къ своему сыну Солиману, которому Баязетъ далъ намѣстничество въ Крыму. Съ войсками Солимана и съ небольшимъ отрядомъ татаръ, навербованнымъ съ разрѣшенія хана, Селимъ вторгнулся къ черкесамъ и дѣлалъ другіе набѣги. Онъ пытался даже внезапно напасть съ своимъ незначительнымъ войскомъ на отца. Но попытка не удалась, и султанъ расположился лагеремъ противъ сына при Адріанополѣ. Но благодаря стараніямъ беглербега румелійскаго, между ними былъ заключенъ миръ. Баязетъ хотя не допустилъ сына къ себѣ, но согласился исполнить его главныя требованія. Селимъ получилъ вмѣсто намѣстничества въ Азіи Семендрію, Виддинъ и Аладжагисаръ и богатые подарки; сверхъ того отецъ обѣщалъ не отдавать престолъ при жизни своей миролюбивому и изнѣженному Ахмеду. Селимъ предпринялъ походъ къ Адріанополю главнымъ образомъ потому, что опасался отреченія отца въ пользу Ахмеда. Баязетъ и Селимъ мирно разстались. Но Селимъ справедливо не довѣрялъ отцу, который чрезвычайно любилъ Ахмеда и обѣщалъ визирю, Али-пашѣ, все, чего онъ захочетъ, если онъ доставитъ государство Ахмеду. Селимъ отправился въ Семендрію, но на пути узналъ, что Ахмедъ принялъ титулъ султана и что старшій братъ, Коркудъ, спѣшитъ изъ своего намѣстничества, чтобы поддержать свои права оружіемъ; это побудило его воротиться. Дорогой на Коркуда напали шииты, т. е. магометанскіе еретики (т. II, стр. 293), и ограбили его; Ахмедъ имѣлъ въ Константинополѣ много приверженцевъ, въ томъ числѣ великаго визиря. Селимъ овладѣлъ Адріанополемъ, произвелъ (іюня 1511 г.) нѣчто въ родѣ революціи, а именно отворилъ тюрьмы, забралъ всѣ казенныя деньги и смѣнилъ должностныхъ лицъ. Затѣмъ онъ приготовился идти на Константинополь, такъ что отецъ былъ вынужденъ выступить противъ него съ войскомъ. Между Константинополемъ и Адріанополемъ при Чорли Баязетъ встрѣтился съ сыномъ и нанесъ ему пораженіе. Войско Селима, состоявшее частью изъ татаръ, потеряло до тысячи человѣкъ убитыми; остальные были разсѣяны. Самъ Селимъ съ трудомъ достигъ морскаго берега. Онъ отправился снова въ Крымъ, гдѣ былъ дружески принятъ своимъ тестемъ, Татаръ-ханомъ. Вскорѣ недовольные призвали Селима въ Константинополь, и онъ отправился, получивъ помощь отъ хана.

Мы уже сказали, что Коркудъ ѣхалъ въ Прузу съ цѣлью оспаривать престолъ у брата, но дорогой былъ ограбленъ разбойничьими шайками. Эти шайки производили страшные разбои въ турецкихъ владѣніяхъ. Предводитель называлъ себя Шахъ-Кули, т. е. рабъ персидскаго шаха, а турки звали его Шайтанъ-Кули, т. е. рабъ дьявола. Ограбивъ Коркуда, разбойники пошли противъ Ахмеда; визирь Али-паша вышелъ имъ навстрѣчу и разбилъ ихъ; въ этомъ сраженіи были убиты самъ визирь и Шахъ-Кули. Когда такимъ образомъ Ахмедъ лишился своего защитника, янычары, жаждавшіе разбоевъ, добычи, убійствъ и пожаровъ, обратили свои надежды на Селима, старшіе братья котораго неотличались воинственностью. Въ августѣ 1511 янычары совершили въ Константинополѣ, въ глазахъ Баязета, грабежи и поджоги, а въ Азіи Ахметъ велъ войну съ мятежниками и съ своими племянниками и родственниками. Эти факты доказываютъ, что приверженцы Селима были правы, утверждая, что только онъ могъ поддерживать могущество Турціи тѣми же средствами, какими оно было основано. Селима увѣдомили, чтобы онъ прибылъ въ Константинополь; и такъ какъ кромѣ того самъ Баязетъ звалъ его къ себѣ, то въ январѣ 1512 онъ выѣхалъ изъ Крыма въ сопровожденіи 3,000 чел. конницы, изъ которыхъ половина были татары. Въ мартѣ янычары потребовали отъ Баязета, чтобы онъ назначилъ Селима ихъ предводителемъ и отправилъ въ Азію, гдѣ Ахмедъ игралъ роль султана. Старый, слабый Баязетъ уступилъ требованію. Вслѣдствіе этого янычаръ-ага отправился навстрѣчу Селиму, и 19 апрѣля 1512 онъ торжественно въѣхалъ въ Константинополь. Отецъ былъ принужденъ покориться сыну.

25 апрѣля Селимъ I принялъ правленіе, а Баязетъ долженъ былъ отправиться въ Демотику, назначенную ему мѣстомъ жительства. Но онъ не доѣхалъ и умеръ на пути 25 мая. Говорятъ, что онъ былъ отравленъ своимъ врачемъ, евреемъ; мнѣніе это раздѣляютъ многіе, и даже Гаммеръ находитъ его вѣроятнымъ. Мы не придаемъ значенія этому факту, потому что въ жизни та-

кого ужаснаго злодѣя, какъ Селимъ, одна или сотня жестокостей болѣе или менѣе ничего не значитъ. Въ первый же годъ своего царствованія (съ мая 1512 по май 1513) Селимъ пролилъ цѣлые потоки невинной крови. Братья его, Коркудъ и Ахмедъ, и великій визирь его отца были умерщвлены; кромѣ того въ его присутствіи были убиты не только сыновья этихъ братьевъ, но и сыновья умершаго старшаго брата. Селимъ не пощадилъ даже семилѣтняго мальчика, который трогательно просилъ его о жизни. 14 апрѣля Ахмедъ одержалъ побѣду надъ войсками Селима, и современники увѣряютъ, что, еслибы онъ успѣлъ воспользоваться ею, то удержалъ бы за собою престолъ; но онъ промедлилъ 8 дней, и это погубило его. Селимъ быстро собралъ свои войска и, получивъ татарскія подкрѣпленія, одержалъ чрезъ десять дней рѣшительную побѣду. Ахмедъ былъ взятъ въ плѣнъ. Тщетно просилъ онъ у брата личнаго свиданія. Синанъ-ага, который казнилъ старшаго брата, Коркуда, отрубилъ по приказанію Селима голову Ахмеда.

2. Селимъ I.

Со времени Селима I и до конца XVIII столѣтія исторія Венгріи связана съ исторіею Австріи. Мы будемъ продолжать исторію Венгріи и Богеміи, вкратцѣ разсказавъ важнѣйшія событія непродолжительнаго царствованія Селима (1512 — 1520). Читатели увидятъ, какъ страшны были полчища, грозившія Германіи при Карлѣ V; они поймутъ, почему имя Селима стало такъ грозно и почему этотъ султанъ заслуживаетъ занять мѣсто на ряду съ Тимуромъ и другими злодѣями, губившими людей тысячами.

По вовращеніи изъ Азіи въ Константинополь Селимъ I отправилъ на тотъ свѣтъ двухъ братьевъ, пять племянниковъ и всѣхъ, кто былъ съ нимъ въ Азіи; но противъ обыкновенія онъ былъ очень ласковъ съ венгерскими, молдаванскими, валахскими, венеціанскими и русскими послами. При немъ враждебныя дѣйствія съ Венгріей ограничивались обоюдными набѣгами и грабежами. Селимъ намѣревался прежде всего начать войну съ персидскимъ шахомъ, главою шіитовъ или еретиковъ, и присоединить къ своему государству Діарбекиръ, Курдистанъ и Месопотамію. Въ Персіи царствовалъ тогда основатель династіи Софи, шахъ Измаилъ. Онъ былъ, подобно Селиму, завоеватель. Въ свое четырнадцатилѣтнее правленіе онъ покорилъ 14 провинцій и казнилъ владѣтелей ихъ — шаха Ширванскаго, шаха Мазандеранскаго, хана орды Бѣлаго и Чернаго Барановъ (стр. 475), владѣтелей Сулькаде, Шейбека и великаго хана узбековъ. Онъ имѣлъ много поводовъ къ войнѣ съ султаномъ османовъ. Онъ вторгнулся въ Малую Азію и принялъ подъ защиту свою двухъ сыновей Ахмеда, отданныхъ ему отцомъ въ заложники, и третьяго сына Ахмеда, Мурада, бѣжавшаго къ нему послѣ убійства своего отца; кромѣ того султанъ Селимъ и турки ненавидѣли его, какъ главу еретиковъ. Важность послѣдняго обстоятельства видна между прочимъ изъ того, что Селимъ, чтобы недопустить въ своихъ владѣніяхъ распространенія шіитства, велѣлъ передъ походомъ въ Азію произвести нѣчто въ родѣ вифлеемскаго избіенія. Онъ приказалъ переписать въ каждомъ пашалыкѣ всѣхъ шіитовъ мужескаго пола отъ 7 до 70 лѣтъ и потомъ перебить ихъ всѣхъ сразу числомъ до 40,000.

Послѣ грубой переписки съ шахомъ, султанъ въ маѣ 1514 повелъ всѣ турецкія силы въ Малую Азію. Въ Сивашѣ Селимъ сдѣлалъ, въ іюнѣ 1514, смотръ своимъ войскамъ, причемъ оказалось, что вся османская кавалерія погибла отъ усиленнаго похода и отъ страданій въ пустынной мѣстности. Однако Селимъ продолжалъ походъ, хотя у персовъ была превосходная конница; онъ разсчитывалъ на курдовъ, которые были сунниты; кромѣ того онъ зналъ, что у персовъ нѣтъ ни ружей, ни пушекъ, тогда какъ турецкое войско имѣло сильную артиллерію. Онъ двинулся прямо на Тавризъ, резиденцію персидскаго шаха, и одержалъ 13 августа 1534 г. рѣшительную побѣду при Чальдиранѣ. Затѣмъ онъ завоевалъ укрѣпленный городъ Діарбекиръ (Амидъ) и самый Тавризъ. Селимъ находилъ неудобнымъ остаться на зиму въ суровыхъ горахъ этой возвышеной мѣст-

ности тѣмъ болѣе, что янычары роптали, а всякій деспотъ — рабъ своихъ солдатъ. Онъ провелъ большую часть зимы въ Амазіи. На пути изъ Тавриза въ Амазію онъ и его янычары притѣсняли жителей страны; при этомъ, если солдаты принимались черезъ мѣру неистовствовать, Селимъ приказывалъ казнить нѣсколькихъ министровъ и чиновниковъ, какъ будто бы они были виноваты въ этомъ. Самъ онъ свирѣпствовалъ не разбирая ни друга, ни недруга, велѣлъ заключить въ темницу пословъ шаха, присланныхъ съ мирными предложеніями, и выставилъ на стѣнахъ Амазіи множество присланныхъ ему венгерскихъ головъ. Вскорѣ султанъ вернулся въ Адріанополь, гдѣ началъ готовиться къ войнѣ противъ другаго врага, предоставивъ персидскую войну своимъ полководцамъ.

Между тѣмъ шахъ Измаилъ собралъ новое войско, возвратился въ Тавризъ и осадилъ Діарбекиръ, храбро обороняемый курдами. Персидскія войска, не имѣвшія огнестрѣльнаго оружія, тщетно осаждали городъ цѣлый годъ, пока не пришла турецкая армія, которой было предписано проникнуть дальше къ Евфрату. Персами командовалъ зять Измаила Кара-Ханъ. Полагаясь на свою кавалерію, онъ безразсудно вывелъ свои войска противъ ружей янычаръ и хорошей артиллеріи, искусно управляемой греками и славянами. Онъ былъ разбитъ близъ города Коджхиссара, войска его совершенно разсѣяны, а самъ онъ убитъ пулею. Его пораженіе отдало въ руки турокъ города на Тигрѣ, и османы покорили всю провинцію Діарбекиръ и города Низибинъ (главный городъ Месопотаміи), Дару, Маяфарекинъ, Роху, Раку, Мосуль и другіе. Весь Курдистанъ былъ присоединенъ къ турецкимъ владѣніямъ, но сохранилъ свою самостоятельность, потому что курдскіе шейхи удержали свои нагорные замки и продолжали пользоваться своимъ значеніемъ.

Новыя намѣстничества, Діарбекиръ, Орфа и Мосуль, привели османскую имперію въ непосредственное соприкосновеніе съ египетскимъ царствомъ. Въ Египтѣ со временъ послѣдняго крестоваго похода существовало военное государство мамелюковъ (т. III, 90). Сперва тамъ господствовали багериды или морскіе мамелюки, потомки храбраго предводителя, которые назывались по имени Багера, его дворца на Нилѣ; потомъ черкесскіе мамелюки. У послѣднихъ престолъ былъ избирательный, а право избранія принадлежало 24 тѣлохранителямъ, бегамъ или беямъ. Эти беги занимали высшія мѣста и должности и были почетнѣйшими изъ солдатъ гвардіи, состоявшихъ изъ невольниковъ, выведенныхъ изъ Черкесіи и первоначально купленныхъ однимъ изъ беговъ для собственной службы. За ними слѣдовали рабы, приведенные въ Египетъ изъ Африки и принятые въ армію; остальная часть войска состояла изъ сброда наемниковъ. Египетскимъ султаномъ былъ въ то время 80-лѣтній Кансу-Гаври, царствовавшій 60 лѣтъ. Въ 1515 Селимъ началъ готовиться въ Адріанополѣ къ походу противъ него; походъ этотъ имѣлъ цѣлью доставить султану титулъ защитника святыхъ городовъ Мекки и Медины и право охраненія богомольцевъ, отправляющихся туда на поклоненіе святынѣ.

Сперва Селимъ хотѣлъ ограничиться завоеваніемъ Сиріи, сѣверную часть которой полководцы его уже отняли у персовъ. Со времени Саладина Сирія почти всегда принадлежала Египту. Даже нашествіе Тимура не могло прекратить надолго египетское господство въ Сиріи: Тимуръ удовольствовался опустошеніемъ Сиріи и избіеніемъ множества жителей Алеппо и Дамаска, перерѣзанныхъ монголами и потоптанныхъ ихъ конями. Когда въ 1516 Селимъ вторгнулся въ Сирію, египетскій султанъ старался смягчить турецкаго изверга, отправивъ къ нему посольство; но султанъ привыкъ нарушать при всякомъ случаѣ священныя для мусульманъ права гостепріимства и посольства. Кансу-Гаври послалъ одного изъ своихъ полководцевъ съ блестящей свитой, желая почтить этимъ посольствомъ Селима. Но пышность посольства разсердила султана, быть можетъ, впрочемъ, притворно; какъ бы то ни было, онъ приказалъ отрубить голову посланнику и его свитѣ. Десять человѣкъ, сопровождавшихъ посланника, были казнены, и самъ онъ былъ бы убитъ, если бы главный полководецъ Селима не вымолилъ съ великимъ трудомъ у султана пощады. Обращеніе Селима съ посломъ было въ высшей степени позорно. Онъ приказалъ обстричь ему голову и бороду, надѣть спальный колпакъ и отправить обратно къ его государю на хромомъ и паршивомъ ослѣ.

Османы имѣли сильную артиллерію, хотя, впрочемъ, лѣтописецъ преувеличиваетъ, говоря, что у нихъ было пятьсотъ малыхъ и большихъ орудій. Кромѣ того въ египетскомъ войскѣ были предатели. Сраженіе произошло 23 августа 1516 при Алеппо; вслѣдствіе измѣны оно не было ни кровопролитно, ни продолжительно. Египетское войско было разбито, и самъ старый султанъ лишился жизни, быть можетъ по предательству одного бега. Египетскіе предводители не могли согласиться въ Сиріи на счетъ выбора новаго султана и поспѣшили возвратиться въ Египетъ. 4 октября Селимъ взялъ Дамаскъ и назначилъ своихъ пашей намѣстниками Сиріи и Палестины. Мамелюки избрали султаномъ Туманъ-бега, самаго способнаго и мужественнаго бега. Селимъ предложилъ ему миръ съ условіемъ признать верховную власть турокъ и въ знакъ покорности изобразить и на монетѣ имя Селима и молиться за него въ мечетяхъ. Туманъ-бегъ ласково выслушалъ османскихъ посланниковъ; но полководецъ его Аланъ-бегъ послѣ аудіенціи отрубилъ имъ головы. Поэтому война продолжалась. Египетское войско выступило въ концѣ октября изъ Каира, чтобы удержать непріятеля на границѣ Египта. Турецкія войска шли не подъ предводительствомъ Селима, который пробылъ въ Дамаскѣ до половины декабря, а подъ командой Симанъ-паши. Близъ Газы паша одержалъ вторую побѣду. Послѣ этого Туманъ-бегъ встрѣтилъ подъ Каиромъ самого Селима, и здѣсь произошла битва, которая показала султану, что онъ имѣетъ дѣло съ отборнымъ войскомъ храбрѣйшихъ черкесскихъ воиновъ. Хотя Туманъ-бегъ былъ окруженъ измѣнниками, которые портили все, что онъ предпринималъ, тѣмъ не менѣе война тянулась долго, и Селимъ считалъ себя счастливымъ, имѣвъ возможность предложить мамелюкамъ сносныя условія. Наконецъ 23 января 1517 при деревнѣ Риданія, близъ Каира, у горы Мокаттамъ произошло третье кровопролитное сраженіе. Мамелюки проиграли его, потому что одинъ изъ главныхъ военачальниковъ Туманъбега, Газали, продался непріятелю; но побѣда стоила туркамъ не дешево, и 25,000 мамелюковъ, павшихъ въ битвѣ, продали свою жизнь дорогою цѣною. Несмотря на такое пораженіе, Туманъ-бегъ снова занялъ Каиръ и удерживалъ его три дня. Турецкое войско, посланное 31 января противъ города, этого должно было выдержать въ узкихъ улицахъ его страшную борьбу, прежде чѣмъ успѣло вытѣснить непріятеля. Потери, понесенныя при этомъ, до того озлобили султана, что по его повелѣнію было изрублено около 50,000 человѣкъ безъ различія возраста и пола.

Уже въ февралѣ Туманъ-бегъ нашелъ случай кроваво отмстить за это посланному за нимъ турецкому войску. Онъ могъ бы даже сопротивляться до удаленія главныхъ турецкихъ силъ, еслибы отступилъ не въ Дельту, а въ Верхній Египетъ. Но здѣсь онъ набралъ столько арабовъ на правомъ и лѣвомъ берегахъ Нила, что турецкій султанъ нашелъ благоразумнымъ предложить ему еще разъ миръ. Когда предложеніе было отвергнуто, Селимъ двинулся на Туманъ-бега со всѣми своими силами. Дѣло приняло для египетскаго султана невыгодный оборотъ, потому что войско его состояло уже не изъ черкесовъ, а изъ бедуиновъ. Оно разбѣжалось, и онъ былъ принужденъ искать спасенія у араба Гассанъ-Мера, многимъ обязаннаго ему. Гассанъ указалъ ему пещеру, гдѣ онъ могъ скрываться, но потомъ продалъ его непріятелю. Селимъ обходился спачала съ плѣннымъ султаномъ хорошо; но вскорѣ велѣлъ повѣсить его на воротахъ Сувеилы. Египетъ былъ присоединенъ къ турецкой имперіи. Селимъ прожилъ въ немъ до іюня 1517 г. и, уѣзжая, поручилъ управленіе бывшему мамелюкскому намѣстнику въ Галебѣ, Каиръ-бегу, который измѣною доставилъ ему первую побѣду надъ мамелюками. Поэтому Селимъ взялъ въ заложники его женъ и дѣтей, которыя были отосланы въ Филиппополь.

На обратномъ пути Селима въ Сирію великій визирь Юнисъ-паша рѣшился высказать ему правду въ рѣзкихъ выраженіяхъ, что совершенно непонятно при извѣстномъ характерѣ султана. Когда на границѣ Сиріи Селимъ праздновалъ свой египетскій походъ, великій визирь, ѣхавшій съ нимъ рядомъ, сказалъ: «Гдѣ плоды этихъ страшныхъ лишеній и трудовъ? половина войска погибла въ пустыняхъ и сраженіяхъ, и Египетъ отданъ въ руки измѣнника?». За это султанъ велѣлъ немедленно отрубить визирю голову. Такимъ же образомъ поступилъ онъ съ шестью преемниками его. Тѣмъ не менѣе большая часть ученыхъ превозносили его какъ великаго правителя, потому что Селимъ покровительствовалъ уче-

нымъ и стихотворцамъ и самъ писалъ стихи. Впрочемъ онъ организовалъ свои завоеванія съ тѣмъ же умомъ и тою же проницательностію, какъ Наполеонъ I, и подобно ему умѣлъ выбирать способныхъ людей. Кромѣ того онъ былъ защитникомъ монаховъ, даже христіанскихъ съ горы Синая, и во время египетскаго похода преклонялъ колѣна и молился во всѣхъ священныхъ мѣстахъ. Онъ любилъ пышность, роскошь и изящную прозу и стихи. Его называли величайшимъ государемъ въ мірѣ, хотя это былъ извергъ, какъ чума истреблявшій человѣчество и налагавшій на него цѣпи, чудовище, уничтожившее сотни тысячъ людей. Но, по мнѣнію историковъ, подобныхъ поклонникамъ Наполеона, т. е. такихъ, которые не понимаютъ истиннаго благородства души, правды и любви, это былъ геніальный, великій человѣкъ, творческій, царственный геній.

Селимъ пробылъ въ Дамаскѣ съ октября 1517 до марта 1518 г. Онъ привелъ въ порядокъ провинціи, завоеванныя имъ въ послѣдніе годы, и затѣмъ отправился въ Алеппо, гдѣ провелъ два мѣсяца. Столько же времени пробылъ онъ на пути въ Константинополь, куда пріѣхалъ въ концѣ іюля. Оттуда онъ немедленно отправился въ свою резиденцію, Адріанополь, но чума заставила его вскорѣ возвратиться въ Константинополь. Въ послѣдніе четыре года его жизни главною заботою его было создать флотъ, столь же грозный, какъ и армія его. Флотъ назначался преимущественно противъ Родоса и Кипра, а можетъ быть также противъ Венеціи. Селимъ не начиналъ войны съ республикой, пока видѣлъ превосходство ея морскихъ силъ. Венеція дѣлала все, чтобы добиться отъ султана подтвержденія мира. Посланники республики сопровождали султана въ его походахъ и наблюдали за нимъ; поэтому донесенія ихъ составляютъ хорошій источникъ для исторіи царствованія Селима. Когда султанъ потребовалъ уплаты 8,000 дукатовъ, которые Венеція обязалась платить мамелюкамъ за Кипръ, венеціанцы не только согласились на это, но даже заплатили султану недоплаченную часть прошлогодняго взноса. Черноморскій флотъ занималъ султана особенно въ 1514 г., во время его пребыванія въ Амазіи. Крымскій ханъ получилъ отъ него грамату и субсидіи. Султанъ говорилъ, что боится татаръ больше, чѣмъ персовъ, потому что они переплываютъ на своихъ коняхъ рѣки и не употребляютъ ни мостовъ, ни гвоздей, ни подковъ. Адмиралъ его, которому онъ велѣлъ явиться съ флотомъ въ Александрію, убѣждалъ его начать походъ противъ Родоса, но султанъ еще не кончилъ приготовленій и наказалъ адмирала за совѣтъ также строго, какъ визирей. Селимъ ясно видѣлъ трудности и продолжительность подобнаго предпріятія; онъ доказалъ своимъ министрамъ, которые думали, что средствъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, достаточно для этого похода, что необходимо имѣть по меньшей мѣрѣ вдвое болѣе силъ, чтобы не потерпѣть подъ Родосомъ позорной неудачи, подобно Мухаммеду II. Дерзкое поведеніе турецкаго адмирала относительно гроссмейстера іерусалимскаго ордена доказываетъ, какими ужасными врагами христіанъ и цивилизаціи были турки того времени. Въ письмахъ турецкаго адмирала къ гроссмейстеру, сохраненныхъ венеціанскимъ лѣтописцемъ Марино и Тануто, паша называетъ гроссмейстера «паршивымъ псомъ, собачьимъ сыномъ изъ семейства адской собаки». Походъ на Родосъ не состоялся, потому что Селимъ умеръ 22 сентября 1520 г. на пути изъ Константинополя въ Адріанополь, а его кровожадный и по звѣрству похожій на него сынъ и наслѣдникъ, Солиманъ II, направилъ свой первый походъ противъ Венгріи.

3. Венгрія и Богемія до смерти Селима I.

Мы уже разсказали исторію Богеміи и Венгріи до смерти императора Максимиліана I. Теперь мы вкратцѣ повторимъ главные факты ея. Сынъ польскаго короля Казиміра II, Владиславъ, сталъ по смерти Георгія Подѣбрада, въ 1471 г., королемъ богемскимъ, подъ именемъ В л а д и с л а в а V, а въ 1490 г., по смерти Матфія Корвина, королемъ венгерскимъ, подъ именемъ В л а д и с л а в а VII. Онъ обѣщалъ императору Максимиліану оставить ему въ наслѣдство оба эти государства, но договоръ этотъ былъ признанъ венграми и чехами не ранѣе 1515 г. (стр. 266 и 362). Владиславъ обручилъ своего сына Лудовика съ Маріей, сестрой

Карла V и Фердинанда I, и бракъ этотъ состоялся по достиженіи принцемъ совершеннолѣтія. Фердинандъ же обручился съ сестрою Лудовика, Елисаветою, которая въ то время была еще ребенкомъ и по смерти своей матери, французской принцессы, была названа отцомъ по имени ея—Анной. Фердинандъ былъ назначенъ наслѣдникомъ Лудовика въ случаѣ его бездѣтной смерти.

Владиславъ не имѣлъ дѣйствительной власти ни въ Богеміи, ни въ Венгріи, гдѣ по большей части жилъ. Прозваніе «Добрый» (Dobrze), данное ему чехами, выражаетъ достаточно, что онъ не могъ быть способнымъ правителемъ славянъ, мадьяръ, чеклеровъ и кроатовъ того времени. Онъ пользовался лишь призракомъ власти, потому что въ Венгріи правили магнаты, а въ Богеміи дворянство и рыцарство. Въ Богеміи, гдѣ Владиславъ не былъ ни разу въ теченіе 7 лѣтъ, въ девяностыхъ годахъ XV столѣтія господствовала совершенная анархія. Утраквисты дотого не довѣряли королю, что принудили его отказаться отъ намѣренія пригласить въ Прагу двухъ итальянцевъ, знаменитыхъ своими классическими познаніями, такъ какъ утраквисты боялись всего, что шло изъ Рима. Поэтому сынъ короля, Лудовикъ, котораго эти ученые должны были воспитывать въ Прагѣ, остался въ Венгріи. Въ его царствованіе волненія въ Богеміи стали еще сильнѣе, потому что въ Прагу прибылъ Томасъ Мюнцеръ и пробудилъ забытое ученіе таборитовъ и оребитовъ; съ другой стороны чехи, учившіеся въ Виттенбергѣ, распространяли на родинѣ ученіе Лютера. Кромѣ того рыцарство находилось въ полномъ раздорѣ съ городами; оно захватило въ свои руки всѣ гражданскіе промыслы и производило ихъ въ своихъ владѣніяхъ. Въ Венгріи магнаты были богаты, тогда какъ король былъ бѣденъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Стефанъ Заполій, кичились своимъ богатствомъ и давали королю милостыню. Такъ напримѣръ, при свиданіи Владислава съ своимъ братомъ, королемъ польскимъ, въ 1494, въ Лейчау, онъ, нуждаясь въ большихъ деньгахъ, долженъ былъ принять отъ Стефана Заполія деньги и съѣстные припасы и простить магнату его надменность. Во время пребыванія въ Лейчау, Заполій не носилъ платья дешевле 3,000 дукатовъ и, когда однажды одинъ полякъ явился весь покрытый жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, Заполій украсилъ себя алмазомъ, который величиной и блескомъ превосходилъ все, доселѣ виданное.

Венгріей управляли прелаты и дворяне-помѣщики, имѣвшіе въ своихъ рукахъ судебную власть; поэтому подати, взимаемыя съ народа въ пользу короля и государства, рѣдко попадали въ государственную казну. По свидѣтельству ученѣйшаго историка Венгріи (Энгеля), между прелатами и баронами существовало соревнованіе относительно того, кто лучше съумѣетъ воспользоваться слабымъ королемъ для обогащенія и возвышенія своей фамиліи. Венгры, а особенно кроаты и трансильванцы, возвратились къ грубости своего первобытнаго состоянія. Венгерскіе магнаты соперничали съ турецкимъ султаномъ и съ знаменитымъ Владомъ валахскимъ (стр. 475) въ изобрѣтеніи мученій для плѣнниковъ. Венгры и кроаты хотѣли мстить туркамъ, которые во время своихъ набѣговъ свирѣпствовали какъ дикіе звѣри; они хотѣли устрашить ихъ, но вмѣсто того только болѣе озлобили. Поэтому жестокости были безконечны. Мы бы утомили читателя, входя въ подробности злодѣйствъ, совершавшихся турками и венграми; достаточно нѣсколькихъ примѣровъ. Когда въ 1492 г. происходило большое собраніе по случаю выбора палатина, братъ бана Черенія привезъ съ собой двѣ повозки, наполненныя головами турецкихъ плѣнныхъ, и собраніе съ ужасомъ смотрѣло на это зрѣлище. Затѣмъ турки опустошили Далмацію, Албанію и области по Дравѣ, гдѣ звѣрствовали, какъ каннибалы, но мадьяръ Кинисъ, предводительствуя такъ называемымъ чернымъ отрядомъ, выручилъ осажденный ими замокъ Черенiй и перещеголялъ ихъ въ звѣрствѣ. Онъ велѣлъ жарить плѣнныхъ, привязывалъ ихъ къ мельничнымъ колесамъ; сдиралъ съ живыхъ кожу и бросалъ голоднымъ свиньямъ. Черный отрядъ, состоявшій изъ чеховъ, поступалъ впослѣдствіи съ мадьярами точно также, какъ съ турками; наконецъ самъ Кинисъ долженъ былъ, по повелѣнію короля, перебить нѣсколько сотъ своихъ солдатъ, а остальныхъ прогнать. Въ слѣдующемъ году болѣе 10,000 турокъ, вторгнувшихся въ Трансильванію подъ предводительствомъ Алибека, были безъ всякой пощады истреблены различными способами. Когда вслѣдъ затѣмъ (въ сентябрѣ 1493 г.) венгры проиграли сраженіе при Удинѣ, въ которомъ палъ Іоаннъ Франгипани, а Николай Франгипани по-

пался въ плѣнъ, турки обрѣзали у убитыхъ носы и послали ихъ въ Константинополь; плѣнному же полководцу поднесли на блюдѣ отрубленныя головы его брата и сына. Послѣ того король просилъ папу устроить большой крестовый походъ; разная сволочь отовсюду устремилась въ Венгрію, вслѣдствіе чего страна пострадала отъ этихъ ужасныхъ крестоносцевъ столько же, какъ и отъ турокъ.

Этихъ фактовъ достаточно, чтобы показать, какое вліяніе на цивилизацію венгровъ и на развитіе земледѣлія въ Венгріи могли имѣть безпрестанные набѣги турокъ и венгровъ, предпринимаемые изъ взаимной мести. Это было одною изъ многихъ причинъ одичанія страны. Вѣчныя внутреннія распри и войны магнатовъ, бароновъ и прелатовъ, разграбленіе государственной казны хитрыми и сильными вельможами и безразсудная раздача государственныхъ имуществъ довели мадьяровъ временъ Владислава VII до нравственнаго уровня турокъ, которымъ они не уступали въ дикой отвагѣ. Въ правленіе слабаго Владислава первую роль въ государствѣ играли сначала Стефанъ Заполій, потомъ Іоаннъ Заполій и наконецъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ, Стефанъ Баторій. Крестьянская война, свирѣпствовавшая въ Венгріи въ одно время съ Бѣднымъ Конрадомъ въ Швабіи и съ возстаніемъ Башмака въ Франконіи, дала поводъ къ еще болѣе возмутительнымъ жестокостямъ и сдѣлала участь крестьянъ еще болѣе невыносимою, чѣмъ въ Германіи. По подавленіи этого возстанія офенскій сеймъ постановилъ 17 октября 1514 г. слѣдующее рѣшеніе: «Крестьяне, бывшіе доселѣ свободными, обращаются въ крѣпостныхъ и теряютъ право свободнаго перехода; кромѣ прежнихъ налоговъ они будутъ платить новые; кромѣ того никто изъ нихъ не можетъ носить оружія, подъ страхомъ потери правой руки, и впредь не можетъ достигать высшихъ духовныхъ должностей.»

По смерти Владислава, 13 марта 1516 г., на престолъ вступилъ юный сынъ его, Людовикъ II. Народъ былъ въ то время совершенно угнетенъ, дворяне превратились въ нищихъ холоповъ магнатовъ, которые кормили ихъ и употребляли для своихъ цѣлей. Правленіе страной находилось исключительно въ рукахъ духовенства и могущественныхъ бароновъ, избранныхъ въ правители; король же и его воспитаніе были предоставлены одному принцу, который, какъ доказываютъ его письма, былъ веселый и добродушный человѣкъ, не имѣвшій другаго понятія о своей власти, кромѣ того, что она даетъ возможность весело и хорошо жить. Принцъ этотъ былъ маркграфъ Георгъ Бранденбургъ-Ансбахскій, сынъ сестры Владислава; женитьбой на вдовѣ Іоанна Корвина (1508 г.) онъ получилъ въ Венгріи значительныя имѣнія. Владиславъ въ завѣщаніи своемъ поручилъ опеку надъ сыномъ маркграфу и нѣкоторымъ другимъ знатнымъ лицамъ, подъ главнымъ надзоромъ короля Сигизмунда польскаго и императора Максимиліана; но венгерскій сеймъ постановилъ, чтобы король, который уже былъ коронованъ, самостоятельно завѣдывалъ всѣми государственными дѣлами при помощи венгерскаго государственнаго совѣта, а маркграфу, какъ родственнику короля, была предоставлена роль собесѣдника и званіе обергофмейстера короля. Въ Богеміи, Силезіи и Моравіи правленіе было также ввѣрено тѣмъ же путемъ дворянству, присвоившему себѣ государственныя имущества и права.

Молодой король былъ слабаго сложенія, слѣдовательно его нельзя было обременять занятіями. Это было какъ нельзя болѣе кстати для маркграфа, который только и помышлялъ объ увеселеніяхъ, праздникахъ, турнирахъ и парадахъ, и сожалѣлъ о бѣдности короля лишь потому, что нельзя устроивать столько праздниковъ, охотъ, пировъ и т. п., сколько ему хотѣлось. Самъ маркграфъ держалъ при дворѣ 60 рейтаровъ и снабжалъ виномъ королевскій столъ на свой счетъ. Письма этого воспитателя, которому впослѣдствіи пришлось бороться съ могущественной аристократіей чеховъ и венгровъ и противиться такому полководцу и деспоту, какъ Солиманъ, даютъ понятіе о воззрѣніи его на жизнь. Маркграфъ, любившій болѣе всего на свѣтѣ танцы, щегольство и верховую ѣзду, писалъ между прочимъ въ 1518 г.: «Хотя дворъ короля находится въ большой бѣдности, но мнѣ удалось таки устроить хорошій карнавалъ, чтобы господа знали, что дворъ короля еще не вымеръ. Во первыхъ Штибицъ и Цеттерицъ въ набедренникахъ сломали шесть копій. Потомъ я и Крабатъ скакали въ перегонку; Крабатъ былъ чортомъ, а я дикаремъ, и скакали мы, пока чортъ не слетѣлъ съ коня и шлепнулся лицомъ на земь; король также довольно поѣздилъ, при чемъ

были всѣ городскія дамы и много народа. Потомъ король и другіе господа танцовали, а я явился съ восемью стами масками, всѣ въ короткихъ плащахъ и т. д.» При этомъ веселомъ нѣмецкомъ маркграфѣ состоялъ венгерскій менторъ Борнемисса, дуракъ и трусъ; что же могло выйти путнаго изъ короля? Іоаннъ Заполій завладѣлъ всею властью; послѣдніе королевскіе замки были заложены за незначительныя суммы магнатамъ, управлявшимъ страной. Господа эти роскошествовали, а молодой король часто нуждался въ необходимомъ.

Для Венгріи было въ то время большимъ счастьемъ, что Селимъ I былъ такъ занятъ въ Персіи и Египтѣ, вслѣдствіе чего время отъ времени возобновлялъ миръ, хотя ни турецкіе паши, ни венгерскіе магнаты не прекращали набѣговъ для грабежей и убійствъ. Въ первые годы своего царствованія молодой король ни разу не былъ въ Богеміи. Прибывъ наконецъ туда, онъ нашелъ и тамъ всѣ королевскія имѣнія въ рукахъ дворянства, съ которымъ поэтому поссорился, вслѣдствіе чего оказывалъ необычайное покровительство гражданамъ. Крестьяне были сначала встревожены Томасомъ Мюнцеромъ; потомъ ученики Лютера основали лютеранскія общины, такъ что въ странѣ было шесть христіанскихъ сектъ, которыя враждовали и преслѣдовали другъ друга. Среди этого неописаннаго политическаго и религіознаго хаоса, господствовавшаго въ Венгріи и Богеміи, произошло страшное нашествіе на эти государства турокъ при султанѣ Солиманѣ II.

4. Солиманъ II, Венгрія и Богемія до 1532 года.

Солиманъ II, котораго французы имѣютъ обыкновеніе называть Великимъ или Великолѣпнымъ, вступилъ въ управленіе въ октябрѣ 1520 г. При этомъ онъ наградилъ свои войска обычной прибавкой жалованья и денежными подарками, которые увеличивались при каждой перемѣнѣ царствованія. Селимъ I далъ янычарамъ только по 50 дукатовъ, а Солиманъ долженъ былъ заплатить по 83 дук. Подавивъ возстаніе въ Азіи, новый султанъ отправилъ посла въ Венгрію съ требованіемъ дани. Это случилось почти единовременно съ бракосочетаніемъ Фердинанда I съ сестрой короля Лудовика въ маѣ 1521 г. Свадьба же Лудовика была отложена по случаю турецкой войны. Военныя дѣйствія противъ Венгріи открылъ, по приказанію султана, паша Семендріи. Въ то же время турки начали осаду городовъ Шабача и Бѣлграда. Небольшой венгерскій отрядъ геройски защищалъ Шабачъ и заслужилъ себѣ безсмертную славу; но, не смотря на это, городъ былъ взятъ, а въ Бѣлградѣ держалась только верхняя часть города; въ это время венгерскій король выступилъ изъ Офена. Гарнизонъ Бѣлграда также храбро держался, но былъ преданъ. Ни Фердинандъ, ни поляки, ни чехи не прислали обѣщанной помощи; воевода трансильванскій опоздалъ; палатинъ отправился назадъ въ Тольну; сербы затѣяли вздорную религіозную распрю съ латинскими христіанами. Между тѣмъ, венгерскій король возбудилъ ярость грознаго султана тѣмъ, что поступилъ съ его посланникомъ, какъ съ шпіономъ, приказавъ утопить его въ Тотисѣ. Укрѣпленія Бѣлграда были наконецъ проданы туркамъ Францомъ Гедерварой и Валентиномъ Тёрёкомъ; такимъ образомъ оплотъ христіанства попалъ во власть Солимана. Бѣлградскій гарнизонъ отбилъ двадцать приступовъ, прежде чѣмъ рѣшился на сдачу, послѣдовавшую 20 августа 1521 г.; турки по своему обычаю перерѣзали плѣнныхъ, не смотря на капитуляцію. Но они позволили благочестивымъ сербскимъ монахамъ удалиться изъ города, захвативъ съ собою кости св. Пятницы. Послѣ паденія Бѣлграда были покорены и другія укрѣпленныя мѣста и заселены мусульманами. Самъ Солиманъ возвратился въ Константинополь.

Задорное венгерское дворянство тотчасъ по уходѣ турокъ начало безстыдно стараться избавиться отъ военной службы. Съ этою цѣлью венгерскій сеймъ прибѣгнулъ къ чрезвычайнымъ налогамъ на всѣ промыслы, стѣсняя промышленность, чтобы пріобрѣсти средства для найма солдатъ. Олигархія, анархически господствовавшая въ Венгріи, проложила такимъ образомъ еще въ 1521 и 1522 путь Солиману въ Германію. Ни Венгрія, ни Богемія, ни германская имперія не могли

воспользоваться уходомъ Солимана, который, вмѣсто того чтобы продолжать свои побѣды на Дунаѣ, обратился противъ Родоса, ко взятію котораго такъ долго готовился его отецъ. Въ Германіи и въ Богеміи, равно какъ и въ Венгріи, господствовало правленіе, повидимому монархическое, а въ сущности олигархическое; вдобавокъ къ политической неурядицѣ присоединялись религіозные споры. По удаленіи Солимана венгерскіе чины убѣдили своего короля поспѣшить въ Богемію, гдѣ онъ послѣ Рождества 1522 г. женился на сестрѣ Фердинанда I, Маріи. Изъ большихъ денежныхъ суммъ, собранныхъ въ то время, въ государственную казну не попало почти ничего. Кромѣ того Лудовикъ предъ отъѣздомъ своимъ дотого оскорбилъ трансильванскаго воеводу Іоанна Заполія предпочтеніемъ, оказаннымъ палатину Стефану Баторію, что воевода отправился въ Трансильванію и препятствовалъ всѣмъ предпріятіямъ Баторія.

На второй годъ своего царствованія Солиманъ двинулся противъ рыцарей св. Іоанна, бывшихъ ядромъ европейскаго рыцарства; Родосъ считался тогда оплотомъ всего христіанства. При этомъ Солиманъ потерпѣлъ бы неудачу, если бы, подобно Мухаммеду II подъ Константинополемъ и Селиму I въ Египтѣ, не нашелъ людей, которые, какъ Іуда Искаріотскій, продали за сребренники кровь благородныхъ героевъ. Въ то время во всѣхъ странахъ были люди, которые служили за деньги даже туркамъ; таковыми были въ Родосѣ: еврей, лейбъ-медикъ великаго магистра, и великій канцлеръ ордена, португалецъ Андресъ де Мерайль, обыкновенно называемый Амиралемъ.

Миръ султана съ Венеціей, которая одна обладала въ то время значительнымъ флотомъ, лишилъ рыцарей помощи съ моря. Война, которую вели въ Италіи Францискъ I, Карлъ V и ихъ союзники, не позволяла испанскимъ, французскимъ и итальянскимъ рыцарямъ принять участіе въ защитѣ Родоса. Нѣмецкіе рыцари были слишкомъ заняты крестьянами и реформаціей, чтобы имѣть возможность отправиться противъ турокъ. Наконецъ деньги, которыя въ теченіе столѣтія папы вымогали подъ предлогомъ турецкой войны, были истрачены Львомъ X и Юліемъ II на искусства, на удивительныя сооруженія и на другія подобныя дѣла; даже самые религіозные люди не хотѣли болѣе давать денегъ къ руки папы, котораго Лютеръ въ одной церковной пѣсни поставилъ на одну доску съ турками *). Среди столь неблагопріятныхъ для рыцарей обстоятельствъ предъ Родосомъ явился 18 іюня 1522 г. флотъ Солимана, состоявшій изъ 300 парусныхъ судовъ съ 10,000 человѣкъ войска подъ предводительствомъ сераскира Мустафы-паши. Самъ же Солиманъ шелъ съ 100 тысячною арміею по малоазіатскому берегу къ мѣсту, ближайшему отъ острова, откуда велѣлъ перевезти свои войска на Родосъ. 28 іюля началась осада Родоса. Сто орудій бомбардировали городъ, и многіе изъ нихъ бросали каменныя ядра такого громаднаго размѣра, что разсказы о величинѣ ихъ можно бы было считать преувеличенными, еслибы до сихъ поръ не находили многихъ изъ нихъ въ развалинахъ города. Эта осада принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ событіямъ XVI столѣтія; но наша цѣль не позволяетъ намъ входить въ ея подробности.

Турки въ теченіе всего августа приготовлялись къ приступу, а гроссмейстеръ ордена Вильеръ де Лиль-Адамъ готовился къ отраженію его. Ему помогалъ венеціанскій инженеръ Габріель Мартиненго. Онъ далеко превосходилъ турецкихъ инженеровъ. До 16 сентября было отбито три приступа, и бреши вновь задѣланы. Предатель еврей былъ пойманъ въ то самое мгновеніе, когда собирался пустить на стрѣлѣ письмо въ турецкій лагерь, и четвертованъ. 24 сентября была сдѣлана новая генеральная аттака, при чемъ турки потеряли 15,000 человѣкъ. Послѣ того султанъ смѣнилъ своего адмирала и послалъ Мустафу-пашу намѣстникомъ въ Египетъ. Въ октябрѣ и ноябрѣ сдѣланы были съ огромной потерей людей еще четыре приступа. 10 декабря султанъ, потерявшій 100,000 человѣкъ, чего мы впрочемъ не утверждаемъ, еще разъ предложилъ капитуляцію; но рыцари рѣшились умереть на развалинахъ Родоса. Они защищались, пока имѣли порохъ, и согласились на сдачу (25 декабря), только когда весь истратили. Со-

---

*) Erhalt'uns, Herr, bei deinem Wort, und steur'des Pabsts und der Türken Mord. (Дай намъ, Боже, сохранить твое слово и спаси насъ отъ папы и турокъ).

лиманъ на этотъ разъ старался выполнить капитуляцію по крайней мѣрѣ въ главныхъ пунктахъ; дряхлый гроссмейстеръ и рыцари были посажены 1 января 1523 г. на корабль и отправлены въ Италію. Остальные восемь острововъ, принадлежавшіе рыцарямъ, кромѣ Родоса, были сданы туркамъ, равно какъ и укрѣпленіе Петреонъ, выстроенное однимъ нѣмецкимъ рыцаремъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности стоялъ Мавзолей. 29 января 1523 г. султанъ отправился назадъ въ Константинополь.

Венгры, видя, что турки заняты цѣлый 1522 годъ осадою Родоса, перестали платить имъ деньги, лежавшія въ государственной казнѣ; когда палатинъ хотѣлъ побудить къ платежу дворянъ и духовенство, возникли безконечныя распри. Для Венгріи было счастіемъ, что въ 1523 и 1524 годахъ султану нѣкогда было думать о ней, потому что у него было много дѣла въ другихъ частяхъ своей имперіи, особенно въ Египтѣ и въ Крыму, гдѣ онъ смѣнилъ одного хана и на мѣсто его возвелъ другаго. Въ Венгріи по прежнему господствовала анархія. Королю было обѣщано прислать 4000 нѣмцевъ; но если бы даже онъ имѣлъ деньги на уплату имъ жалованья и содержаніе, то изъ этого не вышло бы толку. Впрочемъ турецкій султанъ былъ занятъ тогда гораздо болѣе своими янычарами, чѣмъ внѣшними врагами. Янычары постоянно бунтовали и время отъ времени вымогали у него въ видѣ подарковъ сотни тысячъ дукатовъ. Онъ нарочно не заключалъ мира ни съ персами, ни съ венграми, чтобы въ крайнемъ случаѣ занять своихъ солдатъ побѣдами надъ еретиками и невѣрными и добываніемъ добычи. Въ Персіи основатель династіи Софи, Измаилъ, умеръ. Его преемникъ, Тамаспъ, вступилъ въ союзъ съ Лудовикомъ венгерскимъ и съ императоромъ Карломъ V, такъ какъ Солиманъ написалъ ему письмо, такъ хорошо характеризующее нравы османовъ, что мы сообщимъ начало его. «Если бы—писалъ султанъ—въ твоей натурѣ, извращенной ересью, была хоть капля чести и рвенія, то ты давно уже долженъ бы былъ погибнуть. Но мы изъ милости щадимъ и даримъ тебѣ жизнь изъ-подъ нашей сабли. Отчего же ты не посылаешь никого къ нашему двору, гдѣ міръ находитъ себѣ прибѣжище и который возносится къ самому небу. Твой представитель долженъ преклониться передъ нами и засвидѣтельствовать намъ твою покорность».

На этотъ разъ (1525) султанъ направилъ свое оружіе противъ Венгріи, и отмстилъ новому персидскому шаху, не извѣстившему его о своемъ восшествіи на престолъ, приказавъ изрубить сотни персидскихъ плѣнныхъ. Еще осенью 1524 г. турки взяли венгерскій пограничный замокъ, Черенії. Въ концѣ года въ Венгріи было получено извѣстіе, что турки угрожаютъ Молдавіи и что паша бѣлградскій готовится перейти Саву. Солиманъ, желая двинуться въ Венгрію, положилъ конецъ войнѣ и жестокостямъ своихъ пашей въ Молдавіи и Валахіи. Тамошнихъ государей, которымъ помогалъ Іоаннъ Заполій трансильванскій, султанъ призналъ своими вассалами и удовольствовался со стороны крымскаго хана признаніемъ его верховной власти. Онъ заключилъ на шесть лѣтъ миръ съ Польшей и окончилъ несогласіе съ Рагузой, заставивъ республику заплатить ему деньги. Въ Венгріи же никто не предпринималъ ничего для защиты противъ угрожающей опасности. Магнаты находились въ постоянной ссорѣ между собой и шумѣли противъ Фуггеровъ, которые давали небольшія суммы королю Лудовику и императору Карлу V, за что получили въ выгодную аренду горные промыслы въ Америкѣ, Испаніи, Тиролѣ, Венгріи и сосѣднихъ земляхъ. Весь май 1525 г. король Лудовикъ ссорился съ сеймомъ, собравшимся въ полѣ подъ Ракосомъ; сеймъ не далъ ему ни денегъ, ни войска. Распря кончилась протоколомъ сейма отъ 12 іюля; содержаніе его показываетъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, что венгерское государство не могло противиться такому войску, какимъ было тогда турецкое. Было постановлено, что дворянство не выступитъ на войну, а выставитъ за себя пеструю толпу наемниковъ, причемъ богатые землевладѣльцы поставятъ по 50 рейтаровъ и будутъ содержать ихъ, а остальное дворянство дастъ денегъ. На эти деньги каждый комитатъ наберетъ солдатъ, изберетъ капитана и будетъ платить ему жалованье. Наконецъ духовныя десятины пойдутъ на содержаніе наемниковъ. Въ началѣ 1526 г. въ Венгрію бѣжалъ христіанинъ Фергатъ, служившій секретаремъ у визиря. Онъ привезъ достовѣрное извѣстіе, что Солиманъ рѣшился переправиться черезъ Саву и Драву и идти прямо на

Офенъ. Но даже и тутъ венгры ограничились тѣмъ, что созвали сеймъ къ 24 апрѣля 1526.

Наканунѣ этого дня Солиманъ выступилъ изъ Константинополя съ 100 тысячною арміею и 300 орудіями. Походъ его до Бѣлграда продолжался три мѣсяца. 27 іюля послѣ десятидневной осады и трехъ приступовъ палъ Петервардейнъ. Затѣмъ турки въ пять дней построили черезъ Драву у Эссека мостъ, который былъ разрушенъ послѣ перехода арміи. Эссекъ былъ сожженъ. Турки нигдѣ не встрѣчали сопротивленія, потому что венгерское дворянство съ 24 апрѣля и до іюня ссорилось съ своимъ королемъ или, вѣрнѣе, съ его женой. Она распоряжалась за короля, зачеркивала слишкомъ наглыя предложенія депутатовъ и однажды написала на ихъ представленіи: «король—государь страны». Самъ же король спалъ почти до полудня, потомъ засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ присутствующіе ссорились между собой. Однажды архіепископъ Шалкай вцѣпился въ бороду Франгипани, который отплатилъ ему пощечиной. Еще 19 іюня передъ Офеномъ не было готово ни одного корабля, ни одной пушки. Палатинъ, обязанный защищать Эссекъ, извинялся непослушаніемъ своихъ войскъ, а между тѣмъ стянулъ изъ королевскаго казначейства свое жалованье; епископъ эрлаусскій, не обращая ни на что вниманія, въ минуту величайшей важности предъявлялъ старыя, забытыя требованія. Королевская казна была совершенно пуста. Папскому легату пришлось дать впередъ деньги на отправленіе курьеровъ. Не смотря на все это, король хранилъ обычное равнодушіе. Когда 19 іюня въ знакъ величайшей опасности носили ко всѣмъ дворянамъ окровавленную саблю, король забавлялся каруселью, а 24 іюня хлопоталъ о торжествѣ бракосочетанія одного придворнаго чиновника.

Одинъ Георгій Заполій выказалъ готовность принести жертву отечеству; когда король стоялъ подъ лагеремъ Тольной съ 4,000 человѣкъ, онъ явился къ нему съ 1,200 всадниковъ; въ то же время одинъ полякъ привелъ 1,500. Іоаннъ Заполій также шелъ изъ Трансильваніи съ значительнымъ войскомъ. Такъ какъ ополченцы стекались уже со всѣхъ сторонъ, то королю совѣтовали не вступать въ битву съ турками, не дождавшись Іоанна Заполія. Между тѣмъ турки шли впередъ по топямъ и болотамъ и наконецъ въ дождливую, туманную погоду подошли къ острову на западной сторонѣ Дуная, противъ Могача. Эта равнина и болота были выгодны туркамъ и неблагопріятствовали венграмъ, которые стояли здѣсь съ 14 августа въ числѣ 20,000 человѣкъ. Хотя въ то же время къ нимъ подошло еще около 5,000 человѣкъ, но всѣ видѣли, что безразсудно нападать на турокъ съ столь слабыми силами, имѣя только 80 пушекъ. Король, согласившись съ мнѣніемъ благоразумныхъ людей, хотѣлъ избѣгать сраженія до прибытія Іоанна Заполія, который уже достигъ Шегедина и спѣшилъ впередъ съ своей кавалеріей. Но палатинъ, поддерживаемый всѣми врагами Заполія, требовалъ немедленной аттаки; мнѣніе его одержало верхъ, и 28 августа было рѣшено начать сраженіе. На слѣдующій день венгры начали несчастную битву при Могачѣ, не устроивъ вагенбурга, не занявъ холмовъ, которые прикрывали фронтъ турецкой арміи и даже не производя рекогносцировку. Рано утромъ 29 августа 1526 г. венгры двинулись противъ турокъ. Турки начали отступать, пока противники ихъ по неосторожности не ушли слишкомъ впередъ; тогда турки окружили ихъ. Участь сраженія была рѣшена въ полтора часа. Все венгерское войско было уничтожено. Въ числѣ убитыхъ находился Георгій Заполій, тогда какъ виновники пораженія—палатинъ и банъ Батіаній спаслись. Король сперва спасся; но лошадь его опрокинула его въ болото, гдѣ онъ и его спутникъ, Клапка, были убиты. Трупъ его былъ найденъ уже по уходѣ турокъ.

Послѣ побѣды турки свирѣпствовали, какъ каннибалы. Они, ради удовольствія, убивали плѣнныхъ и строили пирамиды изъ головъ. Они не обращали вниманія ни на капитуляцію, ни на какія бы то ни было условія. Весьма вѣроятно, что число убитыхъ и обращенныхъ въ рабство простиралось до 200 тыс. человѣкъ. Кромѣ того турки выжигали деревни и города; Фюнфкирхенъ былъ сожженъ по приказанію Солимана, а Офенъ безъ всякаго приказанія. Чехи выступили въ походъ подъ предводительствомъ Адама Нейгауза и Георга бранденбургскаго, но, дойдя до Рааба, вернулись назадъ; тогда турки проникли до Грана, убивая и грабя по пути. Въ Пестѣ султанъ созвалъ венгерскихъ магна-

товъ и объявилъ имъ, что охотно бы согласился на возведеніе Іоанна Заполія на венгерскій престолъ въ качествѣ турецкаго вассала. Выступивъ чрезъ двѣ недѣли изъ Офена, султанъ взялъ съ собой драгоцѣнную библіотеку рукописей, составленную Матфіемъ Корвинымъ. 24 сентября началось отступленіе турокъ по той же дорогѣ, которою они прошли. Въ Петервайденѣ турецкое войско переправилось по мосту, вновь сооруженному. Въ концѣ ноября султанъ уже былъ въ Константинополѣ, гдѣ въ теченіе 1527 и 1528 гг. его задерживали государственныя дѣла и безпокойства, возникшія въ Азіи.

Въ это время братъ Карла V, Фердинандъ I, былъ признанъ королемъ Венгріи и Богеміи. Въ 1526 году вниманіе Фердинанда было поглощено весьма опасной крестьянской войной, начавшейся въ Зальцбургѣ въ 1525 г., въ одно время съ крестьянскими войнами въ Швабіи, Франконіи и Тюрингіи, и распространившейся въ Австрію. Поэтому, по смерти короля Лудовика, онъ не могъ поддержать силой свое право на престолъ, пріобрѣтенное по брачному договору; по этой причинѣ онъ не оспаривалъ права чеховъ и венгровъ избирать себѣ короля, хотя, въ силу договора, имѣлъ нѣкоторое основаніе подвергнуть это право сомнѣнію. 1 октября 1526 г. богемскіе чины, т. е. дворянство и духовенство и города, приступили къ избранію короля. 24 числа восемь избирателей, назначенные чинами, провозгласили Фердинанда королемъ Богеміи. Наибольшее число голосовъ послѣ него имѣлъ одинъ изъ герцоговъ баварскихъ. Въ январѣ 1527 г. Фердинандъ отправился въ Богемію, а въ февралѣ былъ коронованъ богемской короной, хранящейся въ замкѣ Карльштейнѣ. Моравія и Силезія немедленно признали его.

Но венгры не чувствовали охоты ввѣрить правленіе нѣмецкому принцу, воспитанному въ Испаніи. Вся Венгрія раздѣлилась на два лагеря въ борьбѣ палатина Баторія съ воеводой Іоанномъ Заполіемъ, который, по смерти своего брата Георгія, владѣлъ въ одной только Венгріи 72 замками. Заполій собралъ войско, чтобы тревожить отступавшихъ турокъ, но потомъ перемѣнилъ намѣреніе и отошелъ къ Токаю. Сестра Фердинанда, вдовствующая королева венгерская, велѣла палатину созвать сеймъ въ Коморнъ; но Заполій и его приверженцы предупредили ихъ. Они собрали сеймъ въ Штульвейссенбургѣ, гдѣ 10 ноября 1526 г. Зополій былъ избранъ королемъ. Королева и Фердинандъ отправили посольство протестовать противъ избранія; но Заполій далъ посламъ аудіенцію уже послѣ своей коронаціи и сказалъ, что Фердинандъ будетъ считаться врагомъ Венгріи и подвергнется нападенію, если осмѣлится явиться въ Венгрію или будетъ пытаться созывать сеймъ и сѣять раздоры. Коморнскій сеймъ не состоялся, но вдовствующая королева созвала своихъ приверженцевъ въ Пресбургъ. Они признали избраніе Заполія недѣйствительнымъ и приказали всѣмъ присутствовавшимъ въ Штульвейссенбургѣ явиться въ теченіе сорока дней въ Пресбургъ. Тѣ, разумѣется, не явились, и пресбургское собраніе избрало Фердинанда королемъ и пригласило его немедленно прибыть въ Венгрію. Но понятно, что онъ не могъ иначе послѣдовать приглашенію, какъ во главѣ арміи.

На конгрессѣ въ Ольмюцѣ король польскій старался примирить Заполія съ Фердинандомъ, чтобы прекратить распри между христіанскими государствами, въ виду новаго нападенія турокъ; папа Клементъ VII, находившійся въ плѣну у Карла V, предалъ въ 1527 Заполія отлученію; но все было тщетно, и вопросъ о томъ, кому царствовать въ Венгріи, могло рѣшить только оружіе. Въ концѣ іюля 1527 Казиміръ Бранденбургъ-Ансбахскій и Никласъ фонъ Зальмъ двинулись противъ Тирнау и Тебена, а 3 августа Фердинандъ пошелъ противъ Альтенбурга съ саксонскими и брашвейгскими войсками, предводимыми графомъ Мансфельдомъ. Союзное нѣмецкое войско выгнало приверженцевъ Заполія изъ всѣхъ городовъ Венгріи. Христофоръ Франгипани былъ убитъ въ сраженіи, а Францъ Батіаній овладѣлъ Кроаціей. Въ то же время Никласъ фонъ Зальмъ одержалъ блистательную побѣду при Токаѣ. Послѣ того Фердинандъ собралъ въ Офенѣ большую часть дворянства и, приказавъ снова избрать себя, короновался въ Штульвейссенбургѣ.

Заполій не могъ удержаться въ Трансильваніи, потому что уполномоченные Фердинанда, Каспаръ Хорватъ и Рейхерспергеръ, взяли Германштатъ и подняли противъ него всю страну. Онъ бѣжалъ сначала въ имѣніе одного своего друга,

а потомъ въ Польшу. Здѣсь онъ нѣкоторое время скрывался въ Ченстоховскомъ монастырѣ, откуда разослалъ всюду пословъ искать союзниковъ. Полякъ Іеронимъ Лащій, палатинъ сѣрадзьскій, уже ѣздившій по его порученію въ Парижъ, былъ посланъ въ Константинополь. Въ Константинополѣ въ декабрѣ 1527 за Заполія хлопоталъ также венеціанскій агентъ, Гритти. Солиманъ показывалъ сперва видъ, что не желаетъ принимать участія въ Заполіѣ, хотя турки завоевали уже всѣ боснійскія крѣпости, заняли многіе далматскіе города и окончили всѣ приготовленія къ походу. Наконецъ, въ февралѣ 1528 Лащій заключилъ союзъ между Солиманомъ и Іоанномъ Заполіемъ или, какъ его звали турки, королемъ Янушемъ. Договоромъ этимъ турки обѣщали не только помочь королю пушками и боевыми снарядами, но и предпринять вторичный походъ въ Венгрію. Король Фердинандъ также отправилъ къ Солиману пословъ. Они дѣйствовали совершенно иначе, чѣмъ агентъ Заполія; хотя они и хлопотали о перемиріи или даже о мирѣ, но въ то же время требовали возвращенія 24 венгерскихъ городовъ, находившихся еще во власти турокъ. Отвѣтъ, данный великимъ визиремъ Ибрагимомъ 29 марта 1528 г. посланнику Фердинанда, показываетъ, какъ приняли турки это требованіе. «Какъ смѣетъ твой король называть себя могущественнѣйшимъ государемъ, въ присутствіи императора османовъ, подъ сѣнь и покровительство котораго предаютъ себя всѣ прочіе короли!» Пословъ продержали девять мѣсяцевъ взаперти, въ отведенной имъ квартирѣ, и отпустили не ранѣе 20 марта 1529 г. Передъ отъѣздомъ ихъ имъ сказали: «До сихъ поръ вашъ государь не испыталъ нашей дружбы и нашего сосѣдства, но теперь увидитъ, что это значитъ. Скажите ему, что султанъ самъ придетъ къ нему со всѣми своими силами, чтобы лично возвратить ему то, чего онъ требуетъ. Поэтому, пусть онъ приготовится принимать насъ!»

10 мая 1529 г. Солиманъ отправился изъ Константинополя въ Венгрію. Заполій также возвратился туда изъ Польши; его упрекали въ трусости и въ недостаткѣ военныхъ дарованій. 20 іюля Заполій представился при Могачѣ султану, который шелъ прямо на Офенъ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія. Такимъ образомъ Заполій не постыдился явиться на поклонъ къ султану въ то самое мѣсто, гдѣ погибли его предшественникъ и цвѣтъ его соотечественниковъ. По взятіи Офена, янычары ввели 14 сентября Заполія въ венгерскій королевскій замокъ.

Солиманъ немедленно пошелъ на Вѣну и осадилъ этотъ городъ въ то время, какъ Фердинандъ ожидалъ въ Линцѣ помощи отъ нѣмецкихъ государей. Защита Вѣны противъ турецкаго войска, состоявшаго изъ 250,000 человѣкъ, 300 орудій и сопровождаемаго сильнымъ флотомъ по Дунаю, составляетъ блестящую страницу въ нѣмецкой военной исторіи XVI столѣтія тѣмъ болѣе, что укрѣпленія города были слабы и осажденные имѣли всего 72 пушки. Описаніе этой защиты требуетъ спеціальнаго знанія военнаго дѣла; поэтому мы обойдемъ частности и скажемъ только, что городъ былъ хорошо снабженъ съѣстными припасами, что гарнизонъ состоялъ изъ 20,000 отборнаго войска и что граждане *соперничали въ героизмѣ съ имперскими и австрійскими солдатами*, чешскими стрѣлками, испанцами и венграми. Старшіе члены всѣхъ австрійскихъ рыцарскихъ фамилій, Шварценбергъ, Штарембергъ, Ауэрсбергъ, Лихтенштейнъ и др., рыцарски сражались при вылазкахъ и приступахъ; гарнизономъ командовали Филиппъ пфальцграфъ на Рейнѣ, герцогъ Баварскій и старый Никласъ фонъ Зальмъ. Турки сдѣлали въ стѣнѣ значительныя бреши и даже разрушили взрывомъ часть ея; но всѣ приступы ихъ были отбиты съ большимъ урономъ. 14 октября былъ послѣдній приступъ, также безуспѣшный. На другой день Солиманъ снялъ осаду и началъ отступленіе. При этомъ варвары обратили въ пустыню всю страну до Линца.

Послѣ того Фердинандъ тщетно осаждалъ Офенъ (Пресбургъ былъ уже взятъ его войсками) и наконецъ заключилъ съ турецкимъ вассаломъ Заполіемъ перемиріе. Въ слѣдующемъ году Фердинандъ и его братъ, императоръ Карлъ V, вооружили значительное войско, которое могло въ открытомъ полѣ помѣриться съ съ турками, если бы они возобновили войну. Но, къ счастію, Солиманъ предпринялъ новый походъ только 1532, когда въ нѣмецкой имперіи распри были покончены нюрнбергскимъ религіознымъ миромъ и протестанты старались дока-

зать императору свой патріотизмъ и свое христіанское рвеніе въ борьбѣ съ невѣрными. Здѣсь мы должны остановиться, потому что съ 1532 исторія Венгріи, Богеміи и Турціи можетъ быть разсказана вмѣстѣ съ исторіею Германіи.

5. Генрихъ VIII англійскій.

Не смотря на вольности своихъ подданныхъ и на парламентъ, Генрихъ VIII царствовалъ болѣе деспотически и жестоко, чѣмъ какой либо другой государь того времени. Капеланъ его, Ульси, получившій кардинальское достоинство, пользовался безусловнымъ вліяніемъ на короля, пока желаніе Генриха развестись съ женой не произвело сначала ссору между нимъ и кардиналомъ, а вскорѣ полный разрывъ между королемъ и папскою церковью (стр. 381 и 392). Ульси былъ канцлеромъ Англіи, архіепископомъ іоркскимъ, епископомъ уинчестерскимъ, владѣлъ безчисленнымъ множествомъ доходныхъ аббатствъ и носилъ званіе папскаго легата; папы, нуждавшіеся въ Генрихѣ, сдѣлали Ульси почти полномочнымъ представителемъ своимъ. Кромѣ того, въ вознагражденіе за епископство турнэское, французскій король Францискъ далъ Ульси 12,000 ливровъ ежегоднаго дохода, а Карлъ V и папа Левъ X платили ему 5,500 дукатовъ ежегодно за епископства толедское и паленцское. Высокомѣріе Ульси было безгранично; пышность его затмѣвала королевскій дворъ, потому что Ульси былъ щедръ и тратилъ всѣ свои громадные доходы на свой дворъ, на постройки и на разныя учрежденія. Мы уже говорили, что онъ выгналъ своихъ товарищей, легатовъ Корпето и Кампеджіо, и производилъ невѣроятныя насилія, противъ которыхъ никто не осмѣливался возставать. Онъ дважды пытался достичь папскаго престола, какъ Генрихъ—императорскаго, но оба обманулись въ своихъ честолюбивыхъ видахъ.

Король и Ульси безнаказанно нарушали на каждомъ шагу законы и права націи. Ульси учредилъ, напримѣръ, духовный судъ, который, подъ предлогомъ религіозно-нравственнаго надзора, производилъ насилія, какія только можно было придумать. Король полагалъ свою славу въ томъ, чтобы отличаться въ догматико-схоластическихъ спорахъ, и преслѣдовалъ съ отвратительной жестокостью всякаго, кто осмѣливался оспаривать какой нибудь догматъ его схоластическаго богословія. Ульси назвалъ свой судъ, учрежденію котораго противорѣчила англійская конституція, трибуналомъ легата. Предсѣдателемъ его онъ назначилъ какого-то Джона Оллена, который умѣлъ подчинить своему суду всѣ тяжбы и позволялъ себѣ, подъ предлогомъ папскаго полномочія, величайшія притѣсненія и насилія. Народъ, парламентъ, даже рыцари молчали, и никто не думалъ сослаться на древній законъ Praemunire, ограждавшій гражданское судопроизводство отъ вмѣшательства папъ (стр. 4). Трибуналъ легата служилъ Ульси средствомъ давать деньги и преслѣдовать своихъ враговъ; звѣздная же палата, наполненная придворными и королевскими креатурами, постановляла приговоры, нужные королю (стр. 168). Въ числѣ лицъ, умерщвленныхъ королемъ судебнымъ порядкомъ, находился близкій родственникъ его, герцогъ Бокингемъ, казнь котораго Юмъ и другіе приписываютъ кардиналу Ульси. Кардиналъ принималъ участіе въ гибели герцога лишь какъ министръ короля. Преступленіе Бокингема состояло въ томъ, что онъ спрашивалъ у одного астролога о смерти короля. По англійскимъ законамъ его слѣдовало судить верхней палатѣ; но Ульси назначилъ судную коммиссію изъ 17 перовъ, причемъ герцогъ Норфокъ (high steward) не постыдился принять на себя предсѣдательство. Коммисія осудила Бокингема, который при чтеніи приговора рѣшительно утверждалъ, что невиненъ, и даже ни за что не соглашался просить о помилованіи *); за это въ маѣ 1521 г. онъ былъ казненъ.

Кардиналъ умѣлъ даже добывать деньги помимо парламента, вслѣдствіе чего становился съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе необходимымъ расточительному королю. Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ средства, изобрѣтаемыя Ульси

*) I shall never sue to the king for life.

для полученія денегъ; однако необходимо упомянуть о нѣкоторыхъ и привести нѣсколько фактовъ изъ безконечнаго списка насилій, жестокостей и несправедливостей Генриха, чтобы показать, что англійскій король-богословъ не уступалъ въ этомъ отношеніи современнику своему, турецкому султану. Самое ханжество короля служило ему пособіемъ наживать деньги и подвергать подданныхъ жестокимъ казнямъ. Однажды Уольси приказалъ переписать имущество всѣхъ англичанъ старше 16 лѣтъ и потомъ воспользовался этимъ спискомъ, принудивъ дать королю взаймы десятую часть дохода свѣтскихъ и четвертую духовныхъ имуществъ. Однимъ только лондонскимъ купцамъ было позволено откупиться отъ этого налога круглой суммой. Въ слѣдующемъ году Уольси принудилъ духовенство дать королю половину годоваго дохода съ разсрочкою на пять лѣтъ и потребовалъ отъ парламента согласія на отдачу королю пятой части дохода со всѣхъ свѣтскихъ имуществъ страны, съ тѣмъ, чтобы она была выплачена въ четыре года. Сначала парламентъ возсталъ противъ этого и согласился дать только половину требуемой суммы. Тогда Уольси лично отправился въ парламентъ, хотя послѣдній объявилъ, что въ присутствіи министра пренія и подача голосовъ не могутъ производиться. Однако рѣшительный поступокъ кардинала такъ устрашилъ его, что онъ не только продолжалъ засѣданіе, но даже увеличилъ требуемую сумму и не противорѣчилъ Уольси, когда кардиналъ изъявилъ желаніе, чтобы вмѣсто четырехъ лѣтъ она была выплачена въ годъ. Въ 1525 король вознамѣрился произвести снова подобный поборъ подъ именемъ добровольнаго пожертвованія (benevolence), который еще при отцѣ его возбуждалъ всеобщій ропотъ (стр. 149 и 164). Но вся нація взволновалась; алчность и мотовство короля едва не погубили тогда Уольси, которому суждено было пасть черезъ нѣсколько лѣтъ жертвою его прихоти.

Къ сожалѣнію исторія кардинала Уольси и его паденія тѣсно связана съ возникновеніемъ такъ называемой высокой англиканской церкви. Церковь эта возникла при Генрихѣ VIII и позднѣе при Елисаветѣ была преобразована въ духѣ ученія Кальвина. Ея духовенство — полусвѣтское, полудуховное, а обряды — полупротестантскіе и полукатолическіе, съ одной стороны близкіе къ внѣшнему благочестію піэтистовъ, а съ другой — къ іерархическимъ основаніямъ римской церкви. Поэтому въ XVII вѣкѣ ее сильно потрясли піэтисты, а въ XVIII и XIX столѣтіяхъ паписты. Церковныя перемѣны Англіи (ибо измѣненія, которымъ подвергнулъ Генрихъ церковный порядокъ, не заслуживаютъ имени реформы) были произведены только вслѣдствіе желанія короля развестись съ своей первой женой по законамъ римской церкви, сохранивъ видъ легальности.

Генрихъ уже 18 лѣтъ находился въ супружествѣ съ вдовою своего брата, Катариною, теткою императора Карла V. У нихъ было пятеро дѣтей, изъ коихъ дочь Марія пережила его и послѣ многихъ приключеній достигла англійскаго престола. Въ теченіе всего этого времени Генрихъ удовлеторялся волокитствомъ, пока не влюбился страстно въ вѣтренную Анну Болейнъ. Когда ей было еще только 7 лѣтъ, ее увезла во Францію сестра Генриха, жена Лудовика XII, вышедшая по смерти его за герцога Соффолька. Свита этой королевы вела такую жизнь, что французы поспѣшили выпроводить ее, оставивъ одну только Анну Болейнъ. Трудно опредѣлить, сколько времени жила Анна Болейнъ во Франціи по смерти Лудовика XII; достовѣрно лишь то, что 20 лѣтъ она поступила во фрейлины къ королевѣ Катаринѣ. Здѣсь Генрихъ увидѣлъ ее. Онъ былъ прежде въ связи съ ея сестрой, Маріей, которую бросилъ. Анна была предусмотрительнѣе своей сестры. Король со всей страстностью своего характера началъ немедленно добиваться развода съ женой и съ этою цѣлью прикинулся, будто бракъ на вдовѣ брата мучитъ его совѣсть; онъ утверждалъ, что папа Юлій II не могъ разрѣшить подобный бракъ (стр. 315). Король объявилъ, что почувствовалъ внезапно угрызенія совѣсти за нарушеніе Моисеева закона, и даже написалъ разсужденіе, въ которомъ доказывалъ своимъ епископамъ, что бракъ съ его съ невѣсткой должно разсматривать на основаніи текста четвертой книги Моисея, а не пятой, гдѣ это осуждается менѣе строго. Народъ взволновался, а императоръ Карлъ V вступился за свою тетку, которая не довѣряла кардиналу Уольси и епископамъ, потому что кардиналъ былъ всемогущъ, какъ министръ, а какъ легатъ имѣлъ папское полномочіе (впрочемъ, не во всѣхъ дѣ-

лахъ). Катарина и ея племянникъ полагались на папу Климента VII, который бы охотно далъ согласіе на расторженіе брака, но находился въ то время (1527 г.) во власти Карла V (стр. 407). Въ такихъ обстоятельствахъ Клементъ боялся оскорбить и императора, и англійскаго короля и потому старался затянуть дѣло о разводѣ. Но нетерпѣніе короля поставило Уольси въ затруднительное положеніе между двухъ огней, Генрихомъ и папой. Клементъ отказалъ императору, который требовалъ, чтобы процессъ англійскаго короля былъ рѣшенъ самимъ папой, а не коммиссарами его въ Англіи; папа отвѣчалъ, что это не въ обычаѣ, но согласился увѣдомить императора о процессѣ до произнесенія рѣшенія.

Въ декабрѣ 1527 г. папа освободился изъ плѣна и благополучно прибылъ въ Орвіето (стр. 408). Здѣсь его встрѣтилъ посланный англійскаго короля (Найтъ) и предложилъ ему подписать двѣ граматы, составленныя въ Англіи; одною Уольси уполномочивался развести Генриха съ женой, а другою дозволялось королю жениться на Аннѣ Болейнъ. Папа согласился подписать вторую, но дѣло о разводѣ затянулъ, назначивъ для произведенія процесса, кромѣ Уольси, другаго кардинала. Впрочемъ Уольси самому не хотѣлось спѣшить этимъ дѣломъ, потому что Анна Болейнъ была къ нему нерасположена. Онъ былъ между двухъ огней, а король грозилъ ему; поэтому, не смотря на свое нежеланіе, онъ выхлопоталъ, чтобы кардиналъ Кампеджіо, засѣдавшій въ коммиссіи, которой слѣдовало дѣйствовать въ пользу Генриха, былъ подчиненъ ему. Сверхъ того, по его же старанію, Кампеджіо получилъ буллу, въ которой разрѣшалось все, чего бы ни пожелалъ король, такъ что коммиссія обращалась въ пустую формальность. Но римская политика обманула посланника, который выхлопоталъ посольство Кампеджіо и буллу; при этомъ въ обманъ попались и самъ король, и кардиналъ Уольси. Кампеджіо получилъ повелѣніе никому не отдавать буллу и сжечь ее, показавъ и прочтя королю и кардиналу Уольси. Это было сдѣлано съ цѣлью продлить процессъ и перенести его въ Римъ, устранивъ коммисію. Съ этою же цѣлью Кампеджіо ѣхалъ такъ медленно, что вмѣсто іюля, какъ его ожидали, пріѣхалъ въ Англію только въ октябрѣ. Затѣмъ онъ оттягивалъ разнымъ крючкотворствомъ, проволочками и римскими хитросплетеніями открытіе засѣданій коммисіи до мая 1529 г. и велъ процессъ чрезвычайно медленно. Наконецъ, въ іюлѣ коммисія объявила, что дѣло можетъ рѣшить только папа.

Король разсвирѣпѣлъ до нельзя. Анна Болейнъ, неблаговолившая къ кардиналу Уольси, имѣла на короля болѣе вліянія, чѣмъ Уольси. Кардиналъ, боявшійся прежде новаго брака, готовъ былъ сдѣлать все, чтобы устроить его, потому что предвидѣлъ свою гибель, если желаніе короля не исполнится. Король думалъ, что булла, которую Кампеджіо показывалъ ему, еще у него. Но она была сожжена, и Генрихъ тщетно обыскивалъ вещи кардинала. Тогда весь гнѣвъ его обратился на Уольси. Онъ потребовалъ у него печать и вскорѣ лишилъ его всѣхъ должностей, званій и аббатствъ. Въ заключеніе онъ предалъ его уголовному суду, который при такомъ королѣ, какъ Генрихъ, и при ужасѣ, какой онъ внушалъ всѣмъ, кто рѣшался защищать права, имущество и жизнь англичанъ, долженъ былъ непремѣнно кончиться осужденіемъ кардинала. Уольси былъ обвиненъ въ учрежденіи легатскаго суда, которымъ онъ нарушилъ законъ Praemunire, запрещавшій принимать папское полномочіе; за это преступленіе судъ призналъ его подлежащимъ смертной казни. Его предали придворному суду, т. е. звѣздной палатѣ, которая служила королямъ для осужденія придворныхъ; палата приговорила кардинала къ смерти. Король приказалъ однако не выполнять приговора и простилъ кардинала, который униженно просилъ прощенія, отказываясь отъ всѣхъ своихъ званій, должностей и доходовъ, кромѣ архіепископства іоркскаго. Кардиналу было позволено отправиться въ Іоркъ изъ Уинчестера, куда онъ былъ сосланъ на время своего процесса. Но вскорѣ король обвинилъ его въ государственной измѣнѣ и въ ноябрѣ 1530 г. послалъ въ Іоркъ герцога Нортомберлэнда, поручивъ ему привести кардинала въ Лондонъ, какъ уголовнаго преступника. Но Уольси умеръ на пути, впрочемъ не отъ яда, а отъ поноса.

Между тѣмъ дѣло о разводѣ продолжалось. Генрихъ рѣшился разойтись съ римскою церковью: онъ принялъ намѣреніе прервать всякую связь съ римскимъ престоломъ, продолжая впрочемъ попрежнему ненавидѣть Лютера и проповѣдуемую имъ свободу совѣсти. Впослѣдствіи, когда лютеранство распространилось въ Англіи,

онъ преслѣдовалъ лютеранъ точно также, какъ и католиковъ или папистовъ. Генрихъ къ чванству присоединялъ смѣшное желаніе прослыть великимъ богословомъ; онъ съ пеленокъ изощрился въ схоластикѣ, научился теологическому препирательству и, воображая себя опорой христіанства, желалъ пріобрѣсти славу, защищая его. Французскій король назывался христіаннѣйшимъ, а испанскій — католическимъ; чтобы не отстать отъ нихъ, онъ съ великими усиліями добылъ у папы дипломъ на титулъ «защитника истинной вѣры» (defensor fidei). Съ этою цѣлію онъ сочинилъ книгу и въ октябрѣ 1521 г. послалъ уиндзорскаго декана Кларка въ Римъ передать ее папѣ, дабы показать ему, какъ ревностно король англійскій защищаетъ католическую религію. Король неоднократно доказывалъ, что книга эта написана имъ однимъ; но говорятъ, что Уольси и ученый епископъ Фишеръ принимали въ сочиненіи ея больше участія, чѣмъ Генрихъ. Поводомъ къ этой книгѣ послужило то обстоятельство, что Лютеръ, въ своемъ сочиненіи о вавилонскомъ плѣненіи церкви, оспаривалъ самое основаніе католической религіи. Сочиненіе Генриха напечатано въ церковномъ календарѣ Бзовіуса и въ собраніи сочиненій Лютера, изданномъ въ Галле. Заглавіе его «О таинствахъ» *). Генрихъ получилъ за него отъ папы титулъ, котораго такъ добивался, чтобы сравняться съ королями французскимъ и испанскимъ. Въ письмѣ своемъ папа изъяснялъ, что подобное произведеніе нельзя написать безъ содѣйствія Святаго Духа, вслѣдствіе чего онъ разрѣшаетъ отъ грѣховъ всѣхъ, кто прочтетъ его. Эмзеръ называетъ книгу Генриха лучшимъ опроверженіемъ Лютера. Скультетъ и даже Робертсонъ также хвалятъ ее; но вѣроятно они не читали ее, иначе не стали бы хвалить. Нѣмецкіе богословы, особенно Планкъ, отзываются о ней очень презрительно, и цитаты, приводимыя ими, доказываютъ, что они правы. Тоже думали Лютеръ и его друзья, не обращая вниманія на то, что королю помогали ученый Фишеръ и даже, какъ говорятъ, самъ Эразмъ Роттердамскій. Они отозвались о ней, что она написана какимъ нибудь безтолковымъ придворнымъ капелланомъ, хваля впрочемъ ея языкъ. Капелланъ, которому приписывали ее, былъ Эдуардъ Ли, затѣявшій нелѣпый споръ съ Эразмомъ Роттердамскимъ и бывшій впослѣдствіи архіепископомъ іоркскимъ.

Мы упоминаемъ о книгѣ и объ опроверженіи ея Лютеромъ только потому, что въ этомъ случаѣ запальчивость Лютера или, какъ выражаются нынѣшніе философы, его божественная грубость нанесла вредъ евангелической церкви, которую онъ хотѣлъ основать. Возбудивъ къ себѣ въ англійскомъ королѣ ненависть, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбилъ національную гордость англичанъ; вскорѣ онъ вооружилъ противъ себя и швейцарцевъ, которыхъ не признавалъ христіанами. Мы не хотимъ сказать, что Лютеру слѣдовало быть дипломатомъ, придворнымъ или политикомъ, что онъ, какъ говорятъ нынче, долженъ былъ выражаться парламентскимъ языкомъ и деликатничать съ писакой; нѣтъ, но во всякомъ случаѣ ему слѣдовало выражаться, какъ прилично образованному человѣку, какія бы дерзости ни говорилъ ему король. Генрихъ ругался и издѣвался надъ Лютеромъ; книга его написана высокомѣрнымъ тономъ, и въ ней находятся тѣ же выходки противъ плебеевъ, какія теперь приходится ежедневно слышать во Франціи и въ Германіи; но для реформатора это было безвредно. Всѣ ученые съ перваго раза увидѣли, какъ жалка книга, украшенная именемъ Генриха. Поэтому лучшіе друзья Лютера, Спалатинъ, курфирстъ и особенно Меланхтонъ, убѣдительно просили его или вовсе не отвѣчать, или, по крайней мѣрѣ, нападать на содержаніе сочиненія, а не на личность автора. Но Лютеръ былъ не въ состояніи сдержать свой гнѣвъ. Этимъ онъ повредилъ своему великому дѣлу, подобно Лессингу и Іоганну-Генриху Фоссу, которые также вдавались въ личности въ ущербъ своему дѣлу. Уже самое заглавіе было обращено не противъ книги короля, а противъ его личности **). Опроверженіе Лютера, подобно его полемическимъ сочиненіямъ противъ герцога

---

*) Assertio septem sacramentorum adversus Martinum Lutherum edita ab invictissimo Angliae et Franciae rege et domino Hiberniae, Henrico ejus nominis octavo. Lond. 1521.

**) Книга Лютера вышла въ 1522 г. сперва на латинскомъ, а потомъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ нѣмецкомъ изданіи по крайней мѣрѣ въ заглавіи нѣтъ личностей: «Отвѣтъ д-ра Мартина Лютера на книгу Генриха, короля Англіи». Латинское же изданіе озаглавлено: Contra Henricum, Angliae regem, Martinus Lutherus».

Георга Саксонскаго и герцога Генриха Брауншвейгскаго, доселѣ вредитъ великому реформатору и его ученію, потому что враги лютеранства, особенно лицемѣрные іезуиты и ученые, для которыхъ изящество выше истины, пользуются ими, доказывая, что такой грубый человѣкъ, какъ Лютеръ, не могъ быть правъ въ религіозномъ спорѣ.

Не говоря уже о ругательствахъ, Лютеръ относится къ книгѣ короля весьма презрительно и не признаетъ Генриха ея авторомъ, не смотря на его увѣренія. Это было возмездіемъ. Далѣе, Лютеръ называетъ Генриха дуракомъ, осломъ, богохульникомъ и лжецомъ, а кардинала Уольси—чудовищемъ, чумой государства, человѣкомъ ненавистнымъ Богу и людямъ. Съ этихъ поръ въ присутствіи Генриха нельзя было произносить имя Лютера; онъ началъ жестоко преслѣдовать и казнить всѣхъ своихъ подданныхъ, заподозрѣваемыхъ въ лютеранствѣ. Образованные совѣтники Генриха, Кромвель и достойный, благородный и благочестивый Кранмеръ, симпатизировавшіе протестантизму, должны были лицемѣрить и съ боязливою осторожностью отстранять всякое подозрѣніе въ приверженности къ ученію Лютера. Впрочемъ, чрезъ два съ половиною года Лютеръ самъ раскаялся въ своемъ поступкѣ и по просьбѣ датскаго короля написалъ Генриху униженное письмо; но этимъ онъ сдѣлалъ новую неосторожность, доставивъ Генриху торжество съ презрѣніемъ отвергнуть его. Непонятно, какъ могъ Лютеръ вообразить, что жестокій Генрихъ сойдется съ какимъ-то нѣмецкимъ богословомъ, который отдѣлалъ его и его любимца Уольси, какъ школьниковъ.

Еще за два года до смерти Уольси Генрихъ получилъ относительно развода совѣтъ, научившій его, какъ поступать въ этомъ дѣлѣ. Совѣтъ этотъ далъ ему бывшій окфсордскій профессоръ Томасъ Кранмеръ. Онъ былъ представленъ королю епископами Фоксомъ и Гардинеромъ, вполнѣ преданными римской церкви. Поэтому король никакъ не воображалъ, что Кранмеръ принадлежитъ къ числу самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Лютера. По случаю своей женитьбы Кранмеръ долженъ былъ выйдти изъ университета и получилъ мѣсто воспитателя сыновей барона Уольтгема. Когда король былъ у барона, ему сказали, что, быть можетъ, ученый Кранмеръ укажетъ какое нибудь средство къ разводу. Король приказалъ немедленно призвать Кранмера, который предложилъ ему испросить у всѣхъ лучшихъ богослововъ и университетовъ Европы одобреніе на разводъ и представить ихъ отзывы папѣ; папа будетъ поставленъ въ необходимость согласиться съ общимъ голосомъ знатоковъ каноническаго права. Совѣтъ Кранмера такъ понравился королю, что онъ выразился при этомъ даже вовсе не дипломатически: «ну, теперь я схватилъ свинью за оба уха.» Но совѣтъ былъ приведенъ въ исполненіе лишь по смерти Уольси. Послѣ многихъ придирокъ, мученій и угрозъ, которыя можно доказать на основаніи актовъ, англійскіе университеты были вынуждены подчиниться королевскому желанію, при чемъ дѣятельно хлопотали Фоксъ и Гардинеръ. Въ Италіи, университеты болонскій, феррарскій и падуанскій были подкуплены. Но въ Германіи агенту Генриха, Бернесу, не удалось добиться одобренія развода даже отъ протестантовъ, потому что это дѣло касалось чести тетки императора. Пришлось удовольствоваться отзывами лишь нѣсколькихъ богослововъ. При этомъ Лютеру пришла въ голову странная мысль. Онъ писалъ Бернесу, что не можетъ одобрить разводъ, но полагаетъ, что Генрихъ, по примѣру древнихъ царей, можетъ имѣть въ одно время двухъ законныхъ женъ *). Французскій король, нуждаясь въ помощи Генриха противъ императора, заставилъ свои университеты одобрить разводъ, впрочемъ съ оговоркою.

Папа не мѣшалъ всему этому тѣмъ болѣе, что, разведя Генриха съ женою, могъ оправдаться передъ императоромъ, сославшись на общее мнѣніе богослововъ. Отзывы ихъ были посланы къ нему, но Клементъ продолжалъ противиться разводу. Между тѣмъ Генрихъ уже тому два года назадъ удалилъ Катарину и жилъ съ Анной, какъ съ женой; видя упорство папы, онъ написалъ ему дерзкое и грозное письмо. Письмо оканчивалось слѣдующими словами: «Я нахожусь во вторичномъ бракѣ, который не могъ узаконить, благодаря папѣ, не желающему растор-

*) Alteram reginam quoque ducere et exemplo regum duas simul uxores ducere.

гнуть мой первый бракъ. Поэтому мнѣ остается только обойтись безъ папы. Конечно, это зло, но для Англіи будетъ хуже, если родится наслѣдникъ престола, законность рожденія котораго будетъ сомнительна». Папа даже и на это письмо отвѣчалъ уклончиво, съ желаніемъ затянуть дѣло. Это поставило Генриха въ большое затрудненіе, потому что канцлеръ и министерство его не рѣшались постановить, помимо папы, рѣшеніе, которое возбудило бы противъ нихъ ненависть всей англійской націи. Въ это тревожное время королю былъ представленъ Кромвель, и вывелъ его изъ затрудненія. Кромвель обладалъ столь же упругою совѣстью, какъ и Уольси, и потому занялъ его мѣсто въ тайномъ кабинетѣ короля; онъ былъ любимцемъ Уольси и изучилъ въ Италіи не только языкъ, но и политику Макіавелли и всѣ придворныя продѣлки того времени. Онъ далъ королю желанный совѣтъ и дѣйствовалъ такъ хитро и лукаво, что Генрихъ, самъ того не зная и не желая, былъ принужденъ предпринять родъ церковной реформы. Кромвель произвелъ разрывъ между королемъ и римскимъ престоломъ, убѣдивъ Генриха, что онъ можетъ безъ всякихъ измѣненій въ религіозномъ ученіи въ одно и тоже время господствовать въ Англіи какъ король и какъ папа. Изъ донесенія Фокса и Гардинера видно, что не трудно было убѣдить англичанъ отречься отъ папы, но что отреченіе это не было однако, какъ въ Германіи, отпаденіемъ отъ папства. Фоксъ и Гардинеръ были правовѣрные католики и еще задолго до смерти Уольси ѣздили въ Римъ (1528 г.) склонять папу къ расторженію брака короля. Въ тайной конференціи они объявили папѣ, что если онъ будетъ продолжать тянуть дѣло, то можетъ быть увѣренъ, что потеряетъ Англію; англійскій народъ и духовенство весьма желаютъ освободиться отъ власти римскаго престола, и королю стоитъ только дать духовенству свободу, чтобы желанія, доселѣ тайныя, обнаружились явно.

Благородный Томасъ Кранмеръ содѣйствовалъ выполненію совѣта Кромвеля. Впрочемъ правительство поступило самовластно и произвольно; въ реформѣ этой не религія создавала іерархію и церковный порядокъ, а, наоборотъ, религію выводили изъ церковности, которую и доселѣ въ Англіи принимаютъ за религію. Поведеніе Кранмера при Генрихѣ VIII можно извинить, но одобрять его могутъ только тѣ, для которыхъ цѣль оправдываетъ средства. Онъ тщательно скрывалъ свою симпатію къ ученію Лютера и добылъ себѣ окольными путями духовную власть, имѣя въ виду помогать королю и незамѣтно проложить реформаціи путь въ Англію. Однако это было не легко, потому что Генрихъ жегъ протестантовъ въ то самое время, какъ Кранмеръ старался всѣми средствами распространить лютеранство. Тѣмъ не менѣе протестантизмъ распространялся и нашелъ друзей даже между духовенствомъ. Это способствовало жестокости короля, который гналъ и папистовъ, и лютеранъ; духовенство же обѣихъ партій помогало ему преслѣдовать другъ друга. Народъ ненавидѣлъ духовенство; поэтому оно покорялось королю, чтобы найдти въ немъ защиту отъ народа. Это обнаружилось въ 1532 г., когда король воспользовался своей ссорой съ папой и подъ предлогомъ ея, неслыханнымъ образомъ отнялъ у духовенства все. Онъ грозилъ духовенству процессомъ за нарушеніе закона Praemunire, вопреки которому былъ учрежденъ легатскій судъ, состоявшій подъ вѣдѣніемъ папы. Процессъ этотъ угрожалъ духовенству потерею всей поземельной собственности, чему народъ и дворянство были очень рады, надѣясь получить духовныя имущества. Чтобы избѣжать процесса, духовенство заплатило 100,000 фунтовъ и согласилось признать короля верховнымъ судьею и главою церкви и духовенства Англіи.

Дѣло это велъ Кромвель; своей уступчивостью, хитростью и безсовѣстной политикой онъ вошелъ въ милость короля и замѣнилъ ему Уольси; Кранмеръ же принималъ участіе только въ религіозныхъ вопросахъ. Король, призвавъ Кранмера къ себѣ, поручилъ ему переписку по дѣлу о разводѣ; а потомъ назначилъ состоять при посольствѣ, отправленномъ въ Болонью къ папѣ, въ концѣ 1529 г. Въ посольствѣ этомъ участвовали отецъ Анны Болейнъ, графъ Уальштайръ, лондонскій епископъ Стокели, милостынедатель короля Ли и докторъ богословія Беннетъ. Графъ былъ главою посольства, а Кранмеръ былъ посланъ съ нимъ въ качествѣ совѣтника по каноническому праву. Прочіе члены посольства были королевскіе чиновники, тогда какъ Кранмеръ состоялъ въ личной свитѣ графа, съ семействомъ котораго давно находился въ близкихъ отношеніяхъ. Онъ былъ очень

полезенъ графу, который лестно отзывался о немъ въ разговорѣ съ королемъ. Генрихъ назначилъ его посломъ къ императору и папѣ. При этомъ папа, чтобы угодить королю, назначилъ Кранмера своимъ великимъ пенитенціаріемъ въ Англіи.

Кранмеръ извѣстилъ короля, что, по желанію императора, папа ни за что не утвердитъ его разводъ. Съ этого времени Генрихъ выказывалъ явное нерасположеніе къ папѣ и окончательно рѣшился прекратить зависимость англійской церкви отъ Рима. Но, какъ схоластикъ, онъ не могъ исполнить свое намѣреніе, пока Кранмеръ не получитъ всѣхъ іерархическихъ правъ, общихъ архіепископамъ съ папою. Король заботился о соблюденіи внѣшности религіи; такія натуры, какъ Генрихъ VIII, никогда не думаютъ о сущности дѣла. По волѣ короля и по желанію семейства Анны Болейнъ, съ которой Генрихъ, ради приличія, тайно обвѣнчался, Кранмеръ долженъ былъ получить архіепископство кентерберійское; санъ этотъ давалъ ему право расторгнуть первый бракъ короля и признать законность втораго. Овдовѣвъ, Кранмеръ получилъ право посвятиться въ духовный чинъ; но во время своей поѣздки въ Германію, онъ вступилъ во второй бракъ съ племянницею жены лютеранскаго богослова Озіандера и такимъ образомъ снова лишился права на санъ архіепископа. Сперва жена его оставалась въ Германіи, но потомъ пріѣхала въ Англію; узнавъ, что король строго запретилъ священникамъ жениться, Кранмеръ отослалъ ее назадъ. Генрихъ, не зная, что Кранмеръ женатъ, назначилъ его архіепископомъ кентерберійскимъ, а папа утвердилъ это назначеніе. При этомъ пришлось обойти всѣ постановленія каноническаго права, препятствовавшія такому возвышенію. Генрихъ не хотѣлъ нарушать законъ и, чтобы устранить препятствія, папа издалъ одиннадцать буллъ. Объ этихъ обстоятельствахъ упоминаютъ всѣ историки; Лингардъ справедливо приписываетъ особенную важность іезуитскому поступку Кранмера, который, присягая папѣ, въ то же время въ тайнѣ протестовалъ противъ этого (reservatio mentalis). Обстоятельство это не имѣетъ никакой политической важности, но важно его нравственное значеніе, потому что Кранмеръ былъ однимъ изъ лучшихъ людей своего времени и впослѣдствіи мучпникомъ своихъ убѣжденій. Кранмеру предстояло сдѣлать то, чего не хотѣлъ папа, т. е. признать недѣйствительнымъ первый бракъ короля и утвердить второй, основываясь на одобреніи университетовъ и богослововъ. Это не помѣшало ему присягнуть папѣ въ повиновеніи. При этомъ онъ съ разрѣшенія короля прибѣгнулъ къ такой уловкѣ: призвавъ церковь св. Стефана въ Уэстминстерѣ четырехъ свидѣтелей, онъ объявилъ имъ, что, присягая ради формы папѣ, онъ не думаетъ обязывать себя поступать вопреки закону Божьему, правамъ короля или мѣрамъ, которыя король сочтетъ необходимыми для англійской церкви. Эта оговорка была засвидѣтельствована документомъ, и затѣмъ Кранмеръ подошелъ къ алтарю, выполнилъ всѣ установленные обряды при посвященіи и поднесеніи ему омофора, и принесъ обычную присягу.

Тотчасъ по назначеніи Кранмера, былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ, клонившихся къ тому, чтобы придать прихоти короля видъ законности. Прежде всего парламентъ, обратившійся при Генрихѣ въ машину, изготовлявшую декреты, издалъ законъ, запрещавшій, подъ страхомъ смертной казни, апеллировать папѣ на англійскій духовный судъ. Въ мартѣ, въ собраніи англійскаго духовенства (the Convocation) были постановлены угодныя королю заключенія по двумъ вопросамъ, касавшимся королевской совѣсти. Затѣмъ въ началѣ апрѣля Кранмеръ представилъ королю письмо, въ которомъ объяснялъ, какъ опасно для государства, если законность наслѣдника престола можетъ подвергаться сомнѣнію, и потому, какъ предсѣдатель духовнаго суда, просилъ дозволенія разсмотрѣть дѣло о разводѣ и постановить свое рѣшеніе. Какъ архіепископъ, онъ собралъ духовенство своего округа и на основаніи его рѣшенія учредилъ судъ, въ которомъ самъ предсѣдательствовалъ; искусно устранивъ личное присутствіе Катарины, такъ какъ она могла бы протестовать и апеллировать папѣ, онъ въ ея отсутствіе произнесъ заочное рѣшеніе (in contumaciam) о разводѣ ея съ королемъ. Люди, не видящіе въ жизни ничего дальше формы, не интересуются сущностью дѣла; здѣсь же формы, по обычаю англичанъ, были строго соблюдены, и бракъ Генриха съ Катариной расторгнутъ легальнымъ путемъ, по приговору, состоявшемуся 23 мая 1533 г., хотя Генрихъ уже два года назадъ былъ обвѣнчанъ съ Анной Болейнъ. Впрочемъ Кранмеръ, получивъ приказаніе короля возвратиться изъ Германіи для

вступленія въ должность архіепископа, употребилъ всѣ средства, чтобы отстранить отъ себя подобную роль. Онъ старался ѣхать какъ можно тише въ надеждѣ, что король передумаетъ. Только страхомъ жестокости Генриха можно объяснить, что Кранмеръ согласился участвовать въ дѣлѣ развода и что изъ религіознаго рвенія онъ рѣшился обмануть въ судѣ бѣдную Катарину. Во всякомъ случаѣ, какъ христіанинъ, онъ гораздо ниже канцлера Томаса Мура. Муръ, наслѣдовавшій кардиналу Ульси въ званіи канцлера, былъ извѣстенъ всей Европѣ своею ученостью, строгимъ католицизмомъ и остроуміемъ. Онъ расходился съ Кранмеромъ во мнѣніяхъ. Томасъ Муръ не держался правила, что цѣль освящаетъ средства, и не полагалъ, что нужно сообразжаться съ духомъ времени даже въ томъ случаѣ, если духъ этотъ дуренъ. Поэтому онъ открыто не одобрялъ разводъ, отказался отъ всѣхъ своихъ должностей и доходовъ и уѣхалъ въ Челси. гдѣ жилъ съ своими дочерьми. Онъ былъ такъ бѣденъ, что дочь должна была содержать его.

Въ то время какъ состоялся разводъ Генриха, Анна Болейнъ была беременна. Кранмеру было поручено устранить всякое сомнѣніе въ законности ожидаемаго ребенка. 28 мая онъ собралъ въ Ламбетѣ духовный судъ и, выслушавъ королевскаго уполномоченнаго (прокуратора), объявилъ, что Генрихъ и Анна состоятъ давно въ законномъ бракѣ и живутъ въ открытомъ и гласномъ союзѣ, и что вторичное освященіе его религіей и закономъ излишне. Достовѣрно неизвѣстно, вѣнчался ли Генрихъ съ Анной вторично; какъ бы то ни было, она была торжественно коронована, чего не дѣлалось при послѣдующихъ его бракахъ. Въ сентябрѣ Анна родила будущую королеву Елисавету.

Кранмеръ и Кромвель видѣли ясно, что для введенія въ Англіи протестантизма необходимо довести короля до разрыва съ папой. Большая часть англичанъ, уиклифиты и лолларды, были такъ озлоблены на духовенство и смотрѣли съ такой завистью на его богатство и съ такой ненавистью на его нравы, что готовы были поддерживать всякія крутыя мѣры, принимаемыя противъ него. Король съ радостію подписывалъ всѣ постановленія противъ папизма, предлагаемыя ему Кранмеромъ и Кромвелемъ, и приказалъ казнить многихъ папистовъ за то, что они вѣрили въ папу, а не въ него. Но онъ испугался своихъ поступковъ, когда люди, какъ Гардинеръ и Бонеръ, умѣвшіе притворяться не хуже Кромвеля и Кранмера, указали ему, что онъ содѣйствуетъ этимъ ученію Лютера. Тогда были немедленно сожжены, какъ еретики, люди, заподозрѣнные въ лютеранствѣ. Бывшую жену свою Генрихъ преслѣдовалъ недостойнымъ образомъ. Послѣ развода онъ удержалъ часть ея доходовъ и оставилъ ей только то, что принадлежало ей, какъ вдовѣ его брата. Кромѣ того онъ наказывалъ и прогонялъ въ отставку тѣхъ, кто называлъ ее королевою, тогда какъ она не терпѣла, чтобы ее называли принцессой Уэльсской.

Что касается папы (Клемента VII), то онъ охотно бы удовлетворилъ желанію Генриха, но въ 1533 г. нуждался въ императорѣ больше, чѣмъ въ королѣ; императоръ грозилъ ему, и эта опасность была весьма близка. Клементъ былъ принужденъ отмѣнить приговоръ Кранмера противъ Катарины и требовать, чтобы Генрихъ къ октябрю развелся съ Анной Болейнъ и снова принялъ въ жены Катарину, угрожая въ противномъ случаѣ отлученіемъ отъ церкви. Однако папа отложилъ рѣшеніе до октября. Въ Римѣ шли переговоры объ этомъ дѣлѣ, и уже всѣ полагали, что агенты короля, поддерживаемые Франціей, вскорѣ окончатъ ихъ миромъ; но вдругъ Генрихъ прислалъ папѣ посланіе, смертельно оскорбившее его. Оно было привезено въ Римъ фанатическимъ приверженцемъ римской церкви, Бонеромъ. 7 ноября 1533 г. онъ явился къ папѣ и, не обращая вниманія на пункты, уже рѣшенные уполномоченными короля, протестовалъ отъ имени Генриха противъ какого бы то ни было приговора папы и аппелировалъ къ будущему собору. Однако совершенный разрывъ послѣдовалъ только въ мартѣ 1534 г. Разрывъ былъ произведенъ не декретомъ папы, какъ обыкновенно думаютъ, а вторичною выходкой Генриха противъ Клемента, которая предшествовала декрету. Французскій король былъ посредникомъ, а архіепископъ парижскій отправился въ Римъ по порученію Генриха; но послѣдній находился еще на пути, когда Кромвель и Кранмеръ снова измѣнили мнѣніе короля; съ другой стороны

императоръ склонилъ на свою сторону столько кардиналовъ, что Клементъ VII, если бы даже хотѣлъ, не могъ бы сдѣлать угоднаго англійскому королю.

Въ консисторіи, происходившей въ мартѣ 1534 г. по случаю брака Генриха, архіепископъ парижскій тщетно просилъ отмѣнить принятое рѣшеніе. Изъ двадцати двухъ кардиналовъ съ нимъ согласились только трое; остальные постановили рѣшительный приговоръ, объявивъ бракъ Генриха съ Катариной законнымъ и дѣйствительнымъ, а процессъ противъ нея недѣйствительнымъ, и предписавъ королю принять къ себѣ жену, съ которой онъ развелся. Но Генрихъ еще до этого декрета нанесъ папѣ глубокое оскорбленіе. Кромвель, незадолго до того назначенный пожизненнымъ канцлеромъ казначейства (chancellor of the exchequer), склонилъ обѣ духовныя палаты (the Convocation), засѣдавшія въ то время отдѣльно отъ парлатента, признать короля верховнымъ главою англійской церкви. Затѣмъ парламентъ обратилъ въ гражданскій государственный законъ принципъ верховной власти короля въ церкви. Былъ изданъ статутъ, воспрещавшій, подъ страхомъ смертной казни, вести переписку съ папой, посылать въ Римъ деньги и сомнѣваться въ верховной духовной власти короля или въ законности его втораго брака. Затѣмъ все, кромѣ того, что было несовмѣстно съ притязаніями короля на верховную власть, оставлено безъ всякихъ измѣненій до новыхъ распоряженій короля *). Сверхъ того парламентъ постановилъ, что дочь Генриха отъ Катарины, Марія, вслѣдствіе незаконности брака своей матери не можетъ наслѣдовать престолъ, который долженъ принадлежать дочери короля отъ Анны Болейнъ—Елисаветѣ.

Съ этой минуты англійская судебная расправа, и безъ того кровавая, сдѣлалась еще свирѣпѣе; не проходило мѣсяца безъ казни людей невинныхъ или неосторожныхъ въ разговорѣ; въ числѣ жертвъ было много вполнѣ достойныхъ людей, пользовавшихся общимъ уваженіемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно было ожидать оправданія обвиненнаго, король осуждалъ его биллемъ of attainder, т. е. законодательнымъ актомъ (стр. 148) парламента. Кто зналъ о какомъ нибудь преступномъ умыслѣ, но не донесъ, считался участникомъ въ государственной измѣнѣ; винѣ этой было дано особое названіе (misprision of treason), и за нее наказывали вѣчнымъ заключеніемъ и конфискаціей имущества. Этому наказанію вскорѣ подверглись ученый Фишеръ епископъ рочестерскій и пятеро другихъ. Поводомъ къ этому послужили пророчества одной женщины (Бартонъ), прозванной святою кентскою монахинею; она предсказывала, что Генрихъ лишится престола и умретъ насильственной смертью черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ разведется съ Катариной. Женщина эта съ шестью другими лицами была обвинена въ государственной измѣнѣ и казнена. Томасъ Муръ зналъ о ея винѣ и подвергся бы участи Фишера, но Кранмеръ и Кромвель вычеркнули въ доносѣ его имя. Впрочемъ его все-таки скоро засадили въ Тоуэръ, такъ какъ онъ не соглашался одобрить, подобно членамъ парламента, своею подписью разводный и другіе акты, относившіеся къ разводу. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, онъ и Фишеръ поплатились за свои убѣжденія жизнью.

Кроваво расправляясь съ тѣми, кто сомнѣвался въ верховномъ значеніи короля въ церкви и въ законности его втораго брака, Генрихъ снисходительно смотрѣлъ на скандалы, учиняемые монахами. Монахъ Пето произнесъ въ присутствіи короля проповѣдь, въ которой говорилъ между прочимъ, что Генрихъ—великій грѣшникъ, и уподобилъ его Ахаву. Генрихъ ограничился тѣмъ, что велѣлъ другому проповѣднику оправдать въ слѣдующее воскресенье съ каѳедры поступки короля. Апологистъ выругалъ Пето бунтовщиковъ, убійцей, псомъ и измѣнникомъ. Но въ церкви на него напалъ съ бранью одинъ францисканецъ, и не малаго труда стоило разнять ихъ. Пето и францисканецъ вышли однако изъ этого дѣла цѣлы и невредимы. Ихъ призвали въ королевскій совѣтъ и задали сильную головомойку. Но это ничуть не испугало Пето; графъ Эссексъ ска-

---

*) That such canons and ordinances, as had been already made and were not repugnant to the statutes and customs of the realm or the prerogatives of the crown, should be used and enforced, till is should be otherf wise determined according to the tenor and effect of the said act.

залъ ему, что негодяй, подобный ему, заслуживаетъ быть брошеннымъ въ Темзу. Пето отвѣчалъ ему: «Ну такъ чтоже, дорога на тотъ свѣтъ сухимъ путемъ не короче, чѣмъ водой». Это тѣмъ замѣчательнѣе, что Генрихъ вѣроятно уже въ то время рѣшился уничтожить безстыдныхъ нищенствующихъ монаховъ.

Пока Катарина была жива, политика короля требовала, чтобы онъ угождалъ ревностнымъ протестантамъ, къ которымъ принадлежали не только Кромвель и Кранмеръ, но и вторая жена его и ея родня; въ протестантахъ онъ могъ найти опору противъ императора и римскихъ фанатиковъ. Поэтому онъ счелъ нужнымъ по наружности еще болѣе удалиться отъ римской церкви и усилить на время преслѣдованіе чрезвычайно многочисленныхъ приверженцевъ папизма, хотя въ душѣ былъ всегда вѣрнымъ послѣдователемъ ученія римской церкви. Гардинеръ, Бонеръ и другіе непримиримые враги протестантизма принуждены были нѣкоторое время носить личину. Генрихъ вступилъ въ переписку съ протестантскими государями Германіи; уиклифиты поднялись со всѣхъ сторонъ, и переводъ библіи Тиндаля, сожженный по приказанію Томаса Мура, былъ распространенъ въ народѣ. Въ насиліяхъ, совершавшихся противъ папистовъ, королю помогали полупротестанты, а при гоненіяхъ на протестантовъ—мстительные фанатики-католики. Страхъ, лицемѣріе, эгоизмъ и формализмъ господствовали всюду, потому что одинаковая опасность угрожала какъ протестантамъ, такъ и папистамъ.

Въ сентябрѣ 1534 умеръ папа Клементъ VII. Преемникъ его, **Павелъ III**, не желалъ отмѣнять строгихъ приговоровъ своего предшественника противъ Генриха. Англійскій же король пожиналъ съ своего церковнаго владычества такіе плоды, что не считалъ выгоднымъ уступить его посторонней власти, которую нація ненавидѣла. Парламентъ охотно предалъ ему въ жертву ненавистное духовенство; давъ королю папскія права, парламентъ доставилъ ему возможность прекратить свои прежніе поборы и грабежи. Въ ноябрѣ 1534 парламентъ далъ королю титулъ главы церкви. При этомъ были объявлены государственными измѣнниками всѣ, кто будетъ невыгодно думать (!), говорить или писать о королѣ и королевѣ. Обвиненные въ такомъ преступленіи были лишены права церковнаго убѣжища. Прежнія распоряженія о престолонаслѣдіи были отмѣнены и издано новое. Кромѣ того парламентъ постановилъ, что аннаты, т. е. доходы перваго года вакантныхъ аббатствъ, платимые доселѣ папѣ, и ежегодныя десятины съ нихъ принадлежатъ королю, который имѣетъ право назначать двадцать пять суффрагановъ (викаріевъ). Но при этомъ трепещущій парламентъ старался умѣрить жестокость Генриха. Онъ хотѣлъ объявить амнистію, изъ которой исключилъ епископа Фишера и канцлера Мура. 15 января 1535 Генрихъ велѣлъ торжественно провозгласить свой титулъ «глава англиканской церкви». Онъ установилъ, чтобы титулъ этотъ упоминался въ судѣ и манифестахъ рядомъ съ прочими. Король желалъ воспользоваться и правами папы, и выгодами протестантизма; поэтому постановленія, изданныя имъ по поводу этого, странны и противурѣчивы. Онъ предъявлялъ притязаніе на право вмѣшательства свѣтской власти въ церковныя дѣла (jus circa sacra) и въ тоже время провозглашалъ свободу совѣсти и право личнаго толкованія въ религіозныхъ вопросахъ (jus in sacra). Генрихъ сдѣлалъ Кромвеля, который тайно былъ протестантомъ, королевскимъ вицерегентомъ духовной власти, генеральнымъ викаріемъ и первымъ коммисаромъ, хотя Кромвель уже былъ канцлеромъ казначейства и первымъ кабинетъ-секретаремъ. Генрихъ облекъ его всѣми духовными правами, принадлежавшими королю, какъ главѣ церкви. Кромвель получилъ полномочіе во всѣхъ судебныхъ вопросахъ, касавшихся религіи; судопроизводство было подчинено ему во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось «божественной (godly) реформы и устраненія лжеученія, ереси и злоупотребленій въ сказанной церкви», какъ выразились ханжи, составлявшіе этотъ актъ.

Формально и торжественно объявивъ себя главою англійской церкви, Генрихъ прежде всего наказалъ, какъ за государственную измѣну, членовъ высшаго духовенства, не согласившихся признать его духовную власть, законность рожденія Елисаветы и устраненія отъ престола Маріи. Сначала были публично казнены въ Лондонѣ три пріора картезіанскаго монастыря и три католическіе священника; затѣмъ пришла очередь Фишера и Томаса Мура. Въ тюрьмѣ ихъ содержали такъ строго, что Муръ питался подаяніемъ своей дочери и нѣкоторыхъ

друзей, а Фишеръ былъ принужденъ выпрашивать у своихъ палачей одежду. Чтобъ спасти 78-лѣтняго старика Фишера, папа Павелъ сдѣлалъ его кардиналомъ; но это лишь ускорило его казнь. Англійскій король, узнавъ о возвышеніи Фишера, отпустилъ остроумную шутку, достойную Нерона: «Пусть Павелъ присылаетъ ему шапку; но я постараюсь, чтобы ему не на что было надѣть ее». Фишера казнили 22 іюня 1535. Вслѣдъ затѣмъ возмутительнымъ образомъ потащили Томаса Мура пѣшкомъ изъ Тоуэра. Онъ былъ представленъ въ судебную коммисію изъ девяти человѣкъ подъ предсѣдательствомъ канцлера. Въ ней засѣдали герцогъ Норфокъ, Фицъ Джемсъ, лордъ верховный судья и шесть другихъ судей. Они обѣщали обвиняемому прекратить судебный процессъ и испросить для него у короля помилованіе, если онъ перестанетъ упорствовать и признаетъ законную силу новыхъ парламентскихъ постановленій. Но Муръ отвергнулъ это предложеніе, былъ осужденъ и 6 іюля казненъ. Казнь его, совершившаяся повидимому на основаніи права и справедливости, была въ сущности постыднымъ убійствомъ.

Это юридическое убійство ужаснуло всю Европу. Фишера прославляли, какъ мученика; о Мурѣ сожалѣли еще болѣе, потому что онъ былъ мудрецъ и ученый и не имѣлъ фанатизма и суевѣрія Фишера. Негодованіе папы было безпредѣльно. Павелъ III отлучилъ короля отъ церкви, но булла его была обнародована позже; въ ней заключалось все, что когда либо римскій папа рѣшался высказывать противъ государей и государствъ, отказывавшихъ ему въ повиновеніи. Королю Генриху и всѣмъ его приверженцамъ былъ назначенъ девяностодневный срокъ, въ теченіе котораго они должны явиться въ Римъ лично или прислать своихъ повѣренныхъ. Въ случаѣ неявки, королю грозило отлученіе отъ церкви и лишеніе престола. Угрозы были впрочемъ выполнены лишь черезъ нѣсколько лѣтъ. Далѣе папа отвергалъ законность дѣтей Анны, какъ родившихся, такъ и будущихъ, не признавалъ ихъ права на престолъ и налагалъ церковное запрещеніе на всѣ владѣнія и земли короля. Духовенству повелѣвалось удалиться изъ владѣній Генриха; вассалы и подданные его освобождались отъ присяги и получили приказаніе поднять противъ своего государя оружіе; всѣ договоры, заключенные Генрихомъ съ другими державами, объявлялись расторгнутыми, и всѣмъ націямъ запрещено было имѣть торговыя сношенія съ Англіей. Кромѣ того папа требовалъ, чтобы народы всюду грабили имущества англичанъ и забирали въ плѣнъ англійскихъ подданныхъ, которые не отстанутъ отъ своего короля, мятежника и еретика. Но громы этой буллы не произвели никакого дѣйствія. Она даже повредила папѣ и безчисленной арміи монаховъ, которая дѣйствовала въ Англіи въ пользу папы на кафедрахъ и въ исповѣдальняхъ.

Когда Кромвель былъ поставленъ во главѣ духовнаго управленія Англіи, началось дѣло о духовныхъ имуществахъ, при чемъ разсчитывали на содѣйствіе парламента, члены котораго раздѣлили бы добычу съ королемъ. При развитіи процвѣтанія страны и промышленности жителей ничто не могло быть желаннѣе и выгоднѣе для ея свѣтскихъ владѣтелей, какъ уменьшеніе числа духовенства и раздѣлъ его имущества между землевладѣльцами и промышленниками. Уиклифиты цѣнили владѣнія духовенства въ 11,400 плуговъ, а ежегодный доходъ съ нихъ—въ 100,000 марокъ; они уже давно требовали раздѣла собственности духовенства, которому, по ихъ мнѣнію, слѣдовало платить жалованье. Лингардъ доказываетъ (томъ VI, стр. 427, примѣчаніе) на основаніи подлинныхъ документовъ королевской книги, что въ то время въ Англіи было 555 монастырей, доходы которыхъ, по исчисленію Юма, составляли двадцатую часть всего тогдашняго поземельнаго дохода Англіи.

Нападеніе на монастыри началось съ того, что Кромвель назначилъ коммиссію для осмотра ихъ и послалъ въ каждый округъ по два коммиссара съ тайными инструкціями; имъ было предписано представлять отчеты парламенту. Вслѣдствіе этого въ мартѣ 1536 парламентскимъ актомъ, утвержденнымъ, разумѣется не безъ преній, обѣими палатами, было повелѣно обратить въ пользу короля и его законныхъ наслѣдниковъ всѣ монастыри, доходы которыхъ не превышаютъ 200 фунтовъ. Королю было дано право распоряжаться по усмотрѣнію монастырскими строеніями и землями и отдавать ихъ кому угодно. Число монастырей, принесенныхъ такимъ образомъ въ жертву произвола Кромвеля, прости-

ралось до 376. Изъ нихъ около ста откупилось разными средствами; но они могли спасти себя только пожертвованіемъ какого нибудь цѣннаго владѣнія. О монахахъ и монахиняхъ не заботились; поэтому они разбрелись по странѣ и своими воплями и проповѣдями возбуждали всюду новый фанатизмъ, противъ котораго правительство ополчилось огнемъ и мечемъ.

Пока, при помощи королевы и ея семейства, Кромвель и Кранмеръ подготовляли реформацію, Гардинеръ, Бонеръ и другіе старались свести влюбчиваго и сластолюбиваго короля съ женщиною, болѣе расположенною къ католицизму, чѣмъ Анна Болейнъ. Они намѣревались устранить Анну, воспользовавшись ея легкомысліемъ. Анна Болейнъ, судя по мемуарамъ того времени, усвоила себѣ во Франціи тонъ и вѣтренность французскаго двора. Она надѣлала большихъ неосторожностей; но король не обращалъ на это вниманія и позволялъ себѣ въ ея присутствіи вольности съ ея прекрасной фрейлиной, Джени Сеймуръ. Въ январѣ 1536 г. Анна Болейнъ родила мертваго ребенка, и вслѣдъ за тѣмъ Генрихъ задумалъ избавиться отъ нея, обвинивъ ее въ нарушеніи супружеской вѣрности. Между тѣмъ первая жена его Катарина умерла въ началѣ 1536 г.; передъ смертью ей ни разу не позволили увидѣться съ дочерью Маріею, которую держали вдали отъ нея. Генрихъ Норрисъ, Бреретонъ, Уэстонъ, Смитонъ и даже братъ королевы Анны, лордъ Рочфортъ были обвинены въ незаконной связи съ нею; жена Рочфорта, которая была впослѣдствіи казнена за постыдное сводничество, предстала въ качествѣ свидѣтельницы противъ королевы. Между прочимъ Анну Болейнъ обвиняли въ томъ, что она смотрѣла съ балкона на турниръ и уронила свой носовой платокъ къ ногамъ Генриха Норриса, который утеръ имъ потъ. Король, замѣтившій это, вскочилъ и подвергнулъ жену комнатному аресту. Въ маѣ онъ велѣлъ отправить ее въ Тоуэръ и предалъ суду, обвиняя въ нарушеніи брачнаго союза. Въ тоже время всѣ мнимые любовники ея были заключены въ тюрьму, какъ государственные преступники. Мы считаемъ несовмѣстнымъ съ нашей цѣлью разбирать, была ли королева виновна или нѣтъ; мы готовы даже думать, что король имѣлъ тайную причину преслѣдовать жену и что онъ хотѣлъ убить ее не для того только, чтобы имѣть возможность жениться на Джени Сеймуръ *). Во всякомъ случаѣ, поведеніе его относительно легкомысленной женщины было возмутительно гадко, какъ и всѣ прочіе его поступки. Анна была предана суду, который осудилъ ее безъ слѣдствія. Она была обвинена въ нарушеніи супружеской вѣрности, слѣдовательно, въ государственной измѣнѣ. Предсѣдатель суда, которому подлежали дѣла по подобнымъ обвиненіямъ, или назначался на каждый случай особо, или на все время царствованія. Мѣсто это принадлежало высшему придворному сановнику (lord high steward of England), который, по окончаніи своихъ занятій, публично ломалъ жезлъ, бывшій знакомъ его должности. Въ процессѣ Анны Болейнъ Генрихъ назначилъ предсѣдателемъ злѣйшаго врага протестантской религіи и королевы—герцога Норфока. Двадцать шесть, а по другимъ, тридцать перовъ, засѣдавшихъ въ судѣ, были также пристрастны и зависимы. Въ угоду королю судъ повелъ процессъ съ неслыханною быстротою. Факты и сопоставленіе чиселъ сильнѣе всего говорятъ противъ Генриха и его клевретовъ. Королева была арестована 2 мая, а 15 осуждена безъ всякихъ уликъ. 18 мая были казнены братъ ея лордъ Рочфордъ и ея мнимые любовники, а 19 она сама; на слѣдующій же день король обвѣнчался съ Джени Сеймуръ. Въ приговорѣ Анны Болейнъ, утвержденномъ впослѣдствіи парламентомъ, бракъ ея былъ признанъ недѣйствительнымъ, а права ея дочери Елисаветы на престолъ—отвергнуты. Это рѣшеніе совершенно противорѣчило обвиненію Анны Болейнъ въ государственной измѣнѣ. Впрочемъ, мы не знаемъ, на какомъ основаніи бракъ былъ объявленъ недѣйствительнымъ. Вѣроятно, основаніемъ этого было то, что Генрихъ былъ въ связи съ сестрою Анны—Маріей, потому что давнишняя связь королевы съ Перси графомъ Нортомберлендомъ не могла считаться достаточнымъ поводомъ.

---

*) That he had discovered in her conduct some most heinous cause of provocation, which he never disclosed.

Кромвель, получившій въ 1536 г. достоинство пера, хотѣлъ уже приступить къ обращенію въ пользу короля монастырей, остававшихся еще у духовенства. Съ этою цѣлью онъ прибѣгнулъ къ насилію и хитрости. Безсовѣстные коммиссары принудили угрозами, обѣщаніями и обманами аббатовъ и монаховъ добровольно отдать королю свои имѣнія. Поэтому вскорѣ вся страна наполнилась безпріютными монахами и монахинями. Это возбудило опасныя народныя движенія въ разныхъ мѣстахъ королевства, особенно въ Линкольншайрѣ, начавшіяся въ іюлѣ 1536 г. Но такъ какъ возставшіе не имѣли ни руководителя, ни точки опоры и такъ какъ зажиточная и воинственная часть народа была съ одной стороны не расположена къ монахамъ, а съ другой—опасалась фанатической черни, то возстаніе было потушено послѣ трехмѣсячной борьбы. Участіе, которое принимали въ немъ многіе монахи и аббаты, дало королю предлогъ отнять все у остальныхъ монастырей. Онъ простилъ мятежниковъ, но не сдержалъ данныхъ имъ обѣщаній; тогда, въ 1537 г. на сѣверѣ, гдѣ находились богатѣйшіе минастыри, начались новые безпорядки; безсовѣстные и безстыдные люди, бывшіе орудіемъ Генриха, воспользовались ими, чтобы напугать большую часть жителей Англіи, имѣвшихъ право засѣдать въ парламентѣ, и принудить ихъ согласиться на всѣ требованія правительства. Король могъ предать государственныхъ преступниковъ и ихъ соумышленниковъ суду особой коммиссіи или звѣздной палаты или же осудить посредствомъ билля of attainder непосредственно черезъ парламентъ; во всякомъ случаѣ ни одинъ обвиненный не избѣжалъ бы приговора и жестокой казни, которыми изобиловало уголовное право Англіи. Поэтому никто не осмѣливался прекословить королю. Отдавъ уже ему 376 монастырей изъ 555, парламентъ предоставилъ ему располагать судьбою и остальныхъ, которые были богаты и владѣли обширными землями. Въ 1538 г. король упразднилъ ихъ, а въ маѣ 1539 г. парламентъ особымъ постановленіемъ подарилъ ихъ ему въ собственность.

Эта мѣра повела къ существеннымъ измѣненіямъ въ государственномъ устройствѣ и, усиливъ вліяніе свѣтскихъ владѣтелей, ненавидѣвшихъ духовенство, дала имъ возможность продолжать церковныя преобразованія, которыхъ желалъ народъ. По упраздненіи монастырей, 28 аббатовъ и пріоровъ Ковентри и св. Іоанна Іерусалимскаго перестали засѣдать въ верхней палатѣ. Было учреждено шесть новыхъ епископствъ. Впрочемъ ближайшія слѣдствія всего этого были незначительны. Только въ правленіе королевы Елисаветы обнаружились благодѣтельные отдаленные результаты этихъ мѣръ для процвѣтанія страны. Министры Генриха обѣщали содержать на монастырскія сокровища бѣдныхъ; поэтому отъ упраздненія монастырей ожидали большихъ выгодъ для бѣдныхъ и улучшеній въ податной системѣ; но надежды эти не сбылись. Бѣдные остались по прежнему въ тягость общинамъ, а непомѣрные поборы не прекратились. Въ маѣ 1540 г., слѣдовательно, уже черезъ годъ по поступленіи монастырскихъ имуществъ въ собственность короля, парламентъ долженъ былъ противъ воли назначить въ его пользу четыре новыхъ чрезвычайныхъ налога. Онъ даже предоставилъ королю право опредѣлить по своему усмотрѣнію порядокъ престолонаслѣдія; это показываетъ, до чего напугали націю казни, которымъ подвергались то католики, то протестанты.

Въ 1536 г. Генрихъ примирился съ своей дочерью отъ перваго брака, Маріею; но она была воспитана въ строго католическихъ понятіяхъ и, какъ по характеру, такъ и по привычкѣ, вполнѣ предана папѣ; поэтому Генрихъ не желалъ, чтобы она наслѣдовала ему. Дочь же отъ Анны Болейнъ, Елисавету, онъ считалъ слишкомъ склонною къ протестантизму. Поэтому парламентъ постановилъ, что наслѣдовать престолъ могутъ только дѣти Джени Сеймуръ. Не довольствуясь этимъ, парламентъ, вопреки основаніямъ англійскаго государственнаго права, постановилъ, что если Генрихъ не будетъ имѣть дѣтей ни отъ нынѣшней, ни отъ будущихъ женъ, то можетъ передать престолъ *) кому угодно, мужчинѣ или женщинѣ, посредствомъ патента подъ большой государственной печатью или собственноручнымъ завѣщаніемъ.

---

*) To limit the crown in the possession and remainder.

Къ несчастью, король продолжалъ быть ученымъ богословомъ и, какъ всѣ они, считалъ злодѣемъ всякаго, кто въ чемъ нибудь расходился съ нимъ въ вѣрованіяхъ. Поэтому, какъ мы покажемъ ниже, онъ хотѣлъ преобразовать католицизмъ и даже отмѣнилъ четыре таинства, которыя прежде защищалъ противъ Лютера. Онъ вошелъ въ спошенія съ нѣмецкими государями, но спошенія эти не имѣли послѣдствій, потому что въ это самое время Генрихъ свирѣпствовалъ въ Англіи противъ протестантовъ и лоллардовъ. Лингардъ и Рапэнъ Туара говорятъ подробно о преслѣдованіи еретиковъ, но мы укажемъ лишь на одинъ фактъ, относящійся къ 1538 г., гдѣ Кранмеръ также увлекся ненавистью Лютера къ причастникамъ. Одинъ антверпенскій проповѣдникъ, Іанъ Никольсонъ, называемый также Ламбертомъ, за свои свободныя мнѣнія былъ принужденъ удалиться изъ Антверпена и переѣхалъ въ Лондонъ. Будучи послѣдователемъ Цвингли, онъ возбудилъ противъ себя ненависть фанатическаго поклонника Лютера, Кранмера. Однако его сожгли не тотчасъ, а сперва постарались вразумить. Съ этою цѣлью устроился публичный диспутъ въ уэстминстерской залѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ Генрихъ. Никольсонъ имѣлъ дерзость не согласиться съ королемъ и былъ за это сожженъ, какъ еретикъ.

Король хотѣлъ, во что бы то ни стало, доказать, что онъ столь же примѣрный папа и богословъ, какъ и автократъ. Онъ написалъ книгу въ защиту католицизма; впрочемъ во всей книгѣ только имя въ заглавіи было его. Въ первомъ сочиненіи онъ отстаивалъ всѣ семь таинствъ, во второмъ только три. Доказано, что въ сочиненіи этой книги онъ принималъ еще меньше участія, чѣмъ въ сочиненіи прежней; но на этотъ разъ было еще нужнѣе выставить въ заглавіи его имя, потому что сочиненіе, скомпилированное его богословами, долженствовало служить основнымъ законоположеніемъ для учрежденной имъ церкви; слѣдовательно, нужно было, чтобы оно исходило прямо отъ него. Англійское духовенство имѣло и доселѣ имѣетъ свой особый парламентъ, раздѣленный на двѣ палаты и называемый конвокаціей, подобно тому, какъ народъ имѣетъ свѣтскій парламентъ. Замѣшательство, господствовавшее въ религіи, смутило англійское духовенство, и нижняя палата его парламента представила верхней 50 положеній, извлеченныхъ изъ разныхъ сочиненій реформаторовъ и казавшихся ей весьма важными. Генрихъ вознамѣрился самъ разрѣшить эти вопросы. Кромвель представилъ конвокаціи книжку, озаглавленную «Уставъ», написанную будто бы Генрихомъ; духовенство подписало ее. Она содержала въ себѣ изложеніе англиканскаго исповѣданія, какъ у германскихъ лютеранъ шмалькальденское и аугсбургское. Книга эта, которую мы знаемъ только по слухамъ, за небольшими исключеніями обнаруживаетъ только привязанность къ схоластической догматикѣ, изученіе которой стоило королю столькихъ трудовъ и столько времени. Она состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ утверждается непреложность апостольскаго, Афанасіева и никейскаго исповѣданія, внѣ котораго нѣтъ спасенія. Во второмъ говорится о трехъ таинствахъ: крещеніи, покаяніи и причащеніи и доказывается, что они установлены Богомъ для спасенія людей. Въ третьемъ отдѣлѣ сказано, что, хотя употребленіе образовъ, поклоненіе святымъ, молитвы и просьбы о ходатайствѣ ихъ предъ Богомъ и всѣ церковныя церемоніи сами по себѣ не даютъ отпущенія грѣховъ и не ведутъ прямо къ блаженству, но весьма полезны и должны быть удержаны вѣрующими.

Кромвель и Кранмеръ не осмѣливались обнаружить свои убѣжденія, потому что Джени Сеймуръ снова ввела въ милость герцога Норфока и Гардинера. Въ октябрѣ 1537 г. она умерла послѣ рожденія сына (Эдуарда VI). Гардинеръ съумѣлъ ускользнуть отъ страшныхъ преслѣдованій, воздвигнутыхъ королемъ на всѣхъ друзей папы Климента VII. Онъ пробылъ два года за границей посланникомъ, а по возвращеніи отправился въ свое уинчестерское епископство, не показавшись королю на глаза. Въ 1539 г. онъ былъ призванъ ко двору и вмѣстѣ съ герцогомъ Норфокомъ сталъ завѣдывать дѣлами. Онъ написалъ уставъ, который Генрихъ выдалъ за свой и приказалъ парламенту признать закономъ. Былъ изданъ особый статутъ, справедливо прозванный кровавымъ, предписывавшій подъ страхомъ смертной казни вѣрить въ этотъ уставъ. Уставъ былъ обоюдоострымъ орудіемъ, которымъ тиранъ могъ умерщвлять то протестантовъ, то католиковъ. Впрочемъ, онъ былъ направленъ преимущественно противъ протестантовъ, по-

тому что смертной казни подлежали тѣ, кто отвергаетъ присутствіе въ причащеніи тѣла и крови Христовыхъ, кто причащается подъ двумя видами, кто считаетъ дозволеннымъ бракъ священниковъ, кто полагаетъ, что позволительно нарушать обѣтъ цѣломудрія, кто думаетъ, что приватныя мессы безполезны, и кто отрицаетъ тайную исповѣдь. Напротивъ того, Кромвель, въ качествѣ генеральнаго викарія, направилъ свои мѣры противъ католиковъ. Онъ велѣлъ прочесть книгу короля въ церквахъ и запретилъ проповѣдывать всѣмъ, кромѣ епископовъ или по крайней мѣрѣ въ ихъ присутствіи и подъ ихъ отвѣтственностью. Король приказалъ конвокаціи издать отъ имени всего духовенства другое исповѣданіе своей церкви, служившее руководствомъ къ познанію догматовъ вѣры (the godly and pious institution of a Christian Man); она была подписана всѣми архіепископами, епископами, архидіаконами и докторами гражданскаго и каноническаго права; книга эта чрезвычайно похожа на императорскій катихизисъ Бонапарта. Она содержитъ въ себѣ семь таинствъ, три высшихъ и четыре низшихъ, десять заповѣдей, «Отче нашъ» и «Богородица», предписываетъ вѣрить въ искупленіе Христомъ и въ чистилище. Папская власть отвергается, за то вмѣняется въ обязанность пассивное повиновеніе королю.

Стараясь подобными мѣрами поддержать старое ученіе, Генрихъ продолжалъ кровавымъ образомъ преслѣдовать католиковъ особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ декабрѣ 1538 г. папа Павелъ III издалъ противъ него вышеупомянутую буллу. Булла эта повлекла за собою истребленіе родовъ Куртнэ и Поль, послѣднихъ потомковъ іоркскаго дома. Куртнэ былъ внукъ Эдуарда IV, а Поль — герцога Георга Кларенса. Всѣ члены этихъ фамилій были внезапно схвачены и обвинены въ намѣреніи возвести на престолъ Реджинальда Поль, который жилъ въ Римѣ и былъ кардиналомъ. Процессъ обвиненныхъ, законный по формѣ, былъ возмутителенъ и въ высшей степени несправедливъ. Перовъ судили перы, а прочихъ — судъ присяжныхъ равнаго съ нимъ званія; но, чтобы имѣть противъ нихъ доказательства, воспользовались низостью и трусостью сэра Джофри Поля, брата Реджинальда; онъ получилъ помилованіе, согласившись погубить прочихъ. Въ январѣ 1539 г. всѣ Поли, кромѣ сэра Джофри и отсутствующаго кардинала, были казнены; сэръ Джофри былъ изгнанъ изъ Англіи и получилъ позволеніе возвратиться только въ слѣдующее царствованіе. Генрихъ хотѣлъ схватить и кардинала Поля, котораго ненавидѣлъ, какъ знаменитаго, талантливаго и изящнаго ученаго, превосходнаго стилиста и автора книги, направленной противъ богословскихъ претензій короля (de unitate ecclesiae); но попытка не удалась. Увидѣвъ невозможность овладѣть кардиналомъ, Генрихъ велѣлъ казнить (май 1541 г.) его семидесятилѣтнюю мать, послѣднюю отрасль Плантагенетовъ. Впрочемъ, показанія Джофри Поля, который былъ обвинителемъ своихъ родныхъ и свидѣтельствовалъ противъ нихъ, доказываютъ, что потомки іоркскаго дома, подвергшіеся такой жестокой участи, дѣйствительно имѣли какіе-то замыслы и хотѣли воспользоваться политическою репутаціею кардинала Реджинальда.

Королемъ всегда управляли женщины, пока въ немъ не пробуждалась новая страсть; до смерти Джени Сеймуръ Кромвель склонялъ его къ мѣрамъ, хотя не прямо преобразовательнымъ, но по крайней мѣрѣ антикатолическимъ. Но по смерти Джени, Гардинеръ и герцогъ Норфокъ снова пріобрѣли большое вліяніе, и Генрихъ опять склонился на сторону старой церкви. Друзья Кранмера и реформаціи, Шекстонъ, которому король далъ въ 1535 г. епископство Салисбёри, отнятое у кардинала Кампеджіо, и Латимеръ, получившій епископство уорчестерское, отобранное у итальянца Гинуччи, были слабы и тупы, тогда какъ многочисленные враги ихъ были хитры, ловки и обладали дипломатическою совѣстью. Знатнѣйшими изъ нихъ были герцогъ Норфокъ, Гардинеръ и Бонеръ, который такъ ловко обманулъ вице-регента (Кромвеля), что послѣдній далъ ему епископство лондонское. Они были недовольны мѣрами, которыми Генрихъ хотѣлъ ввести въ обманъ нѣмецкихъ государей. Кромвель и Кранмеръ сблизили въ послѣднее время короля съ нѣмецкими лютеранами, и политика Генриха требовала изданія постановленій, которыя заставляли бы предполагать, что онъ намѣренъ серьезно преобразовать не только церковь, но и религію. Генрихъ велѣлъ обнародовать отчетъ коммисіи, открывшей въ монастыряхъ невѣроятные пороки, развратъ и преступленія, и даже приказалъ ввести въ общее употребленіе въ церк-

вахъ переводъ библіи Тиндаля; онъ велѣлъ учить дѣтей наизустъ на англійскомъ языкѣ «Отче нашъ», «Вѣрую» и десять заповѣдей, а духовенству предписалъ проповѣдывать, что можно спастись только личными заслугами. Далѣе, онъ приказалъ объявить, что мощи, четки и тому подобныя вещи не ведутъ къ спасенію души. По его приказанію, образа, которымъ приносились жертвы, были убраны, и было запрещено зажигать свѣчи предъ образами, кромѣ распятія. Еще прежде онъ началъ процессъ противъ св. Ѳомы и приказалъ сжечь его останки. Наконецъ онъ запретилъ пѣть «моли Бога о насъ», обращаясь къ святымъ. Тогда Гардинеръ и другіе замѣтили Генриху, что Кранмеръ, Шекстонъ и Латимеръ до сихъ поръ не признали еще предписанныхъ имъ шести параграфовъ. Поэтому онъ потребовалъ, чтобы они представили письменно основанія своего отказа; но они не исполнили этого требованія, и тогда ярость его обрушилась не на Кранмера, а на Шекстона и Латимера, которые, хотя и отказались отъ своихъ епископствъ, но тѣмъ не менѣе были посажены въ Тоэуръ.

Усиливавшееся вліяніе Гардинера и его друзей внушило Кромвелю мысль привязать короля къ Шмалькальденскому союзу бракомъ съ нѣмецкой принцессой. Въ политическомъ отношеніи это было хорошо придумано, потому что въ то время папа и императоръ возстановили противъ протестантовъ и короля французскаго; при томъ папа издалъ наконецъ противъ Генриха буллы, составленныя два года назадъ. Но Генрихъ былъ не такой государь, который бы рѣшился жениться изъ политическихъ разсчетовъ; онъ слѣдовалъ во всемъ только чувственнымъ побужденіямъ. Кромѣ того забыли, что Генрихъ оттого и былъ такъ несчастливъ въ своихъ выборахъ, что предпочиталъ легкомысленныхъ, но красивыхъ и кокетливыхъ женщинъ, благоразумнымъ и добродѣтельнымъ. Поэтому политико-религіозная интрига Кромвеля кончилась неудачно и повела лишь къ тому, что король совершенно предался католической партіи. Кромвель уговорилъ короля жениться на лютеранской принцессѣ Аннѣ Клеве, сестра которой была замужемъ за Іоанномъ Фридрихомъ Саксонскимъ. Принцесса была дурна, и притомъ Кромвель и его повѣренный въ Германіи, Бернесъ, позорно обманули короля. Бернесъ послалъ въ Англію превосходный портретъ принцессы, нарисованный извѣстнымъ нѣмецкимъ живописцемъ Гольбейномъ. Портретъ этотъ привелъ короля въ такой восторгъ, что онъ выѣхалъ на встрѣчу своей невѣстѣ инкогнито до Рочестера. Но какъ ужаснулся онъ при видѣ неуклюжей вестфальской фигуры! Онъ пришелъ въ сильное негодованіе, которое по обыкновенію выразилъ очень грубо, сказавъ, что не хочетъ нѣмецкой кобылы. Обстоятельства не позволили ему, какъ онъ желалъ, избавиться отъ необходимости совершить бракъ. Свадьба была отпразднована 6 января 1540 г. Но Генрихъ находилъ, что не можетъ жить съ Анной тѣмъ болѣе, что она говоирла только по нѣмецки, а онъ не понималъ этого языка.

Бракъ этотъ повлекъ за собой паденіе Кромвеля. Этому способствовало еще то, что въ то же время Генрихъ влюбился въ Екатерину Говардъ, племянницу герцога Норфока. Кромвель еще недавно былъ назначенъ предсѣдателемъ коммисіи, которой, въ виду общаго неудовольствія противъ устава, было поручено составить новый катихизисъ. Но въ политикѣ короля произошла перемѣна, отразившаяся по обыкновенію и на религіи его. До сихъ поръ онъ нуждался въ содѣйствіи Шмалькальденскаго союза противъ императора, вслѣдствіе чего согласился на бракъ съ Анной Клеве и, чтобы не оскорбить лютеранъ, терпѣлъ Кромвеля. Но, переставъ опасаться императора и нуждаться въ союзникахъ, онъ свергнулъ Кромвеля и Бернеса и развелся съ Анной. Гардинеръ произнесъ однажды рѣзкую проповѣдь противъ лютеранскаго догмата, что для спасенія достаточно одной вѣры безъ дѣлъ. Тогда въ концѣ февраля Бернесъ взошелъ на кафедру и сказалъ энергическую рѣчь, въ которой не только возставалъ на ученіе Гардинера, но и противъ личности его. Это взбѣсило короля. Бернеса пригласили въ духовную коммисію, и король задалъ ему нагоняй. Затѣмъ Генрихъ вступилъ съ нимъ въ диспутъ о благодати, при чемъ Бернесъ благоразумно уступилъ ему и получилъ приказаніе произнести въ первое воскресенье послѣ Пасхи проповѣдь и опровергнуть прежнія слова свои. Однако уступчивость Бернеса была только внѣшняя; онъ отказался отъ своихъ словъ и просилъ у Гардинера прощенія, но въ проповѣди повторилъ, и даже въ болѣе

сильныхъ выраженіяхъ, все, что говорилъ прежде о вѣрѣ и дѣяніяхъ. Король счелъ это насмѣшкой надъ собою и приказалъ заключить въ тюрьму Бернеса и двухъ другихъ лютеранскихъ проповѣдниковъ. Кромвель пробылъ въ милости нѣсколько мѣсяцевъ и при открытіи парламента объявилъ ему отъ имени короля, что по случаю религіозныхъ несогласій назначаются двѣ коммисіи изъ прелатовъ и докторовъ. Одной будетъ поручено сдѣлать сводъ догматовъ королевско-христіанской церкви, а другой—постановить, какіе обряды должны быть сохранены. Въ это время, когда погибель Кромвеля считали несомнѣнною, король наименовалъ его графомъ Эссексомъ и оберъ каммергеромъ (lord Chamberlain). Но онъ имѣлъ неосторожность снова возбудить противъ себя народную ненависть, что дало королю поводъ пожертвовать имъ для искупленія своихъ собственныхъ грѣховъ. Кромвель провелъ законъ, которымъ королю отдавались имущества госпиталитовъ, и принудилъ угрозами членовъ свѣтскаго парламента назначить въ пользу короля чрезвычайный налогъ на всѣ движимыя и недвижимыя имущества. Кромѣ того онъ вынудилъ у духовенства на два года десятину и 2% дохода. При этомъ, онъ не предчувствовалъ, что Норфокъ и многіе богословы, которыхъ онъ преслѣдовалъ, уже возстановили короля противъ него. Не стоитъ перечислять обвиненій, возведенныхъ на Кромвеля герцогомъ Норфокомъ въ засѣданіи королевскаго совѣта 10 іюня 1540; весь ходъ дѣла въ этомъ засѣданіи былъ, очевидно, заранѣе рѣшенъ королемъ, который, при отправленіи кого нибудь на тотъ свѣтъ, всегда находилъ обвинителей и услужливыхъ судей. Еще утромъ этого дня Кромвель предсѣдательствовалъ въ парламентѣ, а въ три часа пополудни въ засѣданіи тайнаго совѣта герцогъ обвинялъ его въ государственной измѣнѣ; король приказалъ немедленно арестовать его. Неизвѣстно, почему король въ этомъ случаѣ избралъ самый возмутительный и гнусный путь къ осужденію Кромвеля посредствомъ билля of attainder. Онъ могъ бы предать его суду перовъ, которые навѣрно осудили бы его, потому что питали къ нему вполнѣ заслуженную ненависть. Король предпочелъ способъ, который такъ часто употреблялъ самъ Кромвель, 19 іюня онъ былъ осужденъ, а 29 іюля казненъ.

9 іюля Генрихъ развелся съ Анной Клеве и 8 августа женился на племянницѣ Норфока, Екатеринѣ Говардъ. Лингардъ доказалъ, вопреки мнѣнію Юма, что отношенія этой особы къ герцогу не были дружественны. Поэтому женитьба на ней короля была лишь потому причиной паденія Кромвеля, что при этомъ были разоблачены его интриги, которыми онъ содѣйствовалъ браку короля съ Анной Клеве; обнаруженіе этихъ интригъ побудило короля къ разводу. Бракъ съ Екатериной уронилъ вліяніе протестантовъ; устоялъ только Кранмеръ, благодаря своимъ достоинствамъ и заслугамъ. Впрочемъ въ это время король съ одинаковою жестокостью преслѣдовалъ какъ папистовъ, такъ и лютеранъ. Поуэль, Абель и Фитерстонъ были осуждены парламентомъ посредствомъ билля of attainder и повѣшены или четвертованы за то, что не признали духовнаго владычества короля. Бернесъ, Гарретъ и Джеромъ были сожжены, какъ лютеранскіе еретики.

Екатерина Говардъ была весьма вѣтренная женщина, неприлично вольная въ обращеніи; совѣтники короля отзываются о ней съ странными похвалами *). Протестанты, потерявшіе черезъ ея бракъ съ королемъ и вслѣдствіе казни Кромвеля все свое значеніе, отмстили новой королевѣ самымъ неблагороднымъ образомъ, вывѣдавъ разные грѣшки, водившіеся за ней до замужества; непріятно слышать, что такой человѣкъ, какъ Кранмеръ, согласился вступить въ затоворъ противъ слабой женщины, недостатки которой были ничто въ сравненіи съ преступленіями ея мужа. Кранмеръ вывѣдалъ отъ одной статсъ-дамы Екатерины, что до замужества она находилась въ связи съ нѣкоторыми дворянами, состоявшими въ свитѣ ея бабушки. Пріобрѣтя доказательства, онъ, по совѣту своихъ друзей, графа Гертфорда и канцлера, сообщилъ свои открытія королю (4 ноября 1541). Главный виновникъ Дергэмъ сознался добровольно. Королева хотя отвергла обвиненіе при допросѣ въ тайномъ совѣтѣ, но Кранмеръ, воспользовавшись ея испугомъ, уговорилъ ее подписать въ ту же ночь сознаніе. Она была заключена въ

---

*) Она отличается внѣшнимъ видомъ честности, чистоты и непорочности (by a notable appearence of honour, cleanness and madenly behaviour).

Тоуэръ, и при дальнѣйшемъ изслѣдованіи открылся цѣлый рядъ весьма непривлекательныхъ сценъ, происходившихъ не только до брака, но и потомъ. Король, влюбленный въ жену, пришелъ въ совершенное отчаяніе, увидѣвъ себя обманутымъ. Кровь снова полилась потоками. Два главныхъ любовника королевы повѣшены 30 ноября 1541. Дядя королевы, лордъ Уильамъ Говардъ, его жена, пять другихъ женщинъ и четверо дворянъ были осуждены 10 декабря, какъ участники въ государственномъ преступленіи (misprision of treason) за то, что скрыли отъ короля прежнюю жизнь его жены. Королева была осуждена въ февралѣ 1542 биллемъ парламента, созваннаго въ январѣ; парламентъ нашелъ ее виновною въ государственной измѣнѣ, и 18 февраля ее казнили. Анна Клеве уцѣлѣла. Она была флегматическаго характера и не любила короля точно также, какъ и онъ ее; поэтому она согласилась на разводъ. За это Генрихъ принялъ ее въ сестры и назначилъ содержаніе, какого не далъ бы ей ея братъ, герцогъ Клеве. Жизнь въ Англіи нравилась ей больше, чѣмъ въ Вестфаліи, вслѣдствіе чего она осталась при дворѣ Генриха.

Кровавыя дѣйствія короля всегда зависѣли отъ его домашнихъ и супружескихъ обстоятельствъ; жестокостью его руководили то католики, то протестанты, хотя какъ тѣ, такъ и другіе тщательно скрывали свои вѣрованія. Вліяніе этихъ религіозныхъ партій порождало многочисленныя противорѣчивыя распоряженія, издаваемыя королемъ по дѣламъ религіи и финансовъ. Въ 1542 г. переводъ библіи Тиндаля, который былъ сначала допущенъ Генрихомъ, подвергся запрещенію (какъ crafty, false and untrue); былъ изданъ другой переводъ, но читать его имѣли право только лорды, джентльмены и ихъ жены и дочери. Простому же народу, ремесленникамъ, подмастерьямъ, мастеровымъ, слугамъ, поденщикамъ и крестьянамъ, было запрещено читать библію подъ страхомъ тюремнаго заключенія на мѣсяцъ. Вмѣсто катехизиса (institution), изданнаго коммисію во время господства Кромвеля, составленъ другой, называемый королевскою книгою (the kingsbook); король приказалъ распространить его во всѣхъ приходахъ и руководствоваться имъ въ проповѣдяхъ. Хотя этотъ катехизисъ въ цѣломъ былъ совершенно согласенъ съ прежнимъ, но многія частности были значительно измѣнены. Такъ, напримѣръ, строго предписывалось вѣрить въ догматъ пресуществленія и приказано причащать подъ обоими видами. Королевская книга была одобрена обѣими палатами духовнаго (the Convocation), который запретилъ все, несогласное съ новымъ катехизисомъ.

Генрихъ воспользовался для своихъ денежныхъ вымогательствъ несогласіями съ Франціей и союзомъ съ шотландскимъ королемъ, который былъ въ тѣсной связи съ нимъ, вслѣдствіе брака и по договору. Кромѣ неслыханныхъ налоговъ, о которыхъ мы говорили, въ маѣ 1543 г. отъ духовенства потребовали новыхъ суммъ, а на свѣтскія имущества наложили подать, простиравшуюся приблизительно отъ 4 пенсовъ до 3 шиллинговъ съ фунта стерлинговъ. Вскорѣ заставили всѣхъ, имѣвшихъ болѣе 40 фунтовъ имущества, дать королю заемъ, а затѣмъ парламентъ разрѣшилъ Генриху не платить долговъ. Однако и этого было мало, и тотчасъ послѣ всѣхъ этихъ поборовъ возобновили сборъ, извѣстный подъ именемъ добровольной дани (benevolence), ненавидимый всѣми со времени Генриха VII (стр. 161 и 164); сверхъ того понизили достоинство монеты. Но и этого оказалось мало, поэтому вскорѣ взяли съ духовенства еще 15% дохода, а съ свѣтскихъ землевладѣльцевъ 20%; кромѣ того вытребовали по 2 ш. 8 пенсовъ съ каждыхъ 100 фунт. имущества.

Раболѣпный парламентъ, разрѣшавшій всѣ эти поборы, утвердилъ законъ, которымъ намѣревались оградить короля отъ невѣрностей будущихъ женъ. Парламентъ убѣдительно просилъ короля во время процесса Екатерины Говардъ казнить не только ее, но и бабку ея, вдовствующую герцогиню Норфокъ, ея отца, мать, герцогиню Бриджеватеръ и графиню Рочфордъ, которая нѣкогда обвинила своего мужа въ связи съ его сестрой, Анной Болейнъ. Не надѣясь примѣромъ казни двухъ королевъ воздержать страсти будущихъ, хотѣли по крайней мѣрѣ устрашить любовниковъ ихъ. Былъ изданъ законъ, объявлявшій виновнымъ въ государственной измѣнѣ всякаго, кто, зная о невѣрности королевы, не донесетъ о томъ немедленно. Далѣе, было постановлено, что женщина, за которую король сватается, не должна обманывать его относительно своей невинности, подъ страхомъ смертной казни. Смертная казнь была опредѣлена какъ тѣмъ, кто бы взду-

малъ соблазнять королеву или принцессу Уэльсскую, такъ и самой королевѣ или принцессѣ, если бы она допустила увлечь себя. Наконецъ тому же наказанію подлежали всѣ лица, которыя, какимъ бы то ни было образомъ, принимали участіе въ любовныхъ интригахъ королевы, и всѣ тѣ, кто зналъ о порочности королевской невѣсты и не донесъ.

Не смотря на всѣ эти угрозы, Генрихъ не рискнулъ въ шестой разъ жениться на дѣвушкѣ; въ іюлѣ 1543 г. онъ женился на вдовѣ лорда Латимера, **Екатеринѣ Парръ**. Она была всей душой предана протестантизму, къ которому принадлежали братъ ея, сдѣланный Генрихомъ графомъ Эссексомъ, и дядя. Католики стали опасаться вліянія королевы и ея родныхъ и ожидали, что Кранмеръ, который, несмотря на преданность лютеранству, болѣе всѣхъ пользовался расположеніемъ короля, предприметъ новыя религіозныя перемѣны. Чтобы отклонить эту опасность, канцлеръ, лордъ Райотесли и епископъ уинчестерскій Гардинеръ старались погубить королеву посредствомъ богословія ея мужа; это было не трудно, потому что канцлеръ былъ богословъ и юристъ, а Гардинеръ — теологъ, съѣвшій зубы на каноническомъ правѣ. Притомъ сама королева давала поводъ повредить ей своимъ вполнѣ лютерскимъ, т. е. слишкомъ жаркимъ религіознымъ рвеніемъ. Она читала сочиненія Лютера, которыя такъ ненавидѣлъ ея мужъ, уже за одно то, что авторомъ ихъ былъ Лютеръ; спорила съ Генрихомъ и не соглашалась признать его, какъ главу церкви, непогрѣшимымъ; все это страшно бѣсило короля. Наконецъ въ 1546 г. Гардинеръ и канцлеръ получили приказаніе составить противъ королевы обвинительный актъ. Королева, находившаяся въ сосѣдней комнатѣ, услышала это. Она раскричалась и расплакалась такъ сильно и плакала такъ долго, что король, который не могъ самъ ходить, приказалъ принести себя къ ней и началъ упрекать ее въ томъ, что она слишкомъ сильна въ богословіи. Она тщетно старалась оправдаться. «Нѣтъ, нѣтъ, Катенька, сказалъ Генрихъ, клянусь пречистой дѣвой, я знаю это лучше; ты настоящій профессоръ (a doctor)». Наконецъ королевѣ удалось убѣдить короля, что она считаетъ его величайшимъ ученымъ; тогда онъ помирился съ нею, сказавъ: «Ну если такъ, милое мое дитя, то мы снова будемъ друзьями». На утро явился канцлеръ со стражей, но Генрихъ съ ругательствами выгналъ его. Впрочемъ очень вѣроятно, какъ полагаютъ нѣкоторые, что все это было плоской шуткой, которой Генрихъ старался отучить жену отъ чтенія сочиненій Лютера.

Послѣдніе годы своей жизни Генрихъ провелъ въ заботахъ о своемъ сынѣ и наслѣдникѣ Эдуардѣ, не трогаясь съ кресел отъ толщины, которая доходила до того, что онъ тяготился жизнью. Его очень огорчало, что болѣзненный Эдуардъ былъ послѣднимъ мужескимъ потомкомъ королевскаго дома. Въ 1544 г. Генрихъ воспользовался предоставленнымъ ему парламентомъ правомъ располагать наслѣдствомъ престола. Онъ постановилъ, чтобы ему наслѣдовалъ его сынъ отъ Джени Сеймуръ, Эдуардъ; въ случаѣ его бездѣтной смерти престолъ долженъ перейти къ старшей дочери, Маріи, а если и она не оставитъ наслѣдниковъ, то къ младшей, Елисаветѣ. Генрихъ обошелъ своего племянника, короля шотландскаго, потому что въ это время между ними была война. Въ позднѣйшемъ, вѣроятно подложномъ, завѣщаніи вмѣсто шотландскаго короля упомянуты потомки сестры Генриха, бывшей замужемъ за французскимъ королемъ.

Царствованіе Генриха кончилось также кроваво, какъ началось. За нѣсколько дней до смерти его былъ казненъ сынъ герцога Норфока. Отецъ его избѣжалъ казни только по счастливому стеченію обстоятельствъ: Генрихъ умеръ тотчасъ по подписаніи смертнаго приговора его. Герцогъ Норфокъ и сынъ его, графъ Соррей, были главами рода Говардовъ. Герцогъ занималъ при дворѣ высокое положеніе по своимъ заслугамъ, но особенно потому, что умѣлъ льстить и сообразоваться съ расположеніемъ духа короля. Сынъ его былъ остроумнѣйшій, благороднѣйшій и популярнѣйшій человѣкъ изъ всей аристократіи. Смертельными врагами Говардовъ были Сеймуры, особенно графъ Гертфордъ и сэръ Томасъ Сеймуръ, вожди протестантской партіи, надѣявшіеся по смерти Генриха управлять именемъ девятилѣтняго Эдуарда. Они съумѣли возбудить въ королѣ подозрѣніе противъ Говардовъ, которые имѣли на своей сторонѣ всѣхъ приверженцевъ католицизма, ненавидѣвшихъ протестантовъ Сеймуровъ и ихъ Кранмера. Въ январѣ 1547, за нѣсколько недѣль до смерти короля, Говарды были внезапно

арестованы. Графъ Соррей не былъ перомъ, поэтому его обвинили въ государственной измѣнѣ и предали простому суду. Его обвиняли въ намѣреніи овладѣть престоломъ, приводя въ доказательство, что онъ соединилъ съ своимъ гербомъ гербъ Эдуарда Исповѣдника. Онъ возражалъ на это, что гербъ его давно измѣненъ, но до сихъ поръ никто не протестовалъ противъ этого; но никакія возраженія не спасли его: его осудили и 25 января казнили. Отца его, герцога Норфока, даже не судили, а прямо осудили посредствомъ билля of attainder. Верхняя палата слушала этотъ убійственный законъ 15, 19 и 21 января; 24 онъ прошелъ въ нижней палатѣ, а 27 король утвердилъ приговоръ. Къ счастью для герцога, Генрихъ VIII умеръ въ ночь съ 28 на 29 января 1547, не успѣвъ распорядиться казнить его.

6. Реставрація герцога Ульриха Виртембергскаго.

Планъ дѣйствій противъ протестантовъ, о которомъ Карлъ V условился съ папой Климентомъ VII въ Болоньѣ, былъ разстроенъ, и въ 1532 году состоялся первый религіозный миръ. Папа питалъ къ нему отвращеніе; императоръ былъ также недоволенъ, потому что шмалькальденскіе союзники образовали государство въ государствѣ. Но опасность, грозившая со стороны турокъ, союзъ французскаго короля Франциска I, который надѣялся вновь завоевать Миланъ, съ слабымъ герцогомъ миланскимъ, возстаніе, вторично вспыхнувшее въ Испаніи, и наконецъ возобновленіе войны съ Франціей не позволяли императору обратить вниманіе на Германію. Онъ предоставилъ германскія дѣла своему брату, Фердинанду, избранному римскимъ королемъ. Фердинанду постоянно грозили турки, вслѣдствіе чего онъ не могъ удержать за собою то значеніе, которое братъ предоставилъ ему въ Германіи. Не смотря на сопротивленіе нѣмецкихъ государей, Карлъ отдалъ своему брату, какъ имперскій ленъ, наслѣдственныя владѣнія одного германскаго государя—герцогство Виртембергское, жители котораго были большею частью протестанты; при этомъ онъ далъ Виртембергу всѣ привилегіи, которыми пользовались всѣ наслѣдственныя владѣнія императоровъ австрійскаго дома.

Законный владѣтель этой страны, герцогъ Ульрихъ, бѣдствовалъ и скитался, пытаясь по временамъ силою возвратить себѣ свое герцогство; такъ еще въ 1525 онъ произвелъ подобную попытку, но безуспѣшно. Онъ обращался съ просьбою о помощи къ своему зятю, герцогу Генриху Брауншвейгскому, но добра отъ него не дождался, потому что Генрихъ былъ совершенно равнодушенъ къ своей женѣ и ея роднымъ и помышлялъ только объ Евѣ Троттъ, которую похитилъ и гдѣ-то скрывалъ. Тогда Ульрихъ обратился къ Филиппу Великодушному Гессенскому, приходившемуся ему двоюроднымъ братомъ. Филиппъ принялъ въ немъ серьезное участіе. Ландграфъ былъ самый способный и дѣятельный изъ протестантскихъ государей; онъ одинъ съ самаго начала видѣлъ насквозь властолюбивые планы габсбургскаго дома и понималъ, что лютеранство могутъ подавить не дипломатами, не конгрессами и не спорами, на такъ называемой почвѣ права, а вооруженною силою. Еще на шпейерскомъ сеймѣ (1526 г.) онъ съ герцогомъ Генрихомъ Брауншвейгскимъ и съ четырьмя курфирстами ходатайствовалъ передъ Фердинандомъ за Ульриха. Но эрцгерцогъ, державшій при себѣ сына Ульриха, не соглашался дать герцогу даже пенсіи, если онъ не откажется отъ всякихъ притязаній на свои владѣнія. Поэтому Филиппъ, не взирая на неудовольствіе Фердинанда, позволилъ изгнаннику жить въ Бланкенштейнѣ на Ланѣ, Магдебургѣ и Касселѣ. Живя во владѣніяхъ своего родственника протестанта, Ульрихъ самъ сдѣлался протестантомъ. Между тѣмъ намѣстники Фердинанда, который ни разу не былъ въ Штутгартѣ, угнетали гражданскую свободу виртемберцевъ, подобно тому, какъ Карлъ V нарушалъ вольности испанцевъ; поэтому виртембергцы, которымъ грозила опасность лишиться религіозной свободы, забыли о прежней тираніи Ульриха и желали его возвращенія. Филиппъ энергически протестовалъ въ 1527, 1528 и 1529 годахъ, слѣдовательно до отдачи Виртемберга Фердинанду; но Карлъ отвѣчалъ ему въ Шпейерѣ, что «законный государь и наслѣдственный владѣтель Виртемберга—я». 5 сентября 1530 г. Виртембергъ и другія нѣмецкія наслѣдствен-

ныя земли габсбургскаго дома, тайно уступленныя Фердинанду еще въ 1522 году, были торжественно отданы ему въ ленъ. Тогда ландграфъ объявилъ, что, такъ какъ императоръ закрываетъ для него двери правосудія, то ему остается только поднять оружіе за права своего двоюроднаго брата. Но онъ не могъ исполнить своего намѣренія, пока существовалъ швабскій союзъ, заключившій съ Фердинандомъ договоръ (стр. 385). Филиппъ разрушилъ швабскій союзъ, имѣвшій цѣлью только охраненіе земскаго мира; онъ заключилъ съ епископомъ бамбергскимъ, курфирстами Трирскимъ, Пфальцскимъ и Майнцскимъ союзъ, цѣль котораго было обезпеченіе ихъ владѣній. Такимъ образомъ швабскій союзъ сталъ не нуженъ и распался. Филиппъ представилъ дѣло Ульриха послѣднему сеймовому съѣзду.

Германіи уже грозила опасность уподобиться Испаніи. Но Филиппъ спасъ ее отъ этого. Іоаннъ Фридрихъ Саксонскій былъ болѣе богословъ, чѣмъ государь. Въ Виртембергѣ совѣтники Фердинанда такъ же пронырливо подкапывались подъ права страны, какъ братъ его въ Кастиліи: права уничтожались постепенно. Когда нужно было получить согласіе страны на налогъ, то не собирали сеймъ, а приглашали депутатовъ нѣкоторыхъ городовъ, выбирая людей слабыхъ и уступчивыхъ; черезъ нихъ распоряжались какъ хотѣли. Если бы между жителями Виртемберга господствовало единодушіе, то ни Фердинандъ, ни братъ его не могли бы прибѣгать къ насилію; но тамъ происходило то же, что и въ Кастиліи: рыцари, прелаты и граждане постоянно враждовали между собою изъ-за сословныхъ интересовъ. Къ счастію, сынъ Ульриха, Христофъ, былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ характеровъ, которые по временамъ вознаграждали Германію за цѣлый рядъ властолюбцевъ и эгоистовъ. Этотъ принцъ, имѣя только семнадцать лѣтъ отъ роду, сопровождалъ въ 1532 императора въ походѣ противъ турокъ. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ его свитѣ въ Италію; дорогой учителю его, Биссерну, пришло на умъ, что принцъ будетъ вѣроятно завезенъ въ Испанію, гдѣ и исчезнетъ. Поэтому, доѣхавъ до тирольскихъ горъ, онъ увезъ своего ученика въ безопасное мѣсто, которое было извѣстно только герцогамъ баварскимъ, братьямъ его матери. Христофъ, скрывавшійся сначала въ Баваріи, а потомъ въ Граубинденѣ, написалъ отъ 17 ноября 1532 письмо швабскому союзу, заявляя свои права на Виртембергъ. Ландграфъ Филиппъ примирилъ его съ отцомъ, который доселѣ былъ съ нимъ въ ссорѣ, и хлопоталъ о томъ, чтобы тяжба за Виртембергъ была разсмотрѣна на швабскомъ союзномъ съѣздѣ. Съѣздъ этотъ былъ назначенъ по желанію Австріи съ цѣлью возобновить союзъ, срокъ котораго истекалъ. Онъ происходилъ въ Аугсбургѣ въ сентябрѣ 1533. Собраніе было блистательно; между прочимъ здѣсь говорилъ рѣчь и французскій посланникъ, присутствовавшій на съѣздѣ. Христофъ въ первый разъ появился въ обществѣ и защищалъ свои права противъ императора, римскаго короля и швабскаго союза. При этомъ ему помогали законовѣды, приставленные къ нему Филиппомъ. Австрійскіе уполномоченные тянули дѣло цѣлыхъ два мѣсяца; но этого-то именно и желалъ ландграфъ. Онъ зналъ, что воръ не выпуститъ изъ рукъ украденную вещь, пока его не ударить по рукѣ; время, назначенное для возобновленія союза, прошло въ спорахъ о Виртембергѣ, и такимъ образомъ швабскій союзъ прекратился.

Затѣмъ ландграфу приходилось имѣть дѣло только съ Фердинандомъ; враждебный ему могущественный союзъ, заключенный для охраненія земскаго мира, пересталъ существовать. Притомъ Фердинандъ былъ занятъ Венгріей и турками, а братъ его внѣшними войнами. Можно было опасаться только герцоговъ баварскихъ; но они были въ родствѣ съ Ульрихомъ и обѣщали держать нейтралитетъ. Поэтому Филиппъ находилъ возможнымъ въ январѣ 1534 завоевать Виртембергъ силою. Его шмалькальденскіе союзники, въ томъ числѣ Іоаннъ Фридрихъ Саксонскій, не одобряли смѣлаго предпріятія; Лютеръ и Меланхтонъ боялись его, а имперскіе суды издавали противъ ландграфа строгіе декреты; но Филиппъ стоялъ на своемъ. Предпріятіе Филиппа было безразсудно; но въ немъ не были замѣшаны ни династическія, ни своекорыстныя цѣли. Ульрихъ обязался только провести въ Виртембергѣ церковную реформу и присоединиться къ Шмалькальденскому союзу. Разумѣется, какой нибудь Германъ Мальсбургъ, которому ландграфъ сообщилъ свой планъ, не могъ понять рыцарской и идеальной стороны предпріятія; поэтому онъ отвѣтилъ ему: «Планъ вашъ превосходенъ, если удастся, но нелѣпъ и опасенъ». Новѣйшій историкъ Кургессена (Роммель) подробно по-

казалъ, какъ трудно было ландграфу собрать нужныя деньги и по какимъ мелочамъ онъ собиралъ ихъ. Охотниковъ служить за деньги или изъ чести было много въ то время, когда постоянныхъ войскъ было мало. Поэтому ландграфъ быстро собралъ въ Гессенѣ, а союзникъ его, Вильгельмъ фонъ Фюрстенбергъ, въ Оберландѣ значительное войско (весной 1534). Силы обоихъ отрядовъ простирались до 30—36 тысячъ человѣкъ. Все зависѣло впрочемъ отъ первой удачи, потому что австрійскіе финансы находились и тогда въ столь плачевномъ положеніи, что продолжительнаго сопротивленія не предвидѣлось.

Фердинандъ не хотѣлъ начинать войны и рисковать своею честью изъ-за Виртемберга; поэтому онъ не послалъ въ Швабію венгровъ и кроатовъ, о присылкѣ которыхъ просило виртембергское намѣстничество. Въ концѣ апрѣля 1534 Филиппъ и Ульрихъ показались на Неккарѣ, и намѣстничеству пришлось обойтись безъ посторонней помощи. Оно выставило на верхнемъ Неккарѣ войско, лучшая часть котораго состояла изъ старыхъ непримиримыхъ враговъ Ульриха. Имъ командовалъ пфальцграфъ Филиппъ, оказавшій важныя услуги императору при защитѣ Вѣны противъ турокъ (стр. 492); оно состояло изъ 12,000 пѣхоты и 800 рейтаровъ, нанятыхъ за большую плату. Ландграфъ и Фюрстенбергъ обошли его и 13 мая 1534 на голову разбили и разсѣяли при Лауфенѣ на Неккарѣ. Послѣ побѣды ландграфъ проникъ до Дуная и навелъ ужасъ на окрестныя страны; Австріи угрожали съ запада гессенцы, а съ востока турки.

Фердинандъ старался представить поступокъ ландграфа и Фюрстенберга результатомъ Шмалькальденскаго союза и нарушеніемъ земскаго мира; но герцогъ Георгъ Саксонскій, хотя и считался фанатикомъ, однако принялъ сторону своего зятя и требовалъ, чтобы Фердинандъ согласился вступить въ переговоры. Курфирстъ Саксонскій принялъ на себя посредничество. Переговоры начались въ Аннабергѣ и черезъ шесть недѣль послѣ сраженія при Лауфенѣ (29 іюня) кончились **Каданскимъ договоромъ** (Каданъ въ Богеміи). Договоромъ этимъ Ульриху были возвращены его владѣнія; Фердинандъ требовалъ, чтобы Гессенъ и Саксонія признали его за это римскимъ королемъ. Но упрямый курфирстъ продолжалъ упорствовать, что было совершенно безполезно, такъ какъ Фердинандъ избранъ всѣми остальными курфирстами. Изъ своихъ видовъ онъ допустилъ вставить въ Каданскій договоръ, который былъ заключенъ имъ отъ имени Филиппа и Ульриха, условіе, имѣвшее самыя вредныя послѣдствія для Ульриха, для его сына Христофа и для всего Виртемберга. Оно состояло въ томъ, что Ульрихъ призналъ свое государство наслѣдственнымъ австрійскимъ леномъ.

Первымъ результатомъ реставраціи Ульриха и его сына было введеніе во всемъ Виртембергѣ реформаціи и секуляризація духовныхъ владѣній. При этомъ воспользовались опытами, сдѣланными въ Саксоніи. Церковныя имущества были безусловно предоставлены въ Саксоніи курфирсту и достались придворнымъ, а новая церковь получила лишь скудные остатки. Въ Виртембергѣ преобразованіями завѣдывалъ Озіандеръ, который дѣйствовалъ иначе; съ самаго же начала было рѣшено, что все достояніе старой церкви должно перейти къ новой или быть обращено на общеполезныя цѣли; государь не получилъ права располагать имъ. Все духовное имущество было отдано новой церкви; а такъ какъ при новомъ порядкѣ управленія духовными имѣніями доходы ихъ должны были возвыситься, то излишекъ слѣдовало откладываться на черный день для страны.

Предпріятіе ландграфа въ пользу Ульриха, его непріязненный образъ дѣйствій до заключенія Каданскаго мира, смѣлое поведеніе членовъ Шмалькальденскаго союза при заключеніи договора—все это возбудило гнѣвъ императора противъ протестантовъ, которые обирали своихъ духовныхъ сочленовъ и забывали значеніе императорскаго сана. Въ то время Карлъ былъ еще принужденъ скрывать свои чувства; но онъ ожидалъ съ страстнымъ нетерпѣніемъ того часа, когда можно будетъ отмстить протестантамъ и наложить на имперію свою руку. Но долго возникали новыя обстоятельства, не позволявшія императору заняться насильственнымъ возстановленіемъ своей власти и стараго церковнаго порядка, на которомъ она основывалась; въ это время произошли другія событія, усилившія въ немъ недовѣріе къ протестантскому союзу и ненависть къ вождямъ его. Мы должны указать на нѣкоторыя изъ этихъ событій, потому что они объясняютъ причину такъ называемой шмалькальденской войны.

7. Мюнстерскія безпокойства.

Послѣ казни Томаса Мюнцера послѣдователи ученія о необходимости втораго крещенія въ зрѣломъ возрастѣ, называемые перекрещенцами (анабаптистами), подверглись въ Германіи самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ. Но они нашли убѣжище и приверженцевъ въ Нидерландахъ, восточной Фрисландіи и Вестфаліи. Такъ какъ въ этихъ странахъ за ними не шпіонили и они не подвергались, какъ въ Саксоніи и верхней Германіи, казнямъ или, какъ въ Гессенѣ, тюремному заключенію, то число ихъ чрезвычайно умножилось. Въ восточной Фрисландіи, Голландіи и въ верхнемъ Исселѣ они вскорѣ возбудили фанатическое волненіе, побудившее нидерландскія городскія власти употребить противъ нихъ строгія мѣры, такъ какъ въ Голландіи они дѣйствовали совершенно также, какъ прежде въ Саксоніи, а потомъ въ Мюнстерѣ. Въ Амстердамъ пришли корабли, наполненные послѣдователями новаго ученія; когда прибывшихъ спрашивали, куда они ѣдутъ, они отвѣчали: «Въ страну, которую укажетъ намъ Богъ». На другой день утромъ пять перекрещенцевъ бѣгали съ обнаженными мечами по городу и кричали: «Во имя Господа! Да будутъ благословенны тѣ, которые стоятъ по правую сторону, и да будутъ прокляты, стоящіе по лѣвую сторону этого города». Во всѣхъ большихъ городахъ граждане взялись за оружіе противъ фанатиковъ; правительница Нидерландовъ Марія венгерская и графъ Гоохстратенъ приказали казнить многихъ изъ нихъ.

Предводителемъ партіи въ Голландіи былъ Янъ Трипмакеръ, прибывшій въ Амстердамъ изъ Эмдена, когда графъ Остфрисландскій разогналъ общины, основанныя въ Эмденѣ апостоломъ Мюнцера, Гофманомъ. Трипмакеръ встрѣтилъ въ Голландіи большое сочувствіе; но въ Амстердамѣ его задержали и казнили со многими его послѣдователями. Вмѣсто него предводителемъ секты фанатиковъ, прозванной мельхіоритами, сдѣлался гарлемскій булочникъ Янъ Матиссонъ. Еще изъ Амстердама онъ разослалъ по всѣмъ направленіямъ своихъ приверженцевъ проповѣдывать свое ученіе. Варфоломей Бекбиндеръ и Дирикъ Книперъ отправились въ Фрисландію, гдѣ между прочимъ къ нимъ присталъ Оббе Филиппсъ, ученикъ котораго Менно Симонсонъ сталъ основателемъ мирныхъ перекрещенцевъ, такъ называемыхъ меннонитовъ. Въ теченіе десяти лѣтъ, 1530—1540, въ Лейденѣ и его окрестностяхъ и въ Фрисландіи шла борьба съ сектаторами. Вожди ихъ, булочникъ Янъ Маттиссонъ и портной Янъ Боккольдъ, обыкновенно называемый Яномъ Лейденскимъ, были изгнаны въ вестфальскій городъ Мюнстеръ, гдѣ встрѣтили возможность учредить теократическое государство.

Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія въ Мюнстерѣ, какъ и въ большей части другихъ нѣмецкихъ городовъ, бывшихъ резиденціями епископовъ, народонаселеніе привыкло къ политическимъ раздорамъ, потому что предѣлы епископской власти не были точно опредѣлены, а городскіе совѣты враждовали съ гражданами за участіе въ управленіи. Съ 1524 эти неудовольствія почти прекратились; но въ 1529 они возгорѣлись снова, когда одинъ гессенскій проповѣдникъ Бернгардъ Ротманъ, посланный въ Мюнстеръ ландграфомъ, началъ проповѣдывать реформацію при большомъ стеченіи народа въ загородной церкви св. Морица. Соборный капитулъ запретилъ эти проповѣди, нравившіяся народу и гражданамъ; Ротманъ представилъ капитулу свое исповѣданіе и просилъ назначить диспутъ; но капитулъ отказалъ ему. Тогда граждане приняли гессенскаго проповѣдника подъ свое покровительство, призвали его въ городъ и, овладѣвъ большею честью городскихъ церквей, учредили въ нихъ проповѣдь евангелія. Послѣ долгихъ споровъ съ капитуломъ былъ заключенъ наконецъ въ февралѣ 1533 договоръ, по которому соборъ былъ предоставленъ капитулу, а остальныя церкви протестантскимъ проповѣдникамъ,

Въ слѣдующемъ году въ Мюнстеръ стеклись цѣлыя толпы перекрещенцевъ, изгнанныхъ изъ Нидерландовъ и нѣмецкихъ городовъ. Это былъ самый грубый и дикій народъ, учители и вожди котораго, Янъ Матиссонъ и Янъ Лейденскій,

выдавали себя за пророковъ, исполненныхъ вдохновенія свыше, выражали презрѣніе къ человѣческой наукѣ и называли всѣхъ проповѣдниковъ лжепророками. Ротманъ сначала проповѣдывалъ противъ перекрещенцевъ, но потомъ перешелъ на ихъ сторону. Въ первое время главою этого союза пролетаріевъ противъ собственниковъ былъ не Янъ Лейденскій, а бургомистръ Бернгардъ Книппердоллингъ. 1 февраля 1534 онъ изгналъ изъ города дворянъ, духовенство и всѣхъ зажиточныхъ гражданъ, приказалъ избрать новый городской совѣтъ и назначилъ бургомистрами самого себя и другаго подобнаго же фанатика. Но вскорѣ духовнымъ и свѣтскимъ главою Мюнстера сдѣлался Янъ Лейденскій. Онъ приказалъ жителямъ, подъ страхомъ смертной казни, доставить въ назначенное мѣсто все свое золото, серебро, драгоцѣнности и домашнюю утварь; имуществомъ этимъ должны были завѣдывать діаконы, и оно назначалось въ общее пользованіе всѣмъ жителямъ Сіона, какъ сталъ называться Мюнстеръ. Всѣ книги, имѣвшіяся въ городѣ, въ томъ числѣ очень древнія рукописи, были снесены на площадь и сожжены. Пощадили только библію. Янъ Лейденскій былъ назначенъ главою новаго Сіона; въ помощники ему даны 12 судей, которые изображали старѣйшинъ 12 израилевымъ колѣнъ, окружавшихъ Моисея. Наконецъ Янъ Лейденскій назвался царемъ Сіона, короновался и принялъ всѣ внѣшніе знаки царскаго достоинства.

Между тѣмъ мюнстерскій епископъ Францъ фонъ Вальдекъ собралъ войско и повелъ его противъ фанатиковъ, которые въ огромномъ множествѣ стекались отовсюду въ Мюнстеръ и хорошо укрѣпили этотъ городъ. Когда войско епископа расположилось передъ Мюнстеромъ, Янъ Матиссонъ сдѣлалъ успѣшную вылазку. Успѣхъ этотъ внушилъ ему мысль, что онъ—Гедеонъ Новаго Сіона. Вооружившись копьемъ, онъ бѣгалъ по городу, вызывая тридцать человѣкъ идти за нимъ, чтобы подобно Гедеону, прогнать враговъ безъ всякаго оружія, кромѣ копій. На зовъ его откликнулись, и они вышли противъ непріятеля, но были перебиты всѣ до послѣдняго (май 1534). Но примѣръ этотъ не подѣйствовалъ на остальныхъ. Фанатизмъ ихъ даже еще болѣе воспламенился, когда въ Мюнстеръ пришелъ варендорфскій золотыхъ дѣлъ мастеръ Іоганнъ Таузеншуэръ и возвѣстилъ, что Богъ открылъ ему, что Янъ Лейденскій побѣдоносно обойдетъ всю землю, истребитъ всѣхъ враговъ и спасетъ простой народъ. Янъ Лейденскій организовалъ между тѣмъ свое государство. Книппердоллингъ былъ назначенъ намѣстникомъ, Ротманъ—проповѣдникомъ и Крехтингъ—канцлеромъ. Подробныя свѣдѣнія о дворѣ Яна Лейденскаго находятся въ книгѣ, изданной въ 1725 году подъ заглавіемъ: «Роспись всѣмъ совѣтникамъ, слугамъ и придворнымъ перекрещенскаго царя Яна Лейденскаго». По примѣру Давида и Соломона, царь-пророкъ устроилъ себѣ гаремъ изъ четырнадцати женщинъ. Онъ поступалъ съ ними по восточному и собственноручно казнилъ одну за то, что она осмѣлилась жаловаться на его поступки. Ротманъ издалъ книгу, содержавшую въ себѣ изложеніе главныхъ пунктовъ ихъ ученія, подъ заглавіемъ «Возстановленіе» (Restitution). Въ ней возвѣщается, что по истребленіи всѣхъ безбожниковъ, благочестивые и избранные будутъ царствовать на землѣ до суднаго дня, что Лютеръ и папа оба лжепророки и т. п. Эти сумасбродства происходили въ Мюнстерѣ въ теченіе всего 1534 г.; кромѣ того были посланы 28 проповѣдниковъ въ другія мѣста. Но ихъ всѣхъ казнили, кромѣ Генриха Дорпа. Мы не будемъ подробно описывать дѣянія перекрещенцевъ; достаточно сказать, что Мюнстеръ былъ похожъ на домъ умалишенныхъ.

Лютеръ, Меланхтонъ, Юстусъ Меній и Урбанъ Регій задавали себѣ напрасный трудъ опровергать воззрѣнія анабаптистовъ. Во время виртембергской войны безсильная юстиція имперіи не могла остановить ихъ. Самъ епископъ мюнстерскій и его союзники, архіепископъ кёльнскій и герцогъ Юлихъ-Клеве, не имѣли средствъ вести продолжительную осаду. Въ половинѣ декабря 1534 г. былъ наконецъ созванъ вестфальскій областной съѣздъ въ Кобленцѣ, куда пріѣхалъ и курфирстъ Саксонскій. Но значительнаго войска не могли собрать. Поэтому ограничились угрозами и просили короля Фердинанда назначить имперскій сеймъ. Умѣренная партія анабаптистовъ питала большое довѣріе къ ландграфу Филиппу. Они находились съ нимъ въ перепискѣ и послали ему книгу «Возстановленіе» и другое сочиненіе свое «О тайнахъ писанія». Филиппъ прочелъ обѣ книги, но объявилъ себя противъ ученія, изложеннаго въ нихъ, и даже приказалъ написать на нихъ опроверженіе. Лютера мюнстерцы не хотѣли знать, говоря, что онъ хуже папы. Когда пророчества Яна Лейденскаго не сбы-

лись, граждане хотѣли выдать своего царя врагамъ; но его защищали окружающіе его фанатики. Наконецъ въ апрѣлѣ 1535 король Фердинандъ приступилъ къ военнымъ приготовленіямъ противъ города.

Императоръ обвинялъ въ продленіи мюнстерскихъ безпорядковъ шмалькальденскихъ союзниковъ; ему хотѣлось поскорѣе окончить это дѣло тѣмъ болѣе, что братъ его потому только согласился на каданскій договоръ, что въ противномъ случаѣ и въ 1535 году не могъ бы исполнить просьбу епископа мюнстерскаго. Наконецъ имперскій сеймъ приказалъ собрать для похода противъ Мюнстера 100,000 гульденовъ. Но города и имперскіе чины, въ особенности протестантскіе, обязанные помогать епископу противъ его подданныхъ, дѣйствовали такъ неохотно, что дѣло кончилось бы ничѣмъ, если бы за него не взялся ландграфъ Гессенскій. Фердинандъ выговорилъ въ Каданѣ условіе, чтобы часть войскъ, дѣйствовавшихъ въ Виртембергѣ, была послана противъ Мюнстера.

Въ апрѣлѣ 1535 ландграфъ Филиппъ послалъ своихъ гессенцевъ въ походъ подъ предводительствомъ Зигмунда фонъ Бойнебурга. Съ нимъ соединились войска вестфальскаго округа и осадили Мюнстеръ. Тогда двое гражданъ предложили епископу впустить измѣной имперское войско въ городъ. Но епископъ желалъ предохранить городъ отъ ужасныхъ послѣдствій приступа и требовалъ сдачи на капитуляцію. Анабаптисты, не зная объ измѣнѣ, отвергли всѣ предложенія. Поэтому осаждающіе прибѣгли къ помощи предателей. 24 іюня нѣсколько сотъ человѣкъ тайно проникли въ городъ и отворили остальнымъ ворота. На улицахъ закипѣлъ страшный бой; говорятъ, что съ обѣихъ сторонъ пало 5,000 человѣкъ въ городѣ и 8,000 за городомъ. Наконецъ оставшіеся въ живыхъ фанатики, въ томъ числѣ самъ Янъ Лейденскій и его приближенные, сдались. Только Ротманъ предпочелъ умереть въ бою. Изъ числа плѣнныхъ были казнены не только вожди, но много другихъ. Страшно разсказывать, какимъ мукамъ были подвергнуты вожди, которыхъ цѣлый годъ таскали повсюду, прежде чѣмъ, наконецъ, казнили. Всѣ перекрещенцы, какіе были въ имперіи, подверглись казни, и только Филиппъ Гессенскій отказался выполнить въ своихъ владѣніяхъ приговоръ, произнесенный противъ нихъ. Онъ даже запретилъ казнить людей по приказанію сейма за то только, что они анабаптисты. За это Лютеръ выразилъ ему въ письмѣ свое неудовольствіе, приплетая ко всякому слову чорта. Онъ убѣждалъ Филиппа по крайней мѣрѣ изгнать анабаптистовъ изъ своихъ владѣній: «ибо это дьявольскія сѣмена; чортъ съ ними заодно; но такъ какъ продѣлки его очевидны, то его наконецъ таки выгонятъ.» Въ другомъ мѣстѣ онъ весьма наивно отвѣчаетъ на упрекъ ландграфа: «Нельзя же не гнать волка оттого, что онъ больше губитъ въ чужихъ овчарняхъ, чѣмъ въ моей. Каждый долженъ беречь свою овчарню.»

8. Насилія вождей протестантизма въ Германіи.

Протестанты воспользовались продолжительнымъ отсутствіемъ императора и его войною съ Франціею, чтобы усилить Шмалькальденскій союзъ и учредить вмѣсто императорской власти республику князей и городовъ. Каждую минуту ожидали перехода въ протестантизмъ курфирста Іоахима II Бранденбургскаго, котораго удерживало лишь обѣщаніе не быть лютераниномъ, данное своему отцу, и вліяніе нѣкоторыхъ монаховъ. За то братъ его, маркграфъ Іоаннъ, сестра Елисавета, бывшая замужемъ за Эрихомъ Мюнденскимъ, и двоюродный братъ, Георгъ Ансбахскій, уже давно перешли въ протестантизмъ. Князья эти и нѣкоторые верхне-германскіе города, особенно Нюрнбергъ, опасаясь императора, не вступали въ союзъ; братъ Георга, Альбрехтъ Прусскій, также не могъ присоединиться къ шмалькальденскимъ союзникамъ, потому что былъ подъ имперской и императорской опалой. За то въ 1536 въ союзъ были приняты: Ульрихъ Виртембергскій, герцоги Барнимъ и Филиппъ Померанскіе, Георгъ и Іоахимъ Ангальтскіе, города: Аугсбургъ, Кемптенъ, Гамбургъ, Ганноверъ, Минденъ, Франкфуртъ и нѣкоторые мелкіе владѣтели. Союзъ былъ продолженъ еще на нѣсколько лѣтъ и получилъ организацію, доставившую большую силу главнымъ вождямъ

его; они могли располагать значительной союзной силой и стали дѣйствовать противъ императора гораздо смѣлѣе. Ландграфъ пользовался несравненно большимъ значеніемъ, чѣмъ король Фердинандъ, который не могъ избавиться отъ турокъ.

Императоръ, разумѣется, не могъ оставаться равнодушнымъ къ такому усиленію могущества протестантовъ. Онъ намѣревался прибыть въ Германію черезъ Геную, между тѣмъ какъ папа Павелъ III созвалъ бы соборъ для полюбовнаго окончанія религіозныхъ раздоровъ. Но ему пришлось отложить свое намѣреніе. Тѣмъ не менѣе протестанты встревожились. Шмалькальденскій союзъ отправилъ къ императору посольство съ жалобами и прошеніями. Онъ хотѣлъ смягчить этимъ гнѣвъ императора и побудить его внушить умѣренность имперскому правленію и имперскому палатному суду, которые безпрестанно издавали грозные декреты противъ секуляризаціи духовныхъ имуществъ, чѣмъ ставили протестантовъ въ необходимость не признавать приговоры имперской юстиціи. Императоръ отвѣчалъ протестантамъ, что пришлетъ въ Германію уполномоченнаго, вице-канцлера Гельда; поэтому онъ приказалъ имъ созвать въ Шмалькальденъ общее собраніе союза, куда прибудетъ и Гельдъ, переговоривъ предварительно въ Вѣнѣ съ Фердинандомъ. Собраніе это происходило 15 февраля 1537 г. Оно было необыкновенно многочисленно, торжественно и блистательно, потому что на немъ присутствовали почти всѣ министры, богословы, въ томъ числѣ Лютеръ и Меланхтонъ, всѣ протестантскіе государи и городскія власти. Гельдъ произнесъ нѣсколько рѣчей; Лютеръ очень страдалъ въ то время отъ каменной болѣзни и поэтому вскорѣ уѣхалъ; передъ отъѣздомъ онъ предостерегалъ протестантовъ отъ козней папы. Гельдъ въ своихъ рѣчахъ обнаруживалъ ненависть къ реформаціи. Между тѣмъ Павелъ III противъ воли Карла созвалъ соборъ въ Мантуѣ, гдѣ могъ держать его въ своей власти; но протестанты отказались послать туда депутатовъ и помогать Карлу противъ турокъ. Вслѣдъ за тѣмъ къ Шмалькальденскому союзу присоединились курфирстъ Іоахимъ II Бранденбургскій, братъ его Іоаннъ, двоюродный братъ Георгъ и Альбрехтъ Франконскій; они обѣщали въ случаѣ религіозной войны помогать оружіемъ, но впослѣдствіи не сдержали слова.

Изъ Шмалькальдена Гельдъ поѣхалъ по всей Германіи, съ цѣлью организовать католическій союзъ. Старанія его увѣнчались успѣхомъ: архіепископы майнцскій и зальцбургскій, герцоги Баварскіе, герцогъ Георгъ Саксонскій и герцогъ Генрихъ Младшій Брауншвейгскій заключили 10 іюня 1538 г. въ Нюрнбергѣ союзъ, прозванный впослѣдствіи священною или генриховою лигою. Союзъ этотъ былъ заключенъ «на защиту и охраненіе истинной христіанской (т. е. папской) религіи и для приведенія въ исполненіе всѣхъ императорскихъ и имперскихъ рѣшеній, постановленій и повелѣній, такъ какъ ни католическіе чины, ни имперскій судъ не признаютъ нюрнбергскаго мира.» Члены лиги были личные враги Лютера, который неоднократно бранилъ и оскорблялъ ихъ. Цѣль союза была, повидимому, лишь оборонительная. Въ слѣдующемъ году императоръ утвердилъ союзъ и далъ ему 50,000 гульденовъ. Теперь доказано, благодаря недавно найденному документу, что императоръ уполномочилъ Гельда возбуждать католиковъ противъ протестантовъ вымышленными обвиненіями. Но впослѣдствіи онъ отступился отъ союза, заключеннаго Гельдомъ, потому что канцлеръ Гранвелла посовѣтовалъ ему для соблюденія мира пожертвовать учредителемъ лиги. Дѣйствительно, она могла бы возбудить междоусобную войну, что въ то время было бы крайне невыгодно для императора; Гранвелла былъ дальновиднѣе Гельда. По совѣту его, Карлъ подвергнулъ порицанію все, что было сдѣлано Гельдомъ, смѣнилъ его, удалилъ отъ дѣлъ и поручилъ другому уполномоченному заключить договоръ, по которому до прибытія императора все оставалось по прежнему. Впрочемъ, лига не представляла для Шмалькальденскаго союза серьезной опасности, такъ какъ въ апрѣлѣ 1539 г. умеръ герцогъ Георгъ Саксонскій, и владѣнія его достались усердному протестанту, брату его, Генриху, который до того времени жилъ въ Фрейбергѣ, получая самое скудное содержаніе. Старшій сынъ Георга умеръ еще въ 1537 г., а младшій, давно признанный слабоумнымъ, въ февралѣ 1539. Преемникъ Георга, Генрихъ, прозванный за усердіе къ протестантизму Благочестивымъ, немедленно ввелъ реформацію въ своемъ герцогствѣ,

пригласивъ для этой цѣли богослововъ изъ курфиршества саксонскаго. Къ Шмалькальденскому союзу онъ принадлежалъ уже давно. Въ 1539 къ союзу приступилъ въ качествѣ герцога Голштинскаго датскій король Христіанъ III.

Учрежденіе священной лиги породило распрю между герцогомъ Генрихомъ Брауншвейгскимъ и ландграфомъ Филиппомъ. Но такъ какъ императоръ, по совѣту Гранвеллы, отступился отъ лиги, то поводомъ къ раздору послужили частныя обстоятельства. Пылкій герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій, служившій императору въ Италіи съ отрядомъ наемниковъ, который на свой счетъ навербовалъ въ Германіи, и получившій за это весьма плохое вознагражденіе, постоянно ссорился съ ландграфомъ Филиппомъ Гессенскимъ и курфирстомъ Іоанномъ Фридрихомъ Саксонскимъ. Поэтому онъ усерднѣе всѣхъ хлопоталъ въ пользу императора и папы. Филиппъ Гессенскій былъ также пылокъ, какъ и Генрихъ, и неутомимо дѣятеленъ въ распространеніи протестантизма. Они еще въ 1538 дошли бы до войны, если бы герцогъ Георгъ Саксонскій и курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ не помирили ихъ. Ландграфъ по наговору одного негодяя обвинилъ герцога въ подсылкѣ къ нему убійцъ, съ порученіемъ застрѣлить его на охотѣ. Дѣло это было такъ: въ концѣ 1538 Генрихъ послалъ по дѣламъ священной лиги своего секретаря Стефана Шмидта съ письмомъ къ курфирсту Майнцскому. Ландграфъ, выѣхавъ на охоту, встрѣтился съ посланнымъ и велѣлъ спросить его, кто онъ такой. Шмидтъ имѣлъ безразсудство выдать себя за слугу курфирста Бранденбургскаго. Но онъ былъ узнанъ однимъ изъ спутниковъ Филиппа и арестованъ. Въ найденныхъ у него письмахъ были, правда, грубыя ругательства на ландграфа, но не было ничего такого, что могло бы навести на мысль о враждебныхъ замыслахъ противъ Шмалькальденскаго союза. Герцогъ писалъ между прочимъ курфирсту Майнцскому: «поздравляю васъ съ новымъ годомъ и желаю вамъ счастья, а врагамъ вашимъ провалиться къ чорту. Ландграфъ спитъ мало, не болѣе одного часа въ ночь, быть можетъ, онъ помѣшается, и тогда намъ легко будетъ справиться съ остальными».

Съ этого времени ссора между Генрихомъ и Филиппомъ и вражда, возникшая тогда же между Генрихомъ и курфирстомъ Іоанномъ Фридрихомъ, разгоралась все болѣе и болѣе. Обѣ стороны поносили другъ друга въ самыхъ скандальныхъ памфлетахъ; трудно сказать, чья брань была грубѣе и пошлѣе. Впрочемъ, не смотря на хорошее правленіе ландграфа и религіозность Іоанна Фридриха, частная жизнь всѣхъ трехъ государей представляла достаточно пищи для памфлетовъ. Курфирстъ въ своемъ сочиненіи противъ Генриха самъ смиренно сознается въ пристрастіи къ вину. Ландграфъ же приказалъ своимъ богословамъ разрѣшить ему имѣть кромѣ множества наложницъ двухъ женъ. Затѣмъ по его приказанію придворный проповѣдникъ Меландеръ обвѣнчалъ его отъ живой жены съ Маргаритою Зааль, фрейлиной его сестры, жившей въ Рохлицѣ. Свадьба происходила 10 марта 1540 въ присутствіи многихъ придворныхъ. Поведеніе Генриха Брауншвейгскаго было еще скандальнѣе. Онъ жилъ съ своей женой въ совершенномъ согласіи и имѣлъ отъ нея 11 дѣтей, какъ вдругъ влюбился въ фрейлину ея, Еву Троттъ, дочь бранденбургскаго гофмаршала. Связь эта оскорбляла рыцарскую родню Евы, и родственники отозвали ее. Она отправилась въ путь, но въ Гандерсгеймѣ слегла въ постель, и затѣмъ распространился слухъ, что она умерла. Но она была жива и здорова; Генрихъ увезъ ее въ замокъ Штауфенбергъ, похоронивъ вмѣсто нея деревянную куклу. Онъ ѣздилъ въ Штауфенбергъ и прижилъ съ Евой семерыхъ дѣтей. Впослѣдствіи родители ея узнали ея мѣстопребываніе и пожаловались императору; но въ 1541 она въ самомъ дѣлѣ умерла, въ одно время съ женою Генриха.

Ссора трехъ государей по временамъ ожесточалась, когда появлялось новое рѣзкое полемическое сочиненіе или отыскивалось новое обвиненіе. Такъ напримѣръ въ 1541 въ Саксоніи случились поджоги, и поджигатели показали, что ихъ побудилъ совершить это преступленіе герцогъ Генрихъ; конечно, свидѣтельство это ничего не доказывало, потому что было вынуждено пыткою. Не смотря на подобные случаи и на печатную брань, вожди Шмалькальденскаго союза не рѣшились бы нарушить изъ-за своей вражды къ Генриху земскій миръ; но Генрихъ самъ подалъ къ тому поводъ, позволивъ себѣ насиліе въ отношеніи союзныхъ городовъ, Брауншвейга и Гослара. Подобно большинству крупныхъ и многимъ

мелкимъ городамъ Германіи, Брауншвейгъ постепенно накупилъ у императора столько привилегій, что наконецъ сдѣлался почти республикою. Не смотря на повелѣніе императора повиноваться своему государю, Брауншвейгъ держался своихъ вольностей и сталъ еще неступчивѣе съ тѣхъ поръ, какъ присталъ къ Шмалькальденскому союзу. Госларъ находился въ подобномъ же отношеніи къ герцогу и совершенно разсорился съ нимъ за владѣніе Раммельсбергомъ и тамошними рудниками. Имперскій палатный судъ, враждебно относившійся къ протестантскимъ чинамъ, рѣшилъ тяжбу въ пользу герцога и даже предалъ Госларъ опалѣ; но императоръ и его братъ, по просьбѣ протестантовъ, приказали пріостановить выполненіе приговора и опалы. Однако грубый герцогъ не обратилъ на это вниманія. Онъ напалъ на городъ, что наконецъ дало ландграфу и курфирсту поводъ фактически отмстить ему. Въ это время послѣдній отвѣтъ курфирста и книга Лютера, который вмѣшался въ ссору курфирста съ герцогомъ, довели ихъ полемику до крайней степени площаднаго краснорѣчія. Лютеръ написалъ противъ Генриха книгу подъ заглавіемъ: «Противъ Ганса Вурста» *). Сочиненіе это самое грубое и неприличное изъ всѣхъ нѣмецкихъ книгъ XVI столѣтія, которое таки изобиловало грубыми книгами.

Не желая повторять пошлыхъ ругательствъ, мы приводимъ только заглавіе апологіи курфирста, вышедшей въ 1541 **), и одно изъ наименѣе безобразныхъ мѣстъ изъ книги Лютера противъ Ганса Вурста, которая заставляетъ жалѣть, что такой великій геній получилъ монастырское воспитаніе. Мѣсто это служитъ отвѣтомъ на слова герцога Генриха, который въ своемъ памфлетѣ выражался о курфирстѣ: «курфирстъ—еретикъ, бунтовщикъ, Каинъ, чудовище, Эзопъ, котораго душа также безобразна, какъ и тѣло, и котораго осмѣиваетъ и презираетъ даже идолъ его, Лютеръ ***).

Герцогъ тѣснилъ Брауншвейгъ и осадилъ Госларъ; граждане обратились за помощью къ Шмалькальденскому союзу, Курфирстъ и ландграфъ имѣли свиданіе въ Эйзенахѣ и объявили герцогу войну. Къ іюлю 1542 они навербовали по крайней мѣрѣ 20,000 наемниковъ и вступили въ герцогскія владѣнія,—курфирстъ черезъ Гарцъ, а ландграфъ вверхъ по Везеру, черезъ Гекстеръ. Въ теченіе четырехъ недѣль они заняли всю страну и преобразовали всюду церковный порядокъ. Герцогъ бѣжалъ въ Баварію. Фердинандъ издалъ въ защиту его два декрета, но они не имѣли никакихъ послѣдствій; регентъ имперскій былъ даже принужденъ обѣщать курфирсту и ландграфу не предпринимать противъ нихъ въ дѣйстви-

---

*) Гансъ Вурстъ народный нѣмецкій типъ: шутъ, обжора и дуракъ.
Ред.

**) Въ 1541 въ Виттенбергѣ вышла книга въ 21 печатный листъ подъ заглавіемъ: «Пресвѣтлѣйшаго, высокороднѣйшаго князя и господина, государя Іоанна Фридриха герцога въ Саксоніи, архимаршала и курфирста С. Р. имперіи, правдивый, истинный, основательный, христіанскій и откровенный отвѣтъ на безсовѣстное, калфурнское, постыдное и лживое писаніе безбожнаго проклятаго прелюбодѣйца, злостнаго Варравы, любострастнаго Олоферна Брауншвейгскаго, называющаго себя герцогомъ Генрихомъ Младшимъ, вышедшее въ Вольфенбюттелѣ, какъ значится, во вторникъ послѣ Всѣхъ Святыхъ 1540 г.» — Герцогъ отвѣчалъ книгою, вышедшею въ Вольфенбюттелѣ въ 1541, толщиною въ 20 печ. листовъ; онъ назвалъ ее квадрупликою, т. е. четвертою полемикою, и озаглавилъ такъ: «Пресвѣтлѣйшаго, высокороднаго князя и господина, государя Генриха Младшаго герцога Брауншвейгскаго и Люнебургскаго, возвышенная, основательная, истинная и христіанская квадруплика противъ безбожнаго, проклятаго богоотступника, церкви грабителя, отверженнаго и злостнаго саксонскаго Антіоха, новатіанца, северіанца и блудодѣйника, называющаго себя Гансомъ Фридрихомъ герцогомъ въ Саксоніи, который выдумалъ лживую и безстыдную порочную книгу, выпущенную противъ сказаннаго герцога Генриха въ Торгау въ понедѣльникъ послѣ Іудина дня 1541.»

***) Лютеръ говоритъ, что герцогомъ управляетъ дьяволъ, къ которому обращается съ слѣдующими словами: «Ты и твой Гейнцъ безстыдно лжете, и вся ваша книга—безстыдное лганіе; ты съ твоимъ Гейнцемъ думаете, что такое тяжелое, неуклюжее строеніе можетъ повредить мнѣ и доставить вамъ выигрышъ; но думаете вы такъ потому, что оба вы настоящіе Гансвурсты, дурачье, ослы и болваны; оба вы, отецъ и сынъ,—отчаянные, безчестные, проврavшіеся злодѣи, и смѣете говорить, что я назвалъ моего всемилостивѣйшаго государя — Гансомъ Вурстомъ. На такія штуки и отвѣчать-то не стоитъ. Вы потому называете моего всемилостивѣйшаго государя Гансомъ Вурстомъ, что онъ силенъ, жиренъ и дороденъ.» Слѣдующія слова мы не рѣшаемся повторить: они слишкомъ грубы.

тельности ничего. Имперскій палатный судъ также защищалъ Генриха; но приговоръ его далъ только протестантскимъ чинамъ поводъ объявить въ Швейнфуртѣ, что они не признаютъ палатный судъ, потому что члены его «въ высшей степени пристрастны, односторонни, подозрительны и нетерпимы».

Столь дерзкое нарушеніе мира, сопровождаемое позорнымъ оскорбленіемъ имперскаго правленія и суда, было совершенно достаточно, чтобы оправдать насильственныя мѣры противъ ихъ виновниковъ. Протестанты сдѣлали поэтому важный промахъ тѣмъ, что, поднявъ оружіе, остановились на полдорогѣ. Но это была вина нетрезваго почитателя Лютера, Іоанна Фридриха Саксонскаго, а не ландграфа. Курфирстъ не умѣлъ ни вести войну, ни поддержать миръ; когда, по окончаніи войны съ Франціей, императоръ могъ обратиться противъ Германіи, Іоаннъ Фридрихъ, по ограниченности ума и упрямству, безразсудно вооружилъ его противъ себя своими произвольными поступками въ религіозныхъ дѣлахъ. Онъ продолжалъ безъ всякой причины не признавать Фердинанда королемъ римскимъ и въ довершеніе безразсудства оскорбилъ ближайшаго протестантскаго родственника своего, герцога **Морица Саксонскаго**, сына герцога Генриха. Отецъ Морица, какъ извѣстно (стр. 519), наслѣдовалъ въ 1539 своему брату Георгу и въ качествѣ главы альбертинской линіи Саксонскаго дома владѣлъ всею южною Саксоніею отъ Лейпцига до Богеміи и Франконіи. Онъ умеръ въ началѣ 1541, оставивъ двухъ сыновей — Морица и Августа. Морицъ, еще очень молодой, наслѣдовалъ отцу. Мы не будемъ безусловно хвалить его, подобно его біографу, фонъ Лангенну; онъ былъ твердъ, рѣшителенъ и скрытенъ; въ политикѣ онъ былъ послѣдователемъ Макіавелли. Онъ питалъ съ шестнадцати лѣтъ антипатію къ курфирсту Іоанну Фридриху, который съ своей стороны не любилъ его. Морицъ былъ не доволенъ тѣмъ, что слабый отецъ его удалилъ умныхъ и опытныхъ слугъ герцога Георга и предалъ себя и всю страну въ распоряженіе чиновниковъ и духовенства, рекомендованныхъ ему курфирстомъ и его оракуломъ, Лютеромъ. Кромѣ того онъ былъ весьма недоволенъ обращеніемъ курфирста во время его пребыванія при саксонскомъ дворѣ. Послѣ того онъ жилъ при дворѣ великолѣпнаго архіепископа Альбрехта майнцскаго, который, подобно Морицу, былъ чуждъ фанатизма и, какъ человѣкъ классически образованный, слѣдовалъ своей собственной религіи въ итальянскомъ вкусѣ; Альбрехтъ безъ церемоніи говорилъ, что разсчетливѣе держаться императора. Морицъ былъ того же мнѣнія. Хотя онъ былъ протестантъ, но понималъ, что преданный вину и руководимый богословами курфирстъ и пылкій ландграфъ не долго продержатся противъ императора. Потомъ, принявъ по смерти отца правленіе, онъ снова призвалъ къ дѣламъ старыхъ слугъ герцога Георга, въ томъ числѣ Христофа Карновица, искусно завѣдывавшаго политикой Георга; онъ отказался подтвердить договоръ, заключенный его отцомъ съ Шмалькальденскимъ союзомъ. Въ это время курфирстъ снова возбудилъ противъ себя его гнѣвъ своими самовластными поступками въ городѣ и округѣ Вурценѣ, принадлежавшихъ къ епископству мейссенскому, которое находилось подъ общимъ покровительствомъ саксонскихъ государей. Морицъ готовъ былъ взяться за оружіе, но тесть его, ландграфъ Филиппъ, вмѣшался въ дѣло и успѣлъ примирить ихъ.

Въ это же время курфирстъ обратилъ, вопреки всѣмъ правамъ, епископство наумбургское въ саксонское суперинтендентство, оставивъ за нимъ только названіе епископства. Епископство наумбургское было подчинено Саксоніи только въ томъ отношеніи, что каноники должны были выбирать епископа непремѣнно въ присутствіи саксонскаго коммиссара. Каноники нарушили эту обязанность, приступивъ въ январѣ 1541, по смерти своего администратора, епископа Филиппа фонъ Фрейзингена, къ избранію епископа, не дождавшись коммиссара. Причиною этого было то, что они знали о намѣреніи курфирста присвоитъ себѣ епископство. Выборъ ихъ палъ на кроткаго, добродѣтельнаго человѣка, **Юлія Пфлуга**, котораго протестанты любили столько же, какъ и католики, и котораго курфирстъ могъ попрекнуть только тѣмъ, что онъ не лютеранинъ. Тѣмъ не менѣе Іоаннъ Фридрихъ безъ всякой причины воспротивился этому избранію, ввелъ реформацію во всемъ наумбургскомъ округѣ и, не смотря на протестъ каноников, назначилъ въ 1542 епископомъ друга Лютера, суперинтендента магдебургскаго Николая Амсдорфа. При этомъ онъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто имперіи и императора не существуетъ и какъ будто наумбургское епископство—его частная собственность. Онъ оставилъ

новому епископу, назначенному Лютеромъ, только 600 гульденовъ изъ всѣхъ доходовъ, а остальные употребилъ на благотворительныя заведенія; затѣмъ не спрашивая ни гражданъ, ни императора, ни имперское правленіе, онъ присвоилъ себѣ всю свѣтскую власть и поставилъ во главѣ администраціи своего чиновника. Протесты соборнаго капитула, оскорбленнаго въ своихъ наслѣдственныхъ правахъ, возраженія болѣе благоразумныхъ совѣтниковъ курфирста и два декрета, изданные императоромъ въ пользу Юлія Пфлуга, не могли удержать курфирста. Самовластіе ландграфа и курфирста, усиленіе свѣтскаго могущества протестантовъ, присоединеніе къ союзу ихъ пфальцграфа Нейбургскаго, чему не могли помѣшать его сосѣди и родственники, герцоги Баварскіе, крайне недовольные его поступкомъ, переходъ въ протестантизмъ курфирста Кёльнскаго, грозившій архіепископу кельнскому секуляризаціею, и отступленіе отъ католицизма Курпфальца.—все это встревожило императора, папу и всѣхъ католическихъ государей. Императоръ заботился не столько о подавленіи реформаціи, сколько о возстановленіи императорской власти и имперской юстиціи. Мнѣніе это раздѣлялъ герцогъ Морицъ Саксонскій, бывшій протестантомъ; по крайней мѣрѣ онъ дѣлалъ видъ, что это убѣжденіе заставило его отступиться отъ Шмалькальденскаго союза. Послѣ ссоры по поводу Вурцаха онъ прекратилъ дружескія отношенія къ курфирсту и искалъ благосклонности императора. Кромѣ того онъ подружился съ Фердинандомъ, помогалъ ему въ 1542 въ войнѣ съ турками, причемъ оказалъ королю важныя услуги и своею храбростью возбудилъ удивленіе венгровъ и турокъ. Въ слѣдующіе два года онъ отличился въ походѣ императора противъ Франціи, гдѣ императорская армія подошла на близкое разстояніе къ Парижу.

9. Италія послѣ канбрейскаго мира.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ мира, заключеннаго въ 1529 Карломъ V съ Франціей въ Канбрэ, было преобразованіе политическаго устройства Италіи. Императоръ и папа распорядились судьбою итальянскихъ государствъ. Папа Клементъ VII и преемникъ его Павелъ III (1534—49) сдѣлали при помощи императора своихъ сыновей или, какъ ихъ называли, племянниковъ, государями. Клементъ доставилъ Александру Медичи, который былъ вѣроятно его сынъ (стр. 441), флорентинскую республику, а Павелъ сдѣлалъ владѣтельнымъ родъ Фарнезе, усыновивъ Піетро Алоизіо Фарнезе и пріобрѣтя для него и для сыновей его обширныя владѣнія. Францискъ Сфорца II миланскій, правленіе котораго съ 1529 до 1535 было гибельно не только для страны его, но и для него самого, былъ принужденъ принять тяжелыя условія, предписанныя ему императоромъ во время своего пребыванія въ Болоньѣ (1530). Вообще Карлъ V доставилъ полное торжество правамъ германской имперіи (впрочемъ мы вовсе не сочувствуемъ этой побѣдѣ германской имперіи надъ итальянскою національностію). Власть его надъ Миланомъ была неограниченна, хотя для виду онъ утвердилъ Франческо Сфорца герцогомъ Миланскимъ. Онъ принудилъ папу Клемента VII и Альфонса Феррарскаго подчиниться приговору имперскаго палатнаго суда и 21 апрѣля 1531 постановилъ окончательно, что Эсте владѣютъ Феррарой, какъ церковнымъ леномъ, а Моденой и Реджіо, какъ имперскимъ. Въ мартѣ 1530 императоръ возвелъ маркизатство мантуанское въ герцогство въ пользу фамиліи Гонзага. Герцогъ Карлъ III Савойскій изъ политическихъ разсчетовъ былъ вполнѣ преданъ императору, не смотря на многія узы, связывавшія его съ Франціей. Республики Генуя, Сіена и Лукка были вполнѣ подчинены императору; Флоренція, послѣ геройской защиты противъ соединеннаго войска папы и императора, была принуждена въ 1530 также безусловно подчиниться волѣ императора и лишилась своей свободы.

Флоренція подпала навсегда подъ власть дома Медичи. 28 октября 1530 г. императоръ декретомъ назначилъ главою флорентійской республики гнуснаго мальчишку, А л е к с а н д р а М е д и ч и, помолвленнаго на побочной дочери императора, Маргаритѣ. Александръ получилъ титулъ герцога Читта ди Пенна. Уже въ слѣдующемъ году онъ торжественно вступилъ во владѣніе флорентійскою республикою, измѣнилъ въ апрѣлѣ 1532 г. ея политическія учрежденія и предался

неслыханной тираніи. Такимъ образомъ домъ Медичи за годъ до смерти Климента VII достигъ, на погибель Италіи, высшаго величія. Главою этого дома былъ самъ папа; во Флоренціи правилъ Александръ Медичи; сестра его, отъ законнаго брака Лоренцо, Екатерина Медичи, была въ супружествѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ, впослѣдствіи королемъ Генрихомъ II французскимъ, и позднѣе пріобрѣла, какъ королева Франціи и мать короля Карла IX, незавидную знаменитость.

Александръ Медичи былъ однимъ изъ самыхъ жестокихъ и распутныхъ людей своего вѣка. Его жестокости и преступленія превосходятъ всякое вѣроятіе. Онъ не только безчестилъ женъ и дочерей первыхъ фамилій Флоренціи, но громко и публично хвастался этимъ. Александръ тщетно старался придать видъ законности своему правленію, издавъ въ 1532 г. новое государственное учрежденіе. Онъ построилъ на Арно крѣпость, чтобы имѣть убѣжище на случай возстанія, и казнилъ каждаго флорентинца, въ домѣ котораго находилось какое нибудь оружіе. Своими преступленіями онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ старыхъ приверженцевъ дома Медичи; однако пока былъ живъ Климентъ VII, онъ ничего не боялся. Но по смерти Климента главою фамиліи сдѣлался кардиналъ Ипполитъ Медичи; онъ хотѣлъ погубить злодѣя и съ этою цѣлью подговорилъ флорентійскихъ патриціевъ, Валори, Ридольфи и Сальвіати, богатѣйшихъ банкировъ XVI столѣтія, подать императору жалобу на притѣснителя. Карлъ V, приготовлявшійся въ то время (1534 г.) къ походу противъ Туниса, ужаснулся длиннаго списка насилій, злодѣяній и жестокостей, безчисленныхъ убійствъ и отравленій, совершенныхъ этимъ чудовищемъ. Желая угодить кардиналу Ипполиту, императоръ обѣщалъ изслѣдовать это дѣло по возвращеніи. Но Александръ разсудилъ, что если не будетъ обвинителя, то не будетъ и суда; поэтому онъ подкупилъ дворецкаго кардинала, и 10 августа 1535 г. кардиналъ, готовившійся ѣхать къ императору въ Неаполь, умеръ отъ яда. Но родственники отравленнаго и всѣ ограбленные, оскорбленные и изгнанные Александромъ, довели жалобу благородныхъ флорентійцевъ до свѣдѣнія императора. Императоръ призвалъ Александра въ Неаполь и предалъ суду. Судъ рѣшилъ въ пользу жертвъ преступленій Александра. Но онъ не былъ наказанъ и могъ продолжать свои звѣрства. Императоръ даже обвѣнчалъ его 10 іюня 1536 г. съ своею дочерью, Маргаритою. Однако и послѣ женитьбы онъ продолжалъ распутничать и безчестить первыя фамиліи Флоренціи своими позорными страстями. Наконецъ одинъ изъ товарищей его по разврату, Лоренцино Медичи, положилъ конецъ его неистовствамъ.

Лоренцино былъ ближайшій родственникъ Александра изъ младшей линіи дома Медичи. Онъ былъ потомокъ Лоренцо, брата Косьмы старшаго, и принадлежалъ къ старшей линіи потомства Лоренцо *). Императоръ назначилъ его наслѣдникомъ Александра. Но Лоренцино убилъ своего родственника, что лишило его всѣхъ выгодъ, которыхъ онъ могъ ожидать въ случаѣ бездѣтной смерти Александра. Лоренцино былъ прекрасно образованъ, талантливъ и уменъ, но въ то же время зараженъ всѣми пороками, свойственными итальянской аристократіи того времени. Онъ не имѣлъ ни религіи, ни нравственности, ни убѣжденій и доходилъ до того, что служилъ развратнику Александру сводникомъ и помогалъ ему безчестить первыя фамиліи Флоренціи. Онъ даже отвелъ и устроилъ одинъ изъ своихъ дворцовъ для развратныхъ похожденій Александра. Этимъ обстоятельствомъ онъ воспользовался, когда задумалъ убить развратника. Тетка Лоренцино по матери, женщина еще очень молодая и красивая, бывшая замужемъ за Леонардо Гинори, долго подвергалась ухаживанію Александра; наконецъ Лоренцино обѣщалъ ему привести ее въ извѣстный ему дворецъ. Александръ согласился пойти въ самую отдаленную комнату дворца и отпустить свою стражу и спутниковъ. Лоренцино ушелъ, сказавъ, что идетъ за теткой. Чрезъ нѣсколько времени онъ вернулся, но вмѣсто нея привелъ бандита. Намѣреніе свое Лоренцино скрывалъ отъ всѣхъ; даже бандитъ не зналъ, кого придется убивать. Войдя въ комнату, бандитъ кинулся на герцога и ранилъ его при помощи Лоренцино; однако Александръ схватилъ свое оружіе, и убійцамъ пришлось выдержать продолжительную и страшную борьбу. Наконецъ герцогъ палъ (6 января 1537 г.).

---

*) См. таблицу въ III т. (стр. 681).

Лоренцино не имѣлъ въ городѣ приверженцевъ и потому долженъ былъ сильно опасаться разбойниковъ и убійцъ, которыхъ Александръ держалъ при себѣ для своихъ преступленій. Вслѣдствіе того, прежде чѣмъ слухъ объ убійствѣ распространился въ городѣ, онъ уѣхалъ сначала въ Болонью, а потомъ въ Венецію. Начальникъ сбировъ Александра, Вителли, немедленно занялъ крѣпость, построенную герцогомъ, и принудилъ флорентійскій сенатъ собраться и избрать новаго государя. Но такъ какъ въ старшей вѣтви дома Медичи не было ни одного мужескаго члена, а Лоренцино, единственный представитель младшей вѣтви старшей линіи, совершилъ убійство, то избрали потомка младшей линіи, Косьму I. Онъ склонилъ на свою сторону войско и 28 февраля 1537 г. обнародовалъ декретъ императора, который назначилъ его государемъ Флоренціи. Затѣмъ онъ разбилъ войско патриціевъ, уничтожилъ всѣхъ, содѣйствовавшихъ основанію могущества дома Медичи и даже тѣхъ, которые помогли ему достигнуть престола. Въ 1547 г. въ Венеціи былъ убитъ Лоренцино сбиромъ, подосланнымъ Косьмою. Эти бандиты занимались тогда въ Италіи убійствами, какъ ремесломъ. Испанцы помогли Косьмѣ утвердиться на престолѣ. Онъ покорилъ всю Тоскану. Въ 1569 г. папа Пій V далъ ему титулъ великаго герцога Тосканскаго, который былъ впослѣдствіи утвержденъ императоромъ Максимиліаномъ II за сыномъ Косьмы.

Герцогство миланское, не смотря на канбрейскій миръ, служило предметомъ раздора между императоромъ Карломъ V и королемъ Францискомъ I. При жизни несчастнаго Франческо Сфорца II императоръ занималъ всѣ укрѣпленныя мѣста герцогства и имѣлъ въ этой странѣ больше власти, чѣмъ самъ герцогъ; но онъ намекалъ королю, что по смерти Сфорца, быть можетъ, согласится уступить герцогство Франціи. Французскій король велъ съ герцогомъ Миланскимъ весьма подозрительныя тайныя сношенія. Но онъ не достигъ своихъ цѣлей, и то, что удалось ему въ Бретани, совершенно не удалось въ Италіи. Въ Бретани чины даже по смерти своей герцогини, французской королевы (стр. 345), не соглашались на полное присоединеніе къ Франціи; но въ августѣ 1532 г. они согласились наконецъ обратить Бретань въ французскую провинцію, выговоривъ только сохраненіе всѣхъ прежнихъ вольностей, законовъ и привилегій страны. Чтобы достигнуть той же цѣли въ Италіи, король вступилъ въ союзъ съ герцогомъ Миланскимъ противъ императора. Вообще въ то время онъ держалъ во всѣхъ концахъ земли тайныхъ агентовъ и старался возстановлять противъ императора всѣхъ. Онъ интриговалъ въ Венгріи, Турціи и Польшѣ, сносился съ Генрихомъ VIII англійскимъ, ландграфомъ Филиппомъ Гессенскимъ и съ другими германскими протестантами, хотя во Франціи преслѣдовалъ и жегъ протестантовъ. Что касается до его сношеній съ турками, то изъ всѣхъ христіанскихъ государей того времени онъ одинъ вошелъ въ тѣсный союзъ съ султаномъ. Преемники его заботливо поддерживали этотъ союзъ и, насылая турокъ на наслѣдственныя императорскія земли, пользовались этимъ, чтобы отнимать у имперіи провинцію за провинціей, городъ за городомъ. Францискъ велъ дружескую переписку съ ужаснымъ Солиманомъ II, который занялъ часть Венгріи, неоднократно вторгался съ несмѣтнымъ войскомъ въ Австрію и угрожалъ Вѣнѣ. Францискъ поддерживалъ также Іоанна Заполія, котораго венгры звали своимъ королемъ, а турки воеводой.

Францискъ послалъ къ герцогу Франческо Сфорца одного миланскаго пройдоху, Мервейля или Маравилью, который былъ въ Миланѣ конюхомъ, но при французскомъ дворѣ сдѣлалъ карьеру. Чтобы не возбудить его пріѣздомъ вниманія императора, кредитивная грамата, данная ему, сохранялась въ тайнѣ, и онъ явился къ герцогу съ простымъ рекомендательнымъ письмомъ. Главнымъ зачинщикомъ всего этого былъ миланскій канцлеръ Таверне. Французскій агентъ прибылъ въ Миланъ передъ свадьбою Франческо Сфорца съ племянницей императора, дочерью Христіана II датскаго. Чтобы не разстроить этого брака, герцогъ и канцлеръ всѣми мѣрами старались не возбудить подозрѣнія, что рыцарь Мервейль, всюду сопровождавшій герцога, есть французскій агентъ. При этомъ они поступали невѣроятно рѣшительнымъ образомъ, слѣдуя итальянской политикѣ, которую впослѣдствіи переняли Испанія и Австрія и въ которой вѣроломство, ядъ, убійство и насильственное похищеніе считались обыкновенными полицейскими мѣрами. Дю Белле разсказываетъ весьма подробно исторію Мервейля; но мы скажемъ объ ней въ нѣсколькихъ словахъ. Сперва къ нему подослали итальянца

Кастильоне, который преслѣдовалъ его, стараясь затѣять ссору съ нимъ самимъ или его людьми. Но Мервейль уклонялся отъ дуэли съ Кастильоне и удачно избѣгалъ его преслѣдованій. Наконецъ онъ подалъ даже на него жалобу миланскому директору полиціи. Полиція не приняла никакихъ мѣръ, чтобы защитить его, и Кастильоне дошелъ до того, что ворвался съ бандитами въ домъ Мервейля; однако онъ храбро защищался и убилъ Кастильоне. Тогда (4 іюля 1533 г.) къ нему явился директоръ полиціи и арестовалъ его и его людей, наложилъ запрещеніе на его имущество, подвергъ пыткѣ одного восьмидесятилѣтняго француза и заключилъ въ темницу остальныхъ. Черезъ нѣсколько дней, переговоривъ тайно съ герцогомъ, онъ велѣлъ казнить французскаго агента и на слѣдующее утро выбросить его трупъ на рыночную площадь.

Племянникъ убитаго, спасшійся отъ смерти, поспѣшилъ въ Парижъ и пожаловался королю. Францискъ и королевскій совѣтъ написали немедленно герцогу и ко всѣмъ христіанскимъ дворамъ, жалуясь на нарушеніе международнаго права. Французскій посланникъ сеньёръ де Велли передалъ императору письмо своего короля. Король писалъ такимъ тономъ, который показывалъ, что онъ намѣренъ счесть это нарушеніе международнаго права объявленіемъ войны. Императоръ отвѣтилъ весьма рѣзко: «Мервейль, который, конечно, заслужилъ казнь, былъ не посланникъ, а просто частный человѣкъ и подданный герцога; онъ жилъ въ Миланѣ по своимъ частнымъ дѣламъ, какъ доказываетъ письмо короля Франциска, въ которомъ онъ рекомендуетъ Мервейля герцогу по частнымъ дѣламъ». Герцогъ также послалъ къ королю своего канцлера Таверне, слывшаго очень ловкимъ дипломатомъ; онъ поручилъ ему оправдать убійство и доказать, что Мервейль былъ не французскій уполномоченный, а простой миланскій подданный. Но король отвѣчалъ ему очень рѣзко *) и сказалъ, что будетъ требовать удовлетворенія и если не получитъ добромъ, то возьметъ силою.

10. Тунисскій походъ Карла V.

Переговоры, порожденные убійствомъ французскаго посланника, были прерваны въ 1535 г. походомъ, который былъ предпринятъ Карломъ V противъ разбойничьихъ государствъ, образовавшихся на сѣверныхъ берегахъ Африки, подъ покровительствомъ турецкаго султана. Послѣ неудачной осады Вѣны и походовъ императора и его брата, Солиманъ былъ занятъ войною съ Персіей; въ тоже время онъ покровительствовалъ предпріятіямъ одного семейства ренегатовъ противъ христіанскихъ государствъ на Средиземномъ морѣ. Семейство это состояло изъ четырехъ сыновей одного румелійскаго спаги, который поселился на островѣ Митиленѣ и занимался морскими разбоями. Сыновья его продолжали это занятіе въ большихъ размѣрахъ. Изъ нихъ особенно отличались трое, Ишакъ, Уруджъ и Хизръ. Латиняне называли втораго Горукомъ Барбароссою I, а третьяго Хайреддиномъ Барбароссою II. Младшіе прославились храбростью, страшными морскими разбоями и высадками на христіанскіе берега. Вступивъ въ службу тунисскаго султана изъ фамиліи Бени-Гафизъ, они вызвали въ Тунисъ брата своего, Ишака. Селимъ подарилъ имъ нѣсколько кораблей; они съ своей стороны вооружили суда и воевали съ испанцами на африканскомъ берегу и на морѣ и съ бедуинами и маврами во внутренности страны. Уруджъ и Ишакъ погибли въ войнѣ съ Тлемезаномъ, а Хайреддинъ Барбаросса получилъ по смерти Селима I Алжиръ. Хотя онъ считался турецкимъ вассаломъ и въ молитвахъ и на монетѣ упоминалось имя султана, но Барбаросса былъ неограниченнымъ вла-

---

*) Онъ сказалъ ему: Fourbe maladroit, digne ministre d'un maitre assassin, le voila convaincu par ta propre bouche. Si le caractère d'ambassadeur avoit esté aussi avili dans la personne de Merveilles qu'il l'est en la tienne, j'approuverais presque sa destinée (Неловкій плутъ, достойный слуга убійцы господина! ты самъ уличаешь его въ преступленіи. Если бы званіе посланника было такъ унижено Мервейлемъ, какъ тобою, то я готовъ бы былъ оправдать его участь).

дѣтелемъ Алжира. Султанъ наименовалъ его беглербегомъ алжирскимъ и пожаловалъ саблю, коня и санджакъ.

Хайреддинъ Барбаросса долго опустошалъ берега Италіи и Испаніи, уводилъ тысячи народа въ рабство и населилъ сѣверный берегъ Африки испанскими и итальянскими плѣнными, обращенными въ исламъ. Наконецъ онъ покорилъ при помощи турецкаго флота Тунисъ и изгналъ послѣдняго потомка Бени-Гафиза, Мулей Гассана. Тогда Карлъ V предпринялъ походъ противъ Туниса по тѣмъ самымъ причинамъ, которыя вынудили въ новѣйшее время англичанъ воевать въ Индійскомъ морѣ, а испанцевъ и голандцевъ на Филиппинскихъ и Молуккскихъ островахъ. Императоръ объявилъ, что желаетъ не завоевать Тунисъ, а лишь возстановить законнаго государя, изгнаннаго Хайреддиномъ и его разбойниками; кромѣ того онъ опасался, что рыцарей св. Іоанна Іерусалимскаго постигнетъ на Мальтѣ такая же участь, какъ и на Родосѣ. Африканскій походъ Карла набросилъ въ глазахъ всего христіанскаго міра тѣнь на германскихъ протестантовъ и на французскаго короля; первые, воспользовавшись его походомъ, стали притѣснять его приверженцевъ, а король вступилъ въ тѣсный союзъ съ султаномъ въ минуту величайшей опасности для христіанства.

Въ маѣ 1535 Карлъ отплылъ изъ Барселоны съ 500 вымпеловъ. Войско его состояло изъ нѣмцевъ, итальянцевъ и испанцевъ; хотя онъ не самъ начальствовалъ войскомъ, но ободрялъ его своимъ присутствіемъ. Флотомъ командовалъ Андрей Доріа, единственный человѣкъ, который до сихъ поръ счастливо воевалъ на морѣ съ Хайреддиномъ. Мулей-Гассанъ также находился при императорской арміи. Вступивъ на берегъ, Карлъ осадилъ Тунисъ; разбойники защищались мужественно нѣсколько недѣль; наконецъ плѣнные христіане, заключенные въ тунисской цитадели, воспользовавшись минутнымъ отсутствіемъ Хайреддина, овладѣли ею. Хайреддинъ бросился въ Бонъ, гдѣ собралъ войско; между тѣмъ 21 іюня 1535 Карлъ взялъ Тунисъ приступомъ. Онъ не посмѣлъ отказать испанцамъ и итальянцамъ, которые нисколько не уступали туркамъ въ звѣрствѣ, въ позволеніи грабить городъ, взятый будто бы лишь для водворенія въ немъ законнаго владѣтеля. Французы справедливо упрекаютъ его за это. Страшный грабежъ продолжался два дня. 30,000 жителей было убито и 10,000 уведены въ рабство. Эту рѣзню можно объяснить легко тѣмъ, что завоеваніе Туниса освободило 30,000 рабовъ-христіанъ, страшно страдавшихъ въ неволѣ. Самый христіанскій народъ, испанцы, совершилъ въ эти два дня въ Тунисѣ и въ это же время въ Америкѣ величайшія неистовства, звѣрства и жестокости. Карлъ вступилъ въ городъ съ нѣмецкимъ войскомъ только на третій день. Онъ сдержалъ обѣщаніе и передалъ городъ и его области прежнему владѣтелю, удержавъ только Голетту. 17 августа онъ отправился на западъ въ Европу, гдѣ ему грозила война вслѣдствіе умерщвленія французскаго посланника.

Императоръ былъ не прочь передать по смерти Франческо Сфорца миланское герцогство второму сыну французскаго короля, герцогу Генриху Орлеанскому. Генрихъ былъ женатъ на Екатеринѣ Медичи. Папа Климентъ VII и Францискъ I при свиданіи въ Марсели рѣшили создать для герцога Орлеанскаго новое итальянское государство. Но смерть Климента и избраніе Павла III изъ дома Фарнезе разстроили этотъ планъ. Тогда французскій король началъ стараться овладѣть Миланомъ другимъ способомъ. Франческо Сфорца, приближавшійся къ смерти, предпочиталъ отдать свою страну императору, чѣмъ французамъ. Но у французовъ было въ Миланѣ много приверженцевъ; продажные предводители наемниковъ герцога были давно подкуплены; коменданты ожидали только смерти Франческо, чтобы сдать французамъ ломбардскія крѣпости. Это могло бы удасться, если бы французское войско было наготовѣ. Францискъ I требовалъ, чтобы герцогъ Карлъ III Савойскій пропустилъ его войска въ Ломбардію. Но герцогъ былъ женатъ на сестрѣ императрицы, Беатрисѣ Португальской, и находился въ болѣе тѣсномъ союзѣ съ испанцами, чѣмъ съ французами. Францискъ послалъ войско въ Дофинѣ, будто бы для нападенія на Миланъ, а между тѣмъ занялъ часть савойскихъ владѣній. Онъ основывалъ свои притязанія на эту страну на томъ, что мать его, Луиза, происходитъ отъ перваго брака Филиппа съ Маргаритою Бурбонской, тогда какъ Карлъ III родился отъ втораго брака его; сверхъ того, при бракосочетаніи Маргариты, было постановлено, что потомство ея имѣетъ

предпочтеніе при наслѣдованіи престола передъ потомствомъ ея мужа отъ позднѣйшихъ браковъ. Впрочемъ король не требовалъ уступки всего герцогства, а только приданнаго своей бабки, сокровищъ и движимости отца своей матери и брата его, Филиберта, которые оба были герцогами Савойскими, господства Ла Брессъ и всѣхъ участковъ, не входившихъ въ составъ собственно савойскихъ владѣній и слѣдовательно свободныхъ отъ вассальской зависимости. Въ Савойѣ онъ въ первый разъ воспользовался постоянною арміею, недавно учрежденною имъ. Она была раздѣлена на семь корпусовъ, по числу провинцій королевства; каждый корпусъ состоялъ изъ шести полковъ или, какъ говорили тогда, ротъ, по 1000 человѣкъ въ каждой. Такимъ образомъ герцогу Савойскому угрожало нападеніе французскаго короля, и въ тоже время онъ былъ принужденъ начать войну съ бернцами вслѣдствіе отпаденія отъ Савойи Женевы.

11. Отпаденіе Женевы отъ Савойи и отъ католической церкви.

Во время реформаціи Женева находилась въ томъ же положеніи, какъ и большая часть нѣмецкихъ городовъ. Она имѣла епископа, который постепенно далъ городу столько правъ и привилегій, что Женева, подобно Майнцу и Магдебургу, достигла почти полной независимости. Кромѣ того герцогъ Савойскій, какъ епископскій администраторъ и графъ Женевскій, имѣлъ въ городѣ право видома, или видама, которое давало ему громадную власть, потому что предоставляло ему всѣ окрестные укрѣпленія и замки, такъ что онъ могъ со всѣхъ сторонъ запереть городъ. Нерѣдко случалось, что епископъ былъ вынужденъ призывать герцога и его вассаловъ на помощь противъ города; тогда граждане обращались къ покровительству швейцарскаго союза. Позднѣе, во время религіозныхъ распрей, когда Женева объявила себя независимой республикой, ее поддерживалъ Бернъ. Еще въ 1493 Женева приступила, въ качествѣ третьей стороны, къ оборонительному союзу, заключенному епископомъ съ Фрейбургомъ и Берномъ; когда въ слѣдующемъ столѣтіи городу стали угрожать герцоги, онъ обратился къ этому договору.

Женевскій гражданинъ Бертелье, принужденный бѣжать въ Фрейбургъ, выхлопоталъ въ пользу своего роднаго города новый договоръ между Фрейбургомъ и Женевой; договоръ былъ заключенъ съ женевцами въ февралѣ 1518. Герцогъ былъ такъ взбѣшенъ этимъ, что казнилъ нѣсколькихъ женевцевъ, находившихся проѣздомъ въ Туринѣ. Съ этого времени Женева раздѣлилась на двѣ партіи; одна держалась епископа и впослѣдствіи осталась вѣрною католицизму; другая была предана швейцарцамъ и приняла реформацію. Послѣдняя усилилась множествомъ французскихъ изгнанниковъ, бѣжавшихъ въ Женеву, когда Францискъ I, чтобъ угодить папѣ, принялся жечь протестантовъ. Цшокке и Моннардъ относятъ къ этому времени происхожденіе слова «гугеноты», и объясненіе ихъ весьма правдоподобно. Противниковъ епископа называли: «Eidgenossen» (конфедераты), а французы исковеркали это въ huguenots.

Преслѣдованія, воздвигнутыя герцогомъ, разбои савойскаго рыцарства и жестокости, совершенныя противъ швейцарской партіи, побудили бернцевъ присоединиться къ оборонительному союзу женевцевъ и фрейбургцевъ и взяться за оружіе для спасенія города. Въ 1530 г. 12,000 бернцевъ и фрейбургцевъ дошли уже до Моржа, когда кантонъ Ваадтъ предложилъ свое посредничество. Союзники вернулись и въ Сентъ-Жюльенѣ былъ заключенъ миръ, по которому герцогъ обязался, подъ страхомъ лишенія власти надъ Ваадтомъ, не нарушать правъ женевскихъ гражданъ; женевцы обѣщали исполнять относительно герцога свои обязанности,въ противномъ же случаѣ лишались помощи союза.

Тѣмъ не менѣе герцогъ продолжалъ притѣснять женевцевъ. Кромѣ того ихъ постоянно возбуждали изгнанные изъ Франціи ученые богословы, проповѣдывавшіе въ Ваадтѣ, Невшателѣ и Монбельярѣ. Истиннымъ реформаторомъ французской Швейцаріи, которая и доселѣ принадлежитъ къ реформатскому исповѣданію, былъ Вильгельмъ Фарель, проповѣдывавшій евангеліе съ 1527 вмѣстѣ съ Бусеромъ, Эколампадіемъ, Цвингли, Галлеромъ, Капито и Вире. По-

добно Кальвину, онъ отвергалъ Лютерово ученіе о благодати и причащеніи. Въ 1528 онъ поучалъ въ окрестностяхъ Муртена и Биля, въ 1529 въ Невшателѣ, въ 1530 въ Грансонѣ, въ слѣдующемъ въ Орбо, гдѣ встрѣтилъ Вире. Въ ученіи и поступкахъ онъ былъ умѣреннѣе Лютера и Кальвина, не позволялъ себѣ отвѣчать бранью на брань противниковъ и никогда не преслѣдовалъ за вѣру. Съ перваго появленія своего въ Женевѣ (сентябрь 1532) онъ и ученые французы, приставшіе къ нему, не переставляли поражать съ каѳедры приверженцевъ епископа. Послѣдніе не хотѣли вступать съ ними въ публичный диспутъ о догматахъ, но, имѣя на своей сторонѣ все сосѣднее дворянство, стали возражать тюрьмою, полиціею и палачами. Поэтому Фарель былъ принужденъ вторично оставить Женеву. Въ самомъ городѣ и окрестностяхъ начались убійства. Но Фарель не устрашился этого; пославъ сперва въ городъ Антона Фромана, онъ въ мартѣ 1533 возвратился самъ. Но и на этотъ разъ онъ не могъ удержаться въ городѣ и долженъ былъ бѣжать въ третій разъ; однако въ декабрѣ снова вернулся подъ защитою бернцевъ. По ходатайству имъ магистратъ защищалъ проповѣдниковъ евангелія, Фареля и Вире, которые получили возможность проповѣдывать, но за невѣроятно малое денежное вознагражденіе. Кальвинъ и Беса получили впослѣдствіи не больше, за то пользовались въ Женевѣ свѣтской властью и, подобно Лютеру, уважались своими послѣдователями и всею Европою не меньше папы. Фарель, проповѣдывавшій съ 1534 въ доминиканской церкви, возвѣстилъ въ 1535 году публичный диспутъ, на который пригласилъ богослововъ обѣихъ партій. Диспутъ этотъ происходилъ чрезвычайно торжественно и окончился необычнымъ образомъ: двое защитниковъ католицизма, Іоаннъ Шаппіусъ и Петръ Кокроли, обратились въ протестантизмъ.

После того всѣ коллегіи и корпораціи Женевы признали реформатское исповѣданія государственною религіею республики (27 августа 1535). Епископъ и герцогъ Савойскій задумали при помощи своихъ городскихъ друзей, прозванныхъ за это мамелюками, овладѣть внезапнымъ нападеніемъ городомъ и подавить его свободу. Герцогъ купилъ у епископа свѣтскую власть его, обязавшись за это возстановить его духовную власть. Однако дѣятельность и мужество гражданъ разстроили замыселъ. Въ началѣ 1536 женевцы преобразовали богослуженіе и учебныя заведенія по уставамъ французской церкви, совершенно согласной съ ученіемъ Цвингли; они лишили епископа всѣхъ свѣтскихъ правъ его и провозгласили Женеву независимой республикой. Епископъ бѣжалъ изъ города и поселился въ Гексѣ; но мамелюки или староверы, герцогъ Савойскій и преданное ему ваадтландское дворянство продолжали тѣснить городъ. Бернцы, дѣйствовавшіе заодно съ королемъ Францискомъ, воспользовались этими обстоятельствами, чтобы ограбить герцога. Они объявили ему войну за неудачную попытку напасть на Женеву; въ то же время Францискъ, подъ предлогомъ притязаній на наслѣдство своей матери, занялъ Брессъ и Бюже, а затѣмъ овладѣлъ большею частью савойскихъ городовъ и крѣпостей. Въ ноябрѣ 1536 г. бернцы послали 7,000 войска въ Ваадтландъ. Они завоевали эту прекрасную страну также легко, какъ и Ааргау; въ 11 дней вся страна отъ Муртена до Женевы была занята ими и Женева освобождена. Епископъ былъ изгнанъ изъ Лозаны и лишенъ имуществъ и правъ; Ваадтландъ обращенъ въ провинцію бернскихъ патрицієвъ и тамошнему дворянству пришлось плохо отъ бернскихъ аристократовъ. Послѣдніе ввѣрили управленіе страной попечителю; только въ 1798 г. они были принуждены отказаться отъ своихъ притязаній на Ааргау и Тургау. Валисцы и фрейбургское дворянство, господствовавшее въ своемъ кантонѣ и служившее во французской службѣ до революціи 1789 г., были еще высокомѣрнѣе и жаднѣе, чѣмъ бернцы, и не преминули обогатиться при этомъ случаѣ. Съ того времени, какъ Женева заразилась ересью, фрейбургцы прекратили сношенія съ нею, но, чтобы не остаться съ пустыми руками, овладѣли графствами Рю и Ромономъ, не встрѣтивъ со стороны Берна никакихъ возраженій. Валлисцы также оттягали отъ герцога Савойскаго господство Шабле, простирающееся отъ границы Валлиса до рѣчки Дрансы. Реформація, принятая 11 августа 1535, была введена въ Женевѣ 11 мая 1536 г., при чемъ Фарель былъ назначенъ главнымъ пасторомъ. Но, чтобы исправить нравы и учредить порядокъ, была необходима строгость Кальвина.

Въ Женеву стекались изъ Италіи и Франціи много мечтательныхъ и пылкихъ головъ; Фарель же и его товарищи хотѣли ввести спартанскую строгость нравовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Фарель познакомился съ Кальвиномъ, которому далъ право гражданства и общественную должность. 15 февраля 1538 магистратъ (le conseil), по старанію Кальвина и Фареля, издалъ необычайно строгія постановленія касательно нравственности. Это возмутило ихъ многочисленныхъ враговъ, которые принудили ихъ оставить городъ. Кальвинъ пробылъ въ изгнаніи до 1541 г. При возвращеніи женевцы встрѣтили его съ восторгомъ. Съ этого времени онъ правилъ въ Женевѣ неограниченно, создалъ догматику церкви, названной его именемъ, и далъ Женевѣ ея государственное устройство.

12. Карлъ V, Францискъ I и Нидерланды отъ 1535 до 1540 г.

Карлъ не могъ помочь герцогу Савойскому ни въ 1535 г., ни въ первые мѣсяцы слѣдующаго года, потому что приготовлялся къ походу на Алжиръ. Въ октябрѣ 1535 умеръ Франческо Сфорца II, завѣщавъ свое герцогство Карлу. Императоръ приказалъ Антоніо Лейвѣ принять мѣры, чтобы не допустить французовъ въ Піэмонтъ и Миланъ. Самъ онъ отправился съ 700 кирасировъ и 6,000 испанскихъ ветерановъ въ Римъ, куда прибылъ 5 апрѣля 1536 г. и былъ встрѣченъ съ торжествомъ папой и народомъ, которые привѣтствовали его, какъ побѣдителя невѣрныхъ. Онъ имѣлъ съ папой тайныя совѣщанія, возбуждавшія въ нѣмецкихъ протестантахъ большія опасенія; но переговоры эти касались лишь новой политической организаціи Италіи и нападенія французскаго короля на Савойю. По поводу послѣдняго обстоятельства была созвана торжественная консисторія, гдѣ присутствовалъ и французскій посланникъ, такъ какъ Францискъ не рѣшился совершенно отклонить посредничество папы. Императоръ рѣзко и обидно упрекалъ французовъ, хотя, чтобы выиграть время, все еще дѣлалъ видъ, будто намѣренъ уступить герцогство миланское, занятое императорскими войсками, сыну Франциска, но не герцогу Орлеанскому, а младшему, герцогу Анжуйскому.

Папа старался убѣдить Франциска принять предложенія императора и не настаивать на уступкѣ Милана герцогу Орлеанскому; но между тѣмъ французы выступили въ походъ подъ предводительствомъ адмирала де Шабо и маркграфа Салуццо, а Антоніо Лейва дѣлалъ военныя приготовленія; это доказывало, что ни король, ни императоръ не думаютъ серьезно о сохраненіи мира. При вступленіи французовъ въ Савойю, герцогъ съ сыномъ бѣжали въ Верчелли, а жена его и всѣ сокровища были перевезены въ Миланъ; французы заняли Туринъ, Пиньероль, Фоссано, Кіери и другіе города. Лейва и венеціанцы, гарантировавшіе въ прошедшемъ году императору владѣніе герцогствомъ, не спасли бы Миланъ, если бы переговоры, начатые при посредничествѣ папы, не задержали французовъ. Французскій король послалъ въ Тоскану кардинала Лотарингскаго и даже отозвалъ во Францію большую часть своихъ войскъ, тогда какъ императоръ, лично прибывшій въ Асти, собиралъ со всѣхъ сторонъ свои войска, а Лейва и герцогъ Савойскій осадили Фоссано. Карлъ уговорилъ маркграфа Салуццо прервать союзъ съ Франціей и при помощи герцоговъ Баварскаго и Брауншвейгскаго, озлобленныхъ на Шмалькальденскій союзъ, собралъ 20,000 нѣмцевъ, которые соединились съ его арміею, состоявшею изъ испанцевъ и итальянцевъ. Мы не будемъ утверждать, подобно другимъ историкамъ, что императорская армія состояла изъ 50,000 человѣкъ; несомнѣнно только, что она была сильна. При ней находились герцоги Баварскій, Брауншвейгскій и Савойскій, многіе князья и бароны и полководцы, пользующіеся громкою славою—Антоніо Лейва, Альфонсъ, маркизъ дель Васто, донъ Фердинандъ Гонзаго и страшный герцогъ Альба.

Къ своему несчастію, императоръ не послѣдовалъ совѣту своихъ генераловъ и не воспользовался прежнимъ опытомъ; онъ непремѣнно хотѣлъ вторгнуться во Францію. Его не остановилъ дурной исходъ похода, предпринятаго имъ въ 1524, и онъ снова двинулся на Марсель. На этотъ разъ онъ пошелъ черезъ Ниццу. Опустошая все на пути, онъ двинулся чрезъ Эссъ и Арль къ

Марсели, но встрѣтилъ тѣ же препятствія, какъ и въ походѣ 1524 года. Недостатокъ воды и припасовъ и заразительныя болѣзни не позволили ему даже приступить къ осадѣ. Какъ предсказывалъ Лейва, пришлось думать объ отступленіи, пока можно было еще пройти черезъ альпійскія ущелья, совершенно непроходимыя въ позднюю осень. При отступленіи коннетабль де-Монморанси и маршалъ д'Юмьеръ съ небольшимъ регулярнымъ отрядомъ и многочисленною милиціею осторожно преслѣдовали императорскую армію. Она потерпѣла страшный уронъ. Вся дорога отъ Эсса до Фрежюса была усѣяна трупами, а въ Альпахъ озлобленные крестьяне и пастухи истребили множество людей. Антоніо Лейва умеръ въ Ліонѣ. На его мѣсто намѣстникомъ Милана былъ назначенъ маркизъ дель Васто, которому комендантъ покойнаго герцога сдалъ городъ и цитадель. Императоръ пошелъ съ артиллеріей въ Ниццу, откуда отправился моремъ въ Генуя.

Въ слѣдующемъ (1537) году война продолжалась, но рѣшительныхъ событій не произошло. Французы одерживали успѣхи въ Піэмонтѣ, но въ Нидерландахъ терпѣли неудачи. Въ военныхъ дѣйствіяхъ особенно отличались коннетабль де Монморанси, при арміи котораго находился герцогъ Орлеанскій, и маршалъ д'Юмьеръ, назначенный намѣстникомъ покоренной части Піэмонта. Въ Нидерландахъ императорскія войска проникли до Перонны; французскій король, не имѣя средствъ вести войну въ одно время въ двухъ мѣстахъ, былъ принужденъ согласиться въ Нидерландахъ на перемиріе. Но вскорѣ папа устроилъ перемиріе и въ Италіи. Въ Нидерландахъ перемиріе было заключено въ іюлѣ 1537 въ Боми на 10 мѣсяцевъ; 16 ноября заключили въ Монсонѣ перемиріе для Италіи, но только на 3 мѣсяца.

Король Францискъ отправился въ Піэмонтъ лично. Дель-Васто и канцлеръ Гранвелла обманывали его заманчивыми обѣщаніями и завлекли въ переговоры, которые тянулись до тѣхъ поръ, пока императоръ не возстановилъ потери, понесенныя его войсками въ 1536 и 1537 годахъ. Короля увѣряли, что императоръ все еще питаетъ намѣреніе выдать свою племянницу за его сына и дать за ней въ приданое герцогство миланское. При этомъ Францискъ былъ вдвойнѣ обманутъ; онъ условился съ султаномъ Солиманомъ, который обязался вооружить флотъ и войско и прислать ихъ къ берегамъ Прованса на помощь королю противъ императора и Андрея Доріа. Флотъ этотъ не пришелъ, а между тѣмъ столь странный союзъ и ужасныя жестокости, ежедневно совершаемыя турецкими корсарами, побудили христіанскія государства соединиться противъ турокъ и французовъ. Въ слѣдующемъ (1538) году императоръ, папа, венеціанцы и король Фердинандъ венгерскій заключили договоръ, обязавшись составить союзный флотъ и послать его въ море противъ турецкаго капуданъ-паши Хайреддина. Предполагалось составить этотъ флотъ изъ 200 кораблей и назначить главнокомандующимъ императорскаго адмирала Андрея Доріа. Но флотъ предназначался не для нападенія, а для обороны, потому что папа всѣми силами старался предотвратить войну между христіанскими государями, чтобы обратить ихъ оружіе и смертоносную юстицію уголовныхъ судовъ противъ турокъ и еретиковъ.

Семидесятипятилѣтній папа Павелъ III лично отправился въ Ниццу, надѣясь устроить тамъ свиданіе между императоромъ Карломъ и королемъ Франціи. Онъ очень желалъ примирить ихъ до прихода турецкаго флота. Но ни папу, ни императора, прибывшаго изъ Испаніи, ни Франциска не пустили въ Ниццу. Они просили дозволенія занять цитадель. Но герцогъ Савойскій, которому принадлежала Ницца, не велѣлъ пускать ихъ ни въ цитадель, ни въ городъ. Поэтому папа жилъ передъ городомъ въ палаткѣ, императоръ въ Вилла-Франкѣ, а французскій король въ другомъ мѣстечкѣ близъ Ниццы. Карлъ былъ у папы два раза; французскій король также пріѣзжалъ къ нему съ сыновьями. Но старанія папы устроить между ними свиданіе не увѣнчались успѣхомъ, потому что императоръ рѣшительно отказался принять короля Франциска. Папѣ удалось только продлить перемиріе; условіе это было заключено 18 іюня въ францисканскомъ монастырѣ близъ Ниццы. Было рѣшено, что все должно оставаться въ теченіи 10 лѣтъ въ настоящемъ видѣ. Императоръ пожертвовалъ герцогомъ Савойскимъ, отказавшись поддерживать его; онъ былъ такъ недоволенъ его отказомъ впустить его въ цитадель, что хотѣлъ даже занять своими войсками Асти, Верчелли и Фоссано. Чтобы пріобрѣсти расположеніе папы, императоръ исполнилъ его желаніе, которое, по всей вѣроятности, главнымъ образомъ побудило больнаго старика при-

тащиться въ Ниццу. Онъ просилъ императора о своемъ внукѣ Оттавіо Фарнезе, сынѣ его незаконнорожденнаго сына Піетро Алоизіо. Императоръ, по просьбѣ Павла, сдѣлалъ его маркграфомъ Новарскимъ и отдалъ ему Новару; но всѣ знали, что Оттавіо предназначаютъ сверхъ того многія другія итальянскія княжества. Императоръ даже обѣщалъ ему руку своей побочной дочери, Маргариты, которая овдовѣла по умерщвленіи Александра Медичи и за которую тщетно сватался преемникъ Александра, Косьма.

Въ іюлѣ 1530 папа возвратился въ Римъ; императоръ проводилъ его до Генуи и былъ потомъ задержанъ противными вѣтрами у Прованскаго берега. Наконецъ онъ готовился выйдти въ море и отправиться въ Испанію, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что испанскіе кортесы не соглашаются утвердить новые налоги и что въ Испаніи возникли опасныя безпокойства. Поэтому онъ сталъ выказывать трогательныя чувства, пользуясь театральнымъ великодушіемъ французскаго короля. Прежде онъ даже не отдалъ визита своей сестрѣ, французской королевѣ Элеонорѣ, которая любезно посѣтила его со своими придворными дамами; но съ перемѣною обстоятельствъ онъ присталъ къ Эгъ-Мортъ на островѣ Маргариты и пригласилъ къ себѣ французскаго короля, увѣряя его въ своей нѣжной дружбѣ къ нему. Францискъ, находившійся въ Авиньонѣ, былъ чрезвычайно удивленъ, узнавъ, что императоръ добровольно предался въ его руки. Онъ тотчасъ же сѣлъ на галеру и отправился къ императору на адмиральскій корабль. Мы не думаемъ однако, какъ увѣряютъ французы, что Францискъ чѣмъ нибудь рисковалъ, отдаваясь такимъ образомъ во власть императора, и не вѣримъ, чтобы онъ хвастался этимъ поступкомъ. Мы полагаемъ, что чувствительная сцена, которую государи разыграли предъ своею свитою, была обыкновенною придворною сценою *). Императоръ находился въ то время въ крайне затруднительномъ положеніи; финансы его были разстроены, между тѣмъ какъ онъ нуждался въ громадныхъ суммахъ; поэтому онъ осыпалъ короля самыми дружескими привѣтствіями и даже намекалъ на уступку Милана.

Морской походъ противъ турокъ, предпринятый Карломъ, папою и венеціанцами, стоилъ большихъ суммъ, но въ 1538 рушился постыднымъ образомъ, какъ говорятъ, по винѣ Андрея Доріа. Въ слѣдующемъ году Хайреддинъ Барбаросса снова взялъ Костельнуово и приказалъ изрубить 4,000 испанскихъ ветерановъ, составлявшихъ гарнизонъ этой крѣпости. 6,000 испанскій гарнизонъ Голлеты (на африканскомъ берегу), не получая жалованья, возмутился и хотѣлъ предать городъ невѣрнымъ. Но вице-король сицилійскій донъ Фердинандъ Гонзага разстроилъ измѣнническій планъ клятвопреступленіемъ. Онъ поѣхалъ въ Голлету и торжественно поклялся на алтарѣ, что мятежники получатъ прощеніе; они повѣрили этому и разошлись по разнымъ мѣстамъ, но были схвачены и казнены, не только начальники, но и многіе солдаты. Карлъ подавилъ безпокойства въ Испаніи, уничтожилъ народныя вольности и лишилъ кортесовъ всякаго значенія, сохранивъ лишь призракъ представительнаго правленія, чтобы удобнѣе извлекать изъ народа пользу для себя и своихъ придворныхъ. Затѣмъ вспыхнуло возстаніе во Фландріи, побудившее его отправиться въ Нидерланды.

Нидерландскіе генеральные штаты при вторженіи французовъ, въ мартѣ 1537, собрались въ Брюсселѣ и назначили сестрѣ и намѣстницѣ императора, Маріи венгерской, 1,200,000 гульденовъ военной подати. Фландрія и Брабантъ, которымъ предстояло подвергнуться нападенію прежде другихъ, должны были заплатить по 400 тысячъ, а остальныя 400 тысячъ—прочія провинціи. Сначала фламандцы отказались платить, но потомъ согласились, кромѣ Гента. Въ Гентѣ все еще существовало прежнее политическое устройство. Народонаселеніе дѣлилось на три класса: богатыхъ или, какъ они назывались, поортеровъ, ремесленниковъ и пролетаріевъ. Два послѣдніе въ извѣстныхъ случаяхъ могли принимать участіе въ правленіи, которымъ завѣдывали двѣ коллегіи, по 13 членовъ въ каждой. Низшіе классы не изъявили готовности снарядить войско, а высшій отказался платить деньги и служить въ войскѣ. Чтобы принудить городъ къ

*) On les vit s'embrassant tendrement et enchainés pour ainsi dire dans les bras de la reine Eleonore.

платежу, правительница приказала арестовать всѣхъ гентскихъ гражданъ, находившихся въ Антверпенѣ, Брюсселѣ, Мехельнѣ и въ другихъ мѣстахъ. Гентцы пожаловались императору на нарушеніе своихъ привилегій; императоръ отдалъ дѣло на рѣшеніе великому совѣту. Но гентцы не признали судебной власти совѣта.

Споръ тянулся въ теченіе всего 1538 года. Въ слѣдующемъ году нисшіе классы поссорились съ высшимъ и съ магистратомъ; они жаловались, что отъ нихъ скрываютъ граматы, выданныя имъ на ихъ привилегіи, и несправедливо лишаютъ права принимать участіе въ преніяхъ о пошлинахъ. 19 августа 1539 вспыхнуло народное возстаніе. Многія должностныя лица были заключены въ тюрьму, и въ концѣ мѣсяца былъ казненъ одинъ изъ важнѣйшихъ чиновниковъ, хотя, не смотря на жестокія пытки, не сознался въ нарушеніи закона. Нисшіе классы овладѣли городскимъ правленіемъ и казнили многихъ гражданъ; богатые и знатные бѣжали, и народъ оцѣнилъ ихъ головы. Правительница не могла ничего предпринять, потому что имѣла очень мало войска; вдобавокъ вспыхнуло возстаніе въ Мехельнѣ.

Императоръ поручилъ фландрскому намѣстнику, прибывшему къ нему въ Испанію, предложить гентцамъ выгодныя условія. Гражданамъ предписывали сложить оружіе, возстановить законный порядокъ и сдать пошлины на откупъ. Но они отвергли эти требованія. Тогда императоръ нашелъ необходимымъ лично отправиться въ Нидерланды и, чтобы проѣхать кратчайшимъ путемъ, рѣшился вторично обмануть французскаго короля.

Обманъ, который позволилъ себѣ Карлъ, снова касался герцогства миланскаго. Старшій сынъ короля Франциска умеръ; поэтому герцогъ Орлеанскій, мужъ Екатерины Медичи, сдѣлался дофиномъ, а третій сынъ короля—герцогомъ Орлеанскимъ. Императоръ обѣщалъ Миланъ послѣднему; когда ему понадобилось проѣхать черезъ Францію, онъ снова заговорилъ объ этомъ съ французскимъ посланникомъ въ Мадритѣ. Кромѣ того, съ тѣмъ же предложеніемъ былъ посланъ въ Парижъ канцлеръ Гранвелла, которому было поручено испросить для императора свободный пропускъ черезъ Францію. Хитрый канцлеръ былъ столь же ловкій дипломатъ, какъ и самъ императоръ, воспитанный въ школѣ Гвиччіардини, Макіавелли и Комина. Гранвелла съумѣлъ воспользоваться характеромъ короля, извѣстнаго любезника и романтика, рыцарскія фразы котораго доселѣ повторяются французами. Канцлеру удалось выхлопотать для императора пропускъ безъ всякихъ письменныхъ или словесныхъ обязательствъ. Онъ убѣдилъ Франциска, что императоръ питаетъ къ нему безпредѣльное чувство дружбы и уваженія; при этомъ онъ намекнулъ, что если король, воспользовавшись его положеніемъ, вынудитъ у него какія нибудь обязательства, то они будутъ имѣть видъ вынужденной дипломатическими и политическими обстоятельствами уступки, а не добровольнаго дружескаго подарка, вынужденнаго лишь чувствомъ справедливости. Гранвелла увѣрялъ короля, что, переѣхавъ границу, императоръ немедленно составитъ актъ касательно передачи Милана.

Послѣ того Карлъ отправился во Францію и на испанской границѣ былъ встрѣченъ дофиномъ, герцогомъ Орлеанскимъ и коннетаблемъ де Монморанси, посланными ему на встрѣчу королемъ Францискомъ. Императоръ и король дѣлали все, что дѣлается въ подобныхъ случаяхъ для показанія тѣсной дружбы и взаимнаго довѣрія государей и ихъ служителей. Императоръ, воспитанный фламандцами, не уступалъ французамъ въ ловкости и хитрости и даже перещеголялъ ихъ въ лицемѣріи. Всѣ, разсчитывавшіе на вражду монарховъ, папа, турки, Генрихъ VIII и протестанты Шмалькальденскаго союза, перестали довѣрять Франциску послѣ продолжительнаго тайнаго совѣщанія, которое происходило у него съ Карломъ. Фламандцы и особенно гентцы, призывавшіе на помощь французскаго короля, какъ своего бывшаго сюзерена, пріуныли, увидѣвъ его дружбу съ императоромъ. Путешествіе Карла черезъ Францію (въ январѣ 1540) походило на тріумфальное шествіе. Однако, прибывъ въ Парижъ 1 января 1540, онъ пробылъ въ немъ только 6 дней. Сыновья короля провожали его отъ Парижа до нидерландской границы. 24 января, по прибытіи императора въ Валансіенъ, первый большой городъ его владѣній, французскіе послы, находившіеся въ его свитѣ, напомнили ему его обѣщаніе касательно герцогства миланскаго. Но онъ съумѣлъ найти отговорку, и только тогда французы поняли, что онъ перехитрилъ ихъ.

Карлъ немедленно собралъ противъ Гента 4-тысячное войско. Однако городъ не рѣшился сопротивляться и 24 февраля отворилъ ворота. Карлъ вступилъ въ Гентъ не какъ графъ Фландрскій, а какъ побѣдитель, полководецъ и судья. По отъѣздѣ Карла, гентцы старались смягчить строгость готовившагося имъ приговора, ссылаясь на свои привилегіи и на нидерландскій обычай, по которому рѣшеніе большинства штатовъ не было обязательно для прочихъ. Но Карлъ поступилъ съ Гентомъ также, какъ поступалъ въ Испаніи: онъ противупоставилъ обычаямъ приговоръ своего государственнаго совѣта и кавалеровъ Золотаго Руна. Рѣшеніе его, основанное на этомъ приговорѣ и обнародованное 24 апрѣля 1540, состояло въ слѣдующемъ: «Гентъ и другіе штаты должны подчиняться впредъ рѣшенію большинства. Графъ Фландрскій будетъ отнынѣ присягать только тѣмъ законоположеніямъ, которыя вскорѣ будутъ обнародованы императоромъ. Гентцы виновны въ оскорбленіи величества, за что должны поплатиться своими правами, животами, имуществомъ, оружіемъ, набатнымъ колоколомъ и рентою въ 550 фламандскихъ фунтовъ, купленною городомъ у Карла Смѣлаго. Кромѣ уплаты императору 400,000 гульденовъ военной подати, изъ-за которыхъ произошло возстаніе, они должны уплатить еще 150,000 гульденовъ единовременно и платить ежегодно по 6,000 гульденовъ. Городской совѣтъ и 350 гражданъ, по шести отъ каждаго цеха, кромѣ главныхъ виновниковъ, называвшихся во время мятежа крезерами, должны просить у императора помилованія на колѣняхъ, въ однѣхъ рубашкахъ и съ веревками на шеѣ. Императоръ проститъ виновныхъ, за исключеніемъ плѣнныхъ и бѣжавшихъ. Изъ числа плѣнныхъ было казнено 26 человѣкъ, многіе изгнаны или заключены въ тюрьму. Контрибуція, взятая съ города, послужила для постройки цитадели, которая держала городъ въ страхѣ и повиновеніи во все время царствованія Карла.

13. Карлъ V и германскіе протестанты въ 1540 и 1541 годахъ.

Можетъ показаться страннымъ, что по усмиреніи Гента императоръ не обратился противъ Саксоніи и Гессена, которые были отчасти виноваты въ томъ, что братъ его лишился въ это время Венгріи и что турки почти утвердились передъ воротами Вѣны. Но дѣло въ томъ, что Карлъ не хотѣлъ содѣйствовать видамъ папы. Хотя онъ всегда настаивалъ на томъ, чтобы протестанты подчинились рѣшенію собора, но папа хотѣлъ созвать соборъ непремѣнно въ Италію, на что императоръ, католическіе чины и даже епископы не соглашались, будучи убѣждены, что въ такомъ случаѣ папа и итальянцы не преминутъ возобновить свои поборы въ пользу Рима. Протестанты тоже не хотѣли и слышать объ итальянскомъ соборѣ. Наконецъ императоръ согласился устроить церковный диспутъ, который, разумѣется, не могъ повести ни къ чему, кромѣ брани, такъ какъ богословы обѣихъ партій заранѣе рѣшились не уступать противникамъ ни въ чемъ. Императоръ былъ крайне недоволенъ событіями въ Германіи; братъ его, Фердинандъ, съ марта 1539 до сентября 1540 терпѣлъ неудачи то отъ турокъ, то отъ протестантовъ; священная же лига, устроенная Гельдомъ и, смотря по обстоятельствамъ, то утверждаемая, то отвергаемая императоромъ, не соглашалась начать войну съ Шмалькальденскимъ союзомъ.

До сентября 1540 г. Фердинандъ не могъ договориться съ протестантами о продленіи Нюрнбергскаго мира, потому что императоръ въ сущности не желалъ мириться съ ними; они же стали крайне заносчивы и притязательны. Протестантскій союзъ усилился присоединеніемъ къ нему курфирста Бранденбургскаго, пфальцграфа Нейбургскаго и герцога Генриха Саксонскаго. Кромѣ того курфирстъ Кельнскій питалъ сильное желаніе послѣдовать ихъ примѣру и секуляризовать свое архіепископство. Виртембергъ принялъ лютеранство, а Монбельяръ обратился въ кальвинизмъ, и можно было ожидать отпаденія всего Палатината. Поэтому Фердинандъ не принималъ въ нюрнбергскій мирный договоръ 1532 года ни одного государства, вступившаго въ Шмалькальденскій союзъ позднѣе. Когда 28 октября 1540 г. былъ назначенъ въ январѣ 1541 диспутъ въ Вормсѣ, Фердинандъ объявилъ, что Нюрнбергскій религіозный миръ не распространяется на

новыхъ членовъ Шмалькальденскаго союза. Эккъ и Меланхтонъ были назначены вести этотъ диспутъ отъ имени католиковъ и протестантовъ; но разница между ними была также велика, какъ между небомъ и землею.

Императоръ не могъ принять въ Германіи энергическихъ мѣръ, потому что намѣревался склонить сеймъ, долженствовавшій рѣшить религіозную распрю, окончить въ его пользу личную ссору его съ герцогомъ Карломъ Юлихъ-Клеве-Гельдернскимъ. Ссора началась еще въ то время, когда гельдернское рыцарство и особенно графъ де Мерсъ возстановили герцога Карла въ его владѣніяхъ, которыя были потеряны его отцомъ, герцогомъ Адольфомъ, за преступленіе, совершенное имъ противъ своего отца (стр. 129). Герцогъ Карлъ со временъ Максимиліана I былъ союзникомъ и орудіемъ французовъ, грознымъ вождемъ наемныхъ негодяевъ и язвой Нидерландовъ и всѣхъ сосѣднихъ странъ. Такъ какъ Гельдернъ служилъ сборнымъ мѣстомъ и убѣжищемъ для всевозможныхъ негодяевъ и преступниковъ, которые нанимались въ военную службу и грабили на сушѣ и на морѣ, то герцогъ всегда могъ собрать войско; онъ занялъ даже значительную часть Гренингена и назначилъ графа де Мерса своимъ намѣстникомъ этой провинціи. У него служилъ весьма способный полководецъ, Мартинъ де Россемъ. Въ 1528 г. онъ намѣревался воспользоваться ссорой дворянина Бальтазага д'Эзенса съ графомъ Эдзаромъ Остфрисландскимъ, чтобы овладѣть Остфрисландіею. Но это не удалось ему, потому что гренингенцы, мирно повиновавшіеся ему съ 1518 до 1525, отказались заплатить расходы этого предпріятія. За это онъ наказалъ Гренингенъ и Оммеландъ новымъ опустошительнымъ набѣгомъ. Тогда Гренингенъ передался нидерландской правительницѣ Маргаритѣ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ состоялъ подъ властью герцога. Такъ какъ Франція покинула герцога, а воевать одинъ съ Карломъ V онъ не могъ, то былъ принужденъ уступить Гренингенъ и Фрисландію и отказаться отъ владычества надъ ними.

Города и чины Утрехта и Оверъ-Исселя, поссорившись съ епископомъ утрехтскимъ, призвали дикія шайки герцога, которыя надѣлали имъ не меньше вреда, чѣмъ епископу и его союзникамъ. Епископъ заключилъ въ 1528 съ императоромъ подобный же договоръ, какъ и гренингенцы. Онъ уступилъ Карлу V и его наслѣдникамъ всѣ свои верховныя свѣтскія права, за что императоръ гарантировалъ ему пользованіе духовными правами и доходами. Въ слѣдующемъ году, при заключеніи канбрейскаго мира, французскій король отступился отъ герцога Гельдернскаго. Это принудило герцога заключить въ 1529 въ Горкумѣ договоръ, которымъ онъ отказался отъ притязаній на Гренингенъ и обязался въ случаѣ своей бездѣтной смерти признать Карла V законнымъ наслѣдникомъ Гельдерна и Цютфена. Въ 1536 герцогъ, снова бывшій въ союзѣ съ Франціей и получавшій отъ Франциска субсидіи, принялъ участіе въ его войнѣ съ императоромъ, но въ декабрѣ долженъ былъ возобновить горкумскій договоръ. Въ слѣдующемъ году онъ старался склонить гельдернскіе чины помочь ему отторгнуть вѣроломнымъ образомъ отъ германской имперіи укрѣпленные города Нимвегенъ, Цютфенъ, Рюремонде и Венлоо и передать ихъ Франціи. Но чины не согласились на это, силою присвоили себѣ всю верховную власть надъ страною, срыли замки, въ которыхъ герцогъ держалъ свои разбойничьи шайки, и опредѣлили ему 40,000 гульденовъ ежегоднаго содержанія.

Герцогъ не могъ перенести мысли, что по смерти его владѣнія его достанутся габсбургцамъ, которыхъ онъ также ненавидѣлъ, какъ и отецъ его. Поэтому въ 1538 г. онъ задумалъ оставить Гельдернъ другому нѣмецкому государю. Наслѣдникомъ своимъ онъ избралъ В и л ь г е л ь м а К л е в е, прозваннаго Б о г а т ы м ъ. Предокъ его Адольфъ II владѣлъ только графствомъ де ля Маркъ, но въ 1347 сдѣлался, благодаря своей женитьбѣ, герцогомъ Клевскимъ. Отецъ Вильгельма, Іоаннъ III, женился на дочери и наслѣдницѣ послѣдняго герцога Бергъ-Юлихъ-Равенсбергскаго и получилъ эти земли. Самъ Вильгельмъ Богатый, наслѣдовавшій всѣ эти обширныя владѣнія, пріобрѣлъ по смерти дикаго Карла Гельдернскаго (въ іюлѣ 1528) большую часть его владѣній, согласно договору, заключенному его отцомъ съ гельдернскими чинами. Въ 1540 г., по усмиреніи Гента, между императоромъ и французскимъ королемъ готовилась вспыхнуть новая война; каждый изъ нихъ старался склонить на свою сторону богатаго и могущественнаго герцога Вильгельма. Французскій король привлекъ его на свою сторону, давъ

ему надежду на женитьбу, которая могла сдѣлать герцога королемъ. Францискъ понималъ, что только особенныя выгоды могутъ склонить герцога Клеве, который былъ вассаломъ имперіи, заключить союзъ съ врагомъ имперіи и императора; поэтому онъ предложилъ ему руку дочери Генриха д'Альбре (стр. 391), который, хотя лишился испанской Наварры, но продолжалъ носить королевскій титулъ и владѣлъ французскою Наваррою, т. е. Беарномъ и нѣкоторыми другими владѣніями. По законамъ страны ему должна была наслѣдовать его дочь. Ей было тогда только 10 лѣтъ, поэтому толковать о бракѣ ея было еще рано; но французы вовсе не помышляли о немъ и не имѣли дѣйствительнаго намѣренія доставить нѣмецкому государю обширныя независимыя владѣнія въ предѣлахъ Франціи. Не догадываясь объ этомъ, герцогъ Вильгельмъ принялъ предложеніе и былъ торжественно обрученъ съ принцессою. Такимъ образомъ онъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ Франціею, и грозный полководецъ его, Мартинъ де Россемъ, одержалъ блистательную, хотя безплодную для Франціи побѣду, при чемъ погибло храброе рыцарство германскихъ владѣній Вильгельма. Но въ то самое время, какъ герцогъ обручался съ наваррскою принцессою, французы составляли планъ присоединить Беарнъ къ короннымъ владѣніямъ; впослѣдствіи планъ этотъ осуществился посредствомъ брака наваррской наслѣдницы съ первымъ принцемъ крови, Антуаномъ де Бурбонъ-Вандомомъ.

Намѣреваясь отправиться чрезъ Германію въ Италію, чтобы предпринять новый походъ противъ невѣрныхъ, Карлъ V былъ сердитъ и на папу, и на протестантовъ. Протестанты стали опасны съ тѣхъ поръ, какъ Бранденбургъ и Юлихъ перешли на ихъ сторону, Пфальцъ колебался, а ландграфъ Филиппъ и курфирстъ Саксонскій ограбили своихъ сосѣдей и церковь. Императоръ хотѣлъ напугать протестантами папу и обезоружить ихъ соборомъ или мирнымъ диспутомъ. Но папа не соглашался на диспутъ, а по поводу собора постановилъ условія, которыхъ императоръ и протестанты не принимали. Императоръ желалъ выиграть время и достигъ наконецъ своей цѣли, убѣдивъ католиковъ и протестантовъ согласиться на диспутъ. Братъ его, Фердинандъ, находившійся по смерти Іоанна Заполія въ очень затруднительномъ положеніи, всячески старался склонить протестантовъ послать депутатовъ на папскій соборъ или по крайней мѣрѣ согласиться съ католиками хоть въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Но соглашеніе было невозможно, потому что государи и города присвоили себѣ церковныя имущества, а папа и слышать не хотѣлъ объ уступкахъ. Притомъ Фердинандъ утверждалъ, что многія могущественныя правительства, принявшія въ послѣднее время реформацію, не имѣютъ права пользоваться выгодами Нюрнбергскаго религіознаго мира. Было сдѣлано много тщетныхъ усилій устроить религіозное преніе, и Фердинандъ уже думалъ обратиться къ священной лигѣ и вооружить католиковъ противъ протестантовъ; но наконецъ, въ половинѣ 1540 въ Гагенау было рѣшено снова попытаться окончить дѣло полюбовно. Впрочемъ, папа не соглашался на это и послалъ въ Германію молодаго кардинала Фарнезе, а въ Нидерланды кардинала Корвина, чтобы отклонить императора и государей отъ разсужденій по вопросамъ, которые давно уже рѣшены имъ. Но императоръ и прочіе католики не имѣли средствъ начинать войну и потому должны были согласиться на диспутъ. Лютеръ былъ еще непреклоннѣе папы и опасался, что чортъ съиграетъ съ нимъ и съ курфирстомъ какую нибудь скверную шутку.

Диспутъ или, лучше сказать, брань началась 16 іюля 1540 и немедленно приняла такое направленіе, что коммиссары императора и король Фердинандъ черезъ двѣ недѣли (28 числа) сочли необходимымъ прекратить ее императорскимъ декретомъ и перенести дальнѣйшія пренія въ Вормсъ. Но было ясно, что и въ Вормсѣ желаемая цѣль не будетъ достигнута тѣмъ болѣе, что всякая возможность успѣха была заранѣе уничтожена двумя постановленіями. Было постановлено, что приговоръ Фердинанда объ исключеніи новыхъ членовъ Шмалькальденскаго союза изъ выгодъ Нюрнбернскаго религіознаго мира остается въ силѣ, и во вторыхъ, что императоръ удерживаетъ право утверждать приговоры имперскаго суда по процессамъ, касающимся владѣнія свѣтскими имуществами церкви. Императоръ послалъ въ Вормсъ не богослововъ и философовъ, а своего министра Гранвеллу, который получилъ обширныя полномочія въ во-

просахъ совѣсти и имѣлъ порученіе улаживать всякія затрудненія, мѣшающія благополучному окончанію диспута, и тянуть религіозный споръ до тѣхъ поръ, пока Карлъ получитъ возможность окончить его оружіемъ. Гранвелла опоздалъ въ Вормсъ: посланники большей части нѣмецкихъ правительствъ и ихъ богословы собрались въ половинѣ ноября 1540 г. Къ крайней досадѣ протестантовъ, въ Вормсъ прибылъ и папскій легатъ, хотя они еще въ Гагенау убѣдительно просили не присылать его.

Инструкція папскаго нунція, посланнаго на вормсскій диспутъ, противъ желанія протестантовъ, доказываетъ, что все, предпринимаемое въ 1539 и слѣдующихъ годахъ для примиренія партій, было кукольною комедіею. «Нунцій, говорилось въ инструкціи, долженъ слушать и мало говорить, не входя ни въ какія пренія. Онъ долженъ воздерживаться отъ рѣзкостей и обнаруживать кротость и христіанскую любовь съ приличіемъ и достоинствомъ, но обязанъ сохранить папѣ все.» Въ предисловіи къ инструкціи папа говорилъ, что не только не одобряетъ преній по религіознымъ вопросамъ, но глубоко ненавидитъ ихъ, такъ какъ они наносятъ ущербъ его значенію. Онъ говорилъ, что крайне недоволенъ вормсскими преніями, начатыми вопреки его волѣ. «Но, смиренно прибавлялъ онъ, я буду слѣдовать примѣру того, чье мѣсто я недостойно заступаю.»

На этотъ разъ брань была еще хуже и неприличнѣе, и обѣ стороны вели себя недостойнымъ образомъ; даже Меланхтонъ, стоявшій во главѣ своей партіи, былъ на этотъ разъ не тѣмъ, что прежде. Вотъ что говоритъ о вормсскомъ собраніи нашъ уважаемый учитель Планкъ, хорошо знакомый съ актами этихъ преній: «При разсматриваніи актовъ собранія нельзя удержаться отъ негодованія на протестантовъ, которые вели себя хуже католиковъ. Католическіе представители, послы императора и римскаго короля, придирались и крючкотворствовали сознательно, имѣя обдуманное намѣреніе тянуть переговоры; протестанты же не могли имѣть при этомъ никакой цѣли, кромѣ желанія свалить на католиковъ вину въ неудачѣ переговоровъ. Но въ такомъ случаѣ имъ слѣдовало быть уступчивѣе въ второстепенныхъ пунктахъ тѣмъ болѣе, что они видѣли, что противники только о томъ и спорятъ.»

Время проходило въ спорахъ о предметахъ совершенно не существенныхъ; Бранденбургъ и Пфальцъ засѣдали съ католиками, хотя вскорѣ оказалось, что не принадлежатъ къ нимъ. Поэтому неудивительно, что пренія, которыя должны были начаться 28 октября 1540 г., началось только 14 января 1541 г. Меланхтонъ и Эккъ проспорили четыре дня объ одномъ крещеніи; всѣ, а особенно посланникъ императора, ясно видѣли, что, если дѣло пойдетъ подобнымъ образомъ, то никогда не кончится. Императоръ былъ давно убѣжденъ, что диспутъ кончится подобнымъ образомъ; 18 января всѣмъ присутствующимъ было объявлено императорское повелѣніе прекратить преніе и переѣхать въ Регенсбургъ, гдѣ диспутъ будетъ продолжаться въ присутствіи императора. Затѣмъ Карлъ вызвалъ въ Регенсбургъ сеймъ, пригласивъ особенно курфирста Саксонскаго и ландграфа. Ландграфъ Филиппъ сказалъ ему при этомъ, что Шмалькальденскій союзъ намѣренъ оружіемъ помогать своимъ сочленамъ противъ Генриха Брауншвейгскаго и декретовъ имперскаго суда. Чтобы предупредить кровопролитіе, Карлъ старался удовлетворить жалобамъ на имперскую юстицію. Тѣмъ не менѣе, Саксонія и Гессенъ привели свое намѣреніе въ исполненіе. Чтобы отклонить ихъ отъ этого, императоръ издалъ 28 январа въ Шпейерѣ эдиктъ, которымъ повелѣвалъ прекратить всѣ процессы по религіознымъ дѣламъ и отмѣнить всѣ приговоры, въ особенности опалу, которой были преданы Госларъ и Мюнденъ. Впрочемъ, ландграфъ былъ сговорчивѣе курфирста, потому что не питалъ, подобно Іоанну Фридриху, раболѣпнаго уваженія къ папѣ-Лютеру *). Ландграфъ прибылъ въ Регенсбургъ

*) Благоразумные совѣтники курфирста уговаривали его поѣхать въ Регенсбургъ; но Лютеръ просилъ и заклиналъ его не ѣхать, потому что, если онъ поѣдетъ, то чортъ непремѣнно склонитъ его къ соглашенію. «Изъ всѣхъ государей», писалъ онъ ему, «чорту, особенно хочется поймать вашу курфиршескую милость», и прибавлялъ: «Если В. К. М. непремѣнно желаете войдти въ договоръ съ чортомъ, то все таки не зачѣмъ ѣздить въ Регенсбургъ, а лучше обратиться прямо въ Торгау.»

въ мартѣ и прежде всего постарался объяснить императору, почему нельзя поладить добромъ съ Генрихомъ Брауншвейгскимъ. Курфирстъ же не пріѣхалъ. Его непобѣдимое упрямство было въ этомъ случаѣ столь же безразсудно, какъ и въ безпрестанныхъ протестахъ противъ избранія Фердинанда въ римскіе короли.

5 апрѣля 1541 императоръ открылъ сеймъ, главною цѣлью котораго было согласить католиковъ и протестантовъ по нѣкоторымъ пунктамъ государственной религіи; императору было предоставлено назначить богослововъ на диспутъ по этимъ пунктамъ; выборъ его палъ на людей, отъ которыхъ можно было ожидать всего хорошаго, за исключеніемъ Экка, бывшаго виновникомъ всѣхъ несчастій. Экку было поручено защищать католицизмъ, а Меланхтону — лютеранство. Лютеръ своими письмами успѣлъ внушить Мелапхтону упрямство и неуступчивость; но императоръ, избирая столь кроткаго и благоразумнаго человѣка, не могъ предвидѣть этого. Прочіе диспутанты были свободны отъ всякихъ предразсудковъ и не были связаны ни папою, ни схоластикою, ни Лютеромъ и его поклонникомъ, Іоанномъ-Фридрихомъ. Въ помощники Экку были назначены Юлій Пфлугъ, характеръ котораго мы уже описали (стр. 521), и Іоганнъ Грopперъ. Товарищами Маланхтона были Мартинъ Бусеръ и Іоганнъ Писторіусъ. Имъ покровительствовалъ ландграфъ, и они не слѣдовали тупой саксонско-лютеровской догматикѣ. Такъ какъ императоръ желалъ, чтобы пренія имѣли характеръ государственнаго дѣла, а не богословской перебранки, то поручилъ пфальцграфу Фридриху и своему канцлеру Гранвеллѣ руководить диспутомъ, при которомъ присутствовали многіе иностранные послы. Гранвелла получилъ отъ императора сочиненіе, приписываемое имъ одному нидерландцу, но вѣроятно написанное по порученію курфирста Бранденбургскаго, который не былъ слѣпо преданъ лютеранству. Сочиненіе это, названное впослѣдствіи регенсбургскимъ интеримомъ, имѣло цѣлью предупредить безполезныя ссоры. Оно было одобрено императоромъ и принято въ основаніе при преніяхъ. Поэтому вначалѣ диспутъ шелъ благопріятно, пока спорящіе вращались только около тѣхъ пунктовъ, которые извѣстный авторъ интерима могъ изложить къ общему удовольствію католиковъ и протестантовъ. Но когда дѣло дошло до главнаго, то оказалось, что папская церковь совершенно несовмѣстна съ принципами протестантизма. Мы не будемъ слѣдить за ходомъ религіозныхъ преній, потому что предметомъ нашимъ служитъ политическая исторія. Но необходимо замѣтить, что императоръ, смертельно ненавидѣвшій Іоанна Фридриха и Лютера, воспользовался очевиднымъ расположеніемъ ландграфа Филиппа къ ученію Кальвина, который проповѣдывалъ въ Женевѣ свою доктрину съ такимъ же успѣхомъ, какъ Лютеръ въ Виттенбергѣ, чтобы поссорить вождей грозившаго ему союза. Іоаннъ Фридрихъ былъ ему не страшенъ тѣмъ болѣе, что король Фердинандъ совершенно склонилъ на свою сторону его двоюроднаго брата, Морица. Но ландграфъ Филиппъ былъ опасенъ, потому что давно находился въ союзѣ съ Франціей, такъ что въ Регенсбургѣ Карлъ долженъ былъ заключить съ нимъ договоръ, чтобы удержать его отъ возобновленія этого союза при предстоящей войнѣ Карла съ Франціей. Договоръ этотъ былъ составленъ по испанскому обычаю такъ, что, смотря по обстоятельствамъ, его можно было истолковывать какъ угодно. Въ то же время Карлъ велъ переговоры съ Генрихомъ Брауншвейгскимъ, который также прибылъ въ Регенсбургъ. Извѣстная уже читателю неприличная ссора Генриха съ ландграфомъ дошла въ Регенсбургѣ до невѣроятныхъ размѣровъ.

Въ то же время императоръ имѣлъ непріятности съ своимъ злѣйшимъ врагомъ, Вильгельмомъ де ля Маркомъ герцогомъ Юлихъ-Клеве-Бергъ-Гельдернскимъ; но несогласія эти не переходили по крайней мѣрѣ границъ приличія. Вильгельмъ уѣхалъ къ французскому двору и заключилъ союзный договоръ съ Франціей. По этому случаю 3 іюля 1541 Карлъ напустился въ полномъ собраніи государей на герцогскаго посланника. Онъ не далъ ему сказать ни слова въ оправданіе своего государя и, не слушая его, всталъ и вышелъ въ гнѣвѣ изъ залы. Это оскорбило не только протестантовъ, къ которымъ принадлежало герцогство Юлихъ, но и всѣхъ государей; 24 іюля они отправились лично къ императору и просили его по крайней мѣрѣ выслушать оправданіе герцога. Это окончательно взбѣсило Карла, хотя онъ, болѣе чѣмъ кто либо, умѣлъ владѣть собой; онъ высказалъ

имъ все, что думалъ объ нихъ и чего при извѣстныхъ обстоятельствахъ они могли ожидать отъ него. Карлъ велѣлъ Іоанну Навесу сказать имъ: «Я столько лѣтъ хлопоталъ, чтобы собрать сеймъ, но вы не собирались; столько разъ слушалъ я ваши пренія и не разу не видѣлъ, чтобы вы поладили между собою; а какъ только вышелъ случай привязаться ко мнѣ, то у васъ явилось полное единодушіе».

Религіозныя пренія кончились 22 мая; 29 числа императоръ, собравъ мнѣнія, объявилъ свое рѣшеніе. Оно не прекратило раздоръ, а лишь указывало на возможность его прекращенія въ далекомъ будущемъ. Сущность его состояла въ слѣдующемъ: «За исключеніемъ четырехъ пунктовъ, по которымъ согласились, все остается по старому. Дальнѣйшія религіозныя пренія должны произойти или на вселенскомъ или на національномъ соборѣ или же, если папа не согласится ни на то, ни на другое, то на слѣдующемъ сеймѣ. Императоръ поѣдетъ въ Италію, чтобы побудить папу назначить въ Германіи или вселенскій соборъ, или, по крайней мѣрѣ, національный. Если черезъ 18 мѣсяцевъ ничего не состоится, то для рѣшенія религіозныхъ вопросовъ будетъ собранъ въ имперіи сеймъ, и папѣ будетъ предложено прислать на него легата. Пока же долженъ нерушимо соблюдаться обѣими сторонами нюрнбергскій миръ.»

14. Венгрія и Османы съ 1532 до 1545 и походъ Карла V въ Алжиръ.

Вслѣдъ за тѣмъ Карлъ V и его братъ уѣхали изъ Германіи, одинъ въ Африку, другой въ Венгрію, воевать съ турками; поэтому необходимо обратиться къ исторіи Венгріи и Турціи. До 1532 года Солиманъ II четыре раза ходилъ въ Венгрію и Австрію. Его полчища совершали всюду страшныя опустошенія и жестокости и доказывали, что дикій человѣкъ хуже хищнаго звѣря. Пятый походъ Солимана (въ 1532 г.) кончился миромъ. Походъ этотъ замѣчателенъ трехнедѣльною обороною крѣпости Гюнса венгромъ Юришицомъ съ 700 человѣкъ противъ 200,000 турецкой арміи и ея грозной артиллеріи. Истративъ весь порохъ и потерявъ половину людей, Юришицъ заключилъ выгодную капитуляцію съ условіемъ даже не пускать невѣрныхъ въ крѣпость. Въ это время различныя причины побудили султана согласиться на убѣдительныя просьбы Фердинанда и подарить ему миръ, на который онъ прежде не соглашался. Фердинандъ готовъ былъ купить миръ изъявленіемъ покорности на самыхъ позорныхъ условіяхъ. Солиманъ согласился сначала заключить только перемиріе (январь 1533), но, когда Фердинандъ велѣлъ своему посланнику униженно передать султану ключи Грана, Солиманъ согласился вступить въ переговоры о мирѣ. Они продолжались до конца іюня. Однако мирный договоръ, заключенный между Солиманомъ и Фердинандомъ, не прекратилъ турецкихъ набѣговъ; онъ удалилъ только изъ Венгріи самого султана и его главную армію.

Турецкій вассалъ Іоаннъ Заполій, носившій титулъ короля Венгріи, продолжалъ воевать съ Фердинандомъ до 1538. Заполій велѣлъ умертвить вѣроломнаго турецкаго коммисара, ренегата Гритти, который хотѣлъ предать туркамъ Трансильванію; поступокъ этотъ навлекъ на него немилость султана, что принудило его искать мира съ римскимъ королемъ. Послѣ многихъ переговоровъ, часто прерываемыхъ и возобновляемыхъ, былъ заключенъ наконецъ миръ въ 1538. По условіямъ договора Фердинандъ удержалъ за собою Кроацію и всѣ области Венгріи, которыя находились въ его власти; за это онъ и братъ его, императоръ, признали Заполія венгерскимъ королемъ. Далѣе было постановлено, что, если у Заполія родится наслѣдникъ, то долженъ будетъ жениться на дочери Фердинанда; но Фердинандъ будетъ правителемъ всей Венгріи, которая должна немедленно принести ему присягу, какъ будущему регенту.

Союзъ венгерскихъ королей просуществовалъ недолго. Заполій былъ человѣкъ болѣзненный и не могъ надѣяться на долгую жизнь, хотя ему было только 52 года; не смотря на это, онъ женился на дочери короля Сигизмунда I польскаго, Елисаветѣ или Изабеллѣ, которая за двѣ недѣли до его смерти родила сына (іюль 1540). Онъ пожелалъ назвать сына Іоанномъ-Сигизмундомъ

и назначилъ воспитателями его епископа гросвардейнскаго, Георга Мартинуцци, и Петра Петровича Заполія. Енископъ и Заполій рѣшились воспрепятствовать исполненію выгодныхъ для Фердинанда статей договора 1538 года и съ этой цѣлью скрывали смерть короля, пока не привлекли на свою сторону многихъ магнатовъ. Тогда они провозгласили ребенка «избраннымъ королемъ» Венгріи; но большая часть Венгріи признала Фердинанда, а въ Трансильваніи вспыхнули безпокойства. Солиманъ воспользовался этимъ, чтобы овладѣть Венгріею.

По смерти Заполія Фердинандъ сдѣлалъ попытку овладѣть Офеномъ и старался задобрить Солимана. Но султанъ принялъ посланника Фердинанда очень дурно и взялъ подъ свою защиту королеву Изабеллу, которая также просила его за сына. Въ октябрѣ 1540 султанъ провозгласилъ сына Іоанна Заполія королемъ Венгріи и въ ноябрѣ того же года объявилъ Фердинанду войну. Въ 1541 австрійскія войска, осаждавшія Офенъ, были принуждены отступить и почти совершенно истреблены. Послѣ того Солиманъ приказалъ Изабеллѣ прислать своего маленькаго сына въ турецкій лагерь. Затѣмъ янычары пробрались въ городъ и заняли его въ пользу султана. Солиманъ отослалъ ребенка къ матери, поручивъ сказать ей, что, такъ какъ она не имѣетъ средствъ долго защищать Офенъ противъ Фердинанда, то онъ удерживаетъ городъ за собою до совершеннолѣтія принца. Королева была принуждена заключить съ нимъ договоръ, по которому должна была удалиться съ сыномъ изъ Офена и предоставить султану всю Венгрію, за исключеніемъ Трансильваніи, Нижней Венгріи, Лейпы и Темесвара. Вся страна, отошедшая къ туркамъ, была организована на турецкій ладъ, и офенскій соборъ обращенъ въ мечеть. Фердинандъ продолжалъ воевать съ султаномъ, но безуспѣшно; наконецъ въ августѣ 1545, при содѣйствіи французскаго посланника, было заключено 5-лѣтнее перемиріе. Венгрія и Трансильванія были уступлены Изабеллой Фердинанду только въ 1551 съ условіемъ, что сынъ ея женится на дочери Фердинанда и получитъ силезскія герцогства, Оппельнъ и Ратиборъ, и родовыя имѣнія своего отца въ Венгріи; кромѣ того она обѣщала дать отъ себя сыну 100,000 дукатовъ.

Во время войны 1541 Солиманъ получилъ извѣстіе, что тайный союзъ его съ Франциском и венеціанцами противъ австрійскаго дома не состоялся по случаю умерщвленія интригантовъ Чезаря Фрегозо и Антоніо Ринкона, которые вели все это дѣло. Люди эти давно интриговали въ Италіи во вредъ императору и хлопотали о союзѣ Франциска съ турками, что въ то время считалось столь же ужаснымъ дѣломъ, какъ договоръ съ дьяволомъ. Въ 1532 Ринконъ былъ у турокъ въ Венгріи; впослѣдствіи онъ дѣйствовалъ въ Венеціи и Константинополѣ, стараясь устроить общій союзъ между Венеціей, Франціей и Турціей. Поѣздка императора черезъ Францію и его тайный разговоръ съ королемъ Францискомъ возбудили въ туркахъ недовѣріе. Въ 1541 Ринконъ и Фрегозо снова попытались устроить союзъ. Они предположили отправиться сначала вмѣстѣ черезъ Туринъ и миланское герцогство, а потомъ разъѣхаться — одному въ Венецію, а другому въ Константинополь и вести интригу каждому особо съ своего поста. Императору было очень важно узнать содержаніе ихъ инструкцій; поэтому онъ приказалъ своему намѣстнику въ Миланѣ, маркизу дель Васто, слѣдить за этими агентами. Но Гильйомъ ди Белле, французскій намѣстникъ въ завоеванной части Піемонта, получивъ извѣстіе объ императорскомъ приказаніи, предупредилъ агентовъ, что за ними слѣдятъ. Ринконъ хотѣлъ послѣдовать его совѣту, не ѣхать черезъ миланское герцогство; но Фрегозо не вѣрилъ, чтобы маркизъ дель Васто былъ способенъ среди мира нанять бандитовъ для нападенія на посланниковъ и такимъ образомъ нарушить международное право. Поэтому они отправились въ путь, какъ было предположено, водою по теченію По. Однако, на случай ареста, они передали депеши своему секретарю, ѣхавшему на другомъ кораблѣ. Впрочемъ совѣсть Чезаре Фрегозо была спокойна; но Антоніо Ринконъ побаивался. Въ предъидущемъ 1540 году онъ былъ въ Венеціи и сообщилъ оттуда султану, что венеціанскій сенатъ не раздѣляетъ мнѣнія своего посланника въ Константинополѣ и согласенъ принять миръ съ турками на тяжелыхъ условіяхъ, которыхъ не принимаетъ посланникъ. Поэтому султанъ грозилъ посланнику, который былъ принужденъ заключить миръ, уступивъ туркамъ города Наполи ди Романію и Малвазію въ Мореѣ. За это сенатъ удалилъ Ринкона изъ Венеціи. Агентовъ

французскаго короля встрѣтили бандиты, которымъ дель Васто поручилъ подстерегать ихъ при сліяніи Тичино съ По. Послѣ тщетной обороны они были убиты (13 іюля 1541). Но другой корабль, на которомъ ѣхалъ секретарь съ бумагами, благополучно пришелъ въ Піаченцу. Дель Васто немедленно отправилъ посланника въ Туринъ, чтобы отстранить отъ себя всякое подозрѣніе въ участіи въ разбоѣ на большой дорогѣ и въ убійствѣ; но ему никто не повѣрилъ.

Не задолго до того король Францискъ потерпѣлъ отъ императора другое оскорбленіе. Императоръ передалъ миланское герцогство, обѣщанное сыну короля, своему сыну Филиппу. Францискъ только потому не объявилъ тогда же войну Карлу, что не имѣлъ денегъ и что папа просилъ его не мѣшать задуманному императоромъ походу на африканскій берегъ. Но послѣ убійства своихъ агентовъ Францискъ немедленно отправилъ посланниковъ на аугсбургскій сеймъ, поручивъ имъ обвинить императора въ присутствіи всѣхъ государей въ нарушеніи мира и международнаго права, въ убійствѣ и разбоѣ.

Между тѣмъ Карлъ отправился въ Италію, гдѣ въ сентябрѣ велъ въ Луккѣ переговоры съ папой о союсѣ противъ Солимана и о второмъ походѣ въ сѣверную Африку. Францискъ отправилъ пословъ и въ Лукку, требуя, чтобы императоръ наказалъ маркиза дель Васто, въ ожиданіи чего приказалъ арестовать въ Ліонѣ Георга Австрійскаго, архіепископа валенсійскаго и епископа лютихскаго. Затѣмъ онъ отправилъ пословъ въ Швецію, Данію и къ протестантскимъ государямъ Германіи. Чтобы вредить Фердинанду, онъ вступилъ, какъ ниже увидимъ, въ сношенія съ Солиманомъ. Папа убѣдилъ Франциска отложить объявленіе войны до мая 1542, такъ какъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1541 императоръ предпринялъ второй походъ противъ африканскихъ пиратовъ.

Походъ этотъ былъ направленъ противъ столицы пиратовъ, Алжира. Къ несчастію экспедиція началась въ такое время, когда сильныя бури препятствуютъ плаванію по морю и затрудняютъ передвиженіе войскъ на сушѣ; проливные дожди превращаютъ въ это время землю въ болото и армія не находитъ убѣжища ни подъ открытымъ небомъ, ни въ палаткахъ. Адмиралы, капитаны кораблей и опытные генералы, знавшіе климатъ и мѣстность, совѣтовали императору отложить предпріятіе, и самъ папа убѣдительно просилъ его въ Луккѣ не торопиться; но Карлъ не измѣнилъ своего рѣшенія. Войско и флотъ собрались въ Майоркѣ. Въ половинѣ октября императоръ сѣлъ въ Специи на генуэзскій флотъ Андрея Доріа. Флотъ отправился въ Африку, гдѣ близъ Алжира былъ брошенъ якорь въ открытой вѣтрамъ гавани при мысѣ Теменѣ (Матазій древнихъ). Флотъ Карла состоялъ изъ 74 военныхъ кораблей (галеръ) и 200 малыхъ и большихъ судовъ; въ арміи его считалось 22,000 старыхъ опытныхъ пѣхотинцевъ и 1000 конницы. Такъ какъ Хайреддинъ Барбаросса находился въ Константинополѣ, а намѣстникъ его Газанбегъ располагалъ только 600 турецкихъ и нѣсколькими тысячами мавританскихъ всадниковъ, то императоръ, надѣясь легко овладѣть Алжиромъ приступомъ, двинулся къ городу тотчасъ по высадкѣ на берегъ, не успѣвъ даже выгрузить орудія и военные снаряды.

21 октября 1541 Карлъ уже шелъ съ своими войсками на Алжиръ. На пути непогода и сырость почвы задерживали и останавливали его такъ, что войска шли трое сутокъ 23 итальянскія мили, составляющія этотъ переходъ. Флотъ потерпѣлъ отъ бури значительныя поврежденія еще при переѣздѣ отъ Порто-Венере къ Майоркѣ, гдѣ находилась армія, а потомъ понесъ еще большія аваріи на пути къ Алжиру. По высадкѣ войскъ страшная буря совершенно разсѣяла его и выбросила суда на берегъ, причемъ едва успѣли спасти небольшую часть орудій и снарядовъ. Въ одинъ часъ потонуло 15 кораблей и 140 другихъ судовъ и 8000 человѣкъ погибли въ волнахъ; спасшіеся на берегъ были убиты маврами. При этомъ погибла большая часть продовольствія. Ужасные ураганы и ливни препятствовали операціямъ арміи, которой грозила опасность умереть съ голоду. Ожидая, что разсѣянныя суда наконецъ соберутся и выгрузятъ находящіеся на нихъ запасы, приказали рѣзать кавалерійскихъ лошадей въ пищу войску. Но ураганъ и проливной дождь, не прекращавшійся въ теченіе 3 дней, не позволяли доставить съ судовъ пушки и съѣстные припасы; поэтому Карлъ долженъ былъ возвратитвся съ остатками войска къ мѣсту высадки. Походъ этотъ, продолжавшійся четыре дня, былъ ужасенъ и гибеленъ для войска. Наконецъ 31 октября армія сѣла на

суда, но черезъ три дня плаванія снова начались бури. Карлъ былъ принужденъ войти въ опасную гавань Буджіа, гдѣ пришлось простоять 28 дней и гдѣ погибло еще нѣсколько судовъ. Наконецъ флотъ воспользовался благопріятною погодою и вышелъ въ море, но бури снова унесли его къ африканскимъ берегамъ. 28 ноября Карлъ высадился въ Италіи, потерпѣвъ отъ непогоды огромныя потери. Въ несчастіи этомъ онъ обнаружилъ величіе и хладнокровіе. Походъ доставилъ ему славу, не смотря на неудачу, потому что онъ сдѣлалъ съ своей стороны все и вполнѣ раздѣлилъ всѣ лишенія своей арміи.

15. Войны между Францискомъ I, Карломъ V и Генрихомъ VIII съ 1542 до 1546.

Вскорѣ послѣ втораго африканскаго похода Карла V началась новая война между нимъ и королемъ французскимъ. Францискъ былъ безпрестанно занятъ интригами своихъ любовницъ и придворныхъ и тратилъ на нихъ деньги, взятыя въ займы для удовлетворенія роскоши двора. Французскіе историки, разумѣется, смотрятъ на все это иначе. Они неистощимы въ похвалахъ рыцарственности Франциска, его истинно рыцарскому вкусу, остроумію, великолѣпію и любви къ искусствамъ и наукамъ. Поэтому слѣдовало бы взглянуть на изнанку королевско-рыцарской жизни и придворныхъ нравовъ того времени. Но это отвлекло бы насъ отъ нашей цѣли; мы ограничимся нѣкоторыми замѣчаніями, которыя пояснятъ сказанное нами. Главныя любовницы короля были Діана де Пуатье и герцогиня д'Этанпъ (стр. 405). Въ то время, о которомъ мы говоримъ, въ силѣ была герцогиня. Она покровительствовала второму сыну Франциска, тогда какъ дофинъ былъ вполнѣ во власти Діаны. Между тѣмъ Францискъ падалъ все глубже и ниже и часто хворалъ. Сыновья его были окружены развратными и грубыми дворянами, совершавшими подвиги, которые мы отказываемся передавать. Старые вельможи преслѣдовали другъ друга, а любовницы свергали и возводили ихъ въ милость. Коннетабль де Монморанси началъ противъ адмирала де Шабо, игравшаго при Францискѣ важную, но не особенно доблестную роль, уголовный процессъ. Канцлеръ Пойэ постановилъ по этому процессу приговоръ, по которому адмиралъ лишался почестей, званій и имущества. Но слезы герцогини д'Этанпъ принудили короля отмѣнить этотъ приговоръ по высочайшему повелѣнію (lettres d'abolition); тогда всѣ приверженцы герцогини напали на канцлера. Онъ былъ обвиненъ въ лихоимствѣ и осужденъ; это до того взбѣсило коннетабля, что въ 1541 г. онъ съ негодованіемъ удалился въ Шантильи.

Въ маѣ 1542 король объявилъ императору войну. Главныя силы французовъ пошли въ Пиренеи, а другая армія, подъ предводительствомъ герцога Орлеанскаго, вторгнулась въ Люксенбургъ. При ней находился герцогъ Вильгельмъ Юлихъ-Гельдернскій, обманутый предположеннымъ бракомъ съ наслѣдницей наваррской; герцогъ и его грозный полководецъ Мартинъ Россемъ, какъ двѣ капли воды походившій на Хайреддина Барбароссу, привели на помощь французамъ 12,000 нѣмецкихъ ландскнехтовъ, нанятыхъ на французскія деньги, и 2000 клевской кавалеріи. Дофинъ, предводительствовавшій 40,000 арміею въ Пиренеяхъ, двинулся на Перпиньянъ, но дѣйствовалъ такъ дурно, что походъ былъ совершенно безуспѣшенъ. Въ Нидерландахъ счастье не благопріятствовало императору; но потомъ дѣла приняли другой оборотъ. Главными виновниками неудачи, постигшей французовъ въ 1542, были герцогъ Орлеанскій и маршалъ д'Аннбо. Герцогъ вступилъ въ Брабантъ и Люксембургъ, а Вандомъ пошелъ съ другимъ войскомъ во Фландрію. Клодъ Лотарингскій герцогъ де Гизъ, семейство котораго было впослѣдствіи могущественнѣе короля, находился въ арміи Вандома въ качествѣ помощника главнокомандующаго; маршалъ де Таваннъ былъ совѣтникомъ молодаго, пылкаго принца, который впрочемъ не слушалъ своего ментора и дѣлалъ все, что приходило въ голову. Маршалъ д'Аннбо, родственникъ герцогини д'Этанпъ, состоялъ по ея назначенію при дофинѣ, который ничего не понималъ въ военномъ дѣлѣ; чтобы угодить дофину, маршалъ намѣренно дѣлалъ важныя ошибки.

Въ Нидерландахъ императорскою арміею командовалъ молодой Райнеръ

Нассаускій, намѣстникъ Голландіи, Зеландіи и Утрехта. Этотъ принцъ, оказавшій въ это время императору важныя услуги, погибъ въ походѣ 1544. Отъ матери своей, дочери Филиберта Шалонскаго, онъ наслѣдовалъ владѣтельное княжество Оранское, которое по смерти его перешло къ его двоюродному брату, Вильгельму Молчаливому Нассаускому, основателю республики семи Соединенныхъ Провинцій, т. е. нынѣшняго Нидерландскаго королевства. Мартинъ де Россемъ разбилъ Райнера при Гёстретѣ близъ Антверпена, и французы опустошили весь Брабантъ и часть Фландріи. Но всѣ выгоды этой побѣды были потеряны, когда герцогъ Орлеанскій, опасаясь, что дофинъ, посланный съ главною арміею противъ Перпиньяна, одержитъ рѣшительную побѣду, честь которой достанется ему одному, покинулъ Нидерланды съ своимъ войскомъ и поспѣшилъ въ Монпелье. Это дало принцу Райнеру возможность снова занять Брабантъ и Люксембургъ и страшно опустошить Юлихъ и Клеве. Впрочемъ въ декабрѣ Вильгельмъ Клеве изгналъ непріятеля изъ своей страны. Подъ Перпиньяномъ французамъ не посчастливилось; герцогъ Альба три мѣсяца защищалъ городъ противъ ихъ главной арміи, которая отступила безъ успѣха.

Въ слѣдующемъ году императоръ собралъ большое войско, съ цѣлью наказать герцога Вильгельма Клеве. Кромѣ того оно было предназначено для возстановленія въ Германіи значенія габсбургскаго дома, потрясеннаго протестантами. Императоръ отчасти справедливо приписывалъ всѣ потери Фердинанда въ Венгріи отказу протестантовъ помочь ему и винилъ ихъ въ поступкахъ Вильгельма Клеве, который принадлежалъ къ ихъ союзу. Въ отказѣ ихъ послать депутатовъ на соборъ и признать приговоры имперскаго суда не только въ религіозныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ, онъ видѣлъ признакъ республиканскихъ стремленій и, какъ защитникъ католицизма и союзникъ папы, не могъ оставить безъ наказанія насилія, совершенныя противъ герцога Генриха Брауншвейгскаго, епископа наумбургскаго и другихъ. По снятіи осады Перпиньяна императоръ отправился изъ Испаніи въ Италію съ 4,000 закаленныхъ испанскихъ солдатъ. Въ Италіи къ нему присоединилось 4000 итальянскаго войска. Затѣмъ онъ нанялъ 14,000 ландскнехтовъ въ Германіи, гдѣ за деньги всегда можно было найти солдатъ. Съ этимъ войскомъ Карлъ двинулся сначала къ Бонну, гдѣ расположился лагеремъ. Здѣсь соединился съ нимъ Райнеръ Нассаускій, вслѣдствіе чего императорская армія возрасла до 32,000 пѣхоты и 6,600 конницы. Силы эти могли совершенно раздавить герцога Вильгельма Клеве, хотя онъ успѣлъ оправиться отъ неудачъ предъидущаго года. Грозный Мартинъ де Россемъ собралъ въ началѣ 1543 при помощи французовъ и протестантовъ новое войско и 14 марта на голову разбилъ Филиппа де Круа герцога Аршота, который лишился при этомъ лагеря, обоза и артиллеріи. Но въ сраженіи этомъ пало все рыцарство Юлиха и Клеве, что весьма ослабило армію Вильгельма.

Король Францискъ принялъ въ 1543 лично начальство надъ нидерландскою арміею; въ ущербъ самому себѣ онъ старался свалить бремя войны на герцога Вильгельма Клеве. По завоеваніи Люксембурга ему слѣдовало бы идти противъ арміи императора. Вмѣсто того онъ осадилъ Ландреси въ Геннегау и простоялъ предъ этою крѣпостью все лѣто. Поэтому Вильгельмъ былъ принужденъ бѣжать въ южный уголъ своихъ владѣній; императорская армія осадила его столицу, Дюренъ-Лангенъ. Городъ, не имѣя возможности сопротивляться, сдался. При взятіи его нѣмцы могли полюбоваться на испанское благочестіе и понять что ожидаетъ ихъ, если императоръ съ своими испанцами нападетъ на протестантовъ. Чтобы устрашить своихъ противниковъ, императоръ предалъ городъ на грабежъ испанцамъ, оставивъ нѣмецкія войска въ лагерѣ. Испанцы свирѣпствовали систематически и съ страшнымъ фанатизмомъ. Сначала они торжественно перенесли въ духовной процессіи голову св. Анны изъ города въ францисканскій монастырь за городъ, а потомъ принялись грабить, какъ турки и, подобно имъ, безъ разбора изрубили мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Всѣ владѣнія герцога Вильгельма были немедленно заняты, Венлоо осажденъ, а Рюрмонде завоеванъ. Герцогъ отправился лично въ императорскій лагерь, чтобы просить мира. Герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій, архіепископъ кельнскій, Райнеръ Нассаускій и Гранвелла взялись ходатайствовать за него. Тѣмъ не менѣе условія, на которыхъ императоръ примирился съ нимъ 7 сентября 1543 г., были

тяжки. Вильгельмъ былъ принужденъ прервать союзъ съ Франціей и Даніей, обѣщать вѣрность и послушаніе императору и королю Фердинанду и отказаться отъ всѣхъ притязаній на Гельдернъ. За это ему былъ возвращенъ Юлихъ, кромѣ городовъ Геймсберга и Ситтарда, которые были удержаны императоромъ до окончательнаго рѣшенія дѣла. Въ январѣ 1544, по брюссельскому договору, Гельдернъ былъ навсегда присоединенъ къ испанскимъ Нидерландамъ, а герцогъ получилъ обратно эти два города и нѣкоторые другіе. Мартинъ де Россемъ поступилъ съ своими войсками на службу императора. Вмѣстѣ съ Гельдерномъ герцогъ Вильгельмъ потерялъ и невѣсту, съ которою король, чтобы лучше обмануть его, уже обручилъ его черезъ представителя (par procuration). Вильгельмъ отправилъ пословъ за невѣстой, которую для виду привезли въ городъ, назначенный для его встрѣчи; но король велѣлъ посланникамъ обратиться къ родителямъ невѣсты, что было явною насмѣшкою, такъ какъ они съ самаго начала противились этому браку.

Въ 1543 Франциску пришлось испытать несчастныя послѣдствія своего союза съ дикими турками. Солиманъ выслалъ наконецъ къ берегамъ Прованса обѣщанный флотъ подъ начальствомъ Хайреддина Барбароссы; Францискъ не постыдился соединить свою эскадру съ турецкимъ флотомъ, который такъ безчеловѣчно опустошилъ берега и острова Италіи и увелъ столько тысячъ христіанъ въ рабство, что весь западъ вознегодовалъ на французскаго короля и на союзника его, султана. Впрочемъ Хайреддинъ не оказалъ французамъ особенныхъ услугъ, потому что хотя союзный флотъ взялъ Ниццу, но не могъ овладѣть ея цитаделью, такъ какъ имперскія войска показались въ Вилла-Франкѣ. Турецкій разбойникъ хозяйничалъ въ Ниццѣ также, какъ и во всѣхъ другихъ городахъ, которыми овладѣвалъ. Онъ прозимовалъ на французскомъ берегу и распоряжался въ странѣ своего союзника такъ, что весной 1544 король долженъ былъ вѣжливо просить его удалиться.

Въ 1544 король двинулъ свои войска преимущественно на Италію; но императоръ составилъ смѣлый планъ предписать ему миръ въ его собственной столицѣ. При этомъ онъ надѣялся на помощь Генриха VIII англійскаго, съ которымъ въ предъидущемъ году снова вошелъ въ тѣсныя сношенія; неудовольствіе его за разводъ Генриха съ его теткою, Катариною, давно разсѣялось, тѣмъ болѣе, что права дочери ея, Маріи, были возстановлены. Когда императоръ началъ заискивать дружбы Генриха, послѣдній былъ оскорбленъ вмѣшательствомъ Франциска въ дѣла Шотландіи. Англійскій король считалъ политическія дѣла своими личными и въ это время имѣлъ намѣреніе присоединить къ Англіи Шотландію. Своими разбойничьими вторженіями въ сѣверную Англію и варварскими поступками своихъ рыцарей разбойниковъ, изображенныхъ въ идеальномъ свѣтѣ Вальтеръ-Скоттомъ и ему подобными, шотландцы безпрестанно вызывали возмездіе со стороны англичанъ. Непрерывныя войны шотландскихъ и англійскихъ рыцарей создали въ Шотландіи и на сѣверѣ Англіи обычаи, совершенно подобные нравамъ кавказскихъ племенъ. Англичане безпрестанно нападали на шотландцевъ и постоянно грозили имъ потерею независимости. Между англичанами и шотландцами установилась взаимная ненависть, повидимому не допускавшая возможности соединить ихъ подъ однимъ скипетромъ. Шотландцы со временъ Эдуарда I искали во Франціи защиты противъ англичанъ. Генрихъ VIII думалъ соединить Англію съ Шотландіей, женивъ своего сына на наслѣдницѣ Шотландіи. Французскіе и англійскіе короли старались скрѣпить семейными союзами свои шаткія политическія отношенія къ Шотландіи. Лудовикъ XI женился на сестрѣ Іакова III, Маргаритѣ, а Іаковъ IV женился на Маргаритѣ, сестрѣ Генриха VIII. Послѣдняя возстановила противъ себя и брата и подданныхъ. По смерти мужа она при помощи французскаго короля овладѣла своимъ несовершеннолѣтнимъ сыномъ Іаковомъ V и, правя его именемъ, вела распутную жизнь. Но когда защитникъ ея, Францискъ I, попалъ при Павіи въ плѣнъ, вліяніе ея брата въ Шотландіи одержало верхъ. Генрихъ VIII соединился съ графомъ Ангусомъ, отнялъ у нея сына и его именемъ управлялъ Шотландіей вмѣстѣ съ Ангусомъ до 1528. Сестра его, вышедшая замужъ за графа Метвена, была забыта.

Въ 1528 г. Іаковъ V освободился отъ опеки графа Ангуса и принудилъ его бѣжать въ Англію. Онъ былъ болѣе расположенъ къ французскому королю,

чѣмъ къ своему дядѣ, королю англійскому, съ которымъ постоянно ссорился по поводу разбойничьихъ набѣговъ шотландскихъ авантюристовъ (borderers). Однако, имѣя причину не желать разрыва съ Англіей, онъ принялъ роль посредника и на нѣкоторое время успѣлъ водворить между королями дружескія отношенія. Но дружба эта разстроилась въ 1536 по случаю выбора невѣсты для Іакова V, а въ 1537 совершенно прекратилась, когда Іаковъ женился на дочери Франциска. Бракъ Іакова съ прелестною дочерью французскаго короля былъ вскорѣ прерванъ ея смертью. Въ 1538 король женился во второй разъ. Женитьба эта была для Шотландіи источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій и главною причиною несчастій и казни дочери Іакова, Маріи Стюартъ. *Онъ женился на Маріи*, вдовствующей герцогинѣ де Лонгвиль, дочери Клода де Гиза (стр. 404). Герцогъ де Гизъ, сынъ его, Францискъ, и впослѣдствіи трое внуковъ стояли во Франціи во главѣ іезуитско-папской партіи, т. е. той, которая постановила себѣ задачей искоренить ересь и еретиковъ. Эти стремленія наводили на всѣ страны, гдѣ было много протестантовъ, ужасъ и страхъ; поэтому по смерти Іакова, скончавшагося черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія единственной дочери своей, Маріи Стюартъ, вдова его не могла пріобрѣсти довѣрія подданныхъ. Іаковъ V и его жена крѣпко держались католицизма и ненавидѣли англійскаго короля, какъ врага папы. Напротивъ того большинство шотландцевъ хотя не приняли религію Генриха VIII, но подобно ему, были противъ папства. Поэтому еще въ 1540 дядя и племянникъ были между собою въ явной враждѣ. Генрихъ предложилъ племяннику свиданіе въ Іоркѣ. Но Іаковъ боялся, что, очутившись во власти дяди, будетъ принужденъ отказаться отъ союза съ Франціей или, по крайней мѣрѣ, отречься отъ католицизма. Вскорѣ онъ въ третій разъ отказался отъ дружескихъ переговоровъ съ англійскимъ королемъ, заставивъ его тщетно прождать себя восемь дней (сентябрь 1541), такъ что Генрихъ VIII, со срамомъ вернулся въ Лондонъ. Генрихъ немедленно бы отмстилъ за это оскорбленіе, но боялся вмѣшательства французскаго короля. Онъ отправилъ во Францію посланника, чтобы побудить Франциска возобновить союзъ. Французскій король отказался отъ союза, не имѣвшаго для него цѣли; тогда Генрихъ началъ войну съ Шотландіей. Францискъ былъ ему неопасенъ, потому что готовился къ войнѣ съ императоромъ. Сначала война производилась разбойническимъ способомъ, бывшимъ въ обычаѣ у шотландцевъ и сѣверныхъ англичанъ; наконецъ въ сентябрѣ 1542 на шотландской границѣ явилось регулярное англійское войско подъ начальствомъ герцога Норфока. Повидимому, этотъ полководецъ не желалъ слишкомъ тѣснить племянника своего короля, потому что позволилъ задержать себя въ Іоркѣ переговорами. Но 21 октября онъ получилъ отъ Генриха строгое предписаніе вступить въ Шотландію. Король Іаковъ двинулся на встрѣчу ему со всѣми силами своего государства; англичане немедленно отступили, и тогда шотландскій король распустилъ ополченіе, удержавъ только 10,000 человѣкъ. 25 ноября 1542 англичане аттаковали шотландцевъ при Сольуэй Моссѣ и одержали побѣду почти безъ боя, потому что шотландцы разбѣжались въ паническомъ страхѣ. Англичане овладѣли обозомъ и 24 пушками, взяли въ плѣнъ двухъ графовъ, пять бароновъ, двѣсти рыцарей и 800 другихъ важныхъ офицеровъ; остальная часть шотландскаго войска разсѣялась. Это пораженіе такъ потрясло короля Іакова V, который давно былъ болѣнъ и страдалъ меланхоліей, что онъ умеръ 14 декабря 1542, семь дней спустя послѣ рожденія своей несчастной дочери, Маріи Стюартъ.

Генрихъ VIII предпочиталъ вѣрное, мирное пріобрѣтеніе Шотландіи невѣрному завоеванію ея, потому что не могъ овладѣть горною частью ея. Онъ старался заключить съ шотландцами договоръ, постановивъ главнымъ условіемъ будущій бракъ только что родившейся принцессы съ наслѣдникомъ англійскаго престола, Эдуардомъ, имѣвшимъ тогда всего пять лѣтъ. Съ этихъ поръ Шотландія раздѣлилась на двѣ партіи. Одна, вождемъ которой былъ графъ Арранъ, хотѣла немедленно передать престолъ младенцу-королевѣ и старалась пріобрѣсти помощь Англіи; другая поддерживала вдовствующую королеву и ея родныхъ и опиралась на Францію. Пока графъ Арранъ былъ на сторонѣ Генриха, англійская партія одерживала верхъ; въ іюлѣ 1543 былъ заключенъ миръ, при чемъ былъ рѣшенъ будущій бракъ королевы съ сыномъ Генриха. Но дѣятельное содѣйствіе, оказанное противной партіи папою и французами, помогавшими сторонникамъ

вдовствующей королевы деньгами и оружіемъ, разстроили замыслы Генриха еще въ томъ же году, и снова началась война. Интриги французовъ, которые поддерживали въ Шотландіи папистовъ, побудили короля Генриха еще въ началѣ 1543 примириться съ императоромъ. 11 февраля государи заключили союзъ, на основаніи котораго былъ составленъ Карломъ V планъ похода 1543 года. Союзный договоръ заключалъ слѣдующія условія: Генрихъ и Карлъ намѣрены принудить Франциска отказаться отъ союза съ турками, уплатить англійскому королю невыплаченныя субсидіи и обезпечить дальнѣйшіе платежи залогомъ. Если Францискъ не исполнитъ этихъ требованій въ теченіе 40 дней, то государи имѣютъ право получить обратно: Карлъ—герцогство бургундское, а Генрихъ—владѣнія своихъ предковъ во Франціи; они будутъ поддерживать свои требованія сильнымъ войскомъ. Въ октябрѣ 1543 г. 6000 англичанъ подъ начальствомъ сэра Джона Уоллопа осадили Ландреси, завоеванный французами. Императоръ, наказавъ герцога Клеве, двинулся со всею своею арміею противъ французовъ, шедшихъ на помощь Ландреси. Въ ноябрѣ ожидали сраженія, въ которомъ будутъ лично участвовать императоръ и король. Но король счелъ благоразумнѣе уклониться отъ рѣшительной битвы и, отступивъ, доставилъ въ городъ подкрѣпленіе и запасы. Англичане и императорская армія не могли воспрепятствовать его отступленію; англичане жарко преслѣдовали непріятеля, но потерпѣли большія потери. Зимою Карлъ послалъ въ Англію вице-короля сицилійскаго, Фердинанда Гонзага, который не задолго до того отнялъ у французовъ Люксембургъ. Императоръ поручилъ ему переговорить о планѣ похода; было рѣшено, чтобы союзники шли прямо на Парижъ; императору слѣдовало вступить въ Шампань, а англичанамъ занять Пикардію и соединиться съ императорскимъ войскомъ подъ Парижемъ.

Планъ этотъ былъ задуманъ хорошо тѣмъ болѣе, что Францискъ отправилъ всѣ свои силы въ Италію, гдѣ думалъ завоевать Миланъ. Французы одержали въ 1544 въ Италіи блистательную побѣду, чего имъ давно уже не удавалось; но выгоды, пріобрѣтенныя ею, не соотвѣтствовали славѣ. Въ предыдущемъ году король назначилъ молодаго принца крови графа д'Ангенъ-Бурбона главнокомандующимъ арміи, находившейся въ Дофинэ и Провансѣ, поручивъ ему дѣйствовать наступательно при помощи Хайреддина Барбароссы, командовавшаго флотомъ въ 175 вымпеловъ и значительнымъ войскомъ. Они разрушили Ниццу, но цитадель ея была спасена прибывшимъ на помощь маркизомъ дель-Васто. Когда Барбаросса былъ отозванъ, дель-Васто завоевалъ Мондови и Кариньяно. Тогда Францискъ приказалъ подкрѣпить армію графа д'Ангена. Въ февралѣ 1544 графъ началъ осаду Кариньяно. Въ апрѣлѣ гарнизону, страдавшему отъ голода, предстояла необходимость сдаться; поэтому дель-Васто поспѣшилъ къ нему на помощь изъ Милана. Графъ д'Ангенъ, оставивъ на мѣстѣ наблюдательный корпусъ, двинулся на встрѣчу маркизу и въ Пасху (14 апрѣля) 1544 встрѣтилъ его близъ Черизолы. Во французскихъ исторіяхъ обыкновенно говорится, что армія маркиза простиралась до 25,000 человѣкъ, а силы графа д'Ангена до 18 или 17 тысячъ. Но въ запискахъ дю Белле показано, что въ императорскомъ войскѣ было 16,100 человѣкъ, а во французскомъ 17,000. Вначалѣ обѣ стороны дрались храбро, и французы потеряли много; но императорская кавалерія въ паническомъ страхѣ ускакала съ поля битвы, покинувъ свою пѣхоту, которая была изрублена. Однако мы сомнѣваемся, чтобы число убитыхъ простиралось, какъ говорятъ, до 10,000. Во всякомъ случаѣ, вся императорская артиллерія и весь обозъ достались во власть побѣдителей, и 700 испанцевъ были взяты въ плѣнъ. Князь Солерно спасся съ италіянскими войсками въ Асти; маркизъ дель-Васто, хотя раненый, также успѣлъ спастись. Обстоятельства не позволили французскому полководцу преслѣдовать непріятеля, потому что многочисленныя толпы французскихъ рыцарей, нахлынувшія къ нему передъ битвой, покинули его послѣ побѣды; притомъ осада Кариньяно задержала его до 22 іюня.

По взятіи этого города французы не могли продолжать своихъ успѣховъ, потому что опасность грозила Франциску съ двухъ сторонъ въ его резиденціи. Онъ отозвалъ изъ италіянской арміи для защиты столицы 6,000 человѣкъ лучшаго французскаго войска и столько же италіянскихъ наемниковъ. Вторженіе Карла V и Генриха VIII поставило Франциска въ затруднительное положеніе главнымъ образомъ потому, что при его дворѣ всѣмъ управляли придворные и любовницы

милости и связи открывали путь къ должностямъ, а истинныя достоинства не замѣчались. Вмѣсто того чтобы выставить противъ императора, который намѣревался идти чрезъ Шалонъ на Парижъ, способнаго генерала, командованіе поручили неопытнымъ принцамъ и маршалу д'Аннбо, который уже столько разъ доказывалъ свою бездарность. Люди, надѣлавшіе въ процессѣ адмирала ди Шабо непріятностей коннетаблю де Монморанси, продолжали держать его въ тѣни. Францискъ де Гизъ, прославившійся впослѣдствіи безсмертной защитой Меца противъ Карла V, находился при дворѣ, но служилъ не генераломъ, а государственнымъ совѣтникомъ. Къ счастью, союзники не думали о достиженіи общей цѣли, и, напротивъ того, каждый изъ нихъ опасался, какъ бы не помочь другому своими силами. Карлъ взялъ уже Люксембургъ и Линьи, и находился на пути къ Шалону, тогда какъ Генрихъ все еще не высаживалъ своего войска. За то Карлъ далъ французамъ время призвать къ Парижу отряды изъ Пьэмонта; при защитѣ мелкихъ укрѣпленій французы доказали свой патріотизмъ и военные таланты, которыхъ, разумѣется, никто не станетъ отрицать въ нихъ. Вмѣсто того чтобы идти изъ Шалона прямо къ Парижу, Карлъ осадилъ С-тъ Дизіе и далъ французамъ случай выказать при осадѣ этого слабаго укрѣпленія свой героизмъ и военныя способности въ шестинедѣльной защитѣ его противъ всей императорской арміи, которая понесла большой уронъ. Въ этомъ походѣ императора сопровождалъ одинъ нѣмецкій государь, бывшій давно другомъ его брата и уже доказавшій свои воинскія достоинства. То былъ герцогъ Морицъ Саксонскій, недовольный своимъ ближайшимъ родственникомъ курфирстомъ Саксонскимъ и его слѣпымъ повиновеніемъ Лютеру. Весьма вѣроятно, что Карлъ составилъ съ нимъ въ это время планъ того, что было выполнено два года спустя. Подъ С-тъ Дизіе палъ Райнеръ Нассаускій, оставивъ обширныя владѣнія и помѣстья своему двоюродному брату, девятилѣтнему Вильгельму Молчаливому. Это наслѣдство дало впослѣдствіи Вильгельму возможность такъ долго бороться съ Филиппомъ II за свободу Нидерландовъ.

С-тъ Дизіе еще не былъ взятъ, когда начались мирные переговоры, сначала мажду французскими и императорскими уполномоченными, а потомъ между французскими и англійскими. Но они кончились ни чѣмъ. Тогда императоръ двинулся на Шалонъ. Въ іюнѣ 1544 Генрихъ VIII высадился наконецъ въ Кале. Императоръ присоединилъ къ англичанамъ 15-тысячное войско, пришедшее изъ Нидерландовъ подъ начальствомъ графовъ фонъ Бюрена и де Ре. Силы англичанъ простирались до 30,000 ч.; говорятъ, за вѣрность чего мы впрочемъ не ручаемся, что соединенныя силы обѣихъ армій подъ Парижемъ имѣли бы 80,000 пѣхоты и 24,000 конницы. Но планъ этотъ не осуществился. Генрихъ хотѣлъ прежде всего овладѣть городами, которые, по условію съ Карломъ, должны были служить залогомъ уплаты французами долга. На этомъ отнованіи Генрихъ началъ въ іюлѣ осаду Булони и Монрейля. Императорское вспомогательное войско сперва вяло помогало ему, а потомъ было отозвано. Вслѣдствіе этого союзники охладѣли другъ къ другу. Императоръ былъ вдвойнѣ недоволенъ поступками англичанъ, такъ какъ, полагаясь на нихъ, онъ неосторожно обошелъ Шалонъ и расположился на правомъ берегу Марны. Его посланники одиннадцать дней сряду убѣждали Генриха соединиться съ императоромъ; но усилія ихъ были тщетны, и Карлъ, почти дойдя до Парижа, долженъ былъ считать себя счастливымъ, что французы не знали о его положеніи. Силы французовъ прибывали съ каждымъ днемъ, тогда какъ императорскія войска, постепенно убывая, уже начинали ощущать недостатокъ въ продовольствіи; они дошли бы до крайности, если бы комендантъ Эпернэ не предалъ имъ измѣной свои магазины.

Самъ король и герцогъ де Гизъ находились въ Парижѣ, гдѣ господствовало полное отчаяніе. Принцы и любовницы короля, изъ которыхъ одна перешла къ дофину, принимали участіе въ управленіи и съ своими приверженцами продолжали свои жалкія интриги. Записки того времени наполнены разсказами о проискахъ любовницъ, принцевъ и вельможъ. Но мы не придаемъ этимъ разсказамъ такой важности, какъ французскіе писатели, однако для примѣра приведемъ нѣкоторыя черты. Разсказываютъ между прочимъ, что герцогиня д'Этанпъ, покровительствовавшая второму принцу, герцогу Орлеанскому, желая насолить Діанѣ де Пуатье, совершенно завладѣвшей дофиномъ, старалась привлечь непріятеля по-

ближе къ Парижу, чтобы побудить короля заключить миръ. Съ этою цѣлью она постаралась, чтобы приказаніе сжечь эпернэйскій мостъ не было исполнено, и чтобы непріятель могъ овладѣть Шато-Тьери, находящимся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Парижа и заключавшимъ значительные запасы. Чтобы угодить ей, Николя де Лонгваль сеньёръ де Боссю подкупилъ коменданта Шато-Тьери. Въ тѣхъ же запискахъ повѣствуется о Діанѣ де Пуатье, будто она, желая доставивъ дофину славу спасителя Парижа, старалась выхлопотать возвращеніе ко двору коннетабля, но король не согласился на это. Герцогиня д'Этанпъ хотѣла доставить при заключеніи мира герцогу Орлеанскому Миланъ, такъ какъ императоръ неоднократно обѣщалъ передать его младшему французскому принцу, чтобы онъ не могъ присоединить его къ Франціи. Съ этою цѣлью герцогъ имѣлъ съ императоромъ личное свиданье въ Крепи, и Карлъ обѣщалъ дать ему или дочь свою, Марію, и Нидерланды, или вторую дочь Фердинанда, Анну, и герцогство миланское. Мемуары, богатые анекдотами, приписываютъ даже начало мирныхъ переговоровъ проискамъ женщинъ и духовниковъ. Говорятъ, что французская королева Элеонора, сестра императора, первая получила отъ него мирныя предложенія черезъ своего духовника, доминиканца, которому они были сообщены другимъ доминиканцемъ, по порученію императорскаго духовника, принадлежавшаго къ тому же ордену. Королева, будто бы, желала, чтобы прелиминаріи были заключены въ Ла-Шоссе, между Шалономъ и Витри, и чтобы для виду пригласили короля Генриха въ Крепи на переговоры о мирѣ. Но Генрихъ не принялъ этого предложенія, и переговоры шли мимо него. Благодаря стараніямъ герцогини д'Этанпъ и къ досадѣ дофина, былъ заключенъ между 9 и 18 октября 1544 крепійскій миръ. Миръ этотъ состоялся вполнѣ въ пользу императора, потому что кромѣ брака герцога Орлеанскаго, въ высшей степени сомнительнаго, все должно было остаться по прежнему. Другими словами, чтобы выиграть время, императоръ долженъ былъ пожертвовать герцогомъ Савойскимъ и согласиться, чтобы города Савойи и Пьемонта, завоеванные французами, оставались въ ихъ власти до бракосочетанія герцога Орлеанскаго. Императоръ утвердилъ договоръ немедленно по прибытіи въ Брюссель любимца герцогини д'Этанпъ и герцога Орлеанскаго, маршала д'Аннбо; въ то время Карлъ объявилъ, что герцогъ получитъ руку его племянницы и герцогство миланское: 2 декабря дофинъ публично протестовалъ противъ мира: другой протестъ былъ поданъ 22 января 1545 отъ генералъ-адвоката и генералъ прокурора тулузскаго парламента, Герцогъ Орлеанскій умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и такимъ образомъ императору удалось отдѣлаться отъ своихъ обязательствъ болѣе приличнымъ образомъ, чѣмъ онъ могъ думать.

Между тѣмъ Генрихъ VIII взялъ Булонь. Онъ продолжалъ войну и въ 1545. Въ этомъ году французскій флотъ явился у англійскихъ береговъ и загналъ англійскій въ гавани. Но ни въ этомъ, ни въ слѣдующемъ году не произошло ничего замѣчательнаго. Въ маѣ 1546 королямъ надоѣла война, и, послѣ короткаго перемирія 17 іюня былъ заключенъ миръ. Въ условіяхъ было постановлено, что Генрихъ получитъ обѣщанныя ему въ 1523 деньги и недоимку, всего на сумму 512,022 дукатовъ (crowns), а чрезъ восемь лѣтъ еще 2 милліона за недоимки и на содержаніе крѣпостныхъ сооруженій Булони; по уплатѣ этой суммы Булонь возвратится къ Франціи.

16. Германія въ 1542—1546 гг.

Заключивъ миръ съ Франціей, Карлъ V сталъ думать о возстановленіи утраченнаго значенія австрійскаго дома и объ отмщеніи Іоанну Фридриху Саксонскому и Филиппу Гессенскому. Но при этомъ онъ дѣйствовалъ осмотрительно и неторопливо. Чтобы обезпечить себѣ содѣйствіе нѣмецкихъ государей противъ притязаній вождей Шмалькальденскаго союза, онъ втайнѣ поддерживалъ священную лигу, которую офиціально не признавалъ. Онъ склонилъ папу пожертвовать деньги на военныя приготовленія. По требованію протестантовъ, онъ позволилъ вести религіозныя пренія, которыя доказали только, что этимъ путемъ нельзя ничего сдѣлать. Императоръ всегда желалъ рѣшить религіозную распрю на со-

борѣ и уговаривалъ папу согласиться созвать соборъ въ нѣмецкій городъ. Папа, уже назначившій соборъ въ Тридентѣ, отмѣнилъ это распоряженіе; но по настоянію императора снова созвалъ его въ тотъ же городъ; впрочемъ, по счастью онъ разсорился съ Карломъ и снова отмѣнилъ соборъ. Императоръ не безъ причины жаловался на протестантовъ, говоря, что они уничтожаютъ государственное устройство имперіи, ничѣмъ не замѣняя его; что они не хотятъ знать имперской юстиціи и прибѣгаютъ къ насилію противъ существующаго порядка, какъ было въ ссорѣ ихъ съ герцогомъ Генрихомъ Брауншвейгскимъ, епископомъ наумбургскимъ Юліемъ Пфлугомъ, въ защиту котораго императоръ издалъ строгія повелѣнія, и въ дѣлахъ Магдебурга и Мерзебурга. Онъ справедливо упрекалъ протестантовъ, что союзъ ихъ былъ причиною занятія турками всей Венгріи, и что король Францискъ въ войнахъ съ Карломъ, которыя впрочемъ большею частью были чужды интересамъ имперіи, всегда находитъ союзниковъ въ Германіи. Въ послѣднее время нѣмцы, правда, изъявляли намѣреніе помочь императору и его брату противъ французовъ и турокъ. Ихъ рѣчи, манифесты и декреты были вполнѣ вѣрноподданы; но своими поступками въ войнахъ съ французами и турками, они доказали, что Германія лишится всякаго значенія и могущества, если власть императора не возстановится.

Что касается турокъ, то въ 1543 они вновь грозили изъ Венгріи Вѣнѣ; тогда на сеймѣ въ Шпейерѣ было рѣшено выставить значительное войско. Но армія была сильна только на бумагѣ, и притомъ религіозныя несогласія лишили ее способнаго главнокомандующаго, потому что католики отвергали тѣхъ, кого предлагали протестанты, и наоборотъ. Наконецъ избрали курфирста Іоахима II Бранденбургскаго; но курфирстъ самъ сознавался, что совершенно неспособенъ командовать войскомъ, и долго отказывался принять порученіе. Власть его была ограничена и въ помощь ему былъ назначенъ совѣтъ изъ 10 лицъ, избранныхъ имперскими округами, помимо котораго онъ не могъ ничего дѣлать. Іоахимъ отправился сперва въ Бранденбургъ и когда наконецъ прибылъ въ Вѣну, то не нашелъ никакихъ войскъ, кромѣ выставленныхъ имъ самимъ. При томъ не было ни денегъ, ни продовольствія. Поэтому армія Іоахима не могла овладѣть Пестомъ и была принуждена, снявъ осаду, возвратиться въ бѣдственномъ положеніи въ Вѣну. По поводу военныхъ дѣйствій противъ французовъ въ первыхъ мѣсяцахъ 1544 происходилъ въ Шпейерѣ блистательный сеймъ, какого уже давно не бывало; здѣсь наконецъ присутствовалъ и курфирстъ Саксонскій; хотя сеймъ опредѣлилъ помочь императору, но назначилъ столь ничтожныя субсидіи и вспомогательное войско, что нельзя было предполагать въ чинахъ серьезнаго намѣренія помогать императору. Ему обѣщали денегъ на содержаніе 4,000 кавалеріи и 20,000 пѣхоты, но только на 6 мѣсяцевъ и съ страннымъ условіемъ, чтобы онъ послалъ часть этого войска своему брату противъ турокъ. Условіе это было исполнено.

Предполагалось разрѣшить религіозныя неудовольствія преніями и соборомъ; но дѣла приняли такой оборотъ, что несогласіе можно было окончить только оружіемъ. Курфирстъ Саксонскій также ясно понималъ это, какъ и императоръ, потому что, подобно Карлу, не соглашался ни на какія сдѣлки. Но императоръ былъ умнѣе его. Онъ завелъ сношенія и связи и побуждалъ папу дать ему войско и субсидіи; курфирстъ же слѣпо повиновался богословскимъ совѣтамъ Лютера. Лютеръ ни за что не хотѣлъ, чтобы курфирстъ начиналъ военныя приготовленія, хотя въ началѣ 1545 самъ издалъ трактатъ по поводу письма папы Павла III къ императору, которое конечно не отличалось христіанскимъ смиреніемъ. Этотъ трактатъ, носившій заглавіе «противъ римскаго папства, учрежденнаго дьяволомъ», въ высшей степени взбѣсилъ императора и католиковъ. Ландграфъ Филиппъ не раздѣлялъ мнѣній Лютера. Но Лютеръ уже давно подозрѣвалъ его, вслѣдствіе отношеній его къ Бусеру, въ отступленіи отъ своего правовѣрія; въ томъ же году Лютеръ оскорбилъ ландграфа и послѣдователей Цвингли и Кальвина также какъ и папистовъ. Онъ написалъ противъ нихъ: «Краткое исповѣданіе святаго таинства причащенія», въ которомъ запальчиво нападалъ не только на Цвингли и Кальвина, но и на Бусера и Меланхтона за то, что они дѣйствовали слишкомъ слабо въ спорѣ о причащеніи.

Императору невозможно было оставаться долѣе равнодушнымъ къ успѣхамъ

протестантизма. Въ 1545 ему пришлось рѣшительно противодѣйствовать имъ, потому что въ это время курфирстъ Фридрихъ II Пфальцскій, наслѣдовавшій брату своему, Лудвигу, и старый архіепископъ кельнскій, уже давно собиравшійся произвести реформу въ своихъ владѣніяхъ, приступили дѣятельно къ реформаціи. Даже другъ императора и его брата, Морицъ Саксонскій, хотя былъ съ ними въ заговорѣ противъ Іоанна Фридриха, распорядился, не смотря на уваженіе свое къ императору, епископствомъ мерзебургскимъ, какъ своею собственностью, обративъ его въ свѣтское княжество въ пользу своего восьмилѣтняго брата, Августа. Архіепископомъ кельнскимъ былъ съ 1525 года Германнъ фонъ Видъ. Онъ еще въ 1536 пытался преобразовать духовенство своей епархіи. Мы не знаемъ, что побудило его къ этому. Впрочемъ онъ былъ добрый старикъ, хотя библію зналъ очень плохо, такъ что даже друзья его говорили о немъ, что онъ едва ли читалъ обѣдню три раза въ жизни. Регенсбургскій сеймъ 1541 года не только дозволилъ, но даже приказалъ епископамъ преобразовывать свои епархіи. Германнъ выполнялъ эту обязанность добросовѣстнѣе, чѣмъ сосѣдъ его, архіепископъ трирскій. По случаю предстоявшей реформы онъ вступилъ въ сношенія съ протестантскими государями и ихъ богословами, восемь дней разсуждалъ съ Бусеромъ, котораго пригласилъ къ себѣ, и въ мартѣ 1543 созвалъ въ Боннъ большой ландтагъ. Соборный капитулъ и все духовенство не хотѣли и слышать о реформахъ; но другіе чины, графы, рыцарство и города поддерживали архіепископа въ исполненіи его намѣренія. Затѣмъ Германнъ обратился къ Филиппу Гессенскому и Іоанну Фридриху Саксонскому, и первый послалъ къ нему своего Писторіуса, а второй робкаго Меланхтона; имъ и Бусеру было поручено составить планъ преобразованій, который архіепископъ намѣревался представить на разсмотрѣніе ландтагу въ іюнѣ 1543. Меланхтонъ, наслѣдовавшій отъ своего дяди Рейхлина дипломатическія замашки, былъ не въ духѣ съ самаго начала. Онъ жаловался въ письмахъ своихъ на то, что высокіе покровители его принудили его заняться кельнскими дѣлами. Государи и Лютеръ хотѣли, чтобы въ Кельнѣ все оставалось по старому. Соборный капитулъ, магистратъ, духовенство и университетъ протестовали противъ архіепископа, рыцарства и народа и призвали наконецъ на помощь императора и папу, за что Филиппъ сталъ по своему угрожать имъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ понятно и извинительно, что Карлъ включилъ въ крепійскій договоръ одинъ параграфъ, по которому онъ и французскій король обязывались дѣйствовать въ пользу единства церкви и искорененія ереси. Такимъ образомъ Карлъ и Францискъ соединились для истребленія послѣдователей евангелическаго ученія, которое французскій король уже давно преслѣдовалъ съ ожесточеніемъ. Въ тоже время папа въ третій разъ назначилъ соборъ въ Триден тѣ къ марту 1545. Императоръ назначилъ къ январю 1545 сеймъ въ Вормсѣ; изъ многочисленныхъ писемъ и сочиненій того времени видно, что большинство приписывало этотъ поступокъ со стороны Карла не желанію сдѣлать шагъ къ примиренію, какъ онъ увѣрялъ, а намѣренію пріобрѣсти поводъ начать религіозную войну. Подагра помѣшала Карлу пріѣхать даже въ мартѣ, такъ что онъ наконецъ поручилъ открыть сеймъ своему брату. Дурнымъ признакомъ было то, что передъ этимъ папа издалъ посланіе къ Фердинанду, въ которомъ уговаривалъ его не поднимать на сеймѣ религіозныхъ вопросовъ, а Фердинандъ, напротивъ, сказалъ при открытіи сейма, что главнымъ предметомъ совѣщаній сейма будетъ вопросъ объ огражденіи религіи, права, справедливости и мира. Сеймъ длился нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ протестанты не хотѣли подчиняться папскому собору; Карлъ же и совѣтники его были слишкомъ умны, чтобы начать войну въ угоду папѣ и попамъ. Императоръ хлопоталъ о возстановленіи, во что бы то ни стало, императорской власти, а не объ интересахъ духовенства; цѣлью ихъ, говоря нынѣшнимъ языкомъ, было торжество монархическаго принципа надъ анархіею князей и городовъ.

Въ маѣ императоръ прибылъ въ Вормсъ. Отношенія его къ протестантамъ ясно показывали, что онъ также мало думаетъ угрожать папѣ и возстановлять прежнія злоупотребленія, какъ и терпѣть притязанія Шмалькальденскаго союза. Протестанты оскорбили императора, отказавшись, не смотря на всѣ его старанія, признать папскій соборъ; но какъ государственный человѣкъ, онъ вѣроятно пони-

малъ, что они не могли сдѣлать это, если не хотѣли предаться въ руки папѣ. Онъ хотѣлъ попытаться склонить ихъ на примиреніе подъ личнымъ руководствомъ его. Поэтому онъ назначилъ въ первыхъ мѣсяцахъ слѣдующаго года сеймъ въ Регенсбургѣ, гдѣ въ присутствіи его самого должна была происходить мирная бесѣда германскихъ богослововъ, съ цѣлью прекратить полюбовно вражду религіозныхъ партій. Но еще въ 1545 многія мѣры императора доказывали, что онъ уже рѣшился заявить притязанія на древнія права императоровъ надъ государями. Было также извѣстно всѣмъ, что онъ принялъ предложеніе папы, сдѣланное ему черезъ сына Павла, Фарнезе. Папа предлагалъ дать императору 10 тысячъ хорошаго войска и принять на себя часть расходовъ, если Карлъ намѣренъ силою подавить ересь и еретиковъ.

Нѣкоторыя правительственныя распоряженія Карла, относящіяся къ этому времени, показываютъ, что онъ задумалъ вскорѣ начать дѣйствовать противъ анархіи огнемъ и мечомъ. Къ числу такихъ распоряженій прежде всего принадлежитъ его рѣшеніе по наумбургскому дѣлу (стр. 521); еще въ предъидущихъ годахъ Карлъ издалъ весьма строгія повелѣнія въ пользу Юлія Пфлуга и противъ курфирста Саксонскаго, противъ Амсдорфа, которому курфирстъ покровительствовалъ, и противъ наумбургскихъ нововведеній. На регенсбургскомъ сеймѣ онъ намѣревался отдать епископство Наумбургъ Юлію Пфлугу въ ленъ, и посланникъ курфирста съ трудомъ отклонилъ его отъ этого намѣренія. Не обращая вниманія на возраженія протестантовъ, Карлъ началъ процессъ противъ курфирста Кельнскаго, призналъ основательными жалобы соборнаго капитула и поручилъ капитулу противодѣйствовать распространенію ереси, поощряемой курфирстомъ, и объявить Германну, что его низложитъ или императоръ, или папа. Карлъ поступалъ съ курфирстомъ по солдатски, такъ какъ Кельнъ недалеко отъ Нидерландовъ, гдѣ императоръ уже собралъ корпусъ войска. Во время поѣздки своей въ Нидерланды онъ увѣдомилъ курфирста, что если, чего слѣдуетъ ожидать, папа лишитъ его духовнаго сана, то и онъ не замедлитъ низложить его, не смотря на государственные законы имперіи и золотую буллу. Произволъ императора дошелъ до того, что онъ намѣревался судить имперскаго государя и курфирста въ Брюсселѣ, т. е. внѣ предѣловъ имперіи.

Въ тоже время императоръ противъ своей воли долженъ былъ преслѣдовать имперскимъ судомъ другаго нѣмецкаго государя и, чтобъ поддержать свое достоинство, приказалъ взять его подъ арестъ. То былъ герцогъ Генрихъ Младшій Брауншвейгскій. Карлъ поручилъ наказать его протестантамъ. Его владѣнія были заняты ландграфомъ Филиппомъ и курфирстомъ Іоанномъ Фридрихомъ, которые помогли протестантскимъ городамъ герцогства защитить свои права. Герцогъ началъ противъ нихъ процессъ, такъ какъ они оспаривали даже право его засѣдать на сеймѣ; однако въ этомъ случаѣ императоръ защитилъ его. Послѣ долгихъ споровъ императоръ рѣшилъ наконецъ въ 1545 въ Вормсѣ, что брауншвейгскія владѣнія должны быть отданы ему для передачи подъ извѣстными условіями назначеннымъ имъ государямъ, которые будутъ держать ихъ подъ секвестромъ до совершеннаго приведенія дѣла въ порядокъ. По этому дѣлу были написаны такъ называемыя вормсскія условія, которыя императоръ послалъ герцогу, требуя принять ихъ. Герцогъ, часто обращавшійся прежде подъ покровительство императора и сопровождавшій его въ послѣднемъ походѣ во Францію, пришелъ въ страшное бѣшенство и обратился къ французскому королю. Францискъ далъ ему небольшую сумму для найма въ Германіи солдатъ противъ короля Генриха VIII. Но герцогъ навербовалъ на французскія деньги войско для самого себя, съ цѣлью возвратить себѣ свои владѣнія. Собравъ 8,000 ландскнехтовъ и 1,500 рейтаровъ, онъ неожиданно вступилъ въ Гадельнъ, во владѣніяхъ брата своего, архіепископа бременскаго и верденскаго, безчинствовалъ тамъ два мѣсяца (сентябрь и октябрь) и осадилъ Вольфенбюттель. Но граждане этого города оказали энергическое сопротивленіе и дали время ландграфу Филиппу собрать противъ Генриха войско. Императоръ, разгнѣванный такимъ нарушеніемъ земскаго мира, серьезно грозилъ герцогу опалой и одобрилъ походъ Морица Саксонскаго на помощь своему тестю, ландграфу Филиппу, противъ безпутнаго брауншвейгца. Морицъ, слѣдуя желанію императора, старался примирить Филиппа съ Генрихомъ; но старанія его были тщетны, потому что герцогъ ни на что не соглашался. 21 октября Генрихъ

былъ разбитъ, покинутъ своими солдатами, которымъ не могъ платить, и взятъ въ плѣнъ. Филиппъ увезъ его и сына его, Карла Виктора, въ Гессенъ. Онъ принялъ ихъ очень благородно и вѣжливо, но требовалъ, чтобы императоръ объявилъ герцога опальнымъ. Императоръ велѣлъ передать ему на словахъ, что нѣтъ надобности наказывать плѣннаго и что съ нимъ должно обращаться мягко. Въ это время императоръ окончательно возненавидѣлъ ландграфа, который помогалъ кельнскимъ реформамъ курфирста Германа и, имѣя сношенія съ нѣкоторыми майнцскими канониками, хотѣлъ воспользоваться послѣдовавшею въ это время смертью курфирста Альбрехта, чтобы секуляризовать архіепископство въ пользу своего сына. Однако вскорѣ Филиппъ отказался отъ этого намѣренія, понявъ невозможность осуществить его; при содѣйствіи курфирста Пфальцскаго онъ успѣлъ доставить майнцскій престолъ Себастіану Гейзенштамму, который обѣщалъ произвести реформу въ майнцскихъ владѣніяхъ, но, какъ попъ, конечно не подумалъ сдержать слово.

Регенсбургскій религіозный диспутъ 1546 кончился ничѣмъ, что императоръ предвидѣлъ заранѣе. Но, къ своему ужасу, нѣмцы увидѣли при этомъ случаѣ страшный примѣръ папистскаго фанатизма. Карлъ привезъ въ Регенсбургъ на диспутъ испанца схоластика М а л ь в е н д у, который въ высшей степени возненавидѣлъ своего просвѣщеннаго и ученаго земляка, Х у а н а Д і а с а. Діасъ познакомился съ евангелическимъ ученіемъ въ Женевѣ и энергически отстаивалъ его въ Регенсбургѣ. Мальвенде и испанскій духовникъ императора, рѣшились сжить со свѣта этого закоснѣлаго еретика. Они вызвали въ Германію брата Діаса, Альфонса, служившаго въ Римѣ авдокатомъ. Альфонсъ заманилъ брата въ Нейнбургъ и велѣлъ двумъ бандитамъ убить его при себѣ. Послѣ того Альфонсъ и убійцы бѣжали въ Инспрукъ къ Фердинанду. Пфальцграфъ Оттонъ Генрихъ и имперскій верховный судья, курфирстъ Фридрихъ, потребовали, чтобы императоръ выдалъ ихъ. Но онъ холодно отвѣчалъ имъ, что не можетъ вмѣшиваться въ дѣла брата. Исторія эта была бы невѣроятна, если бы ее не подтверждали Слейданусъ и Зеккендорфъ. Мы упомянули о ней главнымъ образомъ потому, что одинъ изъ историковъ-софистовъ, которыхъ такъ много въ наше время, человѣкъ болѣе безчувственный и презрѣнный, чѣмъ Карлъ V, хотя и протестантъ, облекаетъ ее своимъ софистическимъ покровомъ.

17. Шмалькальденская война.

Еще до безплоднаго регенсбургскаго диспута, во время общаго собранія шмалькальденскихъ союзниковъ во Франкфуртѣ, оказалось, что у нихъ нѣтъ единодушія, что они неготовы къ войнѣ и что необходимо отнять начальство у курфирста Саксонскаго, если не хотятъ, чтобы все погибло вслѣдствіе его физической и умственной неспособности. Протестанты не съумѣли даже предупредить паденіе стараго Германа Кельнскаго; на вопросы ихъ по этому поводу императоръ далъ имъ отвѣтъ такого рода, что слѣдовало ожидать войны.

Начавъ приготовленія къ войнѣ, императоръ назначилъ сеймъ въ Регенсбургѣ. Онъ отправился туда лично и на пути имѣлъ свиданіе съ ландграфомъ Филиппомъ. Карлъ употребилъ всѣ усилія, чтобы склонить Филиппа и курфирста прибыть на сеймъ. Они не соглашались, а Филиппъ даже на личныя просьбы императоръ отвѣтилъ ему коротко — «нѣтъ». Это упорство и отказъ протестантовъ принять участіе въ Тридентскомъ соборѣ, который папа открылъ въ началѣ года безъ нихъ, побудили императора поспѣшить войной. Съ этою цѣлью онъ вооружилъ три арміи: одна должна былъ вторгнуться въ Баварію изъ Италіи, другая изъ Богеміи въ Саксонію, а третья дѣйствовать на Рейнѣ. Договоръ императора съ папой, пункты котораго до сихъ поръ вполнѣ неизвѣстны, былъ уже давно заключенъ. Онъ былъ подписанъ обѣими сторонами только въ концѣ іюня, тогда какъ война должна была начаться въ первыхъ числахъ того же мѣсяца. Папа обязался дать кромѣ 100,000 дукатовъ, которые уже послалъ въ Венецію для войны противъ нѣмецкихъ еретиковъ, еще столько же, выставить 10,000 войска и разрѣшить налогъ на испанское духовенство.

Слова, которыми императоръ открылъ 5 іюня сеймъ, и рѣзкіе отзывы о государяхъ его канцлера въ рѣчи къ городскимъ депутатамъ можно было уже принять за объявленіе войны тѣмъ болѣе, что въ тоже время графъ Максимиліанъ фонъ Бюренъ получилъ приказаніе вступить изъ Нидерландовъ въ Германію; кромѣ того императоръ просилъ папу чрезъ епископа Мадруцци поспѣшить присылкою своихъ войскъ. Наконецъ 16 іюня робкіе протестанты, неготовые къ войнѣ и несогласные между собою, спросили императора о цѣли его военныхъ приготовленій; онъ отвѣчалъ имъ, что, хотя попрежнему желаетъ сохранить миръ, но намѣренъ поступить по справедливости съ непокорными и чуждающимися его милостей и показать имъ всю свою власть. На другой день въ циркулярѣ къ имперскимъ городамъ, принадлежавшимъ къ Шмалькальденскому союзу, особенно къ Страсбургу, Аугсбургу и Ульму, императоръ выразился еще опредѣленнѣе. Онъ писалъ, «что у него все готово, чтобы силою усмирить нѣкоторыхъ нарушителей общаго мира и права и наказать нѣкоторыхъ государей, желающихъ подъ предлогомъ религіи подчинять себѣ всѣ прочіе чины имперіи, захвативъ ихъ владѣнія, и даже посягающихъ на имперское величество и власть». То же самое говорилъ и писалъ Гранвелла. Имперское правительство писало герцогу Ульриху Виртембергскому и старалось отклонить Швейцарскій союзъ отъ намѣренія помочь нѣмецкимъ мятежникамъ.

Вскорѣ началась шмалькальденская война. Лютеръ не дожилъ до начало ея: онъ умеръ въ февралѣ 1546. Въ крестовомъ походѣ императора и папы не принялъ участія никто изъ католическихъ имперскихъ чиновъ, но за то протестанты, маркграфы Іоаннъ и Альбрехтъ Бранденбургскіе, перешли на сторону императора и поступили къ нему на службу, а герцогъ Морицъ Саксонскій давно спекулировалъ на курфиршеское достоинство своего двоюроднаго брата, Іоанна Фридриха. Папа былъ для императора весьма непріятнымъ союзникомъ, что впослѣдствіи принесло протестантамъ пользу. Онъ взбѣсилъ Карла своей крестовой буллой, въ которой восклицалъ: бей его на смерть! между тѣмъ какъ Карлъ и не помышлялъ воевать изъ-за религіи. Еще въ предъидущемъ году, когда папа требовалъ герцогство Парму и Піаченцу для своего побочнаго сына, Пiетро Алоизіо Фарнезе, императоръ объявилъ, что не можетъ раздавать имперскія права и имущества. Но папа, не удовольствовавшись этимъ, буллой 26 августа 1545 далъ своему сыну титулъ герцога Пармскаго и Піаченцскаго и ввелъ его во владѣніе этой страной.

Папа обнародовалъ свой договоръ съ императоромъ объ искорененіи еретиковъ 13 іюля. Но еще до этого протестанты съ поразительной быстротой собрали двѣ арміи: одну на Дунаѣ и Лехѣ, другую въ Гессенѣ и Саксоніи. Въ первой арміи было два превосходныхъ полководца: аугсбургскій градоначальникъ Себастіанъ Шертлинъ фонъ Буртенбахъ, предводительствовавшій войсками оберландскихъ городовъ Шмалькальденскаго союза, и Гансъ фонъ Гейдекъ, командовавшій виртембергскимъ контингентомъ. Шертлинъ, оставившій свою автобіографію, считался однимъ изъ лучшихъ и знаменитѣйшихъ полководцевъ своего времени. Онъ оказалъ императору важную услугу въ 1532 при отступленіи Солимана и въ 1544 въ войнѣ противъ французовъ. Поэтому Карлъ старался привлечь его въ свою службу, обѣщавъ ему разныя выгоды; но Шертлинъ не согласился. Также тщетно предлагалъ императоръ фельдмаршальское достоинство видтембергскому генералу фонъ Гейдеку. Шертлинъ и фонъ Гейдекъ хотѣли аттаковать императора въ концѣ іюля, какъ только курфирстъ Саксонскій и ландграфъ Гессенскій собрали 18,000 пѣхоты и 9,000 кавалеріи, т. е. прежде чѣмъ богемскій и нидерландскій корпуса арміи императора успѣли соединиться. Императоръ очутился дѣйствительно въ немалой опасности, когда двѣ арміи, одна подъ предводительствомъ Филиппа Гессенскаго и Іоанна Фридриха Саксонскаго, другая подъ командой Шертлина и фонъ Гейдека, двинулись на него прежде, чѣмъ онъ ожидалъ. Но, какъ говоритъ Шертлинъ, Швабскій союзный совѣтъ, которому онъ былъ подчиненъ, мѣшалъ каждому смѣлому предпріятію его своими юридическими возраженіями. Филиппъ и Іоаннъ Фридрихъ ссорились. Такимъ образомъ вожди протестантовъ постоянно препятствовали предпріятіямъ другъ друга.

Въ Регенсбургѣ у Карла было всего нѣсколько тысячъ войска, когда 4 августа войска Шертлина и фонъ Гейдека соединились при Донаувертѣ съ арміею

курфирста и ландграфа, вслѣдствіе чего силы шмалькальденцовъ возрасли до 50,000 человѣкъ. Если бы войско это поспѣшило аттаковать Регенсбургъ, то была бы исправлена ошибка Швабскаго союзнаго совѣта, помѣшавшаго плану Шертлина, который бы поставилъ императора въ весьма затруднительное положеніе. Получивъ извѣстіе, что императорско-папское войско имѣетъ намѣреніе ворваться въ Германію изъ Италіи, Шертлинъ совѣтовалъ занять альпійскіе проходы, чтобы аттаковать непріятеля; аугсбургцы послали своего градоначальника къ ландграфу, просить Филиппа помочь въ этомъ предпріятіи войскамъ оберландскихъ городовъ.

Итальянскія войска еще не прибыли, когда императоръ расположился укрѣпленнымъ лагеремъ при Ландсгутѣ, куда протестанты послѣдовали за нимъ, но слишкомъ медленно. Церемониться было безполезно, потому что 20 іюля императоръ объявилъ въ Регенсбургѣ курфирста и ландграфра опальными (Acht und Aberacht), а курфирстъ отвѣчалъ ему манифестомъ, въ которомъ упоминалъ о Карлѣ, какъ о лицѣ, называющемъ себя римскимъ императоромъ. Герцогъ Морицъ Саксонскій, давно уже заключившій союзъ съ императоромъ, имѣлъ безстыдство ссылаться на опальную грамату императора противъ курфирста, чтобы оправдать свой разбойничій набѣгъ на курфиршескія владѣнія, хотя въ граматѣ этой единовѣрцы, родственники и тесть его были названы «клятвопреступниками, бунтовщиками, мятежниками, государственными измѣнниками и нарушителями общественнаго спокойствія». Союзники не могли кормить свое многочисленное войско и платить ему жалованье долѣе 6 недѣль; они пропустили случай окружить императора въ Регенсбургѣ и простояли 12 дней предъ Ландсгутомъ, ничего не дѣлая, потому что Филиппъ все время ссорился съ Шертлиномъ. Затѣмъ императоръ перешелъ въ другой укрѣпленный лагерь при Ингольштадтѣ, гдѣ союзники совершенно безплодно истратили множество ядеръ, надъ чѣмъ Шертлинъ потѣшался. Они не могли воспрепятствовать внуку папы, Оттавіо Фарнезе, сопровождавшему брата своего, кардинала Александра Фарнезе, ввести въ императорскій лагерь 10,500 человѣкъ отборнаго итальянскаго войска, съ которымъ нѣсколько дней спустя соединились 6,000 закаленныхъ испанскихъ воиновъ подъ предводительствомъ Филиппа Ланнуа князя ди Сульмоне. Главнокомандующимъ императорской арміи былъ Фердинандъ Толедо герцогъ Альба, даровитый полководецъ и храбрый воинъ, но чудовищный человѣкъ, презираемый всѣми лучшими людьми за жестокость, высокомѣріе и безчеловѣчіе.

Всѣ были увѣрены, что протестанты принудятъ императора къ сраженію до прихода Максимиліана фонъ Бюрена съ нидерландскимъ войскомъ; но курфирстъ, ландграфъ и Шертлинъ вѣчно ссорились и бранились. Они противились другъ другу во всемъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что и при Ингольштадтѣ сраженія не воспослѣдовало. Въ половинѣ сентября прибылъ наконецъ Максимиліанъ фонъ Бюренъ съ 15—20,000 войска. Императоръ могъ не спѣшить наступательными дѣйствіями, потому что имѣлъ деньги и могъ выжидать, тогда какъ для протестантовъ это было невозможно. Онъ, разумѣется, зналъ, что протестантское войско разойдется, и что въ такомъ случаѣ ему будетъ легко разбить его по частямъ. Уже въ началѣ октября Шертлинъ оставилъ войско союзниковъ, у которыхъ не было ни денегъ, ни продовольствія, но, что все важнѣе, дѣльныхъ людей. Герцогъ Морицъ вторгнулся въ курфиршескія владѣнія, какъ исполнитель опальной граматы, и занялъ при помощи чеховъ всю Саксонію, кромѣ Готы, Эйзенаха и Веймара. Поэтому уже въ половинѣ ноября, когда силы протестантовъ были еще цѣлы, императоръ былъ такъ увѣренъ въ своей побѣдѣ, что отвѣчалъ на примирительную попытку Іоанна Бранденбургскаго, «что согласится на миръ только въ томъ случаѣ, если курфирстъ Саксонскій и ландграфъ Гессенскій предадутся вполнѣ на его милость или немилость со всѣми своими владѣніями и имуществомъ; если же они несогласны на это, то дальнѣйшіе переговоры безполезны». Вмѣсто того, чтобы рѣшиться теперь на все и со славою погибнуть, курфирстъ и ландграфъ покинули 24 ноября оберландское войско. Ландграфъ, поручивъ курфирсту провести свои войска домой черезъ Франконію, уѣхалъ съ герцогомъ Ульрихомъ Виртембергскимъ, котораго снова постигла гроза. Императоръ двинулся чрезъ Швабію на Рейнъ и оттуда въ Виртембергъ, тогда какъ

курфирстъ Саксонскій снова отнялъ свою страну у герцога Морица, опустошилъ его герцогство и бомбардировалъ Лейпцигъ. Такъ какъ графъ фонъ-Бюренъ загородилъ курфирсту путь черезъ Франкфуртъ, то онъ долженъ былъ отправиться въ обходъ. Онъ двинулся по горнымъ дорогамъ и на пути бралъ тяжкія контрибуціи, напримѣръ съ Майнца 40,000, съ Франкфурта 9,000, съ аббата Фульдскаго 30,000 гульденовъ. Въ Саксоніи онъ возмутилъ противъ герцога Морица его протестантскихъ подданныхъ, недовольныхъ его союзомъ съ императоромъ. Этимъ ему въ короткое время удалось овладѣть своей страной и въ первыхъ мѣсяцахъ 1547 г. завоевать герцогство своего двоюроднаго брата, кромѣ Лейпцига, Дрездена и Пирны.

Примѣру грабежей, показанному курфирстомъ въ походѣ въ Саксонію, послѣдовали императоръ и его войско въ верхней Германіи. По уходѣ одного протестантскаго войска, другое разсѣялось, и императоръ, испанцы, итальянцы и валлоны котораго свирѣпствовали надъ еретиками, овладѣлъ многими швабскими городами и затѣмъ направился противъ герцога Виртембергскаго. Города и чины Швабіи, Эльзаса и прирейнскихъ округовъ, отъ Ульма и Страсбурга до Франкфурта, предались на волю императора и отворили ворота его войскамъ. Ульмъ, не смотря на свои укрѣпленія, сдался безъ осады, а Франкфуртъ подчинился императору, когда Карлъ былъ еще въ Швабіи. Курфирстъ Пфальцскій просилъ прощенія за намѣреніе послать отрядъ конницы на помощь своимъ союзникамъ и единовѣрцамъ. Онъ былъ прощенъ; услуги, оказанныя имъ императору до вступленія его на престолъ, когда онъ то роскошествовалъ, то нищенствовалъ, позволили ему примирить съ императоромъ герцога Ульриха Виртембергскаго. Іоахимъ Бранденбургскій давно объявилъ себя за императора. Императоръ поступилъ очень строго съ герцогомъ Виртембергскимъ; герцогу пришлось тѣмъ болѣе плохо, что въ каданскомъ договорѣ былъ параграфъ, коварно вставленный императорскими дипломатами, на основаніи котораго Фердинандъ утверждалъ, что Виртембергъ—австрійскій наслѣдственный ленъ. Ульрихъ бѣжалъ въ Гогентвиль, гдѣ получилъ отъ императора грозное и ругательное письмо. Онъ отвѣчалъ Карлу самымъ холопскимъ образомъ. Если бы императоръ, говорилъ Ульрихъ, выслушалъ оправданія моихъ пословъ, то не написалъ бы столь немилостиваго письма. Далѣе было сказано, что герцогъ, именемъ Христа, умоляетъ императора о милосердіи и о снисхожденіи къ несчастному государю и его подданнымъ. Въ концѣ декабря въ Гейльброннѣ онъ получилъ прощеніе, съ условіемъ заплатить 300,000 дукатовъ, выдать всю артиллерію, оставленную ему союзниками, передать для удостовѣренія въ своей вѣрности крѣпости Шорндорфъ, Гогенъ-Асперíъ и Кирхгеймъ и навсегда отступиться отъ Шмалькальденскаго союза. Мы думаемъ, что императоръ поспѣшилъ заключить гейльбронскій договоръ для того, чтобы поскорѣе получить деньги. До этого онъ находился въ весьма затруднительномъ положеніи; испанцы и итальянцы сильно терпѣли отъ дождя и болотъ; недостатокъ же въ деньгахъ былъ у Карла такъ великъ, что ему угрожало паденіе, если бы ландграфъ и курфирстъ продержались подольше.

Города Мемингенъ, Биберихъ, Равенсбургъ, Кемптенъ, Исни, Вангенъ, Линдау и Эслингенъ еще въ январѣ просили на колѣняхъ пощады у императора; Аугсбургъ и Страсбургъ послѣдовали ихъ примѣру въ мартѣ. Въ это же время императоръ допустилъ папу низложить курфирста буллою. Въ апрѣлѣ 1546 Германнъ Кёльнскій былъ наконецъ отрѣшенъ отъ сана и передалъ архіепископство своему коадьютору, Адольфу Шаумбургу. Богатые города должны были уплатить императору значительныя суммы и выдать артиллерію. Ульмъ заплатилъ 100,000 дукатовъ, Франкфуртъ 80,000, Страсбургъ 30,000, Аугсбургъ 150,000. Не смотря на просьбы жителей Аугсбурга, имъ было приказано удалить изъ города храбраго Шертлина, который переселился въ Констанцъ. Когда контрибуціи были выплачены, императоръ двинулся чрезъ Франконію и Палатинатъ въ Эгеръ, куда прибылъ 5 апрѣля.

Его братъ, Фердинандъ, находился въ то время въ затруднительномъ положеніи, потому что чешскіе утраквисты отказались дать ему войско, а между тѣмъ въ мартѣ 1547 чины ихъ собрали армію съ цѣлью, какъ они выражались, не допустить императора и короля Фердинанда навести къ нимъ испанцевъ и гусаровъ (венгровъ). Курфирстъ Саксонскій согласился въ мартѣ на пере-

миріе съ герцогомъ Морицомъ, тогда какъ въ это время ему слѣдовало воспользоваться выгодами своего положенія. Миръ этотъ состоялся въ концѣ февраля при посредничествѣ герцогини Елисаветы Саксонской, сестры ландграфа Филиппа и вдовы сына герцога Георга, Іоанна. Елисавета жила въ Рохлицѣ, гдѣ вела жизнь веселую, но не совсѣмъ приличную. Къ ней завернулъ на пути изъ Лейпцига союзникъ Морица, маркграфъ Альбретъ Кульмбахскій, самый распутный гуляка и вождь разбойниковъ рыцарей и наемниковъ. Морицъ тщетно предостерегалъ маркграфа отъ козней рохлицкой сирены. Альбрехтъ шелъ къ нему съ 7,000 ч. и 24 орудіями; но и самъ онъ, и его офицеры забыли среди шумныхъ удовольствій предостереженіе Морица. Елисавета здала имъ пиръ, причемъ они, по обычаю того времени, пили черезъ мѣру. Между тѣмъ Елисавета дала знать курфирсту, стоявшему всего въ 3 миляхъ, при Альтенбургѣ. Альбрехтъ и его люди были настигнуты въ пьяномъ видѣ, сонные. Самъ Альбрехтъ попался въ плѣнъ, а отрядъ его разсѣялся.

Герцогъ Морицъ и братъ его, Августъ, воспользовались перемиріемъ, чтобы отправиться въ Богемію, гдѣ соединили свои войска съ арміею Фердинанда и императора. 6 апрѣля соединенныя силы ихъ вступили въ Саксонію; предварительно Фердинандъ и Карлъ издали къ саксонскимъ чинамъ строгія посланія, въ которыхъ называли Морица курфирстомъ, архимаршаломъ имперіи и владѣтельнымъ государемъ Саксоніи. Соединившись, императорскія войска проникли по правому берегу Эльбы въ Саксонію. Курфирстъ не только не зналъ богемско-саксонскихъ горныхъ проходовъ, но и не собралъ никакихъ свѣдѣній о непріятелѣ; 22 апрѣля императорскія войска расположились безпрепятственно въ виду саксонскихъ, стоявшихъ близъ Мейссена на лѣвомъ берегу Эльбы. Эта рѣка раздѣляла враждебныя арміи; курфирстъ хотѣлъ препятствовать переправѣ непріятеля, чтобы имѣть время отступить подъ прикрытіе виттенбергскихъ укрѣпленій, гдѣ намѣревался ожидать прибытія ландграфа. Но гусары Фердинанда нашли бродъ и 24 апрѣля принудили курфирста къ рѣшительному сраженію при Мюльбергѣ. Говорятъ, что мельникъ, у котораго саксонцы отняли лошадей, указалъ изъ мести императорскимъ войскамъ бродъ. Ни начальники, ни войска нѣмцевъ не могли противиться въ открытомъ полѣ полководцамъ и солдатамъ Карла, проведшимъ всю свою жизнь въ войнахъ въ Испаніи, Африкѣ и Франціи. Не смотря на это, курфирстъ сражался восемь часовъ даже послѣ пораженія своей кавалеріи. Наконецъ, когда все войско погибло, кромѣ 400 рейтаровъ, онъ былъ принужденъ сдаться. Такъ какъ всѣ союзники, кромѣ ландграфа, уже подчинились императору, то сраженіе это окончило войну. Только Виттенбергъ задерживалъ императорское войско и упорно отказывался отворить ворота побѣдоносному непріятелю, потому что въ этомъ городѣ укрылась жена курфирста съ своими младшими сыновьями; наслѣдный же принцъ бѣжалъ, раненый, въ Готу.

Плѣнный курфирстъ былъ отданъ подъ надзоръ жестокому герцогу Альбѣ, который поручилъ стеречь его испанцу Альфонсу де Вивесу. Императоръ хотѣлъ напугать жену курфирста и страхомъ принудить ее къ сдачѣ Виттенберга. Съ этою цѣлью онъ предалъ его суду и приговорилъ къ смертной казни. Курфирстъ принялъ это извѣстіе очень хладнокровно; впрочемъ такое спокойствіе было вполнѣ согласно съ его флегмой, и притомъ онъ былъ совершенно увѣренъ, что императоръ не имѣетъ серьезнаго намѣренія казнить его. Однако Карлъ достигъ своей цѣли; смертный приговоръ склонилъ жену курфирста принять тяжелыя условія, предписанныя ей; при этомъ роль посредниковъ приняли на себя, по порученію императора, курфирстъ Іоахимъ II Брандебургскій и герцогъ Морицъ. Послѣ долгихъ переговоровъ Іоаннъ Фридрихъ подписалъ капитуляцію, по которой Виттенбергъ былъ сданъ императору 19 мая. Условія капитуляціи были слѣдующія: Іоаннъ Фридрихъ долженъ жить при дворѣ императора или его сына, пока императоръ будетъ считать это нужнымъ; долженъ признать и впредь признавать власть императора и имперскаго палатнаго суда; исполнять безусловно все, что императоръ постановитъ на сеймѣ; отказаться отъ курфирстскаго достоинства и владѣній, которыми управлялъ доселѣ въ качествѣ главы Эрнестинской линіи, и передать свой санъ и владѣнія герцогу Морицу, который уже давно условился объ этомъ съ императоромъ и Фердинандомъ. Кромѣ того Іоаннъ Фридрихъ долженъ былъ освободить безъ выкупа маркграфа Альбрехта-Бранден-

бургъ-Кульмбахскаго и герцога Генриха Брауншвейгскаго, находившагося во власти ландграфа Филиппа; за это императоръ обязывался освободить герцога Эрнста Брауншвейгскаго, взятаго въ плѣнъ вмѣстѣ съ курфирстомъ. 4 іюня императоръ уѣхалъ изъ лагеря подъ Виттенбергомъ, гдѣ передалъ герцогу Морицу курфиршеское достоинство и титулъ архимаршала имперіи; но торжественная передача ему въ ленъ курфиршества саксонскаго воспослѣдовала лишь въ февралѣ 1548 въ Аугсбургѣ. Касательно новаго раздѣла Саксоніи, замѣтимъ, что меньшая и худшая часть ея досталась потомкамъ Іоанна Фридриха, герцогамъ Саксонскимъ; большая же и лучшая—Морицу и его брату, Августу, родоначальнику новой курфиршеской линіи саксонскаго дома. Мы не рѣшимся защищать нравственныя качества новаго курфирста, хотя впослѣдствіи онъ оказалъ протестантизму безсмертныя услуги. Притомъ защита его была бы излишнею, потому что трудъ этотъ уже выполненъ ученымъ барономъ фонъ Лангенномъ, который обладаетъ истиннымъ призваніемъ и талантомъ для такихъ предпріятій, тогда какъ авторъ этого сочиненія совершенно лишенъ того и другаго.

Пока императоръ стоялъ подъ Виттенбергомъ и устроивалъ саксонскія дѣла, при чемъ и братъ его, Фердинандъ, пріобрѣлъ нѣкоторые богемскіе лены, Морицъ, Фердинандъ и Іоахимъ II Бранденбургскій старались выпросить у императора прощеніе ландграфу Филиппу. Филиппъ и Магдебургъ одни только противились еще императору; герцогъ Ульрихъ Виртембергскій, позорно унизившись, выпросилъ прощеніе; оберландскіе города заплатили громадныя контрибуціи, а курфирстъ Пфальцскій искалъ милости императора; за то Дармштадтъ оказалъ мужественное сопротивленіе графу Бюрену, а Рюссельсгеймъ удержался противъ императорскихъ войскъ. Но положеніе ландграфа было затруднительно. Франкфуртъ впустилъ императорское войско и нѣсколько мѣсяцевъ содержалъ его; кромѣ того градоначальникъ франкфуртскій помогалъ валлонамъ грабить верхній Гессенъ. Франконія, Вестфалія и рейнскія страны были принуждены императорскими войсками принять участіе въ войнѣ Карла противъ Гессена. Даже Нассау-Дилленбургъ пошелъ войною на гессенскія владѣнія. Затѣмъ были принуждены покориться Германнъ Кельнскій, братъ его, кельнскій соборный пробстъ, Фридрихъ фонъ Видъ, бывшій одно время епископомъ мюнстерскимъ, и кельнскій соборный деканъ, Генрихъ Гольбергъ. Епископство наумбургское было отдано Юлію Пфлугу. Что же было дѣлать ландграфу, которому даже гессенскіе чины совѣтывали искать мира? Онъ рѣшился вступить въ переговоры и оставался съ этою цѣлью въ Лейпцигѣ, гдѣ видѣлся съ своимъ зятемъ, Морицомъ. Но онъ не могъ принудить себя принять унизительныя условія и уѣхалъ. Однако на пути онъ разсудилъ хладнокровнѣе, вернулся и принялъ условія императора. Условія эти заключались въ томъ, что Филиппъ предавался на волю побѣдителя, долженъ былъ преклонить предъ императоромъ колѣна, сдать свои крѣпости, уплатить 150,000 дукатовъ и возстановить Генриха Брауншвейгскаго. Но ландграфъ требовалъ отъ императора и посредниковъ, курфирстовъ Морица и Іоахима, грамату, чтобы гарантировать свою личную свободу. Императоръ и его министры составили грамату, которая, какъ и все, что шло отъ нихъ, была написана двусмысленно и коварно. Курфирсты также дали Филиппу отъ себя грамату, которая была совершенно ясна. Впослѣдствіи Филиппъ отослалъ ее къ своимъ сыновьямъ въ Гессенъ, чтобы, на основаніи ея, обвинить курфирстовъ. Морицъ и Іоахимъ обязывались ею, въ случаѣ, если императоръ задержитъ ландграфа въ плѣну, отправиться въ Гессенъ и отдаться въ заложники сыновьямъ ландграфа и гессенскому правительству. Въ охранной императорской граматѣ, данной ландграфу на поѣздку въ Галле, было сказано, что ни на пути, ни во время пребыванія въ Галле, ни на возвратномъ пути, ландграфъ не подвергнется ни тюремному заключенію, ни оковамъ, ни оскорбленіямъ. Въ граматѣ же, выданной ландграфу министрами императора, говорилось только, что онъ не будетъ подвергнутъ вѣчному заключенію. Относительно этихъ документовъ было много споровъ. Императорскихъ министровъ упрекаютъ въ томъ, что въ документахъ, сообщенныхъ курфирстамъ, они коварно измѣнили слова: «nicht in einiger Gefängnis» (не будетъ вовсе подвергнутъ заключенію), посредствомъ фрактурнаго (ломаннаго) шрифта въ: nicht in ewiger Gefängnis» (вѣчному заключенію). Всѣ историки, въ томъ числѣ Планкъ и Роммель, утверждаютъ,

что Гранвелла прибѣгнулъ къ этой жалкой уловкѣ; но намъ кажется, что Вейссе въ своей исторіи Саксоніи (т. IV стр. 3 и д.) достаточно доказалъ, что разсказъ этотъ лишенъ основанія.

Ландграфъ, игравшій въ послѣднее время весьма странную роль, положился на ручательство обоихъ курфирстовъ, прибылъ 19 іюля въ Галле и на колѣнахъ просилъ прощенія у императора при большомъ собраніи. Но императоръ отказался протянуть ландграфу руку въ знакъ примиренія, хотя Филиппъ подписалъ капитуляцію. Затѣмъ герцогъ Альба пригласилъ ландграфа къ себѣ на обѣдъ, послѣ котораго объявилъ ему, что онъ арестованъ. На другой день онъ былъ отданъ подъ испанскій караулъ, и когда императоръ отправился въ путь, то повезъ съ собой плѣннаго ландграфа подъ тѣмъ же карауломъ. Затѣмъ Филиппъ былъ разлученъ съ курфирстомъ, сопровождавшимъ дворъ императора. Во все время заключенія, продолжавшагося до 1552, съ ландграфомъ обращались самымъ недостойнымъ образомъ.

Ландграфъ Филиппъ, курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ, благородный Вольфгангъ Ангальтскій и его старый другъ, Францъ Брауншвейгскій, доказали свою глубокую преданность къ библейской религіи, враждебной всякой схоластикѣ и церемоніалу. Мы тѣмъ болѣе удивляемся этой привязанности, что при дворахъ внѣшность религіи замѣняла сущность, и блестящія фразы — дѣло. Курфирстъ согласился почти безъ спора на тяжкія условія капитуляціи, но рѣшительно не хотѣлъ уступать въ религіозномъ вопросѣ. Онъ отвергнулъ актъ, которымъ его думали обязать подчиниться въ религіозныхъ дѣлахъ опредѣленіямъ тридентскаго собора и постановленіямъ императора. Императоръ былъ принужденъ отступиться отъ этихъ требованій, такъ какъ Іоаннъ Фридрихъ объявилъ, что скорѣе пойдетъ на казнь, чѣмъ подпишетъ актъ.

Не смотря на всѣ преслѣдованія, которымъ его подвергали при императорскомъ дворѣ, Іоаннъ Фридрихъ остался навсегда строгимъ лютераниномъ. Въ 1550 вѣрные гессенцы сдѣлали попытку освободить своего ландграфа, вслѣдствіе чего съ нимъ стали обращаться какъ съ уголовнымъ преступникомъ; тогда онъ упалъ духомъ и написалъ недостойное письмо, которое почитатели его напрасно старались выдать за подложное. Онъ долго противился принять предложенныя ему религіозныя условія, но наконецъ подписалъ ихъ; впрочемъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ принялъ ихъ, на нихъ согласился бы и Іоаннъ Фридрихъ. Онъ объявилъ, что готовъ соблюдать все, что постановитъ свободный общій соборъ, составленный изъ преобразованнаго духовенства. Что касается двухъ остальныхъ князей, то Вольфгангъ рѣшился скорѣе бѣжать изъ своей страны, чѣмъ отступиться отъ своихъ единовѣрцевъ. Онъ переодѣлся и скрылся на Гарцѣ; другъ его, Францъ Брауншвейгскій, написалъ ему трогательное, успокоительное письмо *). Императоръ отдалъ владѣнія Вольфганга въ ленъ Генриху Плауэну.

---

*) Высокородный князь, любезнѣйшій дядюшка и зять! Я чрезвычайно желалъ услышать объ Васъ вѣсточку и прошу Васъ написать мнѣ, какъ Вы живете? Мои дѣла идутъ по прежнему, мнѣ предлагали другія условія, но я ихъ не приму, ввѣрю дѣло свое Господу, не отрекусь отъ Господа и буду стоять за Его слово; да будетъ воля Его. Здѣшніе города всѣ еще, слава Богу, держатся и хранятъ вѣрность Богу и Его слову; также и приморскіе. Датскій король будетъ вѣренъ Богу и Его слову, что бы съ нимъ ни случилось, хотя бы пришлось пойти по міру. Укрѣпи его, Боже! Онъ, какъ говорятъ, дѣломъ докажетъ вѣрность кресту. Я увѣренъ, что и Вы останетесь вѣрны Богу, и если Васъ будутъ гнать, то придете ко мнѣ; у насъ все будетъ общимъ, до послѣдняго куска хлѣба, потому что мы съ Вами—старые, вѣрные товарищи. Укрѣпи Васъ, Боже, и дай Вамъ мужество; Богъ поможетъ намъ, когда придетъ время. Я надѣюсь, что чортъ окажется не столь чернымъ, какъ его рисуютъ. Любезный зять, предайтесь на волю Божію и молитесь Христу; онъ поможетъ по просьбѣ бѣдныхъ христіанъ. Лучше терпѣть въ временной жизни, чѣмъ въ вѣчной. Поручаю Васъ Всемогущему Богу и остаюсь Вашъ бѣдный рабъ.

VIII. КАРЛЪ V И ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРІЯ

ОТЪ ОКОНЧАНІЯ ШМАЛЬКАЛЬДЕНСКОЙ ВОЙНЫ ДО АУГСБУРГСКАГО СЕЙМА 1555 ГОДА.

---

1. До фридевальдскаго договора.

Въ годы, слѣдовавшіе за шмалькальденской войной, Германіи грозило испанское владычество и инквизиція. Въ герцогствѣ Виртембергскомъ, которое хотѣли предоставить Фердинанду, какъ австрійскій наслѣдственный ленъ, былъ начатъ процессъ противъ Ульриха, тянувшійся много лѣтъ. Въ Гессенѣ сыновья ландграфа, надѣясь на освобожденіе отца, внесли контрибуцію ранѣе назначеннаго срока и срыли крѣпости; тѣмъ не менѣе отецъ ихъ остался въ заключеніи. Всюду стояли испанскія войска. Съ конца 1548 Карлъ былъ занятъ мыслью доставить императорскій престолъ своему сыну, Филиппу, или, быть можетъ даже, сдѣлать его наслѣдственнымъ въ своемъ потомствѣ. При такихъ обстоятельствахъ, къ счастію для Германіи, въ числѣ ея государей былъ одинъ истинно великій человѣкъ и нѣсколько хорошихъ, честныхъ, благочестивыхъ князей, уважавшихъ народныя права; притомъ, братъ императора, Фердинандъ, и сынъ его, впослѣдствіи императоръ Максиміанъ II, ввѣрились благороднымъ протестантскимъ государямъ и не согласились содѣйствовать испанскимъ козням. Христофъ, сынъ Ульриха Виртембергскаго, наслѣдовавшій своему отцу въ ноябрѣ 1550 и исцѣлившій раны, нанесенныя Ульрихомъ странѣ, былъ другомъ Максимиліана, который, подобно ему, былъ добръ и благочестивъ, изучалъ евангеліе и старался впослѣдствіи распространять его. Придворный проповѣдникъ Фаузеръ познакомилъ его съ евангелическимъ ученіемъ и отклонилъ отъ папы. Христофъ еще болѣе сблизилъ его съ лютеранствомъ. Максимиліанъ былъ очень плохаго мнѣнія о папствѣ, и императорскіе придворные богословы охотно отстранили бы его за это отъ престола въ пользу его двоюроднаго брата, Филиппа Испанскаго; въ письмѣ его къ герцогу Христофу, которое приводитъ Затлеръ въ 4 части своей виртембергской исторіи, онъ разсказываетъ герцогу «о славныхъ, а по нѣмецки, дьявольскихъ штукахъ честной души папы при дворѣ его отца (Фердинанда I)». Христофъ рекомендовалъ своему другу Петра Павла Вергерія, которому эрцгерцогъ впослѣдствіи тайно покровительствовалъ и который принадлежалъ къ числу немногихъ итальянцевъ, отказавшихся ради евангелія отъ церковныхъ почестей. Кромѣ того, герцогъ Виртембергскій послалъ эрцгерцогу, который уже прочиталъ пять частей сочиненій Лютера на нѣмецкомъ языкѣ, два латинскія сочиненія его, и Максимиліанъ просилъ прислать и всѣ остальныя.

Можно указать и другихъ добрыхъ и благочестивыхъ государей этого времени. Но мы остановимся на Морицѣ Саксонскомъ, единственномъ великомъ человѣкѣ, поразившемъ императора его собственнымъ оружіемъ. Не участвуя въ шумной тревогѣ фанатиковъ, Морицъ тихо шелъ четыре года своимъ путемъ, обманулъ коварныхъ испанцевъ, провелъ лукавыхъ итальянскихъ шпіоновъ и

своей политикой совершенно затмилъ политику Карла. Оправданіемъ для вѣроломства его въ отношеніи Карла можетъ служить вѣроломство самого императора, который продолжалъ держать въ неволѣ его тестя, ландграфа Филиппа Гессенскаго. Относительно ландграфа Карлъ не только нарушилъ слово, но и оскорбилъ курфирстовъ — Морица и Іоахима II, которые были связаны письменнымъ обѣщаніемъ отдаться въ плѣнъ гессенскимъ принцамъ, если императоръ не обратитъ вниманія на ихъ представленія. Но императоръ далъ имъ на это весьма неприличный отвѣтъ, грозилъ послать ландграфа въ Испанію и въ 1548 увезъ его и курфирста Іоанна Фридриха въ Нидерланды. Въ 1550 онъ снова привезъ курфирста въ Германію, а ландграфа отправилъ въ Уденарде, гдѣ его держали еще строже. Съ этого времени Морицъ сталъ думать о томъ, чтобы силою добиться того, въ чемъ императоръ отказывалъ ему на многократныя убѣдительныя просьбы. Онъ чрезвычайно желалъ освобожденія ландграфа, что доказалъ, выѣхавъ на встрѣчу сыну императора, Филиппу, котораго Карлъ вызвалъ въ Германію; Морицъ просилъ его ходатайствовать за ландграфа у императора. При этомъ онъ употреблялъ всѣ старанія, чтобы не навлечь на себя подозрѣній императора и испанцевъ. Онъ нѣсколько лѣтъ откладывалъ нападеніе на Магдебургъ, объявленный въ опалѣ, пока не нашелъ возможности употребить противъ императора имперскую армію, собранную для дѣйствій противъ города. Магдебургскіе ополченцы дѣлали частые набѣги на владѣнія Морица, а пасквилянты, проживавшіе въ Магдебургѣ, гораздо рѣзче бранили его, чѣмъ императора. Не смотря на это, онъ предоставлялъ имперскому суду тянуть противъ города нескончаемый процессъ, вооружилъ войско, и хотя блокировалъ городъ, но только тогда предпринялъ аттаку, когда все было готово для приведенія въ исполненіе его плановъ. Морицъ поступалъ точно также и относительно намѣренія императора покончить религіозные споры кабинетнымъ приказомъ, названнымъ интеримомъ. Карлъ принялъ это намѣреніе вслѣдствіе поступка папы Павла III, который перевелъ соборъ въ Болонью, говоря, что тридентскій воздухъ ему вреденъ. Императоръ, разгнѣванный этимъ, вознамѣрился воспользоваться сеймомъ, созваннымъ въ Аугсбургѣ въ 1547 году и протянувшимся до слѣдующаго, чтобы при помощи своихъ солдатъ, еще стоявшихъ въ Германіи, преобразовать религію и государство безъ содѣйствія папы. Мѣры, принятыя относительно этого сейма, не допустили постановить свободное рѣшеніе по политическимъ и религіознымъ дѣламъ. Императоръ требовалъ, чтобы во время сейма чины не составляли особыхъ частныхъ сходокъ или совѣщаній. Потомъ онъ велѣлъ постановить, что императорскій палатный судъ снова возстановляется и долженъ быть признанъ протестантами. Чтобы обнадежить протестантовъ, онъ требовалъ предоставленія ему выбора судей. Но въ то же время, чтобы напугать ихъ, онъ грозилъ принять на себя выполненіе сеймоваго рѣшенія. Онъ обнаружилъ свои намѣренія, принудивъ аугсбургскихъ протестантовъ передать епископу соборъ и многія другія церкви; епископъ велѣлъ вновь освятить ихъ, какъ будто ихъ выручили изъ рукъ язычниковъ. Послѣ сейма императоръ произвольно отмѣнилъ городское уложеніе Аугсбурга и постановилъ новое. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ соединилъ Нидерланды подъ именемъ бургундскаго округа съ германской имперіей, чего желалъ еще Максимиліанъ I; но это было обременительно для обоихъ государствъ, вслѣдствіе чего не могло быть прочнымъ.

Къ счастью для протестантовъ, въ то время какъ Карлъ повелѣвалъ самовластно всей Германіей, за исключеніемъ областей по Эльбѣ и Везеру, между нимъ и папой Павломъ III возникъ жаркій раздоръ. Причиной этого было то, что папа перевелъ соборъ въ Болонью, а императоръ защищалъ убійцъ Піетро Алоизіо Фарнезе. Піетро Алоизіо, сынъ Павла III, былъ страшнымъ тираномъ. Папа не отрицалъ преступленій, совершенныхъ его сыномъ въ Пармѣ и Піаченцѣ, но оправдывалъ себя, говоря, что невиненъ въ нихъ и больше всего на свѣтѣ любитъ Піетро, какъ своего единственнаго сына. Нѣсколько знатныхъ энтузіастовъ убили Піетро Алоизіо въ Піаченцѣ и выбросили изувѣченный и обезображенный трупъ его изъ окна на поруганіе народу. Народъ и убійцы боялись мести Фарнезе, потому что сынъ убитаго, Оттавіо Фарнезе, немедленно присланный папой въ Парму, занялъ городъ. Они призвали въ Піаченцу императорскаго миланскаго намѣстника Фердинанда Гонзага, который принялъ ихъ подъ

защиту. Оттавіо заключилъ съ Гонзага перемиріе, оставивъ Піаченцу въ его власти. Но старый папа непремѣнно хотѣлъ удержать Піаченцу за собой; онъ не желалъ даже отдавать своему внуку Парму, намѣреваясь или отдать ее брату его, Горацiо, или овладѣть ею въ пользу церкви. Только передъ смертью онъ послалъ пармскому коменданту, Камилло Орсини, приказъ передать городъ Оттавіо. Однако по смерти Павла, Орсини объявилъ, что удержитъ Парму въ пользу будущаго папы. Преемникъ Павла Юлій III, не хотѣлъ уступать городъ. Поэтому Оттавіо старался сначала овладѣть Пармой при помощи испанцевъ, а потомъ обратился къ французамъ. Какъ увидимъ ниже, это дало поводъ къ измѣненію положенія дѣлъ въ Италіи и возбудило войну между Карломъ V и Франціей, позволившую наконецъ курфирсту Морицу осуществить свои планы.

Въ 1548, т. е. еще при жизни Павла III, который хотѣлъ навязать Германіи свой болонскій соборъ, императоръ обнаруживалъ намѣреніе рѣшить религіозные вопросы силою. Онъ требовалъ, чтобы протестанты безусловно предоставили дѣло тридентскому собору, обѣщая наблюдать за христіанскимъ, правильнымъ и приличнымъ ходомъ дѣла на соборѣ. Не услыхавъ ни отъ кого противорѣчія и въ виду молчанія протестантскихъ государей, императоръ началъ дѣйствовать такъ, какъ будто и города были согласны ввѣриться ему; но города были далеки отъ такого намѣренія. Онъ началъ смѣло противодѣйствовать папѣ, приказавъ объявить ему свое неудовольствіе за болонскій соборъ. Сверхъ того посланники его, Веласкесъ иВаргасъ, получили приказаніе торжественно прочесть на соборѣ 16 января 1548 протестъ противъ всего, что было и будетъ постановлено имъ. За два дня до этого срока Карлъ сообщилъ этотъ протестъ сейму и предложилъ чинамъ вопросъ, какъ возстановить внутренній миръ помимо папы. Это предложеніе было равно непріятно католикамъ и протестантамъ; поэтому имперскіе чины не могли согласиться въ выборѣ лицъ, на которыхъ слѣдовало возложить такое порученіе, какъ составленіе общаго исповѣданія религіи. Они предоставили этотъ выборъ императору. Онъ назначилъ епископа наумбургскаго Юлія Пфлуга, викарнаго епископа майнцскаго Михаила Гельдинга и пустаго, двуличнаго гофъ-теолога, Іоганна Агриколу, бывшаго протестантомъ только для вида. Выборные должны были представить сейму записку касательно главныхъ догматовъ вѣры, богослуженія и церковныхъ преобразованій, которыя могутъ быть приняты протестантами и католиками до окончательнаго рѣшенія собора. Эти лица сочинили такъ называемый аугсбургскій интеримъ, заключавшій въ своихъ 26 параграфахъ почти все старое римское ученіе, только кое-гдѣ прикрытое и замаскированное. Этотъ интеримъ, не понравившійся обѣимъ сторонамъ, былъ прочитанъ сейму 15 мая 1548. Въ тотъ же день императоръ давалъ аудіенцію папскому нунцію; полагали, что онъ желаетъ показать папѣ, что можетъ и безъ него давать Германіи законы по дѣламъ вѣры. Папа и епископы были очень недовольны интеримомъ, потому что протестантскому духовенству было позволено остаться въ бракѣ, причащать подъ двумя видами и на время удержать у себя секуляризованное церковное имущество. Чтобы объяснить, почему протестанты не признали аугсбургскій или императорскій интеримъ, намъ пришлось бы вдаться въ богословіе, чего мы вообще тщательно избѣгаемъ, потому что пишемъ только политическую исторію. — Всѣ города отказались принять интеримъ; Бременъ и Магдебургъ сопротивлялись даже силою; тѣ же, которые приняли прежнюю религію, уступили насилію императорскихъ войскъ. Протестантское духовенство цѣлыми толпами покидало свои должности и жилища; ихъ заключали въ оковы и тюрьмы; нѣкоторые бѣжали въ Англію, какъ напр. Петръ Мартиръ, Охино и другіе; по смерти Генриха VIII въ Англіи началась наконецъ настоящая реформа.

Протестанты называли курфирста Морица отступникомъ, а Флацій Илирикъ поносилъ его въ пасквиляхъ. Но онъ былъ искренній протестантъ, и братъ его, Августъ, изъ фанатическаго лютеранскаго рвенія возмутительнымъ образомъ преслѣдовалъ впослѣдствіи просвѣщеннѣйшую часть своихъ одновѣрцевъ. Когда протестантскіе курфирсты Пфальцскій и Бранденбургскій рѣшились ввести у себя императорскую религію, Морицъ не принялъ интеримъ безусловно. Онъ откладывалъ свое рѣшеніе по этому вопросу и аттаку на Магдебургъ, объявивъ, что намѣренъ прежде спросить объ этомъ своихъ богослововъ. Въ мартѣ онъ писалъ,

возражая противъ требованій императора, причемъ ссылался на обѣщаніе, данное ему Карломъ при заключеніи въ прошедшемъ году союза, позволить ему не измѣнять своей вѣрѣ. Между тѣмъ онъ старался увлечь своихъ богослововъ въ переговоры. Меланхтонъ, при всей своей слабости и нерѣшительности, склонился на сторону курфирста, хотя и не зналъ его намѣренія обмануть императора. Ему удалось убѣдить своихъ товарищей, Бугенгагена, Круцигера и Георга Маіора, подать мнѣніе въ пользу интерима. Тѣмъ не менѣе императоръ былъ весьма разгнѣванъ на то, что саксонскіе богословы одобрили не все. Меланхтонъ далъ провести себя министру Карловицу прекрасными фразами о единствѣ церкви и даже писалъ курфирсту, что если онъ прикажетъ ему, то онъ не станетъ противиться и замолчитъ или перенесетъ гоненія. Протестанты негодовали на уступчивость Меланхтона и его товарищей; это можно видѣть изъ надписи на нижне-нѣмецкомъ языкѣ на талерѣ, отчеканенномъ въ нижней Саксоніи противъ интерима *).

Саксонскіе богословы придумали наконецъ по совѣту Меланхтона, средство, которое было очень удобно для политики курфирста; онъ не стоялъ за интеримъ, но, чтобы не вооружать императора, хотѣлъ сохранить это названіе. Богословы его посовѣтовали ему принять нѣкоторые параграфы аугсбургскаго интерима подъ предлогомъ такъ называемыхъ адіафоръ, т. е. индифферентныхъ догматовъ и обрядовъ, не касающихся основаній ученія; они полагали, что въ видахъ сохраненія мира можно принять нѣкоторые параграфы аугсбургскаго интерима. Вслѣдствіе этого состоялось новое исповѣданіе, которымъ предполагалось удовлетворить императора; оно было названо саксонскимъ или лейпцигскимъ интеримомъ, а также вторымъ, новымъ или молодымъ интеримомъ. Морицъ, планъ котораго еще не созрѣлъ, насильно навязалъ его саксонцамъ; саксонское духовенство и школьные учителя были принуждены принять его, а проповѣдники, не желавшіе сообразоваться съ нимъ, были изгнаны изъ страны. Впослѣдствіи ученіе объ адіафорахъ, индифферентныхъ религіозныхъ вопросахъ, породило между протестантами кровавыя распри. Впрочемъ католическія державы не обратили вниманія на интеримы, тогда какъ протестанты, жившіе въ ихъ странахъ, должны были безусловно принять императорскій.

Папа Павелъ III до самой смерти своей (10 ноября 1549) не переводилъ соборъ изъ Болоньи. При избраніи его преемника кардиналы папской и императорской партій провели въ ссорахъ и спорахъ почти четыре мѣсяца. Императорская партія хотѣла избрать достойнѣйшаго изъ кардиналовъ, Реджинальда Поля, прославившагося защитой церкви противъ Генриха VIII и знаменитаго близкимъ родствомъ съ англійскимъ королемъ и притязаніями на англійскій престолъ (стр. 507). Но партія Фарнезе одержала верхъ и въ февралѣ 1550 избрала худшаго и недостойнѣйшаго изъ кардиналовъ. Человѣкъ этотъ, напоминающій своими пороками и преступленіями папу Александра VI Борджіа, былъ кардиналъ ди Монте или дель Монте, принявшій имя Юлія III. Онъ немедленно согласился съ императоромъ на счетъ перевода собора изъ Болоньи; но распря между ними изъ-за Пармы и Піаченцы продолжалась. Міръ изумился, когда папа, который въ бытность свою легатомъ Павла III интриговалъ въ пользу болонскаго собора, согласился перевести его въ Тридентъ. Въ это время казалось, что императоръ имѣетъ возможность принудить имперію принять интеримъ, и что благоразуміе велитъ постепенно уступать. Но въ сущности дѣло было не такъ плохо; во время избранія новаго папы германскіе государи нашли поводъ, совершенно независимый отъ религіи, усилить надзоръ за поступками императора и не допускать его до крайностей. Даже братъ Карла, Фердинандъ, съ сыномъ своимъ Максимиліаномъ вступили въ тайный союзъ съ Морицомъ и другими протестантскими государями, съ цѣлью препятствовать императору измѣнить порядокъ престолонаслѣдія.

---

*) На лицевой сторонѣ изображено крещеніе Христа въ Іорданѣ съ надписью кругомъ: Did is mün leve Son, den schall gi horen. На оборотѣ былъ представленъ искушающій Христа дьяволъ, въ видѣ стоящаго дракона съ тремя человѣческими лицами, изображавшими трехъ составителей интерима, съ надписью: «packe di, du Satan Interim» (Прочь, сатана—интеримъ!)

Императоръ удалился съ своею арміею въ Нидерланды, гдѣ прожилъ весь 1549 годъ и первые мѣсяцы слѣдующаго. Онъ получилъ отъ папы Павла III разрѣшеніе на бракъ дочери его, Маріи, съ племянникомъ его, Максиміліаномъ. Императоръ послалъ Максиміліана въ Испанію, поручивъ ему правленіе этимъ государствомъ, а сына своего, Филиппа, вызвалъ въ Нидерланды. Андрей Доріа привезъ Филиппа въ Италію на блистательнѣйшемъ флотѣ, какой когда либо выходилъ изъ испанскихъ гаваней; принцъ пробылъ нѣсколько времени въ Миланѣ и въ январѣ 1549 поѣхалъ чрезъ Германію въ Нидерланды. Многіе германскіе государи выѣхали къ нему на встрѣчу, въ томъ числѣ Морицъ Саксонскій, который убѣдительно просилъ принца вступиться за ландграфа Филиппа. Подобно другимъ государямъ, Морицъ остался недоволенъ испанскими манерами Филиппа, его скрытностью и чопорностью. Притомъ курфирстъ не имѣлъ впослѣдствіи случая замѣтить результатовъ его ходатайства передъ императоромъ за ландграфа. Планкъ полагаетъ, что императоръ вознамѣрился доставить своему сыну императорскій престолъ тотчасъ послѣ побѣды надъ протестантами и въ 1548 велъ переговоры съ своимъ братомъ Фердинандомъ, съ цѣлью склонить его удовольствоваться титуломъ римскаго короля. Во всякомъ случаѣ, въ іюлѣ 1550 онъ уже прямо и офиціально заговорилъ объ этомъ на аугсбургскомъ сеймѣ, гдѣ также говорилъ по этому поводу съ Фердинандомъ. Филиппъ былъ вызванъ въ Аугсбургъ; императоръ снова ввелъ свои войска въ предѣлы имперіи и даже занялъ ими Аугсбургъ. Ходилъ слухъ, что онъ хочетъ сдѣлать императорскій престолъ наслѣдственнымъ, передавъ его сыну. Но ни протестанты, ни католики не одобряли этого намѣренія. Филиппъ вернулся въ Нидерланды, а императоръ обратилъ все свое вниманіе на подавленіе протестантовъ; оно казалось ему тѣмъ болѣе легкимъ, что единственный германскій государь, который бы могъ противиться ему, былъ предметомъ ненависти и брани со стороны ревностныхъ лютеранъ, при чемъ главную роль игралъ Флацій Илирикъ. Они не безъ основанія полагали, что лейпцигскій интеримъ хуже аугсбургскаго, потому что онъ былъ основанъ на несчастной теоріи Меланхтона объ адіафорахъ. Поэтому они бранили герцога Морица и его богослововъ въ безчисленныхъ памфлетахъ, а тѣ съ своей стороны не оставались въ долгу. Въ сочиненіяхъ, издававшихся въ Бременѣ, Магдебургѣ и другихъ городахъ, которымъ не грозили императорскія войска, виттенбергскихъ богослововъ называли служителями Ахава, жрецами Ваала, адіафористами, эпикурейцами, людьми, развратничающими съ вавилонской блудницей, самаритянами, исказителями истинной и чистой религіи и т. д. Виттенбергцы бранили протестантовъ «измѣнниками, предателями, беззаконниками, неблагодарными, отступниками, мятежниками, дьявольскими, злыми людьми, змѣями и ехиднами».

Курфирстъ не оскорблялся этою бранью. Подъ предлогомъ военныхъ дѣйствій противъ Магдебурга онъ вооружилъ сильное войско. На послѣдній шагъ, т. е. на союзъ съ врагами имперіи противъ императора, онъ рѣшился лишь тогда, когда изъ-за Пармы произвелъ совершенный разрывъ между Карломъ и королемъ французскимъ. Мы не будемъ защищать или оправдывать этотъ союзъ, нанесшій столько зла его отечеству. Но къ счастью для него мѣры императорскихъ министровъ противъ германскихъ государей и евангелическаго ученія могутъ извинить его поступки. Императорское правительство позволило себѣ относительно протестантовъ и ихъ религіи дѣйствія, въ высшей степени возмутительныя. Грубый епископъ аррасскій, Гранвела младшій, наслѣдовавшій должность своего отца, но не имѣвшій его талантовъ, приказалъ по окончаніи аугсбургскао сейма созвать къ себѣ на квартиру (35 августа 1551) всѣхъ евангелическихъ священниковъ Аугсбурга, какъ преступниковъ, и, окруживъ ихъ стражею, долго мучилъ вопросами имперскаго вицеканцлера Зельда и нѣкоторыхъ императорскихъ совѣтниковъ; наконецъ онъ обратился къ нимъ съ такими словами: «Не думаете ли вы, что императоръ не имѣетъ права давать законы въ вопросахъ религіи, какъ и въ политическихъ, и предписывать догматы вѣры». Старшій совѣтникъ отвѣчалъ: «дѣло не въ томъ, что императоръ можетъ дѣлать и чего не можетъ, а въ томъ, что мы уже давно объявили, что не можемъ принять императорское вѣроисповѣданіе, а тѣмъ менѣе одобрить его». Тогда грубый епископъ, обратившись къ нему, закричалъ: «Пошелъ вонъ, скотина (Apage, bestia). Потомъ Гранвелла приказалъ снова привести къ

себѣ проповѣдниковъ и объявилъ имъ, чтобы они оставили городъ, не смѣли проповѣдывать нигдѣ въ предѣлахъ имперскихъ и императорскихъ владѣній, ни съ кѣмъ не прощаться, никому не говорить, за что ихъ выслали, и не писать ничего о томъ, что съ ними произошло. Съ этого времени, по именному императорскому повелѣнію, въ Аугсбургѣ прекратилось евангелическое богослуженіе, проповѣдь и причащеніе.

Вторичное открытіе тридентскаго собора и угрозы, которыми императоръ принудилъ государей и даже Морица обѣщать прислать на соборъ богослововъ и подчиниться его рѣшеніямъ, показали, что Карлъ обрекъ Германію на ту же участь, какая впослѣдствіи постигла Нидерланды. Но вступленіе французовъ въ Парму и ихъ союзъ съ Оттавіо Фарнезе послужили Морицу и его союзникамъ сигналомъ къ возстанію противъ императора. Когда Оттавіо Фарнезе вознамѣрился вновь овладѣть Пармой при помощи императорскаго намѣстника въ Миланѣ, папа Юлій III согласился на уступку. Онъ отозвалъ коменданта, назначеннаго Павломъ и хотѣвшаго удержать городъ въ пользу новаго папы, и приказалъ сдать Парму Оттавіо Фарнезе. Оттавіо Фарнезе весьма желалъ отнять у испанцевъ Піаченцу, но съ другой стороны ежеминутно боялся, что папа выгонитъ его изъ Пармы; поэтому онъ обратился къ Генриху II, вступившему на французскій престолъ въ 1547 году. 27 мая 1551 Генрихъ II формально принялъ семейство Фарнезе подъ свое покровительство; тогда папскія и императорскія войска осадили Парму; король французскій обѣщалъ Оттавіо 12,000 пѣхоты, 500 чел. легкой кавалеріи и ежегодно субсидію въ 12,000 червонцевъ; въ залогъ уплаты субсидій онъ внесъ въ венеціанскій банкъ 200,000 дукатовъ. Не смотря на препятствія, встрѣченныя на пути, французскій вспомогательный корпусъ благополучно достигъ Пармы; Поль де Термъ, бывшій посланникомъ въ Римѣ, былъ назначенъ комендантомъ города. Хотя папа старался предупредить разрывъ, но французскій король воспользовался неудовольствіемъ курфирста Морица и сыновей плѣннаго ландграфа, чтобы вознаградить себя на счетъ имперіи за потерю Милана.

Король Генрихъ II еще въ 1548 послалъ въ Германію архіепископа віеннскаго Марильяка, который опуталъ императора непроницаемою сѣтью интригъ и всюду держалъ на жалованьи агентовъ, подстрекавшихъ нѣмцевъ къ возстанію. Изъ числа этихъ агентовъ благородный Штурмъ и исторіографъ Слейданъ дѣйствовали на Рейнѣ и въ Оберландѣ: д'Озе велъ переговоры съ городами сѣверной Германіи, а епископъ байонскій, де Фрессъ, состоялъ посланниковъ при сыновьяхъ ландграфа Филиппа. При Морицѣ же, чтобы не возбудить противъ него подозрѣній, не было ни одного француза; до заключенія договора Марильякъ сносился съ Морицомъ чрезъ одного итальянца, котораго никто не считалъ французскимъ агентомъ. Нить интриги были въ рукахъ Марильяка. Наконецъ онъ поручилъ епископу де-Фрессу заключить союзъ; протестантамъ была обѣщана помощь Франціи, если они возстанутъ противъ императора. Союзъ этотъ, хранившійся въ глубокой тайнѣ, былъ заключенъ Іоанномъ Альбрехтомъ Мекленбургскимъ, Іоанномъ Георгомъ Бранденбургъ-Байретскимъ, Вильгельмомъ Гессенскимъ и Мрицомъ Саксонскимъ 5 октября 1551 въ Фридевальде, уединенномъ замкѣ въ лѣсу, въ Гессенскихъ владѣніяхъ. Государи обѣщали поднять оружіе на защиту имперскихъ учрежденій и для освобожденія плѣннаго ландграфа и не прекращать военныхъ дѣйствіи безъ обоюднаго согласія. Союзники хотѣли взять съ сыновей Іоанна Фридриха подписку, что во время войны они будутъ держать нейтралитетъ, грозя въ противномъ случаѣ поступить съ ними какъ съ врагами и обѣщая, если они приступятъ къ союзу, хлопотать объ освобожденіи ихъ отца. Французы дали курфирсту Морицу 240,000 червонцевъ субсидіи и обязались платить сверхъ того каждый мѣсяцъ по 60,000. За это Морицъ и его союзники согласились предоставить королю имперскіе города Мецъ, Туль, Верденъ и Камбрэ, жители которыхъ не говорятъ по нѣмецки: но король долженъ былъ владѣть ими въ качествѣ имперскаго викарія, не нарушая правъ имперіи. Государи намѣревались собрать къ 11 мая 1552 г. 7000 конницы и 40,000 пѣхоты и затѣмъ немедленно выступить противъ императора, принудивъ огнемъ и мечомъ всѣ чины приступить къ союзу. При этомъ они до того забыли національные интересы, что обязали французскаго короля выставить на Рейнѣ такое же войско и въ случаѣ надобности проникнуть далѣе за Рейнъ. Въ союзѣ этомъ не участвовалъ вла-

дѣтельный князь, который съумѣлъ однако вскорѣ втереться въ него, чтобы имѣть предлогъ разбойничать и грабить по Рейну и Майну. То былъ дикій и грубый маркграфъ Альбрехтъ Бранденбургъ-Кульмбахскій, находившійся въ тѣсной связи со всѣми мелкими графами, баронами и рыцарями сѣверной и средней Германіи, которые, подобно курдамъ и бедуинамъ, считали разбой и грабежъ благороднымъ, романическимъ занятіемъ и нанимались въ службу всякаго, кто дороже платилъ. Альбрехтъ переодѣтый поѣхалъ во Францію- 15 января 1552 Генрихъ II утвердилъ договоръ въ замкѣ Шанборѣ и далъ Альбрехту средства навербовать значительный отрядъ своихъ лихихъ товарищей.

2. До закрытія аугсбургскаго сейма 1555 года.

По заключеніи договора, который не могъ долго храниться въ тайнѣ, Морицъ окончилъ свою мнимую войну съ Магдебургомъ, чтобы начать настоящую противъ императора. Еще въ іюлѣ 1547 г., Магдебургъ былъ объявленъ опальнымъ и съ этого времени сдѣлался убѣжищемъ всѣхъ, кто ненавидѣлъ католицизмъ и старый порядокъ и негодовалъ на дипломатическую уступчивость протестантскихъ государей и богослововъ. Изъ Магдебурга выходили всевозможные пасквили и памфлеты, пѣсни, медали, картины, гравюры. Тамъ собирались всѣ безпокойныя головы и рыскали цѣлыми толпами во владѣніяхъ приверженцевъ интерима, особенно въ саксонскихъ. За это городъ былъ окруженъ имперскими войсками; блокада была строга, но до осады не дошло по недостатку денегъ. Кромѣ того война противъ опальнаго города не была возложена ни на кого изъ государей въ особенности. Въ 1548 и 49 годахъ противъ Магдебурга не было предпринято ничего рѣшительнаго. Возвратившись въ 1550 въ Германію, чтобы держать сеймъ, императоръ немедленно принялъ рѣшительныя мѣры противъ непокорнаго города, ставшаго центромъ и покровителемъ всѣхъ недовольныхъ и язвой своихъ сосѣдей. Впрочемъ еще въ ноябрѣ 1550 магдебургцамъ предлагали прощеніе подъ выгодными условіями; но они отвѣчали, что не довѣряютъ государямъ и ихъ предложеніямъ. Это обстоятельство чрезвычайно благопріятствовало планамъ Морица. Германскіе чины поручили ему привести въ исполненіе имперскую опалу и приказали всѣмъ чинамъ сосѣднихъ округовъ содѣйствовать ему. Императоръ согласился на это, и Морицъ получилъ на вооруженіе сто тысячъ дукатовъ единовременно и по шестидесяти тысячъ каждый мѣсяцъ, такъ что могъ собрать многочисленное войско съ сильной артиллеріей. Кромѣ того онъ платилъ многимъ графамъ, князьямъ, господамъ и рыцарямъ, промышлявшимъ, при недостаткѣ въ то время постоянныхъ войскъ, отдачей въ наймы навербованныхъ солдатъ.

Было бы непонятно, что императоръ такъ долго ничего не зналъ и что Морицъ могъ цѣлый годъ тянуть осаду Магдебурга, начатую осенью 1550, не возбуждая подозрѣній, если бы мы не знали, что съ марта 1551 Карлъ былъ исключительно занятъ соборомъ, изгнаніемъ своего зятя Оттавіо Фарнезе изъ Пармы и грозившею войною съ Франціей. Хитрость Морица тѣмъ болѣе заслуживаетъ удивленія, что въ лагерѣ его находился въ качествѣ императорскаго коммиссара способный императорскій генералъ, Лазарь Швенди; не смотря на это, Морицъ у него подъ глазами принялъ на службу со всѣмъ войскомъ извѣстнаго Ганса фонъ Гейдека, пришедшаго съ нѣсколькими тысячами солдатъ на помощь городу; Морицъ держалъ его при себѣ, чтобы, когда придетъ время, уговорить магдебургцевъ сдаться. Онъ отразилъ этого смѣлаго полководца и держалъ его, повидимому въ плѣну, но въ дѣйствительности Гейдекъ былъ его союзникомъ и служилъ ему съ четырьмя ротами (полками); Альбрехтъ Кульмбахскій и Шертлинъ перешли къ французскому королю и содержали свои войска на французскія деньги. Когда Морицъ рѣшился наконецъ возстать противъ императора, Гейдекъ удостовѣрилъ магдебургцевъ въ томъ, что Морицъ дѣйствительно намѣренъ употребить противъ гонителя ихъ религіи армію, собранную противъ нихъ. Поэтому 6 ноября 1551 г. они сдались добровольно. Для формы они безусловно предались императору; но Морицъ утвердилъ тайныя условія и

чрезъ три дня по заключеніи капитуляціи представилъ имъ грамату, хранившуюся въ Люнигскомъ имперскомъ архивѣ, по которой императоръ обязывался прекратить всякое неудовольствіе противъ города и оставить его при прежнихъ вольностяхъ. При этомъ Морицъ, разумѣется, не забылъ и себя; по взятіи города онъ принудилъ магистратъ и гражданъ присягнуть себѣ и дать клятвенное обѣщаніе признавать его государемъ, пока онъ и императоръ не передадутъ городъ другому владѣтелю. Впрочемъ онъ имѣлъ верховныя права надъ городомъ, гдѣ былъ фогтомъ и бургграфомъ. Еще во время осады онъ вошелъ въ соглашеніе съ архіепископомъ магдебургскимъ и съ Бранденбургомъ (посредствомъ tripartitum), который обѣщалъ за данныя ему выгоды выплатить курфиршескому дому девяностопять тысячъ гульденовъ. Хотя въ городѣ былъ оставленъ отрядъ войска, но слишкомъ слабый, чтобы быть опаснымъ для гражданъ. Изъ войскъ же гарнизона около двухъ тысячъ человѣкъ перешли въ службу герцога Мекленбургскаго, имѣвшаго намѣреніе выступить въ поле вмѣстѣ съ Морицомъ.

Саксонскіе чины и робкій Меланхтонъ, вѣчно игравшій роль посредника, трусили, видя, что Морицъ не распускаетъ на зиму свое войско. Чины протестовали противъ войны, опасаясь за свое имущество, а Меланхтонъ усовѣщевалъ курфирста въ письмахъ. Къ счастію императоръ былъ далеко. 21 октября онъ прибылъ въ Инспрукъ съ испанскими войсками, которыя, во время его пребыванія въ Аугсбургѣ, стояли въ окрестностяхъ этого города. Поэтому Морицу удалось обмануть его готовностью признать соборъ, хотя духовные курфирсты которыхъ императоръ уговорилъ наконецъ поѣхать въ Тридентъ, предостерегали его на счетъ намѣреній Морица. Курфирстъ Саксонскій дѣйствительно отправилъ въ Тридентъ пословъ и богослововъ, въ томъ числѣ Меланхтона, но по открытіи военныхъ дѣйствій они получили въ Нюрнбергѣ повелѣніе не ѣхать дальше. Въ тоже время Морицъ возобновилъ настоятельныя представленія объ освобожденіи ландграфа. Готовясь выступить противъ императора, онъ обманулъ его черезъ его же шпіона, который доносилъ, что курфирстъ готовится ѣхать въ Тридентъ и вскорѣ будетъ тамъ *).

Императоръ ничего не подозрѣвалъ, когда Морицъ собралъ въ мартѣ въ Тюрингіи двадцать пять тысячъ человѣкъ войска и въ половинѣ того же мѣсяца выступилъ въ походъ. Два дня спустя съ нимъ соединился подъ Бишофсгеймомъ ландграфъ Вильгельмъ Гессенскій. 25 марта всѣ войска были въ сборѣ и 31 стояли подъ Аугсбургомъ. Передъ походомъ курфирстъ издалъ манифестъ. Взирая на величіе духа и геройство, обнаруженныя курфирстомъ въ рѣшительную минуту, и принимая во вниманіе, что ему приходилось имѣть дѣло съ лживыми и вѣроломными испанцами, а также славные результаты его похода, мы должны признать, что въ исторіи мало подвиговъ, подобныхъ этому; но строгая нравственность не можетъ примириться съ средствами, къ которымъ онъ прибѣгалъ. Устранивъ рѣзкія выраженія манифеста, мы видимъ, что союзные государи оправдывали свое внезапное нападеніе слѣдующими тремя соображеніями: императоръ, не смотря на частыя обѣщанія, пребываетъ въ намѣреніи подавить евангелическую религію; измѣнивъ данному слову, онъ вѣроломно взялъ ландграфа и уже четыре года держитъ его подъ арестомъ; пытался ниспровергнуть имперскія государственныя учрежденія и уничтожить имперію. 3 апрѣля Аугсбургъ отворилъ ворота; ему немедленно было возвращено прежнее уложеніе и разрѣшено слѣдовать евангелическому вѣроисповѣданію. Изъ Аугсбурга Морицъ двинулся съ двадцатью тысячами пѣхоты и пятью тысячами конницы въ Тироль, чтобы воспользоваться разбросанностью императорскихъ отрядовъ; у Карла въ Инспрукѣ было очень мало войска. Города или, лучше сказать, ихъ магистраты, выбиравшіеся изъ тѣхъ классовъ, которые всегда трусятъ и которымъ свобода хотя мила, но деньги еще милѣе, не послѣдовали примѣру Магдебурга и Бремена, не под-

---

*) Маршалъ де Таваннъ хвалитъ курфирста Морица въ слѣдующихъ словахъ: Moriz, grossier Allemand, trompe les Espagnols et les Italiens sur espoir de paiz et d'alleau concil, marche avec le marquis de Brandenboug, les fils du Landgrave, ceux de Iean-Fréderic etc. (Морицъ, грубый нѣмецъ, обманулъ испанцевъ и итальянцевъ надеждою на миръ, притворившись, что хочетъ ѣхать на соборъ; но выступилъ въ походъ съ маркграфомъ Бранденбургскимъ, съ сыновьями ландграфа, Іоанна Фридриха и проч.).

чинявшихся императору: мелкіе города Швабіи, депутаты которыхъ были собраны союзными государями въ маѣ въ Аугсбургѣ, послѣ долгихъ сопротивленій обѣщали помочь деньгами; Нюрнбергъ былъ принужденъ къ уплатѣ силой, а Ульмъ не далъ ничего. Но тѣмъ больше славы для курфирста, который освободилъ Германію отъ ига испанцевъ и бельгійцевъ безъ помощи этихъ мелочныхъ торгашей.

Мы думаемъ, что Морицъ еще прежде вступилъ въ соглашеніе съ своимъ другомъ, римскимъ королемъ Фердинандомъ, который, подобно своему сыну, Максимиліану, слѣдовалъ совершенно инымъ принципамъ, чѣмъ его братъ; вѣроятно, они рѣшили воспользоваться войной, грозившей императору въ Италіи, Нидерландахъ и на Рейнѣ, чтобы принудить его возстановить германскія государственныя учрежденія и религіозную свободу. Фердинандъ, какъ видно изъ Слейдана, послалъ къ Морицу своего богемскаго канцлера, Генриха Плауена, предложить свое посредничество. Переговоры эти продолжались, и Фердинандъ имѣлъ съ Морицомъ личное свиданіе въ Линцѣ. Уже этого было достаточно, чтобы побудить императора освободить ландграфа Филиппа, даровать прощеніе всѣмъ опальнымъ, особенно полководцамъ фонъ-Гейдеку и Шертлину, а имперское государственное уложеніе предоставить на разсмотрѣніе сейма. Но Морицъ счелъ эти обѣщанія итальянской уловкой, потому что взамѣнъ ихъ требовали, чтобы онъ сложилъ оружіе и отказался отъ союза съ Франціей. Если бы онъ сдѣлалъ это, то очутился бы совершенно во власти императора. Поэтому рѣшили открыть 26 мая въ Пассау мирный конгрессъ съ тѣмъ, чтобы до того времени Морицъ не распускалъ войско и могъ продолжать свои дѣйствія. Вслѣдъ за тѣмъ Генрихъ II занялъ предоставленные ему лотарингскіе города, которые безпрекословно впустили французское войско. На Рейнѣ онъ дошелъ до Страсбурга, но городъ этотъ не соблазнился его обѣщаніями и заперъ свои ворота. Альбрехтъ Кульмбахскій съ своими разбойничьими шайками отвратительнымъ образомъ хозяйничалъ въ Франконіи.

12 мая Морицъ былъ уже въ южной Баваріи; 18 мая онъ разбилъ и разсѣялъ императорскія войска при Рейте и на слѣдующій день овладѣлъ эренбергской часовней. 22 мая онъ находился въ двухъ часахъ пути отъ Инспрука; и императоръ, лежавшій больной подагрой, былъ принужденъ бѣжать почти безъ свиты чрезъ непроходимыя высоты юлихскихъ Альпъ. Мы думаемъ, что Морицъ съ намѣреніемъ далъ больному императору возможность спастись постыднымъ и поспѣшнымъ бѣгствомъ, потому что уже вполнѣ согласился съ Фердинандомъ открыть 26 мая пассаусскіе переговоры. Въ Инспрукѣ Морицъ отдалъ войску на разграбленіе все, что принадлежало императору или испанцамъ; имущество же Фердинанда тщательно сохранялось. Римскій король также находился въ Инспрукѣ и оттуда отправился въ Пассау, куда прибылъ и Морицъ. Здѣсь они вели переговоры, между тѣмъ какъ императоръ жилъ въ Виллахѣ. Король немедленно освободилъ плѣннаго курфирста Іоанна Фридриха; но курфирстъ не принялъ свободы и послѣдовалъ за императорскимъ дворомъ, вѣроятно не желая обязываться человѣку, лишившему его сана и большей части владѣній. Фердинандъ и государи (большею частью духовные), собравшіеся въ Пассау, долго не могли склонить императора вступить съ Морицомъ въ соглашеніе; императоръ былъ страшно золъ за то, что его перехитрили. Однако Морицъ пригрозилъ прервать перемиріе и весьма неохотно согласился продлить его до 3 іюля. Императоръ не хотѣлъ, чтобы ему назначали сроки; тогда Морицъ объявилъ, что перемиріе кончено, и приказалъ аттаковать Франкфуртъ, занятый испанскимъ корпусомъ. Фердинандъ, которому вновь грозили турки, счелъ необходимымъ лично отправиться въ Виллахъ, чтобы склонить своего брата къ уступчивости. Такъ какъ Морицъ не предъявилъ никакихъ новыхъ требованій и вполнѣ удовольствовался тѣмъ, чего требовалъ вначалѣ, то въ Пассау было заключено перемиріе на неопредѣленное время и на условіяхъ, предписанныхъ Морицомъ, по которымъ ландграфъ Гессенскій долженъ былъ получить свободу, а прочіе — все, что было у нихъ отнято. Пассаускій договоръ былъ, правда, лишь перемиріе, а не настоящій миръ, потому что въ Пассау не присутствовали представители всѣхъ имперскихъ чиновъ; вопросы касательно религіи, нарушенія императоромъ учрежденій имперіи и отношеній партій пришлось отложить до собора или бли-

жайшаго сейма; но нѣкоторыя обстоятельства были улажены тутъ же. Такъ не ограничиваясь какъ прежде отсрочкою дѣла до рѣшенія собора или сейма, объявили, что отнынѣ долженъ наступить вѣчный миръ между католиками и лютеранами, и они не должны тревожить другъ друга не только въ религіи, но и во владѣніи имуществами и землями. Приговоры фанатическихъ юристовъ имперскихъ судовъ и всѣ обременительные декреты и повелѣнія противъ новой религіи были отмѣнены и уничтожены; была ограждена не только свобода совѣсти, но и собственность каждаго. По другому договору, который однако императоръ не хотѣлъ утвердить, эти условія не теряли своей силы даже въ томъ случаѣ, если бы не всѣ члены сейма приняли ихъ. Приверженцы аугсбургскаго исповѣданія на основаніи договора допускались къ засѣданію въ имперскомъ палатномъ судѣ, которому было внушено рѣшать безпристрастно, безъ различія религій. Все это было утверждено императоромъ, римскимъ королемъ, всѣми курфирстами и большею частью князей. Фердинандъ и его сынъ, Максиміліанъ, обѣщали содѣйствовать наказанію того, кто въ чемъ либо нарушитъ эти договоры.

Ниже мы разскажемъ событія слѣдующаго года: окончаніе французской войны, смерть курфирста Морица въ нижней Саксоніи и отреченіе императора; пока же скажемъ нѣсколько словъ объ утвержденіи Пассаускаго договора аугсбургскимъ религіознымъ миромъ. Хотя сеймъ, на которомъ пассаускій договоръ долженъ былъ быть обсуженъ и обращенъ въ окончательный миръ, былъ назначенъ въ 1553 въ Ульмѣ, но не состоялся ни въ этомъ, ни въ слѣдующемъ году. Наконецъ въ 1555 сеймъ собрался въ Аугсбургѣ; Фердинандъ прибылъ въ Аугсбургъ въ декабрѣ 1554 и болѣе шести недѣль ждалъ чиновъ. Инструкція, привезенная императорскимъ посланникомъ, была составлена совершенно по испански и по римски; Фердинандъ же и Максиміліанъ держали себя настоящими нѣмцами, и послѣдній и не думалъ тянуть на сторону духовенства. Въ деклараціи сейму Фердинандъ говорилъ, что считаетъ за лучшее вовсе не дѣлать никакихъ попытокъ примирять религіозныя мнѣнія соборами, преніями или диспутами, и не выходить за предѣлы политики. Не смотря на нетерпимость инструкціи своего брата, несмотря на папу и собранный имъ тридентскій соборъ, онъ объявилъ, что всего лучше обезпечить протестантамъ отъ всей имперіи постоянный миръ, независимо отъ религіозныхъ соглашеній. Князья и курфирсты одобрили это, и предложеніе Фердинанда прошло особенно потому, что кардиналъ Отто епископъ аугсбургскій, ни за что не соглашавшійся мириться съ протестантами, былъ вызванъ въ Римъ по случаю смерти папы, послѣдовавшей въ мартѣ, и увезъ съ собой только что прибывшаго папскаго нунція, который имѣлъ порученіе препятствовать миру.

Главные вопросы были рѣшены уже въ первые мѣсяцы 1555 года, потому что императоръ готовился сложить корону, а Фердинандъ и католическіе чины не имѣли ни охоты, ни силы нарушить миръ. Хотя въ переговорахъ рѣчь шла только о лютеранахъ, но никто не рѣшался прямо объявить, что кальвинисты исключаются изъ мира. Въ договорѣ сказано: «никто не имѣетъ права безпокоить кого бы то ни было по поводу аугсбургскаго исповѣданія и вообще по поводу религіи. Посредственное рыцарство, находящееся въ зависимости отъ католическихъ государей, и подвластные имъ города и общины имѣютъ относительно религіи тѣже права, какъ и непосредственное дворянство и вольные имперскіе города. Правительство, которое вздумало бы терпѣть у себя только одну религію, должно дозволить послѣдователямъ другой переселиться куда угодно, не нанося имъ безчестія и не требуя за это платы. Въ имперскомъ палатномъ судѣ должны засѣдать протестанты и католики вмѣстѣ». Къ несчастію, протестанты возбудили вопросъ по поводу одного параграфа, который, если бы его не трогать, неизбѣжно повелъ бы къ секуляризаціи всѣхъ епископствъ и аббатствъ. Протестанты требовали, чтобы было точно опредѣлено, что духовнымъ чинамъ предоставляется такое же право измѣнять религію, какъ и свѣтскимъ. Тогда католическіе чины проснулись, и начались горячіе споры, которые тянулись шесть мѣсяцевъ, хотя, какъ по этому вопросу, такъ и по другимъ, все было покончено еще въ апрѣлѣ. Даже Фердинандъ объявилъ, что скорѣе откажется отъ престола, чѣмъ допустить свободу религіи въ духовенствѣ. 13 сентября 1555 года былъ наконецъ подписанъ аугсбургскій религіозный миръ; но римскій король и католическіе чины за-

ставили включить оговорку, сдѣлавшуюся впослѣдствіи причиною долгихъ и бѣдственныхъ распрей и великихъ несчастій. Это такъ называемое Reservatum ecclesiasticum состояло въ томъ, что если какой нибудь архіепископъ, епископъ, прелатъ или другой духовный чинъ отступитъ отъ древней религіи, то долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ своего архіепископства, епископства или другой бенефиціи и соединенныхъ съ ними выгодъ и доходовъ.

IX. ПОСЛѢДСТВІЯ РЕФОРМАЦІИ.

---

1. Іезуиты.

До сихъ поръ мы не упоминали объ орденѣ іезуитовъ, потому что онъ получилъ значеніе только со времени аугсбургскаго религіознаго мира и тридентскаго собора, когда вся сила древней государственной религіи перешла въ него. Со времени аугсбургскаго мира лютеранство и кальвинизмъ сдѣлались достояніемъ и дѣломъ ученыхъ, тщеславныхъ и неуступчивыхъ богослововъ. Поэтому протестантизмъ потерялъ обаяніе, которое давало ему прежде евангеліе, доступное и понятное всѣмъ и обѣщающее царство небесное не богатымъ, знатнымъ и ученымъ, а бѣднымъ и униженнымъ. Ученому и дѣятельному ордену было нетрудно разрушить сухія формы, въ которое облекли свободное и и ясное евангелическое ученіе въ Виттенбергѣ, Тюбингенѣ, Женевѣ и въ другихъ мѣстахъ. Для этой цѣли іезуитамъ нужно было только противопоставить религіозные миѳы сухимъ проповѣдямъ и пышныя церемоніи, заимствованныя у язычества, но облеченныя въ христіанскія формы и великолѣпную, поэтически-религіозную символику—бѣдному культу протестантизма; кромѣ того они тщательно наблюдали, чтобы всѣ члены ихъ ордена были совершенно проникнуты его духомъ. Благодаря этому, іезуиты вскорѣ вытѣснили доминиканцевъ со всѣхъ важныхъ должностей и вполнѣ заняли ихъ роль проповѣдниковъ папской мудрости и вѣрныхъ слугъ папскаго абсолютизма.

Безпорядки, возникшіе во Франціи въ половинѣ XVI столѣтія, междоусобная война, свирѣпствовавшая въ этой странѣ, нидерландскія смуты, раздоры въ габсбургскомъ домѣ, начавшіеся по смерти Максимиліана II, и нарушеніе аугсбургскаго религіознаго мира, поведшее къ тридцатилѣтней войнѣ,—все это было дѣломъ іезуитовъ. Поэтому необходимо упомянуть о возникновеніи этого ордена, имѣвшаго цѣлью обращать невѣрующихъ и еретиковъ и воспользоваться научными пріобрѣтеніями XIV и XV столѣтія, чтобы дать новыя основанія древнимъ вѣрованіямъ. За то мы не считаемъ нужнымъ говорить подробно о грязныхъ капуцинахъ, которые помогали болѣе опрятнымъ францисканцамъ въ заботѣ не допускать къ евангелію простой народъ, среди котораго они дѣйствовали, и поддерживать въ немъ суевѣріе.

Основатель іезуитскаго ордена Игнатій Лойола почти въ тоже время покинулъ свѣтское поприще и перешелъ на духовное, когда Лютеръ послѣ поѣздки въ Вормсъ окончательно отступился отъ монашества и католицизма. Игнатій Лойола командовалъ въ 1521 гарнизономъ Пампелуны и при мужественной защитѣ этого города (стр. 393) получилъ столь опасную рану въ обѣ ноги, что долженъ былъ оставить военную службу. Во время долгой и тяжкой болѣзни отъ ранъ онъ занимался въ своемъ родовомъ замкѣ чтеніемъ легендъ о житіи святыхъ, о чудесахъ, которыя они совершали, и видѣніяхъ, являвшихся имъ. Какъ испанецъ, воспитанный на подобныхъ легендахъ и имѣвшій много чудесныхъ рыцарскихъ приключеній, онъ, разумѣется, вскорѣ удостоился небесныхъ видѣній, которыя гораздо рѣже случаются съ холодными жителями сѣвера.

Такъ какъ Провидѣніе лишило его возможности продолжать рыцарскія похожденія, то онъ отправился отыскивать страннических. Его безчисленные прославители описывають его странствованіе на богомоліе въ Римъ и Іерусалимъ, гдѣ онъ обращалъ турокъ; описанія эти заставляютъ предполагать, что въ теченіе по крайней мѣрѣ этихъ двухъ лѣтъ онъ былъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Затѣмъ онъ скитался по Испаніи, жилъ нѣкоторое время въ Барселонѣ, гдѣ тщетно старался усвоить себѣ элементарныя познанія въ богословіи, которыя пріобрѣлъ потомъ въ Парижѣ; здѣсь онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ на деньги, выханженныя въ Нидерландахъ, гдѣ побирался до пріѣзда въ Парижъ. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ не только научныя свѣдѣнія, но и знаніе жизни и людей, которымъ былъ впослѣдствіи силенъ основанный имъ орденъ. Онъ могъ вслѣдствіе этого дать разумное направленіе дикому фанатизму, чрезмѣрному суевѣрію и умерщвленіямъ плоти, которые давали ему тоже вліяніе на массу, какимъ прежде пользовались основатели нищенствующихъ орденовъ. Въ 1534 Лойола сдѣлался магистромъ; такой энергическій, твердый и честолюбивый человѣкъ, безъ сомнѣнія, могъ въ девять лѣтъ приготовиться съ успѣхомъ пройти всѣ ученыя испытанія.

По свидѣтельству іезуитовъ, писавшихъ біографію Лойолы, которымъ мы слѣдуемъ, онъ началъ проповѣдывать и обращать въ свое ученіе еще въ Парижѣ; онъ исполнялъ это свое, такъ называемое, внутреннее призваніе съ помощью тѣхъ необыкновенныхъ средствъ и странныхъ рѣчей, которыя и теперь еще не утратили вліянія на массу и модный свѣтъ, какъ доказываетъ жизнеописаніе св. Елисаветы Монталанбера. Впрочемъ въ этомъ еще нѣтъ положительнаго зла. Но въ тоже время святой основатель іезуитскаго ордена началъ другую дѣятельность, которая послѣ составляетъ главную цѣль ордена, а именно истребленіе протестантизма и протестантовъ безъ разбора средствъ. Страшную ненависть ордена къ Лютеру и лютеранству можно бы было доказать цитатою изъ исторіи перваго столѣтія существованія іезуитовъ; но недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ првести эту цитату; и мы должны ограничиться ссылкою на Imago primi etc. (lib I. diss. VI. p. 18). Что касается самого святаго, то біографъ его, Рибаденейра, говоритъ: «во время пребыванія Игнатія въ Парижѣ многія университетскія знаменитости поддерживали предпріятіе Лютера. Какъ орудіе, избранное Господомъ для ниспроверженія проклятаго ученія реформатора, Игнатій прибѣгалъ ко всевозможнымъ хитростямъ, чтобы противодѣйствовать распространенію реформаціи во Франціи. Онъ тщательно собиралъ свѣдѣнія о лицахъ, подозрѣваемыхъ въ ереси, и указывалъ на нихъ инквизиціи, которая поступала съ ними по всей строгости». Французскіе короли Францискъ I и Генрихъ II жгли по временамъ протестантовъ дюжинами по приговору парламентскихъ юристовъ-богослововъ. Впрочемъ судьба покровительствовала Лойолѣ, хотя біографъ его увѣряетъ, что его мистицизмъ и фанатизмъ были осмѣяны даже въ Парижѣ и что даже соотечественникъ его, Францискъ Ксаверій, у котораго онъ слушалъ философію въ бовесской коллегіи, сперва не увлекся имъ. Однако вскорѣ Ксаверій перемѣнилъ мнѣніе, увидѣвъ, что чистосердечное и фанатическое благочестіе его можетъ принести большую пользу папской церкви. Профессоръ Францискъ Ксаверій, родомъ изъ Наварры, и ученый савояръ Пьерръ Фаберъ облекли въ научную форму сумасбродныя и фанатическія мечтанія Лойолы; къ нимъ пристало нѣсколько другихъ ученыхъ, желавшихъ начать проповѣдь противъ ереси, сражаться подобно странствующимъ рыцарямъ, за религію, только не оружіемъ, а языкомъ, и искать миссіонерскихъ приключеній.

Разсчетъ былъ вѣренъ. Вскорѣ они заняли важное положеніе. То были люди сильные и энергическіе, которые дѣйствовали во всѣхъ сферахъ общества, смотря по степени своего ума, познаній и характера. Кромѣ Ксаверія и Фабера къ Лойолѣ пристали Іаковъ Лайнесъ, Альфонсъ Сальмеронъ, Николай Бобадилья и Симонъ Родригесъ; они рѣшились биться на жизнь или смерть за потрясенную со всѣхъ сторонъ папскую церковь. Въ августѣ 1534 Лойола отслужилъ въ присутствіи этихъ лицъ торжественную мессу въ подземной капелѣ монмартрскаго женскаго монастыря и взялъ съ нихъ клятву въ томъ, что они послѣдуютъ за нимъ въ Іерусалимъ или Римъ, падутъ ницъ передъ папой и предложатъ ему свою жизнь и услуги на защиту священнаго престола. Послѣ того онъ отправился на короткое время въ Ис-

панію, гдѣ его самоистязанія, чрезмѣрное смиреніе и фанатическое самоотреченіе, которыя французскіе доктора считали несомнѣнными признаками помѣшательства, были приняты за доказательства святости. При пріѣздѣ его на родину народъ и духовенство торжественно вышли ему на встрѣчу, видя въ немъ новѣйшаго наслѣдника византійскихъ столпниковъ (стр. 248). Онъ поселился не въ замкѣ брата, а въ больницѣ, собиралъ милостыню, проповѣдывалъ покаяніе и творилъ чудеса. Но страсть къ странствованіямъ была въ немъ также сильна, какъ и проповѣдническое рвеніе. Пройдя по Испаніи, онъ отправился на кораблѣ черезъ Геную въ Венецію.

За нимъ послѣдовали фанатики, которыхъ онъ обязалъ въ Парижѣ клятвою; число ихъ увеличилось, потому что къ нимъ присоединилось еще нѣсколько испанцевъ, учившихся въ Парижѣ. Намѣреніе отправиться въ Іерусалимъ было покинуто. Игнатій, Фаберъ и Лайнесъ отправились въ Римъ предлагать папѣ учредить орденъ, который бы служилъ римскому престолу на жизнь и смерть и содѣйствовалъ истребленію еретиковъ. Прочіе члены разошлись по итальянскимъ университетамъ вербовать слугъ для новаго ордена. Въ 1538 и 1539 годахъ былъ составленъ проектъ орденскаго устава на совершенно особенныхъ основаніяхъ; орденъ долженъ былъ служить не церкви или незримому главѣ ея, а папскому престолу; затѣмъ еще до полученія отъ папы отвѣта, въ апрѣлѣ 1539, къ обѣтамъ нищеты и цѣломудрія былъ присоединенъ обѣтъ безусловнаго, слѣпаго повиновенія будущему начальнику ордена. Но всего этого казалось недостаточно, чтобы побудить папу содѣйствовать честолюбивымъ стремленіямъ этихъ пылкихъ и безпокойныхъ людей и согласиться на учрежденіе ордена, предназначеннаго для свѣта, а не для монастырей. Поэтому прибавили четвертое, доселѣ неслыханное постановленіе, которое должно было расположить папу въ пользу новаго ордена; въ то время Павелъ не смотря на общее негодованіе противъ грязи и пошлости нищенствующихъ орденовъ, призналъ орденъ капуциновъ и упорно повторялъ каждый великій четвергъ всѣ анафемы буллы in coena domini. 4 мая 1539 учредители ордена Іисуса постановили четвертое правило: безусловно повиноваться папскому престолу и безвозмездно содѣйствовать папѣ во всѣхъ его предпріятіяхъ.

Съ этихъ поръ богатство и вліяніе людей, присоединившихся къ Лойолѣ, начали быстро усиливаться; вліятельные и способнѣйшіе люди Рима ясно увидѣли, какую пользу можетъ принести имъ проектъ человѣка, тщеславіе и фанатизмъ котораго были безпредѣльны и который пользовался большимъ вліяніемъ въ Испаніи и Португаліи. Они написали очень умно составленную книгу, вполнѣ удовлетворявшую современному состоянію умовъ въ Италіи, и поднесли ее хитрому дипломату папѣ Павлу и его дальновиднымъ кардиналамъ. Самъ Лойола съ своими ограниченными познаніями и умомъ не могъ бы такъ хорошо изложить свой планъ. Однако папа все еще колебался, хотя португальское правительство обратилось къ Лойолѣ съ просьбой ирислать миссіонеровъ въ остъиндскія владѣнія Португаліи. Лойола принялъ предложеніе и такимъ образомъ сдѣлался основателемъ португальскихъ миссій на Востокѣ. Симонъ Родригесъ и Францискъ Ксаверій отправились миссіонерами за океанъ. Ксаверій сдѣлался миссіонеромъ въ Японіи, мученикомъ и святымъ, и этимъ прославилъ свой орденъ, какъ нѣкогда святой Доминикъ и Францискъ Ассисскій прославили собою доминиканскій и францисканскій ордена.

Осенью 1540 Павелъ III утвердилъ орденъ буллой Consueverunt, и Лойола былъ назначенъ первымъ генераломъ ордена. Распространяя и обогащая его, онъ выказалъ такую же энергическую и безпокойную дѣятельность, такой же непомѣрный фанатизмъ и такое же умѣнье пользоваться обстоятельствами, какъ и при учрежденіи его. Немедленно начались всюду жалобы на жестокость, страсть къ преслѣдованіямъ и нетерпимость іезуитовъ. Симонъ Родригесъ остался въ Португаліи, тогда какъ Францискъ Ксаверій уже уѣхалъ, не смотря на просьбы короля Іоанна III, желавшаго удержать его при себѣ. Подъ покровительствомъ короля Родригесъ принялся съ страшной жестокостью свирѣпствовать противъ евреевъ и марранъ; дворянство и народъ тщетно жаловались на кровавое рвеніе папскаго ополченія. Въ Шотландію были посланы папой іезуиты Сальмеронъ и Бруэ, которымъ Лойола внушилъ такую кротость, милосердіе и смиреніе, что

поведеніе ихъ отвратило свободолюбивыхъ шотландцевъ отъ религіи, навязываемой имъ силой. Для Германіи іезуиты, присланные Римомъ, были какъ нельзя болѣе кстати; Фаберъ, Бобадилья и ле Же сдѣлали не мало для уничтоженія результатовъ вормсскаго и регенсбургскаго диспутовъ. Въ Регенсбургѣ народъ хотѣлъ бросить ле Же въ Дунай за брань противъ реформаціи; за то герцогъ Баварскій назначилъ его профессоромъ въ Ингольштадтъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи разсадникомъ іезуитства въ Германіи. Бобадилья поселился въ Вѣнѣ, гдѣ при Фердинандѣ испанскому іезуиту было много дѣла, но при Максимиліанѣ II пришлось сидѣть сложа руки. Фаберъ отправился сначала въ Майнцъ, съ цѣлью препятствовать всѣми средствами устраненію вопіющихъ злоупотребленій, предпринятому архіепископомъ. Изъ Майнца онъ поѣхалъ въ Кёльнъ, гдѣ пріобрѣлъ для своего ордена важнаго дѣятеля въ лицѣ голландца Петра Канизія, человѣка съ огромною памятью и замѣчательною діалектикою.

Въ 1543 папа Павелъ III отмѣнилъ свое первоначальное постановленіе, которымъ число членовъ ордена ограничивалось шестидесятью; вскорѣ всѣ католическія страны, особенно Испанія, Португалія и Нидерланды, наполнились іезуитами. Они умѣли привлекать въ орденъ умнѣйшихъ людей, усвоили себѣ научныя знанія, которыми пренебрегало монастырское духовенство, и съ софистикой, свойственной ихъ ордену, пользовались наукою для ниспроверженія евангельскаго ученія, обратившагося въ то время въ Германіи въ сухую догматику. Университеты, школы и придворныя исповѣдальни быстро очутились во власти іезуитовъ; къ нимъ принадлежали члены знатныхъ фамилій; какъ духовные отцы, они знали всѣ тайны, и ихъ генералъ держалъ въ своихъ рукахъ нити всѣхъ безчисленныхъ интригъ ихъ. Іезуиты умѣли увлекать своихъ учениковъ, подготовляли ихъ къ роли придворныхъ и давали каждому занятіе и должность, соотвѣтствующія его способностямъ.

Съ половины XVI столѣтія іезуиты разсѣялись повсюду, и дѣятельность ихъ клонилась къ тому, чтобы съ одной стороны подавлять въ христіанствѣ всякое прогрессивное движеніе, выходившее за предѣлы среднихъ вѣковъ, а съ другой, напротивъ, къ тому, чтобы развить точныя науки и матеріальныя стороны жизни. Всѣ правила ордена, вся внутренняя администрація его, выборъ членовъ, испытаніе и надзоръ, которому они подвергались — словомъ, все клонилось къ тому, чтобы обратить начальниковъ ордена въ аристократію, подобную древне-римской или венеціанской. Но мы не можемъ входить въ эти подробности изъ опасенія уклониться отъ историческихъ цѣлей этого сочиненія.

Изъ безчисленнаго множества сочиненій о внутренней организаціи ордена мы назовемъ лишь одно, авторъ котораго знакомъ съ этимъ предметомъ ближе другихъ писателей, хотя сочиненіе его проникнуто ироніей. Сочиненіе это принадлежитъ Мельхіору Инхгоферу, который занималъ значительную должность въ орденѣ въ половинѣ XVII столѣтія, жилъ въ Римѣ и былъ удостоенъ дружбы папы Иннокентія X. Іезуиты почти на глазахъ папы увезли Мельхіора Инхгофера изъ Рима, хотя онъ скрылъ въ сочиненіи свое имя, но не могъ сохранить свое авторство въ тайнѣ. Однако папа принудилъ ихъ возвратить его въ Римъ. Тогда іезуиты, чтобы поколебать авторитетъ этого сочиненія, стали утверждать, что оно писано не Инхгоферомъ. Сочиненіе это носитъ заглавіе: «Государство архи-эгоистовъ (Monarchia Solipsorum)». Это ловкая аллегорія, въ которой впрочемъ іезуиты ни разу не названы по имени. Въ двадцати главахъ его описаны организація іезуитскаго ордена и его положеніе въ первомъ вѣкѣ по учрежденіи; описаніе это вовсе не согласуется съ разсказами іезуитовъ (Imago primi seculi societatis Iesu). Сначала говорится объ управленіи орденомъ, далѣе о способахъ, которыми они привлекаютъ къ себѣ нужныхъ и богатыхъ людей; о легендахъ и басняхъ, которыми они прикрываютъ исторію ордена; о школахъ, занятіяхъ, нравахъ и обычаяхъ, законахъ, приговорахъ и собраніяхъ ихъ; объ ихъ иностранныхъ миссіяхъ, доходахъ и многочисленныхъ тяжбахъ. Ясно, что авторъ имѣлъ намѣреніе обратить вниманіе своихъ современниковъ, боготворившихъ іезуитовъ, на слабыя стороны ордена; тѣмъ не менѣе факты, приводимые имъ, вполнѣ заслуживаютъ довѣрія. Іезуитъ Готлибъ Рейно, сочиненія котораго изданы въ двадцати томахъ, опровергалъ книгу Инхгофера по обычаю своего ордена смѣлымъ отрицаніемъ, храброю бранью и софистическими увертками.

2. Гизы, Генрихъ II французскій и его отношенія къ Германіи.

Еще при Францискѣ I, въ особенности по старанію ордена Іисуса, во Франціи начали преслѣдовать протестантовъ; эти преслѣдованія потрясали Францію до конца столѣтія, давая французской знати поводъ пользоваться народомъ для своихъ личныхъ цѣлей. Аристократія привлекала на свою сторону народъ, искавшій религіозной свободы, притворною любовью къ ней, подобно тому, какъ въ наше время она снова склоняла его на свою сторону лицемѣрной любовью къ политической свободѣ. Какъ теперь, такъ и тогда она обманывала его, какъ скоро достигала черезъ него своей цѣли.

При дворѣ шли вѣчные раздоры партій, такъ что исторія послѣднихъ лѣтъ царствованія Франциска I состоитъ почти исключительно въ интригахъ прежней и новой любовницъ короля, герцогини д'Этанпъ и Діаны де Пуатье герцогини де-Валантинуа. При Генрихѣ II, наслѣдовавшемъ своему отцу въ концѣ марта 1547, возвысились Лотарингскіе принцы. Францискъ удалилъ отъ двора престарѣлаго, властолюбиваго коннетабля де-Монморанси (стр. 541) и на смертномъ одрѣ взялъ съ своего наслѣдника обѣщаніе не возвращать его изъ ссылки. Но Генрихъ II, вступивъ на престолъ, немедленно вызвалъ коннетабля, совершенно ввѣрилъ ему правленіе, приказавъ даже выплатить ему сполна жалованье, котораго онъ не получалъ въ ссылкѣ. За этимъ послѣдовала ссылка герцогини д'Этанпъ, которую вдобавокъ вскорѣ ограбили. Дворецъ ея былъ отданъ Діанѣ де-Пуатье, а лучшія имѣнія одному изъ Лотарингскихъ принцевъ, кардиналу Лотарингскому. При дворѣ Генриха II было цѣлыхъ пять партій, вожди которыхъ стремились господствовать безраздѣльно. Партія Діаны де-Пуатье была въ тѣсномъ союзѣ съ партіей коннетабля; приверженцы Гизовъ были равносильны этимъ обѣимъ партіямъ; менѣе значенія имѣли партіи маршала де Сентъ-Андре и королевы Екатерины Медичи.

Фамилія Гизовъ, въ пользу которой интриговали іезуиты и которую фанатическій народъ считалъ главною опорою католицизма, потрясеннаго кальвинистами, происходила отъ младшаго сына герцога Рене II Лотарингскаго, герцога Клода де Гиза, старшій братъ котораго, Антонъ, наслѣдовалъ герцогство Лотарингское (стр. 404). Такимъ образомъ Гизы были Лотарингскими принцами. Но Лотарингія принадлежала къ германской имперіи, и французское правительство всячески притѣсняло потомковъ Антона, потому что германская имперія не могла защитить ихъ; за то потомки его брата, Клода, пріобрѣли во Франціи могущество и богатство. У Клода было пять сыновей, игравшихъ, подобно ему, важную роль въ исторіи Франціи. Старшій сынъ, Францискъ, называвшійся до смерти отца (1550) графомъ д'Омалемъ, а потомъ герцогомъ де-Гизомъ, прославился страшной раной, полученной при нападеніи англичанъ на Булонь; второй сынъ, Карлъ, извѣстенъ подъ именемъ кардинала Лотарингскаго. Третій, Клодъ, былъ герцогомъ д'Омалемъ. Четвертый, Лудовикъ, тоже получилъ кардинальское достоинство. Пятый, Рене, назывался герцогомъ д'Эльбефъ. Основаніе величію дома Гизовъ положилъ герцогъ Клодъ, выдавъ свою дочь, вдовствующую герцогиню де Лонгвиль, за Іакова V короля Шотландскаго. По смерти Іакова и по вступленіи на престолъ его новорожденной дочери, Маріи Стюартъ, Гизы и іезуиты управляли этимъ государствомъ подъ именемъ королевы-матери, обручили свою племянницу съ дофиномъ французскимъ и, къ ея несчастію, воспитали ее при легкомысленномъ французскомъ дворѣ, среди нелѣпыхъ интригъ партій. Кромѣ того они составили планъ женить Клода де Гиза герцога д'Омаля на дочери всемогущей любовницы короля (французы увѣряютъ впрочемъ, что отношенія ихъ были основаны на платонической любви); затѣмъ они доставили кардинальскую шапку четвертому брату, хотя второй уже носилъ ее. Наконецъ старшій братъ, Францискъ де Гизъ, оказалъ важныя услуги Франциску I въ войнѣ съ англичанами за Булонь, а потомъ еще болѣе значительныя Генриху II въ войнѣ съ императоромъ. По заключеніи мира съ Эдуардомъ VI въ мартѣ 1549 (или, собственно говоря, позже, потому

что годъ начинался тогда съ Пасхи), при чемъ Франціи была возвращена Булонь, французы начали непріязненныя дѣйствія въ Италіи, возбудившія въ слѣдующемъ году войну.

Слабымъ Генрихомъ II управляли любимцы, которыхъ онъ легкомысленно и съ безпримѣрною расточительностью осыпалъ имѣніями, почестями, должностями и званіями; они воспользовались раздорами, возникшими въ Италіи и Германіи, чтобы возвратить Франціи, на счетъ Испаніи и германской имперіи, то занченіе въ Европѣ, котораго лишилъ ее Карлъ V. При этомъ болѣе всѣхъ отличился Францискъ де Гизъ, прозванный le balafré (стр. 81). Прежде всего возобновили договоръ съ швейцарскими кантонами, отъ котораго уклонились только бернцы и цюрихцы, такъ такъ, со времени восшествія на престолъ Генриха II, де Монморанси, Гизы и Екатерина Медичи не расходились между собою лишь въ жестокостяхъ и насиліяхъ противъ протестантовъ. Это было средствомъ обогащать на счетъ несчастныхъ жертвъ инквизиціи толпы молодыхъ придворныхъ; такъ напримѣръ, изъ подобнаго источника былъ сдѣланъ подарокъ маршалу де Вьельвилю; но, какъ онъ говоритъ, онъ съ презрѣніемъ отвергъ такую милость, вырѣзавъ кинжаломъ изъ пергамента свое имя и бросивъ дипломъ на полъ. Французскій посланникъ при императорскомъ дворѣ, Марильякъ, возбуждалъ противъ императора протестантовъ и другихъ германскихъ недовольныхъ. Въ 1550 всюду были разосланы французскіе агенты; они поддерживали мужество магдебургцевъ, вели переговоры съ сыновьями ландграфа Филиппа и съ курфирстомъ Морицомъ. Пьемонтъ и Савойя все еще были заняты французами. Въ 1551 въ Италіи началась война; на помощь Оттавіо Фарнезе былъ посланъ де Термъ; онъ вступилъ въ Парму, которую вслѣдъ за тѣмъ осадила миланская армія испанцевъ. Въ это время сыновья ландграфа и Морицъ Саксонскій, готовясь къ войнѣ съ императоромъ, съ цѣлью возстановить политическую и религіозную свободу Германіи, рѣшились купить содѣйствіе Франціи уступкою всей области отъ Меца до Камбрэ. Карлъ намѣревался окончательно истребить ересь. Генрихъ же не признавалъ императорско-папскаго тридентскаго собора и поддерживалъ германскихъ протестантовъ. Но, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ сочувствіи къ еретикамъ, онъ началъ жестоко преслѣдовать протестантизмъ во Франціи. Въ Шатобріанѣ былъ изданъ противъ свободы совѣсти чудовищный эдиктъ, и затѣмъ король назначилъ великаго инквизитора.

Во время заключенія фридевальдскаго трактата Генрихъ II велъ въ Фонтенбло личные переговоры съ нѣмецкимъ посольствомъ, которое было отправлено въ октябрѣ во Францію изъ Страсбурга. При посольствѣ между прочимъ состояли Вильгельмъ Нассау-Оранскій, пфальцграфъ Зиммернскій, два ассессора имперскаго палатнаго суда и бургомистры нюрнбергскій и страсбургскій. Впрочемъ послѣдніе не знали о намѣреніи государей уступить Франціи имперскіе города. Знай они это, замѣчаетъ маршалъ де Вьельвиль, то города эти взялись бы за оружіе. Вьельвиль смѣется въ своихъ мемуарахъ надъ образомъ жизни нѣмцевъ, совершенно отличномъ отъ привычекъ французовъ. Онъ разсказываетъ, будто посланники отправились изъ Страсбурга чрезъ тогдашній пограничный городъ Дизье; но, узнавъ отъ переводчика, гдѣ производится лучшее шампанское вино, они перемѣнили путь и поѣхали на эти мѣста. У нѣмцевъ существовалъ обычай проводить въ пути не болѣе пяти или шести часовъ въ сутки. Поэтому посланники путешествовали только до обѣда; остановившись обѣдать, они до 9 часовъ вечера не трогались съ мѣста. Въ это время они избѣгали говорить о дѣлахъ, опасаясь, что собесѣдники воспользуются ихъ хмѣлемъ *). Маршалъ подробно описываетъ собранія, аудіенціи, рѣчи и роль, которую игралъ Вильгельмъ Нассаускій, который уже въ то время былъ непобѣдимъ въ дипломатіи. Вьельвиль говоритъ, что король немедленно собралъ сильное войско, чтобы занять уступленные ему города, пока Морицъ аттакуетъ императора въ Тиролѣ.

Генрихъ собралъ въ Шампани войско, въ которомъ было семь тысячъ швейцарцевъ, и двинулся на Мецъ, Туль и Верденъ. Онъ вступилъ въ эту область

---

*) Par la crainte qu'on les veuille surprendre parmy leurs buvettes, qu'ils appellent Schlofftrumers (т. е. Schaftrunk—сонный напитокъ).

не врагомъ, потому что ему не было причины воевать съ имперіей, а скорѣе защитникомъ того, что нѣмцы называли свободой. Поэтому онъ издалъ манифестъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ виньеткою, изображавшею фригійскій колпакъ между двумя кинжалами, и съ надписью сверху «свобода», а кругомъ: «Генрихъ, защитникъ Германіи и ея плѣненныхъ государей». Уступленные ему города, Камбрэ, Мецъ, Туль и Верденъ, отворили ему ворота, какъ своему защитнику; но, вступивъ въ нихъ, онъ принудилъ магистраты выслать нѣмецкія войска и принять французскія. Онъ назначилъ всюду комендантами французовъ, смѣнилъ членовъ городскихъ совѣтовъ, уничтожилъ вольности Меца и подчинилъ его епископу. Одинъ современникъ, писавшій по латыни, выразился по этому случаю, что французы заняли города измѣннически и вѣроломно (proditorie et cum omni perfidia); но маршалъ де Вьельвиль основательно опровергъ это *).

Изъ Меца король двинулся въ Лотарингію, гдѣ, за несовершеннолѣтіемъ герцога Карла II, правила мать его, дочь сестры Карла V, бывшей замужемъ за Христіаномъ II датскимъ. Она тщетно старалась задобрить французскаго короля: французы заняли Нанси и увезли девятилѣтняго герцога во Францію, гдѣ впослѣдствіи женили на дочери короля. За то французы пощадили Лотарингію и не подвергли ее опустошеніямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя вслѣдъ за тѣмъ произвели въ Эльзасѣ до Вейсенбурга и Страсбурга. Грубый и надменный коннетабль вообразилъ, что Страсбургъ и другіе рейнскіе города отворятъ королю ворота, подобно Мецу, Тулю и Вердену; но поджоги и разбои, совершенные французами въ Эльзасѣ, внушили рейнскимъ городамъ осторожность тѣмъ болѣе, что король заставилъ занятые имъ города присягнуть ему на подданство. Маршалъ де Вьельвиль предвидѣлъ это и, недовольный коннетаблемъ, отказался отъ должности мецскаго губернатора. Онъ говорилъ королю, что не слѣдуетъ назначать комендантовъ и вводить гарнизоны въ города, черезъ которые армія проходитъ, что должно лишь оставлять въ нихъ агентовъ и интендантовъ, стараться расположить къ себѣ магистраты и важнѣйшихъ гражданъ и поддерживать ихъ въ убѣжденіи, что король предпринялъ походъ лишь для защиты свободы Германіи. «В. В.» прибавилъ маршалъ, «если нѣмцы увидятъ, что вы оставляете въ ихъ городахъ намѣстниковъ и гарнизоны, то поймутъ ваше намѣреніе, и вы лишитесь возможности овладѣть прекрасными городами, Страсбургомъ, Шпейеромъ, Вормсомъ и другими; всѣ они навѣрно вышлютъ сюда агентовъ собирать свѣдѣнія о вашихъ поступкахъ съ здѣшними городами; смотря ио тому, каковы окажутся эти свѣдѣнія, они предадутся вамъ или не пустятъ васъ».

Король готовъ былъ послѣдовать этому совѣту; но коннетабль сказалъ, что рейнскіе нѣмцы также глупы, какъ и мецскіе, и что потому слѣдуетъ забирать всѣ города на пути. Французская армія вступила изъ Лотарингіи въ Эльзасъ, гдѣ свирѣпствовала страшнымъ образомъ. Маршалъ находитъ неудивительнымъ, что при приближеніи французовъ населеніе страны разбѣгалось **). За фуражомъ и продовольствіемъ приходилось посылать за нѣсколько миль и не менѣе десяти человѣкъ вмѣстѣ. Въ Страсбургъ была послана коммиссія за разными покупками; страсбургцы приняли ее весьма гостепріимно; но когда на другой день къ городу подошелъ значительный военный отрядъ и покусился въѣхать въ Страсбургъ, горожане встрѣтили его залпомъ изъ пушекъ и разсѣяли ***). Когда по-

---

*) Mais ce pédant ivrogne estoit ignorant du fond de cette entreprise car toute la perfidie, s'il y en avoit aucune, provenoit des princes allemands, qui poussèrent Sa Majésté à cette investiture. (Но этотъ пьяный педантъ не зналъ сущности дѣла, потому что, если съ чьей-нибудь стороны было коварство, то, конечно, со стороны германскихъ князей, которые побудили Е. В. вмѣшаться въ это дѣло).

**) Le françois monstra bien son insolence au premier logis, qui effraya si bien tout le reste, que nous ne trouvasmes jamais depuis ung seul hommes à qui parler. (На первой же стоянкѣ французы обнаружили всю свою наглость, которая такъ напугала всю страну, что съ этихъ поръ мы нигдѣ не встрѣчали ни одной живой души).

***) Mais incontinent qu'ils furent à la portée du canon, on leur fit une terrible salve; car il en fut tué environ dix ou douze, et s'ils ne se fussent escartez qui ça qui la à toutes brides, il en fust demeuré bien davantage. (Но какъ только они подошли на пушечный выстрѣлъ, въ нихъ грянули страшнымъ залпомъ; 10 или 12 человѣкъ было убито, а прочіе едва спаслись, ускакавъ во весь опоръ, куда глаза гладятъ).

вѣренный коннетабля (Лезиньи) указалъ на Мецъ и напомнилъ обѣщанія, данныя наканунѣ, магистратъ возразилъ: «Мецскіе граждане, хотя знаютъ по французски, но дались въ обманъ; мы же, хотя говоримъ только по нѣмецки, но не допустимъ, чтобы французскіе люди (par des Franchimants) надули насъ. Напрасно коннетабль вообразилъ, что имѣетъ дѣло съ глупцами (qu'il avoit affaire à des bestes), которые согласятся впустить его въ городъ съ шестью полками (avec six campaignies sous ung drapeau). Но если король пожелаетъ войдти въ Страсбургъ со свитою не болѣе тридцати девяти рейтаровъ (gens d'armes), то мы будемъ очень рады.» Маршалъ отговорилъ короля въѣзжать въ городъ съ такою ничтожною свитою. Онъ говорилъ, что нѣмцамъ нельзя довѣрять, потому что имъ стоитъ только показать бутылку съ виномъ, чтобы измѣнить ихъ мнѣніе. Король двинулся къ Гагенау и угрозами принудилъ жителей впустить его; но вскорѣ онъ убѣдился, что Вормсъ и другіе города не примутъ его, и что ему необходимо немедленно вернуться съ Рейна, такъ какъ императорскія войска вступили изъ Нидерландовъ въ предѣлы французскихъ владѣній. Правительница Нидерландовъ Марія, сестра Карла V, собрала нидерландское дворянство, и въ Шампани стояли уже значительныя силы, когда французскіе отряды соединились и вытѣснили императорскія войска изъ этой провинціи.

Во время этихъ военныхъ дѣйствій Морицъ и его союзники заключили съ императоромъ пассаусскій договоръ; между тѣмъ маркграфъ Альбрехтъ Бранденбургъ-Кульмбахскій съ графами и рыцарями, жившими, подобно ему, разбоями, страшно свирѣпствовалъ во Франконіи и на Рейнѣ. По заключеніи пассаускаго перемирія и по примиреніи Морица съ императоромъ, Альбрехтъ не прекращалъ этихъ грабежей подъ предлогомъ союза съ Франціей; Морица же онъ поносилъ самымъ грубымъ образомъ. Ограбивъ франконскихъ епископовъ и вынудивъ у нихъ договоръ, который былъ впослѣдствіи расторгнутъ имперскимъ палатнымъ судомъ, Альбрехтъ жестоко ограбилъ нюрнбергцевъ, сказавъ, что надо вытрясти перечницы; затѣмъ онъ собралъ всюду громадныя контрибуціи, осаждалъ Франкфуртъ и наконецъ двинулся противъ Ульма, гдѣ однако встрѣтилъ такой отпоръ, что поспѣшилъ назадъ, намѣреваясь напасть на курфирста Майнцскаго; но счастливый случай спасъ курфирста. Затѣмъ Альбрехтъ собралъ всѣхъ своихъ грабителей-союзниковъ, безпокоилъ Страсбургъ и Эльзасъ и сосредоточилъ свои разбойничьи шайки на лѣвомъ берегу Рейна.

Согласно своему обѣщанію, Морицъ послалъ своему другу Фердинанду вспомогательныя войска противъ турокъ. Императоръ, досадуя на успѣхи французовъ, началъ готовиться къ походу противъ Меца, въ которомъ король Генрихъ оставилъ цѣлый корпусъ и нѣсколько сотъ піонеровъ, чтобы усилить и увеличить его укрѣпленія. Вскорѣ императоръ собралъ войско подъ предводительствомъ герцога Альбы и маркиза Мариньяно, но, не имѣя ни денегъ, ни кредита, не могъ содержать эту армію и исправно платить ей жалованіе. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Страсбургъ чрезъ Аугсбургъ, гдѣ наконецъ освободилъ Іоанна Фридриха Саксонскаго. Бывшій курфирстъ избралъ своей резиденціей Веймаръ, куда и отправился, заѣхавъ сначала въ Іену, гдѣ по его старанію былъ основанъ въ 1549 университетъ. Въ Бреттенѣ императоръ узналъ, что неистовый маркграфъ Альбрехтъ, переправившись на лѣвый берегъ Рейна, сжегъ всѣ суда на Рейнѣ. Это принудило Карла прожить нѣсколько дней въ этой деревушкѣ близъ Страсбурга, пока войско его переправлялось черезъ Рейнъ. Вступивъ въ Эльзасъ, армія его долго простояла здѣсь безъ нужды, притѣсняя жителей по обычаю всѣхъ тогдашнихъ паемниковъ.

Намѣстникомъ областей, отнятыхъ у имперіи, былъ герцогъ Францискъ де-Гизъ; вдовствующая герцогиня Лотарингская была принуждена отправиться въ Страсбургъ, а оттуда въ Нидерланды. Пока императоръ медлилъ, герцогъ принялъ отличныя мѣры для укрѣпленія и вооруженія Меца, Туля и Вердена, комендантами которыхъ были лучшіе французскіе генералы. Въ Мецѣ было до десяти тысячъ войска, а къ герцогу присоединилось все рыцарское дворянство сосѣднихъ французскихъ провинцій. Императоръ выступилъ изъ Линдау въ концѣ сентября и началъ дѣятельно готовиться къ осадѣ Меца; съ нимъ соединилась нидерланская армія, и онъ старался кромѣ того привлечь къ себѣ маркграфа Альбрехта Кульмбахскаго и его разбойничьи шайки, терзавшія и мучившія гер-

манскую имперію. Послѣ жестокостей и грабежей, совершенныхъ на Майнѣ и на Рейнѣ, послѣ насилій въ Эльзасѣ, нападенія на Майнцъ и контрибуцій, взятыхъ съ курфирста, маркграфъ вступилъ въ Лотарингію. Его грабители носили бѣлыя кокарды въ знакъ службы французскому королю. Альбрехтъ хотѣлъ помогать герцогу де-Гизу при оборонѣ Меца, если ему будутъ отпускать продовольствіе изъ французскихъ магазиновъ. Но герцогъ отклонилъ предложеніе, принявъ его за хитрость. Альбрехтъ, стоявшій у Понтъ-а-Муссона, возбудилъ своими маневрами въ коннетаблѣ подозрѣніе; Монморанси совѣтовалъ королю аттаковать маркграфа, пока императоръ еще не прибылъ. Тогда Альбрехтъ завелъ переговоры съ императоромъ, и 24 октября Карлъ утвердилъ въ лагерѣ подъ Диденгофеномъ договоръ, заключенный съ маркграфомъ канцлеромъ, молодымъ Гранвеллой. Въ силу этого договора маркграфъ долженъ былъ помогать императору своими шайками, за что императоръ обѣщалъ утвердить договоры его съ епископами, вынужденные имъ при помощи самыхъ страшныхъ насилій, но уничтоженные имперскими судами. Такимъ образомъ Карлъ предоставилъ въ жертву ярости разбойника беззащитныхъ людей, которымъ покровительствовали имперскіе суды. Осада Меца началась 22 октября; тѣмъ временемъ Альбрехтъ собиралъ во французскихъ владѣніяхъ контрибуцію съ разрѣшенія императора, который подобнымъ образомъ выплачивалъ ему субсидіи. Онъ говорилъ французамъ, что намѣренъ вскорѣ удалиться въ Германію, а между тѣмъ грабилъ и жегъ направо и налѣво; противъ него выслали брата герцога Франциска де-Гиза, молодаго герцога д'Омаля. Герцогъ отвлекъ отъ шаекъ маркграфа часть его солдатъ, которымъ онъ не платилъ жалованья, но 4 ноября былъ разбитъ при Сенъ-Николя, раненъ и взятъ въ плѣнъ. Альбрехтъ отослалъ его въ Плассенбургъ, близъ Кульмбаха и требовалъ съ него 60,000 дукатовъ за выкупъ.

Осада Меца продолжалась съ 22 октября до конца декабря, слѣдовательно, происходила въ самое суровое и нездоровое время года. Императоръ, страдавшій подагрой, обнаружилъ мужество и неутомимость, хотя недостатокъ въ продовольствіи и болѣзни поглотили болѣе половины его арміи. Но усилія его и арміи остались тщетны, тогда какъ герцогъ де Гизъ прославился защитой Меца тѣмъ болѣе, что съ этихъ поръ города и епископства Мецъ, Туль и Верденъ были навсегда присоединены къ Франціи. Германія не приняла участія въ войнѣ, потому что французы удовольствовались тѣмъ, что было имъ уступлено протестантскими государями въ вознагражденіе за субсидіи. Между тѣмъ маркграфъ Альбрехтъ вовлекъ германскихъ государей въ войну съ рыцарствомъ, которая воспрепятствовала имперіи возвратить Мецъ.

3. Альбрехтъ Бранденбургъ-Кульмбахскій и курфирстъ Морицъ Саксонскій.

Маркграфъ Альбрехтъ помогалъ императору при осадѣ Меца до провоза въ Диденгофенъ тяжелой артиллеріи. Тогда онъ возобновилъ свои разбои. Чтобы не оставить въ покоѣ ни одного германскаго владѣнія, онъ вторгнулся въ архіепископство трирское, гдѣ войска его неистовствовали всю зиму; между тѣмъ совѣтники его, которымъ онъ поручилъ управлять своими собственными владѣніями, вооружили войско, чтобы на основаніи императорскаго утвержденія принудить епископовъ бамбергскаго и вюрцбургскаго выполнить вынужденныя у нихъ условія. Впрочемъ имперскій палатный судъ объявилъ императорское утвержденіе недѣйствительнымъ, снова уничтожилъ насильственные договоры маркграфа съ епископами и призвалъ многихъ нѣмецкихъ государей и города на защиту епископскихъ владѣній. Маркграфъ выступилъ тѣмъ временемъ противъ Гейдельберга и обратился по поводу постановленій суда къ императору. Карлъ въ отвѣтѣ своемъ не отрицалъ утвержденія договоровъ, однако говорилъ, что, хотя ему было бы пріятно, если бы епископы успокоились, но что онъ не можетъ препятствовать имперской юстиціи. Онъ писалъ, что ему невозможно противодѣйствовать ея рѣшеніямъ, такъ какъ и безъ того уже нѣкоторые чины питаютъ къ нему недовѣріе, которое бы усилилось, если бы онъ, по требованію маркграфа, принудилъ епи-

скоповъ выполнить принятыя ими обязательства. Поэтому онъ предлагалъ маркграфу принять посредничество своихъ друзей и родственниковъ, герцоговъ Баварскаго и Виртембергскаго. Кромѣ того курфирстъ Пфальцскій также вызвался быть посредникомъ, а епископы соглашались заплатить деньги вмѣсто того, чтобы отдать двадцать округовъ, уступленныхъ ими маркграфу по договорамъ. Но Альбрехтъ не побоялся оскорбить посредниковъ, отвергнувъ ихъ предложеніе, и снова поднялъ оружіе. Римскій король защитилъ Нюрнбергъ отъ Альбрехта, и даже самъ Карлъ V, еще въ предъидущемъ году уничтожившій насильственный договоръ города съ маркграфомъ, вторично объявилъ его недѣйствительнымъ.

Хищный маркграфъ былъ представителемъ кулачнаго права и главою рыцарей, желавшихъ возврата тѣхъ счастливыхъ временъ, когда можно было грабить по большимъ дорогамъ. Знаменитѣйшимъ изъ нихъ былъ Вильгельмъ фонъ Грумбахъ, впослѣдствіи казненный за разбой и убійства. Государи считали Альбрехта врагомъ своего возраставшаго могущества; чтобы предупредить анархію, грозившую Германіи, они заключили на три года тайный союзъ на защиту своихъ владѣній. Этотъ, такъ называемый Гейдельбергскій союзъ, былъ заключенъ тремя государями, предлагавшими свое посредничество въ спорѣ Альбрехта съ епископами; но вскорѣ къ нему приступили Майнцъ и Триръ; Морицъ Саксонскій, бывшій впослѣдствіи главнымъ лицомъ въ войнѣ противъ Альбрехта и рыцарства, также прибылъ въ Гейдельбергъ и принялъ участіе въ союзѣ государей.

Въ апрѣлѣ 1553 Альбрехтъ съ своими рыцарями и епископы бамбергскій и вюрцбургскій выступили другъ противъ друга. Вся Франконія была страшно опустошена и ограблена, въ особенности нюрнбергскій округъ. Епископъ вюрцбургскій, Мельхіоръ Цобель, предлагалъ рѣшить ссору съ Альбрехтомъ поединкомъ; но маркграфъ отвѣчалъ ему, что «природному государю не приходится драться съ попомъ». Такъ какъ императоръ могъ помогать епископамъ только граматами и декретами, то они обратились къ Морицу Саксонскому и къ герцогу Генриху Младшему Брауншвейскому, который игралъ въ Нижней Саксоніи и въ Вестфаліи почти такую же роль, какъ Альбрехтъ во Франконіи и на Рейнѣ; съ тою лишь разницею, что Альбрехтъ совершалъ свои подвиги во славу рыцарства, а Генрихъ угнеталъ рыцарей въ пользу императорской власти. За насилія противъ Брауншвейга и Гослара, Генрихъ былъ изгнанъ изъ своихъ владѣній вождями шмалькальденскаго союза и содержался въ плѣну; но послѣ побѣды Карла V онъ былъ по его повелѣнію освобожденъ. По возвращеніи въ свое герцогство онъ нашелъ свои имѣнія и наслѣдственныя владѣнія въ залогѣ у рыцарства и, вмѣсто того чтобы выкупить ихъ, предпочелъ возвратить силою.

Мы пользуемся этимъ случаемъ, чтобы наглядно показать, сколько зла приходилось терпѣть горожанамъ и крестьянамъ отъ германскихъ государей и рыцарей. Все дворянство заступилось за рыцарей; товарищъ Альбрехта, графъ Фольратъ Мансфельдъ, обиженный Генрихомъ, предводительствуя рыцарствомъ, совершенно изгналъ герцога изъ его владѣній. Это происходило въ 1552, когда императоръ, осаждая Мецъ, не могъ обойтись безъ друга графа Мансфельда, маркграфа Альбрехта. Въ слѣдующемъ году императоръ не нуждался въ маркграфѣ, вслѣдствіе чего дѣла Генриха пошли лучше. Къ нему перешло много наемниковъ отъ Мансфельда, и онъ снова занялъ свою страну; онъ и его второй сынъ, Филиппъ Магнусъ, добыли деньги на уплату наемникамъ жалованья, ограбивъ Нижнюю Саксонію и Вестфалію. Они взяли контрибуціи съ Оснабрюка, Мюнстера и Миндена; герцогу Эриху Каленбергскому пришлось поплатиться за союзъ съ графомъ Мансфельдомъ; епископъ Францъ мюнстерскій, оснабрюкскій и минденскій былъ даже вынужденъ уступить Минденъ младшему брату Генриха, Юлію; герцогъ заставилъ графовъ Текленбурга, Липпе, Шаумбурга и Гойя заплатить контрибуціи и страшно опустошилъ бременскій округъ. Онъ былъ очень радъ, когда франконскіе епископы призвали его и курфирста Морица противъ Альбрехта и его сподвижниковъ.

Въ апрѣлѣ 1553 въ Эгерѣ въ Богеміи происходилъ съѣздъ, при чемъ епископы бамбергскій и вюрцбургскій, король Фердинандъ, курфирстъ Морицъ и Нюрнбергъ заключили противъ маркграфа Альбрехта союзъ. Вслѣдъ за тѣмъ они выставили войско подъ предводительствомъ Ганса фонъ Гейдека, который по окончаніи послѣдней войны вступилъ въ службу курфирста Морица. Имперскій палатный судъ поручилъ этому войску привести въ исполненіе свои постановленія

противъ Альбрехта. Во Франконіи союзники одержали верхъ надъ Альбрехтомъ; но онъ собралъ тюрингенское рыцарство и бросился въ нижне-саксонскія владѣнія Генриха. Здѣсь къ нему присоединились рыцари, ограбленные герцогомъ, а Брауншвейгъ и Госларъ, оскорбленные Генрихомъ въ 1547, приняли ихъ съ распростертыми объятіями. Въ походѣ Альбрехта приняли участіе многіе важные тюрингенскіе и саксонскіе рыцари, надѣясь, что теперь-то возвратится золотое время кулачнаго права, и дворянство снова получитъ возможность попрежнему угнетать гражданъ и крестьянъ. Альбрехтъ поступалъ очень вѣжливо относительно Морица и несчастнаго Іоанна Фридриха, который проживалъ въ то время въ Арнштатѣ. По просьбѣ Іоанна Фридриха онъ пощадилъ его владѣнія; но мы не вѣримъ, что онъ обѣщалъ возвратить ему и его сыновьямъ утраченныя ими области. Альбрехтъ пощадилъ также и курфиршескія владѣнія, объявивъ саксонскимъ чинамъ, что не хочетъ ссориться съ ихъ государемъ. Но курфирстъ опасался, что Альбрехтъ и его разбойники нападутъ на Лейпцигъ, такъ какъ они уже ограбили Эрфуртъ. Поэтому онъ поспѣшилъ въ Лейпцигъ съ четырьмя сотнями кавалеріи. Однако Альбрехтъ и его дикія шайки отправились чрезъ Нордгаузенъ, Мюльгаузенъ, Эйслебенъ и Гальберштатъ въ герцогство брауншвейгское. Они всюду грабили и брали контрибуціи, особенно во владѣніяхъ Генриха, гдѣ грабежамъ и разбоямъ ихъ помогали герцогъ Эрихъ Каленбергскій и дворянство, озлобленное на герцога. Гильдесгеймское и минденское епископства также были заняты.

Полагая, что Альбрехтъ, усиливъ свое войско, намѣренъ вернуться чрезъ Гессенъ во Франконію, Морицъ собралъ значительныя силы и расположился у Остероде, чтобы преградить хищнымъ рыцарямъ путь въ свои владѣнія. Доселѣ онъ принималъ участіе въ войнѣ лишь въ качествѣ союзника епископовъ; но въ Остероде онъ и Генрихъ Плауенъ объявили маркграфу войну отъ имени римскаго короля и императора. Альбрехтъ получилъ манифестъ курфирста въ присутствіи посланниковъ своего двоюроднаго брата, Іоахима II Бранденбургскаго, которые склоняли его къ миру; онъ поступилъ дерзко и безумно смѣло, какъ настоящій атаманъ разбойниковъ. Призвавъ товарищей своихъ дикихъ оргій, которые называли себя благородными рыцарями, онъ спросилъ ихъ, желаютъ ли они попытать счастія? Получивъ отъ нихъ утвердительный отвѣтъ, онъ отпустилъ герольда съ слѣдующими словами: «Твой государь уже трижды нарушалъ свое слово и позорно обманывалъ меня; теперь это четвертый поступокъ его въ томъ же родѣ. Но пусть приходитъ; я посмотрю, что онъ со мной сдѣлаетъ. Передай ему это отъ меня». Затѣмъ онъ подарилъ герольду нѣсколько червонцевъ. Это происходило 1 іюля 1553 года, а 9 числа того же мѣсяца участь Альбрехта рѣшилась.

Войска сошлись при Зиверсгаузенѣ въ люнебургской области, и здѣсь произошло одно изъ кровопролитнѣйшихъ сраженій XVI столѣтія, потому что государи и рыцари съ ожесточеніемъ дрались за свою честь; бойцы знали другъ друга и сражались лицомъ къ лицу. Герцогъ Генрихъ и старшіе сыновья его Карлъ Викторъ и Филиппъ Магнусъ, принимали личное участіе въ бою, и оба молодые принца пали въ самомъ началѣ сраженія; но отецъ продолжалъ сражаться съ яростью. Вслѣдъ за тѣмъ распространился слухъ, что маркграфъ Альбрехтъ взятъ въ плѣнъ; Генрихъ, стоявшій въ это время подъ ивой, возлѣ раненаго курфирста Морица, приказалъ немедленно повѣсить его на этомъ деревѣ; но солдатъ, взявшій маркграфа, освободилъ его за деньги, вслѣдствіе чего разореніе Германіи отъ Эльбы до Дуная продолжалось еще цѣлый годъ. Государи заплатили дорогой цѣной за побѣду при Зиверсгаузенѣ. Кромѣ сыновей Генриха и втораго сына герцога Цельскаго, пало триста рыцарей и четыре тысячи рядовыхъ. Курфирстъ Морицъ также лишился жизни. Въ плѣнъ было взято семь тысячъ, но ихъ освободили, чтобы не кормить.

Мы не беремся рѣшать, что было причиною смерти Морица, измѣна или неосторожность. Въ концѣ сраженія онъ былъ раненъ сзади ружейною пулею, которая насквозь пробила панцырь. Его положили подъ иву, гдѣ онъ видѣлъ побѣду своихъ войскъ; потомъ его перенесли въ лагерь, и здѣсь онъ умеръ 11 іюля. Такъ какъ онъ не оставилъ сыновей, то братъ его, Августъ, находившійся въ Голштиніи, поспѣшилъ возвратиться и принялъ правленіе. Онъ немедленно отозвалъ войска въ Саксонію, опасаясь, что бывшій курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ и его сыновья попытаются возвратить утраченныя владѣнія и санъ.

4. Окончаніе разбоевъ маркграфа Альбрехта и его сообщниковъ.

По отозваніи саксонскихъ войскъ маркграфъ возобновилъ войну съ герцогомъ Генрихомъ въ Нижней Саксоніи, которую обѣ стороны равно грабили и опустошали. Затѣмъ Альбрехтъ отправился въ Брауншвейгъ, заѣхавъ къ своимъ родственникамъ въ Бранденбургъ, чтобы побудить ихъ предложить посредничество и дать ему денегъ на уплату жалованья войскамъ. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. Курфирстъ Іоахимъ содѣйствовалъ впослѣдствіи заключенію договора съ курфирстомъ Августомъ, а герцогъ Альбрехтъ Прусскій далъ своему племяннику значительную сумму на уплату солдатамъ и на военныя дѣйствія противъ герцога Генриха. Альбрехтъ имѣлъ намѣреніе воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ герцога Генриха, у котораго не было денегъ на содержаніе наемниковъ, чтобы склонить ихъ перейдти къ нему и при помощи ихъ разбить Генриха; но Нюрнбергъ, которому снова грозили шайки Альбрехта, далъ Генриху денегъ, вслѣдствіе чего наемники не покинули его, и Альбрехтъ потерпѣлъ вторичное пораженіе 12 сентября 1553 близъ Брауншвейга. Въ тотъ же день, при посредничествѣ курфирста Іоахима Бранденбургскаго и короля датскаго, былъ заключенъ миръ между нимъ и курфирстомъ Августомъ. Затѣмъ Альбрехтъ поспѣшно двинулся черезъ Тюрингію во Франконію.

Разбойники-рыцари, дворяне и графы свирѣпствовали цѣлый годъ во Франконіи, Тюрингіи и до Аугсбурга. При появленіи Альбрехта даже имперскій палатный судъ, пребывавшій въ Шпейерѣ, струсилъ и сталъ готовиться къ бѣгству. Въ то время какъ императоръ велъ себя относительно Альбрехта весьма двусмысленно, имперскій судъ издавалъ въ защиту епископовъ и городовъ и противъ возобновителя кулачнаго права декретъ за декретомъ, одинъ страшнѣе другаго; но бѣда была въ томъ, что некому было приводить ихъ въ дѣйствіе. Императоръ созвалъ было сеймъ, но онъ не состоялся, потому что никто не пріѣхалъ и даже самъ императоръ жилъ за границей. Гейдельбергскій союзъ и эггерскій договоръ съ римскимъ королемъ были, правда, еще въ силѣ, и даже курфирстъ Августъ, не смотря на перемиріе съ Альбрехтомъ, долженъ былъ обязаться охранять порядокъ и противиться кулачному праву; но германскіе чины по обыкновенію совѣщались, писали, вооружались, колебались и трусили на погибель страны. Города, кромѣ Аугсбурга, какъ торгаши только тогда жертвовали для отечества деньги, когда самимъ приходилось плохо. Курфирстъ Фридрихъ II Пфальцскій, назначенный гейдельбергскимъ союзомъ главнокомандующимъ, не принялъ назначенія, ссылаясь на свою глубокую старость; тогда избрали Христофа Виртембергскаго, но онъ уступилъ свою должность герцогу Альбрехту Баварскому. Въ этихъ переговорахъ прошелъ цѣлый годъ, въ теченіе котораго не было сдѣлано ничего.

Только по возвращеніи Альбрехта во Франконію начали серьезно готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Аугсбургъ далъ денегъ и выставилъ войско; курфирстъ Августъ послалъ Генриха Плауена; Гейдекъ и Шертлинъ командовали отрядами союзнаго войска. Но герцогъ Брауншвейгскій воспользовался войскомъ епископовъ бамбергскаго и вюрцбургскаго и Нюрнберга для осады Брауншвейга вмѣсто того, чтобы послать его во Франконію, хотя Альбрехтъ снова грозилъ этимъ владѣтелямъ. Поступокъ Генриха принудилъ ихъ принять посредничество въ спорѣ его съ городомъ Брауншвейгомъ, и въ концѣ октября они заключили миръ, въ которомъ приняли сверхъ того участіе король Фердинандъ и города Нюрнбергъ, Госларъ, Эймбекъ, Гильдесгеймъ и Геттингенъ.

Въ началѣ ноября герцогъ Генрихъ вступилъ съ войскомъ во Франконію. Здѣсь онъ соединился съ союзною арміею, которая была занята покореніемъ крѣпостей маркграфа. Въ теченіе 1553 года они потерпѣли въ этомъ неудачу; за то процессъ епископовъ и Нюрнберга противъ дикаго маркграфа шелъ успѣшно. 1 декабря маркграфъ былъ подвергнутъ опалѣ, какъ *нарушитель земскаго мира и общественнаго спокойствія имперіи*; опальная грамата содержала въ себѣ очень рѣзкія выраженія и была всюду прочитана съ

большою торжественностью. Она была разослана повсемѣстно и предписывала преслѣдовать опальныхъ; франконскій, баварскій и верхнесаксонскій округи были приглашены привести его въ дѣйствіе. Маркграфъ просилъ императора снять опалу, но Карлъ отвѣчалъ, что не вправѣ сдѣлать это. Впрочемъ Альбрехтъ почти не обращалъ вниманія на имперскій приговоръ. Онъ созвалъ своихъ собутыльниковъ въ Швейнфуртъ и, поднявъ бокалъ, воскликнулъ: «Ну, мои опальные и переопальные друзья, выпьемъ-ка на радостяхъ: чѣмъ больше враговъ, тѣмъ больше счастія!» Маркграфъ и его шайки противились имперіи и гейдельбергскому союзу до мая 1554. Бранденбургцы протестовали противъ приговора имперскаго палатнаго суда, а исполнители его репротестовали, какъ выражаются юристы; императоръ же задобривалъ опальныхъ любезностями до 18 мая, когда наконецъ издалъ въ Брюсселѣ приказаніе привести въ исполненіе опалу противъ Альбрехта.

Между тѣмъ маркграфъ въ февралѣ перешелъ изъ Швейнфурта, гдѣ оставилъ гарнизонъ, на Эльбу. Здѣсь онъ опять досталъ у родственниковъ денегъ, набралъ небольшое войско и внезапно обратился противъ Франконіи. 10 іюня 1554 онъ вступилъ въ Швейнфуртъ, осажденный союзниками, но, убѣдившись въ невозможности удержаться, тайно удалился изъ города. Однако непріятели, узнавъ объ этомъ, послѣдовали за нимъ. Близъ монастыря Шварцаха въ Штейервальде авангардъ ихъ настигъ его и 12 іюня 1554 на голову разбилъ. Главнымъ виновникомъ его пораженія былъ Генрихъ Плауенъ съ вспомогательными саксонскими, нюрнбергскими и брауншвейгскими войсками. Союзники грабили Швейнфуртъ въ теченіе цѣлаго дня, а потомъ сожгли. Пласенбургъ, близъ Кульмбаха, былъ также взятъ врагами Альбрехта; лишившись всѣхъ своихъ владѣній, онъ былъ принужденъ бѣжать во Францію. Его позднѣйшія приключенія находятся въ связи съ ссорой, возгорѣвшейся между епископомъ вюрцбургскимъ, Мельхіоромъ Цобелемъ и другомъ Альбрехта, Вильгельмомъ фонъ-Грумбахомъ, въ судьбу котораго былъ впослѣдствіи замѣшанъ и старшій сынъ несчастнаго Іоанна Фридриха. Но объ этомъ мы скажемъ ниже.

5. Послѣдніе годы царствованія Карла V въ Германіи и въ Нидерландахъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Карлъ V страдалъ подагрою и глубокою меланхоліею, переходившею часто на короткое время въ сумасшествіе и бывшею вѣроятно печальнымъ наслѣдіемъ его несчастной матери. Но онъ удачно велъ войну съ Генрихомъ II, какъ скоро отказался отъ намѣренія возвратить города и области, уступленные Франціи Морицомъ Саксонскимъ и его союзниками. Со времени похода противъ Меца Генрихъ и имперія не тревожили другъ друга; имперія, правда, офиціально не уступала королю занятыхъ имъ владѣній, но онъ и не требовалъ офиціальнаго признанія. Въ Италіи и Нидерландахъ императоръ продолжалъ вести войну съ французами. Какъ главнокомандующій французскихъ войскъ въ Нидерландахъ, Францискъ де-Гизъ пріобрѣлъ такую же славу, какъ и главнокомандующій испанско-нидерландскою арміею, Эммануилъ Филибертъ Савойскій. Въ 1553 Филибертъ взялъ Геденъ и Теруань, и Генрихъ принялъ лично начальство надъ войсками; тогда и Карлъ, не смотря на подагру и меланхолію, прибылъ къ своей арміи. Ожидали, но тщетно, рѣшительнаго сраженія. Война продолжалась, и французы завоевали многіе города. Въ 1554 императоръ былъ занятъ женитьбою сына своего, Филиппа II, который вступалъ въ супружество съ королевою Англіи, Маріею.

Бракъ этотъ, какъ большая часть предпріятій Карла V, не имѣлъ тѣхъ послѣдствій, какихъ императоръ ожидалъ отъ него. Такъ какъ въ исторіи Англіи мы должны будемъ говорить подробно объ этомъ противуестественномъ союзѣ Англіи съ Испаніей, то здѣсь упомянемъ о немъ лишь вскользь. Сынъ Генриха VIII, Эдуардъ VI, слѣдовалъ протестантскому ученію, и въ правленіе его лютеранство пріобрѣло въ Англіи господство; король этотъ умеръ въ іюлѣ 1553. Ему не удалось оставить престолъ ревностной протестанткѣ и ея мужу; народъ призвалъ

на престолъ Марію, дочь Генриха VIII отъ Катарины Арагонской. Принцесса эта, разлученная съ своей несчастной матерью, подобно ей, гонимая и воспитанная въ ненависти къ протестантамъ и ко всякому свободному движенію мысли и духа, наслѣдовала жестокій, тиранический и деспотическій характеръ своего отца. Поэтому Карлъ считалъ выгоднымъ женить на ней своего сына, Филиппа, который въ то время овдовѣлъ. Филиппъ былъ деспотъ и величайшей заслугой правителя считалъ истребленіе еретиковъ; такимъ образомъ, если бы удалось навязать его англичанамъ въ короли, то абсолютизмъ и папизмъ окончательно утвердились бы въ Европѣ. При этомъ, разумѣется, не обращали вниманія на то, что Марія была очень дурна собой и одинадцатью годами старше своего мужа, которому тогда было двадцать семь лѣтъ. Бракъ состоялся. Однако Филиппъ вскорѣ замѣтилъ, что въ Англіи обычаи и права не зависятъ отъ произвола монарха и его креатуръ, и что жена его не въ состояніи доставить ему какое бы то ни было политическое вліяніе. Онъ началъ обходиться съ ней невнимательно и, не смотря на ея просьбы остаться хотя на нѣкоторое время въ Англіи, уѣхалъ въ Испанію, предпочитая оттуда тиранить Италію и Нидерланды. Что касается характера Филиппа, то намъ приходится предоставить описаніе его поэтамъ и риторамъ; впрочемъ мы полагаемъ, что мыслящій читатель будетъ судить о немъ по поступкамъ его. Теперь, Филиппу II приписываются всевозможныя достоинства. Противъ этого мы не будемъ спорить; замѣтимъ только, что не слишкомъ рекомендуетъ Филиппа то, что его не любилъ никто, кромѣ испанцевъ, что онъ не зналъ ни одного языка, кромѣ испанскаго, и даже по французски говорилъ очень плохо, что онъ ненавидѣлъ и до самой смерти преслѣдовалъ своего сына отъ перваго брака (донъ-Карлоса), былъ въ вѣчной ссорѣ съ своимъ отцомъ и обращался съ нимъ, когда онъ жилъ въ монастырѣ, какъ съ еретикомъ; что наконецъ, родной дядя его, Фердинандъ, испыталъ отъ него много огорченій.

Послѣ похода на Мецъ Карлъ V лежалъ больной подагрой въ Брюсселѣ и страдалъ припадками глубокой меланхоліи, доходившей до помѣшательства, впрочемъ лишь временнаго. Между тѣмъ императорскою арміею, которая воевала въ Нидерландахъ, командовалъ Эммануилъ Филибертъ Савойскій; германская имперія была равнодушна къ войнѣ, происходившей въ такъ-называемомъ бургундскомъ округѣ, и къ потерѣ Меца, Туля и Вердена. Король Генрихъ, прибывшій лично къ своей арміи, могъ бы одержать верхъ надъ войсками императора, если бы совѣтники его, маршалъ де Сентъ-Андре, герцогъ Францискъ де-Гизъ и коннетабль де-Монморанси, дѣйствовали единодушнѣе и если бы самъ Генрихъ не слѣдовалъ совѣтамъ коннетабля, который всегда совѣтовалъ выжидать и медлить. Коннетабля поддерживала любовница короля (герцогиня де Валантинуа). Карлъ, выздоровѣлъ, прибылъ на театръ войны и не допустилъ французовъ до рѣшительнаго сраженія. Въ Нидерландахъ также не произошло ничего замѣчательнаго. Только по отъѣздѣ де-Гиза коннетабль и его креатуры увидѣли, что необходимо на что нибудь рѣшиться.

Въ Италіи французамъ удалось возстановить противъ императора сіенскую республику. Послѣ паденія Флоренціи, доставшейся Косьмѣ I Медичи, который безъ помощи Испаніи не могъ держаться и потому совершенно зависѣлъ отъ нея, Сіена и Лукка были единственными республиками въ средней Италіи; но Сіена, волнуемая раздорами партій, должна была обратиться къ посредничеству Испаніи. Въ 1547 сіенцы впустили въ свой городъ около сотни испанскихъ солдатъ, а вскорѣ испанскій посланникъ въ Римѣ, донъ Уртадо де Мендоса, проложилъ путь испанскому владычеству въ городѣ. Весь гарнизонъ Сіены былъ составленъ изъ испанцевъ, и она была принуждена содержать его и платить ему жалованье; вскорѣ испанцы присвоили себѣ право назначать магистратъ. Французы воспользовались многочисленными сіенскими эмигрантами и при помощи ихъ уничтожили испанское господство въ Сіенѣ. Французскій король уполномочилъ своихъ агентовъ въ Италіи переговорить съ недовольными и заключить съ ними договоръ, которымъ обѣщалъ Сіенѣ помощь для возстановленія ея свободы, пока испанцы не успѣли окончить постройку цитадели, предпринятую на счетъ города. Когда испанскій гарнизонъ выступилъ изъ Сіены противъ Орбителло и другихъ приморскихъ городовъ, итальянскіе кондоттіери, состоявшіе во французской службѣ, Николо Орсини графъ Питильяно, Эней Пикколомини и Америго Америги,

внезапно явились передъ городомъ въ іюнѣ 1552. Граждане немедленно взялись за оружіе и провозгласили свободу. Горсть испанцевъ, остававшаяся въ городѣ, не могла потушить возстаніе и даже отступить въ цитадель, такъ какъ она не была еще достроена. Испанцы обратились къ Косьмѣ Медичи, но его ничтожный отрядъ не могъ помочь имъ, потому что французы и особенно изгнанники со всѣхъ сторонъ устремились въ городъ. Сперва сіенцы думали помириться съ испанцами и заключили договоръ, по которому получили нѣкоторыя права; но вскорѣ онъ былъ нарушенъ. Городъ окончательно отпалъ отъ испанцевъ и послалъ къ французскому королю посольство съ просьбой о помощи. Генрихъ отправилъ въ Сіену способнаго генерала де Терма съ пятью тысячами человѣкъ войска; когда же испанцы и Косьма Медичи начали сильно тѣснить городъ, французскій король послалъ въ Италію другое войско подъ начальствомъ двухъ итальянцевъ, приходившихся ему сродни по женѣ (Екатеринѣ Медичи).

То были Леонъ и Петръ Строцци, вожди флорентійской аристократической партіи; по богатству и знатности они были первыми представителями европейскаго дворянства. Отецъ ихъ, Филиппъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые по убіеніи Александра Медичи (стр. 523) вознамѣрились возстановить древнюю аристократическую республику; но онъ и его друзья были побѣждены, и онъ лишилъ себя въ тюрьмѣ жизни. Сыновья его бѣжали и, поселившись во Франціи, получили отъ французскаго короля богатыя имѣнія и владѣнія. Петръ Строцци началъ въ Италіи военныя дѣйствія противъ герцога Флорентійскаго, который съ 1543 былъ государемъ всей Тосканы. Но когда испанцы и итальянскіе союзники герцога вышли въ поле, счастье покинуло Петра Строцци. Онъ былъ произведенъ въ маршалы Франціи, но всѣ справедливо сомнѣвались въ его военныхъ способностяхъ. Онъ былъ разбитъ при Марціано, а братъ его, Леонъ Строцци, застрѣленъ убійцей. Де Термъ удалился изъ Сіены и при помощи турокъ отнялъ у генуэзцевъ большую часть Корсики. Но вся Италія проклинала французовъ, потому что въ этой войнѣ они были въ союзѣ съ турками и морскими разбойниками, которые свирѣпствовали какъ хищные звѣри и увели въ рабство сотни тысячъ людей всякаго возраста и пола.

Пораженіе главы флорентійской аристократіи было особенно выгодно Косьмѣ I. Онъ конфисковалъ имѣнія своихъ противниковъ и во время осады испанцами Сіены окончательно утвердилъ свою власть во Флоренціи. Муратори справедливо замѣчаетъ, что въ это время онъ проложилъ себѣ путь къ достиженію великогерцогскаго титула и къ утвержденію своей власти надъ всею Тосканою, хотя Сіена долго еще противилась ему. Сіену защищалъ гасконецъ Блезъ де Монлюкъ, назначенный королемъ Генрихомъ на мѣсто де Терма. Этотъ генералъ служилъ со славой подъ начальствомъ Бриссака въ Піемонтѣ и оставилъ намъ весьма наивную, хвастливую и очень подробную исторію несогласій совѣтниковъ короля по поводу его назначенія и исторію своихъ собственныхъ военныхъ дѣйствій въ Италіи. Онъ геройски защищалъ Сіену противъ императорскаго генерала маркиза Мариньяно; но маркизъ такъ стѣснилъ несчастный городъ, что уже 22 апрѣля онъ былъ принужденъ сдаться на капитуляцію, заключенную при посредничествѣ папы Марцелла II. Этотъ папа вступилъ на священный престолъ 9 апрѣля 1555, по смерти Юлія III; онъ былъ честный и истинно религіозный человѣкъ, искренно желавшій преобразованія церкви и представлявшій собою совершенную противоположность своему предшественнику. Онъ умеръ черезъ нѣсколько недѣль по избраніи, и 23 мая на его мѣсто былъ выбранъ страстный неаполитанецъ, кардиналъ Караффа. Караффа принялъ имя Павла IV и тотчасъ по вступленіи на престолъ обнаружилъ такую ненависть къ габсбургскому дому, что принудилъ короля Фердинанда и особенно сына его Максиміліана II почти совершенно отдѣлить германскую церковь отъ римской. Условія, на которыхъ французы очистили Сіену, были, въ угоду доброму папѣ, очень снисходительны для нихъ; но испанцы не имѣли намѣренія выполнять ихъ. По условіямъ императоръ долженъ былъ ограничиться титуломъ протектора Сіены, жители которой могли сами избирать свое правительство; но такъ какъ, согласно тѣмъ же условіямъ, городъ былъ обязанъ впустить испанскій гарнизонъ и платить ему жалованье, то остальныя условія не имѣли никакого значенія. Въ Тосканѣ французы сначала удержали Кіети, Гроссето, Порто-Эрколе и Монтальчино, но вскорѣ

потеряли большую часть этихъ городовъ. Петра Строцци обвиняли въ томъ, что экспедиція французовъ въ Тоскану, имѣвшая цѣлью ограничить владѣнія и могущество герцога Косьмы, послужила, наоборотъ, къ увеличенію ихъ.

Мы не будемъ говорить о войнѣ 1554 и 1555 между Испаніей и Франціей въ Нидерландахъ и о покушеніи мецскаго капитула францисканскаго ордена выгнать при помощи тіонвильскаго коменданта французовъ изъ Меца. Но слѣдуетъ сказать подробнѣе о намѣреніи императора отказаться отъ престола и удалиться въ монастырское уединеніе на пятьдесятъ шестомъ году жизни. Въ Испаніи онъ не могъ передать престолъ сыну безъ согласія кортесовъ, потому что они все еще считали королевой Кастиліи мать его, Іоанну. Іоанна умерла въ 1555, и Карлъ могъ распорядиться престоломъ; но въ Германіи въ это дѣло вмѣшался папа.

Императоръ Карлъ уже поручалъ на нѣкоторое время своему сыну управленіе Неаполемъ и Миланомъ. Передъ отъѣздомъ Филиппа въ іюлѣ 1554 въ Англію для вступленія въ бракъ съ королевой Маріей, Карлъ сдѣлалъ его королемъ неаполитанскимъ и герцогомъ Миланскимъ и передалъ ему управленіе этими государствами. Въ слѣдующемъ году онъ рѣшился уступить ему и остальныя владѣнія и отказаться отъ императорскаго достоинства въ пользу своего брата, Фердинанда. Но война съ Франціей воспрепятствовала ему выполнить это намѣреніе.

Король Генрихъ II находился еще въ болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ императоръ. Безпорядки и мотовство при его дворѣ были невообразимы; раздоры вельможъ, попеременно руководившихъ королемъ, герцога де-Гиза, маршала де Сентъ-Андре и коннетабля де-Монморанси, препятствовали извлечь пользу изъ успѣховъ кампаніи 1555 года. Обѣ стороны были готовы заключить хотя перемиріе, но никто не хотѣлъ сдѣлать первый шагъ. Наконецъ королева Марія англійская предложила свое посредничество, и такимъ образомъ бракъ ея съ сыномъ императора принесъ ему пользу, хотя надежды его на помощь отъ Англіи не сбылись. Марія надѣялась склонить короля Генриха къ примиренію тѣмъ болѣе, что, не смотря на всѣ его преслѣдованія, протестантизмъ распространялся такъ быстро, что уже можно было ожидать важныхъ замѣшательствъ; при томъ и папа по той же причинѣ энергически хлопоталъ о мирѣ чрезъ своего легата Реджинальда Поля. Переговоры начались въ 1555 въ ла-Маркѣ между Ардромъ, Гравелиномъ и Кале; но они были неудачны, и война возобновилась. Въ Нидерландахъ и въ Италіи французы дѣйствовали успѣшно. Маршалъ де Бриссакъ пріобрѣлъ блестящую славу, дѣйствуя въ Верхней Италіи противъ герцога Альбы, который считался отличнымъ полководцемъ и имѣлъ тридцать шесть тысячъ войска, но долженъ былъ уступать де-Бриссаку. Король Филиппъ неаполитанскій поручилъ защиту миланскаго герцогства Альбѣ, не желая брать на себя трудъ и отвѣтственность въ этой войнѣ. Павелъ IV, еще кардиналомъ, отъ всей души былъ преданъ истребленію ереси. Поэтому онъ болѣе своего предшественника желалъ возстановить миръ между Франціей и Испаніей, чтобы короли этихъ государствъ могли безпрепятственно посвятить себя преслѣдованію еретиковъ. До вступленія на престолъ Павелъ IV былъ извѣстенъ какъ ученый богословъ и строгій аскетъ. Онъ учредилъ новый монашескій орденъ, члены котораго были не столь грязны, какъ доминиканцы, францисканцы и капуцины, но и не столь преданы мірскимъ заботамъ, какъ іезуиты. Они были названы по имени епископства, которое занималъ Павелъ, будучи кардиналомъ. Во время учрежденія ордена Павелъ былъ епископомъ города Кіети, который въ древности назывался Теате; поэтому монахи новаго ордена приняли имя театинцевъ. Ненависть папы къ австрійскому дому увлекла его на сторону Франціи; вступивъ на престолъ, онъ немедленно заключилъ тайный союзъ съ Генрихомъ и желалъ вовлечь въ него герцога Феррарскаго.

Во время переговоровъ между Испаніей и Франціей, Карлъ тщетно старался побудить своего сына прибыть въ Нидерланды. Филиппъ не хотѣлъ пріѣзжать въ это государство иначе, какъ въ качествѣ правителя, и пріѣхалъ только тогда, когда Карлъ принялъ твердое намѣреніе передать ему всѣ свои владѣнія, въ томъ числѣ и Нидерланды. Въ октябрѣ 1555 Карлъ торжественно уступилъ Нидерланды своему сыну. Въ рѣчи своей къ штатамъ, онъ блестящимъ образомъ

выказалъ свои умственныя способности и великія правительственныя дарованія, хотя былъ такъ слабъ физически, что долженъ былъ опереться на плечо принца Оранскаго. Сестра его, Марія, вдовствующая королева венгерская, также сложила званіе правительницы, которымъ Филиппъ облекъ герцога Эммануила Филиберта Савойскаго. Марія сопровождала своего брата въ Испанію. Другая сестра его, Элеонора, вдовствующая королева французская, также прибыла къ брату въ Испанію.

Въ это время раздоръ Гизовъ съ коннетаблемъ доставилъ императору желанное перемиріе съ Франціей. Коннетабль былъ очень недоволенъ, что кардиналъ де Гизъ заключилъ союзъ между папой и королемъ французскимъ и что братъ его, герцогъ де Гизъ, назначенъ главнокомандующимъ въ Италіи. Онъ употребилъ все свое вліяніе при дворѣ, чтобы доставить успѣхъ стараніямъ французскаго посланника въ Лондонѣ, де Ноайля, кардинала Реджинальда Поля и англійской королевы, которые хлопотали о мирѣ. Со времени ла-маркскихъ конференцій они продолжали вести переговоры и при помощи коннетабля воспользовались съѣздомъ императорскихъ и французскихъ уполномоченныхъ, собравшихся для размѣна плѣнныхъ, чтобы возобновить мирные переговоры. Императорскіе коммиссары, Лаленъ и Симонъ Ренаръ, и французскіе послы, адмиралъ де Колиньи и Себастіанъ де л'Обспинъ, неожиданно получили полномочіе заключить перемиріе; поэтому въ ноябрѣ они снова собрались въ аббатствѣ Восель въ камбрейскомъ округѣ. Сначала завели переговоры о мирѣ и даже составили проектъ условій, но, убѣдившись въ невозможности полнаго примиренія, заключили перемиріе съ тѣмъ, чтобы обѣ стороны остались при своемъ. 15 декабря 1555 начались переговоры, а 5 февраля 1556 было заключено въ Воселѣ пятилѣтнее перемиріе. Затѣмъ Лаленъ поѣхалъ къ французскому королю, чтобы присутствовать при ратификаціи договора, а Колиньи—въ Брюссель, чтобы находиться при утвержденіи его императоромъ и королемъ Филиппомъ.

Между тѣмъ 16 января 1556 Карлъ уступилъ своему сыну Испанію и всѣ испанскія владѣнія. Актъ отреченія, составленный имъ и обнародованный кортесами, заключалъ въ себѣ исчисленіе всѣхъ уступленныхъ Филиппу испанскихъ владѣній, которое доказываетъ, какъ могущественна была въ то время Испанія. Кромѣ владѣній въ Европѣ, Испаніи принадлежали: въ Африкѣ—Зеленый мысъ, Канарскіе острова, Оранъ и Тунисъ; въ Азіи—Филиппинскіе и Сандвичевы острова и часть Молуккскихъ; въ Америкѣ—острова Испаньола (Санъ-Доминго) и Куба, Мексика, Новая Испанія, Перу и Чили.

Карлъ хотѣлъ передъ отъѣздомъ въ испанскій монастырь передать императорское достоинство своему брату. Но онъ встрѣтилъ при этомъ препятствія со стороны нѣмецкихъ чиновъ; кромѣ того папа Павелъ также протестовалъ противъ этого. Германскіе чины оскорбились тѣмъ, что Карлъ въ концѣ августа представилъ имъ актъ отреченія черезъ вице-канцлера Зельда, принца Вильгельма Нассау-Оранскаго и секретаря Галлера; чины находили, что императоръ выказалъ имъ оскорбительное пренебреженіе, отказываясь отъ престола, какъ отъ какой-нибудь должности. Поэтому они не обратили на него вниманія. Императоръ уже выѣхалъ 7 сентября въ Зеландію, откуда намѣревался отправиться въ Испанію; видя, что чины оскорбились, онъ постарался загладить свою неловкость. Изъ Раммекенса или Цуббурга въ Зеландіи онъ разослалъ всѣмъ германскимъ государямъ и чинамъ циркуляры, въ которыхъ, увѣдомляя ихъ о передачѣ управленія Германіей своему брату, Фердинанду, просилъ ихъ быть ему вѣрными и покорными, сообразно съ своею обязанностью. Король Фердинандъ былъ впрочемъ крайне недоволенъ поступкомъ своего брата, хотя посѣтилъ его въ Брюсселѣ. Но Максимиліанъ, король богемскій, пріѣхалъ къ Карлу позднѣе, въ Зеландію. Императорское достоинство было офиціально передано Фердинанду только въ 1558. Объ этомъ намъ пріидется упомянуть ниже, потому что неудовольствія, возникшія по этому поводу съ папой, составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ царствованій Фердинанда I и его сына, Максимиліана II.

6. Исторія Франціи и Испаніи до смерти короля Франциска.

До мира въ Шато-Канбрези.

По заключеніи восельскаго перемирія король Филиппъ II нашелъ всѣ свои владѣнія въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Богатые, разрабатываемые тогда еще безъ большихъ издержекъ рудники испанской Америки доставляли коронѣ ежегодно двадцать пять милліоновъ дукатовъ, что для того времени было вдесятеро больше нынѣшняго. Такимъ образомъ Филиппъ могъ бы легко поправить экономіей финансы Испаніи, истощенные Карломъ V. Но онъ задалъ себѣ задачу, на рѣшеніе которой не могло хватить никакихъ богатствъ и никакого военнаго могущества. По восельскому договору, онъ и Генрихъ II обязались дѣйствовать общими силами для подавленія современнаго имъ стремленія къ гражданской и умственной свободѣ. Но такая дѣятельность ведетъ къ совершенному уничтоженію всѣхъ основъ нравственности; безнаказанно подавлять такое стремленіе нельзя; можно только овладѣть имъ и, ставъ во главѣ движенія, руководить имъ. Въ то время это стремленіе выражалось въ проповѣдяхъ Лютера, Цвингли и Кальвина. Филиппъ не могъ уничтожить въ Испаніи ихъ ученіе, не разрушивъ въ тоже время ея благосостоянія. Подобная же дѣятельность его въ Нидерландахъ повела лишь къ тому, что страна эта наслѣдовала багатства обѣднѣвшей Испаніи. Во Франціи примѣру Филиппа испанскаго слѣдовали король Генрихъ II, его жена, Екатерина Медичи, Гизы, коннетабль, всѣ совѣтники и ближайшіе преемники короля; подобно Филиппу, они разстроили этимъ свою страну, которую въ концѣ столѣтія съ трудомъ спасъ отъ погибели король Генрихъ IV, слѣдовавшій иной политикѣ.

Замѣчательно, что самымъ лютымъ врагомъ ревностнѣйшаго защитника папизма, Филиппа, былъ никто иной, какъ самъ папа. Папа Павелъ IV и Филиппъ II равно усердно и жестоко преслѣдовали еретиковъ; папа далъ римскому инквизиціонному судилищу неслыханную власть, дотого всѣхъ возмущавшую, что по смерти его римляне разрушили зданія и перебили чиновниковъ этого суда; орденъ театинцевъ, сформированный Павломъ, шпіонилъ за еретиками и предавалъ ихъ суду. Всѣ эти обстоятельства давали поводъ думать, что папа и король будутъ дѣйствовать вполнѣ единодушно. Но папа ненавидѣлъ испанцевъ и Габсбургскій домъ и всѣми силами старался лишить ихъ преобладанія въ Италіи, доставивъ его королю французскому. Онъ затѣялъ споръ съ Фердинандомъ за императорскій престолъ, уступленный римскому королю Карломъ V, и хотѣлъ отнять у Филиппа Неаполь въ пользу Генриха II.

Въ договорѣ, заключенномъ съ папою кардиналами Лотарингскимъ и де Турнономъ 15 декабря 1555, нападеніе на Неаполь было вполнѣ рѣшено; восельское перемиріе только отсрочило исполненіе этого намѣренія. Папа искалъ предлога къ ссорѣ съ Филиппомъ и съ этою цѣлью воспользовался притязаніями церкви на Парму и споромъ о правахъ сициліанской монархіи, т. е. о правѣ неаполитанскихъ королей на раздачу духовныхъ должностей. Павелъ возобновилъ также притязанія папъ на верховную власть надъ Неаполемъ, требовалъ отъ короля бѣлаго иноходца (стр. 246) и суммъ, выплачиваемыхъ подъ именемъ ценза въ знакъ вассальной зависимости королей отъ римскаго престола. Восельское перемиріе заставило папу успокоиться; но онъ продолжалъ враждовать съ испанцами и ихъ партіей въ духовенствѣ и Церковной Области. Онъ укрывалъ въ Римѣ многочисленныхъ противниковъ Филиппа, изгнанныхъ имъ или бѣжавшихъ отъ него, и оскорблялъ королевскихъ сановниковъ. Императорскій директоръ почтъ, Іоаннъ Антонъ де Таксисъ, былъ заключенъ въ тюрьму и подвергнутъ пыткѣ за перехваченное письмо. Испанецъ Гарсильясо де ла Вега, назначенный представителемъ въ Римѣ Филиппа, какъ короля Англіи, былъ также арестованъ. Всѣ испанцы и ихъ приверженцы были взяты подъ полицейскій надзоръ и окружены соглядатаями и шпіонами. Папа запальчиво бранилъ Карла V и Филиппа въ многочисленныхъ собраніяхъ и въ присутствіи испанцевъ. Нако-

нецъ духовный судъ по предложенію папы объявилъ Филиппа лишеннымъ неаполитанскаго лена; впрочемъ приговоръ этотъ не былъ обнародованъ.

Еще Карлъ V зналъ о тайномъ договорѣ между папой и Франціей и о намѣреніи ихъ овладѣть его итальянскими владѣніями. Это заставило его примириться съ мужемъ своей побочной дочери, Оттавіо Фарнезе, и его семействомъ и сблизиться съ новымъ великимъ герцогомъ Флорентинскимъ. Павелъ III, какъ извѣстно, отдалъ Парму Оттавіо Фарнезе, который заключилъ союзъ съ французами; французы помогли ему утвердиться въ Пармѣ, тогда какъ императоръ отнялъ у него Піаченцу (стр. 247). Карлъ V и Филиппъ II, которому отецъ уже давно передалъ итальянскія владѣнія, узнавъ о враждебныхъ замыслахъ папы, начали стараться отвлечь Фарнезе отъ папско-французскаго союза. Фарнезе были нерасположены къ Караффа; поэтому Карлъ V вскорѣ помирился съ зятемъ, а Филиппъ отдалъ Оттавіо Піаченцу, удержавъ только цитадель; кардиналъ Фарнезе получилъ обратно архіепископство Монреале въ Сициліи; наконецъ Филиппъ передалъ Оттавіо городъ и крѣпость Новару. Французы возопили по этому случаю о неблагодарности Фарнезе.

Косьма I Медичи былъ избранъ по умерщвленіи герцога Александра въ 1537 главою (Capo) флорентинской республики, и въ 1538 императоръ призналъ его герцогомъ и правителемъ Флоренціи. Въ 1539 онъ женился на дочери герцога Альбы, былъ объявленъ герцогомъ Флорентинскимъ, а въ 1543 купилъ у Карла за двѣсти тысячъ дукатовъ цитадели Флоренціи и Ливорно. Съ этихъ поръ онъ сталъ главной опорой испанскаго владычества въ Италіи. Какъ мы знаемъ, онъ доставилъ испанцамъ Сіену, но во время войны Филиппа II съ папой сталъ грозить королю союзомъ съ Франціей и этимъ принудилъ Филиппа передать ему Сіену; такимъ образомъ онъ сдѣлался государемъ всей Тосканы. Въ 1569 папа Пій V, безъ согласія кардинальской коллегіи и не смотря на сопротивленіе всѣхъ католическихъ государей, объявилъ его независимымъ великимъ герцогомъ тосканскимъ и въ слѣдующемъ году торжественно возложилъ на него въ Римѣ королевскій вѣнецъ.

Ученые канонисты дали Филиппу разрѣшеніе на употребленіе противъ папы насильственныхъ мѣръ; получивъ это разрѣшеніе и опираясь на Фарнезе и Медичи, король рѣшился принять энергическія мѣры, чтобы смирить гордость и воинственность папы. Герцогъ Альба былъ болѣе всѣхъ способенъ выполнить это; поэтому Филиппъ назначилъ его намѣстникомъ Милана, быть можетъ, по внушенію своего фаворита, донъ Рюи Гомеса де Сильва, которому было непріятно вліяніе герцога на короля. Чтобы удалить его отъ двора, его назначили главнокомандующимъ итальянской арміею; онъ прибылъ въ Миланъ въ тотъ самый день, когда кардиналы де Турнонъ и Лотарингскій заключили съ папой упомянутый миръ (стр. 586). Въ слѣдующемъ году Альба началъ противъ папы враждебныя дѣйствія, отплачивалъ за зло зломъ и наконецъ въ сентябрѣ двинулся противъ папскихъ владѣній. Вступивъ въ Санъ-Джермано и занявъ Понтекорво, онъ попытался обуздать папу черезъ кардинальскую коллегію, но по заключеніи договора съ Франціей папа сталъ такъ высокомѣренъ и упрямъ, что не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній. Тогда Альба двинулся дальше и занялъ Фрозолоне, Ферули, Банко и сосѣдніе города. Это такъ взбѣсило папу, что онъ приказалъ арестовать посла Альбы и хотѣлъ казнить его; но кардиналы не допустили этого. Затѣмъ герцогъ двинулся дальше и овладѣлъ бомбардированіемъ Ананьи, Тиволи, Виковато, Понте Лукано и Веллетри; легкая кавалерія его доходила до воротъ Рима. При вступленіи въ папскую область Альба объявилъ, что не имѣетъ намѣренія отнимать у церкви ея достояніе; онъ всюду выставлялъ гербы кардинальской коллегіи и при занятіи городовъ, какъ напр. Террачины, Понтекорво и Пиперно, возвѣщалъ, что занимаетъ ихъ въ пользу священной коллегіи и будущаго папы.

Французскій король послалъ на помощь папѣ герцога де Гиза съ двадцатью тысячнымъ войскомъ; герцогъ отмстилъ бы испанцамъ за оскорбленіе папы, но въ это время неосторожность адмирала де Колиньи нарушила перемиріе въ Нидерландахъ, а коннетабль, посланный туда, дѣйствовалъ неудачно. Французы въ рѣшительномъ сраженіи были разбиты. Для спасенія отечества король былъ принужденъ вызвать герцога Франциска де Гиза. Восельское перемиріе было нару-

шено тѣми самыми людьми, которые прежде настаивали на его заключеніи, именно адмираломъ де Колиньи и коннетаблемъ де Монморанси. Имъ было очень пріятно, что соперникъ ихъ, Францискъ де Гизъ, отправился на помощь папѣ и такимъ образомъ удалился отъ двора. Но вскорѣ они стали опасаться, чтобы Францискъ своими дѣйствіями въ Италіи не затмилъ ихъ; поэтому они искали случая нарушить перемиріе, чтобы имѣть возможность также пріобрѣсти славу. Случай этотъ представился, когда одинъ отшельникъ указалъ Колиньи, бывшему тогда намѣстникомъ Пикардіи, на возможность овладѣть крѣпостью Дуэ, считавшейся въ то время ключемъ всей Фландріи. Колиньи и коннетабль одобрили планъ нападенія; братъ перваго, д'Андло, былъ сынъ сестры коннетабля, и они были между собою также дружны, какъ братья де Гизы. Отшельникъ, жившій близъ Дуэ, тайно провелъ адмирала къ стѣнамъ города въ ночь богоявленія 1557, когда граждане и солдаты спали и пировали. Адмиралъ велѣлъ немедленно приставить къ стѣнамъ лѣстницы, и французы уже взобрались на стѣны, какъ вдругъ планъ отшельника разрушился еще болѣе постыднымъ образомъ, чѣмъ планъ мецскихъ францисканцевъ, намѣревавшихся передать этотъ городъ императору (стр. 584). Одна старуха, случайно находившаяся по близости, подняла крикъ и разбудила караулъ; въ тоже время въ сосѣднемъ монастырѣ зазвонили къ ранней обѣднѣ, и французы, принявъ этотъ звонъ за набатъ, поспѣшно сошли со стѣны и отступили.

Это вѣроломное нападеніе нарушило перемиріе, и враждебныя дѣйствія возобновились. Однако Филиппъ II не могъ собрать войска ранѣе трехъ мѣсяцевъ. Поэтому адмиралъ де Колиньи овладѣлъ Лансомъ. Главнокомандующимъ испанско-нидерландскою арміею былъ герцогъ Эммануилъ Филибертъ Савойскій, которому возобновленіе войны было очень пріятно, такъ какъ французы все еще занимали его владѣнія подъ предводительствомъ де Бриссака; съ возобновленіемъ же военныхъ дѣйствій онъ могъ надѣяться возвратить свою страну. Графъ Эгмонтъ, павшій впослѣдствіи первой жертвой жестокости и нетерпимости Филиппа II, и графъ Эрнстъ Мансфельдъ командовали отдѣльными корпусами. Эти три арміи вступили въ іюнѣ во Францію и двинулись на Сенъ-Кантенъ, гдѣ 25 іюля расположились противъ французовъ, предводимыхъ коннетаблемъ, адмираломъ и д'Андло. Французскіе генералы рѣшили, что адмиралъ приметъ на себя защиту города, а д'Андло приведетъ ему подкрѣпленіе. Испанцы не воспрепятствовали адмиралу вступить съ небольшими силами въ слабо укрѣпленный городъ и затѣмъ осадили его. Д'Андло привелъ 8-тысячное подкрѣпленіе, но былъ аттакованъ и разбитъ. Чтобы спасти себя, коннетабль былъ принужденъ начать сраженіе. Сраженіе при Сенъ-Кантенѣ произошло 8 августа 1557. Испанцы и нидерландцы значительно превосходили французовъ въ числѣ, и кромѣ того въ арміи ихъ находился сильный корпусъ англичанъ, посланный королевой Маріей на помощь своему мужу. Сраженіе продолжалось только четыре часа; французы потерпѣли совершенное пораженіе; часть ихъ войска была истреблена, другая взята въ плѣнъ; весь обозъ и артиллерія достались побѣдителямъ. Коннетабль и маршалъ Сенъ-Андре со многими другими генералами были взяты въ плѣнъ. Филиппъ находился во время битвы въ Канбрэ и прибылъ въ лагерь уже по окончаніи ея; эта побѣда озарила блескомъ начало его правленія. Послѣ сраженія генералы смѣло совѣтовали ему идти прямо на Парижъ; но по своей робкой осторожности онъ отвергъ этотъ совѣтъ и приказалъ взять сначала Сенъ-Кантенъ. Тогда адмиралъ де Колиньи упорной защитой этого города, считавшагося весьма слабымъ, далъ Генриху II возможность прикрыть столицу. Колиньи защищалъ Сенъ-Кантенъ до 27 августа; наконецъ послѣ трехъ брешей городъ былъ взятъ приступомъ. Сенъ-Кантенъ раздѣлилъ участь всѣхъ городовъ, взятыхъ приступомъ. Самъ адмиралъ попался въ руки непріятеля. Такимъ образомъ всѣ хорошіе генералы, кромѣ служившихъ въ Италіи (Гизъ, Бриссакъ, Монлюкъ и др.), находились въ плѣну; поэтому Генрихъ II долженъ былъ вызвать изъ Италіи героя Франціи, Франциска де Гиза.

Еще до начала войны въ Нидерландахъ Римъ былъ осажденъ герцогомъ Альбой, и Генрихъ II, какъ мы знаемъ, послалъ на помощь папѣ герцога Франциска де Гиза съ значительнымъ войскомъ. Племянникъ папы, кардиналъ Караффа, возвратился изъ Франціи въ Италію и, чтобы задержать герцога Альбу

до прибытія Франциска де Гиза, заключилъ съ испанцами перемиріе на сорокъ дней. Альба воспользовался этимъ, чтобы приготовиться къ защитѣ. Онъ собралъ народъ и неаполитанское рыцарство, принудилъ чины дать ему значительныя суммы для найма солдатъ, запретилъ духовенству платить папѣ десятины, наложилъ запрещеніе на доходы всѣхъ высшихъ духовныхъ лицъ, велѣлъ переписать деньги и драгоцѣнности всѣхъ церквей и монастырей и потребовалъ отчета въ нихъ. Именемъ короля онъ даже наложилъ секвестръ на архіепископство неаполитанское, которое, сдѣлавшись вакантнымъ, было удержано папой за собой и управлялось его намѣстникомъ. Въ февралѣ французы явились въ Верхней Италіи, гдѣ герцогъ Феррарскій, тесть де Гиза, долженъ былъ соединить съ его арміей свои войска и принять главное начальство надъ соединенными силами. Но кардиналъ Караффа все испортилъ, желая взять съ герцога Косьмы Медичи полмилліона дукатовъ. Онъ убѣдилъ Генриха приказать де Гизу слѣдовать совѣтамъ Караффы и затѣмъ предложилъ герцогу не останавливаться въ Миланѣ и не идти черезъ Тоскану, а направиться черезъ Мархію въ Абруццы. Герцогъ Феррарскій чрезвычайно разсердился на это, потому что его земли были отданы такимъ образомъ на жертву испанцамъ и герцогу Косьмѣ Флорентинскому. Онъ покинулъ французовъ, которымъ слѣдовало торопиться походомъ; но кардиналъ задержалъ сластолюбиваго герцога въ здоровое время года въ Римѣ; когда же де Гизъ наконецъ собрался въ походъ, то кардиналъ убѣдилъ его осадить Чивителлу, вмѣсто того, чтобы идти прямо на Неаполь.

Мы приводимъ въ выноскѣ слова маршала де Віельвиля, который въ то время находился въ Римѣ; ему было достовѣрно извѣстно, чѣмъ кардиналъ удерживалъ французовъ въ Римѣ *). Когда французы вступили въ неаполитанскія владѣнія, король Генрихъ уже объявилъ испанцамъ войну (въ концѣ февраля 1557); а папа началъ войну духовную. Онъ исключилъ римскаго императора изъ эктеньи и въ великій четвергъ, при возглашеніи буллы in coena domini, предалъ проклятію весь домъ Карла V, упоминая о немъ не прямо, а въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «да будутъ прокляты всѣ, кто занялъ хотя часть церковныхъ владѣній, кто бы то ни былъ, хотя бы самъ Римскій императоръ; да будутъ прокляты также всѣ совѣтники ихъ». Пока герцогъ де Гизъ и его генералы кутили въ Римѣ и наживали болѣзни, которыя тогда можно было пріобрѣсти только въ Римѣ и въ Неаполѣ, а солдаты ихъ стояли праздно въ римской Кампаніи, герцогъ Альба укрѣпилъ всѣ города въ Абруццахъ. Въ апрѣлѣ Гизъ повелъ наконецъ свои войска въ Абруццы, но встрѣтилъ въ походѣ большія препятствія. Онъ предпринялъ осаду Чивителлы, которая храбро защищалась; тогда французскія войска стали громко роптать противъ похода въ Неаполь и на союзъ съ попами. По совѣту Петра Строцци, который соединился съ арміею въ половинѣ мая, осада Чивителлы была снята послѣ четырехнедѣльной стоянки передъ этимъ городомъ; Альба расположился съ значительными силами близъ французовъ. Въ тоже время Антонію Орсини съ нѣмецкими и швейцарскими войсками одержалъ значительные успѣхи надъ папскими наемниками въ Церковной Области и снова занялъ города, завоеванные ими. Это такъ испугало папу и его племянниковъ, что они просили герцога де Гиза поспѣшить на защиту Рима. Между тѣмъ Альба, оставивъ часть войскъ въ неаполитанскихъ владѣніяхъ, вступилъ въ римскую Кампанію и дошелъ почти до воротъ города.

Въ это время (августъ 1557) король Генрихъ II былъ поставленъ вслѣд-

---

*) Онъ говоритъ (liv. VII, ch. 1): Le cardinal de Caraffe, scélérat s'il en fût oncques, donna au duc de Guise de terribles traverses desquelles la première fût, qu'il le tint tout le mois de Mars (1557), qui est le plus propre pour faire la guerre et camper à cause de sa temperature en tout climat, dedans la ville de Rome; l'entretenant de toutes delices, festin, courtisannes, vierges et femmes mariées, dont ce gouffre d'abominations a accoustumé de fournir, pour par ce temporisement attraper du duc de Florence quatre cent mille écus. (Если ужъ кто былъ мошенникъ, такъ это кардиналъ Караффа; онъ дѣлалъ герцогу де Гизу *всевозможныя препятствія*, задерживалъ его въ Римѣ весь мартъ (1557), мѣсяцъ, наиболѣе благопріятный по погодѣ для военныхъ дѣйствій; доставлялъ ему всяческія удовольствія, пиры, любовницъ, дѣвушекъ и замужнихъ, которыхъ этотъ подлецъ привыкъ сводничать; все это дѣлалось съ цѣлью слупить съ герцога Флорентійскаго 400,000 экю).

ствіе пораженія при Сенъ-Кантенѣ въ такое затруднительное положеніе, что долженъ былъ отозвать лучшія войска изъ арміи герцога де Бриссака, командовавшаго въ Савойѣ и Піэмонтѣ; черезъ нѣсколько дней послѣ пораженія онъ послалъ съ курьеромъ повелѣніе герцогу де Гизу вести, какъ можно скорѣе, свои войска во Францію, оставивъ лишь отрядъ, необходимый для защиты герцога Феррарскаго. Въ письмѣ къ Франциску де Гизу король поручилъ ему объяснить папѣ, что Франція не можетъ болѣе помогать ему и потому совѣтуетъ поскорѣе примириться съ своими врагами, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Извѣстіе это склонило наконецъ папу послѣдовать представленіямъ римскихъ бароновъ и кардиналовъ, венеціанцевъ и герцога Косьмы Флорентинскаго и примириться съ королемъ испанскимъ. Но онъ слишкомъ хорошо зналъ ханжество Филиппа II и Альбы, чтобы сдѣлать имъ хотя бы малѣйшую уступку. Герцогъ Альба долженъ былъ явиться въ Римъ, извиниться передъ папой и подвергнуться церковному покаянію. Другія условія, выговоренныя посредниками въ пользу папы, были такого рода, какъ будто не онъ, а богомольный король Испаніи принужденъ просить мира. Договоръ, заключенный 14 ноября 1557 кардиналами Сантафіоре и Вителли со стороны папы и герцогомъ Альбой со стороны короля въ Кави (между Палестриной и Дженацаро), обязывалъ папу отказаться отъ союза противъ испанскаго короля и простить всѣхъ, обнажавшихъ мечъ противъ церкви. Палліано былъ предоставленъ въ залогъ одному изъ родственниковъ папы до тѣхъ поръ, пока Филиппъ не вознаградитъ графа Монторіо Караффа. Немедленно по заключеніи этого договора герцогъ де Гизъ отплылъ съ своими войсками къ берегамъ Прованса.

Когда герцогъ де Гизъ возвратился во Францію, король Генрихъ II былъ въ столь затруднительномъ положеніи и до того не видѣлъ возможности противиться внѣшнимъ врагамъ и внутреннимъ партіямъ, а особенно остановить протестантизмъ, дѣлавшій большіе успѣхи въ восточныхъ провинціяхъ и въ Беарнэ, что почти призналъ самъ себя неспособнымъ къ управленію государствомъ. Онъ назначилъ герцога Франциска де Гиза намѣстникомъ государства (Lieutenant général du royaume), т. е. передалъ ему безусловно всю свою власть на неопредѣленный срокъ. Это назначеніе послѣдовало въ сентябрѣ 1557, и въ концѣ того же года счастье доставило новому правителю случай выполнить предпріятіе, которое не удавалось никому изъ прежнихъ королей. Онъ отнялъ у англичанъ единственный городъ, остававшійся еще у нихъ отъ всѣхъ ихъ прежнихъ владѣній на континентѣ; вслѣдствіе этого онъ лишилъ ихъ возможности нападать на Францію, не подвергая себя крайней опасности. Городъ и крѣпость Кале находились во власти англичанъ съ 1347 (т. III, стр. 333). Отнять его у англичанъ считали невозможнымъ; но французскій комендантъ Булони, Сенарпонъ, узналъ, что королева Марія изъ экономіи весьма ослабила гарнизонъ, не заготовила продовольствія и не позаботилась достаточно укрѣпить городъ со стороны моря. Сенарпонъ часто бывалъ въ Кале; кромѣ того онъ послалъ военнаго инженера снять планъ города и развѣдалъ, что можно пройти по приморскому болоту, считавшемуся глубокимъ, и что форты, которые обстрѣливали эту мѣстность, очень плохи (creux); наконецъ ему было также извѣстно, что англичане для сбереженія жалованья распустили на зиму большую часть гарнизона, а свѣжія войска прибудутъ не раньше весны. Гизъ послалъ Строцци, чтобы изслѣдовать это подробнѣе, и Строцци подтвердилъ донесенія Сенарпона. Тогда было рѣшено аттаковать Кале въ началѣ 1558 всею арміею, усиленною послѣ сраженія при Сенъ-Кантенѣ нѣмецкими, швейцарскими и итальянскими войсками. Небольшой отрядъ произвелъ ложную аттаку на Люксембургъ и затѣмъ отошелъ къ Кале. Въ то же время Таваннъ и герцогъ д'Омаль должны были аттаковать городъ съ суши, а рѣшительный приступъ предполагали направить на неукрѣпленное приморское предмѣстье. Англійскій комендантъ Кале, лордъ Уэнсвортъ, не обращалъ вниманія на предостереженія, а англійское министерство, не довѣряя королю Филиппу, отвергло въ самую рѣшительную минуту его помощь. За то когда французы въ семь дней (8 января 1558) овладѣли Кале, негодованіе англійскаго народа было безгранично. Восемь дней спустя французы взяли Гинь и Гамъ.

Слава завоеванія Кале, принадлежащая собственно Сенарпону, доставила

герцогу Франциску де Гизу больше значенія, чѣмъ имѣлъ самъ король. Герцогъ сталъ, повидимому, полнымъ господиномъ Франціи. Народъ и король, фанатически озлобленный противъ протестантовъ, считали герцога, кардинала Лотарингскаго и кардинала де Турнона единственными людьми, способными защитить истинную вѣру отъ еретиковъ, къ которымъ пристали даже король Антонъ наваррскій, братья Шатильоны и принцъ де Конде. Чрезвычайная щедрость герцога Франциска привязала къ нему дворянство; по завоеваніи Кале, напримѣръ, онъ не взялъ себѣ ничего изъ добычи, но за то подарилъ генераламъ, кому двѣ, кому шесть, кому даже двадцать и тридцать тысячъ ливровъ. Остальное было роздано войску *). Преслѣдованію протестантовъ герцогъ предался лишь впослѣдствіи; пока же братъ его, кардиналъ, въ союзѣ съ другими кардиналами и съ парламентомъ, одинъ совершалъ кровавую расправу съ тѣми, кто предпочиталъ слушать пѣніе псалмовъ и библейскую проповѣдь по французски, чѣмъ присутствовать при латинской мессѣ. Протестанты смертельно возненавидѣли короля, когда въ концѣ 1557 онъ принялся свирѣпствовать противъ нихъ и предалъ своей безчеловѣчной юстиціи четыреста человѣкъ разнаго званія и возраста, слушавшихъ по ночамъ проповѣди въ улицѣ Сенъ-Жакъ.

Гизы и ихъ фанатическая партія нашли себѣ новую поддержку, когда въ апрѣлѣ 1558 дофинъ былъ помолвленъ на племянницѣ ихъ, шотландской принцессѣ Маріи Стюартъ, которая на свою бѣду была привезена ребенкомъ во Францію, гдѣ познакомилась съ образомъ жизни любовницъ Генриха II и съ интригами и кознями итальянцевъ двора Екатерины Медичи. До сихъ поръ братья Шатильоны (адмиралъ де Колиньи и д'Андло) и коннетабль, дѣйствуя въ этомъ случаѣ заодно съ Екатериною, препятствовали заключенію брака. Но наконецъ онъ состоялся, такъ какъ въ то время адмиралъ и коннетабль находились въ плѣну, а д'Андло былъ арестованъ за склонность къ протестантамъ. Коннетабль, не смотря на свое отсутствіе, сохранилъ свое вліяніе на короля и велъ съ нимъ постоянную переписку. Когда и Гизы соединились съ королевою, герцогиня де Валантинуа (Діана де Пуатье) вступилась за коннетабля и стала хлопотать о его выкупѣ, какой бы то ни было цѣной. Впрочемъ испанцы сами содѣйствовали его освобожденію, потому что хотѣли склонить черезъ него французскаго короля къ миру.

Наконецъ тайныя сношенія короля съ коннетаблемъ возбудили въ Гизахъ такое подозрѣніе, что они стали опасаться заключенія мира помимо ихъ; поэтому они съ своей стороны завели переговоры. Вдовствующая герцогиня Лотарингская желала повидаться съ своимъ сыномъ, котораго увезли во Францію; Гизы обѣщали привезти его въ пограничный городъ, если герцогиня согласна привезти съ собой испанскихъ министровъ, чтобы завязать мирные переговоры. Герцогиня пріѣхала въ Канбрэ съ графомъ Эгмонтомъ, кардиналомъ Гранвеллой и президентомъ Виліусомъ. Но свиданіе это было безплодно, потому что испанскіе уполномоченные поняли, что кардиналъ Лотарингскій и его братья готовы скорѣе препятствовать, чѣмъ способствовать заключенію мира. Между тѣмъ французы вытѣснили испанскія войска изъ многихъ городовъ, въ томъ числѣ изъ Диденгофена и Дюнкирхена; Филиппъ II былъ также не въ состояніи платить войскамъ, какъ и Генрихъ II; герцогъ Эммануилъ Филибертъ Савойскій страстно желалъ возвратиться въ свои владѣнія. Поэтому испанцы хотѣли возобновить переговоры съ тѣмъ, чтобы кардиналъ Лотарингскій не присутствовалъ при нихъ. Но условіе это было невыполнимо, потому что даже коннетабль ясно видѣлъ невозможность устранить Гизовъ, не навлекая на себя большой отвѣтственности. Тогда придумали другое средство. Маршалъ де Сентъ-Андре, все еще находившійся въ плѣну въ Нидерландахъ и пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Генриха II и партіи коннетабля, былъ освобожденъ изъ плѣна и назначенъ вмѣстѣ съ

---

*) Замѣтимъ при этомъ, что Таваннъ взялъ себѣ изъ добычи сочиненія классиковъ, которыя потомъ подарилъ брату. Son butin, говоритъ онъ о себѣ, fut en livres Grecs, Latins et Hébreux, qu'il donna à son frère de Villefrancon, amateur des lettres. (Его добыча состояла въ греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ книгахъ, которыя онъ подарилъ своему брату, Вильфранкону, любителю просвѣщенія.)

кардиналомъ Лотарингскимъ членомъ коммиссіи, имѣвшей цѣлью заключить миръ. Герцогиня Лотарингская, еще не уѣзжавшая изъ Брюсселя, предложила себя въ посредницы при переговорахъ; они должны были происходить въ монастырѣ Серканѣ. Король назначилъ съ своей стороны коммиссарами кардинала Лотарингского, маршала де Сентъ-Андре, коннетабля де Монморанси, епископа орлеанскаго Жана де Морвилье и государственнаго секретаря л'Обспиня. Со стороны Филиппа II были герцогъ Альба, Вильгельмъ Нассау-Оранскій, Гранвелла, Рюй Гомесъ де Сильва и президентъ Виліусъ. Коннетабль, выкупъ котораго былъ уже рѣшенъ, получилъ пока свободу на честное слово. Онъ прибылъ въ Аміенъ и былъ такъ дружески принятъ королемъ, что ясно было, какое вліяніе получитъ онъ на конгрессѣ. Гизы приписывали уступчивость французскихъ коммиссаровъ на конференціи въ Серканѣ тому обстоятельству, что двое изъ нихъ были еще военноплѣнными и освобожденіе ихъ зависѣло отъ исхода переговоровъ. Смерть жены Филиппа II, Маріи, 17 ноября 1558, способствовала успѣху переговоровъ, освободивъ испанскаго короля отъ обязанности выхлопотать возвращеніе англичанамъ отнятыхъ у нихъ владѣній; въ тоже время это обстоятельство поселило непримиримую вражду между Филиппомъ II и его сыномъ отъ перваго брака, Карломъ, потому что король женился на французской принцессѣ Елисаветѣ, помолвленной за Карла.

Интриги при дворѣ слабаго короля французскаго препятствовали заключенію мира, пока коннетабль не получилъ свободу за половину требуемой съ него выкупной суммы. Освободившись, онъ снова началъ безусловно управлять королемъ. Вліяніе это усилилось, когда д'Андло былъ освобожденъ изъ-подъ ареста, а второй сынъ коннетабля, Данвиль, женился на внучкѣ королевской любовницы (герцогини де Валантинуа), Антуанеттѣ де ля Маркъ. Въ тоже время Гизамъ удалось еще на одинъ шагъ приблизить свой домъ къ престолу и явиться въ глазахъ народа и парламента защитниками древней религіи отъ протестантизма, къ которому склонялись принцъ де Конде, король и королева наваррскіе и Шатильоны; глава Лотарингскаго дома, молодой герцогъ Карлъ II Лотарингскій, женился на второй дочери короля Генриха, Клавдіи.

Серканскій конгресъ шелъ медленно, хотя король Филиппъ горѣлъ нетерпѣніемъ отправиться въ Испанію, гдѣ реформація грозила распространиться. Смерть королевы Маріи даже совершенно прервала переговоры. Но преемница ея Елисавета назначила въ началѣ 1559 новыхъ коммиссаровъ, и конгресъ открылся вновь въ Шато-Канбрези. Министры новой королевы, которая была протестантка, знали заранѣе, что король Филиппъ будетъ самымъ непримиримымъ врагомъ ихъ; поэтому они не очень настаивали на возвращеніи городовъ, отнятыхъ у Англіи, что весьма ускорило заключеніе мира. 3 апрѣля 1559 онъ былъ уже заключенъ въ Ш а т о-К а н б р е з и. Первымъ условіемъ его было, что короли будутъ энергически искоренять общими силами новое евангелическое ученіе. Филиппъ II уступилъ Франціи Сенъ-Кантенъ, ле Катле, Гамъ и теруаньскую область; а такъ какъ въ разрушенномъ Теруанѣ не предполагалось возстановлять епископство, то на имущество его было рѣшено учредить двѣ новыя епархіи: одну французскую—въ Булони, другую нидерландскую—въ Сентъ-Омерѣ. Французскій король возвратилъ королю испанскому графство Шароле, города Маріенбургъ, Дидентофенъ, Данвилье, Монмеди, Иври и всѣ еще занятыя мѣста въ миланской области. Герцогъ Эммануилъ Филибертъ Савойскій женился наконецъ на сестрѣ короля Генриха, Маргаритѣ, и былъ офиціально возстановленъ во владѣніи своимъ герцогствомъ; но въ дѣйствительности французы утвердились въ Савойѣ, потому что, хотя бракъ герцога съ французской принцессой возвратилъ ему Брессъ, Бюжи, Савойю и княжество Піэмонтское, но французы удержали Туринъ, Кіери, Пиньероль и нѣкоторыя другія крѣпости.

2. Франція до смерти короля Генриха II.

Генрихъ II и Филиппъ II прежде всего всѣми силами принялись исполнять свое взаимное обѣщаніе преслѣдовать огнемъ и мечомъ проповѣдь евангелія, какъ источникъ демократическихъ и революціонныхъ идей, и отстаивать ученіе соборовъ и папъ. Но попытка плыть противъ потока времени не удалась. Результатомъ ея была только междоусобная война, которая въ Нидерландахъ погубила могущество Испаніи, а во Франціи доставила побѣду новому ученію.

Не нуждаясь болѣе въ намѣстникѣ, Генрихъ II началъ постепенно удалять Гизовъ отъ должностей и хотѣлъ назначить коннетабля главнокомающимъ на мѣсто герцога Франциска, но не успѣлъ, потому что вскорѣ умеръ. Коннетабль былъ также вооруженъ противъ протестантовъ, какъ король и Гизы, что и доказалъ тотчасъ по заключеніи мира. Еще во время войны во многихъ мѣстахъ королевства и въ столицѣ между католиками и протестантами начались кровавыя несогласія. Такъ, въ 1557 на протестантовъ обрушилась страшная расправа за то, что они хотѣли отпраздновать въ Парижѣ тайную вечерю. Другое побоище, происходившее между католиками и гугенотами во время празднованія свадьбы дофина съ Маріею Стюартъ, доказало, что ученики Кальвина, который въ то время игралъ въ Женевѣ роль патріарха или папы, сдѣлались подъ вліяніемъ преслѣдованій смѣлѣе прежняго. На свадьбу пріѣхали Жанна д'Альбре съ мужемъ, слабымъ Антономъ де Бурбономъ, который, женившись на ней, пріобрѣлъ королевство наваррское. Они были въ восторгѣ отъ проповѣдей Кальвина и Теодора де Беза. Принцъ и принцесса де Конде также сочувствовали реформаціи и были оскорблены тѣмъ, что, не смотря на свое родство съ королевской фамиліей, не имѣли при дворѣ никакого значенія. Когда король уѣхалъ изъ Парижа въ Шампань, королева наваррская, принцъ де Конде и ихъ родственники побуждали парижскихъ протестантскихъ проповѣдниковъ дѣйствовать смѣлѣе. Кромѣ того Кальвинъ, какъ видно изъ его писемъ, давно укорялъ своихъ послѣдователей въ равнодушіи, вслѣдствіе чего французскіе гугеноты собрали нѣсколько сходокъ на духовномъ лугу (pré aux clercs) и проповѣдовали подъ открытымъ небомъ. Здѣсь собралось однажды до тысячи человѣкъ, которые пѣли псалмы, положенные на музыку Маро, и потомъ двинулись процессіей черезъ Сенъ-Жерменское предмѣстье. Впереди и позади процессіи шли вооруженные дворяне, угрожая оружіемъ народной толпѣ, которая, казалось, хотѣла преградить процессіи путь, но, быть можетъ, собралась просто изъ любопытства. Полиція не осмѣлилась вмѣшаться въ это дѣло; она заперла городскія ворота, ведущія въ университетскій кварталъ и въ Сенъ-Жерменское предмѣстье.

Епископъ парижскій подробно донесъ королю объ этой процессіи, и Генрихъ увидѣлъ въ ней связь съ баснями, придуманными кардиналами Лотарингскимъ и Гранвеллою о заговорѣ гугенотовъ. Король приказалъ парламенту пригласить уголовный судъ (le Châtelet) принять мѣры противъ протестантовъ. Между тѣмъ члены парламента разошлись во мнѣніяхъ; самъ хранитель печати, прискакавшій по этому дѣлу въ Парижъ, узнавъ, кто были главные виновники смятенія, нашелъ необходимымъ замять дѣло; онъ ограничился тѣмъ, что пригрозилъ магистрамъ и студентамъ, если они не будутъ посѣщать церквей и ходить къ причастію. Палаты парламента относились къ протестантамъ различно. Большая палата (grand chambre), гдѣ предсѣдателями были ле Метръ, Сентъ-Андре и Минаръ, приговаривала обыкновенно осужденныхъ къ сожженію; но палата la Tourelle, гдѣ предсѣдательствовали де Ту, д'Арлэ и Сегіэ, большею частью освобождала обвиняемыхъ или приговаривала ихъ къ легкимъ денежнымъ пенямъ. Четверо студентовъ прямо объявили себя послѣдователями Кальвина и противниками церкви. Турель осудила ихъ лишь на изгнаніе изъ страны; но тогда при дворѣ, въ городѣ и въ государствѣ поднялся страшный шумъ противъ этого рѣшенія. Королевскіе прокуроры перенесли процессъ въ общее присутствіе парламента, которое происходило по три или четыре раза ежегодно и собиралось для изслѣдованія образа жизни и поведенія парламентскихъ совѣтниковъ.

Собранія эти бывали всегда по средамъ, вслѣдствіе чего назывались меркуріалами. Когда процессъ представили общему собранію (10 іюня 1559), въ засѣданіи поднялся страшный споръ и шумъ между совѣтниками гугенотами и католиками. Въ засѣданіи присутствовалъ самъ король, въ высшей степени недовольный снисхожденіемъ Турели къ еретикамъ. Въ свитѣ его находились главные фанатики, кардиналъ Лотарингскій, хранитель печати, кардиналъ Бертранъ, герцогъ де Гизъ, коннетабль и князья де Монпансье и де Ла Рошъ-сюръ-Іонъ. Король потребовалъ, чтобы совѣтники свободно и прямо выразили свое мнѣніе о мѣрахъ противъ реформаціи. Довѣрившись словамъ короля, который сказалъ, что желаетъ выслушать мнѣнія за и противъ гугенотовъ, чтобы составить на основаніи ихъ свое рѣшеніе, совѣтники и президенты высказались вполнѣ откровенно. Но заключительная рѣчь перваго президента ле Метра показала къ чему все это клонится. Разобравъ мнѣнія за и противъ насильственныхъ мѣръ, онъ сказалъ: «поведеніе короля Филиппа Августа, который велѣлъ сжечь въ одинъ день шесть сотъ еретиковъ, заслуживаетъ величайшей похвалы». Затѣмъ онъ съ любовью исчислилъ всѣ варварскія наказанія, которымъ парламентъ предавалъ несчастныхъ вальденцевъ. По окончаніи преній король всталъ съ своего мѣста и въ сопровожденіи принцевъ и дворянъ перешелъ въ другую комнату. Затѣмъ онъ приказалъ подать себѣ протоколъ, гдѣ были записаны всѣ произнесенныя рѣчи, прочелъ ихъ и сказалъ: «Теперь я вижу то, чему прежде не хотѣлъ вѣрить, что даже въ моемъ парламентѣ множество еретиковъ. Слѣдовало бы наказать весь парламентъ; но я поступлю съ разборомъ и не буду осуждать невинныхъ за виновныхъ». Послѣ того коннетабль, получивъ отъ короля приказанія, вошелъ въ залу засѣданія. Онъ арестовалъ совѣтниковъ Дюфора и Дюбура и поручилъ капитану тѣлохранителей, Монгомери, отправить ихъ немедленно въ Бастилію. Вслѣдъ затѣмъ второй капитанъ гвардіи, Шавиньи, получилъ приказаніе арестовать еще шестерыхъ совѣтниковъ. Изъ нихъ трое были арестованы, а остальные бѣжали.

Эта недостойная сцена возбудила въ Европѣ большое вниманіе и раздѣлила Францію на два враждебныхъ лагеря. Жестокій папа Павелъ IV прославлялъ короля за его ненависть къ еретикамъ, а фанатическій народъ, ненавидѣвшій протестантовъ, былъ съ одной стороны возбуждаемъ кардиналомъ, Гизами и коннетаблемъ, а съ другой—іезуитами, театинцами и парламентскими канонистами. Это принудило протестантовъ также прибѣгнуть къ силѣ; они образовали политическую партію и организовали въ государствѣ родъ религіозной республики. Во всѣхъ провинціяхъ Франціи, куда проникли изъ Италіи возрожденныя науки и искусства грековъ и римлянъ, издавна существовало духовное законодательство, составленное собраніями провинціальнаго духовенства. Эти провинціальныя собранія или синоды соединились въ послѣднее время въ общій союзъ; реформатскіе проповѣдники и депутаты провинцій Иль-де-Франса, Нормандіи, Орлеанэ, Они и Пуату держали въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ свой первый національный синодъ въ то самое время, когда король началъ преслѣдовать гугенотовъ. Они были въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Женевой, гдѣ Кальвинъ и Беза завели школу, въ которой ученики всѣхъ европейскихъ націй получали гуманное и религіозное образованіе. Кальвинъ разсылалъ свои совѣты, уважаемые не менѣе папскихъ буллъ, во всѣ германскія и славянскія страны и къ мадьярамъ.

Генеральный синодъ 1559 года издалъ новый церковный уставъ въ сорокъ параграфовъ, чтобы поддержать между общинами связь и единодушіе. Затѣмъ собраніе вознамѣрилось помочь своимъ единовѣрцамъ, содержавшимся въ тюрьмахъ. Съ этой цѣлью оно обратилось къ герцогу Виртембергскому и курфирсту Пфальцскому, прося ихъ заступничества. Но Генрихъ уже не нуждался въ нѣмецкихъ протестантахъ. Онъ велѣлъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій предать арестованныхъ суду; судьями были назначены люди, на которыхъ можно было вполнѣ положиться, какъ напримѣръ епископъ парижскій и инквизиторъ Демошаръ. Въ своемъ фанатическомъ увлеченіи король говорилъ гласно, что желаетъ видѣть собственными глазами казнь арестованныхъ. Но 29 іюня 1559 онъ лишился жизни на турнирѣ, данномъ въ Парижѣ, въ улицѣ Антуанъ, по случаю бракосочетанія сестры Генриха съ герцогомъ Савойскимъ. Переломивъ копье съ герцогомъ Савойскимъ, король съѣхался съ графомъ де Лоржемъ, сыномъ капитана гвар-

діи, Монгомери. Герцогъ де Гизъ, князь Феррарскій и герцогъ де Немуръ были при королѣ секундантами (les tenans). Всѣ они уже доказали свою ловкость и уговаривали короля прекратить состязаніе. Но онъ настоялъ на своемъ, и графъ де Лоржъ былъ принужденъ принять королевскій вызовъ. Подскакавъ во весь опоръ другъ къ другу, они сломили копья, но графъ по разсѣянности забылъ бросить обломокъ, который, попавъ въ забрало короля, поднялъ его и такъ сильно ударился ему въ глазъ, что едва съ короля сняли шлемъ, какъ онъ самъ сказалъ, что раненъ смертельно *). Онъ прожилъ до 10 іюля. Мы полагаемъ, что его можно бы было спасти, если бы королевскіе хирурги не потеряли время въ весьма странныхъ опытахъ. Чтобы найти осколки и изслѣдовать поврежденіе мозга, они вскрыли головы четыремъ преступникамъ, приговореннымъ къ смерти, которые предварительно были подвергнуты такой же ранѣ, какъ и король, а силу удара изучали на пятомъ.

Смерть Генриха II замѣчательна не только потому, что съ этого времени прекратились большіе и серьезные турниры, но и потому, что за нею послѣдовала междоусобная война, окончившаяся лишь по вступленіи на престолъ короля Генриха IV. Смерть Генриха II предала Францію во власть Гизамъ и папистамъ. Такъ какъ король Францискъ II, наслѣдовавшій своему отцу, Генриху II, былъ женатъ на племянницѣ Лотарингскихъ принцевъ, Маріи Стюартъ Шотландской, то даже королева-мать, Екатерина Медичи, коннетабль и принцы крови имѣли при немъ менѣе значенія, чѣмъ Гизы.

3. Франція при Францискѣ II.

Едва скончался Генрихъ II, какъ кардиналъ Лотарингскій и герцогъ де Гизъ овладѣли королемъ Францискомъ II, которому было только шестнадцать лѣтъ. Они уволили коннетабля отъ званія великаго гофмейстера (grand maitre de la maison du roi) подъ предлогомъ, что двѣ великія коронныя должности не могутъ быть соединены въ одномъ лицѣ, и удалили его отъ двора. Объявивъ короля совершеннолѣтнимъ, они не допустили до регентства ни королеву-мать, Екатерину Медичи, ни перваго принца крови, слабаго короля Антона наваррскаго. Они говорили, что Екатерину, какъ иностранку, слѣдовало бы по настоящему отослать назадъ во Флоренцію. Коннетабль поспѣшилъ вызвать короля наваррскаго въ Парижъ, но Антонъ опоздалъ, потому что король уже поручилъ завѣдываніе финансами кардиналу Лотарингскому, а брату его, герцогу Франциску де Гизу—военное вѣдомство. Тесть короля Антона, Генрихъ д'Альбре, наслѣдникъ Наварры и Беарна, былъ долго лишенъ своихъ владѣній во Франціи по проискамъ интригантовъ двора Генриха II. По прибытіи ко двору Антонъ возбудилъ къ себѣ презрѣніе всѣхъ партій. Поэтому опаснѣйшими врагами Гизовъ былъ не онъ, а его жена Жанна, братъ, принцъ де Конде и братья Шатильоны, т. е. адмиралъ де Колиньи и д'Андло. Жанна была пріятельницей и покровительницей Кальвина и гугенотовъ, и Беза часто проповѣдывалъ при ней. Во владѣніяхъ своего отца она пользовалась гораздо больше уваженіемъ, чѣмъ ея безхарактерный мужъ. Поэтому папистскіе фанатики также ненавидѣли ее, какъ Конде, Шатильоновъ и другихъ покровителей протестантовъ. Гизы и ихъ партія воспользовались этимъ. Принцъ де Конде принялъ открыто сторону протестантовъ, объявилъ себя главою многочисленныхъ реформатскихъ общинъ, бывшихъ въ тѣсномъ союзѣ другъ съ другомъ, и созвалъ протестантскихъ проповѣдниковъ и дворянъ, принявшихъ кальвинизмъ, на совѣщаніе въ свою резиденцію ла-Ферте въ Шампани.

---

*) Лучшій и самый краткій разсказъ объ этомъ принадлежитъ маршалу де Віельвилю (Mem liv. VII, ch, XXVIII), который всячески отговаривалъ короля продолжать состязаніе, говоря, что ему снилось, будто турниръ этотъ погубитъ его. Віельвиль говоритъ: Le malhabile Lorges ne jecta pas, selon l'ordinaire coustume, le tronsson, qui demeura en la main, la lance rompue, mais le porta toujours baissé et en courant rencontra la teste du roi, duquele il donna droict dans la visière, que le coup haussa et lui crèva un oeil.

Съ этихъ поръ партіи враждовали не столько изъ-за религіозныхъ, сколько изъ-заполитическихъ цѣлей. Вельможи и рыцарство протестантской партіи начали вооружаться, не смотря на то, что Кальвинъ внушалъ имъ смиреніе и послушаніе по примѣру первыхъ христіанъ въ отношеніи къ языческимъ императорамъ. За то самъ онъ распоряжался въ Женевѣ самымъ деспотическимъ образомъ, которому подражалъ и генеральный синодъ. Политическія цѣли партій видны изъ того, что Екатерина Медичи, весьма, конечно, не благоволившая къ протестантамъ, должно быть, знала о замыслѣ, извѣстномъ подъ именемъ анбуазскаго заговора.

Гордость Гизовъ, жестокое преслѣдованіе протестантовъ, многочисленныя казни, начавшіяся съ тѣхъ поръ, какъ парламентскіе юристы-богословы, поучреждали во всемъ государствѣ во славу Божію пламенныя палаты (chambres ardentes), и насилія, совершаемыя Гизами именемъ молодаго короля, возбудили общее неудовольствіе. Вначалѣ Гизы старались исправить вредъ, нанесенный царствованіемъ Генриха II, и поручили канцлеру Оливье, извѣстному за честнаго и способнаго человѣка, привести въ порядокъ администрацію; но противная партія потребовала созванія генеральныхъ чиновъ, потому что принцы, коннетабль, адмиралъ и его братъ надѣялись черезъ это снова пріобрѣсти прежнее вліяніе. Гизы противились этому. Тогда многіе протестанты вступили въ такъ называемый анбуазскій заговоръ. Это было самое безумное предпріятіе, затѣянное однимъ авантюристомъ, который задумалъ схватить короля и Гизовъ, созвать государственные чины и сдѣлать короля Антона наваррскаго правителемъ государства. Изобрѣтатель этого плана былъ дворянинъ ла-Реноди, хитрый плутъ, бывшій уже два раза подъ судомъ; поэтому невѣроятно, чтобы принцъ де Конде и Шатильоны принимали участіе въ такомъ дѣлѣ, хотя несомнѣнно, что они знали о немъ. Ла-Реноди разъѣзжалъ по Франціи, призывая протестантскихъ фанатиковъ принять участіе въ нападеніи на дворъ. Онъ побывалъ въ Лозаннѣ и Женевѣ и получилъ отъ лучшихъ тамошнихъ юристовъ, какъ Готтоманъ, и знаменитѣйшихъ богослововъ (Кальвинъ и Беза) письменное наставленіе (consultation), которое употребилъ потомъ для своихъ цѣлей. Поэтому католики обвиняли Кальвина и Беза въ подстрекательствѣ къ мятежу и рѣзнѣ, не взирая на ихъ оправданія.

Между тѣмъ король и дворъ отправились въ Блуа, гдѣ Францискъ II намѣревался лечиться отъ своей болѣзни, которую злонамѣренно выдавали за проказу. Заговорщики хотѣли воспользоваться пребываніемъ короля въ этомъ неукрѣпленномъ городѣ, чтобы овладѣть имъ и удалить отъ него Гизовъ и королеву-мать. Въ началѣ февраля 1560 они собрались въ Нантѣ и рѣшили привести свой планъ въ исполненіе 10 марта. Между тѣмъ Гизы уже давно знали обо всемъ черезъ своего шпіона, парижскаго адвоката Пьерра дез'Авенеля, который участвовалъ въ заговорѣ. Они дѣлали тайныя приготовленія, внушая заговорщикамъ безпечность, чтобы заговоръ не разстроился преждевременно и не лишилъ ихъ повода погубить заодно всѣхъ протестантовъ. Заговорщики могли бы догадаться объ измѣнѣ потому, что дворъ переѣхалъ изъ Блуа въ укрѣпленный замокъ Анбуазъ; однако они не измѣнили своего рѣшенія, отложивъ только предпріятіе до 16 марта, чтобы собрать побольше вооруженныхъ людей. Это снова возбудило подозрѣніе правительства. Оно собрало значительный отрядъ войскъ и склонило королеву пригласить въ Анбуазъ Шатильоновъ, чтобы имѣть за ними надзоръ. Когда 16 марта дѣлали приготовленія къ отраженію нападенія ла-Реноди на Анбуазъ, почетный постъ у воротъ былъ порученъ принцу де Конде, также прибывшему ко двору; но къ нему приставили герцога д'Омаля. Герцогъ де Неверъ, который послѣ пораженія при Сенъ-Кантенѣ собралъ остатки разбитаго войска и сформировалъ новую армію, получилъ порученіе идти на встрѣчу протестантамъ. При движеніи ихъ къ Анбуазу они были вторично преданы. Они раздѣлились на два отряда, которые должны были соединиться по сигналу Линье; но Линье, вмѣсто того, чтобы подать сигналъ, отправился въ Анбуазъ и открылъ правительству все. Ла-Реноди храбро защищался противъ королевскихъ войскъ и даже убилъ предводителя ихъ, Пардальяна, но и самъ палъ отъ пистолетнаго выстрѣла. Всѣ протестанты, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, были изрублены. Многихъ другихъ осудили потомъ судомъ, и говорятъ, что изъ-за этого

заговора было казнено до тысячи двухсотъ человѣкъ. Шатильоновъ и принца де Конде, не смотря на всѣ старанія Гизовъ, нельзя было припутать къ дѣлу. Вопреки желанію Гизовъ, умный канцлеръ Оливье издалъ еще до прибытія принца и Шатильоновъ амнистію въ пользу лицъ, преслѣдуемыхъ за религію. Но протестанты сами воспрепятствовали своимъ безразсуднымъ покушеніемъ результатамъ этой мѣры. Наканунѣ анбуазской стычки Францискъ де Гизъ былъ вновь назначенъ правителемъ государства и намѣстникомъ короля. Канцлеръ Оливье тщетно противился этому; впрочемъ ему удалось значительно ограничить власть герцога. На другой день послѣ неудачнаго покушенія ла-Реноди Францискъ де Гизъ былъ провозглашенъ королевскимъ намѣстникомъ (lieutenant général du roi).

Такимъ образомъ герцогъ де Гизъ сдѣлался диктаторомъ Франціи. Онъ и его братъ, кардиналъ Лотарингскій, воспользовались фанатическими вождями католической партіи, чтобы начать угнетать гугенотовъ во всѣхъ провинціяхъ государства. Вслѣдствіе этого въ началѣ апрѣля анархія была въ полномъ разгарѣ. Противъ Гизовъ интриговали и вооружались не только Шатильоны и принцы крови, но и фанатическіе вожди протестантовъ. Королева Екатерина, лишенная Гизами регентства, дѣйствовала противъ нихъ всѣми способами. По смерти Оливье она соединилась съ новымъ великимъ канцлеромъ, л'Опиталемъ. Первыя мѣры, внушенныя имъ, были чрезвычайно жестоки и вредны; но онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ съ цѣлью предотвратить введеніе инквизиціи, которой желали Гизы. Чтобы ввести ее, они воспользовались возстаніемъ протестантовъ въ городахъ Прованса, Дофинэ и Лангедока; сверхъ того обнаружилось, что Гіени, Пуату, Турени, Анжу и Нормандіи также грозятъ гугенотскія возстанія. Тогда по предложенію л'Опиталя былъ изданъ страшный Роморантенскій эдиктъ, вслѣдствіе котораго огонь, тлѣвшій всюду подъ пепломъ, вспыхнулъ тѣмъ ужаснѣе, что не задолго до того двумя королевскими рескриптами протестантамъ была обѣщана полная амнистія.

Проектъ новаго эдикта противъ протестантовъ, составленный канцлеромъ и одобренный въ кабинетѣ короля Гизами и королевой-матерью, состоялъ въ слѣдующемъ: «Процессы противъ еретиковъ переносятся изъ свѣтскихъ уголовныхъ судовъ въ духовные. Всѣ посѣщающіе конвентикулы, т. е. тайныя сходки, объявляются виновными въ государственной измѣнѣ; провинціальные уголовные суды получаютъ полномочіе судить таковыхъ безъ аппеляціи и немедленно приводить въ исполненіе произнесенные противъ нихъ приговоры. Тому, кто донесетъ о такомъ тайномъ собраніи суду, будетъ дано пятьсотъ ливровъ вознагражденія». Эдиктъ, составленный на этихъ основаніяхъ, былъ также направленъ противъ вельможъ, которые могли содержать войско и держались кулачнаго права. Чтобы дать эдикту законную силу, его слѣдовало утвердить парламентомъ и разослать. Но это оказалось невозможнымъ. Л'Опиталь до іюля тщетно уговаривалъ парламентъ утвердить эдиктъ, и наконецъ король былъ вынужденъ приказать парламенту внести его безъ дальнѣйшихъ противорѣчій въ свои протоколы. Однако парламентъ продолжалъ противиться. Хотя онъ не могъ ослушаться королевскаго приказанія, но при занесеніи эдикта въ протоколы сдѣлалъ оговорку, что эдиктъ утверждается на время до дальнѣйшихъ распоряженій короля *).

Принцы, противъ которыхъ былъ особенно направленъ роморантенскій эдиктъ, готовились тайно отстаивать свою шкуру; короля Антона Наварскаго, который жилъ съ принцемъ де Конде въ помѣстьи своемъ, Неракѣ, не безъ основанія обвиняли въ новомъ заговорѣ противъ двора, т. е. противъ Екатерины Медичи и Гизовъ. Между тѣмъ Гизы обезоружили стараго адмирала, поручивъ ему подавить безпокойства въ Нормандіи, произведенныя протестантами. Они совершенно склонили на свою сторону маршала де Сентъ-Андре, такъ что онъ согласился даже шпіонить за недовольными, собиравшимися у Бурбоновъ въ Неракѣ. Безхарактерный король Антонъ позволилъ ему пріѣхать въ Неракъ, но принцъ де Конде встрѣтилъ его рѣзкими упреками въ измѣнѣ и неблагодарности. Однако Гизы пришли къ убѣжденію, что необходимо имѣть значительныя вооруженныя силы; поэтому они вошли въ сношенія съ нѣмецкими графами и баронами,

---

*) Provisoirement et jusqu'à ce que autrement en eût été pourvu par le roi.

вербовавшими полки для иностранной службы, чтобы въ случаѣ надобности имѣть возможность немедленно выставить стройное войско. Но у правительства не было денегъ, потому что казна была пуста, обыкновенныхъ налоговъ не хватало, а новыхъ нельзя было назначить безъ собранія чиновъ, созывать которые оно не рѣшалось. Поэтому правительство назначило къ 21 августа собраніе нотаблей въ Фонтенбло. Впрочемъ оно постаралось ограничить кругъ дѣятельности этого собранія, которое притомъ не имѣло никакого права налагать новыя подати; Гизы не рѣшились собрать даже нотаблей, а созвали лишь такъ называемый чрезвычайный тайный совѣтъ.

Собраніе это состояло изъ принцевъ крови, высшихъ сановниковъ короны, государственныхъ совѣтниковъ, кавалеровъ королевскаго ордена и статсъ-секретарей (maitres des requêtes). Кромѣ того были приглашены постороннія лица, почитавшіяся заинтересованными въ благосостояніи государства. Принцы и ихъ друзья не пріѣхали, думая, что ихъ просто хотятъ заманить ко двору, чтобы арестовать. Старый адмиралъ де Колиньи прибылъ въ Фонтенбло и представилъ прошеніе протестантовъ о терпимости, въ пользу которой онъ произнесъ рѣчь въ собраніи. Но слова его были напрасны, хотя епископъ Монлюкъ и архіепископъ Марильякъ приняли его сторону и горячо протестовали противъ магометанскаго или китайскаго обычая поддерживать единство вѣры. Фонтенблоское собраніе убѣдилось наконецъ, что возстановитъ противъ себя парламентъ, если назначитъ новые налоги, и что постановленія его относительно гугенотовъ не будутъ признаны. Притомъ въ Фонтенбло не было ни одного принца и многихъ вельможъ, сочувствовавшихъ протестантамъ. Кромѣ того два католическіе епископа (Монлюкъ и Марильякъ) говорили въ пользу терпимости; рѣчи ихъ заслуживаютъ вниманія, особенно въ наше время, когда въ рѣчахъ ищутъ не силы и убѣдительности, а гладкаго слога. Было рѣшено созвать генеральное собраніе чиновъ и окончить религіозныя несогласія полюбовно. Собраніе чиновъ было сперва назначено къ декабрю въ Мо, но состоялось уже въ октябрѣ въ Орлеанѣ. Гизы намѣревались воспользоваться имъ, чтобы избавиться отъ Бурбоновъ, стоявшихъ во главѣ протестантовъ. Екатерина Медичи и канцлеръ л'Опиталь, которые въ другихъ случаяхъ дѣйствовали противъ Гизовъ, на этотъ разъ согласились схватить принцевъ и протестантскихъ вождей и предать ихъ суду. Конде и его братъ, котораго обвиняли въ участіи въ анбуазскомъ заговорѣ, едва не произвели нападенія на Ліонъ по внушенію своей креатуры, Монтиньи; но старый коннетабль, напугавъ короля наваррскаго, заставилъ ихъ отказаться отъ своего намѣренія.

Самъ молодой король участвовалъ въ завлеченіи въ ловушку своихъ ближайшихъ родственниковъ. Онъ написалъ королю наваррскому письмо, увѣряя его, что ни ему, ни его брату не будетъ сдѣлано никакого зла. Трудно бы было повѣрить такому вѣроломству въ столь молодомъ еще человѣкѣ, если бы это не подтверждалось свидѣтельствомъ Кастельно. Что касается его матери, то она родилась въ странѣ измѣны и впослѣдствіи дѣлала еще худшія вещи. Своими предательскими слезами она склонила брата принцевъ, кардинала Карла де Бурбона, уговорить короля и принца пріѣхать въ Орлеанъ, не смотря на предостереженія, которыя они получали со всѣхъ сторонъ. Они могли угадать опасность по грозному въѣзду короля въ городъ 18 октября, который испугалъ даже депутатовъ. Съ королемъ вступило въ Орлеанъ цѣлое войско, какъ въ завоеванный городъ; Марсильи де Сипьеръ, извѣстный своимъ фанатизмомъ и своею жестокостью *), получилъ порученіе обезоружить жителей. Всѣ были до того напуга-

---

*) Эпитафія, написанная протестантами на гробѣ этого ультрамонтанскаго бандита, показываетъ, какого мнѣнія о немъ они были:

Passant, veux tu savoir de qui est ce tombeau?
. . . .
C'est d'un qui n'eust desir, quand vivait, d'autre chose,
Que d'être des enfans de dieu cruel bourreau.
En sa vie ne fit rien, ny de bon, ny de beau,
Que de réduire en un bourg une grande ville close

(Прохожій, хочешь ли знать, кто здѣсь лежитъ..... это тотъ, кто въ жизни не имѣлъ иного желанія, какъ быть палачемъ сыновъ Господа и не сдѣлалъ ничего—ни добраго, ни хорошаго, кромѣ того, что обратилъ въ мѣстечко большой укрѣпленный городъ (Орлеанъ).

ны этимъ, что Шатильоны и дворянство владѣній Антона и его брата предлагали имъ взяться за оружіе, но они отклонили это предложеніе.

Едва Бурбоны прибыли въ Орлеанъ, какъ Конде былъ арестованъ, а король наваррскій отданъ подъ полицейскій надзоръ; имъ объявили, что они будутъ преданы суду за анбуазскій заговоръ, за замыселъ противъ Ліона и еще за одно предпріятіе, затѣянное однимъ изъ ихъ приверженцевъ. Приказъ объ арестованіи Конде былъ подписанъ не намѣстникомъ государства, а молодымъ, больнымъ королемъ, которому Гизъ подсунулъ его къ подписи. Сначала было велѣно начать процессъ противъ Конде, чтобы потомъ притянуть къ нему и Антона. Король назначилъ коммиссію для допроса принца. Президентомъ ея былъ назначенъ де Ту, отецъ историка, а членами парламентскіе совѣтники Бартелеми, Фэ и Віоль, генералъ-прокуроръ Бурденъ и актуарій дю Тилье. Принцъ де Конде, разумѣется, не призналъ этотъ судъ и сказалъ президенту де Ту, что ему должно быть извѣстно, что принца крови можетъ судить только общее собраніе принцевъ и перовъ подъ предсѣдательствомъ короля. Де Ту отвѣчалъ, что доложитъ объ этомъ королевскому тайному совѣту; но совѣтъ, разумѣется, не имѣлъ недостатка въ основаніяхъ, чтобы признать судъ компетентнымъ. Впрочемъ коммиссарамъ было поручено произвести только предварительное дознаніе. Для произнесенія приговора къ нимъ были приданы канцлеръ и нѣкоторые государственные совѣтники, а также кавалеры королевскаго ордена и статсъ-секретари, случайно находившіеся въ Орлеанѣ; но и они не имѣли никакого права судить принца. 26 ноября этотъ судъ приговорилъ принца де Конде къ смертной казни.

Въ это время уже начали отчаяваться въ выздоровленіи короля. Поэтому канцлеръ л'Опиталь не хотѣлъ подписывать приговоръ, однако кончилъ тѣмъ, что подписалъ. Президентъ де Ту, не задумываясь, подписалъ приговоръ, и его сынъ всячески старается оправдать его. Историкъ де Ту (хроника д'Авилы не болѣе, какъ историческій романъ) сваливаетъ всю вину на Гизовъ. Онъ говоритъ, что они отправились къ Екатеринѣ и убѣждали ее согласиться на казнь короля и принца, чтобы обезпечить тѣмъ истинной вѣрѣ побѣду надъ еретиками. Но л'Опиталь доказалъ ей, что это не только навлечетъ на нее всю ненависть, которую заслужили Гизы, избѣгающіе дѣйствовать открыто, но и лишитъ ее удобнаго случая склонить малодушнаго короля наваррскаго отказаться отъ принадлежащаго ему по смерти Франциска II права на опеку надъ вторымъ сыномъ ея, Карломъ. Разсказъ Ренье де ла Планша о разговорѣ горемычнаго короля Антона съ лукавой и вѣроломной флорентинкой заслуживаетъ по нашему мнѣнію предпочтенія предъ прочими, по которымъ Антонъ самъ выпросилъ себѣ свиданіе съ королевой. По разсказу ла Планша, Екатерина велѣла призвать къ себѣ въ комнату напуганнаго и нерѣшительнаго короля Антона и воспользовалась для своей цѣли графиней де Монпансье. Королева хитро склонила ее побудить короля согласиться на все, чего требуетъ отъ него Екатерина, потому что иначе онъ погибъ. Когда онъ вошелъ въ кабинетъ королевы, она встрѣтила его съ серьезнымъ видомъ, оправдывала Гизовъ и утверждала, что они нисколько невиноваты въ арестѣ его брата; потомъ она предложила своей жертвѣ дать ей подписку въ томъ, что по смерти Франциска II, которая должна была послѣдовать на дняхъ, онъ не будетъ оспаривать у нея опеку надъ ея вторымъ сыномъ; за это она обѣщала не только спасти ему жизнь, но и раздѣлить съ нимъ регентство; въ противномъ случаѣ погибель его была, по ея словамъ, несомнѣнна. Современникъ въ краткихъ и наивныхъ, но ироническихъ словахъ разсказываетъ, какъ хитро обманула Екатерина бѣднаго короля наваррскаго *).

---

*) A donc la dicte damc (on ne sçait si ce fut pour rire) lui promis à bouche qu'il seroit lieutenant bu roi en France et conduiroit les affaires be la guerre et recevroit les paquets et puis les lui renverroit tout après les avoir ouverts et veus;et que rien ne seroit orbonnè si non par son advis et des autres princes du sang qui seroient autrement respectes à l'avenir. Apres cela elle lui fit embrasser ses cousins de Guise et promettere mutuellment d'oublier toutes querelles passèes. (Королева быть можетъ, въ насмѣшку) обѣщала ему на словахъ, что онъ будетъ намѣстникомъ короля, будетъ завѣдывать военнымъ вѣдомствомъ, получать пакеты и, пересмотрѣвъ бумаги, отсылать ихъ къ ней; что помимо его не будетъ дѣлаться ничего, равно какъ и безъ согласія прочихъ принцевъ крови, которые будутъ впредь уважаемы, по достоинству. Затѣмъ онъ обнялся съ своими кузенами, де Гизами, и они обѣщали другъ другу взаимное забвеніе всѣхъ прежнихъ непріятностей).

Король Францискъ II умеръ 5 декабря 1560, и со смертью его намѣстничество герцога Гиза уничтожилось само собою. Екатерина овладѣла правленіемъ именемъ втораго сына своего Карла IX, хотя не приняла титулъ регентши. Но герцогъ де Гизъ, какъ глава партіи, былъ такъ могуществен, что Екатерина сочла необходимымъ противопоставить ему при дворѣ принцевъ и коннетабля. Она дала королю наваррскому пустой титулъ намѣстника государства и предложила принцу де Конде свободу. Принцъ сначала отказался, желая, чтобы его оправдали судебнымъ порядкомъ, но въ январѣ 1561 онъ принялъ свободу, получивъ обѣщаніе, что будетъ оправданъ. 5 февраля онъ прибылъ ко двору, а въ мартѣ получилъ принадлежавшее ему мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ и признаніе своей невинности, утвержденное въ іюнѣ парламентомъ и чинами. Шатильоны были также возвращены ко двору; маршалъ де Монморанси снова занялъ свое мѣсто еще въ декабрѣ. Тотчасъ по прибытіи ко двору онъ воспользовался своимъ правомъ и распустилъ отрядъ наемныхъ рубакъ, которыми Францискъ де Гизъ окружилъ короля, т. е. самого себя. Со временъ Карла VI собирать чины стало опасно; послѣ 1506, когда ихъ созывалъ Лудовикъ XII, которому они при этомъ дали наименованіе «отца отечества», опасность эта еще болѣе возрасла при Францискѣ I и Генрихѣ II; однако, такъ какъ чины были уже созваны, то Екатерина обратилась къ нимъ. Она нашла сорокъ два милліона долгу и не видѣла иныхъ средствъ къ покрытію ихъ, кромѣ новыхъ налоговъ, которые могли назначать только чины. Чины отвѣчали королевѣ, что въ инструкціяхъ (cahiers), данныхъ имъ избирателями ихъ, о налогахъ умалчивается, и потому имъ нужно сперва спросить объ этомъ избирателей. Тогда королева распустила чины, приказавъ имъ собраться снова въ маѣ или іюнѣ, переговоривъ съ избирателями.

Кромѣ требованія новыхъ налоговъ, въ собраніи чиновъ шли переговоры о терпимости для протестантовъ и о возстановленіи единства религіи. Была также рѣчь о томъ, чтобы предоставить рѣшеніе религіознаго вопроса собору, вновь созванному папой; протестанты же желали религіознаго диспута. Кардиналъ Лотарингскій не желалъ этого, хотя любилъ говорить о кротости и терпимости, тогда какъ его братъ, Францискъ, и коннетабль хотѣли дѣйствовать огнемъ и мечомъ. Кардиналъ, превосходный латинистъ, надѣялся воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отвлечь отъ французскихъ гугенотовъ нѣмецкихъ лютеранъ, солдатъ которыхъ онъ очень боялся.

Екатерина показывала намѣреніе покровительствовать протестантамъ. Въ первыхъ недѣляхъ января она предприняла двѣ мѣры, съ цѣлью привлечь къ себѣ протестантовъ, не расходясь съ католиками. 7 января она предписала всѣмъ парламентамъ и судамъ освободить заключенныхъ протестантовъ и слѣдовать роморантенскому эдикту, по которому процессы противъ ереси подлежали рѣшенію епископовъ. Это было съ ея стороны уловкой въ пользу протестантовъ, такъ какъ епископы не могли приговаривать къ уголовнымъ наказаніямъ. Но въ тоже время она тайно велѣла президентамъ парламентовъ и другимъ судьямъ, хранить кроткія мѣры относительно протестантовъ по возможности въ секретѣ. Фанатическіе члены парламента воспользовались этимъ, чтобы вовсе не выполнять предписаніе, которому нельзя было слѣдовать тайно. Евангелическое ученіе было такъ распространено во Франціи, что умные католики не одобряли его преслѣдованія и не желали возстановленія поповскаго владычества. Большая часть рыцарства и все третье сословіе объявили себя противъ крутыхъ мѣръ. Поэтому королева издала цѣлый рядъ манифестовъ (lettres patentes), которыми, именемъ молодаго короля и подъ страхомъ строгихъ наказаній, запрещались ссоры изъ-за религіи и повелѣвалось освободить всѣхъ, заключенныхъ за слушаніе проповѣдей и исполненіе религіозныхъ обрядовъ протестантизма. Было приказано только взять съ нихъ подписку, что впредь они будутъ жить по католически (catholiquement); если же они не захотятъ дать ее, то тѣмъ не менѣе должно освобождать ихъ на время (par provision), назначивъ срокъ, къ которому они должны удалиться изъ Франціи. Въ тоже время парламентамъ было поручено объявить и вновь обнародовать роморантенскій эдиктъ безъ всякихъ ограниченій.

7. Францiя при Карлѣ IX до мира въ мартѣ 1568 года.

Общее собранiе чиновъ объявило, что не можетъ принять никакого рѣшенiя касательно покрытiя долга безъ согласiя провинцiальныхъ чиновъ. Съ другой стороны оно не препятствовало Екатеринѣ отмѣнить преслѣдованiе гугенотовъ; но она не получила офицiально званiя регентши. Тѣмъ не менѣе Екатерина и ея итальянцы достигли главной цѣли своихъ интригъ. Они раздѣлили всю Францiю и дворъ на нѣсколько враждебныхъ партiй и доставили Екатеринѣ роль посредницы. Тайный совѣтъ поставилъ ее и короля Антона во главѣ правительства, вслѣдствiе чего королева могла и безъ титула правительницы пользоваться ея властью и правами. Чины, засѣдавшiе въ Орлеанѣ съ 13 декабря 1560, были распущены въ концѣ января 1561 послѣ длинныхъ педантическихъ рѣчей канцлера и трехъ избранныхъ чинами ораторовъ, по одному изъ каждаго сословiя. При распущенiи ихъ было объявлено, что ихъ снова созовутъ еще въ первой половинѣ того же года, послѣ того какъ они переговорятъ съ избирателями. Чтобы сократить формальности и уменьшить число депутатовъ, измѣнили порядокъ выборовъ; объявляя чинамъ волю королевы, канцлеръ сказалъ, что новый порядокъ выборовъ будетъ гораздо дешевле стоить. Сперва депутаты должны были переговорить съ провинцiальными собранiями; затѣмъ въ маѣ чины должны собраться въ Мо; но избранiе новыхъ депутатовъ было поручено не мировымъ округамъ провинцiй, а сословiямъ тринадцати генералъ-губернаторствъ; сословiя всѣхъ генералъ-губернаторствъ избирали по одному депутату каждое, и общее собранiе этихъ представителей сословiй провинцiальныхъ сеймовъ должно было изображать собою генеральные чины. Однако дѣло замедлилось, и каждое сословiе собралось особо и неодновременно съ прочими. Духовенство собралось въ Пуасси еще въ началѣ iюня, а дворянство и третье сословiе сошлись въ Понтуазѣ только въ августѣ.

Между тѣмъ Гизы, коннетабль и маршалъ Сентъ-Андре, уже давно дѣйствовавшiй противъ принцевъ и протестантовъ, предводительствуя испанско-ультрамонтанской партiей, были врагами Шатильоновъ, принцевъ и протестантской знати. Королева Екатерина то покровительствовала протестантамъ, то предавала ихъ испанскому посланнику и нунцiю, надѣясь удержаться посредствомъ этой коварной политики. Канцлеръ л'Опиталь желалъ терпимости; но Гизы, парламентъ и духовенство требовали крутыхъ мѣръ. Эта партiя знала очень хорошо, что королева хлопочетъ не изъ-за терпимости, а изъ-за политическихъ цѣлей; поэтому они не обратили никакого вниманiя на манифестъ л'Опиталя въ пользу протестантовъ. Въ то же самое время, когда канцлеръ предписывалъ терпимость и умѣренность, парламентъ издавалъ эдиктъ за эдиктомъ, которыми подъ угрозой жестокихъ наказанiй (sous pein de la hart, sans espérance de grace) запрещалось присутствовать при тайномъ протестантскомъ богослуженiи и продавать сочиненiя, разсуждающiя о новой религiи или о библiи. По приказанiю парламента, эдикты эти были обнародованы глашатаями при трубныхъ звукахъ не только въ Парижѣ, гдѣ парламенту принадлежало высшее полицейское управленiе, но и въ Лемансѣ, Анжерѣ, Пуатье, Турѣ, Сомюрѣ, Лафлешѣ и др. городахъ. Поэтому протестанты не безъ основанiя полагали, что королева, согласно принципамъ своего земляка Макiавелли, обманываетъ и проводитъ ихъ; полагаясь на принца де Конде (потому что безхарактерность короля наваррскаго была имъ извѣстна), они хотѣли воспользоваться обстоятельствами. Протестантское духовенство рѣшилось вмѣшаться въ политику и возстать противъ католическаго большинства. Прежде чѣмъ провинцiальные сеймы успѣли собраться, протестанты созвали генеральный синодъ въ Пуатье и объявили, что по малолѣтству короля чины не имѣютъ права что либо постановлять касательно уплаты долговъ и другихъ соглашенiй съ короной, если при королѣ не будетъ состоять тайный совѣтъ, признанный чинами. При этомъ они утверждали, что кромѣ принцевъ крови, которымъ по праву рожденiя принадлежитъ мѣсто въ этомъ совѣтѣ, всѣ прочiя лица, именующiя себя тайными совѣтниками, не могутъ считаться въ этомъ званiи, потому что полномочiя ихъ уничтожились со смертью покойнаго короля. По ихъ мнѣнiю, даже канцлеръ

л'Опиталь не имѣлъ по закону права занимать свою должность, потому что при назначеніи его не присуствовали принцы, а чины не утверждали его. Адмирала де Колиньи обвиняли въ томъ, что онъ воспользовался протестантами, чтобы въ союзѣ съ третьимъ сословіемъ дѣйствовать противъ Гизовъ. Ему содѣйствовала въ этомъ королева Екатерина, которой хотѣлось совершенно устранить Гизовъ отъ дѣлъ; съ этой цѣлью она покровительствовала принцамъ, особенно королю Антону и принцу де Конде.

Кардиналъ Лотарингскій удалился на нѣкоторое время отъ двора, объявивъ, что намѣренъ посѣтить свою епархію и навѣстить свою племянницу, вдовствующую королеву Марію Стюартъ. Она была легкомысленна и чувственна еще до пріѣзда во Францію, гдѣ при тамошнемъ полуитальянскомъ дворѣ окончательно развратилась, вслѣдствіе многочисленныхъ любовныхъ интригъ, такъ какъ молодую, вѣтренную королеву Шотландіи выдали за слабаго и болѣзненнаго короля Франциска, который былъ еще почти ребенокъ. Здѣсь она положила основаніе своимъ позднѣйшимъ несчастіямъ, потому что вывезла изъ Франціи въ строго-реформатскую Шотландію упорную приверженность къ правиламъ, внушеннымъ ей ея дядей. Онъ внушилъ ей, что только непреклонная, слѣпая вѣра въ постановленія соборовъ и папъ можетъ вести къ спасенію, и что евангелическое ученіе о нравственной чистотѣ есть ересь; она вѣрила, что римская церковь владѣетъ всѣми средствами, чтобы доставить вѣрующимъ прощеніе за плотскія прегрѣшенія и даже за важные грѣхи. Хотя въ набожности и фанатизмѣ она совершенно сходилась съ Екатериною Медичи, однако при жизни Франциска II королевы постоянно враждовали между собою. Марія была родственница и креатура Гизовъ, а Екатерина — врагомъ ихъ. Поэтому, по смерти короля Франциска, кардиналъ Лотарингскій взялъ его вдову подъ свое покровительство. Онъ отправилъ ее сначала въ Жуанвиль къ своей матери, Антуанеттѣ Бурбонской, а потомъ къ лотарингскому двору; здѣсь она прожила до окончанія своего дѣла о вдовьемъ содержаніи, которое ей слѣдовало назначить, и затѣмъ возвратилась въ Шотландію.

Чтобы удалить герцога Франциска отъ дѣлъ, Екатерина сблизилась тѣснѣе съ принцами и съ Шатильонами, особенно съ адмираломъ де Колиньи, который былъ вождемъ протестантовъ. Это было крайне непріятно старому фанатику коннетаблю. Онъ поступалъ грубо и дерзко съ протестантами, которые имѣли смѣлость слушать проповѣди въ самомъ дворцѣ; побуждаемый маршаломъ Сентъ-Андре, де Монморанси сблизился съ герцогомъ Гизомъ. Маршалъ Сентъ-Андре обогатился имѣніями, конфискованными у протестантской аристократіи; чины жаловались на него и на коннетабля, что они получаютъ отъ правительства на счетъ народа большія богатства; не смотря на это, маршалъ постоянно нуждался въ деньгахъ и вѣроломно измѣнилъ протестантамъ, опасаясь, что чины прежде всего примутся за него. Онъ согласился быть посредникомъ между коннетаблемъ де Монморанси и герцогомъ Францискомъ де Гизомъ. Они составили нѣчто въ родѣ священнаго союза противъ протестантизма и его защитниковъ; чтобъ освятить свой союзъ, герцогъ, коннетабль и маршалъ вмѣстѣ причастились въ первый день Пасхи. Поэтому протестанты назвали ихъ союзъ, имѣвшій цѣлью истребленіе ереси и еретиковъ, тріумвиратомъ, какъ назывался нѣкогда союзъ римлянъ, заключенный на погибель республики. Впрочемъ тріумвиры не имѣли возможности немедленно приступить къ дѣйствіямъ. Чтобы избѣгнуть пораженія, Гизъ и коннетабль оставили на время дворъ. Герцогъ отправился въ свою резиденцію, Нантейль, а Монморанси поѣхалъ праздновать свадьбу своего четвертаго сына на одной богатой наслѣдницѣ.

Отъѣздъ тріумвировъ и рѣшимость канцлера всѣми мѣрами противиться духу нетерпимости парламента, доставили адмиралу возможность настоять на соблюденіи роморантенскаго эдикта. Парламентъ былъ принужденъ послать ко двору депутатовъ, чтобы оправдаться въ несоблюденіи эдикта; но, не смотря на ловкость президента де Ту, защищавшаго парламентъ въ качествѣ депутата, при дворѣ ихъ осыпали упреками и продолжали смотрѣть на парламентъ враждебно. Канцлеръ издалъ новый очень рѣзкій эдиктъ, которымъ строго запрещалъ прибѣгать изъ-за религіи къ насиліямъ и вторгаться въ дома, гдѣ совершались реформатскія религіозныя собранія; полиціи было запрещено дѣлать домовые обыски, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда дѣло идетъ о сохраненіи общественнаго спо-

койствія. Было предписано освободить всѣхъ заключенныхъ, арестованныхъ за вѣру, и возвратить всѣхъ изгнанныхъ за религіозныя мнѣнія; бѣжавшимъ было дозволено возвратиться. Къ этому Екатерина и канцлеръ съ хитрою цѣлью присовокупили, что если изгнанники, возвратившись, будутъ жить по католически, то ихъ не должно тревожить; въ случаѣ же притѣсненій они будутъ имѣть право выселиться съ имуществомъ. Парламентъ, конечно, не утвердилъ эдиктъ; канцлеръ разослалъ его въ низшія судебныя мѣста отъ своего имени, сообщивъ объ этомъ парламенту, который покорился.

Съ этого времени протестанты стали дѣйствовать смѣлѣе; съ другой стороны фанатическіе суды и власти продолжали гоненія, а священники и монахи возмущали противъ еретиковъ чернь; поэтому протестанты, вмѣсто прежняго пассивнаго сопротивленія, обратились къ активному. Первые безпорядки произошли въ Бове, гдѣ епископомъ былъ кардиналъ де Шатильонъ, раздѣлявшій убѣжденія своихъ братьевъ. Онъ проводилъ пасху не по старому обычаю, а по правиламъ Кальвина, не въ церкви, а дома, съ своими друзьями, гугенотами. Въ это время протестанты оскорбили католическую процессію. Это произвело смятеніе. Народъ преслѣдовалъ протестантов до епископскаго дворца, многихъ изувѣчилъ, а одного убилъ. Кардиналъ, видя, что народъ готовъ напасть на его дворецъ, облачился въ епископскія ризы, которыхъ уже давно не носилъ, и этимъ успокоилъ фанатическую толпу, которая разсѣялась до прибытія войскъ, посланныхъ королевою.

Гораздо важнѣе были парижскія происшествія. Парламентъ не допустилъ офиціально обнародовать въ столицѣ новый эдиктъ; не смотря на это, число реформатскихъ проповѣдниковъ возрастало, и кальвинское богослуженіе совершалось явно и правильно. Католики видѣли въ этомъ личное оскорбленіе для себя и дерзкое упрямство; толпа студентовъ и фанатическихъ гражданъ рѣшилась воспрепятствовать протестантской проповѣди. Они вознамѣрились овладѣть домомъ одного гугенота, Гальяра сеньера де Лонжюмо, находившимся въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи; въ этомъ домѣ помѣщалась реформатская церковь. Но когда они напали на него, изъ дома вышла толпа дворянъ съ шпагами въ рукахъ, и завязался кровавый бой, кончившійся тѣмъ, что нѣкоторые изъ аттакующихъ были убиты, а остальные разсѣяны. На другой день кровопролитіе возобновилось, и снова было много раненыхъ и убитыхъ. Парламентъ, желавшій притянуть Гальяра къ отвѣту, счелъ однако невозможнымъ пустить въ ходъ свою полицію и юстицію; онъ дозволилъ Гальяру съ тремя стами приверженцевъ удалиться въ свой укрѣпленный замокъ Лонжюмо и не слагать оружія.

Эти анархическія сцены и вступленіе въ королевскій совѣтъ ревностнаго защитника новаго ученія, принца де Конде, доставили кардиналу Лотарингскому случай принять на себя роль главы галликанской церкви. Епископы, соборные капитулы и всѣ духовныя корпораціи Франціи считали кардинала, даже по удаленіи его изъ королевскаго совѣта, главою галликанской церкви; они приступили къ нему съ просьбами вступиться за религію, притѣсняемую опекунскимъ правительствомъ. Когда дворъ прибылъ для коронаціи въ его резиденцію, Реймсъ, кардиналъ вступилъ съ правительствомъ въ переговоры по этому предмету. Онъ наивно сознавался, что большинство народа отступилось отъ папскаго ученія, что народъ оскорбляетъ во время проповѣдей и при богослуженіи монаховъ и священниковъ, которые поучаютъ его догматамъ католицизма, и что онъ также мало расположенъ къ католическимъ обрядамъ, какъ и къ платежу десятины. Кардиналъ выразилъ при этомъ мнѣніе, которое въ наше время снова пошло въ ходъ, что для спасенія существующаго порядка свѣтская власть должна положить предѣлъ успѣхамъ ума и поддерживать полицейскими мѣрами привилегіи духовенства. Королева Екатерина вполнѣ согласилась съ нимъ, но съ сожалѣніемъ сказала, что не видитъ средствъ пособить горю; поэтому она желала устроить въ Реймсѣ чрезвычайное засѣданіе совѣта. Въ этомъ собраніи кальвинисты скромно просили выслушать ихъ защиту своего ученія, не отдавая ихъ дѣла на рѣшеніе тридентскаго собора, который навѣрно не станетъ ихъ слушать. Кардиналъ противъ ожиданія выказалъ уступчивость и умѣренность; впрочемъ онъ никогда не былъ фанатикомъ. Надѣясь поссорить лютеранъ съ кальвинистами и блеснуть краснорѣчіемъ, онъ предложилъ для примиренія религіозныхъ неудовольствій

созвать національный соборъ и устроить религіозный диспутъ. Совѣтъ, въ томъ числѣ и протестанты, согласился, при чемъ протестанты пожелали только, чтобы до разрѣшенія дѣла имъ была дарована терпимость. Католическіе члены совѣта не рѣшались возражать противъ этого требованія, потому что протестанты были въ совѣтѣ многочисленнѣе ихъ. Тогда канцлеръ предложилъ предоставить рѣшеніе этого вопроса общему собранію парижскаго парламента, гдѣ, согласно обычаю, должны были присутствовать съ правомъ голоса королевскій совѣтъ и перы.

Это собраніе происходило 19 іюня. Канцлеръ предсѣдательствовалъ. По правую руку его сидѣли призиденты парламента, за ними кардиналы; по лѣвую, король наваррскій, кардиналъ де Бурбонъ, какъ принцъ крови, другіе принцы, герцоги, маршалы Франціи, адмиралъ, епископъ парижскій и государственные совѣтники, по старшинству въ совѣтѣ. Статсъ-секретари и сто двадцать два парламентскихъ совѣтника занимали табуреты. Совѣщанія продолжались двадцать дней безъ всякаго результата относительно терпимости, которой желалъ королевскій совѣтъ. Многіе члены собранія требовали искорененія еретиковъ и ихъ ученія. Это было отвергнуто. Большинство подало голосъ за терпимость, но съ большими ограниченіями. Слѣдуя этому мнѣнію, парламентъ составилъ декретъ, заключавшій весьма стѣснительныя постановленія. Канцлеръ не согласился обнародовать эдиктъ въ томъ видѣ, въ какомъ его записали въ протоколы; передъ публикаціей онъ измѣнилъ и смягчилъ многіе параграфы. Эдиктъ этотъ извѣстенъ во французской исторіи подъ именемъ і ю л ь с к а г о э д и к т а. Обѣ стороны остались недовольны имъ. Протестанты утверждали, что ихъ обманули, а парламентъ жаловался, что канцлеръ исказилъ его рѣшеніе. Поэтому іюльскій эдиктъ получилъ лишь временную силу, и парламентъ удержалъ за собой право предложить королю возраженія на него, какъ только представится удобный поводъ. Правительство какъ нельзя лучше воспользовалось рѣшеніемъ, принятымъ въ Реймсѣ касательно созванія національнаго собора, жалобами, поднявшимися со всѣхъ сторонъ на злоупотребленія церкви, и требованіемъ коренныхъ преобразованій, которыхъ желали даже кардиналы Лотарингскій и де Бурбонъ. Все это послужило въ пользу правительства при его переговорахъ съ духовными депутатами генеральныхъ чиновъ. Въ то время совѣщанія чиновъ происходили отдѣльно по сословіямъ; представители перваго сословія собрались въ Пуасси въ началѣ іюня. Правительство долго вело съ ними переговоры о пребразованіяхъ и объ увеличеніи взносовъ на государственные расходы. Указавъ духовнымъ депутатамъ на неудовольствіе народа, который жаловался на скупость и богатства духовенства, и грозя предстоящимъ національнымъ соборомъ, правительство склонило ихъ согласиться взять на себя уплату долга, простиравшагося до 42 милліоновъ. Покончивъ переговоры съ духовенствомъ, дворъ переѣхалъ (августъ 1561) изъ Пуасси въ Понтуазъ для открытія генеральнаго собранія чиновъ; но такъ какъ представители духовенства не явились въ Понтуазъ, то въ собраніи участвовали только третье сословіе и дворянство. Впрочемъ духовные депутаты предполагали также прибыть въ Понтуазъ.

Понтуазское собраніе чиновъ состояло, согласно орлеанскому постановленію, изъ 13 депутатовъ отъ дворянства и 13 отъ третьяго сословія. Эти 26 депутатовъ, не обращая вниманія на отсутствіе представителей перваго сословія, дѣйствовали какъ полномочный сеймъ. Они отказались начинать совѣщанія, пока требованія, заявленныя ими въ Орлеанѣ, не получатъ законной силы. Послѣ долгихъ переговоровъ, канцлеръ исполнилъ ихъ желаніе, издавъ о р л е а н с к і й э д и к т ъ. Онъ долго не рѣшался обнародовать его, опасаясь оскорбить имъ католиковъ; это дало парламенту, который и безъ того уже присвоилъ себѣ права сейма, предлогъ стать выше чиновъ. Вмѣсто того, чтобы обнародовать эдиктъ, основываясь на волѣ чиновъ, канцлеръ представилъ его на разсмотрѣніе парламенту. Это возбудило подозрѣніе, что Екатерина, восторжествовавъ при помощи протестантовъ и принцевъ надъ Гизами, намѣрена теперь поссорить протестантовъ съ парламентомъ и съ большинствомъ народа. Ясно было, что парламентъ не согласится утвердить эдиктъ и, по крайней мѣрѣ, потребуетъ измѣненій въ немъ. Ожиданія эти сбылись, и тогда Екатерина, которую въ этомъ случаѣ поддерживали только Шатильоны и принцы, поручила королю наваррскому, принцу

де Конде и князю де Ла Рошъ-сюръ-Йонъ принудить парламентъ безусловно утвердить эдиктъ. Парламентъ отказалъ въ повиновеніи, оскорбивъ такимъ образомъ короля. Канцлеръ прибѣгнулъ къ полумѣрамъ и согласился сдѣлать многія измѣненія въ эдиктѣ. Съ этого времени парламентъ занялъ въ разлагавшемся государствѣ положеніе, равно опасное и вредное какъ для правительства, такъ и для народа.

По обнародованіи эдикта начались переговоры съ понтуазскимъ собраніемъ, касавшіеся преимущественно трехъ пунктовъ: учрежденія совѣта регентства, прекращенія религіозныхъ несогласій и погашенія долга. Касательно перваго постановили тоже, что было рѣшено въ договорѣ Екатерины съ королемъ наваррскимъ. Было прибавлено только, что въ совѣтѣ регентства не должны засѣдать кардиналы, потому что они состоятъ на службѣ иностраннаго государя (это было направлено противъ Гизовъ), епископы, потому что они обязаны жить въ своихъ епархіяхъ, и иностранные (слѣдовательно, и Лотарингскіе) принцы, потому что они имѣютъ обязательства относительно другихъ государствъ. Мы не будемъ приводить прочихъ весьма многочисленныхъ постановленій и ограниченій, такъ какъ они были лишены всякаго практическаго значенія и имѣли силу только на бумагѣ. Повидимому также смотрѣло на нихъ и третье сословіе. Оно не вмѣшивалось въ нихъ, но за то требовало, чтобы государственные чины созывались черезъ каждые два года не только во время малолѣтства короля, но и по достиженіи имъ совершеннолѣтія, и чтобы это было признано основнымъ и неизмѣннымъ государственнымъ постановленіемъ навсегда.

Что касается прекращенія религіозныхъ раздоровъ, то сословія возобновили требованіе полной терпимости; для возстановленія внѣшняго единства распавшейся церкви было предложено воспользоваться пребываніемъ католическихъ епископовъ въ Пуасси и устроить религіозный диспутъ. Для этой цѣли нужно было послать всѣмъ реформатскимъ церквамъ приглашеніе прислать проповѣдниковъ и богослововъ въ Пуасси для соглашенія съ епископами по извѣстнымъ пунктамъ. Рѣшено было, что пункты, по которымъ состоится соглашеніе, будутъ занесены въ судебный протоколъ, чтобы впослѣдствіи нельзя было отступиться отъ нихъ. По третьему предмету — погашенію долга, сословія рѣшили взвалить главное бремя уплаты на духовенство. Они были весьма расположены ограничить богатства духовенства и посбавить доходы высшихъ духовныхъ сановниковъ и богатыхъ аббатовъ. При этомъ обнаружилось такое общее негодованіе на духовенство, что, опасаясь худшаго, оно поспѣшило согласиться внести на уплату долга весьма значительную сумму.

Получивъ отъ сословій увѣдомленіе, что требованія и предложенія ихъ (cahiers) составлены, правительство созвало ихъ въ общее собраніе, въ большой залѣ въ Сенъ-Жерменѣ, куда были приглашены и депутаты духовенства. Въ то же время королева согласилась на просьбу чиновъ пригласить протестантовъ въ собраніе французскаго духовенства въ Пуасси, представлявшее собою національный соборъ. Она писала объ этомъ папѣ; его отвѣтъ, заключавшій въ себѣ отказъ и протестъ, не отклонилъ ее отъ ея намѣренія. Католики послали кардинала Лотарингскаго, который, правда, не былъ ученый богословъ, но за то былъ ловкій и талантливый латинистъ и ораторъ; онъ даже показывалъ видъ, что не прочь признать аугсбургское исповѣданіе, надѣясь этимъ поссорить лютеранъ съ кальвинистами. При этомъ не было никакой опасности, чтобы состоялось дѣйствительное примиреніе, потому что при кардиналѣ Лотарингскомъ состояли буйный и непреклонный кардиналъ де Турнонъ, папскій нунцій, другой легатъ, присланный папой, и генералъ іезуитовъ. Протестанты послали своихъ богослововъ съ условіемъ, что епископы будутъ присутствовать на диспутѣ не какъ судьи, а какъ спорящіе; что за норму религіи будетъ принята библія, а не св. отцы и соборы; что предсѣдательствовать будутъ только король и совѣтъ регентства, и что протоколы будутъ вести нотаріусы и писцы обѣихъ сторонъ. Екатерина, креатура ея, канцлеръ, и ея совѣтники приняли эти условія, нуждаясь въ принцахъ, Шатильонахъ и въ другихъ друзьяхъ протестантизма; но они старались подготовить себѣ лазейку, чтобы можно было не исполнять обѣщаній. Такъ напримѣръ, они обѣщали протестантамъ безопасность не письменно, а на словахъ, сказавъ, что королевскаго слова должно быть достаточно. Точно также правительство уклонилось ис-

полнить желаніе протестантовъ, которые хотѣли, чтобы ихъ протоколисты контролировали королевскихъ; съ этою цѣлью оно распорядилось, чтобы протоколы велъ королевскій государственный совѣтникъ.

Торжественный религіозный диспутъ открылся 9 сентября 1561 въ женскомъ монастырѣ въ Пуасси; но Теодоръ Беза прибылъ еще 23 августа и на другой же день вступилъ въ богословское преніе съ кардиналомъ Лотарингскимъ въ присутствіи всего двора, въ покояхъ принца де Конде. Беза происходилъ изъ хорошей дворянской фамиліи и былъ извѣстенъ какъ французскій и латинскій ученый поэтъ, проповѣдникъ и ораторъ. Онъ обладалъ прекрасной наружностью, образованіемъ, въ молодости видѣлъ свѣтъ, вкушалъ его наслажденія и воспѣвалъ ихъ; но потомъ, отказавшись отъ свѣта, онъ занялъ въ Женевѣ при Кальвинѣ такое же мѣсто, какое Меланхтонъ занималъ при Лютерѣ въ Виттенбергѣ. Беза и Петръ Мартиръ Вермиліо, нѣкогда итальянскій аббатъ, а теперь извѣстный богословъ, были для кальвинизма тѣмъ же, чѣмъ кардиналъ Лотарингскій для римской церкви. Мы увидимъ ниже, что кардиналу не удалось осуществить свой злой умыселъ поссорить изъ-за ученія о причащеніи кальвинистовъ съ лютеранами, приглашенными имъ изъ Германіи.

Религіозный диспутъ открылся очень торжественно. Молодой король, его братъ, герцогъ Орлеанскій, мать его, Екатерина, король наваррскій съ женою сидѣли на возвышеніи прямо противъ входа. За ними сидѣли всѣ принцы и принцессы, высшіе сановники короны, кавалеры королевскаго ордена и придворные дамы и господа. Передъ ними съ боку засѣдали шесть кардиналовъ и тридцать шесть епископовъ, въ полномъ облаченіи и во всемъ великолѣпіи римской церкви; за ними находилось множество знаменитыхъ и ученыхъ богослововъ. Внизу скромно и смиренно стояли кальвинскіе богословы, люди отличавшіеся только простотой, достоинствами и ученостью; они держали себя просто, какъ подобало приверженцамъ новаго ученія. Контрастъ этого зрѣлища, представляемый съ одной стороны скромностью кальвинистовъ, а съ другой—высокомѣріемъ и пышностью ихъ противниковъ, произвели такое глубокое впечатлѣніе на все собраніе, что даже дворъ былъ пораженъ имъ. Изъ всѣхъ кальвинистскихъ богослововъ особенно отличались внѣшними и внутренними достоинствами Теодоръ Беза и Петръ Мартиръ, окруженные двѣнадцатью избранными проповѣдниками и двадцатью двумя дворянами. Они стояли у рѣшетки, отдѣлявшей амфитеатръ отъ авансцены.

Послѣ краткаго и весьма почтительнаго обращенія къ королю, Беза и за нимъ всѣ протестанты преклонили колѣни, и Беза прочелъ молитву, содержаніе и форма которой произвели глубокое впечатлѣніе на собраніе. Послѣ того онъ поднялся и началъ рѣчь, въ которой прежде всего старался устранить всякую мысль о ссорахъ, неудовольствіяхъ и враждѣ съ приверженцами папизма. Перейдя затѣмъ къ догматамъ вѣры, онъ началъ оправдывать отступленіе кальвинистовъ отъ римской церкви; собраніе слушало его съ большимъ вниманіемъ, и всѣ присутствующіе удивлялись его искусству излагать отвлеченные догматическіе вопросы такъ ясно и увлекательно; наконецъ Беза перешелъ къ догмату причащенія. Одушевленный убѣжденіями, за которыя боролся, и увлеченный риторическимъ пыломъ, которымъ приводилъ въ восторгъ своихъ слушателей, Беза забылъ осторожность и произнесъ нѣсколько слишкомъ рѣшительныхъ словъ. Эти слова возбудили въ собраніи ропотъ. Лютеране и католики ужаснулись; кардиналъ де-Турнонъ громко негодовалъ на то, что короля и герцога Орлеанскаго водятъ въ такія сборища, гдѣ слуха ихъ касаются столь нечестивыя рѣчи; онъ требовалъ прекращенія диспута. Однако его не послушали, и Беза договорилъ свою рѣчь. Но послѣ этого о примиреніи, конечно, нельзя было и думать.

Шестнадцатаго сентября происходило второе собраніе. Кардиналъ Лотарингскій говорилъ рѣчь, богословское содержаніе которой было составлено умѣреннымъ католическимъ богословомъ Депансомъ. Кардиналъ хитро доказывалъ, что протестанты, лютеране и кальвинисты сами несогласны между собой. Онъ предложилъ договориться сначала о двухъ главныхъ вопросахъ, такъ какъ это поможетъ потомъ согласиться на счетъ прочихъ. Вопросы эти касались значенія церкви въ дѣлахъ вѣры и ученія о причащеніи. Кардиналъ говорилъ о нихъ такъ подробно и опредѣлительно въ римскомъ смыслѣ, что привелъ въ восторгъ

епископовъ; они окружили кардинала де-Турнона и объявили, что дальнѣйшія пренія не нужны, если кальвинисты не признаютъ ученіе кардинала по этимъ двумъ вопросамъ. Тогда Беза, преклонивъ колѣно, обратился къ королю и сказалъ, что, выслушавъ доводы, которые кардиналъ Лотарингскій привелъ за духовенство, и чувствуя себя способнымъ отвѣчать немедленно на каждый вопросъ, потому что они еще живы у него въ памяти, онъ проситъ дозволенія возражать тотчасъ же. Королевскій совѣтъ приступилъ къ совѣщаніямъ объ этой просьбѣ, и противники кальвинистовъ искусно вывели королеву изъ затрудненія. Совѣтъ отвѣчалъ, что совершенно согласенъ исполнить желаніе Беза; но такъ какъ рѣчь кардинала продолжалась цѣлыхъ два часа, то Беза вѣроятно придется говорить еще долѣе; между тѣмъ уже поздно, и потому необходимо отложить рѣчь до другаго раза; тѣмъ временемъ Беза можетъ переговорить съ своими товарищами и представить результаты этихъ совѣщаній, когда совѣтъ призоветъ его.

Но прежде чѣмъ состоялось новое собраніе, во Францію прибылъ папскій легатъ, кардиналъ Ипполитъ д'Эсте Феррарскій; онъ имѣлъ богатыя бенефиціи во Франціи, приходился ближайшимъ родственникомъ владѣтельному герцогу Феррарскому и былъ силенъ своими обширными связями. Въ свитѣ его состоялъ іезуитъ Іаковъ Лайнезъ, который уже разыгралъ на Тридентскомъ соборѣ роль волка въ овечьей шкурѣ; онъ пріѣхалъ во Францію съ цѣлью выхлопотать своему ордену право на законное существованіе, въ чемъ доселѣ ему отказывали. Кардиналъ Феррарскій испыталъ дорогой признаки негодованія французскаго народа на папское вмѣшательство въ ихъ гражданскія и религіозныя дѣла. Въ Ліонѣ народъ нанесъ ему оскорбленіе; тоже повторилось и въ Сенъ-Жерменѣ. Депутаты третьяго сословія, еще не разъѣхавшіеся изъ Понтуаза, и парижскій университетъ протестовали противъ нарушенія ихъ правъ папою. Все это внушило лукавому итальянскому принцу осторожность и умѣренность. Поэтому онъ не противился продолженію религіознаго диспута, но удалилъ короля и его брата и придалъ преніямъ частный характеръ, устранивъ всякую торжественность и офиціальность. 24 сентября Беза былъ снова приглашенъ; но кардиналъ уже не вступалъ съ нимъ въ диспутъ, а засѣдалъ въ качествѣ судьи, и свободная бесѣда имѣла видъ судебнаго слѣдствія при закрытыхъ дверяхъ. Войдя въ залу конференцій, Беза засталъ тамъ только королеву мать, королеву наваррскую, принцевъ крови, нѣсколькихъ государственныхъ совѣтниковъ, пять епископовъ и пятнадцать или шестнацать докторовъ богословія. Поэтому усилія Беза и Петра Мартира были тщетны. Въ концѣ засѣданія кардиналъ коварно предложилъ имъ сдѣлать первый шагъ къ примиренію, подписавъ или исповѣданіе причащенія, составленное Кальвиномъ и близко подходившее къ догмату Лютера, или другое исповѣданіе, изложенное въ сочиненіи сорока виртембергскихъ богослововъ. Кардиналъ пригласилъ изъ Германіи шесть лютеранскихъ богослововъ, чтобы стравить лютеранъ съ кальвинистами. Изъ нихъ пятеро пріѣхали въ Парижъ, но отказались отправиться въ Сенъ-Жермень. Поэтому кардиналъ придумалъ другой способъ обличить протестантовъ въ разногласіи между собою, и съ этой цѣлью требовалъ, чтобы Беза одобрилъ лютеровское исповѣданіе. Но Беза разстроилъ его планъ, доказавъ, что такой поступокъ съ его стороны ни къ чему не поведетъ, потому что если онъ и подпишетъ лютеровское исповѣданіе, то кардиналъ все-таки откажется подписать его, и слѣдовательно, примиреніе не состоится.

Въ засѣданіи этомъ іезуитъ Іаковъ Лайнесъ такъ ругался и неистовствовалъ, что о примиреніи нечего было и думать, тѣмъ болѣе, что Беза съ своей стороны осмѣялъ его, впрочемъ очень деликатно. Однако Екатерина и канцлеръ сочли необходимымъ, наперекоръ тріумвирату, до нѣкоторой степени удовлетворить протестантовъ. Поэтому, когда уже рушилась всякая надежда на примиреніе, Беза удержали при дворѣ, поручивъ ему и нѣсколькимъ умѣреннымъ епископамъ и докторамъ, весьма расположеннымъ къ протестантизму, составить исповѣданіе, которое бы удовлетворило католиковъ и въ тоже время нравилось протестантамъ. Исповѣданіе это было составлено, и епископы не нашли въ немъ ничего предосудительнаго; но университетъ, которому представили его на разсмотрѣніе, нашелъ, что оно крайне соблазнительно. Тѣмъ не менѣе правитель-

ство желало угодить протестантскимъ членамъ совѣта регентства и притомъ было вынуждено ради общественнаго спокойствія предпринять мѣры для огражденія протестантовъ отъ оскорбленій и насилій фанатической черни. Яростные монахи вопили съ кафедръ противъ протестантскихъ принцевъ и возбуждали народъ къ насиліямъ противъ протестантскихъ собраній и религіозныхъ диспутовъ. Самыми неистовыми оказывались нищенствующіе монахи и іезуиты, призывавшіе народъ къ рѣзнѣ и убійствамъ. Но самымъ свирѣпымъ проповѣдникомъ истребленія протестантовъ былъ одинъ францисканецъ, котораго князь де-ла-Рошъ-сюръ-Іонъ, какъ членъ совѣта регентства, приказалъ схватить ночью въ монастырѣ и отправить въ Сенъ-Жерменскую тюрьму за возмутельную проповѣдь. На другой день принцъ сообщилъ парламенту повелѣніе короля предать этого монаха суду. Но народъ вступился за проповѣдника, устремился толпой въ предмѣстье, наводнилъ залы дворца юстиціи и такъ грозно кричалъ, что парламентъ освободилъ мятежнаго проповѣдника, котораго народъ съ торжествомъ проводилъ въ его церковь.

Съ этого времени начались постоянныя драки между обѣими религіозными партіями; наконецъ 26 декабря 1561 произошла кровопролитная схватка. Гугеноты собирались для богослуженія въ одинъ большой частный домъ въ предмѣстьи Сенъ-Марсо, но католики мѣшали имъ молиться звономъ въ колокола католической церкви св. Мерарда, находившейся по близости. Это случалось уже неоднократно. На второй день рождества нѣсколько сотъ гугенотовъ собрались въ этомъ домѣ; католики по обыкновенію принялись звонить во всѣ колокола, чтобы мѣшать гугенотамъ слушать проповѣдь. Тогда нѣсколько человѣкъ изъ общины отправились просить католиковъ прекратить звонъ. Но католики не только не обратили на просьбу никакого вниманія, но даже прибили одного гугенота. Товарищъ его призвалъ на помощь общину, въ которой было не мало здоровыхъ бойцовъ. Они бросились въ католическую церковь, выломали двери и накинулись съ обнаженными мечами на находившихся въ ней. Послѣ страшной рѣзни они разломали и разрушили всю внутренность церкви и, такъ какъ полиція приняла ихъ сторону, связали и отвели въ тюрьму тридцать двухъ гражданъ и священниковъ. Парламентъ не могъ немедленно освободить заключенныхъ. „Случай этотъ можно считать началомъ продолжительной и кровавой религіозной войны во Франціи, потому что на другой день католики съ своей стороны сожгли скамейки въ протестантской молитвенной залѣ и затѣмъ подобныя же явленія повторились во всѣхъ провинціяхъ. Чтобы прекратить безпорядки, правительство рѣшилось точно опредѣлить условія терпимости и устранить ложное толкованіе іюльскаго эдикта и выгодъ, пріобрѣтенныхъ протестантами въ Пуасси. Съ этою цѣлью созвали собраніе въ Сенъ-Жермень, чтобы подкрѣпить его согласіемъ правительственныя распоряженія. Въ собраніе были приглашены представители всѣхъ парламентовъ, принцы крови, высшіе сановники короны, государственные совѣтники и статсъ-секретари (maitres des requêtes). Даже коннетабль, окончательно сблизившійся съ Гизами и старавшійся склонить на сторону католиковъ короля наваррскаго, присутствовалъ въ Сенъ-Жерменѣ. Не присутствовали только Гизы.

Королева объявила собранію, что она и ея сынъ будутъ твердо стоять за государственную церковь и не допустятъ ни малѣйшихъ измѣненій или уклоненій отъ католицизма, но тѣмъ не менѣе намѣрены торжественно даровать кальвинистамъ нѣкоторую терпимость. О свойствахъ и предѣлахъ этой терпимости подробно говорилъ канцлеръ; въ утѣшеніе католикамъ королева прибавила, что все, предоставляемое гугенотамъ новымъ эдиктомъ, имѣетъ силу лишь до рѣшенія религіозныхъ вопросовъ вселенскимъ соборомъ. Но этому эдикту противились только коннетабль, маршалъ Сентъ-Андре и ихъ партія. При этомъ коннетабль совершенно поссорился съ адмираломъ де Колиньи; до того времени они, какъ родственники и друзья, жили въ согласіи, но съ этихъ поръ стали непримиримыми врагами. Эдиктъ былъ принятъ и 17 января 1562 обнародованъ. Онъ извѣстенъ подъ именемъ январьскаго или толерантнаго эдикта. Сущность его состояла въ слѣдующемъ: «Протестанты имѣютъ право свободно исполнять обряды своей религіи за чертами городовъ; если они будутъ вести себя смирно, то парламенты обязаны защищать ихъ во время богослуженія. Церкви,

священная утварь и ризы, которыми они овладѣли, должны быть возвращены католикамъ. Кромѣ того они должны соблюдать католическіе праздники. Проповѣдники ихъ обязаны воздерживаться отъ брани и оскорбленій католиковъ и жить на одномъ мѣстѣ, не разъѣзжая съ цѣлью распространенія своей религіи». Парламенты утвердили эдиктъ; впрочемъ парижскій парламентъ долго противился и далъ утвержденіе только 5 марта. Бургундскій парламентъ (въ Дижонѣ) отказался утвердить его и просилъ защиты противъ королевы, канцлера и принцевъ у намѣстника Бургундіи, маршала де Таванна. Въ своихъ запискахъ маршалъ хвалится этимъ, говоря, что оказалъ услугу религіи и государству, силой воспрепятствовавъ исполненію закона *). Коннетабль и герцогъ Францискъ де Гизъ рѣшились противиться эдикту силою. Папа Пій IV и король испанскій старались по возможности запутать французскія дѣла, первый, чтобы поддержать свое поколебавшееся значеніе во Франціи, второй, чтобы наловить рыбы въ мутной водѣ и воспрепятствовать французскимъ кальвинистамъ помочь своимъ нидерландскимъ единовѣрцамъ, которыхъ онъ намѣревался подвергнуть жестокимъ гоненіямъ. Папа и Филиппъ II отправили къ французскому двору уполномоченныхъ, обладавшихъ всѣми достоинствами искусныхъ дипломатовъ, для чего, какъ извѣстно, прежде всего нужно пренебрегать началами нравственности. Посланникомъ римскаго двора со времени диспута въ Пуасси былъ Ипполитъ д'Эсте князь-кардиналъ Феррарскій. Во время изданія январскаго эдикта онъ опуталъ королеву Екатерину Медичи сѣтями папскихъ интригъ, поссорилъ слабаго короля наваррскаго съ его братомъ принцемъ, де Конде, и соединилъ его съ Гизами. Король испанскій назначилъ своимъ посломъ во Франціи П е р р е н о д е Ш а н т о н э, письма котораго проливаютъ яркій свѣтъ на сложныя интриги того времени. Перрено имѣлъ порученіе раздувать втихомолку огонь и стараться внушить католикамъ подозрѣніе къ королевѣ. По письмамъ его видно, что дѣйствія его увѣнчались успѣхомъ и принудили Екатерину, которая заботилась не о религіи, а о власти, отступиться отъ протестантовъ. Кардиналъ Феррарскій, испанскій посланникъ и папскій нунцій Просперъ де Санта-Кроче склонили на свою сторону короля наваррскаго, давъ ему надежду на пріобрѣтеніе или испанской Наварры, или, въ замѣнъ ея, владѣнія въ Савойѣ. За это онъ долженъ былъ возвратиться къ католицизму. Антонъ, будучи равнодушенъ къ религіи, дался въ обманъ. Онъ отослалъ въ Беарнъ свою жену, которая была ревностная и твердая протестантка **); но сына своего Генриха, бывшаго еще ребенкомъ, онъ удержалъ при себѣ, обѣщалъ воспитывать въ католицизмѣ и удалился отъ двора. Екатерина, раздѣлившая съ Антономъ регентство надъ молодымъ королемъ, была принуждена уволить адмирала и его братьевъ и пристать къ испано-папской партіи. Съ этого времени эта партія, главою которой былъ тріумвиратъ, стала господствовать въ королевскомъ совѣтѣ. Тогда протестанты начали вооружаться; имъ покровительствовали принцъ де Конде, адмиралъ и королева Жанна наваррская. Они рѣшились силою сохранить за собой права, предоставленныя имъ январскимъ эдиктомъ.

При этомъ кризисѣ Екатерина отлично разыграла свою роль, не разорвавъ явно связь съ протестантами, хотя, по письмамъ ужаснаго короля Филиппа испанскаго уже давно видѣла, чего именно желаютъ папа, Гизы и тріумвиратъ. Филиппъ писалъ королевѣ Екатеринѣ, на старшей дочери которой былъ женатъ уже нѣсколько лѣтъ: «если вы не перестанете терпѣть ересь, то мнѣ нельзя будетъ воспрепятствовать ей распространиться въ Испаніи и въ Нидерландахъ. Вамъ слѣдуетъ избавить огнемъ и мечомъ ваше государство отъ этой чумы,

---

*) Парижскій парламентъ былъ силою принужденъ утвердить эдиктъ, и примѣру его послѣдовали прочіе, hormis, говоритъ маршалъ де Таваннъ, celle de Bourgogne où le dit entérinement fut v e r t u e u s e m e n t empesché par le Sieur de Tavannes, lieutenant-général, q u i s'o p p o s a d i r e c t e m e n t, d o n t i l o b t i n t b e a u c o u p d'h o n n e u r. (Кромѣ бургундскаго, гдѣ утвержденію его б л а г о р о д н о воспрепятствовалъ намѣстникъ, г. де-Таванъ, к о т о р ы й, п р я м о в о с п р о т и в и в ш и с ь э т о м у, п р і о б р ѣ л ъ т ѣ м ъ с е б ѣ в е л и к у ю с л а в у).

**) Она была дѣйствительно тверда въ вѣрѣ; но разсказъ о томъ, будто она, держа въ одной рукѣ сына, а въ другой корону, сказала, что скорѣе броситъ ихъ въ воду, чѣмъ пойдетъ къ обѣднѣ,—не болѣе, какъ газетная утка.

какъ бы ни было велико число зачумленныхъ; я готовъ съ своей стороны всѣми силами помогать вамъ въ этомъ предпріятіи».

Герцогъ Францискъ де Гизъ и коннетабль начали свирѣпствовать противъ протестантовъ прежде, чѣмъ слабый король наваррскій перевелъ дворъ изъ Фонтенбло къ нимъ въ Парижъ. Герцогъ удалился отъ двора въ ноябрѣ 1561; онъ ѣздилъ съ своимъ братомъ, кардиналомъ Лотарингскимъ, въ Цабернъ убѣждать нѣмецкихъ лютеранъ отказать въ помощи французскимъ кальвинистамъ, если они будутъ просить о ней. Съ этою цѣлью они пригласили въ Цабернъ герцога Христофа Виртембергскаго. Добрый герцогъ дался въ обманъ и привезъ съ собой своего богослова Бренца, такъ какъ кардиналъ изъявилъ желаніе вступить съ нимъ въ диспутъ объ ученіи Лютера. Христофъ удивился, встрѣтивъ въ кардиналѣ готовность уступить лютеранамъ въ такихъ вопросахъ, въ которыхъ Кальвинъ и Беза рѣшительно расходились съ ними; онъ попался на удочку и вступилъ въ тѣсный союзъ съ Гизами.

Въ это время Францискъ де Гизъ получилъ отъ короля наваррскаго офиціальную бумагу; Антонъ уже успѣлъ разойтись съ братомъ, Шатильонами и прочими протестантами и соединился съ испанской партіей. Посланіе его заключало въ себѣ предписаніе его, какъ намѣстника государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ дружескую просьбу, чтобы герцогъ поспѣшилъ идти со всей своей конной гвардіей (compagnie d'ordonnance) и со всѣми друзьями, которыхъ можетъ собрать, спасать католическую религію и Парижъ. Герцогъ немедленно выступилъ и въ началѣ марта 1562, въ четырехъ часахъ пути отъ Жуанвиля, въ городкѣ Васси, встрѣтилъ случай потѣшить свой фанатизмъ.

Городокъ Васси былъ частью вдовьяго удѣла Маріи Стюартъ, которая поручила управлять имъ своей бабкѣ, Антуанеттѣ Бурбонской, матери Гизовъ. Герцогинѣ очень не нравилось, что протестанты устроили въ Васси свое богослуженіе въ одномъ амбарѣ, близъ собора; при томъ они оскорбили епископа шалонскаго, который пріѣзжалъ въ Васси съ двумя богословами на диспутъ съ кальвинистскими проповѣдниками. Герцогъ де Гизъ, мать котораго граждане называли не иначе какъ матерью тирана, составилъ свой маршрутъ такъ, чтобы прибыть въ Васси въ воскресенье; онъ сошелъ съ лошади у собора и вошелъ въ церковь слушать мессу въ то самое время, когда протестанты собрались на проповѣдь. Священникъ и мѣстный судья пожаловались герцогу на протестантовъ, которые проповѣдовали и распѣвали у самаго собора. Герцогъ немедленно послалъ молодаго де Бросса и двухъ пажей позвать проповѣдника и протестантскихъ старшинъ. Но протестанты захлопнули двери своего амбара передъ носомъ посланныхъ. Пажи принялись стучать и кричать неистовымъ образомъ; за это ихъ прибили. Тогда старикъ де Броссъ и самъ де Гизъ съ служителями поспѣшили къ нимъ на помощь, но были встрѣчены каменьями и получили ушибы. Наконецъ солдаты бросились на гражданъ, многихъ переранили и шестьдесятъ человѣкъ убили. Говорятъ, что при этомъ герцогъ де Гизъ отвѣчалъ мѣстному судьѣ, напомнившему ему январскій эдиктъ, что изрубитъ этотъ эдиктъ своимъ мечомъ. Екатерина Медичи и король наваррскій, которымъ управляли хитрый нунцій и легатъ Ипполитъ, жили сначала въ Монсо, а потомъ въ Фонтенбло. Королева дѣлала сперва видъ, будто намѣрена противиться вступленію въ Парижъ герцога Гиза съ его товарищами и фанатической ватагой. Она приняла протестантское посольство, пришедшее къ ней съ жалобою на кровопролитіе въ Васси, и милостиво отвѣчала оратору посольства, Теодору де Беза. Но король Антонъ наваррскій принялъ ихъ очень сурово; народъ осмѣялъ въ уличной пѣснѣ *) малодушіе и измѣну этого человѣка. 16 марта Гизы торжественно вступили въ Парижъ; тогда и Антонъ со всѣмъ дворомъ отправился туда. Королева приняла видъ угнетенной жертвы, которую Антонъ привезъ въ столицу насильно и которая непричастна ничему, что дѣлается противъ протестантовъ; дѣйствительно, канцлеръ ея не одобрялъ насильственныхъ мѣръ. Въ тоже время Конде и его друзья повсемѣстно взялись за оружіе, потому что коннетабль и маршалъ Сентъ-Андре прямо отказались исполнять повелѣніе, данное имъ именемъ короля, слѣ-

---

*) Caillette (старая баба) a tourné sa jaquètte.

довать январьскому эдикту и не препятствовать протестантамъ молиться за воротами городовъ. Коннетабль не постыдился даже отправиться съ войскомъ и возбужденною монахами чернью за ворота Сенъ-Жакъ и Поплиньеръ, разрушать протестантскія молельни. Онъ велѣлъ сжечь скамейки, кафедру и остальную мебель и возвратился въ Парижъ съ торжествомъ, какъ будто совершилъ великій подвигъ. Протестанты прозвали его за это воеводой-сжигателемъ скамеекъ (capitaine brule-bancs).

Началась междоусобная война. Вся протестантская знать примкнула къ Конде и Колиньи и избрала перваго своимъ вождемъ. Они объявили, что, такъ какъ король, его мать и жалкій Антонъ наваррскій находятся во власти Гизовъ, коннетабля де Монморанси и маршала Сентъ-Андре, то ихъ должно считать плѣнными. Протестанты заняли Тулузу, Ліонъ, Буржъ и Орлеанъ, гдѣ устроили свой сборный пунктъ; однако силы ихъ были значительно слабѣе католическихъ. Не имѣя возможности слѣдить за всѣми подробностями тогдашней исторіи Франціи, мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторые факты, имѣвшіе важность для послѣдующихъ событій. 8-е апрѣля 1562 было днемъ всенароднаго объявленія, что единство правительства не существуетъ, что король сталъ вождемъ партіи и что двѣ враждебныя арміи готовы рѣшить битвой, кого должно считать настоящимъ правителемъ. Число это означено въ манифестѣ или декларацiи принца де Конде, гдѣ онъ излагаетъ основанія, побудившія его и его единовѣрцевъ взяться за оружіе противъ парижскаго правительства. Правительство, говоритъ Конде въ своемъ манифестѣ, перестало быть народнымъ и законнымъ; оно явно находится во власти испанскаго посланника, нунція и легата, и главный голосъ въ немъ принадлежитъ иностраннымъ лотарингскимъ принцамъ (Гизамъ). Конде прибавляетъ однако въ концѣ, что готовъ отступить и положить оружіе, если враги его религіи также откажутся отъ непріязненныхъ дѣйствій *).

Такъ какъ протестанты утверждали, что король и его мать находятся въ плѣну у тріумвирата, то послѣдній съ своей стороны офиціально объявилъ 7 апрѣля, что Конде и адмиралъ лгутъ, говоря, будто король и его мать содержатся въ плѣну. 11 апрѣля правительство объявило, что желаетъ сохранить январскій толерантный эдиктъ, но что онъ не долженъ только распространяться на Парижъ. Протестанты сдѣлали принца де Конде съ титуломъ «защитника и охранителя короны» главою совѣта, составленнаго изъ важнѣйшихъ протестантскихъ дворянъ. Эти вельможи, владѣвшіе большими помѣстьями и содержавшіе въ своихъ городахъ войска, были три брата Шатильоны, князь Порсіа изъ дома Круи, графъ де-Ла-Рошфуко, виконтъ де Роганъ, де Монгомери графъ де Лоржъ, графъ де Грамонъ, де Субизъ, Водрэ сеньеръ де Муи, Ранье сеньеръ д'Эстернэ и братья Жанли и Ивуа. Протестантскіе нотабли немедленно назначили налогъ и рекрутскій наборъ и учредили надзоръ за фанатическими проповѣдниками, которые своими рѣчами могли довести религіозное одушевленіе жителей южной Франціи до неистовствъ. Поводъ къ этому распоряженію далъ Беза, находившійся въ арміи съ самаго начала войны. Его проповѣди были такъ возмутительны, что его даже обвиняли въ воззваніи къ убійству Гизовъ; однако онъ постоянно письменно и словесно отрицалъ это.

Въ Гіэни Монлюкъ подавилъ движеніе съ страшной жестокостью; во всѣхъ большихъ городахъ юга кровь лилась потоками, и съ обѣихъ сторонъ совершались неслыханные ужасы. Гизы пріобрѣли содѣйствіе герцога Савойскаго, пожертвовавъ города, которыми французы владѣли въ его странѣ; королева же, чтобы получить отъ папы ничтожную сумму ста тысячъ экю, была принуждена обѣщать его нунцію и легату первенство въ совѣтѣ; папскіе представители стали требо-

*) Il demandoit qu'on enjoignit aux Sieurs de Guise, Connétable, maréchal de St. André, de se retirer en leurs maisons, ajoutant qu'encores que lui Seigneur Prince ne soit de ce rang pour estre envoyé en sa maison, d'autant qu'il a ceste honneur d'estre Prince de sang, il offre s'y retirer volontiers et faire desarmer toute la compagnie, qui est avec lui. (Онъ просилъ, чтобы г. г. де Гизу, коннетаблю и маршалу де Сент-Андре было приказано удалиться домой; прибавляя, что въ такомъ случаѣ и онъ согласенъ добровольно удалиться и обезоружить свои войска, хотя ему нельзя приказать удалиться, такъ какъ онъ имѣетъ честь быть принцемъ крови).

вать удаленія канцлера л'Опиталя и кроткаго епископа Монлюка. Принцъ де Конде дѣйствовалъ такимъ же образомъ и, подобно тому какъ католики обратились къ Филиппу II испанскому, искалъ помощи королевы Елизаветы, хотя Англія находилась въ то время въ мирѣ съ Франціей. Протестанты предложили англичанамъ доставить имъ Гавръ и впустить войска ихъ въ Руанъ и Діеппъ; за это Англія должна была послать армію въ Нормандію и дать гугенотамъ 40 тысячъ экю на веденіе войны. Эта субсидія пошла на жалованье вербовавшимся нѣмцамъ и швейцарцамъ. Колиньи и Конде утѣшали свою партію, увѣряя ее, что ведутъ переговоры съ Цюрихомъ и Берномъ и что имъ обѣщали свое содѣйствіе курфирстъ Пфальцскій, пфальцграфъ Цвейбрюккенскій, Бранденбургъ, храбрый ландграфъ Филиппъ Гессенскій, герцогъ Виртембергскій и Саксонія (но саксонское правительство было слишкомъ предано лютеранству, чтобы помогать кальвинистамъ).

Католическая и протестантская арміи стояли на Луарѣ, другъ противъ друга; первая имѣла намѣреніе овладѣть Орлеаномъ, а вторая рѣшилась защищать его. Хотя споръ могъ рѣшиться только оружіемъ, тѣмъ не менѣе противники начали переговоры. Екатерина воспользовалась тупостью короля Антона, чтобы при помощи его обмануть его брата. Ей нужно было удалить тріумвиратъ, въ чемъ она и успѣла во время переговоровъ. Протестанты же хотѣли протянуть время до прибытія англичанъ и нѣмцевъ. Слѣдовательно, обѣ стороны не думали серьезно о мирѣ, и переговоры были безуспѣшны. Неудавшаяся попытка Конде аттаковать королевскую армію, подступившую къ Орлеану, принудила королеву снова призвать тріумвиратъ и издать черезъ парламентъ грозный эдиктъ противъ всѣхъ приверженцевъ адмирала, его племянниковъ и принца де Конде— какъ противъ разбойниковъ, убійцъ и святотатцевъ *). Отъ наказаній, которыми грозилъ эдиктъ, были избавлены, по повелѣнію королевы, только Конде и всѣ тѣ, которые къ назначенному сроку сложатъ оружіе.

Война началась неблагопріятно для протестантовъ; войско ихъ было самое нестройное и разнокалиберное, такъ какъ аристократія, стоявшая за нихъ, испугавшись эдикта, увела свои отряды домой. Королевское войско двинулось дальше къ Луарѣ; протестанты покидали города и выступали изъ однихъ воротъ въ то время, какъ король Антонъ или, вѣрнѣе, Гизъ, вступалъ въ другія. Королева и канцлеръ содѣйствовали разсѣянію протестантскаго войска обѣщаніемъ помилованія тѣмъ, кто покинетъ его; обѣщаніе это исполнялось ими. За то герцогъ Францискъ предавалъ грабежу всѣ города, которые бралъ, хотя бы даже на капитуляцію; Туръ и Блуа прежде всѣхъ подверглись этой участи. Въ Турѣ герцогъ де Монпансье велѣлъ казнить многихъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя не соглашались отречься отъ евангелическаго ученія. Буржъ сопротивлялся упорно до прибытія Антона наваррскаго и самого ребенка-короля; тогда онъ сдался на капитуляцію 31 августа 1562. Несмотря на капитуляцію, гугенотамъ было предписано удалиться изъ города, и при выходѣ ихъ многіе изъ нихъ были убиты. Маршалъ де-Сентъ-Андре еще 1 августа взялъ Пуатье приступомъ.

Въ то время, когда католики свирѣпствовали по сю и по ту сторону Луары,

---

*) Sont déclaré, гласилъ эдиктъ, rebelles, ennemis de dieu et de la couronne de France, perturbateurs du repos publique, criminels de lèze majesté divine et humaine tous ceux, qui par forme d'hostilité sont en armes contre le roi ès villes d'Orléans, Lyon, Rouen, Poitiers, Bourges, qui ont pillé, saccagé et demoli les lieux saints, brulé les reliques, abbatu les croix, dérobé et profané des calices et autres vases sacrés, violés sepulcres des rois, princes, ducs, comtes et seigneurs particuliers, saisi les deniers publics, saccagé les villes, bourgs et villages, ensemble leurs fauteurs, complices et adhérens, leurs biens seront confisqué et il est entjoint aux officiers de la justice de les saisir du corps et de les constituer prisonniers partout où ils pourraient être arrêtés. (Мятежниками, врагами Бога и французской короны, нарушителями общественнаго спокойствія, виновными въ оскорбленіи божественнаго и королевскаго величества, объявляются всѣ, кто поднялъ оружіе противъ короля въ Орлеанѣ, Ліонѣ, Руанѣ, Пуатье, Буржѣ, кто грабилъ, расхищалъ и разрушалъ церкви, жегъ мощи, сокрушалъ кресты, похищалъ и оскверналъ св. чаши и сосуды, оскорблялъ гробницы королей, принцевъ, герцоговъ, графовъ и частныхъ господъ, присвоивалъ общественныя суммы, грабилъ города, замки и деревни, а также всѣ подстрекатели, соучастники и приверженцы ихъ; имущества ихъ будутъ конфискованы, и полиции предписывается хватать и брать ихъ всюду, гдѣ они покажутся).

протестантское войско подъ командой Монгомери стояло въ Нормандіи. Эта провинція, какъ центръ протестантизма, находилась почти вся во власти протестантовъ; кромѣ того, первые транспорты англійскихъ вспомогательныхъ войскъ уже прибыли сюда. Поэтому королевскимъ войскамъ, стоявшимъ предъ Орлеаномъ, было необходимо двинуться на Сену, прежде чѣмъ англичане успѣютъ овладѣть нормандскими городами. Но королевскимъ войскамъ грозила опасность и съ другой стороны, потому что нѣмецкія вспомогательныя войска, обѣщанныя протестантамъ, начали уже собираться на Рейнѣ; тогда правительству пришлось послать отрядъ въ Шампань для прегражденія имъ пути. Вслѣдствіе того осада Орлеана была снята, и оставлена лишь блокада; правительственная армія раздѣлилась на нѣсколько отрядовъ. Одинъ изъ нихъ перешелъ Луару и занялъ всѣ города, откуда непріятель могъ получать подкрѣпленіе или продовольствіе. Другой, подъ командой маршала Сентъ-Андре, двинулся въ Шампань, съ цѣлью подготовить всевозможныя затрудненія походу нѣмецкихъ войскъ, которымъ, по многочисленности ихъ, нельзя было противиться въ полѣ. Наконецъ главная армія, подъ начальствомъ Франциска де Гиза, направилась въ Нормандію и начала осаду Руана, который младшій братъ Франциска, герцогъ д'Омаль, уже нѣсколько мѣсяцевъ держалъ въ блокадѣ.

Въ это время кардиналъ Лотарингскій разстался съ своимъ братомъ, герцогомъ Францискомъ, котораго съ тѣхъ поръ уже не видалъ. Подъ предлогомъ примирить религіозныя несогласія на всеобщемъ соборѣ, кардиналъ отправился въ Тридентъ, откуда возвратился уже по смерти своего брата. Передъ Руаномъ герцогъ Францискъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе, такъ какъ граждане и солдаты мужественно защищали городъ. Герцогъ вызвалъ въ осаждающую армію генералъ-намѣстника и самого короля. Упорное сопротивленіе осажденныхъ принудило герцога рѣшиться на приступъ. Въ концѣ октября Руанъ былъ взятъ. Этотъ городъ, второй по значенію въ государствѣ, былъ обреченъ на нѣсколько дней убійствъ и грабежа и преданъ въ жертву грубой фанатической ордѣ, составляющей осаждающую армію. Но завоеваніе Руана стоило жизни королю Антону наваррскому; находясь въ траншеѣ, онъ получилъ рану, которая вслѣдствіе злокачественной лихорадки сдѣлалась смертельною. 17 ноября 1562 Антонъ умеръ. Его смерть открыла герцогу де Гизу путь къ генералъ-намѣстничеству. Но протестанты также выиграли отъ смерти Антона, потому что вдова его, ревностная кальвинистка, стала съ тѣхъ поръ управлять владѣніями своего сына, будущаго короля Генриха IV, и воспитала его въ протестантизмѣ. Однако сперва Екатерина удержала этого принца при себѣ, и онъ долженъ былъ притворяться католикомъ. Екатерина очень любила его за живой умъ.

Дѣла протестантовъ шли очень дурно не только въ Нормандіи, но и въ Гіэни. Въ Провансѣ и въ Дофинэ они были также побѣждены, и ихъ жестоко преслѣдовали. Такое положеніе дѣлъ и опасеніе, что Францискъ де Гизъ сдѣлается генералъ-намѣстникомъ Франціи на мѣсто Антона, побудило сильнѣйшихъ нѣмецкихъ государей рѣшиться наконецъ серьезно помочь своимъ единовѣрцамъ. Къ сожалѣнію, должно замѣтить, что нѣмцы, продававшіе себя въ эту войну обѣимъ сторонамъ, смотрѣли не на то, чему служатъ, а на то, кто больше платитъ. Рейнграфъ Филиппъ и Роккендорфъ служили все время королю французскому, хотя были протестанты, и пренебрегли произнесенной надъ ними имперской опалой. Большая часть рейтаровъ и ландскнехтовъ была, по словамъ Кастельно, протестанты. Нѣмецкіе господа, торговавшіе солдатами, прямо говорили Кастельно, который вербовалъ войска для французской королевы, что очень неохотно идутъ изъ разсчета противъ своихъ единовѣрцевъ. Германскіе протестантскіе государи долго не рѣшались послать помощь своимъ французскимъ единовѣрцамъ. Наконецъ Гессенъ, Пфальцъ и Виртембергъ послали отрядъ конницы и ландскнехтовъ. Французы говорятъ, что усердіе это явилось только тогда, когда Колиньи и Конде получили субсидіи отъ англичанъ; но новѣйшій историкъ Кургессена говоритъ, что Гессенъ, Виртембергъ, Пфальцъ и Баденъ сами дали сто тысячъ гульденовъ. Чтобы получить помощь, принцъ де Конде послалъ въ Германію ученаго, краснорѣчиваго и уважаемаго епископа Спизама, который отказался отъ епископства и перешелъ въ протестантизмъ. На сеймѣ въ Франкфуртѣ Спизамъ произнесъ рѣчь, которая дошла до насъ и произвела чудеса. Онъ насто-

ялъ на объявленіи опалы всѣмъ помогавшимъ Гизамъ. Не д'Андло, какъ обыкновенно полагаютъ, а Спизамъ привелъ во Францію нѣмецкія вспомогательныя войска. О заслугахъ его необходимо напомнить, потому что смерть его — такое же пятно на памяти Беза, какъ казнь Серве на памяти Кальвина. Извѣстно, что Кальвинъ приказалъ сжечь, какъ еретика, испанскаго протестанта Серве; такимъ же образомъ Беза изъ зависти къ талантамъ Спизама обвинилъ его въ политической измѣнѣ, и въ мартѣ 1566 Спизамъ былъ казненъ въ Женевѣ. Казнь Спизама въ Женевѣ не подлежитъ сомнѣнію; скорѣе можно сомнѣваться въ томъ, былъ ли причиною его смерти фанатизмъ протестантскаго духовенства, которое въ властолюбіи, жестокости и фанатизмѣ не уступало католическому. Мы вовсе не утверждаемъ, что Спизамъ былъ совершенно невиненъ. Но во всякомъ случаѣ Беза поступилъ въ высшей степени низко. По смерти Спизама онъ сочинилъ эпиграму, въ которой смѣялся надъ несчастнымъ за то, что онъ пожертвовалъ ради женитьбы епископствомъ.

Гессенъ согласился выставить около девяти тысячъ человѣкъ, но начальники этого войска, Іоганнъ фонъ Раценбергъ и Фридрихъ фонъ Шлихтенъ, были подкуплены французскимъ посланникомъ и не хотѣли выступить раньше весны 1563. Ландграфъ Филиппъ выбранилъ ихъ за это лѣтними воинами и назначилъ на ихъ мѣсто своего гофмаршала, Фридриха фонъ Рольсгаузена. Рольсгаузенъ расположился лагеремъ въ Бахарахѣ въ то время, когда виртембергцы двинулись чрезъ Страсбургъ въ Эльзасъ. Здѣсь д'Андло принялъ надъ ними начальство, послѣ чего съ нимъ соединились и гессенцы. Маршалъ Сентъ-Андре, стоявшій въ Шампани, не имѣлъ силъ остановить нѣмецкое войско, простиравшееся почти до девяти тысячъ; но онъ испортилъ всѣ дороги и частью уничтожилъ, частію перевезъ въ укрѣпленные города продовольствіе. Походъ д'Андло, которой велъ свое войско въ Орлеанъне чрезъ Шампань, а чрезъ Лотарингію и Бургундію, пріобрѣлъ въ военной исторіи знаменитость. Впрочемъ ближайшій родственникъ Гизовъ, герцогъ Лотарингскій, вѣроятно изъ опасенія навлечь на себя месть германскихъ государей, щедро снабжалъ его продовольствіемъ.

Когда этотъ вспомогательный корпусъ соединился 6 ноября съ главными силами протестантовъ, принцъ де Конде вознамѣрился, пользуясь удаленіемъ королевской арміи, покорявшей Руанъ, напасть врасплохъ на Парижъ. Попытка эта неудалась. Если бы онъ могъ предпринять это смѣлое нападеніе немедленно по прибытіи къ Парижу, то городъ вѣроятно былъ бы взятъ. Но онъ ждалъ сперва д'Андло съ нѣмецкимъ корпусомъ, а потомъ увлекся переговорами, которыми королева и канцлеръ старались задержать его. Они поддерживали то протестантовъ, то Гизовъ, хотя впрочемъ испанскій посланникъ и нунцій не переставали управлять ими. Когда непріятель получилъ ожидаемое подкрѣпленіе, Конде уже не могъ аттаковать столицу или предпринять блокаду ея тѣмъ болѣе, что войско его не получало жалованья. Поэтому онъ послѣдовалъ совѣту адмирала и отправился въ Нормандію, гдѣ намѣревался ожидать англійскаго вспомогательнаго отряда и англійскихъ субсидій для уплаты жалованья конницѣ. Королевское войско по пятамъ слѣдовало за протестантскимъ. Сначала они шли по берегу Сены почти рядомъ. Однако протестанты, выйдя незамѣченные изъ Шартра, опередили католиковъ. Но принцу де Конде вздумалось аттаковать городъ Дрё, лежащій почти въ шестнадцати часахъ пути отъ Парижа; аттака эта такъ задержала его, что войско тріумвировъ успѣло догнать протестантовъ. Тогда протестантская армія перешла Сену и встрѣтила католиковъ.

Тріумвиратъ видѣлъ, что наступила рѣшительная минута, но не рѣшался на битву безъ положительнаго приказа королевы, которая все еще старалась сдерживать Гизовъ протестантами и тайно переписывалась съ протестантскими вождями. Тріумвиры послали къ ней Кастельно за приказаніями *). Сраженіе про-

---

*) Кастельно приводитъ слова королевы, которыя доказываютъ, что она желала отклонить отъ себя отвѣтственность въ войнѣ и оставалась вѣрна своей двуличной итальянской политикѣ: Qu'elle s'esmerveilloit, comme les dits connestable, duc de Guise et Sainct-André estans bons capitaines, prudens et experimentés envoyoient demander conseil à une femme et à un enfant pleins de regrets, de voir le choses en telle extremité, que d'être reduites aux hasards d'une bataille civile. (Она выразила свое удивленіе, что полководцы,

изошло 19 декабря 1562 въ шестнадцати часахъ пути отъ Парижа, близъ Дрё, и было кровопролитно. Сначала оно приняло столь благопріятное для протестантовъ направленіе, что королева впродолженіи сутокъ считала дѣло свое погибшимъ. Корпуса маршала Сентъ-Андре и коннетабля были уже разбиты, когда герцогъ де Гизъ, отказавшійся отъ главнаго начальства надъ арміею и предводительствовавшій третьимъ корпусомъ, воспользовавшись увлеченіемъ принца де Конде, который неосторожно преслѣдовалъ побѣжденныхъ, аттаковалъ утомившагося и разстроеннаго непріятеля свѣжими силами и одержалъ полную побѣду. Самъ принцъ де Конде попался въ плѣнъ.

Послѣ этого сраженія герцогъ де Гизъ сдѣлался единственнымъ вождемъ ультра-католической партіи, которая страшно ненавидѣла всѣхъ протестантовъ и ихъ защитниковъ и не довѣряла королевѣ-матери; другіе тріумвиры, коннетабль и маршалъ Сентъ-Андре, сошли со сцены. Коннетабль, поспѣшивъ аттакой, былъ взятъ въ плѣнъ своимъ племянникомъ, адмираломъ. Маршалъ же Сентъ-Андре, прибывъ къ нему на помощь, упалъ съ лошади, былъ взятъ въ плѣнъ и погибъ. Когда его уводили съ поля битвы, на встрѣчу ему попался его личный врагъ, Бобиньи, и къ досадѣ полонившихъ маршала, которые надѣялись получить за него большой выкупъ, хладнокровно, разбойнически положилъ его на мѣстѣ пистолетнымъ выстрѣломъ. Подобныя гнусности совершались не только надъ отдѣльными лицами, но и надъ цѣлыми деревнями, городами и провинціями почти ежедневно въ теченіе этой бѣдственной религіозной войны, такъ что, казалось, нація снова обратилась въ варварство. Въ обѣихъ арміяхъ служили нѣмецкіе ландскнехты и швейцарцы, сражавшіеся за деньги другъ противъ друга. Кромѣ того, съ одной стороны въ королевскомъ войскѣ служили три тысячи испанцевъ, а съ другой — адмиралъ ожидалъ прибытія въ Нормандію англичанъ.

Адмиралъ успѣлъ собрать и привести въ порядокъ разбитую армію и даже хотѣлъ возобновить битву, чтобы вырвать побѣду у герцога Франциска, но измѣнилъ намѣреніе, когда нѣмецкая кавалерія (reisters) отказалась служить. Онъ повелъ войско въ Орлеанъ и поручилъ оборону этого укрѣпленнаго города своему брату, д'Андло. Самъ же, по избраніи своемъ вождемъ протестантовъ на мѣсто Конде, поспѣшилъ въ Нормандію. Пока Францискъ де Гизъ осаждалъ Орлеанъ, Колиньи поправилъ до нѣкоторой степени дѣла своихъ единовѣрцевъ въ Нормандіи. Что же касается принца де Конде, то по взятіи его въ плѣнъ герцогъ де Гизъ встрѣтилъ его весьма вѣжливо, но на другой день поручилъ его злѣйшему врагу протестантовъ, третьему сыну коннетабля, Данвилю, который приказалъ отправить его въ замокъ Онзенъ. По приказанію Екатерины, которое Кастельно слово въ слово приводитъ въ своихъ замѣчаніяхъ, его содержали и стерегли въ Онзенѣ очень строго, пока онъ не понадобился Екатеринѣ противъ Гизовъ. Тогда она велѣла привезти его въ Шартръ и всѣми способами старалась склонить на свою сторону. Участь коннетабля была лучше; его немедленно отправили въ Орлеанъ, гдѣ, подъ надзоромъ своей племянницы, принцессы де Конде, онъ спокойнѣе ожидалъ освобожденія, чѣмъ пылкій и нетерпѣливый принцъ.

Францискъ де Гизъ, какъ глава католиковъ, имѣлъ, повидимому, въ то время намѣреніе приблизить свой домъ къ престолу, устранивъ, при помощи Филиппа II испанскаго и папы, протестантскихъ родственниковъ молодаго короля, т. е. сына Антона наваррскаго и принца де Конде. Послѣ побѣды своей онъ отправился сначала въ Ранбулье, гдѣ находился дворъ, и Екатерина была поневолѣ принуждена передать ему генералъ-намѣстничество, бывшее вакантнымъ по смерти Антона. Тогда Екатерина и канцлеръ нѣсколько возвысили протестантовъ, чтобы ослабить силу Гизовъ. Они не только обѣщали прощеніе тѣмъ, кто сложитъ оружіе, но и позволили протестантамъ отправлять богослуженіе въ частныхъ домахъ.

Колиньи доказалъ, что, какъ глава протестантовъ, можетъ бороться съ гер-

---

столь отличные, осторожные и опытные, какъ коннетабль, герцогъ де Гизъ и Сентъ-Андре, посылаютъ за совѣтомъ къ женщинѣ и ребенку, которые исполнены горести, видя, что дѣло дошло до случайности междусобной битвы). Невѣроятно, чтобы королева совѣтывалась съ кормилицей короля, протестанткою, проживавшею при дворѣ, какъ говоритъ Кастельно.

цогомъ де Гизомъ, который былъ диктаторомъ государства. Изъ Орлеана, защиту котораго онъ поручилъ своему брату, адмиралъ отправился съ отборнымъ войскомъ въ Нормандію. Здѣсь онъ получилъ отъ англичанъ деньги на уплату нѣмцамъ, требовавшимъ жалованья, и вспомогательныя войска. Затѣмъ, неожиданно для самого себя, онъ овладѣлъ Каномъ и началъ осаду Руана. Начальникъ этого города, храбрый, но хвастливый гасконецъ де Віельвиль, произведенный королевою по смерти Сентъ-Андре въ маршалы, затѣялъ, по своему обыкновенію, ссору. Его отозвали, и на мѣсто его былъ присланъ мужественный маршалъ де Бриссакъ, который пріобрѣлъ безсмертную славу въ верхней Италіи въ послѣднюю войну съ Испаніей. Протестанты имѣли подъ Руаномъ столь сильную армію, что де Бриссакъ убѣдительно просилъ Гиза снять осаду Орлеана и поспѣшить къ нему на помощь. Чтобы побудить герцога къ этому, королева послала къ нему Кастельно; но герцогъ далъ ему возможность собственными глазами удостовѣриться въ скоромъ паденіи Орлеана, такъ какъ осаждающіе уже владѣли однимъ предмѣстьемъ и одною изъ городскихъ башенъ. Тогда королева приказала взять Орлеанъ приступомъ, хотя герцогъ предупреждалъ ее, что послѣдствія будутъ тѣ же, что и въ Руанѣ.

Въ это мгновеніе, когда отъ жизни герцога Франциска зависѣла судьба всего государства, рука убійцы внезапно измѣнила порядокъ вещей. Одинъ дворянинъ изъ Ангулема, Жанъ де Мерси, по прозванію Польтро, долго путешествовалъ по Испаніи, совершенно походилъ на испанца, свободно говорилъ по испански и потому уже служилъ въ войнѣ съ Испаніей въ арміи шпіономъ. Впослѣдствіи Субизъ привезъ его въ Ліонъ, гдѣ онъ сдѣлался ревностнымъ протестантомъ. Воспламененный страстными рѣчами Беза и другихъ проповѣдниковъ, этотъ фанатикъ задумалъ окончить войну по испанскому способу—кинжаломъ. Польтро прикинулся католикомъ, вступилъ на службу въ армію Гиза и 18 февраля 1563 выстрѣлилъ изъ-за куста изъ пистолета, заряженнаго тремя пулями, въ герцога, который проѣзжалъ мимо него. Рана была такъ тяжела, что 24 февраля герцогъ умеръ. Убійца былъ схваченъ и на допросахъ показывалъ на адмирала, его брата, д'Андло, и особенно на Беза. Такъ какъ люди эти дѣйствительно имѣли сношенія съ нимъ и даже давали ему деньги на разъѣзды, то католическіе фанатики подняли страшный крикъ противъ Колиньи и Беза, хотя послѣдній и въ рѣчахъ, и въ сочиненіяхъ отклонялъ отъ себя съ негодованіемъ всякое посредственное или непосредственное участіе въ преступленіи. Впрочемъ старшій сынъ убитаго, Генрихъ, былъ впослѣдствіи еще грознѣе протестантамъ, чѣмъ отецъ его.

Властолюбивая королева, которая уже давно вела переговоры съ Конде, больше всѣхъ выиграла отъ смерти Гиза. Д'Андло былъ доведенъ въ Орлеанѣ до крайности и былъ бы радъ переговорамъ, которые во всякомъ случаѣ спасали его отъ неизбѣжной капитуляціи. Принцу де Конде надоѣло заключеніе, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ свободы. Поэтому они приняли предложеніе королевы и ея канцлера, вопреки адмиралу, который желалъ продолжать войну. Первые переговоры о мирѣ были ведены королевой и принцессой де Конде, которая у протестантовъ играла почти такую же роль, какъ Екатерина у католиковъ. Ими было рѣшено привезти для дальнѣйшихъ переговоровъ коннетабля и принца де Конде подъ стражею на одинъ луарскій островъ (l'isle aux boeufs) близъ Орлеана. На конференціи этой принцъ потребовалъ прежде всего строгаго соблюденія январьскаго эдикта, но коннетабль рѣшительно воспротивился этому требованію. Вслѣдствіе того рѣшились размѣнять ихъ другъ на друга, чтобы дать принцу возможность склонить къ уступкамъ своихъ единовѣрцевъ, осажденныхъ въ Орлеанѣ. Принцу де Конде удалось по освобожденіи пробиться въ Орлеанъ; но, прибывъ туда, онъ не могъ склонить къ уступкамъ своихъ единовѣрцевъ, возбуждаемыхъ проповѣдниками. Поэтому онъ условился съ королевой созвать другой конгрессъ, чтобы свалить на другихъ отвѣтственность за свои уступки. Королева назначила съ своей стороны Данвиля и государственнаго секретаря л'Обспиня; мѣсто Конде занялъ д'Андло, при которомъ состояли Сен-Сиръ и д'Обиньи. Эти лица заключили на совѣщаніи своемъ мирный договоръ въ формѣ королевскаго эдикта; парламенты должны были утвердить его безъ малѣйшихъ измѣненій. 18 марта 1563 король подписалъ эдиктъ, извѣстный подъ названіемъ амбуазскаго. Имъ были довольны и приписывали его ученому, дѣятельному и благородному патріоту

д'Опиталю, который предпочиталъ кроткія мѣры крутымъ. Сущность эдикта состояла въ слѣдующемъ: «Король даруетъ всѣмъ своимъ подданнымъ полную свободу совѣсти до собранія независимаго собора. Всѣ графы, бароны и владѣльцы, облеченные судебною властью, имѣютъ право, какъ сами, такъ и семейства и вассалы ихъ, слѣдовать новой религіи въ предѣлахъ своихъ владѣній. Ленники, не имѣющіе судебной власти, могутъ также пользоваться этимъ правомъ для себя и для своего семейства, если жительствуютъ не въ городахъ и не въ мѣстечкахъ. Городамъ, пользовавшимся свободою богослуженія ранѣе 7 марта 1563, разрѣшается построить одну или двѣ церкви на счетъ лицъ, которыя будутъ о томъ ходатайствовать. Но ни подъ какимъ видомъ не должно обращать католическія церкви въ протестантскія. Тѣ же, которыя были обращены, должны быть возвращены католикамъ, равно какъ и все прочее, что принадлежало имъ. Сверхъ того всѣмъ судебнымъ округамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи парламентовъ, кромѣ города и округа (vicomté) Парижа, позволяется выбрать по городу, гдѣ протестанты будутъ имѣть право собираться подъ надзоромъ властей, безъ оружія, для отправленія своихъ религіозныхъ обычаевъ, причемъ должны вести себя тихо и скромно. Король объявляетъ своего кузена, принца де Конде, и его друзей своими вѣрными подданными и всѣ поступки ихъ—благонамѣренными и клонившимися ко благу. Приговоры, постановленные противъ нихъ, отмѣняются, и кромѣ того они освобождаются отъ уплаты денегъ, взятыхъ ими изъ государственныхъ кассъ и изъ церковныхъ имуществъ. Король предаетъ все совершившееся забвенію, желая, чтобы каждый остался во владѣніи своимъ имуществомъ, званіемъ и гражданскими правами. Но подъ страхомъ строгаго наказанія воспрещается вступать въ союзы съ иностранными государствами, брать не только подати, но и добровольныя пожертвованія и вербовать солдатъ безъ королевскаго предписанія».

Издавая этотъ эдиктъ, имѣли главнымъ образомъ въ виду удалить изъ государства англичанъ и нѣмцевъ; послѣдніе выступили изъ Франціи уже черезъ нѣсколько дней по его обнародованіи. Гизы, особенно кардиналъ и герцогъ д'Омаль, въ союзѣ съ нунціемъ и съ испанскимъ посланникомъ, стали хлопотать о томъ, чтобы парламентъ воспротивился утвержденію эдикта и признанію совершеннолѣтія короля. Они толковали о своей обязанности позаботиться о своихъ племянникахъ, хотя королева и безъ того отдала сыновьямъ герцога Франциска всѣ должности, званія и владѣнія ихъ убитаго отца. Но настоящею цѣлью Гизовъ было принудить королеву назначить новаго генералъ-намѣстника. Герцогъ Францискъ оставилъ трехъ сыновей. То были: герцогъ Генрихъ де Гизъ, наслѣдовавшій не только владѣнія и титулы отца, но и его мужество и другія великія качества, а также и фанатизмъ; Карлъ герцогъ де Майенъ, имѣвшій мало сходства съ отцомъ и старшимъ братомъ, и Людовикъ, впослѣдствіи кардиналъ де Гизъ. Испанія, которая была въ то время занята истребленіемъ религіи и свободы Нидерландовъ, не могла допустить водворенія во Франціи узаконенной вѣротерпимости; поэтому она поддерживала фанатическіе парламенты въ сопротивленіи анбуазскому эдикту. Парламенты, разумѣется, были наконецъ принуждены рѣшиться внести эдиктъ въ протоколы; но они сдѣлали оговорку, что утверждаютъ эдиктъ, повинуясь именному повелѣнію короля, и затѣмъ уже не считали себя обязанными разослать его къ низшимъ судамъ. Анбуазскій миръ спасъ Орлеанъ и д'Андло; Колиньи и Конде не имѣли никакого предлога отказать правительству въ содѣйствіи своими войсками для изгнанія англичанъ изъ занятыхъ ими городовъ Нормандіи, которые они не хотѣли очищать. При помощи протестантовъ правительство принудило Варвика, занимавшаго Гавръ де Грасъ, оставить этотъ городъ въ ту самую минуту, когда передъ нимъ показался столь долго жданный англійскій флотъ.

Ожидали, что королева при первой надобности отступится отъ фанатиковъ; поэтому въ Гіэни и Лангедокѣ уже образовались ультрамонтанскіе союзы, которые мы считаемъ началомъ знаменитой впослѣдствіи въ исторіи Генриха IV католической лиги. Два кардинала и шесть или семь знатныхъ дворянъ заключили союзъ, который былъ обязанъ побуждать католическое духовенство, дворянъ, чиновниковъ и третье сословіе собирать, съ разрѣшенія короля и подъ надзоромъ тулузскаго парламента, деньги и людей, чтобы въ случаѣ, если пра-

вительство не будетъ преслѣдовать еретиковъ, принять мѣры для защиты религіи. Союзный комитетъ былъ обязанъ собирать деньги, вербовать войска, назначать предводителей и преслѣдовать кровавымъ образомъ еретиковъ съ ихъ защитниками и покровителями до тѣхъ поръ, пока они не будутъ совершенно истреблены. Тулузскій парламентъ уже утвердилъ этотъ опасный, аристократическо-ультрамонтанскій союзъ, какъ вдругъ онъ былъ разстроенъ анбуазскимъ эдиктомъ. Поэтому многіе вознегодовали на эдиктъ, и поповскій союзъ тайно интриговалъ противъ него. Вскорѣ съ нимъ соединились и святыя братства всей Франціи.

Для властолюбивыхъ плановъ королевы Екатерины и для тайнаго союза испанцевъ и папистовъ съ французскими парламентами и фанатиками, который королева тайно поддерживала, было весьма выгодно, что ей представилась наконецъ возможность отдѣлаться отъ совѣта регентства и безраздѣльно овладѣть правленіемъ отъ имени сына. Съ этою цѣлью она вручила правленіе королю. Карлъ IX, которому еще не было четырнадцати лѣтъ, былъ торжественно объявленъ 17 августа 1563 въ руанскомъ парламентѣ совершеннолѣтнимъ. При этомъ юный король Генрихъ наваррскій (впослѣдствіи Генрихъ IV) засѣдалъ въ числѣ принцевъ. Тринадцатилѣтняго ребенка можно было, пожалуй, объявить совершеннолѣтнимъ, но нельзя было сдѣлать способнымъ управлять государственными дѣлами, особенно при тогдашнихъ запутанныхъ обстоятельствахъ. Поэтому, преждевременно объявляя его совершеннолѣтнимъ, Екатерина имѣла въ виду уклониться отъ исполненія обѣщанія, даннаго ею принцу де Конде, сдѣлать его генералъ-намѣстникомъ. Если бы это состоялось, то при дворѣ снова явились бы кардиналъ де Шатильонъ, просвѣщенный епископъ Монлюкъ, д'Андло, Ла Рошфуко, герцогъ де Бульонъ, де Граммонъ, князь Порсіа и другіе кальвинисты и снова пріобрѣли бы вліяніе. Это обѣщаніе побудило принца де Конде согласиться на миръ, вопреки желанію адмирала. Но королева не имѣла намѣренія выполнять условіе, столь невыгодное для нея; она нашла возможность уклониться отъ этого, объявивъ короля совершеннолѣтнимъ. Такимъ образомъ королева и ея союзники были великіе искусники въ дипломатіи и политикѣ.

Вслѣдъ за присягою, данною королю въ руанскомъ парламентѣ принцами и высшими сановниками, канцлеръ приказалъ отворить двери и провозгласить королевскую волю относительно анбуазскаго эдикта. Было объявлено, что король утверждаетъ мирныя условія, запрещаетъ гражданамъ носить оружіе и приказываетъ указать замки, куда будетъ отправлено сложенное протестантами оружіе. Подъ страхомъ строжайшихъ наказаній было запрещено вести переписку и заключать союзы съ иностранными государствами, а также собирать налоги безъ королевскаго повелѣнія. Кромѣ того былъ запрещенъ обычай, который, съ сожалѣнію продержался еще цѣлое столѣтіе и былъ главною, какъ извѣстно, причиною паденія Польши и вѣчныхъ смутъ Венгріи, именно, обычай аристократіи содержать вооруженные отряды. Съ одной стороны, дворянамъ воспрещалось поступать, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, на службу къ вельможамъ, а съ другой—князьямъ и баронамъ воспрещалось держать при себѣ вооруженную свиту. Правительство нарушило обычай, провозгласивъ совершеннолѣтіе короля въ Руанѣ, а не въ Парижѣ. Поэтому парижскій парламентъ не преминулъ при первомъ же случаѣ замѣтить это; но на жалобы его канцлеръ отвѣчалъ очень рѣзко и заставилъ замолчать. Парламентъ отмстилъ отказомъ соблюдать мирный эдиктъ, такъ какъ онъ не былъ внесенъ въ протоколы; парламентскіе президенты и совѣтники, не смотря на королевское повелѣніе, продолжали держать въ Парижѣ военную свиту. Все это происходило во время болѣзни королевы; по выздоровленіи ея все снова пришло въ порядокъ.

Миръ не соблюдался нигдѣ, гдѣ сила была на сторонѣ католиковъ. Въ то же время отъ протестантовъ не могли укрыться продолжительныя сношенія королевы съ Филиппомъ II испанскимъ, который въ то самое время собирался послать въ Нидерланды герцога Альбу для истребленія политической свободы гражданъ и евангелическаго ученія. Путешествіе королевы съ молодымъ королемъ сначала по Нормандіи, а потомъ по всему государству и особенно продолжительная тайная конференція съ Филиппомъ и съ герцогомъ Альбой въ высшей степени озабочивали кальвинистовъ. Поступки королевы съ самаго начала 1564, особенно же связи ея съ римскимъ дворомъ, были крайне подозрительны. Во время путеше-

ствія королевы, которое она предприняла, будто бы для того, чтобы лично содѣйствовать соблюденію анбуазскаго эдикта въ отсутствіе короля, въ Фонтенбло къ ней явилось въ февралѣ 1564 испанское посольство, съ цѣлью, по словамъ Давилы, склонить ее къ истребленію протестантовъ. По окончаніи тридентскаго собора кардиналъ Лотарингскій, недовольный королемъ за терпимость, дарованную протестантамъ, отправился въ Римъ и убѣдилъ папу Пія IV потребовать въ союзѣ съ Испаніей и Савойей отъ французскаго правительства обнародованія во Франціи рѣшеній тридентскаго собора, т. е. признанія обязательной законной силы соборныхъ постановленій. Испанское посольство, прибывшее въ Фонтенбло, привезло это требованіе. Екатерина не имѣла въ то время возможности согласиться на него, хотя посланники увѣряли ее, что партія ихъ во Франціи настолько сильна, что можетъ силою настоять на своемъ требованіи. Впрочемъ королева не дала посламъ рѣшительнаго отказа и даже согласилась вступить въ союзъ противъ гугенотовъ съ главными врагами ихъ, который предполагалось заключить въ Нанси, при крещеніи сына молодаго герцога Лотарингскаго. Однако союзъ этотъ не состоялся, повидимому, по винѣ Филиппа II; по крайней мѣрѣ даже посланникъ его, Перрено де Шантонэ, былъ въ высшей степени недоволенъ имъ и, какъ самъ говоритъ, съ радостью удалился съ своего поста *).

Планы Екатерины были обширны; она имѣла намѣреніе замѣшать во французскія дѣла императора Максимиліана II. Королю Филиппу это было непріятно. Поэтому Екатерина стала выказывать нерѣшимость нарушить только что заключенный миръ; въ этомъ смыслѣ король отвѣчалъ католическимъ государямъ и ихъ посланникамъ. Тѣмъ не менѣе протестанты видѣли, что путешествіе королевы есть приготовленіе къ возобновленію религіозной войны. Подозрѣнія основывались на томъ, что правительство укрѣпляло многіе города, другіе же, напротивъ, обезоруживало, устроивало конференціи и заключало договоры. Оно имѣло намѣреніе склонить на свою сторону и отвлечь отъ гугенотовъ германскихъ протестантовъ. Изъ нихъ благородный Христофъ Виртембергскій яснѣе всѣхъ понималъ коварную политику флорентинки. По смерти герцога де Гиза онъ отказался отъ заманчиваго предложенія Екатерины принять начальство надъ французской арміей и не поѣхалъ къ ней, сославшись на свои преклонныя лѣта, когда она, будучи въ Лотарингіи, приглашала его къ себѣ. Онъ не поддался также ея безчестному предложенію принять отъ нея пенсію. Примѣру его послѣдовали курфирстъ Пфальцскій и Вольфгангъ Цвейбрюккенскій. За то герцогъ Іоаннъ Вильгельмъ Саксонскій и маркграфъ Баденскій, какъ лютеране, не выказали такой совѣстливости.

Давила, которому вообще не слѣдуетъ слишкомъ довѣрять, но который въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, правъ, говоритъ, что сверхъ всего этого Екатерина вела въ Авиньонѣ тайные переговоры съ папскимъ повѣреннымъ. По словамъ Давилы, они рѣшились готовиться къ совершенному истребленію кальвинизма, но, чтобы преждевременно не возбуждать кальвинистовъ, согласились отложить пока обнародованіе постановленій тридентскаго собора. Когда король проѣзжалъ черезъ Дижонъ, тамошній намѣстникъ герцогъ д'Омаль, и вице-намѣстникъ, де Таваннъ, уже готовились къ дѣйствіямъ противъ гугенотовъ; въ Ліонѣ также дѣйствовалъ де Віельвиль. Въ Дофинэ и Лангедокѣ у протестантовъ отняли церкви и возвратили ихъ католикамъ; укрѣпленія главныхъ крѣпостей гугенотовъ, Мо и Монтабана, были частью срыты, между тѣмъ какъ въ Ліонѣ построили цитадель, чтобы держать его въ повиновеніи. 24 іюня король издалъ въ Ліонѣ запрещеніе протестантамъ отправлять обряды своего богослуженія въ мѣстахъ, гдѣ онъ останавливается во время своего путешествія, и на десять часовъ въ окружности этихъ мѣстъ. Въ іюлѣ къ королевѣ въ Руссильонъ прибыли герцогъ и герцогиня Савойскіе и, подобно Испаніи, Риму и Гизамъ, по-

---

*) Секретарь его говоритъ въ одной граматѣ, находящейся въ запискахъ Конде: Il s'en va fort content: et certes, il a grande raison, car outre qu'il depensoit largement de son bien, il n'estoit plus rien à faire en cette légation qui pust plaire à ceux, qui gouvernent aujourd'hui. (Онъ уѣзжаетъ предовольный, что весьма понятно, такъ какъ онъ не только разорялся на своей должности, но и не могъ дѣйствовать такъ, чтобы быть угоднымъ особамъ, которыя теперь управляютъ).

буждали ее къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Гизы, во что бы то ни стало, требовали преданія адмирала суду за убійство герцога Франциска де Гиза. Хотя желаніе это не было выполнено, но 4 августа король издалъ въ Руссильонѣ новый эдиктъ, хотя названный объявленіемъ (déclaration), но въ сущности значительно ограничившій анбуазскій эдиктъ. Въ предисловіи къ этому объявленію король прямо говорилъ, что, такъ какъ нѣкоторыя выраженія эдикта можно толковать различнымъ образомъ, то онъ считаетъ необходимымъ объяснить истинный смыслъ ихъ. Затѣмъ праву протестантскаго дворянства и его вассаловъ отправлять свободно богослуженіе давалось такое значеніе, которымъ оно явно ограничивалось. Всякія складчины и сборы для церквей были строжайше запрещены, а бывшимъ католическимъ священникамъ и монахамъ, перешедшимъ въ кальвинизмъ, было предписано немедленно возвратиться на лоно древней церкви.

Протестанты не могли повиноваться этому повелѣнію, извѣстному подъ названіемъ руссильонскаго эдикта, если не желали отступить отъ своей религіи. Поэтому они энергически протестовали противъ него. Съ ихъ стороны поступокъ этотъ весьма естественъ, но странно, что парламенты также протестовали. Канцлеръ, который всегда старался внушать королевѣ правосудіе и честность, былъ очень огорченъ уничтоженіемъ своего мудраго эдикта; руссильонскій эдиктъ повлекъ за собою насилія со стороны католическихъ фанатиковъ, поддерживаемыхъ парламентами, нисшими судами и агентами правительства; со стороны же протестантовъ онъ вызвалъ волненія и военныя приготовленія. Принцъ де Конде, до сихъ поръ занимавшійся исключительно любовными интригами, наконецъ пробудился и въ концѣ августа написалъ королевѣ заносчивое письмо, къ которому приложилъ жалобу (avertissement) протестантовъ на нанесенныя имъ неправды. Здѣсь между прочимъ сказано, что въ послѣднее время было 132 религіозныхъ убійствъ. Король, по старанію канцлера, далъ принцу милостивый отвѣтъ и кромѣ того написалъ парламентамъ. Королева же напротивъ тайно покровительствовала лигамъ аристократической Гіэни и другихъ южныхъ провинцій, заключеннымъ съ цѣлью истреблять гугенотовъ.

Уступчивость правительства передъ Савойей, которая получила за свое содѣйствіе въ послѣдней войнѣ противъ протестантовъ Туринъ и другія крѣпости, и требовала Салуццо и графство Тенда, была весьма подозрительна; еще подозрительнѣе было свиданіе испанскаго, и французскаго дворовъ въ Байонѣ. Королева увѣряла, что чувствуетъ неопреодолимое желаніе увидѣться съ дочерью, Елисаветой, женой Филиппа II, вслѣдствіе чего свиданіе было назначено въ іюнѣ 1565 въ Байонѣ (путешествіе короля продолжалось съ января 1564 до конца апрѣля 1566 г.). Истинная цѣль свиданія была, по обыкновенію, скрыта среди блестящихъ празднествъ и баснословной пышности и торжественности, описаніемъ которыхъ наполнены всѣ книги того времени. Король Филиппъ привезъ съ собою герцога Альбу, единственнаго человѣка, знавшаго его чудовищный планъ противъ Нидерландовъ, откуда, по требованію націи, онъ былъ принужденъ удалить въ этомъ самомъ году всѣ испанскіе гарнизоны. Король и герцогъ весьма желали, чтобы Екатерина приняла во Франціи такія же мѣры противъ протестантовъ, какія уже рѣшено было предпринять въ Нидерландахъ герцогу Альбѣ, который велъ туда войска изъ Италіи. Дни проходили въ Байонѣ въ шумныхъ празднествахъ, а ночи королева просиживала въ комнатѣ дочери съ герцогомъ Альбой. Писатели несогласны въ мнѣніяхъ касательно сущности этихъ переговоровъ Екатерины съ Альбой. Оба двора веселились въ Байонѣ цѣлыхъ три недѣли. Давила подробно передаетъ чудовищные совѣты Альбы, достойные турецкаго паши *). Альба совѣтовалъ убить всѣхъ кальвинистскихъ князей, принцевъ

*) Слова Давилы въ 3 книгѣ: Conchiudeva nel fine, che siccome le controversie della fede aveano sempre servito dei pretesto et argomento alle sollevazioni de malcontenti cosi era necessario, rimuovere al primo tratto questa coperta e poi conseveri remedii ed senza riguardo di ferro ni di fuoco purgare le radici di quel malo, il quale col la dolcezza ed la sofferenza perniciosamente germogliando si dilatava sempre e si accresceva. (Онъ (Альба) заключилъ, что такъ какъ религіозныя несогласія постоянно служили предлогомъ къ возстаніямъ недовольныхъ, то, слѣдовательно, необходимо сперва обличитьэтотъ обманъ, а за-

и вельможъ, хваля эту мѣру, какъ спасительное средство отъ всѣхъ политическихъ бѣдствій и какъ вѣрный способъ возстановить единство религіи. Тоже самое совѣтуютъ государямъ и въ наше время государственные люди извѣстнаго сорта. Мы также мало вѣримъ рѣчамъ, которыя приводитъ Давила, какъ и всѣмъ прочимъ рѣчамъ, влагаемымъ историками въ уста своихъ героевъ. Несомнѣнно однако, такъ какъ послѣдующія событія подтвердили это, что Екатерина опасалась своего мрачнаго и жестокаго зятя, считая его способнымъ умышленно вовлечь ее въ междоусобную войну, прежде чѣмъ она успѣетъ вооружиться. Поэтому она отклонила многія предложенія герцога Альбы и, хотя было рѣшено преслѣдовать протестантовъ, предоставляла каждому дѣйствовать при этомъ по усмотрѣнію. Политика кардинала Лотарингскаго, который желалъ, чтобы Парижъ призналъ его главою ультрамонтанской партіи, была силою подавлена въ томъ же году, именемъ короля, губернаторомъ Парижа, маршаломъ де Монморанси. Въ началѣ 1565, въ то самое время, когда король издалъ строгое запрещеніе католической и протестантской знати окружать себя вооруженной свитой, кардиналъ разъѣзжалъ по восточнымъ провинціямъ съ вооруженнымъ конвоемъ, который намѣревался ввести съ собой въ Парижъ. Подъѣзжая къ Парижу, онъ получилъ отъ маршала де Монморанси, который былъ его личнымъ врагомъ, приказаніе подчиниться закону; вслѣдствіе этого кардиналъ отослалъ герцога д'Омаля, но самъ, не взирая на повелѣніе, вступилъ въ городъ съ своими тѣлохранителями. Маршалъ повторилъ свое приказаніе, которое кардиналъ получилъ уже по въѣздѣ въ городъ, но не обратилъ на него никакого вниманія и даже оскорбился тѣмъ, что къ нему смѣютъ обращаться черезъ полицію. Тогда маршалъ, въ сопровожденіи фанатика протестанта, князя Порсіа, выступилъ противъ него изъ Лувра въ улицу Сенъ-Дени. Произошла стычка, въ которой гвардія кардинала была разсѣяна. Кардиналъ укрылся въ сосѣдній домъ, куда во слѣдъ ему было пущено нѣсколько пуль. Племянникъ его, молодой Генрихъ де Гизъ, стоялъ передъ дверью съ пистолетомъ въ рукахъ, пока дядя позвалъ его къ себѣ. Кардиналъ уѣхалъ въ свою епархію, гдѣ пробылъ до возвращенія короля, который уладилъ дѣло. Но еще до возвращенія короля, вернувшагося въ апрѣлѣ 1566, всѣ видѣли близость вторичной религіозной войны. Канцлеръ л'Опиталь, котораго справедливо назвали французскимъ Катономъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы укротить фанатизмъ поповъ и парламентовъ, разстроить интриги папы и испанцевъ и обуздать честолюбіе протестантской аристократіи; но всѣ усилія его были тщетны.

Въ Гіэни парламентскіе ханжи и дворянство отличались самымъ яростнымъ фанатизмомъ; л'Опиталь назначилъ 12 апрѣля 1565 въ Бордо королевское засѣданіе парламента. При этомъ онъ обратился къ членамъ парламента и къ высшему дворянству съ назидательной проповѣдью (Mercuriale), которая дошла до насъ и свидѣтельствуетъ о его любви къ правосудію, строгости и обширной учености, но также и о рѣзкости. Впрочемъ все это не принесло никакихъ результатовъ, хотя л'Опиталь не упалъ духомъ. Чтобы прекратить раздоръ Гизовъ съ принцами и Шатильонами, онъ назначилъ въ февралѣ 1566 собраніе въ Муленѣ. Здѣсь предполагалось предпринять важныя судебныя реформы и примирить вдову герцога де Гиза съ адмираломъ де Колиньи. Основываясь на вынужденномъ пыткою показаніи Польтро, она уже три года обвиняла адмирала въ подстрекательствѣ къ убійству герцога Франциска. Въ послѣднее время къ этому присоединилась жалоба на парижскаго губернатора за нападеніе въ улицѣ Сенъ-Дени на кардинала. Въ Муленѣ собрались президенты и высшія лица всѣхъ парламентовъ и главные представители аристократіи. Членамъ парламентовъ было поручено обсудить преобразованія, задуманныя канцлеромъ; вельможи были призваны для рѣшенія процесса вдовы герцога де Гиза противъ адмирала де Колиньи и для принятія посредничества въ ссорѣ кардинала Лотарингскаго съ маршаломъ де Монморанси. Канцлеру удалось склонить Гизовъ удовольствоваться очистительной

тѣмъ употребить всѣ средства, чтобы истребить зло въ корнѣ, хотя бы пришлось дѣйствовать огнемъ и желѣзомъ, потому что кротость и снисхожденіе лишь развиваютъ это пагубное зло, которое вслѣдствіе ихъ распространяется и возрастаетъ).

присягой адмирала. Труднѣе было побудить маршала къ примиренію съ кардиналомъ. Маршалъ только тогда согласился публично облобызаться съ кардиналомъ и прекратить неудовольствіе, когда старый коннетабль пригрозилъ лишить его наслѣдства.

Противники взялись бы за оружіе еще въ Муленѣ, если бы ихъ не поспѣшили разлучить. Но вскорѣ различныя обстоятельства дали кальвинистамъ основательный поводъ къ опасеніямъ. Обстоятельства эти были: вооруженія фанатиковъ, которымъ тайно помогала королева; отношенія ея къ папѣ и къ Испаніи; содѣйствіе, оказанное ею походу герцога Альбы въ Бельгію для уничтоженія протестантской религіи, и наконецъ покровительство духовнымъ братствамъ, которыя были учреждены кардиналомъ Лотарингскимъ и іезуитами и впослѣдствіи составляли главную силу лиги. Кромѣ того королева наняла на собранныя тайно деньги шесть тысячъ швейцарцевъ, но вовсе не для той цѣли, какъ говорила. Войско это было собрано будто бы для наблюденія за арміей Альбы, состоявшей изъ испанцевъ, итальянцевъ и другихъ разбойничьихъ шаекъ, за которыми оно должно было слѣдить по пятамъ. Но это была ложь. Войска королевы вмѣсто того чтобы стоять на границѣ, вступили во Францію; притомъ правительство держало ихъ долѣе, чѣмъ слѣдовало для его мнимой цѣли. Изъ этого протестанты заключали, что правительство замышляетъ истребить ихъ и съ этою цѣлью дозволило герцогу Альбѣ спокойно пройти чрезъ Савойю, ла-Брессъ, Франшъ-Контэ и Лотарингію въ Нидерланды, чтобы при помощи его и швейцарскихъ наемниковъ уничтожить всѣхъ протестантовъ. Они рѣшились предупредить своихъ противниковъ и, надѣясь на постороннюю помощь, начали дѣятельно вооружаться. Въ это время они издали нѣсколько манифестовъ по поводу происковъ кардинала Лотарингскаго, тайныхъ сношеній королевы съ Филиппомъ II и Альбой, преслѣдованій, воздвигнутыхъ фанатической іерархіей, и нетерпимости парламентовъ. Весь 1567 годъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ новой войнѣ.

Съ этихъ поръ религіозный вопросъ сдѣлался предлогомъ въ борьбѣ могущественной аристократіи; дѣло Конде и Колиньи перестало быть правымъ. Они задумали воспользоваться пребываніемъ молодаго короля въ замкѣ Монсо (въ Бри), чтобы овладѣть имъ и всѣмъ дворомъ, въ концѣ сентября 1567. Между тѣмъ Альба вступилъ въ Нидерланды (22 августа), и прежняя правительница, дочь Карла V и жена Оттавіо Фарнезе Пармскаго, Маргарита, собиралась удалиться изъ Нидерландовъ, вслѣдствіе чего королева послала Кастельно, будто бы къ ней съ прощальнымъ привѣтствіемъ, но на самомъ дѣлѣ съ тайными порученіями къ герцогу Альбѣ. Кастельно умалчиваетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ; но изъ нѣкоторыхъ намековъ его на переговоры съ Альбой не трудно догадаться, о чемъ онъ хочетъ сказать. Кромѣ того въ замѣчаніяхъ на его мемуары приведемъ отрывокъ изъ письма папскаго нунція, Проспера де Санта-Кроче, къ кардиналу Борромео; отрывокъ этотъ ясно показываетъ, что правительства рѣшились всѣми средствами губить протестантовъ. Письмо это писано въ апрѣлѣ 1564. Другое, писанное въ октябрѣ, показываетъ, какими средствами папскій нунцій отвлекъ графа де Крюсоля отъ протестантизма и обратилъ его въ союзника католиковъ. Протестанты начали вооружаться и задумали напасть на дворъ въ то самое время, когда Кастельно возвратился изъ Бельгіи.

Съ этою цѣлью они собрали лучшія войска свои въ Розуа, что въ Бри, близъ резиденціи двора. Но 25 сентября, т. е. за два дня до выполненія плана, королева, спокойно жившая въ Монсо безъ стражи, узнала о заговорѣ. Она разослала людей развѣдать дѣло, и они донесли ей, что Ланьи, близъ Монсо, уже занятъ еретиками. При этомъ извѣстіи придворные кинулись бѣжать въ Мо, кто въ экипажахъ, кто верхомъ, кто пѣшкомъ. Швейцарцы, стоявшіе въ Шато-Тіери, въ четырехъ часахъ пути отъ Мо, были переведены въ этотъ городъ. Король удиралъ изъ Монсо пѣшкомъ. Это скандальное событіе поселило въ молодомъ вспыльчивомъ королѣ, которому съ самаго дѣтства внушали, что протестанты— враги Бога и людей, и который испыталъ много непріятностей отъ принца де Конде, дѣтское озлобленіе противъ гугенотовъ; впослѣдствіи, въ Варѳоломеевскую ночь, онъ къ своему вѣчному позору доказалъ это.

Не смотря на аттаки Конде, швейцарцы благополучно доставили короля въ

Парижъ. Затѣмъ Конде осадилъ столицу, расположившись при Сенъ-Дени, между тѣмъ какъ другіе протестанты снова заняли Орлеанъ. Парижъ находился въ опасности, которая все болѣе и болѣе возрастала; къ счастію своему, правительство въ ожиданіи войскъ успѣвало обманывать протестантовъ переговорами. 10 ноября стараго коннетабля, который командовалъ съ маршаломъ де Монморанси королевской арміей, уговорили воспользоваться отсутствіемъ д'Андло, чтобы аттаковать принца де Конде при Сенъ-Дени. Кальвинисты имѣли намѣреніе осадить Парижъ съ обоихъ береговъ Сены; съ этою цѣлью д'Андло перевелъ на другую сторону рѣки пятьсотъ чел. конницы и двѣ тысячи пѣхоты, а Конде остался съ тысячью двумя стами всадниками и тысячью пятьюстами пѣшихъ на прежней позиціи. Небольшой отрядъ принца состоялъ изъ волонтеровъ и домашней стражи аристократовъ и не имѣлъ артиллеріи. Поэтому непонятно, какъ могъ Конде отважиться на битву съ стройнымъ и вчетверо сильнѣйшимъ королевскимъ войскомъ. Тѣмъ не менѣе сраженіе, продолжавшееся три часа, осталось нерѣшеннымъ. Крыло маршала де Монморанси одержало побѣду, но коннетабль былъ покинутъ своими солдатами и убитъ. Но такъ какъ католики ежедневно усиливались, а гугеноты, напротивъ, не получали подкрѣпленій, то немедленно послѣ битвы Конде и адмиралъ покинули свою позицію и отправились въ Лотарингію, чтобы соединиться съ нѣмецкими войсками, которыя велъ д'Андло. Когда нѣмцы, не получавшіе жалованья, отказались служить, французскіе кальвинисты, отъ Конде до послѣдняго солдата, отдали все свое золото и серебро, чтобы собрать нужную сумму (тридцать тысячъ дукатовъ) для удовлетворенія нѣмцевъ. Хотя герцогъ Альба подкрѣпилъ королевскую армію испанскимъ отрядомъ изъ Нидерландовъ, но, сообразно коварной и завистливой политикѣ своего короля, старался не столько подавлять, сколько усиливать французскія смуты. Инструкціи, данныя начальнику испанскаго вспомогательнаго отряда, клонились именно къ этому.

Подробности этой войны не имѣютъ значенія для нашей цѣли. Замѣтимъ только, что съ обѣихъ сторонъ вся тяжесть войны лежала на дворянствѣ, вслѣдствіе чего оно вскорѣ утомилось. Чтобы спасти Шартръ, королева заключила 20 марта 1568 вторичный миръ, прозванный **краткимъ**. Никто не придавалъ ему серьезнаго значенія. Условія его, заключавшіяся въ эдиктѣ, изданномъ въ Лонжюмо 23 марта 1568, не были приведены въ исполненіе. По условіямъ этимъ слѣдовало освободить плѣнныхъ, вознаградить и возстановить всѣхъ, кто былъ лишенъ владѣній и чести, соблюдать анбуазскій эдиктъ, отмѣнить всѣ позднѣйшія ограниченія, истолкованія и опредѣленія его и предать забвенію всѣ проступки, приговоры, наказанія и обиды. Такъ какъ правительству больше всего хотѣлось удалить изъ государства нѣмецкое 9—12 тысячное войско, разорявшее Францію подъ предводительствомъ пфальцграфа Казиміра, сына Фридриха III Пфальцскаго, то король выдалъ вождямъ протестантовъ триста тысячъ экю на уплату этому войску недоданнаго жалованья.

8. Начало царствованія Филиппа II въ Испаніи и его предпріятія противъ турецкихъ морскихъ разбойниковъ.

Король Филиппъ II, получившій по отреченіи Карла V обширное и могущественное государство (стр. 585), весьма неохотно жилъ въ Нидерландахъ, гдѣ его удерживала война съ Франціей. Война эта доставила ему славу побѣды, одержанной его войсками, лучшими тогда въ цѣломъ свѣтѣ, надъ французами при Сенъ-Кантенѣ. Но онъ воспользовался этой побѣдой только для того, чтобы имѣть возможность поскорѣе отправиться въ Испанію, гдѣ при помощи духовной инквизиціи, которой онъ содѣйствовалъ, подавилъ огнемъ и мечомъ всѣ попытки народа освободиться отъ средневѣковыхъ оковъ. Мы уже говорили, что Филиппъ, не смотря на свое ханжество и преданность папскому престолу, былъ вынужденъ Павломъ IV занять часть Церковной области и угрожать Риму. Когда вслѣдствіе этихъ мѣръ папа склонился къ миру, Филиппъ и его полководецъ,

надменный и гордый герцогъ Альба, согласились претерпѣть всякія униженія, лишь бы примириться съ церковью (стр. 590).

По прибытіи Филиппа въ Испанію, поступки его могли дать поводъ думать, что даже хорошія его качества клонятся ко вреду его угнетенныхъ подданныхъ и что всѣ обѣты, данные имъ Богу, суждены служить источникомъ бѣдствій для людей. За побѣду при Сенъ-Кантенѣ Филиппъ считалъ себя обязаннымъ св. Лаврентію, въ день котораго она была одержана; поэтому онъ далъ обѣтъ построить въ честь этого святаго монастырь съ королевскимъ дворцомъ, который бы превзошелъ въ великолѣпіи все, существующее на свѣтѣ. По приказанію его былъ сооруженъ колоссальный Эскуріалъ. Онъ имѣетъ форму рѣшетки, на которой зажарили святаго Лаврентія. Форма эта стѣсняла архитектора при составленіи плана. Мѣсто было также выбрано дурно. Громадныя суммы, назначенныя на постройку монастыря, были безплодно растрачены. Эскуріаль вышелъ зданіемъ, ничѣмъ не отличающимся отъ всѣхъ прочихъ сооруженій восточныхъ властителей.

Второй обѣтъ Филиппа, который онъ выполнялъ всю свою жизнь, произвелъ въ Нидерландахъ и въ Испаніи такіе ужасы и рѣзню, которые привели въ содроганіе человѣчество, но, по мнѣнію Филиппа, были пріятны Богу любви и милосердія.

Филиппъ далъ этотъ обѣтъ во время страшной бури, застигшей флотъ его на пути изъ Нидерландовъ въ Испанію. Флотъ былъ разсѣянъ вѣтромъ и большею частью погибъ, причемъ погибли всѣ драгоцѣнныя картины и статуи, которыя Карлъ V и самъ Филиппъ собирали много лѣтъ въ Италіи и въ Нидерландахъ на выставку въ Испаніи. Самъ Филиппъ спасся. Спасеніе свое онъ приписывалъ особенному покровительству небесъ и, подобно древнимъ мексиканцамъ, поклялся принести имъ человѣческія жертвы. Впрочемъ онъ и прежде занимался этимъ, какъ высшею цѣлью жизни. Тотчасъ по прибытіи въ Испанію онъ доказалъ, что умѣетъ твердо хранить обѣты.

Филиппъ нашелъ въ Испаніи все, что было нужно для его намѣреній. Еще Фердинандъ Католикъ и кардиналъ Хименесъ дали инквизиціи политическую власть, такъ что самъ Карлъ V не избѣжалъ ея преслѣдованій. Въ Испаніи уже существовало въ разныхъ провинціяхъ восемнадцать духовныхъ судовъ для религіозныхъ процессовъ; города и деревни были наполнены шпіонами, которые доносили духовнымъ судамъ на каждое малѣйшее отступленіе отъ правилъ вѣры. Число тварей, существовавшихъ шпіонствомъ, считается многими писателями до двадцати тысячъ. Еще до прибытія Филиппа было сожжено множество людей разныхъ сословій по обвиненію въ протестантизмѣ. Пріѣхавъ въ Вальядолидъ король засталъ здѣсь въ тюрьмахъ инквизиціи 30 человѣкъ, которые пали первыми жертвами его смертоноснаго ханжества. Незадолго до того (1559) Филиппъ послалъ герцога Альбу въ Парижъ въ качествѣ своего представителя при заочномъ бракосочетаніи своемъ съ французской принцессой Елисаветой; король полагалъ, что торжественное ауто-да-фе будетъ самымъ лучшимъ открытіемъ свадебныхъ празднествъ, которыя должны были происходить въ Толедо. Вслѣдствіе такого соображенія онъ приказалъ сжечь на площади 30 арестованныхъ въ Вальядолидѣ еретиковъ. На мѣстѣ казни присутствовали самъ король, сынъ его, несчастный донъ Карлосъ, сестра, весь дворъ, гвардія и цѣлое избранное общество, наслаждавшееся до конца, какъ боемъ быковъ, зрѣлищемъ казни, отпразднованной чрезвычайно пышно. Въ числѣ жертвъ, погибшихъ въ этотъ день, были двое членовъ древней аристократіи, которыхъ сожгли живыми; двадцать шесть человѣкъ были сперва удавлены, а потомъ сожжены, а двадцать прочихъ подвергнуты болѣе легкимъ наказаніямъ. Хуанъ-Мануэль епископъ саморскій, ученость, благочестіе и благородство котораго прославляетъ іезуитъ Миніана, продолжавшій классическимъ стилемъ исторію Испаніи Маріаны *), произнесъ приличную этому случаю рѣчь. Вскорѣ было сожжено еще 50 еретиковъ. Въ двѣнадцатой главѣ пятой книги Миніана съ потрясающимъ равнодушіемъ исчисляетъ всѣ эти жестокости, съ похвалою замѣчая, что, благодаря имъ, въ Испа-

*) Doctrina, pietate, juxtaque natalibus clarus.

ніи была истреблена чума лютеранства, которая безъ того распространилась бы и въ этой странѣ *). Филиппъ былъ также совершенно убѣжденъ, что своей инквизиціей спасаетъ человѣчество. Когда на первомъ ауто-да-фе одинъ изъ осужденныхъ, донъ-Карлосъ ди Сесса, человѣкъ хорошей фамиліи, проходя на костеръ мимо короля, началъ умолять его о помилованіи, говоря, что не заслужилъ казни, Филиппъ горячо возразилъ ему: «Я собственными руками наносилъ бы дровъ на костеръ моему сыну, еслибы онъ былъ столь страшный преступникъ, какъ ты».

Религіозное рвеніе Филиппа было за то полезно христіанскому міру тѣмъ, что заставляло его, подобно Карлу V, отражать по временамъ жестокихъ и дикихъ турокъ. Турки овладѣли на востокѣ Европы Венгріею и грозили Вѣнѣ; на югѣ и западѣ опустошали берега и острова Средиземнаго моря и ежегодно уводили въ рабство тысячи христіанъ. Два пирата, Піале и Торгутъ, опустошали берега Средиземнаго моря, а третій сдѣлался по смерти Хайреддина Барбароссы деемъ тунисскимъ, такъ какъ сынъ и наслѣдникъ Хайреддина, Гассанъ, былъ недовольно дикъ и энергиченъ, чтобы удержать за собой владѣнія отца. Торгутъ или, какъ звали его христіане, Драгутъ вступилъ на службу султана и при жизни капуданъ-паши Синана встрѣчалъ на пути безпрестанныя препятствія. Подобно Хайреддину Барбароссѣ, онъ еще въ молодости занимался морскими разбоями и въ 1546, командуя эскадрой пиратовъ, былъ взятъ въ плѣнъ Андреемъ Доріа на корсиканскомъ берегу и отправленъ на галеры, но освободился, когда Барбаросса, въ союзѣ съ французами, явился предъ Генуей. Вслѣдъ затѣмъ къ нему собрались всѣ смѣлые пираты, и, предводительствуя ими, онъ производилъ страшныя опустошенія и возмутительныя жестокости. Онъ изобрѣлъ новое расположеніе артиллеріи на судахъ, и флотъ его, вооруженный такимъ образомъ, нанесъ страшный вредъ Неаполю и его окрестностямъ. Великій адмиралъ Синанъ нашелъ изобрѣтеніе его превосходнымъ и пригласилъ его въ Константинополь, гдѣ, какъ нѣкогда Барбаросса, онъ предался султану. Султанъ помогъ ему основать владѣніе на сѣверномъ берегу Африки, въ ущербъ Испаніи и Португаліи. Торгутъ отнялъ у нихъ нѣсколько городовъ и крѣпостей. Важнѣйшимъ завоеваніемъ его былъ городъ Медиджа или Магадія (т. II стр. 329 и 330), гдѣ онъ основалъ свою резиденцію и держалъ награбленныя богатства, корабли и войска.

Карлъ V нашелъ наконецъ необходимымъ послать противъ этого притона пиратовъ флотъ подъ начальствомъ Андрея Доріа и войско подъ командой герцога Альбы. Въ маѣ 1550 флотъ этотъ явился передъ Магадіей, но не засталъ Торгута. Въ это время онъ жесточайшимъ образомъ опустошалъ берега Испаніи, отъ Аликанте до Валенсіи. По возвращеніи онъ не нашелъ доступа въ городъ, окруженнаго испанцами. Поэтому онъ занялъ прибрежный островъ Джербе, съ цѣлью тревожить оттуда армію Карла. Осада затянулась до сентября; между тѣмъ въ іюнѣ вице-король сицилійскій подкрѣпилъ императорскую армію свѣжими войсками. Не смотря на чувствительный уронъ, понесенный испанцами отъ возставшихъ мавровъ, Магадія была взята ими 10 сентября, при чемъ они овладѣли 7 тысячами мусульманъ. Доріа хотѣлъ завоевать и Джербе, но Торгутъ спасъ островъ смѣлой стратагемой. Затѣмъ онъ попрежнему продолжалъ свои разбойничьи набѣги.

Подвиги Торгута возбудили наконецъ зависть и безпокойство въ визирѣ Солимана II и въ капуданъ-пашѣ Синанѣ. Они начали искать случая низвергнуть его, возбудивъ противъ него гнѣвъ султана. Торгутъ былъ принужденъ бѣжать. Онъ нашелъ убѣжище при марокскомъ дворѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Солиманъ затѣялъ нападеніе на Мальту и для этой цѣли желалъ овладѣть Триполи; поэтому онъ приказалъ предложить Торгуту и его товарищамъ прощеніе. Торгуту было даже обѣщано отъ султана, что по завоеваніи Триполи онъ получитъ его во владѣніе съ титуломъ первокласснаго намѣстника турецкой имперіи. Послѣ перваго африканскаго похода Карлъ V отдалъ мальтійскимъ рыцарямъ го-

*) Sic occursum est pesti Lutheranae per Hispaniam grassanti, quae, nisi in ipso exortu compressa fuisset, abs dubio foedasset universam.

родъ Триполи, завоеванный его дѣдомъ Фердинандомъ Католикомъ. При помощи турецкаго флота, предводимаго капуданъ-пашей, Торгутъ отнялъ его у рыцарей, за что получилъ санъ санджака. Но завистливый великій адмиралъ Синанъ не соглашался отдать ему Триполи. Это до того взбѣсило Торгута, что онъ хотѣлъ немедленно покинуть службу султана. Но капуданъ-паша уговорилъ его отправиться съ нимъ въ Константинополь, откуда въ слѣдующемъ (1553) году его послали съ сорока пятью галерами и съ значительными сухопутными силами опустошать христіанскіе берега. Онъ разорилъ берега Неаполя и Сициліи, высадился въ Корсикѣ и осадилъ Бастію. Разбивъ посланный на помощь этому городу четырехтысячный христіанскій отрядъ, онъ принудилъ осаждающихъ къ сдачѣ. Онъ обѣщалъ гарнизону свободный пропускъ, но освободилъ только сорокъ семь человѣкъ, а остальныхъ, въ числѣ семи тысячъ, увелъ въ рабство. Послѣ этого Торгутъ возвратился въ Константинополь и еще до смерти Синана получилъ наконецъ Триполи, которымъ владѣлъ до самой смерти.

По смерти Синана капуданъ-пашой сдѣлался кроатъ Піале, прославившійся тѣмъ же, что и Торгутъ. При содѣйствіи новаго дея триполійскаго и дея тунисскаго,—Стали, Піале опустошилъ и обезлюдилъ всѣ берега Эгейскаго и Средиземнаго морей и изъ одной только Италіи увелъ въ разное время болѣе полумилліона людей. Торгутъ, Піале и Стали произвели самыя ужасныя опустошенія въ 1553 и 1554 годахъ, когда Генрихъ II французскій призвалъ флотъ своихъ союзниковъ—турокъ къ провансскому берегу; они свирѣпствовали здѣсь, не разбирая друзей отъ недруговъ. Жители Реджіо были уведены въ плѣнъ, Буджіа и укрѣпленный замокъ Пиньонъ де-Веле на африканскомъ берегу и даже Соренто—взяты, а Майорка разорена и опустошена.

Въ 1559, по прибытіи Филиппа въ Испанію, Піале съ восьмидесятью кораблями отплылъ изъ Константинополя и соединился съ пиратами алжирскимъ, тунисскимъ и триполисскимъ. Тогда Филиппъ рѣшился вооружить противъ разбойниковъ сильный флотъ. Онъ хотѣлъ, не вступая съ пиратами въ сраженіе въ открытомъ морѣ, аттаковать флотомъ и арміею ихъ притоны, особенно владѣнія Торгута—Триполи и Джербе. Дождавшись осени 1559, когда Торгутъ возвратился по обыкновенію съ флотомъ въ Константинополь, испанцы приступили къ громаднымъ приготовленіямъ къ экспедиціи будущей весны. Къ несчастію военныя приготовленія и главное начальство были ввѣрены одному изъ первыхъ грандовъ Испаніи, герцогу Медина-Сели, намѣстнику сицилійскому, который былъ гораздо лучшимъ придворнымъ, чѣмъ адмираломъ и полководцемъ. Медина-Сели собралъ въ мессинской гавани двѣсти кораблей и четырнадцать тысячъ закаленныхъ испанскихъ ветерановъ. Испанскимъ флотомъ командовали Сансіо де Левіа, донъ-Беренгаръ де Реквезенсъ и генуезецъ Чикала; съ ними соединился генуезскій флотъ подъ командой младшаго Доріа и мальтійскій подъ предводительствомъ Гимарана. Папа и герцогъ Тосканскій также выставили эскадры. Приготовленія были однако такъ плохи, что еще въ мессинской гавани нѣсколько тысячъ человѣкъ погибло отъ болѣзней и лишеній въ ожиданіи попутнаго вѣтра. Въ февралѣ 1560 флотъ отплылъ, чтобы аттаковать островъ Джербе, лежавшій на западъ отъ Триполи и на востокъ отъ Туниса. Торгутъ, конечно, отразилъ бы это нападеніе, если бы не задолго до того не поссорился съ жителями острова и не затѣялъ войну съ однимъ мавританскимъ владѣтелемъ на сѣверномъ берегу. Узнавъ о появленіи христіанскаго флота, онъ прервалъ свои успѣхи надъ маврами и возвратился въ Триполи, пославъ въ Константинополь итальянскаго ренегата Оккіале или, какъ его звали турки, Улуджала, просить помощи турокъ. Островъ Джербе съ своими укрѣпленіями сдался испанцамъ, и начальники его покорились королю Филиппу. Всѣ совѣтывали герцогу Медина-Сели не занимать островъ, который могъ служить только притономъ для разбойниковъ, и, срывъ всѣ укрѣпленія, торопиться къ Триполи. Но герцогъ не послѣдовалъ этимъ совѣтамъ, рѣшившись удержать островъ и возобновить его укрѣпленія. Поэтому онъ бездѣйствовалъ весь мартъ и, не смотря на представленія своихъ генераловъ, пробылъ на Джербе до конца мая, хотя мальтійскій орденъ прислалъ къ нему курьера съ извѣстіемъ, что противъ него идетъ весь турецкій флотъ.

Отплывъ изъ Константинополя съ ста сорока гелерами, Піале соединился при Модонѣ съ флотами бея Родосскаго и санджака Митиленскаго; 7 мая онъ

явился на высотѣ Мальты. 14 числа того же мѣсяца онъ аттаковалъ при Джербе христіанскій флотъ и обратилъ его въ постыдное бѣгство; двадцать галеръ и двадцать семь транспортныхъ судовъ были уничтожены. Доріа и герцогъ Медина-Сели бѣжали первыми и благополучно достигли Мальты. Изъ испанскихъ генераловъ только донъ-Альваро де Санди исполнилъ свою обязанность и спасъ честь испанскаго имени. Когда Піале и Торгутъ соединили свои силы для осады укрѣпленій острова, донъ-Альваро добровольно принялъ начальство надъ гарнизономъ. Онъ защищался до конца іюля, отвергалъ всѣ предлагаемыя ему капитуляціи и наконецъ убѣдилъ отрядъ въ 1000 человѣкъ, раздѣлявшій его страданія, лучше умереть смертью героевъ, чѣмъ сдаться. Ночью они бросились на непріятельскій лагерь и всѣ погибли; самъ Альваро пробился, но на другое утро былъ взятъ въ плѣнъ. Въ сентябрѣ Піале возвратился въ Константинополь. Онъ съ тріумфомъ вступилъ въ гавань, и самъ султанъ Солиманъ взиралъ съ крыши сераля на его торжество. Тріумфъ Піале былъ тѣмъ болѣе непріятенъ испанскому королю, что въ то время Филиппъ вступилъ во вражду съ чинами своихъ нидерландскихъ провинцій, и несогласія эти могли потребовать присутствія въ Нидерландахъ всѣхъ его силъ. Плѣнники, которыхъ Піале ввезъ въ своемъ тріумфѣ рабами въ Константинополь, доказывали, какъ чувствителенъ былъ уронъ испанцевъ при Джербе. На позорно обезображенныхъ галерахъ, отнятыхъ у испанцевъ, въ стамбульскую гавань въѣхали Альваро де Санди, донъ-Сансіо де Левіа, донъ-Беренгаръ де Реквезенсъ и другіе важнѣйшіе генералы Испаніи, Сициліи и Неаполя, преданные въ цѣпяхъ на потѣху правовѣрнымъ. Зять Беренгара, донъ-Хуанъ де Кордова, сынъ герцога Медина-Сели, Гастонъ, и сынъ генуезца Чикала были также въ числѣ плѣнныхъ. Гастонъ умеръ въ темницѣ, а восемнадцатилѣтній Чикала пріобрѣлъ позорное расположеніе султана, отрекся отъ христіанства и сдѣлался впослѣдствіи турецкимъ капуданъ-пашей. Въ прочихъ плѣнникахъ принялъ участіе посланникъ императора Максимиліана II при султанскомъ дворѣ, Бусбекъ, о которомъ мы будемъ говорить подробно ниже, и, благодаря его ходатайству, они выкупились.

Филиппъ II, бывшій по своей неутомимости, скрытности и надутому чванству, за которыя ему теперь удивляются, страшилищемъ для всѣхъ, кромѣ испанцевъ, которымъ онъ нравился, встрѣчалъ всѣ бѣдствія, постигавшія его, совершенно спокойно; съ тою же непреклонною твердостью встрѣтилъ онъ вѣсть о джербскомъ пораженіи. Такъ какъ онъ самъ выбралъ неспособнаго Медина-Сели, то не выказалъ ему ни малѣйшаго знака неудовольствія. Онъ ограничился тѣмъ, что смѣнилъ прежнихъ адмираловъ и ввѣрилъ въ другія руки новый флотъ, вооруженный имъ по случаю нападенія на Мазарквивиръ алжирскаго дея Галана. Ободренный пораженіемъ испанцевъ, Гассанъ осадилъ этотъ городъ съ моря и съ суши, но былъ принужденъ къ отступленію. Затѣмъ намѣстникъ каталонскій переправился на африканскій берегъ, чтобы вознаградить потерю Джербе завоеваніемъ другаго укрѣпленія. Изъ Малаги онъ переправился черезъ узкій каналъ, отдѣляющій здѣсь Африку отъ Испаніи. Здѣсь, на африканскомъ берегу, между двумя горами, находился городъ Гомера де Велесъ, а противъ него на вершинѣ крутаго скалистаго острова стоялъ замокъ, названный по сходству съ кедровой шишкой (pinia) Пиньонъ де Веле. Неукрѣпленный городъ былъ взятъ немедленно. Затѣмъ сдался и фортъ. Пріобрѣтеніе это было во всякомъ случаѣ весьма выгоднымъ вознагражденіемъ за Джербе, потому что на вершину скалы, гдѣ стоялъ замокъ, вела одна только очень крутая тропинка, а между скалой и материкомъ рукавъ моря представлялъ безопасную гавань для дюжины кораблей, такъ что изъ Пиньона и Голеты испанцы могли господствовать надъ всѣмъ африканскимъ берегомъ.

Это побудило султана предпринять впослѣдствіи походъ для завоеванія Мальты, откуда онъ могъ бы господствовать надъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ. Предпріятіе это грозило мальтійскимъ рыцарямъ нашествіемъ всей турецкой силы и напоминало походы древнихъ персидскихъ царей противъ свободной Греціи. Во время этого похода все вниманіе Филиппа было обращено на Нидерланды. Въ Нидерландахъ однѣ провинціи, хотя по невѣжеству предпочли ученіе соборовъ и папъ евангелическому, но дворянство и города ихъ помнили о своихъ правахъ, которыхъ Филиппъ не хотѣлъ знать; въ другихъ же католики и протестанты возстали противъ духовныхъ судовъ инквизиціи, предназначенныхъ уничтожать ересь и еретиковъ.

9. Филиппъ II, герцогъ Альба и первыя волненія въ Нидерландахъ.

Въ то время въ Нидерландахъ каждая провинція сама выбирала своихъ чиновъ; города же, одни свободно избирали свой магистратъ, а въ другихъ онъ назначался тѣмъ владѣльцемъ, въ области котораго находился городъ. Слѣдовательно, вліяніе государя было во всякомъ случаѣ очень ограничено, что еще при Карлѣ Смѣломъ служило причиною внутреннихъ безпокойствъ. Суды также отличались республиканскимъ характеромъ, постановляя рѣшенія именемъ закона, а не государя. Судебная власть принадлежала провинціальнымъ судамъ и магистратамъ; на рѣшенія ихъ можно было аппелировать въ Мехельнъ ко двору, кромѣ гренингенскаго, фринсландскаго и сѣверо-голландскаго судовъ, приговоры которыхъ были безаппеляціонны. Даже администрація въ сущности была совершенно республиканская. Высшимъ правительственнымъ мѣстомъ былъ государственный совѣтъ, раздѣлявшійся на три отдѣленія, подъ общимъ предсѣдательствомъ государя или его намѣстника. Въ первомъ отдѣленіи, состоявшемъ изъ важнѣйшихъ дворянъ, нѣсколькихъ прелатовъ и ученыхъ юристовъ, разсматривались всѣ общія государственныя мѣры, рѣшались вопросы о войнѣ и мирѣ и дѣла, касавшіяся всѣхъ провинцій вообще; отдѣленіе это издавало кромѣ того общіе законы. Второе отдѣленіе разбирало подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя споры, возникавшіе между отдѣльными провинціями, и столкновенія провинціальныхъ правъ съ правами монарха. Третье отдѣленіе завѣдывало всѣми финансовыми дѣлами, какъ государя, такъ и провинцій. Общія собранія сословій бывали весьма рѣдко, уже потому, что провинціи были разрознены и не представляли плотнаго государства.

При такомъ государственномъ устройствѣ человѣку съ строго монархическими понятіями было весьма трудно ладить съ Нидерландами, которые очень дорожили своими привилегіями. Поэтому Карлъ V дѣлалъ своими намѣстницами въ этой странѣ дамъ, такъ какъ онѣ могли, не теряя своего достоинства, пріобрѣтать выгоды уступками и лестью упрямымъ гражданамъ. Тетка императора, Маргарита Австрійская, была извѣстна своими дипломатическими способностями, доказательства которыхъ мы уже видѣли выше. Сестра Карла, Марія венгерская, также умѣла въ царствованіе брата справляться съ бельгійцами. Но по удаленіи императора въ монастырь, она также удалилась отъ дѣлъ.

Карлъ V былъ всегда другомъ и покровителемъ могущественныхъ аристократовъ страны. Изъ нихъ самымъ хитрымъ, умнымъ и опытнымъ въ политикѣ и войнѣ былъ Вильгельмъ Молчаливый графъ Нассаускій, принцъ Оранскій; онъ былъ другомъ и совѣтникомъ Карла и служилъ ему въ качествѣ полководца и дипломата. Произнося прощальную рѣчь нидерландскимъ штатамъ, Карлъ опирался на плечо Вильгельма (стр. 585) и потомъ послалъ его въ Германію съ прощальными граматами. Филиппъ II, напротивъ того, не любилъ Вильгельма и на прощаніе наговорилъ ему непріятностей, такъ что Вильгельмъ, боясь, чтобы король не увезъ его въ Испанію, не пошелъ провожать его на корабль и остался на берегу. Портретъ Филиппа, находящійся въ исторіи Маріаны и Миніаны, изданной въ Галле, вполнѣ выражаетъ характеръ этого короля, и, глядя на него, становится понятно, что честные и прямые голландцы и нѣмцы пришли въ ужасъ, увидя въ первый разъ въ 1548 году непріятное и мрачное лицо своего будущаго государя. — Въ Англіи (въ то время еще merry England) его ненавидѣли за суровый, мрачный видъ и за высокомѣріе. Въ 1548 нидерландскіе города и штаты встрѣтили Филиппа съ любовью и торжествомъ; но лицо его ни разу не прояснилось; тогда какъ Карлъ V держалъ себя среди знати, какъ первый между равными, въ Филиппѣ былъ всегда виденъ жестокій, суровый монархъ. Въ 1555, при вторичномъ пріѣздѣ Филиппа въ Нидерланды, съ цѣлью принять правленіе, онъ возбудилъ къ себѣ всеобщую ненависть своею склонностью къ инквизиціи и нетерпимостью къ ученію Лютера, уже весьма распространенному въ Нидерландахъ. Императоръ Карлъ казался отцомъ и другомъ среди нидерландскихъ графовъ, князей и герцоговъ; Филиппъ же довѣрялъ одному

только ненавистному Гранвеллѣ младшему и приближалъ къ своей особѣ только испанцевъ, похожихъ характеромъ на него самого, какъ Рюй Гомесъ де Сильва, герцогъ Альба и графъ Феріа. Онъ поручилъ своему канцлеру произнести за него рѣчь его новымъ подданнымъ, такъ какъ самъ не зналъ ни одного изъ двухъ нарѣчій, господствующихъ въ Нидерландахъ.

Когда королева Марія отправилась съ братомъ въ Испанію, Филиппъ назначилъ штатгальтеромъ Нидерландовъ герцога Эммануила Филиберта Савойскаго. Но когда по миру въ Шато-Канбрези герцогъ получилъ обратно свои владѣнія и когда во время религіозной войны во Франціи ему возвратили отнятыя у него крѣпости, онъ оставилъ Нидерланды и уѣхалъ домой. Побѣдой при Сенъ-Кантенѣ Филиппъ былъ въ особенности обязанъ Ламоралю графу Эгмонту, князю Геверену, который командовалъ въ этотъ день конницей; вскорѣ Эгмонтъ одержалъ другую побѣду надъ французами при Гравелингенѣ. Поэтому нидерландцы надѣялись, что Филиппъ назначитъ его штатгальтеромъ, но ошиблись; ниже мы увидимъ, что Эгмонтъ былъ въ числѣ первыхъ, заплатившихъ своею кровію за любовь къ отечеству. Король назначилъ штатгальтершей побочную дочь своего отца, герцогиню Маргариту Пармскую. Нидерландцы были бы также довольны ею, какъ прежними правительницами своими; но назначеніе ея было обманомъ: въ дѣйствительности правленіе было ввѣрено Гранвеллѣ, который прикрылся ея именемъ. Перрено де Гранвелла, сынъ канцлера Карла V, не имѣлъ ни одного изъ достоинствъ своего отца и служилъ лишь орудіемъ жестокосердыхъ и фанатическихъ плановъ своего короля. Онъ былъ епископомъ аррасскимъ и предназначался въ архіепископы мехельнскіе; нидерландскіе чины до того не довѣряли ему, что, давъ значительныя субсидіи на войну съ Франціей, назначили отъ себя коммисаровъ для наблюденія за расходомъ денегъ.

Подъ управленіемъ Гранвеллы религіозныя преслѣдованія, вопреки законамъ страны, усиливались съ каждымъ днемъ. Поэтому вскорѣ нидерландцы пристали къ королю съ жалобами на нарушеніе законовъ. Уѣзжая изъ Нидерландовъ, Филиппъ къ великой досадѣ голландцевъ оставилъ во многихъ городахъ нѣсколько тысячъ испанскихъ войскъ. Ни графъ Эгмонтъ, ни Вильгельмъ Ѳранскій не захотѣли принять начальство надъ ними. Въ государственномъ совѣтѣ шли вѣчные раздоры. Испанскіе солдаты самовластвовали во Фландріи и производили всякія безчинства. Когда чины и даже государственный совѣтъ потребовали удаленія ихъ, герцогиня отправила ихъ въ Зеландію. Но неудовольствіе возрасло до того, что Филиппъ былъ принужденъ отозвать ихъ, такъ какъ они были слишкомъ малочисленны, чтобы дѣйствовать силою. Это вооружило короля особенно противъ тѣхъ аристократовъ, которые, какъ Вильгельмъ Нассаусскій, графъ Эгмонтъ и великій адмиралъ Филиппъ де Монморанси графъ де Горнъ, по сану, богатствамъ, владѣніямъ и двору были почти независимыми государями. Къ этому вскорѣ присоединились другія причины. Въ февралѣ 1561 ненавистный Гранвелла былъ сдѣланъ кардиналомъ. Это доставило ему перевѣсъ въ государственномъ совѣтѣ, тогда какъ народъ презиралъ и осмѣивалъ его. Поэтому онъ учредилъ при герцогинѣ тайный совѣтъ (consulta), состоявшій въ особыхъ сношеніяхъ съ королемъ.

Филиппъ тогда же думалъ расправиться съ нидерландскими еретиками, какъ съ испанскими. Вслѣдъ затѣмъ онъ принялъ постановленія тридентскаго собора, которыми папа былъ поставленъ выше соборовъ, тогда какъ Франція отвергла это рѣшеніе. Чтобы осуществить свои намѣренія, Филиппъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, ввести въ государственный совѣтъ герцога Феріа, однако нидерландцы не допустили къ себѣ этого испанца, и Филиппу пришлось уступить. Это снова страшно взбѣсило его, и онъ назначилъ помощниками кардинала Гранвеллы жестокаго и въ высшей степени невѣжественнаго Виліуса де Цихема — президентомъ судебнаго отдѣленія, а графа Барлемона — президентомъ финансоваго отдѣленія. Оба они были фанатичны и жестоки, какъ испанцы, и потому ихъ обоихъ равно ненавидѣли. Нидерландцы, особенно первые аристократы страны, Вильгельмъ Нассаусскій и графы Эгмонтъ и Горнъ, бывшіе нѣкогда штатгальтерами провинцій, противились всѣмъ испанскимъ внушеніямъ и предложеніямъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ графъ Горнъ былъ принужденъ отправиться съ королемъ на два года въ Испанію. Нидерландцы жаловались королю

на нарушеніе консультою ихъ правъ и законовъ и убѣдительно просили отозвать кардинала; тѣмъ временемъ Филиппъ совѣщался съ Екатериною Медичи о подавленіи общими силами протестантизма во Франціи и въ Испаніи.

Для достиженія этой цѣли королю казалось необходимымъ содѣйствіе іезуитовъ и инквизиціи. Но, чтобы ввести ихъ въ Нидерланды, было необходимо подчинить королю богатую бельгійскую іерархію, которая доселѣ въ Нидерландахъ, какъ и въ Германіи, была въ рукахъ аристократіи. Папа, въ угоду которому Филиппъ навязалъ нидерландцамъ постановленія тридентскаго собора, помогъ ему достичь этого. Онъ пожаловалъ королю право назначать епископовъ, которыхъ прежде избирали сами капитулы; за это король далъ папѣ право утверждать ихъ назначеніе, бывшее доселѣ излишнимъ. Въ тоже время умноженіемъ числа епархій уничтожили древнее значеніе капитуловъ и разорвали связь бельгійскихъ епископовъ, доселѣ отличающихся фанатизмомъ, съ германскою имперіею и французскою церковью. До Филиппа въ Нидерландахъ было четыре епископства; изъ нихъ сѣверное признавало своимъ митрополитомъ архіепископа кельнскаго, а Арра, Канбрэ и Турнэ принадлежали къ архіепископству реймскому; вмѣсто нихъ было учреждено четырнадцать епископствъ, а Мехельнъ и Утрехтъ возведены въ архіепископства. Планъ Филиппа и папы клонился къ совершенному измѣненію существовавшихъ отношеній, потому что въ общемъ собраніи чиновъ духовенство занимало первое мѣсто. Послѣ произведенной ими перемѣны главный голосъ долженъ былъ принадлежать не многочисленнымъ, богатымъ, національнымъ и независимымъ аббатамъ, а королевско-папскимъ епископамъ. Многія важныя аббатства были упразднены, другія лишились большей части своихъ доходовъ, отошедшихъ къ новымъ епископствамъ; наконецъ дворянство потеряло возможность прекрасно пристраивать помимо короля своихъ младшихъ сыновей.

Настоятельныя представленія общаго собранія чиновъ, которыя Филиппъ выслушалъ передъ отъѣздомъ своимъ, въ августѣ 1559, остались безплодны, и король еще сильнѣе возненавидѣлъ Вильгельма Молчаливаго. Не смотря на это, принцъ остался намѣстникомъ Голландіи, Зеландіи и Утрехта, гдѣ находились его помѣстья. Эгмонтъ также сохранилъ намѣстничество фламандскихъ областей Фландріи и Артуа; но графъ Горнъ потерялъ Гельдернъ и Цютфенъ. Робертъ Бредероде не получилъ епископство канбрэйское, а храброму Лазарю Швенди было отказано въ мѣстѣ въ государственномъ совѣтѣ. Когда недовольство, господствовавшее всюду, приняло открытый характеръ, лица эти стали во главѣ недовольныхъ. Филиппъ надѣлъ пока, по своему обыкновенію, маску, прикинувшись готовымъ къ уступкамъ, а между тѣмъ съ своимъ Альбой и другими испанцами началъ искать средствъ сдѣлаться въ Нидерландахъ неограниченнымъ монархомъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Филиппъ отозвалъ въ декабрѣ 1560 испанскія войска, вельможи и прочее дворянство стали направлять исключительно противъ Гранвеллы всѣ жалобы, подаваемыя королю и герцогинѣ. Въ 1562 вельможи отважились на весьма смѣлый шагъ. Они объявили намѣстницѣ въ аудіенціи, что рѣшительно отказываются присутствовать въ государственномъ совѣтѣ, пока Гранвелла будетъ членомъ его. Въ началѣ слѣдующаго года они вышли изъ совѣта и даже покинули Брюссель. Тогда король написалъ каждому изъ нихъ особо дружеское письмо съ приглашеніемъ пріѣхать въ Испанію. Однако они не послѣдовали приглашенію и даже склонили тайнаго государственнаго секретаря герцогини, Томаса д'Армантьера, доставить королю въ августѣ 1563 письмо намѣстницы, въ которомъ описывалось положеніе дѣлъ, опасное расположеніе умовъ въ странѣ и излагались причины, заставляющія опасаться общаго возстанія, если не удалятъ Гранвеллу. На это представленіе, сдѣланное самою намѣстницею, король отвѣчалъ уклончиво. Но наконецъ самому Гранвеллѣ пришлось не по силамъ терпѣть долѣе презрѣніе и ненависть дворянства; Филиппъ дозволилъ ему возвратиться въ Испанію. Гранвелла удалился въ мартѣ 1564, послѣ публичнаго позора, нанесеннаго ему вельможами національной партіи, оскорбившими кардинала ливреями своей многочисленной прислуги. Они велѣли вышить на висячихъ рукавахъ, которые тогда носили на мужскихъ кафтанахъ, позади настоящихъ рукавовъ, человѣческую голову и дурацкій колпакъ. Впослѣдствіи этотъ колпакъ, подобно французскому трехцвѣтному знамени, сталъ знакомъ національной пар-

тіи; потомъ его замѣнили нищенской сумой, а позднѣе связкою стрѣлъ, ставшею гербомъ Семи Соединенныхъ Провинцій.

Не смотря на все это, Эгмонтъ отважился поѣхать въ Испанію. Король, которому было необходимо внушать нидерландцамъ безпечность, принялъ его дружески, хотя рѣзко выразилъ ему свое неудовольствіе за изобрѣтеніе значковъ партіи. Онъ не воспрепятствовалъ ему возвратиться домой. Глубокое, истинно-восточное притворство Филиппа и его двора совершенно обмануло Эгмонта, который впослѣдствіи поплатился за это головой. Въ 1565 онъ привезъ въ Нидерланды извѣстіе, что король рѣшился дѣйствовать противъ ереси огнемъ и мечомъ, хотя протестантизмъ сдѣлался въ Нидерландахъ, особенно въ сѣверныхъ провинціяхъ, господствующей религіей. По предложенію Эгмонта, въ 1565 въ Брюсселѣ собрался государственный совѣтъ, чтобы предложить королю кроткія мѣры для противодѣйствія злу. Это въ высшей степени разсердило короля; отвѣтъ его былъ такъ рѣзокъ, что слѣдовало ожидать всего худаго. Мы не будемъ входить въ разборъ плановъ, составленныхъ въ Байоннѣ при свиданіи испанской королевы съ ея матерью, Екатериною Медичи, и братомъ, французскимъ королемъ Карломъ IX. Мы говоримъ лишь о фактахъ. Однако, несомнѣнно, что Екатерина тогда же обѣщала свободный пропускъ войскамъ, которыя Филиппъ намѣревался послать въ Нидерланды. Филиппъ желалъ, чтобы Екатерина также приступила къ истребленію еретиковъ; но она благоразумно уклонилась отъ этого, потому что видѣла злыя намѣренія Филиппа, желавшаго вовлечь ее въ раздоръ съ ея подданными, пока онъ будетъ занятъ въ Нидерландахъ.

По отъѣздѣ Гранвеллы графъ Барлемонъ продолжалъ жестоко преслѣдовать протестантовъ; кромѣ того, не смотря на противодѣйствіе чиновъ и духовенства, постановленія тридентскаго собора были навязаны странѣ, и наконецъ ей грозило введеніе инквизиціи. Поэтому нѣкоторые члены низшаго дворянства заключили въ 1566 союзъ съ цѣлью отстаивать національныя права оружіемъ. Филиппъ де Марнисъ, сеньоръ де Сентъ-Альдегондъ, склонилъ девять дворянъ, не занимавшихъ общественныхъ должностей, дать 25 марта 1566 въ Бреда клятвенное обѣщаніе защищать страну оружіемъ противъ инквизиціи и новыхъ законовъ. Актъ, составленный при этомъ, былъ первымъ шагомъ къ освобожденію семи провинцій; его назвали компромисомъ. Знатныя лица, какъ и слѣдовало ожидать, сперва не подписали его, такъ какъ въ немъ шла рѣчь о насиліи и возмущеніи. Но Генрихъ Бредероде, производившій свой родъ отъ древнихъ графовъ Голландскихъ, грубый братъ Вильгельма Нассаусскаго, Лудовикъ, и господа Арембергъ и Куленбергъ съ апрѣля 1566 безпрестанно приставали съ требованіями къ намѣстницѣ и ея совѣту. Въ то время въ Брюссель прибыло нѣсколько сотъ дворянъ изъ сѣверныхъ провинцій; они шумно предъявили герцогинѣ свои требованія, которыхъ она не могла выполнить. Потомъ они собрались на пирушку въ отелѣ Куленберга, куда къ нимъ пришли Вильгельмъ Оранскій, графъ Эгмонтъ и графъ Горнъ, не имѣвшіе впрочемъ доселѣ съ ними ничего общаго. Въ это время компромисъ былъ уже подписанъ тысячами лицъ, принявшихъ названіе сволочь (gueux), которымъ ихъ выбранилъ графъ Барлемонъ. Дурацкіе колпаки на ливреяхъ стали считаться нищенскими сумами, а голова прежняго знамени была замѣнена кубкомъ.

Гезы полагали возможнымъ рѣшиться на крайность, потому что всюду уже погибли въ мученіяхъ сотни людей по приказаніямъ сперва Гранвеллы, а потомъ двухъ другихъ фанатиковъ. Правда, протестанты также оскверняли и разоряли католическія церкви, расхищали священные сосуды, ломали образа и произвели неистовства въ Антверпенѣ. Вильгельмъ, Эгмонтъ, Горнъ и ихъ друзья старались наказывать эти безчинства и вознаграждать причиненный ими убытокъ. Въ это время правительница дозволила графу Бергену опъ Цоомъ и брату Горна, маркизу де Монтиньи, представить королю жалобы нидерландцевъ. Впослѣдствіи, находясь въ Испаніи, они предупреждали своихъ соотечественниковъ о приготовленіяхъ Филиппа и пали первыми жертвами мести короля.

Передъ походомъ герцога Альбы съ своими ветеранами изъ Италіи въ Нидерланды, король послалъ правительницѣ значительныя суммы для набора пяти пѣхотныхъ полковъ и отряда кавалеріи изъ числа католическихъ валлоновъ и фламандцевъ. При помощи этихъ войскъ, Маргарита стала силою усмирять непокор-

ныхъ и грабителей церквей и монастырей. Тогда Вильгельмъ Оранскій понялъ, что настала минута, когда ему и друзьямъ его слѣдуетъ употребить свои богатства на военныя приготовленія и призвать соотечественниковъ къ оружію противъ испанцевъ, пока они еще не успѣли достигнуть Нидерландовъ. Но Эгмонтъ и Горнъ не послушались его. Они дались въ обманъ, и расположеніе, выказанное имъ Филиппомъ въ Испаніи, до того ослѣпило ихъ, что даже секретное письмо къ правительницѣ, которое показывалъ имъ Вильгельмъ, не открыло имъ глаза. Тогда принцу ничего не оставалось, какъ поберечь самого себя до болѣе удобнаго времени.

Герцогъ Альба отправился черезъ Геную въ Италію, потомъ при содѣйствіи королевы Екатерины и противъ желанія протестантовъ и даже благоразумныхъ католиковъ Франціи совершилъ свой походъ по западнымъ пограничнымъ провинціямъ Франціи; въ августѣ 1567 десять тысячъ закаленнаго испанскаго войска прибыли подъ его начальствомъ въ Диденгофенъ въ Люксембургской области. Хотя, повидимому, онъ былъ только главнокомандующимъ арміи, но правительница вскорѣ замѣтила, что онъ имѣетъ неограниченное полномочіе. Онъ назначалъ въ города гарнизоны, губернаторовъ и комендантовъ, строилъ крѣпости и потребовалъ къ отвѣту нидерландскихъ вельможъ. 9 сентября онъ пригласилъ къ себѣ графовъ Эгмонта и Горна, подъ предлогомъ посовѣтоваться съ ними о постройкѣ антверпенскихъ укрѣпленій. Они были до того слѣпы, что отправились къ нему и были арестованы. Графъ Нассаусскій и графъ Гоохстратенъ также получили приглашеніе. Филиппъ приказалъ арестовать также нидерландскихъ депутатовъ, бывшихъ еще въ Испаніи, за сношенія съ несчастнымъ сыномъ его, донъ-Карлосомъ, котораго онъ велѣлъ отравить. Графъ Бергенъ опъ Цоомъ умеръ въ маѣ 1568 въ заключеніи, но даже по смерти его Альба началъ противъ него процессъ, обвинивъ его въ государственной измѣнѣ.

Герцогиня просила короля дозволить ей удалиться изъ Нидерландовъ; она получила дозволеніе и въ началѣ 1568 выѣхала изъ этой страны. Еще до отъѣзда ея Альба началъ свои страшные подвиги; онъ ввелъ испанскую инквизицію и учредилъ кровавый политическій судъ, названный с о в ѣ т о м ъ   м я т е ж е й. Съ этой минуты религіозная война испанцевъ въ Нидерландахъ вступаетъ въ тѣсную связь съ религіозной войной во Франціи. Поэтому мы остановимся здѣсь, чтобы сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ замѣчаніямъ о литературѣ и образованности шестнадцатаго столѣтія, находящимся въ концѣ одиннадцатаго тома.

X. ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ЗАМѢЧАНІЯМЪ

О ЛИТЕРАТУРѢ И ОБРАЗОВАННОСТИ ИТАЛЬЯНЦЕВЪ, НѢМЦЕВЪ И ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ ШЕСТНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІИ.

---

1. Общія замѣчанія.

Если бы въ этомъ краткомъ очеркѣ новой исторіи мы хотѣли описать всѣ явленія умственнаго развитія Европы и указать на лучшія произведенія новыхъ авторовъ, то намъ слѣдовало бы уже давно вспомнить объ испанцахъ и португальцахъ и упомянуть о великихъ людяхъ Англіи, создавшихъ, при помощи твореній Юга, тотъ родъ литературы, вѣнцомъ которой были драмы Шекспира. Наша цѣль скромнѣе. Мы хотимъ показать только связь въ ходѣ цивилизаціи трехъ названныхъ націй и, безъ притязаній на полноту, указать на факты, которые считаемъ важными для нашей цѣли. Мы уже говорили о всѣхъ итальянскихъ писателяхъ, почитающихся доселѣ классическими, но намъ необходимо упомянуть и о тѣхъ, которые своимъ вліяніемъ въ Италіи навлекли французовъ и нѣмцевъ на ложный путь. Съ этого ложнаго пути французы выбрались только во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія, а нѣмцы лишь въ восемнадцатомъ. Сочиненія по исторіи христіанской церкви, вызванныя церковной реформой и, хотя носившія характеръ полемики, но тѣмъ не менѣе дѣльныя и основанныя на актахъ и документахъ, представляются намъ какъ въ Италіи, такъ и во Франціи, и въ Германіи, одновременно; въ этихъ странахъ были въ тоже время произведены попытки примѣнить классическую ученость къ нравственному и религіозному образованію, но въ Италіи онѣ кончились неудачно. За то въ Германіи, Франціи и даже Англіи мы встрѣчаемъ провозвѣстниковъ свѣта, Петра Павла Вергерія, Петра Мартира Вермильо и Оккино.

О нѣмецкой цивилизаціи шестнадцатаго вѣка приходится сказать немного. Богословская полемика заслоняла здѣсь всѣ полезныя науки, потому что государи и профессоры богословія безъ устали трудились надъ изобрѣтеніемъ догматовъ соглашенія, т. е. старались съ точностью опредѣлить, что именно долженъ думать каждый о религіозныхъ предметахъ, чтобы не нарушать единства церкви. Наиболѣе усердствовали на этомъ поприщѣ тюбингенскіе и виттенбергскіе богословы. Въ Саксоніи всѣ, усвоившіе себѣ классическое образованіе женевскихъ и гейдельбергскихъ ученыхъ, подвергались преслѣдованіямъ, какъ тайные кальвинисты, и сотни священниковъ и учителей лишились должностей и были изгнаны изъ страны.

2. Италія.

a. Наука, искусство и поэзія, какъ роскошь при итальянскихъ дворахъ.

О заслугахъ дома Медичи историки наговорили много лестнаго. Этимъ историкамъ очень нравится также искусственное процвѣтаніе наукъ и искусствъ, подобно экзотическимъ растеніямъ, среди нравственнаго упадка общества. Вати-

канская библіотека (т. III стр. 681—687) была въ этомъ столѣтіи первой въ Европѣ. Хотя въ періодъ отъ Юлія II до Сикста V ею то занимались, то пренебрегали, но число манускриптовъ постоянно возрастало. При Львѣ X Садолетъ, Бембо и Іоаннъ Ласкарисъ выказывали похвальную дѣятельность, собирая сочиненія, а Бороальдъ Младшій былъ долгое время смотрителемъ библіотеки; всѣ они равно поклонялись древности. Послѣ ватиканской библіотеки главной была библіотека Медичи (т. III стр. 680). Она была перенесена изъ Флоренціи въ Римъ, а оттуда обратно во Флоренцію, гдѣ ее увеличили съ большими пожертвованіями. Библіотека св. Марка въ Венеціи, съ которой была соединена библіотека кардинала Виссаріона (т. III стр. 681), была переведена въ 1529 въ новое зданіе. Въ Туринѣ въ шестнадцатомъ столѣтіи герой Эммануилъ Филибертъ завелъ великолѣпную библіотеку и галлерею. Городъ Урбино также получилъ въ подарокъ отъ послѣдняго герцога Урбинскаго драгоцѣнную библіотеку. Наконецъ въ Моденѣ была вновь устроена бывшая библіотека Эсте.

Искусствъ мы не намѣрены касаться. Замѣтимъ только, что царствованіе Льва X было для искусства золотымъ вѣкомъ; въ это время жили *Полидоръ Караваджіо*, *Рафаэль* и *Микель Анджело Буанаротти*; послѣдніе, подобно *Леонардо да Винчи*, жившему въ предъидущемъ вѣкѣ въ Миланѣ, были не только художники, но и поэты. *Тиціанъ* пріобрѣлъ славу въ Венеціи. *Джіовани д'Удино* и *Прино дель Вега* работали съ Рафаэлемъ въ Ватиканѣ. Чтобы окончить колоссальную постройку собора Петра и Павла, папа Левъ X, во вредъ духовной власти Рима, наложилъ контрибуцію на весь христіанскій міръ. Въ сооруженіи этого храма участвовали всѣ лучшіе архитекторы того времени, какъ то *Браманте*, *Бальдассаре Перуцци* *Рафаэль*, *Джуліо Романо* и *Микель Анджело Буонаротти*. Медичи, начиная съ Косьмы Старшаго, покровительствовали искусствамъ и художникамъ. Изъ Эсте искусства поощряли преимущественно кардиналъ Ипполитъ д'Эсте и герцоги Геркулесъ II и Альфонсъ II, способствовавшіе также развитію политическихъ наукъ. Но Гонзага Мантуанскіе оказывали помощь тѣмъ наукамъ, которыя приносятъ человѣку прямую пользу, т. е. естествознанію, математикѣ и физикѣ.

Въ настоящемъ томѣ (стр. 629—631) мы уже замѣтили касательно *поэзіи*, что *Тассо* во многихъ мѣстахъ Освобожденнаго Іерусалима отдаетъ предпочтеніе слабому передъ энергическимъ, искусственному передъ естественнымъ и мелодраматическому передъ эпическимъ; своими пасторальными стихотвореніями онъ также повредилъ чистотѣ итальянскаго вкуса, какъ Гесснеръ своими идилліями — нѣмецкому, и причиною этого было то, что оба они въ совершенствѣ владѣли языкомъ и формою. Критика стихотвореній Тассо — не наше дѣло; мы хотимъ только показать, какимъ образомъ Тассо сдѣлался творцомъ ложной риторической и педантичной поэзіи, господствовавшей послѣ него въ Италіи, и отъ которой нѣмцы освободились съ такимъ трудомъ только въ восемнадцатомъ столѣтіи. Въ знаменитомъ пасторальномъ стихотвореніи Тассо, Аминтѣ, гдѣ герой — внукъ Пана, а героиня — дочь лѣснаго бога, замѣтно вліяніе напыщеннаго ритора и трагика Сенеки. Послѣ Тассо, другіе пасторальные поэты, слѣдуя ему, превзошли его въ искусственномъ искаженіи природы.

Предшественникомъ Тассо въ этомъ отношеніи былъ неаполитанецъ *Саннацаро*, родившійся еще въ 1458; необыкновенный успѣхъ, которымъ онъ пользовался въ шестнадцатомъ столѣтіи въ массѣ, особенно же между классически образованными людьми того времени, лучше всего показываетъ, что пониманіе творческой поэзіи было уже утрачено, и общество требовало искусственной. Саннацаро прославился сперва латинскими стихами; онъ лучшій изъ подражателей Горація. Знатоковъ древности онъ поразилъ своимъ искусствомъ подражать древнимъ формамъ и своимъ знаніемъ древняго языка; иначе они не стали бы такъ хвалить его стихотвореніе о родахъ Пречистой Дѣвы (de partu virginis). Бартъ, Мануцій, Сципіонъ, Гентилисъ, даже Скалижеръ говорятъ, что стихотвореніе это одно изъ удивительнѣйшихъ поэтическихъ произведеній, которыя когда либо являлись со временъ великихъ языческихъ поэтовъ. Стихотворенія Саннацаро и сочиненія кардинала Садолета доказываютъ, какія вольности могли позволять себѣ въ то время писатели, если общій характеръ ихъ произведеній не былъ

враждебенъ церкви. Въ одномъ изъ своихъ посланій кардиналъ позволялъ себѣ говорить, что «святому духу и ему вздумалось (visum est spiritui sancto et mihi) написать это посланіе»; Саннацаро же въ эпосѣ своемъ о рожденіи Спасителя нигдѣ не называетъ Христа Іисусомъ, потому что имя это не латинское; далѣе, онъ окружаетъ его дріадами и нереидами и, такъ какъ слово пророкъ было неизвѣстно римлянамъ, то замѣняетъ его протеемъ и называетъ Марію надеждою боговъ, spes deorum. Итальянское стихотвореніе Саннацаро «Аркадія» написанное въ прозѣ и стихахъ, выдержало вслѣдъ за появленіемъ своимъ (1534) шестнадцать изданій, что лучше всего доказываетъ, какой вредъ наносила уже тогда ученость вкусу. Въ то время всѣ дворы благоговѣли передъ итальянской модой и политикой; поэтому расположеніе къ искусственной естественности и къ историческимъ преувеличеніямъ охватило всю европейскую аристократію.

Мы не будемъ переименовывать всѣхъ поэтовъ, содѣйствовавшихъ этому, потому что большею частію они потеряли все свое значеніе; поэтому мы умолчимъ о Кіабрерѣ и Руджіери, а упомянемъ только о Гварини и рыцарѣ Марино, такъ какъ первый господствовалъ въ Италіи съ 1580 по 1613, а второй перенесъ испорченность вкуса во Францію. «Вѣрный пастушокъ» (Pastor fido) Гварини явился въ 1580, и весь свѣтъ удивлялся его стихотворенію, какъ образцовому произведенію, хотя въ немъ больше учености, чѣмъ поэзіи. Итальянцы называютъ эту книгу трагикомедіей и имѣютъ цѣлую литературу за и противъ нея; въ сущности же это весьма посредственный разсказъ объ обыкновенныхъ придворныхъ любовныхъ интригахъ, облеченный въ легкую и изящную форму и отличающійся приличнымъ тономъ. Предметъ разсказа несовмѣстенъ съ простотою пастушескаго быта, служащаго ему канвою; но въ стихотвореніи Гварини, которое читается до сихъ поръ, нѣтъ напыщенности Марино. Въ авторѣ виденъ скорѣе ученый, чѣмъ поэтъ. Онъ отдавалъ свое произведеніе на просмотръ своимъ ученымъ друзьямъ и исправлялъ его по ихъ указаніямъ.

Кавалеръ Марино былъ призванъ во Францію первой супругой Генриха IV, Маргаритою де Валуа, и впослѣдствіи пользовался милостями второй жены этого короля, Маріи Медичи. Многочисленныя произведенія его, распространенныя дворомъ и написанныя всѣ въ пасторальномъ родѣ, совершенно испортили вкусъ публики утрированною образностью и безсмысленными метафорами (какъ напр. извѣстное sudano i fuochi a preparar metalli). Когда вкусъ этотъ пришелъ въ упадокъ во Франціи, Логенштейнъ и Гофмансвальдау пробудили его въ Германіи, гдѣ онъ господствовалъ до половины восемнадцатаго столѣтія, когда Готшедъ наконецъ уничтожилъ его. Мы не станемъ входить въ подробности жизни Марино и въ разборъ его неестественной поэзіи. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о главномъ произведеніи его. Эта странная идиллія есть эпопея объ Адонисѣ; она состоитъ изъ 20 книгъ или пѣсенъ въ ottave rime, такъ что въ пяти тысячахъ ста восьмидесяти четырехъ стансахъ ея заключается до сорока одной тысячи четырехъсотъ сорока восьми стиховъ.

b. Попытки итальянцевъ примѣнить науки древнихъ къ богословскимъ.

Попытки примѣнить къ богословскимъ вопросамъ филологическую и философскую критику по многимъ причинамъ не могли имѣть успѣха въ Италіи, гдѣ правительство строго, гдѣ искусство и поэзія имѣли на общество болѣе вліянія, чѣмъ нравственное ученіе. Но символика и обрядность, порицаемыя впрочемъ лучшей частью духовенства, успѣли до того привязать народъ къ древнему культу, что ученіе, проповѣдуемое въ Германіи и въ Женевѣ, не могло найти себѣ доступъ въ Италію. Тѣмъ не менѣе были попытки провести его; мы должны упомянуть о нихъ, такъ какъ люди, предпринимавшіе ихъ, дѣйствовали успѣшнѣе за Альпами, чѣмъ на родинѣ.

Павійскій книгопродавецъ Кальви привезъ изъ Базеля много экземпляровъ сочиненій Лютера. Кальвинъ лично жилъ нѣкоторое время въ Феррарѣ, и его катихизисъ, хотя безъ обозначенія имени автора, былъ напечатанъ на итальян-

скомъ языкѣ. Была также издана догматика Меланхтона (loci theologici) *). Одинъ луккскій аббатъ сдѣлалъ попытку учредить въ Луккѣ богословскую школу по нѣмецкимъ образцамъ. Попытка эта конечно не имѣла успѣха. Учители этой школы, благородный аббатъ Петръ Мартиръ Вермильо, Мартиненги и Павелъ Лачици, были принуждены покинуть Италію. Генералъ ордена капуциновъ Оккино также удалился въ 1542 изъ отечества, пожертвовавъ своимъ убѣжденіямъ всѣми матеріальными выгодами. Они были профессорами въ Стразбургѣ, а когда по смерти Генриха VIII въ Англіи началась настоящая, а не мнимая, какъ прежде, проповѣдь Евангелія, Оккино и Петръ Мартиръ отправились туда и учили въ обоихъ университетахъ Англіи. Преслѣдованія, воздвигнутыя королевой Маріей на протестантовъ, принудили ихъ возратиться на континентъ. Петръ Мартиръ остался въ Стразбургѣ, а Оккино, желавшій идти въ преобразованіяхъ далѣе Лютера и Кальвина, подвергся со стороны ихъ такимъ же горячимъ гоненіямъ, какъ и со стороны католиковъ. Здѣсь не мѣсто говорить о его ложныхъ воззрѣніяхъ. Преслѣдованія, которымъ онъ подвергался, были, конечно, несправедливы. Діалоги о спорныхъ пунктахъ (dialoghi), написанные имъ по итальянски и превосходно переведенные на латинскій языкъ однимъ итальянскимъ ученымъ Касталіо въ 1563, котораго протестанты также преслѣдовали, возбудили ярость Теодора де Беза, наслѣдовавшаго папскую власть Кальвина. По настоянію Беза, бѣдняка изгнали сначала изъ Цюриха, а потомъ, въ суровую зиму, принудили удалиться изъ Базеля. Тогда Оккино отправился въ Польшу, гдѣ въ то время была полная вѣротерпимость. Но папскій нунцій кардиналъ Коммендоне и здѣсь опуталъ его сѣтями и происками своими и принудилъ покинуть Польшу. На пути оттуда Оккино умеръ въ Моравіи. Петръ Павелъ Вергеріо, посланный папой Климентомъ VII на богословской диспутъ съ Лютеромъ, подвергся подозрѣнію за безпристрастіе, обнаруженное имъ въ этомъ дѣлѣ. Вергеріо былъ адвокатъ и профессоръ права въ Падуѣ; впослѣдствіи папа Павелъ III снова посылалъ его въ Германію и сдѣлалъ епископомъ Капо д'Истріи; но по настоянію обскурантовъ папа вызвалъ его въ Римъ къ отвѣту за враждебное отношеніе къ монашеству. Вергеріо аппелировалъ на папу Тридентскому собору и, когда соборъ не принялъ аппеляціи, сдѣлался протестантомъ. Впрочемъ онъ былъ болѣе беллетристъ, чѣмъ богословъ.

Въ то время бернцы соперничали въ нетерпимости съ женевцами и казнили Гентилиса за нечестіе; поэтому тѣ итальянскіе ученые, которые не соглашались съ ними въ ихъ воззрѣніяхъ, были принуждены основать свои общины въ Польшѣ, Венгріи и Трансильваніи. Членовъ этихъ общинъ называли соцініанами, потому что основателями ихъ были Лелій Социнъ и племянникъ его, Фаустъ Социнъ. Устрашенный казнью Гентилиса, Лелій не высказывалъ своихъ убѣжденій; но сочиненія Фауста и его друзей были напечатаны въ многочисленныхъ фоліантахъ (Bibliotheca fratrum Polonorum).

3. Германія и Италія.

а. Исторія церкви.

Борьба религіозныхъ партій вызвала въ XVI вѣкѣ не только перебранки и руготню, но и научный взглядъ на исторію церкви, независимый отъ личныхъ воззрѣній автора, вытекавшій изъ источниковъ и совершенно чуждый прежнимъ вѣкамъ. Такъ какъ въ спорѣ о правахъ церкви протестанты и католики равно придавали значеніе авторитету церковныхъ писателей и отцовъ церкви и буквальному смыслу священнаго писанія, то критическій взглядъ на нихъ получилъ огромную важность. Всѣ источники для исторіи церкви находились въ рукахъ католиковъ. Поэтому германскіе протестанты рѣшились изложить результаты своихъ изслѣдованій о христіанствѣ прежнихъ столѣтій въ большомъ сочиненіи,

*) По итальянски она озаглавлена: I principii della theologia d'Ippofilo da terra negra.

редакція котораго была возложена на Флація Иллирика. Онъ всюду собиралъ совѣты и матеріалы для этого сочиненія. Ему содѣйствовали Вигандъ, Юдексъ, Фаберъ и Корвинъ. Сначала редакція находилась въ Магдебургѣ, вслѣдствіе чего сочиненіе получило названіе Centuriae Magdeburgenses. Потомъ она была переведена въ Висмаръ. Кромѣ редакторовъ, въ сочиненіи этомъ принимали участіе много сотрудниковъ. Было написано тринадцать центурій, которыя вышли въ такомъ же числѣ фоліантовъ *). Вигандъ написалъ продолженіе, исторію пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій, но оно почему-то неиздано.

Со времени своего появленія сочиненіе это служило арсеналомъ для всѣхъ защищавшихъ ту форму христіанскаго ученія и церкви, какую хотѣли дать имъ протестанты. Поэтому католикамъ было небходимо противопоставить исторіи исторію же. Хотя противъ центурій нѣмецкихъ еретиковъ возстали многіе ученые итальянцы, въ томъ числѣ яростный врагъ еретиковъ, Джироламо Муціо, но успѣха не было. Муціо несравненно лучше ругался, чѣмъ доказывалъ, какъ свидѣтельствуютъ его сочиненія противъ Оккино и Вергеріо. Произведеніе, изданное имъ въ двухъ томахъ въ 1570 противъ двухъ центурій германскихъ ученыхъ, также подтвердило это. Впрочемъ онъ и самъ сознавалъ, что оружіе его очень тупо; Италія, бывшая тогда главнымъ центромъ классической учености, понимала это еще лучше. Это побудило кардинала Б а р о н і я противопоставить протестантской церковной исторіи церковнополитическую исторію, написанную вполнѣ въ духѣ папской церкви и подкрѣпленную источниками. Трудомъ этимъ занималось множество народа. Съ 1568 кардиналъ съ цѣлою арміею ученыхъ занимался пересмотромъ актовъ не только ватиканскихъ, но всѣхъ церквей Европы; акты эти были приложены въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ съ большимъ выборомъ къ сочиненію кардинала, написанному прекраснымъ латинскимъ языкомъ; оно носило заглавіей лѣтописей (annales) папской церкви. Трудъ этотъ, доведенный до 1498 года, былъ напечатанъ въ двѣнадцати томахъ in folio съ 1588 по 1607. Кардиналъ писалъ все самъ въ теченіе сорока лѣтъ. По гречески Бароній не зналъ; поэтому Муціо, о которомъ онъ часто упоминаетъ, переводилъ ему съ греческаго. Передъ смертію Бароній приготовилъ еще три тома продолженія. Они были переданы кардиналу Р а й н а л ь д у, который довелъ исторію до 1565 года, и продолженіе это вышло въ десяти фоліантахъ съ 1645 по 1677. Ладерки написалъ исторію слѣдующихъ годовъ до 1572, а послѣ него Анри де Спондъ или Спонданъ до 1640. Другое продолженіе написалъ въ восьми фоліантахъ полякъ Бзовій.

Сочиненіе это важно не только какъ сборникъ, но и потому, что даетъ возможность доказать собственными словами кардинала, какія пошлости и наивныя глупости защищали, во вредъ собственной церкви, такіе ученые люди, какъ Бароній. Безъ такого явнаго доказательства это казалось бы невѣроятнымъ. Одинъ умный монахъ П а д ж и понялъ это. Онъ критически разобралъ анналы шагъ за шагомъ, собралъ множество очень важныхъ историческихъ памятниковъ и возстановилъ съ изумительной точностью хронологію. Трудъ Паджи имѣетъ, по нашему мнѣнію, не много равныхъ себѣ по оцѣнкѣ источниковъ и здравому взгляду. Онъ занимаетъ золотую середину между односторонностью протестантскихъ профессоровъ и крайностью папскихъ кардиналовъ семнадцатаго столѣтія. Изданія Баронія доселѣ сопровождаются многотомною критикою Паджи, вслѣдствіе чего изданіе Манси занимаетъ множество фоліантовъ **).

Иного рода была заслуга Ф р а П а о л о С а р п и. Труды, о которыхъ мы доселѣ говорили, суть сборники; въ нихъ всюду видна полемическая цѣль авторовъ защитить ученіе и учрежденія своей церкви отъ нападокъ приверженцевъ противной. Сарпи же, напротивъ, не заботился о догматахъ, имѣя исключительно

---

*) Ecclesiastica historia etc. congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica 1559—1574, 13 vol. Оно было впослѣдствіи издано съ измѣненіями per Ludov. Lucium, Basileae 1624, 3 vol. Всего извѣстнѣе компиляція Лукаса Озіандера: Osiandri Epitome historiae ecclesiasticae centuriae XVI, Tubingae, 1592 — 1604 въ 9 квадрантахъ. Фюртеръ перевелъ его на нѣмецкій языкъ.

**) Baronii Annales cum continuatione Raynaldi et critica Pagii edidit Mansi, Lucoae, 1738—1758, 35 voll, in folio.

въ виду защитить права епископовъ и свѣтскихъ властей отъ притязаній папъ. Сарпи принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ людей, одаренныхъ замѣчательными способностями къ всевозможнымъ наукамъ. Примѣромъ можетъ служить то, что долгое время ему приписывали открытіе закона кровообращенія. Его открытія въ оптикѣ, физикѣ, химіи и высшей математикѣ неоспоримы. Кромѣ того онъ превосходно зналъ латинскій, греческій, еврейскій и халдейскій языки. Мы не можемъ говорить здѣсь о Сарпи, какъ о политическомъ писателѣ и защитникѣ основаній венеціанской церкви противъ папы, хотя дѣятельность его въ этомъ отношеніи весьма замѣчательна; мы говоримъ о немъ только какъ объ авторѣ исторіи Тридентскаго собора (Storia del concilio Tridentino), изданной имъ подъ псевдонимомъ Петра Соаве Полано (анаграма Паоло Сарпи). Хотя онъ былъ богословомъ и государственнымъ совѣтникомъ могущественной венеціанской республики, но въ Италіи не отважились напечатать эту книгу. Маркъ Антоніо де Доминисъ взялъ ее въ Лондонъ, гдѣ она вышла въ 1619. Въ 1629 она была вновь издана Діодати въ Женевѣ. Слогъ Сарпи не такъ рабски классиченъ, какъ слогъ Макіавели, или, другими словами, онъ скорѣе итальянскій, чѣмъ римскій; онъ не такъ растянутъ, не такъ французски-ясенъ, какъ языкъ Давилы; наконецъ, онъ не такъ риторически труденъ, какъ слогъ Гвиччіардини съ его изумительно искуснымъ построеніемъ безконечно длинныхъ періодовъ. Сарпи рѣдко возвышается до ораторскаго пафоса; но онъ убѣждаетъ спокойнымъ, умнымъ изложеніемъ и правдивостью фактовъ. Сарпи далекъ отъ смѣлости Давилы, который знаетъ всѣ мотивы поступковъ, разоблачаетъ всѣ тайны и подробно разсказываетъ о самыхъ секретныхъ совѣщаніяхъ. Сарпи пишетъ съ достоинствомъ, правильно и не приводитъ, подобно Давилѣ, на каждой страницѣ анекдоты. За то видно, что онъ пишетъ не для удовольствія читателей, а для истины, и историческіе факты всегда оправдываютъ его. Сарпи, какъ Лессингъ, представляетъ удивительный примѣръ такого умѣнія излагать богословскіе предметы, что они становятся увлекательными для каждаго образованнаго человѣка. Однако и онъ не свободенъ отъ извѣстнаго недостатка прагматическихъ историковъ, особенно французскихъ и итальянскихъ, разсказывать не только о томъ, какъ возникли событія и какъ они развивались, но и о томъ, какъ они зараждались и подготовлялись. По свидѣтельству всѣхъ современниковъ, кромѣ іезуитовъ, Сарпи своими сочиненіями и жизнью доказалъ, чѣмъ можетъ быть человѣкъ, вполнѣ преданный католицизму, хотя и не признающій позднѣйшихъ папскихъ выдумокъ. Придерживаясь въ религіи и въ политикѣ золотой середины, онъ, подобно нынѣшнимъ умѣреннымъ людямъ, подвергался ожесточеннымъ нападкамъ обоихъ крайнихъ лагерей. То его находили не довольно вѣрующимъ, то обвиняли въ макіавелевскихъ тосканизмахъ не только въ построеніи періодовъ, но и въ политическихъ мнѣніяхъ. Читатели Давилы находили его слишкомъ серьезнымъ, строгимъ и нравоучительнымъ; но число такихъ людей было, конечно, больше числа тѣхъ, которые любятъ серьезный взглядъ на важнѣйшія явленія человѣческаго общества и предпочитаютъ истинную религіозность внѣшнимъ формальностямъ и церемоніямъ.

6. Германская поэзія и исторія въ шестнадцатомъ столѣтіи.

Германская поэзія шестнадцатаго столѣтія отдѣляется отъ поэзіи восемнадцатаго вѣка такой бездной, что, говоря только объ общемъ ходѣ европейской цивилизаціи, достаточно сказать о ней нѣсколько словъ. Многіе патріотическіе и религіозные нѣмцы, изучавшіе лучше насъ германскій языкъ и литературу этого столѣтія, съумѣютъ лучше насъ разсказать обо всемъ этомъ тѣмъ, кто изъ патріотизма и пристрастія ко всему туземному желаетъ познакомиться съ поэзіей и исторіографіей этого времени. Поэтому мы хотѣли дать только краткія замѣтки о собственно народной литературѣ, исключивъ изъ этого обзора богословіе и полемику, и обратить вниманіе особенно на реальныя или точныя науки. Онѣ тѣмъ важнѣе для насъ, что въ слѣдующемъ столѣтіи намъ придется говорить весьма подробно о величайшемъ геніи Германіи, Кеплерѣ, котораго неблагодарные потомки часто ставятъ слишкомъ ниже Ньютона.

Стихотворное искусство создавалось частью такъ называемыми мейстерзенгерами въ духѣ добрыхъ, честныхъ, благочестивыхъ, домовитыхъ и бережливыхъ людей, но не гражданъ. Частью же оно слѣдовало религіозному, а также сатирическому направленію. Изъ мейстерзенгеровъ нюрнбергскій Гансъ Саксъ достигъ, какъ извѣстно, громкой славы не только между своими современниками, но и между позднѣйшими потомками; стихотворенія его недавно снова изданы. Гансъ Саксъ былъ главою школы и вѣнцомъ мейстерзенгеровъ, хотя, подобно великому Кеплеру, былъ въ глубокой старости покинутъ современниками въ нуждѣ и лишеніяхъ. Стихи Сакса такъ удобопонятны и читаются такъ легко, что каждый читатель можетъ составить о нихъ понятіе при бѣгломъ взглядѣ на его произведенія.

Нѣмецкія духовныя стихотворенія и особенно церковыя пѣсни, значительно возвысившіяся со временъ Лютера, нашли себѣ геніальныхъ дѣятелей только въ восемнадцатомъ столѣтіи. Сатирическія же произведенія, какъ Тилль Эйленшпіель, Рейнеке Лисъ, Корабль Дураковъ и другія писались не для образованныхъ классовъ, а для бюргеровъ. Мы уже говорили о нихъ (т. III стр. 670). Каково было остроуміе нѣкоторыхъ изъ нихъ, можно судить потому, что переводчикъ непристойностей Рабле, Фишартъ, воспѣлъ травлю блохъ. О Ролленгагенѣ, описавшемъ въ стихахъ войну мышей съ лягушками, также нельзя сказать, чтобы онъ очистилъ вкусъ публики или способствовалъ успѣхамъ образованія. Его шуточное стихотвореніе имѣетъ размѣры Иліады: въ немъ не менѣе десяти тысячъ очень тяжелыхъ стиховъ.

Нѣмецкіе романы шестнадцатаго столѣтія имѣютъ передъ романами XVII вѣка преимущество оригинальности. Мы назовемъ только «Легенду и исторію о рыцарѣ, господинѣ Поликарпѣ», и другой, очень распространенный въ то время въ народѣ—«Веселый и забавный Лаленбургъ или чудесныя Шильтбургскія исторіи». Замѣчательны также два описанія путешествій, одно въ прозѣ, другое въ стихахъ; впрочемъ послѣднее было напечатано только въ восемнадцатомъ столѣтіи въ прибавленіи къ Ангальтской исторіи Бекмана. Это «Описаніе путешествія по Нидерландамъ, Англіи, Франціи и Италіи Лудвига князя Ангальтъ-Кётенскаго, переложенное имъ самимъ на нѣмецкіе стихи». Другое путешествіе на Востокъ Ганса Брейнинга фонъ-ундъ-цу-Бурхенбахъ, совершенное въ 1579, было издано въ Страсбургѣ въ 1612.

Съ перваго взгляда видно, что всѣ эти сочиненія не могли имѣть ни эстетическаго, ни статистическаго, ни историческаго значенія, принадлежавшаго классическимъ, объяснявшимся въ школахъ, и итальянскимъ, читавшимся высшимъ обществомъ. Поэтому мы указали только заглавія нѣкоторыхъ книгъ; онѣ свидѣтельствуютъ, что та часть нѣмецкаго общества, которая не получала образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, весьма отстала по развитію отъ другихъ націй германскаго происхожденія.

Два нидерландца оставили записки о событіяхъ своего времени, особенно о дѣлахъ въ Германіи; ихъ можно было бы сравнить съ лучшими записками французовъ, если бы онѣ не были написаны по латыни. Авторомъ первыхъ былъ Губертъ Люттихскій, сопровождавшій курфирста Фридриха II Пфальцскаго, еще при жизни его брата, во всѣхъ его путешествіяхъ; впослѣдствіи въ Гейдельбергѣ онъ описалъ его жизнь. Книга интересна и хорошо написана; она даетъ весьма полное понятіе о жизни и занятіяхъ высшихъ классовъ Испаніи, Франціи и Германіи. Недавно она была издана по нѣмецки, и кромѣ того ею превосходно воспользовался Гейссеръ въ своей исторіи Пфальца.

Автору другихъ записокъ мы обязаны драгоцѣнными свѣдѣніями касательно турецкой исторіи и французской религіозной войны. Писатель этотъ Оже Жиленъ де Бусбекъ оказалъ важныя услуги тремъ императорамъ — Фердинанду I, Максимиліану II и Рудольфу II въ качествѣ посланника и ученаго въ политикѣ и наукахъ, которыми Рудольфъ II занимался съ большимъ прилежаніемъ и успѣхомъ, чѣмъ дѣлами своего государства. Бусбекъ дважды ѣздилъ на Востокъ по порученіямъ этихъ императоровъ. Въ первое путешествіе онъ доѣхалъ до Амазіи, такъ какъ во время пріѣзда его въ Константинополь султанъ Солиманъ II находился въ этой отдаленной черноморской мѣстности. Онъ имѣлъ порученіе остаться въ Константинополѣ въ качествѣ посланника, но немедленно

вернулся въ Вѣну съ письмомъ султана, такъ какъ Солиманъ соглашался только на шестимѣсячное перемиріе. Второе путешествіе въ Турцію Бусбекъ предпринялъ по порученію Максимиліана II. На этотъ разъ онъ былъ счастливѣе, добился 8-лѣтняго перемирія, пробылъ въ Константинополѣ болѣе семи лѣтъ и, по уничтоженіи флота молодаго Доріа и герцога Медина Сели, могъ оказать важныя услуги плѣннымъ христіанамъ (стр. 627).

Бусбекъ первый объяснилъ анцирскій памятникъ, въ высшей степени важный для древней римской исторіи и занимавшій ученыхъ отъ Грутера до Фридриха Августа Вольфа. Кромѣ того онъ пріобрѣлъ заслуги въ отношеніи императорскихъ музеевъ и библіотеки, обогативъ ее многими манускриптами, а гербаріи императора и ботаника Маттіоли—высушенными экземплярами растеній. Онъ привезъ также живыхъ звѣрей, чучела и изображенія животныхъ и растеній, сдѣланныя живописцами, которыхъ держалъ при себѣ.

Но все это не такъ важно. Бусбекъ замѣчателенъ преимущественно какъ проницательный и умный наблюдатель турокъ во время высшаго процвѣтанія ихъ государста и какъ современникъ предпріятій Піале въ Средиземномъ морѣ (стр. 626). Депеши его даютъ отчетъ о всемъ, что онъ видѣлъ во время своего путешествія и пребыванія въ Константинополѣ, касательно религіи, обычаевъ и арміи турокъ. Депеши эти и теперь еще можно читать съ пользой и удовольствіемъ. При Рудольфѣ II Бусбекъ отправился посланникомъ въ Парижъ, чтобы помогать въ религіозной войнѣ своими совѣтами дочери Максимиліана II, женѣ Карла IX, Елисаветѣ. Во время этой войны онъ написалъ пятьдесятъ три депеши, большею частью краткихъ, но въ историческомъ отношеніи очень полезныхъ и относящихся къ семидесятымъ годамъ XVI столѣтія. Депеши Бусбека были напечатаны еще въ шестнадцатомъ столѣтіи, но въ 1740 перепечатаны въ Базелѣ *).

Рекомендуемъ особенно четвертое письмо Бусбека, гдѣ онъ отдаетъ отчетъ о пребываніи своемъ въ Константинополѣ и описываетъ впечатлѣніе, произведенное въ столицѣ турецкой имперіи предпріятіемъ герцога Медина Сели и Джіованни Андреа Доріа. Онъ изображаетъ сначала ужасъ, возбужденный въ Константинополѣ разсказами о силѣ и многочисленности испанской арміи и флота, а затѣмъ гордость, явившуюся при извѣстіи о побѣдѣ и которую пришлось почувствовать даже людямъ Бусбека, хотя дѣло это ни мало ихъ не касалось; тѣмъ не менѣе они подверглись оскорбленіямъ черни. «Народъ, говоритъ Бусбекъ, устремился къ моему дому и спрашивалъ моихъ людей, нѣтъ ли у кого нибудь изъ нихъ брата или знакомыхъ въ арміи христіанъ, потому что, если есть, то скоро придется съ ними увидѣться». Далѣе онъ описываетъ страданія Альваро де Санди и его небольшаго отряда, осажденнаго на островѣ Джербе, при страшномъ недостаткѣ воды; затѣмъ онъ пишетъ о контрастѣ, который представляло спокойствіе Солимана среди всеобщей суматохи. Бусбекъ говоритъ, что видѣлъ султана на другой день послѣ тріумфальнаго въѣзда Піале, когда Солиманъ шелъ въ мечеть, и утверждаетъ, что въ гордыхъ чертахъ султана не было замѣтно ни малѣйшаго слѣда радости **). Главное знамя испанцевъ попало въ руки одного турецкаго офицера, который хотѣлъ представить его султану; Бусбекъ сердечно радуется, что ему удалось вымѣнять на двѣ шелковыя одежды это славное знамя Карла V ***). Затѣмъ онъ обстоятельно разсказываетъ объ участи важныхъ плѣнниковъ и говоритъ, что считалъ своимъ долгомъ помочь имъ сколько могъ ****). Такъ какъ при этомъ Бусбекъ вдается въ подробности,

---

*) Augerii Gislenii Busbequii omnià quae extant: 1) Legationis turcicae epistolae quatuor, 2) Exclmatio sive de re militari contra Turcam instituenda consilium, 3) Solimanni Imp. ad Ferdinandum Caesarem legatio 1562, 4) Busbequii legationis Gallicae ad Rudolfum II Imperatorem epistolae LIII. Basileae, 1740, 8, 556 страницъ.

**) Eadem erat frontis severitas et tristitia, paene ac si nihil victoria ad eum pertineret, nihil novum et inexspectatum contigisset. Tam capax in illo sene quantaevis fortunae pectus, tam confidens animus, ut tantam gratulationem fere immotus acciperet.

***) Sic cavi, ne carissima Caroli quinti insigna ad aeternam ejus cladis memoriam apud hostem remanerent.

****) Putavi mearum esse partium, non deesse eorum miseriis.

то изъ словъ его лучше всего можно видѣть, что турецкія войны, которыя такъ долго опустошали Европу, совершенно уподоблялись нападеніямъ дикихъ звѣрей. Войны эти, какъ доказываетъ разсказъ Бусбека, были для цивилизаціи гораздо вреднѣе, чѣмъ вторженія германскихъ народовъ въ Римскую имперію, потому что германцы принимали цивилизацію, а турки нѣтъ.

c. Прогрессъ реальныхъ или точныхъ наукъ въ Германіи въ шестнадцатомъ столѣтіи.

Мы уже упоминали мимоходомъ (стр. 425) о заслугахъ въ географіи, математикѣ и астрономіи Регіомонтана, Штефлера, Себастіана Мюнстера и другихъ нѣмецкихъ ученыхъ. Намъ слѣдуетъ сказать теперь о другихъ замѣчательныхъ людяхъ, проложившихъ дорогу великому Кеплеру. Этотъ ученый, забытый своими соотечественниками, былъ въ слѣдующемъ вѣкѣ творцомъ новой астрономіи. Онъ открылъ природу небесныхъ тѣлъ и законы ихъ движеній, впослѣдствіи лишь развитые и обнародованные Ньютономъ.

Всѣ астрономы среднихъ вѣковъ и начала новаго времени слѣдовали относительно небесныхъ явленій и ихъ измѣненій такъ называемой Птоломеевой системѣ. По мнѣнію ихъ, центръ нашей планетной системы не солнце, а земля. Наконецъ одинъ польскій ученый шестнадцатаго столѣтія доказалъ, что доселѣ люди совершенно не понимали явленій, ежедневно происходящихъ на небѣ. Ему выпало на долю вытѣснить Птоломееву систему изъ школъ и изъ жизни. Ученый этотъ былъ Коперникъ. Онъ родился въ Торнѣ въ 1472 или 1473 году, изучалъ математическія и астрономическія науки въ Италіи и потомъ былъ каноникомъ въ своемъ отечествѣ. Коперникъ производилъ свои астрономическія наблюденія инымъ образомъ и иными инструментами, чѣмъ прежде. Открытія свои онъ изложилъ въ большомъ сочиненіи о движеніи небесныхъ тѣлъ (de revolutionibus coelestibus). Онъ обнародовалъ въ 1507 свои наблюденія и вычисленія, на которыхъ впослѣдствіи основалъ свое сочиненіе, и до 1530 успѣлъ выяснить въ главныхъ чертахъ систему новаго міроваго порядка; затѣмъ онъ въ теченіе 13 лѣтъ поправлялъ свой огромный трудъ. Сочиненіе его было напечатано только въ 1543, и Коперникъ умеръ въ тотъ самый день, когда получилъ первый полный экземпляръ его.

Въ этомъ сочиненіи Коперникъ объясняетъ гипотезой обращенія земли вокругъ солнца самымъ простымъ и естественнымъ образомъ все, что было доселѣ загадкою. Онъ самъ говоритъ въ своей книгѣ, какъ поразила его легкость, съ какою объяснилось прямое движеніе планетъ, ихъ неподвижное стояніе и ихъ кажущееся обратное движеніе, едва только онъ предположилъ, что земля и другія планеты обращаются около солнца. Коперникъ отвѣчаетъ вполнѣ удовлетворительно на главныя возраженія, которыя ему могли быть сдѣланы. Остальное, бывшее еще въ его время неяснымъ, совершенно разъяснилось потомъ, какъ онъ предсказывалъ, наблюденіями. Его система міра была такъ проста и такъ согласовалась во всемъ съ математическими и физическими данными, что была бы немедленно принята всѣми астрономами, если бы этому не противились до Кеплера и Галилея суевѣріе и страхъ открыто высказывать свои мнѣнія. Галилею, жившему въ Италіи, пришлось жестоко поплатиться за откровенное изложеніе своего убѣжденія, основаннаго на математическихъ доказательствахъ.

Датскій вельможа и астрономъ, оказавшій важныя услуги пражскому университету, учебнымъ заведеніямъ и собраніямъ императора Рудольфа II, былъ осторожнѣе Галилея. Датчанинъ этотъ Тихо де Браге искалъ середины между гипотезами Птоломея и Коперника; но изъ современниковъ его одни изъ угодливости духовенству остались при господствовавшемъ мнѣніи, другіе признали систему Коперника. Тихо де Браге, родившійся въ 1546 и умершій въ 1601, происходилъ отъ одной изъ первыхъ фамилій Даніи; но изслѣдованія и первыя наблюденія свои, имѣвшія цѣлью исправленіе употреблявшихся тогда астрономическихъ таблицъ, онъ дѣлалъ въ Германіи, такъ что и въ этомъ отношеніи онъ принадлежитъ исторіи нѣмецкой науки. Онъ владѣлъ большимъ состояніемъ и

поэтому могъ употребить на покупку и приготовленіе, въ то время вообще крайне неудовлетворительныхъ инструментовъ весьма значительныя суммы. Король Фридрихъ II датскій подарилъ ему островъ Гвенъ, и здѣсь Тихо началъ строить въ 1576 огромное зданіе, служившее въ одно время и обсерваторіей и ученымъ кабинетомъ. Островъ и воздвигнутыя на немъ строенія сдѣлались историческими и были извѣстны всей Европѣ подъ именемъ Ураніенбурга. Но такъ какъ Ураніенбургъ не могъ вмѣстить всѣхъ инструментовъ, то выстроили сверхъ того Штерненбургъ. Огромные расходы, которые Тихо не жалѣлъ для этого въ своемъ родѣ единственнаго астрономическаго учрежденія, потребовали однако помощи короля. Король давалъ астроному ежегодно по двѣ тысячи талеровъ изъ зундской пошлины, пожаловалъ ленъ въ Норвегіи, сдѣлалъ его каноникомъ въ Решильдѣ и подарилъ аббатство съ 1000 спецій дохода; но и этого оказалось недостаточно, такъ что Тихо пожертвовалъ всѣмъ своимъ огромнымъ богатствомъ. Все устройство обошлось въ триста тысячъ червонцевъ; сверхъ того Тихо содержалъ постоянно шесть, а иногда двѣнадцать молодыхъ людей, частью помогавшихъ ему въ наблюденіяхъ, частью же учившихся астрономіи. Пока наслѣдникъ Фридриха II, Христіанъ IV, былъ несовершеннолѣтнимъ, заведеніе это существовало; по когда король самъ принялъ управленіе, Тихо лишился всего пожалованнаго ему, кромѣ острова Гвена, приносившаго едва двѣсти талеровъ. Поэтому Тихо былъ принужденъ оставить дѣло и въ 1597 отправился въ Копенгагенъ.

Два года спустя онъ оставилъ этотъ городъ и переѣхалъ въ Прагу, гдѣ императоръ Рудольфъ II, занимавшійся со страстію химіей, ботаникой, математикой и астрономіей, учреждалъ тогда разнообразные музеи и коллекціи и окружалъ себя учеными.

Когда въ 1599 Тихо прибылъ въ Прагу, Рудольфъ назначилъ ему пенсію въ три тысячи червонцевъ. Императоръ призвалъ также въ Прагу еще очень молодаго въ то время Кеплера, для вычисленій. Знатный датчанинъ хотѣлъ пользоваться бѣднымъ виртембергцемъ для математической части своихъ работъ. Прощая ему приверженность его къ системѣ Коперника, онъ не понималъ человѣка, котораго такъ превосходно оцѣнилъ Лейбницъ, какъ величайшаго генія Германіи *). Знаменитое произведеніе Кеплера, Продромъ или Тайны Космографіи, вышло въ 1597. Авторъ, бывшій въ большой нуждѣ, послалъ его высокоблагородному Тихо. Но Тихо видѣлъ въ немъ не глубокомысленнаго астронома и философа, а простаго терпѣливаго счетчика. Еще изъ Ураніенбурга онъ писалъ Кеплеру, уговаривая его отказаться отъ своихъ тщетныхъ умозрѣній, и звалъ его въ Ураніенбургъ для провѣрки таблицъ по наблюденіямъ Тихо. Разсмотрѣніе отношенія астрономіи Тихо де Браге къ астрономіи Кеплера относится къ исторіи цивилизаціи XVII вѣка.

4. Просвѣщеніе и литература во Франціи въ XVI столѣтіи.

а. Дополненіе къ прежнимъ указаніямъ на заслуги французовъ въ классической литературѣ.

Въ настоящемъ томѣ (стр. 647) были указаны заслуги Бюде, Турнбёфа, Ланбена и Мюре. Здѣсь мы прибавимъ относительно послѣдняго, что Мюре долгое время скитался по разнымъ мѣстамъ Франціи и возбудилъ здѣсь пристрастіе къ классической латыни, которое доходило тогда въ Италіи до смѣшнаго. Подвергнувшись во Франціи судебному преслѣдованію, онъ бѣжалъ въ Италію, и такъ какъ латинскій языкъ былъ въ то время столь же распространенъ, какъ нынче французскій, то Мюре могъ преподавать въ Венеціи, Падуѣ и Римѣ. Въ Римѣ его узналъ кардиналъ де Турнонъ и привезъ назадъ въ Парижъ. Замѣча-

---

*) Vir incomparabilis, Johannes Keplerus, cui fata servaverant, ut primus publicaret «Iura poli, rerumque fidem, legesque deorum».

тельно, что здѣсь Мюре читалъ съ 1565 до 1585 сначала этику Аристотеля, потомъ юриспруденцію и наконецъ возвратился исключительно къ классической литературѣ.

Жюль Сезаръ Скалижеръ и сынъ его, Жозефъ Жюстъ Скалижеръ, принадлежали къ числу людей, которые во Франціи соперничали съ величайшими итальянцами въ заслугахъ для классическаго образованія и универсальности знаній. Жюль Сезаръ Скалижеръ, соединявшій смѣшную дворянскую спѣсь съ хвастливымъ педантствомъ, но оказавшій наукѣ безсмертныя заслуги, былъ сначала пажомъ германскаго императора Максимиліана I, и началъ учиться только тогда, когда принялъ намѣреніе сдѣлаться монахомъ. Онъ занимался въ Болоньи. Король Францискъ I, прибывъ въ Болонью въ 1513, пригласилъ его въ военную службу, и Скалижеръ согласился. Во время своего пребыванія въ Туринѣ онъ въ первый разъ занялся изученіемъ греческаго языка и только на сороковомъ году (1525) жизни рѣшился оставить военную службу, чтобы вполнѣ посвятить себя наукѣ. Съ этой цѣлью онъ поселился въ качествѣ врача въ Ажанѣ, гдѣ пріобрѣлъ большую извѣстность, какъ врачъ и естествоиспытатель. Онъ старался изучить всѣ извѣстные языки. Универсальность его познаній неоспорима. Онъ издалъ восемнадцать сочиненій.

Скалижеръ былъ невообразимо смѣлый шарлатанъ и наглый хвастунъ. Поэтому значительная часть славы, которую приписываютъ ему его поклонники и онъ самъ, не принадлежитъ ему. Тѣмъ не менѣе для Франціи, гдѣ онъ водворился съ 1528, онъ сдѣлалъ своимъ хвастовствомъ и лганіемъ больше, чѣмъ многіе болѣе совѣстливые люди.

Современникъ Скалижера, Жеромъ Карданъ, далеко превзошелъ его шарлатанствомъ. Лучшее сочиненіе Кардана (de subtilitate libri viginti et unus) относится къ эпохѣ начала литературной дѣятельности Скалижера. Въ ней была и философія, и полное описаніе природы, т. е. естественная исторія и физика. Скалижеръ написалъ по тѣмъ же предметамъ книгу, назвавъ ее пятнадцатой, хотя первыхъ четырнадцати никогда не было издано (Exorticarum exercitationum liber quintus decimus de subtilitate ad Cardanum). Въ этой книгѣ находятся удивительныя замѣчанія о естественноисторическихъ предметахъ и объ арабскимъ писателяхъ. Авторъ говоритъ, что написалъ еще четырнадцать такихъ книгъ, но издалъ только одну, потому что о прочихъ Карданъ не упоминаетъ. Скалижеръ писалъ сверхъ того о физіологіи растеній, о которой упоминается у Теофраста и въ одномъ сочиненіи о растеніяхъ, приписываемомъ Аристотелю. Важнѣйшій трудъ его составляютъ комментаріи его на книгу Аристотеля о животныхъ, написанные по гречески и по латыни. Самъ Скалижеръ издалъ въ 1554 въ видѣ опыта только десятую книгу; остальное же со всѣмъ, что нашлось въ бумагахъ Скалижера, было издано въ 1619 въ Тулузѣ Мосакомъ.

Относительно латинскаго слога и языка Жюль Сезаръ Скалижеръ расходился въ мнѣніи съ Эразмомъ Роттердамскимъ, который считался лучшимъ стилистомъ по сю сторону Альпъ. Эразмъ смѣялся надъ итальянцами цицеронистами, которые не признавали латинскимъ ни одного слова, ни одной фразы, не встрѣчающихся у Цицерона. Но Эразмъ не только смѣялся надъ этими обезьянами Цицерона, но думалъ, что пишетъ по латыни лучше Цицерона. Это возбудило гнѣвъ Скалижера. Онъ написалъ въ 1529 противъ книги Эразма **) двѣ грубѣйшія рѣчи, которыя были однако напечатаны лишь въ 1531, потому что при невѣроятномъ уваженіи къ Эразму всей Европы никто не соглашался печатать ихъ. Черезъ сто лѣтъ эти рѣчи были изданы вмѣстѣ in quarto.

Важнѣйшей заслугой старшаго Скалижера были его эстетика и піитика, написанныя среди пыла сраженій и опустошеній междоусобной войны. Его семь книгъ піитики, какъ и все, писанное имъ, весьма оригинальны. Онѣ явились въ первый разъ въ 1561 и выдержали много изданій. Сочиненіе это сравнительно съ сотнями другихъ доказываетъ, что хорошая голова не тупѣетъ отъ чрезвы-

---

*) Ciceronianus sive de optimo genere dicendi.

**) I. C. Scaligeri orationes duae adversus Desiderium Erasmum eloquentiae Romana vindices.

чайной учености. Мыслящій человѣкъ и теперь прочтетъ съ удовольствіемъ піитику Скалижера, хотя авторъ, подобно большей части своихъ современниковъ, обращаетъ главное вниманіе на форму, а не на сущность.

Мы не можемъ перечислять всѣхъ замѣчательныхъ писателей Франціи XVI вѣка. Упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ. Такъ, стоитъ назвать Бриссона, производившаго изысканія по римскому праву временъ республики. Изслѣдованіемъ источниковъ этого права Бриссонъ пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу, хотя, изучая положительное право, самъ, какъ генеральный адвокатъ и парламентскій президентъ, до того забывалъ правила нравственности, что поплатился жизнію за свою безнравственность. Онъ написалъ много дѣльныхъ сочиненій; книги его о римскомъ правѣ и о древнеперсидскомъ уложеніи читаются доселѣ *).

О заслугахъ Кальвина и Беза для французскаго просвѣщенія мы не упоминаемъ здѣсь, потому что они дѣйствовали въ Женевѣ и мы уже говорили о нихъ въ политической исторіи. За то необходимо сказать объ Этіеннахъ, которые, подобно отцу старшаго изъ нихъ, принесли наукѣ большія жертвы. Великіе ученые Роберъ Этіеннъ и сынъ его Андри II Этіеннъ учредили съ большими расходами обширную и блестящую типографію и словолитню, чѣмъ принесли Франціи такую же услугу, какую Юнта и Альдъ Мануцій оказали Италіи (стр. 170). Этіенны жертвовали собственными выгодами только въ пользу классическихъ произведеній, которыя они издавали правильно и красиво. Въ своемъ похвальномъ стремленіи распространить въ Европѣ всѣ классическія науки и увеличить число хорошихъ книгъ, Роберъ Этіеннъ нашелъ щедрую помощь со стороны короля Франциска. По смерти короля Роберъ покинулъ Парижъ и переселился въ Женеву, гдѣ пользовался дружбой тамошнихъ ученыхъ, особенно Кальвина, Беза и Риве и, при помощи своего тестя, Бадія, оказалъ просвѣщенію важныя услуги. Католическое духовенство встрѣтило его сначала очень дурно, потому что онъ, тесть его и десять другихъ даровитыхъ ученыхъ съ удивительной настойчивостью способствовали новому латинскому переводу и печатанію Новаго и Ветхаго Завѣта. Латинско-французскій словарь Робера и его переводъ риторики Аристотеля употребляются доселѣ.

Сынъ его, Андри II, соединялъ съ прилежаніемъ и изумительною ученостью отца острый умъ и рѣзкую колкость Рабле; онъ былъ такъ друженъ съ послѣднимъ, что ему часто приписывали нѣкоторыя изъ его сочиненій. Андри II родился въ 1528, образовался подъ руководствомъ Турнбефа, Данеса и другихъ ученыхъ и долго жилъ въ Италіи и въ Англіи. Отецъ не одобрилъ его предпріятій, но ему помогли большими суммами король Генрихъ III и аугсбургскіе Фуггеры. Простой перечень изданныхъ имъ греческихъ и римскихъ классиковъ занялъ бы много страницъ; поэтому мы замѣтимъ только, что изданіе Анакреона онъ составилъ по отрывкамъ, найденнымъ имъ самимъ въ Англіи въ старыхъ переплетахъ, а изданіе Діодора Сицилійскаго дополнилъ десятью книгами, которыя самъ открылъ. Его «Сокровищница греческаго языка» (Thesaurus) могла бы одна, помимо всего прочаго, прославить имя ученаго.

Геніальность Анри послужила ему въ погибель. Онъ написалъ введеніе къ апологіи Геродота, которое, по остроумію, рѣзкости, колкости и неподражаемой красотѣ языка, а также по запальчивости, дерзости и безпощадному презрѣнію приличій, напоминаетъ лучшія и самыя смѣлыя произведенія Вольтера. Книга эта оскорбила всѣхъ, и всѣ возстали противъ дерзкаго свистуна, не пощадившаго ни религіи, ни духовенства, ни знаменитѣйшихъ и самыхъ уважаемыхъ ученыхъ. Онъ подвергся судебнымъ преслѣдованіямъ; изображеніе его было сожжено въ Парижѣ, и всѣ огромныя предпріятія его остановились. Анри бѣжалъ въ овернскія горы, но потомъ снова пріобрѣлъ благосклонность Генриха III, который пожаловалъ ему пенсію за литературныя заслуги. По смерти Генриха III Этіеннъ опять впалъ въ бѣду. Этотъ удивительный геній и глубокій ученый умеръ въ 1598 въ ліонскомъ госпиталѣ. Истиннымъ ученымъ слѣдуетъ помнить, что, если они не принадлежатъ ко двору, ученымъ орденамъ, называемымъ академіями,

---

*) 1) De formulis et solemnibus populi Romani verbis; 2) De verborum ad jus pertinentium significatione; 3) De regio Persarum imperio.

или не угождаютъ массѣ тупыхъ читателей, то имъ приходится или до самой смерти работать, подобно Ксиландеру (стр. 428), или голодать, какъ Кеплеръ, или умирать въ госпиталѣ, какъ Андри Этьеннъ.

Готоманъ, Франсуа и Эмиль де ля Портъ, Казобонъ и Сомезъ вышли изъ женевской школы и разнесли оттуда новое классическое образованіе въ другія страны, какъ нѣкогда греки въ Италію.

в. Исторія.

Пьерръ Питу былъ однимъ изъ славныхъ юристовъ шестнадцатаго столѣтія. Онъ занималъ важное мѣсто государственнаго адвоката, но по восшествіи на престолъ Генриха IV отказался на время отъ должности, чтобы пополнить недостатки своихъ познаній. Онъ написалъ цѣлый рядъ сочиненій и издалъ много другихъ, которыя безъ него вѣроятно пропали бы. Ницеронъ приводитъ восемнадцать сочиненій Питу; но мы не будемъ перечислять ихъ. Замѣтимъ лишь, что въ числѣ трудовъ Питу было нѣсколько сочиненій по исторіи права, которыя доселѣ не потеряли своего значенія; онъ издалъ также постановленія каноническаго права и собраніе вестготскихъ законовъ.

Говоря объ исторіографіи, всего важнѣе изъ числа работъ Питу упомянуть объ его изданіи текста лонгобардскихъ историковъ, бывшихъ до него недоступными. Затѣмъ Питу и Отто фонъ-Фрейзингенъ издали двѣнадцать древнихъ французскихъ историковъ. Далѣе, Питу сдѣлалъ извѣстными одиннадцать другихъ писателей, продолжавшихъ историческій разсказъ двѣнадцати первыхъ. Наконецъ онъ обнародовалъ капитуляріи первыхъ Каролинговъ, изданныя впослѣдствіи въ исправленномъ и дополненномъ видѣ Балюземъ. Питу никогда не могъ бы разработать и издать всего, собраннаго имъ, если бы ему не помогали друзья. Въ то время женевскіе ученые соперничали съ парижскими въ любви къ наукѣ. Для католиковъ образованіе было потребностью; католическіе и протестантскіе ученые старались перещеголять другъ друга научными заслугами и трудились безъ отдыха. При такомъ стремленіи друзья помогали другъ другу безъ всякой зависти. Изъ числа людей, оказавшихъ помощь Питу, самыми значительными были Луазель и де-Ту.

Огюстъ де-Ту, подобно Кальвину, Беза и многимъ другимъ, вышелъ изъ орлеанской школы правовѣдѣнія, гдѣ еще въ предъидущемъ столѣтіи усердно разрабатывались науки, называвшіяся гуманными (humaniora), въ противоположность схоластико-діалектическимъ, парижскимъ занятіямъ богословіемъ и голыми пандектами Юстиніана (стр. 182 — 435). Куяцій и другіе отвлекли въ то время изученіе права отъ Юстиніана и Трибоніана къ юристамъ римской республики. До прибытія въ Орлеанъ де-Ту учился у одного изъ величайшихъ комментаторовъ древнихъ, Ланбена, а изъ Орлеана переѣхалъ въ Валансъ, гдѣ въ то время училъ Куяцій. Оттуда онъ переселился въ Буржъ, гдѣ знаменитые юристы, какъ Гюгъ Доно и Готоманъ, преподавали право съ такой же общечеловѣческой точки зрѣнія, какъ Куяцій въ Валансѣ. Впослѣдствіи де-Ту былъ парламентскимъ совѣтникомъ и президентомъ и умеръ въ 1619 г.

Онъ посвятилъ свою жизнь на собираніе и изслѣдованіе матеріаловъ для всеобщей исторіи, тогда какъ другіе занимались исключительно современнымъ имъ періодомъ исторіи французской, т. е. съ 1543 до 1607. Сочиненія свои де-Ту писалъ классическимъ латинскимъ языкомъ, потому что французскій языкъ не былъ еще въ то время общеевропейскимъ. Его большое сочиненіе *) при первомъ появленіи своемъ не вмѣщало въ себѣ всего, написаннаго имъ. Во второмъ изданіи, напечатанномъ друзьями его въ 1620 въ Женевѣ въ пяти книгахъ in folio, также многаго недостаетъ. Англичанинъ Кортъ первый собралъ тщательно все, пропущенное самимъ де-Ту и другими издателями, такъ что его ла-

*) Augusti Thuani libri XXXVIII historiarum sui temporis. Къ Франціи относятся libri VI de vita sua.

тинское изданіе въ семи фоліантахъ есть единственное полное и подлинное. Изданіе это доставляетъ ту выгоду, что, читая его, нѣтъ надобности имѣть постоянно подъ рукой французскій переводъ, чтобы справляться, кого слѣдуетъ понимать подъ древнеримскими именами, встрѣчающимися въ изданіяхъ де-Ту. Въ англійскомъ изданіи это объясняется въ примѣчаніяхъ. Сочиненіе де-Ту написано чистымъ латинскимъ языкомъ, но слогъ часто утомителенъ по многословію и искусственности періодовъ. Оно въ теченіе двухъ вѣковъ читалось всѣми образованными людьми Европы.

Для исторіи Франціи временъ религіозной войны сочиненіе де-Ту есть одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ, хотя ему также не слѣдуетъ безусловно довѣряться; излишнія подробности, въ которыя онъ вдается, затрудняютъ ясное пониманіе событій. Но за то онъ единственный историкъ, какъ изъ католическихъ, такъ и изъ протестантскихъ, котораго нельзя обвинить въ слѣпомъ пристрастіи къ своей партіи и который никогда не отказываетъ въ уваженіи противникамъ. Не смотря на свой классицизмъ, онъ остается вѣренъ французскому національному характеру. Подобно соотечественникамъ своимъ, онъ ищетъ въ жизни, рѣчахъ и сочиненіяхъ прежде всего эфектовъ и анекдотовъ. Во всемъ, что не касается Франціи, ему также нельзя вѣрить, какъ и прочимъ французамъ. Часто онъ пишетъ исторію другихъ государствъ не какъ мыслящій и точный историкъ, а какъ журналистъ, мало заботящійся о свойствахъ источниковъ, которыми пользуется, и о достовѣрности фактовъ.

Что касается исторической литературы на національномъ языкѣ, то нужно замѣтить, что французы стоятъ въ этомъ отношеніи безконечно выше нѣмцевъ. У нѣмцевъ нѣтъ ни одного писателя, котораго бы можно сравнить съ романтикомъ Фруассаромъ или съ философомъ-политикомъ Коминомъ. У нѣмцевъ нѣтъ даже ни одной порядочной автобіографіи, потому что записки Геца Берлихингена или Шертлина Буртенбаха также не похожи на автобіографію, какъ хроника Бальтазара Руссова на исторію *). Не имѣя возможности исчислить всю массу мемуаровъ по французской исторіи, написанныхъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ, мы ограничимся лишь нѣкоторыми.

Вслѣдствіе преобладанія мемуаровъ въ историческихъ сочиненіяхъ французовъ, исторія народа и государства была отодвинута на второй планъ, а главное вниманіе обращалось на исторію двора и знатныхъ фамилій, интригъ и хвастливыхъ маршаловъ и придворныхъ. Истину перестали отличать отъ вымысловъ, существенное отъ ничтожнаго. Исторія обратилась въ собраніе мелочныхъ анекдотовъ, и въ ней привыкли искать разговоровъ и болтовни, особенно когда авторы записокъ XVII столѣтія начали писать хорошо и правильно, чего нельзя сказать о писателяхъ мемуаровъ XVI столѣтія. Впрочемъ это зло господствовало не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ, потому что исторію всюду смѣшивали съ романомъ. Притомъ мы сомнѣваемся, чтобы французы много выиграли въ новѣйшее время, промѣнявъ свою прежнюю исторіографію на доктринерскую (софистическую), заимствованную у нѣмцевъ.

Записки маршала Монлюка имѣютъ значеніе, какъ практическое руководство военнаго искусства, — bréviaire des gens de guerre, какъ назвалъ ихъ Генрихъ IV; но въ сущности онѣ полны пустой болтовни и гасконскаго хвастовства. Для исторіи Германіи интересны записки маршала де Вьельвиля, хотя онъ, подобно Ульриху Гуттену, съ неудовольствіемъ говоритъ о непомѣрномъ пьянствѣ тогдашняго нѣмецкаго дворянства. Вьельвиль зналъ немного по-нѣмецки, вслѣдствіе чего ему поручали вести съ нѣмцами переговоры, встрѣчать ихъ и провожать, а также вербовать въ войска швейцарцевъ. Для всеобщей исторіи важнѣе другихъ записки Рабютена и Кастельно.

Рабютена часто и, по нашему мнѣнію, несправедливо считаютъ дѣдомъ графа де Бюсси-Рабютена, знаменитаго въ XVII вѣкѣ по своимъ запискамъ и письмамъ. Записки Рабютена важны для исторіи войны 1551 — 1555 годовъ, потому что онъ находился подъ покровительствомъ герцога де Невера, который

---

*) Chronica der Provinz Liefland kort unde loffweedig beschreven dürch Balthasar Russowen. Revaliensem, Rostock, 1578, 3 Theile 4.

собралъ и привелъ въ порядокъ французскую армію послѣ сраженія при Сенъ-Кантенѣ. Замѣчательно, что онъ совершенно также смотрѣлъ на обычай опустошать огнемъ и мечомъ непріятельскія земли, какъ нынѣшніе французскіе генералы въ Африкѣ. — О запискахъ Кастельно мы часто упоминали въ политической исторіи 1550 до 1568. Ле Лабуреръ и послѣдующіе издатели сдѣлали ихъ вполнѣ доступными своими примѣчаніями. Въ письмѣ къ своему сыну, Жаку, которое находится въ введеніи къ запискамъ, авторъ весьма скромно объясняетъ цѣль своей книги. Онъ говоритъ, что рѣшился самъ писать свои записки, хотя не обладаетъ ученостью Филиппа Комина. «Я счелъ, продолжаетъ онъ, что могу взяться за это, потому что включаю въ свои записки только то, что самъ видѣлъ, въ чемъ самъ принималъ участіе. На историковъ я не полагался, такъ какъ они часто даютъ полную свободу своимъ перьямъ или страстямъ, вслѣдствіе чего вмѣсто исторіи, которая должна быть свята и правдива, пишутъ панегирики или постыдные пасквили». Не смотря на эти слова, мы должны признаться, что записки Кастельно полны лжи, хвастовства и длинныхъ утомительныхъ отступленій. Впрочемъ комментаторы исправили всѣ невѣрности. Надо замѣтить, что Кастельно, по собственнымъ словамъ, писалъ свои мемуары не для печати.

c. Поэзія.

Какъ Рабле открылъ новый періодъ французской литературы въ прозѣ, такъ Вильонъ началъ новый родъ національной шуточной поэзіи. Мы говорили уже объ этомъ (стр. 436). Мы говорили также подробно о Вильонѣ и замѣтили, что Клеманъ Маро доставилъ господство тому роду поэзіи, который Вильонъ перенесъ ко двору. Отъ «Большаго Завѣщанія» Вильона до первыхъ произведеній Маро прошло пятьдесятъ четыре года (1461—1515). Но стихотворное искусство не сдѣлало въ это время никакого успѣха. Поэтому Маро вступилъ на ту же дорогу, по которой шелъ Вильонъ, и сдѣлался безсмертнымъ въ исторіи французской поэзіи, не будучи творческимъ геніемъ. Мы рѣшаемся утверждать это, хотя мало знакомы съ французской литературой XVI столѣтія. Но мы основываемся на мнѣніи Сентъ-Бева *), взгляды котораго сходятся съ нашими болѣе, чѣмъ декламаціи Лагарпа или воззрѣнія одного нѣмецкаго эстетика въ прибавленіи къ первой части теоріи изящныхъ искусствъ Зульцера.

Клеманъ Маро, какъ справедливо говоритъ Сентъ-Бевъ, умѣлъ плавно болтать, но по временамъ высказывалъ живыя и хорошія мысли. Сентъ-Бевъ утверждаетъ, что заслуга Маро заключается только въ этомъ, что только этому обязанъ онъ своей продолжительной славой и правомъ на безсмертіе. Мы совершенно согласны также съ Сентъ-Бевомъ въ томъ, что Вильонъ и Маро, какъ впослѣдствіи другіе поэты, сдѣлались и остались любимцами народа лишь потому, что продолжали поэзію народныхъ поэтовъ среднихъ вѣковъ, не навязывая французамъ, подобно такъ называемому созвѣздію семи лириковъ, классическія формы и виды поэзіи. Маро, говоритъ Сенъ-Бевъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что представляетъ въ полной чистотѣ древнюю французскую поэзію, такъ что въ немъ виденъ истинный потомокъ Жана де Ме, Алена Шартіе и Вильона. Онъ вполнѣ обладаетъ ихъ пріемами, раздѣляетъ ихъ идеи и во многихъ мѣстахъ прямо называетъ ихъ своими наставниками. Онъ издалъ романъ Роза, исправивъ его языкъ; кромѣ того онъ собралъ стихотворенія Вильона и возстановилъ ихъ подлинный текстъ. У него часто встрѣчаются образцы устарѣвшихъ поэтическихъ красотъ прежнихъ стихотворцевъ (des rimes équivoquées, consonnées, annexées, fratrisées). Хотя жизнь Маро не можетъ назваться примѣрною, но разсказы о его любовныхъ похожденіяхъ несправедливы, какъ давно доказалъ Гуже въ своей Bibliothèque française; тѣмъ не менѣе ихъ часто повторяютъ, какъ будто они справедливы. Маро постоянно переходилъ изъ католицизма въ протестантизмъ и

---

*) Tableau historique et critique de la poésie française et du théâtre français au seizième siecle par C. A. Sainte Beuve, 2 édition, Paris, 1838.

обратно. Поэтому довольно странно, что такому легкомысленному и безпутному стихотворцу выпало на долю сдѣлаться переводчикомъ псалмовъ и что строгіе кальвинисты долго совершали свое богослуженіе по его переводу. Ученый знатокъ еврейскаго языка Вантабло побудилъ его приняться за эту работу и помогалъ ему. Псалмы въ переводѣ Маро очень распространились въ публикѣ, потому что имя переводчика привлекало даже католиковъ. Переводъ псалмовъ имѣлъ на Францію такое же вліяніе, какъ на Германію переводъ Библіи Лютера (напримѣръ на мать Генриха IV). Маро перевелъ всего пятьдесятъ псалмовъ, а остальные Беза. Подобно тому, какъ у лютеранъ духовныя пѣсни утратили впослѣдствіи всякую поэзію, такъ и у кальвинистовъ псалмы Маро и Беза были позднѣе замѣнены пѣснями, хотя болѣе новыми по языку, но лишенными всякаго поэтическаго достоинства.

Игривость, къ которой Маро приспособилъ устарѣвшій языкъ, нашла себѣ при Лудовикѣ XIV подражателя въ Лафонтенѣ, и даже неумолимый грамматикъ Буало счелъ возможнымъ рекомендовать ее (imiter de Marot d'élegant badinage). Мы не будемъ перечислять произведеній Маро, его балладъ, chants, chansons, рондо и писемъ; читателямъ, желающимъ ближе познакомиться съ его стихотвореніями, мы совѣтуемъ обратиться къ Лагарпу, Сентъ Бёву. Замѣчательнѣйшимъ сочиненіемъ Маро мы считаемъ его l'enfer de Clément Marot. Это описаніе тогдашней уголовной процедуры. Ужасно описаніе тюрьмы Шатле, обращенія съ подсудимыми и педантически мелочныхъ допросовъ, которымъ подвергался самъ Маро. Сюда относятся также два стихотворныя посланія Маро къ королю, писанныя изъ тюрьмы; одно съ просьбой объ освобожденіи, другое, комическое, въ которомъ онъ жалуется на воровство своихъ слугъ. Эти три стихотворенія, знаменитыя въ французской литературѣ, написаны совершенно въ духѣ Вильона; но у послѣдняго больше силы и правды, тогда какъ Маро лучше владѣетъ стихомъ.

Клеманъ Маро служилъ камердинеромъ у бабки Генриха IV, Маргариты Валуа. Необходимо сказать нѣсколько словъ и о ней самой, потому что ея грязные разсказы, достойные Бокачіо, выдержали безчисленное множество изданій. Маргарита Валуа, жена Генриха II Наваррскаго, объ отношеніяхъ которой къ Маро было такъ много выдумокъ, умерла въ 1549. Какъ часто случается съ знатными ханжами, она болѣе извѣстна чувственной любовью къ мужчинамъ, чѣмъ благоговѣйною къ Богу. Маргарита написала множество сочиненій, между прочимъ религіозныя драмы или мистеріи трагическаго характера, много фарсовъ религіознаго содержанія, комедію о рожденіи Спасителя въ 1600 стиховъ и нѣсколько удачныхъ легкихъ стихотвореній. Достовѣрно извѣстно, что ей иногда помогалъ ея каммердинеръ Маро, какъ Фридриху II прусскому выписанные имъ французы. Маргарита считалась великимъ поэтомъ. При жизни ее называли десятой музой, а по смерти ея три женщины сочинили въ ея хвалу стихотвореніе въ двѣсти двустишій. Религіозныя стихотворенія королевы наваррской не читаются никѣмъ уже болѣе двухъ вѣковъ, а ея скандальные, грязные разсказы пережили до нашего времени безчисленное множество изданій. Ихъ не издавали при жизни королевы, вслѣдствіе чего набожные друзья Маргариты отрицали, что они писаны ею. По сальности они очень похожи на Декамерона Бокачіо; но ни того, ни другаго мы не желаемъ разбирать. Французамъ они нравятся по изяществу древняго языка, которымъ они написаны и который непонятенъ въ старыхъ неизмѣненныхъ изданіяхъ, какъ и Essais Монтаня. Въ первомъ изданіи, явившемся въ 1559, и въ слѣдующихъ до 1689 текстъ почти неизмѣненъ; но съ 1689 и до нашего времени слогъ и языкъ ихъ подверглись въ безчисленныхъ изданіяхъ этого періода значительнымъ измѣненіямъ. Мы охотно прошли бы молчаніемъ лириковъ этого и слѣдующихъ вѣковъ, потому что не понимаемъ французской драматической и лирической поэзіи, а судить о чужой національности съ своей точки зрѣнія, какъ часто дѣлаютъ англичане и французы относительно нѣмцевъ, въ высшей степени несправедливо. Но мы не можемъ оставить ихъ безъ вниманія по двумъ причинамъ. Во первыхъ, они преобразовали стихотворное искусство не дальнѣйшимъ развитіемъ національнаго элемента, а стремленіемъ создать новую поэзію по греческимъ, римскимъ и итальянскимъ образцамъ, какъ у нѣмцевъ Рамлеръ, Фоссъ и другіе. Во вторыхъ, произведенія

этихъ лириковъ еще до сихъ поръ такъ распространены во Франціи, что во всеобщей исторіи нужно по крайней мѣрѣ назвать этихъ поэтовъ. Знакомство съ древними, піитика Скалижера, поэтическіе переводы нѣкоторыхъ древнихъ стихотвореній, какъ напримѣръ переводъ Иліады Гюга Салеба, платоновой Андрогины и Метаморфозъ Франсуа Габера, пробудили любопытство, а такъ называемое созвѣздіе семи лириковъ указало на то, какъ слѣдуетъ создавать новую поэзію.

Имена семи лирическихъ поэтовъ шестнадцатаго столѣтія, называемыхъ созвѣздіемъ, т. е. самымъ блестящимъ явленіемъ на небѣ французской поэзіи, неизвѣстны съ точностью, и часто вмѣсто одного малоизвѣстнаго имени называютъ другое, столь же неизвѣстное. Французы согласны только въ томъ, что Ронсаръ былъ въ свое время величайшимъ и блистательнѣйшимъ изъ нихъ. Остальными же большинство французскихъ критиковъ считаютъ Понтю де Тіара, Реми Бело, Этьена Жоделя, Жанъ-Антуана де Байфа, Жана Дора и Жоашена дю Беллэ, которые съ Пьерромъ де Ронсаромъ и составляютъ созвѣздіе. Дю Беллэ пролагалъ путь школѣ, которая послѣ него стала господствовать въ поэзіи, гдѣ ей доставилъ господство Ронсаръ. Сонеты и мадригалы, стихотворные фокусы, сантиментальность и натянутыя остроты замѣнили въ ней правду и истинное чувство.

Ронсаръ, выступивъ на свое поприще, неограниченно господствовалъ на немъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ, до того затмѣвая всѣхъ своихъ противниковъ и соперниковъ, что, по словамъ Сентъ-Бёва, во всей исторіи французской литературы не было другого примѣра такой славы, кромѣ Вольтера. Подобно тому, какъ Вольтера боготворили дворъ, высшая аристократія и Фридрихъ Великій, такъ Ронсара прославляли принцессы и знаменитѣйшіе ученые его времени. Это создало ему славу, которой онъ не заслуживалъ, между тѣмъ какъ Вольтеръ дѣйствительно не имѣлъ равныхъ себѣ по таланту. Дора и Турнбёфъ, бывшіе наставниками Ронсара, дивились ему, когда онъ былъ еще юношей; они называли его Гомеромъ и Виргиліемъ. Впослѣдствіи на лирическомъ состязаніи, (aux jeux floraux) онъ былъ провозглашенъ княземъ поэтовъ. Послѣ того каждая бездѣлка, которую онъ писалъ въ честь какой нибудь принцессы, получала для нея двойную цѣну, и какъ самъ поэтъ, такъ и произведенія его получили большое значеніе въ высшемъ обществѣ. Изъ князя поэтовъ Ронсаръ обратился въ поэта князей. Сестра короля Генриха II, Маргарита Савойская, была для него его Маргаритой, какъ выразился онъ въ одномъ стихотвореніи, написанномъ въ ея честь. Онъ неоднократно воспѣвалъ Марію Стюартъ, которая потомъ читала его стихотворенія въ тюрьмѣ. Король Карлъ IX, бывшій самъ поэтомъ, осыпалъ его аббатствами и приходами и сверхъ того воспѣлъ. Поэтому всѣ принялись боготворить Ронсара, какъ потомъ Вольтера. Никто не могъ написать стиховъ, не почтивъ его панегирикомъ. Но стихотворенія его доказываютъ, что весь хвалебный шумъ, не смотря на свою продолжительность, былъ поднятъ изъ пустяковъ, и что похвала одного умнаго человѣка имѣетъ больше цѣны, чѣмъ слѣпое поклоненіе массы и даже цѣлыхъ поколѣній.

Нужно замѣтить, что красивый мадригалъ, сонетъ, панегирикъ или сносная острота доставляли счастливому автору покровительство вельможъ и дамъ, которымъ были посвящены, и сразу пріобрѣтали ему такую славу, какую другой не могъ купить цѣною цѣлой трудовой жизни. Въ хорошемъ обществѣ не было ни одного человѣка, который бы не сочинялъ стиховъ; стихи, переходившіе изъ устъ въ уста, замѣняли наши газетныя статьи, и правители платили панегиристамъ, какъ нынче лживымъ журналистамъ. Слѣдовало бы упомянуть о Малербѣ, который держался другихъ пріемовъ, чѣмъ Ронсаръ, и котораго призналъ даже Буало. Но прибывъ въ первый разъ въ Парижъ, гдѣ получилъ отъ Генриха IV должность придворнаго поэта только въ 1605, Малербъ принадлежитъ XVII столѣтію. Важнѣйшее сатирикопоэтическое произведеніе шестнадцатаго вѣка, Satyre Menippée, тѣсно связано съ окончаніемъ религіозной войны и имѣетъ столь же великое политическое значеніе, какъ и поэтическое. Это сочиненіе или, скорѣе, собраніе сатирическихъ брошюръ, которому дали названіе Satyre Menippée, не меньше способствовало прекращенію бѣдственной религіозной войны, какъ побѣды Генриха IV. Въ литературномъ отношеніи Satyre Menippée замѣчательна тѣмъ,

что въ составленіи ея принимали участіе замѣчательнѣйшіе ученые и геніальнѣйшіе сатирики того времени.

Въ заключеніе скажемъ о произведеніяхъ оригинальнаго гасконца Монтаня. Во всѣхъ сочиненіяхъ, о которыхъ мы говорили въ настоящей главѣ, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда какой бы то ни было философіи. Тѣмъ важнѣе значеніе Монтаня, сохраненное имъ доселѣ. Вліяніе его замѣтно даже на тѣхъ, которые не рѣшаются ссылаться на этого скептика. Вольтеръ и Руссо прямо выходятъ отъ него, особенно теоріи жизненной идилліи и воспитанія Жанъ-Жака. Поэтому мы считаетъ «Опыты» Монтаня важнѣйшимъ явленіемъ французской литературы XVI вѣка.

Къ шестнадцатому же столѣтію относятся попытки обратить грубыя народныя драматическія зрѣлища и крайне непристойныя забавы въ правильныя театральныя представленія. Въ то время, когда Іоганъ фонъ Дальбергъ, Рейхлинъ и ихъ друзья пытались ввести въ Гейдельбергѣ правильныя сценическія представленія, во Франціи ученые поэты, желавшіе классически преобразовать французскую поэзію, старались распространить вкусъ къ греческой драмѣ. Октавіанъ Сенъ-Желе перевелъ шесть комедій Теренція, а Шарль Этьеннъ—его Andria; Лазарь Байфъ, отецъ вышеупомянутаго лирика Байфа, перевелъ стихъ въ стихъ и слово въ слово на французскій языкъ Электру Софокла и Гекубу Эврипида; Томасъ Себиль перевелъ риѳмованными стихами Ифигенію Эврипида, а Гильомъ Бушаръ—нѣкоторыя изъ трагедій этого поэта; Ронсаръ еще гимназистомъ сдѣлалъ переводъ Аристофанова Плутуса, котораго, какъ гейдельбергцы, разыгралъ съ товарищами на сценѣ. Наконецъ съ 1552 друзья и товарищи Ронсара начали работать для драмы и лирической поэзіи и хлопотать о представленіи новыхъ пьесъ.

КОНЕЦЪ IV ТОМА.